83
П 913

ЛЕТОПИСИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

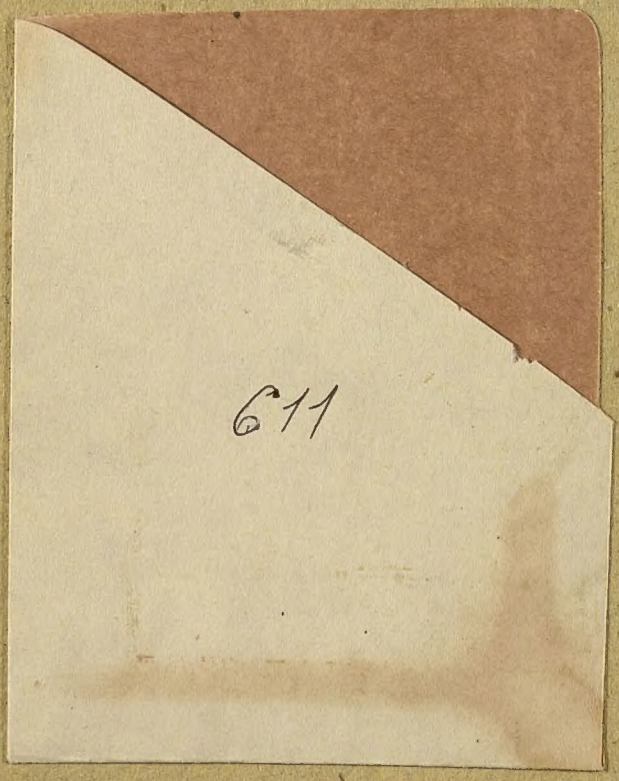
ПУШКИН

КНИГА 1

1936 г.

28-00

V



2388 d

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

ЛЕТОПИСИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
ДИРЕКТОРА МУЗЕЯ
ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА

МОСКВА • 1936

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

ПРОВЕРЕНО 1954 г.
ПРОВЕРЕНО 1959 г.
83
П913

ПУШКИН

Публикации и комментарии
М. Беляева, Д. Благого, Т. Волковой, Т. Зенгер, Н. Измайлова,
Л. Модзалевского, П. Попова, Б. Томашевского, М. Цявловского и А. Эфроса

РЕДАКЦИЯ М. ЦЯВЛОВСКОГО

НГПУ
проверено
1995 г.
Ц/ф
Библиотека
Педуниверситета
г.Новосибирск
НКП—РСФСР
ГОСУД. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ
611 193 г
№ 3330
г. Новосибирск

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

1939 г.

А. С. ПУШКИН
Акварель П. Ф. Соколова, 1830 г.
Государственный Литературный Музей, Москва

ГОЗНАК.

ОТ РЕДАКЦИИ

Два года тому назад Государственный Литературный Музей приступил к выработке плана и к подготовке материалов для издания «Летописей» нашего Музея. Долгая, кропотливая, настойчивая и нередко действительно энтузиастичная работа коллектива нашего Музея и большого числа специалистов-литературоведов — дала блестящие, превысившие все наши ожидания, результаты.

Мы рады сейчас, в середине 1936 года, предложить вниманию читателей первый том «Летописей» Государственного Литературного Музея — посвященный великому Пушкину. Мы вдвойне счастливы, что начинаем это наше новое издание, которое могло создаться только в советских условиях, — с публикации новых, в огромном большинстве ранее никогда не опубликованных материалов, касающихся жизни, деятельности, творчества и литературной работы величайшего поэта нашей родины, так высоко чтимого широчайшими массами разноплеменной нашей страны.

В дни, когда вся наша общественность все более и более, вширь и вглубь, проникается чувством истинного благоговения к тому, кто

Памятник себе воздвиг нерукотворный,

к которому действительно «не заростет народная тропа», когда привлеченные к себе гениальным творчеством поэта миллионные массы нашего социалистического отечества действительно штурмуют все существующие в СССР культурные учреждения, с требованием широчайшего показа пути жизни творчества А. С. Пушкина, желая всюду иметь выставки ему посвященные, слушать о нем рефераты и лекции, читать его книги, изготовлением которых заняты все наши самые мощные типографии, — когда у нас все напряженно живет Пушкиным, как раз во время, — думаем мы, — выходит в свет первый том наших «Летописей», наполненный различными новыми материалами об Александре Сергеевиче.

Четыре года тому назад, когда возникла еще только комиссия по организации Государственного Литературного Музея, мы не могли себе представить, что Пушкинский раздел, поставленный нами во главу угла всей собирательской деятельности нашего Музея, может быть пополнен так, как это случилось на самом деле. Более ста лет, как началось собирание Пушкина; более полстолетия, когда Пушкин собирался особенно тщательно и неужели, — думали мы, — мы будем настолько счастливы, что найдем еще хоть что нибудь как самого Пушкина, так его ближайшего окружения, его семьи?

Переходя от случая к случаю, разыскивая автографы и материалы не только по всей нашей стране, но и по всему свету, мы стремились разузнавать у кого что хранится в частных руках и не уставали писать, просить, доказывать и агитировать всех этих лиц передать хранимые ими литературные сокровища к нам в Государственный Литературный Музей по взаимному соглашению и оценке. И вот так, автограф за автографом, документ за документом, и здесь в Москве, и в Ленинграде, и в Белграде (Югославия), и в Киеве, и в Париже, и во Владимире, и в Авиньоне, и в Лопасне, и в Полотняном заводе, и в Праге, и в Детском Селе, и во многих других местах мы находили то, что искали, и наша радость, наша гордость, наш Пушкинский фонд рос, рос и рос. Публикация того, что мы имеем по Пушкину, в первом томе наших «Летописей» — это первая ласточка.

Вскоре мы предложим нашим читателям другой том пушкинских материалов — все бумаги «Опеки» над малолетними детьми А. С. Пушкина, где находим целый ряд автографов Пушкина, его деловые бумаги, где выясняется все бедственное имущественное состояние поэта, где находится и та печально-знаме-

нитая заборная книжка, по которой у соседнего мелкого лавочника в предсмертные минуты поэта Наталья Николаевна в долг покупала марошку. Все это будет нами опубликовано к великим Пушкинским дням.

Помимо этого второго тома мы готовим два тома неопубликованных произведений современников Пушкина, его литературного окружения, которые нам удалось за это время собрать и приобрести.

В настоящее время находятся в производстве и заканчиваются подготовкой к печати ряд других томов «Летописей», посвященных декабристам, Андрею Карамзину, Печерину, Толстому, Успенскому, Островскому, Тургеневу, Некрасову, Горькому, переписке Блока с Андреем Белым и мн. др. Из 24 редактируемых томов 10 совершенно подготовлены к печати, 7 заканчиваются редактированием и 7 переходят в работе на 1937 год.

Все это дает нам возможность сказать, что истекший академический год прошел у нас успешно и мы овладели планом, материалом и методом работы над «Летописями». Несомненно, что появление в свет этих никому из исследователей ранее неизвестных материалов даст большой толчек в литературоведческой работе нашей страны и откроет широкие возможности для новых исследований в области литературы.

Не ясно ли теперь всем, что надо везде и всюду, как у нас в СССР, так и по всему миру, каждому, кому не чужды судьбы и интересы русской литературы, приложить все старания и усилия к обнаружению новых и новых материалов, для предоставления возможности нашему Государственному Литературному Музею приобресть их и тем приобщить к общим нашим культурным фондам для блага и преуспевания научного исследования литературно-исторического наследства XVIII, XIX и XX веков нашей страны.

Директор Государственного Литературного Музея и ответственный редактор «Летописей» и «Бюллетеней»
Влад. Бонч-Бруевич

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ «ЛЕТОПИСЕЙ»

Первый том «Летописей Государственного Литературного Музея», имеющий своей задачей публикацию материалов, хранящихся в Музее, посвящен Пушкину.

За четыре года существования Музея им собрано значительное количество рукописей как самого поэта, так и материалов о нем.

Среди автографов Пушкина самым значительным не только по количеству (сорок) страниц рукописи, но и по содержанию является так называемая «тетрадь Всеволожского». Публикацией текстов этой рукописи и открывается настоящий том «Летописей». Таким образом рукопись, предназначавшаяся для издания собрания стихотворений Пушкина, первой книги, с которой хотел выступить поэт в 1820 г., выходит в свет в 1936 г., завершая собою длинный ряд публикаций пушкинских текстов за эти сто шестнадцать лет.

Кроме «тетради Всеволожского», в настоящем томе публикуются все сорок три автографа Пушкина (на девяноста страницах), поступившие до сих пор в Музей. Из этих автографов шесть — стихи: стихотворения «Молдавская песня», «Зачем безвременную скуку», «Твоих признаний, жалоб нежных», отрывок из «Русалки», «Если жизнь тебя обманет» и запись в альбом полутора стихов из «Каменного гостя»; четыре — проза: выписки древнерусских слов из «Истории государства российского» Карамзина и Библии, программа затевавшегося в 1831—1832 гг. Пушкиным журнала и замечания на статью М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия»; десять — письма: к кн. П. А. Вяземскому, Н. В. Путяте, А. Н. Верстовскому, А. Н. Гончарову, Д. Н. Блудову, П. А. Осиповой, Н. В. Гоголю, Геккерену (два письма) и неизвестному; четыре — надписи на книгах: второй главы «Евгения Онегина», «Полтавы», «Бориса Годунова» и атласа России 1745 г.; два — пометы и поправки: на копии руки Н. Н. Пушкиной строф из «Домика в Коломне» и на копии донесения гр. Паскевича-Эриванского о взятии Арзрума; шесть — деловые записи и подсчеты на отдельном листке и на пяти письмах к Пушкину; одиннадцать — официальные документы, относящиеся к службе Пушкина в Коллегии иностранных дел в 1832—1835 гг., и написанный им «билет» на проезд в Петербург Алексея Хохлова и Архипа Курочкина.

Особую группу автографов Пушкина составляют его рисунки, имеющиеся в Музее. Их всего шестнадцать, но большинство из них представляют значительный интерес. Таковы портреты декабристов, хотя и воспроизводившиеся в печати, но в таком виде, что их можно считать до сих пор неопубликованными.

Ставя одной из своих задач собирание фотоснимков с рукописей, находящихся за границей, Государственный Литературный Музей получил из Парижа и Авиньона снимки с четырех автографов Пушкина: стихотворения «Гусар», предисловия к «Путешествию в Арзрум» и писем к С. С. Хлюстину и Марии Шимановской (всего девятнадцать страниц). По этим снимкам автографы и публикуются в настоящем томе. Из них новостью в России являются тексты стихотворения «Гусар» и предисловия к «Путешествию в Арзрум».

Среди пушкинских материалов Государственного Литературного Музея, первое место занимает часть архива поэта, поступившая от его внука Григория Александровича Пушкина. Не приходится доказывать, каким ценным вкладом в пушкиноведение являются рукописи этого архива. Среди них оказались восемь автографов поэта; два подлинных указа Пугачева, один из которых использован Пушкиным для воспроизведения в его «Истории Пугачевского бунта» печати вождя восстания и письма бывшей возлюбленной поэта, О. М. Ключаревой.

Кроме этих материалов и упоминавшейся выше копии донесения Паскевича, рукописи архива составляют две группы. К первой группе принадлежат хозяй-

ственные бумаги Пушкина, которые в свою очередь состоят из бумаг по нижегородским владениям и бумаг по Михайловскому. Ко второй группе принадлежат семейные бумаги преимущественно XVIII в., полученные Пушкиным от отца. Большинство хозяйственных бумаг относится к нижегородским владениям отца и дяди поэта и его самого и состоят из писем управляющих Болдина, коллективных писем болдинских крестьян, подворных описей и ведомостей по Болдину и Кистеневу, и других документов, дающих с большой полнотой представление о Пушкине помещике. Самыми выразительными из этих документов являются прошения крестьян, адресованные поэту его крепостными, нещадно эксплоатируемыми М. И. Калашниковым, который близость своей дочери к Пушкину использовал в своих интересах превыше всякой меры. Если, таким образом, эта часть архива имеет исключительное по своей важности биографическое значение, то семейные бумаги архива поэта дают нам ценные материалы по истории его рода на протяжении почти полутораста лет.

Особый раздел тома «О Пушкине» открывается воспоминаниями о Пушкине его сестры О. С. Павлищевой. Сама Ольга Сергеевна своих воспоминаний не записала, и текст, записанный с ее слов ее мужем Н. И. Павлищевым, является тем подлинником, который принадлежал биографу поэта П. В. Анненкову, от сына которого и поступил в Государственный Литературный Музей. Рукопись эта считалась утерянной, и нахождение ее у П. П. Анненкова было полной неожиданностью. Воспоминаниями Павлищевой пользовались П. И. Бартенев и П. В. Анненков, но что представляют собою эти воспоминания в целом, оставалось неизвестным, так как ни тот, ни другой в своих работах точно не указывали, что именно они брали из воспоминаний Павлищевой. Пришлось произвести кропотливую работу по выяснению материала, извлеченного первыми биографами Пушкина из воспоминаний. В результате анализа оказалось, что воспоминания использованы очень широко, но важно то, что теперь мы точно знаем всё сообщенное сестрой поэта об его детстве, эпохе, как известно, самой темной в жизни Пушкина.

«Замечания для господ гувернеров» надзирателя по учебной и нравственной части М. С. Пилецкого-Урбановича — любопытнейший документ первых годов пребывания Пушкина в лицее. Документ этот сам по себе очень интересен, — он освещает причину тех, выражаясь старым слогом, «беспорядков» в лицее, в результате которых должен был покинуть заведение автор «Замечаний». К последним лицейским годам жизни Пушкина относятся документы из архива директора лицея Е. А. Энгельгардта. Письма министра народного просвещения, известного мистика кн. А. Н. Голицына, свидетельствуют о близком участии, которое принимал он в управлении лицеем, ведя религиозную пропаганду среди воспитанников.

Письмо 1830 г. приятеля Пушкина А. А. Шишкова к С. Т. Аксакову сообщает неизвестный до сих пор эпизод в отношениях Пушкина к Н. А. Полевому, которого поэт неосновательно подозревал в заимствованиях из бумаг Ходаковского.

Публикуемые материалы разбившегося на части большого архива Гончаровых, кроме жалованной грамоты на дворянство, состоят из писем, интимно вводящих нас в быт семьи, породнившейся с Пушкиным, и ближе, чем это было до сих пор, знакомящих с ее членами, в той или иной степени игравшими роль в жизни поэта. Из писем этих особенный интерес представляют, конечно, письма Натальи Николаевны Пушкиной и ее братьев, рассказывающие о жизни Пушкиных.

Особую группу составляют материалы Пушкинианы редактора «Русского Архива» П. И. Бартенева. Они разнообразны по своему содержанию. Замечательная его тетрадь 1850-х годов — (с вплетенным в нее автографом Пушкина) — интересна главным образом в текстологическом отношении, давая ряд новых текстов произведений и писем Пушкина, неизвестных теперь в подлинниках. Но, кроме этого, тетрадь заключает в себе ряд любопытных записей биографического содержания Бартенева и С. А. Соболевского. Так же сообщения имеются в записной книжке Бартенева 1870 — 1880-х годов. Из этих записей нужно отметить сообщения В. Ф. Вяземской и Соболевского о Пушкине и А. Н. Гончаровой.

Исключительный интерес представляют собой отрывки из воспоминаний о Пушкине И. П. Липранди, в свое время по цензурным соображениям изъятые Бартеневым из текста, печатавшегося в его «Русском Архиве». В отрывке, посвященном рассказу о выходке Пушкина на обеде у Болговского, перед нами как живой встает образ «неуимчивого» Пушкина, не угомонившегося в ссылке и продолжавшего в Кишеневе вести себя так же свободно, как и в Петербурге.

В комментариях к хозяйственному архиву Пушкина использованы данные, почерпнутые из Болдинского вотчинного архива, ныне хранящегося в ИРЛИ, извлечения делались В. Н. Гаровниковой-Рюминой. Использованы также материалы Горьковского Краевого Архива. В работах над корректурами хозяйственного архива Пушкина деятельное участие принимал С. И. Синебрюхов.

Из намеченных к помещению в томе иллюстраций снимки клочков разорванных писем к Геккерену и портрет Вильямовой даны в шестой книге «Звеньев».

М. Цявловский

I. ТЕТРАДЬ ВСЕВОЛОЖСКОГО

Публикация Б. Томашевского
Комментарии Б. Томашевского и М. Цявловского

ТЕКСТ ТЕТРАДИ ВСЕВОЛОЖСКОГО 1820 г.

Л. 1 (стр. 1)

СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Л. 2₁ (стр. 27)

ЭЛЕГИИ

ГРОБ АНАКРЕОНА.

Всё в таинственном молчаньи,
Холм оделся темнотой,
Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине;
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, други! в вечном мире,
Здесь Цитеры спит мудрец.
Посмотрите: на гробнице
Щастья сын изображен;
Здесь на сладостной цевнице
Резвый наш Анакреон,
Красотой очарованной,
Нежно гимны ей поет,
Там он гроздами венчанный,
Полной чашей негу пьет.
Здесь он в зеркало глядится
Говоря: я сед и стар,
Жизнью дайтеж насладиться;
Жизнь, увы! не вечной дар.
Л 2₂ (стр. 28)
Здесь, подняв на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе
Долг последней заплатить:
Старец пляшет в хороводе,

Жажду просит утолить;
Вкруг философа седова
Девы скачут и поют;
Он у времяни скупова
Крадет несколько минут.
Вот и Музы и Хариты
В гроб любимца увели;
Плющем, розами увиты
Игры, Смехи вслед ушли...
Он изчез как наслажденье
Как веселый сон любви!
Смертный! век твой привиденье *;
Щастье резвое лови!
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубок наливай,
Страстью тайной утомляйся
А за чашей отдыхай!

ПРОБУЖДЕНЬЕ.

3$_1$ *(стр. 29)*

Мечты, мечты!
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Изчезнул он,
Веселой сон;
И одинокой
Во тме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь;
Вмиг охладели
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья...
Любовь! любовь!
Пусть утомленный,
Усну я вновь
Обвороженный,
И по утру,
Вновь упоенный
Пускай умру
Не пробужденный.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

Тебя ли видел я, прелестной милой друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Обманом волновал мое воображенье?

---

* Было: «провиденье». Исправлено карандашом рукою Пушкина (?).

В минуты мрачныя болезни роковой
Тыль дева робкая, стояла надо мной
В одежде воина с неловкостью приятной?
Так, видел я тебя. Мой темной взор узнал
Л. 3₂ (стр. 30) Знакомыя красы, под сей одеждой ратной
И слабым шопотом подругу я назвал.
На саблю опершись казалось ты дрожала,
Я зрел в твоих очах уныния туман,
Казалось — тяжкая тоска приподнимала
Накинутый на перси долеман.
Но вновь в уме моем стеснились мрачны грезы
Вновь сердцем онемев забылся в мертвой мгле.
И вдруг, я чувствую твое дыханье, слезы
И влажной поцелуй на пламенном челе...
Безсмертныя! с каким волненьем
Желанья, жизни огнь по сердцу пробежал!
Я закипел, затрепетал...
И скрылась ты прелестным привиденьем!
Жестокой друг! меня томишь ты упоеньем,
Приди; меня мертвит любовь!
В молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница! пускай увижу вновь
Под грозным кивером твои небесны очи
И чуждым поясом объятый крепко стан
И сей ревнивой долеман,
И бранной обувью украшенныя ноги.
Не медли, поспешай, прелестной воин мой,
Приди, я жду тебя. Здоровья дар благой
На стон любви твоей мне возвратили боги,
А с ним и сладкия тревоги
Любви таинственной и Шалости младой.

К НЕЙ.

В печальной праздности я Лиру забывал,
Воображение в мечтах не разгоралось,
С дарами юности мой Гений отлетал
И сердце медленно хладело, закрывалось.
Л. 4₁ (стр. 37) Вас вновь я призывал, о дни моей весны,
Вы пролетевшия под сенью тишины,
Дни дружества, любви, надежд, и грусти нежной,
Когда, поэзии поклонник безмятежный,
На лире щастливой я тихо воспевал
Волнение любви, уныние разлуки —
И гул дубрав горам передавал
Мои задумчивые звуки...

Напрасно! я влачил постыдной лени груз,
В дремоту хладную невольно погружался,
Бежал от радостей, бежал от милых муз
И — слезы на глазах — со славою прощался.
Но вдруг как молнии стрела
Зажглась в увядшем сердце младость,
Душа проснулась, ожила —
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.

Всё снова разцвело. Я жизнью трепетал,
Природы вновь восторженный свидетель,
Сильнее чувствовал, свободнее дышал,
Живей пленяла добродетель...

Тебя увидел я..... нет! в сердце не потух
Святой поэзии восторг неизъяснимый;
Нет! он еще горит, поэта прежний дух,
Сей пламень, музами хранимый!
Хвала любви, хвала богам!

Вновь Лиры сладостной раздался голос юный
И с звонким трепетом воскреснувшия струны
Несу к твоим ногам.

Л. 4_2 (стр. 38)

РАЗЛУКА.

В последний раз, в тиши уединенья
Моим стихам внимает наш Пенат.
Лицейской жизни милой брат,
Делю с тобой последния мгновенья
Они прошли, лета соединенья!
Разорван он — наш братской, верной круг!
Прости! хранимый тайным небом
Не разлучайся, милый друг,
С фортуной, дружеством и Фебом.
Узнай Любовь — неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов упоенья;
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в щастливой тишине!
Прости: где б ни был я: в огне ли смертной битвы
При мирных ли брегах родимого ручья
Святому братству верен я,
И пусть... (услышит ли судьба мои молитвы)
Пусть будут щастливы все, все твои друзья.

УНЫНИЕ.

О милый друг! разстался я с тобою
Душой уснув безмолвно я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною
Я всё тебя, далекий друг ищу;
Одну тебя везде воспоминаю,
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голос слышен мне.
Разсеянный сижу между друзьями,
Не внятен мне их шумной разговор,
Гляжу на них недвижными глазами
Не знает их уже мой хладный взор!
И ты со мной о Лира приуныла,
Л. 5_1 (стр.39) Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой

И лиш тоски ты голос не забыла!..
О верная, грусти, грусти со мной,
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние любви
И слушая бряцания твои,
Пускай вздохнут задумчивыя девы.

МЕСЯЦ.

Зачем из * облака выходиш
Уединенная луна,
И на падушки сквозь окна,
Сиянье тусклое наводиш?
Явленьем пасмурным своим,
Ты будиш грустныя мечтанья,
Любви напрасныя страданья,
И гордым разумом моим
Чуть усыпленныя желанья.
Летите прочь воспоминанья!
Засни нещастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей,
Сквозь темной завес проницало,
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей?
Почто минуты вы летели
Тогда столь быстрой чередой?
И тени легкия редели
Пред не ожиданной зарей?
За чем ты месяц укатился,
И в небе светлом утонул?
Л. 5₂ (стр. 40) За чем лучь утренний блеснул,
За чем я с милою простился?

ДРУЗЬЯМ.

К чему, веселые друзья,
Мое тревожить вам молчанье?
Пропев последнее прощанье
Уж муза смолкнула моя.
Напрасно Лиру брал я в руки
Бряцать веселье на пирах
И на ослабленных струнах
Будил умолкнувшия звуки.
Богами вам еще даны
Златыя дни, златыя ночи
И томных дев устремлены
На вас внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся ** я.

---

* Было: «из за». Исправлено Пушкиным (?).
** Было: «улыбнулся». Исправлено Пушкиным (?).

МЕЧТАТЕЛЮ.

Ты в страсти горестной находиш наслажденье,
Тебе приятно слезы лить,
Напрасным пламенем томить воображенье
И в сердце мертвое уныние таить
Поверь не любишь ты, неопытный мечтатель.
О естьли бы тебя унылых чувств искатель
Постигло страшное безумие любви
Когдаб весь яд ея, кипел в твоей крови,
Когда бы в долгия часы безсонной ночи,
На ложе, медленно разтерзанный тоской,
Л. 6₁ (стр. 41) Забыв надежду и покой
Вотще смыкая скорбны очи
Покровы жаркие, рыдая обнимал
И сохнул в бешенстве безплодного желань
Поверь, тогдаб ты не питал
Не благодарного мечтанья!
Нет, нет! в слезах упав к ногам
Твоей любовницы надменной,
Дражащий, дикой, изтупленный,
Тогдаб воскликнул ты к Богам:
«Отдайте, Боги, мне разсудок омраченный,
«Возьмите от меня сей образ роковой!
«Довольно я любил; отдайте мне покой!»
Но мрачная любовь и образ незабвенный
Остались вечно бы с тобой.

НАЕЗДНИКИ

Глубокой ночи на полях
Давно лежали покрывала,
И слабо в бледных облаках
Звезда пустынная сияла.
При умирающих огнях
Среди неверного тумана
Безмолвно два стояли стана
На помраченных высотах.
Всё спит — лишь волн мятежный ропот
Разносится в тиши ночной
Да слышен издали глухой
Булата звон и конской топот.
Толпа наездников младых
В дубраве едет молчаливой;
Дрожат и пышут кони их
Главой трясут нетерпеливой. —
Л. 6₂ (стр. 42) Уж полем всадники спешат
Дубравы кров покинув зыбкой,
Коней ласкают и смирят
И с гордой шепчутся улыбкой;
Их лица радостью горят
Огнем пылают гневны очи:
Лиш ты, воинственный поэт,
Уныл как сумрак полуночи
И бледен как осенний свет.
С главою мрачно преклоненной,

С укрытой горестью в груди
Печальной думой увлеченной,
Он едет молча впереди.
«Певец печальной, что с тобою?
«Один пред боем ты уныл,
«Поник безстрашною главою,
«Бразды и саблю опустил.
«Ужель невольник праздной неги,
«Отрадней мир твоих полей
«Чем наши бурныя набеги
«И ночью бранный стук мечей?
«Тебя мы зрели под мечами
«С спокойным дерзостным челом
«Всегда меж первыми рядами
«Всё там где битвы падал гром,
«С победным съединяясь кликом
«Твой голос нашу славу пел;
«А ныне — ты в уныньи диком
«Как беглой ратник онемел.»
Но медленно певец печальной
Главу и взоры приподнял
Взглянув угрюмо в сумрак дальной
И вздохом грудь поколебал.
«Глубокой сон в долине бранной;
«Одни мы мчимся в тме ночной.
«Предчувствую конец желанной,
«Меня зовет последний бой.
Л. 7₁ (стр. 43) «Разторгну цепь судьбы жестокой;
«Влечу я с братьями в огонь;
«Удар падет... и одинокой
«В долину выбежит мой конь...
«О вы, хранимыя судьбами *
«Для сладостных любви наград;
«Любви безценными слезами
«Благословитсяль ваш возврат.
«Но для певца ни кто не дышет.
«Его настигнет тишина;
«Ельвина смерти весть услышит
«И не вздохнет об нем она...
«В минуты сладкого спасенья
«О други, вспомните певца
«Его любовь, его мученья
«И славу грозного конца.

ПОДРАЖАНИЕ.

Я видел смерть: она безмолвно села
У мирного порога моего.
Я видел гроб: открылась дверь его;
К нему душа с надеждой полетела.
Протекшей младости моей
Ни кто, ни кто следов пустынных не приметит
И взора милого не встретит
Последний взор моих очей.

---

* Начиная с этого стиха до конца кавычки проставлены позднее, другой рукой и другими чернилами.

. . . . . .

Прости печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала,
Где жизнь меня не утешала
Где я любил, где мне любить нельзя
Прости, родных небес спокойная завеса
Л. 7₂ (стр. 44) Прости, ночная тень, и сладкий утра час
Любимыя холмы, ручья знакомый глас
Вы, сени мирныя таинственного леса
И всё... прости в последний раз!
А ты, которая была мне в мире Богом
Предметом вечных слез и горестей залогом
— Прости... всё кончилось! безумный пламень мой
Теряет наконец мучительную силу —
Я быстро нисхожу в готовую могилу
С последней радостью, с последнею тоской.

К ЛИЛЕ.

Лила! Лила! я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Вяну страстною душой.
Но любовь моя напрасно
Лила, смейся надо мной;
Смейся Лила: ты прекрасна
И безчувственной красой.

ЖЕЛАНИЕ.

Медлительно влекутся дни мои
И каждый миг в увядшем сердце множит
Все горести нещастливой любви
И тяжкое безумие тревожит;
Но я молчу; не слышен ропот мой,
Я слезы лью; мне слезы утешенье,
Моя душа объятая тоской
В них горькое находит наслажденье
О жизни сон! лети, не жаль тебя,
Изчезни в тьме пустое привиденье;
Л. 8₁ (стр. 45) Мне дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя!

МОРФЕЙ.

Морфей! до утра дай отраду
Моей мучительной любви,
Приди, задуй мою лампаду;
Мои мечты благослови.
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшной приговор,
Пускай увижу милый взор,

Пускай услышу голос милый,
Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинеш очи;
О если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи.

БЕЗВЕРИЕ.

О вы, которые с язвительным упреком,
Щитая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе, того кто с первых лет
Безумно погасил отрадной сердцу свет;
Смирите гордости жестокой изступленье:
Имеет право он на ваше снисхожденье
С душою тронутой, внемлите брата стон
Нещастной не злодей, собою страждет он.
Кто в мире усладит души его мученья?
Увы! он первого лишился утешенья!
Настигнет ли его глухих судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутной щастья дар,
В любви ли, в дружестве обнимет он измену
Л. 8₂ (стр. 46) И их почувствует обманчивую цену:
Лишенный всех опор отпадший веры сын
Уж видит с ужасом что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из запределов мира...
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вкруг себя печальной взор он водит
Ум ищет Божества, а сердце не находит.
Нещастия страстей и немощей сыны,
Мы все на страшной гроб родясь осуждены.
Всечастно бренных уз готово разрушенье
Наш век — не верный день, минутное волненье
Когда холодной тьмой объемля грозно нас
Завесу вечности колеблет смертной час,
Ужасно чувствовать слезы последней муку —
И с миром начинать безвестную разлуку!
Тогда беседуя с раскованной душой,
О вера, ты стоиш у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаеш,
И ободренную с надеждой отпускаеш —
Но други! пережить ужаснее друзей!
Лиш вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье.
«Настанет, говорит, назначено свиданье!»
А он, слепой мудрец! при гробе стонет он,
С отрадой бытия нещастной разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа,
Видалиль вы его в безмолвных тех местах
Где кровных и друзей священный тлеет прах?
Видалиль вы его над хладною могилой
Где нежной Делии таится пепел милой?
Л. 9₁ (стр. 47) К почившим названной вечерней тишиной

К кресту приникнул он безчувственной главой,
В слезах отчаянья, в слезах ожесточенья,
В молчаньи ужаса, в безумстве изступленья,
Рыдает — и меж тем под сенью темных ив
У гроба матери колена преклонив,
Там дева юная в печали безмятежной
Возводит к небу взор болезненной и нежной,
Одна туманною луной озарена,
Как Ангел горести является она;
Вздыхает медленно, могилу обнимает —
Всё тихо вкруг нее, а, кажется, внимает.
Нещастной на нее в безмолвии глядит
Качает головой, трепещет и бежит;
Но тайно вслед за ним немая скука бродит.
Во храм ли Вышнего с толпой народа входит,
Там умножает он тоску души своей.
При пышном торжестве священных олтарей
При гласе Пастыря при сладком хоров пенье
Тревожится его безверия мученье;
Он Бога тайного ни где, ни где не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему, и чуждый к умиленью
С досадой тихому внимает он моленью.
«Щастливцы! мыслит он, почто не можно мне,
«Страстей бунтующих в смиренной тишине
«Забыв о разуме и немощном и строгом
«С единой верою повергнуться пред Богом!»
Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! безверие одно
По жизненной стезе во мраке вождь унылый
Нещастного влечет до хладных врат могилы,
И что зовет его в пустыне гробовой —
Кто ведает? но там лиш видит он покой.

Л. 9_2 (стр. 48) чистый.

Следующий лист утрачен.

Л 10_1 (стр. 31)

СТАРИК.

(Из Марота.)

Уж я не тот любовник страстной,
Кому дивился прежде свет;
Моя весна и лето красно
На век ушли — пропал и след.
Амур, бог возраста младова!
Я твой служитель верной был;
Ах! еслиб мог родиться снова
Уж так ли б я тебе служил!

ВЕСЕЛЫЙ ПИР.

Я люблю вечерний пир
Где веселье заседатель
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель.

Где до утра слово: пей!
Заглушает крики песен
Где просторен круг гостей
А кружок бутылок тесен.

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ.

Взглянув когда-нибудь на тайной сей листок
Исписанной когда-то мною,
На время улети в Лицейской уголок
Волшебной сладкою мечтою,
Воспомни быстрыя минуты первых дней
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Живыя впечатленья, младой души твоей
Л. 10₂ (стр. 32) Печали, радости, надежды, наслажденья
Размолвки дружества, отрады примиренья...
Что было — и не будет вновь,
И с тихими тоски слезами
Воспомни первую любовь!...
Мой друг! она прошла! но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен,
Пред грозным временем, пред грозными судьбами
О милый, вечен, вечен он.

ТВОЙ И МОЙ.

Бог весть за что философы, Пииты
На *Твой* и *Мой* давным давно сердиты
Не спорю я с ученой их толпой
Но потакать и верить им не смею.
Что, ежели б ты не была *моею?*
Что, ежели б я не был Ниса *твой?*

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ.

С благовейною душой
Приближься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту,
Здесь ею счастлив был я раз —
В восторге сладостном погас
И время самое для нас
Остановилось на минуту.

К К: Г:,

ПОСЫЛАЯ ЕЙ ОДУ: СВОБОДА.

Простой воспитанник природы,
Л. 11₁ (стр. 33) Так я бывало воспевал
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышал...

Но вас я вижу, вам внимаю...
И что же? — слабый человек! —
Свободу потеряв на век,
Неволю сердцем обожаю.

МАДРИГАЛ М—ОЙ.

О вы, которые любовью не горели,
Взгляните на нее: узнаете любовь.
О вы, которые уж сердцем охладели
Взгляните на нее: полюбите вы вновь.

К ПОРТРЕТУ Ж.

Его стихов пленительная сладость
Пройдет времен в таинственную даль.
Услыша их воспламенится младость
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Ты прав: несносен Фирс ученый
Дурак надутый и мудреный
Он важно бредит обо всём,
Всего он знает по не многу.
Люблю тебя, сосед Пахом.
Ты просто глуп — и слава Богу.

Л. 11_2 (стр. 34)

ЭКСПРОМТ.

Что можем на скоро стихами молвить ей
Мне истинна всего дороже
Подумать не успев скажу: ты всех милей;
Подумав я скажу всё тоже.

УЕДИНЕНЬЕ.

(Из Арно.)

Блажен кто в отдаленной сени
Вдали взыскательных невежд
Дни делит меж трудов и лени,
Воспоминаний и надежд;
Кому друзей судьба послала,
Кто скрыт, по милости творца,
От усыпителя — глупца,
От пробудителя — нахала.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимает он привычным ухом
Свист,
Марает он единым духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух
Потом печатает — и в Лету
Бух!

Л. 12₁ (стр. 23)

КУПЛЕТ.

Умножайте шум и радость
Пойте песни в добрый час
Дружба, Грации и Младость
Имянинницы у нас.
Нам знакомый, о друзья,
Но какой то Бог крылатой
Молча думает: Когда то
Имянинник буду я!

РОЗА.

Где наша Роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость.
Не говори:
Вот жизни радость.
Цветку скажи:
Прости! жалею!
И на Лилею
Нам укажи

ПЕВЕЦ.

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали
Свирели звук унывной и простой —
Л. 12₂ (стр. 24) Слыхали ль вы?

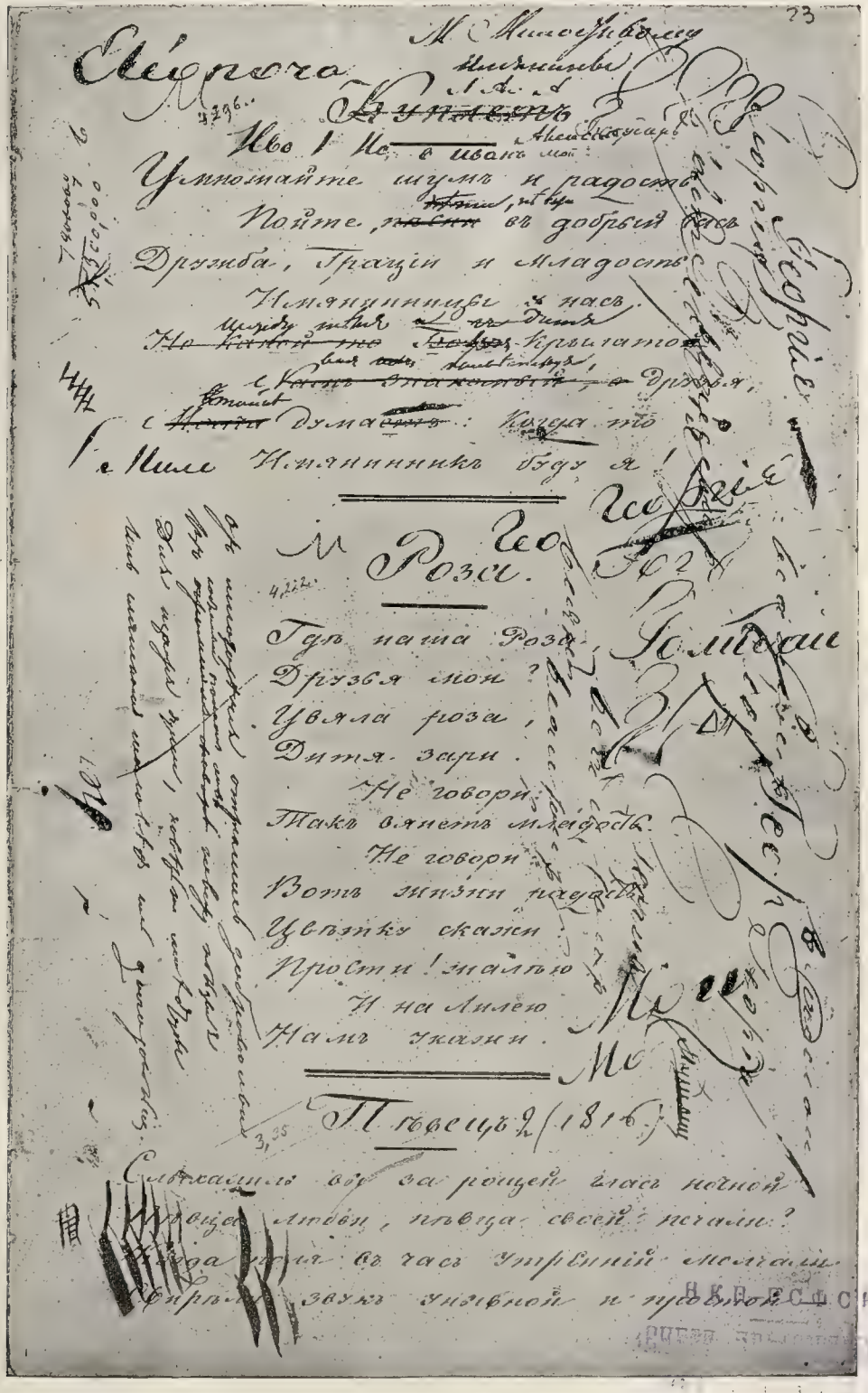
Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы-ли слёз, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор исполненный тоской —
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихой глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали
Встречая взор его потухших глаз
Вздохнули ль вы?

УСЫ.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА.

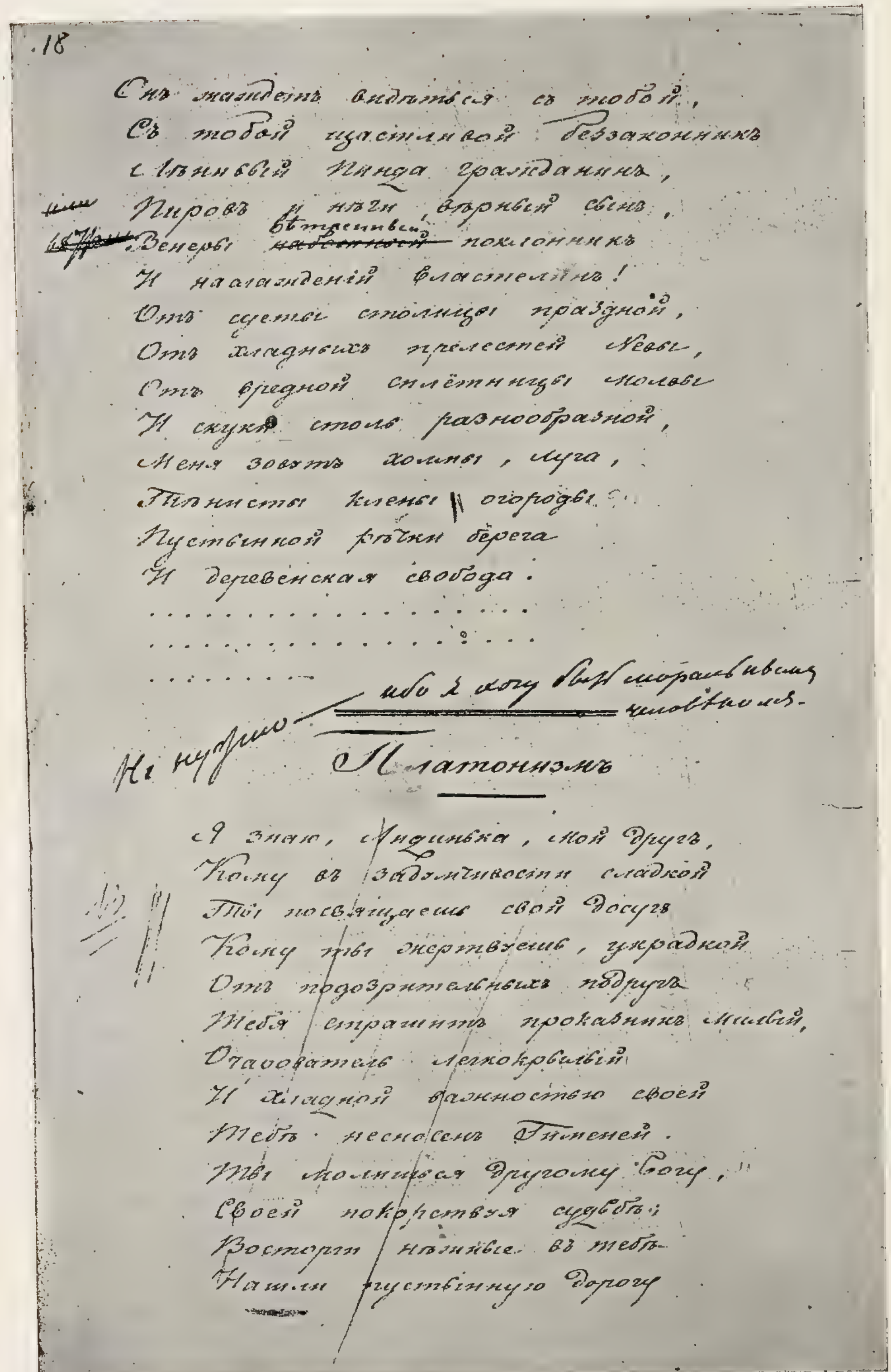
Глаза скосив на ус кудрявой
Гусар с улыбкой величавой
Вкруг пальца завитки матал;
Мудрец с обритой бородою
Качая тихо головою
Со вздохом усачу сказал:
Гусар! нет вечного в природе:
Как Ода вслед похвальной Оде,
Проходят Царства и века;
Упали стены Вавилона?
Упали драммы Доримона?
Умчала всё времен река.
За уши ус твой закрюченный
Вином и ромом окропленный
Гордится юной красотой
Л. 13₁ (стр. 25) Незнает бритвы; выписною
Он вечно лоснится сурьмою
Расправлен гребнем и рукой. —
Чтобы не смять Уса лихова
Ты к ночи Одою Свистова
Его тихонько обвернеш. —
В подушку носом лечь не смееш
В глубоком сне его лелееш
И утром вновь его завьеш. —
На долгих ужинах веселых
В кругу Гусаров поседелых
И черноусых удальцов,
Веселый гость, любовник пылкий
За чье здоровье бьеш бутылки?
Коня, красавиц и усов!
Сраженья ль грозный час настанет
В ряды ядро со треском грянет
А ты, недвижный над седлом,
Разсудка, памяти не тратиш,
Сперва свой верный ус ухватиш
А саблю верную потом.
Гордись Гусар! но помни вечно —
Что всё на свете скоротечно —
Летят губительны часы
Румяны щеки пожелтеют
И черны кудри поседеют
И старость выбелит усы.



«ТЕТРАДЬ ВСЕВОЛОЖСКОГО», ЛИСТ 12 ЛИЦЕВАЯ

Страница, содержащая стихотворения «Куплет», «Роза» и «Певец» с собственноручными исправлениями Пушкина и ранее неизвестное четверостишие Пушкина «От многорения отрекшись добровольно» (в левой стороне, поперек страницы)

Государственный Литературный Музей, Москва


.18

Съ жаждой видѣться съ тобой,
Съ тобой щастливой беззаконникъ
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,
Венеры ~~набожной~~ вѣтренный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплѐтницы молвы
И скуки столь разнообразной,
Меня зовутъ холмы, луга,
Тѣнисты клены огорода,
Пустынной рѣчки берега
И деревенская свобода.
. . . .
. . . .
. . . .

Не нужно — ибо я хочу быть моральнымъ человѣкомъ.

Платонизмъ

Я знаю, Лидинька, мой другъ,
Кому въ задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досугъ
Кому ты жертвуешь, украдкой
Отъ подозрительныхъ подругъ.
Тебя страшитъ проказникъ милый,
Очарователь легкокрылый
И хладной важностью своей
Тебѣ несносенъ Гименей.
Ты молишься другому богу,
Своей покорствуя судьбѣ;
Восторги нѣжные въ тебѣ
Нашли пустынную дорогу

«ТЕТРАДЬ ВСЕВОЛОЖСКОГО», ЛИСТ 17 ОБОРОТ

Страница, содержащая окончание стихотворения «К Энгельгардту» с собственноручными исправлениями Пушкина, повторенными Л. Пушкиным, и начало стихотворения «Платонизм» с надписью поэта: «Не нужно — ибо я хочу быть моральным человеком»

Государственный Литературный Музей, Москва

СТАНСЫ

(Из Вольтера)

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой разсвет соедини
С моей вечернею зарёю.

**
*

Л. 13₂ (стр. 26) Мой век невидимо проходит,
Из круга смехов и харит
Уж время скрыться мне велит
И заруку меня выводит.

**
*

Пред ним смириться должно нам.
Кто применяться не умеет
Своим применчивым годам
Тот горесть их одну имеет.

**
*

Щастливцам резвым, молодым
Оставим страсти заблужденья;
Живем мы в мире два мгновенья —
Одно разсудку отдадим.

**
*

Ужель на век вы убежали? —
Любовь, мечтанья первых дней —
Вы, услаждавшия печали
Минутной младости моей.

**
*

Нам должно дважды умирать:
Проститься с сладостным мечтаньем
Вот смерть ужасная страданьем!
Что значит после не дышать?

**
*

На сумрачном моем закате
Среди вечерней темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманом сладостной мечты. —

**
*

Тогда на голос мой унылый
Мне дружба руку подала,
Она любви подобна милой
Л. 14₁ (стр. 15) В одной лиш нежности была.

**
*

Я ей принес увядши розы
Веселых юношества дней,
И в след пошел, но лил я слёзы
Что мог идти во след лиш ей!

К ***.

Не спрашивай за чем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,

Библиотека Госуниверситета г. Новосибирск
Ц/Ф

За чем на всё подъемлю взор угрюмой,
За чем не мил мне сладкой жизни сон;

Не спрашивай за чем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь;
И ни кого не называю милой:
Кто раз любил уж не полюбит вновь,

Кто щастье знал уж не узнает щастья
На краткой миг блаженство нам дано
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК.

Л. 14₂ (стр. 16)

Кубок веселый
Полон давно,
Пеною белой
Блещет вино.
Света дороже
Сердцу оно;
Но за кого же
Выпью вино?

Здравие славы,
Выпью-ли я,
Бранной забавы
Мы не друзья.
Это веселье —
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.

Жители неба
Феба жрецы
Здравие Феба
Пейте, певцы!
Резвой Камены
Ласки — беда;
Ток Ипокрены,
Просто вода.

Пейте за радость
Юной любви —
Скроется младость,
Дети мои... —
Кубок янтарный
Полон давно —
Я — благодарный —
Пью за вино.

Л. 15₁ (стр. 35)

РОМАНС.

Под вечер, осенью ненастной
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви нещастной
Держала в трепетных руках.

Всё было тихо — лес и горы
Всё спало в сумраке ночном
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом. —

И на невинное творенье
Вздохнув остановила их...
«Ты спиш, дитя, мое мученье,
«Не знаеш горестей моих —
«Откроеш очи и тоскуя
«Ко груди не прильнеш моей
«Не встретиш завтра поцелуя
«Нещастной матери твоей.

«Ее манить напрасно будеш!..
«Стыд вечный вина моя —
«Меня на веки ты забудеш;
«Тебя не позабуду я;
«Дадут покров тебе чужие
«И скажут: ты для нас чужой! —
«Ты спросишь: где ж мои родныя?
«И не найдешь семьи родной.

«Мой Ангел будет грустной думой
«Томиться меж других детей! —
«И до конца с душой угрюмой
«Взирать на ласки матерей;
«По всюду странник одинокой;
«Предел неправедный кляня,
Л. 15₂ (стр. 36) «Услышит он упрек жестокой...
«Прости, прости тогда меня...

«Быть может, сирота унылой,
«Узнаеш, обоймеш отца
«Увы! где он, предатель милой?
«Мой не забвенный до конца —
«Утешь тогда страдальца муки
«Скажи: ея на свете нет —
«Лаура не снесла разлуки
«И бросила пустынной свет. —

«Но что сказала я?... быть может
«Виновную ты встретишь мать —
«Твой скорбный взор меня встревожит!
«Возможно ль сына не узнать?
«Ах если б рок не умолимой
«Моею тронулся мольбой....
«Но может быть пройдеш ты мимо —
«На век разсталась я с тобой.

«Ты спишь — позволь себя, нещастной
«К груди прижать в последней раз
«Закон не праведный, ужасной
«К страданью присуждает нас —
«Пока лета не отогнали
«Безпечной радости твоей —

«Спи, Милой! горькие печали
«Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна....
С волненьем сына ухватила
И к ней приближилась она

Далее несколько листов вырвано.

Л. 16$_1$ (обрывок, без номера страницы).

На высоте 19-й строки (части начальных букв):

А[мур велит: и завтра, если можно] *
В[новь миртами красавицу венчай...]

Через 11 строк:

О[ни прошли, но можно ль их забыть?]
Он[и прошли, и скорбными глазами]
См[отря на путь, оставленный на век]

До конца страницы около 4-х строк.

Л. 16$_2$ на высоте 3-й строки:

[Я знал любовь, но не знавал надеж]ды

Через 10 строк:

[В последний раз с любовию вздохн]уть!
[Ужель моя пройдет пустынно мл]адость?
[Иль мне чужда счастливая любо]вь?
[Ужель умру, не ведая, что радость?]
[Зачем же жизнь дана мне от богов]ъ?

Через 4 строки:

[Но что?.. стыжусь!.. нет, ропот — у]ниженья
[Нет, праведно богов определенье!]
[Ужель лишь мне не ведать ясных] дней?
[Нет! и в слезах сокрыто наслаж]денье,
[И в жизни сей мне будет в уте]шенье —
[Мой скромный дар и счастие дру]зей.

До конца страницы 5 строк.

Л. 17$_1$ *(стр. 17)* Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой. —
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле
И быстрой холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе:
Ты прав, творишь ты для *не многих*
Не для подкупленных судей
Ничтожной завистью своей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей;
Но для друзей таланта, строгих
Священной истинны друзей —
Не всякого полюбит щастье
Не все родились для венцов;
Блажен кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным.

---

* В прямых скобках пополнено по известному тексту.

К N. N.

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритой — но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной,
Здоровье, легкой друг Приапа,
И сон и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесной и простой.
Утеш и ты полу-больнова
Л. 17₂ (стр. 18) Он жаждет видеться с тобой,
С тобой щастливой беззаконник
Ленивый Пинда гражданин,
Пиров и неги верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплётницы молвы
И скуки столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены, огороды
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

ПЛАТОНИЗМ.

Я знаю, Лидинька, мой друг,
Кому в задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досуг
Кому ты жертвуешь, украдкой
От подозрительных подруг
Тебя страшит проказник милый,
Очарователь легкокрылый
И хладной важностью своей
Тебе несносен Гименей.
Ты молишься другому Богу,
Своей покорствуя судьбе;
Восторги нежные в тебе
Нашли пустынную дорогу
Л. 18₁ (стр. 19) Я понял слабый жар очей,
Я понял взор полузакрытый,
И побледневшие ланиты,
И томность поступи твоей —
Твой бог не полною отрадой
Своих поклонников дарит;
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожит;
Он любит сны воображенья,
Он терпит на дверях замок,
Он друг стыдливой наслажденья,
Он брат любви — но одинок.

Когда безсонницей унылой
Во тме ночной томишься ты,
Он оживляет тайной силой
Твои не ясные мечты;
Вздыхает нежно с бедной Лидой,
И гонит тихою рукой,
И сны внушенные Кипридой,
И сладкий девственный покой.
В уединенном упоеньи,
Ты мыслишь обмануть любовь;
Напрасно! — в самом наслажденьи
Тоскуешь и томишься вновь....
Амур ужели не заглянет
В неосвященный твой приют? —
Твоя краса как роза вянет,
Минуты юности бегут.
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступныя мечты: —
Не вечно будеш ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты. —

Л. 18₂ (стр. 20)

АМУР И ГИМЕНЕЙ.

СКАЗКА.

Сегодня, добрые мужья
Повеселю вас новой сказкой.
Знавалиль вы мои друзья
Слепова мальчика с повязкой?
Слепова?... вот! помилуй Феб!
Амур со всем, друзья, не слеп,
Но шалости — его забавы:
Задумал ветренник лукавой!
Чтоб людям на смех и на зло
Его дурачество вело.
Дурачество ведет Эрота —
Но вдруг не знаю почему
К дурачеству прошла охота
Оно наскучило ему —
Взялся за новую затею,
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею....
А что такое Гименей?
Он из Кипридиных детей,
Бедняжка дряхлой и ленивой,
Холодной, грустной, молчаливой,
Ворчит и дремлет целой век,
И впрочем доброй человек.
Да нрав имеет он ревнивой. —
От ревности печальной Бог
Спокойно подремать не мог;
Всё трусил маленького брата
За ним подсматривал тайком,
И караулил сопостата
Л. 19₁ (стр. 21) С своим докучным фонарём.
Вот мальчик мой к нему подходит

И речь коварную заводит:
«Ну помиримся, будь умней;
«Забудь товарищь мой любезный.
«Раздор смешной и безполезный
«Да только на всегда — смотри!
«Возьми ж повязку в память, миль.
«А мне фонарь свой подари.»
И что ж? поверил Бог унылый;
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул,
Гимена грустные дозоры
С тех пор присеклись по ночам
Его таинственные взоры
Теперь не страшны красотам,
Спокоен он — но брат коварной
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет, не благодарной,
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает,
И сам щастливца провожает
К уснувшему супругу в Дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь....
Пойми меня, мой друг Елена
И мудрой повести поверь!

Л. 19₂ (стр. 22)

К ДЕЛЬВИГУ.

С любовью, дружеством и ленью
Вдали забот и мрачных бед
Живи в безвестности под дружественной сенью
В уединении ты щастлив — ты поэт
Наперснику Богов не страшны бури злыя,
Над ним их промысел высокий и святой
Певца баюкают камены молодыя
И с перстом на устах хранят его покой
О милый друг, и мне богиня песнопенья
Еще в младенческую трудь
Влияли искру вдохновенья
Украсив розами поэта первый путь —
Священной лиры наслажденья
Я рано чувствовать умел
И лира стала мой удел.
Но всё прошло на век... минуты упоенья
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья! —
Как дым изчез мой легкой дар
Как рано зависти привлек я взор кровавый
И тайной клеветы невидимый кинжал.
Нет, нет! ни щастием ни славой
Ни гордой жаждою похвал —

Небуду увлечен — в бездействии щастливом
Забуду милых муз, мучительниц моих
Но может быть, вздохну в восторге молчаливом
Внимая звуку струн твоих.

Следующие листы утрачены.

Л. 20₁ (стр. 3) Не лицемерною хвалой!....

Вот он! вот Бахус! час отрадной!
Державный Тирс в его руках
Венец желтеет виноградной
В чернокудрявых волосах....
Течет — его младые тигры
С покорной яростью влекут —
Кругом летят Эроты, игры —
И гимны радости поют.
За ним теснится по дороге
Сатиров козлоногий рой
Опутаны цветами роги
И виноградною лозой.
Шатаясь тянутся станицей,
Кто с тростниковою цевницей
Кто с верной кружкою своей; —
Тот оступившись упадает
И бархатной ковер полей
Вином багровым обливает
При диком хохоте друзей. —
По дале вижу дивный ход!
Звучат веселые тимпаны
И с пеньем юные Сильваны
Составя шумный хоровод
Несут недвижного Силена....
Из чаш наполненных вином
Летит на старца хладна пена
И гроздья сыплются дождем;
Несут за спящим стариком
И тяжкий тирс плющем обвитый
И старый кубок золотой
Л. 20₂ (стр. 4) Обширной крышею покрытый —
Подарок Вакха дорогой.

Но воет берег отдаленной.
Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздьем, обнажены
Бегут Вакханки по горам
Тимпаны звонкие кружась меж их перстами
Гремят— и вторят их ужасным голосам
Помчалися, летят, свиваются руками
Со смехом топчут пышной луг.
И младость пылкая стекается толпами
Прелестниц дерзостных вокруг.

Поют неистовыя девы —
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви —

Их перси дышут вожделеньем
И взоры полные томленьем
Сказали — щастие лови!
Их вдохновенныя движенья
Сперва изображают нам
Стыдливость милого смятенья,
Желанье робкое — а там
Восторг безумный наслажденья.
Но вот разсыпались — по холмам и полям;
Махая тирсами как призраки несутся
Уже вдали их вопли раздаются
И слабый гул чуть бродит по лесам
Л. 21₁ (стр. 5) Эван, Эвое — дайте чаши
Несите свежия венцы
Невольники? где тирсы наши?
Бежим на мирный бой — отважные бойцы.

Друзья! в сей день благословенный
Забвенью бросим суеты —
В стакан весельем освященный
Теки вино струею пенной
Из рук влюбленной красоты.

Эван, Эвое! дайте чаши
Несите свежие венцы
Невольники? где тирсы наши?
Бежим на мирный бой — отважные бойцы.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЦАРСКОМ СЕЛЕ.
(1814.)

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес
В безмолвной тишине почили дол и рощи
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущей в сень дубравы;
Чуть дышет ветерок, уснувшей на листах
Л. 21₂ (стр. 6) И тихая луна, как Лебедь величавый
Плывет в сребристых облаках.

**
*

С холмов кремнистых, водопады
Стекают бисерной рекой
Там в тихом озере плескаются Наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги
На своды опершись несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные Боги?
Не се-ль Минервы Росской храм?

**
*

Не се-ль Елизиум полнощный
Прекрасный Царско-Сельский сад,
Где льва сразив, почил орел России мощной
На лоне мира и отрад?
Промчались на всегда те времена златыя,
Когда под скипетром Великия жены

Венчалась славою щастливая Россия
Цветя под кровом тишины.
**
*
Здесь каждый шаг в душе раждает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев во круг себя, со вздохом Росс вещает
«Исчезло всё Великой нет!»
И в думу углублен, над злачными брегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух
Протекшия лета мелькают пред очами
И в тихом восхищеньи дух.
**
*
Л. 22₁ (стр. 7) Он видит окружен волнами
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяяся крылами
Над ним сидит орел младой
И цепи тяжкие и стрелы громовыя
Вкруг грозного столпа трикратно обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седыя
В блестящей пене улились.
**
*
В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой
О сколь он для тебя, Кагульской брег поносен
И славен родине драгой!
Безсмертны вы вовек, о Росски Исполины
В боях воспитаны средь бранных непогод;
О вас сподвижники, друзья Екатерины
Пройдет молва из рода в род.
**
*
О громкой век военных споров
Свидетель славы Россиян
Ты видел, как Орлов, Румянцов и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали
Их смелым подвигам страшась дивился мир,
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных Лир.
**
*
Л. 22₂ (стр. 8) И ты промчался, не забвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новыя и ужасы военны:
Страдать есть смертного удел.
Блеснул кровавый мечь в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Возстал вселенной бичь — и вскоре новой брани
Зарделась грозная заря.
**
*
И быстрым понеслись потоком
Враги на руския поля
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком
Дымится кровию земля,
И селы мирныя, и грады в мгле пылают
И небо заревом оделося во круг,
Леса дремучия бегущих укрывают
И праздный в поле ржавит плуг
**
*

Идут: их силе нет препоны
Всё рушат, всё свергают в прах,
И тени бледныя погибших чад Беллоны
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи —
Но клики раздались!... Идут в дали туманной —
Звучат кольчуги и мечи!

**
*

Л. 23₁ (стр. 9) Страшись, о рать иноплеменных
России двинулись сыны,
Возстал и стар и млад, летят на дерзновенных
Сердца их мщеньем зажжены.
Возтрепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узриш Богатыря,
Их цель: иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость олтаря.

**
*

Ретивы кони бранью пышут
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет; все местью, славой дышут
Восторг во грудь их перешел;
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут
И се — пылает брань; на холмах гром гремит
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

**
*

Сразились — Руской победитель!
И вспять бежит надменный Галл;
Но сильнаго в боях Небесный Воздержитель
Лучем последним увенчал;
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О Бородинския кровавыя поля!
Не вы неистовству и гордости пределы
Увы! на башнях Галл Кремля!

**
*

Л. 23₂ (стр. 10) Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы безпечности я тратил золотые
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам жизни....
Вотще лиш гневом дух пылал!

**
*

Где ты краса Москвы стоглавой
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавой
Развалины теперь одне;
Москва! сколь Рускому твой зрак унылый страшен
Изчезли здания Вельможей и Царей,
Всё пламень изтребил, венцы затмились башен;
Чертоги пали Богачей.

**
*

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах

Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах
В часы безмолвные прекрасной, летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега и светлы рощи —
Всё мертво всё молчит...

**
*

Л. 24₁ (стр. 11) Утешься мать градов России
Воззри на гибель пришлеца
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни; они бегут, озреться недерзают,
Их кровь не престает в снегах реками течь,
Бегут — и в тьме ночной, их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит Руской мечь.

**
*

О вы, которых трепетали,
Европы сильны племена,
О Галлы хищные! и вы в могилы пали...
О страх! о грозны времена!
Где ты любимый сын и щастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру и закон?
В гордыне возмечтав мечем низвергнуть троны,
Изчез как утром страшной сон!

**
*

В Париже Росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой!
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой;
Еще военной гром грохочет в отдаленьи,
Москва в унынии как степь в полнощной мгле,
А он несет врагу не гибель — но спасенье
И благотворной мир земле.

**
*

Л. 24₂ (стр. 12) О Скальд России вдохновенный
Воспевший ратных грозный строй
В кругу товарищей, с душой воспламененной
Греми на Арфе золотой
Да снова стройный глас Героям в честь прольется
И струны гордыя посыплют огнь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

К ЛИЦИНИУСУ.

(Из Латинского.)

Лициний! зришь ли ты? На быстрой колеснице
Венчанный лаврами в блестящей багрянице
Спесиво развалясь Ветулий молодой,
В толпу народную летит по мостовой.
Смотри как все пред ним смиренно спину клонят,
Как розги Ликторов народ нещастной гонят,
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинной ряд
Умильно вслед за ним стремят усердный взгляд,
Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья
Как будто дивнаго богов благословенья

И дети малыя и старцы в сединах
Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах
Л. 25₁ (стр. 13). Для них и след колес в грязи напечатленной
Есть некий памятник почетный и священной
О Ромулов народ! скажи давноль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал.
Квириты гордые под иго преклонились!
Кому ж о небеса! кому поработились?
Скажу-ль? Ветулию! — отчизне стыд моей
Развратной юноша возсел в совет мужей
Любимец Деспота, Сенатом слабым правит!
На Рим простер ярем отечество * безславит
Ветулий Римлян Царь!... О стыд, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто под портиком с поникшею главою
В изорванном плаще с дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идет?
Куда ты наш мудрец, друг истинны Дамет,
Куда? не знаю сам, давно молчу и вижу,
На век оставлю Рим: я рабство ненавижу —
Лициний, добрый друг! не лучше ли и нам
Смиренно поклонясь Фортуне и Мечтам
Седаго Циника примером научиться?
С развратным городом не лучше-ль нам проститься
Где всё продажное: законы, правота?
И консул и трибун, и честь и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая
Равно всем общая, как чаша круговая
Неопытность других в наемну ловит сеть,
Нам стыдно слабости с морщинами иметь;
Оставим юности тщеславной шум веселий
Пускай безстыдной Клит, вельможей раб Корнелий
Л. 25₂ (стр. 14). Торгуют подлостью и дерзостным челом
От знатных к богачам ползут из дома в дом;
Я сердцем Римлянин, кипит в груди Свобода
Во мне недремлет дух великого народа.
Лициний! поспешим далеко от забот,
Безумных мудрецов обманчивых красот,
Завистливой судьбы в душе презрев удары
В деревню принесем отеческия Лары
В прохладе древних рощ на берегу морском
Найти не трудно нам, укромный светлый дом,
Где больше не страшась народного волненья
Под старость отдохнем в глуши уединенья,
И там разположась в уютном уголке,
При дубе пламенном возженным в комельке
Воспомнив старину за дедовским Фиялом
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом
В Сатире праведной порок изображу.
И нравы сих веков потомству обнажу. —
О Рим! о гордый край разврата, злодеянья,
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья
Предвижу грозного величия конец
Падет, падет во прах вселенныя венец
Народы юныя, сыны свирепой брани

Дальнейшие листы тетради утрачены.

* Было «отечества». Исправлено Пушкиным (?).

ИСТОРИЯ ТЕТРАДИ ВСЕВОЛОЖСКОГО

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕТРАДИ

Первые сведения о рукописи, за которой утвердилось название «Тетради Всеволожского», мы находим в письмах Пушкина. В ноябре 1824 г. Пушкин[1] передал брату своему Льву, уезжавшему из Михайловского в Петербург, письмо к Никите Всеволожскому. Содержание этого письма известно из черновика: «Не могу поверить, чтоб ты забыл меня, милый Всеволожский — ты помнишь Пушкина, проведшего с тобою столько веселых часов — Пушкина, которого ты видел и пьяного и влюбленного, не всегда верного твоим субботам, но неизменного твоего товарища в театре, наперсника твоих шалостей, того Пушкина, который отрезвил тебя в страстную пятницу и проводил тебя под руку в церковь театральной дирекции, да помолишься господу богу и насмотришься на госпожу Овошникову. Сей самый Пушкин честь имеет напомнить тебе ныне о своем существовании и приступает к некоторому делу, близко до него касающемуся. Помнишь ли, что я тебе полу-продал, полу-проиграл рукопись моих стихотворений? Ибо знаешь: игра родит задор... Я раскаялся, но поздно. Ныне решился я исправить свои погрешности, начиная с моих стихотворений; большая часть оных ниже посредственности и годится только на совершенное уничтожение; некоторых хочется мне спасти... Царь не боится свободы! Продай мне назад мою рукопись, — за ту же цену 1000 (я знаю, что ты со мною спорить не станешь; даром же взять не захочу). Деньги тебе доставлю с благодарностию, как скоро выручу. — Надеюсь, что стихи мои у Слёнина не залежатся. Передумай и дай ответ».

Письмо это переносит нас в петербургскую обстановку до ссылки Пушкина на юг. Никита Всеволожский, «Амфитрион любезный, счастливец добрый, умный враль», гостеприимный хозяин, у которого собиралась «Зеленая лампа», страстный театрал, переводчик французских водевилей был в особенно дружеских отношениях с Пушкиным в конце 1819 и начале 1820 г. Их объединяли собрания Зеленой лампы и игра в карты. И Пушкин и Всеволожский были присяжными театралами, почти официально носили это звание: «в 7 часов с ½ каждый день поминаем тебя в театре рукоплесканьями, вздохами», писал Пушкин Мансурову, общему приятелю его с Всеволожским, 27 октября 1819 г. Арапов в своей «Летописи» под 1819 годом пишет: «У князя Шаховского съезжались постоянно по вечерам драматические писатели; Грибоедов, друг Грибоедова Д. Н. Бегичев, живший с ним, А. А. Жандр, Хмельницкий, Лобанов, Кокошкин, Я. Н. Толстой, Катенин, Алекс. Сер. Пушкин, Барков, Алекс. Бестужев, Всеволожский и несколько первокласных артистов составляли ежедневно его беседы». Чердак Шаховского

[1] См. Письма Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 84. Здесь письмо датировано второй половиной июня, однако во втором томе (стр. 505) дата исправлена. В тетради 2370 л. 32 об. в списке октябрьских писем имеется запись: «Всево(ложскому)».

был центром театральной жизни столицы и местом сборища избранных. Объединила друзей и страсть к картам. «Всеволожский Н. играет: мел столбом! деньги сыплются!» писал Пушкин в том же письме Мансурову [2].

Упоминаемая в письме «страстная пятница» едва ли не страстная пятница 1820 г. (26 марта), день окончания «Руслана и Людмилы», день, который Пушкин повидимому справил как праздник: в этот день он получил от Жуковского его портрет с известной надписью: «победителю-ученику».

Повидимому к тому же времени относится и эпизод с проигранною рукописью; 6 мая 1820 г. Пушкин уже отправился на юг.

Продажа рукописи вовсе не состояла в продаже самого предмета, тетради. Цена рукописи показывает, что речь шла не о «сувенире», а о праве издания. Об этом говорит письмо брату из Кишинева 27 июля 1821 г.: «Постарайся свидеться с Всеволожским — и возьми у него на мой счет число экземпляров моих сочинений (буде они напечатаны) розданное моими друзьями — экземпляров 30. Скажи ему, что я люблю его, что он забыл меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Овошникову его, Лампу его — и всё, елико друга моего». Повидимому Пушкин скоро получил сведения, что издание не состоялось. Вопрос об издании снова возникает только через год. В письме Пушкина брату от 4 сентября 1822 г. читаем: «Явись от меня к Никите Всеволожскому и скажи ему, чтоб он ради Христа погодил продавать мои стихотворения до будущего года. Если же они проданы, явись с той же просьбой к покупщику. Ветренность моя и ветренность моих товарищей наделала мне беды. Около 40 билетов розданы — само по себе разумеется, что за них я должен буду заплатить» [3]. Быть может это написано в связи с проектом издания, о котором узнаем из дальнейших писем Пушкина: «Князь Александр Лобанов предлагает мне напечатать мои мелочи в Париже». Спасите ради Христа; удержите его по крайней мере до моего приезда — а я вынырну и явлюсь к вам», писал Пушкин Гнедичу 27 сентября 1822 г. из Кишинева. А накануне он обратился к Якову Толстому, через которого повидимому Лобанов-Ростовский и делал Пушкину свое предложение, с письмом, в котором сообщал: «Предложение князя Лобанова льстит моему самолюбию, но требует с моей стороны некоторых изъяснений. Я хотел сперва печатать мелкие свои сочинения по подписке и было роздано уже около 30 билетов. Обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никите Всеволожскому, а самому отступиться от издания. Разумеется, что за розданные билеты должен я заплатить, и это первое условие. Во-вторых, признаюсь тебе, что в числе моих стихотворений иные должны быть выключены, многие переправлены, для всех должен быть сделан новый порядок, и потому мне необходимо нужно пересмотреть свою рукопись; третье: в последние три года я написал много нового; благодарность требует, чтоб я всё переслал князю Александру, но цензура, цензура!.. итак, милый друг, подождем еще два, три месяца — как знать, — может быть к новому году мы свидимся, и тогда дело пойдет на лад».

Конечно эти переговоры шли по поводу издания рукописи Всеволожского, которую хорошо должен был знать Я. Толстой, ближайший друг Всеволожского, руководитель «Зеленой лампы». Для Пушкина издание стихов становится уже невозможным без серьезного пересмотра этой рукописи. Но переговоры не увенчались успехом. О причинах этого мы узнаем из письма Пушкина к Бестужеву,

---

[2] Всеволожскому уделялось много внимания в пушкинской литературе как лицу, близко с Пушкиным знакомому и как адресату известного послания Пушкина, которое является хорошей характеристикой этого типичного представителя веселящегося Петербурга 20-х годов. О нем см. в «Письмах Пушкина» под ред. Б. Л. Модзалевского по указателю. Там же и литература о нем. Ср. статью Н. О. Лернера. Сочинения Пушкина под ред. Венгерова, т. I, стр. 538.

История тетради излагалась много раз. См. П. Бартенев «Пушкин в южной России», 1914, стр. 118, и М. Клеман «Текст лицейских стихов Пушкина» («Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова», 1923, стр. 3—7).

[3] Как видно из письма С. А. Соболевского отцу от 19 декабря 1818 г., билеты распространялись еще в 1818 г. Издание предполагалось в двух томах; цена по подписке 10 рублей за оба тома (см. «Литературное Наследство» № 16—18, стр. 727)

написанному больше чем через год, 12 января 1824 г.: «Гнедич шутит со мной шутки в другом роде. Он разгласил, будто бы все новые стихи, обещанные мною Якову Толстому, проданы уже ему, Гнедичу. Толстой написал мне письмо пресухое, в котором жалуется на мое легкомыслие, отказался от издания моих стихотворений, уехал в Париж, и об нем нет ни слуху ни духу».

О новом проекте издания стихов Пушкина мы узнаем из письма П. А. Муханова Рылееву от 13 апреля 1824 г.: «я надеюсь приобрести элегии и мелкие стихотворения Пушкина и буду просить тебя наблюдать за печатанием оных — под одну форму с Баратынским. Не выдавай секрета; жду из Одессы решительного ответа по сей почте» (Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева 1872, стр. 339).

Приведенное в начале письмо Всеволожскому и является повидимому результатом переговоров с Мухановым. Пушкин решил обратиться к Н. Всеволожскому через посредников. 29 июня 1824 г. Пушкин написал А. Бестужеву: «постарайся увидеть Никиту Всеволожского, лучшего из минутных друзей моей минутной младости[1]. Напомни этому милому беспамятному эгоисту, что существует некто А. Пушкин, такой же эгоист и приятный стихотворец. Оный Пушкин продал ему когда-то собрание своих стихотворений за 1000 р. ассигн. Ныне за ту же цену хочет у него их купить. Согласится ли Аристип Всеволодович? Я бы в придачу предложил ему мою дружбу mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles. Покажи ему мое письмо».

Мы не знаем, что ответил Бестужев на это письмо и разыскал ли он Всеволожского. Об этой рукописи Пушкин снова пишет только в ноябре. Вяземский независимо от предположений Пушкина в письме от 6 ноября 1824 г. из Москвы предложил Пушкину свои услуги по изданию его стихотворений: «Собери все свои Елегии и пришли их мне; можно их отдельно напечатать». На это Пушкин ответил 29 ноября: «Предложение твое касательно моих элегий не сбыточно и вот почему: в 1820 году переписал я свое вранье и намерен был издать его по подписке; напечатал билеты и роздал около сорока. Я проиграл потом рукопись мою Никите Всеволожскому (разумеется, с известным условием). Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам — и доныне правоверные ожидают его. Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись и тогда приступим к изданию элегий, посланий и смеси». Письмо это, как явствует из содержания, написано после цитированного в начале настоящей статьи.

Итак, дело разыскания рукописи передано было Льву Пушкину, который в начале ноября уехал из Михайловского в Петербург. Вскоре Пушкин писал брату: «что Всеволожский, что моя рукопись?». Лев Пушкин добился результата и снесся с Всеволожским, о чем и известил брата. В недатированном письме А. Пушкина брату читаем: «Всеволожский со мною шутит. Я должен ему 1000, а не 500, переговори с ним и благодари очень за рукопись. Он славный человек хоть и женится. Тотчас займусь новым собранием и перешлю тебе».

Письмо это, как явствует из содержания, относится к моменту начала переговоров с Всеволожским. Пушкину не столько была нужна самая рукопись, сколько выкуп права на издание. Поэтому до получения ответа от Всеволожского он не приступал к подготовке своего собрания. Повидимому вскоре после этого письма Пушкин писал брату: «Обнимаю также и Алжирца Всеволожского. Перешли же мне проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать. Как жаль, что тебя со мною не будет! дело бы пошло скорее и лучше. — Дельвига жду, хоть он и не поможет. У него твой вкус, да не твой почерк.

---

[1] Намек на стихи:

Искатель новых впечатлений
Я вас бежал, отечески края,
Я вас искал, питомцы наслаждений,
Минутной юности минутные друзья.

Элегии мои переписаны — потом послания, потом смесь, потом, благославясь и в цензуру»[5]. Итак Пушкин приступил к работе, не дожидаясь рукописи Всеволожского: очевидно во всем этом деле согласие Всеволожского было важнее самой рукописи. Однако уже продвинувшись в переписке своих стихотворений, Пушкин должен был заметить, что ему приходится восстанавливать текст стихотворений, входивших в состав тетради Всеволожского. Поэтому, можно предположить, что на определенной стадии работы он остановился и стал ожидать тетради Всеволожского. Анализ Капнистовской тетради[6] показывает, что последним стихотворением, текст которого был записан в эту тетрадь до получения тетради Всеволожского, было «Подражание» («Я видел смерть»). Всего же записаны были в тетрадь из числа находившихся в сборнике Всеволожского следующие элегии: «Пробуждение», «Друзьям», «Морфею», «Мечтателю», «Выздоровление» и «Подражание» («Я видел смерть...») — всего шесть стихотворений. Все они были переписаны до получения тетради Всеволожского, на основании старых рукописей.

Пушкин получил тетрадь Всеволожского вероятно тогда, когда он переписывал послания. К сожалению мы не имеем данных точно решить вопрос о работе Пушкина над посланиями для издания 1826 г. потому, что как в тетради Всеволожского, так и в Капнистовской тетради вырваны страницы, содержащие послания. Во всяком случае рукопись Всеволожского уже была у Пушкина, когда он приступил к отделу «Смесь». Составляя этот отдел, Пушкин уже не переписывал текстов стихотворений, находившихся в тетради Всеволожского, а довольствовался их упоминанием.

Тетрадь Всеволожского была получена по всей вероятности 13 марта. В письме, датированном 15 марта, Пушкин писал брату: «Третьего дня получил я мою рукопись. Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи. Я выстирал черное белье наскоро, а новое сшил на живую нитку».

Повидимому 15 мая тетрадь Всеволожского еще не была отослана брату и Пушкин ограничился отсылкой Капнистовской тетради, задержав тетрадь Всеволожского для дальнейшей работы. Хотя у нас нет точных сведений по этому поводу, но так можно думать на основании ряда косвенных данных, которых мы коснемся в дальнейшем. Возможно, что и самая посылка первой рукописи задержалась. 27 марта Пушкин запрашивал брата: «Получил ли ты мои Стихотворенья?» Надо отметить, что сношения Пушкина с братом велись двумя путями: по почте и оказиями. Эти оказии состояли главным образом в посылке в Петербург приказчика Михаила Калашникова, который и исполнял всякого рода поручения. Езды из Михайловского в Петербург было не больше трех суток. Посылки Михаила были, как можно судить из писем Пушкина, ежемесячными, но происходили нерегулярно. Через него и посылались рукописи. С такой мартовской оказией и была послана Капнистовская тетрадь, но посылка, предполагавшаяся

---

[5] Письмо это Пушкин датировал 14 марта; однако дата эта находится в прямом противоречии с датой следующего письма. Повидимому письмо это написано раньше. В письме этом говорится между прочим о получении «Песен» Гнедича и о том, что Пушкин «на днях» будет писать ему. Письмо Гнедичу по поводу «Песен» написано 23 февраля (дата не возбуждает сомнения, так как она сопровождена указанием на знаменательность дня — годовщины начала греческого восстания Ипсиланти). Повидимому настоящее письмо надо датировать не мартом, а февралем (ср. это письмо с письмом № 125 по изд. Б. Л. Модзалевского от конца февраля. По характеру упоминания Старины и Талии в обоих письмах явствует, что письмо № 125 написано позднее). Цитированное перед этим письмо брату в письмах, изданных под редакцией Б. Л. Модзалевского, датировано тоже 14 марта и помещено после письма только что цитированного очевидно потому, что редактор счел его написанным после получения рукописи Всеволожского. Но повидимому благодарность Всеволожскому вовсе не вызвана получением рукописи: благодарит Пушкин за согласие вернуть ее. В этом письме Пушкин сообщает, что только собирается приступить к подготовке издания, а в последнем письме сообщает, что элегии уже переписаны.

[6] Под именем «Капнистовской тетради» известна та тетрадь, которую Пушкин изготовил в Михайловском для издания 1826 г. и переслал брату. Вместе с тетрадью Всеволожского она является основой издания.

15 марта, очевидно задержалась, и 27 марта посланный, который вероятно каждый раз задерживался в Петербурге по хозяйственным делам, еще не вернулся[7]. Можно думать, что в марте послано было не всё. Гаевский, располагавший мемуарными материалами, сообщает в четвертой статье о Дельвиге («Отечественные Записки 1854 г., сентябрь, стр. 2): «Великий поэт, неожиданно переселившись в новое уединение, готовился издать собрание своих «Стихотворений», которое и появилось в 1826 году. В этих приготовлениях, не прерывавших и других многочисленных занятий поэта, застал его Дельвиг. По свидетельству знавших того и другого Пушкин советовался в настоящем случае с Дельвигом, дорожа его мнением и вполне доверяя его вкусу». Дельвиг был в Михайловском в конце апреля и выехал оттуда в Петербург 26-го. С ним Пушкин кое-что отослал в Петербург. Об этом мы узнаем из письма Пушкина к Вяземскому: «Дельвиг у меня. Через него пересылаю тебе 2 главу Онегина». Но Дельвиг отвез не одну главу Онегина. В его приписке к пушкинскому письму брату от 28 июля 1830 г. он писал: «В феврале месяце брат твой прислал свои сочинения для переписки, в конце апреля месяца он мне дал по особенной моей просьбе свою черную тетрадь: думал ли он, что ты должен будешь переписывать с этой черной тетради или нет?» Можно предполагать, что «черная тетрадь» и была тетрадью Всеволожского. Из этой приписки явствует, что Дельвиг не вспомнил своевременно о поручениях Пушкина, с которыми он выехал из Михайловского, и очевидно не передал этой тетради. Сразу по приезде в Петербург он пережил несколько неприятных дней в связи с вынужденным уходом из Публичной библиотеки, затем в Павловске началось его жениховство и таким образом, принимая во внимание его пресловутую «беспечность», мы не сделаем большой натяжки, если предположим, что до июля он совсем забыл о поручении. А за эти четыре месяца Лев Пушкин тоже мало заботился о поручениях брата. В том письме, к которому Дельвиг сделал эту приписку, Пушкин писал брату: «Я отослал тебе мои рукописи в марте — они еще не собраны, не цензированы — ты читаешь их своим приятелям до тех пор, что они наизусть передают их московской публике. Благодарю. Дельвига письма до меня не доходят[8]. Издание поэм моих не двинется никогда».

Повидимому тревога, поднятая Пушкиным, возымела свое действие. За издание взялись Плетнев, Жуковский и Лев Пушкин. Переписка продолжалась два месяца. Только 26 сентября Плетнев наконец известил Пушкина, что рукопись для сдачи в цензуру готова. Он переписал для Пушкина полностью оглавление этой рукописи и к этому прибавлял: «Вот тебе, милый Пушкин, оглавление. Я в таком виде получил твои стихотворения от брата Льва, а распоряжение делал сам Жуковский. В этом виде послал я их и к Бирукову».

Итак в результате работы явилась новая рукопись, послужившая оригиналом для издания 1826 г. Рукопись эта ныне неизвестна, но ее видел Анненков, упоминающий о ней в примечаниях ко второму тому собрания сочинений Пушкина 1855 г. (см. стр. 31—32, 97, 151—152, 153, 154, 187). Из примечаний Анненкова следует, что после цензора рукопись побывала еще в руках Пушкина. Цензурное разрешение Бирукова дано 8 октября 1825 г., следовательно рукопись была переслана Пушкину в середине октября. Сличение списка Плетнева с данными Анненкова и содержанием издания 1826 г. показывает, что от Бирукова рукопись вернулась не полностью: отсутствовали стихотворения «Жив, жив курилка» и «Ответ на вызов...» («К Н. Я. П»). Относительно первого уже имелись некоторые сведения, что пьеса вызвала цензурные затруднения: Пушкин переслал эту эпиграмму Вяземскому для передачи Полевому. На посылку Вязем-

[7] Кроме Михаила Калашникова Пушкин пользовался для сношений с Петербургом крестьянами Осиповой (см. письмо Плетнева Пушкину 21 января 1826 г.). Возможно, что для экономии помещики Михайловского и Тригорского соблюдали очередь в посылках людей в Петербург.

[8] Дельвигу Пушкин писал в начале июня: «Что делают мои разные Стихотворения? видел ли их Бируков грозный? От Плетнева не получаю ни единой строчки».

ский отвечал: «Отдаю ему твоего Курилку, только боюсь, чтобы цензура не уморила его». Между тем в «Московском Телеграфе» эпиграмма не появилась. Повидимому ни московская, ни петербургская цензура этих стихов не пропустила. О послании «К Н. Я. П.» мы прямых свидетельств не имеем, но надо думать, судьба его была та же. Анненков этих стихов в тетради «Стихотворений» не видел. Пушкин исключил из этого собрания три элегии («Я видел смерть», «К ней» и «Уныние»), «Воспоминания в Царском Селе», «Романс», «Наездник», «Месяц» и «Усы». Кроме того в издание введены стихи 1825 г., повидимому написанные после отсылки материалов для сборника: «Если жизнь тебя обманет», «Ex ungue leonem» и «Юноша (из Сафо)». Тетрадь была у Пушкина недолго и существенных исправлений он сделать не успел.

Издание вышло в свет 30 декабря 1825 г.

Таковы внешние сведения о судьбах рукописи Всеволожского, которыми мы располагали на основании данных переписки Пушкина[9]. Обратимся теперь к самой рукописи.

II. ОПИСАНИЕ ТЕТРАДИ

1. Внешний вид тетради

Прежде всего опишем внешний вид рукописи так, как она дошла до нас.

Рукопись вся написана на одинаковой, довольно плотной бумаге без водяных знаков, большого формата (высота листов колеблется от 327 до 330 миллиметров, а ширина от 197 до 208). Вся она состоит из 10 полных листов (по 4 страницы) и из 4 полулистов, у которых вторые половинки оторваны. У одного из этих полулистов сохранилась узкая (не шире 36 миллиметров) полоса от второй половинки, на которой можно прочесть крайние буквы некоторых строк текста, дающие возможность определить, какое именно стихотворение было здесь переписано. Итого мы имеем 24 рукописных листа (по две страницы) и остатки одного листа.

Вся рукопись (в ее первоначальном слое) написана одним почерком писарского типа. При этом листы были сложены в виде тетрадок (лист в лист). В настоящее время листы пронумерованы, но в совершенном беспорядке. Видимо тетрадки не сохранили своей цельности; по их истрепанному виду можно констатировать, что их выворачивали (так что внутренние страницы тетрадок потерты и запачканы, так же как наружные) и перекладывали. Восстанавливая естественный порядок, в котором, за исключением некоторых частностей, можно быть совершенно уверенным, мы получаем три неполные тетрадки. При этом оказывается, что два полулиста составляют один истершийся на корешке и распавшийся лист,

---

[9] Дальнейшая история рукописи рассказана в заметке М. А. Цявловского.

Первые известия об обнаружившейся в Белграде рукописи Пушкина были даны в югославской газете «Политика» в номере от 17 сентября 1933 г. Здесь в форме интервью с Иованом Максимовичем даны первые краткие данные об этой рукописи, без определения, что это такое, но с указанием, например, что она содержит неполный текст «Торжества Вакха». Здесь же изложена история рукописи в Сербии, равно как и догадка И. Максимовича, что привез эту рукопись в Сербию Туманский. В доказательство автентичности рукописи сделана ссылка на экспертизу, сделанную Погодиным и Сухотиным. Эта экспертиза в форме нового интервью экспертов с русским белогвардейским корреспондентом появилась в эмигрантской прессе (первоначально в газете «Сегодня», а затем в «Последних Новостях» 5 ноября 1933 г.). Сообщение экспертов замечательно полным несоответствием истине. Эксперты — А. Л. Погодин и Л. М. Сухотин, — приведя несколько совершенно фантастических справок, пришли к не менее фантастическому выводу, что рукопись эта писана в Кишиневе и подарена Пушкиным Амалии Ризнич. Таким образом истинное значение рукописи оставалось никому неизвестным. Оно было установлено здесь по присланным И. Максимовичем фотографиям нескольких страниц рукописи, после чего и были приняты меры к ее приобретению.

а половинки других полулистов утрачены. Несомненно утрачены и целые листы. Вот состав этих тетрадок с указанием страниц нынешней нумерации:

1) Первая тетрадь. *Л. 1*—страницы 1 и 2. Этот полулист был одним целым листом вместе с *л 11*, но как наружный истерся в корешке.

Л. 2—страницы 27 и 28. Представляет одно целое с *л. 10.*

Л. 3—стр. 29 и 30. Вторая половина целого листа, к которому принадлежал этот полулист утрачена, таким образом между *л. 9* и *10* пропуск.

Л. 4—стр. 37 и 38. Одно целое с листом *9.*

Л. 5—стр. 39 и 40. Одно целое с листом *8.*

Л. 6—стр. 41 и 42. Одно целое с *л. 7.*

Л. 7—стр. 43 и 44.

Л. 8—стр. 45 и 46.

Л. 9—стр. 47 и 48.

Следующий лист утрачен.

Л. 10—стр. 31 и 32.

Л. 11—стр. 33 и 34. Отдельный полулист, составлявший прежде одно целое с листом *1.*

Итого первая тетрадка состояла из 6 полных листов, вложенных друг в друга (24 страницы). Из нее утрачено две страницы (полулист).

2) Вторая тетрадь. *Л. 12*—стр. 23 и 24. Одно целое с *л. 19.*

Л. 13—стр. 25—26. Одно целое с *л. 18.*

Л. 14—стр. 15—16. Одно целое с *л. 17.*

Л. 15—стр. 35—36. От этого листа оторван следующий, от которого осталась только узкая полоса листа с отдельными буквами на краях строк.

Следующие листы утрачены.

Л. 16—остаток оторванного листа, одно целое с листом *15*

Л. 17—стр. 17 и 18.

Л. 18—стр. 19 и 20.

Л. 19—стр. 21 и 22.

3) Третья тетрадь. Наружные листы тетради утрачены, так что она не имеет ни начала ни конца.

Л. 20—стр. 3 и 4. Одно целое с *л. 25*

Л. 21—стр. 5 и 6. Одно целое с *л. 24.*

Л. 22—стр. 7 и 8. Одно целое с *л. 23.*

Л. 23—стр. 9 и 10.

Л. 24—стр. 11 и 12.

Л. 25—стр. 13 и 14.

Итого в трех тетрадях 25 листов, из них один оборван и на нем постраничной нумерации нет. Страниц всего 48.

Привожу для справок обратный перевод страниц на листы в установленном нами порядке:

Стр. 1, 2—*л. 1;* стр. 3, 4—*л. 20;* стр. 5, 6—*л. 21;* стр. 7, 8—*л. 22;* стр. 9, 10—*л. 23;* стр. 11, 12—*л. 24;* стр. 13, 14—*л. 25;* стр. 15, 16—*л. 14;* стр. 17, 18—*л. 17;* стр. 19, 20—*л. 18;* стр. 21, 22—*л. 19;* стр. 23, 24—*л. 12;* стр. 25, 26—*л. 13;* стр. 27, 28—*л. 2;* стр. 29, 30—*л. 3;* стр, 31, 32—*л. 10;* стр. 33, 34—*л. 11;* стр. 35, 36—*л. 15* с оборванным *л. 16;* стр. 37, 38—*л. 5;* стр. 39, 40—*л. 5*; стр 41, 42—*л. 6;* стр. 43, 44—*л. 7;* стр. 45, 46—*л. 8;* стр. 47, 48—*л. 9.*

Из этого перечня видно, что полностью можно восстановить лишь состав (в листах) одной первой тетради: в ней было шесть полных листов по 4 страницы. Такое количество листов определялось тем, что бумага повидимому поступала в продажу такими тетрадями по шесть листов. Об этом свидетельствует характер обреза: наружные листы тетради несколько шире внутренних ее листов.

Две другие тетради неполные: во второй недостает внутренних листов, в третьей — наружных. Сохранилось от второй тетради 4 листа (из них один оборван) и от третьей 3 листа. Если все три тетради были по шесть листов, то от

рукописи не дошло до нас пяти полных или 10 двустраничных листов. Присоединяя к этому один утраченный лист первой тетради, получаем 11 недостающих листов на 25 наличных (из наличных листов один оборван так, что можно только определить произведение, на нем напечатанное, но нет возможности восстановить текст). Как мы убедимся из дальнейшего, нельзя предположить, чтобы в рукописи Всеволожского была еще одна тетрадка. Но возможно, что третья тетрадка была заполнена не до конца и на ней последние страницы были чистые, или даже, что она состояла из меньшего числа листов (напр. только из четырех).

Почерк, которым переписана тетрадь, очень ровный и хотя писалась она кажется не по транспаранту, расстояние между строк почти везде одинаковое. На странице умещается от 33 до 35 строк (при чем заголовки с пробелами занимают место 3—4 строк). Таким образом утраченная часть не превышает 720 строк (и вряд ли менее 550 строк).

Попробуем представить себе содержание этой утраченной части.

Для этого прежде всего обратимся к известной нам части Капнистовской тетради. С момента получения тетради Всеволожского Пушкин более не переписывал своих ранних стихотворений, а просто называл их, с тем чтобы брат переписывал из тетради Всеволожского. Можно определенно утверждать, что все названные в Капнистовской тетради стихотворения, относящиеся ко времени не позднее 1819 г., находились в тетради Всеволожского, а это дает нам основание для установления отсутствующего материала.

Вот перечень всех произведений, подходящих по датам, названных в Капнистовской тетради (в скобках я отмечаю, есть оно или его нет в дошедшей до нас рукописи Всеволожского).

«Певец» (есть), «Баллада» (т. е. «Русалка»—нет), «К Щербинину» (нет), «Домовому» (нет) «К Т...» («К Толстому»—нет), «Торжество Вакха» (есть), «Гроб Анакреона» (есть). «Деревня» (нет), «Добрый человек» (есть), «История стихотворца» (есть). «Уединение» (есть), «Лиле» (есть), «Роза» (есть), «Именины» (есть), «Надпись к портрету Жуковского» (есть), «Экспромт К. А. Б.» (есть).

К этому списку может быть следует прибавить «Послание к Каверину», которое целиком переписано в Капнистовской тетради, но может быть только потому, что находилось в тетради Всеволожского в ранней редакции.

Итак, из 16 стихотворений периода до высылки Пушкина на юг в дошедшей до нас части тетради Всеволожского находится 11 и нет пяти, т. е. меньше трети.

Из этого списка можно наверное утверждать, что в тетради Всеволожского были «Баллада», «К Щербинину», «Домовому», «Стансы Толстому». Что касается «Деревни», то здесь возможны сомнения: могло ли такое стихотворение войти в сборник, предназначавшийся к печати. Однако совершенной невозможности этого нет. Ведь напечатал же Пушкин его, правда в урезанном виде и под другим названием, в издании 1826 г. В 1820 г. он должен был поступить еще смелее и ввести в сборник более полный текст, предоставив цензорам его сокращать. В сборнике Всеволожского находится мадригал Голицыной при посылке ей оды «Свобода». Это свидетельствует о том, что Пушкин не очень опасался цензурных препон.

Но в Капнистовскую тетрадь попадали и стихотворения, находившиеся в рукописи Всеволожского, и переписанные полностью до получения этой рукописи (восстановленные по черновым тетрадям, служившим источником в свое время самой рукописи Всеволожского).

Из стихотворений петербургского периода сюда вошли следующие (сопровождаю их аналогичными отметками):

«Пробуждение» (есть), «Друзьям» (есть), «Морфею» (есть), «Мечтателю» (есть), «Выздоровление» (есть), «Подражание» («Кто видел смерть»—есть).

Все эти стихотворения находятся в тетради Всеволожского. Это мы должны

были предвидеть, потому что до получения тетради Пушкин переписал элегии, а этот отдел рукописи Всеволожского сохранился целиком[10].

Не только Капнистовская тетрадь дает нам некоторые указания. Ведь тетрадь дошла до нас не вся: недостает нескольких листов, на которых находился перечень посланий. Следует обратиться к плетневскому оглавлению рукописи, подготовленной к изданию 1826 г., чтобы учесть, какие послания петербургского периода могли войти в рукопись Всеволожского, из которой, кстати сказать, тоже вырваны листы, содержавшие преимущественно послания. Впрочем это оглавление дает некоторые сведения и о стихотворениях других отделов.

Обратимся сперва к посланиям. В списке Плетнева значатся следующие послания петербургского периода:

«К Лицинию» (есть), «К Всеволожскому» (нет), «В. Л. Пушкину» (нет), «К Н. Я. П.» (нет), «К Шишкову» (нет), «К Дельвигу» (есть), «К Кривцову» (нет), «К Энгельгардту» (есть), «К Прелестнице» (нет), «К Жуковскому» (есть).

Как и следовало ожидать, из этого отдела до нас дошли лишь немногие стихотворения. На 10 посланий имеется налицо четыре и нет шести.

Что касается других отделов сборника 1826 г. (в его первоначальном виде), то отдел элегий содержит из петербургского периода сверх Капнистовской тетради еще две элегии: «К ней» и «Унынье». Обе находятся в тетради Всеволожского. Из отдела «Разные стихотворения»: «Амур и Гименей», «Романс», «Наездник» ,«Месяц», «Разлука». Все пять находятся в тетради Всеволожского. Из отдела «Эпиграммы и надписи»: «Старик», «Веселый пир», «Не спрашивай, зачем унылой думой...», «Усы». Все четыре находятся в тетради Всеволожского.

Из этого обозрения явствует, что с достаточной уверенностью можно утверждать, что все стихотворения петербургского периода, вошедшие в издание 1826 г., находились в тетради Всеволожского. То же самое можно думать и о Капнистовской тетради. Тогда, объединяя эти два документа, мы можем составить следующий список стихотворений, входивших в состав тетради Всеволожского, но до нас не дошедших. Те стихотворения, относительно которых нет полной уверенности, сопровождаем знаком вопроса:

«Русалка» (баллада) 1819 г. размером в 56 стихов (соответствует 65 строкам рукописного текста, считая место заголовка и пробелы между строками).

«К Щербинину» 1819 г., 32 стиха (35 строк).

«Домовому» 1819 г., 20 стихов (23 строки).

«Стансы Толстому» 1819 г., 24 стиха (33 строки).

«Деревня» (?) 1819 г., 61 стих (64 строки).

«К Каверину» (?) 1817 г., 31 стих (34 строки).

«К Всеволожскому» 1819 г., 69 стихов (72 строки).

«В. Л. Пушкину» 1817 г., 21 стих (24 строки).

«К Н. Я. П.» (Ответ на вызов...») 1818 г., 20 ст. (23 строки).

«К Шишкову» 1816 г., 59 стихов ранней редакции (62 строки).

«К Кривцову» 1819 г., 20 стихов (23 строки).

«К Прелестнице» 1818 г., 29 стихов (32 строки).

Итого 11 стихотворений, общим количеством в 425 строк. Присоединяя сюда 35 строк от стихотворений, которые находятся в известной части тетради, но начала или концы которых попадают на вырванные листы, мы получим 460 строк (7 листов), относительно которых мы с большой вероятностью можем утверждать, что они были в тетради Всеволожского[11]. С другой стороны, из числа известных нам, находящихся в дошедшей части тетради 45 стихотворений в подготовленную к изданию рукопись вошло 32. То-есть к вошедшим надо

[10] Это дает еще один довод в пользу того, что выставленная Пушкиным дата стих. «Увы, зачем она блистает»—1819—неверна. — В рукописи оно помечено Гурзуфом. Если бы год 1819 соответствовал действительности, эта элегия должна была бы войти в состав тетради Всеволожского, а там ее нет.

[11] Если, как мы увидим к тому основания далее, предположить, что в тетради были стихотв. «К молодой вдове» и «К товарищам перед выпуском», то общее количество строк предполагаемых стихотворений повышается до 540.

прибавить около 40% невошедших. Из числа перечисленных 12 стихотворений 10 вошло в эту рукопись. Следовательно при соблюдении той же пропорции около четырех стихотворений, которых мы определить таким образом не можем, не вошло. Эти вычисления «на вероятность» не могут иметь абсолютного значения, но сличение цифр, полученных из анализа состава тетрадей в листах и состава тетрадей по произведениям, приводит к величинам одинакового порядка 500—700 стихов, заключавшихся в недошедшей до нас части тетради. Следовательно, переходя к грубым числовым оценкам, мы можем утверждать, что утраченная часть тетради составляет ¼—⅓ всей тетради.

Какова судьба этих вырванных листов? Повидимому они вырывались при составлении тетради для издания 1826 г. Они не могли войти в эту тетрадь, которая, вероятно, подобно дошедшей до нас тетради для издания 1832 г., состояла из отдельных листов, на которых стихотворения были переписаны каждое особо. Об этом можно заключить из следующего: Анненков, видевший эту тетрадь, ни словом не упоминает о стихах, исключенных оттуда после цензурного просмотра. Но стихи эти он печатает, следовательно имел возможность указать на то, что они находились в этой рукописи. Очевидно они были изъяты совершенно, а не зачеркнуты; это возможно только при том условии, что они были переписаны на отдельных листках. Из них одно было в тетради Всеволожского (в недошедшей части). Но в этой тетради стихи переписаны не на отдельных листах, а подряд, и лист, содержавший послание «К Н. Я. П.», должен был содержать и еще какие-нибудь стихотворения.

Следовательно листы вырывались не для того, чтобы войти в состав нового рукописного свода. Повидимому они просто нужны были для переписчика в то время, как вся рукопись находилась в других руках[12].

Повидимому листы эти погибли окончательно, и у нас нет никакой надежды восстановить полностью тетрадь Всеволожского.

Обратимся теперь к тексту дошедшей до нас части тетради.

Первоначальный слой (то-есть то, что писано писарской рукой) напечатано нами полностью, и это дает нам возможность не делать детального описания. Но остановимся на одной детали: тот первоначальный текст, в том виде, как он был переписан в 1820 г., совершенно не носит на себе следов просмотра Пушкина (я говорю о просмотре, который отосился бы к 1820 г.). Грубейшие ошибки, которые не могли быть пропущены Пушкиным при самом беглом просмотре, остались неисправленными. Вот несколько примеров тому: в стих. «Гроб Анакреона» стих шестой от конца был написан с опиской «Смертный! век твой провиденье» (вм. «приведенье»). Карандашная поправка в этом слове несомненно поздняя. В стих. «В альбом Пушкину» читаем следующий, невозможный с точки зрения правильности размера стих: «Живые впечатления младой души твоей». В стих. «Воспоминания в Царском Селе» «улились» вм. «улеглись» и т. п.

Всё это заставляет предположить одно из двух: 1) или после изготовления рукописи в 1820 г. Пушкину, в виду спешного отъезда на юг, не удалось за недосугом просмотреть эту рукопись; 2) или же, что после вручения Всеволожскому автографического свода стихотворений была снята с пушкинского автографа писарская копия, которую Пушкин вообще не видал до 1825 г. и которую именно и вернул Пушкину Всеволожский.

Если обратиться к источникам тетради Всеволожского, то мы, во-первых, констатируем, что далеко не все стихотворения, находящиеся в этой рукописи, известны в автографах Пушкина. Таким образом мы не имеем всех рукописных источников текста тетради. Журнальные печатные тексты не служили для переписывания. Из всех стихотворений, вошедших в данную тетрадь, только девять бы-

---

[12] В настоящее время, когда мы достаточно знакомы как с рукописью Всеволожского, так и с рукописью Каннста, совершенно отпадает предположение, что листы, вырванные из тетради Всеволожского, вошли в состав Каннстовской тетради.

ли напечатаны до составления рукописи; обычно печатный текст расходится с текстом тетради и не мог быть ее непосредственным источником.

Из всех черновых тетрадей Пушкина наибольшее число стихотворений, входящих в рукопись Всеволожского, содержит тетрадь, известная под № 2364. В ней находятся следующие стихотворения: «Роза», «Пробуждение», «Гроб Анакреона», «Друзьям», «Певец», «Амур и Гименей», «Месяц», «Наездники», «К сну» («Морфей»), «Надпись к беседке», «Твой и мой», «Желание», «Заздравный кубок», «Усы», «Безверие», «Стансы (из Вольтера)», «Подражание» («Я видел смерть»). Всего 17 стихотворений, т. е. более трети сборника. Около некоторых из этих стихотворений стоят пушкинские пометы «надо», «переписать» и т. п. Из этих 17 стихотворений против трех стоит «надо», против четырех — «переписать» и против трех «не надо» («Роза», «Пробуждение» и «Гроб Анакреона»). Семь оставлены без помет. Можно предполагать, что эти пометы относятся к какому-то раннему проекту собрания стихотворений или к ранней стадии подготовки к собранию 1820 г. Несовпадения помет показывают на сильные изменения в замысле, что вернее всего объясняется не колебанием Пушкина уже в период подготовки к изданию 1820 г., а более или менее длительным промежутком времени, отделяющим эти пометы от окончательного составления сборника. Тетрадь № 2364 озаглавлена «Стихотворения Александра Пушкина 1817». Таким образом пометы эти следует отнести к 1818 или 1819 г. Вообще за это время Пушкин повидимому не раз составлял план издания, так как разметки в тетради различны: кроме приведенных помет, имеется еще нумерация от 1 до 15, затем кресты и условные знаки около некоторых заголовков[13]. Мы видим, что план издания у Пушкина расширился в сравнении с первоначальным и что ранее отброшенные стихотворения вошли в тетрадь Всеволожского. Можно полагать, что вообще из каких-то соображений Пушкин понизил требовательность при отборе своих стихотворений для издания 1820 г., и этим быть может объясняется, почему так скоро он пришел к убеждению, что из тетради Всеволожского многое подлежит исключению. Отмечу впрочем, что три первоначально забракованные стихотворения вошли не только в тетрадь Всеволожского, но и в издание 1826 г. Впрочем подобные колебания замечаются и в позднейших изданиях стихотворений Пушкина: он включал в них первоначально забракованные стихи и исключал ранее намеченные. Во всяком случае есть шансы, что все стихотворения с отметкой «надо» были включены в тетрадь Всеволожского. Кроме перечисленных эту отметку (или подобную — «переписать») имеют следующие стих.: «К молодой вдове», «К Шишкову», «К товарищам перед выпуском». Из них второе должно было входить в утраченные листы тетради Всеволожского, как об этом уже сказано. Два другие в число уже указанных стихотворений не входят. В сумме они должны были занять около 80 строк.

Заметим, что помета «не надо» стоит против шести стихотворений, отсутствующих в тетради Всеволожского, так что в общем помет, согласующихся с составом тетради, больше, чем помет противоречащих ему.

Если обратимся к тексту, то здесь констатируем следующее: тетрадь № 2364 заполнялась стихотворениями Пушкина в их ранней, лицейской редакции. Переписаны стихи разными почерками, товарищами Пушкина по лицею. Поверх этого первоначального текста имеются поправки Пушкина. Эти поправки вообще совпадают с текстом тетради Всеволожского, или, вернее, ведут к этому тексту, но не дают окончательно редакции, вошедшей в тетрадь Всеволожского. Так как тетрадь Всеволожского писана писарской рукой, то был оригинал, с которого она копировалась. Тетрадь № 2364 не могла быть этим оригиналом, хотя поправки, внесенные в эту тетрадь, делались повидимому для издания 1820 г. и во всяком случае предшествовали составлению тетради 1820 г. Во всяком случае совпаде-

[13] Известно, что Пушкин собирался издавать свои стихотворения в декабре 1818 г. (см. «Остафьевский архив», т. I, стр. 179 и В. Саитов «Соболевский друг Пушкина», стр. 6) и готовился к изданию также в ноябре 1819 г. (см. «Остафьевский архив», т. I, стр. 350).

ние поправок в тетради № 2364 с текстом тетради Всеволожского таково, что можно окончательно отвергнуть предположение Якушкина, разделявшееся Ефремовым, Майковым и Морозовым, будто поправки эти сделаны в 1825 г. Впрочем еще Щеголевым было высказано предположение, что поправки эти предназначались для издания 1820 г. Мнение Щеголева обосновывал М. Клеман («Текст лицейских стих. Пушкина» — «Пушкинист» IV, 1923).

В настоящее время мы можем уточнить гипотезу Щеголева: поправки внесены Пушкиным в тетрадь № 2364 до подготовки к изданию 1820 г.; между тетрадью № 2364 и тетрадью Всеволожского была еще одна рукопись, повидимому автографическая, в которой текст был близок к тексту тетради Всеволожского.

Здесь не место подробно анализировать процесс изменения текстов в произведениях Пушкина по материалам тетради № 2364. Надо впрочем отметить, что тетрадь эта до сих пор мало изучена и например помета Жуковского во всех изданиях вплоть до последнего — Венгеровского — приписывалась Пушкину. Между тем наличие указаний Жуковского на характер переделок доказывает, что и первое издание свое в 1819—1820 гг. Пушкин готовил при некотором участии Жуковского и пользовался его советами. В дальнейшем мы увидим, что в тетради Всеволожского сохранились следы участия Жуковского в подготовке издания 1826 г.

2. Работа Пушкина в 1825 г.

Пометы Пушкина начинаются уже с наружной стороны первого листа. Здесь мы находим какие-то вычисления, имеющие вид:

$$\begin{array}{l|l|l} 12 & 300 & 25 \\ \underline{24} & & \\ 60 & & \end{array}$$

Очевидно это действие деления 300 на 12 с результатом 25. Характерно расположение действия, необычное в настоящее время. Этот старинный способ располагать действие деления был распространен в XVIII в. Его мы находим в арифметической таблице В. Киприанова 1705 г., в которой «Дивизио или деление» поясняется шестью числовыми примерами, однообразно расположенными. Вероятно преподававшаяся в лицее арифметика основывалась на традиции XVIII в.

Дальнейшие пометы в тексте все относятся к работе над изданием 1826 г. Сперва приведем их полностью без комментария, а затем остановимся на их значении. Все неоговоренные исправления сделаны чернилами. Пометы — номера и года (в какой-то части) сделаны рукой Л. Пушкина. Ему же принадлежит сокращенная помета «М» (т. е. «мелочь»). Кем поставлены знаки NB—неизвестно.

Л. 2$_1$. К стихотворению «Гроб Анакреона».

Против заголовка поставлена дата: (1815).

Первоначально было: 1816 и последняя цифра исправлена.

К стиху: «В розах кубок и венец...»

Сперва исправлено: «Вижу кубок и венец...». Затем Восстановлено первоначальное чтение.

Дальнейшие стихи исправлены:

Други, здесь почиет в мире[14].
Сладострастия мудрец.
Посмотрите: на порфире,
Оживил его резец:

Стихи от «Щастья сын изображен» до «Полной чашей негу пьет» зачеркнуты, так что следующим стихом исправленной редакции является: «Здесь он в зеркало глядится».

[14] Первая переделка: Здесь почил он в вечном мире.

Л. 2₂. Стих «Вокруг философа седова» исправлен:

Вкруг любовника седова.

Стих: «Игры, Смехи вслед ушли...» исправлен карандашом:

Игры вслед за ним ушли...

В стихе «Смертный! век твой привиденье» исправлена карандашом описка переписчика, написавшего последнее слово: «провиденье».

Предпоследний стих «Страстью тайной утомляйся» исправлен:

Страстью пылкой утомляйся

Кроме того около этого стиха на полях слева карандашом отчеркнуто и поставлен знак NB.

После этого стихотворения и перед заголовком следующего стихотворения «Пробуждение» приписано карандашом на полях и зачеркнуто чернилами:

«Цензор врет: эти стихи были уже напечатаны».

Стихотворение «Пробужденье» зачеркнуто чернилами и карандашом.

Л. 3₁. Всё стихотворение «Пробуждение» зачеркнуто.

Восемь последних стихов (начиная с «Любовь! любовь!») отчеркнуты карандашом слева общей скобкой и сделана стершаяся теперь карандашная надпись, из которой можно прочитать: «Эти по». Здесь же чернилами:

«Напечатаны у Загоскина в стар. жур.».

Справа от этих же стихов намечена переработка:

Любовь, любовь!
Услышь моленья[15]
Пошли мне вновь[16]
Свои виденья
И поутру
Вновь

«Выздоровление» всё зачеркнуто. Около названия поставлена дата: 1818. Первый стих начат переработкой:

Тебя ли видел я, мой друг?

Л. 3₂. Исправления в отдельных стихах зачеркнутого целиком стихотворения «Выздоровление».

Стихи от «Я зрел тебя...» до «Накинутый на перси долеман» особо зачеркнуты карандашом.

В стихе: «Но вновь в уме моем стеснились мрачны грезы» слово «уме» карандашом исправлено на «душе», но поправка зачеркнута.

Следующий стих: «Вновь сердцем онемев забылся в мертвой мгле» исправлен карандашом:

Вотще мой слабый взор искал тебя во мгле

Затем чернилами слово «слабый» исправлено на «томный».

Два стиха:

И чуждым поясом объятый крепко стан
И сей ревнивой долеман

зачеркнуты и вместо них первоначально начато: «И станъ», затем: «И кудри» и наконец.

И плащ — и пояс боевой

---

[15] Первоначально:

Внемли, любовь!
Мои моленья —

Затем первый стих переделан: «Услышь, любовь».

[16] Первоначально: Пришли мне вновь.

В стихе «На стон любви твоей мне возвратили боги« сперва переставлены два слова: «твоей любви», а затем весь стих переделан:

Мне снова низпаслали боги.

В последнем стихе зачеркнуто «таинственной».

Заголовок следующего стихотворения «К ней» зачеркнут, восстановлен, но восстановление уничтожено. Слева стоит чернильная цифра 13 и на ней карандашом поверх цифры 3 стоит 4. Справа чернилами дата: 1817. Рядом помета карандашом: «Эл.»

Л. 4_1. В тексте того же стихотворения.

Стихи:

Сильнее чувствовал, свободнее дышал,
Живей пленяла добродетель...

Исправлены:

Живее чувствовал свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...[17].

Четыре стиха от «Тебя увидел я...» до «Сей пламень, музами хранимый!» зачеркнуты. В стихе «Вновь Лиры сладостной раздался голос юный» зачеркнуто слово «сладостной» и затем восстановлено.

Л. 4_2. Стихотворение «Разлука». Справа чернилами: «1817» и карандашом: «См.»

В первом стихе вместо «в тиши» исправлено: «в сени».

В стихе: «Они прошли, лета соединенья!» зачеркнуто слово «Они».

В стихе «Разорван он — наш братский, верной круг» зачеркнуто «братский».

В стихе «Прости! хранимый тайным небом» зачеркнуто «тайным».

Стих: «С Фортуной, дружеством и Фебом» исправлен:

С свободою и Фебом.

Стихотворение «Уныние». Слева чернилами: «Э» и цифра 14, переправленная карандашом на 15. Справа чернилами «1816» и карандашом «Эл.»

В первом стихе исправлено первое слово:

Мой милый друг! разстался я с тобою.

Четыре стиха от «Разсеянный сижу...» до «Не знает их уже мой хладный взор» зачеркнуты, при чем предварительно последний стих исправлен карандашом:

Не видит их уже мой хладный взор!

Л. 5_1. Стихотворение «Месяц». Слева карандашом: «См.» Справа чернилами дата «1816» и цифра 4, которая зачеркнута и вместо нее написана цифра 6.

Стих «И гордым разумом моим» исправлен карандашом:

И строгим разумом моим.

Л. 5_2. Стихотворение «Друзьям». Слева карандашом: «См.» Справа чернилами «1816». Стихотворение зачеркнуто карандашом.

Стих «И на ослабленных струнах» исправлен:

И на отвыкнувших струнах.

---

[17] Может быть Пушкиным исправлена описка: сперва было «пленила».

В последнем стихе карандашом исправлена описка переписчика: было написано «улыбнулся».

Стихотворение «Мечтателю». Справа дата: 1819. Стихотворение зачеркнуто карандашом.

Л. 6$_1$. В том же стихотворении в стихе «Дражащий, дикой, изтупленный» слово «дикой» исправлено на «бледный».

Стихотворение «Наездник». Справа карандашом: «1816». Всё начало стихотворения, находящееся на данной странице (кончая стихом «Главой трясут нетерпеливой»), зачеркнуто.

Л. 6$_2$. Перед первым стихом этой страницы «Уж полем всадники спешат», отмеченным на полях слева косым карандашным крестиком, надписано сперва карандашом, а затем обведено чернилами и подчеркнуто как название: «Наезники». Таким образом стихотворение в новой редакции начиналось с этого стиха. Справа чернилами 5 (переправлено из 3) и карандашом «См.»

Стих «Их лица радостью горят» исправлен карандашом:

Сердца их радостью горят.

Это исправление обведено чернилами (рукой Л. Пушкина).

Два четверостишия: первое от «Ужель невольник...» до «И ночью бранный стук мечей» и следующее от «Тебя мы зрели...» до «Всё там где битвы падал гром» переставлены, при чем стих «Тебя мы зрели под мечами» изменен:

Тебя ль мы зрели под мечами.

Следующие четыре стиха от «С победным съединяясь кликом» до «Как беглой ратник онемел» зачеркнуты. При этом первый стих был сперва исправлен карандашом:

Соединясь с победным кликом.

Повидимому тогда же поставлены кавычки у 12 последних стихов.

Л. 7$_1$. Стихотворение «Подражание» («Я видел смерть») зачеркнуто карандашом. При этом стих «Прости, родных небес спокойная завеса» изменен (чернилами):

Небес лазурная завеса

Л. 7$_2$. В том же стихотворении, полностью зачеркнутом карандашом, стих «Прости, ночная тень, и сладкий утра час» исправлен (чернилами):

Ты утро вдохновенья час.

Первоначально намечена переработка: «Ночи мирный час» с пробелом после первого слова.

В следующем стихе «Любимые холмы, ручья знакомый глас» слово «Любимые» заменено словом «Знакомыя», затем слово «Любимые» восстановлено, но «Знакомыя» не зачеркнуто.

В следующем стихе «Вы, сени мирныя таинственного леса» слово «сени» изменено в «тени».

Со стиха «А ты, которая...» до конца зачеркнуто чернилами, одновременно с предыдущими исправлениями.

Стихотворение «К Лиле». Слева помета карандашом: «М». Справа чернилами: «в мелочи».

Стих «Вяну страстною душой» изменен:

Гасну пламенной душой.

Стих «Лила, смейся надо мной» переделан:

Ты смеешься надо мной.

Стихотворение «Желание» полностью зачеркнуто. При этом стих «И тяжкое безумие тревожит» переделан:

И мрачное безумие тревожит.

Затем первые четыре стиха зачеркнуты (независимо от позднейшего уничтожения всего текста).

Следующие два стиха переставлены с изменением союза:

Я слезы лью; мне слезы утешенье,
И я молчу; не слышенъ ропотъ мой.

Через стих «В них горькое находит наслажденье» изменено:

В ней горькое находит наслажденье.

Л. 8$_1$. Стихотворение «Морфей». Карандашом название исправлено на «Морфею». Чернилами справа дата: 1816. Весь текст стихотворения зачеркнут карандашом, но в то же время сделана одна поправка: стих «Разлуки страшной приговор» поправлен карандашом:

Разлуки вечной приговор.

Стихотворение «Безветрие». Текст зачеркнут карандашом. В стихе «Настигнет ли его глухих судеб удар» слова «глухих судеб» подчеркнуты и на полях карандашом поставлен двойной крестик.

Л. 8$_2$. То же стихотворение. Весь текст зачеркнут. Против четырех стихов: «Напрасно в пышности...» до «Ум ищет Божества...» на полях черта.

Л. 9$_1$. То же стихотворение. Весь текст зачеркнут.

Л. 10$_1$. Стихотворение «Старик». Слева карандашом «М», чернилами «Напечатай?» Справа карандашом «Мел.»

Весь текст зачеркнут, но слева карандашом наискось не Пушкина рукой: «оставить».

Стихотворение «Веселый пир». Карандашом слева «М», справа «Мел.»

Текст зачеркнут общей извилистой чертой с прочими стихотворениями этой страницы (другие сверх того зачеркнуты особо). Во втором стихе слово «заседатель» подчеркнуто карандашом и приставка исправлена, так что получилось «председатель».

Стихотворение «В Альбом Пущину». Первый стих «Взглянув когда нибудь на тайной сей листок» исправлен:

Взглянув когда нибудь на верной сей листок.

Стих «Волшебной сладкою мечтою» заменен другим:

Где подружились мы душою

Первоначально этот стих намечен:

Где подружился ты со мною.

Последнее слово неразборчиво. Зачеркнув слова «ты со мною» и, надписав «мы», Пушкин оставил неисправленной форму глагола.

Л. 10$_2$. То же стихотворение. Сверху написано в особую строку:

И дружбу первую и первую любовь

В двух следующих стихах зачеркнуты слова «надежды, наслажденья» и «дружества, отрады», так что из незачеркнутых слов образовался один стих:

Печали, радости, размолвки, примиренья...

Следующий стих исправлен так:

Что было — что не будет вновь. —

Поставив в конце стиха точку и тире Пушкин зачеркнул одной чертой следующий стих и затем остальные стихи косыми чертами. Уже после переделки всё стихотворение зачеркнуто. В виду сложности переделок, привожу полностью окончательный хотя и недовершенный полный текст стихотворения:

В Альбом Пущину.

Взглянув когда-нибудь на верной сей листок
Исписанной когда-то мною,
На время улети в Лицейский уголок,
Где подружились мы душою.
Воспомни быстрыя минуты первых дней
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Живыя впечатленья, младой души твоей[18].
И дружбу первую и первую любовь,
Печали, радости, размолвки, примиренья...
Что было — что не будет вновь. —

К сожалению Пушкин зачеркнул стихотворение, не закончив его обработки, так что настоящая редакция не дает сведенного текста.

Стихотворение «Твой и Мой». Весь текст зачеркнут. Четвертый стих подвергался переделке. Сперва уничтожены слова «Но потакать» и следующий союз «и» переделан в «Но» с большой буквы: Пушкин хотел начать здесь стих, пополнив его вставкой в середину оставшегося текста. Затем он написал:

Но признаюсь и верить им не смею.

Затем восстановил первоначальную редакцию. Наконец надписал:

Но милый друг и верить им не смею.

В последнем стихе имя «Ниса» было заменено именем «Лида», но затем восстановлено.

Стихотворение «Надпись к беседке» зачеркнуто.

Стихотворение «К К. Г..» зачеркнуто карандашом и затем чернилами.

Л. 11$_1$. Стихотворение «Мадригал М-ой» зачеркнуто карандашом и затем чернилами.

Стихотворение «К портрету Ж.» Справа карандашом «Мел.»

Второй стих «Пройдет времен в таинственную даль» исправлен:

Пройдет веков завистливую даль.

Стих «Услыша их воспламенится младость» изменен:

И внемля им вздохнет о славе младость.

Стихотворение «Добрый человек». Около последнего стиха на полях карандашом NB.

Л. 11$_2$. Стихотворение «Экспромт». Слева карандашом «М». Заголовок зачеркнут и надписано: «К. А. Б—». В слове «истинна» зачеркнуто второе «н».

Стихотворение «Уединение». Слева помета карандашом «М».

---

[18] Этот стих, испорченный в копии, остался непоправленным. Он явился видимо результатом неясной перестановки полустиший первоначального стиха: «Младой души твоей живыя впечатленья»; перестановка эта сделана вероятно ради рифмы к «дней», при чем осталось незамеченным, что второе полустишие женского окончания и не может быть поставлено на первое место. Устранить этот стих нельзя, потому что иначе остается один стих без рифмы; оставить также нельзя как неправильный и как нарушающий закон чередования рифм (получается последовательность двух нерифмующих мужских стихов).

Стихотворение «История стихотворца». Слева карандашом «Эпиг.» Поправок нет.

Л. 12$_1$. Стихотворение «Куплет». Название зачеркнуто и надписано «Имянины». Второй стих «Пойте песни в добрый час» сперва переделан:

Пойте, дети, в добрый час

Но затем слово «дети» зачеркнуто и написано прежнее «песни» (исправлено из ранее написанного «пейте»).

Стих «Но какой-то Бог крылатой» подвергся сложной переработке. Сперва:

Между тем Божок крылатой.

Слово «Божок» переправлено из «Бог», затем зачеркнуто, восстановлено и над ним надписано «и» и окончание «г», так что получилось:

Между тем и Бог крылатой.

Наконец стих изменен окончательно:

Между тем дитя крылато

Следующий стих «Нам знакомый, о друзья» переделан сперва:

Их приветствуя, друзья.

и затем:

Вас приветствуя друзья.

Предпоследний стих «Молча думает: Когда то» исправлен:

Втайне думает: Когда то

при этом слово «думает» сперва было изменено в «думая», но затем первоначальная форма восстановлена. В слове «втайне» начальное «в» зачеркнуто, но окончание осталось неисправленным.

Стихотворение «Роза». Слева карандашом: «М». Исправлений нет.

Слева на полях боком сверху вниз написано новое стихотворение (и затем зачеркнуто):

От многоречия отрекшись добровольно
В собраньи полном слов не вижу пользы я
Для щастия души, поверьте мне друзья
Иль слишком мало всех иль одного довольно.

Второй стих первоначально читался:

В огромном словаре не вижу пользы я.

Стихотворение «Певец». Справа пометы: 2 (1816).

Л. 12$_2$. В том же стихотворении в последнем стихе второго четверостишия ошибочно зачеркнуты последние буквы: «ли».

«Усы». Справа помета карандашом: «М».

Стих «Качая тихо головою» исправлен:

Качая лысой головою.

Второе шестистишие, начиная от «Гусар! нет вечного в природе до «Умчала всё времен река» зачеркнуто карандашом, при чем против первых двух стихов на полях черта. В третьей строфе исправлена описка переписчика: «закрученный» (было «закрюченный»).

Л. 13$_1$. То же стихотворение. Три шестистишия от «Чтобы не смять Уса лихова» до «А саблю верную потом» зачеркнуты. Против двух следующих сти-

хов слева карандашом черта. Таким образом после всех сокращений стихотворение приобретало вид:

У С Ы.

Философическая Ода.

Глаза скосив на ус кудрявой
Гусар с улыбкой величавой
Вкруг пальца завитки матал;
Мудрец с обритой бородою
Качая лысой головою
Со вздохом усачу сказал:
За уши ус твой закрученный
Вином и ромом окропленный
Гордится юной красотой
Не знает бритвы; выписною
Он вечно лоснится сурьмою
Заправлен гребнем и рукой.—
Гордись Гусар! но помни вечно —
Что всё на свете скоротечно —
Летят губительны часы
Румяны щеки пожелтеют
И черны кудри поседеют
И старость выбелит усы.

Стихотворение «Стансы (из Вольтера)». Название (обе строки) зачеркнуто.

Л. 13$_2$. То же стихотворение. Весь текст зачеркнут карандашом.

Л. 14$_1$. То же стихотворение. Весь текст зачеркнут карандашом.

Стихотворение «К***» («Не спрашивай...») Справа карандашом очень неясная помета, которую можно прочесть «Эл.» или «См.» Слева помета «М». Поправок нет.

Стихотворение «Заздравный кубок». Поправки карандашом.

Первый стих «Кубок веселый» исправлен:

Кубок янтарной

Третий стих «Пеною белой» исправлен:

Пеной угарной.

Л. 14$_2$. То же стихотворение. Исправлена одна описка переписчика: «Просто» вместо «Проста», и пунктуация стихов 3 и 4 (зачеркнута первая запятая и в следующем стихе запятая заменена вопросительным знаком).

Л. 15$_1$. Стихотворение «Романс». Справа чернилами «4».

Поправки сделаны карандашом и обведены чернилами рукой Л. Пушкина.

В стихе «Стыд вечный вина моя» исправлена ошибка копии вставкой после слова «вечный» слова «мне».

В следующем стихе «Меня на веки ты забудеш» крестиком слово «Меня» переставлено после слова «ты», так что стих получил следующую форму:

На веки ты меня забудешь

Л. 15$_2$. Строфа «Быть может, сирота унылой» до «И бросила пустынной свет» зачеркнута. В связи с этим первый стих следующей строфы «Но что сказала я... быть может» переделан карандашом:

Она простила... но быть может

В зачеркнутой строфе изменена пунктуация (после третьего стиха был вопросительный знак, поставлена запятая, а вопросительный знак поставлен после четвертого стиха, где было тире).

Л. 17$_1$. Стихотворение «К Жуковскому» (начало на предыдущем, утраченном листе). Первый стих «Ты держишь на коленях лиру» сперва был изменен:

И держишь на коленях лиру

но затем восстановлено первое чтение.

Стих «Не для подкупленных судей» изменен (карандашом):

Не для завистливых судей

Следующий стих «Ничтожной завистью своей» зачеркнут.

В конце стихотворения приписка: *«И прочее см. С. О. 1821 № послед.»*

Л. 17$_2$. Стихотворение «К N. N.» (К Энгельгардту). Против стиха «Венеры набожный поклонник» на полях написано «или ветреный». Вариант этот, явно на предмет цензуры, вписан рукою Л. Пушкина в текст: «ветренный», а слово «набожный» зачеркнуто. В стихе «Тенисты клены, огороды» зачеркнута запятая и исправлено карандашом окончание последнего слова:

Тенисты клены огорода.

Стихотворение «Платонизм». Над названием сделана надпись:

«Не нужно — ибо я хочу быть моральным человеком».

Текст зачеркнут карандашом. Против трех стихов от «Ты посвящаешь...» до «От подозрительных подруг» на полях слева карандашом две черты и знак NB.

Л. 18$_1$. То же стихотворение. Весь текст перечеркнут. Чьей-то рукой карандашом пронумерованы стихи через пять.

Л. 18$_2$. Стихотворение «Амур и Гименей». Справа чернилами: 3 (1816).

Слева на полях карандашные знаки против стихов с 3-го до 5-го (от «Знавали ль вы...» до «Слепова?.. вот! помилуй Феб») черта и знак NB, трижды подчеркнутый. Против стиха «Но шалости — его забавы» — крест; против стиха «Чтоб людям на смех и на зло» зачеркнутый знак NB. Весь текст перечеркнут накрест карандашом.

Два стиха «Но шалости — его забавы: Задумал ветренник лукавой» зачеркнуты и на поляхъ карандашом написано:

Но шалуну пришла ж охота

Этот стих рукою Льва Пушкина вписан в текст.

В стихах «Его дурачество вело Дурачество ведет Эрота» — карандашом зачеркнуто в обоих случаях слово «дурачество» и надписано «безумие». Надписанное обведено рукою Л. Пушкина.

В стихе «Но вдруг не знаю почему» слово «Но» зачеркнуто и восстановлено.

Слева надписано и зачеркнуто «И».

Следующий стих «К дурачеству прошла охота» зачеркнут.

Стихи:

Он из Кипридиных детей
Бедняжка дряхлой и ленивой
Холодной, грустной, молчаливой,

подверглись сложной переделке. Слова «из Кипридиных» зачеркнуты, восстановлены и восстановление снова уничтожено. Надписано «сын Вулкана молчаливой» (первоначально написано: «сын Ки»). Зачеркнуты слова: «Бедняжка», «грустной», «молчаливой» и оставшиеся слова второго стиха чертой перенесены в третий стих. Получилась новая редакция в два стиха:

Он сын Вулкана молчаливой
Холодной, дряхлой и ленивой.

Эта редакция зачеркнута в тексте и перенесена на поля рукой Льва Пушкина.

Л. 19$_1$. То же стихотворение. Весь текст перечеркнут карандашом. Стих «Гимена грустные дозоры» переделан:

Гимена скучныя дозоры.

Стих «Его таинственные взоры» изменен:

Его завистливыя взоры.

В обоих случаях карандашные поправки Пушкина обведены чернилами рукою Льва Пушкина.

В конце стихотворения зачеркнутая приписка чернилами: «Напечатать? в смесь».

Л. 19$_2$. Стихотворение «К Дельвигу». Справа чернилами: 2.

В первом стихе «С любовью, дружеством и леньею» зачеркнуто «С» и зачеркнуто и восстановлено «дружеством».

Второй стих «Вдали забот и мрачных бед» переработан:

Укрытый от забот и бед.

Третий стих «Живи в безвестности под дружественной сенью» переделан:

Живи под их надежной сенью.

Стих «Певца баюкают камены молодыя» изменен:

Его баюкают камены молодыя

Стих «Украсив розами поэта первый путь» заменен другим:

И тайный указали путь

Следующий стих «Священной лиры наслажденья» изменен:

Я лирных звуков наслажденья

Далее «Я рано чувствовать умел» заменено:

Младенцем чувствовать умел

Стих «Но всё прошло на век... минуты упоенья» переделан:

Но где же вы, минуты упоенья

Стих «И тайной клеветы невидимый кинжал» изменен:

И злобной клеветы невидимый кинжал.

Поправки подрисованы рукой Л. Пушкина.

Л. 20$_1$. Стихотворение «Торжество Вакха». Начало стихотворения на утраченном листе.

Стих «Нелицемерною хвалой!..» сопровожден припиской:

Эван, Эвое! и проч.

Этой припиской Пушкин узнал, что сюда должны быть приписаны стихи, дважды повторяющиеся в конце стихотворения. В этом месте рукою Льва Пушкина поставлен условный знак, повторенный около первых строк листа *21*$_1$.

Стих «Вот он! вот Бахус! час отрадной» изменен:

Вот он! вот Вакх! о час отрадной!

Стих «И гимны радости поют» переделан сперва:

И гимны буйныя поют

затем:

И гимны в честь ему поют.

Стихи:

За ним теснится по дороге
Сатиров козлоногий рой

переделаны:

За ним теснится козлоногий
И фавнов и сатиров рой.

Стихи:

Опутаны цветами роги
И виноградною лозой.

переделаны:

Плющом опутаны их роги;
Бегут смятенною толпой.

Стих «Шатаясь тянутся станицей» переделан сперва:

Толпой бегут за колесницей

затем:

Вослед за быстрой колесницей [19].

Очевидно вторая редакция связана с переделкой предыдущих стихов, так что первая поправка предшествовала переработке этих стихов.

Стихи от «По дале вижу дивный ход» до «Составя шумный хоровод» сперва перечеркнуты одной чертой, затем черта эта уничтожена и стихи подвергнуты переработке. Первый стих начат переработкой: «Но там». Это зачеркнуто и стих исправлен:

Там дале вижу дивный ход!

Второй стих «Звучат веселые тимпаны» зачеркнут и сверху написан в прежней редакции.

Стих «И с пеньем юные Сильваны» сперва переделан:

И с пеньем Нимфы и Сильваны

затем начало зачеркнуто и начата не совсем ясная переработка: «Дубрав» и затем: «Млад»(?). Всё это зачеркнуто и приписано «Младыя». Вследствие разбросанности окончательной поправки Лев Пушкин зачеркнул ее и написал ее наново:

Младыя Нимфы и Сильваны

[19] Слово «колесницей», оставленное Пушкиным незачеркнутым, в первой поправке зачеркнуто и переписано в соответствующее место поправки рукою Льва Пушкина.

Стих «Из чаш наполненных вином» зачеркнут и вместо него написан стих, составившийся из двух самостоятельных поправок. Сперва написано новое начало стиха: «вино струится, и» далее недописанное неразборчивое слово. Возможно, что слово «вино» приписано позднее. Конец стиха: «брызжет пена».

Вычеркнув лишнее и поставив запятую Пушкин получил стих:

Вино струится, брызжет пена

Вместо следующего стиха Пушкин написал (возможно прежде переработки предыдущего стиха) с пропуском среднего слова:

На старца льется пена.

Затем всё это зачеркнуто. В следующем стихе все слова зачеркнуты, затем среднее слово (сыплются) восстановлено и стих дополнен:

И розы сыплются кругом [20].

Стих «И тяжкий тирс плющем обвитой» изменен:

И тирс символ победы мирной

При этом неразборчивые окончания двух последних слов неверно подправлены рукою Л. Пушкина по ранее написанному. Стало «победный мира».

Следующий стих «И старый кубок золотой» изменен:

И кубок тяжкой золотой.

Л. 20₂. То же стихотворение. Стих «Обширной крышею покрытый» изменен перестановкой слов:

Покрытый крышею обширной.

Затем, зачеркнув стих, Пушкин на полях последовательно написал и зачеркнул:

венчанный
Огромной
крышкою
крышею

Всё в конце концов оказалось зачеркнутым.

Стих «Помчалися, летят, свиваются руками» исправлен в первом слове «Промчалися».

Стих «Со смехом топчут пышной луг» переделывался последовательно:

Волшебной пляской топчут луг
Ужасной пляской топчут луг.

Последнюю редакцию Пушкин зачеркнул и вернулся к предшествующей («Волшебной»).

Слово «пляской» как неразборчиво написанное Л. Пушкин зачеркнул и написал заново. Следующие два стиха:

И младость пылкая стекается толпами
Прелестниц дерзостных вокруг

изменены:

И младость пылкая толпами
Стекается вокруг.

---

[20] Вследствие недостаточной разборчивости поправки Л. Пушкин зачеркнул и снова написал слово «кругом».

Стих «И взоры полные томленьем» переделан:

Их очи полные безумством и томленьем

В следующем стихе зачеркнуто и затем восстановлено слово «Сказали». Кроме того, после этого слова тире заменено двоеточием.

Стих «Восторг безумный наслажденья» изменен:

Восторг и дерзость наслажденья.

В стихе «Махая тирсами как призраки несутся» зачеркнуты слова «как призраки» и стих стал:

Махая тирсами несутся.

Следующий стих «Уже вдали их вопли раздаются» изменен:

Уж издали их вопли раздаются.

Стих «И слабый гул чуть бродит по лесам» начат переделкой: «И гул глухой», а затем последний эпитет зачеркнут и переделан конец стиха, при чем слово «им» сперва было написано «их»:

И гул им вторит по лесам.

Л. 21$_1$. То же стихотворение.

Стих «В стакан весельем освященный» сперва переделан:

В Кипридой кубок освященный [21].

Затем этот стих был вовсе уничтожен.

Стих «Из рук влюбленной красоты» переделан:

В честь Вакха, Муз и красоты [22].

Стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». Справа не Пушкина рукой (может быть рукой Льва Пушкина) помета «1-ая». В тетради, приготовленной к печати, это стихотворение было на первом месте в отделе «Разных стихотворений». В тексте стихотворения поправок нет.

Листы *22—24*. То же стихотворение. Поправок нет.

Л. 24$_2$. Стихотворение «К Лициниусу». Заголовок переделан: «К Лицинию». В подзаголовке «(из латинскаго)» изменен предлог: «с латинского». Слева чернилами в скобках дата: (1815).

Стих «Как розги Ликторов народ нещастной гонят» изменен:

Смотри как Ликторы народ нещастной гонят.

Л. 25$_1$. То же стихотворение. Перед стихом «Но кто под портиком с поникшею главою» на полях помета: «à la ligne».

Стих «Оставим юности тщеславной шум веселий» переделан, при чем слова, уже находившиеся в копии, написаны сокращенно:

Тщесл. юности остав. блеск веселий.

Следующий стих «Пускай безстыдной Клит, вельможей раб Корнелий» изменен:

Пускай безстыдной Клит, слуга вельмож Корнелий.

---

[21] Сначала был написан только конец стиха «в кубок освященный».

[22] Возможно, что была промежуточная редакция: «Из рук в честь Вакха, красоты».

Л. 25$_2$. То же стихотворение. В стихе: «Торгуют подлостью и с дерзостным челом» вписан пропущенный переписчиком предлог «с». Перед стихом «О Рим! о гордый край разврата, злодеянья» помета: «à la ligne».

3. Комментарий к текстам

Прежде чем перейти к текстам, остановимся на смысле разметок. Соответственно отделам книги Пушкин размечал свои стихотворения сокращенными названиями жанров: Элегии, Смесь (т. е. Разные стихотворения), Мелочи (т. е. Эпиграммы и надписи). Помет, относящихся к Посланиям, нет ни одной. Жанровые пометы около некоторых стихотворений даны дважды. Можно думать, что вторые пометы (обычно одна буква М., т. е. Мелочь) сделаны не Пушкиным, а его братом. Они сделаны так небрежно, что определить почерк не представляется возможным. Все пометы вполне соответствуют месту, занимаемому стихотворением в издании 1826 г., кроме одного случая. Это помета при стихотворении «К ***» («Не спрашивай...»). Пушкинская помета при этом стихотворении исключительно неразборчива. Ее можно читать и как «См.», и как «Эл.». По характеру своему стихотворение относится к элегиям. Сравнительно небольшой размер стихотворения (12 стихов) не противоречил пушкинскому пониманию жанра. Среди Элегий помещены «Друзьям» в 8 стихов и «Я пережил свои желанья» (12 стихов). Между тем неразборчивость этой пометы вызвала вторую помету: М. Стихотворение напечатано в отделе «Эпиграмм и надписей», среди которых оно является самым крупным по размеру. Можно думать, что в этот отдел оно попало по недоразумению, вследствие неразборчивости пушкинской пометы.

Кроме жанровых помет имеется еще нумерация, проставленная вероятно рукой Л. Пушкина, у немногих стихотворений. В отделе Элегий номера стоят у двух стихотворений:

К ней 14 (из 13).

Уныние 15 (из 14).

Хотя в сборнике 1826 г. эти два стихотворения занимают именно 14-е и 15-е места (в рукописи; в печатном издании этих стихотворений нет, так как они исключены Пушкиным), однако цифры вряд ли связаны именно с окончательным порядком элегий. Вернее связать их с нумерацией элегий в Капнистовской тетради. Здесь находится 12 пронумерованных подряд элегий, за которыми следует без номера элегия «Гроб юноши». Повидимому две данные элегии должны были следовать непосредственно за включенными в Капнистовскую тетрадь. Отсутствие номера у элегии «Гроб юноши» вызвало ошибку в нумерации, скоро замеченную и исправленную.

Этой связью нумерации с Капнистовской тетрадью и объясняется, почему номера начинаются с 14-го и в тетради не находится элегий с меньшими номерами.

Оставляя в стороне стих. «К Дельвигу», номер которого очевидно связан с порядком Посланий, остальные пронумерованные стихотворения относятся к отделу «Смеси» и следуют в таком порядке:

1. «Воспоминания в Царском Селе».
2. «Певец».
3. «Амур и Гименей».
4. «Романс».
5. (из 3) «Наездники».
6. (из 4) «Месяц».

Первое стихотворение занимало в тетради, приготовленной к изданию, первое место своего отдела. Остальные пять в той же самой последовательности занимали в отделе «Разные стихотворения» места, начиная с IX и кончая XIII. Повидимому эта нумерация имеет прямое отношение к изданию 1826 г.

Необходимо сказать, что цифры этих номеров ничего специфического для руки Пушкина не имеют и могли быть поставлены Л. Пушкиным. Одна же цифра — при «Воспоминаниях в Царском Селе» явно поэту не принадлежит.

Точно так же нет уверенности в том, что даты поставлены А. Пушкиным. См. стр. 64, прим. 34.

Обратимся теперь к самому тексту отдельных стихотворений.

1) «Гроб Анакреона». Ранний текст этого стихотворения (1817 г.) известен по тетради № 2364. В этой тетради стихотворение переписано рукой неизвестного и затем поправлено Пушкиным. Поправки Пушкина приближают текст к редакции тетради Всеволожского, но не окончательно. Ограничусь примерами.

Ранний текст: Здесь Теосский спит мудрец
Поправка в тетради: Здесь Киферы скрыт мудрец
Тетрадь Всеволожского: Здесь Цитеры спит мудрец.
Ранний текст: Сын отрад изображен
Поправка: Счастья сын изображен
Тетрадь Всеволожского так же.
Ранний текст: Здесь на ветренной цевнице
Поправка: Здесь на сладостной цевнице
Тетрадь Всеволожского: так же.
Ранний текст: Виноградом увенчанный
В чашу он его лиет:
Поправок нет. Тетрадь Всеволожского:
Там он гроздами венчанный
Полной чашей негу пьет.
Ранний текст: Здесь на лиру кинув длани
Тетрадь Всеволожского: Здесь подняв на лиру длани.

Кроме того имеется еще несколько мест, в которых первый текст тетради Всеволожского не совпадает с тетрадью № 2364 даже в окончательном ее тексте («скачут» вм. «пляшут»; «увиты» вм. «повиты»; «веселый сон» вм. «невнятный вздох»; «привиденье» вм. «сновиденье»; «тайной» вм. «нежной»).

Таким образом хотя большинство поправок в тетради № 2364 (кроме перечисленных существенно исключение весьми стихов после четвертого) и вошло в первый текст тетради Всеволожского, но непосредственным источником для переписчика эта тетрадь не могла быть.

Выше приведенные поправки Пушкина установили тот текст, который должен был войти в издание 1826 г. И в действительности различия издания и тетради незначительны. Они сводятся к орфографии и пунктуации. Кроме того изменен один стих. В тетради:

Игры вслед за ним ушли...

В издании:

Игры вслед за ним пошли...

Трудно сказать, имеем ли мы здесь поправку или опечатку. В издании 1826 г., как мы убедимся, были опечатки. Пушкин писал Плетневу около 20 января, по получении книг: «Душа моя, спасибо за Стихотворения Александра Пушкина; издание очень мило; кое-где ошибки, это в фальшь не ставится». Однако Пушкин мог внести и вносил поправки в текст тетради, подготовленной к печати.

2) «Пробуждение». Повидимому к этому стихотворению относится приписка в начале: «Цензор врет: эти стихи были уже напечатаны». С этой пометой связана и приписка в конце: «Напечатаны у Загоскина в стар. журнале». Этот «старый журнал» — «Северный Наблюдатель», издававшийся Загоскиным вместе с П. Корсаковым в 1817 г. «Пробуждение» было напечатано здесь в № 25 (декабрь 1817 г.).

Непонятно, как эта полемика с цензором могла появиться в тетради Всеволожского. Это предполагает предварительные, очевидно частные, разговоры Льва Пушкина с Бируковым. Но когда эти разговоры происходили и какой текст мог

показать Л. Пушкин цензору? Возможно, что показана была самая тетрадь Всеволожского до отсылки ее Пушкину. Но на тетради нет ясного следа цензурного просмотра, который давал бы основания думать, что речь идет о цензоре, просмотревшем эту рукопись для предполагавшегося ранее издания: нельзя предполагать что данная тетрадь есть копия процензурованного экземпляра: в ней есть стихи, которые цензура запретила бы, да и трудно вообразить поводы, по которым показывалась бы цензору тетрадь, явно требовавшая сокращений и переделки. Повидимому цензор видел текст «Пробуждения», уже предназначенный Пушкиным к печати. Но таким текстом мог быть текст, находившийся в Капнистовской тетради. Это заставляет предполагать, что она была уже отослана в Петербург, когда Пушкин работал в Михайловском над тетрадью Всеволожского. Повидимому вызвали возражение цензора последние стихи, отмеченные в рукописи скобкой и знаком NB. Против этой скобки какая-то уже стершаяся карандашная надпись. Повидимому вообще карандашные отчеркивания на полях и знаки NB — результат предварительных частных переговоров с цензором.

Черновая поправка на полях и является удовлетворением требования цензора. Она приближает текст к тому, который появился в печати. Различие в одном слове: «услышь», замененном в печати словом «внемли».

Первоначальный текст тетради совпадает с текстом тетради № 2364.

Текст журнала отличался от текста тетради № 2364 только порядком рифм в двух стихах («упоенный», «утомленный»).

3) «Выздоровление». Текст тетради Всеволожского до переделок ближе всего к копии из тетради В. Ф. Щербакова, опубликованной Ефремовым в VIII т. издания 1903 г. Здесь мы находим те же шесть стихов, отброшенных в издании 1826 г. Но наблюдаются и расхождения, при чем редакция тетради Всеволожского ближе к тексту издания, чем редакция копии Щербакова. Поэтому с некоторым вероятием можно считать редакцию тетради позднее редакции щербаковской копии. Вот примеры расхождения этих двух редакций:

Копия Щербакова: Волненье смутных дум иль пламенный недуг
Тетрадь Всеволожского и издание: Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Копия Щербакова: И скрылась ты прелестным сновиденьем
Тетрадь Всеволожского и издание: И скрылась ты прелестным привиденьем.

Совсем неясно, почему Пушкин правил этот текст и чем он руководствовался в поправках. Эта элегия вошла в состав Капнистовской тетради. Править ее в тетради Всеволожского не было никакой нужды. Наконец, если бы Пушкину хотелось и в тетради иметь ту же редакцию, что и в рукописи Капниста, он просто перенес бы оттуда свои поправки. Но в действительности дело обстоит гораздо сложнее. Во-первых, мы имеем ряд несовпадающих поправок:

Первый стих был: «Тебя ли видел я, прелестный милый друг». В Капнистовской тетради: «Тебя ль я видел, милый друг?». В тетради Всеволожского исправлено:

Тебя ли видел я, мой друг?

Стих «Но вновь в уме моем стеснились мрачны грезы» так же читается и в рукописи Капниста и в издании. Здесь он исправлен:

Но вновь в душе моей стеснились мрачны грезы.

Последний стих «Любви таинственной и шалости младой» так же читается в рукописи Капниста и в издании. Здесь он изменен:

Любви и шалости младой.

Таким образом в некоторых местах поправки идут как бы дальше поправок Капнистовской тетради. С другой стороны, стих «Вновь сердцем онемев забылся в мертвой мгле» здесь изменен «Вотще мой слабый взор искал тебя во мгле»,

между тем это первая редакция текста Капнистовской тетради, которая была заменена здесь же в рукописи на окончательную редакцию, вошедшую в издание:

Я слабою рукой искал тебя во мгле.

Всё это заставляет предположить, что поправки в тетради Всеволожского делались независимо от Капнистовской тетради и не по тетради, а по какому-то общему источнику для обеих тетрадей. Свободно перенося поправки, Пушкин тут же в каждом случае делал разные отступления от общего оригинала. Общность источника обусловлена как большой согласованностью текста обеих тетрадей, так и наличием раннего текста Капнистовской тетради в поправках, нанесенных на тетрадь Всеволожского. Пушкин мог забыть, что эту редакцию стиха он уже отменил. Во всяком случае необходимо допустить, что над тетрадью Всеволожского Пушкин работал тогда, когда у него не было Капнистовской тетради.

4) «К ней» («В печальной праздности я Лиру забывал»). Стихотворение это до сих пор было известно по изданию Анненкова, перепечатавшего его из тетради, с которой печаталось издание 1826 г. и из которой оно было исключено Пушкиным. В сравнении с окончательным текстом тетради Всеволожского известная редакция отличий не имеет, если не считать деталей пунктуации и типографского расположения (пробелов между частями стихотворения). Новым по сравнению с ранее известным является ранняя редакция стихотворения — до поправок Пушкина, в частности четыре стиха, зачеркнутые Пушкиным:

Тебя увидел я..... нет! в сердце не потух
Святой поэзии восторг неизъяснимый;
Нет! он еще горит, поэта прежний дух,
Сей пламень, музами хранимый!

5) «Разлука». Стихотворение под названием «Кюхельбекеру» было напечатано в «Невском Зрителе» в апрельской книге 1820 г. Редакция тетради в первоначальном виде отличается от редакции журнала отсутствием начальных «Итак» в 5-м и 6-м стихах. После переделки оно приобрело тот вид, в котором напечатано в издании 1826 г.

6) «Уныние». Эта элегия отсутствовала в Капнистовской тетради, перешла из тетради Всеволожского в тетрадь, подготовленную для издания, и оттуда исключена Пушкиным. Первоначальный текст тетради Всеволожского довольно точно воспроизводит текст тетради № 2364 после поправок. Текст тетради, подготовленной к изданию, известен по изданию Анненкова. Он совпадает с окончательным текстом тетради Всеволожского.

7) «Месяц». Первоначальный текст восходит к лицейской редакции, известной по Никитенковской тетради («Русские Пропилеи», т. 6, стр. 61) и по первоначальному тексту копии, находящейся в тетради № 2364, но с учетом поправок, выражающихся в пропуске четверостишия и изменении двух слов. В этот текст, относящийся к 1820 г., в тетради Всеволожского дана только одна поправка: замена в 8-м стихе эпитета «гордым» эпитетом «строгим». Повидимому в таком виде стихотворение вошло в сборник, подготовленный к печати, откуда оно исключено Пушкиным, который, прежде чем исключить стихотворение, изменил 17 стих, заменив слово «любовницы» словом «возлюбленной». Анненков, видевший эту копию, не использовал ее полностью, ограничившись исключением из текста посмертного издания, восходившего к Никитенковской тетради, отсутствовавшего в этой копии четверостишия. Он сохранил в остальном текст посмертного издания и сообщил в примечаниях приведенный вариант. Только в позднейших изданиях по сообщению Якушкина («Русская Старина» 1884, февраль, стр. 426) внесена поправка из тетради № 2364 к стиху 15 («завес» вм. «ясень»), приблизившая традиционный текст к редакции тетради Всеволожского. Однако поправка к стиху 8-му оставалась неизвестной вследствие неполноты сообщения Анненкова.

8) «Друзьям». Текст совпадает с автографом в тетради № 2364 и с тем, который находился в Капнистовской тетради. Как уже переписанное стихотворение зачерк-

нуто, но в него внесена поправка в 7-й стих. Для чего сделана эта поправка — неясно, тем более что первые восемь стихов отброшены Пушкиным в Капнистовской тетради, куда стихотворение первоначально было записано в составе тех же 16 строк.

Можно было бы в этой поправке видеть след обращения к этой тетради в 1820 г. и тогда всё объяснилось бы хорошо, но характер почерка не дает достаточных данных для уверенного отнесения этой поправки к 1820 г. Вообще вопрос о том, правил ли Пушкин эту тетрадь в 1820 г., остается открытым и надо искать другого объяснения поправкам, введенным в текст стихотворений уже переписанных в Капнистовскую тетрадь, и поэтому в тетради Всеволожского зачеркнутых.

9) «Мечтателю». Это стихотворение находилось в Капнистовской тетради и поэтому зачеркнуто. Но при этом внесено одно изменение, приближающее его к редакции Капнистовской тетради и издания. Исправление это несомненно сделано в 1825 г. Однако далеко не в одном только слове расходились редакции двух тетрадей. Текст тетради Всеволожского очень близок к тексту, напечатанному в «Сыне Отечества» 1818 г. Впрочем есть некоторые отличия, которые не были известны по вариантам изученных источников. Дата, поставленная в тетради Всеволожского, явно ошибочна. Стихотворение было уже напечатано в 1818 г. В издании 1826 г. (и в рукописи Капниста) стоит правильная дата: 1818.

10) «Наездники». Исходный текст тетради Всеволожского близок к тексту тетради № 2364 с позднейшими поправками, не доведенными в этой тетради до конца. Впрочем в двух случаях Пушкин избирает раннюю редакцию (которая полностью напечатана по Никитенковской тетради в «Русских Пропилеях», т. 6, стр. 82). После переделки оно вошло в тетрадь, подготовленную для издания 1826 г., где его видел Анненков уже после того, как напечатал основной текст. Поэтому он ограничился описанием этой редакции в примечании. Пользуясь его описанием, впрочем совершенно недостаточным, Л. Н. Майков сделал попытку реставрации текста тетради, но, допустив при этом ряд ошибок и промахов по небрежности и невнимательности, пришел к совершенно фантастическому тексту. Поэтому только теперь мы получаем текст этого стихотворения в том виде, какой ему придал Пушкин сперва в 1820, затем в 1825 г.

11) «Подражание» («Я видел смерть...»). Это стихотворение находилось в Капнистовской тетради. Редакция Капнистовской тетради известна по публикации Анненкова, давшего текст тетради, подготовленной к изданию. Текст этой тетради совпадал с текстом Капнистовской тетради.

Текст тетради Всеволожского в его первоначальном виде является по отношению к капнистовскому более ранним. Из известных текстов он ближе всего к списку, опубликованному в «Библиографических Записках» 1858 г., № 10 (из сборника А. В. Шереметева). Однако в двух стихах эти тексты расходятся. С выработкой этого текста тесно связаны поправки в тетради № 2364. Изучение их приводит к выводу, что текст сборника Шереметева предшествовал тексту тетради Всеволожского.

С данным текстом мы снова наталкиваемся на ту же странность, что и с другими текстами, переписанными в Капнистовскую тетрадь. Стихотворение зачеркнуто, оставлено без даты и пометы отдела, но в то же время в него внесены поправки, в некоторых частях приближающие этот текст к окончательному, но всё же далеко не дающие совпадения с окончательным текстом.

12) «К Лиле». Стихотворение это под названием «Лиле» было известно по изданию 1826 г. в тексте, совпадающем с текстом тетради Всеволожского после поправок. В настоящее время мы узнаем предшествующую редакцию этого стихотворения.

13) «Желание». Стихотворение известно по тетради № 2364, где оно представлено в двух редакциях — ранней копии и в измененном поправками виде. Вторая редакция тетради № 2364 (где она носит название «Уныние»), но с прежним названием напечатана Борисом Федоровым в «Памятнике Отечественных Муз». Эта именно редакция находится и в тетради Всеволожского в качестве первоначаль-

ного текста. Здесь Пушкин перестроил стихотворение, исключив первое четверостишие и переделав второе следующим образом:

Я слезы лью; мне слезы утешенье,
И я молчу; не слышен ропот мой,
Моя душа объятая тоской
В ней горькое находит наслажденье.

Второе четверостишие окончательной редакции вполне совпадает с известным окончанием стихотворения.

14) «Морфей». Стихотворение это под названием «К Морфею» в той же редакции, что и в тетради Всеволожского, напечатано было в «Полярной Звезде» на 1824 г. Эта редакция представляет значительные отличия от лицейской редакции, известной по Никитенковской тетради и по тетради № 2364. Переработка, которой подверглось стихотворение в тетради № 2364, не ведет нас к окончательной редакции. Следовательно необходимо предположить, что источником текста тетради Всеволожского была не эта тетрадь и даже не копия с нее, так как отличия текстов значительнее тех мелких замен отдельных слов, которые обычны при авторской переписке и к которым в большинстве случаев сводятся отличия текста тетради Всеволожского от текста тетради № 2364 после поправок.

Это стихотворение под названием «К Морфею» помещено в Капнистовской тетради; будто бы по этой рукописи (по заявлению редактора) оно напечатано в Академическом издании (т. I), но грубейшие промахи и неточности редактора в примечании к этому стихотворению заставляют сомневаться в этом и отнести отступления от известной редакции не за счет особенностей Капнистовской тетради, а за счет небрежности редактора, тем более что, оговаривая несуществующие отличия редакций, действительного различия между текстами Академического издания и «Полярной Звезды» он не оговаривает.

Как помещенное уже в Капнистовской тетради Пушкин зачеркнул это стихотворение в тетради Всеволожского, но при этом поправил название и изменил эпитет в стихе 6-м. Это как раз тот эпитет, который уже подвергался изменениям в предшествующей работе над стихотворением.

15) «Безверие». Текст этого стихотворения очень близок к тексту тетради № 2364 после исправлений. Отличия следующие:

Тетрадь № 2364: Наш век — неверный день, всечасное волненье.
Тетрадь Всеволожского: Наш век—не верный день, минутное волненье.
Тетрадь № 2364. Всё тихо вкруг его, а, кажется, внимает.
Тетрадь Всеволожского: Всё тихо вкруг нее, а, кажется, внимает.
Тетрадь № 2364: Спешит он далее, но вслед унынье бродит.
Тетрадь Всеволожского: Но тайно вслед за ним немая скука бродит.
Тетрадь № 2364: С одной лишь верою повергнуться пред богом.
Тетрадь Всеволожского: С единой верою повергнуться пред богом.

С текстом, помещенным в «Трудах Московского общества любителей российской словесности» 1818 г., текст тетради Всеволожского не имеет точек соприкосновения. Так как аналогичное явление наблюдается по отношению к стихотворению «Гроб Анакреона», то пожалуй можно признать справедливым сомнение Л. Майкова в подлинности вариантов этого издания и предполагать в них изменения, внесенные посторонней рукой. Л. Майков основывался на стилистическом анализе.

16) «Старик». Текст тетради Всеволожского вполне (кроме деталей орфографии и пунктуации) совпадает с изданием 1826 г.

17) «Веселый пир». Стихотворение это было до сих пор известно по черновику, тексту «Мнемозины» и изданиям 1826 и 1829 гг. В «Мнемозине» оно было напечатано под названием «Вечер». Текст «Мнемозины» до сих пор считался

искаженным опечатками. Причиной этого послужили вероятно жалобы Пушкина на опечатки, которыми был искажен в альманахе Кюхельбекера «Демон». Текст «Мнемозины» кроме мелких отличий имеет существенное разночтение сравнительно с окончательным текстом, появившимся в издании 1826 г. Стих второй в альманахе читается:

Где веселье заседатель.

Приводя это разночтение, Анненков в издании 1855 г. сопроводил его восклицательным знаком, выражающим недоверие к подлинности варианта. Ефремов в издании 1882 г. прибавил от себя «Пушкин очень сердился за опечатку «Мнемозины», где веселье названо было «заседателем» (изд. Ф. И. Анского, т. I, стр. 536). Это замечание также основательно, как и безапелляционное заявление: «стихи написаны в Одессе». Отнесение его к 1824 г. объясняется исключительно годом выхода в свет «Мнемозины».

Хотя датировка Ефремова и была исправлена, но мнение об опечатке «Мнемозины» удержалось. Якушкин в Академическом издании отмечает, что в «Мнемозине» стихотворение появилось «с двумя разночтениями, которые зависели от опечаток». Н. О. Лернер в Венгеровском издании пишет, что впервые напечатано было это стихотворение «с очень глупой опечаткой во 2-м стихе, где веселье было названо заседателем» (т. I, стр. 484).

Настоящая рукопись реабилитирует Кюхельбекера. «Заседатель» во втором стихе вовсе не опечатка и не описка, а особенность ранней редакции. Тот же «заседатель» находится в раннем беловом автографе Пушкина в альбоме Павла Яковлева (1819) и в копии в альбоме Горчакова (оба альбома хранятся в Пушкинском Доме).

Только одно это слово и изменено Пушкиным в настоящей рукописи. С поправкой («председатель» вм. «заседатель») оно и появилось в издании 1826 г.

18) «В альбом Пущину». Стихотворение было известно по тексту копии, сделанной П. Ершовым из альбома Пущина и напечатанному в «Современнике» 1841 г., т. XXII, стр. 172. Имя Пущина было раскрыто в его «Записках». Тетрадь Всеволожского дает текст, отличающийся от текста альбома, при чем этот текст явно дефектен. Странно, что этот дефект (испорченный стих) Пушкин не устранил в переделке стихотворения. Отличия известной редакции от тетради Всеволожского сводятся к шести стихам:

Второй стих: Всесильной, сладостной мечтою (вм. «сладкою»)
Третий стих: Ты вспомни быстрые минуты первых дней (вм. «воспомни»)
Стихи 5 и 6 (соответствуют трем стихам):

Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья...

Стих 9: Ты вспомни первую любовь (вм. «воспомни»)
Стих 13: О милый,вечен он!

Возможно, что в тетрадь Всеволожского вошла редакция, основанная на черновом тексте, предшествовавшем беловому тексту альбома.

19) «Твой и мой». Стихотворение вписано в редакции, соответствующей тексту тетради № 2364 после поправок. Пушкин начал править четвертый стих, именно тот стих, который и в тетради № 2364 вызвал изменения (первоначально: Но и бранить причины не имею).

20) «Надпись к беседке». Текст тетради совпадает с текстом автографа собрания Грота и с копией тетради № 2364 с той разницей, что в последней название, вероятно по описке, искажено: «Надпись в беседке». Стихотворение это относится к французскому жанру Inscriptions — надписей, делавшихся к различным предметам (начиная с портретов), и вовсе не имеет в виду ассимилировать себя с надписями на стенах беседки.

21) «К К. Г. посылая ей оду: Свобода». Этот мадригал кн. Голицыной был известен по автографу Пушкина из архива Тургеневых. Его текст совершенно совпадает в обоих источниках, за исключением орфографии и названия, более раскрытого в автографе: «Кн. Г-ой, посылая ей оду Вольность». Такой же заголовок и в другом автографе, из Остафьевского архива.

22) «Мадригал М-ой». Этот мадригал, принадлежность которого Пушкину ныне впервые устанавливается, был напечатан при его жизни в сборнике, изданном Мих. Алекс. Яковлевым: «Опыт русской анфологии», 1828 г. В этом сборнике стихотворение помещено на стр. 12 без подписи. До сих пор никто не подозревал в этом стихотворении авторства Пушкина. Правда, в предисловии составитель благодарил Пушкина в числе прочих «за доставление для сей книжки новых, нигде не напечатанных пиес», но так как в этой антологии впервые появилась пушкинская эпиграмма «Русскому Геснеру», то и не могла возникнуть мысль искать пушкинских стихов среди анонимных мадригалов, тем более, что данное стихотворение ничем не выделялось из числа многочисленных мадригалов, напечатанных в данной антологии.

23) «К портрету Ж.». Первоначальный текст тетради совпадает за исключением четвертого стиха с текстом, напечатанным в журнале «Благонамеренный» 1818 г. В четвертом стихе переставлены слова, как и осталось в окончательной редакции (было «Безмолвная утешится печаль»). После поправок стихотворение приобрело окончательную форму, совпадающую с текстом издания 1826 г. и последующих.

24) «Добрый человек». Настоящий текст, несколько отличающийся во втором и третьем стихе от раннего текста тетради № 2364, не является окончательным, хотя и не имеет в тетради исправлений. Повидимому эти изменения сделаны уже в рукописи, подготовленной к печати. Изменения касаются тех же мест, которые уже были ранее переделаны. Вместо:

Дурак надутый и мудреный

напечатано:

Педант надутый и мудреный

в то время, как в ранней редакции было «Глупец».

Вместо:

Он важно бредит обо всем

стало:

Он важно судит обо всем

(в ранней редакции было «врет всё об одном»).

25) «К. А. Б. (Экспромт)». В этом стихотворении Пушкин изменил только название. Текст его совпадает с текстом издания 1826 г. Ранних текстов этого стихотворения не известно, равно как не известна и дата его написания. Тетрадь Всеволожского ставит начало 1820 г. как предел, но об этом можно было думать и по стилистическим основаниям. Возможно, что мадригал относится к еще более раннему времени, например к лицею, хотя и не фигурирует в лицейских собраниях. Буквы, поставленные в заголовке, не расшифрованы до сего дня.

26) «Уединение». Текст стихотворения совпадает с изданием 1826 г. за исключением стиха 5-го, где переставлены слова (в печати: судьба друзей послала). Наиболее любопытным является подзаголовок, снятый в издании: «из Арно». То, что данное стихотворение является переводом, определено сравнительно не так давно Ю. Оксманом (см. «Пушкин и его современники», вып. XXVIII. 1917, стр. 76). С тем же подзаголовком копия стихотворения находится в тетради А. В. Шереметева.

27) «История Стихотворца». Текст этого стихотворения был известен по журналу «Соревнователь просвещения» 1821 г. Текст этот отличается от текста тетради Всеволожского обратной последовательностью двух первых двустиший. Между тем в издании 1826 г. появился текст с той же последовательностью стихов, как и в «Соревнователе». Повидимому это произошло без ведома Пушкина, потому что он восстановил во втором издании Стихотворений 1829 г. тот же порядок стихов, что и в тетради Всеволожского. Характерно что, имея тетрадь Всеволожского, Лев Пушкин обращался к печатным источникам, включая в издание текст «Соревнователя».

28) «Именины (Куплет)». Стихотворение было известно только по изданиям 1826 и 1829 гг. Только по устной традиции, засвидетельствованной Гаевским, оно было отнесено к 1819 г. и связано с каким-то семейным праздником в доме Энгельгардтов. Тетрадь Всеволожского в некоторой степени подтверждает эту датировку и тем является косвенным доводом в пользу правильности свидетельства Гаевского. Тетрадь кроме того дает неизвестный ранний текст стихотворения.

29) «Роза». Текст тетради вполне совпадает с текстом издания 1826 г. и несколько отличается от текста тетради № 2364, даже учитывая поправки.

30) «От многоречия отрекшись добровольно...» Это стихотворение является новым приобретением пушкинского текста. Судя по тому, что оно вписано сперва в тетрадь без всяких помарок и потом уже в нем заменено два слова, можно думать, что оно является копией прежде написанного и что лишь исправление относится к 1825 г. На более раннее происхождение указывает и стиль этого стихотворения. Это не более, чем мадригал или галантная сентенция в духе французской антологической поэзии, влияние которой на Пушкина после 1820 г. начинает быстро иссякать. Это зашифрованное «одно слово», от которого зависит «счастие души», очевидно слово «люблю», вполне выражающее то чувство, для совершенного выражения которого «слишком мало всех слов». Эта перифрастическая техника рассудочных сентенций в стихах, культивировавшаяся в эпоху рифмованных шарад и загадок, не свойственна Пушкину 1825 г. С другой стороны, стихотворение это технически значительно сильнее, чем «Мадригал М-ой». Повидимому оно написано после составления тетради Всеволожского, может быть уже после ссылки на юг, но повидимому вскоре, т. е. еще в пределах 1820 г., и сохранилось в тех бумагах, которыми Пушкин пользовался, когда выписывал стихи в Капнистовскую тетрадь, и которые до нас не дошли. Упоминание в первой редакции «огромного словаря» может быть является намеком на выход в свет второго издания «Словаря российской академии», законченного изданием в 1822 г. В 1825 г. этот намек потерял свою злободневность и Пушкин его устранил, заменив более общим выражением.

Стихотворение написано вполне во французском духе, хотя кажется непосредственных образцов у него и не имеется.

Стихотворение это было впервые напечатано в «Известиях ЦИК» 6 июня 1934 г., № 131 (5379) (М. Цявловский «Автографы Пушкина и его архив»). Здесь оно сопровождено следующим комментарием: «Получив в 1825 г. рукопись, Пушкин (в дошедшей до нас части) в 29 стихотворениях сделал исправления, а 7 стихотворений зачеркнул. Предвидя, что Плетнев, Жуковский и брат будут возражать против этого исключения, Пушкин, окончив свою работу по правке рукописи, на полях одной страницы ее написал стихи, до сих пор остававшиеся неизвестными:

От многоречия отрекшись добровольно...

Большая ценность тетради конечно не только в этих чисто пушкинских остроумных стихах, но в том, что она дает текст ранних произведений поэта в том виде, в каком хотел издать их Пушкин в 1820 г.».

С этим толкованием стихотворения, как ни заманчиво оно, согласиться нельзя. В самом деле: последняя строка говорит: «Иль слишком мало всех, иль од-

ного довольно». Чего одного и всех? На это отвечает вторая строка: слов (отчасти структурой четвертого стиха и объясняется исключение оборота: «в огромном словаре», так как тогда слова «всех» и «одного», употребленные в местоименном значении, повисали без опорного существительного, или же вызывали нелепое осмысление: слишком мало всех словарей и довольно одного словаря). Для счастия души довольно одного слова и слишком мало всех слов (предполагается: существующих в человеческом языке). Что же такое, невыразимое никакими словами и одновременно укладывающееся в одно слово, и составляющее «счастие души»? Здесь никак не связать этого смысла с исключениями слабых стихотворений из приготовляемого сборника. Пушкин стремился сжать свой сборник, это правда: «Только не подражайте изданию Батюшкова— исключайте, марайте с плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себе в помощники Жуковского — не во гнев Булгарину, и Гнедича — не во гнев Грибоедову» (письмо брату и Плетневу 15 марта 1825 г.). Но с этим распоряжением поставить в связь настоящее стихотворение затруднительно.

31) «Певец». Стихотворение это, уже напечатанное в «Северном Наблюдателе» 1817 г., вошло в тетрадь Всеволожского в исправленном виде: изменен третий стих второй строфы (вм. «Прискорбную ль улыбку замечали»). В издании 1826 г. допущено отступление от рукописи Всеволожского, исправленное в издании 1829 г.: последний стих второй строфы напечатан: «Встречали ль вы?»

32) «Усы». Стихотворение известно по лицейским спискам (напр. по Никитенковской тетради и по копии в тетради № 2364). Здесь в текст введены поправки, вошедшие и в основной текст тетради Всеволожского, который является всё же текстом позднейшим, так как заключает в себе еще ряд изменений, не находящихся в тетради № 2364. Существенным является переработка второй строфы, шестой строфы и исключение предпоследней (седьмой). Во второй строфе любопытны стихи:

Упали стены Вавилона,
Упали драммы Доримона...

В лицейском списке:

Скажи, где стены Вавилона?
Где драммы тощие Клеона?

Безразличный Клеон (в котором не следует видеть, как предлагал Ернштедт, искажения имени Клеофона: имя Клеона обычно в комедиях и эпиграммах) заменен историческим именем Доримона. Это имя впервые фигурирует у Пушкина. Доримон (1628—1693) известен как автор пьесы о Дон Жуане «Festin de Pierre ou le Fils criminel» (1658). Это имя Пушкин мог услышать в связи с историей сюжета о дон Жуане, в частности в связи с историей мольеровского «Festin de Pierre». «Низкопробный драматург и третьестепенный актер сначала лионского театра, потом труппы de Demoiselle, Доримон раньше других наложил руку на этот богатый сюжет и приспособил пьесу Джилиберто к потребностям своей сцены, выбрав наиболее интересные явления и связав их по-своему. Успех его пьесы вызвал соперничество поставщика театральных новостей для Hôtel de Bourgogne Де-Вилье; он еще раз прошел по тому же пути и, найдя, что работа его предшественника представляет un imparfait original, приблизился добросовестнее к итальянскому подлиннику... Обе пьесы смотрелись с интересом и их успех внушил Мольеру мысль войти в оживленное уже состязание, дав и своему театру вариацию на любимую всеми тему». (Алексей Веселовский «Легенда о Дон-Жуане»).

Пушкин подверг стихотворение сильному сокращению, сведя его до трех строф. Это сжатие размеров стихотворения до известной степени объясняет почему в тетради, предназначенной к изданию, «Усы» значились в отделе «Эпиграммы и надписи». Факт этот был совершенно необъясним ранее: ведь перво-

начальное название отдела — Мелочи. Правда, посылая Пушкину оглавление сборника, Плетнев недоумевал, почему «Усы» попали в этот отдел, но исходил повидимому из оценки стихотворения по содержанию, а не по размеру. Для Пушкина сжатая сентенциозность, получившаяся в результате сокращения, ставила данное стихотворение в один ряд с такими дидактическими эпиграммами, как например «Движение». Но и в такой функции данное стихотворение показалось Пушкину обветшалым и он его исключил из подготовленной к печати тетради, тем более, что сокращения истребили характерные черты «гусарской» лирики.

33) «Стансы (из Вольтера)», представляющие перевод вольтеровских стихов A M. de Cideville, известны в двух редакциях: ранней лицейской, находящейся в Никитенковской тетради и напечатанной в посмертном издании и последующих, и в редакции тетради № 2364 с поправками, входящей в сочинения Пушкина начиная с издания Литературного фонда. Редакция тетради Всеволожского точно совпадает с редакцией тетради № 2364. Пушкин не внес в 1825 г. никаких поправок и просто вычеркнул это стихотворение. Оно появилось в печати уже после его смерти.

Любопытно, что перевод В. Туманского того же стихотворения начинается с такого же стиха: «Ты мне велишь пылать душою», что предполагает знакомство его с данным переводом Пушкина в рукописи, так как текст Вольтера («Si vous voulez que j'aime encore») не вызывает именно такой формулировки и совпадение здесь мало вероятно. В. Туманский мог знать это стихотворение Пушкина по тетради Всеволожского.

34) «К ***» («Не спрашивай, зачем унылой думой»). Текст тетради Всеволожского тождествен с текстом издания 1826 г. за исключением деталей пунктуации и расположения стихов: в тетради стихотворение разбито на четверостишия, но с малыми пробелами между ними. Очевидно при переписывании эти пробелы остались незамеченными.

Как я уже говорил, помещение этого стихотворения в раздел «Эпиграммы и надписи» издания 1826 г. можно считать недоразумением. Причина этого в неясности пометы Пушкина, которую правильнее всего было бы читать «Эл.», т. е. «Элегия». Следствием этого явилось, что Пушкин в своем издании не указал даты стихотворения и оно попало в издании 1829 г. в разряд «Разных годов», между стихотворением «Лиле» и «У Кларисы денег мало».

Кстати: отсутствие года может показаться подтверждением правильности чтения пометы как «Мел» или «Эп.». В самом деле, стихотворения других отделов в тетради Всеволожского продатированы. Но здесь необходимо принять в соображение следующее: по почерку трудно определить, кому принадлежат цифры в тетради Всеволожского. Из письма Плетнева мы узнаем, что многие даты поставлены в Петербурге: «Мы много ставили годов наобум: всё поправь, что нужно». Таким образом можно предполагать, что годы при названиях принадлежат или Плетневу или Льву Пушкину. В самом деле, характер этих дат свидетельствует о том, что они поставлены позднее и тогда, когда уже состав сборника определился. Поэтому стихотворения, не зачеркнутые в тетради Всеволожского, но не вошедшие в сборник, не имеют дат («Заздравный кубок». Ср. дальнейшие), а карандашная дата при стих. «Наездники» явно не принадлежит руке Пушкина.

Отсутствие пушкинской датировки при стихотворении привело к расхождению мнений по поводу истинной даты этого стихотворения. Морозов относит его к 1819 г., другие издатели — к 1817.

35) «Заздравный кубок». Это стихотворение известно во многих редакциях, из которых ни одна в точности не совпадает с текстом тетради Всеволожского. Ближе всего наш текст к тетради № 2364 после поправок. Однако первая строфа в первоначальном чтении отступает в первом стихе: «веселый» стоит вместо «тяжелый». Карандашная поправка 1825 г. возвращает текст к старой редакции, но с изменением третьей строки, где вместо «парной» стоит «угарной». Повиди-

мому, работая над этим стихотворением, Пушкин имел перед глазами тетрадь № 2364, если конечно не восстановил старого варианта по памяти.

Стихотворение, хотя и не зачеркнуто, в издание 1826 г. не вошло и не было включено уже в подготовленную к печати тетрадь. Оно впервые появилось в неточной редакции в альманахе Б. Федорова «Памятник Отечественных Муз» 1827 г. и видимо сообщено было редактору не Пушкиным.

36) «Романс». Стихотворение это, исключенное Пушкиным из издания, подобно предыдущему появилось впервые в «Памятнике Отечественных Муз», а затем перепечатывалось без ведома Пушкина в разных песенниках. По библиографическому списку Н. Синявского и М. Цявловского только при жизни Пушкина оно было перепечатано 11 раз в таких изданиях, как «Эвтерпа», «Северный певец», «Лира граций», «Полный новейший песенник» и т. п. Кроме того оно трижды перелагалось на музыку и стало излюбленной мещанской песней. До сих пор известен был только текст «Памятника Отечественных Муз» с поправкой, сообщенной Якушкиным в «Библиографических Записках» 1858 г. Однако имелись сведения и о другом тексте. Сведения эти заключаются в примечании Анненкова к данному стихотворению в его издании 1855 г. Примечание это в части, касающейся стихотворения, приведу целиком:

«Впервые напечатан был в альманахе г. Федорова. «Памятник Отечественных Муз» на 1827 г., откуда и перешел прямо в посмертное издание 1838—1841 гг. Известно, что пьесы Пушкина печатались в альманахе с согласия автора. Вот что говорил от себя издатель его: «Уважающим скромность, украшающую блистательный гений, приятно будет узнать, что Ал. Сер. Пушкин позволив издателю поместить в сем Альманахе некоторые из первых произведений своей Музы, не доверяя достоинству их, желал, чтоб издатель означил время сочинения их. Но в сих произведениях юного поэта виден зрелый дар гения — и тем они драгоценнее для «Памятника Отечественных Муз». К самому романсу издатель альманаха сделал еще выноску: «Помещенные здесь стихи Алекс. Сер. Пушкина были из первых опытов его очаровательной Музы». Со всем тем Пушкин был недоволен. В записках его находим следующие строки: «В Альманахе, изданном г. Б. Ф. между найденными, бог знает где, стихами моими, напечатана идиллия, писанная слогом переписчика стихов г-на П-ва». По этим словам можно полагать даже, что Пушкин не признавал идиллию своей, но она находится в тетради, с которой печаталась книга: «Стихотворения А. Пушкина» (1826 г.). Там идиллия зачеркнута собственной его рукой и трудно предполагать, чтоб она занесена была в тетрадь тоже по ошибке. Вернее, что Пушкин забыл о пьесе по прошествии некоторого времени. Вот еще несколько подробностей, взятых из тетради: романс означен там 1814 г. и разнится с текстом альманаха г. Федорова. Второй стих в ней читается так: «В далеких дева шла местах», потом во втором куплете альманаха г-н Федоров заменил один неправильный стих в рукописи:

И на невинное творенье
...остановила их (взоры)

стихом: «И на невинном сем творенье»; далее альманах выпустил целый куплет, пятый, действительно очень слабый по созданию и, наконец, просмотрел в последнем куплете один стих, необходимый для рифмы: «С волненьем сына ухватила» и проч.

Данные этого примечания, несмотря на их неполноту, все согласуются с текстом тетради Всеволожского. Однако это примечание послужило причиной некоторых недоразумений, связанных с историй «Романса». Во-первых, если Пушкин и разрешил Федорову печатать свои ранние стихи, то нет оснований утверждать, что он дал ему их текст. Возможно, что Федоров сам достал список, при чем не исключена возможность, что, как предположил и Анненков, он исправлял этот текст; известна его цензурная поправка в этом стихотворении, раскрытая Е. И. Якушиным: «Проступок мой, твой рок ужасный» вм. «Закон не-

праведный, ужасный». Далее совершенно непонятно, почему Анненков понимает под «идиллией» «Романс». Ни одного признака, характеризующего жанр идиллий Панаева, мы не найдем в «Романсе». Нет никаких условных пастушков и пастушек с их условно-греческими «аркадскими» именами. Заметка Пушкина имеет прямую связь с заметкой Сомова в «Северных Цветах», как и было разъяснено в примечании Н. О. Лернера к стих. «Фавн и Пастушка» в Венгеровском издании сочинений Пушкина. В заметке Сомова прямо названо, от какого стихотворения и почему отказывается Пушкин. Это — «Фавн и Пастушка». Мнение Анненкова было некритически повторено всеми редакторами (Морозовым, Майковым, Ефремовым) и канонизовано М. Гофманом, который в своей «Первой главе науки о Пушкине» писал: «Против авторства Пушкина говорит: 1) этот факт — неизвестность «Романса» в лицейской поэзии, 2) тема, стих и стиль «Романса», выделяющие его среди всех произведений Пушкина и 3) самое важное и фактическое данное — категорическое отрицание Пушкиным своего авторства. Какие же данные свидетельствуют в пользу авторства Пушкина и притом такие доказательные данные, что до сих пор в пушкинской литературе не подымалось и вопроса о спорности этого стихотворения? — Единственно утверждение П. В. Анненкова, что он видел этот романс з а ч е р к н у т ы м в тетради, с которой печаталось издание 1826 г. (в ином виде, чем у Федорова, и с лишней строфой, которую Анненков не привел как «очень слабую по созданию»). Утверждение как будто веское, факт как будто убедительный, но он может объясняться и так: как Б. М. Федоров нашел «бог знает где» между стихами Пушкина «идиллическую нелепость, сочиненную камердинером г-на Панаева», так точно могли найти ее «бог знает где» Л. С. Пушкин и П. А. Плетнев, которым поэт поручил собрать у знакомых его стихотворения; «Романс» был ими переписан в тетрадь и послан Пушкину, который и зачеркнул его как ему непринадлежащий. Зачеркнутая копия стихотворения может возбуждать вопрос о принадлежности Пушкину пьесы, но не может решать его» («Пушкин. Первая глава науки о Пушкине», 2-е изд., 1922, стр. 119—120). Тетрадь Всеволожского навсегда ликвидирует вопрос. Л. Пушкин взял «Романс» из тетради Всеволожского, в которой стихотворение не только не зачеркнуто, но даже подвергалось правке. В частности исключена одна строфа и в связи с тем изменено начало следующей для связи с предыдущим. Анненков отмечал одну строфу, которую он нашел в рукописи сверх текста, данного в альманахе Федорова. Тетрадь Всеволожского дает и другую строфу, исключенную уже в процессе подготовки текста к изданию 1826 г. Отсутствие этих строф, действительно «слабых по созданию», в альманахе Федорова заставляет предполагать, что Федоров имел не ранний текст стихотворения, а поздний, в котором строфы эти были вычеркнуты. Вообще же текст альманаха не вызывает к себе доверия и заставляет предполагать большое количество искажений.

37) «Послание к Горчакову». Последние строки «Романса» и дальнейшие листы потеряны[23]. Первый лист, следующий за вырванными листами, сохранился лишь в виде узкой полоски, на которой можно прочесть крайние буквы некоторых строк. По этим обрывкам устанавливается, что на вырванном листе находилось послание к Горчакову «Встречаюсь я с осьмнадцатой весною» без первых трех или четырех строк, которые находились на предшествующем, полностью утраченном листе. Текст этого послания известен по публикации Лонгинова и по сохранившейся в бумагах копии. То, что сохранилось в тетради Всеволожского, совпадает с известным текстом и по счету строк, и по окончаниям, кроме одной строки. В известном нам тексте эта строка читается:

Но что?... Стыжусь... Нет, ропот униженье.

[23] Не совсем ясно, является ли лист с «Романсом» непосредственным продолжением листа с «Заздравным кубком», или между ними были потерянные теперь листы. Судя по счету недостающих строк в стих. «Жуковскому», верно первое предположение и потеряны только внутренние листы между «Романсом» и «Жуковскому».

Между тем в соответствующем месте читаем:

... ниженья

Эта форма предполагает какую-то иную редакцию соответствующего стиха.

38) «Жуковскому». Судя по концам строк на предыдущей странице, после «Послания Горчакову» оставалось еще около пяти свободных строк. Стихотворение «Жуковскому» (на издание книжек его «Для немногих») начинается с третьего стиха. Принимая во внимание, что заголовки стихов в тетради Всеволожского занимают почти всегда ширину трех строк, мы получаем ровно пять строк. Это совпадение повидимому не случайно, и лист с посланием Горчакову непосредственно предшествовал листу, на котором находится продолжение стихотворения «Жуковскому». В таком случае лист, содержащий «Романс» (левый полулист того листа, на правом полулисте которого находилось «Послание к Горчакову») следовал непосредственно за листом, на котором находилось стихотворение «Заздравный кубок» (полулист того же листа, на котором послание «Жуковскому»).

Текст этого послания представляет любопытный пример того, что история текста не всегда является картиной прямолинейного движения в одном направлении. Основной текст тетради Всеволожского является хронологически вторым известным нам текстом. Первый текст сообщен был Жуковским в письме 1818 г. Вяземскому. Вслед за текстом тетради Всеволожского идет текст, опубликованный в журнале «Сын Отечества» 1821 г., № 52. Затем следуют тексты изданий 1826 и 1829 гг., отличающиеся друг от друга. Текст журнала почти совпадает с текстом письма Жуковского и содержит 44 стиха. Основной текст тетради Всеволожского отличается тем, что, судя по занимаемому месту, не содержит первых четырех стихов; отсутствует также заключение в 17 стихов, в котором говорится о Карамзине. Нанося поправки для издания, Пушкин приписывает к концу стихотворения «И прочее см. С. О. 1821 № послед.» и тем восстанавливает откинутый конец в 17 строк. Согласно этой приписке, этот конец и был напечатан в издании 1826 г. В издании 1829 г. этого конца снова нет. Таким образом заключительная часть стихотворения была в 1818 г., отсутствовала в 1820 г., восстановлена в 1821 и 1826 гг. и снова отброшена в 1829 г. Впрочем возможно, что текст «Сына Отечества» был заимствован из источника, содержавшего ранюю редакцию, сравнительно с текстом тетради Всеволожского.

Текст тетради представляет собой переход от этой ранней редакции к окончательной как по своему составу (отсутствие начала и конца), так и по отдельным вариантам: так в последних строках журнальные эпитеты «завидный» и «сладостный» заменены другими: «прекрасный» и «пламенный», которые и остались в последней редакции. Однако стихи после «Ты прав, творишь ты для немногих» близки именно к журнальному (и письму Жуковского) и уже в самой тетради текст послания приобрел ту форму, в которой оно появилось в издании 1828 г. и оттуда перешло в дальнейшие издания (с отсечением последних 17 строк). Можно отметить только два отступления в орфографии и пунктуации. В тетради Всеволожского (и в журнале) «на коленях», а в издании «на коленах». Повидимому орфография эта принадлежит Плетневу. Другое отступление существеннее. В тетради мы читаем:

Но для друзей таланта, строгих
Священной истины друзей.

В издании:

Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.

Перемещением запятой эпитет «строгих» переведен в другое сочетание, кроме того изменена интонация и ритм стиха, так как уничтожен enjambement, находив-

шийся в тетради. Между тем пунктуация тетради не может быть объяснена простой опиской переписчика и имеет свое смысловое основание. «Строгая приверженность истине» объяснимее, чем строгая приязнь к таланту.

Кстати слово «истина» в тетради Всеволожского повсюду выдержано в орфографии «истинна», что кое-где переправлено карандашом, а кое-где оставлено попрежнему.

39) «К N. N.». Отрывок представляет собой извлечение из послания Энгельгардту с заменой точками последних политически нецензурных стихов. Текст тетради совпадает с текстом издания 1826 г. за одним исключением. Против стиха

Венеры набожный поклонник,

Пушкин, предвидя придирки цензора Бирукова, приписал «или ветреный», сообщая следовательно цензурную замену на случай затруднений[24]. Лев Пушкин, не дожидаясь цензурного рассмотрения, здесь же в тетради зачеркнул «набожный» и надписал «ветренный», как и появилось в печати.

40) «Платонизм». Стихотворение это устранено Пушкиным, мотивировавшим это иронически сентенциозным аргументом. Текст этого стихотворения известен в беловом виде из двух близких источников: по публикации «Библиографических Записок» 1859 г. и по автографу Остафьевского архива. Текст тетради Всеволожского ближе к тексту журнала, хотя не совпадает ни с тем, ни с другим. С журналом общим является заглавие (в автографе «Платоническая любовь»), затем редакция стихов

Ты посвящаешь свой досуг

в автографе: посвятила
и рифмы стихов

В уединенном упоеньи
Напрасно! — в самом наслажденьи.

В автографе эти рифмы переставлены в обратном порядке.

С другой стороны, текст тетради Всеволожского имеет ряд особенностей: стих

Восторги нежные к тебе

читается в обоих других источниках: «Восторги пылкие к тебе».

Стих

Я понял взор полузакрытый

читается одинаково: «Я понял взор полуоткрытый»; однако в черновике стихотворения мы находим «полузакрытый».

Стих

Тоскуешь и томишься вновь

читается

Томишься и вздыхаешь вновь.

В черновике опять ближе к тетради Всеволожского:

Вздыхаешь и томишься вновь.

---

[24] С этим следует сопоставить, что некоторые отчеркивания на полях и знаки NB связаны с теми местами текста, где употреблены слова из круга «священных».

41) «Амур и Гименей». Стихотворение это известно в двух слоях текста в тетради № 2364 и в издании 1826 г. Текст тетради Всеволожского в своем первоначальном состоянии, до поправок, представляет собой переходную редакцию от второго текста тетради № 2364 (после поправок) к тексту издания 1826 г., при чем он стоит еще ближе к тетради № 2364. После поправок, нанесенных в тетради Всеволожского на первоначальный текст, получился текст, совпадающий с текстом издания 1826 г.

Впрочем повидимому уже в тетрадь, подготовленную к печати, Пушкин вставил один стих, необходимый для рифмы:

Развеселися, Гименей!

Повидимому в соответствующем месте в рукописи Всеволожского выпал при переписке какой-то стих.

Имеются и отступления в орфографии. Из них главнейшее — правописание «супостата», заменившее пушкинское «сопостата».

42) Послание «К Дельвигу». Это стихотворение известно в двух резко различных редакциях. Первая лицейская сохранилась в Никитенковской тетради, вторая была напечатана в издании 1826 г. Тетрадь Всеволожского дает редакцию очень близкую ко второй, так что несколькими исправлениями Пушкин привел ее к окончательному виду. Эта редакция 1820 г. не была известна.

Остановимся на одном исправлении: в первоначальной редакции было:

Священной лиры наслажденья
Я рано чувствовать умел.

Пушкин переработал:

Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел.

Мы видим, что мысль осталась та же, изменена только словесная формулировка. Но в печати это место изменилось и повидимому без участия Пушкина. Мы читаем:

Я мирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел.

Вероятно ошибка переписчика, неверно прочитавшего неясное слово, вызвало незамеченную Пушкиным ошибку: «мирных» вместо «лирных». Эта опечатка прошла сквозь все издания Пушкина и только теперь рукопись Всеволожского дает возможность восстановить истинный текст послания.

Это послание (повидимому в первой своей редакции) вызвало ответ Дельвига: «Как? житель гордых Альп...», в котором Дельвиг подробно останавливается на теме клеветы и обрисовывает «зоила» Пушкина довольно конкретными чертами:

Пускай Арменіус ученьем напыщен,
В архивах роется и пишет рассужденье,
Пусть в академиях почетный будет член; —
Но он глупец — и с ним умрут его творенья!
Ему ли быть твоих гонителем даров?

43) «Торжество Вакха». Это стихотворение, над которым Пушкин проделал в тетради Всеволожского наибольшую работу. До сих пор текст этого дифирамба известен был только в его окончательной печатной редакции. Между тем можно было заранее предполагать, что текст этот сильно расходится с первоначальным: стихи написаны в 1817 г. и нет никакого вероятия, чтобы они

перешли в издание 1826 г. без изменений. Тетрадь Всеволожского дает картину этих изменений.

Недостает 12 первых стихов (считая по печатной редакции). Они находились на предшествующем листе, который потерян. Это один из наружных листов третьей тетрадки, последней из составлявших тетрадь Всеволожского.

Относительно этих первых двенадцати стихов мы не можем сделать никаких предположений. Сразу после стиха «Нелицемерною хвалой» Пушкин вписывает «Эван; эвое! и проч.». Условный знак Льва Пушкина ведет к последнему листу стихотворения, к дважды повторенному в конце четверостишию. Таким образом только в 1825 г. возникла мысль обрамления центральной части этими повторяющимися стихами. В первой редакции вакхические восклицания возникали только к концу в порядке нарастания вакхических настроений.

Среди исправлений не все доведены до конца, что послужило причиной искажения текста в издании 1826 г. В первоначальной редакции было:

И тяжкий тирс плющем обвитый
И старый кубок золотой
Обширной крышею покрытый
Подарок Вакха дорогой.

Переставив в четвертом стихе слова: «Покрытый крышею обширной», Пушкин изменил рифмующий с ним стих:

И тирс символ победы мирной.

Затем третий стих был зачеркнут, и Пушкин стал набрасывать проекты его замены, но ни на чем не остановился, всё зачеркнул и по невнимательности оставил старую редакцию невосстановленной. В результате первый стих остался без рифмы. Это затруднило расшифровку неясно написанных слов «победы мирной», и Лев Пушкин неправильно приписал окончания этих слов: «победный мира». Получилась бессмыслица (стихи Пушкина говорили о мирном завоевании Индии), которая перешла в издание 1826 г. Там же этот стих оставлен без рифмы:

И тирс, символ победный мира,
И кубок, тяжкой золотой,
Подарок Вакха дорогой.

В издании 1829 г. всё это Пушкиным исправлено:

И тирс, символ победы мирной,
И кубок тяжко-золотой,
Венчанный крышкою сапфирной,
Подарок Вакха дорогой.

Этой новой редакцией мы обязаны недоработанности поправок в тетради Всеволожского и неисправности копии, изготовленной Л. Пушкиным.

Остальные изменения имеют стилистический интерес, характеризуя поэтическую эволюцию Пушкина за восемь лет.

44) «Воспоминания в Царском Селе 1814». Все известные тексты этого стихотворения восходят к 1814 г. и дают мелкие отличия ранних списков. Вообще Пушкин видимо дорожил первоначальным видом своего стихотворения, сыгравшего историческую роль в его литературной судьбе. Ведь и в издании 1826 г. он собирался напечатать его с примечанием, находя это «богатой мыслью». По-видимому примечание это совпадало по содержанию с воспоминаниями о Державине. В тетради Всеволожского никакой правки текста нет. Оставлены даже явные описки и ошибки. И стилистические изменения, введенные Пушкиным в текст, помещенный в тетради Всеволожского, сравнительно с лицейской редак-

цией незначительны: вм. «Увы! промчалися» — «Промчались навсегда»; вм. «лютой брани» — «новой брани»; вм. «возжены» — «зажжены»; вм. «россов меч» — «русский меч» и вм. «струны трепетны» — «струны гордые». При больших размерах оды это количество исправлений ничтожно. К стилистическим исправлениям можно отнести и пропуск второй строфы, если пропуск этот не произошел механически, при переписке.

Остальные поправки имеют ясный и любопытный смысл. Вместо концевой строки 12-й строфы «За веру, за царя» мы читаем «За Русь, за святость алтаря». Так как вторая часть последней формулы соответствует первой части первоначальной, то отсюда следует, что из формулы ополчения «за веру, царя и отечество» Пушкин выбрал сперва два первые члена, а в 1820 г. заменил царя отечеством. Эта поправка далеко не одна: в строфе 20-й читалось:

Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.

Героем 1814 г. был Александр I, при чем его личные заслуги везде и настойчиво подчеркивались. В этом отношении французская пресса легитимистского направления не отставала от русской казенной прессы. В тетради Всеволожского это место читается:

Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.

Иначе говоря, личная геройская заслуга Александра заменена национальной заслугой русских. Наконец в лицейской редакции за этой строфой следовала еще одна:

Достойный внук Екатерины!
О, если б Аполлон пиитов дар чудесный
Влиял мне ныне в грудь! тобою восхищен,
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тьме времен.

Строфа эта, которую никак нельзя было истолковать иначе, как прославление личных достоинств Александра, совершенно исключена из редакции тетради Всеволожского. Таким образом, сохранив стилистический характер произведения, Пушкин вытравил оттуда в максимальной степени монархический элемент, в частности же то, что относилось лично к Александру. Свое отрицательное отношение к Александру Пушкин несколько раз заявлял и не скрывал. Самый факт напечатания «Воспоминаний в Царском Селе» с такими изъятиями из ранее опубликованного и хорошо известного текста (они напечатаны в шестой части «Образцовых русских сочинений», вышедшей в свет в 1817 г. и переизданной в 1822 г., книге очень распространенной в эти годы) был фактом вызывающим с политической точки зрения.

45) «К Лицинию». Это стихотворение было известно в двух редакциях: лицейской и позднейшей, данной в издании 1826 г. Текст тетради Всеволожского показывает, что в основном последняя редакция уже существовала в 1820 г. Переработка, которой подвергнут текст стихотворения в тетради Всеволожского, незначительна. Поправки эти сводятся к следующему: вместо формы «К Лициниусу» название приобрело прежнюю форму «К Лицинию» (в изд. 1826 г. это послание, подобно всем прочим, лишилось в своем заголовке предлога «К» [25]). Затем изменены следующие стихи:

Стих: «Как розги ликторов народ несчастный гонят» (в лицейской редакции: «Как ликторов полки...») изменен:

[25] Можно думать, что это сделал Плетнев без участия Пушкина, который позднее назвал свое послание «К вельможе», а не «Вельможе».

Смотри как ликторы народ несчастный гонят.

Стих: «Оставим юности тщеславной шум веселий» (в лицейской редакции этому стиху соответствует совершенно иной):

Тщеславной юности оставим блеск веселий.

Следующий стих: «Пускай бесстыдный Клит, вельможей раб Корнелий» (в лицейской редакции так же):

Пускай бесстыдный Клит, слуга вельмож Корнелий

Кроме этих исправлений Пушкин отметил две типографские детали, не перешедшие в издание видимо потому, что русский переписчик не понял французских терминов. Перед стихами: «О Рим о гордый край...» и «Но кто под портиком...» Пушкин поставил: «à la ligne» (т. е. с красной строки, с абзаца). Пушкин разметке абзацев придавал большое значение (см. письмо Вяземскому от 14 октября 1823 г.). Это указание Пушкина осталось без выполнения.

Кроме того имеются и другие отступления в издании, повидимому сделанные корректорами, а может быть и Плетневым. В стихе «Умильно вслед за ним стремят усердный взгляд» с подлежащим «Льстецов сенаторов, прелестниц длинный ряд» корректор не потерпел силлепса (ряд стремят) и исправил на «стремит», оставив без согласования дальнейшие глаголы: «ждут, ловят».

В стихе: «Скажу ль? Ветулию! — отчизне стыд моей» старинный дательный «отчизне» заменен школьно-грамматическим родительным. В этом же стихе вводное слово «скажу ль» поставлено в скобки. Вообще пунктуация и орфография сильно изменены, как и для всех прочих стихотворений.

«К Лицинию» — последнее стихотворение тетради. Последних семи стихов этого послания недостает. Они находились на наружном утраченном листе третьей тетрадки. Вместе с тем утрачены и все дальнейшие стихотворения, которые могли находиться в тетради Всеволожского.

4. Участие Жуковского

Оборот первого листа заполнен рукою Жуковского. Воспроизвожу полностью его записи:

ЭЛЕГИИ.
ПОСЛАНИЯ.
СМЕСЬ.
[из Корана]
4. Подражания древним
3. Из Корана
Певец.
Баллада
К Щер.
1. Домовому
К Т.
Торжество Вакха
Прозерпина
Гр. Анакр.
2. Вещий Олег
Демон
Друзьям.
Море.
Черная шаль
Адель.
Уединение.
5. Мелочи.

Обратим сперва внимание на написанное в верхнем левом углу. Это есть жанровая формула, по которой был издан в 1817 г. сборник Батюшкова «Опыты». Приблизительно по той же формуле были изданы уже после выхода в свет стихотворений Пушкина стихотворения Баратынского, изд. 1827 г., но с перестановкой двух последних элементов формулы: Элегии, Смесь, Послания. Стихотворения Пушкина 1826 г. дают ту же перестановку: послания занимают в них последнее место, если не считать подражаний Корану, которые даны как бы в виде приложения к сборнику в самом конце книги. Запись Жуковского дает первоначальный вариант книги, с соблюдением канона «Опытов» Батюшкова.

Посылая Пушкину оглавление сборника, Плетнев писал: «Я в таком виде получил твои стихотворения от брата Льва, а распоряжение делал сам Жуковский». Повидимому это «распоряжение» получилось в результате нескольких проб и предварительных наметок.

Жуковский исходил при построении сборника не только из соображений отвлеченного порядка. Кое-что наметил в этом отношении сам Пушкин и данные им указания достаточно определяли порядок распределения материала. Жуковский принужден был считаться с распоряжениями Пушкина. Так называемая Капнистовская тетрадь намечала следующий порядок: Элегии, Подражания древним, Послания, Смесь, Эпиграммы и надписи (мелочи). Посылая переписанные в таком порядке стихотворения, Пушкин прибавлял: «Дай всему этому порядок, какой хочешь, но разнообразие!» Из этого видно, что Пушкин основывался на той же формуле «Опытов»: Элегии, Послания, Смесь[26]. Но он ввел еще два отдела: Подражания древним и Мелочи. Дело в том, что вообще Элегии и Смесь определяли произведения относительно крупного характера. Для Пушкина были уже сильно ощутимы как жанровые признаки размер стихотворных произведений и соответствующая размеру лирическая амплитуда. Кроме того в 1820 г. произошел лирический перелом в творчестве Пушкина, определившийся в связи с изучением Шенье и Байрона. Крымские элегии-фрагменты никак не могли быть сопоставлены с элегиями типа элегий Парни и Мильвуа, наполнявшими этот отдел в предшествующие годы. Отсюда отдел Подражания древним, органически связанный с Элегиями и поставленный Пушкиным непосредственно за основным отделом крупных элегий. Что касается до Мелочей, то в недрах Смеси Батюшкова под общим заголовком «Эпиграммы, Надписи и проч.» были собраны вместе печатавшиеся в этом отделе мелочи. Зависимость выделенного Пушкиным отдела от «Опытов» Батюшкова вскрывается самой формой пушкинского заголовка этого отдела в Капнистовской тетради: «Эпиграммы, надписи и пр.», что вполне совпадает с заголовком «Опытов». Следовательно и этот отдел выделился из определенного отдела сборника Батюшкова и потому совершенно естественно Пушкин поставил его непосредственно после отдела Смесь. Кстати, в том же письме-тетради Пушкин писал: «Заглавие Смесь не нужно!» В согласии с этим указанием соответствующий отдел был переименован в «Разные стихотворения».

В сборнике Баратынского 1827 г. отделы Смесь и Послания переставлены. В этом есть своя историческая необходимость. Формула «Элегии, Послания, Смесь» содержит утверждение, что имеются два автономных жанра: Элегии и Послания, но кроме того имеются еще и недифференцированные «прочие» произведения, которые так без жанровой спецификации и шли после прочих. Но дальнейшее развитие лирики показало, что именно эта недифференцированная лирика и имела все шансы к развитию. И эта Смесь вскоре победила оба жанра, принимавшиеся карамзинистами. В первую очередь она победила Послания, жанр,

---

[26] Напомню уже цитированное письмо Пушкина Вяземскому от 29 ноября 1824 г.: «приступим к изданию Элегий, посланий и смеси». Ср. письмо 14 ноября 1825 г. Право изменять порядок он подтверждал письмом 15 марта: «Ошибки правописания, знаки препинания, описки, бессмыслицы — прошу самим исправить — у меня на то глаз недостанет. В порядке пьес держитесь также вашего благоусмотрения».

весьма культивировавшийся в XVIII в. и канонизованный поэтиками на основе античных классических форм. Карамзинисты оживили этот жанр в форме интимных посланий в стиле Грессе и Вольтера, но жанр этот жил лишь в пределах эпохи литературной оппозиции карамзинистов шишковистам. С падением «Беседы» и «Арзамаса» этот жанр как дидактическая форма, не удовлетворявшая запросам новой лирики романтического периода, стала приходить в упадок и передвинулась на последнее место. Уже в тетради Всеволожского в 1820 г. Послания лишены самостоятельного места в сборнике и размещены среди стихотворений Смеси. Несколько Посланий, написанных Пушкиным на юге, повысили в его глазах этот жанр, но не надолго. Более живучей была элегия, но и она в середине 20-х годов падает. К 1825 г. осознание падения этого жанра не произошло окончательно, исторически же это был жанр сравнительно наиболее свежий, новый, являвшийся истоком самой романтической поэзии. От элегий Парни и Мильвуа до лирики Ламартина один шаг. А лирика Ламартина это уже новая форма, входившая в жанр той Смеси, которая переставала быть недифференцированным «прочим», а стала самым существом новой лирики. Следующим шагом является поглощение этой безжанровой лирикой элегии, особенно дискредитированной в ее «унылой» разновидности, и позднейшие сборники выходят без жанровых рубрик. Таковы сборники Пушкина 1829 г., Дельвига 1829 г., Баратынского 1835 г. и др.

Итак Жуковский поступил совершенно правильно, в последний момент отказавшись от последовательности жанров, намеченной в Капнистовской тетради и выписанной им на обороте обложки тетради Всеволожского. Но при этом возникал вопрос о прочих рубриках. Для Пушкина Подражания древним были связаны с Элегиями, Эпиграммы и надписи — со Смесью. Кстати, если говорить о лирической эволюции этой Смеси, то это в наименьшей степени относится к Эпиграммам и надписям, окостеневшему антологическому роду фюжитивной поэзии, процветавшей на пороге XVIII и XIX веков, но быстро приходившей в упадок. Поэтому пожалуй после выделения этого отдела из Смеси можно было бы не передвигать его вместе с большими произведениями Смеси на более почетное место перед Посланиями.

Но Жуковский мыслил тройственной формулой. Для него существовало два жанра — Элегии и Послания, а Смесью было всё прочее. И вот далее мы видим список, которым он предварительно устанавливал порядок Смеси. Список этот не связан с составом тетради Всеволожского. Он относится ко всему изданию 1826 г., заключая в себе произведения не зависимо от их нахождения в тетради Всеволожского. Из 24 стихотворений, составлявших в сборнике 1826 г. раздел «Разные стихотворения», в список Жуковского вошло 14. Из них многие написаны после мая 1820 г. и не могли содержаться в этой тетради («Прозерпина», «Песнь о Вещем Олеге», «Демон», «К морю», «Черная шаль»). Расшифровать этот список нетрудно. Так как он соответствует отделу Разных стихотворений, то уточнение каждого произведения получается из сличения списка Жуковского с произведениями этого отдела. «Баллада» это несомненно «Русалка», имеющая в подзаголовке это название, «К Т.» — это «Стансы Т-му» (Толстому), «Гр. Анакр.» — «Гроб Анакреона», «Море» — «К морю», «Уединение» — это «Деревня», напечатанная в издании 1826 г. в первой своей части под таким названием.

Кроме этих стихотворений есть еще «к Щер.», не вошедшее в издание 1826 г. Это конечно «Послание к Щербинину», о котором Пушкин писал в тетради Капниста, относя его, несмотря на то, что это — послание, в отдел Смеси (характерный и не единственный пример, как отдел Смеси перетягивал в себя стихи, внешне принадлежавшие отделу Посланий: сюда же относится послание к Толстому и послание к Овидию: в XVIII в. послания к умершим лицам рассматривались как полноправные представители жанра посланий; ср. у Пушкина послание «К Лицинию», напечатанное в разделе Посланий).

Данный список Жуковского совершенно совпадает с перечнем Пушкина отдела Смесь Капнистовской тетради, даже с соблюдением того же порядка на-

званий. Жуковский писал свой список, имея перед глазами Капнистовскую тетрадь.

Но есть и отступления, чрезвычайно любопытные. Ведь в заголовке пушкинского списка Капнистовской тетради (фотография этого списка воспроизведена в пушкинском номере «Литературного Наследства») стоит название отдела: «Смесь». Хотя Жуковский и не переписал этого заголовка, так как делал этот список для себя, но он явно составлял список отдела Смесь. И отступления его следующие: Подражания Корану вынуты из своего места и поставлены на второе место после Подражаний древним. В издании 1826 г., как я уже говорил, эти Подражания Корану выделены в особый отдел. Таким образом здесь уже есть элемент противоставления этого ряда стихотворений всем прочим стихам Смеси. Значит выделены были Подражания Корану именно Жуковским (кстати: «Из Корана» было написано Жуковским отдельно и затем зачеркнуто).

Более важным является другое: в список Смеси введены в виде особых строк на первом месте Подражания древним и на последнем Мелочи. Иначе говоря, Жуковский рассматривал эти отделы как подотделы Смеси. Смесь для него было всё, что не Послания и не Элегии. О том, что стихотворения этого отдела имеют что-то специфическое, их объединяющее, и являются сами по себе жанром, он повидимому не думал. Этим объясняется несколько странное расположение отделов в издании 1826 г., сделанное по «распоряжению» Жуковского. В этом издании отделы идут: Элегии, Разные стихотворения, Эпиграммы и надписи, Подражания древним, Послания и Подражания Корану. Мы видим развертывание формулы «Элегии, Смесь, Послания» с отнесением всего, что не Послания и Элегии, в отдел Смеси и с выделением Подражаний Корану в особую рубрику, так как Жуковский к этому циклу стихотворений относился как-то особенно. Отдел Эпиграммы и надписи оказался вставленным в самую середину сборника, в то время как Пушкин явно относил его к концу своего собрания, подчеркнув это тем, что, проставив даты против всех стихотворений других отделов, он не датировал своих Мелочей (вследствие чего весь этот отдел в издании 1829 г. попал в разряд стихотворений «разных годов»: весь же сборник был дан хронологически под годами).

Менее ясным остается значение цифр, поставленных Жуковским при некоторых строках своего списка. Почему-то из стихотворений, вошедших в издании в раздел Разные стихотворения, только два получили номера: «Домовому» и «Песнь о Вещем Олеге»[27]. Дальнейшие цифры, начиная с третьей, соответствуют строкам, обозначившим в списке Жуковского не отдельные стихотворения, а разделы сборника: Из Корана, Подражания древним, Мелочи.

Записи Жуковского являются последними, связанными в тетради с работой по изданию 1826 г. Прочие надписи имеют отношение к дальнейшей судьбе рукописи, когда она из рабочей тетради, разорванная и неполная, стала уже некоторой реликвией и в качестве такой реликвии начались ее странствования, которые привели ее в Сербию, откуда она наконец после почти 90-летнего скитания вернулась обратно и стала объектом научного изучения. Эта часть ее судьбы освещена в работе М. А. Цявловского.

Печатая данную рукопись по новой орфографии, мы в виду документального характера публикации сохраняем все особенности пунктуации и правописания текста, ограничиваясь заменой буквы «ять» через «е», буквы «і» через «и», заменяя в род п. прилагательных «аго» на «ого», «яго» на «его», и уничтожая твердый знак в конце слова. Это избавляет нас от необходимости оговаривать орфографические особенности копии, которые в какой-то мере могли отражать подлинное правописание Пушкина. Что касается особенностей, исчезнувших от перевода текста на новую орфографию, то они ограничиваются следующим:

[27] Как показывают цифры Л. Пушкина при некоторых стихотворениях, внутренний порядок отделов, по крайней мере в основном, установил Л. Пушкин, и Жуковский в этом мог вносить только поправки. Вряд ли он составлял предварительные списки. Данный список сделан повидимому не для определения детальной последовательности, а скорей для обозрения материала.

1) Многоточие обычно изображается не тремя точками, а четырьмя и более.

2) Слово «приятной» (л. 3_1) написано с «і», а не с «и», как обычно в таких случаях писал Пушкин.

3) В противоположность тому на л. 4_2 слово «приуныла» написано с «и».

4) На листе 6_2, стих 4, «в бешенстве» в основе написано два «е».

5) На листе 5_2 «приятно» написано через «и».

6) На листе 7_2, стих 5, «в мире» написано через «и».

7) На листе 8_1 и 9-м стихе стихотворения «Безверия» в слове «в мире» написано простое «и».

8) На л. 8_2 в стихе 4-м слово «мира» написано с простым «и», в стихе 5-м с «і». Также с «і» в стихе 17-м той же страницы («с миром»).

9) На листе 9_1, ст. 19, в слове «пенье» на конце «е».

10) На л. 10_2 слово «беседке» написано с тремя «ять».

11) На л. 11_1 слово «Фирс» написано через «фиту».

12) На л. 13_1, ст. 3, «гребнем» в основе написано «ять».

13) На л. 13_1 слово «лечь» написано через «ять».

14) На л. 14_1 в 1-м стихе «К ***» «за чем» написано через «е». Так же в ст. 3, 4 и 5. В остальных случаях «зачем» через «ять».

15) На листе 18_2, ст. 6, снизу, «ревнивой» написано через «ять»; однако в следующем стихе «ревности» через «е».

16) На листе 19_1 в 9-м стихе снизу «налетает» написано через «ять».

17) На листе 20_1, ст. 5 снизу, «летит» написано через «ять» (однако, на л. 5_1, стих 6 снизу, «летели» через «е» в основе; также и в прочих листах).

18) На л. 20_2 в ст. 16-м «вожделеньем» написано с «ять» на первом месте и с «е» на втором.

19) На листе 21_2, ст. 2 снизу, «мелькают» написано через «ять».

20) На л. 23_2 стих 11 в слове «прежде» на конце «ять».

21) Там же стих 7 снизу, «сенистых» написано через «е».

22) На л. 24_1, ст. 2 в слове «надменны» написано «ять».

23) Там же в ст. 7-м «сретают» написано через «е».

24) На л. 24_2 в последнем стихе «Все» ошибочно написано через «е».

25) В текстах Пушкина и Жуковского слово «мелочь» пишется через «ять».

26) На л. 3_1 слово «напечатано» написано Пушкиным через «ять».

27) На л. 12_1 в поправках первоначально написанное Пушкиным слово «пейте», написано Пушкиным через «ять».

28) На л. 20_1 слово «символ» написано Пушкиным через «ижицу».

Б. Томашевский.

III. СУДЬБА ТЕТРАДИ ВСЕВОЛОЖСКОГО с 1825 г.

Если происхождение и история так называемой тетради Всеволожского до июля 1825 г., когда она поступила ко Льву Сергеевичу Пушкину, с большой степенью достоверности восстанавливаются на основании писем поэта и ряда других данных, то дальнейшая судьба рукописи остается пока «темна и непонятна».

Кроме тех исправлений, помет и записей, «наслоившихся» на первоначальный (писарской) текст рукописи, о которых говорится в статье Б. В. Томашевского, на страницах тетради имеется еще по крайней мере четыре слоя записей и помет.

Первый из них — это «пробы пера» и отдельные слова, находящиеся на лл. 1_2, 9_2, 10_2, 11_1, 11_2 и 12_1.

На листе 1_2 написано в разных направлениях: «Туманский» (два раза), «Артетуза», «Романов», «Тум», «Екат», «El», «Elisabeth», «Александр», «Милостив», «Мило», «два раза», «Мило», отдельные буквы, росчерки и рисунок головы в профиль.

На л. 9_2, остававшемся первоначально чистым, написано в разных направлениях: «Пушкин» (два раза), «Туманский» (раз девятнадцать), «Татары», «Шеми-

от «Мусье Шемиот не обедает», «Мусье Шемиот», «2 обеда 1 конч.». «1 К». «Сиречь: одиаго князя обманул, другого обманет Фадей», отдельные буквы и начало фамилии: «Ту».

На л. 10_2 в разных направлениях: «Романов» (три раза). Amonsieur" (два раза), „Le Comte Roumianzoff", „La Princesse", „La Comtesse Rastoptcin" «Александр Васильевич Романов», «Василий», «князь» (два раза), «Кочубей» (два раза) и арифметические подсчеты.

На л. 11_1 в разных направлениях: «Туманский, «Романов» (четыре раза), «князь». На л. 11_2 в разных направлениях: «Митро-политы» и ряд чисел.

На л. 12_1 в разных направлениях: опог ", «Милостивому», «Государь», «Александр», «Иван», «Георгия» (шесть раз), „j'aime", „beaucoup" (пять раз), «Голидай» и отдельные буквы.

По утверждению Л. Б. Модзалевского, все эти записи сделаны рукой Фед. Ант. Туманского.

Из имеющейся у меня копии с неопубликованного формулярного списка Ф. А. Туманского [28] видно, что он, по окончании курса действительным студентом в Московском университете, 2 мая 1821 г. поступил в Департамент духовных дел, откуда был по прошению уволен 8 мая 1825 г. и 12 сентября этого года определен в Департамент разных податей и сборов. Здесь он прослужил до 23 января 1827 г., когда был уволен по прошению и 25 апреля 1828 г. определен в штат канцелярии полномочного председателя Диванов княжеств Молдавии и Валахии. С 4 апреля 1841 г. Туманский был секретарем консульства в Молдавии, каковым он был и в 1844 г., на котором обрываются сведения формуляра. Последние годы своей жизни Туманский провел в Белграде, где был консулом и где скончался 5 июля 1853 г. [29].

Одно время Федор Антонович был сослуживцем по Департаменту духовных дел Льва Сергеевича Пушкина, который поступил в этот Департамент 13 ноября 1824 г. и прослужил здесь до 24 октября 1826 г. [30]. Входя в кружок писателей, группировавшихся вокруг Дельвига, один из участников его «Северных Цветов», Ф. А. Туманский, надо думать, был в приятельских отношениях с Л. С. Пушкиным и потому, весьма вероятно, летом 1825 г. принимал участие в переписке стихотворений Пушкина из тетради Всеволожского в так называемую цензурную тетрадь. Следы этой работы в виде вышеприведенных «проб пера» и сохранились на страницах первой тетради.

Так как тетрадь эта в наши дни обнаружилась в Белграде, где жил и умер Туманский, то весьма естественно предположить, что, получив может быть в 1825 же году по окончании переписки стихотворений Пушкина от Льва Сергеевича тетрадь Всеволожского, Федор Антонович хранил ее у себя до своей смерти.

Прямых свидетельств о том, кому принадлежала тетрадь после смерти Ф. А. Туманского, у нас нет, но имеются указания на то, что рукопись, по крайней мере в 60-х годах, принадлежала А. А. Ольхину.

Дело в том, что, кроме тетради Всеволожского имеется лист in f° (четыре страницы) писчей бумаги, который служил одно время обложкой тетради. На первой странице этого листа (остальные три — чистые) рукой А. А. Ольхина написано:

Александр Сергеевич
Пушкин

Кроме того, на самом верху страницы может быть другой рукой написано:

1. Нарисованная голова с припиской „T[?] Je suis"
2. Тетрадь стихотворений [31] Пушкина с поправками поэта.

---

[28] Копия получена мною от В. И. Саитова.

[29] Гербель, Н. В. «Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах». СПБ, 1873, стр. 333.

[30] См. формуляр Л. С. Пушкина в книге Л. Н. Майкова «Пушкин», СПБ., 1899, стр. 37.

[31] Первоначально было: Стихотворения.

Рисунок головы с припиской «Т [?] Je suis» сохранился и поступил в Литературный Музей вместе с тетрадью Всеволожского. Это — рисунок мужской головы в профиль, сделанный пером на листке бумаги верже размером 10,2 × × 11,3 см. Справа от головы верхом вниз чернилами написано: „Т [?] Je suis" Внизу листка карандашом написано: «Рисованье А. С. Пушкина». Сбоку внизу чернилами написано и зачеркнуто: «Рисов». Дальше отрезано, что указывает на то, что рисунок был сделан на листке большего размера, чем он теперь.

На обороте листка чернилами написано:

Рисованье Александра
Сергеевича Пушкина
В библиотеку Лицея
от А. Ольхина

8-го Октября
1858-го.

Рисунок наклеен на паспарту — двойной лист плотной пожелтевшей бумаги in f°.

Почерк надписи на обороте листка с рисунком тот же самый, которым сделана надпись «Александр Сергеевич Пушкин» на листе, служившем обложкой для тетради Всеволожского. По манере рисунок может принадлежать Пушкину, хотя полной уверенности в этом у меня нет. Что касается до слов: „Т[?] Je suis" то они написаны, по моему мнению, не Пушкиным.

А. Ольхин, владевший тетрадью Всеволожского и рисунком Пушкина, — Александр Александрович Ольхин (1839—1897), лицеист XXIII курса, по окончании лицея в 1859 г. сначала служивший в газетной экспедиции Министерства иностранных дел; затем в 1861—1862 гг. бывший секретарем консульства в Видине и наконец в 1862—1865 гг. консулом в Варне [32]. Вероятно в эти годы пребывания в Болгарии Ольхин бывал в Белграде и как чиновник Министерства иностранных дел мог иметь доступ к архиву Ф. А. Туманского.

Каким образом тетрадь Всеволожского и рисунок Пушкина, принадлежавшие А. А. Ольхину [33], оказались в Белграде, остается в точности неизвестным, но есть основания предполагать, что эти рукописи входили в собрание автографов писателей, поступившее от Ольхина к сербскому полковнику Джоку Влайковичу и хранящееся в Государственном архиве в Белграде [34].

Из писем И. Г. Максимовича в Академию Наук СССР и к В. Д. Бонч-Бруевичу мне известно, что последним владельцем тетради Всеволожского был проживающий в Белграде Миодраг Обрадович, по словам которого рукопись принадлежала еще его деду. Когда жил дед М. Обрадовича и имел ли он общение с А. А. Ольхиным, остается неизвестным.

Возвращаюсь к тетради Всеволожского. Кроме «проб пера» Ф. А. Туманского, с левой стороны у заглавий тридцати четырех стихотворений и у первых стихов двух стихотворений («Жуковскому» («Когда к мечтательному миру») и «Торжество Вакха»), начал которых не имеется в сохранившихся листах тетради, карандашом рукой неизвестного поставлены числа тома и страницы посмертно-

---

[32] См. Селезнев, И. «Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея», СПБ., 1861, стр. 175 второй пагинации и некролог А. А. Ольхина в «Историческом Вестнике» 1898, январь, стр. 411. Биографию А. А. Ольхина и литературу о нем см. «Деятели революционного движения в России». Био-библиографический словарь. Том второй. Семидесятые годы. Выпуск III, составленный А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой, М., 1931, стб. 1087-1090.

[33] Рисунок Пушкина Ольхин, вопреки сделанной им надписи, очевидно, не отдал в библиотеку лицея.

[34] В этом собрании имеются рукописи Мицкевича, Шевченки, И. С. Тургенева, Н. И. Тургенева, Некрасова и др. Судя по тому, что в собрании имеется письмо Некрасова к Ольхину от 1868 г., Влайкович получил рукописи от Ольхина не ранее этого года.

го издания (1838—1841 гг.) собрания сочинений Пушкина, где напечатаны эти стихотворения. Таким путем было выявлено шесть стихотворений, не вошедших в Посмертное издание [35].

Пометы эти были сделаны не ранее 1841 г., когда вышел девятый том Посмертного издания и до февраля 1855 г., когда вышли первые тома Анненковского издания собрания сочинений Пушкина. Отмечать, какие стихотворения вошли в Посмертное издание, при наличии Анненковского издания, конечно не имело смысла [36].

Наконец есть в тетради еще одна помета, свидетельствующая о том, что в 1859—1881 гг. тетрадь была в руках лица, внимательно изучавшего ее содержание. С правой стороны у стихотворения «Мечтателю» (л. 5_2) карандашом рукой неизвестного написано: «1818 изд. Исакова», что означает, что стихотворение «Мечтателю», помеченное в тетради 1819-м годом, в издании Исакова собрания сочинений Пушкина датировано 1818-м годом. Изданий Исакова собрания сочинений Пушкина было три — первое, под редакцией Геннади, — 1859 г., второе, под его же редакцией, — 1870 г. и третье, под редакцией Ефремова, — 1880 г. [37]. Во всех этих изданиях стихотворение «Мечтателю» напечатано под 1818-м годом, но так как в помете не указано, какое из изданий Исакова разумеется, можно предположить, что имелось в виду первое издание 1859 г. Таким образом помета сделана, вероятно в 1859—1869 годах.

Но и эта помета не проливает никакого света на темную судьбу рукописи до июля 1933 г., когда Миодраг Обрадович, чиновник югославского министерства иностранных дел, обратился к сербскому писателю и переводчику на сербский язык сочинений русских писателей Иовану Георгиевичу Максимовичу с просьбой определить, что́ представляет собой имеющаяся у него рукопись. Последний, правильно определив, что поправки в тетради принадлежат Пушкину [38], письмом от 1 августа 1933 г. известил о рукописи Академию Наук Союза ССР. По присланным Максимовичем фотографическим снимкам с нескольких страниц тетради Б. В. Томашевским в начале сентября было установлено, что рукопись, имеющаяся у Обрадовича, представляет собою подлинную так называемую тетрадь Всеволожского, считавшуюся у пушкинистов утраченной.

В ответ на предложение И. Г. Максимовича от имени М. Обрадовича купить рукопись, Литературный Музей в Москве выразил согласие и, после довольно длительной переписки, благодаря исключительной энергии директора музея В. Д. Бонч-Бруевича и при ближайшем участии и помощи нашего полномочного представителя во Франции, покойного В. С. Довгалевского, тетрадь Всеволожского была приобретена Литературным Музеем, куда она и поступила 2 января 1934 г.

М. Цявловский

---

[35] Таких стихотворений было собственно пять: «К ней» («В печальной праздности»), «Надпись к беседке», «К К. Г.», посылая ей оду «Свободу», «Мадригал Мг-ой» и «Платонизм», так как шестое «Уныние» («О, милый друг») было напечатано в посмертном издании, но только в другой, по сравнению с текстом тетради, редакции.

[36] Такие же пометы тома и страницы, но не Посмертного, а Анненковского издания, имеются и при заглавиях стихотворений на сохранившихся листах так называемой «Капнистовской тетради». Это, мне кажется, не может указывать на то, что тетрадь Всеволожского и тетрадь Капниста в то время, когда были сделаны пометы, принадлежали одному лицу, потому что есть основания полагать, что судьба тетради Капниста была иной по сравнению с судьбой, какую имела тетрадь Всеволожского.

[37] Следующим было издание Анского под редакцией Ефремова 1882 г.

[38] Занимаясь рукописью И. Г. Максимович позволил себе написать карандашом на полях лл. 2_2, 14_2, 15_2, 17_1 свое чтение слов, написанных Пушкиным, и надписать на л. 20_1 заглавие «Торжество Вакха» над первым из сохранившихся стихов этого стихотворения.

II. ИЗ АРХИВА ПУШКИНА

Публикация и комментарии П. Попова

Хозяйственные и семейные бумаги А. С. Пушкина находились в кабинете поэта во время его кончины; после смерти были опечатаны вместе с творческими рукописями Пушкина, затем уложены и перевезены на квартиру В. А. Жуковского. Всего на квартиру Жуковского было перевезено два сундука. В феврале 1837 г. содержимое сундуков было просмотрено Дубельтом и Жуковским. Документы вновь найденного архива, надо думать, были отнесены при разборе к разделам «письма разных лиц» (№№ 22 и 23), «денежные счета» (№№ 24 и 25) и «деловые бумаги» (№ 26), которые обозначены в протоколе по разбору бумаг Пушкина от 9 и 10 февраля. В протоколе от 15, 16 и 17 февраля среди просмотренных писем к Пушкину значатся письма Калашникова, имеющиеся в нашем архиве («Дела III Отделения... об А. С. Пушкине», 1906, стр. 189 и 190). Так как главным образом интерес вызывали собственные рукописи Пушкина, то семейные и хозяйственные документы были оставлены семье поэта без особого просмотра. Часть их впрочем уже в то время отбилась и осталась на руках Жуковского, а впоследствии перешла в парижский музей Онегина (ныне хранится в Институте Русской Литературы Академии Наук). Это бумаги XVIII в., преимущественно по Болдину и Кистеневу, находившихся во владении Л. А. Пушкина, деда поэта, — всего двенадцать документов, вложенных в старый кожаный переплет (описаны Б. Л. Модзалевским, — см. «Пушкин и его современники», вып. XII, стр. 39—41). Основная же часть хозяйственного архива Пушкина оставалась под спудом свыше десяти лет. В 1849—1850 гг. бумаги эти были в руках П. В. Анненкова; Анненков вспоминал: «Ланская, по первому мужу Пушкина... обратилась ко мне за советом и прислала на дом к нам два сундука его бумаг. При первом взгляде на бумаги я увидал, какие сокровища еще в них таятся» (Б. Модзалевский. «Пушкин». Изд. «Прибой», 1929, стр. 284—285). Анненков, использовавший для своего издания сочинений Пушкина манускрипты поэта, вряд ли однако вникал в хозяйственный его архив. Архив этот оставался неизученным.

Дальнейшая судьба части этого архива связана с библиотекой Пушкина и стоит особняком от творческих рукописей поэта, переданных в Рукописное отделение Румянцевского Музея сыном поэта Александром Александровичем Пушкиным в 1880 г. Возможно, что некоторое время вместе с книгами хозяйственный архив находился в подвалах казарм л.-гв. Конного полка (которым второй муж Н. Н. Пушкиной, П. П. Ланской, командовал в 1844—1853 гг.); затем архив вместе с библиотекой А. С. Пушкина был перевезен в имение Пушкиных — Ивановское, Бронницкого уезда, Московской губернии (ср. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, стр. XI). Когда А. А. Пушкин вновь поступил на военную службу в 1866 г., то часть вещей его была перевезена в соседнее имение при ст. Лопасне, принадлежавшее Николаю Николаевичу Васильчикову, двоюродному брату первой жены А. А. Пушкина Софии Александровны Ланской. В начале 90-х годов А. А. Пушкин передал библиотеку своему старшему сыну Александру Александровичу, который взял ее обратно в Ивановское. Перед перевозкой вну-

ки и внучки А. С. Пушкина раскрыли ящики, проветрили книги и вновь их уложили, но ящик с бумагами не был найден и оставлен в Лопасне (сведения взяты из письма Г. А. Пушкина П. С. Попову от 23 октября 1932 г.). Между тем в 1900 г. библиотека была перевезена в Петербург и в 1906 г. приобретена казной для Пушкинского дома, бумаги же оставались безвестными и забытыми в Лопасне. В 1917 г. семья внука поэта, Григория Александровича Пушкина, решила из Москвы переехать в лопасненскую усадьбу, где в то время проживали дочери Ивана Николаевича Гончарова, племянницы Н. Н. Васильчикова. При обмене помещениями и связанном с ним разборе вещей Наталья Ивановна Гончарова (племянница Натальи Николаевны Пушкиной) обратила внимание на исписанные листы, которыми была устлана клетка с канарейкой, висевшая в усадьбе. Г. А. Пушкин, убедившись, что бумага исписана рукой деда, стал искать, откуда растаскивались эти листы; тогда только и был обнаружен в кладовой затерявшийся и уже раскрытый ящик с бумагами, объеденными мышами, — очевидно было, что часть их уже уничтожена. Основным ядром этих бумаг оказались выписки А. С. Пушкина для истории Петра I. Г. А. Пушкин решил их издать и передал в издательство бр. Салаевых вместе с другими найденными в ящике бумагами. Для редактирования был приглашен П. Е. Щеголев. В руках последнего, как свидетельствует Г. А. Пушкин, и остались эти касающиеся подготовления истории Петра I бумаги после того, как издательство бр. Салаевых было национализировано. Оригиналы эти (всего 22 тетради) в настоящее время находятся в Институте Русской Литературы (ИРЛИ) при Академии Наук в Ленинграде. Вместе с этими рукописями Пушкина на руках Щеголева осталась пачка бумаг хозяйственного содержания, счетов А. С. Пушкина, шестьдесят писем к поэту и т. п. Часть этих документов была опубликована Щеголевым в его книге «Пушкин и мужики» в изд. «Федерация», М., 1928, без указания на источник их происхождения; другая часть оставшихся у Щеголева документов (шестьдесят писем к поэту, несколько его векселей и т. п.) за смертью Щеголева подготавливается к печати Ю. Г. Оксманом для книги «Будни Пушкина». Из этого материала двадцать четыре письма, два счета и одна справка опубликованы в «Литературном Наследстве», № 16—18, 1935; там же в статье Ю. Оксмана напечатаны четыре документа, касающиеся работы Пушкина над историей Пугачева. Еще в 1924 г. три письма той же коллекции были опубликованы П. Щеголевым в журнале «Ленинград», № 11 (27); три письма и один отрывок — в «Московском Пушкинисте», II, 1930; письмо жены поэта — в 3-ем изд. «Дуэль и смерть Пушкина»; 1928; одно письмо в «Звезде» 1930, кн. VI; одно — в «Пушкин и его современники», вып. 38—39; шесть документов — в «Красной Ниве», 1929, № 24 и два счета — в «Прожекторе», 1929, № 11. Наконец, из того же собрания одно дело опеки (№ 2 — «по недвижимому и движимому имуществу, оставшемуся после смерти А. С. Пушкина») использовано Щеголевым в статье, напечатанной в № 3—4 журнала «Искусство» за 1929 г. и Л. Б. Модзалевским («Литературное Наследство», № 16—18).

Кроме бумаг, находившихся в забытом в Лопасне ящике, в распоряжении Г. А. Пушкина оставались другие хозяйственные документы архива А. С. Пушкина. Они хранились у его отца, Александра Александровича Пушкина, и находились в особом портфеле. Уже после смерти А. А. Пушкина его вторая жена, Мария Александровна Пушкина, рожд. Павлова, в начале 1917 г. передала Г. А Пушкину этот портфель в Москве. Г. А. Пушкин увез его в Лопасню. В 1928 г. он подарил девять документов из пачки бумаг этого портфеля В. С. Нечаевой. Два документа опубликованы В. С. Нечаевой в «Красном Архиве» 1928, т. XXVIII и в «Литературной Газете» 1931, № 30 от 5 июня. В публикациях оговорено происхождение этих документов. Опубликованные оригиналы хранятся в ИРЛИ. Из остальных семи документов шесть опубликованы ею же в «Литературном Наследстве», № 16—18. После того как Г. А. Пушкиным из портфеля была вынута эта незначительная часть архива, портфель с содержимым куда-то завалился и считался утерянным. Обнаружен он был в темной кладовой за шкапом

в 1930 г., когда Пушкины, желая дать образование своему сыну, правнуку поэта Григорию Григорьевичу, выехали из Лопасни за четырнадцать верст в совхоз «Новый быт» (Давыдково), где находится сельскохозяйственный техникум. По переезде в совхоз портфель вновь затерялся и был обнаружен Г. А. Пушкиным снова, когда вся семья решила вернуться обратно в Лопасню, что произошло в октябре 1932 г. Перед выездом из «Нового быта» портфель нашелся на дне сундука.

1 февраля 1933 г. Г. А. Пушкин, захватив с собою из Лопасни найденные документы из портфеля, перевез их в Москву и передал пишущему эти строки. На следующий день архив был просмотрен совместно с М. А. Цявловским, а 7 февраля в заседании Фондовой комиссии по организации Центрального Литературного Музея было постановлено приобрести этот архив для музея. Тогда же было выдвинуто В. Д. Бонч-Бруевичем предложение опубликовать полностью содержимое архива в первом выпуске органа Литературного Музея «Летописи».

Новый пушкинский архив в свою очередь распадается на ряд неравных частей. Основное ядро составляет хозяйственный архив Александра Сергеевича, охватывающий хозяйственные документы и переписку по нижегородским владениям Пушкиных (всего 66 номеров). Эта часть — наиболее ценная, поскольку все документы архива, если и не обращены непосредственно к поэту, то всё же — это можно утверждать с уверенностью — были в поле его зрения и все им читались или просматривались. Пять писем управляющих имеют пометы поэта, делавшего хозяйственные и другие выкладки на оборотах писем. Среди бумаг имеется также отдельный автограф Пушкина с денежными исчислениями. Следующим номером в нашем издании помещаем любопытный биографический документ (рукой Пушкина). Далее идут документы, использованные Пушкиным для своих произведений (три номера). Следующий отдел — архив семейных бумаг Пушкиных (всего 14 номеров), по преимуществу относящихся к XVIII и самому началу XIX в. Они характеризуют имущественное достояние (весьма значительное по сравнению с имениями отца Пушкина) тех «бояр старинных» и «родов униженных», «обломком» которых называл себя поэт в своем социальном осознании. Последний отдел касается Михайловского и других владений по Псковской губ., доставшихся Пушкиным от Ганнибалов (16 номеров).

Наибольшее значение, в смысле полноты и связанности документов, представляет, как сказано выше, часть, характеризующая хозяйство нижегородских владений Пушкина. Ими и открывается публикация пушкинского архива. Сюда входят письма управляющих (43 номера), четыре письма нижегородских крестьян, обращенных к поэту, несколько писем других лиц, подворные описи, ведомости и т. п.

Располагая документы не по жанрам и письма не по корреспондентам, а хронологически, редакция исходила из того соображения, что при таком хронологическом развертывании архива жизнь пушкинской деревни может быть представлена наиболее рельефно, — мы получаем картину взаимоотношений крестьян с помещичьей властью в их динамическом развитии.

Для сохранения исторического колорита и точной передачи характера тех хозяйственных документов, которые попадали в руки поэта, они печатаются по старой орфографии (кроме буквы «ять», передаваемой «е», опускаемого твердого знака, десятеричного «и», а также буквы фиты, заменяемой буквой «ф») с соблюдением всех грамматических особенностей и неправильностей. Документы охватывают период с 1813 по 1836 г.

I

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ АРХИВ А. С. ПУШКИНА

(по Нижегородским владениям).

№ 1. СПРАВКА О ВЛАДЕНИЯХ В. Л. ПУШКИНА, С. Л. ПУШКИНА и Е. Л. СОНЦОВОЙ

1813 г. Октябрь—1814 г.

Геометрической Спецыальной план Нижегородской губернии, Лукояновскаго уезда, Села болдина, Сдеревнею Малою болдиною, владения Калежскаго ассесора василия, Служившаго в комисирияцком штате Седмаго класса иковалера Сергея Львовича Пушкиных иСестры инадворной Советницы Елизаветы Львовны Сонцевой. Межевание, Чиненнаго по Спорам в прошлом 1785-го Году, июля 7 дня, землемером порудчиком Горченовским, а межа утверждена поуказу правительствующаго Сената общаго, 4, 5-го и Межеваго департаментов Собрания в 1813 Году, Сентября 26 дня Старшим Землемером титулярным Советником бобырявым, а внутри того владения, обмежеваннаго от все[х] смежны[х] владелцов одною окружною Межею, понынешней мере и по исчислению Земли. Состоит пашни пять тысящ четыреста двадцать десятин, две тысячы двести одна Сажень, а онаго покосу, между коим частию и мелкаго кустарнику, 664 десятины тысяча сто двадцать Сажень. Лесу Строеваго и дровянаго 1997 десятин 315 Сажин; под поселением, огародами, гуменниками и конопляниками, в том числе усвещенно- и церковно Служителей 176 десятин 1132 сажени, под церковью и кладбищем 1676 Сажень, под проселачными дарогами 24 десятины 2393 Сажени, под реками, полуречками, ручьями, аврагами и прудами, под полавинами и крутостью оных 48 десятин 2302 Сажени, под болотами 17 десятин 950 сажен, ИТОГО 8351 десятина 99 Сажен и заисключением неудобных Мест Осталось одной удобной Земли 8258 десятин 2368 Сажин, дли етаго числа вырезано по поданной Любовной Скаске К Состоящей в том Селе церк[в]и Успения пресвятыя богородицы Церковная Земля в 3-х Местах для владения той церкви в Священо и церковно Служителей, коя значится на плане под литерами: Ц : З:, в коих в 1-м Месте пашни 10 десятин 1920 Сажин, во 2-м Месте пашни 10 десятин 2048 сажин, в 3-м Месте пашни 11 десятин 832 Сажени, под половиною ручья безыменнаго 32 Сажени, и того в 3-м Месте 11 десятин 864 Сажени, а заисключением ручья осталось удобной 11 десятин

832 Сажени, а всего в трех местах 33 десятины 32 Сажени, а зансключением Неудобных Мест асталось удобной Земли 33 десятины, Затем в де[й]ствительном владении Села болдина И деревни Малою болдиною осталось удобной Земли 8225 десятин 2368 Сажен, да Сверх того им же Священно Ицерковно-Служителям, кои де[й]ствительно при той Церкви Состоят по Силе, данной Землемером Наставления 5 части, 7 пункта вовсе те Леса, где Сами помещыки рубят, а не взаказные, для рубки, неисключая на путях иметь в езд безъвозбранно толко для Себя, аненапродажу; втом Селе попоследней поданой к ревизий Скаскам Состоит Мужеска и женска пола душ, а именно в Селе болдине загосподином Калежским ассесором васильем Львовым Сыном пушкиным (Инадворной Саветницы Елизаветы Львовой дочери жены Сонцевой деревни Малой болдиной) один господский дом, принем дворовых людей Мужеска 19, женска 4 души, Крестьянских дваров Сто Сорок Семь, вних мужеска 541 д., женска 525 душ. Забратом Его Сергеем Львовым Сыном пушкиным дом господской, принем дваровых людей мужеска 8 д., женска 9 душ. Крестьян[ск]их 149 дворов, в них Мужеска 546, женска 534 души. Занадворной Советницей Елизаветы Львовой дочери жены Сонцевой в деревне Малой болдиной Состоит дваровых людей Мужеска 7, женска 4 души, Крестьянских 102 двара, мужеска 374, Женска 325 душ, А ВСЕГО заозначенными Господами в упомянутых Селениях два Дома Господских, крестьянских 398 Дваров в Селе, вних издваровыми Людми Состоит мужеска 1495, женска 1402 души.

Настоящая справка о владениях В. Л. Пушкина, С. Л. Пушкина и Е. Л. Сонцовой не является официальным документом и никем не подписана. Ей соответствует специальный план Болдина, хранящийся в Межевом архиве в Москве (деталь этого плана см. в приложениях к настоящему изданию). На ряду с «генеральным» межеванием составлялись «специальные» планы с надписанием названий смежных дач и их владельцев, имевшие целью определение границ частных участков, находящихся в окружной меже. Публикуемый документ в результате обмежевания от всех смежных владельцев устанавливает общее количество десятин владений Пушкиных с указанием количества десятин отдельных угодий, а также числа душ по трем владельцам.

Б о л д и н о — село Большое Болдино (также называется Базарное Болдино), при реке Азанке, впадающей в Чеку, ранее волостной центр Лукояновского уезда (на границе Сергачского), Нижегородской губ., в настоящее время — районный центр Горьковского края, в 35 км от станции Ужовка М.-Казанской ж. д. С начала XVII в. — вотчина Пушкиных. Известна «грамота к воеводе и дьяку о наказании крестьян деревни Еболдиной, данной в вотчину Ивану Пушкину, за неповиновение вотчиннику», вызванная жалобой Ивана Федоровича Пушкина, что его «крестьяне не слушают»; в результате этого обращения воевода Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский послали указ арзамасскому воеводе (Еболдино числилось тогда по Арзамасскому уезду), которым предписывалось: «И ож будет так, как нам Иван Пушкин бил челом, и вы-б, господа... крестьяном велели слушати во всем Ивана Пушкина, пашню на нево пахати и доход вотчинников платить, чем он их изоброчит. А будет которые крестьяне не учнут Ивана Пушкина слушати, а вы-б тех крестьян, выбрав лутчих человек дву или трех, велели бити кнутьем, а, бив кнутьем, велели вкинути в тюрьму на неделю, а ис тюрьмы выдали их головою Ивану Пушкину... записьми в том, что им Ивана Пушкина вперед слушати во всем». Указ писан в Москве 15 ноября 7121 г. (1612 г.) (Б. Веселовский «Арзамасские поместные акты». М., 1915, стр. 446—447). В 1614 г. бездетный И. Ф. Пушкин оказался в плену (позднее был убит «немецкими людьми»). В 1619 г. Болдино «за московское осадное сиденье» жалуется брату И. Ф. Пушкина Федору Федоровичу Сухоруку. Затем Болдиным последовательно владели — Иван Федорович Шиш (стольник, воевода, член Верховного правления в малолетство царевичей Ивана и Петра), его сын, бездетный или холостой Иван Иванович (стольник, капитан), двоюродный племянник последнего Александр Петрович (ум. 1725; сержант, каптенармус), Лев Александрович (1723—1790), прикупивший к Болдину земли в 1780 г., и Сергей Львович, отец поэта, совместно с братом Василием и сестрой Елизаветой.

А. С. Пушкину само Болдино никогда не принадлежало, ему отец уступил часть соседнего имения. В связи с этим поэт неоднократно присзжал в Нижс-

городскую губернию. В Болдине А. С. Пушкин провел три осени: 1830 г. (три месяца: сентябрь — ноябрь); 1833 г. (октябрь — середина ноября) и 1834 г. (13 сентября — начало октября). С апреля 1834 г. по июнь 1835 г. А. С. Пушкин в виду беспомощности отца сам управлял болдинским имением. О Болдине имеется следующая литература: первая специальная публикация, посвященная Болдину, — Н. Овсянникова «Болдино» («Нижегородские Губернские Ведомости», часть неофициальная, 1862 г., января 20, № 3; статья писана перед отъездом в Болдино: «Когда мы будем на месте в самом Болдине,... мы надеемся еще встретить в Болдине стариков, которые порасскажут нам о Пушкине». (стр. 18) — последующая публикация Овсянникова неизвестна); Н. Забелин «Пушкин в Болдине» («Русские Ведомости» 1899 г., 4 февраля, № 35; «нам довелось быть в глухом Болдине в 1895 г.»; писано из Арзамаса); А. И. Звездин «О Болдинском имении А. С. Пушкина». Нижний-Новгород, 1912 (первая основательная работа; использованы рукописные списки населенных мест, архивное дело об описи имения Пушкина 1837 г. и др.; есть ряд ошибок — например о Львовке — стр. 10); Н. А. Саввин (ум. 1934 г.) «Болдино и А. С. Пушкин». Нижний-Новгород, 1929; изд. Нижегородской археолого-этнологической комиссии (в брошюре ряд крупных ошибок, начиная с приурочения к столетию со времени приезда Пушкина в Болдино — см. неверное заявление на стр. 18: «Четыре раза Пушкин был в Болдине. В первый раз в 1829 г.»); гл. II «Помещик» в книге Щеголева «Пушкин и мужики». М., 1928 (на основании части вотчинного болдинского архива, хранящегося в Пушкинском доме (ИРЛИ) в Ленинграде). Неопубликованные работы: А. Садовский «О нижегородских имениях Пушкина в конце XVIII века» (ИРЛИ); в архиве «Звеньев» находятся две работы, посвященные Болдину, с приложением карт и планов (А. П. Зякина и В. И. Чернышева, жившего в Болдине летом 1928 г.). Обстоятельный очерк творчества Пушкина, связанного с пребыванием его в Болдине, мы находим у П. В. Анненкова («Пушкин. Материалы для его биографии». СПБ, 1873; главы XXIII—XXVI; XXXII—XXXIII). — В настоящее время в Болдине четыре колхоза: «Трудовик», «им. Сталина», «Красный пахарь» и «Красный Иртыш».

Малое Болдино — или Новоуспенская, деревня в 5 верстах от Большого Болдина. Согласно «экономическим примечаниям», по данным пятой ревизии, состояла из 98 дворов (292 муж., 290 женщ.). На детали специального плана (см. приложение) обозначена, как Новое Болдино. Малое Болдино принадлежало Е. Л. Сонцовой.

Василий — Василий Львович Пушкин (1767—1830), родной дядя А. С. Пушкина. Поэт. Член «Арзамаса». Автор поэмы «Опасный сосед». Служил сержантом, затем прапорщиком; в 1799 г. отставной гв. подпоручик. Коллежский асессор. Был женат на Капитолине Михайловне Вышеславцевой (1778—1861; по второму мужу Мальцева). В 1805 г. Капитолиной Михайловной было подано прошение о расторжении брака за связь В. Л. Пушкина с «вольноотпущенною девкою», при чем В. Л. Пушкин показал, что он «с отпущенною на волю девкою Аграфеною Ивановою прелюбодейство подлинно чинит и с нею в Париж и прочие немецкие города ездил». В 1806 г. состоялся развод (срв. «Русская Старина» 1903 г., март, т. 113, кн. III и «Русский Архив» 1894 г., № 12, стр. 554—555; в последней публикации неверная дата о возбуждении бракоразводного дела — вместо 1802 г. надо 1805 г.). В 1811 г. В. Л. Пушкин уже живет с Анной Николаевной Ворожейкиной, от которой имел детей: Маргариту и Льва. Обстоятельства семейной жизни В. Л. Пушкина отразились на судьбе пушкинских поместий Нижегородской губ., о чем идет речь в публикуемой переписке.

Сергей Львович Пушкин (1770—1848) — отец А. С. Пушкина. В 1777 г. сержант л.-гв. Измайловского полка; в 1791 г. прапорщик; в 1797 г. капитан-поручик л.-гв. Егерского батальона; в 1800 г. в комиссариатском штате; в 1811 г. военный советник; в 1814 г. в Варшаве начальник Комиссариатской комиссии резервной армии; в 1817 г. в отставке статский советник. В 1791 г. с матерью и сестрами получил Болдино. С 1796 г. был женат на Надежде Осиповне, рожд. Ганнибал (1775—1836). Отличался остроумием. О нем см. воспоминания его дочери О. С. Павлищевой (1851 г.), помещенные в настоящем томе. В этих воспоминаниях (равно как в других писаниях о С. Л. Пушкине, опирающихся на них и не являющихся первоисточником) есть преувеличения о С. Л. Пушкине — об отсутствии у него всякого интереса к хозяйственным делам с указанием, что он никогда не бывал в Болдине. Болдинский хозяйственный архив свидетельствует, что С. Л. Пушкин был в своем имении во всяком случае дважды: в сентябре 1825 г. (срв. ЩМ, стр. 85) и осенью 1836 г. (срв. листок с собственноручной записью С. Л. Пушкина от 1836 г. — хранится в ИРЛИ, 4600. XXIII б. 138, а также письмо М. И. Калашникова из настоящего сборника от 22 декабря 1836 г.). Что касается задолженности С. Л. Пушкина по имениям, то о степени беспорядочности в деле уплаты процентов можно судить по следующему факту: распоряжение об описи Болдина в 1833 г. последовало в результате долга в 28 150 руб. (капитала) и неуплаченных процентов — 1 960 руб., между тем как долг А. С.

Пушкина по полученной им в 1830 г. Кистеневке, вызвавший распоряжение об описи его имения в 1834 г., был таков: капитального долга 40 000 руб. и 7 200 руб. процентов («Дело по сообщению С.-Петерб. Опекунского совета о взыскании с г. Пушкина просроченной суммы, № 87» и «Дело по сообщению Московского Опекунского совета о взыскании с г. Пушкина денег или о доставлении описи имению, № 390» — хранятся в Горьковском архиве Октябрьской революции). Тотчас после смерти А. С. Пушкина его друг Соболевский, хорошо знавший материальное положение Пушкиных, так охарактеризовал имущественное состояние Сергея Львовича в своем письме Плетневу из Парижа от 25/13 февраля 1837 г.: «У. С. Л. 1 100 душ в Нижнем Новгороде. 500 душ из оных малоземельных, оброчных, таких, из которых никаким хозяйством лучшего не сделаешь; 600 душ при достаточном числе земли хлебопашественной; ныне не лучше первых, но при малейшем хорошем хозяйстве могут быть улучшены. Цена первым не более 400 рублей за душу; вторым не более 500. Итак всего имения (имения находящегося в самых нехозяйственных руках) на 600 000 рублей. На этом имении долга казенного по С. Петербургскому Опекунскому совету 250 000, частного, вероятно, нет и 50 000, ибо Сергею Львовичу никто многого не поверит; остается 300 000 имения, беспрестанно убывающего в ценности по нехозяйственности хозяина» («Искусство», 1929, № 3—4, стр. 46).

Преувеличен также установившийся взгляд на равнодушие С. Л. Пушкина к Александру Сергеевичу, согласно которому, напр., принято считать, что, отдав сына в лицей, С. Л. Пушкин судьбой его совершенно не интересовался, между тем по дневникам посещений родителями воспитанников лицея явствует, что С. Л. Пушкин посетил сына за 1814—1817 гг. 31 раз (ИРЛИ).

Елизавета Львовна Сонцева (1776—1848) — сестра С. Л. Пушкина в 1803 г. вышла замуж за переводчика Коллегии иностранных дел, камергера Матвея Михайловича Сонцова (1779—1847).

Исчисление земли — по данным «экономических примечаний» количество земли исчислено иначе; по Болдину (вместе с Малым Болдиным) цифры таковы: под усадьбою — 162 дес., 1 200 саж.; пашни — 4 538 дес., 2 147 саж.; сенных покосов — 544 дес., 250 саж.; леса — 1 963 дес., 1 915 саж.; неудобные места — 92 дес., 131 саж. (зачеркнуто 72 дес., 1 324 саж.); всего 8 351 дес., 909 саж. Приведенные данные взяты из книг, относящихся к Генеральному плану и хранящихся в Московском межевом архиве; цифры эти совпадают с цифрами, приведенными в ЩМ, стр. 63 (за исключением количества десятин леса, что вероятно объясняется опечаткой в книге Щеголева). Данные экономических примечаний однако надлежит считать неточными, поскольку итог этих данных не совпадает с итогом (8 351 дес., 909 саж.); этот итог проставлен в книге, хранящейся в Межевом архиве, взамен зачеркнутых 7 281 дес., 2 036 саж.; эта же последняя цифра действительно совпадает с приведенными выше данными. Между тем цифра 8 351 дес., являющаяся заключительной в Книге экономических примечаний, а также проставленная в «алфавите» генерального межевания, совпадает с итогом, приводимом в публикуемом нами документе, полностью соответствующим данным этого документа по отдельным угодьям. Все это заставляет предпочесть исчисления нашего документа и признать, что эти данные являются наиболее достоверными (ошибочен лишь итог саженей — здесь 99; та же цифра в «алфавите» генерального межевания; в итоге данных экономических примечаний — 909; надлежит — 89 саж.).

священно и церковно служителям, кои при той церкви состоят — по описанию заседателя Трескина: «в селе Болдине... церковь каменная во имя успения пресвятые богородицы, священно-церковнослужители от помещика никакой суммой не пользуются, а продовольствуют себя особо выре занной церковною землею» (ЩМ, стр. 72).

путь — ловля, промысел.

по последней ревизии состоит — по шестой ревизии (переписи податного населения) 1811—1812 гг.; по данным «экономических примечаний» (Межевой архив) по всему Болдину (включая Малое Болдино) число дворов равняется 243; душ мужского пола — 1 231, женского — 1 347. По данным, приведенным в книге Щеголева (по пятой ревизии 1794 г.), — 243 двора, 1 336 душ мужского пола, 1 385 — женского (ЩМ, стр. 63).

№ 2. ПОЛЮБОВНАЯ СКАЗКА ОБ ОТМЕЖЕВАНИИ ЧАСТИ БОЛДИНА В. Л. ПУШКИНУ

1817 г. Декабрь

1817-го Года, декабря дня, При межевых делах ведомства Г. Лукояновскаго землемера Титулярнаго Советника Нестерова, Лукояновскаго уезда Села Болдина военнаго Советника и ковалера Серге

Львовича Пушкина, с полной доверенностию Брат Ево артиллерии подполковник Петр Львович Пушкин изъявил Согласие об отмежевании Части тогож Села Коллежскаго Ассесора василья львовича Пушкина, при поверенном Ево Крестьянине Иване Петрове и деревни Малой Болдиной надворной советницы Елизаветы Львовны Сонцевой, Поверенном Бурмистре Федосее васильеве, так что того Села и деревни Болдиной с принадлежащими Ким всеми Землями и угодьи Они развелись полюбовно и впредь к Спокойному и Безспорному между доверителями их и поних собственных Наследников и тех, кому оныя в дачу придут, к неоспоримому на всегда владению положили и утвердили межу, начиная от смежной дачи села Большаго Казаринова и от столба, поставленнаго на правой Стороне речки Азанки в 3-х Саженях и при устье оврага Крутова, впадающего в Оную — от того столба учинить ход вверх речки Азанки, которая Составлять Будет между дач Обоих половин Села Болдина живую межу и доселения, Оное Селение размежевать по учиненным приснятии ево признакам, а в конце подле усадьбы Крестьянина Захара Федорова пройти линию ZO 81½ градуса мерою 160 сажен, коею и выдет в поле на 60 Сажен, потом поворота в право линиями 1-й ZO 4 Градуса 314 Сажен, 2-й ZO 10 Градусов 520 Сажен, 3-й ZO 9½ Градуса 645 Сажен, 4-й ZW 16 Градусов 740 Сажен, 5-й ZW 29½ Градуса и вверх отвершка Палакслея[?] мерою 125 сажен, 6-й в лево ZW 1½ Градуса и чрез вершину Оврага Крутова 405 сажен, 7-й поворота в право ZW 66 Градусов вверх Оврага Крутова правою Стороною и докола длина линии 160 Сажен (межа сей линии поводотиоку), а от сего кола продолжить межу в право подле рощи и докола, поставленнаго на мирском промере, правая Сторона Пашенная Земля Части Василья Львовича, а левая Пашенная ж земля и откола роща Сергея Львовича: при разделе лесов в Старой роще порубку 31-ну десятину принять на часть василья Львовича Пашенной земли: а затем, как старую, так и молодую рощу и мелкой кустарник разделить каждой сорт пополам и к меже каждой дачи. После Сего церковной Земли третие поле вымежевать из дачи Сергея Львовича, Оставя в другой половине два поля, и таким Способом дачу Села Болдина разделить пополам; к деревне ж Болдиной Оказавшагося недостатку тритцать две десятины 1386 Сажен отмежевать к нынешнему Ея владению от Части Василья Львовича, начиная от конца линии ZO 21¼ Градуса мерою 136 сажень продолжить нареску на ромб первой ZW 2¼ Градуса мерою 1024 сажени и второю ZW 3¼ Градуса до столба, поставленнаго посмежности дачи Починковской, конно-заводской волости, длина линии 308 сажен, коего нареской и недостаток к деревне Болдиной наполнить, посему Миролюбивому положению утвердить в натуре формальныя межи, а к спокойному и безспорному на всегда владению сочинить на оныя дачи Спецыальныя планы с межевыми Книгами для получения владельцам; на подлинной полюбовной Скаске подписано тако: к сей полюбовной Скаске военнаго Советника и ковалера Сергея Львовича Пушкина подоверенности Брат Ево родной, Артиллерии подполковник Петр Пушкин руку приложил. К сей полюбовной Скаске Господина Коллежскаго Ассесора Василья Львовича Пушкина, Села Болдина Земской Яков Хайдуков в место повереннаго Господина моего Онаго ж Села Крестьянина Ивана Чевкунова занеумением Ево Грамоте по ево личному прошению руку приложил. К сей полюбовной Скаске Госпожи надворной Советницы Елисаветы Львовны Сонцевой, деревни Болдиной Земской Егор Сидоров вместо повереннаго Госпожи моей Оной же деревни Бурмистра Федосея василыева за неумением Ево Грамоте поево личному прошению руку приложил.

	Десятины	Сажени
1-е		
В даче Сел і и деревни Болдиной одной удобной Земли	8258	2368
раздел чинится Селу Болдину на 1051 душу, деревне Болдиной на 293		
Всего в обоихъ 1344		
разделя вышеписанное количество на число душ, приходит накаждую по 6 десятин 346 $^1/_3$ Сажени с мелкими дробями. По сему исследует Селу Болдину на число показанных душ	6458	1144
а пополам каждому владельцу	3229	572
деревне Болдиной	1800	1224
2-е		
По нынешнему Снятию Оказалось при Селе Болдине Обоих владельцев под поселением их Крестьян пашни и покосу всего	5382	1742
Лесу трех Сортов всего	1116	418
При деревне Болдиной всего удобной	1760	208
3-е		
При Самом Начале Сего раздела Оказалось Удеревни Болдиной Недостатку	40	1016
От оной деревни Следует к Селу Болдину по приходу церковной земли	7	2030
апотому и надлежит Завычетом кней дополнить	32	1386
4-е		
При Селе Болдине Заотчислением лесов укаждаго владельца по расчету Следует Быть по	2671	363
во владении василья Львовича	2386	1982
недостатку	284	781
во владении Сергея Львовича	2995	2160
излишней	324	1797
Следовательно 40 д. 1016 с. сдесь нашлись излишними кои бы Следовали К деревне Болдиной, а как оная отреска и церковная земля остается на щоте Василья львовича, то и составит у него недостатку	324	1797
По условию к оной же даче надбавочных . .	20	—
Итого следует получить из дачи Сергея Львовича	344	1797
Еще нарезать церковной Земли 3-е поле, каторое Остается такъже во владение Василья Львовича	11	185
Всего	355	1982
Лесов		
Старой рощи	427	600
в оном числе порубки 82 десятины		
Молодой рощи	146	418
Мелкаго лесу	542	1800
Итого	1116	118
Разделя пополам приходит к каждой даче по	558	209

Для предоставления небогатым землевладельцам возможности размежеваться в 1806 г. были изданы правила дешевого специального межевания через уездных землемеров под наблюдением уездных судов (Полн. Собр. Зак., 1806 г., № 22305). Настоящий документ (с приложением исчислений по угодиям) представляет собою текст раздельной грамоты, по которой часть Болдина была отмежевана В. Л. Пушкину; с этого момента хозяйство Болдина и его судьба пошли по двум самостоятельным руслам (часть С. Л. Пушкина и часть В. Л. Пушкина).

1817-го года декабря дня — день не проставлен.

Петр Львович Пушкин (1751—1825) — брат С. Л. и В. Л. Пушкиных. Был женат на Казинской; умер бездетным. Кадет Артиллерийского кадетского корпуса; был при взятии Бендер и под Бухарестом. В 1795 г. уволен артиллерийским подполковником. В 1798 г. за ним было 130 душ в Нижегородской губ. В 1825 г. за ним в Сергачском уезде по с. Кистеневке было 1 009 душ.

Большое Казариново — прилегающее к Болдину со стороны Сергачского уезда имение, принадлежавшее в то время коллежскому асессору Александру Сергеевичу Чебышеву. По словам болдинского крестьянина Михея Ивановича Сивохина, последний хорошо помнил, что «курчавый барин, Александр Сергеевич, каждый день ездил верхом в соседние казаринские кусты и кистеневскую рощу и записывал, «какие местам званья, какие леса, какие травы растут» (Звездин. «О Болдинском имении А. С. Пушкина», стр. 14). — Позднее Казариново принадлежало С. В. Зыбину; перед революцией — Дмитрию Петровичу Шепелеву.

Азанка — речка, приток Чеки. В экономических примечаниях, которые извлекла Е. Н. Щепкина, Азанка описана так: «На речке Азанке (на ее правом берегу расположена и деревня) — сажень ширины и четверть сажени глубины в жаркое время — запружен пруд и при нем состоит речная мельница о двух поставах, действие имеет во весь год, которая мелет для крестьянского обихода; в речке рыба: щуки, окуни, язи, плотва. Жители довольствуются речной водой, которая для употребления людям и скоту здорова» (ЩМ, стр. 63).

учинить ход вверх речки Азанки — течение Азанки служило основной границей при дележе Болдина на две половины. Граница эта явствует из воспроизведенного в приложениях к настоящему тому плана «пол села Болдина, Сергиевское тож, владения... С. Л. Пушкина, размежевания, учиненного 1818 года, Октября 9-го дня». В экспликациях к плану приведены цифровые данные угодий С. Л. Пушкина.

вершок Палакслея — под вершками разумеются верхние части оврагов и лощин. Палакслея — очевидно мордовское название.

деревня Болдино — так обозначали Малое Болдино (Новоуспенскую) в противоположность селу Болдину (Большому Болдину).

Починковская конно-заводская волость — см. по прилагаемому плану линию СД, отграничивающую смежную землю крестьян Починковской конно-заводской волости.

земский Яков Хайдуков — старший писарь при вотчинной конторе или при бурмистре.

церковная земля — цифровые данные срв. в экспликациях к прилагаемому плану.

№ 3. М. Е. ИВАНОВ — В. Л. ПУШКИНУ

1819 г. Июня 25

Милостивый Государь
Василий Львович!

Прилагаю при сем регистр о числе десятин, Сочиненный мною по поверке окружной межи дачи Села и деревни Болдиных и отмеренных частей землемером Нестеровым во владение ваше и Сергею Львовичу Пушкину, а равно Елизавете Львовне Сонцовой, накоторое Сочинен мною вновь план, из коего регистра можете увидеть, сколько вам недорезано землемером Нестеровым удобной земли, которой недостаток и следовало бы мне отрезать и утвердить формальные межи, но послучаю посеяннаго на той земле крестьянами Сергея Львовича Пушкина Оржанаго хлеба оную нареску оставил доснятия того хлеба, извещая вас, прошу покорнейше об оном довесть досведения

братцу и сестрице вашей. — С должным почитанием честь имею быть ваш

Милостивый Государь
покорнейший Слуга
Михаила Иванов.

NB. Да прошу вас отрезать ли в ваше владение излишней земли от Сестрицы вашей Елизаветы Львовны Сонцовой 5 деся[тин] — 2,290 саж.

Июня 25 дня 1819 года.

В статье «Новый архив А. С. Пушкина» авторство этого письма мною неверно отнесено к М. И. Калашникову («Звенья», № 3—4, стр. 134). По характеру письма его не мог писать Калашников («регистр, сочиненный мною по поверке окружной межи дачи села... Болдина»). Отправитель письма — нижегородский губернский землемер титулярный советник Михаил Егорович Иванов, что явствует из приписки к геометрическому плану Болдина 1818 г. «под знаками солнца в 2-х местах за отмежеванием уездного земле[ме]ра Нестерова обозначается отрезанная вновь губернским землемером Ивановым земля к селу Болдину во владении помещика Василья Львовича Пушкина числом 170 десятин 920 сажен» (см. приложение) — срв. в настоящем письме: «сколько вам недорезано землемером Нестеровым удобной земли».

регистр о числе десятин — регистр этот неизвестен; надо думать, он находился в соответствии с данными «исчисления дачи села Болдина с деревней», представляющего вторую часть предшествующего документа.

Нестеров — титулярный советник, мадаевский землемер Нестеров. Мадаево — село, в которое в 1817—1820 гг. был перенесен уездный центр вследствие пожара 1817 г. в Лукоянове, от которого выгорел почти весь город.

сколько вам недорезано удобной земли — в описи имения С. Л. Пушкина, составленной после его смерти, значится: «В натуре под сомнением — поверенный со стороны Василия Львовича поспорил, будто бы неверно было размежевано, и в 1822 г. землемером Ивановым [дорезано] 170 десятин 920 саж. из части Сергея Львовича; [С. Л. Пушкин] входил с прошением о неправильной отрезке 170 дес., и банк откомандировал землемера для проверки; прекращено тем, что братья между собою не хотели вести процесс» (ЩМ, стр. 259—260).

№ 4. Е. ГОЛЬЦОВ — С. Л. ПУШКИНУ

1830 г. Октября 29

Милостивейший Государь!
Сергей Львовичь!

Присем прилагаю Вам Ведомости оурожай арженаго иероваго хлебов исколько Состояло Крестьян наоброке ичто доставлено прижизни покойному братцу Вашему Василью львовичу и сколько доставить должно. Поотъправленийже Сего оброчныя деньги Собираются, даосмеливаюсь Вам донести прижизни покойнаго братца Вашего Василья львовича Отъдавалась Крестьянам Еровая салома для корму их Скотине, атеперь как Вам будет угодно приказать отъдаватьли Крестьянам безъденежно или прикажите продавать заденьги. Хлеб Для продажи в Свое Время в готовности будет. В Селе болдине благополучно. Всепреданнейший слуга;

Елисей Гольцов.

29-го Октября 1830-го года
С. Болдино

ВЕДОМОСТЬ

с 1830-го Года с 1-го марта и по 1831-й Год по 1-еж марта Состояло Крестьян на оброке 96-ть тягол с каждаго тегла по 65 р. по курсу а В три трети года—6240 р.

Месяц	Ч.	На первую треть	Рубли	Копейки
марта	25	Отослано покойному братцу Вашему Василью львовичу аброчных денег—золотом покурсу	1687	—
		В Москве двоими крестьянами в несено вчисло аброку покурсу	193	—
		По милости покойнаго братца Вашего управляющему на 1830-й год В число жалованья покурсу	200	—
		на Вторую треть		
июля	8	Отослано покойному братцу Вашему аброчных денег золотом покурсу	1890	—
		Помилости братца Вашего Управляющему на 1830-й год Вчисло жалованья покурсу . . .	200	—
		На третию ипоследнию треть		
		Должно доставить аброчных денег покурсу . .	1870	—
		Управляющему следует получить на 1830-й год по 27-е Генваря 1831-го года в число жалованья	200	—
		Итого	6240	—
		Оставшей от 1829-го года ржи 82 четверти продано закаждую четверьть по 6 ру. итого 492 ру. Оставшаго от 1829-го года овса продано 75 четверьтей за каждую четверьть по 5 ру. итого 375 ру. Которыя деньги заозначенной хлеб Отосланы покойному братцу Вашему Июня 17-го дня 1830-го Года	867	—
		Продано сдвух десятин Гречишной Саломы и с мекиною урожая 1830-го года на 12 ру. накоторыя деньги Куплено для починки Вриги печей две тысячи Кирпичей закаждую тысячу по 7 ру. итого 14 ру. апочему будит продавата аржаной и еровой хлеб и по продажи деньги доставлятся Вам; на все сие буду ожидать Вашего приказания		
		Елисей Гальцов		

Текст письма написан писарем, за исключением подписи — собственноручной и писанной малограмотной рукой. Елисей Дорофеев Гольцов — управляющий половины села Болдина, принадлежавшей В. Л. Пушкину. Василий Львович умер 20 августа 1830 г. Гольцов отчитывается в настоящем письме перед братом своего недавно скончавшегося хозяина.

тягло — А. Гакстгаузен так разъяснял понятие тягла в 1843 г.: «Понятие тягла не вполне определенно, во всяком случае оно не передается переводом одним словом на немецкий язык. Нельзя сказать, чтобы тягло составляло семейную чету, равно как и целое семейство, — оно стоит по середине. Например, если крестьянин имеет престарелого отца, одного взрослого сына и нескольких малолетних детей, то такая семья составляет одно тягло; она несет барщинную повинность на одно тягло и получает один участок земли. Если сын женится, то хотя бы он остался жить в одной избе с отцом, он составит отдельное тягло

как в барщинной работе, так и в участии на землю. — Женитьба, таким образом, всегда образует новое тягло». (Барон Август Гакстгаузен «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России». М., 1870, стр. 79).

с каждого тягла по 65 р. по курсу — 65 руб. счетом на ассигнации; одновременно по имению С. Л. Пушкина оброчные платили по 60 руб. ассигнациями с тягла (срв. «Книгу оброчную на 1830 г.» — ИРЛИ, № 4561, XXIII б. 99). При переводе на серебряный рубль (считая по 3 руб. 70 коп. ассигнациями за серебряный рубль — курс, установленный в 1829 г.) составляет 16 руб. 22 коп. в год с тягла. Средний оброк с тягла в XIX в. по Нижегородской губернии равнялся 18 руб. 76 коп. серебром (И. Игнатович. «Помещичьи крестьяне накануне освобождения». М., 1910, стр. 80). Все цифровые данные правого столбца в публикуемом документе исчислены в ассигнациях; фразу, соответствующую первой цифре в столбце, «отослано... оброчных денег — золотом по курсу» надо понимать в том смысле, что соответствующая 1 687 руб. ассигнациями сумма по курсу была переслана В. Л. Пушкину золотом. Во всех последующих письмах все итоговые денежные суммы приводятся в ассигнационных рублях.

Три трети года — крестьяне вносили оброк в три или четыре приема; сроками были: ноябрь («покровская треть» — к празднику Покрова 1 октября кончались сезонные сельскохозяйственные работы, обмолачивалось зерно, запродавался хлеб, почему главные сроки выплаты оброка и были сосредоточены в конце осени — начале зимы), декабрь, март и июль («петровская треть» — после праздника Петра и Павла 29 июня). В 1830 г. в части Болдина С. Л. Пушкина оброк был распределен на четыре срока (срв. «оброчную книгу»), также и в Кистеневке в 1836 г. (срв. ЩМ, стр. 72).

№ 5. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ С ПРИПИСКОЙ О. М. КАЛАШНИКОВОЙ

1831 г. Мая 17

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь,

При сем уведомляю вашу Милость, Что еще поступило ко взыскании к 12063 рублям еще Купчихи Анне ворожейкиной в 50 тысячь рублей Асигнациями Окроме Процентов Писано обязательство Наимя Князя вяземскаго, которое Передано Ей; второе Московскаго Купца Козмы Ефремова Соколова в 3542 руб: Асигнациями. Первой Писан 1824 года Декабря 17 дня, второе 1829 года июля 16 дня. Присланы Майя 4-го дня. Присем Доношу вашей Милости, Что вашей Части Крестьяне Мне в два раза на Поклон Принесли 69 рублей, то как изволите их Поместить в вашу Ползу или мне пожалуете, я Нехочу От вас Утаивать, Так как верной раб ваш — вы изволиле получить оброку с крестьян 890 руб. вчасть: и как теперь начало с Петровскаго оброка, То Не прикажетель, чтобы в место 890 руб. Собирать 1000 руб., помоему расмотрению Это Крестьяне могут Платить безъдоимочно.— Авпротчем как вам угодна. На что буду Ожидать вашего разрешения; Привотчине вашей Состоит все благополучно, Засим Честь имею Пребыть с Истинным Моим Квам Почитанием И преданностию

ваш Милостиваго Государя
Покорный Слуга Ираб
Михаила Калашников

Маия 17 дня 1831 года
Сёло Болдино

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь.

Осмеливаюсь вас Утруждать И просить Моею Нижайшею Прозбою. Так как вы всегда обещались свою Делать нам Милость всему Нашему Семейству, То И прошу вас Милостивый Государь неоставить Зделать Милость брату василью попросить Матушку, я внадежде На вас,

что вы — все можите Зделать Иупросить Матушку свою За Что мы все Прольем Предвышним теплые молитвы; — Я осебе вас Утруждаю Естли Милость ваша, Засвидетельствовать Ее вашей Милости небольшова Стоит, Адля меня очень великаго Состовляит, вы можите Упросить Матушку; Нашу всю Семью К себе Итогда Зделаите Сваю великую Милость, Зачто вас И бог На Градит Как вздешней Жизни, равно ив будущей. Неоставте Милостивый Государь, явите Милость сваю вашим Нижайшим рабам, вашей Милости известно, что Ваша матушка неочень брата любит, то вы можите все зделать неоставте батюшка вашу Нижайшую рабу всегда вас почитающею ипреданнейшею квам

Ольгу Калашникову.

Зделайти милость ее засвидетельствовать мне вензили в подсудном суде небольше и будет и стойт, не оставти батюшка.

Обе части письма писаны писарской рукой. Рукой М. И. Калашникова — подпись к первой части письма и приписка ко второй части.

Михаил Иванович Калашников — (1774 или 1775—1858), дворовый сельца Михайловского; первоначально прислуживал дяде матери А. С. Пушкина Петру Абрамовичу Ганнибалу. П. Анненков писал: «Генерал-от-артиллерии [Ганнибал], по свидетельству слуги его М. И. Калашникова, которого мы еще знали, занимался на покое перегоном водок и настоек, и занимался без устали, со страстью. Молодой крепостной человек был его помощником в этом деле, но, кроме того, имел еще и другую должность. Обученный через посредство какого-то немца искусству разыгрывать русские песенные и плясовые мотивы на гуслях, он погружал вечером старого арапа в слезы или приводил в азарт своей музыкой, а днем помогал ему возводить настойки в известный градус крепости, при чем раз они сожгли свою дистилляцию, вздумав делать в ней нововведения по проекту самого Петра Абрамовича. Слуга поплатился за чужой неудачный опыт собственной спиной. «Да и вообще,— прибавлял почтенный старик Михаил Иванович,— когда бывали сердиты Ганнибалы, все без исключения, то людей у них выносили на простынях». Смысл этого крепостного термина достаточно понятен и без комментариев» (П. Анненков. «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху, 1799—1826». СПБ., 1874 г., стр. 11—12). При С. Л. Пушкине Калашников выполнял различные поручения. Так после вынужденного переезда А. С. Пушкина в Михайловское, осенью 1824 г. был отправлен по разным делам в Петербург, откуда привез вещи Александра Сергеевича. В связи с этим Калашников неоднократно упоминается в письмах того времени А. С. Пушкина к брату Льву. В Михайловском А. С. Пушкин сошелся с дочерью Калашникова Ольгой Михайловной, от которой имел ребенка. Этот крепостной роман поэта определил всю дальнейшую карьеру Калашникова, а равно все помещичье хозяйство семьи Пушкиных. Чтобы не было лишних разговоров в связи с романом А. С. Пушкина, семья Калашниковых была отправлена в 1826 г. в Болдино, где М. И. Калашников сделался управляющим и фактическим хозяином всех владений Пушкиных по Нижегородской губернии. До этого Калашников приезжал в Болдино на время, и с 1825 г. денежные дела по имению были уже в его руках. Постепенное падение доходности нижегородских имений стоит в непосредственной связи с хозяйничаньем в них Калашникова. Для иллюстрации степени падения оброков в книге Щеголева приведены следующие цифровые данные о Калашникове: «Собрал он по 1 января 1826 года 13 106 руб., за 1826 г. — 10 578, за 1827 г. — 7 862, за 1828 г. — 5 515 р., за 1829 г. (по 21 апр.) — 1 639 р.» (копейки нами не учитываются; ЩМ, стр. 86). О плутнях и кутежах Калашникова свидетельствует ряд писем настоящего собрания. Известные нам отзывы о Калашникове все резко говорят против него; муж сестры Пушкина Н. И. Павлищев писал Александру Сергеевичу в январе 1835 г.; «Михайло разорял, грабил имение двенадцать лет сряду; чего же ожидать теперь?» (Ак. П., III, стр. 183); он же 1 июля 1828 г. писал своей матери о нижегородских крепостных Пушкиных: «управляет ими крепостной [Калашников], который, не заботясь о выгодах господина, набивает карман, а барина часто оставляет без гроша» (ЩМ, стр. 87). Управляющий Рейхман, посетивший по предложению А. С. Пушкина Болдино летом 1834 г., писал ему так 22 июня: «Вы меня рекомендовали Михайле Иванову, но я в нем ничего не нашел благонадежного, чрез [н]его крестьяне ваши совсем разорились; в бытность же вашу прошлого года в вотчинах крестьяне ваши хотели вам на [н]его жаловаться и были уже на дороге, но он их встретил, не допустил до вас и наказал, и я обо всем оном действительно узнал не только от ваших крестьян, но и от посторонних по близости находящихся соседей» (Ак. П., III, стр. 136). Сам А. С. Пушкин писал 29 июня того же года

П. А. Осиповой: «Я не могу иметь доверия... к Михайле» («Je ne puis avoir de confiance... en Michel»; Ак. П. III, стр. 139). Еще более показательны отзывы болдинских крестьян, которые в своих коллективных обращениях к Пушкину (см. ниже) неизменно жаловались на Калашникова, расценивая его, как главного виновника своего разорения и бесправия. В 1833 г. С. Л. Пушкин подыскал другого управляющего для Болдина, но Калашников оставался в имении и еще год заведывал имущественными делами поэта по Кистеневке. После смерти Александра Сергеевича Калашников получал жалованье из Болдинской экономии по 100 руб. ежегодно; при запродаже Михайловского С. Л. Пушкин оставил Калашникова за собой (срв. папку денежных документов по опекунству № 15 — хранится в Гос. Литературном Музее); в 1845—1846 гг. управляющий Пеньковский по распоряжению Сергея Львовича отправлял Калашникову пенсион по 200 руб. в год. В 1840 г. Калашников выполнил поручение опеки — доставил из Петербурга памятник на могилу поэта в Святогорский монастырь. В том же году Н. Н. Пушкина хотела дать вольноотпускную Калашникову «за долголетнюю усердную службу покойному мужу и ей», но ходатайство ее удовлетворено не было (ЩМ, стр. 155). В 1843 г. Калашников, оставаясь дворовым Пушкиных, приехал в Москву «для приискания себе места в услужение», прибыв из Подольского уезда, где управлял имением Сонцовых «Березки»; числился на оброке по «покормежному письму» (сведения — из книги для записывания проживающих, приезжающих и выезжающих дома № 460 Н. Г. Ефремовой; хранится в Литературном Музее). Найдя приют у своих недостаточных детей, Калашников умер в бедности в Петербурге 84 лет. В настоящую публикацию входит четырнадцать писем Калашникова к А. С. Пушкину. Ранее были известны: два письма Калашникова к поэту из архива Нащокина (опубликованы И. Л. Поливановым в журнале «Искусство» за 1923 г., № 1; перепечатаны М. А. Цявловским в брошюре «Письма Пушкина и к Пушкину». М., 1925); два письма, опубликованные Щеголевым в книге «Пушкин и мужики»; одно из них воспроизведено факсимильно. Доверенность А. С. Пушкина на имя Калашникова хранится в Горьковском АОР'е (Исторический архив Нижегородской ученой архивной комиссии, № 17070). Письма А. С. Пушкина к Калашникову утрачены. О Калашникове см. книгу Щеголева и В. Вересаева «Спутники Пушкина», вып. I, М., 1934, стр. 43—45.

Вторая часть письма писана от лица О. М. Калашниковой. Ольга Михайловна Калашникова, по мужу Ключарева, дочь Михаила Ивановича, родилась в 1805 или 1806 г. Она была единственной дочерью в семье Калашниковых. В момент вынужденного переезда А. С. Пушкина в Михайловское Ольге Михайловне было 18—19 лет. Надо думать, что к ней относятся слова лицейского друга Пушкина И. И. Пущина, посетившего ссыльного поэта в январе 1825 г. и вспоминавшего так: «Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличавшуюся от других, не сообщая, однако, Пушкину моих заключений. Я невольно смотрел на него с каким-то новым чувством, порожденным его исключительным положением: оно высоко ставило его в моих глазах, и я боялся оскорбить его каким-нибудь неуместным замечанием. Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было; я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понято без всяких слов. Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках» (И. Пущин, «Записки о Пушкине». М., 1927, стр. 127). В литературе впрочем высказывалось сомнение, не относятся ли приведенные строки Пущина к другой девушке, а не к О. М. Калашниковой. В. Вересаев писал: «Нет решительно никаких данных, говорящих за то, что это была одна и та же девушка» («Крепостной роман Пушкина». — «Печать и революция» 1928, кн. III, стр. 55). П. Щеголев считает, что Пущин безусловно имел в виду Калашникову; он убедительно доказывает, что нет данных девушку, описанную Пущиным, считать беременной, из чего исходит Вересаев в своей аргументации. Однако в комментариях к последнему изданию записок Пущина (М., 1934) С. Я. Штрайх с своей стороны считает, что Вересаев подвергает сомнению вывод Щеголева об идентичности обоих лиц «с известным основанием» (стр. 227). Несомненно, что беременность Калашниковой относится к 1826 г. и что о ней идет речь в переписке А. С. Пушкина с П. А. Вяземским весной 1826 г. В начале мая этого года Пушкин отправил О. М. Калашникову к Вяземскому со следующим письмом: «Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино... При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется, — а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, — хоть в Остафьево» (Ак. П. I, стр. 345). 10 мая Пушкин писал вновь Вяземскому: «Видел ли ты мою Эду? Вручила ли она тебе мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?» (I, стр. 349). 10 же мая Вяземский

отвечал Пушкину на первое письмо: «Сейчас получил я твое письмо, но живой чреватой грамоты твоей не видал... Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино, куда назначен он твоим отцом управляющим. Какой же способ остановить дочь здесь и для какой пользы? Без ведома отца ее сделать этого нельзя, а с ведома его лучше же ей быть при семействе своем. Мой совет: написать тебе полулюбовное, полураскаятельное, полупомещичье письмо блудному твоему тестю, во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что некогда, волею божиею, ты будешь его барином и тогда сочтешься с ним в хорошем, или худом исполнении твоего поручения» (I, стр. 346—347). Быть может также к Калашниковой относятся строки воспоминаний И. П. Липранди, передающего слова Л. С. Пушкина, приуроченные к 1826 г.: «Лев Сергеевич сказал мне, что брат связался в деревне с кем-то и обращается с предметом — уже не стихами, а практической прозой» («Русский Архив» 1866 г., стр. 1488—1489). Об общении А. С. Пушкина с Калашниковой после переезда семьи Калашниковых в Болдино сведений не имеется. Также ничего неизвестно о ребенке Пушкина от нее. Можно лишь указать на дневниковую запись писателя Б. М. Федорова, записавшего под 11 мая 1828 г. слова А. С. Пушкина, сказанные им во время прогулки в Летнем саду: «У меня нет детей, а все выблядки» («Русский Библиофил» 1911 г., № 5, стр. 34). В 1831 г. О. М. Калашникова не без участия Пушкина была выдана замуж за чиновника Павла Степановича Ключарева. Ключарев вскоре после женитьбы лишился места и переехал из Лукоянова в Болдино; пьянствовал и бездельничал. О нем см. ниже, письмо № 7. В 1833 г. у Ключаревых родился ребенок, при чем Ольга Михайловна просила А. С. Пушкина быть восприемником. Одно письмо Ключаревой к Пушкину напечатано в ЩМ, стр. 104—107. Публикуемый архив включает кроме настоящего еще одно письмо О. М. Ключаревой к Александру Сергеевичу. Щеголев рисует в своей книге привлекательный образ Ольги Михайловны, называя ее «милой и доброй крестьянской девушкой» (ЩМ, стр. 46). Материалы настоящего тома характеризуют Ольгу Михайловну, как и всю семью Калашниковых, в отрицательном свете. О Ключаревой-Калашниковой кроме книги Щеголева и вышеупомянутой статьи Вересаева см. В. Вересаев «Спутники Пушкина», вып. I, стр. 45—47. В книге «Поэтическое хозяйство Пушкина» (кн. I, Л., 1924, стр. 113—156) В. Ф. Ходасевич строит гипотезу, что брошенная поэтом его возлюбленная крестьянка утопилась и что судьба ее изображена в «Русалке». Построение Ходасевича никаких фактических оснований не имеет. Вместе с тем Ходасевич удачно отмечает автобиографичность сцены из «Русалки» прощания князя с дочерью мельника, совпадающей с условиями, при которых Пушкин расстался с Калашниковой в 1826 г. («сегодня у меня ребенок твой под сердцем шевельнулся»).

еще поступило ко взысканию — имеются в виду долговые документы, предъявленные в Лукояновскую дворянскую опеку ко взысканию с имения «Болдина» умершего В. Л. Пушкина.

купчиха Анна Ворожейкина — сожительница В. Л. Пушкина последних двадцати лет его жизни, московская купчиха 3-й гильдии Анна Николаевна Ворожейкина (возраст ее «31 года» в исповедных книгах 1828 г. следует признать обозначенным ошибочно). То обстоятельство, что имение В. Л. Пушкина оказалось обремененным долговыми обязательствами, отчасти находит свое объяснение в желании его обеспечить свою незаконную семью: по законам того времени дворянин не мог завещать родовых земель своим побочным детям, и векселя были наилучшим способом для обеспечения незаконной жены и детей наличными деньгами. Имение обычно шло с торгов, а вырученная при продаже сумма шла на покрытие «долговых обязательств». В конце концов так и произошло с половиной «Болдина», принадлежавшей В. Л. Пушкину: несмотря на желание А. С. Пушкина удержать имение в семье Пушкиных, оно было продано с аукциона полковнику Сергею Васильевичу Зыбину за 220 000 руб. в 1835 г.

обязательство на имя князя Вяземского, которое передано ей — очевидно имеется в виду кн. Петр Андреевич Вяземский (1792—1878), поэт, приятель А. С. Пушкина. Об отношениях кн. П. А. Вяземского к наследникам В. Л. Пушкина имеются два указания: в статье Б. Л. Модзалевского «Работы П. В. Анненкова о Пушкине» приведены извлечения из утраченной переписки А. С. Пушкина с женой 1834 г., которые свидетельствуют: «Вторая половина Болдина, принадлежавшая В. Л. Пушкину, продана им была, при содействии Вяземского, посторонним лицам, чтоб отдать деньги незаконным детям, не им еще и прижитым, а именно Вяземским» (Б. Л. Модзалевский «Пушкин», изд. «Прибой», 1929, стр. 367). Факт связи семьи В. Л. Пушкина с Вяземским находит также известное подтверждение в записи московских исповедных книг 1828 г., по которой значится, что в доме В. Л. Пушкина наряду с Ворожейкиной и другими проживало несколько дворовых князя Петра Вяземского (Архив бывш. Московской духовной консистории).

второе [обязательство] Московского купца Козмы Ефремова Соколова — заемное письмо на имя Соколова на сумму в 2542 р. (а не 3542 р.) значится в доныне неопубликованном списке долгов В. Л. Пушкина, который мы и воспроизводим:

«Записка о долговых дскументах, предъявленным в Лукояновскую дворянскую опеку ко взысканию с имения покойного коллежского ассесора Василья Львовича Пушкина.

По заемным письмам

от князя Шаликова по 2-м	3 500
— порутчика Савина	1 740
— Майорши Поповой — 2-м	2 500
— служительницы г-жи Поповой, Александры Хлоповой	500
— купца Соколова	2 542
— купчихи Ворожейкиной	50 000
— купца Шеметова	2 400
— офицерской дочери Горбовой	2 000
— тайного советника Салтыкова	2 000
— купца Алешунина	900
— ротмистерши Безобразовой [дочь В. Л. Пушкина Маргарита, по мужу Безобразова]	60 000
— отпущеника Шухова	5 000
— мещанки Третьяковой	2 000
	135 082

Сверх того по роспискам и щетам на сумму 5 260 руб. 22 коп.» (подлинник хранится у В. С. Нечаевой, любезно предоставившей текст записки).

вашей части крестьяне — сельца Кистеневки. Когда А. С. Пушкин в связи с предстоящей женитьбой обратился к отцу по поводу своего материального обеспечения, то С. Л. Пушкин ответил: «В именьи, которое досталось на мою долю [Кистеневка] после покойного моего брата, находится около 200 душ, совершенно свободных, и я даю их тебе в полное и безраздельное владение. Они могут принести около 4 000 руб., а со временем может быть и больше» (письмо от 16 апреля 1830 г.,—Ак. П, II, стр. 137—138). В связи с вводом во владение и разделом А. С. Пушкин посетил впервые нижегородские имения осенью 1830 г. Согласно записи отца от 27 июня за Александром Сергеевичем закреплялись «двести душ мужска пола с женами их и рожденными от них после 7-й ревизии обоего пола детьми, и со всеми их семействами, с принадлежащею на числе оных двух сот душ в упомянутом сельце [Кистеневке] пашенною и непашенною землею, с лесы и сенными покосы, с их крестьянским строением, и заведениями, с хлебом наличным и в земле посеянным, со скотом, птицы и принадлежностями, что оным душам следует и во владении их состояло» (ЩМ, стр. 76 и 229). Александр Сергеевич был введен во владение 16 сентября 1830 г. дворянским заседателем Григорьевым.

оброку с крестьян 890 руб. в часть ... вместо 890 руб. собирать 1 000 руб. — 890 руб. (т. е. около 900) составляли четвертую часть оброка, так как за 1831—1832 гг. Пушкин получал со своих кистеневских крестьян ежегодно по 3 600 руб. (см. письма №№ 7 и 8). Из следующих писем явствует, что счет взносов вскоре свелся к трем третям. Предложение Калашникова собирать по 1 000 руб., т. е. 4 000 р. в год, не было осуществлено. Оброк, которым были обложены крестьяне А. С. Пушкина, был сравнительно невысок и стоял значительно ниже среднего размера оброка, исчисленного по отношению к крестьянам Нижегородского уезда. С души кистеневские крестьяне платили 18 руб. ассигнациями (3 600 : 200), размер же среднего оброка с души мужского пола по Нижегородскому уезду в 1831—1840 гг. равнялся 25 руб. 83 к. («Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. — Сборник статей, сообщений, описей и документов», 1905 г., т. VI, стр. 13; материал собран Снежневским). Разумеется при этом надо иметь в виду, что уезд, в котором находилась Кистеневка (Сергачский), не давал того простора для заработков, которые стояли выше в уезде, расположенном близ губернского города, — соответствующую поправку в сумме оброка следует учитывать.

брат Василий — о В. М. Калашникове просит не его отец, а сестра Ольга, очевидно из расчета, что Александр Сергеевич скорее удовлетворит просьбу своей бывшей возлюбленной. Василий Михайлович Калашников (1803 или 1804—1837), второй сын М. И. Калашникова. У матери Пушкина Василий не остался; во исполнение просьбы Ольги Михайловны Александр Сергеевич взял Василия к себе в услужение. В сентябре 1831 г. Василий уже дворецкий. Пушкин писал о другом дворецком Александре Григорьеве П. В. Нащокину 3 сентября

1831 г.: «Алекс. Григ. сдал министерство Василию (за коим блохи другова роду)» (Ак. П., II, стр. 316—317). В декабре 1831 г. Пушкин, недовольный порядками в своем доме, писал жене: «Василий врет, что он истратил на меня 200 рублей... Василия, вероятно, принужден буду выпроводить с его возлюбленной — à fin de faire maison nette» [чтобы очистить дом] (Ак. П., II, стр. 355). В приданое за Н. Н. Гончаровой дана была девка Малашка, лет 19—20. Василий Калашников с ней сошелся (о чем пишет Пушкин) и в 1832 г. на ней женился. После смерти Пушкина и мужа вдова Маланья получила волю через Н. Н. Пушкину.

попросить матушку — мать А. С. Пушкина Надежда Осиповна, рожд. Ганнибал (1775—1836), с 1796 г. жена Сергея Львовича. С. Л. Пушкин получил за женой сельцо Михайловское.

вензили — подпись с росчерком.

Возможно, что о настоящем письме Калашниковых писал друг Пушкина П. В. Нащокин в своем письме поэту от 20 июня 1831 г.: «Посылаю тебе письмо из твоей деревни, которого я, виноват, ненарочно распечатал» (Ак. П., II, стр. 257).

№ 6. БОЛДИНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ — А. С. ПУШКИНУ

1831 г. Июня 24

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь

Покорнейши просим Простить Нашу дерзость, Что мы Нижайшии рабы Осмеливаемся Утруждать Нашею Нижайшею прозбою, вашей Милости известно, что мы, Лишась Г: своего покойнаго василья львовича, Остаемся подраспоряжением Г: опекуна Гаврила васильевича Повалишина, но как мы ласкаем себя надеждою быть вашими рабами, то Занужное почли прибегнуть подваше Покровительство. — Первое, привотчине нашей находится определенной бурмистр из числа нас Крестьян Осип павлов, которой находился подсудом по делу, касающемуся Донего предземским Начальством в Грубости, За что он был содержан три месяца в тюрьме и как преступник был Острижен; Ипотом Елисеем Дорофеевым определен опять бурмистром и после того понесколким Обстоятельствам был Замечан вкраже Господскаго, И нашего мирскаго Интереса, то мы все нижайшие рабы ваши, нетерпя Его болие таких Поступков, нежелаем быть принас вотчинначальником Его негодяя, втаком случае два раза приходили Спрозбою все от Мала идовелика об отмени Его к Г. опекуну, но он — по Прозбе Елисея Дорофеева отменить Его несогласился и даже нам Строго За претил впредь Ему отом Доносить, под[т]вердил: Естли кто осмелится приттить Кнему тот будит Отдан к наказанию правительству; но как бурмистр, Согласясь вместе с Елисеем Дорофеевым, Делают Зато нам не малое притеснение, ирасхищают доход, касающийся поступить Наследнику в свою ползу. вот уже Четвертой год незнаим мы для Чего Снас немалая им бурмистром Собрана Сумма, Кудаже употреблена Нам отом отчету не дает: и мы теперь Единственное Средство находим Просить вашего Милостиваго покровительства, припадаем Кстопам ног ваших, покорнейшии просим вас, Потрудитесь на Писать к Г: Опекуну, Чтоб он Сего Негодяя И принем старосту отдолжности Отменил. А позволил бы нам избрать на сие место добраго ихорошаго поведения людей, мы надеемся, Что Г: Опекун по Писму вашему сие учинит Немедленно И покорнейши Просим вас Сие Наше прошение Г-ну апекуну Неоткрывать, ибо он, получа отом известие, Со общит Елисею дорофееву, Ион нато большое зделает Притеснение и Сочтет Занеповиновение, Представит нас к усмирение Правителству. Зделайте Милость батюшка по трудитесь написать с первой почтою, Зачто мы все молить будим все вышняго о здравии и долгоденствии вашим, на

что иожидать будим вашего Милостиваго разрешения; Честь имеем Пребыть с истинным нашим Квам высокопочтением ипреданностию.

ваши

Милостиваго Государя

Покорнейшии рабы Села болдина Крестьяни Ефим Семенов, демитрий Прокофьев, Петр Иванов, Матьвей Петров, Егор Иванов, Фидот Лазарев, Потап Кузмин, Андрей Терентьев, Ефим давыдов, Петр Ефимов и все крестьяни.

Июня 24 дня
1831 Года.

Писано писарским почерком, кончая словами «Села болдина крестьяни». Все следующие затем подписи писаны одной рукой, неустойчивой и мало опытной в письме. Документ представляет собой первое коллективное крестьянское письмо, обращенное к А. С. Пушкину. Всех коллективных крестьянских писем в нашем собрании четыре. В пушкиноведении доныне известно было одно письмо крестьян к Пушкину (опубликовано В. С. Нечаевой в «Литературной Газете» 1931 г., № 30 и вторично в сборнике «Памяти П. Н. Сакулина», 1931, стр. 159). Содержанием письма является просьба смещения бурмистра части Болдина, принадлежавшей В. Л. Пушкину. Неудовлетворенные в своей просьбе опекуном имения, крестьяне обратились к А. С. Пушкину, что весьма естественно, поскольку А. С. Пушкин был единственным лицом из семьи Пушкиных, кто в эти годы лично посетил Болдино. Просьба о смещении бурмистра — типичная просьба, которая вытекала из хозяйственных взаимоотношений крестьян с администрацией помещичьего имения. Характеризуя «единолично-коллегиальное» и «трехъярусное» управление в имениях, А. М. Большаков («Из быта крепостных крестьян» — «Известия Ленингр. Госуд. педагогического Ин-та им. А. И. Герцена». Л., 1928 г., вып. I) пишет: «Ответственность перед барином несут: бурмистр, старшина (по одному от каждой деревни) и мир. Бурмистр и старшины назначаются помещиком из числа наиболее зажиточных крестьян. Все наиболее важные хозяйственные мероприятия должны проводиться в жизнь при полном согласии бурмистра и старшин... В самых важных случаях бурмистр и старшины решают дела совместно с миром — сходом всех домохозяев данной вотчины. Так как неправильные действия в области вотчинной экономической политики любого члена нашей трехстепенной власти могут нанести материальный ущерб двум остальным категориям власти, то все они взаимно надзирают друг за другом, апеллируют к барину и пр.» (стр. 97—98). Иллюстрируя свои положения на богатом архиве имения Трубниковых (сельцо Михнево) Тверской губ., Большаков приводит характерный пример выступления «при исключительных обстоятельствах»: «По поводу назначения бурмистром некоего Василия Крыгина старшины и мир пишут барину (от 25 марта 1858 г.): «Покорно просим всемирно бурмистра Крыгина от должности отставить. Он нам неудобен, потому что есть человек, замешанный в многих действиях. Опять мы повторяем всемирно, что если ваша милость изволит поручить сбор денег Крыгину, то мы ему, Крыгину, не поручаем и что бы нам за него не отвечать» (стр. 99). Несмотря на суровый характер хозяина, мир приказ своего господина («на перемену бурмистра я не согласен») к исполнению не принял и добился своего» (стр. 100). В нашем примере хозяйственные взаимоотношения нудили болдинских крестьян выйти из создавшегося неприемлемого положения с бурмистром и стихийно толкали их, вследствие неудачи с опекуном, искать у ближайшей инстанции разрешения своего административно-хозяйственного конфликта. Этой инстанцией оказался А. С. Пушкин. О том, как реагировал Пушкин на эту жалобу крестьян, сведений не имеется.

ласкаем себя надеждою быть вашими рабами — имея в виду цель добиться своего, апеллянты ищут способа привлечь к себе благорасположение «барина». Так как до крестьян дошли слухи, что А. С. Пушкин склонен не выпускать из рук семьи Пушкиных отколовшуюся половину Болдина, они пускают в ход соответствующую хитрость.

Осип Павлов — бурмистр. Дополнительных сведений не имеется.

Елисей Дорофеев — Елисей Дорофеевич Гольцов, управляющий Болдина, части В. Л. Пушкина. Занимал в те годы равноправное положение с М. И. Калашниковым (срв. ЩМ, стр. 238).

крестьяне села Болдина — подписались болдинские крестьяне части В. Л. Пушкина. В виду отсутствия архива вотчины, бывш. В. Л. Пушкина, выявить крестьян не представляется возможным.

Егор Иванов — по материалам настоящего архива известен Егор Иванов, укравший 21 января 1834 г. «днем с базару лошадь с упряжкою у вора же Язов-

ского села», а вечером того же дня он с «подобными себя товарищами» в сумерки разломали амбар крестьянский и унесли разные вещи (письмо Пеньковского от 23 января 1834 г.). Впрочем, по подворной описи, составленной Пеньковским, за № 128 значится Егор Иванов бедняк, безлошадник, — по болдинской части С. Л. Пушкина.

№ 7. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1831 г. Октябрь 19

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь

Приказание вашей Милости Получил, присем и препровождаю К вашей Милости оброку 1200 руб. изволите Приказывать щет вашей Милости Со вступления К вам во владение, декабрьскую — треть василии Козлов вашей Милости в бытность в Болдине доставил; Мартовскую треть получено Мною от Никана Семенова 890 руб. и доставлены вашей Милости, из Котораго мне приказали вычесть 400 руб., издержанные посвидетельству и в ведение во владение; теперь 1200 и 1200 — декабрьской До марта и Кончится 3600 р. Теперь извольте считать Начало с Марта, получить Годовой отъчет, Потому Чго — Крестьяни Землю делют Покладку раскладывают с Колько На Кого тегла, Еще доложу вашей Милости, Что издержано наот правку Кареты 90 руб., по приказу вашему Кучару Петру На пашпорт 6 руб., надорогу 4 руб: всего 100 руб: то как изволете приказать изъчисла оброчной Суммы въбудущею треть; Остароете я Писал вашей Милости, а Этот Негодится, все спренуждением и сплутами все Советует в протчем воля вашей Милости А я Как верный раб должен доложить и мне приказали; недочего Злаго Недопущу, абудут в Порядки, присем репортую вашей Милости привотчине вашей Селце Кистеневе Состоит по сие Число все благополучно. Засим Честь имею пребыть с Истинным Почитанием и преданностию

ваш Милостиваго Государя Покорный Слуга ираб
Михаила Калашников

Октября 19 дня 1831 г.
С. Болдино.

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь,

Зная ваши великие милости, незаме[д]лю как перед богом и вас благодарить. Слава богу судба хотя свеликим трудом кончина моей дочери. Сего октября 18 числа повенчили, титулярной Советник, ключарев, иесть душ 30 крестьян вГорбатовском уезде, а ныне служит влукоянове вземском суде заседателем дворянским, а обоброке доложу вашей милости, что за стыд сочту, естли вовремя недоставлять нам вашей милости, равно ибатюшки который я считаю малым и при этом сборе всегда можно заслужить милость и будет всегда без долгов.

Ваш милостиваго Государя всенижайший раб навсегда пребуду
Михаил Калашников

Извинити батюшка, что положил без вашей воли Записку сыну моему.

На обороте карандашом рукой Пушкина:

4000

250			

В первой части письма только подпись Калашникова собственноручная, остальной текст писан писарской рукой. Вторая «семейная» часть письма писана рукой Михаила Ивановича. Часть этой приписки воспроизведена в статье Попова, помещенной в № 3—4 сб. «Звенья». М., 1934, стр. 133—134. На обороте письма карандашная помета рукой Пушкина.

Со вступления к вам во владение — Калашников отчитывается в поступлениях оброка с осени 1830 по конец 1831 г. Первые оброчные деньги с своего нового владения Пушкин получил самолично во время пребывания в Болдине осенью 1830 г. Что касается 1831 г., то счет Калашникова заключает явный пробел; принимая за годовую сумму 3 600 руб., он ее составные части учитывает неправильно: мартовская треть 890 + препровождаемые с письмом 1 200 + будущие 1 200 (декабрьской трети) = 3 290, — таким образом сумма в 3 600 руб. не «кончится» по выражению Калашникова.

Василий Козлов — болдинский крестьянин части С. Л. Пушкина Василий Иванович Козлов (1808—1831) был женат на Василисе, служил писарем в болдинской вотчинной конторе. Из недатированного, изгрызанного мышами и потому невразумительного письма Калашникова к А. С. Пушкину (опубликовано Щеголевым, стр. 103; следует датировать 1831 г.; В. Нечаевой ошибочно отнесено к 1833 г. — срв. стр. 158 и 160 сборника памяти Сакулина) явствует, что у Калашникова были какие-то неприятности в связи с «черновыми бумагами, писанными Василием Козловым к батюшке [С. Л. Пушкину]». В ревизской сказке 1834 г. семья Козловых помещена под № 160 (ИРЛИ).

Никон Семенов — бурмистр Кистеневки. Зажиточный крестьянин, владевший четырьмя лошадьми (в подворной описи Кистеневки значится под № 79, см. стр. 132).

издержано на отправку кареты 90 руб. — при выезде из Болдина в Москву в конце ноября 1830 г. у Пушкина сломалась карета. Экипаж с кучером Петром был оставлен для починки и вернулся позднее. Вероятно к этому инциденту относятся воспоминания болдинского дьякона Кирилла Семеновича Раевского, рассказывавшего своему сыну: «А. С. Пушкин выезжал из Болдина в тяжелой карете, на тройке лошадей. Его провожала дворня и духовенство, которым предлагалось угощение в доме... Когда лошади спустились с горы и вбежали на мост, перекинутый через речку, — ветхий мост не выдержал тяжести и провалился, но А. С. Пушкин отделался благополучно. Сейчас же он вернулся пешим домой, где еще застал за веселой беседой и закуской провожавших его, и попросил причт отслужить благодарственный молебен» (Звездин. «О болдинском имении А. С. Пушкина», стр. 24). Застряв в карантине в 72 верстах от Москвы, Пушкин писал Н. Н. Гончаровой из Плотавы в конце ноября или начале декабря «On ne m'y laisse pas entrer, parce que je suis en перекладной ayant brisé ma voiture» [Меня не пропускают, потому что я на перекладной, сломав свою карету] (Ак. П., II, стр. 196).

кучер Петр — известен кучер Петр Парфенов (р. около 1803 г.), дворовый сельца Михайловского. С его слов К. А. Тимофеев записал ряд любопытных рассказов о Пушкине во время своего пребывания в Михайловском в 1859 г. (опубликованы в «Журнале министерства народного просвещения» 1859 г., ч. CIII). Возможно впрочем, что у А. С. Пушкина был другой кучер Петр, с которым поэт ездил в Болдино, поскольку на вопрос Тимофеева, видел ли Петр Парфенов Александра Сергеевича после его отъезда из Михайловского, отвечал: «Видел его еще раз потом, когда мы книги возили ему отсюда».

О старосте я писал вашей милости — письмо не сохранилось. В 1834 г. старостами в Кистеневке были Василий Яковлев и Петр Семенов.

сельцо Кистенево (Тимошево тож) Сергачского уезда, Нижегородской губ., в 5—6 верстах от Болдина. От деда А. С. Пушкина Льва Александровича перешло к двум его бездетным сыновьям — Николаю Львовичу (ум. 1821 г.) и Петру Львовичу (ум. 1825 г.). В 1825 г. перешло к брату их Сергею Львовичу. Уступив в пожизненное владение часть Кистеневки Александру Сергеевичу, С. Л. Пушкин после смерти поэта вновь оказался единоличным собственником имения. В экономических примечаниях времени производства генерального межевания о Кистеневке показано: число дворов 111; душ мужеского пола 431, женского—435; под усадьбою — 48 дес. 1 200 саж.; пашни 974 дес. 1 767 саж., сенных покосов 116 дес. 1 600 саж.; леса 149 дес. 1 341 саж.; неудобных мест 56 дес. 1 850 саж.; всего — 1 348 дес. 558 саж. (По книгам, хранящимся в Межевом архиве в Москве). В описании, приложенном к письму Калашникова на имя Александра Сергеевича от января 1833 г., читаем о Кистеневке: «Промышленность крестьян состоит в хлебопашестве, изделии рогож и торпещей [пологи из толстой грубой ткани], чем производят немаловажный торг. Сбыт произведений в губернском городе Нижнем и уездном городе Арзамасе и по базарам, в окрестных селениях находящихся. В дачах протекает речка Чека, при которой и сельцо находится. Озер и рыбных ловлей нет. Господское строение, деревянных

два флигеля для вотчинного правления» («Искусство» 1923 г., № 1, стр. 320). При описи имения для передачи в управление дворянской опеки в 1836 г. дворянский заседатель Трескин определил: «оценяется каждая ревизская мужеска пола душа в 250 р., а всё вообще имение с землею и угодьи в двадцать восемь тысяч пятьсот рублей» (ЩМ, стр. 72). О дальнейшей судьбе Кистеневки см. главу «Кистеневское изнурение» в книге Щеголева. В настоящее время в Кистеневке Пушкинский колхоз. — В повести «Дубровский» имение Андрея Гавриловича, которым завладевает Троекуров, названо Пушкиным сельцом Кистеневкой.

Ключарев — Павел Степанович Ключарев. Вскоре бросил службу и стал жить в Болдине. В конце 1833 г. он оставил жену и переехал в Москву. По материалам настоящего архива рисуется человеком ничтожным, бездельником и пьяницей. Имущественное положение семьи Ключаревых характеризуется следующими экономическими данными об имении Ключарева «Новинках» Горбатовского уезда: 7 душ; 4 тягла; 2,5 десятины пашни на душу; оброка с души — 5 р. 71 к. сер.; кроме оброка давали помещику ржи 4 четв., гречи 4 четверика, 4 баранов и 40 аршин холста (по данным 1800—1810 гг.; «Действия Ниж. ГУАК», т. VI, стр. 46—47).

записка сыну моему — Василию Михайловичу Калашникову.

рукой Пушкина — сумма 4 000 соответствует тому доходу с Кистеневки, на который со слов С. Л. Пушкина мог рассчитывать Александр Сергеевич и который фактически он ни разу не получил полностью.

№ 8. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1832 г. Марта 7

Милостивый Государь
Александр Сергеивичь

поприказу вашей Милости пересылку иметь Наимя павла воиновича, Чрез котораго мною ипослано Серебром изолотом Спроменом по 10 ко. на рубль, всего отправлено 1400 рублей аСигнациями Спроменом, Да врасход Сто рублей, очем и вашей милости писано. Крестьяни просют вашу милость, чтобы водин рас плотить оСений оброк, то я им сказал, что мартовской трети заплотили 1200 рублей, а 2400 рублей после покрова, а всего вдруг невозможно будет сних собрать. присем увидомляю вашу милость, Зделалось Несщастья в вашей Части, Згорела четыре Двора неизвестно отчего. Еще же извольти С батюшкой пириговорить вашей части Крестьян[и]н Осип Молофеев просил Меня, а я вашу милость прошу. так как один Двор пополам разделен вашей половины хозяин, а приимыш у него. К батюшке отделен помилости покойнаго Казлова, то можно проти[в] Ево найти одинакаго, а батюшка аон остается присвоем Семействе, мужик исправной. Буду Сбирать часть Сию оброка и вашей Милости Доставлю, присем рапортую, что привотчине вашей Состоит посие число все благополучно. Засим честь имею остаться С истинным Моим Высокопочитанием и преданностию

ваш Милостиваго Государя всенижайший
раб навсегда пребуду Михаила Калашников.

1832 года
Марта 7-го числа
С. Болдино.

Писано рукой писаря. Подпись — собственноручная.

на имя Павла Воиновича — Павел Воинович Нащокин (1800—1854), близкий и преданный друг Пушкина. Товарищ по Петербургскому благородному пансиону Льва Пушкина и приятеля Пушкина Соболевского. Выйдя в отставку поручиком, Нащокин поселился в Москве, где жил «в совершенной праздности лет тридцать до смерти своей». Дочь Нащокина от цыганки Ольги Андреевны была крестницей Пушкина. Сохранилось 25 писем Пушкина к Нащокину и 22 письма Нащокина к Пушкину. В свой приезд в Москву в декабре 1831 г. Пушкин жил у Нащокина. Нащокин был в курсе хозяйственных и семейных дел Пушкина, который поручал ему денежные дела и пользовался его советами. Устные рассказы Нащокина о Пушкине были записаны П. И. Бартеневым и опу

бликованы М. А. Цявловским в книге «Рассказы о Пушкине». М. 1925. Там же см. библиографию о Нащокине (стр. 13).

всего отправлено 1 400 руб.—вероятно имеется в виду оброк декабрьской трети 1831 г. Лишек сверх нормы (1 200 руб.) быть может находит свое объяснение в недоплатах Пушкину первых взносов оброка за 1831 г.— Срв. предшествующее письмо.

Осип Молофеев — (р. около 1804 г.) — кистеневский крестьянин части А. С. Пушкина. Просьба крестьянина обусловливалась тем, что «двор» его разделился — сам он числился за А. С. Пушкиным, семья его («приемыш») оказалась в части С. Л. Пушкина. Желая соединиться с приемышем, Молофеев хотел заменить себя другим «одинаким» из части С. Л. Пушкина. Просьба осталась без последствий, поскольку в списке кистеневских крестьян А. С. Пушкина от 1834 г. под № 180 мы находим Осипа Малафеева, в списке крестьян Кистеневки Сергея Львовича того же года под № 8 — Малофея Осипова.

Буду сбирать часть сию оброка — в «Истории села Горюхина» о правлении приказчика** Пушкин писал: «Оброк собирал он понемногу и круглый год сряду... В 3 года Горюхино совершенно обнищало» (Пушкин. Полное собрание сочинений. ГИЗ. 1930, т. IV, стр. 312).

№ 9. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1832 г. Марта 15

Милостивой Государь
Александр Сергеивичь

получил от батюшки вашего приказание Естли получу ваше приказание о сыне, Гаврилы, куда прикажите доставить Его, о чем всенижайши просим ваши нижайшие рабы и, знав ваши великие к нам милости, то осмелеваюсь утруждать, незделатиль милость оставить насколько будет угодно вашей милости, зачто будем мы состарухой Своей бога молить, потои причины прошу, что жена моя того иглежу что оставит, ия один останусь начужеи стороны, вашей милости известно, как жить вчужой стороне без родных, здумал плут земской наменя разные нелепости идоносы писать по притчине то когда я изобличил его вболшом мошеничестви вразсуждение зборов скрестьян именя много обворовал, очем я писал к батюшки, то он узнал истал с елисейм выдумовать разные доносы, очем припадаю к вашим стопам, прошу вашей помощи вневинности моей, засим честь имею пребыть с истинным моим высокопочитанием и предонастию остаюсь

ваш милостивейшаго Государя всенижайший Слуга и раб наивсегда пребуду Михаила Калашников.

Я поприказу вашему высылать денги чрез Павла Военовича, то мною ипослано в два раза 1200 рублей асигнацием испроменом наних, равно и теперь зберaю[?] и доставляю к милости вашей; я помню свою обязоность и щедрыи милости вашей к нам.

Старуха моя ваши ручки целует и дочь толки тем несчастлива, что ничего нет унего, что было, все описано, то теперь[?] при [?] должности живут кое как, а без должности хотя по меру ходи, наваше покровительство надеймься, что вы неоставити своей милостью, вовсем надежда навас милостивой Государь, вы составите счастие всем нам.

15 марта
1832 года
Села Болдина.

За сына василья всенижайше благодарим вашу милость и просим неоставь ивпредь своей великой Милостью, знав ваше великодушие, что вы неоставити, извините что осмелился положить писмо ик детем в ваш пакет.

На обороте рукой Пушкина:

Русл[ан и Людмила]	9	
Кавк[азский пленник]	4	
Бр[атья разбойники]	1	
Бахч[исарайский фонтан]	4	12
Стих[отворения]	37	
Полт[ава]	6	
Бор[ис Годунов]	10	
Онег[ин]	15	
	864	
	90	

Главный недостаток этого всего

Все письмо писано рукой М. И. Калашникова. На обороте в разных направлениях две собственноручных записи А. С. Пушкина. Первая запись впервые воспроизведена П. Поповым в сборнике «Звенья», № 3—4, стр. 133 и предшествующая.

о сыне Гаврилы — Гаврила Михайлович Калашников (р. около 1815 г.), пятый, младший сын М. И. Калашникова. Он также нашел покровительство у Пушкиных, сначала работая конторщиком при болдинской вотчинной конторе, затем поступив в услужение камердинером. Его мы находим при Александре Сергеевиче во время его поездки в Оренбург. А. С. Пушкин писал оттуда жене 19 сентября: «Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные, дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только» (Ак. П., III, стр. 46). Вернувшись с поездки в Петербург, Пушкин писал оттуда Нащокину, у которого останавливался в Москве: «При выезде моем из Москвы Гаврила мой так был пьян и так меня взбесил, что я велел ему слезть с козел и оставил его на большой дороге в слезах и в истерике; но это все на меня не подействовало» (Ак. П., III, стр. 59). Опираясь на мемуары Л. Павлищева, подчас впрочем мало достоверные, Щеголев пишет о Г. М. Калашникове: «Гаврила состоял при особе Сергея Львовича камердинером, при чем сей Гаврюшка получил от барина прозвище le beau Gabriel [красавец Габриель]. По словам сына Ольги Сергеевны Л. Н. Павлищева Gabriel пошел по стопам родителя: будучи безотлучным камердинером Сергея Львовича, очаровательный Габриель, в свою очередь, набил себе мошну и по кончине барина устроился как нельзя лучше: снял башмачный магазин» (ЩМ, стр. 160. Срв. Л. Павлищев, «Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине». М., 1890, стр. 130).

со старухой — жена М. И. Калашникова Василиса Лазаревна (род. в 1777—1778 г., ум. 11 марта 1834 г.).

о чем я писал к батюшки — письма М. И. Калашникова к Сергею Львовичу не сохранились.

Елисей — вероятно Елисей Дорофеев, управляющий частью Болдина В. Л. Пушкина.

в два раза 1200 руб. — речь идет или о мартовской трети или о декабрьской 1831 г.; во втором случае цифра здесь показана Калашниковым неправильно (срв. предшествующее письмо).

дочь только тем несчастлива, что ничего нет у него, — т. е. мужа ее — П. С. Ключарева.

на обороте рукой Пушкина — запись карандашом, за исключением цифры 12, писанной чернилами. Цифра 4 против «Бахч.» написана поверх цифры 6, ранее стоявшей. В этой записи, писанной не ранее апреля 1832 г. и вероятно не позднее конца этого года (в первой публикации в «Звеньях», № 3—4 допущена опечатка: 1833 вместо 1832, вследствие чего запись Пушкина оказалась неверно датированной), Пушкин произвел подсчет семи своих произведений и трех сборников стихотворений в полистном исчислении. Известен ряд списков Пушкина своих произведений. Все эти записи и планы изданий собраны вместе и публикуются М. А. Цявловским в книге «Рукой Пушкина». Среди них есть планы с подсчетом числа стихов, с проставленными ценами, но неизвестен ни один список с подсчетом листов. Подсчет листов в нашем автографе соответствует следующим изданиям произведений Пушкина, вышедшим до апреля 1832 г.: «Руслан и Людмила» изд. 1828 г.—XVI + 160 стр.; «Кавказский пленник» изд.

1828 г. — 60 стр.; «Братья разбойники» изд. 1827 г. — 16 стр.; «Бахчисарайский фонтан» изд. 1830 г. — 4 нен. + 46 стр. Три части Стихотворений Пушкина (1829—1832) — 224 + 176 + 209 стр. «Полтава» изд. 1829 г. — 4 нен. + 92 стр.; «Евгений Онегин» (изд. 1825—1832 гг.) — 60 + 42 + 51 + 92 + 48 + 57 + 51 = 401 стр. Цифры Пушкина повсюду более или менее соответствуют числу листов, считая их по 16 страниц, если иметь в виду количество страниц изданий, приведенных выше. Лишь в отношении «Евгения Онегина» Пушкин повидимому описался, проставив 15 вместо 25 (400 : 16 = 25). — Слова «Главный недостаток этого всего» писаны с другого конца в обратном направлении. Фраза осталась незаконченной.

№ 10. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1832 г. Октября 10

Милостивый Государь
Александр Сергеивичь,

Поприказу вашему Собрана оброку вчасть покровскаго 900 рублей, Ачрес Две недели непременно будет выслано 300 рублей, акрожеству будем Достальную треть Сбирать, 1200 рублей Неприменно будут высланы! Янезнаю, Где батюшка, я Ему посылал Вашей части икистеневской оброк! ипосылаю тоже в петербург в Дом вульферта, естьли батюшка надругой квартире, то все покорнейше вас прошу Милостивый Государь Дать знать батюшки, что есть в присылки, равно и книгу посылаю расходную. Для Своего оправдания ивас все Нижа[й]ший раб прошу защытить Меня. Повашему предписанию выполнено будет всё, Засим честь имею Пребыть Съистиным высокопочитанием ипреданностию

ваш Милостиваго Государя
всенижайший раб Навсегда пребуду
Михаил Калашников

Октября 10 Дня
1832 Года
Село болдино.

Письмо писано писарской рукой. Подпись собственноручная.

дом Вульферта — в доме Вульферта в Петербурге у Синего моста жил С. Л. Пушкин.

книгу посылаю расходную — какая именно книга имеется в виду, сказать затрудняемся. Быть может это приходо-расходная книга «выданная села Болдина управляющим Михайлою Калашниковым... 1825 года, генварь 29 дня», хранящаяся в ИРЛИ (4550. XXIII б. 88); она описана Щеголевым (ЩМ, стр. 85—86). Против того, что именно эту книгу выслал Калашников Пушкиным, говорит то обстоятельство, что она поступила в Пушкинский Дом (ИРЛИ) от Анатолия Львовича Пушкина, т. е. позднейшего владетеля Болдина; следовательно, надо думать, она после смерти поэта находилась в болдинском вотчинном архиве.

№ 11. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1832 г. Ноября 14

Милостивый Государь
Александр Сергеивичь,

все Покорнейше вас прошу вашу милость. Я насеиже почте посылаю Кбатюшке вашему Денег 1400 рублей, иадрес пишу. У Синяго мосту, в доме вульферта, Естьли Его там нет, — то Сделайте Милость, Где Его Кварьтира. — Да[й]ти знать, или в михайловское перешлите, Яисам Незнаю, Где Находются, яот правлюсь внижний повашему Делу ибуду Спешить Скорее получить, иотъправить Деньги из трех Сот рублей, что будет издержано, адостальныя тот час поокончании, перешлю: ибуду Сбирать Достальную Треть 1200 рублей К

рождеству идоставлю К вашей Милости, теперь Слава богу Стало Смирно у нас, в болдине, мужика после петра, Когда Его Наказал в Земской полиции; Засим честь имею пребыть Съистинным моим высокопочитанием И Преданностию

ваш Милостиваго Государя
всенижайший раб Навсегда Пребуду
Михайла Калашников

14 Ноября
1832 Года
С. болдино.

Письмо писано писарем. Подпись собственноручная.

в Михайловское перешлите — С. Л. Пушкин часто проводил время в имении своей жены Опочецкого уезда, Псковской губ.

я отправляюсь в Нижний по вашему делу — 5 февраля 1831 г. А. С. Пушкин заложил переданные ему отцом 200 душ сельца Кистеневки на 37 лет за 40 000 руб. Но денег продолжало не хватать. В сентябре 1832 г. он переслал М. И. Калашникову доверенность следующего содержания: «Михаил Иванов. Желаю я занять Императорского воспитательного дома в Московском опекунском совете надбавочные деньги по 50 р. на душу, под залог недвижимого моего имения Нижегородской губернии, почему и доверяю тебе исходатайствовать откуда следует по узаконенной форме описание имению моему, а потому и поручаю тебе от имени моего за твоим вместо меня рукоприкладством куда следовать будет по сему предмету подавать прошения и объявления, и где следует записывайся и по исходатайствовании оное получи и ко мне доставь и равно испроси от местной гражданской палаты того имения, чтобы оная уведомила совет, что на моем имении после дачи свидетельства никаких взысканий как по казенным, так и по частным искам, не имеется...» (из дела № 17070, хранящегося в Горьковском АОР'е). Соответствующее заявление было подано Калашниковым в Нижнем 22 ноября 1832 г., но было составлено так бестолково, что не было обозначено, в каком уезде состоит имение, почему прошение и было отклонено. О дальнейшем ходе дела см. письма № 13 и 21.

Петр — наказанный мужик Петр — вероятно один из двух крестьян, носивших имя Петра, известных по подворной описи Болдина, — Петр Евдокимов (№ 62 по списку) или Петр Никитин (№ 79).

№ 12. О. М. КЛЮЧАРЕВА — А. С. ПУШКИНУ

1833 г. Января 11

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь,

Взяла еще смелость, безспокоить, Вас сими строчками, с коими прибегаю, к Вашему благодетельному покровительству, и будучи уверена в Вашей благотворительной, душе, которая истинно создана, от бога, чтоб творить, добро людям тем которыя, просят, руки помощи, и я себя, щитая, участницею, оных, неотринте меня, с усердно к Вам, прибегающей, прозьбой. Теперича срок наступил, в продажу, с Акционнава торгу, крестьян моево мужа, закоторых, должно мне взнести 2000 тысячи рублей, за 15 душ Мужеска Пола. Янеимею даже и двадцети рублей, будиже лишусь оных, то совершенна буду без куска хлеба, Одна толька, и есть, надежда, на Вас Милостивой Государь, Александр Сергеевичь, Вы можите навек меня, ощастливить, своим Благотворением; за что я буду, просить, сослезами, Всемогущего творца, засниспослание, Вам, всех блах, чево Вы от бога желаите. Могу Вас смело уверить, тем что есть свято, когда я их Выкуплю, на свое имя, потому что, мой муж, отдал их мне, в полное разпоряжение, икогда Вам случится, надобность в деньгах, то я тогда их заложу, в Апекунскай совет и получа деньги, могу Вам с благодарностию доставить. Итак прошу Вас неоставить меня вашим Ми-

лостивым ответом, и буду льстить себя надеждою, что сии строчки, прочтены будут Вами, ответом Вашим прошу покорнейше уведомить, отца моего.

Инаконец Ограничиваюсь к Вам с истинным моим почтением и Преданностию Покорная к Услугам
Ольга Ключарева.

Генваря 11-го дня
1833-го Года
С. Болдино.

Писано мужской рукой, почерк тот же, что и в письме Калашникова № 13. Из следующего письма О. М. Ключаревой к Александру Сергеевичу явствует, что настоящее письмо писано рукой П. С. Ключарева. Ответное письмо Пушкина утрачено. Надо думать, что просьбу Ключаревой поэт отклонил. О характере и содержании письма Пушкина можно судить по следующему ответному письму Ольги Михайловны, факсимильно воспроизведенному в ЩМ, стр. 105—106: «Милостивый государь Александр Сергеевич, я имела счастие получить от вас письмо, за которое чувствительно вас благодарю, что вы не забыли меня, находящуюся в бедном положении и в горестной жизни; впрочем покорнейше прошу извинить меня, что я вас беспокоила насчет денег для выкупки моего мужа крестьян, то оные не стоят, чтобы их выкупить, это я сделала удовольствие для моего мужа, и стараюсь все к пользе нашей, но он не чувствует моих благодеяний, каких я ему ни делаю, потому что он самый беспечный человек, на которого я не надеюсь, и нет надежды иметь куска хлеба, потому что какие только могут быть пасквильные дела, то все оные есть у моего мужа, первое — пьяница и самой развратной жизни человек; у меня вся надежда на вас, милостивый государь, что вы не оставите меня своею милостью в бедном положении и горестной жизни. Мы вышли в отставку и живем у отца в Болдине, то и не знаю, буду ли я когда покойна от своего мужа или нет. А на батюшку все Сергей Львович поминутно пишет неудовольствия и строгие приказы, то прошу вас, милостивый государь, защитить своею милостию его от сих наказаний. Вы пишите, что будете сюда или в Нижний, то я с нетерпением буду ожидать вашего приезда и о благополучном пути буду бога молить. О себе вам скажу, что я во обременении и уже время приходит к разрешению, то осмелюсь вас просить, милостивый государь, нельзя ли быть восприемником, если вашей милости будет не противно, хотя не лично, но имя ваше вспомнить на крещении. О письмах вы изволите писать, то оные писал мне мой муж, и не понимаю, что значут кудрявые, впрочем писать больше нечего, остаюсь с истинным моим почитанием и преданностью известная вам». Письмо это писано другим почерком, чем письмо от 11 января 1833 г. В письмах № 12 и 13, писанных Ключаревым, сохраняем пунктуацию подлинников. В письме ошибочно две тысячи рублей обозначены через «2000 тысячи»

№ 13. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1833 г. Января 18

Милостивой Государь!
Александр Серьгеевичь.

Присем уведомляю, Вашу милость, что с великом трудом мог получить описание, сего генваря 13-го дня, итогож числа отправил напочту к Павлу Воиновичу равно отношение, икопию, от Губернатора, из канцелярии, тоже вместе отправили. Теперь буду спешить, оброк збирать и Вашей милости доставлю въскорости, я четыре раза Ездил в Нижний, и три раза, в Серьгачь, из Нижняго, всего мною издержано, денег навсе расходы 271 рубль, идостальныя будут доставлены припервой трети. из 300-хсот рублей осталось, 29-ть рублей. Присем рапортую, что, привотчине, состоит, посие число все благополучно. Засим честь имею, пребыть, с истинным моим Высокопочитанием ипреданностию.

Ваш Милостивой Государь
всенижайший слуга и раб
Михаила Калашников

Генваря 18-го дня
1833-го Года.
С. Большое Болдино.

Писано рукой П. С. Ключарева. Подпись собственноручная.

с трудом мог получить описание — имеется в виду описание имения С. Л. Пушкина, «просящего надбавочной ссуды на заложенные. . . в прошлых 1827 и 1828 гг. двести душ по 50 руб. на душу» (напечатано в № 1 «Искусства» за 1923 г., стр. 319—320).

отправил на почту к Павлу Воиновичу — письмо, впервые опубликованное И. Л. Поливановым («Искусство», № 1, стр. 318). Датировано неверно Калашниковым январем 1832 г.; правильно передатировано Поливановым на 1833 г.(стр. 322). Снова неверно датировано М. А. Цявловским («Письма Пушкина и к Пушкину», 1925, стр. 19) и П. Е. Щеголевым (ЩМ, стр. 94).

равно отношение и копию — в препроводительном письме М. И. Калашников писал: «я брал свидетельство батюшке вашему в прошлом году и [он мне] доверенность изволил прислать, которую присем копию прилагаю; от сына я получил [извещение], что изволите требовать, сколько земли и протчего присем всему в общей с батюшкой вашим части, в общем владении описание партикулярное препровождаю к милости вашей»; к письму приложена копия доверенности от имени Сергея Львовича М. И. Калашникову и вышеупомянутое «описание».

№ 14. УСЛОВИЕ М. И. КАЛАШНИКОВА С И. Ф. ЧЕРКАСОВЫМ

1833 г. Апреля 5

Копия

1833-го Года, Апреля 5-го дня Мы, нижеподписавшиеся, управляющий подоверенности имением чиновника 5 класа и Ковалера Серьгея львовича пушкина Служитель Его Михаил Иванов Калашник, и Симбирской губернии Города Ардатова 3-й Гилдию Купеческой сын иван фомин Черкасов Заключили Между Себя Сие условие втом, что я, Калашников, Запродал Ему, Черкасову, из Господцской Экономии Зерном Аржанаго хлеба Чистаго триста Четвертей и обязуюсь всё Количество онаго Хлеба выставить Ему, Черкасову, Насобственных доверителя Моего подводах Нижегородцской Губернии Макарьевскаго уезда в Село Лысково к уСловленному Нами Сроку, то Есть к 1-му числу Генваря Месяца будущаго 1834-го Года, цену ж назначаем по общему Согласию такую, Какая во время поставки того Хлеба будет Существовать в Городе Нижнем или Селе Лыскове иприпоставки всего Хлеба влысково должен ЯЧеркасов, поращету Существующей цены заплатить Ему, Калашникову, все преччитающиися Деньги, в число Коей Суммы при написании Сего Нашего условия ЯКалашников Получил отнего Черкасова тысячу пять Сот Рублей Ходячею Монетою покурсу, в чем Сие уСловие иСодержать нам Съобоих Сторон Свято иненарушимо ивтом подписуемся.

Ксему условию подоверенности управляющий Михаил Иванов Сын Калашников руку приложил, Ксему условию Купеческой Сын иван фомин Черкасов руку приложил.

1833 Года Апреля 5 Дня Сие условие Нижегородецкой губерний в Лукояновском уездном Суде от управляющаго имением помещыка чиновника 5 класа и ковалера Серьгея львовича пушкина Михаилы иванова Калашникова Явлено ивкнигу под Номером осьмым подлинником Записано

у Сего Свидетельства
Лукояновскаго уезда
Государственной печать

Дворянский Заседатель Зверев
Секретарь Дмитрий Александров
Надсмотрщик Петр Папов

Копия настоящего документа (о запродаже хлеба Калашниковым) была переслана С. Л. Пушкину, новым управляющим Пеньковским при письме от 1 января 1834 г. (см. № 22). Вследствие недостатка денег в вотчине Калашников срочно запродал хлеб, чтобы выплатить проценты в Опекунский совет. Условия запродажи были так невыгодны, что новый управляющий счел более целесообразным продать рожь в другом месте, чтобы погасить задолженность. Катастрофа,

разразившаяся в Болдине в феврале — марте 1833 г., заключалась в том, что вследствие невыплаты процентов (1 960 руб.) по займу из Сохранной казны Петербургский опекунский совет предписал Нижегородскому губернскому правлению описать имение, что и было поручено Лукояновскому земскому суду. За долгое неисполнение был сделан выговор заседателю Сметанину. Дело можно было спасти лишь экстренным займом. Получив деньги (1 500 руб.) с Черкасова, Калашников в тот же день (5 апреля) отсылает через Лукояновскую почтовую контору 1 060 руб.; 18 апреля с сыном Калашникова отправляются остальные 900 руб. Таким образом опись имения была предотвращена (см. «Дело о взыскании с г. Пушкина просроченной суммы» № 87 — хранится в Горьковском АОР'е).

триста четвертей — т. е. 2 700 пудов ржи.

Лысково — торговое село в пяти верстах от Макарьева, в четырех верстах от Волги; пристань.

№ 15. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1833 г. Апреля 17

Милостивый Государь
Александр Сергеивичь,

Присем предпровождаю К вашей милости Достальнаго оброку прошедшей трети 400 рублей аСигнациями, получил отвашей Милости письмо, вкотором изволите писать чтобыявзял Жалованья, то я как могу без воли вашей Себе положить Сколько вашей Милости пожалуете. Я всем Доволен Сим буду, Ждать приказание, Засим Неотлагая времени вновь Сбирать будет оброк, нынечы очень трудно, понеурожаю хлеба мало укаго Своего, многие покупали иполя засевать, Засим честьимею репортавать, что приводчине вашей по сие число Состоит благополучно, Засим честь имею пребыть Съистинным моим высокопочитанием и преданностию вам

ваш Милостиваго Государя
всенижайший раб навсегда пребуду
Михаил Калашников

Апреля 17 Дня 1833 Года
Село болдино.

Писано писарской рукой. Подпись собственноручная.

достальнаго оброку прошедшей трети 400 руб. — мартовской трети 1833 г. В предшествующем письме (опубликованном Поливановым) Калашников писал: «теперь извольте получить от меня мартовской трети 900 руб. асигнациями». Таким образом треть составляет в данном случае 400 + 900 = 1 300 руб. За 1833 г. оброка было собрано больше обычной нормы в 3 600 руб., а именно — 3 860 руб. 08 коп. (срв. «щет» из книг села Кистенева с 1833 г. старосты Петра Петрова — ЩМ, стр. 243).

№ 16. И. ИЛЬИН — М. И. КАЛАШНИКОВУ

1833 г. Ноября 4

Милостивый Государь
Михайла Ивановичь!

Написьмо ваше сим ответствую, что Со времени поступления покойнаго василья Львовича имения въопеку доходу получено по сие время 37523 руб. 95 коп., из Которых употреблено нажалованье прикащику и прочие потребности 4120 р. 36 коп., запогребение пушкина 1368 р. 40 коп., отослано в опекунский совет 29367 р. 20 коп., залечение двух дворовых людей 25 руб., адостальные затруды опекуну и разные расходы. Долгу же состоит на Г. Пушкине частным Лицам по векселям 137142 руб. асигнациями, да Серебром 900 руб., да тысячь на 5-ть порасписка м — Порасчислениюже опеки Следует удовлетворить с про-

центами Асигнац. 221 148 руб. 34¾ коп., да серебром 493 р. 83 коп. Давсовет 108200 руб. в число Коего плачено Г. пушкиным по 1-му займу 891 р. 41 коп. ипроценты по 1830-й год. Естьлиже нужно знать, Кому именно собрать и какою суммою, то можете получить придоставлении сведения о магазейном хлебе.

Прошу засвидетельствовать мое почтение Супруге вашей и Любезнейшему другу Гавриилу Михайловичу с желанием здоровия Пребывая К вам с таковымже почтением издоровья желанием

Слуга Ваш покорный
Иван Ильин.

4 Ноября
1833 г.

Писано собственноручно. Об отправителе письма Иване Ильине сведениями не располагаем, кроме того, что он был бурмистром части Болдина, принадлежавшей В. Л. Пушкину (по содержанию письма), и что он числился за В. Л. Пушкиным еще по полюбовному разделу после смерти О. В. Пушкиной 1802 г.: «Иван Ильин вдов» (срв. черновик «поступной» в настоящем издании, № 82). Письмо писано 4 ноября 1833 г., а еще 8 октября Пушкин писал из Болдина Наталии Николаевне: «Здесь мне очень советуют взять на себя наследство Василия Львовича, и мне хочется, но для этого нужны во-первых деньги, а во-вторых свободное время» (Ак. П., III, стр. 51). Очевидно Ильин отвечает на запрос Калашникова по поручению Пушкина, которого интересовало состояние имения Василия Львовича и долговые обязательства. Ответ Ильина передается Калашниковым Пушкину, и последний под впечатлением письма Ильина через день пишет жене (6 ноября): «Здесь я было вздумал взять наследство Вас. Льв., но опека так ограбила его, что нельзя и подумать» (Ак. П., III, стр. 58). Уже из Петербурга, в начале декабря 1833 г., Пушкин писал о том же деле Нащокину: «Наследники дяди делают мне дурацкие предложения — я отказался от наследства. Не знаю, войдут ли они в новые переговоры» (Ак. П., III, стр. 68).

п о г р е б е н и е П у ш к и н а — погребение Василия Львовича в 1830 г. в Москве, в Донском монастыре.

п о в е к с е л я м 137 142 р. — срв. состав заемных писем по имению В. Л. Пушкина в настоящем издании № 5; по «записке», помещенной в комментариях к № 5, долг равнялся 135 082 руб.

т ы с я ч н а 5-т ь п о р а с п и с к а м — точнее 5 260 руб. 22 коп.—см. там же.

л ю б е з н е й ш е м у д р у г у Г а в р и и л у М и х а й л о в и ч у — в то время «красавец Габриель», сын М. И. Калашникова, путешествовавший в качестве лакея с Александром Сергеевичем в Оренбург, находился с ним в Болдине.

№ 17. БОЛДИНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ — А. С. ПУШКИНУ

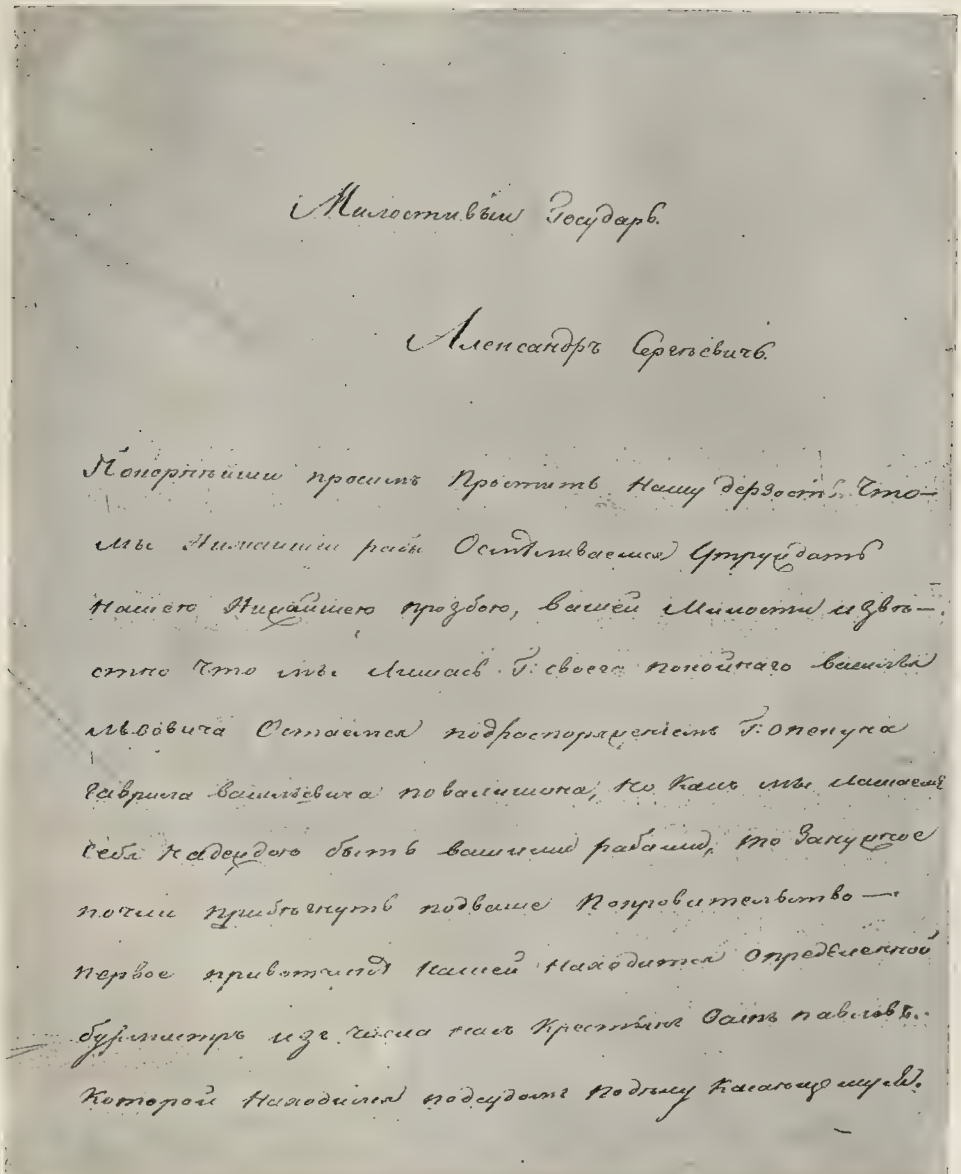
1833 г. Октября 15—Ноября 10

Ваше высокоблагородие
Милостивый Государь батюшка
Александра Сергейвич.

Осмеливаемся донести вашей милости в том, что присланный от вашего родителя милостиваго Государя Сергея Львовича человек в его имении управляющим Михайла Иванов, от катораго мы—батюшка Александр Сергеивич в великое разорение пришли, что у нас харошаго распоряжения никогда небыло.

1-е.

Кагда Михайла Иванов въступил воуправление имения, Стал Заводить барищину незаконну в том, что он порубил господскаго лесу для ненадобной вещи Сараив великое множество ивозили оной Лес неподсилу Лошедям истаго удара Лошедей много потратилась у крестьян.

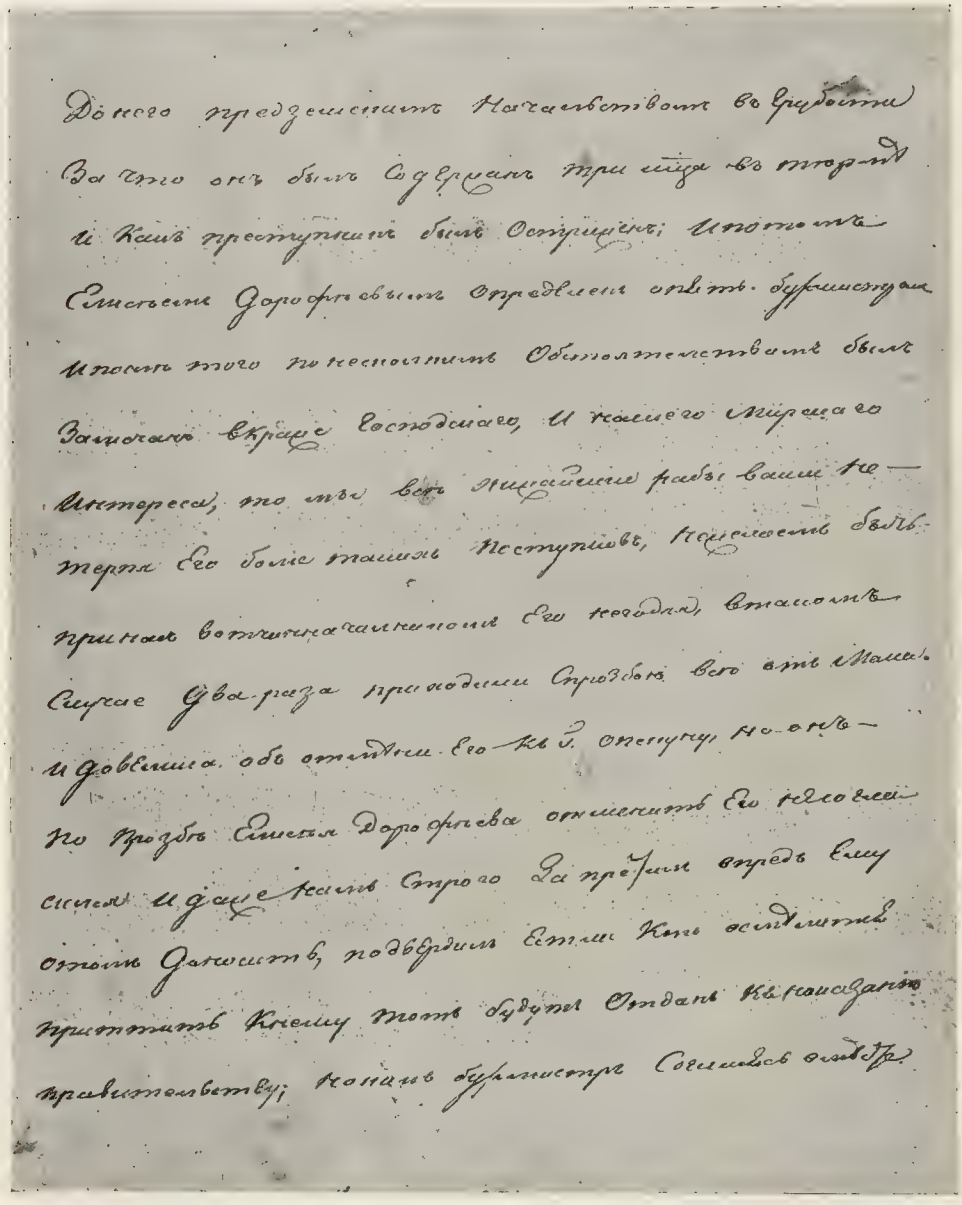


Милостивый Государь

Александръ Сергѣевичъ.

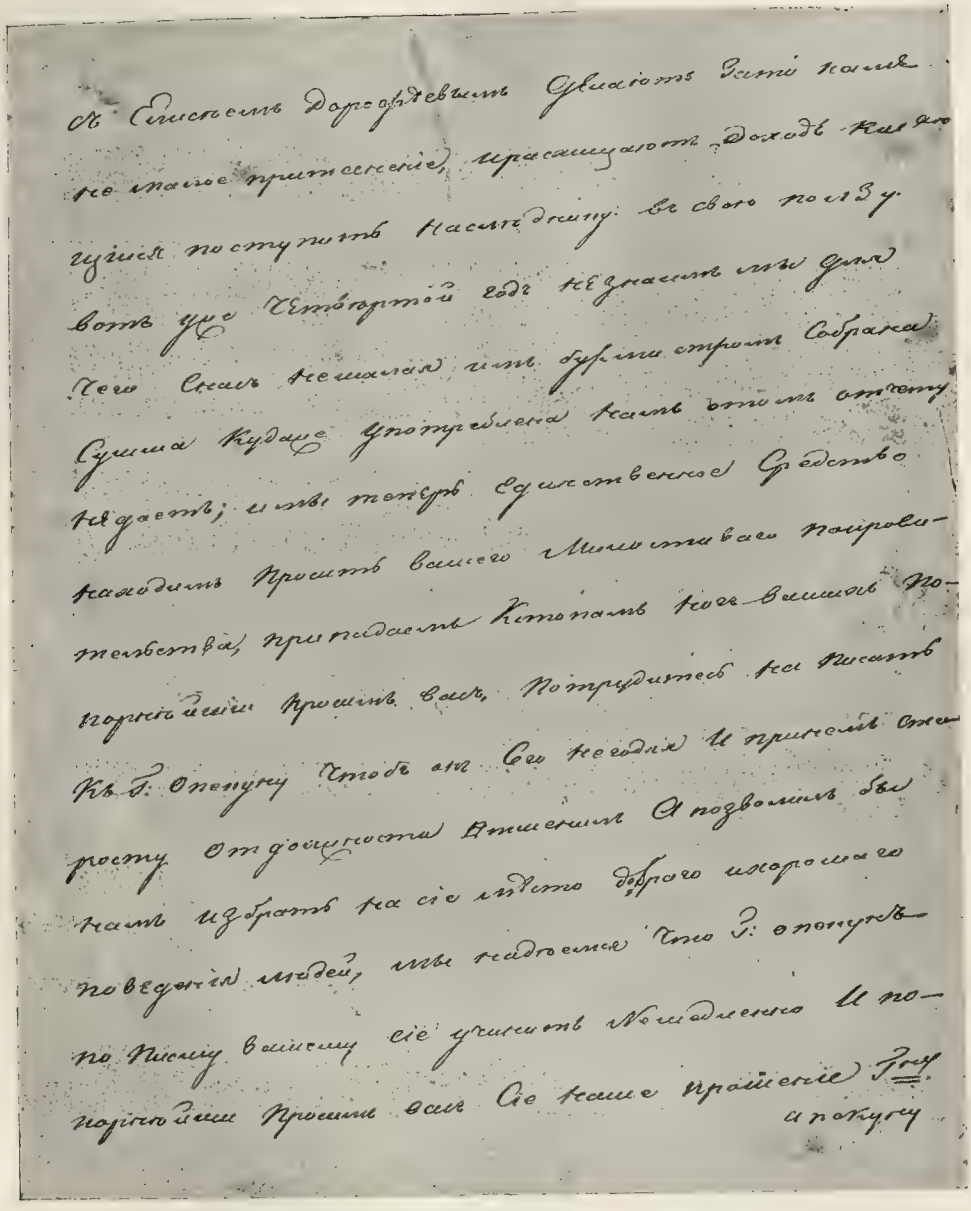
Покорнѣйше просимъ Простить нашу дерзость. что
мы нижайшии рабы Осмѣливаемся Утруждать
нашею Нижайшею прозьбою, вашей Милости извѣ—
стно что мы лишась Г. своего покойнаго Василья
Львовича Остаемся подраспоряжениемъ Г. Опекуна
Гаврила Васильевича Павлищева, но какъ мы ласкаемъ
себя надеждою быть вашими рабами, то заучное
почли прибѣгнуть подваше Покровительство —
первое приказчикъ нашей находится опредѣленной
бурмистръ изъ числа насъ Крестьянъ Фаинъ Павловъ.
Которой Находился подсудомъ подѣлу касающемуся.

ПИСЬМО КРЕСТЬЯН К ПУШКИНУ ОТ 24 ИЮНЯ 1831 г.
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА
Государственный Литературный Музей, Москва



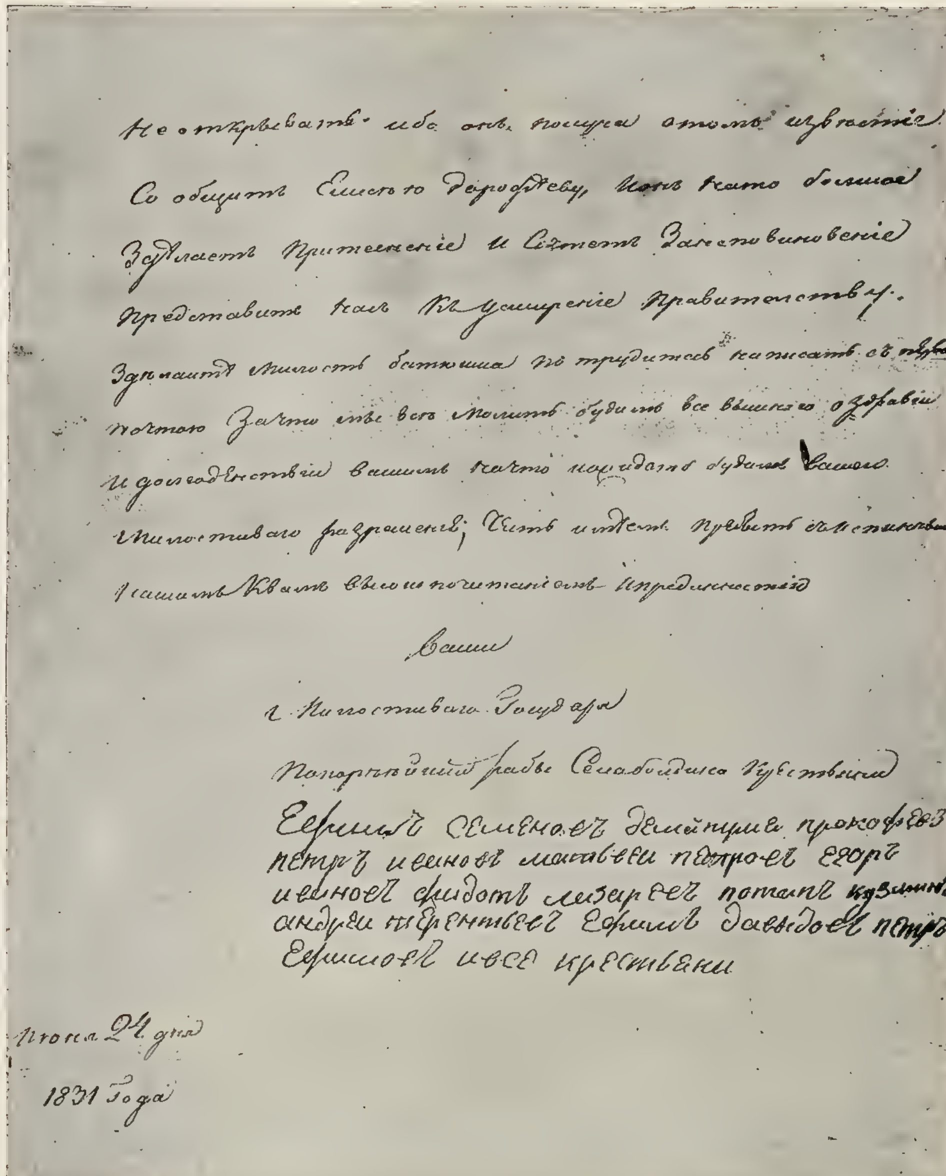
ПИСЬМО КРЕСТЬЯН К ПУШКИНУ ОТ 24 ИЮНЯ 1831 г.
ВТОРАЯ СТРАНИЦА

Государственный Литературный Музей, Москва



ПИСЬМО КРЕСТЬЯН К ПУШКИНУ ОТ 24 ИЮНЯ 1831 г.
ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА

Государственный Литературный Музей, Москва



Не открывать ибо онъ пошутя о томъ извѣстiе.
Сообщитъ Емельяну Дорофееву, коль как то больше
Здѣлаетъ притѣснѣнiе и стѣснитъ заклятовленiе
представитъ нас къ увѣренiю правителству.
Здѣлайте милость батюшка по трудитесь написать с первою
почтою за что мы всего молить будимъ все вышнего о здравiи
и долгоденствiи вашимъ какъ то ожидать будемъ вашего
милостиваго разрешенiя; честь имѣемъ пребыть с истинным
почтѣнiемъ к вамъ высокопочитанiемъ и преданностiю

Ваши

г. Милостиваго Государя

Покорнѣйшiе рабы Селца Болдина крестьяне

Ефимъ Семеновъ дмитрiй прокофьевъ
петръ ивановъ матвѣй петровъ егоръ
ивановъ федотъ лазаревъ потапъ кузминъ
андрей терентьевъ Ефимъ давыдовъ петръ
Ефимовъ и все крестьяни

Июня 24 дня
1831 года

ПИСЬМО КРЕСТЬЯН К ПУШКИНУ ОТ 24 ИЮНЯ 1831 г.
ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА

Государственный Литературный Музей, Москва

2-е

риги Зделал для Сушки хлеба печки тапить дравами, адрава для Сушки покупали в казенном лесу в растоянии от болдина 25 верст, авазили весной погрязи тоже много Лашедей потратилось у крестьян, ариги Следует Сушить Саломой, а у нас в 1830-м году уражай был гасподскаго хлеба ржи ужином был очень богатой ималатили онай хлеб рожь, асалому валили оную возли риг наполи; в 1831-м году мая 7-го дня управляющий Михайла Иванов приказал Соцкому оною Салому Зажигать, асоцкой поприказанию управляющаго ослушание немог учинить, Зажег, но в то Случае поднялся ветр изагорелась нагумне изба, вней живущим рижникам, апосле гасподския Семь анбаров, от анбаров пришол огонь намирское Страение изгарел порядак 15-ть дваров все, даже погорело у крестьян имущество.

3-е

апосле того нашего несчастнаго Случия пришли Старики к Михайлы Иванову просить,—чтобы он нас допустил к господину милостивому Государю Сергею Львовичу, дайти лично просить от него милости имихайла Иванов нам позволил идал нам бумагу в том, что бы идти в С. Питербург.

4-е.

Апосле таго надругой день Михайла Иванов призвал К себе Стариков и взял отъних им данною бумагу назат исказал что ниходити вы, Старики, къбарину, а мы Ему Сказали, что мы пайдем.

5-е.

Михайла Иванов опять мужиков Собрал к себе исказал им, что вы бунтовщики, я на вас попрашу Гарацскую Каманнду, что нас наказать.

6-е.

апосле таго Михайла Иванов послал Своего Сына Гаврилу За исправникам, чтобы наказать Стариков Секуцей Каманндой инаказали Стариков розгами.

7-е.

Исправник Петр Петрович Сказал Лично Михайлы Иванову, что ты накажи Своих Мужиков Своим Судом в судной Избе.

8-е.

определенный к нам в церковной штат 3-й Священьник дмитрей Федоров пристройки Его новаго дома Михайла Иванов всех крестьян выгонял Забревнами наизбу в село Гулява в разъСтоянии от болдина 40-к верст, крестьяне услушание учинить ни могли, каторай нивсостоянии лашедми крестьяне, то нанимали Людей Ехать Забревном, платили Заподводы по 2 рубли, акоторые крестьяне ослушались непоехали, то хател Михайла Иванов их наказать; попу вниз — подгорницу Михайла Иванов давал из господъской рощи лес.

9-е.

Сын Михайлы Иванова Гаврила унаших крестьян всех хароших лашедей погадил, Ездивши верьхом, ателеперь крестьяне немогут идержать хароших лашедей, потому что боятся.

10-й.

Поприезде Михайлы Иванова воуправляющии, то каждой год были денижныя Зборы порублю С тегла имение раза потри в году, анам неизъвестно, куды оныя девали, все книги Мирскаго прихода ирасхода от миру отабрали.

11-е.

Мы находились до приезду Михайлы Иванова в харошам Состоянии: был хлеб, и скатина, иналичния деньги имели у себя крестьяне, аныне неболее нащот как то 15-ти человек находится в состоянии, что нынешную Зиму имели Свой хлеб, апротчия крестьяне ипрошлаго года покупали рожь для Засеву. Своей Земли все распродали крестьяне для прокормления Своих Семейств Скот и строение.

12-е.

Присем прошении представляим вам милостивый Государь батюшка александр Сергеивич 5 человек лично, которыя неспособны привотчине находится воры именно: 1) Тимафей Пядашов 2) Ефим Захаров 3) Агафон Салдатов 4) Егор Иванов 5) Яков Семенов, котораго вы лично приказали управляющему Иосифу Матвеиву отдать в солдаты.

Остаемся подданейшии вам милостивый Государь батюшка александр Сергеивич ваши рабы все общай Мир припадаем к стопам ног ваших.

Писано одной рукой. Жалоба не датирована. Относим ее к концу октября или началу ноября 1833 г. на основании ее содержания: 1) Упоминание нового управляющего Иосифа Матвеевича Пеньковского, приехавшего в Болдино в конце октября 1833 г., не позволяет датировать документа сроком ранее середины октября 1833 г. 2) Двенадцатый пункт жалобы содержит просьбу об удалении пяти лиц из вотчины; это «представление» данных лиц является указанием на целесообразность назначения их в солдаты (о последнем из пяти лиц сказано: «которого вы лично приказали.... отдать в солдаты»). В соответствии с этой просьбой мы в памятной книге села Болдина находим запись от 11 ноября 1833 г. о назначении в солдаты трех из названных лиц (Якова Семенова, Ефима Захарова и Тимофея Пядашева). Следовательно просьба крестьян предшествовала 11 ноября. За исключением последнего пункта все первые одиннадцать статей направлены против М. И. Калашникова.

стал заводить барщину незаконну — крестьяне Пушкиных по Кистеневке были все на оброке; в Болдине по данным 1834 г. было 103½ оброчных тягол и 140½ рабочих; рабочие или барщинные крестьяне несли работы непосредственно на помещика. Снежневский пишет: «В Нижегородском уезде как малоземельном и при том с значительно развитыми промыслами господствовала оброчная система помещичьего хозяйства; чисто барщинные хозяйства составляли незначительный процент» (ДНГАК — Сборник VI, стр. 20). У В. И. Семевского читаем: «В нечерноземной полосе России оброчная система преобладала: наибольший процент крепостных, состоявших на оброке, мы встретили в губерниях костромской (85%), вологодской (83%), нижегородской (82%). («Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», 1903, стр. 48). «Кроме неблагоприятных условий почвы, была еще одна причина, заставлявшая помещиков во многих местностях предпочитать оброчную систему барщинной. По объяснению кн. Щербатова помещики отпускали своих крестьян на оброк потому, что служба, как военная, так и гражданская, привлекала их в города, а доверять имение приказчику не всегда было возможно... При оброчной системе не было никакой надобности в личном присутствии господина в своей деревне; она избавляла помещика от всяких хлопот и давала возможность реализовать свой доход в форме определенного оброка, который и проживался в столицах или в каком-либо из больших городов. Что касается крестьян, то и для них была гораздо удобнее оброчная система, так как при таком порядке отбывания повинностей они гораздо менее страдали от личных прихотей господина» (ibid., стр. 50). Калашников считал себя в отдаленной от надзора со

стороны Пушкиных вотчине на половину хозяином, — этому психологически невольно содействовали те «родственные» отношения, в которых он состоял с Александром Сергеевичем; все это позволило Калашникову заводить порядки, наиболее сподручные для помещичьей власти, которая живет на месте и поэтому может непосредственно вмешиваться в распорядки всего крепостного хозяйства, отсюда естественное тяготение к барщине. У Пушкина был двойственный взгляд в вопросе о барщине и оброке. Когда он еще не был помещиком, он писал в «Евгении Онегине» (1823 г.):

В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинный
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед.

Сделавшись помещиком, Пушкин писал в «Повестях Белкина»: «выбранный [крестьянами] староста до того им потворствовал, плутуя заодно, что Иван Петрович принужден был отменить барщину и учредить весьма умеренный оброк; но и тут крестьяне, пользуясь его слабостью, на первый год выпросили себе нарочитую льготу, а в следующие более двух третей оброка платили орехами, брусникою и тому подобным; и тут были недоимки» («Пушкин», 1930, т. VI, стр. 252). В письме Владимира** к другу в Петербург читаем: «Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы оставляем их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг наши будущие доходы — и разоряемся; старость нас застает в нужде и хлопотах. Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по миру» (VI, стр. 501).

р и г а — в Нижегородской губернии в ригах совмещаются сушилка и помещение для молотьбы. Во втором пункте своего письма крестьяне жалуются, что, с одной стороны, Калашников неэкономно вместо соломы для сушки зерна употреблял дрова, которые издалека приходилось возить; с другой стороны, сваленная без пользы солома оказалась причиной пожара, когда ее за ненадобностью стали жечь.

с о ц к и й — сотский, выборный представитель от крестьян, исполнявший функции рассыльного и надзирателя. Избирался в Болдине на год; утверждался земским исправником (срв. приговор от мая 1832 г. о выборе в соцкие Федора Максимова. — ИРЛИ, 4564, XXIII б. 102).

п о р я д о к — ряд домов, образующих одну сторону улицы.

П е т р П е т р о в и ч — П. П. Серебряников, исправник Лукояновского уезда.

с в я щ е н н и к Д м и т р и й Ф е д о р о в — Дмитрий Федорович Виноградов, болдинский священник с 1830 г. Известно его письмо Пушкину от января 1834 г., в котором он просил заступничества перед нижегородским епископом Амвросием. Пересылая это письмо Александру Сергеевичу, Калашников писал: «Извините меня, что я осмелился послать письмо нашего священника, которого просьба и слезы понудили меня вашу милость утруждать о невинности его, всему причина зависть, что богат и ничего не пьет и очень себя хорошо ведет и все видимое лучше их» («Искусство», № 1, стр. 321).

Г у л я в а — село Гуляево (Архангельское), на Алатыре, в шестидесяти верстах от Лукоянова.

Т и м о ф е й П я д а ш е в — Тимофей Михайлович Пядашев (р. около 1804 г.), сын Михайла Осиповича (1771—1832) и Пелагеи (р. около 1781 г.); безлошадник. Был назначен в ноябре 1833 г. в солдаты в Арзамас, не был сдан из-за раны на ноге и как вор (ЩМ, стр. 257). В декабре того же года установлено, что выдавал пуговицы вместо четвертака женщине половины В. Л. Пушкина за муку; был обнаружен в кабаке с язовскими ворами; ослушался приказания управляющего Пеньковского и не явился из кабака в судную; за это приговорен Пеньковским и «стариками» к 40 ударам розог, но прощен в виду чистосердечных показаний о собственных хищениях и воровстве других лиц, на которых указал. Тогда же Пеньковский писал о нем, как о воре, С. Л. Пушкину (№ 18); о нем же говорит первый раздел документа «Изобличенные воры» 1834 г. (№ 56). В болдинской подворной описи значится под № 4.

Е ф и м З а х а р о в — Ефим Захарович Ярмушев (р. около 1801 г.) жил при восьмидесятилетнем дяде Иване Афанасьевиче Подачине. Был женат на Устинье, от которой имел двух малолетних дочерей. Безлошадник. Был назначен в солдаты в ноябре 1833 г., сдан не был вследствие аттестации: «течет из ушей (с затылком)». Был уличен в том, что принимал у себя язовских воров, пьянствовал с ними в кабаке, украл тулуп у кистеневского крестьянина, укрывал у себя кра-

деную лошадь и другие вещи; за это по распоряжению управляющего при собрании стариков 10 декабря 1833 г. наказан 50 ударами розог (ЩМ, 255). В уведомлении «Изобличенные воры» ему посвящен второй раздел (№ 56). В Болдинской подворной описи значится под № 26.

Агафон Солдатов — Агафон Сергеевич Солдатов (р. около 1800 г.). Значится в подворной описи Болдина под № 27. В уведомлении «Изобличенные воры» ему посвящен четвертый раздел.

Егор Иванов — Егор Иванович Кокорев (р. около 1804 г.), безлошадник. О новом его воровстве см. письмо Пеньковского С. Л. Пушкину от 23 января 1834 г. В Болдинской подворной описи значится под № 128.

Яков Семенов — Яков Семенович Козлов (р. около 1803 г.), безлошадник. Был назначен в солдаты в ноябре 1833 г. Против его имени значится аттестация: «чист, за разбой не ставлен. Выпущен Михаилом Ивановым» (ЩМ, стр. 257). В декабре того же года «при собрании стариков» был наказан 25 ударами розог за то, что бегал от солдатчины, что месяц скрывался в селе Качаеве, что, работая сани, оставил топор, долото и наструг. Благодаря покровительству «выпущен был Михаилом Ивановым из желез». В подворной описи значится под № 1.

Иосиф Матвеев — об управляющем И. М. Пеньковском см. следующее письмо.

№ 18. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1833 г. Декабря 5

5-ого Декабря 1833 года
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

Приказание Ваше я получил 21-го Ноября, оисполнении онаго уведомляю. По разкладке Нижнего[родской] Казенной Палаты, из села Болдина и Сельца Кистенева назначено три рекрута; во первых были ставлены Четыре Человека с Села Болдина и 2 Челов : из Кистенева, за самое дурное поведение из оных непоступили; после неудачи собрал Старшину и всех стариков, назначил тех, которые были наочереди, поступили за Село болдино Павел Никитин Терехин и Николай Прохоров — в Кистеневе темже порядком назначено, которые еще невозвратились из Арзамасу, не известно кто поступит — Лукояновскаго округа приемка в Арзамасе, Кистенево причислено к Селу Болдино —

При вторичном собрании все Старики Села болдина лично меня просили отнестись к Вам Милостивый Государь Сергей Львовичь, дабы их избавить от людей дурнаго поведения, которые разоряют лучших хозяев, и что многие по несколько раз окраденные пришли до нищеты, — я, собрав сведения от посторонних лиц, Священников и у Старшины второй половины покойника Василья Львовича, удостоверился, что точно их желания справедливы. Я ничего не мог предпринимать без Вашего повеления, если Вам угодно будет освободить своих Крестьян от разорителей — Средство одно, которое может послужить в пример другим,—повелеть без зачету отдать в Солдаты — ониже, зная себе неспособными поступить в зачет, никакаго наказания не опасаются — Главные и достойные этого наказания прославившиеся искуством воровства, аименно, — Яков Семенов Козлов, Яфим Захаров Ярмушев, Тимофей Михайлов Пядашев —

По приезде моем в Село Болдино нашел взыскание из С: Петерб: Опе: Сов: по двум займам 2324 руб:, можно было занять с уплатою за т. руб: 300 проценту, расщитав етую невыгоду, за продал ржи 250 чет. в 9 мер за каждую по 21 руб: 25 коп., тоже конопляннаго Семя 85 Четвертей в 9 мер за каждую по 10 руб. и 50 коп. — взадаток получил на рожь 2000 руб.; за конопля: Семя сполна 892 руб. 50 ко., променял на Асыгнаций и представил 21: Ноября 2380 руб. с пересылкою Сергач[с]кому Исправнику Сергею Петровичу Званцову для

доставления куда следует, когда получу квитанцию, немедленно оную к Вам вышлю. Рож буду доставлять на етой недели за 30 верст — У Михайлы Иванова получил наличных оброчных денег 63 руб., из которых посылаю по етойже почте к вам, на имя Семена Исаковича Ганибала 50 руб; еще собрал Покровскаго оброку 300 руб. и остальные за Коноп. Семя 100 руб: всего 450 асыгнациями. — Хлеб неуспел весь принять, вскором времени после моего приезда Михаил Иванов отправился в Нижний по делам Александра Сергеевича, котораго и посие время нету в Селе болдине —

Болдинскаго Бурмистра Игнатия Семенова Сягина за неисполнение в точности моих приказаний, и безпорядки в сборе оброка от крестьян, которой получал от оных на базаре и в разных местах незаписывал в книги, а употреблял оные деньги на свои надобности; удостоверившись я во всем, нашел очень невыгоднаго Эконома для крестьян и отрешил от должности — на его место поступил бывший старостою Денис Иванов Наловин.

Барщина занята молочением овса, умолот по средственой, а прочий весь хлеб вымолочен, с принятия онаго подробно уведомлю —

Оброчные Крестьяне, которы[е] ходят на заработки в Уральск, являются без денег или очень мало приносят, от многих я получил в место 60 руб. 10 р. и 20 р. — за весь год, на первой случай строго поступил с етими для примеру другим. очень многие Крестьяне не имеют ни зерна хлеба, осостоянии оных собрав сведение подробно уведомлю —

в здешних сторонах очень дорогие асыгнации. Я менял за каждый рубль по 13½ коп., какой монетою прикажите Селовые доходы высылать? нониче менял бурмистр на уплату подущины платил по 14½ ко. за каждый рубль. — очем доношу с Глубочайшим Высокопочитанием и таковую же преданностию Ваш Милостивый Государь

Всепокорнейший
Слуга
И. Пеньковский.

Письмо писано собственноручно. Все свои письма, как к С. Л. Пушкину, так и к Александру Сергеевичу, Пеньковский писал сам, почему в дальнейшем почерк его писем не оговаривается. Иосиф Матвеевич Пеньковский (ум. в Саранске в 1885—1886 г.), белорусский дворянин. Был в качестве управляющего рекомендован С. Л. Пушкину, с которым видался, надо думать, в Псковской губернии; 8 октября 1833 г. Пеньковский из Острова известил С. Л. Пушкина, что получил его доверенность и отправляется в Болдино 11 или 12 октября (ЩМ, стр. 110). Доверенность эта, выданная в Новоржеве 25 сентября, уполномачивала Пеньковского на полное управление Болдиным и Кистеневкой в части С. Л. Пушкина. Сергей Львович, убедившись в полной негодности и непорядочности Калашникова, решил поправить дела по имению приглашением нового управляющего. Выбор надо признать удачным, и последующая переписка показывает, что, если бы не Пеньковский, Болдино вероятно пошло бы с торгов. Сохранившиеся отзывы о Пеньковском благоприятно его аттестуют. Когда уже после смерти А. С. Пушкина вдова просила друга ее второго мужа и соседа по имению Г. В. Бобоедова проконтролировать управление Кистеневкой Пеньковским, то Бобоедов писал об его отчетах: «они весьма аккуратны и так отчетливы, что по них начету на нем быть не должно» (ЩМ, стр. 195). Тогда же Л. С. Пушкин писал Н. Н. Ланской-Пушкиной: «Начну с того, что беру обратно свое предосудительное мнение относительно Пеньковского. Все его дела по управлению имением в Болдине в порядке... Я хорошо ознакомился с тем, как Пеньковский управляет имением, и убедился в том, что невозможно было во время этих беспорядков лучше повести дела; я оставляю его в качестве управляющего и советую вам сделать то же самое» (ЩМ, 203—204). Жалоб на Пеньковского со стороны крестьян не имеется. А. С. Пушкин скорее относился к Пеньковскому недоверчиво — он писал 29 июня 1834 г.: «Я не доверяю... Пеньковскому, так как не знаю [его]» (Ак. П., III, стр. 139). Не отличая его от мошенника Калашникова, он записал в своем дневнике по поводу поездки в Нижегородскую деревню, что

«управители» его «морочили» (запись под 28 ноября 1834 г.). За небольшой срок, во время которого А. С. Пушкин сосредоточивал в своих руках управление всеми нижегородскими имениями, он внезапно направил в Болдино нового управляющего немца-агронома К. Рейхмана, не предупредив об этом Пеньковского. Из затеи с Рейхманом ничего не вышло, а Пеньковский некоторое время даже не знал, отставлен он или нет. Свою обиду он выразил Пушкину в письме от 12 июня 1834 г. Приезд Рейхмана и внезапный его отъезд сильно повредил делу управления имениями, поставив Пеньковского в фальшивое положение к Калашникову, который пользовался всяким случаем для того, чтобы попытаться восстановить свою прежнюю власть и все время тормозил деятельность Пеньковского ссылками на свое привилегированное положение при А. С. Пушкине. В. С. Нечаева ошибочно полагает, будто «Пеньковский вошел в контакт с Калашниковым» («Литературное Наследство», № 16—18, стр. 609), — между обоими управляющими шла непрерывная борьба. Несмотря на свое дворянское происхождение, Пеньковский писал, как Сергею Львовичу, так и Александру Сергеевичу, в раболепных выражениях. Письма его грамотностью не отличаются. Заботясь о помещичьем хозяйстве, он жертвовал интересами крестьян в пользу хозяев. Семья Пушкиных относилась с благорасположением к Пеньковскому: С. Л. Пушкин крестил его дочь и подарил ему свою крепостную Пелагею Семенову. Л. С. Пушкин, будучи кумом жены Пеньковского Марфы Максимовны, посылал ей подарки. Кроме значительного довольствия Пеньковский получал ежегодно при А. С. Пушкине 1 000 руб., при С. Л. Пушкине 1 500 руб., при Л. С. Пушкине — 2 100 руб. ассигнациями (по одному Болдину). Последнее из известных писем Пеньковского — от 14 февраля 1852 г. П. П. Ланскому, свидетельствующее, что в то время он еще продолжал быть управляющим Болдина (хранится в Литературном Музее). Позднее Пеньковский служил у камергера А. А. Полянского. В картотеке Б. Л. Модзалевского находим сведение, что в 1875—1885 гг. Пеньковский жил в Саранске, в собственном доме. Известны четыре письма А. С. Пушкина к Пеньковскому (Ак. П.); в ЩМ опубликована доверенность С. Л. Пушкина Пеньковскому (стр. 230—232). «Положение о довольствии Пеньковского», подписанное А. С. Пушкиным, и ряд других бумаг из архива Пеньковского опубликованы В. Брюсовым в «Известиях Московского литературно-художественного кружка», вып. I, 1913. В библиотеке М. А. Цявловского имеются томы посмертного издания (1838—1841 гг.) собрания сочинений Пушкина, принадлежавшие Пеньковскому.

п р и к а з а н и е в а ш е — письмо это не сохранилось. Так как из всех писем С. Л. Пушкина Пеньковскому сохранилось лишь одно (1848 года — «Русский Архив» 1890, 3, стр. 438), то при дальнейших упоминаниях писем Сергея Львовича Пеньковскому отсутствие их не оговаривается.

б ы л и с т а в л е н ы ч е т ы р е ч е л о в е к а о т с е л а Б о л д и н а и 2 ч е л о в. и з К и с т е н е в а — в соответствии с этим в «Памятной книге села Болдина» под 11 ноября 1833 г. читаем: «Назначены в солдаты из села Болдина — Яков Семенов Козлов, Ефим Захаров Ярмушев, Тимофей Михайлов Пядашев, Карнила Никифоров Кандалов, Спиридон Ананьев и Яков Ананьев Кузьковы, Алексей Семенов Сягин (сбежал)». Против каждого из четырех первых кандидатов помета: «вор». Правительство обратило внимание на стремление помещиков сдавать негодных рекрутов. В циркуляре министра внутренних дел от 11 июня 1836 г. читаем: «Государь император, замечая, что при рекрутских наборах весьма часто представляются рекруты с явными недостатками, повелеть соизволил, дабы министр внутренних дел подтвердил циркуляром по гражданскому ведомству о той ответственности и взысканиях, коим подвергают себя по силе рекрутского устава виновные в представлении приему таковых рекрут, недостатки имеющих».

с т а р ш и н а — если деревня состоит на барщине, то староста (старшина) или выборный наряжает крестьян на работы и смотрит, чтобы они исправно исполняли как полевую работу, так и возку дров, починку строений, копание огородов, молотьбу и т. п. В отсутствии же помещика, а также и в оброчных имениях «выборные и старосты наблюдают следующее: смотря за земледельцами, чтоб они жили добропорядочно и не были б праздношатающиеся и пьяницы, буде таковых приметят или в других пороках кого заметят, то в таком случае собирают всех своих подчиненных (т. е. всех крестьян) на совет, что у них называется сходом» (Семевский. «Крестьяне в царствование Екатерины», кн. I, стр. 251). По словам английского путешественника Кларка «староста обыкновенно избирается крестьянами то ежегодно, то пожизненно... Но иногда господин сам назначает его» (Clarke. «Travels in various countries of Europe», p. 167). Автор «Плуг и соха» говорит: «смотрение за деревнями имеет или от господина определенный, или самими крестьянами избранный староста» (Семевский, стр. 249).

с о б р а л... в с е х с т а р и к о в — мир, если не было специальных указаний, проявлял свою власть при дележке крестьян, при назначении рекрутов, при раскладке оброка, при учете бурмистра и расходовании мирских денег и пр. (Большаков. — «Известия Ленингр. Гос. Пед. Ин-та им. Герцена» 1928, в. I, стр. 99).

Павел Никитин Терехин — Павел Никитич Кашкин (р. около 1811 г.) (в ревизской сказке Болдина 1834 г. под № 98). Сдан в рекруты в Арзамасе 20 ноября по первому наряду (ЩМ, стр. 257).

Николай Прохоров — третий сын Прохора Романовича Чернова, родился около 1813 г. (ревиз. сказка Болдина 1834 г., № 155). Сдан в рекруты в 1833 г. по второму наряду (ЩМ, стр. 257).

все старики лично меня просили отнестись к вам — о том же крестьяне просили А. С. Пушкина (срв. № 17, пункт 12). Систему поставки негодных рекрут А. С. Пушкин склонен был теоретически оправдывать. В «Мыслях на дороге» читаем: «Власть помещиков в том виде, как она теперь существует, необходима для рекрутского набора. — Без нее правительство в губерниях не могло бы собрать и десятой доли требуемого числа рекрут. Вот одна из тысячи причин, повелевающих нам присутствовать в наших поместиях, а не разоряться в столицах под предлогом усердия к службе, но в самом деле из единой любви к рассеянности и чинам. Очередь, к которой придерживаются некоторые помещики-филантропы, не должна существовать, пока существуют наши дворянские права. Лучше употребить сии права в пользу наших крестьян и, удаляя из среды их вредных негодяев, людей, заслуживающих тяжелое наказание и проч., делать из них полезных членов обществу. Безрассудно жертвовать полезным крестьянином, трудолюбивым, добрым отцом семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалого, из уважения к какому-то правилу, самовольно нами признанному» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, 1933, т. V, стр. 606—607).

взыскание из Петерб. опекун. совета по двум займам — го этому взысканию Пеньковский внес 22 ноября 1833 г. Сергачскому земскому исправнику 2 375 руб. ассигнациями и 2 сер. рубля (включая за пересылку весовые и страховые) (ИРЛИ, № 4572. XXIII б. 110).

Семен Исакович Ганибал (ум. 1853) — сын Исаака (Саввы) Абрамовича (1747—1804) и Анны Андреевны, рожд. Чихаревой, родственник С. Л. Пушкина по жене. В 1830 г.—отставной артиллерии подпоручик. В 1833 г.—помощник контролера во временном отделении Комиссариатского департамента для решения старых дел.

по делам Александра Сергеевича — по перезалогу кистеневских крестьян.

Игнатий Семенов Сягин (р. 1772 г.)—О нем см. в подворной описи Болдина (№ 25) под № 3. В «Памятной книге Болдина 1833 г.» Пеньковский записал: «Я по вступлению моем в управление в село Болдино по даной мне доверенности от господина Сергея Львовича Пушкина нашел ослушным против моих приказаний и недостаточным исправлять должности бурмистра Игнатия Семеновна Сягина, при собрании всех стариков устраняю от его должности, которую правил по сие время. Ноября 20 дня 1833 года» (ЩМ, стр. 252).

Денис Иванов Наловин (р. 1799 г.) — о нем см. в подворной описи Болдина (№ 25) под № 152.

№ 19. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1833 г. Декабря 11

Декабря 11-го дня 1833 года.
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

На прошедшей почте я вас уведомлял о продаже ржи, и полагал по етой почте доставить деньги остальные. Покупщик прислал своего человека принимать рож без денег 9-го числа сего Месяца, 10-го воскресение насыпал, 11-го коньчил и отправил к ночи в Село Кемлю на винокурнии завод, самже завтра отправлюсь для получения расчету — по етому случаю до будущей почты осталась отправка денег.

Сего числа на Имя Семена Исаковича посылаю к Вам собраннаго мною, Рожественскаго оброка 500 рублей Асыгнациями. Покровскаго же оброку неизвестно мне сколько следует с Крестьян, они говорят, что Михаил Иванов брал с некоторых в Апреле Месяце, когда нужны были деньги в уплату в Опекун: Совет, но неизвестно сколько, и от каго; по книгам шнуровым етого невидно — Кроме того я нахожу по об[ъ]явлению Крестьян, что были присылаемы из Уральска Крестьянами деньги вщет оброка за прошедшие части Года, кото-

рые деньги тоже не обозначены в Приходе, очем по прибытию Михайла Иванова, справлюсь и, если получу оные деньги, немедленно к Вам перешлю — Мне известно, что Мих: Иван: в первых числах Декабря Месяца из Нижнего отправился в Москву.

Я принял от Михайла Иванова всей ржи 525 Четвертей — и в том числе находится Сельской Крестьянской ржи небольшое количество — ожидаю Михаи: Иванова для отобрания подробных отчетов, очем незамедлю об оных донести —

Рож по первой пути зимней одешевела, не болей на базарах как по 20 рублей за четверть плотят — Я полагаю, что после Рожества возвысятся цены — вчем и ожидаю Вашего Приказания, когда оную продавать —

Очем доношу с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковую же преданностью Ваш

Милостивый Государь
Всепокорнейший Слуга
И. Пеньковский.

в село Кемлю на винокуренный завод — село Кемля при р. Алатыре, Лукояновского уезда. В 30 верстах от Болдина. Винокуренный завод принадлежал помещику Григ. Столыпину.

были присылаемы из Уральска крестьянами деньги в счет оброка — многие оброчные болдинские крестьяне ходили в отхожие промыслы на Урал. Из 90 оброчных крестьян в 1830 г. одиннадцать человек присылали оброк с Урала (по оброчной книге 1830 г.—ИРЛИ, 4561. XXIII б. 99).

№ 20. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1833 г. Декабря 18

18-го Декабря 1833 Года
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

Получил я первое приказание ваше из Михайловскаго 21-го Ноября на щет рекрутских повинностей, и куда к Вам адресовать письмы и посылки. Второе получил 12 Декабря, из котораго понял Вашее ко мне неудовольствие, на щет моего молчания. Причем и прошу МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧЬ Вашего снисхождения! по вступлению моем в Управление я нашел взыскание Опекунского Совета, которое поступило до моего приезда за две недели, я полагал, что об этом Вас известил Михаил Иванов, и так росчитав время тем болей незная, куда к Вам наверно адресовать, ожидал вашего приказания—о мерах мною принятых для устранения описи просил лично Александра Сергеевича сообщить Вам, что я хочу за продать рож и внести взыскание Опекун: Сов: — продлил малое время в продаже ржи, собственно для Вашей выгоды, мне сначала давали за Четверть то есть за 10 пуд: 5 фу. 19 р. — и по 19 с полтиною — в так невыгодной продаже прибегнул к Сергачскому Исправнику Сергею Петровичу Званцову, дабы не приступал к описи имения на короткое время, покуда не от-ищу выгоднаго покупщика — в чем и успел. О продаже ржи я вам доносил — при условию с покупщиком 22 Ноября получил 2000 руб: и онже обязался 5-го Декабря прислать своего человека для принятия купленной ржи, в место того прислал 11-го числа без денег; по доставлению в Село Кемлю получил с полна деньги 13-го Декабря, по этому случаю никак невозможно было оные прежде доставить.

Сего числа отправляю из Экономических доходов за проданную рож 2200 руб. асыгнац: щитая на каждый рубль по 13 ко., промен

полуимпериялов 21 штука каждой по 21 рублю, целковиков 31 штука каждой по 4 ру[б]ли — Всего по означенному Курсу 3051 рубль —

Об[ъ]явлено мне Купцом Черкасовым 22 Декабря, что Михаил Иванов занял у него 1500 руб: монетою. в Условию Михаил Иванов обязался оную Сумму выплатить по 1-е чи: Генваря Мсца 1834 году — если не выплотить этой Суммы до Новаго Году, тогда по условию на выше сказанную сумму должен заплатить 450 рублей проценту. оные деньги как мне известено были заняты весною в уплату Опекун: Совета, очем Вас извещал Михаил Иванов. Я намерен еще 100 четвертей ржи продать до новаго году для уплаты оной Суммы, мне уже известно, что в Зяблицком погосте на пристани плотят за 10 пуд. 5 фун. по 22 с полтиною — ростояние от Села болдина в оной погост 190 верст —

Лично мне приказали обротить внимание, куда девается Сено в Селе Болдине, покосу сколько находится мне еще не известно и сколько онаго выставлено нонишнего лета—налицо находится очень мало — в прошедших Месяцах весною в Апреле и Марте куплено Сена для Лошедей на мирской щет Михаилом Ивановым на 25 руб. 65 ко. очень может быть, что до травы не достанет наличнаго Сена — и в будущей весне придется покупать опять — Лошедь одна рыжая щитают Барскою — протчие — 3 Лошеди, 4 штуки рогатого скота, 5 овец Михайлы Иванова —

Последния отправка Никона Семенова в Село Михайловское на 335 руб: оброчных денег, неизвестно получены ли оные деньги Вами —

Набудущей почте вышлю часть оброка Кистеневскаго —

Принял от Михайлы Иванова ржи Вашеи 510 Четвертей, обозначил более в прошедшим донесению — отчислено с оной 15 четв: в Сельской Магазейн — по прибытию Мих: Ив: из Москвы принимаю подробной отчет во всех частях — Очем доносит с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковую же Преданностию

Ваш Милостивый Государь
Всепокорнейший Слуга
И. Пеньковский.

просил лично Александра Сергеевича — во время его пребывания в Болдине осенью 1833 г.

купец Черкасов — ардатовский купец Иван Фомич Черкасов. См. № 14. Черкасов давал деньги взаймы.

Зяблицкий погост — сведений не имеется.

Никон Семенов — кистеневский бурмистр. См. о нем по Кистеневской подворной описи № 79.

№ 21. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1833 г. Декабря 19

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь,

поприезде Моем Спешу Собрать Хотя рублей 1000-чу из 3 части вопекунский Совет Даваши 1000 рублей, Которыя остановлены оным Советом, то очень бы хорошо, Естьли бы Зачли, то уже почти Загод проценты, Неможноль вашей Милости перезаложить в 37-й летний банк. Естьли будет прибавка, Хотябы Напроценты Зачли; Авпредь поращету изъоброчной Суммы, взносили, Сколько причитатся будет. Адостальныя позаплате, вашей Милости доставлять, Накистеневския Души Надъбавочной Ссуды ибатюшки Невыдадут Занедостатком

Земли, окроме что может на 76-ть Душ взять по 200 рублей под Залог, впродчем воля ваша! Ядаже хотел насто душ ито Невозможно, то Сказали, что инапятдесят Душ Невыдадут Нетолько на 200 душ; в Продчем, что возможно в пользу вашей Милости ничего изъвиду неупущу! Я Просил павла воиновича ион посылал, Затем, Кто поетому Сталу Служит, то итот Сказал, что Невозможно. Я иСам просил откого Ето Зависит, побещал поприказу Павла воиновича Подарить, начто Сказал, что юную Сумму разделють пополам, ито нельзя, Засим Честьимею Пребыть Съистинным Моим высокопочитанием и Преданностию

Ваш Милостиваго Государя всенижайший раб
Навсегда пребуду

Михаил Калашников.

19 Декабря 1833-го года.

Старуха моя и дочь Кланяются, итак худа толки что жива инога распухла до поясницы и все вдоль идет, что бог даст незнаем.

На обороте карандашом рукой Пушкина:

	48
	20
	960
292 # 50	24
	936
payé à Gambs	10
—	50
	4—
	1000—

Писано писарской рукой. Рукой Калашникова — подпись и приписка. На обороте карандашом помета А. С. Пушкина.

по приезде моем — в начале декабря М. И. Калашников был в Москве.

1000 из 3 части — имеется в виду декабрьская треть оброка за 1833 г. по Кистеневке (часть А. С. Пушкина).

на кистеневские души надбавочной ссуды и батюшке не выдадут за недостатком земли — еще в феврале — марте 1833 г. П. В. Нащокин писал Александру Сергеевичу: «Наконец получил твое свидетельство, которое тебе и отсылаю, ибо оно никуда не годится: нет по пяти десятин на душу, ты сам увидишь из оного — и потому добавочных не дают; к сему еще разногласие с прежним свидетельством: там 545 десятин, а здесь более» (Ак. П., III, стр. 10). После того как Калашников сам побывал в Москве у Нащокина, последний сообщил Пушкину: «Управитель твой приехал, бумагу выправил, а денег опять не дадут; ибо я тебе и писал и сказывал сколько раз, что надо по пяти десятин на душу, а у него опять только по 3—было прежде по 2. Ему надо ехать домой, а мне перестать писать» (письмо от декабря 1833 г.; Ак. П, III, стр. 64).

может на 76 душ взять по 200 рублей под залог—в Кистеневке было 474 души; в 1827 и 1828 гг. С. Л. Пушкин заложил по сто душ (всего 200); выделенных и заложенных А. С. Пушкиным было также 200 душ, оставалось 74 (76)—свободных.

и так худа — имеется в виду жена М. И. Калашникова.

292 р. 50 payé à Gambs — уплочено Гамбсу. Арист Гамбс — краснодеревщик и мебельщик в Петербурге. Он обставлял квартиру Пушкиных. Сохранилось три счета Гамбса Пушкиным; один опубликован М. Д. Беляевым в книге «Квартира, где умер Пушкин». Л., 1930, стр. 15—16 и два подготовлены к печати М. А. Цявловским для книги «Будни Пушкина». Счета на сумму около 1 700 руб. После смерти Пушкина опека уплатила 772 р. для покрытия задолженности Гамбсу. Что касается обозначенной Пушкиным цифры, то сумма в 292 руб. согласно второму счету из книги «Будни Пушкина» получена Гамбсом в счет оплаты 30 января 1834 г. Относительно правого столбца исчислений Пушкина представляется затруднительным определить, к чему они относятся.

№ 22. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1834 г. Января 1.

Генваря 1-го числа 1834 года
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

Собрано Декабрскаго оброку из Крестьян Кисьтеневских 600 руб: Асыгн: из Болдинских 100 руб. ассыг:, которой посылаю на Имя Семена Исаковича — Причем Доношу Сергею Львовичу, что я запродал ржи 71 Четверть, каждая весом по 10 п. 5 ф. по 21 руб. 25 ко., и 25 Четвертей темже весом по 21 руб. 50 ко., за оную рож давали мне Купцы Зяблицкаго Погоста по 24 руб: с доставкою к ним за 190 верст, очем я объявил Крестьянам, ониже, Крестьяне, согласились доплатить по Существующей цене в Зяблицком погосте — запроданная рож на месте не вся получена Купцом, Задатку получено за оную рож 1710, из которых денег уплатил долг забраный Михайлом Ивановым Купцу Черкасову 1500 руб. монетою, остальные к Вам пересылаю золотом 210 руб: всего 910 руб. в нонишней отправке — как скоро отдам запроданную рож и от Крестьян соберу добавочные деньги, немедленно перешлю сполна к Вам оные —

Крестьяне Болдинские должны посторонним лицам до 800 руб. Подущины 600 руб. за прошедший год в Казначейство — Хлеб у редких Крестьян находится. Промысел ихнии Саньми, которой поддерживал в недостатках, нониче продают Сани, которые себя стоят рубль, продают по 60 ко. и менее.

Кистеневские Крестьяне должны посторонним лицам 300 руб:, подущины 350 тоже запрошедший Год. Хлебом нуждаются, Промысел оных в тканью рогоз нетребуется, за самую малую цену должны продавать. Из Болдинских Крестьян некоторые желают покупать рож из Вашего Анбара, прошу Вас назначить цену для оных. Цена существует в блиском ростоянии по базарам не более 22 рублей за Четверть в 9 мер — очем ожидаю Вашего приказания. Баршиной обмалачиваю овес, в етом Месяце окончу молодьбу —

Отчеты от Мих: Иван: еще невсе принял — Прошу меня известить, Милостивый Государь Сергей Львовичь, накаком положении должен жить Мих: Иван: Я в прошедшем письме Вас уведомлял, сколько у него находится скота и Лошедей. Принемже живет и его Дочь замужная — ея Муж в Москве. —

Я очень болен глазами другая неделя, занятие безпрерывное никак не дозволяет вылечится —

Присем посылаю для сведения Вашего Копию Условия, которое уничтоженно при уплате 1500 рублей —

Очем доносит с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковую же Преданностию Ваш

Милостивый Государь
Всепокорнейший слуга
И. Пеньковский.

крестьяне болдинские должны подушины 600 руб. за прошедший год — подушная подать всегда собиралась сверх оброка, т. е. не помещик платил подушные деньги из собранного оброка, а крестьяне раскладывали их между собою сообразно с количеством земли, находившейся в пользовании каждого, и затем вносили за себя чрез своих вотчинных властей (Семевский, «Крестьяне...», I, стр. 362) ...«господа мало заботились о том, чтобы их крестьяне имели возможность аккуратно вносить подати; как бы ни был тяжел оброк, помещик обыкновенно принуждал вносить его аккуратно в известные сроки, между тем как в государственных податях накоплялись недоимки за несколько лет» (там же, стр. 361).

на каком положении должен жить Мих. Иван. — в доверенности, выданной С. Л. Пушкиным Пеньковскому, значится: «От управляющего в селе Болдине крепостного жены моей человека Михайлы Калашникова принять в свое ведомство по имеющимся у него книгам и документам и, буде имеются наличные из моих доходов деньги, то оные, тотчас от него приняв, доставить ко мне» (ЩМ, стр. 231). Н. О. Пушкина писала дочери 13 октября 1833 г.: «мы только что отправили в Болдино нового управляющего взамен Михайлы» (Письмо неопубликовано; хранится в ИРЛИ).

дочь замужняя, ее муж в Москве — Ключаревы.

посылаю копию условия — на запродажу хлеба Черкасову. См. № 14.

№ 23. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1834 г. Января 16

Генваря 16-го числа 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

Получил я письмы Вашие, писанные от 18-го Декаб: и 3-го Генваря, в последнем приказываете узнать притчину о недостатках Крестьян, очем доношу: в 1832 и 33-м году, как мне известно, были неурожае, при томже и упущение в хлебопашестве, незнаю еще от ленности Крестьян или от безпечности бывших начальников, как Вам угодно об етом судите.—Я Вам истинно доношу, что в будушие лето нада опять ожидать неурожаю, по притчине той, поля Крестьян многих незасеяны, по большой части запроданны чужим Крестьянам и своим, которые пекутся облаге за самую малую цену. Это я знаю от крестьян при сборе оных, мне лично об[ъ]явили, что более 50 Четвертей засеяно на их полях чужими крестьянами —

Болдинская земля непременно требует удобрения. Крестьяне некоторые старательны, возют позем на пашьню, однако редкие, удругих просто валяется по дворам позем, или вывозют на улицу, дабы очистить двор — Селовая пашня тоже требует удобрения, очень хорошо былобы за вести скотской двор, без етаго невозможно удобрить земли, естли Вам угодно будет в этую главную статью обратить внимание, вчем пользы не малой можно ожидать, сообшаю Вам, что можно прокормить скотины 150 штук Соломой, которая ежегодно продается, при томже Кистеневские Крестьяне еже годно продают луга, етую часть можнобы употребить на скотной двор — вдруг завести невозможно, нужно употребить немалую Сумму, без употребления оной современем можно успеть — принял я от Мих: Ив: Овес в снопах и за солому получил 150 руб: еслиже к етим деньгам прибавить 100 р. или 150 из Селаваго доходу, на первой случай довольно суммы 300 р. на покупку скота — ожидать буду Вашего повеления, полученны[е] мною деньги за солому Яровую прислать к Вам, или употребить на Завод скотины —

Отчету по Книгам оброчных Сум еще неполучил от Мих: Ив: за 1832 и 1833 год, в отправке денег к Вам и разные расходы против Приходу оказалось лишних до 2000 рублей, теперь же Мих: Ив: от кого именно получены деньги записывает в приход. Истено доношу Вам, что такие безпорядки были в денежных сборах и в таком теперь запутании, не известно, наком недоимка, на Мих: Иван:, на Бурмистре, или на Крестьянах — делаю перекличку с Крестьянами; как по справке окажется, донесу об этом; с бывшаго Бурмистра Игнатия Семенова при личных доказательствах взятые им деньги от Крестьян взыскиваю с него — Пишу подворную опись для сведения Вашего, которую доставлю немедленно —

Цена ржи в один Базар была возвысилась до 30 руб:, однако после того на прошедших двух базарах не дорожей была от 19 р. до 22 р. 50 ко. за Четверть в 9 мер —

В последнем моем письме обозначил запроданной ржи 96 Четвертей, доставил Купцу 81 Четверть 15 Чет.; недодал за каторые деньги небыли получены — за 81 Чет:, добавочные деньги за провоз не все собранны с Крестьян —

Отдано мною приказание Крестьянам, дабы отнють непродавали им принадлежащей земли, позем дабы вывозили на свои пашни. Лошедей непродавали, оброк и подущину дабы неотдавали никому, просто ко мне во всякое время лично приносили, ибез моего ведения дабы никаких между собою и с посторонними Крестьянами неделали покупок и продаж Строении, ине отлучались в дальния растояние —

Крестьяне же оброчные болдинские, которые ходят в Г. Уральск для заработков, оттуда мало оброку высылают, другие и ничего, в оправдание себя говорит, что больным пролежал целый год — етие заработки мало Вам пользы приносят, по моему мнению лутче былобы оставить етаких на месте, дабы занимались хлебопашеством, тогда более пользы былобы им же самим — Ноние принужден я отпускать тудаже, которым и приказываю строго в высылке оброка, по притчине недоста[т]ку их — нахожу выгоду, что таковых ненужно будет кормить Вашим хлебом, в близости нету никакаго средства, дабы могли себя прокормить и внести оброк —

Я посие время не могу оправится глазами, прикладывал мушку назатылок, после чего мало пользы чувствую —

Всепокорнейше Вас, Милостивый Государь Сергей Львовичь, Благодарю за Ваше лесное для меня желание. Я всегда буду молить о здравии у Всевышнего Вашем, и Милостивай Государини Надежды Осиповны — уног Ваших с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковую же Преданностию Ваш Милостивый Государь

Всепокорнейший слуга
И. Пеньковский.

п о з е м — навоз.

с е л о в а я п а ш н я — пашня, находившаяся в непосредственном распоряжении помещика и обрабатывавшаяся «рабочими» (барщинными) крестьянами.

п р и к а з а н и е к р е с т ь я н а м, д а б ы о т н ю д ь н е п р о д а в а л и и м п р и н а д л е ж а щ е й з е м л и — «покупать землю наши крестьяне могли только на имя помещика и притом с его согласия... Любопытно, что когда при имп. Николае, в 1848 г., было дозволено крепостным крестьянам и вообще помещичьим людям приобретать уже на свое имя, но все-таки с согласия помещиков, земли, дома, лавки и всякого рода недвижимые имущества (на отчуждение их тоже требовалось согласие помещика), то было при этом разъяснено, что если в прежнее время некоторыми крепостными были куплены земли, дома или лавки на имя помещиков, то никакие о том споры со стороны крепостных не допускаются и никакие розыскания по ним не делаются» (Семевский. «Крестьяне...», I. стр. 325—326). Крестьяне юридически не имели права собственности на недвижимое и движимое имущество, но фактически пользовались им. За последнее время эта любопытная страница крепостной России подверглась специальному изучению — см. В. Кашин «Землевладение крепостных крестьян». — «Крепостная Россия», сборник статей. «Прибой». Л., 1930. В описи нижегородских владений Пушкиных, составленной Пеньковским в связи с разделом между наследниками С. Л. Пушкина, читаем: «В сельцу же Кистеневу купленной кистенев. крестьянами на имя своего господина подполковника Петра Львовича Пушкина в 1821 г. у гвардии прапорщика Николая Петровича Беклемишева — 60 дес.» (ЩМ., стр. 260).

х о д я т в г. У р а л ь с к... о т т у д а м а л о о б р о к у в ы с ы л а ю т — срв. «Оброчную книгу на 1830 год», хранящуюся в ИРЛИ.

№ 24. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ.

1834 г. Января 23

Генваря 23-го дня 1834 Году
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

Пересылаю деньги за последнию продажу ржи 81-й Чет. в 10 пуд. 5 фу. каждая по 24 рубл., из оной продажи уплочено долг Купцу Черкасову 1500 руб:, в прошедшей от[п]равке к Вам переслано 210, остальные собранные с Крестьян за провоз 234 руб. монетою пересылаю — при сем оброчных Болдинских за Декабрскую часть 200 р. асыгнац: тоже Кистеневских 300 р. асыгнац: всего 734 рубли —

Овес на етой недели оконьчу молотить. Рижники же очень дурнаго поведения, по справке оказалось, что варуют хлеб сами и Крестьянам передают; от рижников Назара и Кирея отнял овса ими украденнаго 2 Четверти 4 Четверика, от Соцкаго Кузьмы Максимова, которой надсматривал за сохранностию, очередовался со старостами и ночевал через два дня в ригах, унего тоже отнято 4 Четверика, у Крестьянина Ивана Сивохина 5 Четвериков, у Крестьянина Прокофья Шарагина 4 Четверика, всего Овса 4 Четв. 1 Четверик, и тутже отъкрылось, что рыжники воровали рож во время молодьбы, которая до меня обмолочена, в чем исознались. Я отнял ржи ими запасенной 1 Четверть — рижникам дается поля и засевают оныя для своего пропитания — у них посие время всегда был урожай — Выше означенные лицы по Мирскому приговору наказанны, в том числе замешанна была Солдатка, которая по ночьям приходила к Соцкому в риги и таскала Овес торбами — выгнана из Села в наказание в пример оставшимся —

Третего дня на Базаре болдинском тоже отличились Искуством воровства Ефим Захаров (: окотором я во первом донесению представлял:) с двумя подобными себя товарищами, Агафоном Понкратьем и Егором Ивановым, украли днем с базару лошедь съупряжкою, у вора же Язовскаго Села, после таго вечером в сумерке разломали анбар Крестьянской и унесли разные вещи — по об[ъ]явлению Крестянина одновотчиннаго в покраже его, тот час предпринял меры и мои труды остались небез успеха, отискав все изобличенные воры повинились во всем ипо мирскому договору оных телесно наказал — Лошедь представил в Земской Суд, с об[ъ]явлением, что после базару найденна в Селе без хозяйна.—

Доношу Вам Сергей Львовичь, что очень в неудобном месте Гумно построенно, от дому до Гумна две версты без малаго, никак невозможно усмотреть всего, притомже риги очень старые, печьки складенны в опасных местах, от оных два раза стена была загоревшись; усмотрено было рижниками, за что их нагродил 3 р. 40 ко. — нужнобы непременно перенести и Анбары, тоже которые у Гумна построены, место для Гумна удобное от приезда с Села Абрамова на правой стороне, где неподалеко и Кладбищы — для Анбаров нужнобы снести Крестьянской двор на против Барскаго двора и другой за прудом угловой, на сию перестройку нужно лесу, — очем буду ожидать Вашего приказания с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковуюже преданностию

Ваш
Милостивый Государь
Милостивый Государь
Слуга
И. Пеньковский.

рижник Назар — быть может это Назар Васильев Казин. О нем см. Болдинскую подворную опись, № 6.

Кирей — о нем находим в показаниях Тимофея Пядашова по поводу собственного воровства: «крал рожь и привозил в свой дом, тоже рыжник Кирей за шубу давал барской овес 4 четверика ему же, Пядашову» (ЩМ, стр. 255).

соцкий Кузьма Максимов — о нем см. Болдинскую подворную опись, № 44.

Иван Сивохин — Иван Федосеевич Сивохин (р. около 1797 г.); жил в одной избе со своим двоюродным племянником Михеем Ивановичем (Еримеевым) Сивохиным (р. 1806 г.), который в начале нашего века столетним стариком в качестве очевидца рассказывал о жизни Пушкина в Болдине А. И. Звездину (срв. его очерк, стр. 4—5; в ревизской сказке Болдина 1834 г. Сивохины значатся под № 90).

Прокофий Шарагин — о нем см. Болдинскую подворную опись, № 42.

Ефим Захаров — о нем. см. письмо № 17.

Агафон Понкратий — по подворной описи Болдина известен Агафон Протасов (№ 73).

Егор Иванов — это Егор Иванович Кокорев; в подворной описи Болдина значится под № 128.

вор Язовского села — Яз (Болдино тож) — большое казенное село Лукояновского уезда при р. Язе, верстах в пятнадцати от пушкинского Болдина.

два раза стена была загоревшись — в «Памятной книге села Болдина» под 5 ноября 1833 г. читаем: «ночью из печки рижной стена выгорела и уже огонь с наружи стены усилился. Рижник усмотрел, за что награды дано мною [Пеньковским] 2 рубля монетою» (ЩМ, стр. 253).

от приезда с села Абрамова — со стороны Сергачского уезда. Об Абрамове см. письмо № 28.

№ 25. ПОДВОРНАЯ ОПИСЬ

Крестьян Села Болдина и Сельца Кистенева с показанием, Сколько на каждом семействе раскладных тягол; сколько Скота Иразнаго хлеба, учиненная Управляющим Иосифом Матвеевым Пеньковским Прибурмистрах и Старшинах! Генваря дня 1834 года!

ПОДВОРНАЯ ОПИСЬ

1834 года Генваря дня Крестьян Села болдина Сколько именно находится разнаго Скота ихлеба, прионой Описи находились Старшины, бургмистр-денис Иванов; андрей Иванов, Михайла васильев, Козма Сергеев, Михайла Иванов

№	А именно:	Тягли		Скот				Хлеба ржаной		Хлеба Еровой	
		оброчные	Рабочие	Лошади	Коровы	Овец	Свиней	Четверти	Четверик[и]	Четверти	Четверик[ки]
1	Яков Семенов	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
2	Семен Захаров	—	2½	2	1	3	—	—	—	2	4
	бывший бурмистр:										
3	Игнатий Семенов Сягин	2	—	5	3	10	6	5	—	6	—
4	Тимофей Михайлов пядашов	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
5	Павпл Васильев	½	—	—	1	—	—	—	—	—	4
6	Назар Васильев Казин	1	—	—	1	—	—	—	2	—	1
7	Агафон Артемьев	—	1½	1	—	1	—	—	—	—	—
8	Семен Васильев Козлец	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—
9	Андрей терентьев Шумов	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
10	Николай Степанов	1¼	—	3	3	6	3	6	—	4	4
11	Александр Ильин	1	1¼	1	1	—	1	3	4	4	—
12	Василий афанасьев	—	2	2	2	—	—	—	2	3	—
13	Фрол Акимов	—	1	1	2	3	—	—	2	2	—
14	Андрей Григорьев Елаксин	1	2	2	—	—	—	—	—	—	—
15	Степан Егорьев Елаксин	1¼	—	2	2	7	—	5	—	6	—
16	Алексей Степанов	—	1	1	1	—	—	3	—	4	—

№	А именно:	Тяглы		Скот				Хлеба			
								ржаной		Еровой	
		оброчные	Рабочие	Лошади	Коровы	Овец	Свиней	Четверти	Четверик[и]	Четверти	Четверик[и]
17	Денис Федоров	1	1/2	1	—	—	—	—	—	—	—
18	Василий Архипов	—	1	1	1	—	—	—	3	1	2
19	Игнатий Никифоров	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Иван Матвеев Сковородо[в]	—	1	1	1	—	—	—	—	2	4
21	Иван Федоров Шумов	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
22	Иван Тимофеев	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—
23	Никита Кондратьев	—	1	1	1	—	—	—	—	1	—
24	Антон Ильин	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	Филип Герасимов ичок[?]	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
27	Ефим Захаров	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—
27	Агафон Сергеев	—	1	1	1	—	—	2	—	2	—
28	Федор Лаврентьев	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—
29	Степан Афанасьев	—	2	4	2	10	3	—	—	7	—
30	Алексей Григорьев приняг[ин]	—	1	1	1	2	—	2	—	—	5
31	Михайла Васильев	2 1/2	—	6	2	15	2	6	—	12	—
32	Кондратий Григорьев	—	1 1/4	3	3	8	2	5	—	5	—
33	Максим Иванов	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
34	Антон Ларионов	1	—	—	2	—	—	2	—	—	—
35	Дементий Петров	1	—	4	2	—	4	6	—	5	—
36	Иван Степанов Крючков	1	2	2	1	6	1	—	—	4	—
37	Максим Иванов	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
38	Григорий Костин	1/2	1	1	—	—	—	—	—	—	—
39	Влас Степанов	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
40	Иван филипов Савинов	—	2 1/2	2	—	—	1	—	—	—	—
41	Данила филипов	—	1 1/2	2	—	2	—	1	4	—	6
42	Прокофей Сергеев	—	1	1	2	2	1	—	—	—	6
43	Степан Данилов	1/2	—	1	—	2	—	—	—	—	—
44	Козма Максимов Соцкой	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
45	Фрол Иванов Брыков	1/2	1	1	—	—	—	—	—	—	—
46	Тарас Никитин	—	1	1	1	2	2	—	3	2	4
47	Михайила Борисов	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
48	Тихон Кирилов	2	2	2	—	—	3	4	—	2	—
49	Иван Матвеев	1	—	1	1	—	1	3	—	1	2
50	Андрей Иванов	2 3/4	2	3	3	5	—	5	—	6	—
51	Андрей Максимов	—	2 3/4	4	2	—	2	5	—	12	—
52	Николай Ананьев	2 1/4	—	2	3	10	2	6	2	5	—
53	Карнила Никифоров	1 1/2	1	—	—	—	—	—	—	1	—
54	Ефим Герасимов	—	1 1/4	4	2	10	1	6	—	6	—
55	Игнатий Семенов	1	2	3	2	4	4	5	—	7	—
56	Алексей Семенов	—	1 1/2	—	—	2	—	—	—	—	4
57	Максим Матвеев	—	2	2	—	3	—	—	—	1	2
58	Агафон Матвеев	1/2	—	—	—	2	—	—	—	1	—
59	Логин Дмитриев	—	1 1/4	2	1	2	—	2	—	—	4
60	Никита Дорофьев	2	1	3	1	1	—	2	2	3	—
61	Платон Семенов	—	1	2	1	3	—	—	—	—	4
62	Петр Евдокимов	—	1 3/4	1	1	2	2	—	—	1	1
63	Иван Куликов	1	1	2	—	—	—	—	—	2	—
64	Яков Степанов бодр.	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
65	Лаврентий Максимов	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
66	Ларион Масляник	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
67	Ефим Гаврилов	1 1/4	—	2	1	6	—	—	—	1	4
68	Иван Гаврилов	—	1	1	1	—	—	—	—	2	—
69	Григорий Степанов	1	1	3	1	2	—	2	—	—	4
70	Сергей Иванов	1	1	1	—	—	—	—	—	2	—
71	Сергей Никитин	—	1 1/2	1	—	—	—	—	—	—	—
72	Никита Терентьев	1	2	2	—	—	—	—	—	—	—
73	Агафон Протасов	—	1 1/2	2	1	4	—	1	4	3	—
74	Григорий Протасов	—	1 3/4	2	1	3	—	2	—	5	—
75	Никита Андреев	—	1	1	—	—	—	—	—	—	6

№	А именно:	Тяглы		Скот				Хлеба			
								ржаной		Еровой	
		оброчные	Рабочие	Лошади	Коровы	Овец	Свиней	Четверти	Четверик[и]	Четверти	Четверик[и]
76	Егор Филипов	1/2	1	1	—	—	—	—	—	1	—
77	Афанасий Филипов	—	1 1/4		—	—	—	—	—	—	—
78	Григорий Лазарев	—	1	1	1	2	—	—	—	1	—
79	Петр Никитин	1	1/2	1	—	—	—	—	—	—	—
80	Михаила Платонов	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
81	Никита Ильин	1 1/2	—	1	1	5	—	2	—	2	—
82	Антон Михайлов	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—
83	Кирила Иванов	2	—	2	1	2	—	—	4	1	4
84	Спиридон Ананьев	3/4	1	—	—	—	—	—	—	—	—
85	Яков Лабанов	2	1	4	2	7	2	5	—	8	—
86	Агафон Андреев	—	1/2	1	2	—	—	—	—	—	—
87	Степан Павлов	1 1/4	1	5	3	4	—	11	—	20	—
88	Андрей Тимофеев	2 3/4	—	3	3	5	6	16	—	18	—
89	Артемий Максимов	1 1/2	—	4	3	6	—	20	—	12	—
90	Кузма Сергеев	3 1/2	—	5	4	10	5	25	—	15	—
91	Василий Иванов	—	2 1/2	2	2	—	—	1	—	5	—
92	Максим Тиханов	—	1 1/2	1	1	3	2	—	—	1	2
93	Максим Смакухин	1/4	1	2	1	1	—	5	—	8	—
94	Алексей Смакухин	1	1	1	—	—	—	—	4	—	4
95	Иван Федосеев	—	1	1	—	—	—	—	1	—	4
96	Федор Иванов	—	1	2	—	3	1	2	—	1	4
97	Денис Никифоров	—	1/2	1	—	3	—	—	—	—	6
98	Лазарь Антонов	1/2	—	—	1	1	—	—	—	—	2
99	Дмитрий Осипов	—	1/4	1	1	2	2	—	—	1	—
100	Семен Гаврилов	—	1 3/4	2	1	4	1	2	4	2	—
101	Афанасий Никифоров	—	2	2	3	4	2	3	—	4	—
102	Максим Игнатьев	1	—	—	1	2	—	—	—	—	—
103	Александр Ефимов	2 3/4	—	3	4	10	1	7	4	7	—
104	Григорий Сергеев	1	—	1	1	—	—	—	—	2	
105	Иван Петров	1	—	1	2	—	1	2	4	2	—
106	Максим Слепой	1/2	—	1	—	—	—	—	—	4	—
107	Алексей абрамов	—	1	—	—	—	—	—	—	—	
108	Евдоким Антонов	—	1	—	—	—	—	—	—	—	4
109	Андрей Антонов	—	1 1/4	1	—	2	—	1	—	3	—
110	Михайла Иванов	4	—	5	4	10	3	12	—	16	—
111	Василий Иванов	—	2 1/2	3	2	7	3	2	—	4	—
112	Андрей Семенов	2	—	2	2	2	3	2	—	3	—
113	Семен Гаврилов	1 1/2	—	1	2	3	—	2	2	3	—
114	Анисим Романов	1	—	2	1	2	1	2	4	3	2
115	Иван Семенов	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—
116	Степан Тарасов	—	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—
117	Илья Иванов	1	—	—	1	4	—	—	—	1	2
118	Алексей Иванов	—	1 1/2	1	—	—	—	—	—	—	—
119	Иван Никонов	1	1	2	1	6	—	—	—	2	—
120	Денисс Степанов	—	3	2	—	—	—	—	—	—	6
121	Карнила Гаврилов	3 1/2	—	4	1	3	—	5	—	8	—
122	Иван Васильев	—	1 3/4	2	—	—	3	—	—	1	2
123	Андрей Васильев	—	3	2	1	3	—	2	4	1	4
124	Макар Протасов	1 3/4	—	2	2	10	2	7	4	5	5
125	Константин Гаврилов	2	1	3	2	7	3	10	—	7	2
126	Ефрем Святликов	1	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—
127	Иван Григорьев	—	1 1/2	2	2	5	3	5	—	2	4
128	Егор Иванов	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3
129	Фрол Евдокимов	1	2	2	2	5	1	2	—	4	—
130	Никита Торгашов	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
131	Иван Лазарев	—	1	1	—	1	—	—	—	—	6
132	Прохор Раманов	3 3/4	—	3	3	5	2	7	4	9	—
133	Влас Кузмин	1	1	2	1	3	—	—	—	5	—
134	Филип Герасимов	—	1 1/4	1	—	—	—	1	—	2	—

№	А именно:	Тяглы: оброчные	Тяглы: Рабочие	Скот: Лошади	Скот: Коровы	Скот: Овец	Скот: Свиней	Хлеба ржаной: Четверти	Хлеба ржаной: Четверик[и]	Хлеба Еровой: Четверти	Хлеба Еровой: Четверик[и]
135	Иван Алексеев	—	2 1/2	2	1	4	3	—	4	2	—
136	Яков Козлов	—	1	1	1	—	—	—	—	1	4
137	Кирила Иванов	1	—	2	2	4	—	5	—	2	2
138	Захар Никитин	—	2	1	1	—	—	—	—	1	—
139	Игнатий Сидоров	—	2	1	—	1	—	—	4	1	—
140	Иван Петров	—	2 1/4	2	—	—	—	—	—	1	2
141	Гаврила Макаров	—	1 3/4	2	1	2	—	—	—	1	—
142	Никита Петров	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
143	Яков Максимов	—	1 3/4	2	1	6	—	—	—	1	—
144	Андрей Тивиков	—	1 3/4	3	1	—	5	—	4	2	—
145	Гаврила Никитин	—	2 1/4	3	1	6	4	2	2	6	2
146	Степан Григорьев	1	1 1/4	1	—	—	—	—	—	—	3
147	Никифор Касалапай	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
148	Андрей Акимов	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
149	Агафон Григорьев	2	—	3	2	6	2	12	—	12	—
150	Степан Николаев	—	1 3/4	2	—	—	4	1	4	2	—
151	Федор Андреянов	1 1/2	—	—	1	—	3	1	—	4	4
152	Денис Иванов	—	2	2	2	—	—	5	—	8	—

А всего по сей описи находятся увсех Крестьян	Тяглы: оброчные	Тяглы: рабочие	Скота: Лошадей	Скота: Коров	Скота: Овец	Скота: Свиней	Хлеба ржанаго: Четверти	Хлеба ржанаго: Четверо[ники]	Хлеба Ероваго: Четверти	Хлеба Ероваго: Четверики
оброчных тягол	103 1/2									
рабочих	—	140 1/2								
Лошадей	—	—	223							
Коров	—	—	—	144						
Овец	—	—	—	—	312					
Свиней	—	—	—	—	—	110				
ржанаго хлеба	—	—	—	—	—	—	290	—		
Ераваго хлеба	—	—	—	—	—	—	—	—	391	7

Сию подворную Опись составлял лично Управляющий Иосиф Пеньковский

ПОДВОРНАЯ ОПИСЬ:

1834 года Генваря дня Крестьян Сельца Кистенева. Сколько именно находится скота разнаго и хлеба разнаго, прионом находились бурмистр Никан Семенов, Старшины Василпй Яковлев и Петр Семенов.

№	А именно	Оброчные: Четверушки	Скота: Лошади	Скота: Коровы	Скота: Овцы	Скота: Свиньи	Хлеба ржанаго: Четверти	Хлеба ржанаго: Четверо[ки]	Хлеба Ероваго: Четверти	Хлеба Ероваго: Четверо[ки]
1	Иван Николаев	1 1/2	1	1	3	2	—	—	1	—
2	Гаврила Григорьев	3	1	1	3	—	1	4	4	—
3	Тихон Игнатьев	2 1/2	—	1	—	—	2	4	1	4
4	Егор Родионов	7	3	2	7	1	10	—	6	4
5	Лазарь Родионов	4	2	3	8	3	8	—	3	4

№	А именно	Оброчные	Скота				Хлеба ржаного		Хлеба ярового	
		Четверушки	Лошади	Коровы	Овцы	Свиньи	Четверти	Четверики	Четверти	Четверики
6	Михайла Афанасьев	4	3	2	2	1	1	2	2	4
7	Иван Игнатьев	6	3	2	1	1	1	4	3	6
8	Малофей Осипов	1	1	1	2	—	2	—	1	—
9	Максим Васильев	3	1	—	—	—	—	—	—	4
10	Петр Семенов	3	—	2	4	2	4	—	3	—
11	Гаврила Семенов	4	2	1	2	—	1	—	3	—
12	Михайла Макаров	3	—	2	4	—	—	—	2	4
13	Петр Антипов	6	2	2	5	4	8	4	4	4
14	Евсей Якимов	5½	1	1	3	—	4	—	2	—
15	Козма Михайлов	8	1	1	1	2	—	—	3	—
16	Иван Филипов	3	—	—	—	—	—	—	—	—
17	Илья Тимофеев	3	—	—	—	2	2	—	1	4
18	Василий Яковлев	9	3	4	3	3	8	—	6	—
19	Василий Кузмин	2	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Федор Фадеев	4	1	2	5	1	—	—	1	—
21	Петр Егоров	4	1	—	3	—	2	—	1	4
22	Иван Егоров	2	—	—	—	—	—	—	—	—
23	Макар Кузмин	3½	1	1	1	—	—	—	1	4
24	Матвей Александров	2½	—	—	—	—	—	—	—	—
25	Дементий Макаров	2½	—	—	—	—	—	—	—	—
26	Семен Григорьев	8	1	4	—	2	10	—	4	—
27	Спиридон Григорьев	4½	1	—	3	1	—	4	4	4
28	Семен Васильев	4	1	1	—	—	—	—	1	—
29	Илья Васильев	5	1	1	—	—	—	—	2	—
30	Абрам барисов	4	—	—	—	—	—	—	—	—
31	Никифор Зотов	2	1	1	—	—	—	—	1	4
32	Антон Максимов	3	1	1	3	3	2	—	4	4
33	Кузма Димитриев	3	1	1	2	—	—	—	1	4
34	Зот Федоров	2½	—	—	1	—	—	—	—	4
35	Тимофей Федоров	6	3	6	—	1	12	—	6	—
36	Василий Игнатьев	5½	—	—	—	—	—	—	1	4
37	Григорий радионов	3	—	1	—	—	—	2	1	4
38	Семен Тимофеев	3	—	1	3	—	3	—	1	—
39	Роман Евдокимов	6	2	1	7	1	4	—	4	4
40	Антип Иванов	8	3	3	10	10	20	—	10	—
41	Степан Григорьев	3	—	—	—	—	—	—	—	—
42	Иван Васильев	6	2	1	4	4	6	—	3	—
43	Григорий Иванов	2½	—	—	—	—	—	—	—	—
44	Никифор Кузмин	8	1	1	3	—	4	—	3	—
45	Иван Якимов	4	—	—	—	—	—	—	1	—
46	Анофрий Михайлов	2½	—	1	3	1	1	—	1	4
47	Иван филипов	6	1	2	5	2	4	—	5	—
48	Максим Иванов	4	3	—	4	—	6	—	6	—
49	Ларион Степанов	2	—	—	—	—	—	—	—	—
50	Федор Андреев	3	1	1	—	2	2	—	3	4
51	Антон Михайлов	6	2	2	4	—	15	—	5	4
52	Григорий Семенов	2	—	—	—	—	—	—	—	—
53	Иван Андреев	4	—	—	—	—	—	6	2	—
54	Харитон Егоров	3	—	—	—	—	—	—	—	—
55	Дмитрий Якимов	5	—	—	—	—	—	—	—	—
56	Герасим Васильев	6½	2	1	6	—	5	—	4	—
57	Ермолай Иванов	2	—	—	—	—	—	—	—	—
58	Кандратий Антонов	2	—	1	3	—	—	—	—	—
59	Андрей Осипов	3	—	1	1	1	3	—	1	4
60	Никифор Алексеев	3	—	1	2	—	—	—	1	4
61	Денис Ефимов	1	—	—	—	—	—	—	—	—
62	Макар Константинов	8	3	3	12	2	7	4	8	—
63	Никифор Гаврилов	3	2	1	7	1	10	—	6	—
64	Герасим Родионов	7	1	4	10	3	8	—	7	—

№	А именно	Оброчные	Скота				Хлеба			
							ржаного		Ероваго	
		Четверушки	Лошади	Коровы	овцы	Свиньи	Четверти	Четверик[и]	Четверти	Четверик[и]
65	Осип Прокофьев	3	1	3	4	1	8	—	6	—
66	Андрей Сергеев	6	—	—	—	—	—	—	2	—
67	Константин Васильев	8	2	2	16	—	7	—	5	—
68	Гаврила Яковлеев	12	8	2	16	4	30	—	30	—
69	Иван Иванов	6	3	—	8	3	8	—	6	—
70	Иван Антонов	1½	2	1	5	3	5	—	6	—
71	Спиридон Архипов	2½	—	—	—	—	—	—	—	—
72	Терентий Ефимов	4	—	—	—	—	—	—	—	—
73	Алексей Иванов	6	1	1	4	4	5	—	4	2
74	Александр Павлов	3	1	1	3	1	5	—	2	2
75	Егор Павлов	9	4	4	8	2	14	—	8	—
76	Абрам Макаров	8½	1	2	3	3	8	—	5	—
77	Захар Максимов	5	2	4	7	—	7	—	4	—
78	Савелий Трофимов	2	—	—	—	—	—	—	—	—
	бурмистр:									
79	Никон Семенов	7	4	3	8	3	14	—	4	4
80	Гаврила Алексеев	6	1	3	—	1	3	—	4	4
	А всего посей описе увсех Крестьян Сельца Кистенёва									
	тягол	116⅛								
	Лошадей	—	90							
	Каров	—	—	96						
	Овец	—	—	—	232					
	Свиней	—	—	—	—	81				
	Хлеба аржанаго	—	—	—	—	—	304	2		
	„ Ероваго	—	—	—	—	—	—	—	243	6

Сию Подворную опись Составлял лично Управляющий Иосиф Пеньковский

Подворная опись охватывает домохозяев Болдина и Кистеневки в части С. Л. Пушкина. О ней писал последнему Пеньковский 16 января 1834 г.: «Пишу подворную опись для сведения вашего, которую доставлю немедленно». Дополнительные сведения к настоящему списку (по Болдину) находятся в ревизской сказке Болдина, помеченной 31 марта 1834 г., хранящейся в ИРЛИ (4573. XXIII б. 111). Извлекаем из нее недостающие данные о болдинских крестьянах настоящего списка, помещая их под теми номерами, под которыми значатся крестьяне в нашей подворной описи. В конце каждой справки проставляется в скобках цифра, соответствующая номеру, под которым даны сведения о данном лице в ревизской сказке. Так как в ревизской сказке проставлен возраст крестьян к 31 марта 1834 г., то точно исчислить год рождения каждого крестьянина нельзя (неизвестно, родилось ли данное лицо в первые четыре месяца года или последующие месяцы). Год рождения каждого исчисляется путем вычитания из 1834 цифры его возраста и, поскольку в каждом случае год рождения совпадает или с исчисленным годом *или* с предшествующим, то против исчисленного вышеозначенным способом года пишется: *около* (напр. род. около 1801 г.,—это значит родился в 1801 или 1800 г.).

Денис Иванов — о нем см. «Подворная опись» № 152.

Андрей Иванов — о нем см. «Подворная опись» № 50.

Михаила Васильев — о нем см. «Подворная опись» № 31.

Козма Сергеев — о нем см. «Подворная опись» № 90.

тяглы — по поводу дробного (с половинками и т. п.) исчисления тягол находим следующие разъяснения в «Письме степного управителя к товарищу о хозяйственных делах вверенного ему имения» (имение находилось на границе Рязанской и Тамбовской губ.): «Полутяглыми называются у нас молодые ребята от 15 до 18 лет, то-есть, до времени женитьбы, и отставленные из тягла, но еще в силах, которые тоже года три бывают в полутяглых, работают три дня в неделю на лошадях и исполняют почти все работы как и тягольные, кроме вывозки хлеба и работ в раздел во время рабочей поры. Кстати о мальчиках и стариках: мальчики с 12 до 15 лет и старики, отставленные из полутяглых, в

летнее время караулят по очереди поля; в зимнее время старики объезжают лес, смотрят гумно, а мальчики погоняют на машинах лошадей» («Земледельческая Газета» 1846 г., № 29 от 9 апреля, стр. 222).

л о ш а д и — о степени обеспеченности лошадьми крестьян Пушкиных можно судить по выкладкам того же «письма степного управителя». «Главная исправность степного крестьянина состоит в лошадях. Если есть у него хороших две-три лошади на тягло, да сбруя вся исправная, а к тому же он знает, что с него должное спросится, то он много сделает. У нас меньше двух езжалых лошадей на тягло ни у одного нет, а по три—и по четыре есть сплошь и рядом» («Земледельческая Газета» 1846 г., № 27 от 2 апреля, стр. 121).

1. Яков Семенович Козлов (р. около 1803 г.), жена Афимья, имел сына и дочь (№ 1).

2. Семен Захарович Ермушов (р. 1795 г.), жена Софья, имел трех сыновей и двух дочерей (№ 2).

3. Игнатий Семенович Сягин (р. около 1782 г.), жена Авдотья, имел сына (№ 4).

4. Тимофей Михайлович Пядашов (р. около 1804 г.), жена Агафья, имел сына (№ 5).

5. Павел Васильевич Слепов (р. около 1778 г.), имел двух сыновей и двух дочерей (№ 6).

6. Назар Васильевич Сумин (Казин) (р. около 1801 г.), жена Авдотья, имел сына (№ 8).

7. Агафон Артемьевич Таразанов (р. около 1785 г.), жена Марфа, имел двух сыновей (№ 9).

8. Семен Васильевич Тихонов (Козлец) (р. около 1788 г.), жена Татьяна, имел двух сыновей и дочь (№ 10).

9. Андрей Терентьевич Шумов (р. около 1796 г.), жена Василиса, имел двух пасынков, дочь и падчерицу (№ 11).

10. Николай Степанович Кокорев (р. около 1765 г.), жена Авдотья, имел приемыша (№ 12).

11. Александр Ильич Мельников (1804—1834), имел сына (№ 14).

12. Василий Афанасьевич Котонов (р. около 1788 г.), жена Софья, имел сына, двух дочерей и падчерицу (№ 15).

13. Фрол Акимович Хитин (р. около 1791 г.), жена Прасковья, имел двух дочерей (№ 17).

14. Андрей Григорьевич Елаксин (р. около 1800 г.) (№ 19).

15. Степан Егорович Елаксин (р. около 1789 г.), жена Анисья, имел двух сыновей и падчерицу (№ 20).

16. Алексей Степанович Шумов (р. около 1807 г.), жена Агафья, имел сына (№ 21).

17. Денис Федорович Таразанов (р. около 1773 г.), жена Пелагея, имел двух сыновей, двух пасынков и дочь (№ 22).

18. Василий Архипович Лукьянов (р. около 1805 г.), жена Дарья, имел дочь (№ 24).

19. Игнатий Никифоров (р. около 1811 г.), жена Арина (№ 25).

20. Иван Матвеевич Шарабанов (Сковорода) (р. около 1798 г.), жена Авдотья, имел сына и дочь (№ 26).

21. Иван Федорович Шумов (р. около 1809 г.), жена Алена (№ 28).

22. Иван Тимофеевич Грушин (р. около 1805 г.), жена Акулина, имел двух сыновей (№ 29).

23. Никита Кондратьевич Акимочкин (р. около 1805 г.), жена Марья, имел двух сыновей и дочь (№ 30).

24. Антон Ильич Гузанов (р. около 1791 г.), жена Пелагея (№ 31).

25. Филипп Герасимович Ичков (р. около 1780 г.), жена Настасья, имел двух сыновей (№ 33).

26. Ефим Захаров (р. около 1801 г.), жена Устинья, имел сына и двух дочерей (№ 35).

27. Агафон Сергеевич Солдатов (р. около 1800 г.), жена Авдотья, имел сына (№ 36).

28. Федор Лаврентьев (р. около 1811 г.), жена Афимья, имел сына (№ 37).

29. Степан Афанасьевич Подачин (р. около 1768 г.), вдов, имел трех сыновей (№ 38).

30. Алексей Григорьевич Пронягин (р. около 1800 г.), жена Афимья (№ 39).

31. Михайла Васильевич Терешенков (р. около 1788 г.), жена Агафья, имел сына и дочь (№ 40).

32. Кондратий Григорьевич Терешенков (р. около 1786 г.), жена Авдотья, имел дочь (№ 41).

33. Максим Иванович Шиндиков (р. около 1788 г.), жена Матрена, имел четырех сыновей и дочь (№ 42).

34. Антон Ларионов (р. около 1784 г.), жена Мавра (№ 43).
35. Дементий Петров (р. около 1802 г.), жена Екатерина, имел трех сыновей (№ 44).
36. Иван Степанович Крючков (р. около 1800 г.), жена Матрена, имел сына и двух дочерей (№ 45).
37. Максим Иванович Панюшов (р. около 1811 г.), (№ 46).
38. Григорий Константинов (Костин) (р. около 1778 г.), жена Прасковья, имел двух сыновей (№ 47).
39. Влас Степанович Панин (р. около 1786 г.), жена Наталья, имел дочь (№ 48).
40. Иван Филиппович Савинов (р. около 1788 г.), жена Екатерина, имел четырех сыновей и двух дочерей (№ 49).
41. Данила Филиппович Савинов (р. около 1770 г.), имел сына и дочь (№ 50).
42. Прокофий Сергеевич Шарагин (р. около 1783 г.), жена Екатерина, имел дочь и внука (№ 51).
43. Степан Данилович Пучков (р. около 1813 г.), (№ 52).
44. Козьма Максимович Агапов (р. около 1807 г.), жена Татьяна, имел сына и двух дочерей (№ 53).
45. Фрол Иванович Брыков (р. около 1790 г.), жена Ульяна, имел трех сыновей и дочь (№ 56).
46. Тарас Никитин (р. около 1781 г.), имел двух сыновей (№ 54).
47. Михайла Борисович Шветов (р. около 1807 г.), жена Арина, имел дочь (№ 60).
48. Тихон Киреевич Хламчев (р. около 1786 г.), жена Федосья, имел двух сыновей (№ 61).
49. Иван Матвеевич Репин (р. около 1812 г.), жена, Василиса (№ 62).
50. Андрей Иванович Налевин (р. около 1790 г.), жена Авдотья, имел четырех сыновей и двух дочерей (№ 63).
51. Андрей Максимович Кривой (р. около 1784 г.), имел двух сыновей и дочь (№ 65).
52. Николай Ананьевич Студенкин (р. около 1765 г.), жена Екатерина, имел сына (№ 66).
53. Корнила Никифорович Кандалов (р. около 1800 г.), жена Матрена, имел дочь (№ 67).
54. Ефим Герасимович Ковригин (р. около 1775 г.), имел четырех сыновей (№ 68).
55. Игнатий Семенович Вострышев (р. около 1790 г.), жена Устинья, имел двух сыновей и дочь (№ 69).
56. Алексей Семенович Селин (р. около 1813 г.), жена Арина, имел дочь (№ 70).
57. Максим Матвеевич Дягилев (р. около 1793 г.), жена Лукерья, имел сына и дочь (№ 71).
58. Агафон Матвеевич Дягилев (р. около 1773 г.), имел двух сыновей и дочь (№ 72).
59. Логин Дмитриевич Буланов (р. около 1791 г.), жена Прасковья, имел трех сыновей (№ 74).
60. Никита Дорофеевич Торгашев (р. около 1780 г.), имел семь сыновей (№ 75).
61. Платон Семенов—по ревизской сказке известен Платон Максимов (р. около 1797 г.), живший вместе с Семеном Никитичем Волковым, жена Платона Василиса, имел двух дочерей (№ 76).
62. Петр Евдокимов (р. около 1793 г.), жена Василиса, имел двух сыновей и двух дочерей (№ 79).
63. Иван Герасимович Куликов (р. около 1787 г.), имел трех сыновей (№ 77).
64. Быть может это Яков Степанович Козлов (р. около 1797 г.), жена Аксинья, имел дочь и двух падчериц (№ 159).
65. Лаврентий Максимович Шарагин (р. 1814 г.) (№ 58).
66. Ларион Васильевич Масленников (Масляник) (р. около 1800 г.), жена Фекла, имел сына и двух дочерей (№ 91).
67. Ефим Гаврилович Меланов (р. ок. 1774 г.), имел двух сыновей и дочь (№ 94).
68. Иван Гаврилов (р. около 1800 г.) — приемыш Ивана Трофимовича Короткова, жена Василиса, имел двух сыновей (№ 95).
69. Григорий Степанович Тихонов (р. около 1810 г.), жена Василиса, имел двух дочерей (№ 96).
70. Сергей Иванович Тютяев (р. около 1778 г.), жена Прасковья, имел сына и двух дочерей (№ 97).
71. Сергей Никитич Кашкин (р. 1795 г.), жена Марья, имел четырех сыновей и двух дочерей (№ 99)

72. Никита Терентьевич Кашкин (Терехин) (р. около 1775 г.), имел пятерых сыновей (№ 98).

73. Агафон Протасов (р. около 1789 г.), жена Аксинья, имел сына (№ 100)

74. Григорий Протасов (р. около 1782 г.), жена Василиса, имел приемыша и падчерицу (№ 101).

75. Никита Андреевич Любанкин (р. около 1797 г.), жена Домна, имел сына и двух дочерей (№ 102).

76. Егор Филиппович Любанкин (р. ок. 1787 г.), имел трех сыновей (№ 103).

77. Афанасий Филиппов (р. около 1779 г.), имел двух сыновей (№ 104).

78. Григорий Лазаревич Дягилев (р. около 1803 г.), жена Арина (№ 106).

79. Петр Никитич Муканов (р. около 1781 г.), имел трех сыновей и дочь (№ 107).

80. Михайла Платонович Силишнин (р. около 1811 г.) (№ 108).

81. Никита Ильич Торгашов (р. около 1769 г.), имел сына (№ 109).

82. Антон Михайлов (р. около 1799 г.), жена Пелагея, имел трех сыновей и дочь (№ 110).

83. Кирилл Иванович Вилянов (р. около 1773 г.), имел трех сыновей (№ 112).

84. Спиридон Ананьевич Пучков (р. около 1808 г.), жена Агафья (№ 186).

85. Яков Степанович Лобанов (р. около 1779 г.), жена Варвара, имел четырех сыновей и дочь (№ 80).

86. Агафон Андреевич Андросов (р. около 1787 г.), жена Авдотья, имел четырех сыновей и двух дочерей (№ 81).

87. Степан Павлович Торгашов (р. около 1797 г.), жена Аксинья, имел сына (№ 82).

88. Андрей Тимофеевич Торгашов (р. около 1769 г.), имел двух сыновей (№ 83).

89. Артемий Максимович Торгашов (р. около 1791 г.), жена Ольга, имел двух сыновей и трех дочерей (№ 84).

90. Козьма Сергеевич Смолин (р. около 1782 г.), жена Пелагея, имел трех сыновей и трех дочерей (№ 85).

91. Василий Иванович Чернышов (р. около 1799 г.), жена Дарья, имел двух дочерей (№ 86).

92. Максим Тихонович Чернышов (р. около 1772 г.), жена Авдотья, имел сына и дочь (№ 87).

93. Максим Андрианович Смакухин (р. около 1782 г.), жена Аксинья, имел пять сыновей и дочь (№ 88).

94. Алексей Андреевич Смакухин (р. около 1807 г.), жена Авдотья, имел трех сыновей (№ 89).

95. Иван Федосеев — (р. около 1797 г.), племянник Евдокима Григорьевича Сивохина, жена Матрена, имел трех дочерей (№ 90).

96. Федор Иванович Канагин (р. около 1780 г.), жена Татьяна, имел трех сыновей и дочь (№ 114).

97. Денис Никифорович Тигущов (р. около 1784 г.), имел трех сыновей и дочь (№ 115).

98. Лазарь Антонович Бугров (р. около 1813 г.) (№ 117).

99. Дмитрий Осипович Берюков (№ 118).

100. Семен Гаврилович Бирюков (р. около 1793 г.), жена Афимья, имел трех сыновей и дочь (№ 119).

101. Афанасий Никифорович Бугров (р. около 1792 г.), жена Ненила, имел двух сыновей и двух дочерей (№ 120).

102. Максим Игнатьевич Силишнин (р. около 1799 г.), жена Аксинья, имел двух сыновей (№ 121).

103. Александр Ефимович Киреев (р. около 1773 г.), жена Солманида, имел сына и двух дочерей (№ 124).

104. Григорий Сергеевич Карабулин (р. около 1800 г.), жена Федосья, имел двух сыновей и дочь (№ 127).

105. Иван Петрович Буравков (р. около 1802 г.), жена Аксинья (№ 129).

106. Максим Слепой. Вероятно Максим Архипович Агапов (р. около 1800 г.), жена Фетинья, имел четырех сыновей и двух дочерей (№ 131).

107. Алексей Абрамович Свитликов (р. около 1783 г.), жена Настасья, имел двух сыновей (№ 130).

108. Евдоким Антонович Дверенков (р. около 1803 г.), жена Марфа, имел дочь (№ 132).

109. Андрей Антонович Дверенков (р. 1796 г.), жена Татьяна, имел сына (№ 132).

110. Михайла Иванович Сливородов (р. около 1787 г.), жена Авдотья, имел шесть сыновей и двух дочерей (№ 133).

111. Василий Иванович Сливородов (р. около 1792 г.), жена Татьяна, имел трех сыновей и двух дочерей (№ 134).

112. Андрей Семенович Чиженков (р. около 1795 г.), жена Прасковья, имел двух сыновей (№ 135).

113. Семен Гаврилович Чиженков (р. около 1776 г.), жена Василиса, имел сына (№ 136).

114. Анисим Романович Чернов (р. около 1802 г.), жена Авдотья, имел сына и дочь (№ 137).

115. Иван Семенович Малыгин (1808—1834), жена Авдотья (№ 138).

116. Степан Тарасов (р. около 1783 г.), жена Марья, имел сына и дочь (№ 139).

117. Илья Иванович Малыгин (р. около 1799 г.), жена Катерина, имел приемыша-девочку (№ 140).

118. Алексей Иванович Малыгин (р. около 1791 г.), жена Авдотья, имел трех сыновей (№ 141).

119. Иван Никонов, вероятно Иван Максимович (р. около 1803 г.), жена Агафья, имел сына и двух дочерей (№ 142).

120. Денис Степанович Мельников (р. около 1798 г.), жена Макрида, имел дочь (№ 143).

121. Корнил Гаврилович Чижонков (р. около 1782 г.), жена Прасковья, имел трех сыновей и приемыша (№ 144).

122. Иван Васильевич Репин (р. около 1793 г.), жена Прасковья, имел сына, приемыша и двух дочерей (№ 145).

123. Андрей Васильевич Репин (р. около 1786 г.), жена Дарья, имел трех сыновей (№ 146).

124. Макар Протасов (р. около 1779 г.), жена Катерина, имел двух сыновей (№ 147).

125. Константин Гаврилович Смолин (р. 1784 г.), жена Авдотья, имел трех сыновей и дочь (№ 148).

126. Ефрем Иванович Святликов (р. около 1784 г.), жена Авдотья, имел двух сыновей (№ 149).

127. Иван Григорьевич Терешонков (р. ок. 1773 г.), имел трех сыновей (№ 150).

128. Егор Иванович Кокорев (р. около 1804 г.), жена Арина, имел дочь (№ 151).

129. Фрол Евдокимович Дворников (р. около 1773 г.), имел трех сыновей (№ 152).

130. Никита Андреевич Торгашов (р. около 1784 г.), жена Марина, имел четырех сыновей и трех дочерей (№ 153).

131. Иван Иванович Лазарев (р. около 1790 г.), жена Пелагея, имел двух сыновей и дочь (№ 154).

132. Прохор Романович Чернов (р. около 1778 г.), жена Маланья, имел пять сыновей (№ 155).

133. Влас Кузьмич Андреев (р. около 1785 г.), имел дочь (№ 156).

134. Филипп Герасимович Сумин (р. около 1793 г.), жена Авдотья, имел двух сыновей и дочь (№ 157).

135. Иван Алексеевич Пронягин (р. около 1791 г.), жена Арина, имел трех сыновей и приемыша-девочку (№ 158).

136. Яков Степанович Козлов (р. около 1797 г.), жена Аксинья, имел дочь и двух падчериц Гавриловых (№ 159).

137. Кирилла Иванович Козлов (р. около 1797 г.), жена Анисья, имел двух сыновей и трех дочерей (№ 160).

138. Захар Никитич Кандалов (р. около 1784 г.), жена Соломанида, имел подкинутого сына (№ 161).

139. Игнатий Сидорович Дворников (р. около 1781 г.), жена Татьяна, имел двух сыновей и дочь (№ 162).

140. Иван Петрович Сумин (р. около 1798 г.), жена Варвара, имел двух сыновей и дочь (№ 163).

141. Гаврил Макарович Кособрюхов (р. около 1807 г.), жена Агафья, имел дочь (№ 164).

142. Никита Петрович Карабулин (р. около 1802 г.), жена Прасковья (№ 165).

143. Яков Максимович Горячкин (р. около 1790 г.), жена Наталья, имел двух сыновей и дочь (№ 166).

144. Андрей Николаевич Тивиков (р. около 1781 г.), имел сына и дочь (№ 167).

145. Гаврила Никитич Кандалов (р. около 1786 г.), жена Федосья, имел двух дочерей (№ 168).

146. Степан Григорьевич Терешонков (р. около 1775 г.), имел трех сыновей (№ 169).

147. Никифор Терентьевич Косолапый (р. около 1793 г.), жена Афимья, имел сына и трех дочерей (№ 170).

148. Андрей Акимович Малыгин (р. около 1804 г.), жена Настасья, имел двух сыновей (№ 171).

149. Агафон Григорьевич Чернов (р. около 1797 г.), жена Домна, имел сына и дочь (№ 172).

150. Степан Николаевич Тивиков (р. около 1777 г.), жена Аксинья, имел четырех сыновей (№ 173).

151. Федор Андреянович Курушин (р. около 1785 г.), жена Марья, имел пять сыновей и пасынка (№ 174).

152. Денис Иванович Налевин (р. около 1799 г.), жена Ненила, имел дочь (№ 175).

Подворная опись крестьян села Кистенева — части С. Л. Пушкина. В виду того, что редакция не имеет в своем распоряжении ревизских сказок Кистеневки, дополнительные данные о перечисленных в подворной описи крестьянах не могут быть представлены.

бурмистр Никон Семенов — о нем см. «Подворная опись» (Кистеневки) № 79.

Василий Яковлев — см. «Подворная опись» № 18.

Петр Семенов — см. «Подворная опись» № 10.

Оброчные-четверушки — четверушками назывались оброчные, пользовавшиеся четвертью нормального барщинного надела. В виду малоземелья Кистеневки все крепостные находились на оброке. Обычно именно малоземелье и побуждало помещиков с барщинного хозяйства переходить на оброчное. Кистеневские крестьяне имели надела на душу от 2 до 3 десятин. Пахотной земли было всего 978 дес. : 476 душ = 2,06 десятины на душу. Для сравнения берем крепостных А. Н. Саламыкова (в Большой Пице и Выползове Нижегородского уезда), о которых Снежневский пишет: «В своем пользовании они имели по 3,2 дес. на душу пахотной земли, до 0,5 дес. покоса и около 0,1 дес. дровяного леса. На помещика барщинные обрабатывали до 1,5 дес. на душу в 3 полях (всего 4,5 дес.) и накашивали до 100 возов сена (данные 1839 г.)... Перед освобождением, в 1859 г. крестьяне Саламыкова... были переведены на оброк, с наделом на каждое тягло 6 дес. пашни и 1 дес. выгона, сенокоса и усадьбы» (ДНГУАК. Сборник № VI, стр. 22).

№ 26. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1834 г. Февраля 12

12-го Февраля 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

Посылаю к Вам Кистеневской достальной оброк за часть Декабрскую 335 руб. асыгнац:, присем и Болдинскаго оброку за часть Декабрскую 400 руб. асыгнац:, всего 735 руб. асыгнац:, с сегоднишней отправкой Я к Вам переслал оброчных денег болдинских 1550 руб. асыгн: в том числе покровскаго оброку 350 руб: — в писме Вашим от 18-го Генваря я получил приказание, дабы неверить Крестьянам жалующимся на бедность, на щет етаго я очень давно знаю все притворства и хитрости Крестьян, вступив в Управление Вашего Имения, я взошел подробно во все части и уже очень много по знакомился с Крестьянами болдинскими — точно есть многие любители Кабака, но Я строгие меры предпринял, другие уже закаились нетолько вино пить, даже и мимо кабака ходить.—

Тоже приказали подробно донести, накакой предмет Миха: Иванов занял деньги у Купца Черкасова — Занято было в 1833 году на уплату процентов в опекунской Совет 1200 руб. монегою, и имже сделан документ за оную Сумму выплотить в Год проценту 300 руб. —

Яже, приняв оной дскумент, удовлетворил Купца Черкасова 1500 руб. монетою, в коем числе Сумма и процент, и для сведенья Вашего переслал копию документа к Вам. В тоже время занято Михаи: Ивановым у Вашего Крестьянина Кистеневскаго Михайлы Гаврылова 700 руб. монетою в уплату процентов в Опекун: Сов:, онже Крестьянин много кратно у меня требует своей Суммы — Я буду ожидать Вашего приказания, из каких доходов ему выплотить.—Михайла Иванов мне об[ъ]являл, что об етом всем в прошедшее время Вам доносил.

Сергей Львовичь! Хотя Вам неугодно принять в Уважение, на мое

донесение; оне достатках Крестьян, и оне удачных промыслах в нонишней зиме — Извините меня! Что я Вас етим безпокоил, Я щитал за должность обо всем Вас уведомить, и то, очем доносил, лично обо всем удостоверившись, Крестьянским увериниям никогда неверю —

В последнем Вашем письме от 30-го Генваря, прописываете, что я нахожу во всем за труднение, и даже немогу определить, наком именно недоимка, точно так Сергей Львовичь! позвольте об этом себя оправдать, что я тогда иначей немог донести, И прошу Вашего решения. Я собрал Крестьян, первых плотельщиков, накоторых никогда не состояла недоимка, прочитал им оную, за 1832 год всей недоимки на них щиталось 500 рублей асыгнац:, они все мне на ето об[ъ]явили, что сполна выплотили наложенный наних оброк, при оном собранию были все оброчные Крестьяне, Михаила Иванов, бывший Бурмистр Игнатий Сягин и Староста тогда бывший Денис Иванов, которой ноние Бурмистром и онже Грамотный, с Бывшим Бурмистром принимали от Крестьян деньги и записывали в свои тетрадки. Я спросил у бывшаго бурмистра Игнатья Сягина и у Дениса Иванова, точно ли состоит на Крестьянах означенная недоимка, они об[ъ]явили, что сполна получены деньги и отданы с тетрадками Михайле Иванову, вчем и Михайла Иванов потвердил, что не может быть на них недоимка, когда он сам сделал выписку из книг — по етому случаю я незнал, наком определить недоимку — однако после етого Михаи: Иванов в писал в шнуровую книгу в приход некоторым Крестьянам, и Я по сие время немогу принять верных отчетов из оброчных сборов, попринятию донесу немедленно обо всем —

За 1833 год я Собрал с первых плотильщиков весь оброк, остается недоимка на тех, которые отпущены еще Михай: Ивановым в Г. Уральск, и на месте с которых не возможно вдруг получить, об недоимке оных не успел сделать за 1833 год отчету, дабы Вас уведомить — Я на етой недели буду делать роскладку тягловую на 1834 год, по моему мнению лучше бы больше определить на барщину, оставить только на 5000 р. оброчных тягол — остальными неудобной лес очищать на пашнью — хлебопашество Вам более может доставить выгод —

Я в моим донесению от 16 Генваря ошибся, что Крестьяне Чужим Землю продают в вечное владение — они только продают на один год инеделают никаких крепостей, в перед небудут продавать, и которые продали, от чужих Кресть: от имется; — на щет Священника Іоана и пономаря Федорова, им никогда Вашего хлеба недавано, они соберают с прихожан для своего пропитания —

Принято мною по перемере от Михайлы Иванова ржи 512 Четвертей; Зеленнаго Овса — 197 Чет: 3 Четверика, тоже овса в снопах, которой мною обмолочено 750 Четвертей 4 Четв.; Ячьменю 23 Четверти 1 четверик. Гречи 11 четвер: 4 четверика. Семя Конопляннаго — 100 Четвер. 1 Четверик. Пеньки 1 берковец 3 пуда. Поскони 1 берковец 8 пудов —

Овес двух сортов, один зеленой, недозрелой, другой белой, по большей части морозом поврежден, на семена опасно употребить: и в оном же находится четвертая часть куколью. Я буду старатся выменить, или продать, акупить хорошего на посев — переменить семена непременно нужно, потому что очень овес переродившись — на Вашее поле нужно будет на посев 400 Четвертей, остальной по ступит в продажу, и сколько из онаго прикажете дать Крестьянам на засев поля, многие будут нуждатся —

Я посылал к Исправнику Сергачскому Г-у Званцову за Квитанцией, онои еще неполучил от С: Петер: Опекунскаго Совета, если

прикажите, я к Вам перешлю росписку Г-на Званцова с получения от меня ваших денег в уплату процентов —

Для сведенья Вашего посылаю подворную опись Села Болдина Крестиян и Сельца Кистенова —

Очем Доносит с Глубочайшим Высокопочитанием и таковую же Преданностию Ваш

Милостивый Государь
Всепокорнейший
Слуга
Іосиф Пеньковский.

переслал оброчных денег Болдинских 1 550 руб. асигн. — срв. «Ведомость оброчной суммы» (от 7 мая 1834 г. — № 42 настоящего собрания); в правом столбце (расход) первою и второю записью значатся: «Отправлено к Сергею Львовичу 225» и «отправлено в разные числы к Сергею Львовичу 1 325»; сумма обоих этих отправлений равняется 1 550 руб.

переслал копию документа к Вам — с письмом от 1 января 1834 г. (№ 22). Самые условия запродажи см. № 14.

Михайло Гаврилов — о М. Гаврилове имеется запись в «книге для записи расхода мирских денег» от 1824 г. под 13 июля: «Заплочено Тимашевскому Михайле Гаврилину за прошлый год проценту на угощения Ларионовского Федора Аликсеева, 3 раза на дом отвезено—5 р.» (ЩМ, стр. 247).

Денис Иванов — В «Памятной книге села Болдина 1833 г.» значится: «1834 году Маия 7 дня за дурное поведение при собрании Старшин и Стариков редовых бывший бурмистр Денис Иванов отставлен от должности, и на его место определено в бурмистры М. В. Терешенькова за два тягла» (ЩМ, стр. 257).

5000 р. — после этого цифрового обозначения в подлиннике ошибочно повторено: тысячь.

Принято мною по перемене от Михайлы Иванова — срв. «Ведомость.... о состоянии Арженого и Ерового хлеба с протчими Доходами» — № 41 настоящего собрания.

куколь — сорная трава, семена которой засоряют семя овса.

посылаю подворную опись — см. предшествующий документ.

№ 27. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Февраля 25

Милостивый Государь
Александр Серьгеивичь,

Присем увидомляю Вашу милость, что Мною Собрано оброку 1000 рублей асигнациями; Начто иждал вашего повеления, очем япрежде писал Квашей Милости Генваря 9 числа Наимяпавла воиновича. Для доставления вам, так как мне изволил Сказывать, что вы изволите быть в Москву, то я на его имя и послал, незнаю, — изволилиль вы Получить, икуда прикажите выслать Собранныя деньги; Начто Жду вашего повеления, Куда прикажите выслать; присем рапортую вашей милости, что приводчыне вашей Состоит всеблагополучно! Засим честь имею пребыть Съистинным Моим высокопочитанием и преданностию

ваш Милостиваго Государя
всенижайший раб Навсегдапребуду

1834-го Года.
февраля 25-го числа.

На обороте чернилами рукой Пушкина:

18 18

Писано писарской рукой. Подпись отсутствует. На обороте пометы рукою Пушкина.

о чем я прежде писал к вашей милости генваря 9 числа — в этом письме Калашникова читаем: «присем уведомляю вашу милость, что мог собрать денег пять сот слишком, то как изволети приказать, к вашей милости отослать или в совет, куда изволети приказать, буду ожидать вашего повеления» («Искусство», кн. I, стр. 320; дата ошибочная; год исправлен Поливановым (стр. 322—323); снова ошибочную дату находим в «Письмах Пушкина и к Пушкину», 1925, стр. 19).

вы изволите быть в Москву — в начале 1834 г. Пушкин в Москву не приезжал.

куда прикажите выслать собранные деньги — они были высланы в Калугу. В «Ведомости отправки оброков за 1833—1834 гг.» читаем: «С двадцатого генваря по двтцатое число февраля старостой Петром Петровым собрано господского оброка и доставлены управляющему Михайле Ивановичу в село Болдино асигнациями 1000»; против этих слов Калашников собственноручно вписал: «оные деньги отправлены в Калугу при пятистах рублей с сентябрьской третью» (№ 29).

№ 28. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1834 г. Февраля 26

Февраля 26 числа 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

Пересылаю к Вам из оброчных Сумм деньги с Крестьян Села болдина на 1834 год Мартовского оброку 250 руб. асыгнац., Кистеневскаго оброку Мартовского 300 руб. асыгнац. за 1833 год, с Дворовых людей оброку 155 руб: всего 705 руб. асыгнац. — оканьчиваю отчеты принимать по оброчным Суммам от Михайлы Иван; сколько окажется недоимку, уведомлю Вас, и буду повозможности недоимку взыскивать за прошедшее время и к Вам доставлять

Присем пересылаю две Квитанции С: Петерб: Опекун: Совета, которые получил сего же числа из Сергачского Земского Суда за уплоченную мною Сумму подвум Займам —

Вчерашнего числа яполучил из абрамовской Станции на мое имя повестку на две Квитанции, которые удержаны в Городе Арзамасе, полагаю, что оные Вами присланны, посылаю за оными сего числа с доверенностью в Г: Арзамаз для получения. Доношу Вам, Сергей Львовичь, что такаваго руду письмы недоходят до Станции Абрамово, скорее мне бы можно получить адресованные в Г. Лукоянов.

За Овес Болдинской дают по 6 руб. за Четверть в 9 мер — цена хорошему Овсу от 9-ти до 10 р. с полтиною, Перваго числа Марта Месяца поеду в Г: Починки, где Казенной Конной завод, не продамли онаго дорожей — Рож одешевела ныне по 18 руб. Четверть. — Находится всей Вашей ржи в наличности по сие число 140 Четвертей, из оной я намерен продать 60 Четв: остальная будет к весне для нуждающихся крестьян Села болдина, в чем буду ожидать Вашего решения —

Вам известно, Сергей Львовичь, что цена в Нижегородской Губернии на Рож от 30 руб. до 37 р. на одном базаре: в Селе адашеве была Четверть 30 руб:; и то послучаю набегу перекупщиков, после тогоже надругом базаре в томже селе была цена от 19-ти до 22 руб. с полтиною. Я немог попользоваться етим случаем, потому что только одич день такая цена была, и в окружности не слышно было цены до 37 руб. за Четверть.

Достальную рожь перемелю на муку, весной можно продать дорожей —

Поприказанию Вашему от 6-го февраля я удержал в щет жалованья из оброчной Суммы болдинской 200 рублей монетою — Остаюсь с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковую же Преданностию

Ваш Милостивый Государь
Всепокорнейший
Слуга
Иосиф Пеньковский.

присем пересылаю две квитанции С.-Петерб. Опекун. Совета — в «Книге для записывания получаемых квитанций Опекунского совета» (ИРЛИ, 4570. XXIIIб. 108) под 26 февраля значится квитанция на уплату по двум займам 2 324 р., полученная из Петербургского Опекунского Совета и отправленная С. Л. Пушкину.

Абрамовская станция — деревня Абрамово, при реке Пьяне и речке Сарге, в 50 верстах от уездного города (Сергача), почтовое отделение и станция — по почтовому тракту из Арзамаса в Симбирск; верстах в 20 от Болдина. Обычно почта в Болдино шла на Абрамово. Так получал свою корреспонденцию и Пушкин во время пребывания в Болдине. В 1830 г. он писал из Болдина Н. Н. Гончаровой: «письмо адресуйте в Лук. Уезд в село Абрамово для пересылки в Болдино. Скорей дойдет» (Ак. П., II, стр. 182).

таковогo руду письма — вместо «такого рода письма».

Починки — заштатный город Лукояновского уезда, в 47 верстах от Лукоянова; 3 ярмарки, базар, 17 заводов, 7 тысяч жителей (по данным 1859 г.).

Адашево — Ниловка (Адашево), деревня на реке Пьяне, Сергачского уезда, ярмарка, базар.

№ 29. ВЕДОМОСТЬ ОТПРАВКИ ОБРОКОВ ЗА 1833—1834 гг.

1834 г. Февраля 20—28

1833-го Года С маия 2-го отправка к Господину Александр Сергеивичу положенных аброков Старостои Петром Петровым чрез управляющаго михаилу ивановича, коего м-ца ичисла, отом ниже Сего значится Сего Года.

1-я треть					
Майя 2-го числа от Правлено Старостой Петром Петровым аброку всело болдино управляющему михаиле ивановичу асигнатцыями	400	отправлены Господину управляющим михаилои Ивановичем	Промен на оные с 400 р. по 11 ко. С рубля	44	
			наотправку оноих Страховых и весовых	8	90
Сентября 20-го числа в бытность Господина Александр Сергеевича вселе болдине доставлено аброку	500	оные денги александру Сергеивичу вприезд отданы вруки	Промену наоныи С 500 р. по 14 ко. С рубля	70	

Продолжение

2-я треть						Промен наоной С 750 по 14 ко. С рубля	105	
Ноября 8-го числа вбытность Г-на александр Сергеивича доставлено аброку	750		оныи отданы при отъезде Александра Сергеивича надарогу вруки					
последний Сего аброки доставлено управляющиму михаиле Ивановичу асигнатцыями	150		получены по делу в Москву			Промену на оные с 150 р. по 14 ко. С рубля	21	
Всего в расходе	385	16	[?]					

1834-го Года

третья треть аброка.								
С дватцатаго Генваря по дватцатое число февраля Старостои Петром Петровым Собрано Господскаго аброка и доставлены управляющему михаиле Ивановичу всело болдино асигнатцыями	1000		оныи денги отправлены в Калугу при петистах рублей с сентябрьской третью			Промен наоныя С 1000 р. по 15 ко. С рубля наотправку оноих дано михаиле ивановичу	150 17	25
Жалования мною получено за <декабрь>	100		ссигнациями			Промен наоныи	15	
Жалования за март декабря получено мною	100		ссигнациями			Промен наоныи	15	
Получено подеиу сверх тысячи рублей триста педь десят рубл.	350					Промен наоныи на 350—	56	
Жалования получено <петровской> мартовской трети	100		ссигнациями			Промен наоныи на 100 по 15 ко. С рубля	15	
Достальных мартовских получено	150		ссигнациями			Промен наоныи на 150 по 15 ко. сруб.	22	50
Петровской третью послано в Калугу	500							
За лошку по приказа [нию] вашему	32							
Жалования получено Петровской трети	100		Осталось за крестьянами Петровской трети 268 р.					

Ведомость писана рукой Кистеневского старосты Петра Петрова, кончая (в левом столбце) записью «с 20 января по 20 февраля», — этим определяется приблизительная дата ведомости в ее первоначальном виде. Ниже, также в среднем

столбце, идут приписки рукой Калашникова, сделанные позднее. В угловых скобках помещены зачеркнутые им слова. Вероятно самую ведомость Калашников передал Александру Сергеевичу во время пребывания последнего в Болдине осенью 1834 г.

оброку 500 — оныи деньги Александру Сергеевичу в приезд отданы в руки — при приезде Пушкина в Болдино из Оренбурга осенью 1833 г.

оброку 750 — оныи отданы при отъезде Александра Сергеевича на дорогу в руки — при отъезде из Болдина в Москву 9 ноября 1833 г. (дата извлекается из «Дела по отношению С.-Петеребургского Обер-Полицмейстера о учреждении секретного надзора за поведением поэта титулярного советника Пушкина» № 31—хранится в Горьковском АОР'е).

послано в Калугу — в 18 верстах от Калуги близ Медынской дороги находилось имение родителей жены Пушкина Гончаровых «Полотняный Завод» (село Спасское тож).

Записи настоящей ведомости срв. со «щетом» приходов и расходов Кистенева, опубликованном Щеголевым (ЩМ, стр. 243), и со счетом его же от конца сентября 1834 г. (см. настоящее собрание, № 53). В последнем документе жалованья М. И. Калашникову значится (по июль) 300 р., в нашей ведомости — 400. Обращает на себя внимание сбивчивость записей Калашникова полученного им жалования по третям.

№ 30. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1834 г Марта 6

6-го Марта 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

В последнем Вашим письме от 13-го Февраля пишите, что по справке оказалось в Совете, что 2-го Декабря получено от меня в число 1734 руб:, следующих по займу 10-го июля 1828 году — 691 руб: и почему я не все уплатил. Я не мог тогда сверх требования опекунскаго Совета плотить более, обозначено было тогда по одному займу 1633 руб., по другому 691 руб: всего взыскания 2324 руб., оную сумму я внес, которая и поступила в С: П: Опек: Совет — Я Вас тогда немог подробно уведомить, по каким именно займам требовано; по приезде моем в Село болдино нашел оное взыскание, об етом Михайле Иванову доменя должнобы Вас уведомить — в Уплате Суммы вы уже удостоверились с Получением двух Квитанции, которые я к Вам переслал по прошедшей почте — Я полагаю, что должно быть ошибка опек: Сов: в требовании, естлибы Я 5-и руб: недодал, итогдабы Капитан Исправник не принялбы в Уважение, а приступилбы к описи Имения—

Мне известно из Вашего письма, что уже послан указ в Нижегородское правление о описи Вашего Имения, еще нету Указа с Нижегородскаго Правления — Я удерживаю на короткое время Вами присланные две Квитанции Опекун: Сов:, дабы не потребовали вторично по темже займам Вами внесенных денег — Когда поступит Указ и покаким Займам будет взыскание, об оном подробно Вас уведомлю.

Я ездил в Г-д Починки на Конный Завод продавать овес, тамже оной сбраковали иза малую цену неберут — придется подсевать, выводить тощие зерны и куколь, тогда можно будет скорее продать —

До описи Имения недопущу, постараюсь выплатить, какое небудет взыскание —

Новая ревиская Сказка составлена на Черно, в Селе болдине Мужеска пола 559 душ, жен: 537; — в Кистеневе Мужс: 292 ду:, жен: 314 душ, срок подачи по 1-е Маия, после онаго сроку Штрафу по 1 руб: с Души — Спешу об етом Вас уведомить и Все Покорнейше прошу, естли Вам заблагоразсудится прислать для подания ревизских Сказок от

имени Вашего доверие Петру Александрову, Села Болдина Крестьянину, — которой же и Составлял ревиские Сказки — хотя я имею полное доверие от Вас, можно мне бы подать Скаски, но после подачи будут требовать подателей в Казенную Палату для поверки, для меня невозможно будет отлучится во время рабочие—Присем пересылаю Форму на Село Болдино и Кисте:, — оная доверенность пишется на простой бумаге с рукоприкладством посторонних двух Свидетелей,— один лист приложится при подачи в суд Лукояновской, другой в Сергачской — очем Доносит с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковуюже Преданностию Ваш

Милостивый Государь
Всепокорнейший
Слуга
И. Пеньковский.

квитанции, которые я к Вам переслал по прошедшей почте — срв. письмо от 26 февраля 1834 г. (№ 28).

новая ревизская сказка составлена на черно — это ревизская сказка, хранящаяся ныне в ИРЛИ (4573, XXIIIб. 111). Срв. также № 39 настоящего собрания. В 1833—1835 гг. в России производилась восьмая ревизия. — В готовом виде Болдинская ревизская сказка была подана бурмистром Ефимом Семеновым и дворовым П. А. Киреевым в Ревизскую комиссию в Лукоянове 11 апреля 1834 г. (квитанции хранятся в ИРЛИ, № 4467).

Петр Александрович — Петр Александрович Киреев (р. около 1806 г.) —дворовый села Болдина, жена Авдотья, имел двух сыновей и двух дочерей. Служил конторщиком. В 1830 г. «сочинил» от лица А. С. Пушкина прошение о вводе Александра Сергеевича во владение Кистеневкой (ЩМ, стр. 75—77).

форма — доверенность — местонахождение этой доверенности неизвестно.

№ 31. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1834 г. Марта 13

13-го марта 1834 году
Г: Лукоянов

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

Имею честь донести Вам, что 10-го числа сего Мсца поступил ка мне Указ с Требованием 4113 р. 40 ко. из Опекунскаго Совета — в случаю неуплаты дабы описать Имение —откомандированнаго Чиновника для описи Имения упросил и обязался я подпискою к 20-му Марта Мца внести выж означенную Сумму. Ездил Запродавать Овес в Арзамаз, дают по 7 руб. 50 ко. за Четверть в 9-ть мер, если не отищу выгоднейших покупщиков, придется доставлять в Арзамаз —

будте спокойны Сергей Львович. Я непременно внесу Сумму до будущей Почты иуведомлю Вас — из Лукоянова тороплюсь домой отискивать выгоднейших средств в продаже хлеба, путь оканьчивается Зимния, нужно торопится с доставкою, где придется —

Присем пересылаю Вами присланные две Квитанции Опек: Сов:, оставив у себя копии — Очем Доносит с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковуюже Преданностию Ваш

Милостивый Государь
Всепокорнейшии
Слуга
Иосиф Пеньковский.

Михайлы Иванова жена Помре 11-го Марта —

Копия Указа
Лукояновскаго
Земскаго Суда
№ 1110
6-го Марта

Г-ну Дворянскому Заседателю
и Кавалеру Селевину

В Указе его императорскаго величества из Нижегородскаго Губернскаго Правления 26-го февр: всей Суд присланном из яснено в оном правлению докладывано С: Петерб: Опек: Совет от 28-го Генваря 1833-го года Сообщением просил овзыскании с чиновника 5-го класа Сергея Львовича Пушкина просроченной по займу 1830-го году Нояб: 6-го дня 28150 руб. Суммы 1960 руб. Авслучае неплотежа об описи имения Его, Состоящего в Здешним Уезде в Селе болдине! 563 души С взятьем онаго в Опекунское правление к исполнению Сего предписано Лукояновскому Земско: Суду и Дворянской опеки 27-го Февра. и 15-го июня, в Следствии чего оныя доносили, что неплотеж долга, состоящ: на Г-не Пушкине, в Опекунскии Совет два раза от ослано 1160 руб., в чем имеются Квитанции, почему в С: Петерб: Опекунс: Совет отнеслось стребованием уведомления, Следуетли Запоследовавшаго, как Дворянская опека и Земский Суд удостоверяют уплатою описывать имение Г-на Пушкина, еслиже описью ивзятьем в Опекун: Управление приостановится, очем Земскому Суду 28-го Октября дано знать, сподтверждением набудещие время Медленности в Составлении описей недопускать и зачленами своими иметь наблюдение. Нынишние в С: Петерб: Опекунский Совет уведомляет, что заполученными в уплату 1960 р. следует ныне еще получить 4113 р. 80 ко., которыя просит согласно прежним Требованиям Совета взыскав доставить в Опекун: Совет, а, вслучае неплатежа, описать заложенныя имение и опись прислать в Совет — на подлинном подписано

Сельский Заседатель Иванов

Секретарь Иванцов

Повыдчик руднев

На второй половине листа Пеньковский собственноручно переписал «Указ» Лукояновского земского суда, который мы печатаем вслед за текстом самого письма.

откомандированный чиновник — дворянский заседатель Селевин.

пересылаю Вами присланные две квитанции опек. сов., оставив у себя копии — надо думать, что имеются в виду копии квитанций, хранящиеся в ИРЛИ, № 4463. Первая квитанция от 12 февраля 1834 г. — на уплату 542 р. 40 к. по обязательству С. Л. Пушкина на 5000 р. от 1831 г., вторая — от того же числа на уплату 185 р. по другому обязательству того же года также на 5000 р.

копия указа — текст указа находится в соответствии со следующим предписанием Петербургского Опекунского совета от 14 декабря 1833 г. за № 6983: «В Нижегородское Губернское правление. Опекунский совет на отношение оного Правления от 28 минувшего Октября за № 56488, сим уведомляет, что по займу чиновника 5 класса Сергея Пушкина 1830 года Ноября 6 дня 28 150 р. за полученными в уплату 1 960 р. следует ныне еще получить 4 113 р. 80 к., которые и благоволит Губернское правление, согласно прежним требованиям совета, взыскав доставить в Опекунский совет, а в случае неплатежа описать заложенное имение и опись прислать в сей Совет» («Дело... о взыскании с Пушкина», № 87 — в Горьковском АОР'е).

два раза отослано 1160 — ошибка — в два раза отослано 1 960 р. (срв. № 14).

№ 32. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Марта 14 — 20

Милостивый Государь
Александр Серьгеивичь,

присем препровождаю к вашей милости доверенность Для подачы ревизских Сказок! Которую извольте подписать; идвумя Свидетелями Засвидетельствуйте. А безъоной доверенности Нынече нельзя подать Сказок, то и спешу вашу милость уведомить, икак получите оную Доверенность, то Поспешите выслать Папервой почте. Ревизия Начерно уже Написана; анаоной доверенности Кому изволите поручить подать оную, Мне или Старосте Петру петрову. Яиожидаю вашего повеления, очем я писал к вашей милости два раза иничего наоныя не получал, Засим честь имею пребыть истинным моим высокопочитанием ипреданностию

ваш Милостиваго Государя

всенижайший раб Навсегда пребуду

Михаил Калашников.

при сем немог, что бы заваше великое благодеяние непролить теплый молитвы со слезами; моя старуха всей жизни молила бога и в вышней обители тоже будет молить завас; мы лишились сего марта 11 числа; я, дочь и сын молили заваше здравия бога, естли бы вашей руки помощи небыло, то инечем бы было и предать земле, меня извините я сто рублей вщет жалования получил ваш раб Михаил Калашников.

Писано писарской рукой. Рукой Калашникова — подпись и приписка. Дата письма отгрызана мышами; датируется серединой марта в виду извещения в письме о смерти В. Л. Калашниковой, умершей 11 марта 1834 г. (срв. приписку Пеньковского к предшествующему письму).

д л я п о д а ч и р е в и з с к и х с к а з о к — Кистеневки, части А. С. Пушкина. Этой ревизской сказкой редакция не располагает.

с ы н — вероятно Гаврила Михайлович Калашников; кроме него и Василия, служившего у А. С. Пушкина, у М. И. Калашникова были сыновья: Иван (24 лет) и Петр (21 года).

№ 33. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1834 г. Марта 26

26-го Марта 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

На прошедшей почте не успел Вас уведомить, о принятых мерах об устронении описи Вашего Имения Села Болдина, очем сего числа доношу Сергею Львовичу! Продано овса 400 Четв: в 9 мер по 8-и руб. каждая. Получено 3200 руб. монетою, из оной Суммы поступило в уплату Опек: Сов: 2700 р. асыгнациями, из оброку Мартов: с Кистеневских Крестьян 500 руб. асыгнациями. Из Мартов: оброку болдинскаго 200 р. асыгнац. из Занятых мною 800 р. асыгнациями, всего уплочено по взысканию Опек: Совета в Лукояновской Земской Суд 4113 р. 80 ко. асыгнациями, за отправку в С: Петерб: 47 р. 74 ко. асыгнациями, подарено Заседателью и Секретарю Зем: Суда 35 руб. асыгнациями

Курс монеты от Новаго года целковый 4 руб. 10 к., полуимпериял росийской 21 руб. 50 ко., промены с Серебра на Асыг. за каждой рубль 15 ко., с золота 16 ко., полу-империял Французской по старому 21 руб.

22-го Марта по взысканию Опек. Сов: уплочено в Лукояновской Земской Суд, присем пересылаю росписку онаго Суда съполучения денег — Всепокорнейше прошу Сергея Львовича росписку переслать обратно, когда Я Вам доставлю квитанцию Опеку: Совета.

Сего числа получил я Вашее приказание от 13-го Марта, дабы к Вам выслать к 6-у числу апреля Мсца 660 руб:, по сему приказанию Занял 450 руб. асыг: и 210 руб: асыгнц: оброку Мартов: съкрестьян болдинских, всего пересылаю 660 руб. асыгнациями —

Продажнаго хлеба остается только 60 Чет: ржи, овсаже поступило в продажу в 8 мер 450 Четвертей.

По сие число занято денег всего 1250 руб. асыгнац. накороткое время без всяких процентов.

Вольно отпущенный покойника Василья Львовича Иван Степанов Вильянов, много кратно ко мне приходил, дабы просить Вас ему поселится на Вашей Земле в Селе болдине на одной десятине, если Вам Заблагоразсудится получить с него 350 руб. асыгнац: стем, дабы его, Вильянова, покуда будет жив и его наследники, не тревожить с оной десятины—или 500 руб: асыгнац: получить с него с Условием накупчию крепость. Когда очистится Имение с Залогу, тогда Совершить Купчую — оная Десятина лежит неподалеко Барскаго двора, за прудом, по правой стороне, второе место от угловаго крестьянскаго двора — ожидать буду Вашего решения —

Очем Доношу с Глубочайшим Высокопочитанием с Таковуюже Преданностию

Ваш
Милостивый Государь
Всепокорнейший
Слуга

И. Пеньковский.

P: S: Сего же числа я был в Кистеневе для окладу тягол на 1834 год. Собравшиеся Крестьяне настоятельно просили меня отменить Бурмистра Никона Семенова, когда Я спросил причину етаго, обявили мне, что Никон Семенов может исправно плотить оброк за 3 тегла с своим Семейством — тутже и Никон Семенов просил, дабы его уволить от должности, Я непосмел без Вашей воли сменить, очем буду ожидать Вашего приказания — вовремя же моего Правления Никон Семенов довольно исправно мои приказания исправлял —

О получении настоящего письма и его последствиях читаем в недатированном письме того времени А. С. Пушкина к П. В. Нащокину: «Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю. На днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постеле — весь дом в ужасном беспокойстве. Что такое? Имение описывают. — Надо скорее заплатить долг. — Уж долг заплачен. Вот и письмо Управителя [настоящее письмо Пеньковского]. — О чем-же горе? — Жить нечем до октября. — Поезжайте в деревню. — Не с чем. — Что делать? Надобно взять имение в руки, и отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты! А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва» (Ак. П., III, стр. 84; на основании письма Пеньковского письмо Пушкина Нащокину должно быть отнесено к первым числам апреля; верно датировано Морозовым (VIII, стр. 314) и Ефремовым (VII, № 443); неверно Саитовым (III, стр. 82), Лернером («Труды и дни Пушкина», 1910, стр. 304) и Модзалевским («Дневник Пушкина», 1923, стр. 92). Для уяснения «катастрофы» описи имения и сознания необходимости изменить порядок ведения хозяйства в деревне поучительны исчисления Снежневского касательно положения нижегородских поместий дореформенной эпохи: «по Нижнегородскому

уезду за время с конца XVIII века до падения крепостного права 65% помещичьих имений состояло в Опеке за долги: из 221 селения в уезде с помещичьими крестьянами описи за долги подверглись 143 селения, принадлежавшие 235 владельцам» (ДНГУАК — т. VI, стр. 10).

подарено заседателю — «дворянскому заседателю и кавалеру» Селевину.

секретарю земского суда — секретарем был Иванцов.

полуимпериал французский — золотая монета в 7 р. 50 к.; французской монетой называлась потому, что ее стали чеканить в виду соответствия по курсу французским франкам — семь с полтиной точно соответствовали луидору (20-франковая золотая монета).

пересылаю росписку оного суда — копия расписки хранится в ИРЛИ (4572. XXIIIб. 110); расписка выдана 22 марта 1834 г. на внесенные 4113 руб. 80 коп.

Иван Степанов Вильянов — в виду отсутствия вотчинного архива Болдина части В. Л. Пушкина точными сведениями не располагаем. По черновой «поступной» 1803 г. (№ 82) значится за В. Л. Пушкиным «Иван Степанов» среди «холостых». Между тем И. С. Вильянов, женившийся следовательно после 1803 г., интересен, как отец болдинской девушки, с которой у А. С. Пушкина была связь. Н. А. Саввин пишет: «Можно предполагать, что у Пушкина был новый роман, специально болдинский. О нем известно из сообщения А. П. Мельникова, видевшего лично пассию Пушкина уже на склоне ее лет. Это была Феврония Ивановна Вилянова, дочь зажиточного болдинского крестьянина. Роман с Виляновой — мало освещенный эпизод из жизни Пушкина в Болдине» («Болдино и А. С. Пушкин», стр. 23). Сведения о Ф. И. Вильяновой не отличаются достоверностью. В 1899 г. корреспондент Н. Забелин из Арзамаса писал в «письме в редакцию»: «Живым свидетелем жизни поэта является 80-летняя старушка, теперь проживающая в Арзамасе... Это — бывшая крепостная из болдинской дворни, исполнявшая тогда обязанности горничной» («Русские Ведомости» 1899 г., № 35 от 4 февраля; перепечатано в выдержках в «Курьере» № 36 от 5 февраля). Ник. Ашешов в двух фельетонах («У современницы Пушкина — Домик волшебной сказки») приводит слышанный им рассказ при посещении дома Вильяновой в Арзамасе: «А. С. часто бывал у Виляновых, — начала свой рассказ племянница современницы Пушкина. — Мой дедушка, отец тетушки Февроньи, был богатый. И А. С. любил приезжать к нему и пить мед, шипучий, как шампанское... Дедушка Иван Степанович оставил после себя большой капитал. Его освободил А. С. из крепостных [сведение неверное]. А как дедушка помер, бабушка переехала в Арзамас, купила себе дом. И в этом доме мы живем уже 50 лет... деньги [А. С.] брал у отца взаймы... Плоха тетушка. Да и что ж, ведь скоро 90 лет ей будет» («Курьер» 1899 г., № 40 от 9 февраля). «Иван Степанович всегда говорил: «будут все крестьяне свободны, потому что дворяне все именья закладывают, да закладывают... Ослобонили нас, а Зыбин и говорит: «как можно Виляновых отпускать; я бы не только за 10, а за 20 тысяч не отпустил бы таких людей». Далее рассказывается, что Вильянов дал взаймы А. С. Пушкину десять тысяч («Курьер», № 41). Ссылка на Зыбина, который владел Болдиным (частью В. Л. Пушкина), правдоподобна. Не добившись ответа через Пеньковского у С. Л. Пушкина, Вильянов настоятельно повторял свою просьбу через Пеньковского же А. С. Пушкину (см. № 40). — Виляновы считались в Болдине воротилами-ростовщиками («Крестьян. Газета», № от 28 янв. 1935 г. — «Наши дети их не знают»). — В настоящем томе помещена репродукция фотографии Ф. И. Вильяновой в престарелом возрасте.

№ 34. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1834 г. Апреля 11

11 апреля 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

По книгам оброчных Сумм Села болдина отобрал отчеты у Михай: Иванова за 1832, недоимку числится за Крестьянами 2236 руб. 52 ко. асыгнац:, из 1833 недоимку 3531 руб. 78 ко. асыгнациями, мною собрано за последний год 1726 руб. асыгнациями, из онаго сбору переслано мною к Вам 1550 руб. асыгнац: и удержано по Вашему приказанию вщет Жалования 175 руб. асыгнац: (по тогдашнему курсу монетою

200 рублей), по сие число недоимку за крестьянами 1833 года 1805 руб. 78 ко. асыгнациями —

По окладу тягол на 1834 год всего на лицо тягол 252, из коего числа определено на оброк 77-м тягол, на пашню 175-ть, как Вам заблагоразсудится, ожидать буду Вашего приказания. Земли отрезывается на посев Еровой у Крестьян 25 десятин, у нихъже останется земли по 1-й десятине на тегло —

Нужно овса Семеннаго высеить на 150 десятинах по 3 четверти на каждую, 450 четвертей, остальные 25 десятин засеются Ячьменем и Гречею —

Овес, оставшийся отъпродажи на семена, невозможно употребить, из одной Четверти выходит чистаго подсеяннаго 3 Четверика — Я намерен Ваш овес весь продать и купить хорошего на Семена. По сие число уже купил 200 Четвертей в 9-ть мер, закаждую по 9-ти руб. 75 ко. Столько же нужно купить — от 19-го Марта Вы изволите приказывать, дабы не ожидать весны и продать овес, естлибы Я зимою продал оной, много бы Вам зделал убытку, зимой неболее 6 руб. за 9-ть мер давали —в апреле Мце продано 400 Четв: по 8 рублей —

На щет лесу Я писал к Вам, что можнобы из неудобнаго вычистить часть напашню, онаго Я щитаю до 150 десятин, которой лежит за рощею, из онаго лесу пользуются Крестьяне дровами; Я сам лично обезжал оной, и истенно Вам доношу, что в оном лесу мудрено в день на брать один воз дров, очень мелок и редок; деревца растут липняг, орешняк, клен и ракитняк, таковой лес можно без больших трудов повытаскать — Хороший же лес заказной скоро нельзя обратить на пашнью. Я иненамерен уничтожать —

Помню личное Вашее приказание на щет продажи лесу, таргозал у меня Г-н Новосильцов две десятины из заказнаго лесу, давал по 350 рублей. Я без 400 р. неотдавал. Получивже сего числа от 27-го марта Вашее Приказание, вкотором представляете по моему мнению ценить лес, Я намерен с 400 р. уступить 10 рублей —

Прошедшей весны Михаи: Иван: продавал десятину по 400 р., но ето было предоставлено покупщику выберать десятины, где окажется лучшии лес, Яноните указываю, где способней будет обратить современем на пашню после вырубки — естлибы нашлись покупщики хорошие, можнобы продать до 8-и десятин при нонишних обстоятельствах, увас же много находится заказнаго лесу —

Доверенности, Вами присланные Петру Александрову, Я получил 6-го апреля и уже отправил с оными подавать ревиские Скаски —

набудущей почте перешлю к Вам достальной оброк с Крестьян Кистеневских и часть болдинскаго, изалог, когда запродам Г-у Новосильцову —

Очень много виноват перед Вами Сергей Львовичь! что Я Вас и Надежду Осиповну растроил в здаровью моим управлением. Душевно бы желал доставить Вам более доходов, естлибы были средства приобрести.

Молью Всевышняго оздаровью Вашим и Надежы Осиповны! —

Остаюсь с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковуюже преданностию Ваш Милостивый Государь и Надежды Осиповны всепокорнейший

Слуга

И. Пеньковский.

определено на оброк 77 тягол — тенденция Пеньковского была уменьшать число оброчных и оставлять крестьян на барщинной работе. В 1830 г. оброчных крестьян по Болдину было около 90.

отправил подавать ревиские сказки — ревизские сказки о болдинских «людях и крестьянах» (как наличных, так и выбылых) были приняты в Лукоянове от поверенного Сергея Львовича П. А. Киреева 11 апреля 1834 г. (ИРЛИ, № 4467).

Новосильцов — сосед-помещик Николай Петрович Новосильцов, сын бригадира Петра Александровича Новосильцова, владелец села Апраксина и деревни Кудеяровой Сергачского уезда. Живя в Болдине, Пушкин ни с кем из соседей не общался. Исключение составляла семья Новосильцовых, «которых поэт очень любил, в особенности хозяйку дома [Наталью Алексеевну], милую и добрую старушку» (Толычева. — «Русский Архив» 1877 г., II, стр. 99). О сестре П. А. Новосильцова известно указание П. Д. Голохвастова, что песня «Как у нас было на улице, у нас на широкой» написана Пушкиным «у соседки его по селу Болдину Прасковьи Петровны Кротковой, рожд. Новосильцовой» (Цявловский. «Два автографа Пушкина». М., 1914, стр. 16).

№ 35. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1834 г. Апреля 16

16-го апреля 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

Пересылаю к Вам с Крестьян Болдинских Мартовскаго оброку 165 руб. асыгнац: и Мартовскаго достальной из Крестьян Кистеневских 235 рублей асыгнац: из Мартовскаго Кистеневскаго оброку отдано долгу Крестьян[ину] Вашему Михайле Гаврылову 50 руб. асыгнац.; занятаго Михай. Ивановым в уплату Опекун: Совета, всего пересылается 400 руб. асыгнациями —

В прошедшем письме Я Сергею Львовичу доносил, что Помещик Новосильцов торгует 2 десятины Лесу, одну берет за 380 руб., после Святой недели от другой отказался.

При сем Имею честь Вас, Милостивый Государь Сергей Львовичь и Милостивую Государыню Надежду Осиповну поздравить с Наступившим Праздником с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковуюже Преданностию Ваш

Всепокорнейший Слуга
И. Пеньковский.

№ 36. ВЕДОМОСТЬ

сколько Именно находится Душ в Селе болдине и Сельце Кистеневе по 3-й последней ревизии

1834 г. Середина апреля

	в Селе Болдине		в Сельце Кистеневе			
			Части Сер. Львовича		Алекса. Сергева	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
По 7-й ревизий состояло	564	539	276	—	200	—
По 8-й ревизий состоит	564	552	297	325	226	216
Прибылых	—	13	21	—	26	—

Верно с ревизской скаской
Управляющий Пеньковский

Датируется на основании того, что 11 апреля Болдинская ревизская сказка была уже подана в Лукоянове; итог и сопоставление с данными предшествующей ревизии Пеньковский мог переслать с письмом от 11 или 16 апреля.

По 7-й ревизии состояло — в ИРЛИ (№ 4535. XXIIIб. 73) хранится черновик VII ревизской сказки села Болдина, датированный февралем 1816 г.; по нему количество душ мужского пола равно 563 («налицо»), женского — 516.

муж. 297 — в документе явная описка 227 вместо 297 — срв. такую же ведомость при именном регистре кистеневских крестьян А. С. Пушкина (настоящее собрание, № 55).

№ 37. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ—С. Л. ПУШКИНУ

1834 г. Апреля 23

23-го апреля 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

Продано лесу одна десятина Г-ну Новосильцову за 380 руб: монетою, которые деньги доставляю к Вам на асыгнации 323 руб: Я росщитал, что монетою Вам меньше выгоды получать, промен за оную Сумму 57 руб., щитая на каждый рубль по 15 ко. — в округе Болдина курс полу-империял 21 руб. 50 ко., целковый 4 руб. 10 ко.—При сем Болдинскаго Мартов: оброку 77 руб: асыгнац: всего пересылаю 400 руб. асыгнациями —

На Святой недели в Четверток хочу начинать сеить Еровое поле, купил Овса еще 200 Чет: в девять мер, каждая по 9-и рублей —

Ваш овес продаю по 8-и по 7 руб.; находится еще в анбарах зеленнаго овса до 150-и Четвертей, неболее 5-и руб: дают заоной —

Озими оказались не очень благонадежны, притомже время до сих пор стоит очень холодное и Сухое — Доносит с Глубочайшим Высокопочитанием и таковуюже Преданностию

Ваш
Милостивый Государь
Всепокорнейший
Слуга
И. Пеньковский.

Продано лесу — о постепенном сведении леса в начале XIX века в землях, принадлежавших Пушкиным и прилегающих к ним, можно судить по данным Кистеневки: в конце XVIII века (сведения «эконом. примечаний») в Кистеневке было без малого 150 дес. леса; в «партикулярном описании» Калашникова 1831 г. значится «лесу строевого и дровяного, дубового, липового и осинового 74 дес. 277 саж.» («Искусство», 1923, I, стр. 319); по описанию опеки после смерти поэта «леса крупного строевого чернолесья» оставалось всего 15 десятин и мелкого кустарника 6 дес. (ЩМ., стр. 69). Кистеневской рощи, в которой гулял поэт, в настоящее время не существует. О ней писал А. Л. Пушкин председателю Нижегор. Ученой Арх. Комиссии, что она неправильно называется Кистеневская, на самом деле — Казариновская и принадлежала Зыбину (часть В. Л. Пушкина). В 1899 г. А. Л. Пушкин разъяснял так: «Роща эта состоит из молодого дубняка и липы, старых деревьев, росших при Александре Сергеевиче, нет. Называется она Кистеневской вероятно потому, что по ней проходит дорога из Болдина в Кистенево» (Ненапечатано).

380 руб. монетою — подразумевается мелкая монета, медь. Медь в виду ее громоздкости ценилась ниже ассигнаций; в 1830 г. за рубль медью давали на ассигнации 1 руб. 08 к. Если исходить из этого, становится понятным, почему Пеньковский пересылал Сергею Львовичу всего 323 руб. ассигнациями. В следующей строчке письма Пеньковский под монетой уже разумеет крупные деньги (серебряный рубль, полуимпериал).

в амбарах зеленого овса до 150 четвертей — по «Ведомости» (№ 41) от Калашникова было принято зеленого сыромолотного овса 197 чт., 3 чк.

№ 38. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — С. Л. ПУШКИНУ

1834 г. Апреля 30

Апреля 30 дня 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Сергей Львовичь!

Получил я Вашее письмо 25-го апреля, писанное от 13-го—В котором приказываете отсылать все доходы Селовые иобо всем относится к Александру Сергеевичу — Спешу Вас Уведомить, что тогоже числа получил Михайло Иванов Сведенье из С: Петербурга, что его сын Васильии вскором времяни приедет в Болдино на мое место Управлять Вашим Имением. Успел Михай. Иванов известить по всем дворам, в которых проводит время приятное после потери своей жены. Дочь его Ольга Михай. с большою Уверенностию утверждает, что она меня как Грязь с Лопаты с должности сбросит, только бы приехал Александр Сергеевичь в болдино, тогда что она захочет, все для нее сделает Александр Сергеевичь! —

после етаких слухов я просил Михай. Ивано. и его дочь, дабы ожидали терпеливо так для них радостной цели, дабы необявляли етого Крестьянам, чем можете разстроить Хозяйство — некоторые избалованные Крестьяне по родстве некоторых обстоятельств с Михай. Иванов:, которых я старался понемного приучать к трудам и быть полезными Господину своему — очень бы ради поступить под покровительство к Михаи. Иванову —

После моего Совета Михай. Иван:, собрав в Кистеневе Крестян части Александра Сергеевича, читал письмо выш описаннаго Сведенья, и сказал, что вы и вся часть Сергея Львовича опять мои.—

Покуда поступит новый Управляющий, очень бы желал получить от Вас или от Александра Сергеевича повеление Михай: Иванову, дабы не возмущал народ своею развратностию—и жылбы по скромнее с Своим Семейством —у Михайлы Иванова в Семействе 6 душ — он сам с дочерью, с сыном, и удочери Крестьяне одна душа мужеска полу, две женска, которых нонишней зимы купила —

Естли Вам за благоразсудится меня сменить или Александру Сергеевичу, Всепокорнейше прошу Милостиваго Государя Сергея Львовича! и Александра Сергеевича! не оставить меня без известности. Я бы желал знать свою участь за благовременно —Я смоей стороны допоследняго часу буду исправлять должность, принятую в пользу Вашую во всех статьях хозяйственной части — не так, как Михайла Иванов, ожидая меня на свое место. Нониче показалось его нерядение, что сполови ны озимаго поля очень мало можно ожидать доходов, рожь была сеяна землянная и той по части в свои дома отвозили Крестьяне — Вы Сергей Львовичь! писали ка мне 13-го Февраля, дабы не скрывать проказ Михайлы Иванова, проказы его очень мудренно описать, естли угодно будет знать Александру Сергеевичу! под бытность свою в болдине (мне известно от Михайлы Ивано:, что в скором времяни будет) потребовать его книги, тогда все откроется — Я представил к Вам недоимку оброка за 1832-й год и 1833-й, за последний год при всех недостатках Крестьян мною более собрано, за 1832 год можнобы собрать недоимок с Крестьян тех, которые всостоянии нониче выплатить числеющийся на них недоимок. Я было начал сних требовать, они отказались, что сполна тогда выплатили, бывший бурмистр тогда Игнатий Сягин и Староста Денис Иванов подтвердили, что получены сних сполна деньги. Михайла Иванов тоже отозвался, что неможет

быть на первых платильщиках недоимок, онаго числится по книгам 300 рублей —

Помоему Управлению с 1-го Ноября по приказанию Александра Сергеевича Я не могу успеть с нонишней почтой отправить ведомостей, набудущей почте перешлю — посие число посеяно в болдине 60 десятин овса, к 9-му числу Маия месяца оконьчу сев —

Михайла Иванов отправился в Нижний 27-го числа — очем Доносит с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковуюже Преданностию

Ваш Милостивый Государь

Всепокорнейший

Слуга

И. Пеньковский.

Отрывок из письма впервые опубликован в «Звеньях», № 3—4, стр. 135—136.
у Михайлы Иванова в семействе 6 душ — он сам с дочерью, с сыном — срв. письмо № 32.
Денис Иванов — Д. И. Налевин.

№ 39. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Мая 2

Милостивый Государь

Александр Сергеевичь

Сего апреля 24-го числа получил повестку из Арзамаза иот прасился 27-го для получения, причем получил довереность и приказания вашей милости, 30-го апреля подал прозбу в гражданскую палату, теперь хлопочу справки вынести как внижнем равно и всергаческом уездном иземском суде инепримено 4 числа маия выеду, икак Скоро получу в сергачи, то внижней от правлюсь для получения настоящаго свидетельства. —

присем уведомляю вашу милость, что 7-й ревизии забатюшкой было 276 душ, а по 8-й ревизии 296 душ, равно и вашей части было 200 душ теперь 226 душ.

Следовательно проти[в] седмой ревизи[и] более 46 душ, то неизволетели навсе души възять Свидетельства, одне хлопат[ы], что насемдесят то наста издержки, естли изволети, то изволте довереность прислать. А я между тем все справки вынесу. Засим честь имею пребыть с истинным моим высокопочитанием и преданностию

ваш Милостиваго Государя всенижайший раб наивсегда

пребуду Михаил Калашников

Ч. 2 Мая 1834 года
Нижний Новгород

василей комне писал, что вы изволели ему приказать комне написать; естли ваша милость будет для нас верноподанных рабов ваших не лишите своей отеческую милостью, за что мы по гроб нашей жизни будем бога молить — имоей старухи богу неугодно было вас внынешнем свете поблагодарить со слезами, то вбудущем веке молить царя небеснаго овашем здравие и долго денствие.

Я отъправился внижней, оставил дочь свою припоследних чесах родить и незнаю, что снеи случится, на одного бога надеюсь, теперь матери нет и ненакова надеится.

Письмо писано собственноручно Калашниковым.

получил доверенность и приказания вашей милости — доверенность, о которой просил Александра Сергеевича Калашников в своем письме от 14—20 марта (см. № 32); доверенность была нужна для подачи ревизской сказки по Кистеневке. А. С. Пушкин поручил подать сказку не старосте Петру Петрову, а Калашникову (срв. № 32).

7-ой ревизии за батюшкой было 276 душ, а по 8-й ревизии 296 душ — Калашников не вполне точен, срв. документ № 36, в котором проставлены данные по обеим ревизиям Кистеневки.

№ 40. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Мая 7

7-го Маия 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь!

Получил я ВАШЕ приказание от 13-го апреля. На прошедшей почте не успел онаго исполнить. Сего Числа пересылаю Ведомость, сколько мною принято от Михайлы Иванова при вступлении во управление разнаго хлеба с означением всего Прихода, расхода и наличности, тоже по оброчным Сумам Села болдина и Кистенева —

Относился я к Сергею Львовичу! на щет оброчных тягол, что на 1834 год определено 77-мь, по сие число выбыло два тегла, из отпущенных в Уральск для зароботков на оброк, тамже померло 2 Человека налицо остается оброчных тягол 75-ть, набарщине 175, каждое тегло пашет одну десятину, в прошедшем году было на барщине 150 тягол, по прибавлению тягол 25, отрезано земли у крестьян 25 десятин, каждое тегло должно убрать 1 десятину. У Крестьян остается земли на тегло по десятине — Как Вам угодно будет уважить мое распоряжение, очем буду ожидать решительнаго Вашего приказания.

Поле Еровое оканьчиваю засевать купленным овсом, котораго высеится на 150 десятинах 450 Четвертей, на каждую щитая по 3 Четверти, остальные 25 десятин посеится разным мелким хлебом, После посеву уведомлю сколько именно —

Обозначенный Семенной Овес Куплено у Апраксинских Крестьян 200 Четв: в 9 мер, по 9 руб 75 ко. каждая, у Управляющаго малаго Болдина Валентина Иванова 200 Чет; в 9-ть мер по 9 руб. каждая.

время благоприятствует для посеву, земля хорошо обрабатывается.

Озимое поле в Селе Болдине очень мало обещает — по справке оказалось, что Михайла Иванов засеил дурными семенами — Озими Крестьян болдинских посредственные, естли будут дожди и теплое время, будут хороши. Села Кистенева озими в хорошом виде, хлеба для Крестьян по сие время очень мало давал, по приказанию Сергея Львовича! на мерен давать из числеющейся по ведомости наличной ржи тем, которые не всостоянии пропитатся без Господской помощи — тоже даю по части Овса на посев взаимо[о]бразно, и принуждаю, дабы всякой засеил свое поле, ане отдавал посторонним засевать за самую малую цену —

Лесу продал одну десятину Николаю Петровичу Новосильцову за 380 руб:, которые деньги переслал к Сергею Львовичу! — торговал две десятины, от другой отказался, нониче неспрашивает ни кто продажнаго Лесу, вслучаю естли найдутся купцы, сколько онаго прикажите продать и по какой цене, ожидать буду Вашего приказания.

Подворной описи не начинал, нонишнее время занимаюсь посевам по приказанию Вашему к Сентябрю Месяцу составлю —

Я намерен в Болдинском Доме нонишнего Лета переменить пол,

перебрать печьки и покрыть новым тесом крышу, естли Вам Александр Сергеевичь! заблагоразсудится побывать в болдине, желалбы знать в перед, и когда мне принятся перечинять —

Относился Я по прозбе Ивана Степанова Вильянова к Сергею Львовичу! 26-го Марта — дабы просить Сергея Львовича поселится на одной десятине ему, Вильянову, и за оное место, естли заблагоразсудится Сергею Львовичу получить 350 руб. асыгнац. стем, дабы, покуда он будет жив и его наследники, не тревожить сместа,—или 500 руб. асыгнац: с Условием, когда очистится Имение с залогу, совершить Купчую ему, Вильянову — на сию прозьбу Вильянова Сергей Львовичь мне предписал от 13-го апреля, дабы ожидать Вашего решения — онже, Вильянов, просит Александр Сергеевича! орешение его судьбы — меня простите Александр Сергеевичь! что Я Вас безпокою Вильяновой прозьбой. Я не мог иначей поступить на его частые посещение об оном.

Доносит с Глубочайшим Высокопочитанием иТаковую же преданностию

Ваш
Милостивый Государь
Всепокорнейший
Слуга
И. Пеньковский.

Настоящим письмом открывается цикл хозяйственных писем Пеньковского к А. С. Пушкину, как лицу, непосредственно ведающему делами нижегородских поместий.

Получил я Ваше приказание от 13 апреля — Пушкин писал Пеньковскому из Петербурга 13 апреля: «Батюшке угодно было поручить в полное мое распоряжение управление имения его. По сему утверждая доверенность им данную вам, извещаю вас, чтобы относились вы прямо ко мне по всем делам, касающимся Болдина. Немедленно пришлите мне счет денег, доставленных вами батюшке со времени вступления вашего во управление, также и вами взятых в займы и на уплату долга, а за сим и сколько в остатке непроданного хлеба, несобранного оброка и (если случится) недоимок — приступить вам также и к подворной описи Болдина, дабы оная к сентябрю месяцу была готова» (Ак. П., III, стр. 96—97). То обстоятельство, что Александр Сергеевич взял в свои руки хозяйственные дела нижегородских имений Пушкиных, не было лишь результатом просьбы С. Л. Пушкина или его желания выйти из затруднительного денежного положения, создавшегося в апреле 1834 г., а давнишним планом самого А. С. Пушкина, писавшего осенью 1833 г. П. В. Нащокину: «Отца видел, он очень рад моему предположению взять Болдино» (письмо от 24 ноября; Ак. П., III, стр. 60).

пересылаю ведомость, сколько мною принято... разного хлеба — ведомость сохранилась, см. № 41.

тоже по оброчным сумам села Болдина и Кистенева — см. № 42.

Апраксинские крестьяне — соседнее с Кистеневкой владельческое село Апраксино — Сергачского уезда, при р. Сале; 211 дворов, завод. Имение принадлежало Новосильцову.

управляющий Малого Болдина — имения Е. Л. Сонцовой.

Подворной описи не начинал — А. С. Пушкин запрашивал подворную опись Болдина. В 1834 г. эта опись была составлена в январе. Срв. № 25 и письмо Пеньковского С. Л. Пушкину от 12 февраля 1834 г., с которым опись была препровождена в Петербург (№ 26). Несогласованность дат в связи с упоминанием описи в настоящем письме объяснить затрудняемся. К сентябрю 1834 г. относится составление подворной описи Кистеневки, части А. С. Пушкина (срв. далее, № 55).

крышу — в подлиннике крыжу.

Если вам заблагорассудится побывать в Болдине, желал бы знать вперед — 18 мая 1834 г. Пушкин писал к жене: «плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином» (Ак. П., III, стр. 118); в другом письме (от 8 июня 1834 г.) он писал ей так: «Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено» (Ак. П., III, стр. 124).

Вильянов — о нем см. письмо № 33.

№ 41. ВЕДОМОСТЬ

1834 г. Мая 1—7.

Нижегородской Губернии Лукояновского уезда Вотчины чиновника 5-го Класса и Кавалера Сергея Львовича Пушкина Села Болдина От управляющего Иосифа Матвеева Пеньковскаго О состоянии Арженаго и Ераваго хлеба с протчими Доходами, О продаже и расходе денег; с прошлаго 1833 года Ноября 1-го дня и по 1-е Майя 1834 года. № 1-ая.

Его Высокоблагородию Александр Сергеевичу Пушкину.

В Е Д О М О С Т Ь.

учиненная Вотчины родителя Вашего Чиновника 5-го Класса и Кавалера Сергея Львовича Пушкина Нижегородской Губернии Лукояновскаго уезда Села болдина Управляющим Иосифом Матвеевым Пеньковским, Осостоянии [ж]женаго и ераваго хлеба с протчими Доходами; О продажи онаго, Ирасходе денег с поступления в должность с прошлаго 1833 года Ноября 1-го дня и По 1-е Майя 1834 года!

Что состояло налицо	Приход разнаго хлеба												Расход разнаго хлеба				На лицо разнаго хлеба			
	Ржи			Авса			Ечьменю		Гороху		Гречи		Семя конопл			Зерном			Зерном	
А именно!	Четверти	Четверики	Гарнцы	Четверти	Четверики	Гарнцы	Четверти	Четверики	Четверти	Четверики	Четверти	Четверики	Четверти	Четверики		Четверти	Четверики	Гарнцы	Четверти	Четверики / Гарнцы
Принято от бывшаго Управляющаго Михайла Иванова Калашникова урожая 1833 года обмолоченной ржи всего зерном	512	—	—												дворовым Людям Выдано Месчины за декабрь, Генварь, Февраль, Март, и апрель месяцы всего Всем	8	1			
Найдено урижников украденной ими Господской ржи	1														Абрамовской Станции Смотрителю	—	4	—		
															Лукояновскому Почтмейстеру	1	—			
															помощнику Его	—	4			
															Земскаго Суда Секретарю	—	1			
															для своего расходу Управляющим	1	1	—		
															насолод Срощено Напиво	1	—	—		
															Поступило в продажу всего	452	2	5		
															Итого	465	3	5	Затем налицо	47	4	3
Авса Принято от Михайлы Иванова															Дворовым Людям Наталакно	—	6	—			
															Господской Лошади	3	6	—			
Зеленаго Сыромолотнаго	—	—	—	197	3										Управляющаго Лошадям и Карове	1	3	—			
Издостальных Снапоз Вымолочено	—	—	—	750	4										Птицам	—	3	—			
Куплено Насемена	—	—	—	450	—										Поступило в продажу всего	736	7	—			
				1397	7										На семена Употреблено всего	450	—				
															Итого	1193	1	—	Затем осталось на лицо	204	6	—
Ячьменю Принято от Михайлы Иванова	—	—	—	—	—	—	23	1	—	—	—	—	—	—	Для дворовых на крупу	—	3	—			
															Для управляющаго на крупу	—	1	—			
															Насолод	1	—	—			
															Михайле Иванову дано	—	1	—			
															Итого	1	4	—	Затем на лицо	21	5	—
Гороху куплено	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	Употреблено насемена	—	6	—		—	—	—
Гречи Принято от Михайлы Иванова	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	4	—	—	выдано Дворовым людям на крупу	—	3	—				
															для Управляющаго на крупу	—	1	—				
															Итого	—	4	—	Осталось на лицо	11	—	—
Семя коноплянаго Принято от Михайлы Иванова Чистаго	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	1	Продано Семи	85	—	—	Осталось на лицо	38	3	—
Земленаго	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	2								
													123	3								

Приход денег Монетою Покурсу Серебра	Руб.	К.	Расход денег Манетою По курсу	Руб.	К.	Осталось на лицо	Руб.	К.
Получено за проданное Конопляное Семя всего	787	50	Го взысканию Уплачено в Апекунский Совет по двум Займам всего Спроменом, страховыми весовыми и расходом манетою по курсу . .	6773	73	Затем налицо в том числе оставленные по приказанию Сергея Львовича 160 руб. назавод скатины	200	
Запродано ржи всего наСумму . . .	9016	50						
взыскано за порубку в лесу 5 дер. .	7	40	Отъправлено вразные числы к Сергею Львовичу сстраховым, весовым и променом всего	4592	26			
Продано Еровой Саломы всего . .	160	—						
Продано Паскони 9пу.,за все получано	18	—	Занято мною на проезд, в Город Остров атправлено	57	15	Означенный в приходе занетые мною в уплату Апекунскаго Совета 1138 р. 50 к. неуплачены.		
Продано Авса, всего Получено . . .	5111	95						
За проданную десятину Лесу Новосильцаву	380	—	Уплачено долгу занятаго Михайлой Ивановым Купцу Черкасову 1500 руб. и Кистеневскому 100 р. 40 к. всего	1600	40			
Занято в уплату Апекунскаго Совета Манетою	1138	50	Куплено Авса на семена всего на	3179	96			
			Гароху Куплино	16	20			
Итого приходу .	16619	85	За пилку тесу для анбаров	79	80			
			Разново расходу	120	35			
			Итого в расходе . . .	16419	85	Кроме сего		

Осталось недаплаченных ЗаКупленной Насемена овес 570 руб. 4 коп. тоже Занятаго Михайлом Ивановым в Уплату Опекунскаго Совета у Крестьянина Кистеневскаго Ивана Гаврилова 550 руб. неуплочено. Всего долгу Уплатить 2258 руб. 54 коп. монетой—

Управляющпй Иосиф Пеньковский

„Ведомость... о состоянии Арженаго и Ерового хлеба" была составлена Пеньковским по затребованию А. С. Пушкина от 13 апреля 1834 г., писавшего: „Немедленно пришлите мне... сколько в остатке непроданного хлеба". Данные ведомости находятся в соответствии со сведениями, которые мы находим в письмах Пеньковского С. Л. Пушкину с декабря 1833 г. по апрель 1834 г. Ведомость была приложена к письму Пеньковского от 7 мая 1834 г.

№ 42. ВЕДОМОСТЬ
ОБРОЧНОЙ СУМЫ

1834 г. Мая 7,

Села болдина с Крестьян Собрано Управляющим Пеньковским И отправлено к Сергею Львовичу

Приход	Асигнация Рубли	Коп.	Расход	Асигнация Рубли	Коп.
1833 года					
Собрано Покровскаго оброка . .	170	—			
Получено от Михайлы Иванова наличных	55	—			
Итого	225	—	Отъправлено к Сергею Львовичу	225	—
Собрано декабрьскаго оброка с Крестьян	1500	—	Отъправлено в разные числы к Сергею Львовичу	1325	—
			Получано мною вщет жалованья	175	—
			Итого	1500	—
1834-го года					
пораскладки оброчных тягол 75-ть с которых собрано Мартовскаго оброка	1052	—	Отъправлено к Сергею Львовичу в разные числы . . .	852	—
			в уплату Апекунскаго Совета Поступило	200	—
			Итаго	1052	—
За крестьянами осталось	73	—			

ОБРОЧНОЙ СУММЫ

Селца Кистенева, Тимашева тож

1833 года					
Собрано декабрьскаго оброку с Крестьян	1235	—			
здваровых Людей	155	—			
Итого	1390		Отправлено в разные числы к Серге[ю] Львовичу . . .	1390	—
1834 года					
			Отъправлено к Сергею Львовичу	685	—
Собрано Мартовскаго оброку с Крестьян всего	1235	—	В уплату Апекунскаго Совета поступило	500	—
			Зачтено занятаго долгу Михайлаю Ивановым Крестьянину Михайле Гаврилову .	5[illegible]	—
			Итого	1235	—

Управляющий Иосиф Пеньковский

Ведомость оброчных сумм была затребована А. С. Пушкиным, писавшим 13 апреля Пеньковскому: «Немедленно пришлите мне счет денег, доставленных вами батюшке со времени вступления вашего во управление, также и вами взятых в займы и на уплату долга». Была послана А. С. Пушкину при письме Пеньковского от 7 мая 1834 г. Счет отправленного С. Л. Пушкину оброка за первую треть 1834 г. (по Болдину — 852 руб., по Кистеневке — 685) можно документировать посылками денег при письмах Пеньковского этого времени (от 26 февраля, 26 марта, 16 и 23 апреля — срв. №№ 28, 33, 35 и 37), дающих сведения о пересылаемых суммах: 250, 210, 165 и 77 руб. по Болдину, 300 и 235 руб. по Кистеневке. Нет данных о посылке 100 руб. (по Болдину) и 150 руб. (по Кистеневке); надо думать, что одно письмо Пеньковского начала 1834 г. утрачено.

За крестьянами осталось 73 — в письме от 28 мая 1834 г. Пеньковский писал А. С. Пушкину: «пересылаю к Вам с крестьян болдинских достальной мартовский оброк 73 руб.»

№ 43. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Мая 15

15-го Маия 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь

Александр Сергеевичь!

Получил я приказание Сергея Львовича от 4-го Маия, дабы ВАС известить хотя примерно, сколько можно ожидать на сей год доходу с Села болдина. Нониче невозможно и примерно обозначить доходу, на одной половине озимого поля рож дурная, надругой хороша. Еровое поле засеянно лутчими семенами, но еще не взошли, какая исправность в полях окажется в последних числах маия Месяца, донесу Александру Сергеевичу подробно и тогда можно будет обозначить доход примерно —

На щет оброчных тягол, которые обозначены по пересланной к ВАМ ведомости, за оные по всей возможности буду старатся пересылать деньги. Маия 20-го начну собирать петровской оброк.

Поприказанию Сергея Львовича доношу Вам, что по последней 8 ревизии в Селе болдине числится душ Мужеска пола 564, Женска 552, в Кистеневе Мужес: 297, Жен: 327. — Михайла Иванов ездил в Нижний для вытребования Свидетельства на остальные души Кистеневские, оттуда прислан указ в Сергаческий Уезд для отобрания справок — получив оные, Михайла Иванов тотчас отправится в Нижний за Свидетельством.

Осмеливаюсь Вам предложить! что личное ВАШЕЕ присутствие в Селе болдине в нонишнее лето необходимо бы нужно для Устройства полей, скаких частей неудобнаго лесу вычистить на пашню, (нужно на будущию озимь 25 десятин), для осмотру полей засеянных, идля освидетельствования Крестьян, в каком они находятся состоянии — естли Вам заблагоразсудится побывать, или мне вычистку неудобнаго лесу припоручить, очем буду ожидать Вашего решения. —

Сего числа на Огородах засеил 2 десятины маку и 4 десятины Семя конопляннаго, в Еровом поле незасеяных еще осталось 25 десятин, которые засеются Ячменем и Гречею, оные семена рано засевать. — очем доносит, с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковую же преданностью

Ваш
Милостивый Государь
Всепокорнейший
Слуга
И. Пеньковский.

Михаил Иванов ездил в Нижний для вытребования свидетельства на остальные души кистеневские — Калашников писал Александру Сергеевичу 2 мая 1834 г.: «Против седьмой ревизии более 46 душ, то не изволите ли на все души взять свидетельства, одни хлопоты, что на семьдесят, то на сто» № 39). В связи с намечавшимся перезалогом кистеневских крестьян С. А. Соболевский, составивший Пушкину план его финансовых операций, учел и эти «остальные» души, рассуждая так: «Сверх... 28 500 рублей есть надежда, что души по новой ревизии прибавились и что их можно будет заложить» (письмо Соболевского Пушкину 1834 г., опубликованное Нечаевой в «Красном Архиве» 1928, т. 28, стр. 233).

с каких частей неудобного лесу вычистить на пашню — насчет необходимости выкорчевки леса под пашню Пеньковский писал С. Л. Пушкину еще 11 апреля 1834 г. (№ 34).

№ 44. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Мая 28

Маия 28 дня 1834 году
Село Болдино

Милостивый Государь

Александр Сергеевичь!

По окладу тягол 75-и на 1834 год пересылаю к Вам с Крестьян Болдинских достальной Мартовской оброк 73 руб:, из оных же крестьян болдинс.: Петровского 27 руб., — с Крестьян Кистеневских Петровского оброку 300 руб: всего 400 руб. асыгнациями

Болдинские Крестьяне оброчные, которые проживают длязаработков в Уральском и в разных отдаленных местах, оттуда невысылают оброка, заними весь Мартовской и Петровской оброк, по оному случаю никак невозможно исправно доставлять оной, всего тягол 30 в отлучке —

Высеяно в поле Еровое овса на 152 десятинах 466 Четвертей 7 Четвериков. Ячьменю на 18 десят: 31 Четверть 2 четверика. Гороху на 1-й десят: 6 Четвериков — На огородах Высеяно на 8-и десят: Семя конопляннаго Земляннаго 37 Четвертей 4 Четверика, Маку на 1½ десят: один Четверик, — по сие число засеянно 180½ десятин, — остается незасеянных 6 десятин в поле Еровом под Гречью — в озимом поле отсеянно одна десятина просою —

Роздано для Крестьян на посев Овса 120 Четвертей, для них же выдано по сие число на хлеб ржи 20 Четвертей, остается на лицо ржи 27 Четвертей 3 гарнца. Овса 60 четвертей — Как Вам угодно будет уважить о роздаче для Крестьян на хлеб и посев их полей, доношу Александр Сергеевичу! что естли недать Крестьянам на посев, то уних пролежалобы земля незасеянна — Я тем только давал хлеб и семена, которые немогли обойтится без ВАШЕЙ помощий, — оной взаимобразной хлеб соберу сполна в осени —

Михайла Иванов отправился Маия 18-го числа в Сергачь, оттуда внижний для вытребования свидетельства — очем доношу с Глубочайшим Высокопочитанием и таковую же преданностью

Ваш
Милостивый Государь
Всепокорнейший
Слуга
И. Пеньковский

Мартовский оброк 73 руб. — срв. оброчную ведомость (№ 42).
оброчные в Уральском — срв. письма №№ 18, 19, 26.
всего 400 руб. ассигнациями — эти 400 руб. единственное получение (от 8 июня), записанное поэтом в качестве прихода за апрель — июнь 1834 г. в его «Щетах по части управления Болдина и Кистинева» на ряду с итогом расхода за эти месяцы в 3 924 руб. (ЩМ, стр. 216 и 223).

№ 45. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Июня 12

12-го Июня 1834 году
Село Болдино.

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь!

Имею честь Вас уведомить, что в Село Болдино Вами присланный свереющим письмом на мое место Управляющий Карл Рейхман прибыл 30-го майя, вереющее письмо было объявленно Крестьянам 4-го Июня, 9-го же числа отказался от Управления и отправился обратно в С. Петербург, притчину своего отъезда сам лично обязан Вам изъяснить — приотъезде Рейхмана я обязался в пользу Вашу трудится в предь до Вашего распоряжения, на дорогу дано Рейхману 125 руб. под его росписку — мне данное вереющее письмо Сергеем Львовичем и Вами письменно уполномоченное пересылаю, в доверенности Рейхмана оно уничтожено. —

Приезд новаго Управляющего меня очень обезкуражил, аболей неизвестность, по какой я притчине оказался Вам не способным в управлении Вашего имения при моих неусыпных трудах.—Осмеливаюсь Вам объяснится, что я нанялся не капитал наживать, а единственно дабы оправдать тех особ, которые меня рекомендовали к Сергею Львовичу и вместе заслужить у Сергея Львовича! и у Вас о себе хорошее мнение, без чего бедному Человеку в нонишних временах мудрено прожить.

Ожидая Вашего распоряжения, буду старатся ни вчем не упустить для Вашей пользы.

Еровое поле, засеянное новыми семенами, оказалось очень хорошее. Михайла Иванов третья неделя как проживает в Нижнем для испрошения Свидетельства. Очем Доношу с Глубочайшим Высокопочитанием и Таковуюже преданностью

Ваш
Милостивый Государь
Всепокорнейший
Слуга
И. Пеньковский.

P. S. Карл Рейхман у меня отобрал Книгу Прихода и Расхода разнаго хлеба, другую Прих. и Расх. деньгам по Экономической части, третью тетрать Прих. и Расхода оброчной Суммы, Четвертую выписку Мартовскаго и Петровскаго оброку, пятую Прих. и Расх. Мирской Суммы — для доставления к Вам.

Управляющий Карл Рейхман — немец-агроном, управлявший тверским имением П. А. Осиповой Малинниками. Узнав о намерении Пушкина пригласить к себе Рейхмана, П. А. Осипова писала ему во французском письме от 17 июня 1834 г.: «Сегодня я узнала от Анеты, что Вы пригласили к себе г-на Рейхмана, в качестве управителя, заведующего или уж не знаю кого — над вашими нижегородскими землями, при этом я испытала чувство, которое очень метко можно определить русским выражением, что у меня упало сердце. Я спросила Анету, кто его рекомендовал, мне ответили — Алексей [Вульф]... и вы не спрашиваете моего мнения, меня, которая помимо своей воли обречена на то, чтобы в шестой раз в жизни исправлять ошибки господ управляющих — немцев. Ради создателя... оставьте на год того, кто там сейчас, но ни за что, ни за что не приглашайте Рейхмана, — когда мне пришлось отказать Дрейеру в управлении моей землей в Тригорском, я поручила Рейхману свести счета с Дрейером, и вот после того как он проработал неделю и ничего не сделал, мне пришлось взять эту работу на себя и я сделала ее в три дня; так как управление моим тверским имением было проще... я взяла Рейхмана управителем, и вот мы накануне продажи с молотка пятидесяти душ и двух домов со службами. Было бы слишком длинно перечислять все хозяйственные глупости, которые он натворил, но если

вы думаете, что теперешнего вашего управляющего можно заподозрить из за его бедности, то я вам скажу как раз обратное, — это его рекомендует, так как он управлял имениями вашей родственницы г-жи Менандр, кажется, шесть лет, пока ее муж был на действительной военной службе; нет такого маленького имения, которое не приносило бы выгоды господам управляющим. Поверьте мне и моей малой опытности, что лучше иметь управителем человека, умеющего, доставляя вам известный доход, приобрести и себе кое-что, чем честного дурака, который, ничего не зная, расстроит все ваше хозяйство и ничего не приобретет» (Ак. П. III, стр. 130—131). Пушкин отвечал Осиповой 29 июня: «Что касается Рейхмана, я вам могу ответить совершенно откровенно. Я его знаю за честного человека, а в данный момент мне больше ничего не нужно... Не имея намерения поселиться в Болдине, я не могу думать об устройстве имения, которое, между нами будь сказано, дошло до полного разорения; я хочу только что-бы меня не обкрадывали и хочу исправно вносить проценты в ломбард. Улучшения — дело будущего. Но будьте спокойны, Рейхман мне только что написал, что крестьяне находятся в такой нищете, а дела в таком дурном положении, что он не мог взять на себя управления Болдиным и в настоящее время он в Малинниках» (III, стр. 139).

верующее письмо было объявлено крестьянам — изображение того, как верующая грамота объявляется крестьянам при поступлении нового управителя, а равно и текст подобных писем мы находим в «Истории села Горюхина» (А. С. Пушкин. 1930, IV, стр. 310—311).

9-го же числа отказался от управления и отправился обратно — 22 июня К. Рейхман писал Александру Сергеевичу из Твери: «Имею честь вас уведомить, что я был в вотчиных ваших Болтине и Костиноге [Кистеневке] слишком две недели, теперь нахожусь в г. Твери... Вы может быть будете сомневаться, что я не остался в Болтине, ибо никак мне остаться возможности не было, управляющий Осип Матвеевич принужден был купить овса взаймы для посеву, а который овес Михайло Иванов оставил для посеву, вовсе не годится, я же хотел взять на себя заплатить за овес, однако доверители не согласились, полагали, если Осип Матвеевич от вас отойдет, а я останусь вместо его, им не заплачу. Вы меня рекомендовали Михайле Иванову, но я в нем ничего не нашел благонадежного, через его крестьяне ваши совсем разорились... Еще уведомляю вас, что подушных собрано около 2 000 рублей, но в казначейство не отданы, я полагаю, что оные деньги находятся у Михайлы Иванова. А потому, как я все сие узнал, сам не знал, что делать, но как Осип Матвеевич человек порядочный и ведет во всем порядок и он благонадежен, то я ему опять предоставил управлением. Но я же уверен был, если буду вместе с Михайлом Ивановым управлять, хорошего ничего не предвидел, чрез что самое опасался, что вы мне не поверите. Лучше согласился оставить сие место, чтоб вам и крестьянам вашим убытку не было. При сем посылаю вам книги прихода и расхода, которые я с Осипом Матвеевичем поверил, и по необходимости моей принужден был взять у Осипа Матвеевича денег 125 рублей, хотя имел при себе, но на проезд недостаточно» (Ак. П. III, стр. 135—136).

Оправдать тех особ, которые меня рекомендовали к Сергею Львовичу — надо думать, имеются в виду двоюродная сестра Н. О. Пушкиной — Екатерина Исааковна, рожд. Ганнибал, и ее второй муж, Иван Карлович Меландр, названный П. А. Осиповой Менандром (см. выше).

Карл Рейхман у меня отобрал — местонахождение хозяйственных книг, взятых Рейхманом из Болдина, неизвестно. В свое время две книги были пересланы Рейхманом А. С. Пушкину в Петербург при письме от 22 июня 1834 г.

По поводу неудачи затеи поправить дела приглашением Рейхмана Пушкин писал жене 30 июня 1834 г.: «Посланный мною новый управитель нашел все в таком беспорядке, что отказался от управления и уехал. Думаю последовать его примеру. Он умный человек, а Болдино можно еще коверкать лет пять» (Ак. П. III, стр. 141).

№ 46. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Июнь

Милостивый Государь
Александр Серьгеевичь!

присем Спешу вашей Милости отправить полученное Свидетельство равно исписок изгражданской палаты в опекунский Совет, которой С великим трудом Мог получить в восимь Недель, присем всенижа[й]ше вас прошу Милостивый государь ниоставте припоследних моих Днях нилишите Своею Милостию, вся Надежда только На-

вашу Милость, засим остаюсь С истинным Моим высокопочитанием и преданностию

ваш Милостиваго Государя
всенижайший раб Навсегда пребуду
Михаила Калашников.

Июня 1834-го года.

Писано писарской рукой; датировано июнем 1834 г. без указания числа. Другое письмо Калашникова того времени с датой 26 июня 1834 г. опубликовано Щеголевым (ЩМ, стр. 151—152).

свидетельство, равно и список из гражданской палаты в опекунский совет — для залога последних оставшихся незаложенными 74 душ С. Л. Пушкина по Кистеневке (срв. «Красный Архив», т. 28, стр. 233, а также следующий документ настоящего собрания).

Просительный тон письма Калашникова объясняется разоблачениями, не задолго до этого сделанными в отношении Калашникова приезжавшим в Болдино Рейхманом.

№ 47. РАСПИСКА ОПЕКУНСКОГО СОВЕТА

1834 г. Июля 19

В С.-Петербургском Опекунском Совете при займе Помещика Сергия Львовича Пушкина на 37 лет из Сохранной Казны 19-го Июля 1834 года Ас: 15 200 руб.

	Рубли	Коп.
Удержано:		
Премии в пользу Воспитательнаго Дома единовремянно на $1^1/_2$ копейки с рубля	228	00
За припечатание о наложении запрещения на имение	5	00
На платеж прежняго долга по Займу остальных		
На платеж Казенной недоимки	6	17
Долгов:		
Казенных купцу Заикину	1710	00
Частных за пересылку сей послед. сум. . . .	8	55
А всего удержано	1957	72
За тем выдано совершавшему Заем	13242	88

Казначей Козловский

Печатный бланк, куда от руки вписаны следующие данные: имя С. Л. Пушкина, дата, цифры и слова «купцу Заикину» и «за пересылку сей послед. суммы». По поводу настоящей расписки Пушкин пометил на третьей странице документа, опубликованного Нечаевой в «Красном Архиве», т. 28, стр. 234: «19-го июля 1834 заложено на 37 лет 74 души, за удержанием долга выдано 13 242 р. Платить процент 900 руб. (за 15 200)». Выкладки, предшествующие залогу, сделанные С. А. Соболевским в письме к Пушкину, были рассчитаны на получение большей сумму по займу («из [душ] 563 заложены с надбавочными, 200 заложены с надбавочными, 200 тобою заложены без надбавочных, 74 совершенно свободны, итак ты можешь получить: на свои 200 надбавочных 10 000 руб., на 74 всего по 250 = = 18 500 руб.» — там же, стр. 233), а именно 28 500 руб. Хотя заложены были крестьяне С. Л. Пушкина и расписка выдана на его имя, но все дело залога велось

А. С. Пушкиным, который неоднократно писал об этом жене. Так в письме от 27 июня читаем: «Меня в П. Б. останавливает одно: залог имения Нижегородского» (Ак. П. III, стр. 133). В другом письме того же времени: «Меня здесь удерживает одно: типография. Виноват, еще другое: залог имения. Но можно ли будет его заложить? как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все пиявки дома нашего ее мне не высосут» (III, стр. 134); то же в письмах от 11 июля, недатированном от начала июля и наконец от 14 июля: «У меня большие хлопоты по части Болдина» (III, стр. 151, 152 и 155).

На платеж Казенной недоимки — эта сумма (6 руб. 17 коп.) была внесена дважды—путем удержания при займе в Опекунском совете и Калашниковым в Сергаче. В письме Калашникова от 26 июня 1834 г. читаем: «При сем спешу доставить к вашей милости квитанцию, состоящие в недоимки Государственных податей полученную из Сергачского казначейства в 6 рублях 17 коп., то теперь уже никакой нидоимки за Кистеневым не имеется» (ЩМ, стр. 151).

Казенных Купцу Заикину — в перечне долгов С. Л. Пушкина, писанном им собственноручно, значится: «наследникам купца Заикина в Москве 1 000, есть запрещение» (ЩМ, стр. 130). 26 июня Калашников писал Александру Сергеевичу: «Вы извольте узнать от батюшки, уплочено ли занятые ими деньги Зайкину. Если уплочены, то нужно подать прошение, чтобы уничтожили оный иск» (ЩМ, стр. 151—152). Деньги уплочены не были, почему долг Заикину и был удержан при заключении займа. Кредитором С. Л. Пушкина был вероятно московский купец Алексей Никитич Заикин (1786—1856).

№ 48. РАСЧЕТ ДОЛГОВ

1834 г. Июля конец

На бат[юшку] вышло	8,013	—	
На брата —	1,275		{ На всем имении долгу
Его долгу уплачено	15,738	—	{ казеннаго, 1,76, 906
Недоимок было	11,045		
Ежегодный платеж	11,826		
Недоимок осталось		6,000	
Прибавилось казеннаго долгу плат. 900 руб.)		15,200* (проц.	
долгу за Бат[юшку] уплачено		2,510	
На обороте:		22,000	
		9	
		13,000	

* *первоначально было:* 13242.

Писано карандашом рукой А. С. Пушкина на четвертушке писчего листа низкого качества с желтыми пятнами от сырости. Исчисления опираются главным образом на данные, которые были в распоряжении Пушкина еще в мае 1834 г. (по письму Павлищеву от 4 мая 1834 г.), цифра же нового казенного долга определилась лишь 19 июля 1834 г., что является основанием датировки.

На батюшку вышло — проставленная Пушкиным цифра не определяется записями книжки «Щеты по части Управления Болдина и Кистенева» (ЩМ, стр. 215 и сл.), а опирается на счет выплат С. Л. Пушкину, которого нет в нашем распоряжении.

На брата... Его долгу уплачено — в распоряжении А. С. Пушкина был собственноручный (Л. С. Пушкина) счет его долгов, погашавшихся поэтом, — он был прислан Александру Сергеевичу Н. И. Павлищевым при письме от 26 апреля 1834 г. (Ак. П., III, стр. 103). Надо думать, что это документ (ныне утраченный) или ему подобный лежат в основании цифр, выставленных в нашем «расчете долгов», другие записи поэта касательно выплат долгов Льва Сергеевича цифр 1, 275 и 15, 738 не включают. Срв. ЩМ, стр. 220.

На всем имении долгу казенного — цифра взята из ломбардной справки («Счет по займам С. Л. Пушкина»), опубликованной в «Красном Архиве», т. 28, стр. 232.

Недоимок было — см. там же, стр. 232; Пушкин лишь откинул копейки.
Ежегодный платеж — цифра ежегодных платежей процентов по займам взята также из ломбардной справки.

Недоимок осталось — в ломбардной справке просроченные суммы исчислены в 11 045 руб.; 22 марта 1834 г. было выплачено в покрытие недоимок 4 113 руб. с копейками (ЩМ, стр. 132), оставалось просроченных сумм на 6 932 руб. У Пушкина неточно проставлено 6 000.

Прибавилось казенного долгу — первоначально Пушкин поставил цифру 13 242, соответствующую сумме, выданной по займу 19 июля 1834 г. (см. предшествующий документ); затем Пушкин спохватился и поверх этой цифры поставил 15 200, правильно учтя сумму удержаний, заем же равнялся 15 200 руб. (см. в начале предшествующей расписки).

проц. плат. 900 рубл. — срв. эту цифру в отметке Пушкина на письме Соболевского («Красный Архив», т. 28, стр. 234). Она обозначает ежегодные взносы по уплате процентов за последний заем.

Долгу за Батюшку уплачено — цифра взята из неизвестного источника.

На обороте: 22,000 — 9 = 13,000 — в письме Павлищеву от 4 мая 1834 г. Пушкин писал: «Сколько доходу наверное знать не могу, но палагаясь на слова Батюшкины, и ставя по 22,000, выдет, что за уплатою каз. процентов, остается до 10 000» (Ак. П., III, стр. 111).

№ 49. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Августа 21

Августа 21 числа 1834 году
Село Болдино.

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь!

Поступил указ из Нижегородскаго Губернскаго Правления о взыскании по залогу за Сельцо Кистенево на 350 руб. асыгнац: Копию указа пересылаю к Вам, мне объявлен 15-го Августа, 20 числа оную сумму уплотил из Кистеневскаго оброку, по видимому Указ поступил более двух Месяцев в Нижего: Губер: Правление, естли в Июне М-це были Вами Уплачиваемые проценты в опек. Совете или позже, то может быть что я другой раз уплачиваю, мне никак невозможно было к Вам отнестись втак скором времяни, дабы ожидать Вашего приказания, только пять дней дали сроку, после онаго приступали к описи Имения, Квитанцию из Опекунскаго Совета должны мне выслать, получив оную, немедленно к Вам перешлю. Незнаю, получитель Мое донесение в Петербурге. Я слышел от Г-на Безобразова, что Вы изволите проживать в Москве. Безобразов был в Селе Болдине, справлялся об состоянии Крестьян Покойнаго Василья Львовича, и кажется, что они ему понравились, отправился в Лукоянов, оттуда в Москву —

В Селе болдине рож съжата, из 150 десятин нажато 117 000 снопов, противу сдешней окружности очень дурной ужин, замолоту еще неделал, наливом хороша, полагаю что должен быть умолотом хороша. Еровое поле отличное, завтрашнего числа начинаю жать овес — у Крестьян Села Болдина рож, которые в прошедшей осени сеили, очень хороша, многие нониче неимели чего жать от своего нерадения или от дурного хозяйства.—Я, находя дурные последствия, строго за крестьянами смотрю, отдал приказ от Имени Вашего, дабы всяк свое поле засеил и отнюдь непродавал никому, и надеюсь успеха. Инным Крестьянам даю Семена напосев. Нужно непременно все прежнее переменить, иначе всегда в Болдине будет неурожай—в Вашем полю высеянно под озимь на 177 десятинах руской ржи по 1 Четверти по 4 четверика на каждую — на 3 де. Вазы по 1-й Четверти, всего высеяно на 180 десят. 268 Четвертей 4 Четверика — конычил посев 19 числа августа. —

Закупленой Овес на семена из Болдинскаго оброку и Кистеневскаго уплачиваю, остается долгу за овес 500 руб. монетой.

Я по сие время тружусь с Истинным к Вам, Милостивый Государь Александр Сергеевичь! усердьем, ни вчем не упуская пользы Вашей, присем принужден Вас просить, естли угодно будет принять воуважение мою прозьбу орешение моей участи. Михаил Иванов, хотя живет со мной понаружности дружно по Совету его сына Василья, который в письме пишет, дабы сомной жить дружески и втомже письме пословицу, худой мир лучше доброй ссоры, — и так Михай: Ивано: придерживается етой пословицы, ходит по своим любовницам и твердит, что скоро меня выживет и грозит строгим наказанием некоторых крестьян за их дерзость, как они смели на него говорить правду Рейхману о недоимке и беспорядках его правления.

Мною заведен порядок и ровна справедливость над всеми крестьянами мало по малу растроивается сплетнями Михаи: Иванова и мстительными угрозами, нониче дочего уже доходит, мною отданные приказания Старостам по хозяйственной части запрещает им исполнять, что это все будет иначей, как приедет Александр Сергеевичь! Старосты ходят, как сонные, незнают, кого слушать, крестьянам нестарательным етого только инужно — мудренно очень управлять при етаких растройствах.

Представляю Вам, Александр Сергеевичь, некоторые статьи до расматрения Вашего — при прозбе старшин от всего Миру объявлено мне, что въпрошедшей осини Мих. Иванов дал трем Мужикам 1 десятину земли сверьх их тягол, и за что етакая особенная милость оным. — Я именно позвал тех, которые засеили в свою пользу, иоказалось по стравке, что они получили по любовным связям Михала Иванова. Я почел это злым употреблением Господскаго добра, велел съжать барщиной и отдать тем крестьянам, которые вовсе незасевали в прошедшей осени и нониче при урожае не имеют куска хлеба. —

Во время бытности Вашей в болдине я получил лично Ваше приказание, дабы за дурное поведение Якова Семенова отдать в Солдаты, Михаил Иванов по родству сделал снисхождение, выпустил онаго, бегал долгое время на его место, поступил из хорошего дому. Я виноват перед Вами, что немог исполнить Вашего приказания, и, признаюсь Александр Сергеевичу, что очень мудрено в одном Имении двум управлять.

Всепокорнейше прошу Вашего решения, прикажите из нас кому одному в Селе болдине Управлять, естлиже оба в разсуждению Вашем окажемся неспособными, то не медлите прислать новаго Управляющего, потому что нониче рабочее время от растройств в хозяйстве более Всего теряет доверитель.

Книги Шнуровые Села Болдина к Вам верно доставлены Рейхманом, оные нужны для оконьчания щетов за 1833 год и для записывания в новь доходов на 1834-й, естли Вам заблагоразсудится пересылать обратно, на адресе пропишите в Город Лукоянов. —

Покуда Я занимаю должность хозяина в Селе болдине, обязан предложить в пользу Вашую, как прикажите поступить в оном — Крестьяне Села болдина нуждаются в пахатной Земли и покосах. — По моему мнению, много леса неудобнаго, который Вам ни какой пользы не приносит, нужнобы после уборки хлеба всю силу употребить, дабы из онаго часть обратить на пашнью и Луга —

от Крестьян уже много отрезано на барскую пашнью, на Ваше поле нужно будет в будущей весне 30 десятин под Еровое поле, естли еще отрезать у Крестьян, тогда неостанется уних нагело по одной

десятине, етая статья главная, необходимо нужно прибавить пахатной Земли, естли угодно Вам получить значительный доход из Села болдина и улучшить состояние Крестьян.

Обо всем буду ожидать Вашего решения, трудясь с истиною преданностью Ваш

Милостивый Государь Всепокорнейший Слуга
И. Пеньковский.

Указ о взыскании по залогу за Кистенево на 350 руб.— взыскание по залогу сумм в 350 руб. составляло ежегодный платеж по двум займам — от 10 ноября и 8 декабря 1831 г. Данному взысканию соответствует помета в бухгалтерской записи Пушкина: «В ломбард заплачено из оброчных денег 350» (ЩМ, стр. 223).

г-н Безобразов — Петр Романович Безобразов (1797 — 1856), ротмистр, муж Маргариты Васильевны Безобразовой (ум. 1889 г.), дочери гражданской жены В. Л. Пушкина А. Н. Ворожейкиной. Есть указание, что фактическим отцом Маргариты Васильевны был не В. Л. Пушкин, а кн. П. А. Вяземский (срв. № 5). М. В. Безобразова была наследницей после смерти В. Л. Пушкина, и ее муж бывал в Болдине. Сохранилось письмо М. В. Безобразовой к А. С. Пушкину от 25 ноября 1831 г., в котором она предлагала ему сохранить за собой Болдино части В. Л. Пушкина (см. «Литературное Наследство», № 16—18, стр. 612). О П. Р. Безобразове А. С. Пушкин, во время своего пребывания в Болдине осенью 1834 г., писал 15 сентября жене: «Здесь нашел я Безобразова (что же ты так удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины — Маргаритки). Он хлопочет и хозяйничает и, вероятно, купит пол-Болдина. Ох, кабы у меня было 100,000! как бы я все это уладил; да Пугачев, мой оброчный мужичек, и половины того мне не принесет, да и то мы с тобою как раз промотаем; не так ли? Ну, нечего делать: буду жив, будут и деньги... Вот, едет ко мне Безобразов — прощай. Ух, насилу отвязался! Два часа сидел у меня. Оба мы хитрили — дай бог, чтоб я его перехитрил на деле; а на словах, кажется, я перехитрил. Вижу отселе твою недоверчивую улыбку: ты думаешь, что я подуруша, и что меня оплетут — увидим. Приехав в Москву, кончу дело в два дня; и приеду в П. Б. молодцом и обладателем села Болдина...» (Ак. П. III, стр. 164).—Болдино части В. Л. Пушкина было продано в сторонние руки.

вы изволите пребывать в Москве — Пушкин выехал из Петербурга в Москву 25 августа.

Ваза — рожь ваза — шведская кустовая рожь, выведенная на особо удобренной почве; крупное и веское зерно.

Мих. Иванов дал трем мужикам 1 десятину земли сверх их тягол — эту же жалобу повторили болдинские крестьяне (см. № 50, пункт 8).

Яков Семенов — Я. С. Козлов. О нем и о соответствующем приказании Пушкина см. жалобу крестьян осени 1833 г., пункт 12 (№ 17).

много леса неудобного — срв. письма №№ 34 и 43.

50. БОЛДИНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ—А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Сентября 15

Ваше высокоблагородие
Милостивы[й] Государь батюшка
Александр Сергеивич!

1-е вовтарых осмеливаемся донести вашей милости — в том, что у нас помирским Книгам числится — наличных денег в приходе 700 руб: подушнаго Збору — изаписано в приходной книги рукою Михайлы Иванова, а оных денег в расходе нинаходится.

2-е у михайлы Иванова начальники определены были — безмирскаго Сагласия, бурмистра игнатья Сягина, Старосту дениса Иванова, который к оному хозяйству были ниспособны, потому что он, Михайла Иванов, дал им, начальникам, во всем полную волю инисматрел Заними. Дурное поведение в том, что бурмистр и староста брале деньги всякой день подворам, икто где попадается, требовали [в] воскресныя дни и на базаре брали, а в книгу незаписовали.

3-е Михайла Иванов вовремя какой нибудь покраже ражительности никогда никакой неделал варам, абурмистр истароста всегда С ворами вообще пили, Гуляли, инеоднократно их, начальников, выводили от варов. Старасты Едва действия могут чрез пьянство. —

4-е теперь С нас в новь поступившай управляющий Иосиф матвеив требует за 1832-й год недоимку аброчной Сумы, а мы крестьяни в то время Собраны были управляющим Иосифом Матвеивым намирской Сход и сказали Михайлы Иванову, бурмистру и старосты, что мы неимеем насибе недоимки, абурмистр истароста Сказали Осипу матвеиву, что неможет быть наоных крестьянах недоимки, оныя крестьяне унас находютси первыя плательщики, атеперь С их правляющий оную недоимку требует, амы онай недоимки насибе не имеим, батюшка, Александр Сергеевич, благоволите в оное вступить, куды оныя даходы девали, амы от онаго непорядку в великое пришли разарение.

5-е при оном управляющем Осифом Матвеивам ниодин крестьянин жалобу неимеет, чтобы низаписаны были денежныя припасы икаждаю ниделю требует от начальников атчеты денижныя, нащот Судов остаемся довольны никак прежде в вышеписанном безъпорядке, вовсем Справедливо.

6-е. Еще у нас въгасподскай пашенной Земле находится Съверьх тягал наличная Земля 10-ть десетин, оная Земля в селе на сторожилище изагарожина вокруг оная плетневам Городом, оная Земля Засевается 8-мь десятин канаплями, а 2 десетины — Сенныя пакосы, оная Земля Сверьх всего положеннаго. Осмеливаемся, батюшка Александр Сергеивич, вас просить Сердечно, чтобы оную Землю принять в намер, потому что оная земля нас очень отигощает.

7-й у нас барщина находится ежедневная, потому что унас крестьяне много неимеют лошадей, аукаторых крестьян Свои лошади имеют, набарщине тем очень тягостно — батюшка Александр Сергеивич, припадаим к стопам ног ваших и просим вас Сердечно в том, чтобы вы нас определили натридневную барщину, потому чтобы мы Стали иметь дни для Засеву вовремя Своей Земли идля Заработования Казеннаго платежа, амы теперь имеем насибе подушнах недоимку, от таго, что Заработать некогда.

8-е прошлаго Года Михайла Иванов посвоей любовной Страсти дал Своим трем фафористам господской пашенной Земли десетину для Засеву хлеба ржи, поурожаю наонай десетины хлеба Старосте приказал мир оную рож Съжать ипривести оную в гаспосское Гумно. Оное исполнено, а вовремя Жатвы оной ржи Михайла Иванов приехал в поля к старосте и сказал Старосте, чтобы оная рожь была нежата, вы думаити теперь будит по вашему, как вы распорежаите, вот приедит Александр Сергеевичь, будет иначе.

батюшка, Александр Сергеивич, припадаем к Стопам ног ваших ивсенародно просим вас Сердечно Зделайте такое милосердие. Ежели вы нам, батюшка, Александр Сергеивич, зделаите какую-нибудь льготу, то может быть по милости вашей иапять обратится напуть истины. Остаемся поданнейшие ваши рабы всеобщай мир с Высокопочитанием.

Писано одной рукой. При датировке исходим из совпадения текста восьмого пункта настоящей жалобы («Прошлого года Михайла Иванов по своей любовной страсти дал своим трем фафористам господской пашенной земли») со словами предшествующего письма Пеньковского («от всего мира объявлено мне, что в прошедшей осени Мих. Иванов дал трем мужикам одну десятину»). Очевидно вручено после приезда Пушкина в Болдино осенью 1834 г. Можно предположить, что к данной жалобе относятся строки письма Александра Сергеевича к

жене от 15 сентября: «Сейчас у меня были мужики с челобитьем; и с ними принужден я был хитрить; но эти наверное меня перехитрят, хотя я сделался ужасным политиком, с тех пор как читаю conquête de l'Angleterre par les Normands» (Ак. П., III, стр. 164 — 165). Отсюда — предположительная датировка документа.

числится наличных денег в приходе 700 руб. подушного сбору — на злоупотребления Калашникова с подушными деньгами обратил внимание при ревизии Болдина К. Рейхман (см. комментарий к № 46).

принять внамер — принять в надел.

у нас барщина находится ежедневная — И. И. Игнатович пишет: «Размер барщины и порядок ее отправления был крайне разнообразен. Большею частью крестьянское время делилось пополам. Это достигалось различными способами. Обыкновенно работали брат на брата, т. е. если семейство состояло из 2 тягол, то одно работало постоянно на себя, а другое — на барина; в других случаях тягло работало 3 дня в неделю на себя, 3 дня на помещика. Хотя, по указанию Заблоцкого-Десятовского, большею частью наблюдалась 3-дневная барщина, но нарушения ее были довольно распространенны» («Помещичьи крестьяне накануне освобождения», 1910, стр. 140).

Восьмой невразумительно изложенный пункт жалобы — срв. с предшествующим письмом.

думаити — в подлиннике: дымаити.

№ 51. КИСТЕНЕВСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Сентября 25

ваше высокоблагородие
Милостивейший Государь
Александр Серьгеевичь

доносим вашей Милости на старосту петра петрова. Просили Мы ево всем Миром, чтобы он нам в свою бытность в начальниках прочитал расход и приход исколько куда вышло, но он нам Сказал: у меня расход Сачтен верно, нам ево слова неверютъся, потаму что он нестоющий Человек исамой подазрительной, привез ночью два воза Арженаго хлеба изъсыпал в магазейной анбар, прошедше времени с месяц ивзяли они оба з займом хлеб посебе разъделили. Узнав миром и стали просебя говорить, чей етот хлеб, и слышно Староста говорит я купил у [у]правляющаго Михайлы Иванача. Просим вашего высокоблагородия осем хлебе Старосты Спросить, когда господской Хлеб продается ночью, мы старости инедоверяим, у него наруках Магазейной Хлеб. Можит быть они и могазейнаго посебе раз делили — еще доносим вашему высокоблагородию, когда Сидят в начале тесть с зятем, петр петров земскому тесть, аон ему зять и таковаго Самаго дурнаго поведения, из вольте Спросить земсковай Матери привсем Мире, иона то самое Скажет, когда мать Свою матерны ругает и бъет и из дому вон выгоняет. Он ивашему высокоблагородию изъвестен поприезду вашему первый раз к нам в Село болдина, в тогдашния время етот Самой земской с отцем Своим буянил и представил покойной бурмистр Казълов обеих к вашему высокоблагородию для разсуждения. Еще просим вашего высокоблагородия старосту иземскаго от должности от менить, потаму они нас датого довели в одну изъбу с ходются по две семъи жить икаторые продали Свои дома и ушъли жить на сторону из вольти посмотреть, какое у нас построенье, исъколько укого съкота имеется, дожили дотого надва тегла по адной лошади, укоторых еще нет. Есть унас в сельце Кистеневе один старик Григорей Кузьнецов, окоторым итятиньки вашему изъвестно, что о[н] буян неприказывал ево насход призывать инивкакии Мирския Согласии непринимать, аныне староста петр петровбозънего исъхода неделает, потому что он старосту защищает. Просим

вас нам зъделайти порядок. Мы все пришли в упадок, как бы положенный вашей оброк неостановить, потаму что многии пошли помиру ипросим вас сълезно от сих нас дурных распоряжениев защитить илетошний Год вашему высокоблагородию доказывали об своих непорядках, узнав староста ивысик нас всех тижелым наказанием иневелит нам ничево доказывать, анам нельзя, чтобы недоказать.

Покорныи Слуги Сельца Кистенева ирабы ваши доносим всем миром вашему высокоблагородию изъвестно, какое распоряжение в селе болдини, такоеже иунас

1834-го Года Сеньтября 25-го дня.

Филип Семенов, Спиридон Праковъев, Семен Фролов, Исай Андреев, Никифор Макаров, Павел Семенов, Моисей Ильин, Кирила Федоров, Осип Пракофъев, Митрофан Дементьев, Родион Фадеев, Василей Семенов [?], Иван Прокофъев, Ларион Макаров, Алексей Семенов все едино гласно доносим.

Еще доносим вашему высокоблагородию, Григорья Кузьнецова Сын дмитрий украл насвоей мельницы Арженаго хлеба уандрея дмитриева, пришедше нанего к старости Петру Петрову просить ипросил его, Чтобы собрать Сход, но он ему нает личего несказал и принес ему надом староста два целковых денег, то есть восем рублей. Говорил ему Андрей дмитриев, как бы мне неостатся, возьму я утебя деньги без схода: начто же он батюшка так воров покрывает, когда начальники надом за воров деньги носют. Стало быть он Сним въмести ворует, когда вора покрывает, адобрых людей ворами называет. Изъвольте спросить об сей кражи Андрея дмитриева, когда Мы ложно показываем.

Писано одной рукой, в том числе и подписи. Текст после подписей писан в другой присест той же рукой.

сачтен — исправляем вместо сатчен, как значится в подлиннике.

и взяли они оба — вероятно Петр Петров с земским (срв. след. текст).

Григорий Кузнецов — Григорий Никифорович Кузнецов. О нем см. именную ведомость крестьян Кистеневки (части А. С. Пушкина), публикуемую здесь под № 55. Кузнецов значится в этой ведомости под № 25.

Филипп Семенов — о нем см. там же, № 174.

Спиридон Прокофьев — о нем см. там же, № 167.

Семен Фролов — староста Кистеневки с октября 1834 г. О нем см. там же, № 197.

Исай Андреев — о нем см. там же, № 115.

Никифор Макаров — о нем см. там же, № 89.

Павел Семенов — он значится по той же ведомости под № 74 или под № 178.

Моисей Ильин — о нем см. там же, № 65.

Кирилл Федоров — о нем см. там же, № 55.

Осип Прокофьев — о нем см. там же, № 51.

Митрофан Дементьев — о нем см. там же, № 23.

Родион Фадеев — о нем см. там же, № 32.

Василий Семенов — о нем см. там же, № 8.

Иван Прокофьев — о нем см. там же, № 30.

Ларион Макаров — о нем см. там же, № 16.

Алексей Семенов — сведений не имеется. В именной ведомости под № 7 значится Александр Семенов.

сын Дмитрий — Дмитрий Григорьевич Кузнецов; о нем см. там же, № 27.

Андрей Дмитриев — о нем см. там же, № 5.

Об отношении Пушкина к просьбе крестьян и дальнейшем ходе дела см. №№ 52 и 57.

№ 52. П. ПЕТРОВ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Сентября 25—30

Ваше Высокоблагородие
Милостиве[й]ший Государь
Александр Серьгеевичь

я, как верноподаннейший ваш Раб Приемлю Смелость милости вашей донести которой крестьяне беспокоиле вас Прозбою Наменя: о котороих милости вашей Изъясняю: что оне Самыи Плуты, бунтовщики, апритом иподозрителные в Следующем: 1-й—Яков Андреев, которой Прижизни Пакоинаго бурмистра василья Иванова Покушаlься нажизнь его ихотел мышьяком его уморить, 2-й — моисей Ильин, которой, у нашего одновотчиннаго крестьянина Сошляпы усоннаго Срезал шелковые Кисти, Зачто я его Примирской Сходки Строго наказал розгам, азапоступок оной Ему, ильину, Приказал я тому крестьянину, у которого Срезал кисти, заплотить Запоношении чести его четыре Рубли Штрафу.
3-и — Родион Фадеев: 4-и — василей Семенов, 5-и — Семен Пракофъев, которои нехотят Плотить ваших Положенных аброков, 5-и — митрофан дементьев, 6-и — киреи федоров, 7-и — алексеи Семенов, 8-и — иван Пракофьев, 9-и — филип Семенов: от носются милости вашей о своих Недостатках: которой, милостивой Государь Александр Сергеевичь, Пришли воупадок неот ваших Положенных аброков: оболие от Пьянства, зачто я их неоднократно Присходке мирскои наказывал Розгами, заоною мою Строгость ким изапрещении Сего: имеют наменя злобу и беспокоют вас милости[ва]го Государя неспривелливой наменя жалобою, акоторой крестьяне хорошаго Состоянии иплотют ваши аброки безъот говорочно. Тех нетолко я что наказать, нодаже Словом дурным необижал их: ионе Замнои нечево худова незаметили иостаются мною довольными. Иим от меня Заисправность иху всегдашняя благодарность моя, очем усерднейший исправедливо милости вашей Идоношу Наваше благорасмотрение Присем Донесении Астаюсь к вам милостивейший Государь Александр Серьгеевичь Соистенным моим высокопочитанием Ипреданностию

ваш Милостиваго Государя
Подданнейший Раб Ислуга —
Староста Петр Петров

Письмо кистеневского старосты Петрова писано (собственноручно) по поводу жалобы на него, поданной А. С. Пушкину (см. предшествующий документ). По скольку письмо Петрова писано по свежим следам этой бумаги, датируем ближайшим сроком после принесения жалобы. С своей стороны, письмо Петрова является доносом на тех крестьян, которые выступили против него. Большинство крестьян, подписавшихся под письмом Пушкину, фигурируют в письме Петрова, почему мы их и не комментируем (за исключением двух). В результате взаимных обвинений крестьян и старосты Пушкин «отрешил» Петрова (срв. письмо № 57).

Яков Андреев — см. о нем именной регистр кистеневских крестьян (части А. С. Пушкина), № 153.

у сонного срезал — в подлиннике «у санного», что считаем ошибкой.

Семен Прокофьев — см. о нем именной регистр, № 166.

Нодаже — слово это в подлиннике ошибочно написано дважды.

№ 53. СЧЕТ П. ПЕТРОВА

1834 г. Сентября 10—30

Его Высокоблогородию Милостивеишиму Государю Александр Сергеевичу

щет

от Старосты Петра Петрова Сколко мною отъправлено милости вашей оброков за 1833-й иза 1834-й годы о том Подданнейший Изъясняю ниже Сего

число		За 1833-й год асигнатцыями			
м-ца	число		руб.	к.	
Маия	2	от правлены Михаиле Ивановичу четыре Ста	400	—	от правленны Михаилом Ивановичем
Сентябрь	20	вбытность Государь вашу вселе болдине от правлено Пять Сот	500	—	оныи денги отъданы врукн Государю Александр Сергеевичу
Ноябрь	8	вбытность Государь Вашу вселе болдине от правлено Семь Сот Пяддесят Ру. . .	750	—	оныи Денги Приотъезде Государя Александр Серьгеевича отданы Надорогу врукн
		последниий воною треть отправлены Михаиле Ивановичу	150	—	оныи денги Получил М: И: напроезд вмоскву Поделу
Февраля	20	от правлено михаиле ивановичу Тысящу Рублей . . .	1 000	—	оныи денги от правлены Присентябрьской Трети Пяти Стам в калугу.
Смарта м-ца По Июль м-ц		жалованья михаиле ивановичу от правлено за 33-й год Триста рублей	300	—	
		от правлены Михаиле ивановичу: Последниии воною Треть	500	—	оныи денги получены М: Ива: Поделу занезаложенныи души
		итого	3 600	—	
		За 1834-й год			
Сентябрь	10	от правлено михаиле Ивановичу Пять Сот	500	—	оныи денги от правлены М: И: в калугу.

Датируется на основании даты последней отправки оброка (10 сентября). Составлен счет для доказательства правильности выплаты оброка, исходя из нормы в 3600 руб. в год. Он явно смонтирован для этой цели, потому что если начинать счет с мая 1833 г., то нужно последним термином брать май 1834 г., а не захватывать три лишних месяца (до июля 1834 г.). В левом столбце выражение «отправлено Мих. Ив-у» и т. п. надо понимать — отправлено из Кистеневки в Болдино. Своего рода черновиком к данному счету является другой счет за 1834 г., помещенный под № 29, — с ним и срв. настоящий документ. Там же дан комментарий к отдельным записям. Подан счет (№ 29) во время последнего пребывания Пушкина в Болдине — осенью 1834 г.

№ 54. ВЕДОМОСТЬ

О ДЕНЕЖНЫХ СУММАХ СЕЛА БОЛДИНА И СЕЛЬЦА КИСТЕНЕВА ЧАСТИ СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА

1834 г. Сентябрь

Выписка из Шнуровых Книг Села Болдина Приходу Расходу деньгам по хозяйственной части тоже по Суммам оброчным Села болдина и Сельца Кистенева с 1-го Ноября 1833 году по 1-е Сентября 1834 году.

Приход денег	Сел. доход руб.	к.	Суммы оброчные руб.	к.	Расход	Отправка: К Сергею Львовичу руб.	к.	В Опекун: Совет асыгнациями руб.	к.	Выдано на асыгнац. промен руб.	к.	На отправ. Суммы руб.	к.	За Семена на посев Еровато поля руб.	к.	Отдано долгу занятаго Михаилы Кузновым руб.	к.	Мелкой расход по Господской Надобности руб.	к
За 449 Четвертей ржи получено по разным ценам Монетой	9011	50	—	—	Отправлено к Сергею Львовичу в разные числа асыгнациями	7550	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
За 773 Четверти Овса получено	5226	95	—	—	Серебром	1079	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
За Семя Конопляное	840	—	—	—	К Александр Сергеевичу асыгнациями	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
За Поскони	22				В Опекун: Совет	—	—	6787	80	1252	25	211	21	3337	85	1617	5	—	—
За порубку в рощи штрафу	7	40	—	—	За 100 дерев лесу Сосноваго и за пилку тесу для крижи барскаго дома	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	248	68
За Проданную одну Десятину лесу	380		—	—	За 2 коровы старые и Четыре телят для заводу по приказанию Сергея Львовича	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	123	20
За Еровую Солому	95		—	—	Удержано жалованья асыгнациями	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	175	—
За проданный Стары Анбар	22		—	—	Издержано для себя на Стол	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	56	50
Занято у болдинскаго крестьянина Михайлы Сковородова для Господской надобности	125		—	—	Отослано в Город Остров мною занятых на Прогонные под Проезд в болдино	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	55	—
Собрано с Крестьян Болдинских оброку	—	—	3200	—	Издержано на проезда в разные места по Господским надобностям	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	44	30
Собрано с Крестьян Кистеневских оброку	—	—	4330	—	Подарено Секретарю Сергачь: Зем. Суда тоже Лукояновскаго и заседателю при уплате долгов в Опекун: Совет	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	56	25
					Под приезд Чиновников издержано на угощение	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	60
					Издержано для починки барскаго Дому и оковки Машины для витья канатов на Железо Замки Гвозди Стеклы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	66	7
					Дано Михайле Иванову для испрошения Свидетельства по залогу имения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50	ассыгнация.
					За письмы в разные места по Господской надобности	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18	15
					За 1½ пуда Сальных Свечей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	—
					За Явку Доверенности в Лукоянов: Зем: Суде	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—
					За 1 стопу пищей бумаги	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	50
					За Молебины и угощение Священникам	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	40
					Рижникам награды за усмотрение пожару	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	40
					Дано Карлу рейхману под проезд в С. Петербург	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125	—
					За вылогчение барскаго Жеребца	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—
Итого	25729	85	7530	—	Итого	8959	—	6787	80	1252	25	211	21	3337	85	1617	5	1088	5

Всего в приходе . . . 23259 р. 85 ко.
в расходе . . . 23253 21
в наличности . . . 6 64

Всего в расходе . . . . 23253 р. 21

Управляющий Иосиф Матвеев Пеньковский

Датируется на основании того, что настоящая ведомость заключает в себе выписки приходо-расходных статей по 1 сентября 1834 г. Была вручена Пушкину во время его пребывания в Болдине; в 1834 г. Пушкин уехал из Болдина около 10 октября. При анализе цифровых данных срв. с ведомостью оброчных сумм (№ 42).

Михайла Сковородов — Михайла Иванович Сливородов (р. около 1787 г.), зажиточный крестьянин (имел 5 лошадей, 4 коровы; нес 4 тягла). Служил земским при Болдинской вотчинной конторе. См. о нем Болдинскую подворную опись № 110. Его сын Никита Михайлович (Сковородов) был управляющим после смерти Александра Сергеевича, приняв от Пеньковского дела по Кистеневке в 1850 г. (о нем см. ЩМ, стр. 210—212 и 282—283, а также материалы Опеки, хранящиеся в Литературном Музее в Москве).

1834 г. Сентябрь

№ 55. ВЕДОМОСТЬ

Ведомость сколько именно находится Душ обоего полу в Селе Болдине и Сельце Кистеневе Господ Сергея Львовича и Александр Сергеевича Пушкиных в 1834 году Сентяб: М-ца

	Части Сергея Львовича				Части Алексан. Сергеевича	
	В Болдине		В Кистеневе		В Кистеневе	
	Душ Муже.	Душ Женск.	Душ Муже.	Душ Женск.	Душ Муже.	Душ Женск.
По 7-й Ревизий состояло	564	559	276	—	200	—
По 8-й Ревизий состоит	564	559	297	325	226	216
По 8-й последней ревизий прибыло	—	13	21	—	26	—

Именной регистр Г. Коллежскаго Секретаря Александр Сергеевича Пушкина 200 душам по 7 ревизии мужеска пола.

дома	№			
1	1	Василий Дмитриев	37	
	2	Алексей Васильев	8	
	3	Яков Васильев	6	
2	4	Дмитрий Александров	56	
	5	Андрей Дмитриев	29	
3	6	Семен Семенов	54	
	7	Александр Семенов	26	
	8	Василий Семенов	16	
	9	Мирон Алексеев	16	
4	10	Макар Иванов	46	
	11	Максим Васильев	32	
	12	Павел Максимов	9	
	13	Петр Максимов	5	
5	14	Григорий Минеев	41	
6	15	Макар Васильев	57	
	16	Ларион Макаров	18	
	17	Агей Макаров	6	недель
7	18	Петр Иванов	64	
	19	Петр Петров	41	
	20	Петр Петров	38	
	21	Филипп Петров	6	
	22	Павел Петров	1½	
8	23	Митрофан Дементьев	24	
9	24	Андрей Никифоров	48	
10	25	Григорий Никифоров	43	
	26	Василий Григорьев	22	
	27	Дмитрий Григорьев	19	
11	28	Семен Фадеев	55	
	29	Прокофий Семенов	27	
	30	Иван Прокофьев	7	
	31	Лев Прокофьев	1	
12	32	Родион Фадеев	47	
	33	Осип Родионов	6	
	34	Дмитрий Родионов	3	Месяцев
13	35	Родион Яковлев	48	
	36	Иван Родионов	24	
	37	Василий Иванов	6	недель
	38	Федор Родионов	16	
	39	Степан Федоров	2	Месяцев
	40	Тимофей Родионов	14	
14	41	Максим Савельев	59	
	42	Никифор Тарасов	10	
	43	Ефим Максимов	12	
	44	Василий Максимов	6	
15	45	Иван Ларионов	45	
	46	Семен Ионов	18	
16	47	Ион Ларионов	48	
17	48	Михайла Иванов	43	
	49	Степан Михайлов	6	
18	50	Яков Григорьев	21	
19	51	Осип Прокофьев	41	
	52	Максим Осипов	9	
20	53	Андрей Алексеев	36	
21	54	Федор Иванов	41	
	55	Кирила Федоров	16	
22	56	Иван Тихонов	38	
	57	Иван Иванов	14	
	58	Лаврентий Иванов	10	
23	59	Николай Савинов	56	

дома	№			
24	60	Гаврила Фомин	8	
25	61	Ефрем Никитин	51	
	62	Гаврил Ефремов	17	
26	63	Илья Семенов	37	
	64	Игнатий Ильин	12	
	65	Моисей Ильин	11	
	66	Макар Ильин	7	
	67	Василий Ильин	5	
	68	Егор Ильин	1½	
27	69	Исай Афанасьев	74	
28	70	Иван Семенов	43	
	71	Александр Иванов	21	
	72	Андрей Александров	1½	
29	73	Семен Афанасьев	42	
	74	Павел Семенов	17	
	75	Филипп	4	
	76	Вонифатий Семенов	2	
30	77	Степан Семенов	60	
	78	Константин Иванов	42	
	79	Петр Константинов	3	
	80	Павел Константинов	4	Месяца
	81	Василий Григорьев	8	
31	82	Василий Прокофьев	58	
	83	Петр Васильев	31	
	84	Василий Прокофьев	55	
	85	Абрам Васильев	26	
	86	Андрей Абрамов	1½	
	87	Иван Васильев	8	
32	88	Макар Савельев	43	
	89	Никифор Макаров	22	
	90	Михайло Макаров	1	
33	91	Василий Григорьев	1	
	92	Михайло Титов	35	
	93	Андрей Михайлов	15	
34	94	Иван Алексеев	41	
	95	Петр Иванов	12	
35	96	Фадей Васильев	6	
	97	Максим Васильев	3	
36	98	Маркел Семенов	54	
	99	Яков Маркелов	34	
	100	Федор Яковлев	15	
	101	Андрей Яковлев	14	
	102	Онофрий Яковлев	9	
	103	Василий Яковлев	6	
	104	Иван Яковлев	3	
37	105	Никита Иванов	52	
38	106	Ефим Федоров	59	
	107	Ульян Ефимов	18	
	108	Герасим Ефимов	12	
39	109	Михайла Семенов	59	
40	110	Яков Ефимов	24	
	111	Владимер Яковлев	1½	
41	112	Дементий Васильев	40	
	113	Иван Дементьев	11	
	114	Дмитрий Дементьев	7	
42	115	Исай Андреев	35	
	116	Данила Исаев	8	
	117	Николай Исаев	3	
	118	Василий Исаев	2	
43	119	Петр Семенов	69	
	120	Филипп Егоров	12	
	121	Харитон Егоров	8	

дома	№			
44	122	Иев Прохоров	67	
	123	Федор Иевлев	42	
	124	Антон Федоров	13	
	125	Иван Федров	11	
	126	Анофриовов	9	
45	127	Иван Дмитриев	38	
46	128	Николай Захаров	47	
	129	Иван Николаев	16	
	130	Степан Николаев	11	
47	131	Осип Осипов	53	
	132	Федор Осипов	29	
	133	Максим Федоров	9	
	134	Михайла Федоров	6	
	135	Иван Федоров	3	
	136	Степан Федоров	1	Месяц
	137	Петр Осипов	23	
	138	Матвей Петров	3	
48	139	Иван Козмин	41	
	140	Фокей Иванов	17	
	141	Мирон Иванов	15	
49	142	Игнатий Онофриев	12	
50	143	Данила Спиридонов	51	
51	144	Агафон Степанов	32	
	145	Федор Агафонов	10	
	146	Василий Агафонов	8	
	147	Степан Агафонов	1	
52	148	Корнила Иванов	51	
	149	Михайла Корнилов	11	
	150	Федосей Корнилов	1	½
53	151	Михайла Васильев	53	
54	152	Андрей Корнилов	52	
	153	Яков Андреев	33	
	154	Андрей Яковлев	4	
	155	Василий Яковлев	1	½
	156	Иван Андреев	18	
55	157	Исай Матвеев	28	
56	158	Андрей Васильев	29	
	159	Федор Андреев	8	
	160	Петр Андреев	6	
	161	Григорий Ионов	14	
57	162	Матвей Алексеев	32	
	163	Роман Матвеев	14	
58	164	Макар Яковлев	40	
	165	Александр Макаров	14	
59	166	Семен Прокофьев	51	
	167	Спиридон Прокофьев	43	
	168	Прокофий Спиридонов	12	
	169	Василий Спиридонов	5	
60	170	Данила Петров	30	
	171	Иван Данилов	6	
61	172	Павел Михайлов	17	
	173	Иван Михайлов	11	
62	174	Филип Семенов	43	
	175	Никита Филипов	22	
63	176	Исай Емельянов	48	
	177	Аким Исаев	16	
	178	Павел Семенов	8	
64	179	Малафей Емельянов	54	
	180	Осип Малафеев	30	
	181	Архип Малафеев	28	
65	182	Давыд Логинов	37	
	183	Иван Давыдов	17	

дома	№			
	184	Семен Давыдов	15	
	185	Аверьян Давыдов	3	Месяцев
66	186	Козма Матвеев	40	
	187	Федор Козмин	16	
	188	Николай Козмин	5	
	189	Варлам Козмин	3	Месяцев
67	190	Григорий Иванов	58	
	191	Павел Григорьев	36	
	192	Козма Павлов	9	
	193	Егор Афанасьев	21	
68	194	Фрол Иванов	51	
	195	Сидор Фролов	30	
	196	Василий Сидоров	4	
69	197	Семен Фролов	11	
	198	Егор Фролов	9	
	199	Николай Фролов	7	
	200	Григорий Фролов	3	

Ведомость, включающая именной регистр, охватывает поименно крестьян части А. С. Пушкина. Восполнить данные этой ведомости сведениями ревизской сказки Кистеневки редакция не могла в виду отсутствия последней. Данные настоящей ведомости содержательнее, нежели опись Кистеневки части С. Пушкина (срв. № 25), включая, как подворный регистр (по первому слева столбцу), так и именной счет (по второму столбцу), таким образом мы имеем полный список всех крепостных А. С. Пушкина. Правый столбец фиксирует возраст крестьян (в годах; месячный и недельный счет каждый раз оговаривается); возраст дан по 7-й ревизии (1816 г.), таким образом для исчисления того, каков был возраст крестьян к 1834 г., надлежит в каждом случае прибавлять 18 лет.

Заглавная страница описи, дающая итоговые сведения по двум ревизиям, как о крестьянах С. Л. Пушкина, так и Александра Сергеевича, дублирует данные документа № 36.

№ 56. ИЗОБЛИЧЕННЫЕ ВОРЫ

1834 г. Июнь—сентябрь.

1-й. Тимофей Пядашов на мирском сходе лично сознался, что украл у своих односельских крестьян Михайлы Сковородова и С[те]пана Подачина тройку Лошедей нынешнего лета и передал подобному себе Язовскому Крестьянину Матвею Иванову, которые по сие время не отисканы. 2-е [соз]нался, что украл у Талызинскаго кре-с[тья]нина Лошедь, ибегал он, Пядашев, [утрачено] [не]дель неизвестно где, и был пойман [в] болдинском поле Караульными, на [воп]-рос, где находился? ответил, что в разных местах, где работал, а где воров[ал]. 3-е. Иоказалось по справке, что вовре[мя] отлучки он, Пядашев, икрестьяни[н] Кистеневский Степан Перденев с двумя подобранными [утрачено] татарами на пчельнике у Купца [утрачено] на Черкасова украли 3 пуда воску бел[аго], он, Пядашев, и Перденев сознались в покражи.

2-й. Ефим Захаров украл лошедь у Апраксинскаго Мужика нонишнего лета, был в оной покражи изобличен, повинился и наказан строго при сходе старшин[ой], онже, Ефим, украл одежду из анбара уболдинскаго Мужика Кондратья Григ[орь]ева, и Палозья украл у Мужика болдинскаго Галкина — тоже в прошедшем году; онже Ефим с Пядашевом украли от-сторонних пару лошедей.

3-й. Егор Кокорев нынешнего лета украл лошедь у Болдинскаго

Мужика Петра Иванова, в оной покражи сознался и наказан при сходе — онже в прошедшей зиме украл лошедь днем сболдинскаго Базару у Язовскаго вора — тоже изобличен инаказан при сходе — тоже украл в Колашни болдинской полтинник и изобличен.

4-й. Агафон Солдатов в прошедшей [зи]ме розламал анбар у болдинского Крестьянина Фомы Федорова и украл одежду — тоже увес с Лугов Сено у Пикшенскаго Мужика.

К Сему Уведомлению подписуюсь
управляющий И. Пеньковский.

Писано рукой Пеньковского. Края листа изгрызаны мышами. Датируется на основании сопоставления фразы из пункта 3 настоящего документа («Егор Кокорев... в прошедшей зиме украл лошадь днем с болдинского базару у Язовского вора») со словами письма Пеньковского от 23 января 1834 г. («Ефим Захаров с двумя подобными себе товарищами Агафоном Панкратьевым и Егором Ивановым [Кокоревым] украли днем с базару лошадь с упряжкой у вора же Язовского села), а также на основании упоминания «нынешнего лета», как времени писания письма или как только что истекшей поры.

Тимофей Пядашов — о его кражах см. письма №№ 17 и 61.

Степан Подачин — о нем см. в болдинской описи № 38.

Талызинский крестьянин — Базарное Талызино, село Ардатовского уезда, Симбирской губ., в 25 верстах от Болдина. Принадлежало Пашковым.

Степан Перденев — в кистеневских списках значится много крестьян с именем Степан; фамилии Перденева в списках не встречается.

Ефим Захаров — Е. З. Ярмушев; о его кражах см. письма №№ 17, 24 и 61.

Кондратий Григорьев — о нем см. в болдинской описи № 32.

мужик болдинский Галкин — вероятно части В. Л. Пушкина.

Егор Кокорев — о нем см. письма №№ 17 и 24.

Петр Иванов — быть может крестьянин части В. Л. Пушкина.

Агафон Солдатов — Агафон Сергеевич Солдатов; о нем см. в болдинской описи № 27.

Фома Федоров (р. около 1780 г.) — болдинский крестьянин части С. Л. Пушкина; в болдинской ревизской сказке 1834 г. значится под № 115.

Пикшенский мужик — деревня Пикшень, соседняя с Болдиным, Лукояновского уезда, принадлежала Аникееву.

№ 57. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1834 г. Октября 15

15-го октября 1834 году.
Село Болдино

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь!

Пересылаю к Вам письмо, полученное 14-го Октября. Присем имею честь донести, в Селе Кистеневе в Вашей Части по приказанию Вашему отрешен от должности бывший бурмистр Петр петров, на его место определен Семен Фралов — от Михаил Иванова принял отчеты и от бывшаго бурмистра по их управлению в Селе Кистеневе, на личных денег по щетам не оказалось.

Повсему моему управлению собираю оброк — хлеб непродаю, ноиче цены ниские и неосновательные. Риги перестроенны, начинаю молотить околоченную на Семена рожь, которой соломой в новых рижных печках буду топить и сушить снопы — по сие время в ригах топили дровами, — по моему мнению нашел для Вас полезным сушить хлеб лишней соломой, до сих пор оная почти даром пропадала, выгода втом, что увас останется Лес, которой бы нужно употребить надрова (или деньги на покупку оных), тоже и крестьяне освобождаются от вывозки дров. — Замолоту ржи и Овса еще не молотил, в скором времени об оном доставлю ведомость — в Селе Болдине и Се-

ле Кистеневе все благополучно, очем доносит с Истинным Высокопочитанием и Таковуюже преданностью

Ваш Милостивый Государь
Всепокорнейший Слуга
И. Пеньковский.

пересылаю к Вам письмо — около 10 октября Пушкин выехал из Болдина. После его отъезда было получено письмо на его имя, его и пересылает Пеньковский вместе с своим письмом в Петербург.

определен Семен Фролов — срв. жалобу крестьян (№ 51). О Семене Фролове см. именной регистр Кистеневки, № 197.

от Михайлы Иванова принял отчеты — в ноябре 1833 г. от М. И. Калашникова были изъяты дела по управлению Болдиным и Кистеневкой части С. Л. Пушкина, но он продолжал быть управляющим кистеневской части А. С. Пушкина. Уезжая из Болдина в октябре 1834 г., Александр Сергеевич распорядился, чтобы Калашников сдал Пеньковскому дела и по управлению его частью Кистеневки.

Риги перестроены — срв. письмо № 24.

солома... почти даром пропадала — на это обратили внимание крестьяне еще в 1833 г., см. их жалобу № 17, пункт второй.

Следующее письмо Пеньковского к А. С. Пушкину от 30 октября утрачено.

№ 58. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1835 г. Январь 6 6 Генваря 1835 году. Село Болдино

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь!

Получил я вереющее письмо, буду старатся отискивать средств, дабы оправдать себя за Ваше доверие.

Приказываете Вы, Александр Сергеевичь, дабы за Ваше имение не вносить Суммы 7200 руб., требуемой Москов. Опек. Советом, как мне теперь поступить прикажите, когда настоятельно приступает Земский Суд к описи Имения. Если Вы заплотили уже оную Сумму, пришлите ка мне квитанцию, которую я представлю оному Суду.

За Кистеневоже части Сергея Львовича давно уплотил 1270 р. потребованию С. Петер. Оп. Совета (из оброчной Суммы).

По сие время были цены на хлеб очень ниские: рожь не более доходила до 15 руб., Овес до 5-ти, ноние по пристаням поднялись цены, рожь 17 руб. 25 коп., Овес 6 руб. Я сего числа отправил 250 Четвер: ржи на пристань Лысковскую, дабы воспользовастся ценою — притом всем еще хочу остановится с продажею хлеба до 15 Генваря, тогда в Казну будут требования, может цена еще возвысится.

Ржи остается на лице 150 Четвер: овес запроданный 700 Четвертей доставил в Лысково.

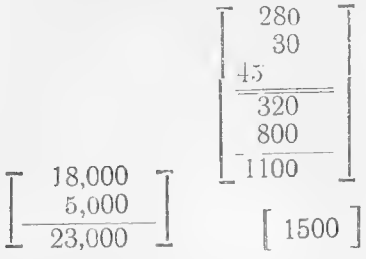
У меня ныньче производится Молочение ржи и отвозка хлеба — в Болдине и в Кистеневе все благополучно. —

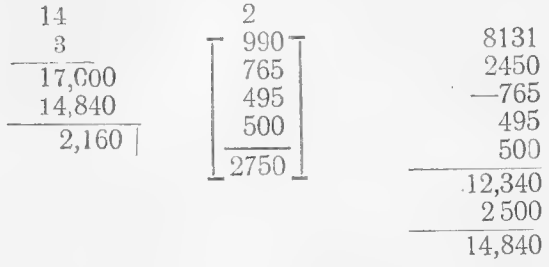
Я же насило могу к Вам писать от простуды, был в ужасной горячке, тепер слававогу возвращается прежнее здоровье.

Остаюсь с Истинным Высокопочитанием и таковую же преданностью

Ваш, Милостивый Государь, Всепокорнейший Слуга
И. Пеньковский.

На обороте рукой Пушкина:





На обороте письма исчисления рукой Пушкина. Зачеркнутые Пушкиным цифры печатаются в квадратных скобках.

Получил я верующее письмо—текст его таков: «Милостивый государь мой, Осип Матвеевич! По доверенности отца моего, статского советника Сергея Львовича Пушкина, имею я в своем ведении в Нижегородской губернии в селе Болдине по 8-й ревизии 563 души, а в сельце Кистеневке в Сергачевском уезде 274 души, да сверх того в том же сельце Кистеневке 220 душ, собственно мне принадлежащих. По случаю пребывания моего в С.-Петербурге прошу вас оное имение принять в полное ваше распоряжение и управление, и буде случатся по оному дела, то следующие прошения, объявления и всякого роду бумаги от имени моего, за вашим рукоприкладством во все присутственные места, также и частным лицам, подавать. По тем делам выписки, экстракты и решения выслушивать, удовольствие или неудовольствие подписывать, на апелляции в высшие присутственные места, со взносом апелляционных денег, подавать, крестьян от обид и притеснений защищать, для работы и промыслов, по вашему рассуждению, отпускать с законными видами, также и дворовых отпускать по паспортам с наложением оброка.

При том имеете вы наблюдать, чтобы казенные повинности и подати были в свое время сполна уплачены; положенный-же с оброчных крестьян оброк получать без недоимок и ко мне высылать; буде окажутся дурного поведения и вредные вотчине крестьяне и дворовые люди, таковых отдавать во всякое время в зачет будущего рекрутства; если окажутся неспособными, то отдавать без зачету, предварительно меня о том уведомив. Словом прошу вас в оном имении распоряжаться как бы я сам, высылая доходы на мое имя; что же вы к приращению доходов и к улучшению имения учините, впредь во всем вам верю и впредь спорить и прекословить не буду.

Двора его императорского величества камер-юнкер титулярный советник Александр Сергеев сын Пушкин. 20 ноября 1834 года.

Сия доверенность принадлежит Белорусскому дворянину Осипу Матвеевичу Пеньковскому .

1834 года Ноября 22 дня сие письмо С.-Петербургской Палаты Гражданского Суда в 1-м Департаменте Двора его императорского величества камер-юнкер титулярный советник Александр Сергеев сын Пушкин явил и объявил, что оное им собственноручно подписано и дано Белорусскому дворянину Осипу Матвееву сыну Пеньковскому. Советник К [неразобр.]. Секретарь Протопопов. Коллежский регистратор Васильев. У сей надписи его императорского величества сего 1-го Деп. Палаты печать. По 13 книге № 346-й» («Русский Архив» 1890 г., № 3, стр. 436—437).

Доверив все дела по имениям одному Пеньковскому и выражая по его адресу комплименты в своих последующих письмах к нему, Пушкин однако продолжал отрицательно его аттестовать, записав в своем дневнике под 28 ноября

1834 г.: «съездил в Нижегородскую деревню, где управители меня морочили — а я перед ними шарлатанил и, кажется, неудачно» («Дневник А. С. Пушкина».— «Труды Государственного Румянцевского Музея», 1923, стр. 62).

Приказываете Вы, Александр Сергеевич — Пушкин писал Пеньковскому 10 ноября: «Получил я ваше письмо от 30 Окт. и спешу вам отвечать. Долг мой в Опекунский Совет я заплачу сам, а из доходов Болдина не должно тратить ни копейки. Что касается до 1 270 требуемых за просрочку Батюшкинова долга, то, если можете найти такую сумму, то заплатите.—Доверенность посылаю к вам на следующей почте. Вы хорошо сделали, что до сих пор не приступили к продаже хлеба. Невозможно, чтобы цены не возвысились. К счастью могу еще подождать» (Ак. П., III, стр. 170 — 171).

настоятельно приступает Земский суд к описи имения — в «Деле по сообщению Московского Опекунского Совета о взыскании с г. Пушкина денег или о доставлении описи имению», № 390 (хранится в Горьковским АОР'е) мы находим следующее решение Нижегородского губернского правления с пометой «К 16 Генваря 1835 № 92»: «Сообщение Московского Опекунского Совета, коим просит поспешить доставлением по требованию его опись просроченному недвижимому имению 10-го класса Александра Пушкина в Сергачьском уезде 200 душам, а также всех собираемых с оного доходов, ибо просроченной суммы числится на заложенном имении 7200 р., по справке оказалось, что вследствие требования опекунского совета о взыскании с г. Пушкина просроченной суммы, а в случае неплатежа об описи имения его и о взятии оного в опекунское управление — 15 сентября прошлого 1834 г. предписано Сергачьскому Земскому суду и Дворянской Опеке с тем, чтобы первой из них доставил опись не далее 2-х недель; но от оного и за сделанным подтверждением от 8 ноября и поныне описи недоставлено, приказали Сергачьскому З. суду за предосудительную медленность сделать «выговор» и строго подтвердить опись имению г. Пушкина, доставить в сие правление с первою почтою, под опасением за дальнейшую медленность строгого взыскания, а дворянской опеке дав знать о сем предписать по сборе дохода с помянутого имения отправить оные в полном количестве в Совет, которой о таковом распоряжении уведомить».

За Кистеневскую часть Сергея Львовича давно уплотил 1 270 р.— 1 270 руб. были уплачены Пеньковским 2 января (см. ЩМ, стр. 132).

На обороте рукой Пушкина — запись произведена Пушкиным между 4 и 17 марта 1835 г., что явствует из анализа цифр правой колонки. Этот подсчет фиксирует расходы Пушкина за 1834—1835 г.:

8 131 — расходы Пушкина с 6 апреля по 1 ноября 1836 г. (ЩМ, стр. 225).

2 4 5 0 — расходы за декабрь того же года (ЩМ, стр. 226).

7 6 5 — расходы за январь 1835 г. (ЩМ, стр. 217).

4 9 5 — расходы за февраль 1835 г. (ЩМ, стр. 218).

5 0 0 — сумма расходов за март — 700 руб., до 4 марта включительно было израсходовано 500 р., следовательно к этому времени относится выписанная Пушкиным цифра (там же, стр. 218).

2 5 0 0 — долг, заплоченный за Л. С. Пушкина (ЩМ, стр. 223). Пушкин подвел итог расходов с апреля 1833 г. по середину марта 1834 г. и получил сумму в 14 840. Те же цифры расхода (за январь — март 1835 г.) мы находим в средней колонке с зачеркнутыми цифрами.

Левая колонка фиксирует приход.

1 4 — это 14 000 — округленная цифра по отношению к 13 860 — приход за 1834 г., исчисленный Пушкиным в его бухгалтерских записях (ЩМ, стр. 221).

3 — или 3 000, срв. «вперед взято мною из доходов 3.000 мои» (ЩМ, стр. 220). Сложив обе суммы и получив 17 000 руб., Пушкин вычел итог правой колонки (сумму расходов) и получил 2 160 руб. «чистого дохода».

Что касается двух верхних колонок с зачеркнутыми цифрами, то вследствие разрозненности и недоделанности исчислений трудно установить их смысл.

№ 59. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1835 г. Января 15

15 Генваря 1835 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь!

Имею честь донести Вам, что поступило взыскание на Селе болдине из С. Петерб: Опек: Сове: на 11 114 руб: — при сем посылаю копию Указа, там значится по какому Займу. —

Я продал ржи 380 Четвертей по 17 руб. 20 коп., у меня всего находится денег 7000 руб. асыгнац., в числе оных 1200 оброчных из ва-

шей части, очень трудно вскором времени уплотить так большую Сумму, притомже бури ежедневные препятствуют в молодьбе хлеба— нужно бы справиться в Опек: Сов:, нетли ошибки какой, что вдруг так большое взыскание.

Позвольте Вам Александр Сергеевичь предложить на щет уплаты Опек: Совета, неугодно ли Вам будет приказать мне уплачивать в Опекун: Совет, Сколько Именно, по каким займам и в какое время, а из уплаты к вам квитанций доставлять — выгодней было бы для Вас и спокойней. Я уже в Губер: Правление и в Земский Суд чиновникам отдал 200 руб., дабы неприступали к описи Имения, еслибы в свое время уплачивать, тогдабы небылобы хлопот и лишних расходов — на мое уведомление ожидать буду Вашего Приказания.

С Истинным Высокопочитанием и Таковуюже
Преданностью Ваш, Милостивый Государь,
Всепокорнейший Слуга
И. Пеньковский.

взыскание на 11 114 руб. — быть может просроченные проценты по займу 26 июня 1824 г. (Срв. «Красный Архив», т. 28, стр. 232).

№ 60. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1835 г. Февраля 19

19 февраля 1835 году
Село Болдино

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь!

Относился я к Вам 30-го октября на щет взыскания Московского Опек: Совета по Залогу Селца Кистенева, что поступило из Вашей Части 7200 руб. из С: Петербургскаго Опекун: Совета, Части Сергея Львовича 1270 руб: и при оном переслал из указов выписку, на ето я иполучил Ваше приказание от 10 Ноября, что долг Ваш в Москов: Опек: Сов: Вы Сами уплотите, а из доходов болдинских не должно тратить ни копейки; долг Сергея Львовича уплотить.

По оному приказанию немедля уплотил долг Сергея Львовича 1270 руб: и тогдаже упросил Нижегородское Губернское Правление на Ваш долг отсрочку на 4 м-ца — она коньчилась 11-го февраля.

Тоже 15 Генваря сообщал Вам, что еще поступило взыскание по залогу Села болдина Части Сергея Львовича из С. Петерб: Опекун: Сов: на 11 114 руб., и при оном переслал копию Указа.

На ето получил от 27-го Генваря Ваше распоряжение, дабы немедленно внести 4000 за Сергея Львовича, а остальныя за Вашую долю получить отсрочку на 4 м-ца.

Требует С: Петерб: Опек: Сов: с Сергея Львовича по залогу Села болдина асыгнациями 11 114 руб. кроме 7200 руб., которые следует внести за Вашую часть, числеющуся в Сельце Кистеневе — всего по требованию Москов: Опек: Сов: и С. Петербургскаго следует уплотить по залогам 18 314 руб. асыгнациями.

Уменя по сие число находится из разных Сумм наличных денег 12.000 руб. монетой, оные деньги я бы к Вам отправил в Генваре М-це еслибы небыло так большаго взыскания на Село болдино—теперь Я полагаю нужным удовлетворить Опек: Сов: по залогу болдинскому, а остальныя, куда прикажите к Вам пересылать.

По приказанию Вашему на ету почту отчетов на 1834 и 1835 год не успел зготовить — оканьчиваю Овес молотить, который поступить в продажу до 25 числа етого М-ца, рожь коньчил молотить по 20 Ген-

варя, и всю продал в Генв. м-це: 380 четв: по 17 руб. 20 ко. и 230 Четв: по 16 руб. 40 коп. Сего числа насыпаю овес в Лысково, почем продам, уведомлю на будущей почте.

В Селе болдине и Кистеневе все благополучно—очем доносит с истинным Высокопочитанием и таковую же Преданностию Ваш

Милостивый Государь
Всепокорнейший Слуга
И. Пеньковский.

относился я квам 30-го октября—письмо Пеньковского утрачено
ваше приказание от 10 ноября—срв. письмо № 58.
получил от 27-го генваря Ваше распоряжение—это письмо А. С. Пушкина Пеньковскому до нас не дошло.

№ 61. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1835 г. Апреля 9

9 Апреля 1835 году
С. Болдино

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь!

На мое донесение от 19 фев: неполучив Вашего приказания на щет уплаты по требованию С. Петерб: и Московск: Опекунских Советов, Решился удовлетворить С: Петерб: Опек: Сов: по залоту Села болдина требоваемых капитала и процен: 11 114 руб., в число оных уплотить в Лукояновский Земский Суд 7000 руб. асыгнац: достальные 4114 руб. удержал по притчине той; что я в прошедшем 1834 году Марта 23 числа по требованию Опек. Сов: уплачивал в Лукояновский Зем: Суд 4113 руб. 80 коп. асыгнац:, по сие число неполучал от С: Петерб: Опек. Сов: квитанций, Лукояновскаго Земскаго Суда Квитанцию наоную Сумму получил и Доставил тогоже М-ца Сергея Львовичу. Нынеже Марта 26 числа послал в С. Петер. Опек: Совет прошение, дабы благоволено там расмотреть; не в двое ли требует опек: Совет, если точно следует по последнему требованию 11 114 руб: то дабы мне выслано из С: Петер. Опек: Сов: на прежние 4113 руб. 80 ко. Квитанция, тогда я идостальные 4114 руб. взнесу (не получил ли Сергей Львовичь в Совете Квитанций, которой я требую).

Позалогу Сельца Кистенева части Вашей в Москов: Опек: Сов: приказывали мне получить отсрочку на 4 м-ца. Я партикулярную отсрочку имел на 5 м-цов и дошло до етаго, что Заседателя Сергачскаго Зем: Суда отдано под Суд зане исполнение Описи Вашего имения; после чего я ездил в Губернское Правление, хотел еще испросить отсрочки на 4 м-ца, там мне отказано, и никому не дает Опек: Совет кроме тем, в которых имениях по засвидетельствованию уезднаго Предводителя случается значительный урон напр: неурожай хлеба, пожар, падеж скота и прч:, а у Вас благодаря бога не льзя мне было с етим отозватся. Принужден был уплатить в Москов: Опек. Сов: 7200 руб. асигнац. Поступило в Уплату из болдинской Суммы асыгнациями 4920 рублей —

За Часть Сергея Львовича в С. Кистеневе уплочено 1270 руб.; о чем уже давно Вам доносил, всего по отъезде Вашем из болдина, с Страховыми ивесовыми в Опекун: Совет: уплочено асыгнац: 15670 руб. на монету, с променами по 15 и по 15½ коп. на каждый рубль 18070 руб. 50 ко., тепере ожидаю резолюции Опек: Сов: на 4114 руб.— уменя находится наличных денег из разных Сумм 2160 руб. монетой.

По Сельцу Кистеневу в часть Сергея Львовича поступил Указ из С: Петерб: Опек. Сов: в Губернское правление, дабы описать оное имение, хотя уплоченные деньги 1270 руб:, и доставить Опись в Опек.

Совет. Я непонимаю, для чего ето делает Опек: Совет, разви для етого только: за неисправность в платеже, что уже наскучило Опек: Совету предписывать об описи Имения. Нужнобы Александр Сергеевичь справится в Опекунском Совете и испросить, дабы предписал Губер: Правлению оставить опись имения, когда нету взыскания: присем пересылаю к Вам копию онаго указа.

По нонишней розкладке на 1835 год определено на барщину 180 тягол, на оброк 66 тягол, всего тягол 246 — на оброк определил тех, которые, неотлучаясь из Вотчины, могут внести оный, насторону неотпускаю, по притчине той, что они вместо оброку приносят разные отговорки, притомже вовремя отлучки дома их приходят в разорение, не засеваются их поля, жены и дети таковых приходят до самой крайности в пропитании себя. На уход Вашей земли сделал 45 борон железных и надеюсь, что они небудут безполезны.

Озими ныне оказались очень хороши, чем бог обрадует в перед— Барщиной очищаю Лес неудобныи и обращаю напашню.

Позвольте Александр Сергеевичь Вам предложить на щет барщины, по моему мнению Гораздо полезней былобы для Вас, еслибы в Селе болдине совсем уничтожить оброчные тяглы, а всех определить набарщину. Я сужу подоходу 1834 году, что всякое тягло, коих было 160 на барщине, дало более 100 руб:, по сие число за продажу хлеба поступило в Приход 18700 ру. 75 ко. монетой, и еще остается в продажу 100 Четвертей Ячьменю, и я полагаю, что должно остатся отсеменов овса в продажу до 30 четвертей, которой начинается молотить серомолотом для посеву. И так я полагаю должны Вы получать, обратив всех болдинских на барщину, до 30.000 тысячь рублей — об оном нужно только решения Вашего. Я смоей стороны надеюсь оправдать себя в моем предложении. Я вижу, что Сергея Львовича большие обязанности зашли с Опекун: Советом, тем только можно будет освободится от обязанностей Опек: Сов: и останется часть доходу, которым можно будет прожить без крайней нужды, — если Вам угодно будет утвердить мое предложение. Я Мартовский оброк с 66 тягол возьму, летом буду оными тяглами готовить землю набудущие озими — нынеже всех определить к Еровому полю невозможно по недостаче земли.

Доношу Вам Александр Сергеевичь, что после покойнаго Василья Львовича, вторую половину Села болдина купил из Акционнаго торгу некто Сергей Зыбин, и уже прислал партикулярное свое распоряжение в бурмистру. Как прикажите поступить на щет земли пахатной, которой находится в той половине до 170 десятин Лишних, они отрезанны после полюбовной межы, и оные поступают Г-ну Зыбину. Мне извесно от Крестьян, будтобы Сергей Львовичь подавал Мировую прижизни Василия Львовича, в каком смысле икуда подана; можнои хлопотать, дабы обратить во владение Ваше оных 170 десятин.

Отчеты перешлю к вам за 1834 год, когда покончу молотить Овес, который оставлено на Семена сыромолотом. Ныне в страсную Суботу попались в воровстве первейшие воры, Ефим Захаров, и Тимофей Михайлов; украли пару лошедей в Сергачском уезде и изобличены сознались; отправлены в Суд и дай бог избавится от разорителей Вотчины, дабы пошли на поселение, в Солдаты они не способны, туда бы им и дорога за их развратную жизнь в пример другим.

Я получил приказание от 13 Марта Сергея Львовича, дабы переслать по почте Кистеневские планы с принадлежащими документами по нынешней почте и переслал. В Селе болдине и Сельце Кистеневе

все благополучно — очем доносит с Истинным Высокопочитанием и таковую же преданностью

Ваш Милостивый Государь
Всепокорнейший слуга
И. Пеньковский.

в числе оных уплатить в Лукояновской Земский суд 7 000 руб.—7 000 руб. были внесены Пеньковским 18 апреля 1835 г. двумя суммами в 5 500 и 1 500 руб. (ЩМ, стр. 132).

не вдвое ли требует Опек. Совет — быть может недоразумение заключалось в том, что Пеньковским было внесено 4113 руб. 80 коп. в погашение процентов по залогу имения 6 ноября 1830 г., между тем по займу 26 июня 1824 г. также была просрочена сумма в 4 113 руб. 07 коп. (Срв. «Красный Архив», т. 28, стр. 232). Впрочем сумма в 4 114 руб., о которой идет речь в письме, так и не была внесена Пеньковским в 1835 г.

Заседатель отдан под суд за неисполнение описи — сельский заседатель Иван Евдокимов в рапорте от 1 марта 1835 г. сообщил Нижегородскому губернскому правлению от лица Сергачского уездного суда, что по «недоставлению объяснения» и «предписанию исполнения» заседателю Трескину было сделано подтверждение 31 января «Но за всем тем, от заседателя Трескина и по сие время ни описи имению, также и требуемого объяснения в суд недоставлено» («Дело 1.», № 390).

Принужден был уплатить в Москов. Опек. Сов. 7 200 руб.—соответствующая квитанция — № 8059 от 29 марта 1835 г.; факсимильное воспроизведение квитанции см. ЩМ, стр. 97. Деньги были внесены Пеньковским 19 марта (ЩМ, стр. 232).

поступило в уплату из болдинской суммы ассигнациями 4 920 р.—несмотря на то, что А. С. Пушкин 10 ноября писал: «долг мой в Опекунский Совет я заплачу сам», деньги им внесены не были, и Пеньковский уплатил проценты по долгу Александра Сергеевича, заимствовав деньги из сумм болдинской экономии. Таким образом норма А. С. Пушкина «из доходов Болдина не должно тратить ни копейки» (там же) оказалась невыполненной (также в письме Павлищеву от 4 мая 1834 г. Пушкин писал: «состояние мое позволяет мне не брать ничего из батюшкина имения»). Поэтому следует признать не соответствующим действительности утверждение П. Е. Щеголева, писавшего: «Подчеркнем, что с момента вступления в управление имением для себя лично Пушкин не пользовался крепостными доходами» (ЩМ, стр. 125).

на барщину 180 тягол — в 1834 г. барщинных тягол было 140½; таким образом для поднятия доходности имения Пеньковский перевел за год на барщину с оброка 40 тягол.

должны Вы получить до 30 000 тысяч рублей — ошибочно вместо 30 тыс. руб.

сеpомолот — правильнее сыромолот (сыробой) — молотьба на скорую руку, без овинной сушки.

некто Сергей Зыбин — полковник Сергей Васильевич Зыбин.

земли пахотной 170 десятин — имеется в виду земля, прирезанная землемером М. Е. Ивановым во владение В. Л. Пушкина, см. приложение, карта № 2, а также письмо Иванова (№ 3). В описи Болдина, составленной после 1838 г., Пеньковский писал: «В раздельном акте следует наследникам упомянуть, если не достанет при нарезке каждому числа десятин из доставшихся по разделу 3244½ десятины на часть Сергея Львовича, тогда то количество десятин пополнить из части нынешнего владельца полковника Зыбина. Полковник Зыбин хотя и купил с аукционного торга после смерти Василья Львовича, но не может удержать более того, что купил; при покупке в описи имения неверно было упомянуто число десятин, а число десятин должно быть то самое, сколько было упомянуто в полюбовной сказке при разделе в 1817 году» — (ЩМ, стр. 260). Из приведенных слов Пеньковского явствует, что при жизни А. С. Пушкина ничего не было предпринято для обращения спорных 170 десятин во владение Пушкиных, о чем запрашивает Пеньковский поэта в настоящем письме.

№ 62. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1835 г. Июня 4 Июня 4 числа 1835 год
С. болдино

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь!

Получил я Ваше письмо от 1-го Маия, приказываете в оном дабы Кистеневские доходы пересылать к Ольге Сергеевне и Льву Сергееви-

чу. Я по сие время не получал от новых Господ никакого приказания. Присем доношу, что в Сельце Кистеневе в Части Сергея Львовича производится опись, по распоряжению С. П: Опек: Сов: Я никакого средства ненахожу, дабы отвратить оную; Указ Опек. Совета я к Вам переслал 9-го Апреля; в оном прописывается, хотя последовала надлежащая уплата, между тем описать имение и отдать в прежние распоряжение заимщика, числя однакож оное по прежнему в Залоге и под запрещением дополной Уплаты всего долга Опекунскому Совету. — Я понимаю из Указа, что велят описать имение за неисправность в платеже.—Я Вам предлагал сего Года Генваря 15 числа об уплате по займам в Опек. Сов: дабы мне припоручить уплату, собственно для Вашего спокойствия; назначить, Сколько Именно по Каким займам ивкакое время года уплачивать Опекунскому Совету — в один год из доходов можнобы удовлетворить опек. Сов:, хотя уже большое упущение в неисправности платежа последовали, в будущие года исправно уплачивая, всегда большая половина доходов должна оставатся для Вас — иначей нельзя етого в порядок привести; в противном случае Вы должны лишится ни зачто имения.—

От 3-го Маия сего года поступил Указ С:Петерб: Опе:. Сов. в Нижегородское Губернское правление овзыскании по залогу Села болдина на 5625 руб:, вслучаи неплатежа приступить к описи имения — уменя находится неболее 2300 руб., хотя займу у кого либо и уплачу сполна. Квитанций еще неполучил из Опек. Совета на взнесенную Сумму 4113 руб. 80 ко. в прошедшем году в Марте м-це. Квитанцию же мне лично данную на оную Сумму Лукояновскаго Земскаго Суда представил тогдаже к Сергею Львовичу, — нетли какой ошибки в Опек Совете, нетребуют ли в двойне. Я ныне в Марте м-це послал в месте с уплатою 7000 руб. объяснение и просил Квитанций на 4113 руб. 80 коп., посие время из Опек: Сов. на мое прошение нету резолюций. —

Пересылаю Копии Указов Опек. Совета — и Квитанций С: Петерб: Опек. Совета 1834 года № 7127, 1835 года № 123, № 906, № 907, Московскаго Опек. Совета 1835 года № 8059, всего пять квитанций.—

Апреля 9-го Испрашивал я увас, как мне поступить на щет земли, которая несправедливо отрезана из Вашей части П: Васильем Львовичем, ныне поступает Сергею Васильевичу Зыбину всей земли пахатной 170 десятин, будтобы была Мировая между П. Васильем Льво. и Сергеем Львовичем в каком она смысле была подана ивкакое присутствие, очень бы хорошо былобы обратить оную Землю в Вашую часть—ныне Сергей Васильевичь Зыбин занимается лично в болдине по части хозяйственной. — Я виделся сним и приметил по словам его, жалеет, что купил, вподелам радуется, имне говорил, что заплатил 230 000 руб: —

в Селе болдине Вашие озими хороши, Еровой всход хорош тоже и Крестьянские — в Кистеневе тоже.

Барщиной очищаю неудобные леса на пашню, и поземом унаваживаю земли старые, тощие — очем Доносит с Истинным Высокопочитанием и Таковуюже Преданностью Ваш Милостивый Государь

Всепокорнейший слуга
И. Пеньковский.

Получил я Ваше письмо от 1-го мая — в нем Пушкин писал: «Все ваши распоряжения и предположения одобряю в полной мере. В июне думаю быть у вас. Дела мои в П. Б. приняли было худой оборот, но надеюсь их поправить. По условию с батюшкой, доходы с Кистенева отныне определены исключительно на брата Льва Сергеевича и на сестру Ольгу Сергеевну. Следственно все доходы с моей земли отправлять, куда потребует сестра или муж ее, Ник. Ив

Павлищев; а доходы с другой половины (кроме процентов следующих в ломбард) отправлять ко Л. С., куда он прикажет. Болдино останется для батюшки. На днях буду писать вам обстоятельнее» (Ак. П., III, стр. 197—198).

Ольга Сергеевна — сестра А. С. Пушкина, Ольга Сергеевна Павлищева (1797—1868), с января 1828 г. замужем за Николаем Ивановичем Павлищевым. В детстве была дружна с братом; с момента ее замужества отношения стали холоднее. Вредили отношениям денежные расчеты в связи с запущенностью дел имений. Об ее материальных претензиях свидетельствуют ее французские заметки, опубликованные Щеголевым (ЩМ, стр. 236—237). Впрочем своему мужу она писала так об Александре Сергеевиче: «Знаешь что? Он очень порядочный и дела понимает, хотя и не деловой» («Пушкин и его современники», вып. XVII—XVIII, стр. 193). Письма О. С. Павлищевой к мужу напечатаны в сборниках «Пушкин и его современники», вып. XV, XVII—XVIII и XXIII—XXIV. В настоящем издании впервые полностью публикуются ее воспоминания, записанные Н. И. Павлищевым. О ней писал ее сын Л. Н. Павлищев («Новости» 1875 г., №№ 1, 4, 7, 9 и 11, а также в книге «Воспоминания об А. С. Пушкине». М., 1890), Н. О. Лернер («Сестра Пушкина» в первом томе собрания сочинений Пушкина под ред. Венгерова) и В. В. Вересаев («Спутники Пушкина», I, 1934).

Лев Сергеевич — младший брат А. С. Пушкина Лев Сергеевич Пушкин (1805—1852), воспитывался в Благородном пансионе, курса не окончил. Служил в департаменте духовных дел иностранных вероисповеданий, с 1827 г.—на военной службе; уволен в 1842 г. майором, позднее служил таможенным чиновником. Был дружен с братом, который поручал ему дела по своим изданиям. Позднее разошлись. Александр Сергеевич часто выручал брата из денежных затруднений. Поэтические опыты Л. С. Пушкина опубликованы Б. Модзалевским в сборнике «Пушкин и его современники», вып. XVII—XVIII, см. также одесский сборник «Пушкин», I, 1925. Известно три письма Л. С. Пушкина А. С. Пушкину и 39 писем поэта к нему.

в части Сергея Львовича производится опись — частые описи имений Пушкиных дали повод О. С. Павлищевой не без преувеличения охарактеризовать положение вещей так в письме мужу от 12 сентября 1835 г.: «Вообрази, что в прошлом году имение описывали пять раз».

взыскание по залогу села Болдина на 5 625 р.—выплачены Пеньковским 12 июня 1835 г.

квитанции Петерб. опек. совета—в «Книге для записывания получаемых квитанций» значатся квитанции: № 7127 от 11 сентября 1834 г. об уплате 350 руб.; № 123—от 2 января 1835 г. об уплате 1 270 руб.; № 906 — от 18 апреля 1835 г. об уплате 5 500 руб.; № 907 — также от 18 апреля об уплате 1 500 руб. (ИРЛИ, № 4570).

квитанция московского опек. совета — об уплате по обязательству А. С. Пушкина капитала 895 руб., процентов за 1832—1834 гг. — 5 939 руб., просрочки — 366 руб., всего — 7 200 руб. (ИРЛИ, № 4570; оригинал хранится в делах опеки). Срв. предшествующее письмо.

П. Васильем Львовичем — покойным Васильем Львовичем.

Зыбин говорил, что заплатил 230 000 руб.—Щеголев пишет: «в 1835 г. часть Василия Львовича была продана с аукциона полковнику С. В. Зыбину за 220 000 руб.» (ЩМ, стр. 111).

№ 63. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ—А. С. ПУШКИНУ

1835 г. Декабря 31

31-го Декабря 1835 года.
Село болдино

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь!

Собраный оброк Декабрский в Сельце Кистеневе части Вашей по распоряжению Вашему, сего Месяца 22-го числа переслал в Варшаву к Николаю Ивановичу Г-ну Павлищеву асыгнац: 900 рублей —

от 3-го числа сегоже М-ца предписывал мне Сергей Львовичь, дабы поста[вил] на вид Николаю Ивановичу В[аш] долг Московскому опекунскому [Со]вету, о чем я инезамолчал в [пись]ме к Николаю Ивановичу предл[ожил] дабы из Мартовскаго оброку [оборвано] следующий процент за 1835 год [оборвано] скому Опекунскому Совету [оборвано], что ожидаю Его решения—Полагаю, что лучше будет ежегодно платить процент, удерживать же оный для Вас очень невыгод-

но е[ди]новременно плотить за три года—снабдите меня, Александр Сергеевичь, адресом, куда к Вам письмы адресовать—в Селе болдине и Кистеневе все благополучно — очем доношу для ведома Вашего с Истинным Высокопочитанием и Таковуюже Преданностю

Ваш
Милостивый Государь
Всепокорнейший
Слуга
И. Пеньковский.

р а с п о р я ж е н и е В а ш е — письмо это А. С. Пушкина к Пеньковскому неизвестно. Можно предполагать о его содержании, сопоставляя распоряжение А. С. Пушкина (о высылке 900 руб. из доходов имения мужу сестры), со следующими строчками письма О. С. Павлищевой к мужу от 22 ноября 1835 г., писавшей по поводу возмутившего Сергея Львовича письма Н. И. Павлищева: «К счастию в эту минуту пришел Александр. Мой отец отводит его в сторону, чтобы показать письмо управляющего и ударяя по нем: «Что это такое, что это должно означать? Я не понимаю». Я только это и слышала, потому что удалилась в другую комнату, чтобы предоставить им поле действия. Я слышала, как они спорили, Александр с большим жаром, а затем он, оставив его [Сергея Львовича] пришел сказать мне: «имеется 900 руб. для тебя, но тебе ничего не дадут, потому что мой отец, несмотря на мои доводы, уперся, и уверяет, что это для Льва. А муж твой виноват: если бы он написал прежде Пеньковскому, деньги были бы у него». Моя мать услышала с постели разговоры о делах и испугалась, она боится сцены» («Лит. Насл.», № 16—18, стр. 796). — Надо думать, что, не убедив отца, Александр Сергеевич распорядился, чтобы соответствующая сумма из ближайших доходов его части Кистеневки пошла на сестру и была направлена Н. И. Павлищеву.

Н и к о л а й И в а н о в и ч П а в л и щ е в (1802 — 1879)—муж О. С. Павлищевой. Проживал в то время в Варшаве, служа там в качестве помощника статс-секретаря Государственного совета. Расчетливый чиновник, Павлищев не мог понять бесхозяйственности Пушкиных и осаждал поэта письмами финансово-хозяйственного содержания. Об этих письмах его жена писала ему: «Я сердита на тебя за то, что ты пишешь Александру. Это приводит только к разлитию желчи; я не помню, чтобы он был когда-нибудь в таком отвратительном настроении. Он кричал до хрипоты, что он предпочитает отдать все, что у него есть (со включением, может быть, и жены), чем иметь снова дело с Болдиным, управителем, ломбардом и т. д.; что ты должен адресоваться только к Пеньковскому; что это его, управителя, дело быть в курсе дел, что он, Александр, уплатил за все и не должен больше ни о чем знать. Он не прочел твоего письма; он вернул его, не распечатав и не бросив на него взгляда» (письмо от 31 января 1836 г.) — В конце июня 1835 г. Пушкин сложил с себя управление имениями.

к у д а к В а м п и с ь м а а д р е с о в а т ь — Пушкин жил в то время на своей предпоследней квартире в Петербурге — на Дворцовой (Французская набережная), в доме Баташева.

№ 64. И. М. ПЕНЬКОВСКИЙ — А. С. ПУШКИНУ

1836 г. Апреля 28

28 апреля 1836 года
С. Болдино

Александр Сергеевичь!
Милостивый Государь

Сообщаю для сведома Вашего, что с Вашей части в Сельце Кистеневе по предписанию Николая Ивановича собранный оброк Мартовский 900 руб. переслан в Московский Опекун: Совет 10 числа Марта месяца и до сих пор не получено еще квитанций на оную Сумму.

Предписывал мне Николай Ивановичь, дабы уведомить его, сколько именно в Кистеневе в Вашей части собирается годоваго доходу, о чем я уже и доносил,—и можно ли умножить годовой доход. Я другаго средства не предвижу, как только возвысить на крестьянах оброк—это зависит от Вас—осем до сих пор Николаю Ивановичу не отвечал. —

Вчерашнего числа получил письмо Сергея Львовича, из котораго понял, что находится в ужасном растройстве после покойной Вашей Матушки, а моей Благодетельницы Надежды Осиповны, и в оном прописывает — не знаю, куда приклонить голову. — Я на сие решился предложить Сергею Львовичу, дабы оставил Петербург и переехал в болдино, что там может найти по Сельскому хозяйству разнаго роду приятности и что может жить спокойно, ни в чем ненуждаясь.

Так как мне известны все обстоятельства Сергея Львовича, по моему мнению одно только средство и остается, которым может поправить свое состояние, современем может быть полезным и для Вас.— Преданность моя к Вам и Сергею Львовичу заставила меня решится на сие предложение.

Неоставляйте, Александр Сергеевичь, сего без внимания, употребите все средства уговорить Сергея Львовича переездом в болдино—

Намеревается Сергей Львовичь переехать в Москву и жить с зятем господином Сонцевым, и ето к лучшему, но не столько полезно, в болдине невпример меньше будет издержек, и более найдет развлечения и приятности.

Болдинской же Дом совсем в другом виде, прошедшаго Лета выщекатурен, полы новые выкрашены, только недостает мебели. Деревенская мебель не требует значительной Суммы, одним словом для житья удобен и тепел.

В Селе болдине и Кистеневе все благополучно, очем доношу с Истинным Высокопочитанием и таковую же преданностью

Ваш, Милостивый Государь, всепокорнейший Слуга
И. Пеньковский.

Два отрывка из письма впервые опубликованы в сборнике «Звенья», № 3—4, стр. 136—137.

оброк мартовский 900 руб. переслан в Московский Опекунский Совет — Пеньковский переслал деньги из Абрамова. Из 900 руб. 366 руб. пошло на погашение капитала (займа), 55 руб. 05 коп.—на выплату процентов, 478 руб. 95 коп. было взыскано за просрочку. Квитанция от 6 апреля 1836 г. хранится в ИРЛИ (4463 XXIIIб. 1). Настоящая уплата была произведена по долгу А. С. Пушкина в 40 000 руб. Таким образом ни разу по своему займу А. С. Пушкин самостоятельно процентов не внес.

после покойной вашей матушки — Надежда Осиповна Пушкина скончалась 29 марта 1836 г.

решился предложить Сергею Львовичу, дабы . . . переехал в Болдино — С. Л. Пушкин приезжал в Болдино осенью 1836 г.

Господин Сонцев — Матвей Михайлович Сонцов (1779—1847), с 1803 г. муж тетки поэта Елизаветы Львовны. Камергер. Служил переводчиком Коллегии иностранных дел.

Болдинский дом — в описи Болдина, составленной Пеньковским уже после смерти Александра Сергеевича, дом описан так: «В Болдине господский дом деревянный с мезонином, соснового и дубового лесу... на каменном фундаменте, с каменным подвалом, тесом крыт. В нем девять горниц, в мезонине две горницы, внутри святая икона божьей матери, шесть кресел, двадцать четыре стульев, два ломберных стола, два стола столовых, четыре софы, один шкаф старинный — внизу с выдвижными ящиками, вверху полки, раствор стеклянный; один шкаф угольный, стеклянный, один шкаф в кладовой с ящиками, один комод с тремя выдвижными ящиками, два зеркала в три четверти аршина. Ценность дому с вещами, к нему принадлежащими, 5 000 руб.» (ЩМ, стр. 261).

О дальнейшей судьбе пушкинского дома в Болдине читаем в неопубликованном письме племянника поэта Анатолия Львовича Пушкина, владельца Болдина, на имя председателя Нижегородской ученой архивной комиссии от 22 марта 1899 г.: «Жительство дяди было в Болдине на месте нынешней усадьбы, в маленьком доме, который впоследствии, в сороковых годах, управляющим имения Пеньковским отдан был в дар священнику. Зять этого священника, ныне умерший, передавал мне, что на стенах и косяках были подписи рукою Александра Сергеевича. Дом этот с тех пор несколько раз ремонтировался, перемешались бревна

и наконец все стены были штукатурены. Барский же дом и сад, находящиеся в Болдине, имеют свое начало с 1846 года». В книге Н. Саввина читаем: «Самый дом, где жил Пушкин, не сохранился: он был сначала, говорят, перенесен во Львовку (деревня в шести верстах от Болдина), где жил сын поэта. Потом он снова был переброшен в Болдино и теперь из него выстроена амбулатория» («Болдино и А. С. Пушкин», стр. 43). Сведение о переносе дома в Львовку ошибочно. В номере «Крестьянской газеты», посвященной Болдину, в заметке «Дом поэта» читаем: «У нас среди болдинских наших пушкинистов идут споры, в каком именно доме жил А. С. Пушкин, одни настаивают на том доме, где сейчас амбулатория, другие — на школе. Один из здешних знатоков пушкинской старины, Иван Васильевич Киреев, категорически утверждает, что настоящий дом Пушкина — это и есть большой дом, где теперь помещается школа» (номер от 28 января 1935 г.). Мнение И. В. Киреева в виду вышеприведенных слов А. Л. Пушкина следует отклонить.

Пушкин писал Пеньковскому в ответ на это письмо 14 июня 1836 г.: «Возвратясь из Москвы, нашел у себя письмо ваше. Надеюсь, что квитанция из Моск. Совета вами уже получена. Оброк прибавлять не надобно. Если можно и выгодно Кистенево положить на пашню, то с богом. Но вряд ли это возможно будет. Батюшка намерен нынешний год побывать у вас; но вряд ли соберется. Жить же в Болдине, вероятно, не согласится. Если не останется он в Москве, то думаю, поселится в Михайловском. Очень благодарен вам за ваши попечения о нашем имении. Знаю, что в прошлом году вы остановили Батюшку в его намерении продать это имение и тем лишить, если не меня, то детей моих, последнего верного куска хлеба. Будьте уверены, что я никогда этого не забуду. А. П. — О Михайле и его семье буду к вам писать».

№ 65. М. И. КАЛАШНИКОВ — А. С. ПУШКИНУ

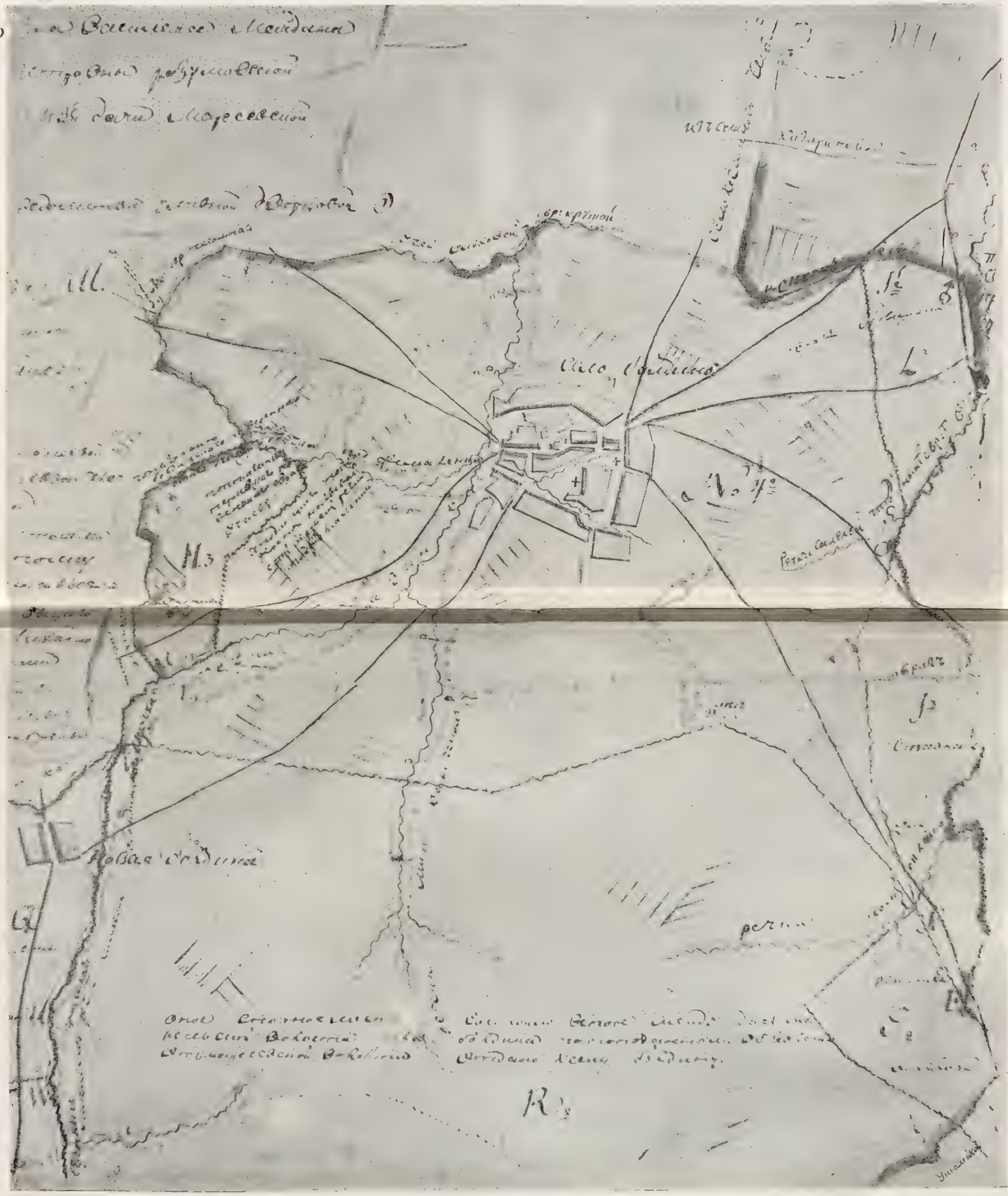
1863 г. Декабря 22

Милостивый Государь
Александр Сергеевичь!

Я опять оСмелился безпокоить вашу Милость Моею Прозбою, хотя чувствую Тягость прозб, но Тягость Моего положения Мучительна: мне около Семидесяти Лет; ивсе Сии Семдесят Лет проведены Наслужбе Господ Моих, С усердием Сърадостию употреблены, все Мои Способности, бескорысность всегда была Моим Правилом, пять Сынов Мною Предоставлено в Замену Моей Старости, Надежда Набога, Надежда На Господ Единствено Питали Меня в будущем; Я переносил Стерпением всебури Мирских гонéний, Незащищая Себя, Неоправдывая Противу Несправедливостей и Клеветы, допоследняго теперешняго Моего Существования Непроизносил я Малейшаго ропота, Аравно итеперь. Но я, Находясь Въболезни, ивижу Приближение Смерти иравнодушно ожидаю Ея с Чистою Совестию! и Находясь въбедности СъНещастной Моей Дочерью оСмелился Припасть Еще Квашему Милостивому покровительству, положенныя вашей Милостию напропитание Мне 200 рублей, батюшка Серьгей Львовичь уничтожил, Аопределил только 50 рубл. въгод, иодин хлеб; обратится Стребованием Къдетям Я Сам им ничего не дал окроме Нещастной жизни, ипотому Ненахожу Никого помощником Моей бедности оКроме вашей Милости, ивытеперь оДна Наша Надежда.

Покойный Дедушка ваш обещал мне и Семейству Тихое Счастие: но бог Лишил Нас Сего блага отнятием жизни, Стех пор Прошло Много Лет и мы въвас увидели Желанную Надежду, необманите вней, помогите как Милостивый Господин, Как добрый отец Приявший Недостойнаго Сына, Накиньте покров Свой, Как илия Наслугу ипрославятся Щедроты ваши; тем более: что Семейство Моевсегда и прежде пользовалось вашими Милостями иСлышало ваши благодетельныя обещания; Сын мой Первоначально Служил вам, имел Счастие Доказать Еще въребячестве свою верность иусердие, итеперь равно Другим оплачивает оброк, Старший Сын, удрученный болезнями, Съженою,

ГРИФ-СФИНКС, ПОДАРЕННЫЙ ПУШКИНЫМ А. А. ДЕЛЬВИГУ В 1829 г.
Государственный Литературный Музей, Москва



ЧАСТЬ ПЛАНА БОЛДИНА СПЕЦИАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ (I)
Межевой Архив, Москва

ПЛАН ПОЛСЕЛА БОЛДИНА ВЛАДЕНИЯ С. Л. ПУШКИНА РАЗМЕЖЕВАНИЯ 1818 ГОДА (II)

Государственный Литературный Музей, Москва

тремя Детьми Неимеет пристанища иСпособа прокормить Себя, пишет Комне, прося помощи, где возьму Я подать им Сию, Когда Еще Наруках Моих нещастная Дочь! Младший Сын, о Коем мы просили вас, ивбытность Нонешняго Лета Сергея Львовича, Который живет упомещика Забездельную плату, хотя бы вы Его мне Напомощ отдали Завсех Других детей, Сам Серьгей Львовичь обещал С вами посоветовать, а это уверяет Нас ваша воля и мы Щасливы; иЗасим во ожидании вашего Милостиваго ответа,

Ваш верноподанный раб Навсегда пребуду
Михаил Калашников

Неоставте, батюшка, вас бог вознаградить всей жизни ивбудущем веке и батюшка ваш так был к нам ласков, дай бог, чтобы отец родной был так расположен.

Село Болдино.
1836 года Декабря 22 дня.

Основной текст письма писан писарской рукой, со слова «пребуду» — рукой М. Калашникова.

мне около семидесяти лет — в 1836 г. Калашникову было около 60 лет.

пять сыновей — Федор, Василий, Иван, Петр и Гаврила.

покойный дедушка ваш — Осип Абрамович Ганнибал (1744—1806). Вероятно имеется в виду не родной дед А. С. Пушкина, а брат его Петр Абрамович Ганнибал (1742 — был жив в 1825 г.), генерал-майор. В отставке жил в своем имении Петровском Опочецкого уезда. Ему прислуживал Калашников.

отец, принявший недостойного сына — имеется в виду так называемая «притча о блудном сыне».

покров свой, как Илия на слугу — имеется в виду ветхозаветный пророк Илия; при «взятии» его «на небо» его спутником Елисеем была поднята милочь (овчина) Илии, упавшая с него от вихря (Четвертая книга Царств, гл. 2).

сын мой первоначально служил вам — вероятно имеется в виду Гаврила Михайлович.

старший сын — Федор Михайлович Калашников (р. около 1800 г.), его жена — Аксинья (р. около 1798 г.); по данным 1833—1838 гг. у них было две дочери: Елена и Наталья (ЩМ, стр. 267).

Надо думать, что Пушкин никак не реагировал на это последнее, полученное им письмо из Болдина. В начале роковой для поэта зимы 1836—1837 г. его мысли были далеко от того, чтобы налаживать болдинские дела. Стиснутый долговыми обязательствами и находясь в невыносимо тяжелом моральном состоянии (срв. «Минувшие Дни» 1927, декабрь, стр. 122), он так писал в последнем своем письме, касающемся нижегородских владений, на имя министра финансов гр. Е. Ф. Канкрина: «...я состою должен казне (без залога) 45,000 руб... Я имею 220 душ в Нижегородской губернии, из коих 200 заложены в 40,000. По распоряжению отца моего, пожаловавшего мне сие имение, я не имею права продавать их при его жизни, хотя и могу их закладывать как в казну, так и в частные руки.... В уплату означенных 45,000 осмеливаюсь предоставить сие имение, которое верно того стоит, а вероятно и более» (письмо от 6 ноября 1836 г.; Ак. П. III, стр. 399—400). Канкрин ответил, что он полагает «приобретения в казну помещичьих имений вообще неудобным» (от 21 ноября; Ак. П. III, стр. 411). — После смерти поэта нижегородское его имение осталось за С. Л. Пушкиным.

№ 66. РАСЧЕТ ДОХОДА

1830-ые гг.

Доход от одной земли

50 тяглов из достаточной Земли, то есть подве десятины Сороковых на тягло в поле и в двух по тому ж Господской пахотной Земли, могут дать по сложности каждогодно в год и при некотором неуро-

жае. По	3.750	руб.
100	7.500	„
200	15.000	„
300	22.500	„
350	26.250	„
700	52.500	„

А по польторы десятины в поле Сороковых

50	2.500	руб.
100	5.000	„
200	10.000	„
300	20.000	„
350	22.500	„
700	45.000	„

По сему щету, по меньшему положению, в год 800 душ или 350 тяглов могут дать 22 500 рублей от одной земли кроме прочих заведениев, касающихся до фабрик мельниц винокуренных заводов и тому подобных.

Написано каллиграфически малограмотным лицом. Датируется в связи с тем, что документ находился среди хозяйственных бумаг Пушкина 1830-х годов и очевидно служил исходной предпосылкой при исчислении оброка.

десятины сороковые — десятина длины 60 саж. и поперек 40 саж.

и в двух по тому ж — обычное выражение при исчислении пашни в трехпольной системе— в одном поле столько-то и в двух других по тому же числу.

Если сопоставить настоящее «стандартное» исчисление доходности тягол при соответствующей обеспеченности землей с хозяйственным положением пушкинских крестьян, то выявляется скудость помещичьего их хозяйства: в Болдине на тягло приходилось 3 десятины пахоты (№ 34), в Кистеневке немногим более двух десятин. Около 100 оброчных тягол в Кистеневке давало не более 3 600 руб.

II

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

№ 67

1825 г. Ноября 29

Билет

Сей дан села Тригорскаго людям: Алексею Хохлову росту 2 арш. 4 вер., волосы темнорусыя, глаза голубыя, бороду бреет, лет 29, да Архипу Курочкину росту 2 ар. 3½ в., волосы светлорусыя, брови густыя, глазом крив, ряб, лет 45, в удостоверение, что они точно посланы от меня в С. Петербург по собственным моим надобностям и потому прошу Господ командующих на заставах чинить им свободный пропуск. Сего 1825 года, Ноября 29 дня, село Тригорское, что в Опоческом уезде.

Статская советница Прасковья Осипова.

Писано на двух сторонах четвертки писчего листа. Билет—подорожная скреплен печатью Пушкина (герб Пушкиных с графской короной). Опубликован трижды: М. А. Цявловским 6 июня 1934 г. одновременно в «Литературной Газете», № 71 (387) (факсимильно) и в «Известиях ЦИК СССР», № 131 (5379) и П. С. Поповым в «Звеньях», № 3—4, стр. 146 (факсимильно). Впервые Л. Б. Модзалевский обратил внимание на то, что в настоящем документе А. С. Пушкин искусно имитировал писарской почерк; позднее он же засвидетельствовал, что подпись соседки поэта по Михайловскому П. А. Осиповой не собственноручная, а также подделана поэтом. Почерк Пушкина сомнений не вызывает. Естественно было предположить, что «билет», подписанный 29 ноября 1825 г., имел целью установить связь поэта с Петербургом в момент междуцарствия после смерти Александра I (19/XI 1825 г.). На заседании Пушкинской комиссии в Москве 3 мая 1934 г. Я. З. Черняк впервые высказал мысль, что под именем Алексея Хохлова скрывается сам Пушкин. Эта мысль была развита М. А. Цявловским, писавшим в статье «Пушкин — Хохлов» («Лит. Газета», № 71): «Небольшого роста, темнорусый, голубоглазый, бритый Алексей Хохлов был не кто иной, как сам Пушкин, только прибавивший себе три года, очевидно считая, что ему на вид можно было дать больше лет, чем было на самом деле. А если Хохлов—Пушкин, то ясно, что импульсивный поэт, как только узнал о смерти царя, в котором он видел личного врага, преследовавшего и сославшего его, решил самовольно покончить со своей ссылкой и бежать в Петербург». В другой анонимной статье Цявловский сопоставил рост Хохлова с ростом Пушкина: «По свидетельству Л. С. Пушкина рост поэта был два аршина и «с небольшим 5 вершков», а по указанию художника Чернецова «2 аршина 5 с половиной вершков» («Литературное Наследство» № 16—18, стр. 1170).

При таком толковании документа его естественно сопоставить с рассказом декабриста Н. И. Лорера, писавшего: «Александр Сергеевич был уже удален из Петербурга и жил в деревне родовой своей — Михайловском. Однажды он получает от Пущина из Москвы письмо, в котором сей последний извещает Пушкина, что едет в Петербург и очень бы желал увидеться там с Александром Сергеевичем. Не долго думая, пылкий поэт мигом собрался и

поскакал в столицу. Недалеко от Михайловского попался ему на дороге поп, и Пушкин, будучи суеверен, сказал при сем: «Не будет добра» [и] вернулся в свой мирный уединенный уголок. Это было в 1825 году» (впервые настоящая купюра записок Лорера, изъятая при первой их публикации, напечатана В. Вересаевым во II вып. (3 изд.) его сборника «Пушкин в жизни», стр. 40; см. также «Записки декабриста Н. И. Лорера», 1931, стр. 199). Надо думать, что сообщенный Лорером эпизод относится к 29 ноября 1825 г. (дата «билета»), потому что на другой день, 30 ноября, Пушкин уже писал Бестужеву в Петербург о литературных делах; письмо это исключает мысль о предстоящем скором свидании. Пущин очевидно вызывал Пушкина в Петербург в связи с намечавшимся открытым выступлением декабристов. 23 — 24 ноября в Москве уже знали о смерти Александра I. 26 ноября Пущин подает прошение об отпуске, чтобы ехать в Петербург. Вероятно в тот же день им было написано письмо Пушкину, вызывавшее поэта в Петербург. М. Нечкина предполагает, что Пущин писал Пушкину не из Москвы, а из Петербурга и что попытка поэта выехать инкогнито из деревни относится к 11—12 декабря («Каторга и Ссылка», кн. 4 (65), 1930 г., стр. 23—24). Анализ настоящего документа показывает ошибочность этого предположения. Кроме записи Лорера имеются еще два не вполне точных свидетельства о попытке выезда Пушкина в Петербург в связи со смертью Александра I. Друг Пушкина С. А. Соболевский писал: «Известие о кончине императора Александра Павловича и о происходивших вследствие оной колебаний по вопросу о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 декабря. Пушкину давно хотелось увидаться с его петербургскими приятелями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строго внимания на его непослушание, он решается отправиться туда; но как быть? В гостинице остановиться нельзя — потребуют паспорта; у великосветских друзей тоже опасно — огласится тайный приезд ссыльного. Он положил заехать сперва на квартиру к Рылееву, который вел жизнь не светскую, и от него запастись сведениями. Итак Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге собираться с ним в Питер; сам же едет проститься с тригорскими соседками. Но вот, на пути в Тригорское заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути из Тригорского в Михайловское — еще заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белою горячкой, Распоряжение поручается другому. Наконец, повозка заложена, трогаются от подъезда. Глядь! в воротах встречается священник, который шел проститься с отъезжающим барином. Всех этих встреч — не под силу суеверному Пушкину; он возвращается от ворот домой и остается у себя в деревне» («Русский Архив» 1870, № 7, стр. 1386—1387). В рассказе ошибочна дата 10 декабря и не внушает доверия нагромождение «примет», с другой стороны, в свете публикуемого документа, любопытны поставленный вопрос о паспорте и свидание поэта перед намечавшимся отъездом с П. А. Осиповой. Другой рассказ принадлежит В. И. Далю, писавшему: «Пушкин жил в 1825 году в псковской деревне, и ему запрещено было из нее выезжать. Вдруг доходят до него темные и несвязные слухи о кончине императора, потом об отречении от престола цесаревича; подобные события проникают молнием сердца каждого, и мудрено ли, что в смятении и волнении чувств участие и любопытство деревенского жителя неподалеку от столицы возросло до неодолимой степени? Пушкин хотел узнать положительно, сколько правды в носящихся разнородных слухах, что делается у нас и что будет; он вдруг решился выехать тайно из деревни, рассчитав время так, чтобы прибыть в Петербург поздно вечером и потом через сутки же возвратиться. Поехали; на самых выездах была уже не помню какая-то дурная примета, замеченная дядькою, который исполнял приказание барина своего на этот раз очень неохотно. Отъехав немного от села, Пушкин стал уже раскаяваться в предприятии этом, но ему совестно было от него отказаться, казалось малодушным. Вдруг дядька указывает с отчаянным возгласом на зайца, который перебежал впереди коляски дорогу; Пушкин с большим удовольствием уступил убедительным просьбам дядьки, сказав, что кроме того позабыл что-то нужное дома, и воротился. На другой день никто уже не говорил о поездке в Питер, и все осталось по старому» (Л. Майков, «Пушкин», 1899, стр. 420—421). Кто скрывается под Архипом Курочкиным публикуемого билета, захворавший ли слуга (по рассказу Соболевского), дядька ли, с которым выехал Пушкин (по рассказу Даля) или еще какое лицо, — сказать затрудняемся. Можно лишь указать, что эту фамилию носит в «Капитанской дочке» (гл. VIII) казак, паривший Пугачева, а в «Барышне-крестьянке» Акулина Петровна, которой в Москву писал А. И. Берестов («Литературное Наследство», № 16—18, стр. 1170).

III

ДОКУМЕНТЫ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПУШКИНЫМ ДЛЯ СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

№ 68

1829 г. Июня 16—28

Копия с Донесений его императорскому величеству Главнокомандующего Отдельным кавказским Корпусом, Генерала от инфантерии Генерал Адъютанта Графа Паскевича Эриванскаго.

1-е. От 16-го числа Июня. — Я имел счастие всеподданнейше доносить вашему императорскому величеству, посредством Журнала моего, о мерах, принятых для точнаго обозрения дорог, ведущих к неприятельскому лагерю. Все собранныя сведения подтвердили, что большой Турецкой лагерь расположен в саганлугских лесах по левой Арзерумской дороге, на позиции весьма крепкой; сия дорога, приближаясь к лагерю, пересекает хребет гор, заросший на пространстве 20-ти верст густым лесом и изрытый глубокими и болотистыми оврагами и покрытый снегом; Арзерумская дорога, правая, обходящая Турецкий лагерь вправо верстах в десяти, хотя также сопряжена с величайшими затруднениями для прохода войск, но гораздо удобнее первой, перерезывая лес только верст на 10-ть. Я решился предпринять мое движение по сей последней, дабы стать на фланге неприятеля, или даже зайти оному в тыл, ежели дозволят дороги.

Неприятель, решившись защищать лес, конечно противупоставил бы моему следованию величайшие затруднения, и потому, дабы скрыть от него мое намерение, я признал полезным произвести на другой дороге движение, которым бы привлечь на оную все его внимание. С сею целию отрядил я Генерал-майора Бурцова с полками: Херсонским Гренадерским, Донскими Карпова и Фомина и 3-м Мусульманским и с 6-ю орудиями Артиллерии. В обязанность его вменил я: приняв движение по левой дороге, выказать неприятелю сколько можно более сил, остановиться с пехотою на ночлег у деревни Карагамзе, а кавалерию послать вперед до самаго неприятельскаго лагеря и произвести с оными тревогу, дабы таким образом, пользуясь заботою турок на сей дороге, мне самому с главными силами пройти по другой безпрепятственно.—Для большаго же развлечения неприятеля, приказал я оставить на прежнем лагере вагенбург и, не ломая палаток, развести в оном множество огней.

Предприятие мое увенчалось полным успехом: я ныне произвел сие важное движение совершенно благополучно, и о подробностях онаго имею счастие всеподданнейше представить следующее:

13-го числа в 5-ть часов вечера отряд Генерал-майора Бурцова и весь корпус выступили из лагеря совокупно; потом в долине, закрытой от передовых высот неприятельских, Генерал-майор Бурцов потянулся влево к деревне Карагамзе, и тотчас выказался неприятелю, а я с корпусом следовал справа лощиною и, прошед 17-ть верст, имел привал. Отсюда часов в 9-ть ночи послал я Генерал-майора Сергеева с казачьими полками: его имени, Подполковника Басова, с частию сборнаго Линейнаго, Сводным из Черноморцев и Нахичеванской конницы Кёнгерлы, вперед для занятия леса, если не встретит в оном неприятеля, а чрез несколько часов выступила и вся колонна.

Между тем Генерал-майор Бурцов, остановившись на ночлег при деревне Карагамзе, вследствие даннаго ему наставления разведенными на большом пространстве огнями выказал неприятелю значительныя силы, и в ночь отрядил к стороне неприятельскаго лагеря полки Карпова, Фомина и 3-й Мусульманский, под начальством Полковника Карпова. Отряд сей перешел поспешно около 18-ти верст к урочищу Дели-муса Пурун, откуда Полковник Карпов послал вперед подполковника Фомина с Донским имени его полком и частию 3-го Мусульманскаго в лес, дабы проникнуть оным до самаго неприятеля и произвести тревогу; подкрепление следовало за ним эшелонами. Передовая наша партия скоро достигла до турецкаго пикета, атаковала оный, сбила и, храбро преследуя, перескочила несколько завалов; сие произвело всеобщую тревогу в стане неприятельском. Турки, видевшие еще накануне движение по сей дороге Генерал-майора князя Бековича Черкаскаго и потом в нынешний вечер отряд Генерал Майора Бурцова, обратили на оную все внимание и имели здесь в сборе почти всю свою кавалерию, которая тотчас обратилась на нашу партию; Подполковник Фомин подкрепил ее во время; но не имея надобности держаться против многочисленнаго неприятеля, и, исполнив уже цель своего командирования, он приказал казакам отступать, отстреливаясь от неприятеля с сохранением весьма хорошаго порядка. Турки с величайшим стремлением нападали на наших, пользуясь удобством лесистых и болотистых мест, и преследовали подполковника Фомина почти до опушки леса, где стоял Полковник Карпов с остальною частию своего отряда; но вдруг наша кавалерия показалась на высотах на фланге неприятельскаго лагеря и отвлекла турок от дальнейшаго преследования. Это было в 9-ть часов утра.

Посланный мною для занятия леса Генерал Майор Сергеев достиг онаго в 4 часа утра и остановился у опушки. Неприятель, обративший все внимание на левую дорогу, был совершенно отвлечен от правой и потому Генерал майор Сергеев, в следствие данных ему от меня приказаний, благополучно прошел с головою колонны лес, простирающийся чрез хребет гор и весьма удобный для значительных засад неприятельских; в 5-ть часов он остановился у опушки. Главный отряд, выступивший в полночь от места привала, пройдя еще 12-ть верст, остановился на разсвете подле леса для отдыха, и отсюда в то же время послал я в подкрепление Генерал-Майору Сергееву Нижегороский Драгунский полк с 6-ю орудиями линейной Артиллерии и вслед за тем отправился сам, приказав Главной колонне по трехчасовом отдохновении следовать далее. Драгуны присоединились к голове авангарда в 6½-ю часов, я прибыл сюда в 7-мь; с 8-ми часов начала подходить пехота главной колонны, и все войска становились на позиции в боевом порядке. Таким образом в одну ночь перешел я 39-ть верст со всею пехотою и Артиллериею и стал во фланге неприятельскаго лагеря. Тревога, произведенная Подполковником Фоминым, доставила мне возможность пройти скоро и благополучно самую труднейшую

дорогу лесом через высочайшии горы и крутые овраги, покрытые еще снегом, где неприятель надеялся положить нам преграду, или отнять много времени и людей.

Прибыв к Авангарду и услышав перестрелку на левой Арзерумской дороге, я тотчас приказал Генерал-Майору Сергееву бригадою его показать неприятелю на высотах во фланге его лагеря войска наши, вскоре все сии высоты были ими коронованы. Выехав с первыми полками на Главную высоту, я увидел обширный неприятельский лагерь, на самой крепкой позиции, прикрытый с фронта и леваго своего крыла глубоким оврагом с густым лесом; сей овраг, будучи проходим только для пеших и конных, простирается далее к большой Арзерумской дороге, на которую выходит он в 35-ти верстах от моего лагеря. Коль скоро войска наши показались на упомянутых высотах во фланге неприятельскаго лагеря, произошло в оном величайшее смятение, по коему очевидно было, что турки вовсе не ожидали нашего здесь появления: пехота их тянулась и строилась в разных направлениях, кавалерия, преследовавшая Подполковника Фомина на противуположной стороне, быстро устремилась назад, бросив дорогу ту и своих противников, и обратилась к нам. Подполковник Фомин в перестрелке своей с неприятелем в продолжение всего отступления потерял убитыми: казаков 2-х, татар 4-х; ранено казаков 8-мь, татарин 1; захвачен в плен топограф один; без вести пропало казаков 11-ть, потеря неприятеля простирается до 50-ти человек убитыми и ранеными, в плен взято два человека.

Осматривая в продолжение четырех часов с разных высот все окрестности, я убедился в чрезвычайной крепости неприятельской позиции: стоя во фланге ея на растоянии не более 10-ти верст, чтобы с удобностию приблизиться к оной, мне должно было сделать большой круг, не менее 50-ти верст. В продолжение сего обозрения большия неприятельския партии показывались со всех сторон и отступали при появлении наших партий. Линейным казакам удалось отхватить в плен одного турка, который показал, что в осьми верстах отсюда находится до 500 голов рогатаго скота; но посланный для открытия онаго Нижегородскаго Драгунскаго Полка Штабс капитан Барон Остен-Сакен, не нашед стад, встретил неприятельскую партию, в перестрелке с которою был легко контужен в ногу пулею; дальнейшей же потери мы не имели.

Хотя к полудню движение вокруг неприятельскаго лагеря утихло, но в три часа пополудни турки, прокравшись закрытою лощиною, напали весьма большою толпою на пикеты Донскаго казачьяго Басова полка, которые хотя своевременно подкреплены были Басовым, но при открытии ведя перестрелку, потеряли убитым одного казака и ранеными 11-ть, сам Басов получил контузию. Я тотчас велел подкрепить Подполковника Басова полками Сергеева и Сводным из Черноморцев и Кенгерлы, и в резерв им выдвинул на первые высоты два полубатальона Кабардинскаго пехотнаго полка. Турки, заметив подкрепление сие, отступили на главную высоту. Желая удостовериться, сколь велики силы неприятельския, я выехал к сей высоте с конвойным полком и неприятель вовсе отступил,—отсюда видел я до 4 тыс. Турецкой кавалерии, которая была здесь в резерве и также начала отступать, кроме того в лесу между лагерем и высотами заметны были большия кавалерийския толпы.

Утром 15-го числа неприятельская Кавалерия снова атаковала пикеты наши, но преследовать их к резервам не решилась. Дабы лучше обозреть местоположение, разделяющее оба лагеря, и если возможно будет, заставить турок вытти из их крепкой позиции и в поле всту-

пить в дело, но главное, чтобы отвлечь неприятеля от нападения на вагенбург наш, в виду его следовавший к корпусу, я выдвинул часть войск на высоты. В турецком Лагере произошло большое движение; но неприятель не выступил из онаго и даже самые пикеты его скрылись. От 3-х до 7-ми часов вечера я обозревал во всех подробностях местоположение Турецкаго лагеря, приблизившись с конвойным полком на высоту, отстоящую от онаго не более трех верст.

От 17-го числа Июня. — Предыдущим рапортом моим имел я щастие доносить вашему императорскому величеству о благополучном переходе чрез трудный Саганлугский Хребет: турки, изумленные нечаянным моим появлением на дороге, по которой вовсе не ожидали нас, усугубили с своей стороны меры осторожности. Все дороги, пролегающие к нашему лагерю, заняты их караулами. Еще прежде находился в Бордузе Осман-Паша с небольшим отрядом для наблюдения на правом фланге нашем: по получении известия о появлении в Горах войск русских, отряд сей значительно усилен с приказанием как можно ближе расположиться к лагерю Рускому для наблюдения за всеми движениями нашими. 16-го числа посланная мною конная партия из Карских Армян открыла передовые посты Осман-Паши в 9-ти верстах от лагеря: для дальнейшей рекогносцировки сего числа на разсвете командировал я 1-й Мусульманский полк, собранный из Карабахской провинции, и получив известие, что оный открыл на том же месте неприятельскую пехоту и конницу, я отправил в подкрепление баталион Эриванскаго Карабинернаго полка с 4-мя орудиями и Карпова Казачьим полком, под командою Полковника Барона Фридерикса. Осман-Паша расположил пехоту свою в выгодной позиции в завалах, складенных из камня, на возвышениях, за коими вскоре начинающийся крутой спуск, покрытый лесом, представлял оной надежное отступление: кавалерию же выслал вперед. Сходно с приказанием моим Полковник Фридерикс искусно навел Турецких всадников на огонь нашей Артиллерии, и с потерею отразив их, с барабанным боем пошел на завалы, действуя по оным орудиями своими. В то же время приказал он 1-му Мусульманскому полку идти в атаку, казачьему же Карпова полку поддерживать его. Турки встретили нас на близком растоянии весьма сильным батальным огнем: Эриванский карабинерный батальон продолжал следование без выстрела; 1-й же Мусульманский полк, предводимый командиром своим Подполковником Усковым, стремительною атакою опрокинув Турецкую кавалерию, первый наскакал на завалы и, поддержанный казаками, преследовал конницу и пехоту неприятельскую, покуда местоположение позволяло. Потеря турок в сем деле весьма значительна: убитыми и ранеными онаго простирается до 300.

Трофеи наши: 8-мь знамен, почти все принадлежащие лучшей турецкой коннице Дели и Гайти, и более ста человек пленных. Одно местоположение спасло неприятеля от совершеннаго истребления; по показаниям пленных сам Осман-Паша едва успел спастись от быстраго преследования 1-го Мусульманскаго полка. — Число войск турецких в сем деле простиралось до 1200 человек пехоты и конницы. Потеря с нашей стороны весьма малозначуща: контужены Эриванскаго карабинернаго полка Поручик Толмачев и Прапорщик Дивильковский и рядовых 4. Ранены рядовой 1 и 10-ть всадников Мусульманскаго полка и убито 4 всадника.

От 20-го Июня, вашему императорскому величеству имею счастие донести о совершенном разбитии Турецкой Армии, в двух корпусах заключавшейся: первый корпус из 30 тыс., состоявший под начальством самаго Сераскира, обращенный в бегство, загнал я за Саганлугские Горы; второй, командуемый славным в Азиатской Турции

трех бунчужным Гагки Нашею в числе 20 тыс. совершенно разбит, разсеян и истреблен, и сам Паша взят в плен. Подробности важной победы сей суть следующие:

Точнейшее обозрение лагеря Гагки-Паши, произведенное мною 15, 16 и 17-го числа, убедило меня в невозможности атаковать его с фронту и с леваго крыла, — на котором стоял мой корпус, ибо здесь возвышались крутыя снежныя горы и обгибался глубокий скалистый овраг, непроходимый для Артиллерии и покрытый густым лесом, в котором неприятель имел все удобности обороны и мог бы причинить нам весьма значительную потерю в людях; вообще местоположение с сей стороны было столь неудобно для атаки, что я не мог даже отвечать за успех ея. По сей причине я предпочел обойти в тыл Турецкому лагерю, хотя движение сие представляло мне множество затруднений и даже опасность, особенно с трехтысячным обозом: во-первых, потому, что сим движением я терял всякое сообщение с Карсом, оставляя Турецкий лагерь на моих коммуникациях на 8-мь верст и удаляясь сам от оных верст на 30-ть; во-вторых, потому, что в виду многочисленнаго неприятеля, имея его на самом фланге и с тылу, мне предстояло совершить до 50-ти верст самой трудной дороги, два раза спускаясь и поднимаясь на крутой хребет, сохраняющий еще снежныя полосы и изрытый весьма глубокими оврагами. Но имея необходимость действовать против неприятеля, мне угрожающаго, я должен был решиться на сие предприятие.

18-го числа Корпус вместе с вагенбургом выступил по правой Арзерумской дороге и 19-го в 10-ть часов утра достиг главнаго спуска с Горы, внизу котораго простиралась верст на 5-ть долина, расширяющаяся по мере удаления ея от спуска клинообразно и оканчивающаяся у горы оврагом. Чтобы отнять у неприятеля возможность напасть на корпус с леваго крыла моего, я приказал Генерал-майору Панкратьеву с 6-ю батальонами пехоты, двумя казачьими и двумя мусульманскими полками и с 16-ю Легкими орудиями Артиллерии, заняв левый хребет, выказать неприятелю войска свои и, оставаясь в сем положении, наблюдать движение Турок в Лагере, доколе корпус достигнет спуска. Мое намерение исполнилось совершенно счастливо: неприятель, занятый войсками Генерал-майора Панкратьева, не заметил нашего движения и войска оныя к полудню могли уже соединиться с корпусом.

С самаго разсвета лично учреждая затруднительное следование многочисленнаго обоза, я в полдень прибыл к спуску, где по приказанию моему устроен был вагенбург. С окрестных высот осмотрев местоположение, я увидел на противуположной оконечности долины неприятеля, вышедшаго из оврага двумя колоннами и постепенно умножавшаго свои силы.

Вследствие сего я сделал следующия распоряжения:

1-е) Охранение вагенбурга поручил я Генерал майору Панкратьеву, колонна коего состояла из семи баталионов пехоты, 24-х орудий, 2-х казачьих и одного мусульманскаго полка; ему же приказал я наблюдать левое крыло наше от неприятеля.

2-е) Генерал-майору Муравьеву с Полками: Грузинским Гренадерским, Ериванским Карабинерным, Донскими Казачьими Фомина и Карпова и 20-ю орудиями Артиллерии занять позицию в долине, расположив на оной войска в боевом порядке.

3-е) В подкрепление ему поставил два баталиона 42-го и один баталион 41-го Егерскаго полков, баталион Пионер и резервную Кавалерийскую бригаду с 1-м и 2-м Мусульманскими полками и 20-ть орудий Артиллерии под командою Генерал-Майора Панкратьева.

4-е) На левое наше крыло отрядил Генерал-майора Бурцова с двумя баталионами Херсонскаго Гренадерскаго полка, Донским Карпова и 3-м Мусульманским полками и с 12-ю орудиями.

В час пополудни я сам повел войска сии против неприятеля. Турки выстроились по протяжению всего оврага и тотчас кавалериею своею атаковали нас на позиции, особенно с праваго нашего фланга; стрелки их с величайшею запальчивостью нападали на наших стрелков, даже наскакивали на орудия и только усиленным огнем Артиллерии могли быть сдвинуты в овраг.

Скоро они снова соединились и, будучи усиливаемы безпрерывно подходящею Кавалериею, обогнули всю позицию нашу полукружием, склоняясь преимущественно на левое наше крыло, куда из лагеря Гагки-Паши, стоявшаго верстах в 8-ми влево от места сражения, вышло скрытным глубоким оврагом 5-ть или 6-ть тысяч кавалерии под начальством Кагьи Пашинскаго. В короткое время весь скат Горы, к подошве которой упиралось левое наше крыло, покрыла сия Кавалерия и начал быстро обскакивать отряд Генерал-майора Бурцова, чтобы взять его в тыл. Здесь Турки нападали на наших с неимоверною дерзостию: стрелки их безпрерывно врезывались в цепь наших стрелков, которые принуждены были отбивать их штыками, даже наскакивали они на самое батальонное каре и только сильным батальным огнем были останавливаемы.

Увидев тотчас возможность разрезать неприятельския войска на двое и бросить одних влево на крутые Горы и овраги к лагерю Гагки-Паши, а других вправо на возвышения, я оборотил стоявшие в центре четыре полубаталиона пехоты и 8-мь орудий Артиллерии в полъоборота направо и, поставив их лицом к выгнутому неприятельскому центру, атаковавшему меня с величайшею запальчивостью, открыл по оному сильнейший огонь из Артиллерии. Намерение мое удалось совершенно: Турки, при всех усилиях безпрерывно ими повторяемых, не могли выдержать меткой стрельбы наших орудий, действовавших по одному направлению, и разделились надвое, склонившись одни влево, другие вправо. Тогда неприятель был уже в руках моих и мне представилась полная возможность разбить его.

Не упуская сей благоприятной минуты, я тотчас разделил бывшую при мне кавалерию на два отряда и один под начальством Генерал-Майора Раевскаго, состоявший из Дивизиона Драгун, Донскаго Карпова полка, двух сотен Сборнаго Линейнаго полка, Полка 3-го Мусульманскаго и 6-ти Донских орудий, послал вправо атаковать неприятеля и преследовать; другой под начальством Генерал-Майора Барона Остен-Сакена из Дивизиона Драгун сводnаго Уланскаго полка, Донскаго Фомина, трех сотен полка сборнаго линейнаго, полка 1-го Мусульманскаго и 6-ти Донских орудий, послал влево атаковать Турецкую Кавалерию сбоку и гнать до лагеря.

Генерал-Майор Раевский, которому весьма способствовало отлогое местоположение, дружно и быстро устремил отряд свой на центр неприятеля, сломил оное и загнал за овраг вправо на возвышения с большою потерею. Полки 2-й и 3-й Мусульманские ударили справа и погнали неприятеля по всем направлениям. Но на горе за рекою против нашей позиции стояло сильное подкрепление Туркам из пехоты и кавалерии; находившийся на правом крыле нашем Полковник Граф Симонич, усмотрев, что конные полки наши занеслись весьма далеко и могут быть подвергнуты неравносильному бою, тотчас повел вправо четыре полубаталиона Грузинскаго Гренадерскаго полка с 4-ю орудиями Артиллерии, чтобы подкрепить Казаков и Татар в случае сильнаго натиска на них Турок. Он быстро придвинулся к самому оврагу

и, угрожая неприятелю нападением, остановил его от всяких покушений; а Казаки и Татары, забежавшие уже на высоту к самым подкреплениям Турецким, под его покровительством отступили благополучно.

Но правое крыло неприятеля стоило нам несравненно больших усилий: оно растянуто было по скалистым высотам хребта и защищаемо множеством каменистых оврагов, во многих местах вовсе непроходимых. Здесь многочисленный неприятель соединил все свои усилия, чтобы взять отряд Генерал-Майора Бурцова в тыл, но не успел совершить своего намерения, ибо отрезание его от прочих войск доставило мне большую поверхность: вместе с отрядом Генерал-Майора Сакена послал я в подкрепление Генерал-Майору Бурцову три батальона пехоты с 8-ю орудиями Артиллерии под начальством Генерал-Майора Муравьева, которому подчинил и отряд Бурцова; в то же самое время Генерал-Майор Панкратьев, охранявший вагенбург, увидев возможность взять неприятеля во фланг, послал из своей колонны Генерал-Майора Сергеева с полками имени его и сводным из Черноморцов и Кенгерлы в подкрепление наших войск.

Генерал-Майор Сергеев, взяв направление по скату горы и не смотря на то, что на пространстве пяти верст должен был перерезать семь или восемь крутых оврагов, подоспел во время, тогда как неприятель обгибал уже крыло наше. Казаки взяли выше, так сказать карнизом горы, и, став на голове неприятеля, привели его в смятение, отчего он тотчас подался назад; Херсонские стрелки совокупно с Казаками мужественно теснили его; но кавалерия под командою Генерал-Майора Сакена, встретив сначала обширное болото, а потом множество крутых, каменистых и почти непроходимых оврагов, замедлила своим прибытием, а между тем Турки успели вывести из Лагеря два орудия, и, поставив их против полка Сергеева, открыли огонь и сосредоточили здесь большия силы. Храбрый Генерал-Майор Сергеев мужественно ударил на Турок и, вспомоществуемый Херсонским Гренадерским полком, опрокинул их и погнал. Неприятель пробирался известными ему тропинками по таким скалам и каменистым оврагам, где лошади наших казаков почти вовсе не могли итти; на одной подобной крутизне, оставив орудие, Турки начали снова стрелять, но Генерал-Майор Сергеев ударил на оное с казаками своими и отбил, тогда как турки приготовили выстрел; при чем ранены саблями двое офицеров с ним бывших Сотник Шапошников и Хорунжий Евсиков. Вышедшее подкрепление Турецкой Кавалерии остановило наше преследование, весьма затруднительное скалистыми оврагами; неприятель начал отступать в лагерь, а я приказал войскам нашим возвратиться на позицию.

В то самое время, когда Кягья отходил в лагерь вправо за оврагом, против нашего центра, на скате горы, снова собралась неприятельская пехота и кавалерия в большом числе и, выставив на удобном возвышении три орудия, открыла из оных огонь, устраивая между тем батарею и шанцы на большом протяжении, это было в 4 часа по полудни.

В сие время привели ко мне взятаго в плен почетнаго чиновника Турецкаго, который объявил, что на сем возвышении находится сам Сераскир, который, поспешая на подкрепление Гагки-Паши с 30-ю тысячным корпусом, вчера ввечеру прибыл сюда с передовыми войсками, коих в продолжение нынешняго дня собралось уже от 12-ти до 15-ти тысячь, и кои расположились лагерем при Зевине, куда безпрерывно стекались и остальныя войска его корпуса. Сие известие тотчас решило меня воспользоваться благоприятною минутою одержанной мною поверхности, чтобы атаковать Сераскира и воспрепятствовать ему соединиться с Гагки-Пашею.

Для достижения сей важной цели мне прежде всего необходимо было обеспечить себя со стороны лагеря Гагки-Паши, дабы из онаго не подали помощи Сераскиру, когда стану атаковать его. В сем намерении я выжидал без всякаго движения, пока все войска Кагьи-Пашинскаго вошли в лагерь, отделенный от нас на 8-мь верст почти непроходимыми крутизнами; тогда, собрав бывшия в преследовании войска, я устроил на лощине закрытаго оврага отряд из полков: Грузинскаго Гренадерскаго, Эриванскаго Карабинернаго, 42-го Егерскаго, баталиона 41-го Егерскаго, Нижегородскаго Драгунскаго, Своднаго Уланскаго, Донских Казачьих Карпова и Фомина, сборнаго Линейнаго и трех Мусульманских полков и 40-ка орудиями Артиллерии.

Ближайшее прямое сообщение, по которому из Лагеря Гагки-Паши могло пройти подкрепление к Сераскиру, был тот самый овраг, по коему выходила к нам в нынешний день из онаго кавалерия, другое сообщение было по дороге Арзерумской, по коей надлежало пройти около 25-ти верст по хребту и оврагам, сохраняющим снег, для соединения с Сераскиром. Поставив на первом сообщении в виду лагеря Гагки-Паши Херсонский Гренадерский полк в полубаталионных колоннах с 12-ю орудиями Артиллерии и Сводным полком из Черноморцев и Кенгерлы и подкрепив их еще тремя баталионами пехоты и 12-ю батарейными орудиями, я выждал 6-ти часов вечера и двинул устроенный мною отряд на Сераскира с верным расчетом, что Гагки-Паша по кружаной и трудной Арзерумской дороге в столь короткое время, остающееся до ночи, не поспеет дать Сераскиру подкрепления, а по прямому направлению будет задержан отрядом Генерал майора Бурцова. В это время Сераскир протянул уже шанцы свои почти на версту.

Войска наши двинулись в боевом порядке тремя колоннами: первая, под начальством Генерал-майора Муравьева из Полков Грузинскаго Гренадерскаго и Эриванскаго Карабинернаго, имела приказание обходить левый фланг неприятеля, забирая сколь можно в гору; вторая под начальством Генерал-Майора Панкратьева из Егерских полков, должна была обходить правый фланг турок, и если они будут опрокинуты, отрезать им путь, третьей, состоящей из всей кавалерии регулярной и иррегулярной, начальствуемой Генерал-майором Раевским, велел я стать в Центре и коль скоро обходящая фланги пехота произведет в неприятеле замешательство, быстро атаковать его и преследовать. Движение сие увенчалось успехом, обход флангов тотчас привел в смятение турок, которые, сделав несколько безполезных выстрелов из своей Артиллерии, начали оставлять шанцы свои и подаваться в гору. Я приказал пехоте ускорить шаг, а кавалерии поспешить на хребет горы, куда и сам я прибыл к передовым войскам. Турки, построившись вблизи высот сих, не могли выдержать согласнаго натиска войск наших, направлением на них со всех сторон, и, когда прискакавшая впереди на высоты донская Конная Артиллерия, начальствуемая Подполковником Поляковым, открыла сильный и меткий огонь, то Сераскирския войска, боясь быть отрезанными слева колонною Генерал-Майора Панкратьева, приметно колебались; я пустил тогда всю кавалерию мою в атаку, и Сераскир был совершенно опрокинут, котораго приказал я преследовать по всем направлениям, не теряя ни минуты времени: неприятель бежал в величайшем страхе, я гнал его всеми войсками вашего императорскаго величества верст 30-ть до 9-ти часов, пока совершенно наступившая ночь воспрепятствовала мне дальнейшее преследование, и перекинул весь его Корпус за все Саганлугския Горы. Мы взяли у Сераскира весь лагерь его, всю Артиллерию и снаряды, все продовольственные запасы. В самом на-

чале сего достопамятнаго преследования Донской Карпова и 1-й Мусульманский полки, бывшие впереди и преследовавшие неприятеля с отличною быстротою и мужеством, отбили первый шесть орудий вместе с Артиллеристами, из коих еще половина были заряжены; а второй два орудия; остальныя три орудия были брошены неприятелем. Сими же полками отбито два знамя. Таким образом разбив Сераскира, мы отбили у него, кроме лагеря и запасов, 12-ть орудий, 3 знамя и около 300 пленных. След бегства Сераскирскаго означен протяжением трупами убитых воинов его и разбросанным багажем. По наступлении ночи я собрал все войска и отступил для ночлега к тому месту, где соединяется дорога, идущая из лагеря Гагки-Паши к Селению Зевину, дабы завтрашний день скорее и удобнее занять позицию в тылу его. Между тем к ночи, по моему приказанию, стянулся вагенбург с его прикрытием к тому месту, где происходило на оконечности долины первое сражение.

Предприятие мое атаковать Сераскира было единственное и необходимое условие будущих успехов; если бы я пропустил один сей день, то корпус его мог бы стянуться и соединиться с Гагки-Пашею и тогда я был бы атакован пятидесятитысячною армиею с трех сторон: с фронта, с фланга и с тыла, чрез сие я подвергался опасности; но зная турок, с благословением всевышняго, возносящаго славу орудия вашего императорскаго величества, отвел грозу, мне уготовленную. Я был уверен, что Сераскир не выдержит моего натиска сколько потому, что он имел с собою меньшую половину Корпуса, а еще более от того, что войска его уже настращены были поражением, сейчас им нанесенным.

Столь совершенное поражение Сераскира доставило мне полную возможность атаковать с успехом Гагки-Пашу, которому занятием зевинской дороги я стал уже в тылу. Отсюда до лагеря его мне должно было пройти 15-ть верст по самой трудной дороге, поднимающейся на высокий хребет и пересекающей множество глубоких оврагов. Я решился атаковать его и нисколько не медля, вместе с разсветом выступил в поход со всеми бывшими при мне войсками и Артиллериею, весьма изнурившимися от вчерашняго быстраго преследования, и послал приказание Генерал-Майору Бурцову следовать также по моей дороге с его колонною и батарейными орудиями, у него бывшими.

В 9-ть часов утра войска мои стали на высотах в тылу неприятельскаго лагеря, разстоянием от онаго верстах в трех и построились здесь в боевой порядок. Избранная мною позиция была самая выгодная, будучи защищена с обеих флангов непроходимыми оврагами, и я мог итти к неприятелю точно как бы широкою плотиною. Турки, оставив в лагере все палатки, число коих простиралось до 2 тыс., построились в боевой порядок, переменив фронт, на правом фланге лагеря своего, на возвышении ровном и весьма крепком, которое обоими флангами и тылом упиралось в лесистые овраги и Горы, и только лицем было для нас открыто; пред сим возвышением в лощине простирался лагерь Турецкий и на левом боку онаго опять круто поднималась возвышенность, параллейная первой, на которой турки устроили две передовыя баттареи, вооружив оныя 5-ю орудиями и протянув по обе стороны ея длинные шанцы. На противуположенной высоте, где был неприятельская позиция, устроены были также две баттареи, вооруженныя семью орудиями, и протянуты шанцы с толстым бруствером, складенным частию из бревенника; по фронту лагеря также устроены были шанцы и завалы и впереди Пашинской ставки возвышилась батарея о трех орудиях.

Как скоро войска наши остановились на упомянутых высотах под-

ле неприятеля, Турки открыли с баттарей своих огонь, и хотя ядры их не всегда доносило до наших колонн, они повторяли стрельбу весьма часто. Поджидая сближения Генерал-Майора Бурцова, я с конвоем нескольких казаков приблизился на ту самую высоту, где стояла передовая неприятельская батарея и с оной внимательно обозрел позицию Турецкую. От одного захваченнаго казаками пленнаго из лагеря Гагки-Паши осведомился я, что войско его не знает еще о разбитии Сераскира, и потому я отпустил сего пленнаго в лагерь, дабы известил он Пашу о сем событии.

Движение мое, посредством котораго стал я быстро в тылу неприятеля, вид победоносных войск наших, отрезавших лагерь Турецкий от Арзерума, весть о совершенном разбитии Сераскира, — все сие не оставляло никакой надежды Гагке-Паше, который, не находя средств ни к отступлению, ни к сопротивлению, видел неминуемую гибель свою и, желая предупредить бедственное поражение, прислал того самаго пленнаго с предложением о сдаче всего корпуса; я велел сказать ему, что принимаю его предложение в таком только случае, если все войско его положит оружие и выйдет ко мне; но прежде нежели достиг до Паши посланный с ответом моим, турки снова начали стрелять из баттарей и левый фланг их приметно замешался и стал подаваться к правому их флангу на крутыя лесистыя горы, непроходимыя для нашей Артиллерии.

Тогда повел я войска вашего императорскаго величества на неприятеля с барабанным боем, разделив их на пять колонн: Главная под личным моим начальством шла прямо к Турецкому лагерю; другой под командою Генерал-Майора Панкратьева велел я обойти фланг позицию неприятеля и стараться отрезать его от леса и крутых гор, куда приметно направлял он свое отступление, к сей колонне принадлежал и Сборный линейный полк, отправленный мною под командою подполковника Верзилина немного правее для занятия тех же высот; прочия три колонны, начальствуемыя Генерал-Майорами Бароном Сакеным, Муравьевым и Леоновым, направил я вправо для занятия дорог, идущих в Меджингерт Занзах и к реке Араксу.

Первая колонна, встреченная неприятельским огнем с батарей, тотчас ворвалась в лагерь и захватила в передовых окопах и близь ставки Пашинской еще дымящияся орудия; устрашенный неприятель обратился в бегство, пробираясь наиболее в горы и леса, куда было бы невозможно проникнуть нашей кавалерии и пехоте.

Часть второй колонны прошла правым флангом турецкой позиции и, встреченная здесь сильным огнем ружейным и пушечным, мужественно взошла на высоту и овладела баттареею, которую Турки поспешили бросить, обратясь в бегство, Турецкие орудия обращены были на бегущаго непряятеля, котораго Генерал-Майор Панкратьев преследовал в лесах и оврагах, нанося ему ужасное поражение. Здесь Подполковник Верзилин с казаками командуемаго им сборнаго линейнаго полка настиг в лесу Гагки-Пашу, командовавшаго всеми войсками в лагере, перваго сановника по Арзерумском Сераскире, славившегося доселе и личною храбростию и военными способностями, и взял его в плен со всеми его чиновниками и свитою.

Три колонны, посланныя вправо, встретив глубокие овраги и густой лес, не успели совершенно перерезать дороги неприятелю, который преимущественно обратился к горам, окружающим долину Аракса, однакож преследовали его, сколько позволяло местоположение, с одной стороны до Аракса, а с другой за Меджингерт и Занзах. Отбито тремя колоннами, одною пехотою и двумя кавалерийскими до 1200 пленных, 19-ть орудий и 16-ть знамен. Вообще большая часть знамен

взята мусульманскими полками. Многие овраги на пути бегства завалены трупами неприятельскими: их погибло здесь не менее двух тысячь человек убитыми; остальные все разсеяны по разным направлениям. Турки не увезли отсюда ни одного орудия; все их запасы Артиллерийские и продовольственные достались в руки победителей; в одном Меджингерте найдено более 1200 четвертей запасов и множество пороху.

Таким образом две достопамятныя битвы: первая 19-го числа при сел. Каинлы с Арзерумским Сераскиром, и вторая при урочище Миллидюзе с Гагки-Пашею, совершенно решили судьбу Турецкой Армии и достославныя войска вашего императорскаго величества в двадцать пять часов времени совершили 55-ть верст, разбили два значительные Корпуса, начальствуемые первыми сановниками, из коих одного взяли в плен, завладели двумя лагерями, из коих один укрепленный, отняли у неприятеля всю бывшую с ним Артиллерию, состоящую из 31 орудия, завладели всеми запасами Артиллерийскими и продовольственными, отбили более 1500 чел. пленных и 19-ть знамен. Немного можно найти примеров столь полной и совершенной победы, какую войска вашего императорскаго величества одержали ныне в азиатской Турции.

Точная потеря с нашей стороны еще неисчислена по причине разделения войск по разным дорогам; но во всяком случае оная не превосходит ста человек убитыми, ранеными и контуженными.

Имея счастие со всеподданническим поздравлением моим сею знаменитою победою повергнуть к стопам вашего величества 19-ть отбитых у неприятеля знамен, не должен умолчать о похвальном усердии к вашему императорскому величеству находящихся со мною полков Мусульманских; службою их я совершенно доволен: во всех сражениях они дрались отлично храбро, в атаках были всегда впереди, бросались даже мужественно и твердо на неприятельскую пехоту; большая часть пушек, знамен и пленных отбиты ими. Блистательный пример подобнаго усердия к службе вашего императорскаго величества показал Умбай-Бек, который по приговору судебному быв опубликован и в минувшем году взятый мною в действующия войска, оказал и в прошедшую и в нынешнюю кампании опыты совершенной храбрости и в деле 19-го числа смертельно раненый, в последние минуты жизни просил напомнить мне фамилию его и уверить, что он был жертвою клеветы и умирает верным слугою Русских.

От 28-го Июня.—Славная столица Анатолии, Арзерум, вмещающая до 27 тыс. домов или более ста тысячь населения, с высокою и крепкою цытаделию своею и огромною крепостию пала к стопам вашего императорскаго величества 27-го числа сего месяца, в день достопамятной битвы Полтавской. Принося вашему величеству всеподданнейшее поздравление мое с сим новым торжеством Российскаго оружия на Востоке, имею счастие поднести ключи Арзерумской крепости и цитадели и о важном событии сем представить следующия подробности:

После разбития турецкой Армии 19-го и 20-го числ сего месяца, о чем имел я счастие всеподданнейше донести вашему императорскому величеству от 20-го числа, я, не теряя времени, 20-го числа отправил три отряда: первый под начальством Генерал-Майора князя Бековича Черкаскаго из 6-ти Баталионов пехоты, одного казачьяго полка, трех полков мусульманских и 11-ти орудий Артиллерии для занятия Хоросана, в котором хранились значительные запасы продовольствия и снаряды Артиллерийские. Движение сего отряда было для нас тем полезнее, что он, приблизившись к дороге Баязетской, мог произвести

желаемое влияние на пашей Мушскаго и Ванскаго. Второму отряду под начальством Полковника Графа Симонича приказал я очищать от неприятеля леса, окружавшие неприятельский лагерь. Наконец третий отряд под начальством Генерал-майора Бурцова из трех Баталионов пехоты, одного казачьяго полка и 12-ти орудий Артиллерии выдвинул я вперед по большой Арзерумской дороге на 40 верст к деревне Ардосу, дабы увеличить смятение, произведенное в разбитом мною неприятеле и произвести влияние на самый Арзерум.

Отправленный Генерал-Майором Бурцовым из лагеря его при Ардосе в Харасан Подполковник Басов с 80-ю казаками для открытия сообщения с отрядом князя Бековича Черкаскаго встретил в одном ущелье партию турок в числе 100 человек, и когда начальник партии сей по его предложению согласился положить оружие, ожесточенные и упорные воины турецкие изрубили его и открыли сильную стрельбу по казакам. Подполковник Басов мужественно атаковал их, 57-мь человек положил на месте, четырех раненных взял в плен, остальные разбежались. Это были остатки войск Гагки-Паши. После сего Подполковник Басов, достигнув Хоросана, нашел там более 800 четвертей хлеба, 2000 ядер, множество пороху и других снарядов.

Зная, что после такого поражения, какое потерпела Турецкая Армия, требовалось весьма продолжительное время, чтобы собрать остатки разсеянных войск ея, я поспешил движением моим к Арзеруму, дабы вполне воспользоваться плодами одержанной победы и продолжать преследование Сераскира.

С сею целию 21-го числа выступил я со всем корпусом и обозами вперед, и на пути соединившись с отрядом Генерал-Майора Бурцова и Полковника Графа Симонича, кои данныя им поручения выполнили успешно; 22-го числа имел ночлег в 40-ка верстах от Гасан Кале. На пути уже являлись ко мне Армяне, жители различных окрестных деревень с принесением покорности и с прошением покровительства, в которых старался я утвердить доверенность к русским ласковым с ними обхождением и строгою дисциплиною войск наших.

23-го числа сделав со всем корпусом и тяжестями перехода около 20-ти верст и соединившись на сем пути с отрядом Генерал-Майора князя Бековича Черкаскаго, я в 5-ть часов вечера получил известие, что войска Сераскирския, собранныя при Гасан Кале, из некоторых остатков разбитой Армии, и небывшей еще в деле регулярной пехоты, видя быстрое приближение мое, пришли в волнение и предаются бегству, что сам Сераскир удалился в Арзерум, а Паша, оставленный в Гасан Кале для защиты крепости и начальствования войсками, выбрав оттуда все, что мог поднять на выоки и арбы, поспешно из деревень собранныя, бежит по Арзерумской дороге. Сие решило меня, оставив в сем месте, у деревни Кеприн-Кев, корпус с вагенбургом, поспешить с авангардом к Гасан-Кале, состоявшим из полков: Эриванского Карабинерскаго, Донскаго Сергеева, Сборнаго Линейнаго, двух мусульманских и 18-ти орудий Артиллерии.—С сими войсками, совершив еще 20-ть верст, я в 9-ть часов ночи занял оставленную турками крепость Гасан-Кале, которая по справедливости может почесться ключем к Арзеруму, крепость, построенную еще во время владычества Римлян на весьма крепком месте, важную теперь для нас по удобству для складки всех запасов, и по положению на сообщении нашем с Карсом и Баязетом. В ней приобретено 29-ть орудий, пороховой магазин и довольно значительные хлебные запасы. Нимало не теряя времени, я в ночь же послал татарские полки преследовать бегущих турок, которые, гнав их верст 25-ть, отбили до 2 тыс. голов скота и более 50-ти Армянских семейств, увлеченных из Гасан-Кале.

Сим важным приобретением, совершившимся без всякой потери с нашей стороны, как необходимое последствие одержанной мною 19-го и 20-го числ победы и быстраго преследования, я стал твердою ногою на челе Арзерума. На другой день начали стекаться сюда укрывшиеся в горах жители, равномерно обитатели окрестных деревень присылали ко мне депутатов для испрошения покровительства, и я с удовольствием видел, что поселяне, убежденные в кротости и справедливости нашего правительства, занимают деревни свои и принимаются, как во дни мирной жизни их, за привычной труд земледельческой.

Я имел достоверныя сведения, что разбитие Турецкой Армии и быстрое движение мое произвело на Арзерумских жителей впечатление самое благоприятное для нас и потому 24-го числа, осмотрев крепость и цитадель и сделав распоряжения на щет вооружения ея и обороны, я в три часа пополудни отправил в Арзерум с воззванием к народу Мамиш-Агу, бывшаго Янычарскаго старшину, взятаго нами в плен 19-го числа и пользующагося большим уважением жителей. В воззвании моем убеждал я Арзерумцев не сопротивляться мощному оружию Российскому и давал твердое обещание сохранить неприкосновенными свободу вероисповедания, личную безопасность и права собственности каждаго. Мамиш-Ага, котораго сильно тронуло хорошее обхождение мое с Гагки-Пашею и другими пленными, охотно взялся ввести в город прокламацию мою, и употребить деятельное посредство к преклонению жителей на добровольную покорность, ибо, говорил он, быв свидетелем 19-го и 20-го числ высокаго военнаго искусства Русскаго, я считаю всякое сопротивление неминуемо гибелью для города. Между тем весь корпус и обозы стянулись к Гассан-Кале и 25-го числа, в торжественный день рождения вашего императорскаго величества войска кавказския в церковном параде принесли господу богу моление о здравии вашего величества с августейшим домом и благодарение за дарованныя им победы над врагами.

В обед получил я от Мамиш-Аги известие, что он застал весь народ в Арзеруме в сильном волнении, что большая часть жителей до его прибытия имели твердое намерение защищаться, но прокламация моя поколебала их. «Муллы и почетные жители благоговейно принимают предложения Ваши, — писал ко мне Мамиш-Ага, — они покорствуют пред Вами и народ их поддерживает, имея полную к Вам доверенность и зная строгую справедливость Вашу с жителями Карса и Ахалцыха. Сераскир и мятежныя войска возбуждают еще в народе волнения, но Ваше слово возстановляет спокойствие». — Желая скорее воспользоваться сим добрым расположением народа, я в 5-ть часов вечера выступил из Гассан Кале всем корпусом на легках с четырехдневным провиантом, составив из всех тяжестей вагенбург под крепостию.

По утру (26-го числа) на ночлеге моем в разстоянии трех часов от Арзерума явились ко мне депутаты, один от Сераскира Капиджи-Паша, другой от народа преданный нам Мамиш-Ага. Сей последний представил ко мне письменное удостоверение от городских старшин о совершенной покорности всех жителей моим предложениям. — Капиджи-Паша уверял словесно о согласии Сераскира на сдачу крепости; но в то же время весьма двусмысленно объявлял мне опасение свое по случаю приближения войск наших к Арзеруму, ибо, говорил он, вид армии Русской может ожесточить народ, возбудить в нем фанатизм и преклонить на упорную защиту, по сему убеждал меня остановить движение. Хотя в подобных случаях трудно узнать прямую истину, но я предпочел следовать вперед, расчитывая, что приближение мое к городу, с одной стороны, еще более устрашит Сераскира и

его войско, а, с другой, даст благомысленному народу больше силы и средств противуборствовать волнующейся партии и настоять о сдаче. Дорогою я велел на стороне тайно спросить Мамиш-Агу о сем деле и он подтвердил, что приближение мое к Арзеруму ускорит конец сдачи, но что он не смел сказать о сем в присутствии Капиджи-Паши.

Корпус шел ущельем, посредством котораго поднялся на хребет и спустился в долину, на коей раскинуты обширные предместья Арзерума и возвышаются зубчатыя стены крепости и цитадели.— Войска остановились в 5-ти верстах от Города, ибо ближе сего не было воды. Коль скоро передовые полки наши показались перед высотами Арзерумскими, неприятельская кавалерия в небольшом числе выехала из города и до самаго вечера производила ружейную стрельбу по нашим пикетам, которые не отвечали ей ни одним выстрелом. Остановившись на горе, я старался наиболее приласкать депутатов Арзерумских, приготовил письменный ответ к народу на его письменное объявление и в том же смысле другой к Сераскиру, и отпустил их с оными в город в 5-ть часов вечера, послав вместе с ними Генерал-Майора князя Бековича Черкаскаго, которому дал подробное наставление, как действовать на народ и Сераскира, дабы и тех и другаго еще более уверить в твердости обещаний моих.

Перед Арзерумом с восточной стороны онаго возвышается гора, именуемая Топ-Даг, командующая городом и цитаделью и отстоящая от сей последней на малый пушечный выстрел. Турки построили здесь огромную баттарею, которая обстреливала дороги Карскую и Ахалцыхскую и все пространство впереди ее к Востоку; от ней протянуты вниз большие шанцы для сообщения с городом. Желая осмотреть места сии на случай необходимости брать их с бою, если бы город решился сопротивляться, я вечером приблизился к неприятельским батареям, от которых стрелки производили ружейный огонь, и, обозрев оныя со всех сторон, уверился, что со взятием сей укрепленной высоты городу весьма трудно будет держаться, посему я решился на другой день атаковать сии укрепления, если бы неприятель оказал упорство.

При отправлении князя Бековича Черкаскаго в Арзерум, я между прочим приказал ему, чтобы поутру непременно прежде 10-ти часов донес мне о следствии его переговоров, он исполнил сие, и в 9-ть часов явился ко мне один городской старшина, который привез от него известие, что во всю ночь собравшийся народ судил о решении участи своей и, хотя голоса преимущественно склонялись на нашу сторону, но при всяком малейшем поводе к сомнению возбуждался ропот и буйная чернь кричала: «не посрамим веры нашей!» Четыре раза возбуждались подобныя волнения и четыре раза бунтующия толпы окружали дом, в котором остановился князь Бековичь Черкаский. Вообще народ безпрерывно переменял мнение свое, склоняясь то к сдаче, то к сопротивлению. Наконец уже поутру князь Бековичь Черкаский сильными представлениями убедил Сераскира и старшин города прислать ко мне сего Депутата с решительным уверением, что в 4 часа пополудни они сдадут мне Арзерум, но я, расчитывая, что если бы город снова вздумал сопротивляться, то от 4-х часов мало останется мне времени до вечера для покорения штурмом крепости, послал объявить старшинам и Сераскиру, что даю им сроку только до 3-х часов пополудни, и коль скоро в сие время не будут высланы ко мне ключи, то атакую крепость всеми моими силами.

Между тем с самаго утра, с батареи Топ-Дага бросали безпрерывно ядра по нашим караулам и фуражирам и стрелки турецкие непрестанно производили пальбу из ружей, не желая тратить напрасно лю-

дей, я велел князю Бековичу-Черкаскому настоятельно потребовать у Сераскира, дабы войска его были выведены с Топ-Дага, иначе нахождение их там приму я знаком расположения его к упорству.

Совершилось три часа, но ответа из Города еще не было. Пред сим временем совсем нечаянно узнал я от человека того старшины, который прислан был князем Бековичем Черкаским, что Сераскир имеет в народе сильную партию, противуборствующую сдаче крепости, что все войска на его стороне и что он умышленно желает выиграть время разными уклонениями, ожидая в скором времени на помощь к себе из Арануджи Кягью своего, которому несколько дней тому назад послано повеление следовать усиленными маршами к Арзеруму. Сие заставило меня действовать тем решительнее, и я велел войскам поспешнее построиться в боевой порядок, скорым шагом двинуться на высоты Арзерумские и, если неприятель будет держаться в укреплениях Топ-Дага, то штурмом взять их. Наши полки стройными колоннами с музыкою со всех сторон обходили Топ-Даг, и коль скоро выказались они на возвышениях, турки усилили пальбу с батареи, но устрашенные безостановочным быстрым движением нашим, оставили гору и поспешили укрыться в городе, а канвой мой занял батарею сию, на которой найдены пять орудий. Достигнув города, неприятель открыл по нас огонь из всех батарей, я велел отвечать залпом из поставленных на Топ-Даге орудий наших и приметно произвел в городе замешательство. Но скоро увидел я, что сановники городские на другой оконечности выезжают к нам в торжественном сопровождении, и, признавая их за вестников покорности, приказал прекратить пальбу, хотя турки и продолжали еще стрелять в наши колонны. —

Действительно это была Депутация от Города, по приближении которой Бегляр-Бек (Военный Губернатор) Арзерумский поднес мне ключи крепости и цитадели. Несмотря на сию совершенную покорность, еще несколько ядер с городских баттарей пронеслись мимо меня; депутаты сами просили меня огнем наших орудий привести в покорность сих мятежников, кои в числе нескольких сотен противуборствовали общему голосу народ; я велел открыть пальбу, и мятежники после нескольких выстрелов совершенно разсеялись, взорвав одну батарею.

Городские депутаты именем всего народа изъявили согласие на все мои предложения и просили утвердить оныя вновь в присутствии их моим подписом и дополняли еще просьбу об освобождении Сераскира и трех пашей с ним находящихся; утвердив все условия, я отказал им освобождение Пашей, котораго никогда и не обещал, а предоставил себе действовать в отношении их по обстоятельствам. Такого рода условие предало пашей сих в полную волю мою.

Получив таким образом во власть мою город по условию с Депутатами, тут же занялся учреждением новаго правления покоренной области и вследствие того назначил: Генерал-майора Панкратьева главным начальником Арзерумскаго пашалыка; Генерал-майора Князя Бековича-Черкаскаго в Должность коменданта; Генерал-майора Реутта первым членом временнаго правления Арзерумскаго, коллежскаго Советника князя Паловандова вторым членом. Тогда приказал я Генерал-Майору Панкратьеву с бригадами Генерал-Майоров князя Бековича-Черкаскаго и князя Голицына итти церемониально для занятия города, крепости и цитадели. Уже войска наши, прошед все предместие и крепость, приблизились к стенам цитадели и требовали открытия ворот, как вдруг вовсе неожиданно засевшие в оной Арнауты закричали, что не отдадим цитадели и готовы защищать ее до

последней крайности. Чрез присланнаго ко мне с сим донесением офицера я разрешил Генерал-майору Панкратьеву взять ее штурмом; но к счастию Арнауты, увидев решительность войск наших итти на приступ, отворили ворота цитадели, которая была столь крепка и столь хорошо вооружена, что взятие ее силою стоило бы нам величайших трудов и пожертвований. После сего победоносныя Войска Российския внесли знамена вашего императорскаго величества на цитадель Арзерумскую в 6½-ю часов вечера в 27-й день Июня. Сераскир прислал ко мне Знамя свое, просил о выпуске его из крепости; ожидая объяснения дальнейших дел, я отвечал, что сие зависеть будет от обстоятельств. Вместе с тем взяты в цитадели еще три знамя, принадлежавшия пашам и Арнаутам.

Таким образом достославныя войска вашего императорскаго величества, со дня перехода их за предел прошлогодних завоеваний, т. е. с 13-го Июня, в продолжение четырнадцати дней прошли два высокие хребта, сохраняющие еще снег, истребили турецкую Армию, взяли два лагеря, покорили крепость Гассан-Кале в здешнем краю столь важную, отняли у неприятеля всю его полевую Артиллерию и парки и, уничтожив тем всякую мысль о возможности сопротивляться, принудили его отдать нам центр могущества своего на Востоке-цитадель и крепость, кои могли бы выдержать самую продолжительную осаду, и наконец пленили самого Сераскира, Главнокомандующаго Турецкою Армиею и всею Азиатскою Турциею и четырех старших пашей его.

Имея счастие донести об оном вашему императорскому величеству, я считаю священным долгом свидетельствовать пред вами, всемилостивейший государь, об отличных трудах, усердии и мужестве закавказских войск.

По взятии Арзерума узнано, что 25-го числа уже после полудня бежало из Города 800 Делиев, 500 Легулярных войск, и около 7 тыс. кавалерии из корпуса Гагки-Паши, кои все приняли направление к Токату. В Арзеруме считается более 150-ти орудий, большие могазины с провиантом, великое множество запасов Артиллерийских, что все приводится ныне в известность.

Писарская копия, писанная на листах, сшитых тетрадью, с водяными знаками «1828» (21 лл., в том числе один вкладной лист). Публикуемый документ является серией донесений Паскевича Николаю I (от 16, 17, 20 и 28 июня 1829 г.). Из них донесение Паскевича от 20 июня о поражении турецкой кавалерии и взятии в плен Гагки-паши было опубликовано в «Военном журнале», издававшемся военно-ученым комитетом, 1829 г., № V, стр. 214—237 (цензурная помета 23 июля 1829 г.). Надо думать, что о получении этого донесения от 20 июня пишет биограф Паскевича-Эриванского Щербатов, приводя по автографу, хранившемуся в архиве Паскевича, ответ Николая I: «Известия... о победах над армиею сераскира были получены государем в Петергофе в конце июня. Они были привезены в Петербург адъютантом гр. Паскевича, штабс-ротмистром Фелькерзамом. Государь отвечал графу следующим письмом: «Александрия близ Петергофа, 30-го июня 1829 г. Трудно мне вам выразить, любезный мой Иван Федорович, с каким душевным удовольствием получил я известия, привезенные Дадиановым и Фелькерзамом. Вы все сделали, что можно было только ждать после продолжительной и трудной кампании, и все сделали в 14 дней, вы вновь прославили имя русское, храброе наше войско, — и сами приобрели новую неувядаемую славу; да будет награда ваша — первая степень Георгия — памятником для вас и для войск, вами предводительствуемых, славных ваших подвигов и того уважения, которое с искренней дружбой и благодарностью моею навеки принадлежит вам. Изъявите всем мое совершенное удовольствие и признательность; поведение войск п о с л е победы мне столь же приятно, сколь славнейшие подвиги военные; оно стоит побед влиянием в пользу нашу... Жду с нетерпением дальнейших известий о намерениях ваших; я предполагаю, что Трапезонт не уйдет из рук ваших... Жена вам сердечно кланяется, а я обнимаю от всего сердца; будьте уверены в искренней моей дружбе и благодарности» (Щербатов. «Генерал-фельдмаршал кн. Паскевич». СПБ, 1888—1894; III, стр. 198—199).

В виду того, что Пушкин выехал из Арзерума около 20 июля, естественно предположить, что настоящая копия была им получена на месте; в пользу этого говорит водяной знак бумаги 1828 г. В рукописи три пометы рукой Пушкина: вставленное слово и два ссылочных знака (об этом см. ниже, стр. 215 и 216). Фактическая канва военных событий в рассказе Пушкина третьей и четвертой главы «Путешествия в Арзрум» заимствована из настоящей рукописи; запасшись ею в 1829 г. на Кавказе, поэт использовал ее в 1835 г., когда писал свое «Путешествие». Поскольку сличение текстов свидетельствует, что Пушкин имел перед глазами донесения Паскевича, работая над «Путешествием», в нижеследующих комментариях прослеживается связь между текстом донесений и пушкинским текстом. Для экономии места в примечаниях нами введены сокращения ряда изданий, использованных для выявления упоминаемых Паскевичем и Пушкиным участников Турецкой кампании 1829 г.:

АР — Архив Раевских. Редакция Б. Л. Модзалевского, т. I и II, СПБ, 1908—1909.

В — Е. Вейденбаум. «Пушкин на Кавказе в 1829 г.» — «Русский Архив» 1905 г., № 4.

КП — Примечания и объяснения к «Путешествию в Арзрум» и хронологическая канва к путешествию А. С. Пушкина на Кавказ в 1829 г., сост. Е. Г. Вейденбаум. — «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис, 1899.

У — Ушаков. «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.»; 2 тома. СПБ, 1836.

Щ — Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. По неизданным источникам составил ген. штаба генерал-лейтенант князь Щербатов, т. III, октябрь 1827 — май 1831, П., 1891.

Текст «Путешествия в Арзрум» цитируется по краснонивскому изданию 1930 г. (книга 9). Текст «Маршрута от Тифлиса до Арзерума» (ненапечатанное при жизни Пушкина приложение к «Путешествию в Арзрум») цитируется по публикации Якушкина («Русская Старина» 1884 г., XI, стр. 372—373). Сокращенное обозначение — Як.

Описки писаря в копии донесения, а также ошибки его, мешающие осмыслению текста, исправляем, не оговаривая.

Паскевич Эриванский — Иван Федорович Паскевич (1782—1856), казак по происхождению. Был близок Николаю I в бытность его великим князем; в связи с этим сделал блестящую карьеру, не соответствующую его посредственным военным дарованиям. Руководил персидской (1827—1828 г.) и турецкой войной (1829 г.). За последнюю войну получил звание генерал-фельдмаршала. В 1831 г. заменил главнокомандующего Дибича при усмирении польского восстания, за что возведен в звание князя с титулом светлейшего и наименованием Варшавского. Еще в 1828 г. был возведен в графское достоинство (гр. Эриванский). Честолюбивый и деспотичный, он был очень требователен к подчиненным, которых постоянно эксплоатировал и которые часто бывали жертвой его мстительности. Использовав нужных для себя людей, он готов был бросить их на произвол судьбы, если они для него оказывались почему-либо неудобными. Так, опираясь на декабристов, бывших под его начальством, и других сосланных на Кавказ, Паскевич добился победы в турецкой кампании и он же отплатил им черной неблагодарностью: такова была судьба Сухорукова, Раевского и др. Паскевичу был приятен приезд Пушкина под Арзерум; он думал, что поэт будет певцом его славы, почему во время похода он ухаживал за Пушкиным и оказывал ему внимание. При прощальном визите Пушкина Паскевич подарил ему турецкую саблю (21 июля 1829 г.). Паскевич ошибся в своих расчетах. Впрочем в «Бородинской годовщине» Пушкин посвятил Паскевичу хвалебную строфу, в связи с чем Паскевич писал Жуковскому 2 октября 1831 г.: «Прошу Вас принять не лицемерную мою благодарность за присланные строфы и сообщить таковую же Александру Сергеевичу Пушкину, столь много обязавшему меня двумя отличными своими стихотворениями. Стихи истинно прекрасные и богаты чувствами народной гордости» («Русский Архив» 1875 г., кн. III, стр. 460). В предисловии к «Путешествию в Арзрум» Пушкин с своей стороны сохранил полную независимость: отозвавшись с почтением о Паскевиче, он однако отметил, что «приехать на войну с тем, чтоб воспевать будущие подвиги, было бы для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком непристойно». Скрытая неприязнь Паскевича к А. С. Пушкину выявилась после смерти поэта в письме Паскевича к Николаю I из Варшавы от 19 февраля 1837 г.: «Жаль Пушкина, как литератора, в то время когда его талант созревал; но человек он был дурной» (КП, стр. 124—125).

От 16-го июня. (Текст этого донесения занимает стр. 197—200).

Саганлугские леса—по имени Саганлугского хребта, рубежа Карсского и Арзерумского пашалыков (У, II, 58). Саганлугские леса представляют во многих местах топи, на которых растет дикий лук; отсюда и самое название: на

татарском и турецком наречиях суган значит лук, суганлы или суганлу — луковый.

Арзерум — город в Азиатской Турции, находившийся в 250 верстах к юго-западу от русско-турецкой границы Гумр, около истоков Евфрата. Принадлежал Турции с 1522 г.; переходил к России в 1829 и 1878 гг., но оба раза возвращался туркам. — Пушкин считал правильным название Арзрум, а не Арзерум и не Эрзерум.

Бурцов — Иван Григорьевич Бурцов (1794—1829), генерал-майор. Входил в общество «Союза спасения», привлекался по делу декабристов. В 1827 г. определен на Кавказ. С началом Турецкой войны 1828—1829 гг. был причислен к свите главнокомандующего. Участник взятия Карса, Ахалкалака и Ахалцыха; 27 июня участвовал в покорении Арзерума и 7 июля занял без боя город Байбурт; был смертельно ранен в ночь с 18 июля под селением Харт. О нем в КП, стр. 54—55. Пушкин о нем говорит в начале III главы «Путешествия», а под 19 июня пишет: «Я встретил генерала Бурцова, который звал меня на левый фланг. Что такое левый фланг? подумал я, и поехал далее» (стр. 563).

Карпов — сведений не имеется.

Фомин — сведений не имеется.

Карагамза — у Щербатова эта деревня названа Карагамыз (Щ, стр. 183).

Вагенбург — с немецкого Wagenburg — военный обоз, собранный на стоянку, обычно располагался четырехугольником, образуя защиту.

Сергеев — сведений не имеется.

Басов — Петр Трофимович Басов, подполковник, командовал в кампанию 1829 г. донским казачьим имени своего полком (КП, стр. 56). — Пушкин о нем пишет в III главе под 13 июня: «Подполковник Басов послал за подмогой. В это время сам он был ранен в ногу. Казаки было смешались. Но Басов опять сел на лошадь и остался при своей команде» (стр. 563).

Дели-Муса Пурун — это урочище в биографии ген. Панкратьева, напечатанной в «Русском биографическом словаре», названо Дели-Мусали-Фурни.

Бекович-Черкасский — кн. Федор Александрович Бекович-Черкасский, родом кабардинец; на службе с 1806 г.; в 1816 г. переведен в л.-гв. казачий полк, сопровождал в Персию Ермолова; в 1828 г. произведен в генерал-майоры и получил в командование бригаду 21-й пехотной дивизии. После взятия Карса, 23 июня 1828 г., был назначен начальником Карсского пашалыка, председателем местного правления и командующим войсками в крепости Карсе. По свидетельству Лачинова, зная с малолетства языки турецкий и арабский, нравы, обычаи и дух азиатских народов, Бекович умел необычайно искусно управлять и владеть ими (КП, стр. 50). Пушкин упоминает Бековича в I и IV главах; в последней главе читаем: «Бекович, хорошо знающий азиатские языки и обычаи» (стр. 567).

Остен-Сакен — Пушкин пишет в III главе: «Вечером навестил я молодого Остен-Сакена, раненого в тот же день в другом сражении» (стр. 562). Молодым Пушкин называет его в отличие от генерал-майора Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена (1789—1881).

От 17 июня. (Текст этого донесения занимает стр. 200, после чего до стр. 207 идет текст донесения от 20 июня).

Бордузе — Бордузская долина, заключаясь между высокими холмами, с трех сторон упирается в крутые ущелья (У. II, 92).

Осман-паша — Осман-Хазы-Надыр-оглы, бывший трапезундский паша. В V главе Пушкин описывает дом Османа-паши в Арзеруме и рассказывает о посещении его гарема.

Карабахская провинция — в юго-восточной оконечности Малого Кавказа.

Фридерикс — бар. Борис Андреевич Фридерикс (1797—1874); 19 мая 1829 г произведен в генерал-майоры, позднее генерал-адъютант.

Усков — дополнительных сведений не имеется.

Гайта — название отборной кавалерии турецкого войска (Щ, III, 220).

порутчик Толмачев — сведений не имеется.

прапорщик Дивильковский — сведений не имеется.

От 20 июня — это донесение напечатано в «Военном журнале», где имеется в конце номера «Июня 20 дня 1829. Лагерь при селении Ардосе». Поэтому считаем дату «23 июня» в нашей копии ошибочной и заменяем ее через 20 июня.

трех-бунчужный — конские хвосты (по-турецки бунчуки) на украшенном древке были в употреблении в Турции, как знак сана и власти пашей. После уничтожения бунчуков, носившихся впереди пашей, градация пашей по числу бунчуков однако сохранилась. Трехбунчужный паша — мушир, генерал-аншеф.

Сераскир — с начала 1829 г. саном арзерумского сераскира с неограниченным полномочием был облечен Гаджи-Салех, паша Мейданский (У, II, 1—2). Пушкин описывает его так: «седой старик, наружности самой обыкновенной» (стр. 568—569).

Гагки-Паша — Гагки-паша Сивазский с начала 1829 г. назначен главнокомандующим действовавших в Арзеруме войск (У, II, 1—2). — Сражение с Гагки-пашею описано Пушкиным в IV главе. Подробности поведения Гагки-паши, взятого в плен, передаваемые Пушкиным, который видел пашу в палатке Паскевича («сидел... куря трубку», «отдавшись в плен, он просил, чтоб ему дали чашку кофию»), совпадают с описанием у У, II, 121. Пушкин пишет «Гаки-Паша»; у Вейденбаума встречаем написание Гачки-Паша (В, 679).

Панкратьев — Никита Петрович Панкратьев (1788—1836), генерал-майор; 23 июня занял Гассан-Кале; 27 июня аттаковал Топ-Даг и занял Арзерум, взяв сераскира в плен.

Муравьев — Николай Николаевич Муравьев (1794—1866), генерал-майор, командир кавказской резервной гренадерской бригады. В конце 1854 г. был назначен наместником Кавказа, позднее член Государственного совета. Пушкин писал под 19 июня: «Я увидел генерала Муравьева, расставлявшего пушки» (стр. 563).

батальон Пионер — от французского pionnier, военный для земляных работ; пионеры, как и саперы, принадлежат к инженерам.

кагья-пашинский — кагья или кягья — начальник штаба (У, II, 106).

Раевский — Николай Николаевич Раевский (1801—1843), младший сын выдающегося генерала, составившего себе крупное имя во время кампании 1812 г. Николая Николаевича Раевского (1771—1829). Н. Н. Раевский (младший), будучи адъютантом и служа в л.-гв. гусарском полку, стоявшем в Царском Селе, познакомился с Пушкиным лицеистом. Знакомство вскоре перешло в дружбу. А. С. Пушкин считался со взглядами Раевского в литературных делах и отдавал на его суд свои произведения. Благодаря Н. Н. Раевскому, разыскавшему своего больного горячкой друга в Екатеринославле, Пушкин совершил в 1820 г. свое путешествие на Кавказ и в Крым. На театре войны 1829 г. Пушкин встретился с Раевским, когда тот уже был командиром Нижегородского драгунского полка. В 1830 г. Раевский должен был оставить службу на Кавказе вследствие доноса, обвинявшего его в том, что он держался по-товарищески с декабристами. Паскевич стал преследовать Раевского, и последний оказался в опале; следующие годы был не у дел, проживая в Крыму, до назначения начальником I отделения Черноморской береговой линии. Пушкин неоднократно говорит о Раевском в своем «Путешествии» .

генерал-майор Остен-Сакен — барон, впоследствии граф, Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен (1789—1881), генерал-майор, в июне 1829 г. назначен начальником Ахалцихского пашалыка. В 1830 г. покинул Кавказ вследствие столкновений с Паскевичем.

Раевский.... устремил отряд свой на центр — вместо слова «центр» в писарской копии первоначально было написано «левое крыло», зачеркнутое карандашом другой рукой (не Пушкина). В тексте донесения, напечатанного в «Военном журнале», значится «левое крыло». У Пушкина читаем: «Перед нами (противу центра) скакала турецкая конница» (стр. 563). Таким образом текст Пушкина опирается на публикуемую копию с соответствующей карандашной поправкой. Далее, в конце следующей фразы, после слова «направлениям» стоит знак #, сделанный чернилами рукой Пушкина. Ему соответствует такой же знак рукой Пушкина перед словами «Но на горе» на листке (другого размера), вложенном в этом месте в рукопись и озаглавленном: «Выписка о действиях правого фланга в деле 19-го Июня, в то время, когда силы турецкие были раздвоены и поведена конная атака в правую сторону». Текст этого листка, кончающегося словами «отступили благополучно», отсутствует в донесении, как оно опубликовано «Военным журналом».

Симонич — граф Иван Осипович Симонич, уроженец города Зары в Илирии; в 1812 г. в составе великой французской армии пришел в Россию, в сражении под Красным был взят в плен и отправлен в Казань. После заключения Парижского мира (1814 г.), не желая служить Австрии, вступил в русскую службу, отправился на Кавказ и определился с чином майора в грузинский гренадерский полк. Участвовал в походах Ермолова, который очень ценил его. В сражении под Елисаветполем 13 сентября 1826 г. получил в левую ногу тяжелую рану, сделавшую его хромым на всю жизнь. В турецкую кампанию 1829 г. командовал грузинским гренадерским полком; после окончания войны произведен в генерал-майоры и в 1833 г. назначен посланником в Персию, откуда отозван в 1838 г. по проискам англичан. Впоследствии был комендантом цитадели в Варшаве, где и умер от последствий падения из экипажа (КП, стр. 57). — В соответствии с текстом вставленного в рукопись листка, в котором речь идет о Симониче, читаем у Пушкина: «Два эскадрона, отделясь от полка, занеслись в своем преследовании; они были выручены полковником Симоничем» (стр. 563).

сотник Шапошников — сведений не имеется.

хорунжий Евсиков — сведений не имеется.

Зевин — крепость (АР), замок (У, II, 76), деревня Зивин (Щ, 182), в 99½ верстах от Арзерума (Як).

шанцы — от немецкого Schanze, военные окопы, редут.

подполковник Поляков — под 19 июня читаем у Пушкина: «Я увидел полковника Полякова, начальника казацкой артиллерии, игравшей в тот день важную роль, и с ним вместе прибыл в оставленное селение, где остановился граф Паскевич, прекративший преследование по причине наступившей ночи» (стр. 564).

Мы взяли у Сераскира весь лагерь его — слово «взяли» вписано Пушкиным чернилами в текст донесения.

занятием зевинской дороги — в «Военном журнале» ошибочно: Есвинской долины.

подполковник Верзилин — Петр Семенович Верзилин, позднее генерал. 14 июля 1841 г. в его доме в Пятигорске произошло столкновение между Лермонтовым и Мартыновым, приведшее к дуэли и смерти поэта.

Леонов — Степан Алексеевич Леонов (р. 1791 г.), генерал-майор (см. Дворянский адрес-календарь 1898 г., т. II, стр. 184 в сопоставлении с «Сборником русского исторического общества», № 60, стр. 485).

Меджингерт — в рукописи: «Иджингерт», ниже встречается также «Меджингут». Исправляем согласно Ушакову, у которого читаем: «третья и четвертая колонна посланы для обхода левого неприятельского фланга и перерезания дороги на Меджингерт и Занзах» (У, II, 120). Замок Меджингерт в 97 верстах от Арзерума (Як).

Аракс — главный правый приток Куры. У Пушкина читаем: «Мы увидели Аракс, быстро текущий в каменистых берегах своих» (стр. 566).

Каинлы — «так названа эта деревня в реляции, но правильнее, кажется, Кыинлы, что значит на турецком языке «трудное место» (У, II, 104). В тексте «Военного журнала» ошибочно Калилы. Описывая сражения 19 и 20 июня при Каинлы и Милидюзе, Щербатов пользуется публикуемыми нами «всеподданнейшими рапортами» от июня 1829 г. (Щ, III, 191).

Миллидюз — «при Милли-Дюзе была одержана победа русскими и взят в плен Гагки-паша» (У, II, 115). — Урочище Милли-Дюз, где был лагерь Гаккки-Паши, в 106 верстах от Арзерума (Як).

Умбай-Бек — кн. И. Н. Абхазов писал Н. Н. Раевскому 20 апреля 1829 г.: «Штабс Капитан Умбай бек славный молодец, храбрый, раненый, постоянно преданный к нам и всегда отличной заслугами; вам он известен в прошлую кампанию против турок» (АР, I, 452).

От 28-го июня. (Текст этого донесения занимает стр. 207—212).

Славная столица Анатолии Арзерум, вмещающая до 27 тыс. домов или более ста тысяч населения — у Пушкина читаем: «Арзрум почитается главным городом в Азиатской Турции. В нем считалось до 100 000 жителей, но кажется число сие слишком увеличено» (стр. 569).

в день достопамятной битвы Полтавской — у Пушкина: «Полки наши пошли в Арзрум и 27 июня, в годовщину полтавского сражения...» (стр. 568). Также в «Русском Инвалиде» 1830 г., № 82: «Итак 27-го июня, день, ознаменованный уже незабвенною Полтавскою битвою».

После разбития турецкой армии — перед этими словами неизвестной рукой проставлено: «От 1-го Июля». Считаем эту вставку ошибочной и ее не воспроизводим.

Хоросан — деревня Хоросан, в 74½ верстах от Арзерума (Як.).

Баязетская дорога — Баязет — некогда очень значительный город в турецком вилайете Арзерум.

Паша Мушский — пашалык Мушский граничит к востоку с Ванским, к северу с Баязетским, к западу с Арзерумским и к югу с Диарбекирским пашалыками. Правитель его, происходя обыкновенно из племени куртинцев, бывает подчинен иногда паше Ванскому, а иногда прямо сераскиру Арзерумскому, чаще же остается независим, с титулом двух-трех-бунчужного паши (У, I, 116). Мушским пашой в то время был Эмин-паша (У, II, 239). У Пушкина читаем: «Мушский паша приезжал к графу Паскевичу просить у него места своего племянника. Ходя по дворцу, важный турок остановился в одной из комнат, с живостью проговорил несколько слов и впал потом в задумчивость: в этой самой комнате обезглавлен был его отец по повелению сераскира» (стр. 571).

Ванский паша — Ван — главный город турецкого вилайета в Армении, близ восточного берега Ванского озера.

Ардос — селение; местность представляет волнистую долину, прилегающую к берегам Аракса (У, II, 132); в 75½ верстах от Арзерума (Як.).

Гасан-Кале — древний Феодосиополис, старинная крепость турецкой Армении, верстах в 25 к востоку от Арзерума. У Пушкина: «24 июня утром пошли мы к Гассан Кале, древней крепости, накануне занятой князем Бековичем. Она была в 15 верстах от места нашего ночлега... Гассан-Кале почитается ключем Арз-

рума. Город выстроен у подошвы скалы, увенчанной крепостью. В нем находилось до ста армянских семейств» (стр. 566—567). Страницей далее читаем в донесении Паскевича: «в 9 часов ночи занял оставленную турками крепость Гасан-Кале, которая по справедливости может почесться ключем к Арзеруму». В 35 верстах от Арзерума (Як).

Кеприн Кев — деревня Кеприкев в 49½ верстах от Арзерума (Як).

Мамиш-Ага — бывший начальник янычарской орты, арзерумский гражданин. Взят в плен 19 июня со многими другими турками, отличался перед всеми умом и основательным познанием края (У, II, 137); передался на сторону русских. Пушкин разумеет его, говоря об «отпущенных пленниках» и «беглецах» (стр. 567).

25 числа в торжественный день рождения вашего императорского величества войска Кавказские в церковном параде принесли господу богу моление о здравии вашего императорского величества — у Пушкина: «25 июня, в день имянин государя императора, в лагере нашем под стенами крепости полки отслушали молебен» (стр. 567).

получил я от Мамиш-Аги известие, что он застал весь народ в Арзеруме в сильном волнении, что большая часть жителей до его прибытия имели твердое намерение защищаться, но прокламация моя поколебала их — у Пушкина: «Между тем, в Арзруме происходило большое смятение. Сераскир, прибежавший в город после своего поражения, распустил слух о совершенном разбитии русских. Вслед за ним, отпущенные пленники доставили жителям воззвание графа Паскевича. Беглецы уличили Сераскира во лжи» (стр. 567).

Капиджи паша — «Капуджи-паша» — начальник крепостных ворот» (Щ, 196). У Пушкина читаем: «В лагерь наш (26-го утром) явились депутаты от народа и Сераскира [Капиджи-паша]» (стр. 567).

Топ-Даг — возвышенность Топ-Дага господствует над всем городом и положением своим равняется высоте Арзерумской цитадели, от которой отстоит на 850 сажен; от предместий же только на 300 сажен. С сими последними она имела соединение посредством вырытого в земле глубокого рва (У, II, 151). У Пушкина: «С восточной стороны Арзрума, на высоте Топ-Дага, находилась турецкая батарея» (стр. 567).

Арданудже — Арданучь — в 30 верстах от г. Ливана.

Наши полки стройными колоннами с музыкою со всех сторон обходили Топ-Даг — у Пушкина: «Полки пошли к ней [батарее], отвечая на турецкую пальбу барабанным боем и музыкою» (стр. 567).

депутаты сами просили меня огнем наших орудий привести в покорность.... мятежников... я велел открыть пальбу — у Пушкина: «Генералы подъехали к графу, прося позволения заставить молчать турецкие батареи. Арзрумские сановники, сидевшие под огнем своих же пушек, повторили ту же просьбу. Граф несколько времени медлил; наконец, дал повеление, сказав: Полно им дурачиться» (стр. 568).

общему голосу — после этих слов в рукописи пустое место для пропущенного слова.

Реутт — Иосиф Антонович Реутт (1786—1855), генерал-лейтенант.

Паловандов — в рукописи ошибочно Поливандов.

Голицын — кн. Владимир Сергеевич Голицын (1794 — 1861), временно командовал Нижегородским драгунским полком (до Н. Н. Раевского), в декабре 1827 г. покинул полк; в 1839 г. определен на Кавказ, командовал кавалерией во многих экспедициях. Известны два письма Голицына к Пушкину.

внесли знамена... на цитадель Арзерумскую в 6½ часов вечера в 27-й день Июня — у Пушкина: «Полки наши пошли в Арзрум и 27 июня... в 6 часов вечера русское знамя развилось над Арзрумскою цитаделью» (стр. 568).

арнауты — турецкое название албанцев.

№ 69

1774 г. Июня 13

УКАЗ НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО

Мещеряцкому Полковнику Бахтиару Каныкаеву, походному старшине Ерму Хадмету Кадерметеву. Репорт ваш сего июня 13 числа получен, коим требуете повелительного указу о набрании рускаго и башкирского войска, на что сим имянным нашим указом повелевается оного

войска как рускаго, так и башкирского всячески старатся набирать болшую армию и стоять против злодеев и искоренять противящихся нашей короне. И полковнику Каныкаеву и старшине Кадырметеву учинить о том по сему нашему указу во всем непременно. Во верность сего за подписанием собственной руки и за приложением корон.

Сей указ дан июня 13 дня 1774 года.

Петр.

Указ Пугачева скреплен сургучной печатью с изображением Петра III; на ней значится: «Б[ольшая] Г[осударственная] П[ечать] П[етра] Т[ретьего] Имп[ератора] и Самодерж[ца] Всерос[сийского]». Печать эта воспроизведена Пушкиным в первой части его «Истории Пугачевского бунта» СПБ, 1834. Русский текст занимает лицевую сторону листа писчей бумаги, на обороте (на четвертой странице) тот же текст воспроизведен на татарском языке для того, чтобы быть удобопонятным башкирам и другим жителям Поволжья, не владевшим русским языком. Сотрудница Ленинской библиотеки Розье Ханум Фаизова определила язык, которым писан указ, как книжный татарский язык. По ее мнению перевод писан лицом, кончившим медрессе (магометанское духовное училище), вероятнее всего — муллой. Пушкин с целью воспроизведения печати в своей книге извлек настоящий указ из фонда бумаг по восстанию Пугачева, взяв его из дела, заключавшего ряд документов, о чем свидетельствует номер листа, проставленный в правом углу подлинника: 1073. Русский текст указа писан рукой секретаря А. Дубровского (это явствует из сличения подписей под следующим документом, среди которых есть Дубровский, с почерком, которым писан текст настоящего указа), включая и подпись «Петр»,—Пугачев был безграмотен.—Емельян Иванович Пугачев (р. около 1744 г., ум. в 1775 г.), — выдающийся руководитель крестьянского движения, охватившего в 1773—1774 гг. Поволжье и получившего название пугачевщины. Пугачев выдавал себя за Петра III, опираясь на крестьян, уральских рабочих и угнетенных колониальной политикой русского самодержавия националов, Пушкин в своем труде держался дворянской конценпции пугачевщины, как «бунта бессмысленного и беспощадного»; в его глазах Пугачев — злодей и бунтовщик. «Злодейства бунтовщиков» имели непосредственное отношение к Болдинской вотчине, принадлежавшей в то время деду поэта—Л. А. Пушкину,—в «ведомости о постановленных в Нижегородской губернии при селениях виселицах, колесах и глаголях» читаем: «поставлены... в селе Болдине за преклонность к приехавшим злодеям и за прозбу тех злодеев, чтоб прикащика повесить. Токмо оной не повешен» («Пугачевщина» 1931, т. III, стр. 375). Публикуемый документ (равно и следующий) относится к тому времени оживления деятельности Пугачева, начавшего поднимать с весны 1774 г. новые слои крестьянских масс к восстанию, когда он стал подходить к Каме, после чего двинулся на Казань. 11 июня 1774 г. Пугачев находился в Красноуфимске. 18 июня Пугачев подошел к Осе (Пермской губ.). Публикуемый указ писан во время движения пугачевских войск к Осе. — Взятие Осы описано Пушкиным в VI главе «Истории Пугачевского бунта» .

Каныкаев — Бахтиар Каныкаев или Канкаев (Кенкендеев) — выдающийся пугачевец из мещеряков, «главный полковник»; в документах, опубликованных Центрархивом в трех сборниках «Пугачевщина» М., 1926—1931, находится ряд данных о его деятельности. В «Истории Пугачевского бунта» он не упоминается.

Ерм Хадмет Кадерметев — в «Пугачевщине», т. I, стр. 98 опубликован указ Пугачева на имя Канкаева и полковника Ярмухамметя Кадерметева, свидетельствующий о совместной деятельности Канкаева и Кадерметева. К этому документу от 22 июня 1774 г. дано следующее примечание комментатора С. А. Голубцова: «Для характеристики деятельности Ярмух. Кадерметева не лишне иметь в виду два его приказа: один — к походному старшине Аиту Сеитову и вотяцкому полковнику старшине Исмаю Тумнаеву от июня 1774 г. с предписанием немедленно нарядить от обывателей всяких чинов по человеку с дому в поход к Амчеибашской стороне, в виду того, что в ночь на субботу по Сипиргану везли хлеб и крупу, повидимому на Уран. Другой приказ — к Аиту Сеитову от 14 августа 1774 г. с аналогичным требованием, которое мотивируется усилением «неприятеля» в стороне Ангасяка и подкрепляется угрозой направить против Сеитова, в случае ослушания, полки его императорского величества («Пугачевщина», 1926, т. I, стр. 238—239).

№ 70

1774 г. Июня 13

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ТРЕТЬЕГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО И ПРОЧАЯ ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ

Объявителям сего отправленным из государственной военной Коллегии Сымянными ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Асамонужнейших делах Указами кнаходящемуся свойском старшинам Бахтиару Каныкаеву стоварищами Эсаулу Салиху Наврузову лежащим трактом башкирскими ирускими жителствами збудущими принем тремя казаками давать мирских три подводы спристойным числом камвою и нигде нимало недержав, вовернось чего за подписанием Государственной военной коллегии присутствующих и за приложением печати дана июня 13 дня 1774 года.

Иван Творогов
Секретарь Алексей Дубровский
Повытчик Герасим Степанов.

Подорожная («открытый лист») писана рукой секретаря Дубровского поперек лицевой стороны листа писчей бумаги с пометой «1072» в левом верхнем углу. В левом нижнем углу краткий текст подорожной на татарском языке, свидящийся к тому, что есаул Наврузов «имеет право на три подводы с конвоем по намеченному тракту». Впервые подорожная воспроизведена факсимильно в сборнике «Звенья», № 3, стр. 144—145. Бумага скреплена дворянской печатью.

о самонужнейших делах указ — имеется в виду предшествующий документ, который Наврузов должен был доставить Канкаеву.

Иван Творогов — Иван Александрович Творогов, илецкий казак, член («судья») пугачевской коллегии, «любимец злодея Пугачева»; взяв Илецкий городок в 1773 г., Пугачев остановился в доме Творогова, «поелику он лутче протчих». Он же — предатель Пугачева. Пушкин так описывает выдачу Пугачева русскому правительству в сентябре 1774 г.: «[Казаки] отступили на несколько шагов. «Я давно видел вашу измену», сказал Пугачев и, подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: «вяжи». Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачев не дался. «Разве я разбойник?» говорил он гневно. Казаки посадили его верхом и повезли к Илецкому городку» (VIII глава «Истории Пугачевского бунта»).

Дубровский — Алексей Иванович Дубровский, он же Иван Степанович Трофимов, мценский купеческий сын. Потемкин доносил Екатерине II 10 ноября 1774 г.: «Первое — допрос бывшего злодейской коллегии секретаря под именем Алексея Дубровского, о котором все ближние к самозванцу сообщники объявляют, что всякое производство письменных дел, все рассылаемые пасквили сочиняемы Дубровским были. А сему верить тем паче должно, что Творогов, будучи главным у злодея в коллегии, весьма прост. А допрос Дубровского, писаный собственной его рукою и точно тою, какой писаны были все лжеплетенные манифесты, доказывает ясно, что он был всех умнее» («Пугачевщина», 1931, т. III, стр. 326).

IV

СЕМЕЙНЫЕ БУМАГИ

Архив семейных бумаг Пушкина заключает четырнадцать документов, охватывающих период с 1703 по 1836 г. Из них десять бумаг и документов относятся к XVIII и четыре к XIX в. Большинство их писано скорописью XVIII в. Порядок печатания документов — хронологический. Значение этих документов в том, что они дают конкретные сведения, неизвестные в пушкиноведении, относительно земельных владений прямых предков поэта, характеризуя социально-экономическую базу его рода. Уже первые два документа обнаруживают, как стягивались в руках прапрадеда Пушкина Приклонского еще в эпоху Петра I земли, скупавшиеся им у своих мельчавших родичей; эти владения перешли к прадеду А. С. Пушкина — Чичерину (№ 73), в свою очередь прикупавшему новые земли (№ 74). Наиболее обширный документ — выписки о владениях деда поэта Л. А. Пушкина (№ 77); имения Льва Александровича и его жены широко раскинулись по карте России; они владели землями в уездах: Московском, Звенигородском, Дмитровском, Зарайском, Нижегородском, Горбатовском, Лукояновском и Сергачском, но уже в конце 1750-х или начале 1760-х годов Л. А. Пушкин лишился некоторых имений. Значительно меньшим количеством земель владели его дети, в частности отец поэта. Многие стороны творчества А. С. Пушкина, обладавшего острым классовым самосознанием, проходили под знаком памяти о широте размаха экономического благосостояния его предков и мысли о постепенном измельчании его рода. Теперь мы можем сопоставить эту концепцию поэта с фактическими цифровыми данными в руках. На ряду с этим документ 1800 г. об отмежевании части болдинских земель тетке поэта Сонцовой в форме справок о давности и непререкаемости владения отдельными частями Болдинской вотчины дают своеобразную «экономическую» историю Болдина, сыгравшего столь заметную роль в жизни и творчестве поэта.

В виду трудности усвоения текстов ряда этих бумаг вследствие тяжелого и путанного слога приказных и дореформенных чиновников, равно вследствие ошибок писцов, переписывавших часто бумаги, их не понимая и не вникая в их смысл, редакция не придерживалась строгих правил транскрипции, примененных в отношении первого отдела настоящего архива. А именно: передавая тексты по старой орфографии и не исправляя старых оборотов и неправильностей письма, мы применяли: 1) разбивку на отдельные слова текста, состоящего из ряда слов, слитно написанных, 2) употребление прописных букв согласно современным правилам правописания, 3) употребление современной расстановки знаков препинания при сохранении своеобразной пунктуации старинных документов (напр. двоеточия), поскольку она не тормозит усвоения смысла печатаемого текста. (При воспроизведении материалов первого раздела настоящего архива мы вводили современную пунктуацию лишь поскольку это представлялось необходимым для осмысления текста). Этим редакция, сохраняя колорит старинных бумаг, пыталась приблизить смысл их к пониманию читателя.

№ 71. КУПЧАЯ В. И. ПРИКЛОНСКОГО

7203 г. Февраля 3

Тысяща семь сот третей год, февраля третьего дня, Василей Володимеров сын Доможиров з женою своею Татьяною Артемьевою дочерью продали мы Василью Иванову сыну Приклонскому вотчинную свою землю в Нижегородском уезде в Березопольском стану в деревне Жестелеве пашенной земли по берегу реки Ворсмы против ево, Васильевой, пустоши Ефимовки, Погорелка тож, пять четвертей в поле, а в дву потому ж, со всеми угодьи по писцовым книгам и по дачам, а взял я, Василей, з женою своею с Татьяною у него, Василея, за ту свою землю со всеми угодьи денег пятдесят рублей, а та моя вотчина земля наперед сей купчей ево, Василья, иному никому не продана и не заложена и не в какие крепости не укреплена, а буде кто в ту нашу проданную землю по берегу реки Ворсмы со всеми угодьи у него, Василья, и у жены его и у детей учнет вступатца по каким-нибудь крепостям и мне, Василью, и жене, Татьяне, ту свою проданную вотчинную землю со всеми угодьи у него, Василья, очищать и убытка никакова неочищением своим не превести, а буде моим, Васильевым, и жены моей, Татьяны, не очищением учинятца ему, Василью, жене и детем ево от каво какие убытки и ему, Василью, и жене и детям взять на нас, Василье, и на жене моей, Татьяне, те свои убытки все сполна против указу великого государя, что он, проча себе и жене своей и детям, на той моей вотчинной земле по берегу реки Ворсмы построит какова строения или х тому моему проданному берегу построит мелницу и всяких заводов, а кто будет в вотчине в той земле станет бить челом великому государю себе на выкуп, а буде великий государь укажет вотчинную ту землю отдать на выкуп, и ему, Василью, и жене ево и детям на том выкупщике взять свои данные деньги пятдесят рублей все сполна, а за ново прибылое всякое строение взять денги ж, во что то всякое строение ему, Василью, жене и детям ево станет. А у сей купчей свидетели костромитин городовой дворенин Иван Анисимов сын Тюменев да жилец Иван Львов сын Трескин, ретарскаго строю порутчик Василей Никитич сын Доскин. А сию купчую писал поместнаго приказу подьячей Семен Колокольцов,

А подлинная купчая явлена
и в книгу записана, и пошлины
по указу взяты:

Тысяча седмь сот третьяго года, февраля 28-го дня, в Поместном приказе думному дьяку Афтаному Иванову с товарищи сию купчую явил Василей Иванов сын Приклонской, по сей купчей та земля за ним, Васильем, справлена и пошлина по указу великаго Государя [в] казну [взята]. К сей купчей церкви чудотворца, что у Смоленских ворот, поп Василей Иванов вместо детей своих духовных, Василья да Татьяны, по их велению руку приложил при свидетелях, а свидетель городовой дворенин Иван Анисимов сын Тюменев да жилец Иван Львов сын Трескин, ретарскаго строю порутчик Андрей Никитин сын Доскин у сей купчей были, что он, Василей, землю продал и денги взял и руку приложил по их велению.

Текст купчей писан одной рукой; эта копия купчей вырвана из какого-то дела, о чем свидетельствует часть сохранившейся бичевки и пометы 39 и 40, соответствующие счету листов. Купчая была «явлена» и записана в книгу в Москве — это явствует из характеристики одного из свидетелей: попа Василия Иза-

нова «церкви... что у Смоленских ворот»; Смоленские ворота — старинное название Арбатских ворот.

В. И. Приклонский — Василий Иванович Приклонский (ум. 1726 г.), стольник, затем бригадир. Был женат на Ульяне Юрьевне Есиповой (ум. 1740 г.). Приклонский — прапрадед А. С. Пушкина; его дочь Лукерья Васильевна (по мужу Чичерина) была матерью жены Л. А. Пушкина — Ольги Васильевны Пушкиной, рожд. Чичериной.

Жестелево — в 15 верстах от Горбатова; по «Книге экономических примечаний Горбатовского уезда» (№ 46) Жестелево (с пустошью Знаменской) значится за О. В. Пушкиной (Чичериной) с девятью совладельцами; 37 дворов, душ муж. пола 110, женс. — 115; всего 624 десятины земли.

Ворсма — правый приток Оки.

четверть или четь — старинная мера земли, равнялась по инструкции 1766 г. полудесятине в одном поле; в трех полях — полуторам десятин. Чтобы выразить в десятинах землю, измеренную в четях, надо число четей помножить на 1,5.

писцовые книги — переписи (XVI и XVII вв.) людей, земель, имуществ и владений.

с Татьяною — эти два слова в подлиннике ошибочно написаны дважды.

№ 72. ПОСТУПНАЯ В. И. ПРИКЛОНСКОГО

1722 г. Марта 17

Копия

Лета тысяща седмь сот двадесять втораго, марта в седмый на-десять день, нижегородские помещики Иван да Александр, Федоровы дети, Приклонские поступились деду своему, полковнику Василию Ивановичу Приклонскому, за прежние долговые деньги за пятдесят рублев, которые деньги имал у него, полковника, отец наш Федор Федоров сын Приклонской, и мы, Иван и Александр, имали ж ради сущей своей скудости, в Нижегородском уезде, в Закудемском стану жеребей своей вотчины в деревне Выползовой и в пустоши Маманотовой усадебную и полевую землю, и с сенными покосы, которой жеребей достался нам, Ивану и Александру, после дяди своего Алексея Григорьева сына Приклонскаго, да дворовых людей Федора да Якова Афанасевых детей, з женами и з детми и со всякими пожитки, да в бегах крестьянина деревни Ушакова Савелья Михайлова з женою ж и з детми, а вышепомянутой вотчинной жеребей дяди нашего, Алексея Приклонского, ему, деду нашему, Василью Ивановичу, справливать за собою из бегов крестьянина Савелья Михайлова з женою и з детми сыскивать и имать самому своими убытки и харчми, а тот наш жеребей, вотчинная и усадебная и полевая земля и дворовые люди и крестьянин, кроме сей записи, иному никому ни в какие крепости не укреплены, а ежели кто учнет у него, деда нашего, в землю и в дворовых людей и в крестьянина вступаца и нам, Ивану и Александру, ту вотчинную землю и людей и крестьянина ото всего очищать, убытков до него, деда своего, недоставил, а будет нашим неочищением в той земле и в людях и в крестьянине ему, деду нашему, от кого какие учинятца убытки и на нас, Иване и Александре, и на женах и на детях взять ему, деду нашему, по сей поступной записи вышеписанному жеребьи земли с угодьи и с людми и крестьянином ото всего очистку и убыти свои сполна. К сей поступной записи великия государыни благоверные царицы и великие княгини Пераскевы Федоровны служитель двора ея величества Андрей Дементьев вместо нижегородских помещиков Ивана да Александра, Федоровых детей, Приклонских, что они деду своему полковнику Василью Ивановичу Приклонскому жеребей свой и дворовых людей и крестьянина в бегах з женами и з детми за прежние долговые денги за пятдесят рублев поступились по их прошению, руку приложил; у сей записи нижего-

родской таможни подъячей Василей Соколников свидетелем был и руку приложил. У сей записи Нижегородской губернской канцелярии подьячей — Федор Костентинов сын Пантусов свидетелем был и руку приложил, поступную запись писал Нижнего Нова города крепостных дел писец Иван Почаинов 1722 году марта в 17 день. По указу за письмо и за записку шесть алтын четыре денги да с цены пошлин с рубля по гривне пять рублев взято и сия крепость в книгу записана перечнем, а о совершенной сея крепости записке бить челом в том приказе, в котором по указам надлежит в указные числа. Подписал надсмотрщик Емельян Кромин. Подлинную такову крепость Астраханскаго гарнизона драгунскаго полку капрал Василей Федоров сын Приклонской лейбгвардии Семеновскаго полку капитана порутчика Василья Иванова сына Чичерина у жены его Лукеи Васильевой дочери 1734 году, майя в 20-й день, принял, а вместо ево, по ево Васильеву прошению, росписался того ж полку ротной писарь Герасим Иванов сын Саврасов.

Настоящая «поступная» представляет собою купчую запись В. И. Приклонского на землю деревни Выползовой Нижегородского уезда за долг помещиков данной деревни Ивана и Александра Федоровичей Приклонских, внуков В. И. Приклонского. Купчая запись совершена в Нижнем-Новгороде.

жеребей — в настоящем документе — участок, доля, пай, доставшийся в надел по жеребью. Приклонские уступили «ради сущей своей скудости» своему деду за долг в 50 рублей свою долю («жребий») деревни Выползовой и пустоши Мамонтовой, а также двух дворовых с семьями и одного беглого.

Выползова — деревня Нижегородского уезда в 68 верстах от Нижнего-Новгорода. В 1859 г. в ней было 60 дворов. По данным «экономических примечаний» Нижегородского уезда (конец XVIII в.) принадлежала единолично Ольге Васильевне Пушкиной, бабке поэта. Дача исчислялась в 707 дес. 2219 саж. (Межевой архив; по «Книге эконом. примеч. Нижегор. уезда», № 212).

пустошь Мамонтова — в конце XVIII в. принадлежала О. В. Пушкиной, заключая 161 дес. 1123 саж. («Книга эконом. примеч. Нижегород. уезда», № 213). Кроме Выползова и Мамонтовой О. В. Пушкиной в качестве совладелицы по Нижегородскому уезду принадлежали: пустошь Михалково (82 дес.; № 50), пустошь Масейкова (30 дес.; № 57), пустошь Бешенцова Грива (№ 58), деревня Хватково (совладелица Федосья Матвеевна Приклонская и др.; № 223), деревня Салово (№ 224), пустошь Мокринская (№ 225) и пустошь Столбово (№ 227). О пустоши Ушаковой см. № 74.

деревня Ушаково — по «Книге экономических примечаний Нижегородского уезда», № 214 значится сельцо Ушаково, как принадлежащее Екатерине Богдановне Приклонской с совладельцами.

О приписке к настоящей поступной см. следующий документ.

№ 73. ПРОШЕНИЕ СТАРОСТЫ В. И. ЧИЧЕРИНА

1733 г.

Всепресветлейшая, державнейшая великая государыня, императрица Анна Иоанновна, самодержица всероссийская

в нынешнем 733-м году по присланному ея императорского величества из Государственной вотчинной коллегии в Нижегородскую губернскую канцелярию указу велено Астраханского драгунского полку за капрала Василья Федорова сына Приклонского в Нижегородском уезде в Закудельском стану после умерших отца его родного Федора Федорова сына Приклонского да брата его родного Алексея Федорова сына Приклонского ж в деревне Выползове дач, людей и крестьян з землею с угодьи и с сенными покосы за него отказал в прошлых годех, назад тому лет с сорок, бывшей умершей господин мой полковник Василей Ивановичь Приклонской вышепоказанного капрала Василья Приклонского при жизни у отца его вышепоказанного Федора Приклонского дач ево в вышепоказанной деревне Выползове купил крестьян, со всяким строением, з землею, с лесы и с

угодьи, а земли во оной даче по три четверти и по три полу осмины в поле, а в дву потому ж, да в прошлом 720-м году оной же бывшей умершей вышепоказанной господин мой вышепоказанного ж Федора Приклонского у сына его родного Александра Федорова сына Приклонского в той же деревне купил дачю с крестьяны, а в той ево даче земли по три ж четверти и по три полуосмины в поле, а в дву потому ж. И ныне оной капрал против вышепоказанного Приклонского ея императорского величества из вышепоказанной Государственной вотчинной коллегии в Нижегородскую губернскую канцелярию указ вышепоказанные в деревне Выползове проданные вышеозначенным отцом и братом ево крестьян и землю с угодьи хочет отказать за себя, а я нижайший без господина своего в вышепоказанную деревню Выползову для отказу пустить опасен, понеже оной господин мой ныне имеетца в Москве и купчие крепости на вышепоказанных крестьян и дачи имеютца при нем в Москве ж.

Всемилостивейшая государыня императрица, прошу вашего императорского величества, вели государыня сие мое прошение в Нижегородской губернской канцелярии принять и записать, сообщить с присланным из Государьственной вотчинной коллегии указом и вышепоказанного недвижимаго имения с крестьяны за него, Приклонского, не отказывать и со оного моего прошения в Государьственную вотчинную коллегию при доношении для ведома послать точную копию. Вашего императорского величества нижайший раб Нижегородского уезду вотчины лейб гвардии Семеновского полку капитана Василья Ивановича Чичерина Селца Тимонкина староста Естифей Семенов. К сему прошению Нижегородской губернской канцелярии пищик Данило Чемаров вместо вышеписанного старосты Естифея Семенова по его прошению руку приложил.

Писано на гербовой бумаге. Прошение подано старостой В. И. Чичерина Естифеем Семеновым на имя имп. Анны Иоанновны в связи с указом Государственной вотчинной коллегии, утвердившим за капралом Василием Федоровичем Приклонским землю в дер. Выползовой после смерти его отца Федора и брата. Староста Семенов в виду отсутствия своего господина, В. И. Чичерина, заявляет от имени последнего протест в виду того, что названная земля была куплена тестем Чичерина В. И. Приклонским, как у Ф. Ф. Приклонского, так и сына его Александра, поэтому староста ходатайствует о неутверждении права владения землею за В. Ф. Приклонским. Из приписки к предшествующему документу явствует, что купчая на Выползово была выдана женой Чичерина В. Ф. Приклонскому в следующем (1734) году. Кончилась тяжба тем, что Приклонский был оттеснен и в конце XVIII в. дер. Выползовой единолично владела дочь В. И. Чичерина, бабка поэта. В настоящем документе речь идет о тех же Ф. Ф. Приклонском и сыне его Александре, что и в предшествующем. Взаимоотношение документов однако не совсем ясно — сделки по Выползову обозначены разные. Естественно предположить, что В. И. Приклонским скупались отдельные участки Выползовой по разным поводам в разные сроки у тех же лиц. Быть может написание «Алексея Федорова» (стр. 223, строка 7—8 снизу) ошибочно, и следует заменить через «Александра». — Василий Иванович Чичерин (1700—1793), полтавский комендант, женатый на Лукерье Васильевне Приклонской. Был замешан в деле Остермана и Головкина, ближайших помощников Анны Иоанновны и сторонников брауншвейгской фамилии, арестованных и сосланных при восшествии на престол Елизаветы Петровны. В. И. Чичерин — прадед поэта.

о с м и н а — осминою называлась половина «чети» земли, равнялась 600 квадратным саженям.

№ 74. КУПЧАЯ В. И. ЧИЧЕРИНА

1737 г. Августа

Лета тысеща семь сот тридесят седмаго году, августа дня, лейб-гвардии Семеновского полку гренодер Андрей Васильев сын Доскин в роде своем не последней, будучи в Переволочной, продал я, Андрей, того ж полку капитану порутчику Василью Иванову сыну Чичерину, жене его и детям впрок без выкупу поместную свою землю в Ниже-

гороцком узде, в Березопольском стану, в деревне Ушакове, в пустоши Горках двадцеть четвертей с лесы и с сенными покосы и со всякими угодьи и с примежною землею, которая написана по дачам за дедом и отцом моим, Васильем Никитиным сыном Доскиным, и за оною и что сверх того в помянутой деревни Ушаковой, в пустоши Горках по дачам за нами явитца, не оставляя за собою четвертныя пашни и никакого угодья ничего, а взял я, Андрей, у него, Василия, за ту свою землю и со всеми угодьи денег двадцать рублев, а наперед сей купчей помянутая моя земля кроме ево, Василья, и жены ево и детей иному никому не продана и не заложена и ни у кого ни в какие крепости не укреплена и на ея императорское величество ни за что не отписано, и доимки на той моей проданной земле и никаких платежей нет, а будет у него, Василья, и у жены ево и детей и у наследников ево кто-нибудь по каким крепостям станет вступатца, и мне, Андрею, и жене моей и детям и наследникам моим ево, Василья, и жену ево и детей и наследников ево ото вступщиков от всяких крепостей очищать и убытка никакова не учинить и не доставить, а ежели моим, Андреевым, и жены моей и детей и наследников моих неочищением вышеупомянутая проданная от меня, Андрея, ему, Василию, в деревне Ушакове, в пустоши Горках земля от него, Василия, и от жены ево и детей и от наследников ево отойдет или толикого числа в помянутой деревне Ушакове, в пустоши Горках четвертныя пашни по дачам за дедом и отцом моим и за мною не явитца или учинитца ему, Василию, и жене ево и детем и наследником ево какие убытки, и ему, Василию, и жене ево и детям и наследникам ево взять на мне, Андрее, и на жене моей и на детях и наследниках моих данные мне свои деньги и с убытки все сполна, или вместо земли из других деда и отца моего и моих дач, где он, Василей, похочет, толикое ж число земли со всеми угодьи и с примерною землею и за убытки деньги, что ему от того убытков станет, все сполна, а буде с той земли станут требовать какой доимки и платежей, всякую доимку и платежи за ту землю платить мне, Андрею, и жене моей и детям и наследником моим и, ежели кто и с той моей земли завладел насильно и владеет, а о владенье бить челом и за вледеное брать ему, Василью, и жене ево и детям и наследником ево себе, а мне, Андрею, и жене моей и детям и наследником моим до того ни до чего дела нет. А сия купчая и в предь в купчую. Купчую писал Переволочанской гварнизоной канцелярии писарь Алексей Либерицкий. К сей купчей лейбгвардии Семеновскаго полку гренадер Андрей Васильев сын Доскин того ж полку капитану порутчику Василию Иванову сыну Чичерину в Нижегороцком уезде в деревне Ушакове в пустоши Горках земли и со всеми угодьи двадцеть четвертей продал и денег двацеть рублев взял и сию купчую дал и руку приложил. У сей купчей полковник Иосиф Левонтьев сын Кутузов свидетелем был и руку приложил. У сей купчей полковник Иван Любимов сын Полянской свидетелем был и руку приложил. К сей купчей лейбгвардии полку Семеновского капитан Иван Иванов сын Касагов свидетелем был и руку приложил.

Сия купчая писана в Переволочанской гварнизонной канцелярии для того, что в Переволочной крепостных дел не имеетца и сию купчую явить, где надлежит, к записке и пошлины платить по указу.

Подлинник купчей; писано на гербовой бумаге.

Переволочное — село Переволочно на нижнем Днепре, Полтавской губ. Известно тем, что здесь 1 июля 1709 г. остатки шведского войска после поражения под Полтавой сдались Меншикову.

в деревне Ушакове, в пустоши Горках — деревня Ушаково в 25 верстах от Нижнего-Новгорода, близ р. Кудьмы; по данным 1859 г. в деревне

было 42 двора и 114 душ мужского пола. См. также № 72. — По «Книге экономических примечаний Нижегородского уезда» известна еще пустошь Ушакова (№ 198); в конце XVIII в. она исчислялась в 242 дес., 376 саж. и значилась за Николаем Богдановичем Приклонским и О. В. Пушкиной. — О пустоши Горках сведениями не располагаем.

№ 75. ВЫВОДНАЯ А. Т. ТЮТЧЕВУ НА АГРАФЕНУ СТЕМИСЛАЕВУ

1743 г. Января 24

Тысеща сем сот четыре десеть третьего году, генваря двадцать четвертаго дня, князя Федора, княж Борисова сына, Засекина вотчины его Михайловского уезду деревни Ольховца староста его Ермалай Матвеев сын Бардуков по приказу помещика своего выпустил я, староста, из той помещика своего вотчины дворовую девку Аграфену Дмитрееву дочь Стемислаева на вывод замуж в том же Михайловском уезде полковника Андрея Тимофеева сына Тютъчева в вотчину его в деревню Подабрееву, за человека его Ивана Васильева, а выводу я, староста, взял по приказу помещика своего за оную, у него, Ивана, денег два рубли, в том я, староста Ермалай, помещику его, Иванову, полковнику Андрею Тимофееву сыну Тютъчеву и сию выводную дал, почему ему, полковнику Андрею Тимофееву сыну Тютьчеву оною девкою Аграфеною впредь владеть. К сей отпускной города Михайлова подушного сбору капеист Петр Васильев сын Селезнев вместо старосты Ермолая Матвеева сына Бардукова, что он по приказу помещика своего князя Федора княж Борисова сына Засекина дворовую девку Аграфену Дмитриеву дочь Стемислаеву на вывод замуж в деревню Подобрееву полковника Андрея Тимофеева сына Тютчева за человека ево Ивана Васильева на вывод в замужество выпустил и деньги два рубли взял, по ево прошению руку приложил. У сея выводной Михайловской канцелярии капеист Дмитрей Иванов сын Хотяков свидетелем был и руку приложил. У сей выводной Михайловской воевоцкой канцелярии канцелярист Ларион Перфильев сын Лыков свидетелем был и руку приложил. А сию выводную писал Михайловской воевоцкой канцелярии копист Афанасей Лыков 1743 года Генваря в 24 день. Сия выводная в городе Михайлове у писма крепостных дел в книгу записана. От писма десят, от записки пять копеек, пошлин с рубля по десяти копеек двадцать копеек на расходы им взяты, во приход записаны, подписал крепостных дел надсмотрщик Иван Лыков.

«Выводная» (отступная) писана на гербовой бумаге.

Тютчев — Андрей Тимофеевич Тютчев, служил в Кексгольском полку; при выходе из него пожалован в полковники и назначен членом Украинской войсковой генеральной коллегии (1742 г.).

Почему отпускная дворовой кн. Ф. Б. Засекина, отданной во владение А. Т. Тютчева, оказалась в пушкинском архиве, сказать затрудняемся.

№ 76. ОТПУСКНАЯ АННЕ ЛЯНОВОЙ

1752 Сентября 28 г.

В тысяща седмь сот пятдесят втораго, сентября в двадесят осмый день, двора ея императорскаго величества действительной статсдамы Елены Александровны Нарышкиной дому ея поверенной служитель Илья Марков сын Мясоедов по поверенному от оной госпожи своей писму отпустил я лично вдову оная госпожи своей крепостную дворовую девку Анну Иванову дочь Лянову на волю и сь сею отпускною жить ей, Анне, где она пожелает, и ей, госпоже моей Елене Александровне, и наследником ее до оной девки Анны Ляновой ныне и впредь дела нет и никому не вступатца.

Отпускная (вольная грамота) писана 28 сентября 1752 г. на гербовой бумаге в Москве. В виду исключительной неудобочитаемости текста конца документа, заключающего подписи и т. п., опускаем эту последнюю часть отпускной, имеющую чисто формальное значение. Дата и место написания документа извлекаются из этой опущенной части бумаги.

Нарышкина — Елена Александровна Нарышкина, рожд. Апраксина, жена Александра Львовича Нарышкина (1694—1745).

Об отношении Е. А. Нарышкиной к Пушкиным сведениями не располагаем.

№ 77. ДЕЛО Л. А. ПУШКИНА О ВЫДАЧЕ ЕМУ ВЫПИСЕЙ НА ЕГО НЕДВИЖИМЫЕ ИМЕНИЯ

Копия.

1755 г. Июля 25

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица Всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бъет челом артилери подпорутчик Лев Александров сын Пушкин, а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

1

Имеетца за мною недвижимое имение в разных городах в том числе в Московском, в Зарайском, да в Дмитревском уездех в разных селех и деревнях, о чем подлинно значить в Государьственной вотчинной колегии по дачам, токмо на те недвижимые с писцовых и с межевых книг выписей я не имею.

И дабы высочайшим вашего императорскаго величества указом повелено было сие мое прошение в Государьственной вотчинной колегии принять и на означенные мои недвижимые имении с писцовых и с межевых книг дать выписи порознь.

Всемилостивейшая государыня, прошу вашего императорскаго величества о сем моем прошении решение учинить октября дня 1753-го году, прошение писал колежскаго советника Ивана Петровича Лодыженскаго служитель ево Иван Власов, к поданию надлежит в Государьственной вотчиной колегии.

К той челобитной Лев Пушкин руку приложил. На подлинной челобитной помета такова: № 7484-й. Подана октября 1-го дня 1753 году, записав, взять по повытью и выписать. В регистраторской стол копия принята.

Государьственной вотчинной колегии из архива, под сим подписать за Львом Александровым сыном Пушкиным в Дмитровском уезде, коликое число по дачам по писцовым и межевым и отказным книгам четвертной пашни и протчих угодей состоит, в которых имянно селех, деревнях и пустошах и по каким от писцовых и межевых книг дачам до него дошло.

У подлиннаго запросу подписано тако: Вотчинной колегии секретарь Иван Иванов. Канцелярист Григорей Кривошеин. Октября... дня 1753-го году.

По справке в архиве.

В Дмитровских писцовых книгах писма и меры Андрея Загряского да подъячего Гаврилы Володимерова 135-го и 136-го годов в Мушковском стану написано:

№ 408

За клинянином за Истомою Васильевым сыном Зориным, что было в порожжих землях селцо, что была пустошь Филатково, а в селце две помещиковы пашни паханые. помещиковы худые земли две четверти, да перелогом четыре четверти, да лесом поросло двад-

цеть пять четвертей в поле, а в дву потому ж, сена пять копен; пустошь, что была деревня Горбово, пашни паханые наездом худые земли осмина, да перелогом шесть четвертей с осминою, да лесом поросло дватцеть четыре четверти в поле, а в дву потому ж, сена пять копен, лесу пашеннаго три десятины; пустошь, что была деревня Плесцово, пашни паханые наездом худые земли четверть, да перелогом три четверти, да лесом поросло осмнатцеть четвертей в поле, а в дву потому ж, сена восемь копень; пустошь, что была деревня Данилково, пашни паханые наездом худые земли полосмины, да лесом поросло восемь четвертей в поле, а в дву потому ж, сена шесть копен — и всего за Истомою Зориным селцо да три пустоши, а в селце двор помещиков, пашни паханые помещиковы худые земли две четверти, да езжие пашни две четверти бес полу осмины, да перелогом семнадцеть четвертей с полу осминою, да лесом поросло семьдесят пять четвертей; обоего пашни паханые и перелогу и лесом поросло худые земли девяносто шесть четвертей, а доброю землею с наддачею шездесят четыре четверти в поле, а в дву потому ж, сена двадцеть четыре копны, лесу пашеннаго три десятины.

А сошного письма в пусте пол полтрети сохи и не дошло в сошное писмо с трех четвертей бес третника пашни.

А писано за ним то помесье по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руссии вывозной грамоте за приписью дьяка Веденикгова Махова 136-го году.

И во 190-м году декабря в 3 день ис того ево Истомина помесья селцо, что была пустошь Филаткова, пустошь, что была деревня Горбова, пустошь, что была деревня Плесцово, пустошь, что была деревня Данилково, а в них пашни перелогом и лесом поросло добрые земли шездесят четыре четверти в поле, а в дву потому ж, отказано сыну ево Андрею, Васильеву сыну, да внуку Антипе, Петрову сыну, Зориным по трицети по две четверти человеку в помесье со всеми угодьи.

Отказная книга 5-я, № 180.

А во 196-м году, июня во 2 день Антипино поместье, Петрова сына, Зорина пашни тритцеть две четверти в поле, а в дву потому ж, по мене Помесного приказу подьячим Осипом Аристовым отказано окольничему Ивану Федорову сыну Пушкину.

Отказная книга 6-я, № 68.

А во 198-м году июня в 17 день, вдовы Татьяны Андреевской жены и детей ее Федора да Мартина Зориных помесье в означенных же пустошах пашни перелогом и лесом поросло тритцеть две четверти в поле, а в дву потому ж, то имение по мене ж означенным же подьячим отказано ему ж Ивану Пушкину в помесье со всеми угодьи.

Отказная книга 7-я, № 34.

Да в отказных книгах отказу Канцелярии московскаго гарнизона подьячего Евдокима Ерофеева 718-го году генваря 8-го дня написано:

Отказано лейб-гвардии Преображенскаго полку солдату Александру Петрову сыну Пушкину дяди его двоюродного Иваново помесье Иванова сына Пушкина в Дмитровском уезде в Мушковском стану, село Семеновское, Синее тож, на пруде, а в нем пашни худые земли девяносто четвертей в поле, а в дву потому ж, в деревне, что была пустошь Филаткова, в пустоши Горбове, в пустоши Плесцове, в пустоши Данилкове пашни шестдесят четыре четверти в поле, а в дву потому ж, всего в селе и в деревне и в пустошах сто пятьдесят четыре четверти в поле, а в дву потому ж, со всеми угодьи.

Отказная книга 10-я, № 2.

Да в Дмитровских же писцовых книгах письма и меры Андрея Загряского да подьячего Гаврилы Володимерова 135-го и 136-го годов в Мушковском стану в вотчинах написано:

Глава 410

За Федором Федоровым сыном Пушкиным отца его старинная вотчина половина сельца Семеновскаго, Синее тож, на пруде, а другая половина того селца в вотчине ж за братом его за Федором Тимофеевым сыном Пушкиным, а на Федорову половину пашни паханые вотчинниковы худые земли десять четвертей, да перелогом двенатцеть четвертей, да лесом поросло дватцеть три четверти в поле, а в дву потому ж, сена семь копен с полу копною, да отхожева сена на речке на Черной и на Долгом лугу пятьдесят копен, да на лушку на селище дватцеть пять копен, да на Игумнове кулишке десять копен, да на портомое пять копен, да в Кадникове под Медведками пять копен, лесу пашеннаго две десятины.

Глава 411

За Федором Тимофеевым сыном Пушкиным старинная вотчина половина селца Семеновскаго, Синее тож, на пруде пуста, а другая половина того селца в вотчине ж за братом его за Федором Федоровым сыном Пушкиным, а на его половину пашни перелогу худые земли дватцеть две четверти, да лесом поросло дватцеть три четверти в поле, а в дву потому ж, сена семь копен с полу копною, да отхожева сена на реке на Черной, на Долгом лугу пятьдесят копен, да на лушку селище дватцеть пять копен, да на Игумнове кулишке десять копен, да на портомое пять копен, да в Кадникове под Медведками пять копен, лесу пашенного две десятины.

А по переписным 154-го году переписи Гаврила Юшкова да подьячего Кирила Семенова под № 267 то селцо Синее написано в вотчинах за Иваном Федоровым сыном Пушкиным.

А по переписным Дмитровским книгам переписи Дмитрея Кутузова да подьячего Федора Леонтьева 186-го году село Синее, Семеновское тож, написано за ним же стольником за Иваном Федоровым сыном Пушкиным.

А как после Антипы Зорина означенное помесье справлено за вдовою Татьяною Андреевскою женою и за детми ее Федором и Мартином Зоринымы, також от Федора Федорова сына и от Федора ж Тимофеева сына, дошло до Ивана, Федорова сына, и от Ивана, Федорова сына, до Ивана, Иванова сына, Пушкиных, того по городу Дмитрову не отискано.

Да в Дмитровских межевых книгах межеванья Андрея ж загряского да подьячего Гаврила Володимерова 135-го и 136-го годов в Мушковском стану написано:

Глава 320

Межа монастырской земле Осифова монастыря пустоши Мартюшина с вотчинною землею Федора Пушкина селца Синево с сенными покосы — у ручья ель, а на ней грань, а от тое ели поперег лугу на ель же, на ней грань, а от той ели по меже до березы, на ней грань в правой стороне на монастырской земле подле межи.

Та справка за справою подканцеляриста Александра Сарокина.

В писцовых же Дмитровских книгах писма и меры Андрея Загряского да подьячего Гаврилы Володимерова 136-го и 137-го годов в Мушковском стану в вотчинах написано:

№ 412

За думным дворянином за Гаврилом Григорьевичем Пушкиным, да за ево детми за Григорьем, да за Степаном селцо Ананово, а в нем двор вотченников, пашни паханые вотченниковы худые земли пятнатцеть четвертей, да перелогом девять четвертей, да лесом поросло тритцеть четвертей, всего пятьдесят четыре четверти в поле, а в дву потому ж, сена двенатцеть копен, лесу пашенного три десятины, да к селцу ж Ананову Черное болото, сена на нем ставитца триста копен.

И во 164-м да во 167-м годех то думнаго дворенина Гаврилы Григорьевича и детей его Григорья да Степана Пушкиных вотчина селцо Ананово с пустошми дано Матвею Степановичу Пушкину со всеми угодьи.

Да в тех же писцовых книгах в Мушковском же стану в вотчинах написано:

№ 410

За Федором Федоровым сыном Пушкиным купленые вотчины, что отец ево купил у Ивана Михайлова сына Большаго Зыбина деревня, что было сельцо Павловское Рожново, пашни паханые вотченниковы худые земли пять четвертей, да перелогом три четверти, да лесом поросло семнадцеть четвертей, всего двадцеть пять четвертей и с отхожею пашнею, что за Архангелским врагом и по дорошку Бужаровскую, что от Архангела ездят в поле, а в дву потому ж, сена сорок копен, лесу непашеннаго десятина.

И во 156-м году племянник ево, Федоров, родной Петр Петров сын Пушкин ту вотчину продал дяде своему околничему Степану Гавриловичу Пушкину.

А во 169-м году он, Пушкин, ту свою вотчину продал Матвею Степановичу Пушкину и за ним та вотчина записана и во 174-м году на означенные его вотчины на селцо Ананово да на селцо Павловское Рожново дана послушная грамота.

И в 205-м году боярин Матвей Степанович Пушкин родовую свою вотчину в Дмитровском уезде в Мушковском стану селцо Ананово да деревню Рожново со крестьяны, с пашнею и с лесы и з сенными покосы, заложа, просрочил стольником Ивану да Федору Ивановым детем Пушкиным.

И в прошлых годех Федор Пушкин умре, а в 706-м году бил челом Иван Пушкин, чтоб ту вотчину записать за ним за одним и в 707-м году, марта в 6 день, та вотчина за Иваном Пушкиным записана и поместного приказу подьячим Феоктистом Климоновым Сентября в 9 день того ж 707-го году отказано.

Выписано в Москве из книги дел Пушкиных № 1.

Выписывал канцелярист Алексей Михайлов.

А в 744-м году, июля 12-го дня, по смерти Ивана Пушкина означенная дмитровская ево вотчина справлена за внуком ево двоюродным за Львом Александровым сыном Пушкиным и об отказе той вотчины в Дмитровскую воевоцкую канцелярию указ послан в том же году, августа 4-го дня.

Выписано по Дмитрову 751-го году из 2 книги № 10.

Та справка за справою архивариуса Ивана Семенова, подканцеляриста Александра Сарокина.

Государьственной вотчиной колегии из архива, под сим подписать

за Львом Александровым сыном, и за отцом его Александром, и за дедом Петром Пушкиными в Резанском уезде в деревне Латыгоре и в пустоши Ананьино по писцовым книгам и по дачем и по крепостям, коликое число четвертной пашни и прочих угодей по дачем состоит.

Подлинной запрос за справою канцеляриста Григорья Кривошеина.

Генваря дня
1754 году.

По справке в архиве.

В книгах Резанскаго уезда писма и меры Кирилы Воронцова Вельяминова с товарыщи 136-го и 137-го году в Перевицком стану в поместьях написано:

№ 345

За Степаном Григорьевым сыном Хлюпиным в поместье жеребеи деревни Латыгори, а на его жеребьи пашни паханые четверик, да наезжие пашни дватцеть пять четвертей с четвериком, да перелогом тринатцеть четвертей, да лесом поросло двенатцеть четвертей и всего пашни паханые с наезжею и перелогу и лесом поросло добрые земли пятьдесят четвертей в поле, а в дву потому ж, сено и лес и селища и всякое угодье ко всей деревни вопче со всеми помещики писано подлинно под Тимофеевым поместьем Тюнина, сена двесте пять десятин, лесу непашенного ко всей деревни вопче около пол десять десятин.

№ 344

И во 163-м году Степана Хлюпина не стало, а то ево поместье дано на прожиток жене его, вдове Анне з дочерью, з девкою Прасковьею, да снохе его, вдове Анне сына его, Еуфимове жене Хлюпина з детми с сыном с Петром, да с пасынком с Иваном, да с падчирицы з девками с Прасковьею, да с Ографеною, жене его вдове Анне з дочерью дватцеть пять, а невестке его с сыном и с пасынком и с патчерицами дватцеть пять четвертей.

И во 174-м году, декабря в 18 день, дана им на то поместье отказная грамота.

И за нею вдовою Анною, Степановскою женою Хлюпина, з дочерью з девкою во 175-м году Зарайского города приказные избы подьячим Иваном Федоровым отказано, а вдове Анне Еуфимовской жене с сыном да с пасынки оставлено.

А во 175-м году вдова Анна Еуфимовская жена Хлюпина с прожиточным своим поместьем вышла замуж за Семена Лихорева, и дана ему отказная грамота.

И во 166-м году, октября в 23 день, то вдовы Анны прожиточное поместье за ним, Семеном Лихоревым, Зарайского города съезжие приказные избы подьячим Сенкою Ивановым отказано, а в отказных книгах написано в отказ ему, Семену, на тот прожиточный жеребеи шесть четвертей с полу осминою в поле, а в дву потому ж, да того ж поместья шесть четвертей с полу осминою отказано Петру Еуфимову сыну Хлюпину.

Достоль того поместья по шести четвертей с полу осминою оставлено за Иваном Хлюпиным, да за сестрами его, за девками за Прасковьею, да за Огрофеною, за Иваном шесть четвертей с полу осминою, а за девками по три четверти с четвериком.

И во 181-м году вышеписанные вдовы Анны Степановой жены и дочери ее девки Прасковьи прожиточные поместьи справлены вдовы Анны за внуком, а девки Прасковьи за племянником Иваном Петровым сыном Хлюпиным.

А во 189-м году девок Прасковьино, да Огрофенино прожиточное их поместье дано братьем их родным Ивану да Петру Хлюпиным.

И во 190-м году, марта в 28 день, означенный Петр з братом своим родным Иваном поместье отца и бабки вдовы Анны Степановской жены Хлюпина розделили полюбовно, а по розделу досталось Петру в Резанском уезде в Перевицком стану в деревни Латыгори семнатцеть четвертей с осминою и четвериком и с получетвериком в поле, а в дву потому ж.

За ним же поместьи по даче 198-го году, июня 11-го числа, что ему полюбовно поступились вместо ста рублев мать его, вдова Анна, Семеновская жена, да дети ее, а ево Петровы братья Трофим, да Абакум, да Андрей, да Ефрем, да Максим Лихоревы ис поместья своего в Резанском уезде в деревни Латыгори пашни четыре четверти в поле, а в дву потому ж.

Всего за ним, Петром, поместья дватцеть две четверти с четвериком и с получетвериком.

И во 198-м году, июня в 21 день, Петр Хлюпин ис того своего поместья жеребьи деревни Латыгори дватцеть две четверти променял Петру Петрову сыну Пушкину, а он против того выменил у него, Петра, в Ярославском узде в Череможской волости в трети села Глебовского четверик, в том же году про ту мену они допрашиваны.

И во 199-м году, сентября в 5 день, то меновное поместье за ним, Петром Пушкиным, справлено, под делом отпуску грамоты нет.

Резань, 199-го году, 8 столп.

В писцовых Резанских книгах писма и меры Кирила Воронцова Вельяминова да подьячих Тимофея Молчанова да Михаила Семенова 137-го и 138-го годов в Резанском уезде в Перевицком стану в поместьях написано:

За вдовою Авдотьею Михайловскою женою Трегубова мужа ее выслуженое прожиточное поместье половина пустоши Ананьиной Подлесное, Сохино тож, на протоке, пашни перелогу десять четвертей, да лесом поросло двадцать пять четвертей, обоего пашни перелогу и лесом поросло добрые земли тритцать пять четвертей в поле, а в дву потому ж, луг, сена ставитца на нем сто двадцеть копен, лесу усадного шесть десятин вопче с Тимофеем Дмитриевым сыном Климовым, да поперег дву поль передних прошла речка Буровка.

И во 150-м году, сентября в 16 день, из вышеписанного вдовина Авдотьина, что было за мужем ее Михаилом Трегубовым поместьи пустоши Ананьино ис тритцети пяти четвертей с его окладу с трех сот четвертей со ста по пяти четвертей дано дочери их девке Марфе Трегубовой пятнатцеть четвертей, а достальные за ее прожитком дватцеть четвертей велено отписать на государя.

И в том же 150-м году, октября в 30 день, то поместье резанским стрельцом Гришкою Ерофеевым ей, девке Марфе Трегубовой, в пустоши Ананьиной петнадцеть четвертей отказано, а достальное за прожитком дватцать четвертей отписано.

И в том же 150-м году, октября в 30 день, вышеписанное отписное оставшее за прожитком девки Марфы Трегубовой в пустоши Ананьиной дватцеть четвертей справлено за дядею ее девкиным, а за его Михайловым братом родным, а ее вдовиным деверем Тимофеем Ермолаевым сыном Трегубовым и для отказу в Резань за него Тимофея Трегубова того ж году, ноября в 5 день, грамота послана.

И в том же 150-м году, февраля в день, вышеописанное девки Марфы Михайловой дочери Трегубова в поместье прожиточной ее жеребьи в пустоши Ананьиной пашни пятнатцеть четвертей в поле, а в дву потому ж, справлено за женихом ее Семеном Герасимовым сы-

ном Чаплыгиным и для отказу за него, Семена Чаплыгина, в том же 150-м году, февраля в 8 день, в Резань грамота послана.

Резань, 149-го и 150-го вотчинной столп один.

И во 167-м году, майя во 2 день, Семеново резанское поместье Герасимова сына Чаплыгина приданое жены его Марьи Михайловой дочери Трегубовой прожиточное поместье в Резанском уезде в Перевицком стану половина пустоши Ананьинской, Подлесное тож, на протоке, а в ней по даче и по отказным книгам отказу Переславля Резанского подьячего Петра Юрьева 150-го году написано: пашни пятнадцеть четвертей дано на прожиток дочере его, Семеновой, девке Авдотье Чаплыгиной, и для отказу в Резань того ж 167-го году, майя в день, грамота послана.

Резань, 167-го году 2 столп.

И во 175-м году, июля в 10 день, вышеписанное девки Авдотьи Семеновой дочери Чаплыгиной резанское ее прожиточное поместье в Резанском уезде в Перевицком стану в пустоша Ананьинской, Подлесное тож, на протоке, а в ней по отказным книгам резанского подьячего Петра Юрьева 150-го году написано: пашня пятнадцеть четвертей в поле, а в дву потому ж, по ее девки Авдотьи Чаплыгиной поступке справлено за дядею ее Никифором Тимофеевым сыном Трегубовым.

Резань, 175-го году 7 столп.

А в даче 180-го году написано:

Дано Зоту Иванову сыну Полозову Микифорово поместья и вотчина Трегубова в поместье в Резанском уезде в Перевицком стану жеребьи деревни Латыгори пятьдесят четвертей, в пустоши Подлесной тритцеть пять четвертей, в полу селце Третьякове четыре четверти с осминою — всего восемьдесят деветь четвертей с полу осминою.

И во 188-м году он, Полозов, то свое недвижимое променял окольничему Петру Тимофеевичю Кондыреву на ярославское ево поместье деревни Игнатьевской на пять четвертей и за ним, Кондыревым, отказано.

А в отказных книгах отказу Зарайския приказныя избы поьячего Андрея Иванова 188-го году, майя в 14 день, написано:

Отказано Петру Тимофееву сыну Кондыреву Зотова поместья Полозова в Резанском уезде в Перевицком стану в жеребью деревни Латыгори, пустошь Подлесная, в жеребью селца Третьякове восемьдесят деветь четвертей в поле, а в дву потому ж.

Резань, отказная книга 24-я, № 297.

А как то недвижимое от писцовых книг до Зота Полозова дошло, тако ж по азбукам и росписям не сыскано.

А во 191-м году окольничей Петр Кондырев ис того своего поместья в селце Третьякове и в деревне Латыгори, да в пустоши Ананьиной пашни тритцеть семь четвертей променил полюбовно Петру Петрову сыну Пушкину на Галицкое, его Петрову, поместье.

И во 194-м году то поместье дано ему, Пушкину, в вотчину.

Выписано по Галичю 7221-го году из 1 столпа.

За артилерии за подпорутчиком за Львом Александровым сыном Пушкиным и за женою ево Марьею Матвеевою дочерью недвижимаго имения состоит по купчей и по допросу 750-го году, что ей в 750-м году продали дворенин Василий Дмитриев сын Повалишин да жена его, Марина Иванова дочь, недвижимое свое имение в Резанском уезде в Перевицком стану, пустошь Ананьино, в ней десять четвертей в поле, а в дву потому ж, которое им досталось по наследству Василью после бабки его Мавры Петровой дочери, а Марине по купчей отставного капрала Ивана Тимофеева от жены его Устиньи Дмит-

риевой дочери, а по каким дачем то недвижимое до оных продавцов дошло, того за згорением по азбукам и росписям не сыскано и по купчей незаписано.

Выписано по Резани из собранных дел, кои имеютца не в переплете. У подлинной справки подписано тако: архивариус Иван Семенов. Канцелярист Иван Суханов.

Государьственной вотчиной колегии из архива, под сим подписать за Львом Александровым сыном Пушкиным в Московском уезде в Горетове стану в деревне Ракове с пустошми, коликое число четвертной пашни по писцовым и по межевым книгам состоит и по каким дачем от претков его до него дошло. Подлинной запрос за справою канцеляриста Григорья Кривошеина.

Марта 14-го дня
1754-го году.

В писцовых книгах Московкаго уезду писма и меры Лаврентья Кологривого да подьячего Дружины Скирина 131-го и 132-го году в Сурожском стану в вотчинах написано:

Глава 181-я

За Федором Семеновым сына Пушкина да за сыном его за Федором в вотчине, что ему дано во 127-м году из их подмосковных поместей за Московское осадное сидение королевичева приходу деревня Ракова на речке на Истре, а в ней двор помещиков, да крестьян во дворе Ивашко Андреев, во дворе Игнашко Петров, да два двора люцких, пашни паханые вотченниковы и крестьянские пахоты середние земли шесть четвертей, лесом поросло дватцеть восемь четвертей в поле, а в дву потому ж, сена по речке по Истрице шездесят копен и всего за Федором Пушкина да за сыном его за Федором в вотчине деревня живущая, а в них три двора люцких да два двора крестьянских, а людей в них тож, пашни паханые середние земли шесть четвертей, лесом поросло дватцеть восемь четвертей, сена шездесят копен и обоего пашни паханые и лесом поросло середние земли тритцеть четвертей в поле, а в дву потому ж, а платить ему в сошное письмо з живущаго с четверика пашни, а в пусте сошного письма пол пол пол четверти с полу осминою и с четвериком пашни.

А межа тое вотчинные земли от реки от Истры рубеж враг, а в нем родник поточина по дорогу, что ездят от Егорья, направе земля Егорьевская, а на леве земля Раковская, дорогою едучи к Куртасову направе земля князь Афанасьева Лабанова пустоши к Раковой, а налеве земля Раковская, да от Егорья ж едучи, по старую дорогу Дмитровскую направе земля пустоши Скориховой, Микиткина тож, на рубеже стоит береза на ростанех, на ней грань направе, на Коряковской земле, Мякиткина тож, да по той же по старой по Дмитровской дороге направе, что ездят ис Куртасова на Раково, на рубеже стоят три осины болших, на них грань, а от осин по другую сторону Московской Дмитровской дороги на Раковской земле на рубеже стоят три березы — выросли от одного корени и от тех берез стоит на левой стороне береза на стариковской стороне, Микиткино тож, на ней грань, да по той же старой Дмитровской дороге на рубеже стоит береза виловатая, вилы в пояс, на ней грань, по другую сторону, противу ее стоит на ростанех дуб, а от той березы на рубеже стоит и на левой стороне на Раковской земле дуб, на нем грань, по той же по старой по Дмитровской дороге, не доезжая дороги, что ездят ис Куртасова к

Пятнице, по правую сторону, против дуба, выехав на Пятницкую дорогу, пошол рубеж от Степановой вотчины Муромцова от пустоши Шилабанчиковы.

Да в том же стану написано в поместье:

Глава 153

За Федором Семеновым сыном Пушкиным в поместье по государевой грамоте за приписью дьяка Ивана Грязева 131-го году пустош Баранова на суходоле, а в ней пашни лесом поросло середние земли тритцеть одна четверть с полу осминою в поле, а в дву потому ж, пустошь Демехово на суходоле, а в ней пашни паханые наездом середние земли три четверти, лесом поросло дватцеть две четверти в поле, а в дву потому ж, пустошь Скориково, Аметкино тож, на суходоле, а в ней пашни паханые наездом середние земли две четверти, лесом поросло тритцеть три четверти в поле, а в дву потому ж, сена у тех пустошей шездесят копен, лесу непашенного пять десятин, а в приправочных книгах той пустоши Кориковой не написано, а меж Егорьевской церковной земли Федоровой вотчины Пушкина по той же дороге ниже пристанища от реки от Истры. Потом в буярак, а в верх буярака стоит береза виловатая, а на ней грань, да на дорошку поперечную, и всего за Федором Пушкиным в поместье три пустоши, а в них пашни паханые наездом середние земли пять четвертей, лесом поросло восемьдесят шесть четвертей с полу осминою, сена шездесят копен, лесу непашеннаго пять десятин, и обоего пашни паханые и лесом поросло середние земли девяносто одна четверть с полу осминою, а доброю землею семьдесят три четверти в поле, а в дву потому ж, а сошного письма в пусте пол пол четверти сохи и не дошло в сошное письмо двух четвертей пашни.

В переписных Московских книгах переписи князь Володимера Волконскаго да подьячего Моисея Глухова 186-го году написано в Горетове стану:

Глава 145

За стольником за Иваном Федоровым сыном Пушкиным в вотчине деревня Ракова, а в ней двор вотчинников, живет в нем деловой человек Алферко Андреев, у него сын Степка семнатцети лет, да крестьянских дворов, во дворе Пашка Игнатьев, у него детей Алешка, Савка девяти лет, Сидорка пяти лет, во дворе Кондрашка Исаев, детей у него Емелька дватцети лет, Игнашка семи лет, Мелешка пяти лет; во дворе Данилка Иванов, у него детей Ларька, Тимошка семнатцети лет, Микишка семи лет, у Ларьки сын Ивашко году.

Во дворе Вавилко Васильев з братом Демидком, у Вавилки сын Ларька, у Демидки детей Микишка пяти лет, Мишка трех лет; во дворе Илюшка Алексеев, детей у него Федотка десяти лет, Власко семи лет, Федотко двух лет; во дворе Максимко Васильев, у него сын Васка; во дворе бобыль Нефедко Андреев дватцети лет; да пустых два двора Савки Иванова да Якушки Андреева, вымерли в моровое поветрие; всего в деревне Ракове двор вотчинников, один человек деловой, людей в нем два человека, шесть дворов крестьянских, людей в них дватцеть четыре человека, двор бобыльской, людей в нем тож, обоего крестьянских и бобыльских семь дворов, людей в них дватцеть пять человек.

В переписной же книге Московскаго уезду переписи дьяка Осипа Татаринова 709-го году в Горетове стану в вотчинах написано:

Глава 68-я

За стольником за Иваном Ивановым сыном Пушкиным деревня Раково, а в ней двор скотной, а на том дворе живет вдова Пелагея, Алексеевская жена Павлова, у нее сын Борис женат, да крестьянских дворов, во дворе Василей Максимов, у него зять Тимофей Филимонов, у Тимофея сын Семен году; во дворе Федот, Лазарь, Афанасей Ильины. У Федота сын Ерофей семи лет, у Лазаря сын Иван одиннатцети лет, живут в двух избах; во дворе Ларион Иванов Вилов, у него сын Маркс девяти лет, да с ним же живет брат его двоюродной Михайло Демидов, у него сын Микита пяти лет; во дворе Игнатей, Мелентей Кондратьевы, у Игнатья дети Варлам осмнатцети, Степан шеснатцети лет, у Мелентья сын Карп девяти, Прохор трех лет; во дворе Никифор Павлов, у него сын Иван девяти лет, с ним же живут двоюродные его братья Иван женат, Микита двенадцати лет, Ларионовы; двор пуст вдовы Аксиньи, Никифоровские жены Данилова с сыном Артемьем, да с племянники Спиридоном, да с Леонтьем Тимофеевыми; двор пуст вдовы Акилины Савельевой жены Павлова с сыном Иваном; всего за стольником за Иваном Ивановым сыном Пушкиным деревня Раково, а в ней двор скотской, в нем один человек, пять дворов крестьянских, людей в них дватцеть человек, два двора пустых, людей в них было четыре человека, а по старым переписным книгам 186-го году та деревня Ракова за отцом его за Иваном Федоровым сыном Пушкиным написано крестьянских семь дворов, а по переписи дьяка Осипа Татаринова 704-го году против старых переписных книг 186-го году в той деревне Ракове крестьянские дворы сходны и убыло по нынешней переписи 709-го году в той деревне Ракове два двора крестьянских, а у переписи той деревни Раковой староста Василей Максимов сказал по святей непорочней евангельской заповеди господни, что де вышеписанные пустые два двора вдовы Аксиньи Никифоровские жены Данилова, с сыном Артемьем, да с племянники Спиридоном, да с Леонтьем Тимофеевыми, а Леонтей взят в салдаты, а она, вдова, с сыном и с племянником ходит по миру, да вдова Акулина Савельевская жена Павлова с сыном Иваном ходит по миру ж, а оприч де тех вышеписанных крестьянских дворов и пришлых людей и крестьян и беглых салдат и иных всяких чинов людей никого нет, а буде он, Василей, сказал что ложно, и за ту ж его ложную скаску указал бы великий государь учинить ему смертную казнь.

В переписных же Московских книгах переписи дьяка Осипа Татаринова 704-го году в Горетове стану написано:

Глава 36-я

За столником за Иваном Ивановым сыном Пушкиным деревня Раково, а в ней двор скотной, а на том дворе живет вдова Пелагея Алексеевская жена Павлова, у нее дети Нефед тринатцети, да в бегах ее ж сын Борис пятнадцети лет, да крестьянских дворов, во дворе Василей Максимов, у него ж зять Тимофей Филимонов, во дворе Федот, Лазарь, Афанасей, Ильины дети, у Федота сын Ерофей трех лет, у Афанасья сын Афанасей двух лет, у Лазаря сын Иван шести лет, живут в двух избах, во дворе Ларион Вавилов, у него дети Иван женат, Михайло пятнатцети, Марко пяти лет, на том же дворе живет в особой избе брат его двоюродной Михайло Демидов, у него сын Микита двух лет, во дворе вдова Аксинья Никифоровская жена Данилова, у нее сын Артамон пяти лет, у нея ж живут племянники Спиридон, Леонтей, Тимофеевы дети, женаты, у них же брат родной Яков пятнатцети лет, во дворе Игнатий, Меленьтей Кондратьевы дети, у Игнатья дети Вар-

лам тринатцети, Степан двенатцети лет, у Мелентья сын Карп пяти лет, Прохор трех недель, живут в двух избах, во дворе Никифор Павлов, у него сын Иван четырех лет, с ним же живут двоюродныя его братья Иван, женат, Микита, семи лет, Ларионовы; во дворе вдова Акилина Савельева жена Павлова, у нее сын Иван семи лет, кормитца по миру; всего за Иваном Пушкиным в деревне Ракове двор скотной, а в нем один человек, крестьянских семь дворов, людей в них дватцеть деветь человек, а у переписи тое деревни староста Ларион Вавилов сказал по святей непорочной евангелской заповеди господни: опричь детого, что писано выше сего в той деревне Раковой крестьянских и бобыльских и в задворных и деловых людей дворов и во дворе людей ничего нет, а буде он сказал ложно, и за то указал бы великий государь учинить ему смертную казнь, а по старым переписным книгам 186-го года та деревня написана за отцом его Ивановым, за Иваном Федоровым сыном Пушкиным, а в ней крестьянских семь же дворов.

В отказных книгах отказу Поместного приказу подьячего Евдокима Ерофеева 708-го году, Генваря в 6 день, написано:

Отказано лейб гвардии Преображенскаго полку солдату Александр Петрову сыну Пушкину, что ему отказано по духовной дяди его двоюродного стольника Ивана Иванова сына Пушкина в Московском уезде в Сурожском стану деревня Ракова, в пустоши Скориковой, Аменково тож, в пустоши Демеховой, а в них пашни середние и добрыс земли семьдесят восемь четвертей, в пустоши Барановой дватцеть пять четвертей и всего сто три четверти в поле, а в дву потому ж, сена по речке по Истре по одну сторону триста копен.

Выписано по Москве и в отказной 27-ой книги № 77.

В переписных же Московских книгах переписи князь Ивана Долгорукова да подьячего Дмитрия Молчанова 154-го году в Поретове стану в вотчинах написано:

Глава 126

За стольником за Иваном Федоровым сыном Пушкина деревня Ракова на реке на Истре, а в ней крестьян во дворе Якушко Андреев з детми с Офонкою, да с Ефимком, да с Елисейком, да с Сергушкою, во дворе Ивашко Фомин с сыном, с Малафейком, у Малафейка сын Давыдка; во дворе Игнашка Петров з детьми с Киркою, да с Ондрюшкою, да с Панькою, да з Данилком; во дворе Данилко Иванов з братом с Ывашком; во дворе Савка Иванов з детми з Гараською, да с Васкою, да с Лукьянком; во дворе Васка Петров з детми с Вавилком, да з Демитком; во дворе Ермолка Савельев; во дворе Алешка Игнатьев з детми с Трофимком, да с Ылюшкою, да с Игнашкою, да с Ондрюшкою; во дворе Васка Назаров з детьми с Максимком, да с Миткою, да со внуком Тишкою Максимовым: всего деветь дворов крестьянских, людей в них тритцеть два человека.

А окроме вышеписанного за помянутым Львом Александровым сыном Пушкиным дачь по азбукам и росписям не явилось.

Та справка за справою архивариуса Ивана Семенова, канцеляриста Алексея Михайлова.

В Государственной вотчинной колегии выписано:

В прошлом 1753-м году, сентября 12-го дня, бил челом артилерии подпорутчик Лев Александров сын Пушкин, имеетца де за ним недвижимого имения в разных городех, в том числе в Московском, в За-

А справкою из архива показано:

За Александр Петровым сыном Пушкиным в Московском сто три, в Дмитровском сто пятьдесят четыре.

райском, да в Дмитриевском уездех, в разных селех и деревнях, о чем подлинно значит в вотчинной колегии по дачам, токмо на те недвижимые с писцовых и с межевых книг выписей он не имеет.

И просил, чтоб на означенные его недвижимые имении с писцовых и с межевых книг дать выписи порознь.

За сыном его за Львом в Дмитрове ж семьдесят девять. За ним же и за женою его Марьею в Резани десять. Да за дедом ево Львовым, за Петром Петровым сыном Пушкиным в Резани ж пятдесят деветь.

всего во всех городех четыреста пять четвертей.

А в Уложенье 157-го году напечатано:

16 главы в 26-м

Будет кто на кого учнет государю бить челом о поместье утайкою ложно и сыщетца про то допряма, что тот челобитчик бил челом государю ложно, хотя у кого поместье отнять ложным своим челобитьем напрасно, и на таких челобитчиках за ложное их челобитье тем людям, на кого они учнут бить челом, ложно править проести и волокиты и владенье, по уложенью с того числа, как они то свое ложное челобитье заведут, да по то число, как то дело вершитца, по две гривны на день, чтоб никому ни на кого не повадно было ложно бить челом.

17 главы в 4-м пункте

Родовым и выслуженым вотчинам государь указал и бояре приговорили быть по правилом святых апостол и святых отец и по Уложенью, а у кого сыновей не останетца, и родовые и выслуженые вотчины давать и дочерям их по прежним государевым указом, и у которых дочерей будут дети, и те вотчины детям их и внучатам после дедов своих и бабок их родных и з дядями и с тетками своими родными в старинных и выслуженных вотчинах быть вотчичам же, а будет у которых дочерей детей не останетца, и те вотчины отдавать в род, кто ближе того роду вотчичам, по прежним государевым указом и Уложенью.

А в указе 190-го году написано:

Которые всяких чинов люди били челом о выморочных и о прописных и утаенных поместьях и с порожних земель о пустошах, а в Поместном приказе в скасках с подкреплением, те челобитчики, а вместо иных челобитчиков люди их также вместо которых челобитчиков сказывали братья или племянники и чюжеродцы, что после умерших жен и детей и роду никого не осталось, а выморочныя их поместья и порозжия пустоши ни за кем не в дачах, и те поместья и порозжия пустоши тем челобитчиком даны, а как они о тех поместьях и о порозжих пустошах били челом и они тех умерших жен и детей и родственников и дачи прежних помещиков и вотчинников таили и в скасках своих писали, чтоб за ложное их челобитье имать из жилых их поместей и учинить им наказание и взять на них пеню, и на тех последних челобитчиков бьют челом прежних помещиков жены и дети и братья и родственники и челобитчики, что они их и дачи их таили, и у тех последних челобитчиков те выморочныя и утаенныя поместья и порозжия земли, которые били челом до того указу и боярскаго приговору, взяв, отдать прежних помещиков женам и детям и родственником и челобитчиком по прежним дачам по Уложенью и по статьям 185-го году, а о завладении и о проестях и волоките указ чинить по Уложенью и по статьям 185-го году, а которые люди с того

числа учнут бить челом о выморочных поместьях и о порозжих пустошах, а в Поместном приказе сами или вместо их братья и племянники и люди их дадут скаски с подкреплением, а в скасках утаят жен и детей и родственников и прежния дачи, и у тех людей те выморочныя и утаенныя поместья и порозжия земли взяв, отдать умерших женам и детям и родственником и прежним челобитчиком по прежним дачам, и за ложное их челобитье и скаски у тех последних челобитчиков, которые били челом о жилых поместьях, имать из жилых их поместей, а которые били челом о пустых, имать из пустых их поместей столко ж четвертей, на сколько кто бил челом и отдать тем же прежним помещиком и вотчинником, которых они таили в скасках, и женам их и детям и родственником без докладу великого государя и за которыми последними челобитчики иных поместей опричь тех, которые взяли они утайкою, и им, или вместо их кто даст скаски с подкреплением, чинить наказание и править на них проесть и волокиту и владенье по Уложенью и по новоуказным статьям, чтоб впредь иным прежних дач умерших жен и детей и родственников таить было неповадно и тот указ и боярской приговор всяких чинов людем сказать на постельном крыльце и по многие дни в Поместном приказе.

В указе 192 году написано:

Которые купчие и закладные принесены или впредь принесут в Поместной приказ, за руками продавцов и закладчиков, или к тем купчим и закладным руки приложили или впредь приложат дети их, и те вотчины по прежнему указу 190-го году, апреля 5-го дня, записывать без допросов, а которые купчие и закладные принесены или впредь принесут при живых продавцах и закладчиках или после их смерти за руками отцов их духовных и родственников и чюжеродцев, описаны после указов 187-го и 190-го годов, а спору на те купчие нет, и те вотчины потому ж записывать без допросов, а которые такие купчие и закладные спор и челобитье при живых продавцах и закладчиках или после их смерти, и про те купчие и закладные розыскивать, а буде доведетца давать и очные ставки, а вотчины до розыску отписывать на великого государя, и буде по розыску те купчие и закладные объявятца правые, и те вотчины по таким купчим и закладным записывать потому ж без допросов, для того по розыску пороку на них никакова не явилось, а буде по розыску такие купчие и закладные объявятца неправые, и о тех купчих и закладных и о вотчинах против спорнаго челобитья и очных ставок и розыску указ чинить по Уложенью.

В ымянном блаженные памяти государя императора Петра великого 1724-го году, февраля 5-го дня, указе напечатано:

Кто неправдою станет бить челом и в том обличен пред судом будет, такого штрафовать взятьем из его такою ж долею, о какой бил челом, например, буде о деревнях, столько деревень, а буде о движимом каком, — столько движимого, ис чего половину в гофшпиталь, а другую на двое, половину судьям, а другую тому, на кого бил челом неправдою, но сие не правое челобитье не в том разуме, что кто во обыкновенной тяжбе обвинен будет, но на таких, которые видя свое дело, о котором хочет бить челом, неправое, а сочинит, бутто правым, каким подлогом.

В ымянном 1731-го году, марта 17-го дня, указе в 1-м пункте напечатано:

После умершаго мужа изо всего ево недвижимого имения, какова бы звания за ним ни было, из жилого и ис пустого давать жене его

со ста по пятнатцети четвертей в вечное владение, а из движимого имения по Уложенью, а собственным и приданым имениям и что они будучи замужем куплею себе или после родственников по наследству присовокупили быть при них, не зачитая того в ту указную дачю, что надлежит дать из мужня, а дочерям при братьях, как из недвижимаго, так и из движимаго против матери или мачихи в полы, а ежели после того ж умершаго останетца невестка, сыновня жена, и ей дать ис той части, которая надлежала мужу ее со ста по пятнатцети четвертей, також и мужьям после жен давать из недвижимаго и движимаго собственнаго жен их имения против того ж, как положено оставшим женам после мужей, протчие ж все розделы как между детми и внучатами, так между родственниками мужеска и женска пола чинить по Уложенью.

В ымянном 1732-го году, декабря 20-го дня, указе на указ 724-го году, февраля 5-го дня, за партикулярные преступления в экспликации, для чего лехче, напечатано:

Понеже кто партикулярно погрешит противу другова какою обидою под такою укрышкою, что в суде дойти и познать невозможно будет, и оную неправду покрытую судья учинит правою, не ведая подлогу, укрытого без всякия страсти, тогда только убыток тому, у кого отнято, а протчим ничего, и для того оных лукавцов по силе прав государьственных по важности вины наказывать, а ныне с немалым неудовольствием известно нам происходит, что во определенных, как при резиденции нашей, так в губерниях и правинциях и городех, в некоторых правлениях и судебных местах порученные дела отправляютца не таким порятком и прилежанием, как о том выданные от предков наших и от нас регламенты и указы повелевают, а при дяде нашем блаженные и вечно достойныя памяти государе императоре Петре великом публикован печатными листами вышеписанной указ, в котором ясно изображено, как с таковыми за их преступления поступать, а наше всемилостивейше намерение и ко всенародной государственной пользе и соизволение в том состоит, дабы как в вышних, так и нижних правлениях и судах везде государьственные и челобитчиковы дела по регламентам и указом нашим производились со всякою чистой и бестрастною совестию бес продолжения, того ради всемилостивейше повелели во все главныя и нижния правительства и суды подтвердить нашим крепким указом, а для всенароднаго известия во всей нашей империи публиковать, напечатав вновь оной 724-го году, майя 20-го дня, публикованной указ, дабы всяк, ведая оной указ, от таких богопротивных и безсовестных поступок остерегался и поступали б во всем справедливо.

В указе 1737-го году, сентября 16-го дня, написано:

Где какое челобитчиково дело решено будет, то тем челобитчикам по решении давать со всего того дела на гербовой бумаге за рукою одного судящего и за закрепою секретарскою копии.

В указе же ее императорскаго величества, состоявшемся в 752-м году, майя в 25 день, напечатано:

Понеже ее императорское величество, имея матернее попечение о благополучии и покое подданных, всемилостивейше повелеть соизволили Сенату публиковать, каким образом х крайнему неудовольствию ея императорскому величеству слышимо раззорение и претеснение подданных ея императорскаго величества от ябедников, которые, не страшась суда божия, всякие вымыслы против правды стараютца употреблять и тем чинят правым в их делах решению помешательство и продолжение в приказех, а хотя в указех о таковых довольно яв-

но, однако ж безстрашно в том предприятии дела своя производят, того ради на то учрежденным местам по должности и званию своему искоренять таковыя ее императорскому величеству и общему покою противныя поступки и с виноватыми поступать по силе указов.

А при сей выписке артилерии порутчика Льва Александрова сына Пушкина, поверенной его служитель Сидор Роговской сказал, что де оной господин его бьет челом о даче ему на недвижимое московское и в других городех имении с писцовых и с межевых книг выписей, которые де недвижимые имении явились по дачам за дедом его, Петром, и за отцом его, Александром, и за ним, господином его и за женою его Марьею Матвеевою дочерью и оные де недвижимые имении невыморочные и не отписные и об отписке указов и промеморей не имеетца и после помянутых Петра и сына его Александра жен и детей, сыновей и дочерей и снох и сыновних жен и внучат и внук родных окроме оного господина его никого не осталось и тем недвижимым владеет господин и госпожа его без всяких споров, а ежели при отказе явитца что ис того в постороннем владении, что де он, господин его, отказать за собою никоим образом не допустит, но объявит о том челобитьем в тех канцеляриях или в Вотчинной колегии, а буде того не учинит и такие недвижимые за собою отказать допустит и во владение оного вступит, за то учинить с ним по Уложению и по указом 190-го, 724-го, 732-го и 752-го году, понеже де он, Роговской, указы и колежские резолюции читал и господину своему объявит, а ежели что сверх означеннаго за дедом и за отцом и за ним, господином его, явитца, о том де господин его будет бить челом впредь.

К той скаске и поколенной росписи поверенной Сидор Роговский руку приложил.

Служителю моему Сидору Роговскому по имеющемуся у меня в Государственной вотчинной колегии челобитью для предбудущаго межеванья о взятии з дачь и с крепостей с копей на недвижимое мое имение, по которому челобитью хождение тебе иметь и на то недвижимое имение выписи взять и вместо меня под делом в приеме тех выписей росписатца, в чем я тебе верю и что ты учинишь, того я прекословить не буду.

У подлиннаго верющего письма подписано тако: артилерии порутчик Лев Пушкин.

Да к сему ж делу в пополнение выписано.

В Уложенье 17 главы во 2-м пункте напечатано:

У которых вотченников после их останутца дочери их и сестры замужем, и об вотчинах их учнут бить челом по родству челобитчики тех умерших дочери и сестры, которыя замужем, в вотчину ж, и им чинить указ по Уложенью, а они тем вотчинам вотчичи, а после ко-

торых умерших учнут бить челом о вотчинах после отцов своих, сыновьям, а дочерям вотчин з братьею жеребьев не давать, покамест братья их живы, а давать дочерям после отцов их и с поместей на прожиток по указу, а как братей их не станет, и дочери тем вотчинам вотчичи.

А по справке з запретительными книгами о вышеозначенном недвижимом спору и запрещения не явилось.

В подлинном деле выписка за справою архивариуса Григорья Кривошеина.

1755-го году, апреля 14-го дня, по указу ея императорскаго величества

в Государьственной вотчинной колегии при неспорных делах по слушании дела артилерии подпорутчика Лва Александрова сына Пушкина о справке и об отказе за него недвижимого после деда его родного Петра Петрова сына и отца его Александра Пушкиных Московскаго, Дмитровскаго, Резанскаго имения и о даче ему на те недвижимые имении с писцовых, межевых с переписных и отказных книг выписи, которое недвижимое по дачам явилось за оными дедом его Львовым Петром и за отцом Александром Пушкиными, и по справке в колегии означенныя недвижимыя имении в отписке не значитца, о чем в деле от повереннаго и скаскою показано, именно определено следующее: (1) в Московскую губернскую, в Резанскую правинциальную, в Дмитровскую воевоцкую канцелярии послать ея императорскаго величества указы, по которым велеть в тех канцеляриях о недвижимых Петра Петрова сына и сына его Александра Пушкиных явлшимся за ними по дачам Московском, Дмитровском и Резанском имениях справитца, а в уездах чрез посланных тутошними и сторонними людми дворяны, священно и церковно служителми и разных вотчин, и тех недвижимых прикащики и старосты освидетелствовать и взять скаски с указным подтверждением, (2) и буде по справкам по свидетельству и по скаскам явятца, те недвижимые имении не выморочныя и не отписныя и об отписке в присылке указов и промеморей не явитца и из дач тех недвижимых ни по каким крепостям и дачам никому ничего не выбыло и во владении состояло за ними, Петром и Александром Пушкиными, и после их, Петра и Александра, кроме Петрова внука, Александрова сына, Лва Пушкина, других детей, сыновей и дочерей, и снох, сыновних жен, и внучат и внук родных никого не осталось и спору ни от кого не будет и запрещения не явитца, то оные их Петра и Александра Пушкиных недвижимые имения, которые за ними явились по дачам по Уложенью 17 главы, по 2-му и по 4-му пунктом и по имянному 1731-го году, марта 17-го дня, указу справить и отказать за Петровым внуком, а за Александровым сыном, за помянутым подпорутчиком Львом Александровым сыном Пушкиным, (3) и справки, свидетельство, скаски и отказные книги за руками оставя в тех канцеляриях, впредь для ведома таковых при доношении прислать в Вотчинную колегию, (4) а буде по справке, по свидетельству и по скаскам явитца не против вышеписаннаго или при отказе учинитца, от кого в чем спор, и явитца ис того, что в постороннем владении, то того недвижимаго, в чем будет спор, не отказывая, у владельцев у самих истребовать, а в небытность их у людей и у крестьян их взять с крепостей копии или о дачах ясное показание, почему то недвижимое во владении за ними состоит, и того недвижимого не отказывая ж, со обстоятельством писать и все, что явитца, потому ж для разсмотрения при доношении ж прислать в Вотчинную колегию, (5) и с сего дела означенному челобитчику подпорутчику Лву Пушкину дать, а с посылаемых об отказе указов в Печатную контору сообщить точные

копии; подлинное определение в протоколе за закрепою асессора господина Буравцова в должности секретаря канцеляриста Андрея Дьякова

За справою протоколиста Якова Кокина.

А дана сия копия из Государьственной вотчинной колегии означенному артилерии порутчику Лву Александрову сыну Пушкину по челобитью его и по определению во оной Колегии в нынешнем 755-ом году, июля 25 дня.

Иван Буравцов.

Переплетенная тетрадь. Текст писан на 20 перенумерованных листах гербовой бумаги (40 страниц). Текст последних трех страниц, заключающий официальное подтверждение правильности всех подчисток, вставок, исправлений и т. п., не воспроизводим. Тетрадь скреплена подписью, писанной по несколько слов на каждой странице, при чем роспись идет на полях в середине листа: «в должности секретаря канцелярии Андрей Дьяков». В правом нижнем углу по страницам идет такая же скрепа. На листах 1, 2, 3, 4, 9, 10, 11, 12, 17 и 18 сбоку на полях в длину страницы написано: «Вотчинной коллегии в должности секретаря канцелярии Андрей Дьяков». Выписки о владениях Л. А. Пушкина сделаны и заверены в виду прошения Пушкина от 1753 г., которым открывается текст тетради.

Лев Александрович Пушкин (1723—1790) — дед поэта. Сын Александра Петровича Пушкина и Евдокии Ивановны Головиной (убитой своим мужем в 1725 г.). В службе с 1739 г. капралом; в 1741 г. сержант; в 1747 г. штык-юнкер; в 1749 г. подпоручик; в 1754 г. капитан; в 1759 г. майор. Сторонник Петра III; был заключен в крепость за противодействие восшествию на престол Екатерины II; пробыл в тюрьме два года; выпущенный по приказанию Екатерины II, пользовался ее уважением. Пушкин писал в «Моей родословной»:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью Третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой — в крепость, в карантин.

В наброске родословной Пушкиных и Ганнибалов, написанном поэтом, читаем: «Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды он велел ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую, и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Всё это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорил о странностях деда, а старые слуги давно перемерли» (Пушкин. Собр. соч., изд. «Красной Нивы», V, стр. 489). 30 сентября 1830 г. Александр Сергеевич писал из Болдина своей невесте: «Мой ангел, только одна ваша любовь препятствует мне повеситься на воротах моего печального замка (на этих воротах, скажу в скобках, мой дед некогда повесил француза, un outchitel, аббата Николь, которым он был недоволен)». Рассказ поэта точной проверке не поддается; из формулярного списка Л. А. Пушкина мы лишь знаем, что он «за непорядочные побои находящегося у него в службе венецианца Харлампия Меркадии был под следствием, но по именному указу повелено его, Пушкина, из монаршей милости простить». По напечатании наброска А. С. Пушкина о своих предках С. Л. Пушкин выступил с опровержением, вступаясь за «священную память» своего отца («Современник» 1840 г., т. XIX, стр. 102—106); доводы С. Л. Пушкина покоятся не на фактических данных, а на традиционном чувстве «уважения» людей его круга к памяти родителей. Выйдя в отставку подполковником в сентябре 1763 г., Лев Александрович больше никакой службы уже не имел и жил в своих деревнях. В родословной росписи «Пушкины» Б. Модзалевского и М. Муравьева, Л., 1932 на стр. 51 находим указание, что в 1761 г. за Л. А. Пушкиным было 1400 душ (в дальнейшем цитируем это издание сокращенно: ПР). С. Л. Пушкин писал о Л. А. Пушкине: «Отец мой имел более 3 000 душ, из которых я получил 1 000 в Нижегородской губернии... Отец мой жил постоянно в Москве большим открытым домом и имел родственные и дружеские связи с знатнейшими фамилиями» («Замечания на так называемую биографию А. С. Пушкина, помещенную в «Портретной и биографической галлерее». — «Отечественные

Записки» 1841 г., т. XV, перепечатаны в «Книге воспоминаний о Пушкине» под ред. М. Цявловского, М., 1931, стр. 374). — Из дальнейшего будет ясно, почему число 3 000 душ не поддается проверке. По количеству земли настоящая справка свидетельствует, что в 1755 г. у Л. А. Пушкина по трем уездам (Московскому, Зарайскому и Дмитровскому) было 405 четвертей (около 600 дес.). — О Л. А. Пушкине см. Б. Л. Модзалевского «Род Пушкина» в сочинениях Пушкина, ред. Венгерова, т. I, стр. 4—6.

четвертная пашня — пашня, исчисленная четвертями.

В Дмитровских писцовых книгах — в довольно путанных справках о владениях Л. А. Пушкина по Дмитровскому уезду речь идет о ряде деревень и пустошей. Их судьба не одинакова. В справке Государственной вотчинной коллегии говорится о следующих владениях: Филаткове, Горбове, Плесцове, Данилкове, Семеновском (Синее тож), Ананове и Павловском (Рожново тож). Первые четыре поместья после владения ими Зоринымн достались И. Ф. Пушкину, затем перешли к его сыну бездетному Ивану Ивановичу, после него оказались во владении двоюродного племянника Александра Петровича, а от Александра Петровича перешли к Льву Александровичу. Если первые четыре владения оказались в руках Пушкиных лишь в конце XVIII в., то сельцо Семеновское было старинной пушкинской вотчиной, которая принадлежала Федору Федоровичу и его двоюродному брату Федору Тимофеевичу Пушкиным еще в начале XVII в., тогда же, когда Ф. Ф. Пушкину была дарована Болдинская вотчина; через Ивана Федоровича Пушкина и его бездетного сына Ивана Ивановича Семеновское оказывается в свою очередь в руках Льва Александровича. Принадлежность Ананова роду Пушкиных восходит к концу XVI в. Оно принадлежало еще Гавриле Григорьевичу Слепому. Наконец последнее сельцо Павловское (Рожново) восходит к началу XVII в., будучи куплено Федором Семеновичем Пушкиным у некоего И. М. Зыбина. Его судьба сложная. От сына Ф. С. Пушкина Федора Федоровича оно перешло к его племяннику Петру Петровичу, который продал его дяде Степану Гавриловичу Пушкину; последний же продал вотчину Матвею Степановичу, который, заложив, просрочил ее Ивану и Федору Федоровичам Пушкиным. От сына же первого Ивана Ивановича Павловское (Рожново) переходит к его двоюродному внуку Льву Александровичу. Если перечисленные выше владения Дмитровского уезда переходили из рук в руки по разнообразным путям, то все же у них был один стягивающий узел — Иван Федорович Пушкин; в конечном счете через него и его сына, вследствие бездетности последнего, владения перешли к представителям боковой линии, а именно к Льву Александровичу через отца его Александра Петровича. Дальнейшая судьба этих владений Пушкиных по Дмитровскому уезду не могла быть точно установлена, во-первых, потому, что во всяком случае некоторые владения Льва Александровича по Дмитровскому уезду уже не принадлежали ему к началу генерального межевания (1766 г.) (об этом см. ниже), во-вторых, потому, что оригинал (чистовой экземпляр) «экономических примечаний» по Дмитровскому уезду в Центральном межевом архиве утрачен; его заменяет несовершенный экземпляр экономических примечаний без алфавита и указателя. Поэтому редакция не могла обеспечить полноты справок и исчерпывающими сведениями по составу дач Дмитровского уезда не располагает.

135, 136 гг. — правильнее 7135, 7136 гг., даты даны по летосчислению от «сотворения мира». Для перевода на наше исчисление годов, упоминаемых в выписях, надлежит прежде всего примышлять цифру 7 слева; далее, если соответствующими месяцами являются январь, февраль и т. д. до сентября, то надлежит из цифры проставленного года вычитать 5508 (годы «от сотворения мира»), если же соответствующими месяцами являются сентябрь — декабрь, то из подлежащего выявлению года надлежит вычитать 5509 — остаток будет обозначать искомый год нашей эры.

перелог — поле, покинутое для перележки; в переложном хозяйстве — та часть земли, которая по выпашке покидается для отдыха на несколько лет; в трехпольном хозяйстве — пар.

сена пять копен — сенная или луговая площадь в XVIII в. обыкновенно обозначалась «копнами», которых в одной десятине считалось десять.

Горбово — деревня в 24 верстах от Дмитрова. По данным генерального межевания (№ 224) принадлежало Василию Семеновичу Караулову и Сергею Александровичу Коротневу, насчитывая 72 десятины, 5 дворов, 35 душ мужского и 29 душ женского пола. Таким образом к началу генерального межевания (1766 г.) Горбово уже не принадлежало Л. А. Пушкину. По статистическим данным 1859 г. в Горбове было 7 дворов, 23 души мужского и 21 душа женского пола.

пашни паханые наездом — пахать наездом значило обрабатывать землю, отъезжая более или менее далеко от своего усадища, но не живя при ней (С. Веселовский «Сошное письмо», II, стр. 407).

Иван Федоров Пушкин — И. Ф. Шиш, стольник, воевода, затем

окольничий, был наместником Алаторским; в малолетство царевичей Ивана и Петра с июля 1682 г.—один из семи членов Верховного правления. Умер после 1715 г. (о нем ПР, № 258). Сведений о его владениях по Дмитровскому уезду в родословной «Пушкины» не имеется.

дяди его двоюродного Иваново поместье—в рукописи ошибочно: деда его.

Александр Петрович Пушкин (род. после 1686 г., ум. в 1725 г.)—в 1718 г. солдат Преображенского полка; в 1722 г. сержант, каптенармус; владел Болдиным. Был женат на Евдокии Ивановне Головиной. А. С. Пушкин писал: «Прадед мой Александр Петрович был женат на меньшой дочери графа Головина, первого Андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия, зарезав свою жену, находившуюся в родах». О нем см. ПР, № 331.

Иван Иванович Пушкин—сын И. Ф. Пушкина. В 1683 г. стольник; в 1693 г. сопровождал Петра I в Архангельск; участник Рижского похода; в 1703 г. капитан. Был холост или не имел детей. О нем ПР, № 294.

Семеновское, Синее тож—во время генерального межевания Семеновское было замежевано по Воскресенскому (впоследствии упраздненному) уезду Московской губ.; в алфавите генерального межевания по Воскресенскому уезду под № 100 значится: «Синево, сельцо Семеновское тож с деревнями и пустошьми Л. А. Пушкина; 86 душ муж. пола, удобной земли 696 д. 657 с., неудобной 56 д. 650 с.; всего 752 д. 1 307 с.». В соответствии с этим в «Книге экономических примечаний Воскресенского уезда» (№ 100) находим сведения: «Сельце Синево, дер. Апанова [Ананово?], Сорина с пустошми Л. А. Пушкина. Дворов 7 + 13 + 3; всего земли: под селением 8 дес. [сажени откидываем], пашни 262 д., сенного покосу 27 д., леса 397 д., неудобной земли 56 дес., всего 752 д.—Сельцо на суходоле, дом господской деревянный... земля иловатая с глиною, хлеб и покосы средственные, лес дровяной. Крестьяне на пашне».—По статистическим данным 1859 г. находим Синево (Мушкино тож) в Звенигородском уезде; 12 дворов, душ муж. пола—33, женского—35; в 35 верстах от Звенигорода.

Федор Федорович Пушкин—по прозвищу Сухорук, участник московского осадного сиденья 1619 г.; в 1641 г. товарищ воеводы в Туле; в 1652—1653 гг. воевода в Чугуеве. За ним в Алаторском, Арзамасском, Шацком и Московском уездах 551 четв. поместья и 959 четв. вотчины. См. о нем ПР, № 229.

Федор Тимофеевич Пушкин—двоюродный брат ф. Ф. Пушкина, в 1630—1642 гг. служил воеводой в разных городах. О нем ПР, № 234.

отхожее сено—отхожие земли-пустоши.

селище—выгоревшее или снесенное селение, остатки жилого места.

портомой—плот и подобные устройства на реке или озере для мытья и полосканья белья.

Гаврила Григорьевич Пушкин—Гаврила Григорьевич Слепой (ум. 1638 г.), сотник, затем воевода в ряде городов; 1 июня 1605 г. с Плещеевым читал в Москве грамоту Лжедмитрия, после чего были свергнуты Годуновы; в 1606 г. пожалован сокольничим и думным дворянином, участник Клушинской битвы; в 1611 г. подписался под грамотой боярской думы к королевичу Владиславу; в 1613 г. защищал Устюжину от поляков, участник Собора 1618 г., перед смертью постригся с именем Герасима. О нем см. ПР, № 196.

Григорий Гаврилович Пушкин—Григорий Гаврилович Косой (ум. 1656 г.), думный дворянин, был послом в Польше и Швеции (1646 г.), боярин. А. С. Пушкин писал о нем: «Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев». О нем ПР, № 488.

Степан Гаврилович Пушкин (ум. 1656 г.)—стольник, воевода в Рыльске, Одоеве, Устюге Великом и Путивле. Был послом в Польше (1650). Ниже, под № 410, в нашем документе говорится, что «в 169 году [1660—1661 г. нашей эры] он [Ст. Гавр. Пушкин] свою вотчину продал М. С. Пушкину, между тем по письму кн. Куракина к царю Алексею Михайловичу устанавливается, что Степан Гаврилович умер 24 мая 1656 г. (ПР, стр. 26). В связи с этим дату 169 г. следует признать неверной. О С. Г. Пушкине ПР, № 227.

отец Ф. Ф. Пушкина—Федор Семенович Пушкин, стольник, участник Крымского похода в 1598 г.; в 1613 г. стряпчий, подписался под грамотой об избрании Михаила Романова. О нем ПР, № 198.

Павловское (Рожново)—по данным 1859 г. по Московской губ. известна лишь деревня Рожново в 19 верстах от Звенигорода; 8 дворов; 22 души мужского и 16 душ женского пола.

Петр Петрович Пушкин (ум. 1661 г.)—стольник, дворянин московский (1660 г.). О нем ПР, № 262.

Матвей Степанович Пушкин—в 1660 г. стольник, смоленский воевода, в 1674 г. окольничий, в 1682 г. боярин; в 1685 г. начальник Судного Владимирского приказа, был в 1697 г. назначен воеводою в Азов. А. С. Пушкин пишет: «Матвей Степанович подписался под соборным деянием об уничто-

жении местничества (что мало делает чести его характеру)». — О нем ПР, № 255.

послушная грамота — подтвердительная грамота.

Федор Иванович Пушкин — бездетный, в 1690 г. стольник. О нем ПР, № 295.

В книгах Рязанского уезда — справка Вотчинной коллегии о владениях Л. А. Пушкина по Рязанскому уезду дает сведения о двух поместьях: деревне Латыгори и пустоши Ананьиной. Латыгори принадлежали в качестве поместья С. Г. Хлюпину, затем перешли к его вдове и детям, далее в связи с замужеством Хлюпиной деревня была отказана С. Лихареву; из Пушкиных впервые владеть Латыгорями стал Петр Петрович Пушкин, променяв в 1690 г. свою землю Ярославского уезда на Латыгори, принадлежавшие в то время Петру Хлюпину. Что касается пустоши Ананьиной, то настоящая справка дает подробные сведения о владельцах Ананьиной пустоши до Пушкиных: поместье это, принадлежавшее А. Н. Трегубову, переходит к его дочери Марфе Трегубовой, далее им владеет Т. Е. Трегубов, жених М. Трегубовой — С. Чаплыгин, А. С. Чаплыгина, ее дядя Никифор Трегубов, после него дача вместе с частью Латыгорей закрепляется за З. И. Полозовым; последний меняется поместьями с Кондыревым, Кондырев же меняет свои земли на Галицкое, в результате чего в 1682 г. Ананьино переходит к Петру Петровичу Пушкину. Впрочем П. П. Пушкину Ананьино переходит не целиком; другая часть его оказывается в руках Повалишиных; далее известно лишь «за сгорением» надлежащих росписей, что некий Василий Дмитриевич Повалишин и жена его Марина Ивановна продают 10 четвертей Ананьина жене Л. А. Пушкина Марии Матвеевне. Публикуемая справка вотчинной коллегии не дает однако исчерпывающих сведений по владениям Л. А. Пушкина в Рязанской губернии. Следует оговориться, что в конце XVIII в. поместья Латыгори и Ананьино надлежит искать не в Рязанском, а Зарайском уезде (Зарайск сделан городом в 1778 г.). По «Книге экономических примечаний Зарайского уезда» устанавливается принадлежность Л. А. Пушкину не только названных Латыгорей и Ананьина, но также следующих имений: пустоши Балванниковой (по «Книге эконом. примеч.» № 253), сельца Саблина (№ 254), пустоши Петрищевой (№ 244), пустоши Чернятиной (№ 249), деревни Давыдовой (№ 251), сельца Лобкова (№ 342) и пустоши Остриковой (№ 346). Все эти дачи имели от двухсот до пятисот десятин каждая. Впрочем это не дает права считать Л. А. Пушкина крупным помещиком по Зарайскому уезду в виду большого и разнообразного числа совладельцев по всем вышеприведенным дачам.

Латыгори — в «Книге экономических примечаний Зарайского уезда» (№ 349) значится: «Деревня Латыгори с пустошью — Афанасия Абрамова сына Гончарова и Льва Александровича сына Пушкина, Козьмы Феоктистова, Семена Тимофеева детей Логвиновых, Агафьи Федоровой Загряцкой, Егора Федорова Николаева, Татьяны Борисовой Степановой, Ирины Семеновой Леоновой, Ивана Иванова Леонтьева; число дворов 19; мужского п. 78, женского 74; под усадьбой 17 дес. 2 100 саж., пашни 478 дес. 396 саж., сенного покосу 48 дес. 1 800 саж., лесу 36 дес. 1 200 саж., неудобн. 8 дес. 80 саж., всего 589 дес. 776 саж.». — По разделу 1848 г. фамилии Пушкина не значится вовсе. Любопытно отметить, что по Латыгорям Л. А. Пушкин, дед поэта, был совладельцем с Афанасьем Абрамовичем Гончаровым, прапрадедом жены А. С. Пушкина Натальи Николаевны. Л. А. Пушкин и А. А. Гончаров были также совладельцами пустоши Чернятиной Зарайского уезда. В ИРЛИ хранится купчая Л. А. Пушкина на пустошь в деревне Латыгори, купленную им в 1768 г. у С. М. Ржевского. Было приобретено Л. А. Пушкиным 50 четвертей в одном поле (всего 150 четвертей в трех полях, т. е. 75 десятин) (фонд 244, № 61).

Ананьино — пустошь Ананьина по «Книге экономических примечаний Зарайского уезда» (№ 336) значится за Степаном Ивановичем и Степанидой Григорьевной Григоровыми и Л. А. Пушкиным; если откинуть сажени, то угодья распределяются так: пашни 60 дес., сенокоса 12 дес., леса 37 дес., неуд. 1, всего 111 дес. Пустошь находилась при речке Буровке.

В Московском уезде — по Московскому уезду справка, даваемая Вотчинной коллегией, иного характера, чем по рассмотренным выше Дмитровскому и Зарайскому (Рязанскому) уездам. Речь идет только об одной вотчине Пушкиных — деревне Ракове, пожалованной Федору Федоровичу в 1619 г. за московское осадное сидение (ему же и за то же «сидение» было пожаловано Болдино). По своему составу Раковская вотчина охарактеризована гораздо подробнее, чем другие владения настоящей справки: дается описание границ всей дачи и поименной список всех числившихся на земле крестьян с их семействами. В этом отношении данных о Ракове больше, чем о каком-либо из других пушкинских владений Московской и Рязанской губ. К этому можно присоединить, что в ИРЛИ сохранилась ревизская сказка Ракова от 1764 г. (4501. XXIII б. 39). В XIX в. мы находим Раково в Звенигородском уезде (Раково в 31 версте от Звенигорода, 12 дворов, 46 душ мужского и 44 души женского пола). В конце же XVIII в. Раково числилось по Воскресенскому уезду (Воскресенск был уездным

городом с 1781 по 1796 г., после чего он как уездный город был упразднен и остался за штатом; ныне город Истра). После смерти Л. А. Пушкина земли его по Воскресенскому уезду достались его сыну Николаю. — В 1756 и 1757 гг. Раково и Синее были заложены Л. А. Пушкиным за 2 000 р. (ИРЛИ, № 4493 XXIII б. 31 и 4494 XXIII б. 32).

Раково — деревня в 15 верстах от города Воскресенска, недалеко от «чеховских мест», известных под Воскресенском (Чикино, Бабкино, Палевщина) по той же Клинской дороге, на живописном берегу реки Истры. Под № 42 «Воскресенских экономических примечаний» читаем: «Деревня Раково, число дворов 10, душ: 26 м. и 26 ж. п., под селением 21 дес. [не считая саженей], пашни 160 д., сенных покосов 26 д., лесу 154 д., неудобной земли 20 дес., всего 363 дес. [подсчитано неверно]. — На левом берегу реки Истры, а дачею по обе стороны большой Клинской дороги. Земля иловатая, и покосы средственные, лес дровяной. Крестьяне на оброке».

Московское осадное сидение Королевичева приходу — уже после «смутного времени» начала XVII в. польский королевич Владислав (бывший царь московский) предпринял в 1617 и 1618 гг. большой поход на Москву. Подступив осенью 1618 г. к московским стенам, он встретил сопротивление.

Истра — приток Москвы-реки.

пол пол пол четверти — ⅛ четверти; теперешнего изображения частей целого дробями не было.

Куртасово — сельцо на тракте Воскресенск — Клин, на Истре, в 31 версте от Звенигорода.

земля князь Афанасьева Лобанова — соседнее с Раковым сельцо Горки принадлежало кн. Лобановым-Ростовским.

к Пятнице — ближайшее к Воскресенскому по Клинскому тракту большое село Пятница-Берендеево.

на ростанех — на распутьи, на перекрестке.

Глава 68-я — в этом разделе исправляем две ошибки: у нее сын вместо у него, Лазарь вместо Лазарев.

суходол — безводная долина.

задворные люди — дворовые, жившие на барском задворке.

А в Уложеньи 157-го году напечатано — далее следуют выписи из действовавшего в то время законодательства в области наследственного права. Поскольку для данного документа, как пушкинского, эти справки имеют чисто формальное значение, оставляем их без примечаний.

проести — издержки на разъезды, на проживание в тяжбе.

№ 78. СГОВОРНАЯ НА О. В. ЧИЧЕРИНУ

1763 г. Мая 8

В тысяща седмь сот шестдесят третьего, майя в восмы день, полковника Василья Ивановича Чичерина жена его вдова Лукея Васильева дочь зговорила я дочь свою девицу Олгу Васильеву дочь в замужество артилери за маэора Лва Александрова сына Пушкина, а за нею даю во благословение в начале божие милосердие образ спаса нерукотворенного во золотом окладе с алмазною короною; образ донской богоматери в серебреном окладе, вызолоченом, риза низоная жемчюгом с цветными каменьями, образ Лютиковской богоматере в серебреном окладе, вызолоченом, обнизан жемчюгом; образ Смоленския богоматери в серебреном окладе, убрус низоной жемчюгом; образ Никиты мученика в окладе серебреном, вызолоченом, да приданого серебра, бралиантовых вещей, жемчугу на три тысячи на пять сот рублев, платья, белья, кружев и постелю на семь сот рублев, всего по цене на четыре тысячи на двести рублев.

К сей зговорной полковника Василья Ивановича Чичерина жена его вдова Лукея Васильева дочь зговорила дочь свою, девицу Ольгу Васильеву дочь, артилери за маера Лва Александрова сына Пушкина в замужество, а за нею во благословение божее милосердия, да приданова серебра, бролиантовых вещей, жемчугу на три тысячи на петьсот рублев, платья, белья, кружев и постелю на семьсот рублев, всего по цане на четыре тысячи на двести рублев дала и руку приложила; у сей зговорной лейб гвардии подпорутчик князь Николай княж Алексеев сын Оболенской свидетелем был и руку приложил; у сей

зговорной лейб гвардии капитан порутчик Федор Степанов сын Хомяков свидетелем был и руку приложил; у сей зговорной секунд майор князь Андрей княж Данилов сын Друцкой свидетелем был и руку приложил. У сей зговорной лейб гвардии пример майор и Сибирской губернатор Денис Иванов сын Чичерин свидетелем был и руку приложил. У сей зговорной лейб гвардии Семеновскаго полку подпорудчик Александр Денисов сын Чичерин свидетелем был и руку приложил. У сей згаворной калежской саветник Алексей Егорьев сын Николаев свидетелем был и руку приложил. У сей згаворной лейб гвардии Семеновского полку сержант Александр Федоров сын Хомяков свидетелем был и руку приложил. У сей зговорной полковник Александр Макаров сын Ратиславъской свидетелем был и руку приложил.

У сей зговорной прокурор Федор Федоров сын Рад...в свидетелем был и руку приложил; у сеи згаворной капитан Иван Иванов сын Игнатьев свидетелем был и руку приложил. У сей зговорной прокурор Федор Федоров сын Соложев [?] свидетелем был и руку приложил. У сей зговорной полковник Богдан Михайлов сын Приклонской свидетелем был и руку приложил; у сей зговорной лейб гвардии порутчик князь Александр княж Николаев сын Засекин свидетелем был и руку приложил. Зговорную писал Московской крепостной конторы писец Григорий Червяков. Совершить по указу Секретарь Иван Копнин в 1763-го году Маия в 8 день. Сия зговорная писана в Московской Крепостной конторе и в книгу перечнем записана, от писма четыре рубли дватцать копеек, от записи дватцать, на расход две копеики с четью взято. Надсмотрщик Андрей Богданов.

По сей рядной вышеописанное приданое принял все сполна артиллерии майор Лев Пушкин.

Писано на гербовой бумаге. На первой странице внизу слева помета: № 745, страница 348». Сговорная представляет собою роспись приданого при выдаче замуж. Ольга Васильевна Чичерина (1737—1802), дочь Василия Ивановича и Лукерьи Васильевны Чичериных, была второй женой Льва Александровича Пушкина. Первой его женой была Мария Матвеевна Воейкова. За О. В. Пушкиной (Чичериной) было 476 душ с 446 четв. По разделу 1795 г. получила с сыновьями Болдино, 1 114 душ с 469 четв. (ПР, стр. 51).

№ 79. ОТПУСКНАЯ АНИСЬИ КОЗМИНОЙ

1780 г. Ноября 9

1780-го года, Ноября 9-го дня, генерал порутчика и разных орденов кавалера Михаила Федотовича Каменъскаго жена его Анна Павлова дочь отпустила я крепостную свою селца Сатина татарскаго крестьянскую дочь девку Анисью Козмину в замужество на волю, подполковника Льва Александровича Пушкина за крестьянина его Ефима Якимова сына Торгашова. И впредь мне Анне и наследникам моим до нея дела нет. В чем ей, Анисье, за подписанием руки моей и приложением Герба нашего обыкновенной печати сия выдана в Москве. Анна Каменская.

Писано на листе писчей бумаги, согнутой пополам; скреплено сургучной печатью. Отпускная писана в Москве. А. П. Каменская по мужу принадлежала к тому роду Каменских, которые произошли от прусского выходца Ратши, являющегося также родоначальником Пушкиных. Об этом пишет поэт в своем наброске родословной. А. П. Каменская отпустила свою крестьянку замуж за крестьянина Торгашова, принадлежавшего Л. А. Пушкину. Торгашовы свили прочное гнездо в Болдине. Многочисленная семья Торгашовых в том составе, в котором она здравствовала в Болдине в годы, когда там бывал поэт, выявлена в VIII ревизской сказке под № 75. Был также дворовый Торгашов в Болдине. В наши дни известен Василий Романович Торгашов, который «всеми своими корнями

врос в колхозную работу» («Наши дети их не знают» в номере «Крестьянской газеты» от 28 января 1935 г., посвященном современному Болдину).

№ 80. ДОНОШЕНИЕ И РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДЕЛУ О. А. ГАННИБАЛА О ЕГО ЖЕНИТЬБЕ НА У. Е. ТОЛСТОЙ

1781 г. Января 19

По представленному из Псковской духовной консистории доношению его преосвященства резолюция.

Как из сего дела явствует: 1-е, что законная господина Ганибала жена писмом своим от сожития с ним отреклась не прежде, как по оказавшейся уже к ней от него нелюбви; столь отвратительной, что он жить с нею не желал: и на первое писмо ея, чтоб он ее взял к себе, писал к ней в ответ: (как она в доказательстве объявила) с ругательством и приезжать к себе запретил, чего и сам он, Ганибал, не только ничем не опровергал, но еще в том, что он тое жену свою, якобы по злонравию и худым ея поступкам оставил, в ответе своем сам признался, что хотя б и подлинно от нея происходило, обязывало толко его употреблять благопристойныя меры: исправлять, а не оставлять законную жену свою. А потому и открылось, что начало к расторжению законнаго сего брака воспоследовало не от жены, но от мужа, следовательно и во второй брак вступил он, господин Ганибал, в противность слову божию и церковным правилам незаконно паче же беззаконно; 2-е, что ж касается до подозрения в прелюбодеянии показуемаго им, господином Ганибалом, на жену свою, сие показывать он начал в самое то время, когда уже сам от нее, чрез вступление его в незаконной брак, в явном прелюбодеянии обличен, до того ж времени, за сим акибы винословием о разводе с нею формальной прозбы не имел, да и ныне по начавшемуся уже о сем делу ничем того не доказал, сверх сего, по одному подозрению, хотя б и доказано было, без явнаго в прелюбодеянии обличения по слову божию и законам разводу чинить не следовало; 3-е, что же паки касается до извинения его, господина Ганибала, о вступлении его в незаконной брак, яко бы по дошедшему до него сведению о смерти законной жены его и будто бы учинилось сие чрез писмо брата его господина полковника Пушкина: но и сие оказалось несправедливым, ибо не только по отрицательству его, господина Пушкина, от того писма под клятвенным, ежели б потребовалось в том, уверением, но и по свидетельству консисторскому о несходстве того писма с писмом руки его, господина Пушкина, точно оное оказалось подложным, подлог сей обличается сверх того и самим его Ганибаловым показанием: что якобы оное подано ему — в Санкт Петербурге, в проезд его из онаго в Красное село на дороге от неизвестнаго ему солдата пред праздником рождества христова, а на том писме рукою подписано, что оное получено декабря 30-го дня 1778 года, читал же де оное писмо на ночлеге, каковаго по близости от Санкт Петербурга до Красного села и быть не могло, но хотя б оное писмо писано было и подлинно братом жены ево, тогда б он, господин Пушкин, толко подлежал суждению за сей обман; брак же, учиненной им, господином Ганибалом, с госпожею Толстою, яко при живой законной жене, не мог оставлен быть без расторжения; 4-е, писма, представленныя от него, господина Ганибала, и жены его, увольняющие друг друга от брачнаго сожития, как слову божию и законам государственным противныя, не могут быть силны к расторжению законнаго их супружества, почему и остается он, господин Ганибал, как в оставлении законной своей жены, так и во вступлении от нея в беззаконное супружество виновным; в слове же божи у Матфея в главе «19» положено: иже аще пустит жену свою разве

словесе прелюбодейнаго и оженится иною, прелюбы творит; в правилах святых отец первое шестаго вселенскаго собора 87: яже от мужа пущена бывши жена за другаго пойдет, прелюбодеица есть; и пустивы[й] жену свою и ину поим, прелюбы творит по господню глаголу; второе Карфагенскаго собора «107-е»: мал женца распущающаяся аще не смиритася, да пребудета тако: аще ли ни к поянию да понуждена будета, в толковании угодно быть отцем собора сего по евангельскому и апостолскому учению, никому же своея жены не изгнати просто, ни разлучитися от нея, аще же прилучится, или мужу восхотевшу или жене, разлучитися от сожителства и не смиритися и не восхощета паки снитися и купно жити: да пребудут тако во единстве и другому браку да не сочетаются, понеже аще кто пущеницу поиметь, прелюбы творит: аще же муж поимет иную жену или жена иного мужа, в покаяние да приведется и любодейства запрещение да приимут; третье, Василия Великаго 9-е: аще муж жену пустит и ину поимет, и сам прелюбодей и той прелюбы деяти творит, и живущая с ним прелюбодеица есть; четвертое: его ж 77-е — иже свою жену оставя и другую поим, прелюбодей сый: седмь лет запрещение да приимет, лето едино да плачется; два лета послушая божественных писаний, три лета припадая и седмое стоя с верными без общения и потом да причастится святых даров; военных процессов в главе 20 артикул 171: кто при живой жене своей на другой браком сочетается и тако две жены разом иметь будет, онаго судить церковным правилом; той же главы артикул 172: а ежели супруг или хотя супруга к тому обмануты в супружество вступить с тем, кто уже женат: оный от всякаго наказания уволен, и в прежней чести и достоинстве содержан будет. Того ради учинить консистории следующее: «1-е». Брак сей господина Ганибала с госпожею Толстою, как противной слову божию, правилам святых отец и государственным узаконениям, а потому и беззаконной, расторгнуть вовсе и в брак не почитать, и чтоб он, Ганибал, ее, госпожу Толстую, своею женою, а она его мужем не именовали и незаконнаго сожития не имели, в том обоих их обязать подписками, о чем как во Псковское наместничество, так и законной жене его, Ганибала, дать знать по надлежащему; «2-е» ему Ганибалу: естли законная жена его сожития иметь с ним паки пожелает, быть в супружестве с нею по прежнему. В чом и поручить кому следует зделать им увещание, а буде она непреклонною к тому окажется: то ему, Ганибалу, яко в явном прелюбодеянии обличенному, быть по смерть свою или жены его безбрачну; «3-е», сей же его, Ганибала, жене, естли жить с ним не согласится, равно, как и второй незаконной, как невинным лицам, когда вступить пожелают в другие законныя супружества — дозволить; «4-е», на него, Ганибала, за сие законопреступление, в силу святых отец правил, наложить церковную седмилетнюю епитимию. А имянно: «1-е» год содержаться ему в монастыре: чего ради и истребовать его по команде, откуда подлежательно, где, будучи, приходить ему на всякое церковное пение и просить со умилением от бога прощения в своем согрешении, в кели[и] же упражняться в чтении духовном книг и молитве: что наблюдать самому настоятелю или кому от него поручено будет, притом во все четыре поста постится и исповедывается, а до святого причастия, как в сей, так и в протчие шесть лет, кроме смертнаго случая, не допущать; «2-е», по прошествии года, естли окажет плоды, достойныя покаяния, от монастырскаго подначалия освободить, и отправлять ему оную епитимию, где находится будет, под присмотром отца его духовнаго; «3-е», естли законная жена его, Ганибала, и он жить паки вместе согласятся — доложить: почему, и о уменшении возлагаемой

епитими[и] будет разсмотрение; «4-е», что ж касается до показаннаго в прошении его, Ганибала, законной жены с дочерью пропитания, объявить ей, чтоб просила она о том, где по законам надлежит; «5-е» священника, совершившего сей беззаконной брак, за некоторые, о чем в деле явствует, его в том упущения послать в монастырь без священнослужения в крылосное послушание на полгода. 1781 года Генваря 19 дня. У подлинной резолюции подписано тако: Иннокентий архиепископ псковский.

Рукопись представляет собою копию, вырванную из дела (3 лл.). Текст резолюции (последняя треть документа) впервые опубликован В. Михневичем до пункта 4-го резолюции («Исторический Вестник» 1886 г., январь, стр. 119—120) по «Делу капитана Ганнибала с первою его женою Пушкиною», 111 лл. — Осип (Яннуарий) Абрамович Ганнибал (1744—1806), дед поэта. Владелец по разделу с братьями с. Михайловского; служил в артиллерии, с 1770 г. майор. В 1773 г. женился на Марии Алексеевне Пушкиной, от которой имел дочь Надежду (мать поэта); затем служил заседателем Псковского совестного суда, потом был членом губернского правления (псковского и петербургского). Прожив с женой около четырех лет, О. А. Ганнибал скрылся. Вскоре он сошелся с новоржевской помещицей Устиньею Ермолаевной Толстой (рожд. Шишкиной), вдовой капитана Ивана Толстого, и обвенчался с нею 9 января 1779 г. в церкви погоста Апросьева Новоржевского уезда, при чем представил священнику фальшивое свидетельство в удостоверение своего вдовства. А. С. Пушкин писал: «дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатным братом моей матери); и сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в черноморский флот» (Пушкин, изд. «Красной Нивы», т. V, стр. 490). Обстоятельства расторжения брака, о котором пишет поэт, вскрываются в публикуемом документе.

его преосвященство — Иннокентий (Нечаев) (ум. 1799 г.)—архиепископ псковский с 1770 по 1798 г., когда уволен на покой.

письмо брата ее господина полковника Пушкина — Михаил Алексеевич Пушкин (1745—1793), с 1776 г. подполковник Орденского Кирасирского полка, опекун Надежды Осиповны Ганнибал, в 1792 г. председатель Петербургской палаты уголовного суда. — По поводу письма, из которого будто бы Ганнибал узнал о мнимой смерти своей жены, М. А. Пушкин показал: «по объявлении мне сего письма, по совести и присяжной должности и по чести моей уверяю, что оное писано и подписано подлинно не моею рукою» («Исторический Вестник» 1886 г., январь, стр. 127).

Красное село — Царскосельского уезда, Петербургской губ.

читал же де оное письмо на ночлеге, какового по близости от С.-Петербурга до Красного села и быть не могло — О. А. Ганнибал заявлял, что «по бывшей тогда темноте» он не читал письма тотчас же по его получении, а распечатал только на ночлеге в деревне Пановой («Исторический Вестник» 1886 г., январь, стр. 125).

Карфагенский собор (419—426 гг.) собрал правила прежних соборов и, пересмотрев их, одобрил к руководству. Так составилось 147 правил, принятых церковью в канон под одним наименованием правил Карфагенского собора.

Василий Великий (330—379) — авторитетный церковный писатель. «Правила Василия Великого» вошли в «Правила вселенских, поместных соборов и св. отцов».

эпитимия — церковное наказание.

четыре поста — великий пост, петровский (в июне), успенский (в августе) и рождественский (в декабре).

№ 81. КОПИЯ С ОТКАЗНОЙ КНИГИ НА ДВИЖИМОЕ И НЕДВИЖИМОЕ ИМЕНИЕ Е. Л. ПУШКИНОЙ

1800 г. Февраля 29

1800-го года, февраля 29-го дня, Лукояновскому нижнему земскому суду, в сходственность присланнаго во оной суд из Лукояновскаго уезднаго суда прошлаго 1799-го года, декабря 8 дня, указа собранные

в понетые сторонние люди, а именно: Лукояновской округи сел — Михалкова Майдану священник Максим Иванов, госпожи графини Варвары Петровны Разумовской старшина Яков Дмитриев, редовые Михайла Иванов, Данила Иванов, Слободы священник Степан Алексеев, староста Василей Петров, старшина Андрей Леонтьев, редовой Осип Федоров, Казеннаго Язу, Болдино тож, соцкой Давыд Антонов, редовые Прокофей Яковлев, Василий Павлов, Михайла Карпов, Григорий Васильев; селца Суморокова малолетных господ Пантусовых староста Петр Андреев, редовой Силантей Яковлев, деревни Новоуспенской, Полянки тож, госпожи девицы Елисаветы Львовны Пушкиной староста Алексей Васильев, соцкой Федор Исаев, редовые Яков Прокофьев, Антон Семенов, Степан Степанов, Алексей Григорьев и Андрей Герасимов, по самой сущей справедливости сею скаскаю показали, что состоящее у девицы Елисаветы Львовны Пушкиной доставшееся ей после покойнаго деда ее роднаго Александр Петрова Пушкина по учиненному ею в 795-м году, сентября 6-го дня, с матерью ее, вдовствующей подполковницей Ольгой Васильевною, и з братьями ей, Елисавете, лейб-гвардии порутчиком Васильем и коллегским ассесором Сергеем Львовыми Пушкиными разделу движимое и недвижимое имение Лукояновской округи в деревне Новоуспенской, Полянки тож, как то по нынешней 5-й ревизии и с новорожденными после оной ревизии мужеска полу триста десять душ, женска триста девить душ, с принадлежащею оным крестьянам землею, всего сто двадцеть восимь четвертей один четверик и четь в поле, а в дву потому ж, с лесы и с сенными покосы и со всеми принадлежащими угодьи находятся в действителном вышеписанной госпожи девицы Елисаветы Львовны Пушкиной владении, и оное движимое и недвижимое имение выморочным за вины и доимки, отписным и в запрещений не состоит, и никому ни за что не отошло; к подлинной скаске руки приложены тако: к сей скаске священник Максим Иванов руку приложил; к сей скаске священник Стефан Алексеев руку приложил; к сей скаске села Болдина иерей Ияков Гаврилов руку приложил; к сей скаске села Болдина иерей Петр Васильев и вместо вышеписанных села Болдина, Яз тож, и селца Суморокова понятых, значущихся выше сего по именам, за неумением грамоте по самоличной их прозбе руку приложил; к сей сказке вместо бывших понятых, значущихся выше сего по имянам, сел Михалкова Майдану и Слабоды ея сиятелства графини Варвары Петровны Разумовской за неумением их грамоте по их прошению означенных селеньев земской Петр Михайлов руку приложил; к сей скаске поверенной Гаврила Козлов за себя и вместо вышеписаннаго старосты Алексея Васильева и всех крестьян по самоличной их прозбе за неумением их грамоте и писать руку приложил.

1800-го года, февраля 29-го дня, Лукояновской нижней земской суд, в сходственность присланнаго в него из Лукояновскаго уезднаго суда прошлаго 1799-го года декабря 8-го дня указа, при нижеписанных сторонних людях, состоящее у девицы Елисаветы Львовны Пушкиной доставшееся ей после покойнаго деда ее роднаго Александр Петровича Пушкина, по учиненному ею в 795-м году сентября 6-го дня с матерью ее вдовствующей подполковницей Олгой Васильевною и з братьями ей, Елисавете, лейб гвардии порутчиком Васильем и коллегским ассесором Серьгеем Львовыми детми Пушкиными разделу, движимое и недвижимое имение Лукояновской округи в деревни Новоуспенской, Полянки тож, на месте свидетельствовано.

А по свидетелству оказалось:

Подлинно в означенной деревни Новоуспенской, Полянки тож, по нынешней пятой ревизии и с новорожденными после оной ревизии

мужеска триста десить, женска триста девить душ, с принадлежащею оным крестьяном землею, выморочными за вины и доимки, описными и в запрещении не состоят, а находится оное движимое и недвижимое имение в действителном объявленной девицы Елисаветы Пушкиной владении, и из онаго имения никуда и ни за что не отошло.

При оном свидетелстве находились собранные в понятые сторонние люди, а именно: сел — Михалкова Майдану священник Максим Иванов, того ж села госпожи графини Варвары Петровны Разумовской старшина Яков Дмитриев, редовые Михайла Иванов, Данила Иванов, Слободы священник Степан Алексеев, староста Василий Петров, старщина Андрей Леонтьев, редовой Осип Федоров, Казеннаго Язу, Болдино тож, соцкой Давыд Антонов, редовые Прокофей Яковлев, Василий Павлов, Михайла Карпов, Григорий Васильев, селца Суморокова малолетних господ Пантусовых староста Петр Андреев, редовой Силантий Яковлев, деревни Новоуспенской, Полянки тож, госпожи девицы Елисаветы Львовны Пушкиной староста Алексей Васильев, соцкой Федор Исаев, редовые Яков Прокофьев, Антон Семенов, Степан Степанов, Алексей Григорьев и Андрей Герасимов; к подлинному свидетелству руки приложены тако: к сему свидетелству священник Максим Иванов руку приложил; к сему свидетелству священник Алексеев руку приложил; к сему свидетелству села Болдина иерей Иаков Гаврилов руку приложил; к сему свидетелству села Болдина иерей Петр Васильев и вместо вышеписанных села Болдина, Яз тож, и селца Суморокова понятых, значущихся выше сего по именам, за неумением их грамоте по самоличной прозбе руку приложил; к сему свидетелству в место бывших при оном свидетелстве значущихся выше сего по имянам сел Михалкова Майдану и Слободы ея сиятелства графини Варвары Петровны Разумовской понятых за неумением их грамоте по их прошению означенных селениев земской Петр Михайлов руку приложил; к сему свидетельству вместо вышеписаннаго старосты Васильева и крестьян по самоличной их прозбе, за неумением их грамоте и писать, поверенной Гаврила Козлов руку приложил.

Копия

1800-го года, февраля 29-го дня, в присланном его императорскаго величества из Лукояновскаго уезднаго суда в Лукояновской нижней земской суд указе написано: тот де суд по делу, производившемуся в том суде, начавшемуся в 6 день октября 799-го года по двум прошениям, поданным — первому от имени вдовы подполковницы Ольги Васильевой и детей ее лейб гвардии поручика Василия и коллежскаго ассесора Сергея Львовых детей Пушкиных; — а последнему дочери ее, девицы Елисаветы Львовой Пушкиной же; и повереннаго их служителя Гаврилы Тимофеева сына Козлова: о справке и об отказе за показанных господ его состоящаго Лукояновской округи в селе Болдине и деревне Новоуспенской, Полянки тож, движимаго и недвижимаго с людьми и со крестьяны имения, по учиненному ими между себя в 6 день сентября прошлаго 795-го года разделу, утвержденному Московскаго нижнего надворнаго суда вторым департаментом; и имянно за первых вообще Болдинскаго; а за последнею в деревне Новоуспенской состоящаго со всеми принадлежащими к ним угодьи по которому означенной поверенной Козлов во 2-й день ноября месяца по силе заключенной в том суде резолюции данным суду сведением показал, что состоящее за означенными господами его в показанном селе Болдине с выселенною из онаго в прошлом 776-м го-

ду деревнею Новоуспенскою, Полянки тож,—недвижимое имение 589-ть четвертей в поле, а в дву потому ж, есть невыморочное: а дошедшее им по наследственной линии, от их предков: которое имение: из за них ни за что не отписано и из вышеописаннаго количества пашни и протчих угодий посторонним владельцам ни по каким укреплениям не выбывало: а в действительном состоит господ его владении безспорно; ко владению коего никто, кроме их, законнаго права не имеет; что ж лежит до того, что нет ли на оную от кого каковаго либо спору, то на сие объяснить имеет следующее, что показанная господ дача в некоторых местах по произшедшим во время генеральнаго земель размежевания: с окрестными селениями, как то з деревнями Пикшенью, Перьмеевою и с селом Пустошъкаю Арзамаской округи; в границах меж спорами: акружною межою с теми смежными селениями обойдена: с постановлением спорных столбов и об оном производится Правительствующаго сената в Межевом департаменте дело: поколенную же фамилии Пушкиных роспись притом приложил: а в представленных в тот же 2-й день ноября от него, Козлова, при прошении в доказательство на право принадлежности господам его того имения письменных за надлежащим свидетельством документах значит в жалованной: 7200-го году, ноября в 6-й день, от великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцев: окольничему Ивану Федоровичу Пушкину написано: в прошлом де во 127-м году за московское осадное сиденье дана отцу его вотчина в Арзамаском уезде в Залесном стану за Шатковскими вороты село Болдино, что была деревня Забортники, под большим мордовским черным лесом; и та де вотчина написана за отцом его в писцовых и в межевых книгах: а после де отца его та вотчина, село Болдино, справлено за ним, и владеет он, окольничей наш Иван Федрович: а как де писцы в Арзамаском уезде Тимофей Измаилов с товарищи писали и межевали, и то его вотчину село Болдино, они, писцы, написали и межевали под большим черным лесом, и тот черной большой лес в межевой книге под селом его Болдиным написан был есть, и на ту де вотчину на село Болдино писцы Тимофей Измайлов с товарищи дали выпись за своими печатми; а в той де выписи написали людем его и крестьянам въезжать для дров и хоромнаго лесу в тот большой черной мордовской лес, что подошел блиско вотчины его села Болдина, а в писцовой де книге они писцы, чтоб крестьяном его в черной большой мордовской лес въезжать для дров и хоромнаго лесу, прописали: а крестьяном де ево села Болдина по той писцовой выписи для дров и хоромнаго лесу ездить и по сие число в тот черной в большой мордовской лес, что под селом его Болдинам; а по нашему де великих государей указу и по докладным выпискам в такия большия черныя леса для дров и хоромнаго лесу крестьянам въезжать велено, хотя и в писцовых книгах не написано; и нам великим государем пожаловать бы его велеть крестьяном села Болдина в тот большой в мордовской черный лес, что под вотчиною ево под селом Болдиным, по прежнему ездить для дров и хоромнаго лесу и всякаго угодья опричь делнаго деревья против нашего великих государей указов против прежней выписи Тимофея Измайлова с товарищи, и о том послать к тебе нашу великих государей грамоту; а в Арзамаских книгах писма и меры Тимофея Измайлова с товарищи 129-го, 130-го, 131-го году в Залесном стану за Шатковскими вороты в вотчинах написано за Федором Федоровым сыном Пушкиным по жалованной их ввозной грамоте, что ему дано за московское осадное сидение 127-го году село Болдино пашни паханныя вотчин-

никовы дватцать пять четей, да крестьянские пашни восимь четей, да перелогу шездесят семь четей, а всего сто четей в поле, а в дву потому ж, земля добра, сена меж поль и по заполью и по вражкам и реке Азанке по обе стороны четыреста копен; да в межевых книгах письма и межеванья его ж Тимофея Измайлова, 132-го и 133-го году, за Шатковскими вороты в межах написано: межа Федора Федорова сына Пушкина вотчинной земли села Болдина от Алаторскаго усаду, подле черной лес до стараго селища Болдина, а подле черной лес до речки Мокшандейки, а Мокшандейкою вниз до речки Азанки, а речкою Азанкою вниз до устья речки Жималейки, а речкою Жималейкою вверх до песочнаго врага, врагом до чернаго лесу, а подле чернаго лесу да Помск Поималей враг, а по руски олховой враг, а врагом до речки Азанки ж и вниз по Азанке по правую сторону, подле черной лес до крутова врага, а от крутова врага истоком в речку Азанку и по тем урочищам по правую сторону земля Арзамаскаго уезду села Болдина, а по левую сторону земля Алаторскаго уезду, за Помск Помалеем врагом Федорова ж вотчиная земля Пушкина деревня Нефедьева, а Казаринова тожа; и во 190-м году ета Федорова вотчина Федорова сына Пушкина справлена за сыном ево, за окольничем нашим за Иваном Федоровичем Пушкиным в вотчину ж со всеми угодьи; да во 192-м году, марта в 6-ой день, послана наша великих государей грамота в Арзамас к воеводе к Ивану Монастыреву по челобитью окольничего нашего Ивана Федоровича Пушкина и велено в Арзамаской уезд в Залесной стан за Шадковские вороты на погари и на полянки и на росчиски промеж вотчинной земли окольничего нашего Ивана Федоровича Пушкина села Болдина и большаго чернаго лесу послать кого пригож, да про те полянки и погари и росчисти сыскать, да буде по сыску погари и полянки и росчисти есть и владеют ими крестьяне окольничего нашего Ивана Федоровича Пушкина села Болдина; и те полянки и погари и росчисти измеря в десятины, а в них пашней на двести четей в поле, а в дву потому ж, отказать окольничему нашему Ивану Федоровичу Пушкину в поместье со всеми угодьи; и в описных и мерных и отказных книгах Арзамаские приказныя избы подьячего Дмитрия Саблукова 192-го года, июля в 12 день, написано: по обыскам измерено и отказано окольничему нашему Ивану Федоровичу Пушкину в Арзамаском уезде в Залесном стану за Шатковскими вороты погари и полянки и росчисти от его окольничего нашего Ивана Федоровича вотчиной земли села Болдина по заполью от стараго селища Болдина вверх по речке по Мокшандейке, а от речки Мокшандейки против стараго селища полянския мордвы в лес едучи налево до урочища крутой вершины Ундалейки, а от вершины вниз тем врагом до речки Ечи, а от речки Ечи до рубежа стольника Ивана Андреянова сына Апраксина деревни Срезнева до истоку, которой исток течет в речку в Салю, а от ыстока вверх на крутой враг, а крутым врагом вниз до речки Азанки, а чрез речку Азанку на Помалеи Помский враг, а по руски олховой враг, а Помским врагом вверх, а ис того врага на вершины песочнаго врага, а песочным врагом вниз до вотчинной земли окольничего нашего Ивана Федоровича Пушкина, а в них пашни на двести четей в поле, а в дву потому ж, в поместье со всеми угодьи; а по памяти из приказу Казанскаго дворца за приписью дьяка Ермилы Никитина 199-го ноября в 10-ый день в Алаторских писцовых книгах Дмитрия Пушечникова да подьячаго Афонасья Костяева 132-го, 133-го и 134-го году а в Пьянском стану написано: за Федором Федоровым сыном Пушкиным жеребеи в деревне Нефедьеве, Казариново тож, на речке на Сале да деревня Темяшева на речке на Чеке и тех деревень крестьяном по

тем писцовым книгам: велено лес сечь в большом черном мордовском лесу опричь бортнаго деревья; а в межевых книгах тех же годов написано: межа деревни Нефедьева стольника Никиты Бобарыкина с Федором Пушкиным той же деревни Нефедьевой по урочищам; а в той меже написано: по правую сторону земля Федора Пушкина, а по левую сторону земля Никиты Бобарыкина с матерью и сестрою; а в другом поле, что от села Болдина, от усаду от деревни Нефедьевой по урочищам и по граням до межи ж Максимовской пустоши с Арзамаскою землею села Болдина правая сторона — земля села Болдина, а левая сторона — земля пустоши Максимовской; в жалованной же грамоте ему ж окольничему Ивану Пушкину 192-го году июня во 12-й день по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев и по наказной памяти стольника и воеводы Ивана Леонтьевича Монастырева да подьячего Никиты Тугаринова: велено Арзамаския приказныи избы подьячему Дмитрию Саблукову ехать в Арзамаской уезд в Залесной стан за Шатковския вороты на погари, на полянки и на росчисти в урочищах промеж вотчинной земли окольничего Ивана Федоровича Пушкина, для того в нынешнем во 192-м году майя в 29-й день послано в Арзамас великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцев грамота ис Поместнаго приказа столнику и воеводе Ивану Леонтьевичу Монастыреву за приписью дьяка Василья Лукина; а в грамоте великих государей написано: в прошлом во 191-м году, июля в 23-й день, бил челом великим государем околничей Иван Федорович Пушкин, вотчина де у него в Арзамаском уезде в Залесном стану на Шадковскими вороты село Болдино, а под тою де ево вотчиною есть погари и полянки и росчисти в урочищах промеж села Болдина и болшаго лесу, а будет де в тех погарях и росчистях и в полянках четвертныя пашни на двести четвертей и те де погари и росчисти лежат порозжи, никому не отданы; а владеет де теми росчистми и полянками и погарями крестьяне ево села Болдина многие годы; и великим государем пожаловать бы ево велеть те погари и росчисти и полянки отдать ему в поместье со всеми угодьи; а по книгам Арзамаскаго уезда писма и меры Тимофея Измайлова с товарищи 129-го и 130-го и 131-го году против челобитья окольническаго, Ивана Федоровича Пушкина, тех погарей и полянок и росчистей в поместье и в вотчине и в порозжих землях ни за кем не сыскано; и потому ево окольничего Ивана Федоровича челобитью в нынешнем во 192-м году, ноября в 5-й день, послано их великих государей грамота в Арзамас к межевчику к Федору Протасьеву да к подьячему Григорью Молчанову; а велено им о тех погарях и полянках и росчистях против челобитья ево окольническаго Ивана Федоровича Пушкина указ чинить по их великих государей указу и по наказу, и каков им дан ис поместнаго приказу; в тот же 12-й день июня по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев, Арзамаские приказные избы подьячей Дмитрей Саблуков, приехав в Арзамаской уезд, в Залесной стан за Шедковския вороты на погари и полянки и на росчисти в урочищах промеж вотчинной земли околничего Ивана Федоровича Пушкина села Болдина и большаго лесу, взяв с собою понятых, сколко человек пригож; да про те погари и росчисти и полянки сыскивал болшим повальным обыскам всяких чинов многими людми, и по сыску и при понятых на тех погарях и полянках и росчистях переписал пашню паханную и перелог и что лесом поросло, по пашне мерил в

десятины; а десятину мерял в длину по осмидесят сажен, а поперег тритцать сажен, а по мере в тех погарях и росчистях и полянках четвертныя пашни и по смете понятых, что лесом поросло в урочищах от вотчинной земли околничего Ивана Федоровича Пушкина села Болдина по заполью, от старова селища Болдина вверх по речке Мокшандейке, а от речки Мокшандейки против старова селища полянкинские мордвы в лес едучи налево до урочища крутой вершины Ундалейки, а от вершины вниз тем врагом до речки Ечи, а от речки Ечи до рубежа стольника Ивана Андреянова сына Апраксина деревни Срезнева до истоку, которой исток течет в речку Салю, а от истока вверх на крутой враг, и крутым врагом вниз до речки Азанки и чрез речку Азанку на Помалеи Помский враг, а по руски Алховай враг, а Помским врагом вверх, а с Помскаго врага на вершины песошнаго врага, а песошным врагом вниз до вотчинной земли окольничего Ивана Федоровича Пушкина села Болдина на двести четвертей в поле, а в дву потому ж, отказал окольничему Ивану Федоровичу Пушкину в поместье с сенными покосы и со всеми угодьи. В променной 189-го года, июля в 30-ый день, стольника Ивана Федорова сына Пушкина да алаторца Данилы Любимова сына Зубарева изъяснено: по государеве цареве и великаго князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца грамоте ис приказу Казанскаго дворца за приписью дьяка Тимофея Литвинова и по наказной памяти стольника и воеводы Дмитрия Ивановича Логовщина велено приказной избы подьячему Савинке Ожегову ехать в Алаторский уезд в Верхосурской стан в село Кунеево, да в Пьянской стан полянкинские мордвы на речку на Азанку, да на речку на Мокшандейку, взяв с собою тутошних и сторонних людей, старост и целовальников и крестьян, сколько человек пригож: да в тех их меновых поместьях велено описать пашню паханую и перелог и дикое поле и сено и лес с всякия угодья, а описав те их меновныя поместья в Ыванове поместье Пушкина в селе Кунееве пашни три четверти в поле, а в дву потому ж, велено отказать алаторцу Данилу Любимову сыну Зубареву в поместья; а Данилово променное поместье Зубарева полянские мордвы на Азанке речке да на речке на Мокшандейке пашни сорок четвертей в поле, а в дву потому ж, велено отказать столнику Ивану Федорову сыну Пушкину в поместье со всеми угодьи к старому его Иванову Алаторскому да к Мещерскому поместью, что у него осталось за меною к двустам к пятидесят четьям в его оклад в девять сот восемдесят четей; а Данилу Зубареву к алаторскому поместью, что у него осталось за меною к двустам ко семи четьям в его оклад в пять сот в девяноста четьи, да что им Ивану и Данилу в тех их меновных поместьях откажут пашню и сена и лесу и всяких угодей, а то все за ними велено написать в отказные книги подлинно по рознь, да те отказныя книги за своею откащиковою и сторонних людей за руками, которые на том отказе будут, привести в город на Алаторь и подать в приказной избе столнику и воеводе Дмитрию Ивановичу Логовщину; и подьячей Савинка Ожегов в Алаторский уезд, в Верхосурский стан, в село Кунеево, да в Пьянской стан полянкинские мордвы на реку на Азанку, да на реку на Мокшандейку с сторонними людьми ездил и в тех их меновных поместьях описал пашню паханую и перелог и дикое поле и лес и всякие угодья, а описав те их меновные поместьи, Иванова поместья Пушкина в селе Кунееве пашни три четьи в поле, а в дву потому ж, отказал алаторцу Данилу Любимову сыну Зубареву в поместье, а Данилово променное поместье Зубарева полянкинския мордвы на речке на Азанке да на речке на Мокшандейке пашни сорок четьи в поле, а в дву потому ж, отказал стольнику Ивану Федорову сыну Пуш-

кину в поместья со всеми угодья. В меновных же 190-го, августа 8-го, и 196-го годов, июня 5-го числ, означенным столником Иваном Федоровым сыном Пушкиным с новокрещеным Матвеем Ишеевым сыном да Иваном Аюкаевым сыном князь Салтагозиными написано: 1-й, по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев и по грамоте из Казанскаго приказу за приписью дьяка Семена Струкова и по наказной памяти столника и воеводы Никифора Лаврентьевича Сабакина велено Алаторской приказной избы подьячему Ивашке Давыдову ехать в Алаторской уезд, в Верхоменской стан Алатырскаго новокрещена в Матвеево променное поместье Ишеева сына князь Салтагозина на пустошь, что была деревня Чептогозина, на речку на Азанку, да в Пьянской стан в променное поместье окольничего Ивана Федоровича Пушкина полянкинской мордвы на речку на Азанку, да на речку на Мокшандейку, взяв с собою тутошних и сторонних людей, старост и целовальников и крестьян, сколько человек пригож; да в тех их меновных поместьях велено отписать пашню паханую и перелог и дикое поля и сено и лес и всякия угодьи; а описав те меновные поместья Матвея князь Салтагозина, а в нем пашни пятдесят четвертей в поле, а в дву потому ж, пустую землю без крестьян велено отъказать околничему Ивану Федоровичу Пушкину в поместья со всеми угодьи; и подьячей Ивашка Давыдов в означенное князь Салтагозина поместье на пустош, что была деревня Чептогозина, на речку на Азанку с сторонними людми ездил, да в тех их меновных поместьях описал пашню паханую и перелогу и дикое поле и сено и лес и всякия угодьи; а описав те поместья Матвея князь Салтагозина, а в нем пашни пятдесят четвертей в поле, а в дву потому ж, пустую землю без крестьян отказал околничему Ивану Федоровичу Пушкину в поместье со всеми угодьи; во 2 — по указу великих государей, царей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великия государыни благоверныя царевны и великия княжны Софии Алексеевны всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев, и по грамоте ис приказу Казанского дворца за приписью дьяка Ивана Кучецкого и по наказной памяти стольника и воеводы Степана Ивановича Козьмина-Кораваева велено подьячему Микитке Фомину ехать в Алаторской уезд, в Ыванова поместья Аюкаева сына князь Салтагозина, что ему дано из Степанова поместья князь Салтагозина, в деревню Чептогозину и при сторонних людях в той деревни, в его Иванове жеребью, велено описать пашню паханую и перелог и дикое поле и лес и всякое угодье, а описав то ево Иваново поместье князь Салтагозина в деревне Чептогозине и в ней пашни двенадцат четвертей в поле, а в дву потому ж, с сенными покосы и со всеми угодьи по заручной челобитной и по допросу велено отказать в поместье околничему Ивану Федоровичу Пушкину, да и в отказные книги велено написать подлинно, да те отказные книги за своею откащиковою и сторонних людей за руками привести в город на Алатор и подать в приказной избе столнику и воеводе Степану Ивановичу Кузмину; и подьячей Микитка Фомин в Алаторской уезд в Ываново поместье Аюкаева сына князь Салтагозина, что ему дано из Степанова поместья князь Салтагозина, в деревню Чептогозину со сторонними людми ездил и в той деревне в его Иванове жеребью описал пашню паханую и перелог и дикое поле и сено и лес и всякия угодьи, а описав то ево Иваново поместье князь Салтагозина в деревне Чептогозине, а в ней пашни двенадцать четвертей в поле, а в дву потому ж, с сенными покосы и со всеми угодьи по заручной челобитной и по допросу отказал в поместье окольничему Ивану Федоровичу Пушкину; кои, доставшись все так, как и

нижеследующие сего, Ивана Федоровича от сына Ивана ж по духовной двоюродному племяннику его Александр Петрову сыну Пушкину, за ним, Александром, по определению Вотчинной коллегии 718-го года три ста Арзамаской канцелярии подьячим Иваном Исаевым в марте, а последняго сто две Алаторской приказной канцелярии подьячим Яковом Мальцевым — отказаны; в променной 202-го году, сентября в 26-й день, ево ж, околничего Ивана Федоровича Пушкина, да алаторцов Спиридона Архипова сына да Семки Васильева Любовцовых значит: по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев, и по грамоте ис приказу Казанскаго дворца за приписью дьяка Ермилы Никитина и по наказной памяти стольника и воеводы Кирил Парфеновича Сомова да подьячаго Василья Волоцкаго велено Алаторской приказной избы подьячему Андрюшке Фомину ехать в Алаторской уезд в Пьянской стан на речку на Азанку, да на речку Мокшандейку в Федосеево поместье Любовцова с сторонними людми, да при тех сторонних людех в том Федосееве поместье Любовцова велено описать усады и на усадех места дворовые и пашню и сено и лес и всякия угодьи, а описав то поместье, а в нем пашни сорок четвертей в поле, а в дву потому ж, велено отказать внучатом его Федосеевым Спиридону Архипову сыну да Семену Васильеву сыну Любовцовым: да как им то дедовское поместье отказано будет, и то их Спиридоново и Семеново поместье Любовцовых по их мене пашни сорак четвертей в поле, а в дву потому ж, с сенными покосы и со всеми угодьи, велено отказать окольничему Ивану Федорову сыну Пушкину: да и в отказные книги то поместье за ним, окольничем Иваном Федоровичем, велено написать подлинно, да те отказные книги за своею откащиковою и сторонних людей за руками велено привести в город на Алатору и подать в приказной избе стольнику и воеводе Кириле Парфентьевичу Сомову да подьячему Василию Волоцкому; и Алаторской приказной избы подьячей Андрюшка Фомин в Алаторской уезд в Пьянской стан на речку на Азанку, да на речку на Мокшандейку в Федосеево поместье Любовцова с сторонними людьми ездил и при тех людех в том Федосееве поместье Любовцова, а описал усады и на усадех места дворовые и пашни и сено и лес и всякия угодья, а описав то поместье, а в нем пашни сорак четвертей в поле, а в дву потому ж, отказал внучатам его Федосеевым Спиридону Архипову сыну да Семену Васильеву сыну Любовцовым, да как их то дедовское поместье отказал, и то их Спиридоново [и Семеново] поместье Любовцовых по их мене пашни 40 четвертей в поле, а в дву потому ж, с сенными покосы и со всеми угодьи отказал окольничему Ивану Федоровичу Пушкину; да сверх всего вышеписаннаго нынешних владелцов отцем, подполковником Львом Александровым сыном Пушкиным, куплено в прошлом 1780-м году у новокрещена Якова Филипова, а ему дошедшее из служилых татар мурз Алаторскаго уезду деревни Старых Мочалей Батарши Резелова, да Сергачской округи деревне Краснояру Сеила, Муртаза, Ибрая Мустаевых детей Салтагозиных, да Алаторскаго уезду деревне Старых Мочалей от служилых же ис татар мурз Алембика, Молекая, Чотея Осяневых, Абляза Нагаева, Биктимера, Биткеля Бик Бяевых детей Салтагозиных, состоящее Лукояновской округи под селом Болдиным значущееся по писцовым книгам писма и меры Дмитрия Пушечникова да подьячего Афонасья Костяева 132-го и 133-го и 134-го годов в мордовских и татарских землях в поместье за Емяшем мурзою Болеевым сыном Салтагозиным пустош, что была деревня Чептогозина, на речке на Азанке, пашни перелогом сорак четвертей для дикаго поля шездесят четвертей и обо-

его пашни перелогом и дикаго поля сто четвертей в поле, а в дву потому ж; сена и деревни на уской [?] и пустоши Чептогозина по конец поль и меж пашен двадцать семь десятин, на десятине по двадцети копен и того пять сот сорок копен, да у Емяша да у Ишея Болеевых сверх их дачи лишния земли в пустоши, что была деревня Чептогозина, примерено сорак семь четвертей в поле, а в дву потому ж, а всего сто сорак семь четвертей, которое имение за ним, Львом Пушкиным, прошлаго 1784-го года, августа в 28-й день, справлена и отказана.

А законами повелено Уложенья 17-й главы, пунктами: 1-м, кого не станет, а после его останется жена бездетна, да после того же останутся братья родные и двоюродные и род, и те вотчины давати в род того умершаго, кого не станет, братьям родным и двоюродным и в род, кто кому ближе; а женам тех умерших, которые останутся бездетны, давати им из животов их четверть да приданое, а до родовых и выслужинных вотчин им дела нет апричь купленных вотчин, а которые вотчиники померли, а вотчины их после их по духовным и по данным их даны их племянницам и внучатам и правнучатам девкам, и тем вотчинам быти за ними по родству; 27-м, — кто вотчину родовую или выслужиную продаст или заложит, и его детям и внучатам впредь до тое вотчины дела нет и на выкуп им тое вотчины не давати; 31-м, буде кто купленую свою вотчину кому продаст или заложит или отдаст кому безденежно и крепость на ту вотчину даст или после своего живота кому откажет и в духовную напишет и у свидетельства та духовная будет неоспорена, и детям его, внучатам и иным его роду впредь до тое вотчины дела нет, и на выкуп им тое вотчины не отдавати; а будет у свидетелства духовную кто челобитьем оспорит, и то разымати судом; имянными указами 1-м, 716-го, апреля 15-го, мужу после жены умершей из всего недвижимаго и движимаго ее имения, какова бы звания что ни есть, обретающегося налично, также и в долгах, отдать четвертую часть; также и после мужа жене из его недвижимаго и движимаго дать четвертую часть потому ж, а будет муж по смерти жены останется, не имея с нею детей мужеска и женска полу, или жена по смерти мужа останется также, не имея с ним детей, и такому мужу по смерти жены из недвижимых и движимых ее имений и из долгов писменных дать из всего четвертую часть в вечное владение, а протчие три части недвижимых имений отдать по новосостоявьшемуся указу по первенству из детей; а будет детей не имеет, то в род ее наследнику по близости линий первому одному ж, а движимаго три части оставляются на разделение протчим наследникам ближним по линии равным по равным частям; такожде и по смерти мужа жене: бездетной из недвижимых и движимых ево имений и из долгов письменных давать из всего четвертую часть в вечное владение; а ее недвижимое и движимое, с чем она шла за него замуж или по родству ей данное по свидетельству письменному, при ней да будет: а протчие три части недвижимых имений отдать по указу по первенству из детей; а будет детей не имеют, то в род его наследнику по близости линии первому одному ж, а движимаго три части оставляется на разделение протчим наследникам ближним по линии равным по равным частям, 2-м, 724-го, февраля 5-го, кто неправдою станет бить челом и в том обличен пред судом будет, такого штрафовать взятьем из его таковою ж долею, о какой бил челом — например, буде о деревнях, столько деревень, буде о движимом каком, столько движимаго; из чего половину в гошпиталь, а другую надвое: половину судьям, а другая тому, на кого бил челом неправдою: на сие неправое челобитье не в том разуме, что кто в обыкновенной

тяжбе обвинен будет, но на таких, которые, видя свое дело, о котором хочет бить челом, не правое, а сочинит, бутто правым какими подлогами; 3-м, 732-го, декабря 20-го, понеже в прошлом 1724-м году указе напечатано и во всенародное известие публиковано: какие штрафы и наказания за государственные и партикулярныя преступлении чинить велено: за государственныя преступления: кто в суде неправду учинит или в каком ни есть деле поверено или в чем его должность есть, а он той неправдой будет делать по какой страсти ведением и волею: такого яко нарушителя государственных прав и своей должности казнить смертию и имения лишить; за партикулярные преступления кто неправдою станет бить челом обличен будет, такого штрафовать взятьем из его ж такою долею, о какой бил челом; например, буде о деревнях, столко деревень, а буде о движимом каком, столько движимаго, из чего половину в гошпиталь, а другую половину надвое судьям, а другую — тому, на кого бил челом неправдою; 4-м, 763-го, декабря 15-го, 2-м пунктам: при явке недвижимых имений купчих, закладных, духовных и всякаго звания крепостей, при подаче о справке наследствам тех недвижимых имений челобитен, от той коллегии и от ея конторы справливаясь, как ноискорея: сколько кому отказать будет должно: потому и брать с тех с каждой четверти по три копейке, кое и прежде по силе указов 1715-го и 1724-го годов браны были; межевой инструкции 9-й главы 1-м пунктом: ко всем владельческим селениям и пустошам земли с угодьями утверждать по писцовым книгам, по жалованным и правым, по послужным и ввозным грамотам по выписям: с дозорных, с раздельных и отказных книг и по данным с дел копиям, которыя даны из тех мест, где такие дела были ведомы за судейскими и за дьячьими и секретарскими скрепами и по выписям же с отказных, с дозорных и с отдельных книг за воеводскими и подьячих, которые в городах были с приписями, и за отдельщиковыми руками: по купчим и закладным и по всяким дачам и крепостям, на которых спора и челобитья не будет; из даннаго в 775-го, ноября 7-го, О управлении губернии Всероссийской империи учреждения, 17-й глазы 224-ю частью нижней земской суд адин в уезде право имеет приводить [в] действие повелении правления решений палат верхних уездных судов и чинить отказы. Полученными из бывшей Нижегородской гражданской палаты в тот суд указех изъяснено: 1-ым, с прописанием Правительствующаго сената 1-го департамента указа ж, полученнаго в нее 9-го октября 783-го, а в тот суд того ж октября 30-го по имянному де указу, состоявшемуся апреля 7-го дня 1765-го года, повелено Вотчинной коллегии иметь записные спорным и неспорным делам по алфабиту владельцовых фамилей сел и деревень и пустошей книги на паргамене, имая на покупку того паргамена в Санктпетербурге и в Москве по спорным делам при подписании решителнаго определения по денге с четверти, кои и велено присылать для записи в приход в ту палату, 2, — в полученном 18-го октября ж 784-го по указу де ея императорскаго величества Палата гражданскаго суда, имея разсуждение, что в уездные здешняго наместничества суды, а частию и в нижния расправы вступают от разных челобитчиков о справке и об отказе за ними доставших к ним по праву наследства и по разным укреплениям приобретенных недвижимых имениев прозьбы, по каким в оныя суды и расправы и в Государственной вотчинной коллегии чрез ту палату: хотя и присылаются произведенныя на те недвижимыя имения прежним оных владелцам дачи, но разсматриваются ль они ими подробно: то-есть бывают ли сочиняемы в тех местах и расправах из оных дач и изо всего таковым делам произ-

водства: тако ж и из приличных к тому законов и решению подлежащие выписки, и берутся ль от просителей на основании Правительствующего сената 1775-го года, февраля 6-го дня, указа и прежних о том указов о вотчинниках тех имений: и потом как их обстоятельныя поколенныя росписи и подлежащия по содержанию 190-го году указу скаски в том, что те имения, о коих они просят, не вымороченыя ль и не отписныя, и из дач четверной пашни прочих угодей не выбыло ль чего по каким крепостям и зделкам куда либо посторонним владельцам и во владении состоят за ними ль просителями безспорно; а после тех прежних вотчинников не имеется ль кроме их просителей других наследников и наследниц, а равномерно сему по встречающимся от просителей о неимеющихся в других присудственных местах о тех же имениях каковых либо делах, по показаниям чинятся ль об оных в тех судах и расправах по силе генеральнаго регламента 4-й главы по обстоятельствам дел надлежащие справки; и не происходит ли в зборе по тем делам следующих по силе Уложенья 18-й главы и мнения бывшей Печатной конторы печатных и с них на расход по силе указа 710-го года по деньге с рубля пошлин, какого упущения, того палате неизвестно; поелику ж таковыя вотчинныя дела со временем иногда вступать могут по порядку на апелляцию и в ту палату, то, дабы паче чаяния не могло в тех уездных судах и расправах в производстве и решении означенных дел произойти противнаго законам непорядка и упущения, а наипаче непоследовало б во вносимых на апелляцию делах недостатка в потребных к решению обстоятельствах, чрез то не навели бы они и палате напраснаго в переписках затруднения и решения дел излишняго промедления, во отвращении онаго приказали всем здешнего наместничества уездным судам и нижним расправам: наикрепчайше предписать указами с тем, чтоб они держались вышеписаннаго прояснения в производстве и решении вотчинных дел и в зборе по оным подлежащих в казну пошлин поступали по точности изданных на то законов без наималейшаго недостатка и упущения; чего для того мнения бывшей Печатной конторы во оныя суды и расправы и предоставить точные копии за надлежащим свидетельством; таковы ж в тот суд присланы при том указе, в котором между прочего написано: которые дворяне и дети боярские учнут справливать поместья свои и вотчины отец за сына или брат за брата или дядя за племянника и их по родству, а в государевых грамотах челобитье их будет написано, и с тех грамот печатных пошлин имати с челобитчиков, кто здаст поместье или вотчину, по полуполтине с человека, а за кем поместье и вотчины будут справлены, и с того с четверти по полутретьи деньги; при присланном из Нижегородскаго наместническаго, что ныне губернское, правления 10-го февраля 792-го указе в копии состоявшегося в Правительствующем сенате в 780-м декабря 26-го дня указа з докладных от Смоленской гражданской палаты по делам сумнительным пунктов и в опробации ея императорским величеством в 10-м пункте сказано: когда вотчиничи дела производились в Вотчинной коллегии: то и положенныя указом 763-го года с отказу земли пошлины собираны в ту ж коллегию; а ныне вотчинные дела производится имеют в уездных судах, а пошлину где брать, в уездных ли или в нижних земских судах, мнение палаты — в нижних земских судах, в разсуждении, что отказы имеют быть от тех судов; а оные суды должны те деньги отсылать к тамошним казначеям и полученную квитанцию представить в уездной суд на 10-й [день] в резолюции по примеру прежняго производства; то место берет пошлины, которое даст указ об отказе при самой отдачи онаго: по чему и теперь поступить, а нижней земской суд испол-

няет только самым действием то данное об отказе повеление; состоявшегося 2-го числ сентября 793-го годов всевысочайшаго манифеста в 9-й статье напечатано: помещикам, владеющим ныне без справке и отказа недвижимым имением, отсрочить по 1-е генваря 1800-го года взыскание с них четвертной пошлины, введенной с издания Уложенья и потом статьями 15-го декабря 1763-го года установленной, предписывая, дабы каждой владелец в течении вышеозначеннаго срока справил и отказал узаконенным порядком отчисляющееся за ним имение без платежа четвертной пошлины ни за себя, ни за прежних владелцов; ПРИКАЗАЛИ: 1-е, как вышепрописанных просителей подполковницы Ольги и детей ее лейб гвардии порутчика Василия и колежскаго ассесора Сергея и дочери девицы Елисаветы Пушкиных поверенной служитель Гаврила Козлов надлежащие в суд тот на право владения господ ево здешней округи в селе Болдине с выселенною из онаго деревнею Новоуспенскою недвижимым имением, дошедшим им от их предков: а оным пожалованным грамотам и другим укреплениям: как то от перваго их дачника Федора Пушкина во 127-м по жалованной грамоте — сто; да пожалованных же сыну ево окольничему Ивану во 192-ом, июня 12-го, — двести да выменных им же Иваном, 189-го, июня 30-го, у алаторца Данилы Любимова сына Зубарева на речках на Азанке и Мокшандейке—сорак: 190-го, августа 8-го, и 196-го, июня 5-го, у новокрещена Матвея Ишеева да у Ивана Аюкаева детей князь Салтагозиных, у перваго в пустоши, что была деревня Чептогозина на речке на Азанке — пятдесят, а у последняго в тех же местах — двенатцать, а у обоих шездесят две, кои, доставшись от сего сыну Ивану ж, а от Ивана по духовной двоюродному племяннику ево Александр Петрову сыну Пушкину, просительнице Ольге свекру, а детям ея родному деду, за него, Александра, по определению Вотчинной коллегии — триста, Арзамаской концелярии подьячим Исаевым, 718-го года в марте месяце, а сто две Алаторской приказной канцелярии подьячим Мальцовым того ж года, апреля 4-го дня, и отказаны; 202-го годов сентября 26-го числ у алаторцов Спиридона Архипова да Семена Васильева Любовцовых по тем же речкам Азанке и Мокшандейке — сорок, да покупных мужем просительницы Ольги, а детей ее отцем, подполковником Львом Александровым сыном Пушкиным в 1780-м году ис татар у новокрещена Якова Филипова к вышеписанным же местам и за ним отказанных — сто сорок три. А всего пять сот восемдесят девять четвертей в поле, а в дву потому ж, с лесы, с сенными покосы и со всеми угодьи доказательствы представил.

Поелику ж, 2-е, в предписанных селе Болдине и деревне Новоуспенской, как явствует из учиненной с поданными к нынешней пятой ревизии ревижскими скасками состоит мужеска полу: в 1-м — тысяча пятдесят, в последней — двести девяносто две души, а ис представленных от упоминаемаго повереннаго Козлова в суд тот при прошениях с разделных, учиненных между господ его, копий усматривается, что Ольга с сыновьями Васильем и Сергеем на часть свою по полюбовному з дочерью первой и с сестрою последних девицаю Елисаветаю согласию: положили принять село Болдино, предоставя ей, Елисавете, деревню Новоуспенскую всее без остатку с принадлежащими к ним что причтются землями и со всеми угодьи, а потому на первые тысяча пятьдесят душ из состоящих во общем села Болдина и деревне Новоуспенской у крестьян владении земли пяти сот восьмидесяти девяти причитается: четыреста шездесят четвертей шесть четвериков и три чети, а на последние двести девяносто две души сто дватцать восемь четвертей адин четверик и четь, каковое за вышереченных господ

Пушкиных порознь: и имянно за Ольгу с сыновьями к селу Болдину, а за девицу Елисавету к деревне Новоуспенской причитающееся количество по силе межевой инструкции 9-й главы 1-го пункта и отказать, чего для с прописанием всех вышеписанных обстоятельств в реченной нижней земской суд послать сей указ, повелев ему, 3-е, на основании бывшей Нижегородской палаты гражданскаго суда 784-го года, октября 10-го дня, указа о предписанном принадлежащим показанным просителям недвижимом имении от тутошних и посторонних селений священно и церковно служителей, старост выборных и лутчих крестьян, а где есть, то и от самих помещиков взять с указным подтверждением скаски и свидетельства: оное имение выморочным за вины и доимки отписным и в запрещении не состоит ли, также и к другим кроме тех просителей Пушкиных вотчинникам выбылых не окажется ль и буде никуда не отошло, а все без остатку за ними находится во владении, в таком случае: 4-е, оное имение по силе учреждения о губерниях 224 статьи, при собранных сторонних людях вышереченных господ Пушкиных, отказать, учиня означенныя скаски и свидетельство, также и отказныя за руками будущих притом сторонних людей книги на каждое двойным числом представить в тот суд; 5-е, ежели ж по тем свидетельствам и скаскам явится не против вышеписаннаго и при отказе имения сего произойдет спор или то недвижимое все или же часть некоторая из него явится в чьем другом постороннем владении, равным образом и еще какие-либо к отказу сего имения препядствия откроются или же другие персоны из онаго участия требовать себе станут, в таком случае безспорное по вышеозначенному отказать, а прочего, в котором к сему отказу препядствие откроится, не отказывая принять спорную прозбу, кою и представить на разсмотрение в суд тот.

И во исполнение онаго его императорскаго величества указа Лукояновской нижней земской суд, отправясь на место, по зделании свидетельства и по взятым от сторонних людей скаскам за вышереченную девицу Елисавету Львову дочь Пушкину доставшееся ей по учиненному разделу и дошедшее по наследству после покойнаго деда ее роднаго Александр Петрова сына Пушкина ж Лукояновьской округи в деревне Новоуспенской, Полянки тож, движимое и недвижимое имение безспорно отказал, а имянно — земли сто дватцать восим четвертей, адин четверик и четь в поле, а в дву потому ж, с лесы и с сенными покосы и со всеми принадлежащими угодьи, крестьян: Ивана Федорова, жену его Федосью Семенову з детми—сыновьями Раманом, Клементьем, Григорьем, Трафимом и дочерью девкаю Агафьею; брата его ж Дениса Федорова, жену его Авдотью Захарову з дочерью их Степанидою; Макара Фролова, жену его Агафью Степанову з дочерью их Пелагеею и брата его Петра Фролова, жену его Авдотью Петрову з дочерью их Мариною; Александру Васильева, жену его Настасью Сергееву з детьми их Осипом, Матвеем, Петром и Ариною; Осипову жену Аграфену Михайлову с сыном Платоном; Григорья Иванова и жену его Василису Алексееву з детьми их — Михайлою, Никитою и Натальею; Михайлову жену Матрену Павлову з детьми Федотам и Дарьею; Никитину жену Ненилу Варламову; Савву Васильева, жену его Марфу Васильеву с сыном их Макаром, жену его Марью Кузмину з детьми Степаном и Терентьем; Гаврилу Петрова, жену его Матрену Васильеву з дочерьми их Устиньею, Мариною, Ненилаю и Марьею; Антона Сергеева вдоваго з детьми его Никитаю и Кирилаю, Никитину жену Анну Васильеву з детьми их Матвеем, Александраю, Татьянаю и Марфою; Кирилову жену Татьяну Андреянову с сыном их Кузьмою; Ивана Филипова вдоваго з детьми его Ермолаем, Агафоном; Ермолае-

ву жену Аксинью Тимофееву; Антипа Филипова, жену его Авдотью Родионову з детьми их Павлом и Тимофеем, Павлову жену Матрену Федорову з детьми их Герасимом, Аграфенаю и Устиньею; Тимофееву жену Анну Терентьеву с сыном Гаврилою; Кузму Васильева, жену его Федосью Федосееву з детьми их Панкратом, Давыдом и Ларионом, Панкратову жену Анисью Федорову з детьми их Данилою, Прасковьею и Татьяною; Давыдову жену Матрену Артемьеву; Прокофья Михайлова, жену его Катерину Елизарову з детьми их Иваном, Василисаю и Марфою; Павла Ермолаева, жену его Матрену Дмитриеву з детьми их Макаром, Анною, Авдотьею, Ариною и Натальею; Ивана Дмитриева вдоваго с сыном Иваном и дочерью девкаю Устиньею; Иванову жену Афимью Иванову з детьми их Никитаю, Федорам, Марьею, Авдотьею, Аксиньею, Василисаю и Ульяною; Гаврилу Семенова, жену его Варвару Ефимову с сыном их Дмитрием; Петра Степанова, жену Авдотью Акимову з детьми Саввою, Федотам, Саламанидаю и Домнаю; вдову Софью Михайлову з детми Тимофеем и Прокофьем Алексеевыми, Тимофееву жену Дарью Федотову, Прокофьеву жену Прасковью Иванову з детьми их Яковам, Елизаром и Меланьею; Ивана Тихонова вдоваго з детми его Родионом, Васильем и Петром; Семена Терентьева вдоваго с сыном Андреем, жену его Степаниду Прокофьеву; его ж Терентьева внука Зиновья Лукьянова; Захара Артамонова, жену его Прасковью Васильеву з детьми их Назаром и Василисаю и со внуком Савельем Петровым, Назарову жену Федосью Максимову; Никиту Васильева вдоваго с сыном его Спиридоном, жену его Ненилу Андрееву; Дмитрия Семенова, жену его Мавру Петрову со внуком их Семеном Ивановым; Гаврилу Иванова, жену его Авдотью Иванову с сыном их Михайлаю, жену его Степаниду Иванову; Якова Прокофьева, жену его Лукерью Петрову с приимышем их Михайлаю Васильевым, жену его Анну Семенову з детьми их Савельем, Григорьем, Никитаю и Настасьею; Савельеву жену Пелагею Афонасьеву; Максима Ефимова, жену его Ненилу Семенову з детми их Никифором, Акулинаю, Марфою и Аннаю, Никифорову жену Василису Максимову з детьми Андреем и Натальею, вдову Афимью Афонасьеву з детми Федосеем, Егорам, Пелагеею и Федосьею Васильевыми, Федосееву жену Аксинью Тимофееву с сыном их Гаврилаю; Ананью Федорова, жену его Аксинью Яковлеву с сыном их Абрамом, жену его Татьяну Еремееву и с приимышем девкаю Катеринаю Ивановою; Савелья Васильева вдоваго з детьми его Ефимом, Исаем и сестрою девкаю Настасьею Васильевою, Ефимову жену Феклу Николаеву з детьми Степаном и Аринаю, Исаеву жену Дарью Иванову и з дочерью их Дарьею; Савельеву ж племянницу девку Просковью Евсевьеву; Дмитрия Родионова, жену его Марину Кузмину с сыном их Михайлаю, жену его Арину Семенову з детьми их Михайлаю, Федорам, Григорьем, Иваном и Аннаю, Михайлову жену Аксинью Никитину з дочерью Матреною, Дмитриеву ж внукаю девкаю Аксиньею Ивановою; вдову Пелагею Данилову з детьми ее Андреем, Анофрием, Авдотьею и Устиньею Максимовыми, Андрееву жену Прасковью Федорову з дочерью их девкаю Акулинаю; Тимофея Никитина, жену его Катерину Васильеву с сыном их Титом, жену его Арину Иванову з детьми их Акимом, Федорам, Ненилаю и Агафьею, Акимову жену Феклу Тимофееву с сыном их Максимом; Алексея Григорьева, жену его Прасковью Григорьеву с сыном их Артемием вдовым с сыном его Герасимом; Тимофея Васильева, жену его Авдотью Филипову з детьми их Иваном, Васильем, Лаврентьем и Петром; Иванову жену Салманиду Абрамову з детьми их Васильем, Кирилаю и Марьею; Васильеву жену Ульяну Филипову з дочерью Прасковьею; Федота Никифорова, жену его

Агафью Исаеву з детми их — Никитаю и Семеном; вдову Салманиду Максимову з детьми Филипом, Варвараю, Натальею и Аринаю Васильевыми; Петра Гаврилова, жену его Домну Тимофееву з детьми их Иваном, Иваном же, Степаном и Федорам; Иванову жену Катерину Васильеву, Иванову ж жену Федору Иванову с пасынкам его Григорьем Андреевым; Василья Лаврентьева, жену его Дарью Макарову; Алексея Семенова, жену его Матрену Макарову з детьми их Степаном, Осипом и Артемьем, Степанову жену Феклу Дмитриеву з дочерью Татьяною, вдову Арину Семенову; Петра Иванова, жену его Прасковью Гаврилову з детьми их Васильем, Федотам, Федором и Пелагеею, Васильеву жену Прасковью Иванову с сыном Потапом; Максима Иванова, жену его Афимью Семенову з детьми их Савельем и Маланьею, Савельеву жену Татьяну Кузьмину с сыном их Иваном; вдову Афимью Иванову з детьми ее Григорьем, Абрамом з дочерьми Домнаю и Лукерьею Александровыми, Григорьеву жену Марью Осипову з детьми Агафонам и Матренаю; Абрамову жену Василису Васильеву; вдову Афросинью Филипову з детьми ее Онофрием, Семенам и Спиридонам Дмитриевыми, Анофриеву жену Акулину Петрову з детьми их Никитаю, Аксиньею и Авдотьею; Семенову жену Федосью Алексееву з детьми их Осипом, Осипом же, Тимофеем и Марьею; Спиридонову жену Авдотью Макарову з детьми Петром, Михайлаю, Федорам и с племянником Васильем Кузьминым, Михайлу Степанова вдоваго з детьми его Александрою, Алексеем и Павлом; Александрову жену Арину Абрамову з детьми их Тимофеем, Яковам, Федорам, Прокофьем и Аксиньею; Тимофееву жену Марью Осипову; Алексееву жену Марфу Исаеву з детьми их Васильем, Осипом, Авдотьею, Матреною и Матреною ж, Павлову жену Пелагею Никитину; Андрея Герасимова, жену его Авдотью Петрову с зятем их Сидорам Антоновым, жену его Анисью Андрееву з детьми их Степаном, Федорам, Егорам, Макаром, Дмитрием и Аксиньею, Степанову жену Арину Иванову, Федорову жену Агафью Лукину; Семена Максимова, жену его Анну Сергееву с сыном их Сидорам, жену его Татьяну Артемьеву з детьми их Прокофьем и Устиньею; Тихона Максимова, жену его Домну Иванову з детьми их Никитаю, Артемьем и Фомою, Никитину жену Веру Федоровну с сыном их Яковам: Василея Степанова, жену его Аграфену Васильеву, з детьми их Яковам и Васильем, Яковову жену Февронью Леонтьеву з детьми их Петром, Алексеем, Ариною и Марьею, Васильеву жену Авдотью Петрову з детьми Осипом и Аксиньею; Степана Степанова, жену его Арину Исаеву з детьми их Яковам, Трифоном, Матфеем, Алексеем, Агафьею, Мариною и Федосьею; у Якова жену Аксинью Дмитриеву з детьми их Антоном и Устиньей; Кузьму Степанова, жену его Мавру Никитину з детьми их Платоном, Авдотьею и Настасьею; Алексея Васильева, жену его Дарью Сергееву з дочерью девкаю Марфою и племянников его Захара, Гаврилу и Якова Андреевых детей; Захарову жену Софью Григорьеву; Арефа Васильева, жену его Прасковью Матвееву з детьми Иваном, Авдотьею, Лукерьею и Дарьею; Ивана Прокофьева, жену его Татьяну Максимову с сыном их Иваном, жену его Авдотью Яковлеву з дочерьми их Аксиньею, Степанидою, Авдотьею и Марфою; Федора Григорьева, жену его Марью Васильеву з детьми Романом, Прасковьею и Матреною, Романову жену Катерину Ильину; Григорья Артемьева, жену его Аксинью Прокофьеву со внучатами их Андреянам, Никифорам, Осиповыми детьми; Еремея Григорьева, жену его Просковью Исаеву з детьми их Терентьем, Данилаю, Захаром, Марьею и Аринаю, Терентьеву жену Агафью Антонову; Алексея Григорьева, жену его Катерину Иванову з детьми их Федорам, Васильем, Артемьем,

Прокофьем, Григорьем, Трафимом и Фролом; Федорову жену Марфу Никифорову з дочерью Матреною; Васильеву жену Агафью Андрееву з дочерьею Анисьею; Антона Семенова, жену его Марью Ермильеву з детми их Игнатьем, Степаном, Петром, Иваном, Герасимом и Аздотьею; Игнатьеву жену Наталью Кирилову з детьми их Петром и Афимьею; Степанову жену Катерину Кузьмину з детьми Васильем и Натальею; Петрову жену Аксинью Федорову с сыном их Семеном, Ивановою женою Варвараю Гавриловою; Дмитрия Васильева. жену его Прасковью Анофриеву з детьми их Максимом, Семеном, Василисаю и Февроньею; Протаса Максимова, жену его Ненилу Семенову с приимышами их Михайлаю Кандратьевым, девкаю Агафьею Захаровою, Михайлову жену Марью Сергееву з детьми их Федорам и Андреем; вдову Марину Александрову з детьми ее Сергеем, Мироном и Маланьею Борисовыми детьми; Якова Макарова жену Прасковью Васильеву з детьми их Елизаром, Андреем и дочерью Салманидаю; Елизарову жену Анну Харитонову з детьми их Никитаю, Семеном и Анисимом; Андрееву жену Ненилу Александрову з дочерью их Аннаю, Дмитрия Семенова, жену его Афимью Егорову з детьми их Федорам, Иваном и дочерью Агафьею, Федорову жену Матрену Яковлеву з детьми Сергеем и Авдотьею; Иванову жену Федору Данилову с сыном их Никитаю; Афонасья Федорова, жену его Ненилу Васильеву з детьми их Прокофьем, Матвеем и Аринаю; вдову Аксинью Иванову з детми их Максимом Панкратовым и Прохорам Лорионовым; Максимову жену Афимью Савельеву з детьми их Матвеем, Федосьею и Мариною; Прохорову жену Матрену Семенову; Ивана Григорьева, жену его Агафью Ильину з дочерью их Агафьею; Григорья Фомина, жену его Арину Максимову з дочерьми их девками Настасьею, Авдотьею и Аграфеною; Александру Степанова, жену его Настасью Павлову з детьми их Захаром, Иваном и Марьею; Никиту Степанова, жену его Салманиду Васильеву з дочерьми их девками Аксиньею, Анною и Аленаю; Никитиною ж сестрою девкаю Аксиньею Степановою; Матвея Степанова, жену его Ульяну Алексееву с сыном их Григорьем, жену его Прасковью Яковлеву; Артемья Петрова, жену его Татьяну Никитину з детьми их Фомою и Лукерьею; Михайлу Романова, жену его Наталью Сергееву з дочерью девкаю Агафьею и зятем его Максимом Терентьевым, жену его Анну Михайлову; вдову Софью Федорову з детьми Сергеем и дочерью Аринаю Осиповыми; Сергееву жену Авдотью Иванову; Гаврилу Родионова, жену его Просковью Никитину и з дочерью их Агафьею; Фрола Дмитриева, жену его Федосью Федорову с сыном их Данилаю, жену его Варвару Маркелову з детми их Ефимом и Крестиньею; Осипа Дмитриева, жену его Федосью Андреянову з дочерью их Татьяною; Василья Сергеева вдоваго с сыном его Яковам, жену его Авдотью Павлову з дочерьми их Авдотьею и Акулинаю; Василья Андреева, жену его Дарью Сергееву; Федора Исаева, жену его Наталью Матвееву з детьми их Пименом и Акулинаю; Семена Иванова, жену его Агафью Антонову з детьми их Игнатьем и Иваном, Игнатьеву жену Устинью Миронову з детьми Сидорам и Натальею; Иванову жену Матрену Васильеву с сыном их Федорам; Герасима Семенова, жену его Авдотью Степанову с сыном их Андреем, жену его Наталью Савельеву с сыном их Федорам; Илью Иванова, жену его Федосью Семенову з дочерьми их Варвараю и Авдотьею; Михея Иванова вдоваго со внучатами его Кузьмою Евдокимовым, Иваном и Алексеем Ефимовыми; Ивана Семенова, жену его Авдотью Никитину з детьми их Анофрием и Аннаю, Анофриеву жену Настасью Матвееву з детьми их Николаем, Степаном и Дарьею; вдову Агафью Федорову з детьми Яковам и Осипом Матвеевыми, у Якова

жену Варвару Иванову з детьми их Иваном и Аленаю, Осипову жену Матрену Кузьмину з детьми Федорам, Домнаю и Катеринаю; Тараса Степанова, жену его Настасью Андрееву з детьми их Яковам, Васильем, Аксиньею и Аграфенаю; Якова Ильина, жену его Федору Филипаву з детьми их Григорьем, Степанам и Данилаю, Григорьеву жену Пелагею Евдокимову; Ивана Федорова, жену его Марью Степанову з детьми их Захаром, Андреем, Афросиньею и Варварою; Антона Алексеева, жену его Авдотью Степанову з детьми их Денисом и Степаном; Григорья Семенова, жену его Авдотью Михайлову з детьми их Кузьмою, Афонасьем, Аксиньею и Анною; вдову Авдотью Максимову з детьми ее Кузьмою, Артемием, Андреем и Матренаю Спиридоновыми детьми, Кузьмину жену Федосью Иванову, — а всего мужеска триста десять душ, женска триста девять душ, со всем их крестьянским хоромным строением, со скотом и со птицы, с хлебом, молоченным, стоячим в гумне и в земле посеенным. А при том отказе находились Лукояновской округи собранные из разных селений сторонния люди, а имянно: сел Михалкова Майдану священник Максим Иванов, госпожи графини Варвары Петровны Разумовской старшина Яков Дмитриев, редовые Михаила Иванов, Данила Иванов, слободы священник Степан Алексеев, староста Василий Петров, старшина Андрей Леонтьев, редовой Осип Федоров; казеннаго Язу, Болдино тож, соцкой Давыд Антонов, редовые Прокофей Яковлев, Василий Павлов, Михайла Карпов, Григорий Васильев; селца Суморокова малолетних господ Пантусовых староста Петр Андреев, редовой Силантей Яковлев, деревни Новоуспенской, Полянки тож, объявленной девицы Елисаветы Львовны Пушкиной староста Алексей Васильев, соцкой Федор Исаев, редовые Яков Прокофьев, Антон Семенов, Степан Степанов, Алексей Григорьев и Андрей Герасимов; подлинные отказные книги за подписанием заседателя Михайлы Карпова; в должности секретаря регистратора Семена Дядюкина; за справою регистратора Федора Иванова; к коим книгам руки приложили села Михалкова священник Максим Иванов; села Слободы священник Степан Алексеев; села Болдина иерей Иаков Гаврилов; села Болдина иерей Петр Васильев за себя и вместо понятых села Язу и сельца Суморокова, значущихся выше сего по имянам за неумением грамоте по самоличной прозбе; и вместо бывших при оном отказе значущихся во оной отказной книге сел Михалкова и Слободы ея сиятельства графини Варвары Петровны селениев земской Петр Михайлов; и поверенной Гаврила Козлов вместо вышеписанных старост Алексея Васильева и всех крестьян по их прошению за неумением их грамоте и писать руку приложил.

Уездный судья Михайла Быков.

Читал регистратор Алексей Развадовский.

1800-го года, Марта 7 дня, по указу его императорскаго величества, и по учиненной Нижегородской губернии в Лукояновском уездном суде резелюции, дана сия копия девице Елисавете Львовне Пушкиной поверенному служителю Гавриле Тимофееву сыну Козлову в сходство по данной от него прозбы, и по силе указов 737, сентября 10-го, и 763-го годов, декабря 15-го числа, 18-го пункта, за подписанием присудствующаго и с приложением бланковой печати. Уездный судья Михайла Быков .

У сей копии Лукояновскаго уезднаго суда печать.

Печатных пошлин и за воск 1 р. 53 к. взято.

Секретарь Иван Ефимовский. Регистратор Алексей Развадовский.

№ 243-й в Лукояновском уездном суде.

Писано на листах гербовой бумаги, сшитых тетрадью. Все дело на 13 лл. Публикуемый документ представляет собою копию «сказки» Лукояновского нижнего земского суда о доставшемся Елизавете Львовне Пушкиной (тетке поэта) по разделу 1795 г. движимом и недвижимом имении в деревне Новоуспенской (Полянки, Малое Болдино), с освидетельствованием, что Е. Л. Пушкина действительно владеет 310 душами мужского и 309 душами женского пола с принадлежащею данным крестьянам землею; к «сказке» приложена копия резолюции Лукояновского нижнего земского суда, включающей текст указа Лукояновского уездного суда. Она писана неотчетливой рукой писца, не вникавшего в смысл, при этом чтение его писания затрудняется стилем казенных бумаг того времени, когда одна и та же ссылка или тождественная формулировка повторяется по нескольку раз (в виду ряда представленных документов) и тем самым сильно тормозит осмысление написанного. Между тем в документе имеются две интересных стороны, подлежащие выделению. Наличность их обусловливается тем, что для того, чтобы состоялся указ, необходимы были справки о бесспорности всего владения, в состав которого входила часть Е. Л. Пушкиной (Сонцовой). Представленные поверенным Пушкиных Г. Т. Козловым справки эти дают прежде всего исторические указания относительно того, как постепенно увеличивались болдинские владения Пушкиных. Здесь необходимо выделить шесть основных моментов: 1) известное в пушкинской литературе пожалование Федору Федоровичу Сухоруку в вотчинное владение ста четвертей земли (в одном поле) за московское осадное сидение 1618 г.; это основное ядро Болдинской вотчины стало постепенно обрастать новыми земельными приращениями; 2) в 1684 г. сын Ф. Ф. Сухорука Иван Федорович Пушкин (Шиш) получает «по грамоте великих государей» дополнительных двести четвертей; 3) еще до этого тот же И. Ф. Пушкин путем мены присоединяет к Болдину сорок четвертей. Обмен происходит в 1681 г. между И. Ф. Пушкиным и Д. Л. Зубаревым; 4) другой промен происходит снова у И. Ф. Пушкина с кн. Салтагозиным двумя приемами — в 1682 и 1688 гг. В первом случае к Болдину присоединяется лишних пятьдесят, во втором — двенадцать четвертей; всего шестьдесят две четверти; 5) наконец тот же Иван Федорович Шиш в 1693 г. присоединяет к Болдину выменную им землю у Ф. Любовцова (40 четвертей). Таким образом, как мы это уже видели по Московской губернии, так и по нижегородским владениям, пушкинский род наиболее обогатился землей при И. Ф. Шише; 6) последнее приращение земель к Болдину произошло уже при Л. А. Пушкине, который в 1780 г. прикупил у Я. Филиппова сто сорок семь четвертей. Все эти слагаемые выявляются из содержания публикуемого документа. Другая интересная сторона настоящего указа — топография Болдина. В силу того, что долгое время некоторые участки земли были спорными, суду существенно было установить бесспорные границы Болдинской вотчины. Мы находим поэтому в документе троекратное описание его границ. Это описание фиксирует ряд урочищ, характеристика которых оживляет и конкретизирует наше представление о Болдине. Чтобы не сбиться при чтении описания границ, надо иметь в виду, что они представлены в документе не в одинаковых направлениях, поэтому урочища повторяются в обратном порядке. В первом случае, исходя из пункта, находящегося на западной границе имения, описание урочищ, обозначающих границу, идет по направлению к северу; описание это охватывает Первый северо-западный угол вотчины. Здесь находилась спорная земля с соседним селом Казариновым, здесь же у северной конечности вотчины проходила старая граница Арзамасского и Алаторского уезда (впоследствии уездов Лукояновского и Сергачского); во втором и третьем случае, исходя приблизительно из того же пункта, граница описывается в обратном направлении: к югу, потом по урочищам южной конечности вотчины, затем восточной (с юга на север) и наконец по линии северной границы к западу. Второе и третье описание замыкают границу, приводя к исходному пункту. Приложенные к нашему изданию две карты позволяют уточнить порою маловразумительное описание урочищ. В дальнейших примечаниях мы будем отсылать читателя к этим картам.

Нижний земский суд — ведал в уезде то, что в губернии ведало Губернское правление, т. е. был органом общего управления. Нижний земский суд приводил в исполнение предписания и указы, к нему направлявшиеся.

Уездный суд — чинил суд по уголовным и гражданским делам для местного дворянства в тяжбах их между собою и по другим искам.

Пикшень — смежная с Болдиным деревня, к востоку от Болдина; границей между владениями служила речка Силейка. Пикшень в начале XIX в. принадлежала Павлу Петровичу Аникееву и казенным крестьянам.

Пермеево — деревня рядом с Малым Болдиным, на Азанке, к юго-западу от болдинских земель.

Село Пустошское — село Знаменское, Пустошка тож, владение кабинет-курьера Петра Сергеевича Беклемишева (начало XIX в.); граничило с Болдиным с северо-восточной его части. См. линию FA на карте № 2.

черный лес — лиственный лес в противоположность хвойному.

хоромный лес — строевой.

ездить для дров... опричь делного деревья — в «Сошном письме» С. Б. Веселовского читаем: «в Арзамасском уезде отдельщики часто не отводили определенных участков леса помещикам, а писали в отдельных книгах: «а лес им сечи дровяной и хоромный, ходя по дубравам, вообще». Единственным ограничением при пользовании лесами было запрещение рубить и портить бортные дельные и недельные деревья» (1916 г., II, стр. 388).

заполье — нижегородское выражение, обозначающее запольную землю, т. е. дальнее поле или пашню, которые поэтому не удобряются, а покидаются под залежь.

Мокшандейка — ручей, правый приток Азанки, выше Болдина. На карте № 1 (см.) обозначен как речка Мишкангейка.

Жималейка — речка, левый приток Азанки, впадающий в нее под самым Болдиным, ниже Мокшандейки (см. карту № 1).

Песочный враг — песочный овраг обозначен на карте № 1, в левом верхнем углу ее.

Ольховый враг — по-мордовски Помск или Помский Помалей враг, фигурирует, как непререкаемая граница в спорном деле по Сергачскому уезду № 254 (Межевой архив). — На карте № 1 в северной части ее находим в соответствии с русским обозначением оврага — ручей ольховый.

Крутой враг — см. на карте № 1 рядом с ольховым ручьем.

Нефедьево, Казаринова тожа — граница села Большого Казаринова владения коллежского асессора Александра Сергеевича Чебышева (начало XIX в.) соответствует линии EF карты № 2 (Казариново Сергачского уезда).

погари — погорелый лес.

росчисти — вырубленное и выжженное место в лесу, для пашни.

до урочища Крутой вершины Ундалейки — крутой овраг, его «вершина», равно и речка Ундалейка четко обозначены в нижней части карты № 2. Речка Ундалейка соответствует линии СВ. На карте № 1 обозначена, как речка Убдалейка, в правом нижнем углу.

Еча — левый приток Сали; на карте, являющейся продолжением карты № 1 (не воспроизводится, хранится в Межевом архиве), обозначена как речка Эча.

Срезнево — деревня, соседняя с Кистеневым и Апраксиным. В 1785 г. принадлежала П. С. Беклемишеву. В настоящее время не существует. В заметке «Исчезнувшее село» читаем: «Между Анастасовым и Апраксиным, верстах в трех от Болдина, на том самом месте, где теперь чистое поле, что называется «Пустошь», — стояло когда-то село. Небольшое село, дворов 60. Называлось оно Срезня и принадлежало анастасовским господам Сущевым. По какой причине — точно не ведаем, только ясно, что от тяжелой жизни часть крестьян села Срезни пошла в разбой. Тогда помещики соединились воедино, сговорились с властями, вооруженной силой захватили беспокойных срезнинцев врасплох и расправились жестоко. Людей поувезли вдаль, в разные края, неизвестно куда. Ни одного человека не оставили. Постройки предали разрушению и огню, а потом распахали и самый след от села — с землей сравняли Срезню. Уцелела одна церковь — ее помещик перенес в Знаменку» («Крестьянская Газета» от 28 января 1935 г.). В статистических материалах 1859 г. Срезнево отсутствует. На карте, являющейся продолжением нашей карты № 1, Срезнево обозначено к северо-востоку от Болдина (Сергачский уезд) (Межевой архив). В конце XVIII в. принадлежало Ивану Андреяновичу Апраксину; в нашем документе (на стр. 255) ошибочно «Андреев», исправляем на Андреянов.

исток течет в речку Салю — на карте № 2 на линии AF обозначены «вершины речки Сали». В карте № 1 этому месту соответствует обозначение «исток Бегы».

Крутой враг — это урочище уже упоминалось в предшествующем описании; далее следуют урочища, уже обозначавшиеся в этом первом обозрении границ (описываются в обратном направлении).

Казанский дворец — приказ Казанского дворца или Казанской и Мещерский дворец, учрежден после покорения царств Казанского и Астраханского. В нем было сосредоточено управление всеми делами в территориях бывших царств Казанского, Астраханского, а позднее и Сибирского.

Пьянский стан — по названию реки Пьяны (приток Суры).

Темяшево — Кистеневка.

бортное дерево — дуплястое дерево; бортями звали нарочно долбленые живые деревья на корню; они бывали в лесах порознь.

усад — отвод, место под крестьянский двор.

повальный обыск — поголовный опрос.

променная — меновая.

Кунеево — в «Книге экономических примечаний Корсунского уезда» Симбирской губ. под № 124 значится село Архангельское, Кунеево тож, в конце

XVIII в. принадлежало гр. Владимиру Григорьевичу Орлову; по статистическим данным 1859 г. село Кунеево, на правом берегу р. Талы, в 38 верстах от Корсуни, насчитывало 57 дворов.

целовальник — присягавший человек, сборщик казенного имущества.

дикое поле — степь.

кн. Салтагозины — по материалам генерального межевания известны Салтагозины (писались Салтаказины), владельцы имений в Ардатовском уезде, где находились земли Пушкиных, ими променянные. В «Книге экономических примечаний Ардатовского уезда» под № 332 значится сельцо Печенейка князей мурз Максима и Тита Васильевичей Салтаказиных; под № 364 — село Сосуновка, Архангельское тож, Федосьи Павловны Салтаказиной.

заручная челобитная — подписанная челобитная.

Любовцовы — в «Книге экономических примечаний Ардатовского уезда» мы находим помещиков Любовцовых, из которых один, быть может, сын того Любовцова, с которым менялся И. Ф. Пушкин; данные таковы: под № 279 значится Енгалычево, Архангельское тож, принадлежавшее Филиппу Семеновичу Любовцову с совладельцами; под № 306 — Кочергинка (114 дес.), принадлежавшая Алексею Никитичу Любовцову, Филиппу Семеновичу, Агафье Емельяновне, капралу Игнатию Никитичу и служащему дворянину Борису Никитичу Любовцовым.

Старые Мочалеи — быть может это деревня Мочалеи, числившаяся в XIX в. по Буинскому уезду, Симбирской губ.; в 1859 г. состояла из 105 дворов; была населена «инородцами».

Краснояр — по «Книге экономических примечаний Сергачского уезда» под № 57 значится деревня Красный Яр кн. Ивана Михайловича Измайлова.

а законами повелено — так как законы, на которые ссылается наш документ, имеют к существу интересующего нас содержания указа чисто формальное отношение, оставляем их без примечаний. Явные описки в выписях законов (напр. «духовного» вместо «духовную» на стр. 260) исправляем, не оговаривая.

дозорные книги — перепись добавочного населения или людей и земель, оказавшихся при проверке сверх описи.

нижняя расправа — низший суд для уголовных и гражданских дел.

печатная пошлина — взималась за приложение печати.

всего пятьсот восемьдесят девять четвертей в поле, а в дву по тому ж, с лесы, с сенными покосы и со всеми угодьи — эта цифра фиксирует размеры пашни пушкинских земель, постепенно объединившихся вокруг Болдинской вотчины, включая Малое Болдино, которое исчислено в нашем документе в 128 четв. Эта суммирующая цифра полностью соответствует отдельным слагаемым, а равно находится в известном соответствии с данными ПР (стр. 51), по которым вдова Л. А. Пушкина по разделу 1795 г. получила с сыновьями село Болдино с 469 четв. земли. Первое слагаемое исчисления земли в нашем документе — жалованной вотчины 1619 г. — фиксирует то же количество четвертей (100), что и ПР (стр. 26). Между тем, если иметь в виду, что четверть в одом поле («а в дву по тому ж») равняется полутора десятинам (в трех полях) и что следовательно 589 четвертей равнозначны 883½ десятинам, то последнее число оказывается в поразительном несоответствии с исчислением десятин по Болдину согласно экономическим примечаниям: 8 351 дес., из которых под пашней свыше 4 500 дес. К этому надо прибавить необычное употребление термина четь, — обыкновенно четь равнозначна с четвертью, в нашем же документе мы имеем такое, например, исчисление доли Е. Л. Сонцовой: 128 четвертей, 1 четверик, 1 четь; здесь мы наталкиваемся на условный смысл обозначения чети (= четвертая доля); из сопоставления исчислений в нашем документе явствует, что четь составляет тридцать вторую часть четверти, являясь четвертью четверика. Четверть же, как она фигурирует в нашем документе, как будто обозначает меру, приблизительно в пять раз большую нормальной четверти. Правда, земля при исчислениях часто преуменьшалась в старинных актах и, обычно, участок земли, измеренный четвертями, оказывался по размерам больше того, чем это обозначено в четвертях. Такое преуменьшение земли бывало не редко в полтора, два раза. В связи с этим запрошенный редакцией специалист по экономической истории России проф. С. Б. Веселовский подчеркнул условность сошного письма, отозвавшись так: в уездах, давно и плотно заселенных, такое несоответствие невозможно, что же касается местностей, которые подвергались захвату и заселению в XVII—XVIII вв., то такие случаи вполне возможны; кроме того документ свидетельствует о том, что при составлении его исходили не из реального исчисления земли, а шли путем арифметического расчета долей наследства. Во всяком случае цифру 8 351 десятин с пашней в 4 528 дес. следует считать твердо установленной (срв. выше, стр. 86 и 89) и соответствующей количеству душ Болдинской вотчины (свыше 1 300 душ муж. пола в Большом и Малом Болдине).

№ 82. ПОСТУПНАЯ ПУШКИНЫХ.

1802 г. Февраль — декабрь.

Просит коллежский ассесор Василий и служащий в Коммисариате осьмаго класса Сергей да сестры их девицы Анна и Елисавета, дети покойнаго артиллери подполковника Лва Александровича Пушкина, а о чем наше прошение, тому следуют пункты:

«1-е»

По смерти означеннаго родителя нашего, случившейся 1790-го года, [генваря] октября в 25 день, оставшееся после его движимое и недвижимое имение с матерью нашею Олгою Васильевною, да с братьями нашими, прижитыми отцом нашим от перваго брака: артилери полковником Николаем и артиллерии ж [майором] подполковником Петром Львовичем Пушкиными, законным порятком разделено, после того и она мать наша Олга Васильевна сего года, генваря 22 дня, помре ж, оставя после себя дворовых и взятых из крестьян во двор людей, доставшихся ей после ее мужа, а нашего отца реченнаго Лва Александровича Пушкина, написанных по последней 5 ревизии за нею, матерью нашею, обще с нами [Васильем и Сергеем] Нижегородской губернии Лукояновской округи в селе Болдине, в которых, состоя наследниками мы одни, разделили их меж себя полюбовно, а по сему разделу достались мне, В а с и л ь ю: Никанор Матвеев Булатов, у него жена Дарья Яковлева, у них дочь малолетняя Вера, Ларион Павлов, у него жена Ирина Иванова, у них [две] дочери малолетныя Ольга и Марья, Федор Ефимов, у него жена Федосья Семенова, у них дочь Прасковья, Захар Петров, у него жена Наталья Никонова, у них сын малолетний Михаила, Федот Прокофьев, у него жена Анна Тихонова, Маркел Степанов, у него жена Настасья Никонова, Данила Лукъянов, у него жена Марина Васильева, у них сын Григорий Хитров, холостые Игнатий Петров, Григорий Фролов, Сидор Степанов, Иван Степанов, Алексей Данилов, [Иван Ефимов], Денис Никонов, Козма Фролов, Михайла Прохоров, Самсон Андреев, Иван Ильин вдов, девка Авдотья Матвеева Булатова; мне С е р г е ю: [женатый] Федор Сергеев, у него жена Агафья, у них [два сына] дети Иван, Лев холостые, Харитон Иванов, у него жена Прасковья Иванова, у них дочь малолетная Катерина, Никита Тимофеев, у него жена Аксинья Кузмина, у них дочь малолетная Настасья, холостые Алексей Ильин, Алексей Антонов, Иван Степанов, Василий [Петров] Хитров, Николай Матвеев, Карнила Матвеев, Дмитрий Яковлев, Александра Яковлев, Андрей Степанов, Петр Яковлев, Сергей Матвеев Булатов; мне А н н е: Роман Макаров, у него жена Анисья Матвеева, Петр Иванов Хитров, у него жена Авдотья Ермолаева, Василей Семенов, жена его Авдотья Андреянова, холостые Нестер Иванов, Федор Дмитриев, Василий Григорьев [холостой]; мне Е л и с а в е т е: Никон Павлов, у него жена Акулина Амвросимова, у них дочь Александра, Яков Антипов вдов, у него дочь девка Катерина, вдова Наталья Антонова Булатова, девка Софья Иванова; холостые Осип Евдокимов, Тимофей и Иван Петровы Хитровы, Денис Терентьев, Иван Ефимов, Иван Александров, почему нам, Анне и Елисавете, сих людей причислить для платежей государственных податей за собою, в доставшихся нам по учиненному между всеми нами в 1795-м году разделу селении мне, Анне, Нижегородской же губернии Горбатовскаго округа в полселцо Тимонинай, а мне, Елисавете, той же губернии и Лукояновской округи в деревню Новоуспенскую, Полянка тож, почему и просим,

дабы
указом повелено было сие наше прошение в Московской гражданской палате принять и нас, именованных в прописанном разделе, допрося по закону, — дать с дела каждому завереною копию, о чем Нижегородское губернское правление уведомить, а сие прошение верим подать, копии с дела получить служителю нашему Ивану Александрову.

Руку приложить по пунктам так:

1-ым. К сему прошению колегский асессор Василей Львов сын Пушькин руку приложил.

2-м. К сему прошению служащий в Комисариацком депо осьмаго класса Сергей Львов сын Пушькин руку приложил.

3-й. К сему прошению девица Анна Львова дочь Пушькина руку приложила.

4-й. К сему прошению девица Елисавета Львова дочь Пушькина руку приложила.

Черновик «поступной» Василия, Сергея, Анны и Елизаветы Львовичей Пушкиных — прошение в Московскую гражданскую палату об утверждении в полюбовном разделе доставшегося имущества после смерти О. В. Пушкиной. Писано писарским почерком с вставками и исправлениями, сделанными другой рукой, выправившей текст и закончившей его, включая подписи; на листах синей бумаги (4 лл.). Документ представляет собой распределение между четырьмя наследниками «дворовых и взятых из крестьян во двор людей», доставшихся им по Болдину. В ряде случаев лицо, выправлявшее текст прошения, перемещало имена дворовых, зачеркивая их в одном месте и вставляя в другом; в таких случаях ранее написанные имена, затем зачеркнутые, опускаем, не оговаривая. Когда же имена зачеркнуты, но в следующих строках не помещены заново, то зачеркнутое сохраняем, замыкая в квадратные скобки.

Анна — Анна Львовна Пушкина (1769—1824), тетка поэта, дочь Л. А. Пушкина от второго брака. После ее смерти Александр Сергеевич написал с Дельвигом пародийную элегию: «Ох, тетенька! Ох, Анна Львовна!»

Николай Львович Пушкин (1745—1821) — дядя поэта, военный, в 1781 г. майор; в 1786 г. артиллерии подполковник; был в Турецком походе под Хотином; в 1778—1784 гг. в Польше; в 1787 г. на Кавказе; отставлен артиллерии полковником в 1792 г. Владел 700 душами в Сергачском и Воскресенском уездах. Был женат на сестре писателя Измайлова Анне Васильевне (1754—1827).

Петр Львович Пушкин — (1751—1825) — военный, в 1771 г. был под Бухарестом, в 1786 г. действовал против чеченцев за Тереком, уволен артиллерийским подполковником в 1795 г. В 1798 г. за ним было 130 душ Нижегородской губ.; в 1825 г. владел 1009 душами в Кистеневке (платили с 150 тягол по 29 р., 4350 р. в год). Умер бездетным. После его смерти Кистеневка досталась С. Л. Пушкину.

Горбатовского округа полсельца Тимонинои — сельцо Тимонино и деревня Воронцово, на реке Ворсме, принадлежало О. В. Пушкиной, ее сестре Варваре, Бурцову и Сколковым; насчитывало 95 дворов, 282 души мужск. и 308 женского пола. Земли — 1 652 дес. («Книга эк. пр. Горбатов. у.», № 12).

№ 83. СГОВОРНАЯ НА Е. Л. ПУШКИНУ-СОНЦОВУ

1803 г. Февраля 3.

Лета тысяча восемьсот третьяго, генваря в тридесятый день, колегский асессор Василий Львов сын Пушкин зговорил я в замужаство сестру свою родную, девицу Елисавету Львову дочь Пушкину, Государьственной иностранной коллегии Московскаго архива за переводчика Матвея Михайлова сына Сонцова и во благословение за нею пишу святые образа: спаса нерукотвореннаго в золотом оботке, корона на нем алмазная, с красным лалом, спаса нерукотвореннаго же в ризе золотой, спаса вседержителя в ризе серебряной, вызалаченой; тихвинския богородицы в ризе серебряной, вызалаченой и обнизанной земчугом; ахтырские богородицы в ризе серебряной, вызалаче-

ной; богородицы всех скорбящих в ризе серебряной, вызалаченой; святых апостол Петра и Павла и святаго Максима исповедника в ризах серебряных же, вызалаченых; да приданаго за нею сестрою моею бралиянтовых вещей, золота и серебра на пять тысычь рублей, да кравать с прибором, платья, белья и протчаго на две тысячи семь сот пятьдесят рублей, а всего с бралиянтовыми вещьми, золотом и серебром на семь тысячь семьсот пятдесят рублей, да из недвижимаго имения, доставшагося ей, сестре моей Елисавете, после покойнаго родителя нашего артиллерии подполковника Льва Александровича Пушкина и по разделу с покойною родительницею нашею Ольгою Васильевною, со мною и с братом нашим, служащим в Комисариатском штате осьмаго класа Сергеем, и с сестрою Анною Львовыми детьми Пушкиными, Нижегородской губернии Лукояновской округи в деревне Новоуспенской, в коей написанных по нынешней пятой ревизии мужеска пола крестьян триста душ с женами их, с детьми, с братьями, с племянники, со внучаты, с приимыши и со вновь рожденными после ревизии обоего пола детьми и со всеми их семействы, с их крестьянским дворовым, хоромным, огуменным и всяким строением, с пашенною и непашенною землею, с лесы и сенными покосы, и со всеми угодьи, словом все то, что по тому разделу ей следует, все без остатка, чем ей, сестре моей Елисавете и остатся на всегда довольною. К сей сговорной записи коллежской ассесор Василий Львов сын Пушкин, что я сестру свою девицу Елисавету в замужество за переводчика Государственной иностранной коллегии Московскаго архива Матвея Михайлова сына Сонцова сговорил и приданаго на семь тысячь семь сот пятдесят рублей с вышеписанным недвижимым имением написал и руку приложил. У сей сговорной тайный советник и кавалер Иван Иванов сын Дмитриев свидетелем был и руку приложил. У сей сговорной коллежский ассесор Александр Алексеев сын Плещев свидетелем был и руку приложил. У сей сговорной коллежский ассесор Василий Петров сын Гурьев свидетелем был и руку приложил. У сей зговорной майор князь Егор Матвеев сын Баратаев свидетелем был и руку приложил. Зговорную писал Московскаго надворнаго суда втораго департамента крепостных дел писец Матвей Тукманов. Совершить по указу. Секретарь Степан Иаковлев. 1803-го года, генваря в 30-й день, сия запись писана и в книгу записана Московскаго надворнаго суда во 2-м департаменте. Совершил надсмотрщик Прянишников. 1803-го году, февраля 3-го дня, по сей рядной вышеписанное приданое принял все сполна и сию рядную подписую моею рукою Коллегии иностранных дел переводчик Матвей Михайлов сын Сонцов.

Сговорная на Е. Л. Пушкину писана на листе гербовой бумаги стоимостью в 20 руб. На первой странице на полях: «Записать в 30-й день генваря», внизу: «по записной книге № 40». На второй и третьей странице скрепа: «Московского надворного суда 2 департамента секретарь Степан Иаковлев». Сговорная определяет год выхода замуж тетки поэта, ранее неизвестный.

красный лал — рубин.

огуменное строение — гуменное; строение, находящееся на гумне.

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) — баснописец и поэт. Был близок к семье Пушкиных. Дружил с Василием Львовичем. Делал предложение Анне Львовне, о чем см. Воспоминания О. С. Павлищевой в настоящем томе.

Александр Алексеевич Плещеев (1778—1845) — друг Жуковского, декламатор, автор ряда неопубликованных произведений, композитор; подвизался на поприще театрального искусства. Член «Арзамаса» (прозвище «Черный Вран»).

№ 84. ЗАПИСКА ИЗ ДЕЛА О ДОЛГАХ НА КАЛУЖСКОМ БЫВШЕМ 1-й ГИЛЬДИИ КУПЦЕ ИВАНЕ ТИХАНОВЕ УСАЧЕВЕ И О ПРИВЛЕЧЕНИИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОНЫЯ НАДВОРНАГО СОВЕТНИКА АФАНАСИЯ НИКОЛАЕВА ГОНЧАРОВА

1834 г. конец ноября — 1835 г.

Означенный Купец Усачев с 1804 и по 1823 год имел в арендном содержании своем принадлежащия упомянутому Гончарову Полотняныя и Бумажныя фабрики, состоящия Калужской Губернии в Медынском уезде, со всеми к ним принадлежностями и заведениями. По последнему, в 1819 году Ноября 19-го числа учиненному между ими, Гончаровым и Усачевым, на содержание тех фабрик контракту, не платя в постановленныя сроки арендной суммы и чрез сие к окончанию по тому условию четырех летняго срока содержания фабрик по учиненному счету оказался он, Усачев, ему, Гончарову, должным 110,700 рублей.

После чего он, Усачев, отказавшись впредь от содержания полотняных фабрик и приняв в сотоварищество к себе отдельнаго сына своего Григория Усачева с капиталом сего последняго 50 тыс. рублей, взял с ним в содержание у него, Гончарова, уже одни бумажныя фабрики сроком на 4 года, с платою ему, Гончарову, за каждый год по 30 тыс. рублей арендной суммы; в чем также заключен был им, Гончаровым, с ними, Усачевыми, 1823 года Декабря 16 числа на законном основании контракт, с означением в оном как недоплаченной Иваном Усачевым за прежнее содержание фабрик Гончарову вышеписанной арендной суммы 110,700 руб., равно и самых распоряжений к погашению и выплате оной; в следствие которых отдана Усачевым ему, Гончарову, выстроенная им при бумажных фабриках для размолки тряпки и вычерпки бумаги паровая машина за 47 500 руб., принято им же, Гончаровым, от Ивана Усачева оставшихся его при полотняной фабрике разных материалов на 25 648 р. 76 к., за тем остальную сумму предоставлено ему, Гончарову, получить из перьвой продаже ими, Усачевыми, с оных фабрик бумаги, как только получатся в задаток деньги, каковой суммы получено Гончаровым по переводу их, Усачевых, от Калужскаго купца Прянишникова 34 000 руб. да от самих их 3 318 руб. 88 коп.

Между тем, по принятию ими, Усачевыми, в содержание свое и одних бумажных фабрик, они в перьвом же году оказались неисправными: ибо, в нарушение 2 пункта вышеписаннаго контракта не стали в назначенныя сроки производить Гончарову платы арендной суммы; а в нарушение 17-го пункта остановили денежный платеж фабричным людям за работы; почему сии последния, не получая онаго и чрез то претерпевая недостатки в своем содержании, приносили ежечасно Гончарову жалобы; а как в 17-м пункте вышеписаннаго контракта постановлено: «Есьли же Усачевы по тому условию надлежащаго контракта выполнять не будут, то-есть не будут платить в означенное время за аренду и рабочим людям, в таком случае он, Гончаров, им, Усачевым, и до срока отказать имеет право и по содержанию того контракта учинить во всем расчет». — Почему Гончаров к предохранению фабричных своих от нужд и совершенной бедности вынужден был на основании вышеписаннаго постановления Усачевым от содержания сих фабрик отказать, и за тем в Сентябре месяце тогож 1824 года, учинив с ними по содержанию фабрик последний расчет в число причитающейся ему за аренду суммы, получил в уплату оставшихся при тех фабриках материалов и прочаго на 21 568 руб:

После того, и именно в Марте месяце 1825 года из означенных арендаторов Купец Иван Усачев опубликован от Калужскаго Городоваго Магистрата банкротом.

И хотя Гончаров ни в долгах на нем, Усачеве, не участвовал, ни поручителем в оных, по нем не состоял, но кредиторы его: зять, гвардии порутчик Гришецкий и титулярный советник Губаренков обратили иски свои, по их претензиям на Усачева, на Гончарова, обвиняя сего последняго в безвремянном будто бы отказе им, Усачевым, от содержания бумажных фабрик, учинении будто бы им заведомо с должником какой-то противо-законной сделки, переводе им к себе получением с него, должника, по бездокументальному и безкабальному долгу имения и денег и что будто бы он, Гончаров, знал о взысканиях их с Усачева и что всякая должника собственность изыскивалась.

По каковым неправильным их, кредиторов Усачева, домогательствам и изветам их о какой-то противо-законной Гончарова с Усачевым сделке возникло дело, производившееся начально в Калужских присудственных местах и по апелляции их же на Калужскую гражданскую палату дошедшее до разсмотрения Правительствующаго сената 7-го Департамента.

Но никакое в деле обстоятельство не подтвердило изветов их кредиторов ни в противозаконной сделке Гончарова с Усачевым, ни в неправильном будто им к себе переводе должникова имения и денег: самый Правительствующий сенат 7-й Департамент в решении своем, последовавшем 1834 года Ноября 15-го, в опровержение показаний кредиторов Усачева заключил: «что в укрывательстве имения банкрота им, Гончаровым, ни обстоятельства дела, ни кредиторы не представляют ясных доказательств, а затем вопреки того определил: что как Усачев, имея в виду предъявленную на него Губаренковым в Марте 1823 года претензию и тогда же отозвавшись, что удовлетворит оную в Декабре того года, вместо выполнения сего и предвидя свою несостоятельность, в сем же месяце предоставил Гончарову свою машину и фабричныя материалы на сумму 73, 148 р. 76 к. и признавая себя должным Гончарову без акта 110, 710 р., показал, что он означенными машиною и материалами уплачивает долг сей, то таковое действие, как учиненное вопреки 103 пункта I Части Банкротскаго устава, и должно будто подлежать уничтожению, и за тем заключил истребовать от Гончарова ту паровую машину и фабричныя материалы для продажи на удовлетворение долгов Усачева, с тем, что есьли возвратить оных Гончаров по каковым либо обстоятельствам не может, то взыскание с него оной суммы, в уплату которой он получил их, должно будет заменить предполагаемое возвращение оных.

Но таковое решение Правительствующаго сената совершенно несправедливо потому: а) что Гончаров учинил с Иваном Усачевым расчет по контракту и получил материал и машину почти за полтора года до открывшейся и публикованной о нем несостоятельности, в то время, когда он безпрепятственно и полновластно распоряжал всем своим имением, коммерциею и делами, ибо расчет сей учинен в сентябре месяце 1823 года, а банкротом Усачев опубликован уже в марте 1825-го; при том Усачев по миновании уже условленнаго срока на содержание полотняных фабрик, далее от содержания их отказался; в сем случае Гончарову ничего более уже не оставалось, как сделать с арендатором своим расчет и как того из контракта в 9 и 10 пунктах имянно постановлено: «что бы по окончании срочнаго времени содержания фабрик Усачевым принять Гончарову все оставшияся материалы и машину по ценам, Усачеву стоющим», и то Гончаров, хотя с тягостию для себя, но вынужден был

принять от него все то в исполнение означеннаго контракта, и не мог отзываться от того ни под каким предлогом. b) Данное им, Усачевым, обязательство заплатить кредитору его Губаренкову долг в Декабре месяце 1823 года нисколько до Гончарова, как в долге том неучаствовавшаго, не касалось и также невыполнению того им, Усачевым, виною Гончаров не состоял; хотя же он и получил за содержание фабрик, вместо наличной суммы, по силе контракта вышеписанныя материалы и паровую машину, но Усачев, управляя после того всеми своими делами и обширною коммерциею еще около полутора года, продавая с тех фабрик изделия на многотысячныя суммы и получая деньги, вероятно платя и многим другим по своим документам, имел также и средства исполнить свое обязательство платежем кредитору его Губаренкову денег и случаи к несостоятельности [не имел]; при том Правительствующий сенат, без всяких доказательств и токмо гадательно предположил, что Усачев предвидел несостоятельность свою еще в 1823 году, то-есть до опубликования за полтора ж года, сего не раскрыто никакими обстоятельствами; для всякаго же частнаго лица банкрот есть тот, кто таковым признан от судебнаго места так, как о том в Своде уставов государственнаго благоустройства 2 части 1393-ю статьею имянно постановлено: — «Ни кто не может быть признан в несостоятельности прежде, нежели она объявлена будет Судом». — Каковым Иван Усачев во время расчетов и платежа Гончарову арендной суммы ни признаваем, ни объявлен не был, а по сему действие его в учинении расчета с Гончаровым, как учиненное еще вне банкротства, ни по какому закону, ни изменению, ни уничтожению не подлежит. c) Неправильность же показаний кредиторов Усачева и заключения Правительствующаго сената о бездокументальности долга Гончарова за Усачевым вышеписанной арендной суммы опровергается совершенно представленным от перьваго подлинным 1819 года контрактом, где следует явленным, из коего видно, что Усачев обязался платить Гончарову за аренду по 60 000 рублей в год, а по сему и должен был выполнить силу контракта сего на точном основании Свода гражданских законов тома X. 974 статьи, повелевающей об исполнении договоров по точному их разуму; но Правительствующий сенат, положив с Гончарова взыскание за полученное по тому контракту, не нашел ни самомалейшей вины со стороны Гончарова, ни закона, подвергавшаго его таковому взысканию, в совершенное нарушение Свода учреждений государственных и губернских 1 части 458-й статьи, повелевающей и самому Правительствующему сенату постановлять определении свои везде и во всех делах на изданных законах, Уставах и предписанных правилах. a) Между тем Правительствующий сенат из существа означеннаго ж дела ясно видел, что Усачев, устроя благополучие детей своих, при выдаче дочери своей в замужество за упомянутаго мнимаго кредитора его, отставнаго гвардии порутчика Грушецкаго, в 1817 году надавал ей безденежных писем на 118, 191 руб., но оных не заплатя, вскоре после дачи их сделал безденежный же перевод сыновьям своим чрез отдел им значительнаго своего недвижимаго имения, состоящаго Московской губернии в селе Глинках — с бумажною фабрикою и по вышеписанным, не только для Гончарова чуждым, но и самим Усачевым безденежно данным дочери своей актам, положил взыскание с Гончарова, переведенное ж безденежно детям своим значительное имение оставил, вопреки решения Калужской гражданской палаты, во владении их потому, что Палата сия будто бы и входить в определение о сем, как о таком предмете, на который не было ни какой апелляции, не имела ни малейшаго права; тогда как Калужской городовой магистрат, не получив еще требуемых им

от надлежащих мест нужных для разрешения предмета сего сведений, окончательнаго суждения о том не имел, решения не постановлял, следовательно и апеллировать было еще не кому и не на что. За самыя обнаруженные по делу сему бездействия Калужских Городоваго магистрата с Уездным судом, Градской полиции и Медынскаго земскаго суда положил взыскание с членов одного Медынскаго земскаго суда, но и то токмо в таком случае, когда Гончаров не будет в состоянии.

И таким образом за перевод должником к детям своим имения, за дачу им дочери своей безденежных писем, коих сам удовлетворить оказался не в состоянии, наконец за все обнаруженныя упущения Судебных мест, чрез которыя должник имел все способы сокрыть свое имение, товары и деньги, и словом за вину всех их Правительствующий сенат возложил взыскание с Гончарова, тогда как он ни в долгах, ни в сокрытии имения Усачева не участвовал, а получил токмо по контракту за свое имение арендную сумму около полутора года до открытой несостоятельности своего арендатора.

Почему наследники после него, Гончарова, повергая невинно стесненную участь свою милосердию государя императора, всеподданнейше просят о всемилостивейшем повелении разсмотреть и решить сие дело в Общем собрании Правительствующаго сената.

Писано на листах писчей бумаги, сшитых тетрадью; на бумаге (Гончаровской фабрики) водяной знак «1833». Документ представляет собою копию прошения наследников А. Н. Гончарова на высочайшее имя. Единственная в нашем собрании бумага из архива семьи жены поэта. — В виду того, что А. Н. Гончаров не мог руководить принадлежавшими ему заводами, он сдавал их в аренду; арендатор Усачев не платил арендных сумм, почему договор был расторгнут, при чем Усачев расплатился остававшимися на гончаровской фабрике паровой машиной и материалами, ему принадлежавшими. Вскоре Усачев объявил себя банкротом. Гончаров был обвинен в переводе должникова имения и денег на себя, при чем 7-й департамент Сената постановил, чтобы Гончаров вернул полученное от Усачева для покрытия его долгов. Наследники А. Н. Гончарова доказывают, что долги и банкротство Усачева фиктивные, что предъявителем заемных писем оказался муж дочери Усачева, а что свое имение Усачев перевел на имя детей.

Прошение писано тяжелым слогом казенных бумаг того времени; нередки неправильные обороты в виду громоздкости предложений, а также вследствие непонимания текста со стороны лица, его переписывавшего. Ряд явных ошибок («вы» вместо предлога «в», «отозвались» вместо «отозвавшись») исправляем, не оговаривая. Датируем, исходя из даты решения Сената от 15 ноября 1834 г., упоминаемого в документе.

Афанасий Николаевич Гончаров (1760—1832) — внук основателя Полотняного Завода (в Медынском уезде, Калужской губ.) калужского купца Афанасия Абрамовича Гончарова, дед жены Пушкина. За свою жизнь расточил громадное полученное им наследство. О нем подробнее см. ниже в публикации «Из архива Гончаровых».

Иван Тихонович Усачев — был сам заводчиком. Ему принадлежала Глинковская фабрика (при дер. Глинках — Богословское, Брюсово тож) Богородского уезда, Московской губ., в 18 верстах от Богородска. По данным 1852 г. хозяином бумагопрядильной и писчебумажной фабрики при сельце Глинкове был мануфактур-советник Василий Иванович Усачев, сын И. Т. Усачева.

наследники Гончарова — сын А. Н. Гончарова Николай Афанасьевич (1787—1861) в 1823 г. сошел с ума. Поэтому после смерти А. Н. Гончарова Московская дворянская опека учредила «над повредившимся в уме» Н. А. Гончаровым и над имением его опеку. Опекунство было поручено старшему сыну Н. А. Гончарова Дмитрию Николаевичу. Другими наследниками были два его брата Иван и Сергей и сестры Екатерина (Дантес), Александра и Наталья (Пушкина).

V

ДОКУМЕНТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ МИХАЙЛОВСКОГО

С Михайловским А. С. Пушкин был связан теснее, чем с Болдиным. К Михайловскому относится целая эпоха жизни и творчества поэта (период ссылки, проведенной Пушкиным в Михайловском, — с августа 1824 по ноябрь 1826 г.). Кроме этого длительного пребывания в псковской деревне Пушкин посетил Михайловское шесть раз (в 1817, 1819, 1827, 1830, 1835 и 1836 гг.). Документы, относящиеся к Михайловскому, сохранившиеся в архиве внука поэта, не отличаются богатством данных для характеристики жизни этого владения Пушкиных — эта часть публикуемого архива скуднее других и не может итти ни в какое сравнение с документами, освещающими жизнь Болдина. Шестнадцать документов по Михайловскому нашего архива касаются главным образом матери поэта, владелицы Михайловского, и О. А. Ганнибала (Н. О. Пушкина наследовала Михайловское от своего отца О. А. Ганнибала). Известный интерес представляет первый документ (№ 85), доставляющий точные данные владений Ганнибала по Опочецкому уезду конца XVIII в. Затем идут три документа (№ 86—88), связанные с намечавшимся залогом имения. Далее следует (89—98) одиннадцать квитанций Опочецкого казначейства и псковского предводителя дворянства по приему взносов и платежей от Н. О. Пушкиной и М. А. Ганнибал. Наиболее интересен последний документ (хозяйственная справка по Михайловскому 1836 г.), имеющий непосредственное отношение к переписке А. С. Пушкина с зятем Н. И. Павлищевым.

В виду случайного характера бумаг по Михайловскому в примечаниях к ним мы уклонились от развернутого комментария к хозяйственным моментам жизни псковской деревни Пушкиных, как мы это делали в отношении нижегородской их вотчины, и даем лишь необходимые справки для характеристики публикуемых документов.

№ 85. ОПИСАНИЕ ВЛАДЕНИЙ О. А. ГАННИБАЛА ПО ОПОЧЕЦКОМУ УЕЗДУ

1786 г.

С представляемых при сем в подлинных Геометрических, Специальных планах в надписаниях значится. А именно:

в 1-м Апочецкаго уезда Вороницкой части Михайловской губы деревни Морозовой з деревни, именуемями Грешнево, Лаптевой, Вороновой, Махниной, Брюховой, Цыбловой, Лежневой, Лунцавой владения марского флота втораго ранга артиллерии капитана Осипа Абрамовича Ганибала межевания, учиненнаго в 1786-м году июня 5-го дня апочецким, первокласным землемером лейтенантом Николаем Толстым. А внутри того владения, обмежеваннаго одною окружною от всех смежных владельцев межею, по нынешной мере и по исчислению, земли состоит пашенной четыреста восемдесят три десятин две тысячи двести педесят четыри сажени. Сеннаго покосу восемдесят де-

вять десятин сто восемдесят три сажени, сеннаго покосу и по нем мелкаго лесу девятнатцать десятин восем сот тритцать восем сажен, лесу дровенаго девяноста восим десятин тысяча двести семдесять сажен, по болоту мелкаго лесу девять десятин две тысячи сто педесят сажен, под поселениями, огородами, гуменыйками и конопляниками дватцать одна десятина триста семдесят две сажени, под чистым болотом сем десятин восем сот двенатцать сажен. Под речками, полуречками, ручьями и полуручьями три десятины двести сажен, под проселочными дорогами сем десятин две тысячи сто сажен. А всего во всей окружной меже сем сот сорок сем десятин пять сот семдесят девять сажен, а за исключением неудобных мест осталос одной удобной земли сем сот двадцать одна десятина две тысячи двести шездесят сем квадратных сажен, ва оных деревнях по последней поданным к ревизии скаскам состоит: в деревни Морозовой шесть дворов, в них мужеска полу дватцать четыре, женска полу дватцать душ, а ныне налицо мужеска дватцать сем душ, женска петнатцать душ; в деревни Гречневой два двора, в них мужеска полу двенатцать, женска петнатцать, а ныне налицо мужеска четырнатцать, женска шеснатцать душ; в деревне Лаптеве два двора, в них мужеска полу девить, женска десять душ, а ныне на лицо мужеска адиннатцать, женска десять душ; в деревне Брюхове шесть дворов, в них мужеска дватцать девять, женска дватцать три, а ныне налицо мужеска тритцать одна, женска дватцать четыре души; в деревни Цыблове пять дворов, в них мужеска полу дватцать четыре, женска дватцать три, а ныне налицо мужеска тош число, женска дватцать четыре души; в деревне Лежневе пять дворов, в них мужеска полу дватцать восим, женска дватцать две, а ныне налицо мужеска тож число, женска дватцать три души; в деревне Лунцеве четыре двора, в них мужеска полу четырнатцать, женска четырнатцать, а ныне налицо мужеска тош число, женска петнадцать душ.

В 2-м, Опочецкаго уезда Вороницкой части Михайловской губы отхожия сенныя покосы владения артилерии марскаго втораго ранга капитана Осипа Абрамова сына Ганибала межевания, учиненнаго в 1786-м году майя 19-го дня опочецким первокласным землемером флота лейтенантом Николаем Толстым. А внутри того владения обмежевано от всех смежных владельцов межею по нынешней мере и по исчислению земли состоит сеннаго покосу семдесят одна десятина девеноста три сажени, лесу дравенаго три десятины две тысячи сажен, под проселочною дорогою пять сот десять сажен, под полурекою и полуречкою и полуручьями две десятины четыриста педесят сажен, всего во всей в окружной межи семдесят сем десятин шесть сот педесят три квадратныя сажени, а за исключением неудобных мест осталось удобной земли семдесят четыри десятины две тысячи девяноста три квадратные сажени.

В 3-м, Опочецкаго уезда Вороницкой части Михайловской губы озеру Маленцу общаго владения флота артиллерии втораго ранга капитана Осипа Абрамова сына Ганибала и каптенармуса Ивана Фролова, Степана Степанова детей Затепленских межевания, учиненнаго в 1786-м году, майя дня, опочицким первокласным землемером флота лейтенантом Толстым, а внутри того владения, обмежеваннаго от всех смежных владельцов одною окружною межею, по нынешней мере и по исчислению во оном озире состоит девять десятин четыриста сорок сажен.

В 4-м, Опочецкаго уезда Вороницкой части Михайловской губы озеру Кучанету, которое во общем владении состоит генерал майора Петра Абрамовича Ганибала, флота втораго ранга капитана Осипа Абрамовича Ганибала ж, секунд-майора Тараса Кирилова сына Снави-

дова, межевания, учиненнаго в 1786-м году, майя 12 дня, опочецким первокласным землемером, флота лейтенантом Николаем Толстым, а внутри обмежеванной от всех смежных владельцов одною окружною межею по нынешней мере и по исчислению состоит под вышеписанным озером сто сорок одна десятина девять сот педесят девить квадратных сажен.

В 5-м, Опочецкаго уезда Вороницкой части Михайловской губы озеру Бологулю, которое состоит во общем владении генерал майора и кавалера Петра Абрамовича Ганибала, марскаго флота втораго ранга артиллерии капитана Осипа Абрамовича Ганибала, флота артиллерии капитана Исака Абрамовича Ганибала, артиллерии капитана князь Михаил Амельяновича Шеховскаго, бывшаго владения Святогорскаго монастыря, а ныне ведомства Казенной полаты экономических крестьян, межевания, учиненнаго в 1786-м году майя 27-го дня опочицким первокласным землемером флота лейтенантом Николаем Толстым и внутри того владения обмежеванного от всех смежных владельцов одною окружною межею по нынешней мере и по исчислению, состоит под островом, по которому лесу двести сажен под озером триста деветнатцать десятин тысяча пять сот педесят три сажени, всего во всей окружной меже триста девятнатцать десятин тысяча сем сот петьдесят три квадратных сажени.

Текст описания деревни Морозовой с прилегающими деревнями и озерами списан, надо думать, с картушей (верхних, текстовых частей) специальных геометрических планов генерального межевания данных владений О. А. Ганнибала Опочецкого уезда. Настоящая копия содержит 6 страниц текста. Быть может это описание Морозова имеет в виду Н. И. Павлищев, писавший А. С. Пушкину 11 июля 1836 г. из Михайловского: «в Михайловском земли не 700 десятин, как вы полагали, а 1 965, с саженями, т. е. без малого 2 000; как видно из межевых книг и планов, лежащих у меня под рукою. Ошибка ваша произошла от того, что вы вместо двух описей межевых книг взяли здесь одну, и то не Михайловского, а Морозова с прочими деревнями» (Ак. П., III, стр. 346). В архиве Пушкина нет описания Михайловского, а сохранилось настоящее описание Морозова, которое «взял» поэт в мае 1836 г. во время своего пребывания в деревне, очевидно в связи с вопросом о выяснении размеров Михайловского после смерти Н. О. Пушкиной. После матери, умершей в марте 1836 г., Александр Сергеевич наследовал Михайловское, Морозово и проч. на ряду с отцом, братом и сестрой Павлищевой; одно время поэт думал выкупить все Михайловское у других наследников и перевести имение на свое имя. По этому вопросу сохранилась переписка между Пушкиным и Павлищевым за 1836 г.

Опочецкого уезда... деревни Морозовой с деревнями—этой первой части «надписания» соответствуют следующие данные в «Книге эконом. прим. Опочецкого уезда» под № 1774: «деревня Морозова с деревнями Грешневой, Лохтовой [Лаптихой?], Ворониной, Мохниной, Брюховой, Луицовой, Цыбловой и Лежневой с пустошми О. А. Гонибала. Дворов 36, душ муж. пола 164, женского — 142; под усадьбой—21 дес. 372 саж., пашни 483 дес. 2254 саж., покосу 89 дес. 183 саж., лесу 127 дес. 1858 саж., неудобных мест 18 дес. 712 саж., всего 740 дес. 579 саж. Деревня Морозова на берегу озера Балагула, Лежнево на правом берегу ручья безымянного, а протчие на суходоле при копаных колодезях, а дачею речки Каругы на левой, Каменной и ручья безымянного на правой и по обе стороны означенных речки и ручья безымянного. Земля иловатая в песках и с каменьями, урожай хлеба и покосы нарочиты, лес дровяной, крестьяне на пашне [т. е. на барщине]». Публикуемая справка («надписание») дает, как видно, более подробное описание имения по угодьям, нежели данные экономических примечаний; в тех статьях, тде нет более детальной разбивки, исчисления нашего документа совпадают с цифровыми данными экономического примечания. Мелкие деревни данного списка по временам существовали только по имени, — население переводилось в другие. По статистическим данным 1872—1877 гг. мы имеем сведения о следующих деревнях: Морозова (Федькино), при озере Белогуле, в 45 верстах от Опочки, 2 двора, 7 душ мужского, 8 душ женского пола. Захары (Грешнево), в 45 верстах от Опочки, 5 дворов, 11 душ мужского, 8 душ женского пола. Вороново, в 49 верстах от Опочки, 2 двора, 8 душ мужского, 12 душ женского пола. Брюхово, при речке Карузе, в 50 верстах от Опочки, 5 дворов, 15 душ мужского, 8 душ женского пола. Цыбоново (Цыблово, Казаны) при речке Карузе, в 50 вер-

стах от Опочки, 44 двора, 18 душ мужского, 19 душ женского пола. См. также ЩМ, стр. 270—278 (опись деревень 1838 г.), ошибки в написании Щеголева: Малково вместо Махнова, Лежева вместо Лежнева.

отхожие сенные покосы — они значатся в «Книге экономических примечаний Опочецкого уезда» под № 1742: «покосу 71 дес. 93 саж., леса 3 дес. 200 саж., неудобн. 2 дес. 960 саж., всего 77 дес. 653 с.». В начале нынешнего века эти отхожие сенные покосы обозначались, как пустошь Кривцы (Л. Софийский. «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем». Псков, 1912, стр. 193).

озеро Маленец — в «Книге экономических примечаний Опочецкого уезда» под № 1672 значится: «Озеро Моленец О. А. Ганибала и Ивана Фролова, Степана Степанова Затеплинских, 9 д. 440 с., при низких местах, вода к употреблению здорова, в нем рыба одни караси, из коего вытекает речка Малая и впадает в реку Сороть». Мимо южной конечности озера Маленец (находится по дороге из Михайловского в Тригорское) чаще всего проезжал Пушкин во время своего пребывания в Михайловском. Надо думать, что это озеро имеется в виду в следующих строках «Евгения Онегина»:

Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов...

озеро Кучанет — в «Книге экономических примечаний Опочецкого уезда» под № 1761 значится: «озеро Кучаново П. А. Ганибала, О. А. Ганибала, Тараса Кирилова Снавидова, 141 д. 959 с., на низких местах, в нем рыба разных родов и вода здорова». В 1870-х годах озеро называлось Кучиным. К озеру Кучанет относятся следующие строки стихотворения Пушкина «Вновь я посетил»:

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно, синея, стелется широко:
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни; там за ними
Скривилась мельница...

Михайловское находится между обоими озерами (Маленец и Кучанет). Пушкин писал так:

Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты.

(«Деревня».)

озеро Бологуль — в «Книге экономических примечаний Опочецкого уезда» под № 1766 значится «озеро Балагула П. А. Ганибала, О. А. Ганибала, кн. М. Е. Шеховского, ведомства каз. палаты эконом. крестьян, леса 200 с.; неудоб. 319 д. 1 553 с., всего 319 д. 1 753 с. На низких местах, в нем рыба разных родов, вода здорова, на коем состоит небольшой величины остров и лес растет дровяной».

Святогорский монастырь — монастырь в 5 верстах от Михайловского. Здесь похоронен поэт.

№ 86. УДОСТОВЕРЕНИЕ ПСКОВСКОЙ ПАЛАТЫ ГРАЖДАНСКОГО СУДА

1816 г. Июля 28

В Санктпетербургское губернское правление.
Из Псковской палаты гражданскаго суда

Сия Палата, слушав прошение, поданное по доверенностям военной советницы Надежды Осиповой дочери жены Пушкиной и матери

ее флота капитанши Марьи Алексеевой дочери жены Ганибаловой от дворовaго их человека Михайлы Иванова, коим изъясняя: прошлаго, 1814-го года, октября 20-го дня, поданным он по доверенности означенной госпожи Пушкиной в сию Палату прошением просил о даче на недвижимое ее имение, состоящее и писанное вообще с означенною матерью ее Ганибаловою Апочецкого уезда, на сто душ для представления в казенные места в залог свидетельства, по которому уже и справки собраны и по оным открылось, что числится по крепостному повытью: запрещение 1-е, 1792-го года, генваря 2-го — по сообщению Псковскаго наместническаго правления за неисправное им содержание Долговской почтовой станции на все его, Ганибала, имение. Запрещение 2-е, 1799-го года, ноября 29-го дня, по сообщению Псковскаго губернскаго правления за содержание в Санктпетербургской губернии почтовой станции по сумме, почитаемой ко взысканию, 13 108 рублей 93 копейки на имение. Запрещение 3-е, 1802-го, генваря 8-го, по сообщению Псковскаго губернскаго правления за несостояние флота капитанов Иосифа и Исака Ганибалов к платежу взыскиваемых с них немалотысячной суммы денег в предохранение оных на принадлежащее им после покойнаго брата их генерал аншева и кавалера Ивана Абрамовича Ганнибала из движимаго и недвижимаго его части имения, 4-е, 1805-го года, маия 1-го, по сообщению Санктпетербургской гражданской палаты артиллерии капитана 2-го ранга Иосифа Ганнибала о иску порутчицы Натальи Тимофеевой 5 350 рублей на имение. Запрещение 5-е, 1809-го года, февраля 20-го, по сообщению Псковскаго губернскаго правления в предосторожность взашедших в Апочецкой уездной суд на г. капитана Иосифа Ганнибала ко взысканию исков от подпорутчицы Тимофеевой в 1 000 рублях, а от господина генерал майора Ганнибала двух заемных писем: 1-е, в 3000 рублях, а 2-е — 845-ти рублях на имение покойнаго Ганнибала, всего на 80-ть душ. Запрещение 6-е, 1809-го года, июля 27-го, по сообщению Псковскаго губернскаго правления на имение покойнаго генерал порутчика Ивана Ганнибала и наследников его генерал майора Петра, флота капитанов 2-го ранга Иосифа и 3-го ранга Исака Ганнибаловых по предмету упадаемое на него, Ганнибала, взыскание немалотысячной суммы. Запрещение 7-е, 1810-го, маия 2-го, по сообщению Псковскаго губернскаго правления, по искам капитанши Устиньи Толстой по писму золотом и серебром 8 500-т рублей, подпорутчицы Настасьи Тимофеевой 2 000 рублей и генерал-майора Петра Ганнибала 3 845-ть рублей на все имение. Запрещение 8-е, 1814-го, марта 9-го, по сообщению Псковскаго губернскаго правления из имения капитана Иосифа Ганнибала в предохранении иска, чинимаго с него госпожею Бочмановою по векселю — 600 рублей, на шесть душ запрещение, а как вышеозначенное, показанное в ответствие крепостнаго повытья, запрещение с покойнаго госпожи Пушкиной отца, госпожи Ганнибаловой мужа, флота капитана Иосифа Ганибала по претензии казенных мест и частных людей деньги на все, как ему совершенно известно, посредством продаже Санктпетербургском надворном суде 2-м департаменте имение покойнаго г. его Ганнибала, совершенно удовлетворены сполна и ныне на покойном Ганнибале никаких исков не состоит, о чем и удостоверяет и Псковское губернское правление сию Палату сообщением своим. Просил о вышепоказанных, оказавшихся по крепостному повытью запрещениях сделать, с кем следует, свое сношение, почему в сей Палате и о п р е д е л е н о: в оное Губернское правление с прописанием прошения просителя сообщить — и сообщается сим с тем, дабы благоволило уведомить Палаты, удовлетворены ли прописанныя продажею имения покойнаго Иосифа Ганнибала претензии. Июля 28-го дня

1816-го года. Председатель Александр Федоров.
У сего сообщения Псковской Палаты гражданского суда печать.
Печатных пошлин 1 рб. 1 коп.
За приложение печати 2 коп.

Секретарь Иван Елисеев.
Губернский секретарь Бобров.

На обороте:

В Санктпетербургское губернское правление.
Из Псковской палаты гражданскаго суда.
№ 1725-й.

Подлинник; писано на листе гербовой бумаги стоимостью в 50 коп. № 1725. Документ представляет собою удостоверение Псковской палаты гражданского суда, направленное в Петербургское губернское правление об отсутствии исков, — по поводу прошения Н. О. Пушкиной относительно запрещения в связи с предполагаемым залогом ста душ.

Мария Александровна Ганнибал (1745—1818) — мать Надежды Осиповны, троюродная сестра Сергея Львовича. Бабка поэта. О ней см. Воспоминания О. С. Павлищевой в настоящем томе.

Михайла Иванов — М. И. Калашников.

повытье — производство бумаг по судебным делам.

за неисправное содержание Долговской почтовой станции — Лужского уезда, Петербургской губ., срв. документ № 88 настоящего архива.

Исаак Ганнибал — Исаак (Савва) Абрамович Ганнибал (1747—1804), брат О. А. Ганнибала. Морской артиллерии капитан 3-го ранга; состоял псковским оберфорштмейстером.

Иван Абрамович Ганнибал (1730-ые—1801 гг.) — военный. Принимал участие во взятии Наварина и в Чесменском бою, с 1779 г. генерал-поручик. Был холост. См. о нем в Воспоминаниях Павлищевой.

№ 87. СВИДЕТЕЛЬСТВО ПСКОВСКОЙ ПАЛАТЫ ГРАЖДАНСКОГО СУДА

1817 г. Мая 21

Копия

Псковской губернии Палата гражданскаго суда по удостоверению о недвижимом имении просительниц военной советницы Надежды, Осиповой дочери, жены Пушкиной и матери ее флота капитанши Марьи, Алексеевой дочери, жены Ганнибаловой, что в собственном их владении состоит Опочецкаго уезда в сельце Михайловском двенадцать, в деревнях Касохнове одиннатцать, Поршуговой пять, Воронове пятнацать, Махнине шесть, Лежневе четырнадцать, Цыблове девять, Брюхове десять, а всего мужеска пола восемдесят две души, которыя по нынешней седьмой ревизии писаны за ними, просительницами Пушкиной и Ганнибаловой, на сие имение указнаго ареста и спору нет, взыскание ж и по нем запрещение числится по сообщению Псковскаго губернскаго правления на покойном госпожи Пушкиной отце, а г. Ганнибаловой муже, флота 2-го ранга капитане Иосифе Абрамовиче сыне Ганнибале за розданныя покойным братом его генерал порудчиком Иваном Ганнибалом из канцелярии строения города Херсона заимообразно из казны материалы и отпуск людей тысяча восем сот двенатцать рублей семдесят одна копейка и три четверти, о сложении коих в силу манифеста, состоявшагося прошлаго 1814-го года, августа 30-го дня, представлено от Псковскаго губернскаго правления Инженерному департаменту, казенной же доимки не числится. Палата, удостоверяя о благонадежности имения и о точности всего вышеписан-

нагс, дает в том сие свидетельство для представления Императорскаго воспитательнаго дома в Санктпетербургской опекунской совет или в партикулярныя руки в залог. Маия 21-го дня 1817-го года.

Председатель Александр Федоров.
Советник Иоан Семека.
Заседатель Василий Тряпкин.

У сего свидетельства Псковской палаты Гражданскаго суда печать, печатных пошлин за приложение печати взяты.

Секретарь Иван Елисеев
Губернский Секретарь Бобров.

1819 года, генваря третьяго дня, по сему свидетельству Санктпетербургской губернии палаты гражданскаго суда во 2-м департаменте совершена купчая на проданную девку статскою советницею Надеждою Пушкиною из дворян титулярной советнице Варваре Яковлевне Лачиновой, писанную по седьмой ревизии Псковской губернии Опочецкаго уезда села Михайловска, деревни Лежнева.

Надсмотрщик Агафонов.
Титулярный советник Соломка.

На полях первой страницы: «По исходящей книге № 803-й. По записной книге № 41-й». Документ представляет собою копию свидетельства Псковской палаты гражданского суда о том, что на имении Н. О. Пушкиной и М. А. Ганнибал ареста и спора нет, для представления в Опекунский совет и текст купчей на проданную девку Н. О. Пушкиной титулярной советнице Лачиновой (1819).

сельцо Михайловское — было родовым имением матери поэта; в 1746 г. пожаловано имп. Елизаветой Петровной Абраму Петровичу Ганнибалу под названием Михайловская губа. В «Книге экономических примечаний Опочецкого уезда» под № 1778 значится: «Сельцы Зуево, что ныне Михайловское, Генварское, что прежде была деревня Паршухово, и деревня Рысцова О. А. Ганибала; число дворов 4, душ мужеска 30, женска 27; под усадьбою 12 десятин 930 саж., пашни 394 дес. 1 816 саж., покосу 50 дес. 100 саж., лесу 222 дес. 1 208 саж., неудобных мест 27 дес. 900 саж. Всего 677 дес. 154 саж. — сельцы Михайловское над озерами Маленцом и Кучановым и реки Сороти на левой стороне при устье оной, при копаном пруде и по обе стороны ручья безымянного, дом господской деревянной с службами и при нем сад иргулярной с плодовитыми деревьями; Генварское, ручья Генварского на правой стороне и при копаных колодезях, дом господской деревянной [с]службами и при нем сад иргулярной с плодовитыми деревьями, деревня на суходоле при копаных колодезях, а дачею лежит реки Сороти на левой, а ручьев безымянного и Генварского по обе, а Шественикова на левой и по обе стороны речки малой Сорети, луговая на правой стороне. Земля иловатая, хлеб и покосы посредственны, лес дровяной, крестьяне на пашне». Опись села Михайловского 1838 г. см. ЩМ, стр. 265 и след., а также стр. 12.

Касохново — по данным 1870-х годов Косохново — деревня, насчитывающая 3 двора с населением: 15 муж., 17 женщ. В 52 верстах от Опочки.

из канцелярии строения города Херсона — в 1778 г. И. А. Ганнибал был послан на Днепр для постройки г. Херсона и при нем верфи и адмиралтейства.

№ 88

Копия

№ 3896. 27 декабря 1821
№ 129, получено 20 января в 4 части

Из Лугскаго уезднаго суда
В С.-Петербургскую управу благочиния

Сему суду докладывано: по сообщению оной Управы благочиния за № 6768-м, при коем приложено объяснение, взятое от чиновницы 5-го класса Надежды Осиповой Пушкиной по делу о взыскании с нее по постановлению сего Суда 1551 р. 96½ к. на удовлетворение крестьян Лугскаго уезда казеннаго ведомства деревни Долговки за

содержание на Долговской почтовой станции лошадей, за родителя ея капитана 2-го ранга Иосифа Абрамова Ганнибала, коим она, Пушкина, первоначально объявила, что по указу Правительствующаго сената деньги были уже взысканы и хранились С.-Петербугскаго надворнаго суда в 3-м Департаменте, а по справке в сем Суде оказалось, что по резолюции сего Суда, последовавшей на объяснение, данное от ней же г-жи Пушкиной, и по сему же делу было сообщено С.-Петербургскаго надворного суда в 3-м Департаменте с испрашением присылке денег, хранящихся во оном Департаменте, оставленных при получении из онаго покойнаго Ганнибала наследниками, как о сем пишет в объяснении своем г-жа Пушкина; которой Департамент сообщением своим от 6-го июля сего года за № 1248-м сему Суду знать дал, что принадлежащих в выдачу военному советнику Иосифу Ганнибалу суммы ни каковой в хранении во оном Департаменте не имеется, какие же и были, но все без изъятия выданы дочери его Надежды Осиповой Пушкиной, почему по резолюции сего Суда и требовался от ней, г-жи Пушкиной, чрез оную Управу благочиния платеж части упоминаемых денег, которая в данном от себя объяснении прописывает о взыскании с ея сим Судом 1 551 р. 96½ коп. по содержанию почты в станции Долговки покойным родителем ея морской артиллерии капитаном 2-го ранга Иосифом Абрамовичем Ганнибалом, честь имеет донести вторично, что по указу Правительствующаго сената в пополнении как сей, тех и всех других претензий, на нем состоящих, деньги были удержаны из 20 000 р., доставших ему по наследству после брата его роднаго, генерал лейтенанта и кавалера Ивана Абрамовича Ганнибала и хранящихся в С.-Петербугском надворном суде, в силу котораго удержания, учиненнаго по всем надлежащим справкам с С.-Петербургской гражданской палатой, так же и с Псковской, состоящей запрещения на имение родителя ея были отмечены обеими Палатами пополненными, и имение его совершенно освобождено от всякаго взыскания, что и явствует из отношения С.-Петербургскаго надворнаго суда 3-го Департамента, которой бы, не имея из сих мест ясных сведений и должных справок, к выдаче ей остальных 6 619 р. 71¼ коп. не приступил, Псковская же гражданская палата в освобождение имения родителя ея выдало ей для залогу онаго свидетельство, посему она ныне сих денег платить и не обязуется, ОПРЕДЕЛЕНО: в оную Управу благочиния сообщить, дабы оная благоволила от проживающий в С.-Петербурге чиновницы 5-го класса Надежды Пушкиной истребовать по решению Правительствующего сената на платежь крестьянам деревни Долговки за содержание ими за родителя ея почтовых лошадей деньги 1 551 р. 96½ коп., не принимая от нее более ни каких отговорок, ибо она по смерти родителя своего получила все имение в свое владение, и по истребовании то количество денег переслать в сей Суд в самоскорейшем времяни, а в противном случае приступить ко взысканию с имения ея и на случай освободности и о состоянии онаго отобрать от нее объяснение; декабря 16 дня 1821 года.

Подлинное подписали:

Уездный судья Белкин.

Секретарь Степанов.

Повытчик Степанов.

Исписано 3 страницы. Документ представляет собою копию «определения» Лужского уездного суда в Петербургскую управу благочиния по делу о взыскании с Н. О. Пушкиной 1 551 руб. на удовлетворение крестьян за содержание на почтовой станции почтовых лошадей за ее отца О. А. Ганнибала. Явные ошибки и описки в документе исправляем, не оговаривая.

палата в освобождении имения родителя ее выдала ей для залогу оного свидетельство — см. документ № 87.

№ 89. КВИТАНЦИЯ

без платежа за бумагу

Опочецкое
Казначейство.
№ Кв. 337

1826 года.
14-го Майя
№ ст. 462

По указу его императорскаго величества дана сия квитанция в том, что сего числа принято в означенное Казначейство помещиц Надежды Пушкиной и Марьи Ганибаловой на первую сего года половину с 88 душ государьственной подати 145 руб. 20 коп., на земские повинности 40 руб. 26 коп., на содержание предводительской канцелярии 1 руб. 76 коп., на вторую 1825 года половину государьственной подати 49 руб. 50 коп., пени 8 руб. 9¾ коп. Итого двести сорок четыре рубли восемдесят одна копейки три четверти.

Уездный Казначей Затеплинский.
Бухгалтер Суботин.

Настоящая квитанция, как и ряд последующих (№№ 90, 91, 93, 94, 95, 96, 97 и 98), писана на заготовленном бланке, на котором напечатан заголовок и первые семнадцать слов текста. Остальное вставлено от руки.

№ 90. КВИТАНЦИЯ

без платежа за бумагу

Опочецкое
Уездное Казначейство.
№ Кв. 785 (?)

Декабря 16-го
1826 года.
№ ст. 1026-й

По приказу его императорского величества дана сия квитанция в том, что сего числа принято в означенное Казначейство помещиц Надежды Пушкиной и Марьи Ганибаловой на вторую сего года половину с 88 душ государственной подати 145 руб. 20 коп., на земские повинности 40 руб. 26 коп., на канцелярию 1 руб. 98 коп. 1825 года. Государственной подати 234 руб. 50 коп., пени 28 руб. 6 коп. Итого четыреста пятдесят рублей.

Уездный казначей Затеплинский.
Журналист Попов.

числится доимки на сих помещицах по 1-е января 1827 года, всех вообще 493 руб. 71½ коп.

№ 91. КВИТАНЦИЯ

без платежа за бумагу

Опочецкое
Уездное Казначейство.
№ Кв. 320

21-го апреля
1827 года.
№ ст. 390

По указу его императорскаго величества дана сия квитанция в том, что сего числа принято в означенное казначейство помещицы На-

дежды Пушкиной и Марии Ганибаловой на 1 сего года половину с 88 душ государственных 145 руб. 20 коп., земских 40 руб. 26 коп., на канцелярию 1 руб. 76 коп., доимок государственных 51 руб. 50 коп., пени 6 руб. 28 коп. Итого двести сорок пять рублей.

Казначей Затеплинский.
Журналист Попов.

№ 92. КВИТАНЦИЯ

С вотчины помещицы Надежды Пушкиной следующия на построение в городе Пскове дворянскаго дома деньги за восемдесят девять душ, всего восем рублей девяноста копеек принял 20 генваря 1828 года.

Предводитель дворянства
Александр Бороздин.

Писано на четвертке писчего листа. Скреплено печатью.

№ 93. КВИТАНЦИЯ

без платежа за бумагу

Опочецкое
Уездное Казначейство.
№ Кв. 77

11 февраля
1828 года
№ ст. 99

По указу его императорскаго величества дана сия квитанция в том, что сего числа принято в означенное казначейство помещицы Надежды Пушкиной и Марьи Ганибаловой с 88 душ на первую сего года половину государственных 145 руб. 20 коп., земских повинностей на первую сего года половину 40 руб. 26 коп., доимки 49 руб., пени 3 руб. 7¾ коп., на канцелярию на первую сего года половину 1 руб. 76 коп., доимки 9 р. 6 к., пени 1 руб. 64¼ коп., а всего двесте пятдесят рублей.

Казначей Затеплинский.
Журналист Попов.

№ 94. КВИТАНЦИЯ

без платежа за бумагу

Опочецкое
Уездное Казначейство.
№ Кв. 716

13-го декабря
1828 года
№ ст. 894

По указу его императорскаго величества дана сия квитанция в том, что сего числа принято в означенное казначейство помещиц Надежды Пушкиной и Марьи Ганибаловой с 88 душ государственной подати 2-й сего года половины 145 руб. 20 коп. и 1827 года 145 руб. 20 коп., пени 28 руб. 8½ коп., земских повинностей 2-й половины сего года 40 руб. 26 коп., на 1827 год 40 руб. 26 коп., пени 4 руб. 5 коп., на канцелярию 2-й половины сего года 1 руб. 98 коп., на 1827 год 1 руб. 98 коп., пени 20 коп., а всего четыриста семь рублей двадцать одна копейка с половиною.

Уездный Казначей Попов.
За журналиста (неразбор.).

№ 95. КВИТАНЦИЯ

без платежа за бумагу

Опочецкое
Уездное Казначейство
Кв. № 236.

Апреля 10-го
1829 года
№ ст. 317

По указу его императорскаго величества дана сия квитанция в том, что сего числа принято в означенное казначейство помещиц Надежды Пушкиной и Марьи Ганибаловой на первую сего года половину 88 душ государственной подати 145 руб. 20 коп., пени 2 руб. 90½ коп., земских повинностей 40 руб. 40 коп., на канцелярию предводителя 2 руб. 64 коп., а всего сто девяносто один рубль четырнадцать копеек с половиной.

Уездный Казначей Попов.
Бухгалтер Попов.

№ 96. КВИТАНЦИЯ

без платежа за бумагу

Опочецкое
Уездное Казначейство.
№ Кв. 286

Апреля 24-го
1829 года
№ ст. 344

По указу его императорскаго величества дана сия квитанция в том, что сего числа принято в означенное казначейство помещиц Надежды Пушкиной и Марьи Ганибаловой с 88 душ земских повинностей прошлых лет 87 руб. 27 коп., пени 22 руб. 73 коп. А всего сто десять рублей.

Уездный Казначей Попов.
Бухгалтер Попов.

№ 97. КВИТАНЦИЯ

без платежа за бумагу

Опочецкое
Уездное Казначейство.
№ Кв. 67

12-го февраля
1830 года
№ ст. 96

По указу его императорскаго величества дана сия квитанция в том, что сего числа принято в означенное казначейство помещиц Надежды Пушкиной и Марьи Ганибаловой доимки с 88 душ государственной подати 145 руб. 20 коп., пени 2 руб. 90½ коп., земских повинностей семдесят восем рублей 80 коп., на оные пени 30 руб. 90 коп., на канцелярию предводителя 2 руб. 20 коп., пени 4½ коп., а всего двесте шесдесят рублей пять копеек.

Уездный Казначей Попов.
Бухгалтер Попов.

№ 98. КВИТАНЦИЯ

без платежа за бумагу

Опочецкое
Уездное Казначейство.
№ Кв. 118

4-го марта
1830 года
№ ст. 170

По указу его императорскаго величества дана сия квитанция в том, что сего числа принято в означенное казначейство помещиц Надежды

Пушкиной и Марьи Ганибаловой с 88 душ на первою сего года половину государственной подати 77 руб. 21 коп., на земские повинности 39 руб. 60 коп., на канцелярию предводителя 2 руб. 20 коп., доимки земских повинностей 15 руб., пени 14 руб. 58½ коп., а всего сто сорок восим рублей пятдесят девять копеек с половиною.

Уездный Казначей Попов.
Бухгалтер Попов.

№ 99

№ 1722. 20-е декабря 1831.

с пояснением расчета, сколько поступило в выдачу г. Пушкиной рекрутских привыточных денег. От Опочецкаго уезднаго предводителя дворянства 19-го декабря 1831 года.
№ 277.
Г. Опочка
Подлинником препроводить к Сергею Львовичу Пушкину.

Господину Псковскому гражданскому губернатору.

На отношение вашего превосходительства от 12-го сего декабря за № 9503 касательно учинения моего распоряжения по просьбе помещицы Надежды Осиповны Пушкиной о немедленном удовлетворении ее следующими привыточными деньгами за поставленных рекрут — сим честь имею уведомить ваше превосходительство, что означенная г. Пушкина никогда никакаго не имела противу протчих стеснения во удовлетворении ее привыточными деньгами, а всегда по мере накопления таковой собираемой сумме она удовлетворялась наравне с протчими г. г. владельцами безостановочно, — ибо во уверение сего может послужить нижеследующий расчет, сколько ею по каждому набору получено привыточных денег, и имянно по двум раздачам недоимочной суммы прежних лет она получила 185 руб. 32 коп.; по 91-му набору за поставленнаго рекрута она получила привыточных 227 руб 62 коп., по 93-му набору 11 руб. 52 коп., по 94-му набору 84 рубли. А всего ей выдано во удовлетворение привыточных денег 508 руб. 46 коп. с подлежащими в книгах росписками, в последние ж наборы 95-й, 96-й и 97-й она точно не получала привыточных денег, ибо таковой раздачи не было по малому поступлению оных в приход за всеми принятыми мерами.

Опочецкой предводитель дворянства
Александр Бороздин.

Подлинник. На 2 лл., исписаны полторы страницы. Слова «Подлинником препроводить к Сергею Львовичу Пушкину» писаны карандашом другой рукой. Документ представляет собою отношение опочецкого уездного предводителя дворянства псковскому губернатору, сколько поступило в выдачу Н. О. Пушкиной рекрутских денег.

привыточные деньги — сверх доли, сверх разверстки. Рекрутские привыточные деньги — деньги, причитавшиеся помещику за рекрутов, поставленных сверх разверстки.

№ 100. ВЕДОМОСТЬ ПО с. МИХАЙЛОВСКОМУ

1836 г. Май.

1835 года Посеяно разнаго хлеба	Десятин		Четверт.	Четверик	Гарнц.	1835 и 1836 года Нажато разнаго хлеба	Четверт.	Четверик	Гарнц.
Овса на	16	—	41	—	—	Овса намолочено . .	62	2	—
Жита на	7	—	10	—	—	Жита намолочено . .	35	3	—
Гороху на	1½	—	1	3	2	Гороху намолочено .	6	6	—
Семя Аленаго . . .	2½	—	1	5	6	Семя Аленаго . . .	1	5	5
Гречи	1	—	—	6	—	Гречи намолочено . .	1	7	—
Итого посеяно . . .	28	—	54	7		Итого намолочено .	107	7	5
1834 года Ржи посеяно было .	24	—	30	1		Ржи намолочено . .	144	6	2
1835 года Ржи посеяно на . .	19½	—	29	2	—	Льну намято 40 пудов 35 ф.			
Сена накашевается до четырех тысяч пудов и более . .	—	—	—	—	—				

В сельце Михайловском душ

Мужскаго пола 80
Женскаго 100

в том числе

дворовых мужескаго . . . . . 15 душ
дворовых женскаго . . . . . 25 душ

доход

За покос . . . . . 75 р.
[в] Цесах за землю 175
в Бирюлях за землю 75
с наших крестьян за землю 134

459 р.

Первая часть ведомости писана на согнутом полулисте писчей бумаги; вторая—на четвертке. Датируем на основании: 1) содержания ведомости, включающей указание на 1835 и 1836 гг.; 2) поездки А. С. Пушкина в Михайловское в мае 1836 г.; 3) совпадения данных настоящей ведомости с выкладками Н. И. Павлищева в письме его к поэту от 27 июня 1836 г.

о в с а — Н. И. Павлищев писал Пушкину: «Овес. Посеяно 41 четв., а собрано 62, т. е. сам 1½. Урожай был плохой: однако и мужик иной намолотил от 2 до 3 зерен (не говорю опять о соседях, где пропорция вдвое). С бирками верно; а растрата произошла от слишком поздней уборки. Убыток до 60 четв., что по прошлогодней цене дало бы 700 рублей» (Ак. П., III, стр. 339).

ж и т о — Н. И. Павлищев писал: «Жито. Посев 10, умолот 35 четв., т. е. сам 3½. Против других очень дурно, да и тут по биркам недостачи 2 четверти. Оставшееся в амбаре жито, которое выдавалось дворовым в месячину, пополам с мякиной; поэтому на месячине украдено 4 четв., да на умолоте и гребле 2¼ и того 6¼ четвертей, что по его же управителя ценам (19 р.) составит 118 рублей» (Ак. П., III, стр. 339).

г о р о х — Н. И. Павлищев писал: «Горох. Посеяно 1½ ч., а собрано 6½. Есть грех, да неважный» (там же).

с е м я а л е н о г о — льняного. Н. И. Павлищев писал: «Что посеяно, то и

собрано, т. е. 1 ч., 5 чет. — Намято только четыре берковца. По урожаю, отличному в прошлом году у всех без изъятия, с четверти намять надо было до 4 берковцев, поэтому украдено 2» (там же).

г р е ч и — Н. И. Павлищев писал: «Греча. С 6 четвериков собрано только 1½ четверти. Весьма дурно: утаенные 1½ четверти съедены управителем, — ибо теперь в доме ни зерна» (там же).

р ж и — Н. И. Павлищев писал: «Рожь. Посев 30 четвертей, умолот 144, следовательно сам 4½. Умолот самый жалкий; не говорю о соседах, у которых намолочено от 7 до 12 зерен; сами крестьяне наши у себя собрали от 5 до 8. — По биркам рижника оказалось в умолоте 159 четв., да на гребло утаено 9, и того 168, следов. украдено 24 четв.... а всего на ржи украдено 820 рублей» (там же).

с е н о — Н. И. Павлищев писал: «Сено. Прошу прислушаться. Накошено и с 1 генваря 1835 перевезено 8 695 пудов. Все это израсходовано на корм скота, овец, лошадей в 10 зимних месяцев, — и еще прикуплено 20 пудов. Ужасно! При самой щедрой даче (по ½ пуда в сутки) нельзя было истравить на пять лошадей больше 750 пудов» (там же, стр. 340).

Ц е с а х — Цецы (Середино) — деревня в 47 верстах от Опочки. По данным 1870 г. в Цецах было шестнадцать дворов. В Цецах жили государственные крестьяне, с давних пор арендовавшие земли Пушкиной (срв. Софийский. «Город Опочка и его уезд», стр. 193). Н. И. Павлищев, имея в виду крестьян дер. Цецы, писал Александру Сергеевичу 28 августа 1836 г.: «...несколько пустошей, отдававшихся в наймы до сих пор за бесценок. Если мне с первых слов за одну вместо 175 дали 300, то нет сомнений, что со временем дадут и вдвое» (Ак. П., III, стр. 372).

в Б и р ю л я х — Бирюли (Костьково, Белогули), деревня при Белогуле, в 50 верстах от Опочки, в 1870-х гг. насчитывала пять дворов. Бирюлевские крестьяне арендовали землю у Пушкиной (срв. Софийский «Город Опочка и его уезд». стр. 193).

Александр Сергеевич писал Н. И. Павлищеву в Михайловское по поводу его выкладок: «Я очень знал, что прикащик плут, хотя признаюсь не подозревал в нем такой наглости. Вы прекрасно сделали, что его прогнали, и что взялись сами хозяйничать. Одно плохо; по письму Вашему вижу что, вопреки моему приказанию, прикащик успел уже все распродать» (Ак. П., III, стр. 349—350).

III. АВТОГРАФЫ ПУШКИНА

Публикация и комментарии Т. Зенгер, Н. Измайлова, Л. Модзалевского, М. Цявловского и А. Эфроса

I

СТИХИ

1

МОЛДАВСКАЯ ПЕСНЯ *

Гляжу, как безумный, на черную шаль
И хладную душу терзает печаль.
Когда легковерен и молод я был,
Младую Гречанку я страстно любил;
Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до чернаго дня.
Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный Еврей;
«С тобою пируют, шепнул он, дру[зья],
Тебе-ж изменила Гречанка твоя.
Я дал ему злата и проклял его
И вернаго призвал раба моего.
Мы вышли; я мчался на борзом [коне]
И кроткая жалость молчала во м[не].
Едва я завидел гречанки поро[г,]
Глаза потемнели и весь изнемог[.]
В покой отдаленный вхожу я [один,]
Неверную деву лобзал Армяни[н.]
Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцалую злодей не успел
Безглавое тело я долго топтал,
И молча на деву, бледнея, взирал.
Я помню моленья... текущую кровь...
Погибла Гречанка погибла любовь!
С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.
Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В Дунайские волны их бросил тела.
С тех пор не цалую прелестных очей[,]
С тех пор я незнаю веселых ночей;
Гляжу, как безумный на черную шаль
И хладную душу терзает печаль.

Александр Пушки[н.]

Кишинев
1820 года Ноября 14.

Автограф «Черной шали» вклеен в альбом С. Д. Пономаревой между 126 и 127 страницами. Текст написан на листе (две страницы) тонкой белой почтовой бумаги большого формата верже с водяными знаками: птица, держащая в лапах пук молний, ниже буквы «A F», а под ними «1819». Бумага сильно пострадала от времени: пожелтела и покрылась пятнами. При вклейке автографа в альбом лист был сильно обрезан, при чем обрез захватил и часть текста автографа. В нескольких местах лист надорван, угол оторван и подклеен, края местами рваные.

При заглавии Пушкиным поставлен знак сноски. Текст ее, бывший внизу листа, отрезан.

На бумаге сохранились следы от сгибов листа для помещения в конверт и от сгиба листа вдвое.

Поступил в Государственный Литературный Музей из Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина в апреле 1935 г. (№ 3096).

«Черная шаль», сейчас же после сочинения, получила широкое распространение. По одному из списков стихотворение было напечатано в № XV «Сына Отечества» за 1821 г., вышедшем в свет 9 апреля. Пушкин, возмущенный искажениями в тексте, напечатанном в журнале, послал стихотворение в «Благонамеренный», где оно и появилось в № X, процензурованном 27 мая и вышедшем в свет 21 июня.

Публикуемый автограф — тот самый, который был послан Пушкиным в «Благонамеренный» редактору-издателю А. Е. Измайлову. В «Благонамеренном» при заглавии «Молдавская песня» имеется сноска: «Напечатано с ошибками в 15 № Сына Отеч. Прим. Соч.». Эта сноска, как уже сказано, отрезана в автографе. Отличие текста «Благонамеренного» от текста автографа:

20. Прервать поцелуя злодей не успел.

Как и в автографе, под текстом в «Благонамеренном» имеется дата: Кишенев. 1820 года Ноября 14.

Текст, напечатанный в «Сыне Отечества», имеет такие отличия от текста автографа:

Заглавие: «Черная шаль», подзаголовок: «Молдавская песня».

1. Гляжу я безмолвно на черную шаль
4. Гречанку младую я страстно любил
12. И вернаго позвал раба моего
16. Глаза потемнели, я весь изнемог
17. Вхожу в отдаленный покой я один...
20. Прервать поцелуя злодей не успел!

Слова: «черную шаль» в 1, 25 и 31 стихах напечатаны курсивом. Об этой публикации Пушкин писал брату 27 июля 1821 г. «Черная шаль» тебе нравится — ты прав, но ее чорт знает как напечатали. Кто ее так напечатал? пахнет Глинкой» (См. МПП I, стр. 22).

Завсегдатай салона С. Д. Пономаревой (1800—1824) А. Е. Измайлов и подарил ей автограф Пушкина.

Т. Зенгер

2

Зачем безвременную скуку
думою
Зловещей [грустию] питать,

И неизбежную разлуку
В унынье робком ожидать.
Итак уж близок день страданья,
Один в тиши пустых полей
ешь
Ты [Я] буд[у] звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнаньем и могилой

Нещастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ея шагов

АП

1 Ноября
1826 Москва

Автограф стихотворения Пушкина «Зачем безвременную скуку» поступил в Государственный Литературный Музей в 1935 г. от внучки П. И. Бартенева И. Ю. Гаттенберг-Бартеневой. К Бартеневу этот автограф перешел в числе других из Чертковской библиотеки (в Москве), где Петр Иванович служил. В Чертковскую библиотеку автограф был принесен в дар в числе других автографов Пушкина С. П. Колошиным (1825—1868) в 1866 г. (см. РА 1867, № 2, стб. 317). Колошин владел этим автографом по наследству от отца П. И. Колошина (1799—1854), которому автограф был подарен общим приятелем его и Пушкина В. П. Зубковым, первым владельцем автографа.

Автограф был опубликован и фиксимильно воспроизведен М. Цявловским в «Московском пушкинисте» II, М. 1930, стр. 181—183.

Текст его написан на неровно обрезанном листке (19,6 × 15,5 см) пожелтевшей бумаги без водяных знаков. На оборотной стороне имеются рисунки и записи дней недели, сделанные неизвестной рукой. Судя по этому, стихи были записаны Пушкиным у Зубкова на листке, оборотная сторона которого уже была занята.

Было это сделано, вероятно, при таких обстоятельствах.

Пушкин уезжал из Москвы, где он провел почти два месяца осенью 1826 г., впервые будучи на свободе после шестилетней ссылки. Здесь подружился он с В. П. Зубковым, памятником чего являются замечательные портреты декабристов, сделанные Пушкиным (см. стр. 364—370), здесь влюбился он в свояченицу Зубкова, Софью Федоровну Пушкину, и неудачно сватался к ней.

Перед отъездом Пушкин зашел к Зубкову, и, не застав его, написал ему записку, где говорил о дурном роке, преследующем все его начинания, об отъезде в деревню «похоронить себя», о смерти в душе. (См. МПП, II, стр. 17).

Тогда же, вспомнив свои прежние стихи, чрезвычайно уместные при разлуке с любимой женщиной, поэт написал их и датировал этим днем записи. Он надеялся вероятно, что стихи дойдут до Софьи Федоровны, но Зубков сохранил автограф у себя и потом подарил его Колошину.

Стихотворение «Зачем безвременную скуку» было сочинено Пушкиным, повидимому, в 1820 г., так как первый черновой текст стихотворения, дающий в последнем чтении близкий к окончательному тексту[1], находится среди произведений 1820 г. в записной книжке 1820—1822 гг. (ПБЛ). За два листа до этого стихотворения находится стихотворение «Увы, зачем она блистает». «Зачем безвременную скуку» говорит о тех же чувствах — об ожидании близкой смерти милой больной девушки. Слова о «неизбежной» разлуке, о «зловещей» думе, о «безвременной» скуке трепетно и затаенно говорят о неминуемой смерти.

Девушка, к которой относятся эти стихотворения — Елена Николаевна Раевская, болевшая чахоткой и державшая в постоянной тревоге свою семью. Ее же образ вспомнился Пушкину и в «Осени». Но Раевская поборола смерть и даже пережила Пушкина.

Не желая, чтобы она была узнана в стихах, поэт, размещая свои стихотворения в издании их отдельной книгой в 1829 г., датировал «Увы, зачем она блистает»

---

[1] Установлено С. М. Бонди в подготовленной им к печати работе по транскрибированию южной записной книжки Пушкина для II выпуска факсимильного издания рукописей Пушкина.

Неполные с ошибками транскрипции этого черновика, см. во II т. Собр. соч. Пушкина, изд. Академии Наук, 1905, стр. 320—321 и в статье Н. О. Лернера «Загадочное стихотворение Пушкина» в «Журнале министерства народного просвещения» 1909 г., январь, стр. 99—105.

1819 годом, а «Зачем безвременную скуку» — 1821 годом, отделив одно от другого в книге двадцатью шестью стихотворениями.

Т. Зенгер

3

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик —
Страстей глубоких и мятежных
Как упоителен язык —
Но прекрати свои разказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы
Боюсь узнать что знала ты.

12 авг.
1828

Листок in 4° писчей бумаги без вод. знаков. Текст занимает одну страницу.

Н. В. Путята, в своих воспоминаниях о Пушкине, рассказывая, как Пушкин «имел необходимость сообщать только что написанные им стихи», писал об этом автографе: «У меня на квартире читал он мне стихи: «Таи, таи свои мечты» и пр. и, по просьбе моей, тут же написал мне их на память»[1].

После смерти Н. В. Путяты (1802—1877) автографом владела его дочь О. Н. (1840—1920), бывшая замужем за сыном поэта И. Ф. Тютчевым. После смерти Ольги Николаевны автограф принадлежал ее сыну Н. И. Тютчеву, от которого поступил 28 июня 1933 г. в Государственный Литературный Музей (№ 637/94).

Настоящий автограф является единственным для этого стихотворения. Дата, означающая, на основании показания Путяты, день записи стихотворения, дает основание утверждать, что сочинено оно в августе, до 12 числа. Впервые стихотворение под заглавием «Наперсник» и с двумя звездочками вместо подписи (в оглавлении помещено среди стихотворений Пушкина) было напечатано в «Северных Цветах на 1829 год», стр. 132 второй пагинации. Текст альманаха отличается от текста автографа в третьем и шестом стихах, которые в альманахе читаются:

3. Страстей безумных и мятежных
6. Таи в себе свои мечты.

Стихотворение (под заглавием «Наперсник») вошло в собрание: «Стихотворения Александра Пушкина», вторая часть, СПБ, 1829, стр. 124. Этот текст отличается от текста автографа только в третьем стихе, который здесь читается так же, как в альманахе. Впервые текст автографа напечатан К. Пигаревым в издании «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII—XXXIX.

М. Цявловский

4

целый день сидит
Супротив[2] меня, глядит на меня
Глядит на меня не смигивает
Любовныя пошептывает[3]
[Забавныя] речи [поговаривает].

Кусок писчей бумаги (4,5 × 18 см.), отрезанный от листа in f°. На этом листе был написан черновик сцены «Светлица» драмы «Русалка». Судьба этого листа была весьма своеобразна. Хранившийся у Пушкина, он вошел в число тех руко-

[1] РА 1899, № 6, стр. 353.
[2] В подлиннике: Супрутив
[3] Первоначально было: нашептывает

лисей поэта, которые после его смерти в феврале 1837 г. были разобраны и перенумерованы жандармским писарем под руководством генерала Дубельта и Жуковского.

С охранной цифрой «78», поставленной красными чернилами, лист этот в числе других взял себе Жуковский, подаривший его А. С. Норову (1795—1869), бывшему министром народного просвещения в 1854—1858 гг.[1]. Норов имел неосторожность предоставить рукопись для публикации текста П. И. Бартеневу, который, напечатав текст черновика в № 12 «Русского Архива» за 1865 г., по своему обыкновению, не торопился возвратить автограф владельцу, который к тому же вскоре умер. С оставшимся у него листом Бартенев распорядился весьма оригинально. Отрезав верхнюю часть листа, с текстом двенадцати стихов: семью (на лицевой стороне), начиная со стиха: «Княгиня, княгинюшка», и кончая: «Свою няню любимую» и пятью (на обороте), начиная со стиха: «Дитя мое, дитятко, не плачь, не тужи», и кончая: «А красная девица что наседочка», Бартенев этот кусок листа подарил собирателю автографов В. С. Абакумову (1843—1897), бывшему товарищем председателя Московского Окружного суда[2]. От В. С. Абакумова, а может быть после его смерти, листок перешел к другому собирателю, А. Ф. Мартынову (1823—1906), собрание автографов которого поступило в Нижегородский музей имени Горького, откуда перешло в Исторический архив (Истарх) в г. Горьком. В этом собрании листок обнаружил в 1934 г. В. И. Нейштадт, опубликовавший текст его с факсимильным воспроизведением в «Литературной Газете» 1934 г., № 151 (от 12 ноября).

Транскрипцию текста автографа с факсимильным его воспроизведением уже после того, как часть была отрезана Абакумову, дал В. Я. Брюсов в книге «Письма Пушкина и к Пушкину», изд. «Скорпион», М. 1903.

От оставшейся части листа Бартенев вторично отрезал в 1910 г. кусок (снизу листа) со стихами: «Целый день сидит...», кончая: «Любовные речи пошептывает». На этот раз автографом Пушкина был уплачен литературный гонорар писателю Б. А. Садовскому[3]. У последнего листок и был приобретен 1 июня 1935 г. Государственным Литературным Музеем (№ 3301/1).

Оставшаяся после двукратных обезображиваний рукопись Пушкина после смерти П. И. Бартенева (22 октября 1912 г.) принадлежала его сыну Сергею Петровичу (1863—1930), который передал автограф в 1925 г. в Пушкинский Дом Академии Наук СССР[4].

Текст, принадлежавший Б. А. Садовскому и находившийся внизу первой страницы автографа, представляет собою переработку стихов, написанных на этой же странице:

Бывало дружок мой супротив меня
Сидит целый день и с места нейдет
Сидит глядит не смигивает —

В отмену этих стихов Пушкин и написал выше воспроизведенные стихи, при чем слова «целый день сидит» являются второй частью стиха, первая часть которого: «Бывало дружок мой».

Датировать автограф можно ноябрем 1829 г., о чем см. в примечании С. М. Бонди к «Русалке» в седьмом томе академического издания полного собрания сочинений Пушкина.

М. Цявловский

---

[1] См. РА 1865, № 12, стб. 1531.

[2] См. «Русские Ведомости» 1890 г., № 198.

[3] Сообщено мне Б. А. Садовским. Разрезание рукописи на части Бартенев с присущим ему юмором уподоблял «отъятию святых мощей для новых антиминсов». См. записку к В. Я. Брюсову Бартенева (от 15 марта 1908 г.), в которой он просит отрезать от какого-то автографа Пушкина «хоть две строчки», в книге Н. Ашукина «Литературная мозаика», М. 1931, стр. 181.

[4] См. ОАН 1925 г., стр. 151.

5

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

XXI Туда *, я помню, ездила всегда * В церковь[1]
Графиня... (звали как, не помню право)
Она была богата, молода,
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда[!)]. !)[1]
Бывало, грешен! всё гляжу направо,
Всё на нее. Параша перед ней
Казалась, бедная, еще бедней.
XXII Порой Графиня на нее небрежно
Бросала важный взор свой. Но она
Молилась богу тихо и прилежно
И не казалась им развлечена.
Смиренье в ней изображалось нежно;
Графиня же была погружена
В самой себе, в волшебство моды новой,
В своей красе надменной и суровой
XXIII Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность ету я читал
Иную повесть: долгия печали
Смиренье жалоб.... В них-то я вникал,
Невольный взор они-то привлекали...
Но ето знать Графиня не могла,
И верно в список жертв меня внесла.
XXIV Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге, хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам; она была нещастна.
Блаженнее стократ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.
XXV Коса змией на гребне роговом,
Из-за ушей змиею кудри русы,
Косыночка крест-на-крест иль узлом,
На тонкой шее восковые бусы —
Наряд простой; но пред ее окном
Всё ж ездили гвардейцы черноусы,
И девушка прельщать умела их
Без помощи нарядов дорогих.

А. Пушкин.

Рукопись отрывка из «Домика в Коломне» представляет собою копию октав XXI—XXV, сделанную рукой Н. Н. Пушкиной на полулисте белой грубой бумаги in f° с вод. зн. «А. Гончаров». Все пять октав переписаны Натальей Николаевной сплошным текстом, без деления на строфы и даже без отступов. Пушкиным проставлены римскими цифрами номера октав на полях, в начале каждого первого стиха октавы (чернилами). Затем поэт надписал текст, выправил его, сделал выноску к первому слову отрывка и подписался (карандашом).

Если судить по этому отрывку о наборных рукописях Пушкина (ниже увидим, что эта копия предназначалась для набора), то нужно заметить, что в ответ-

[1] Выноска рукой Пушкина.

ственных местах Пушкин чрезвычайно внимательно правил рукопись (см., например, на прилагаемом снимке повторение неясно исправленного знака на полях 5-го стиха), а на мелочи мог не обращать внимания. Так в конце второй октавы Пушкин пропустил отсутствие точки, что существенно меняет смысл и интонацию и нарушает законченность октавы.

Кстати сказать, эта копия — второй известный нам случай помощи поэту в его работах со стороны жены его. В первый раз — это было летом 1831 г. — она списывала для него отрывки о французской революции из французских газет.

После этого второго случая помощи, оказанной тоже в первый год брака, когда Наталья Николаевна, списывая отрывок из «Домика в Коломне», не заметила, что он написан строфами, и Пушкин деликатно исправил ее ошибку, разметив октавы на полях, поэт может быть уже не решался прибегать к ее сотрудничеству. По крайней мере в богатых собраниях его рукописей нет больше ничего, написанного ее рукой.

Текст публикуемой рукописи одинаков с текстом этих строф поэмы, напечатанной в «Новоселье» за 1833 г.

Эта авторизованная копия найдена в 1898 г. В. Н. Лясковским в имении Киреевских «Киреевская слободка» в Орловской губернии в приобретенном им соединенном архиве братьев Киреевских. У Лясковского рукопись приобретена Государственным Литературным Музеем 1 февраля 1934 г. (№ 1657).

История этой рукописи такова. 4 января 1832 г. Пушкин послал ее вместе с письмом И. В. Киреевскому для помещения этого отрывка в третьем номере редактировавшегося Киреевским журнала «Европеец».

«Милостивый государь Иван Васильевич, — писал Пушкин Киреевскому, — простите меня великодушно за то, что до сих пор не поблагодарил я вас за Европейца и не прислал вам смиренной дани моей. Виною тому проклятая рассеянность петербургской жизни и альманахи, которые совсем истощили мою казну, так что не осталось у меня и двустишия на черный день, кроме повести, которую сберег и из коей отрывок препровождаю в ваш журнал. Дай бог многие лета вашему журналу! Если считать по двум первым №№, то Европеец будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны да сухи, кажется Европеец первый соединит дельность с заманчивостью...» [1].

Но Пушкин не оказался пророком в этом деле: журнал был запрещен после второго же номера.

«Милостивый государь Александр Сергеевич, — писал Киреевский Пушкину, — я до сих пор не отвечал вам на письмо ваше и не благодарил вас за присылку стихов потому, что через несколько дней по получении их я узнал о запрещении моего журнала и следовательно выжидал случая писать к вам не по почте» [2].

Присланный Пушкиным отрывок пролежал в архиве Киреевских сто лет и в виде извлечения из повести никогда не был напечатан. В начале работы над созданием «Домика в Коломне» Пушкин предполагал анонимно опубликовать часть вступительных октав, направленных против враждебной ему критики и выделенных в рукописи с припиской: «сии октавы служили вступлением к шуточной поэме уже уничтоженной». Но эта публикация тогда не состоялась, позднее полемическая часть, надо думать, показалась поэту слишком злободневной, и он исключил эти строфы из повести.

В январе 1832 г., когда Пушкин посылал отрывок из «Домика в Коломне» Киреевскому, вся повесть уже была в окончательно завершенном виде. За это говорит та же нумерация строф в копии, как в напечатанном поэтом тексте, и тождественность обоих текстов.

---

[1] Письмо, хранящееся в архиве Киреевских в Гос. Историческом Музее, опубликовано О. И. Поповой в журнале «Огонек» 31.V 1929 (№ 21/321). Перепечатано в «Литературном Наследстве» № 16—18, стр. 543.

[2] См. АкП II, стр. 377.

В 1833 г. Пушкин поместил всю повесть (кроме полемической части ее) в альманахе «Новоселье» — и если бы не нахождение авторизованной копии в архиве Киреевского (при наличии письма Пушкина к нему), то мы никогда и не знали бы, что Пушкин выделил в качестве самостоятельного отрывка, достойного отдельной публикации, предваряющей публикацию всей повести, именно эти пять октав [1].

Прототипу центральной фигуры приведенных октав — графине Стройновской, виденной Пушкиным в юности в петербургской Коломне, посвящены три статьи Н. О. Лернера [2].

Т. Зенгер

6

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает
Но и любовь Гармония

А. Пушкин

5 [3] Окт. 1832

Альбом Прасковьи Арсеньевны Бартеневой в коричневом сафьянном переплете с орнаментальной кожаной мозаикой; бронзовые застежки, форзацы муаровые зеленого цвета. Бумага с вод. знаком: «Whatman Turkey Mill». В альбоме 1 нен. + 74 нумерованных карандашом листов (№ 259) [4]. Запись Пушкина сделана на л. 18[1].

Вписанные Пушкиным стихи — слова «первого гостя» Лауры из второй сцены «Каменного гостя». Эти же стихи Пушкин вписал в альбом М. Шимановской 1 марта 1828 г. [5]. Текст записи в альбоме Бартеневой от текста «Каменного гостя», напечатанного впервые в сборнике 1839 г. «Сто русских литераторов», и текста записи в альбоме Шимановской отличается в последнем слове, которое читается здесь: «мелодия».

Впервые запись напечатана в каталоге Пушкинской выставки в Праге Vystava „Puskin a jeho doba". Puskiniana katalog dila Puskinova a Praci o nêm", V Praze, 1932, стр. 12, затем в заметке Г. Лозинского «Романтический альбом П. А. Бартеневой» во «Временнике Общества друзей русской книги», III, Париж, 1932, стр. 93—106 с приложением факсимиле (на стр. 106). Из каталога пражской выставки перепечатано Н. С. Ашукиным в «Звеньях», кн. 2, М. 1933, стр. 223.

Прасковья Арсеньевна Бартенева (1811—1872), камер-фрейлина Александры Федоровны, была выдающейся певицей, чем и объясняется запись Пушкина в альбоме. О ней см. в книге «Рукою Пушкина», стр. 661—663, заметку Л. Б. Модзалевского. Альбом П. А. Бартеневой приобретен Государственным Литературным Музеем в 1933 г. в Париже у Н. А. Константинова.

Л. Модзалевский

7

ГУСАР

Скребницей чистил он коня
А сам ворчал, сердясь не в меру:

---

[1] В печати даже высказывалось предположение, что в «Европеец» был послан отрывок из вступительных строф. См. заметку Б. Т. «Домик в Коломне» в «Путеводителе по Пушкину» в КН VI.

[2] «Прообраз пушкинской Татьяны» (в журнале «Столица и Усадьба» от 15/XII 1916 г., № 72); «Графиня Стройновская» (в журнале «Наша Старина, 1917, вып. I), «Один из прообразов Татьяны» (в сборнике статей Н. Лернера «Рассказы о Пушкине», 1929).

[3] Первоначально было: 3

[4] Подробное описание альбома, в котором имеются записи Жуковского, Козлова, Мятлева, Лермонтова и других, дается в другом томе «Летописей» Государственного Литературного Музея.

[5] См. книгу «Рукою Пушкина», изд. Academia, 1935, стр. 647—648.

«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартеру!

Здесь человека берегут
Как на Турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут
И уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой —
Не бось, не выманишь за дверь
Ее ни честью ни ногайкой.

Толь дело Киев! что за край!
Валятся сами в рот голушки,
Вином — хоть пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобривой.
Одним, одним не хороши....»
— А чем же? разскажи служивой.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: молвить безобиды
Ты, хлопец, может быть не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Л. 1₂ Вот видишь около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка!

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо,
Прибью — Марусинька моя
Словечка не промолвит грубо.

Напьюсь — уложит; и сама
Опохмелиться приготовит
Мигну бывало: Эй кума! —
Кума ни в чем не прикословит.

Кажись: о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно:
Да нет: я вздумай ревновать
Что делать? враг попутал видно

За чем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? кто просит?
Л. 2₁ Шалит Марусинька моя;
Куда ее лукавый носит?

И ну присматривать за ней.
Раз я лежу глаза зажмуря
(А ночь была тюрьмы черней
И на дворе шумела буря)

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула,

Лучинку тонкую зажгла
Да в уголок пошла со свечкой
Там с полки скляночку взяла
И сев на веник перед печкой

Разделась донага; потом
От склянки три раза хлебнула
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу — и улизнула.

Эге, смекнул в минуту я,
Кума-то, видно, басурманка
Постой, голубушка моя!..
И с печи слез — и вижу: склянка.

Л. 2₂

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Я брызнул на пол; что же? чудо.
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу, под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь!.. и вот
И он туда же за лоханкой,

Я ну кропить во все углы
С плеча во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы
Всё марш, всё в печку поскакало.

Кой чорт, подумал я, теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но вдруг — в трубу взвился* я пухом.

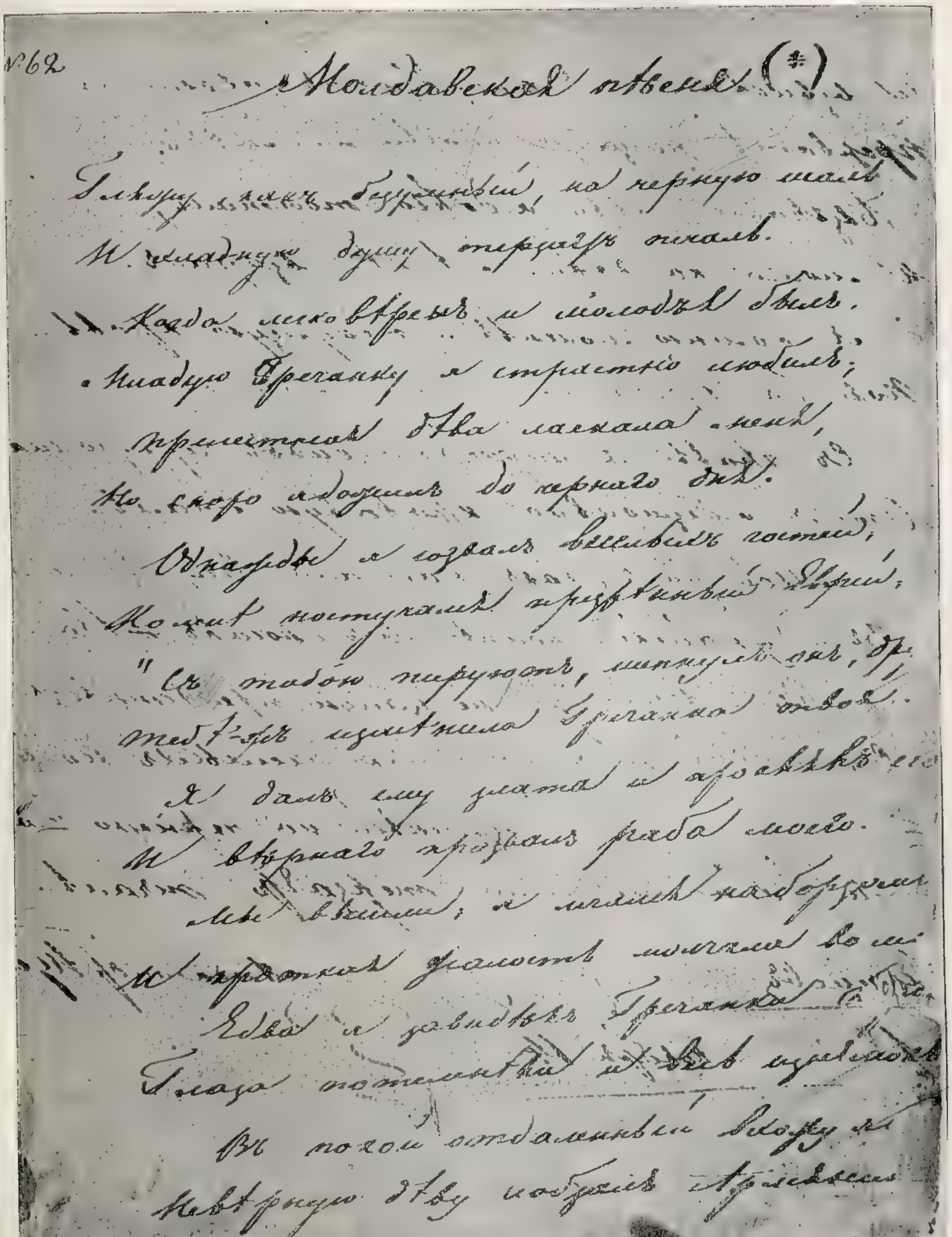
Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю,
Лишь встречным звездочкам кричу
Правей!... и на земь упадаю.

Л. 3₁

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг идет моя хозяйка:
Ты здесь! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят. Домой ступай-ка! —

* В рукописи описка: взился

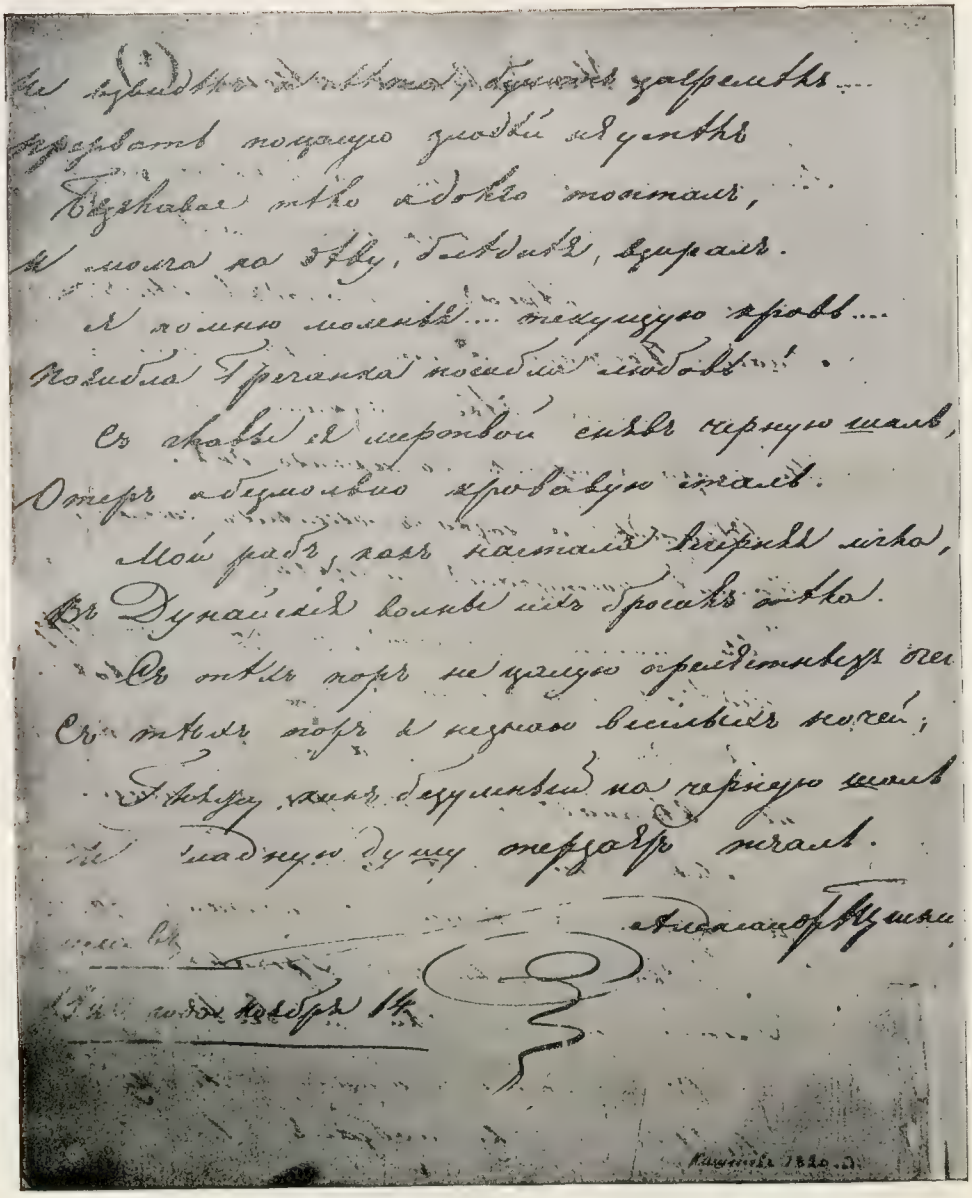

№ 62

Молдавская пѣсня (*)

Гляжу, какъ безумный, на черную шаль
И хладную душу терзаетъ печаль.
Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я страстно любилъ;
Прелестная дѣва ласкала меня,
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.
Однажды я созвалъ веселыхъ гостей;
Ко мнѣ постучался презрѣнный Еврей;
"Съ тобою пируютъ, шепнулъ онъ, друзья,
Тебѣ жъ измѣнила Гречанка твоя".
Я далъ ему злата и проклялъ его
И вѣрнаго призвалъ раба моего.
Мы вышли; я мчался на борзомъ конѣ
И кроткая жалость молчала во мнѣ.
Едва я завидѣлъ Гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ.
Въ покой отдаленный вхожу я одинъ
Невѣрную дѣву лобзалъ Армянинъ.

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА «МОЛДАВСКАЯ ПЕСНЯ»
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Автограф вклеен в альбом С. Д. Пономаревой
Государственный Литературный Музей, Москва



АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА' «МОЛДАВСКАЯ ПЕСНЯ»
ВТОРАЯ СТРАНИЦА

А'втограф вклеен в альбом С. Д. Пономаревой
Государственный Литературный Музей, Москва

Домой? Да! чорта с два! почем
Мне знать дорогу? — Экой странный!
Вот кочерга; садись верьхом
И убирайся, окоянный.

— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты дура!
Или предался я Врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вот и конь.
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

Садись — Вот сел я на коня
И не успел схватить уздечки,
А черный конь и сбил меня —
И я очнулся возле печки.

Л. 3₂

Всё в хате так же; сам же я
Сижу верьхом и подо мною
Не конь ретивый — а скамья.
Вот что случается порою».

И стал крутить он длинный ус
Прибавя: молвить безобиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус
Да глуп — а мы видали виды.

Автограф стихотворения Пушкина «Гусар» хранится во Франции, в городском музее имени Кальвэ[1] в Авиньоне. Нами воспроизводится по фотокопии, полученной Литературным Музеем из Авиньона (№ 1389/7). Автограф написан на 3 листах (6 страницах) нарядной почтовой бумаги большого формата фабрики Гончаровых, с водяным знаком «А Гончаров 1830» и рамкой — орнаментом из лавровых листьев. На каждом листе имеется печать музея: «Museum — Calvet de la ville d'Avignon» На шестой странице вероятно хранителем музея сделана подробная аннотация русского документа. Вот ее текст, в той части, которая уместилась на фотографии:

«tué en duel (autographe)
elle est intitulée le hussard
C'est un hussard qui va au sabbat après
avoir bu mainte rasade d'eau de vie»[2].

Кроме этого автографа имеется автограф пяти с половиной строф «Гусара» в т. н. «Онегинском собрании». См. НП, стр. 83—84. Этот автограф, с датой: «18 апреля 1833» более ранний, чем авиньонский.

Текст авиньонского автографа — беловой с поправками — в последнем чтении дает почти без отличий тот окончательный текст, который был напечатан Пушкиным в первой книге только что основанного журнала «Библиотека для Чтения» 1834 г. «Гусар» вошел затем, без изменений в тексте, в «Стихотворения Александра

[1] Музей образовался из собрания картин, книг и рукописей выдающегося врача Кальвэ (ум. в 1810 г.), завещавшего свое собрание городу.

[2] убит на дуэли (автограф) она озаглавлена гусар. Это гусар, отправляющийся на шабаш после того, как он выпил несколько стаканов водки.

Пушкина», ч. IV, 1835 г., где им открывается книга, и в таком же виде перепечатывается во всех изданиях.

Отличия печатного текста от автографа таковы:

стих 39.

Да нет: я вздумай ревновать

в печатном тексте читается:

Да нет: я вздумал ревновать

Стихи 91—92. Ты здесь! кто звал тебя, пострел?

Ступай домой. Но я, не струся

в печатном тексте читаются:

Домой! Кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! Но я не струся:

В автографе имеются поправки в двадцати одном стихе. Текст автографа до этих поправок дает полностью предыдущую беловую редакцию, до сих пор неизвестную. Поэтому выше нами напечатана эта беловая редакция полностью. Здесь же приводим все поправки Пушкина.

л. 1_1.

Стих «Занес же вражий дух меня» был начат буквами «Пр», — вероятно в предыдущем автографе он читался:

«Принес же вражий дух меня».

Следующий стих был начат «На без», может быть

«На безпокойную квартеру».

л. 1_2.

В стихе «И начал: молвить безобиды» последнее слово написано по слову «безобидно», вероятно попавшему сюда по ассоциации: оно имеется через четыре строфы.

Стих «Вот видишь: около Днепра» исправлен так:

«Ну слушай: около Днепра»

л. 2_1.

Стих «И ну присматривать за ней» исправлен на

«Я стал присматривать за ней».

Следующий стих «Раз я лежу, глаза зажмуря» исправлен на

«Раз я лежу, глаза прищуря»

Стих «Лучинку тонкую зажгла» исправлен на

«И свечку тонкую зажгла».

Стих «От склянки три раза хлебнула» исправлен на

«Из склянки три раза хлебнула».

Слово «Эге» в следующей строфе переделано в «Эхе».

л. 2_2.

Стих «Я брызнул на пол; что же? чудо» исправлен так:

«Плеснул я на пол; что за чудо?»

Стих «Всё марш, всё в печку поскакало» исправлен так:

«Марш, марш, всё в печку поскакало».

Стих «Но вдруг — в трубу взвился я пухом» исправлен так:

«Но к верху вдруг взвился я пухом».

л. 3_1.

Строфа:

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг идет моя хозяйка:
Ты здесь! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят. Домой ступай-ка!

переделана так:

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
Ты здесь! кто звал тебя, пострел?
Ступай домой. — Но я, не струся

В печатном тексте следующий стих:

Домой? Да! чорта с два! почем

был начат так:

Домой? Да! как

Следующий стих «Мне знать дорогу? — Экой странный!». переделывался так:

Мне знать дорогу? — ах ты странный!

и затем

Мне знать дорогу? — ах он странный!

Последняя строфа на этой странице была:

Садись. — Вот сел я на коня
И не успел схватить уздечки
А черный конь и сбил меня —
И я очнулся возле печки.

Переделана она была так:

Садись. — Вот сел я на коня
Ищу уздечки — нет уздечки
Как взвился, как понес меня
И очутились мы... у печки

Последний стих этой строфы при переделке был сперва начат так:

Вдруг очутился

затем:

Вдруг очутились мы.... у печки.

и окончательно

И очутились мы... у печки

л. 3_2.

Стих: Всё в хате также; сам же я переделан так:

Гляжу: всё также; сам же я

Стих: Не конь ретивый — а скамья переделан так:

Не конь — а старая скамья.

Автограф Пушкина попал во Францию вероятно через Соболевского, привезшего его в подарок Мериме от Пушкина. Еще 18 января 1835 г. Мериме пи-

сал Соболевскому известное письмо о своей стилизации иллирийских народных песен в «Guzl'e», напечатанное Пушкиным в предисловии к «Песням западных славян». Свою цитату Пушкин закончил так: „Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé[1] и проч.». Под этим «и проч.» скрывается следующая фраза, уже не относящаяся к теме письма и не опубликованная Пушкиным: «Вы крайне обяжете меня, если пришлете его автограф, а также и автографы других ваших знаменитых соотечественников, живых или мертвых»[2].

Возможно, что Пушкин тотчас же и выделил для подарка Мериме «Гусара», как стихотворение, близкое к фольклору, столь ценимому Мериме. «Гусар» уже был напечатан, и поэтому Пушкин мог безущербно отдать его рукопись. В августе 1836 г. Соболевский вновь уехал за границу (где он пробыл с 1828 по 1833 г.) и там вероятно и передал автограф Пушкина французскому писателю.

Впоследствии (в 1852 г.) Мериме перевел «Гусара» на французский язык прозою (опубликовано в „Nouvelles de Prosper Merimée", Septième édition. Paris. 1874. Michel Lévy frères, t. I, in 8, p. 358.)

Т. Зенгер

8

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься не сердись:
В день уныния смирись,
День веселья, верь, настанет...

А. Пушкин.

7 апреля 1835. П. Б.

Запись в альбоме Елизаветы Александровны Сушковой, по мужу Ладыженской (1815—1883). Альбом приобретен Государственным Литературным Музеем в мае 1935 г. у внука Елизаветы Александровны Г. М. Ладыженского (№ 3237).

Впервые запись с обстоятельным комментарием была напечатана Л. Б. Модзалевским в первой книге сборника «Звенья», изд. Academia, 1932, стр. 52, где дан и факсимильный снимок записи (стр. 52—53). До этой публикации никаких сведений о знакомстве Пушкина с Е. А. Сушковой, 18 сентября 1835 г. вышедшей замуж за псковского помещика Евграфа Семеновича Ладыженского, в литературе о Пушкине не имелось.

Оставшись круглой сиротой, Елизавета Александровна была отдана в Смольный институт. По выходе из него жила она в Петербурге у тетки Марьи Васильевны Беклешевой, рожд. Сушковой (1792—1853), бывшей замужем за псковским помещиком Николаем Сергеевичем Беклешевым (1792—1859).

Будучи, очевидно, с праздничным визитом (7 апреля 1835 г. было первым днем Пасхи) у Беклешевых, Пушкин и вписал в альбом Е. А. Сушковой первые четыре стиха своего стихотворения, впервые напечатанного в «Московском Телеграфе» 1825, № XVII и вошедшего в сборники: «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 и 1829 гг.

М. Цявловский

---

[1] Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что провел его.

[2] См. «Литературное Наследство» № 16—18, стр. 766.

II

ПРОЗА

1

ЗАМЕЧАНИЯ НА СТАТЬЮ М. П. ПОГОДИНА «ОБ УЧАСТИИ ГОДУНОВА В УБИЕНИИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ»

Пометы, зачеркивания и замечания сделаны Пушкиным на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» на принадлежавшем Пушкину экземпляре книги «Московский Вестник». Собрание сочинений и переводов в стихах и прозе, издаваемое М. Погодиным на 1829 год. Часть третия. М. В Университетской типографии. 1829, стр. 90—126.

Книга эта в составе библиотеки Пушкина, после его смерти принадлежавшая сначала опеке над малолетними детьми поэта, затем его старшему сыну Александру Александровичу (1832—1914), в ноябре 1909 г. была приобретена у последнего А. А. Бахрушиным, а в апреле 1935 г. поступила из Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина в Государственный Литературный Музей (№ 3148).

Пометы, зачеркивания и замечания сделаны Пушкиным при чтении статьи Погодина, что было, как доказал Б. Л. Модзалевский (см. ПСв, вып. XIII, (1910 г.), стр. 147—148) 15—26 сентября 1829 г. Впервые они были напечатаны Б. Л. Модзалевским в ПСв, вып. XIII, стр. 149—160 и введены ГХЛ V, кн. II, стр. 896—904, где текст напечатан Т. Г. Зенгер по подлиннику[1].

Из тридцати семи страниц статьи Погодина Пушкиным оставлены без помет и замечаний лишь двенадцать: 98—100, 104, 113—114, 118—119, 121—123 и 126.

Замечания на стр. 702 воспроизведены факсимильно в «Литературном Наследстве» № 16—18, стр. 709.

М. Цявловский

2

Стр. 1

Что есть Ж. Евр.
Что есть Ж. Русской
Нынешние Р. жур.
Каков может быть Р. жур.

———

Часть политическая
Внешняя политика.

[1] Перепечатано в следующих изданиях Гослитиздата и „Academia" полного собрания сочинений Пушкина.

Произшедствия
Полит. Полемика
Предварительное изъявление
мнений правительства
Внутреннее
Произшедствия, указы
О мерах правительства
NB материалы от правитель
Корреспонденция

Лит.
Внешняя литер —
лучшия статьи из журналов
Критика иностр. книг
внутр. Ист. материалы

Стр. 2

Текучая литер.
feuilleton
théatre
Библиография
Объявления

Пособия: повеление министров
Журнал мой предлагаю
Правительству — как
орудие его действия
на общее мнение

Официальность

Написано карандашом на первой и второй страницах почтового листа (четыре страницы) бумаги без водяных знаков. Лист, первая и вторая страницы которого покрыты лаком, вклеен в том (стр. 453—456) копий стихотворений и записей о Пушкине П. И. Бартенева, описанный ниже, на стр. 492. На полоске бумаги, к которой приклеен лист, рукой Бартенева написано: «Получено в подарок от С. А. Соболевского». Было это вероятно в 1850-х гг.

Текст записи впервые напечатан Бартеневым в газете И. С. Аксакова «День», 1861 г., № 2 от 21 октября, стр. 49 под заглавием: «Программа журнала, набросанная Пушкиным около 1832 г.»

В собрании сочинений Пушкина входит, начиная с E^1. Всеми редакторами запись датируется 1832 г.[1] и вслед за Бартеневым рассматривается как программа газеты «Дневник», затевавшейся Пушкиным в 1831—1832 гг. В письме к Бенкендорфу, датированном в АкП (II, № 571) второй половиной июля 1931 г., Пушкин писал: «С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного Журнала[2], т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованием и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые всё еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению». Предложение это развивает то, что записано на листке, бывшем у Соболевского, почему эту запись и можно бы датировать 1831 г. Но против такой датировки свиде-

[1] Ю. Г. Оксманом к КН (V, стр. 532) и ГХЛ (V, кн. 2, стр. 860) запись датирована предположительно (со знаком вопроса) 1832 г.

[2] Разрядка Пушкина.

тельствует то обстоятельство, что в 1828—1833 гг. Соболевский жил за границей, и едва ли листок 1831 г. мог у него оказаться. Естественнее предположить, что запись о журнале была сделана Пушкиным летом 1835 г., когда у него снова явилась мысль использовать полученное им в 1831 г. разрешение на издание газеты, которую Пушкин называл и «журналом». Об этом поэт писал в черновом наброске, вероятно, неотправленного письма к Бенкендорфу, датированном в АкП (III, № 921) июлем 1835 г. Летом этого года С. А. Соболевский жил в Петербурге[1], и поэтому весьма вероятно, что Пушкин у него или при нем и сделал запись на листе, оставшемся у Соболевского.

М. Цявловский

3

ПУТЕШЕСТВИЕ
В АРЗРУМ
ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829-го ГОДА

Предисловие

[Сии записки, [будучи занимательны только для весьма немногих], никогда не были бы напечатаны, если б к тому не побудила меня особая причина. Прошу позволение объяснить ее, и для того войти в подробности очень не важные, ибо они касаются одного меня].

[В 1829 году отправился я на Кавказские воды. В таком близком разстоянии от Тифлиса, мне захотелось туда съездить для свидания [с братом и] с некоторыми из моих приятелей. Приехав в Тифлис [я[2]] уже никого из них не нашел. Армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону мало известную, побудило меня просить у Е. С. Графа Паскевича-Эриванского позволение приехать в армию[3]. Таким образом видел я блистательный поход, увенчанный взятием Арзрума].

[Журналисты как-то о том проведали. В политической Газете побранили меня не на шутку за то что[4] по возвращении моем напечатал я стихотворение не относившееся ко взятию Арзрума. Зная что публика столь же мало заботится о моих путешествиях, как и о требованиях рецензентов, я не стал оправдываться. Но обвинение важнейшее заставляет меня прервать молчание].

Недавно попалась мне в руки книга напечатанная в Париже в прошлом 1834 году под названием Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement François[5]. Автор по-своему описывая поход 1829 года оканчивает свои разсуждения следующими словами:

„Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été temoin, non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satyre[6]“ Из поэтов бывших в Турецком походе знал я только об А. С. Хомякове и об А. Н. Муравьеве. Оба находились в армии Графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений; второй обдумывал свое Путешествие к Святым местам, произведшее столь сильное впечатление. Но я не читал никакой сатиры на Арзрумский поход.

---

[1] См. А. К. Виноградов, Мериме в письмах к Соболевскому. М. 1928, стр. 53.
[2] В автографе: Я
[3] Переделано из: армия
[4] В рукописи описка: дважды: что
[5] Путешествия на Восток, предпринятые по поручению французского правительства.
[6] Один поэт, одаренный богатым воображением, нашел во всех славных деяниях, которые ему пришлось наблюдать, сюжет не для поэмы, а для сатиры.

Никак бы я не мог подумать что дело здесь идет обо мне, если бы в той самой книге, не нашел я своего имени между именами Генералов, отдельного Кавказского Корпуса. Parmi ler chefs qui la commandoient (l'armée du Prince Paskewitch) on distinguoit le General Mouravief... le Prince Georgien Tsitsevaze... le Prince Arménien Beboutof... le Prince Potemkine, le General Raïevsky, et enfin — M. Pouchkine qui avoit quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes [1].

Признаюсь: эти строки французского путешественника, не смотря на лестные эпитеты [2], были мне гораздо досаднее нежели брань Русских журналов. Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудою: Вдохновения не сыщешь, оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем именно, чтоб воспевать будущие подвиги, было бы для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военныя суждения. Это не мое дело. Может быть смелый переход через Саган-Лу, движение коим Граф Паскевичь отрезал Сераскира от Осман-Паши, поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток, быстрый поход к Арзруму, всё это, увенчанное [3] полным успехом, может быть чрезвычайно достойно посмеяния в глазах военных людей (каковы например, Г. купеческий консул Фонтанье, автор Путешествия на восток) [4]. Но я устыдился бы писать сатиры на прославленного Полководца, ласково принявшаго меня под сень своего шатра и находившаго время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание. Человек, [независимый], не имеющий нужды в [благодеяниях и] покровительстве сильных, [не должен ли] дорожит[ь] их радушием и гостеприимством ибо инаго от них не может и требовать[?] Обвинение в неблагодарности [касается до чести и] не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика или литературная брань. Вот почему решился я напечатать это предисловие и выдать свои путевые записки как всё что мною было написано о походе 1829 года.

А. Пушкин

Новый автограф предисловия к «Путешествию в Арзрум» находится в Париже в собрании Сергея Лифаря, балетмейстера Французской оперы, купившего его в одном из парижских антикварных магазинов.

Текст печатается нами по фотографиям с рукописи, поступившим в 1934 г. в Государственный Литературный Музей (№ 2234).

Автограф был полностью факсимильно воспроизведен в парижском издании «Путешествие в Арзрум» [5]. Текст автографа предисловия напечатан М. Л. Гофманом в примечаниях указанной книги (стр. 63—64) в виде отличий от окончательного печатного текста.

Автограф представляет собою тетрадку в пять листов почтовой бумаги большого формата.

---

[1] Среди начальников, ею командовавших (армией князя Паскевича), выделялись генерал Муравьев... грузинский князь Чичевадзе... армянский князь Бебутов... князь Потемкин, генерал Раевский, и наконец — г. Пушкин, покинувший столицу, чтобы воспеть подвиги своих соотечественников.

[2] Пушкин выпустил следующие слова о себе: «et enfin le plus célèbre des poètes russes, M. Pouchkin» (и наконец самый знаменитый из русских поэтов — г. Пушкин).

[3] Сверху карандашом поправка: окончан[ное].

[4] Первоначально было: может быть в глазах военных людей, каковы например, Г. купеческий консул Фонтанье, автор Путешествия на восток, и чрезвычайно достойно посмеяния.

[5] Пушкин «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Под редакцией и с примечаниями проф. М. Л. Гофмана и со вступительной статьей Сергея Лифаря. Второе издание. Издание С. Лифаря. Париж 1935». Первого издания нам не пришлось видеть.

Новая рукопись, не давая почти ни одного нового слова по сравнению с известными текстами предисловия к «Путешествию в Арзрум» (о которых см. ниже), важна тем, что восполняет пробел в истории текста предисловия. Теперь при наличии парижского автографа мы имеем три рукописи, иначе говоря, все тексты одного произведения от первой черновой записи до печатного текста. Такая полнота текстов — факт редкий для рукописного наследия Пушкина и благодарнейший для изучения претворения наброска первых мыслей — в данном случае полемических, запальчивых, очень личных и местами проникнутых гордостью аристократа, — в чрезвычайно сдержанную и почти холодную статью — вступление.

Первая черновая рукопись предисловия написана на обложке (повернутой верхом вниз, и начатой с другого конца) с зачеркнутым Пушкиным заглавием: «Путешествие в Арзрум в 1829 году» (тетрадь № 2387 ЛБ, лл. 27/71).

Даем полностью первый текст предисловия, печатаемый впервые:

«В 1829[м] отправился я на Кавказ [по причине], [думая] лечиться на водах. [Находясь] в таком близком разстоянии[1] от Тифлиса, [где в то время находилась армия] [я не утерпел чтоб туда] [не] [съездить]. [Мне захотелось туда] Мне захотелось туда съездить для свидания с некоторыми из моих приятелей и с братом служившим тогда в Ниж. драг. полку. — Приехав в Тифлис, я уже никого из них не нашел; армия [уже] выступила в поход — Желание видеть войну, и сторону мало известную, побудило меня [из]просить [от] у Е. С. Гр. Паск. Эрив. позволение приехать [к его] в армию — Таким образом видел я блестящую войну увенчанную взятием Арзрума[2].

Журналисты наши как-то о том проведали [и сделали мне честь упомянуть о моем] [путешествии в своих писаниях;] [а между тем] [при] по возвращении моем напечатал я одну из глав Евг. Онег. — писанную года 3 прежде[3]. — В С. Пчеле неизвестный Аристарх меня побранил не на шутку[4], ибо, говорил он, мы ожидали не Евг. Онег., а[5] поэмы на взятие Арзрума[6]. Почтенный[7] В. Евр. также [побранил] пороптал на Певунов, которые не пропели [подвига] успеха нашего оружия[8].

Всё это было довольно странно; какое было кому дело[9] [думал

---

[1] Было: так близко

[2] Было: увидел я блестящую войну, кончанную [окончанную] в 2 недели и [бл(естящий) переход вой(ск)] наш через Саганлу и взятие Арзрума.

[3] Вставлено потом.

[4] Было: В С. Пчеле меня побранили за то не на шутку.

[5] В рукописи союз пропущен.

[6] Было начато: мы ожидали поэмы на взятие Арзрума, а вместо того Г. П. напечатал.

Пушкин говорит о рецензии (вероятно Булгарина), в «Северной Пчеле» 1830 г., № 35 от 22 марта: «...Итак, надежды наши исчезли! Мы думали, что автор Руслана и Людмилы устремился за Кавказ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов — и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный, слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину...»

[7] Чтение предположительное.

[8] Пушкин разумеет рецензию Надеждина в статье «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии» в «Вестнике Европы» 1830 г., № 2 от января, стр. 146: «...ныне — когда будто по следам баснословным Олега, торжествующая Россия уже готова была пригвоздить победоносный щит к стенам Константинополя, если б, смиловавшись сад поверженным врагом, не победила самой себя христианским смирением и человеколюбием — ныне ни один из певунов, толпящихся между нами, не подумал и пошевелить губ своих...»

[9] Было: а) кому какое дело, думал я, был ли я в походе или нет [но писатель] [и даже досадно] — б) начато: Кому какое дело бы(л ли я).

я с досадою] до моих путешествий, и неужели я непременно был обязан писать именно то, что прикажут [мне] журналисты? —

— Что за нещастные люди Русские писатели!.. [Не только они] Они одни находятся в н е устава Цензурного[1]; [их лично] [частная их] наша частная жизнь подлежит обнародованию[2].

О каком офицере решился бы[3] журналист написать на пример следующее: Мы надеялись, что Г. т а к о й - т о возвратится из похода с Георг. крестом, вместо того он [вывез] [приехал] из Молдавии одну лихорадку. — Явно что[4] Цензура того бы не пропустила.

[Одн] [О] Однакож я не отвечал не желая [подать] доставить Гостиному двору приятное зрелище а в т о р с к о й т р а в л и и зная что публика столь же мало заботится о причине[5] моих путешествий как и о строгих требованиях моих рецензентов[6].

Но недавно попалась мне в руки книга [вышедш] напечатанная [в Париже в] в прошл. году: Voyage etc[7] [В ней прочитал я] Автор фра[нцузский] консул[8] посвоему разказывал поход 1829 года ([который] [начинает он] коего первым действием полагает он, взятие Ахалцыха, взятого приступом 5 [августа] 1828 году). Оканчивает свои ученые[9] военные суждения следующими строками: (Un poëte etc 252)[10]

Из [отличных] Русск. [ро] поэтов, бывших в Тур, по хо, я знал только А. Хомякова и А. Н. М.[11] [но не зна] [перв] оба они [были] находились в Евр. Турции — Первый написал несколько прекр. лирич. стихотворений, второй обдумывал свое Путешествие к Св. мест., произведшее столь сильное впечатление — но я не читал ни одной сатиры[12] на Арзрумский поход[13].

[Никогда] Никак не догадался бы я что дело идет обо мне, если б несколько страниц прежде не нашел я своего имени [в числе] [Генерал] между именами Генералов начальствовавших в походе 1829 года.

Признаюсь обвинение фр. писателя, не смотря на лестные эпитеты и [Генер.] [чин] [коим он] чин, им пожалованный, было мне гораздо досаднее[14], чем площадная [руга] брань, к которой приучили меня отечественные журналы. [Я не ездил]

Эта первая редакция предисловия очень интересна: в ней ясно видны простые и непосредственные чувства Пушкина, еще не прикрытые литературно отделанной формой. Поэт, оскорбленный нападками французского путешественника, считает нужным искренне объяснить причину своей поездки в армию; вспоминает затаенную в течение четырех лет обиду на отзывы журналистов, негодует на бесцеремонное отношение критиков к писателям, не считающихся даже с цензур-

---

[1] Было: в н е Ценсуры
[2] Было н е з а к о н ч е н н о е: подвергается ответственности и
[3] Было н е з а к о н ч е н н о е: решились бы
[4] Явно что в с т а в л е н о.
[5] Было: а) о треб б) о причинах
[6] Было: моего рецензента
[7] Voyages en Orient, entrepris par ordre du gouvernement français, de 1830 à 1833. Par V. Fontanier, ancien élève de l'École normale. Deuxième voyage en Anatolie. Paris, 1834.
[8] Фра консул в с т а в л е н о п о з д н е е.
[9] Было: ученую
[10] С м. в ы ш е. В о ф р а н ц у з с к о й к н и г е э т о т т е к с т н а 252 стр.
[11] Было: я знал только Хомякова
[12] Было н а ч а т о: но сатиры на Арзрумский поход
[13] В е с ь а б з а ц в с т а в л е н п о з д н е е.
[14] Было: Признаюсь обвинение фр. писателя было мне чрезвычайно досадно.

ным уставом, оберегающим личную честь граждан; замечательна и высокомерная ирония Пушкина по отношению к французскому консулу и русским рецензентам, пишущим для купцов.

Бросив на полуслове черновик, Пушкин стал переписывать его творчески, как он всегда это делал, то есть меняя текст на ходу письма, сжимая его. Повидимому уже закончив переписку, он стал делать добавления, вставки. Так, первый абзац был им придуман после окончания переписки предисловия. Вот вторая редакция предисловия[1] (по автографу в тетради № 2383 ЛБ, лл. 1, 3, 89, 90):

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сии записки будучи занимательны только[2] для [одного меня] не многих, никогда не были бы напечатаны, если б к тому не побудила меня особая причина: Прошу позволение объяснить ее, и для того войти в подробности очень неважныя, ибо оне касаются одного меня.

[ПРЕДИСЛОВИЕ]

В 1829 [году] году отправился я на Кавказския воды. В таком близком разстоянии от Тифлиса, мне захотелось туда съездить для свидания с братом[3] и[3] некоторыми из моих приятелей. Приехав в [Грузию] Тифлис я уже никого из них не [застал] нашел. Армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону мало известную побудило меня просить у Е. С. Графа Паскевича-Эриванского позволения приехать в Армию. Таким образом видел я блистательный поход увенчанный взятием Арзрума.

Журналисты как-то о том проведали. В [Северной Пчеле] газете (политической)[4] побранили меня не на шутку за то что по возвращении моем напечатал я [одну] стихотворение не относившееся ко взятию Арзрума. Мы надеялись, писал неизвестный рецензент, и проч.[5] [Вестник Европы] один из Московских журналов также пороптал на Певунов не воспевших успехи нашего оружия.

Я конечно не был обязан писать по заказу Г. Г. Журналистов[6]. К тому же частная жизнь писателя как и всякого гражданина не подлежит обнародованию. [О] Не льзя, [на пример,] было бы, на пример напечатать в газетах: Мы надеялись что Г. Прапорщик такой-то возвратится из похода с Георгиевским крестом, вместо того вывез он из Молдавии одну лихорадку. Явно что Цензура этого не пропус-[тит]тила б.

Зная что публика столь же мало заботится о моих [оправдываниях] путешествиях, как и о требованиях рецензентов я не стал оправдываться[7].

---

[1] «Редакторская сводка» впервые до слов «недавно попалась мне в руки» напечатана В. Е. Якушкиным в работе «Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском Музее в Москве» (РС 1884 № 11, стр. 372—374), всё предисловие в редакторской сводке впервые напечатано Ю. Н. Тыняновым в КН IV, стр. 587—588. Полностью текст печатается впервые.

[2] Вставлено потом.

[3] Вставлено позднее.

[4] Газете (политической) вставлено позднее.

[5] Это начало цитаты вставлено на полях.

[6] а) Конечно никому дела не было до моих путешествий и я не был обязан писать именно то, что прикажут Г. Г. Журналисты.

б) Я конечно не обязывался писать именно то, чего потребуют Г. Г. Журналисты.

[7] а) я не отвечал.

б) я в то время не стал оправдываться.

Но важнейшее обвинение заставляет меня прервать молчание

[Не] Недавно попалась мне в руки книга напечатанная в Париже в прошлом 1834 году под названием *Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement François.* Автор по своему описывая поход 1829 года, оканчивает свои разсуждения следующими словами:

Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satire.

Из Русских поэтов бывших в Турецком походе знал я только об А. С. Хомякове и о А. Н. Муравьеве. Оба находились в армии Графа Дибича. Первый написал в [э]то время несколько прекрасных, лирических стихотворений; второй обдумывал свое путешествие к Святым Местам, произведшее столь сильное впечатление; но я не слыхал ни [о какой] [об] о какой сатире на Арзрумский поход[1].

Никак [бы] [не догадался бы] [я] не мог бы я подумать что дело здесь идет обо мне, если бы [несколько] [страниц прежде] [я] [строк выше] в той же самой книге не нашел я [своего] своего имени, между именами Генералов, [начальствовавших] отдельного Кавказскаго корпуса: parmi les chefs qui la commandoient (l'armée du Prince Paskevitch) on distinguoient le Géneral Mouravief... le Prince Géorgien Tsitsevaze (Чавчевадзев)... le Prince Armenien Beboutof... le Prince Potemkine, le Géneral Raïewsky, et enfin... Mr Pouchkine, qui avoit quitté la capitale, pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: [обвинение] эти строки французскаго путешественника, не смотря на лестные эпитеты, были гораздо мне досаднее, нежели журнальная брань, к которой слава Богу, мы приучены[2]. [Я не вмешиваюсь] *Искать вдохновений*, всегда казалось мне смешной и нелепой причудою. Вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта[3]. Приехать на войну с тем именно чтобы воспевать будущие подвиги, было бы с одной [стороны] слишком самолюбиво для стихотворца и довольно неприлично, для Русскаго Дворянина[4]. [Прошу Г. Журналистов [извинить] простить мне это забавное готическое выражение] [недостойное нашего века[5]] Я не вмешиваюсь в военныя суждения. Это не мое дело. Может быть, смелый переход через Саган-Лу, движение коим Граф Паскевичь отрезал Сераскира от Османа-Паши; поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток, быстрый поход к Арзруму; углубление нашего пятнадцатитысячнаго войска в неприятельскую землю на расстоянии пятисот верст, оправданное полным успехом, всё это, может быть, в глазах военных людей, чрезвычайно забавно. Но я [гнушался] устыдился бы самого себя если бы мог писать сатиры на полководца[6], принявшаго меня ласково [и дружелюбно] под сень своего шатра, и находившаго время, посреди своих великих[7] забот оказывать мне лестное внимание. Человек независимый, не имеющий нужды в покровительстве

---

[1] Весь абзац вставлен потом.

[2] Было: нежели брань, к которой слава Богу приучили нас наши отечественные журналы.

[3] Было: а) если оно само тебя не найдет
б) оно само тебя найдет

[4] Было: было бы с моей стороны слишком самолюбиво и слишком неприлично.

[5] Было: а) Прошу извинение [в] за готический предразсудок
б) Прошу извинение за готическое выражение и смиренно сознаюсь

[6] Было: Но (я) почел бы [безчестием] за безчестие если бы мог написать сатиру на полководца

[7] Вставлено позднее.

сильных и ничего от них не требующий, не должн ли дорожить их радушием и гостеприимством?[1] Обвинение в неблагодарности касается до чести, и[2] не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика, или литературная брань[3]. Вот почему решился я написать [сие] это предисловие, и выдать свои путевые заметки, как всё что мною было написано [об] о походе 1829 года.

3 апреля
1835.

Во втором автографе предисловия конец его, начиная со слов «Искать вдохновений», является первой творческой записью этой части.

Тут очень интересны заветные для Пушкина мысли о вдохновении (ср. в стихотворениях «Поэт», «Осень», в «Египетских ночах») и чрезвычайно ярко выраженное сознание своей принадлежности к аристократии. Признание в присущем ему средневековом предрассудке, вставленное слово «забавное готическое выражение» так густо окрасили весь этот пассаж, что Пушкин поспешил вычеркнуть его — слишком высокомерно звучал он по отношению к журналистам (вспомним выражения «лакей», «болван», «семинарист» в пушкинских эпиграммах о Надеждине), к которым он здесь обращался.

Первый абзац этой редакции предисловия можно рассматривать как удачный литературный зачин, искренности которого особенно доверять конечно не приходится. Невозможно допустить, чтобы Пушкин в 1835 г. писал свое «Путешествие в Арзрум» не для печати. Конечно такого же порядка и слова Пушкина о том, что его записки занимательны «для одного меня» или хотя бы с поправкой: «только для немногих».

Анализируя отличия второй редакции от первой, можно увидеть двоякую правку: во-первых, чисто стилистическую — сжимание текста и отделку выражений: «отправился я на Кавказския воды» вместо «отправился я на Кавказ лечиться на водах», «блистательный поход», вместо «блестящую войну», тут были наконец найдены лаконические слова, которые не давались Пушкину в первой редакции. Во-вторых, здесь Пушкин заменял живую речевую интонацию — безличной; например, вместо: «Всё это было довольно странно, какое было кому дело до моих путешествий, и неужели я непременно был обязан писать именно то, что прикажут журналисты?» Пушкин написал во второй редакции: «Я конечно не был обязан писать по заказу гг. журналистов». Поэтому выразительное восклицание: «Что за несчастные люди русские писатели!» так и осталось лишь в первом черновике.

Затем, переписывая текст с первого черновика, Пушкин опускал всё наиболее личное (в этом направлении любопытно проследить по всем трем рукописям колебание относительно того, говорить ли о своем желании видеть брата), конкретное («по возвращении моем напечатал я одну из глав Евг. Онег., написанную года три прежде»), временное (о «Северной Пчеле» и «Вестнике Европы»), слишком задорное и оскорбительное («Однакож я не отвечал, не желая доставить Гостинному двору приятное зрелище авторской травли»), — всё, что снижало бы тон предисловия, приближая его к журнально-полемической литературе.

Так же как и первый абзац, являющийся данью литературной условности, абзац о Хомякове и А. Н. Муравьеве — чисто словесное лукавство Пушкина, ве-

---

[1] Было: а) Независимый человек не имеющий [нужду] нужды ни в наградах, ни в покровительстве сильных дорожит их радушным гостеприимством.
б) Человек независимый, не ищущий покровительства сильных, не дорожит (ли) только их радушием и гостеприимством и ничего [другова] иного от них и не требует?

[2] Было: а) Обвинение в
б) Легкомысленное обвинение, касающееся до чести

[3] Было: площадная литературная брань

ликолепно знавшего, в кого метит французская инсинуация, и притворно припоминающего, кто же из поэтов был на войне. Недаром оба эти абзаца написаны не в потоке горячих и искренних мыслей, а вставлены уже потом, во время «сочинительства» и литературной обработки.

Обращаемся к третьей рукописи, найденной теперь в Париже. В ней с несомненностью устанавливаются две редакции: основная беловая — без единой поправки — и вторая, сильно сокращенная и с несколькими поправками. Текст этой рукописи был списан Пушкиным с предыдущей с небольшим числом вариантов. Не говоря об исправлениях чисто стилистического порядка, касающихся замены отдельных слов другими, перестановок слов и т. д. (любопытен вариант в самом начале предисловия: переписывая текст, Пушкин вставил между словами «для немногих» слово «весьма», чтобы избежать неминуемой ассоциации с названием книжек Жуковского), новый текст отличается от старого и исключением отдельных мыслей. Так, выкинуты слова о критике «Вестника Европы», о насилии над писателем, изъяты горькие слова о журнальной брани, «к которой слава богу мы приучены»; слова о своем дворянстве, смело вставленные в начальной записи, там же несколько смягченные, здесь совершенно изъяты; в перечислении военных заслуг русской армии во время турецкой войны выпущено одно из обстоятельств, звучащее очень громоздко и прозаично («углубление нашего пятнадцатитысячного войска в неприятельскую землю на расстоянии пятисот верст»). Ироническое выражение о «военных людях» Пушкин счел нужным пояснить, боясь, что оно может быть понято всерьез.

Сильно негодующие слова первой записи «я почел бы бесчестием» постепенно смягчались — «я гнушался бы самого себя», «я устыдился бы самого себя» и во второй редакции написаны уже просто: «я устыдился бы».

Новая рукопись Предисловия к «Путешествию в Арзрум» имеет на себе пометы цензора, — на обороте заглавного листа:

«Печатать позволяется,
с тем, чтобы по напечатании представлены были в Цензурный комитет три экземпляра.

28 сентября 1835.

Цензор В. Семенов»

И, как полагалось в цензурных рукописях, по всем листам (внизу их) идет подпись цензора: «Цен-сор Ва-силий Семенов».

Эти пометы документируют высказывавшееся исследователями[1] мнение о том, что Пушкин в 1835 г. готовил отдельное издание «Путешествия в Арзрум». Рукопись, бывшая оригиналом для цензурной рукописи, сохранилась полностью в бумагах Пушкина, с титульным листом:

ПРЕДИСЛОВИЕ

1835

СПб.

шмуц-титулом: «Приложения» и с текстом приложений: «Маршрут от Тифлиса до Арзрума»[2] и «Notice sur la secte des Yézidis» «Заметка о секте езидов»[3].

Закончена вся работа была 3 апреля 1835 г. (дата под предисловием этой рукописи, написанным конечно после окончания книги, что видно между прочим и

[1] Ю. Н. Тынянов в заметке «Путешествие в Арзрум» в КН VI, стр. 298 и М. А. Цявловский РП, стр. 879—880.

[2] См. Якушкин, В. Е. «Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском Музее в Москве» (РС 1884, № 11, стр. 372—373) и РП, стр. 879—881.

[3] См. РП, стр. 866—878 (тетрадь № 2383 ЛБ).

из того, что оно написано на обложке рукописи). Рукопись была переписана вероятно писарем для представления в цензуру. Текст «Путешествия» остался без изменений, — разве может быть именно тогда было проведено деление на главы, чего нет в рукописи (№ 2383) и что есть в «Современнике»[1]. Предисловие же было творчески переписано поэтом.

Уезжая в сентябре 1835 г. в деревню, Пушкин поручил Плетневу провести «Путешествие в Арзрум» через цензуру. Плетнев должен был сделать и другое дело — добиться разрешения на издание совместно с Пушкиным альманаха. Это дело очень беспокоило Пушкина: сильно нуждаясь в это время, он надеялся на материальную выгоду от альманаха. В первом же письме Пушкина к жене из Михайловского (14 сентября) он писал: «Скажи Плетневу, чтоб он написал мне об наших общих делах».

Плетнев же 16-го числа передал «Путешествие в Арзрум» в цензуру, что видно из пометы на заглавном листе автографа, где поставлен и входящий номер в цензурном комитете (401). Но ни Плетнев, ни Наталья Николаевна не писали Пушкину об его делах, и через две недели он опять запрашивал жену: «Что Плетнев? Думает ли он о нашем деле? Вероятно нет» (письмо от конца сентября). Между тем Плетнев уже успел получить рукопись «Путешествие в Арзрум» обратно, с визой цензора, о чем не замедлил сообщить Пушкину в деревню[2]. Пушкин отвечал приятелю:

«Очень обрадовался я, получив от тебя письмо (дельное по твоему обычаю). Постараюсь отвечать по пунктам и обстоятельно: ты получил Путешествие от ценсуры..... Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, в ней Альманак далеко может уехать; но мое мнение: даром Коляски не брать, а установить ей цену: Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для Альманака: назовем его Арион или Орион; я люблю имена, не имеющие смысла; шуточкам привязаться не к чему. Лангера заставь также нарисовать виньетку без смысла. Были бы цветочки, да лиры, да чаши, да плющ, как на квартере Алекс. Ив. в комедии Гоголя. Это будет очень натурально.

В ноябре я бы рад явиться к вам, тем более что такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось: пишу, через пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен. Ты дурно делаешь, что становишься нерешителен. Я всегда находил, что всё тобою придуманное мне удавалось. Начнем Альманак с Путешествия; присылай мне корректуру, а я перешлю тебе стихов.

Кто будет наш ценсор?..»

Из письма ясно, что Плетнев сдает в набор «Путешествие в Арзрум» (на заглавном листе цензурного экземпляра есть даже помета неизвестной руки: «набр. у Вингебера», то-есть «набрать в типографии Вингебера»[3] и что Пушкин, чтобы рассеять какие-то колебания Плетнева относительно затевающегося друзьями альманаха, решил пожертвовать отдельной книгой для общего дела.

Вернувшись в Петербург в октябре — вследствие болезни матери гораздо раньше, чем предполагал, — Пушкин повидимому застал дело с альманахом развалившимся и тотчас же решил издавать журнал[4]. Это дело удалось, и в апреле 1836 г. вышел первый номер «Современника», в который вошли и «Путешествие в Арзрум», и так радовавшая Пушкина гоголевская «Коляска».

Рукопись «Путешествия» к приезду Пушкина осенью из деревни была еще не набрана, и требовательный к себе художник мог вновь читать и вновь исправлять ее перед отдачей в набор. Так бывало с законченными, но еще не напечатанными

---

[1] См. указанную заметку Ю. Н. Тынянова в КН VI.

[2] Письмо Плетнева до нас не дошло.

[3] Типография Вингебера — одна из петербургских типографий. См. напр. отдел «Новые книги» в «Современнике», кн. I, стр. 313, 316(2), 318.

[4] В конце октября писал он из Петербурга Нащокину: «... Денежные мои обстоятельства плохи — Я принужден был приняться за журнал. Не ведаю как еще пойдет».

произведениями Пушкина, когда он снова возвращался к ним после некоторого отхода от них.

От этой рукописи, побывавшей у цензора Семенова, до нас дошли лишь предисловие (в Париже) и первая глава (в тетради № 2383 ЛБ).

Первая глава представляет собою писарскую копию, снятую с текста, напечатанного в 1830 г. «в Литературной Газете»[1]. Она одна из всех глав осталась в бумагах Пушкина потому, что осенью или зимой 1835 г. он стал делать на ней дополнения и поправки: — она утратила беловой вид и не могла итти в набор.

То же было и с предисловием. Сначала Пушкин сделал карандашную поправку: «...быстрый поход к Арзруму, всё это о к о н ч е н н о е [вместо увенчанное. — *Т. З.*] полным успехом...» (л. 5_1), объяснимую наличием выражения «блистательный поход, увенчанный взятием Арзрума»[2] (л. 2_2). В печати же более скромное выражение не понадобилось, так как употребленные в начале предисловия слова не вошли в печатный текст.

Затем были сделаны все остальные поправки: были вычеркнуты слова о том, что записки Пушкина «занимательны для весьма немногих», всё же вычеркнуты слова о желании свидания с братом, изменена композиция фразы о Фонтанье, а слова о достоинстве независимого человека, о благодарности в длинном предложении в вопросительной форме сжаты в лаконичный утвердительный оборот.

Наконец Пушкин перечеркнул три первых абзаца — оправдание появления записок, историю своей поездки в армию и слова о русской критике на него. Тем самым Пушкин выдерживал и в предисловии к «Путешествию в Арзрум» взятую им с самого возвращения из путешествия (и чуть было не сорвавшуюся в первой редакции предисловия) линию пренебрежительного отмалчивания от нападок Булгарина, Надеждина и им подобных.

Тогда же Пушкин и подписал предисловие[3]. Это указывает на то, что последняя переработка делалась уже для журнала[4], так как подпись под предисловием в отдельной книге, носящей имя автора на заглавном листе, конечно не была нужна.

В таком виде текст предисловия свелся к одному лишь разбору обвинения Фонтанье в сочинении Пушкиным сатиры на войну с Турцией. Этот окончательный текст третьей рукописи предисловия дословно напечатан в «Современнике».

Предисловие (в оригинале или в копии) вместе с текстом самого «Путешествия» было сдано в набор для «Современника». Вернулось ли предисловие к Пушкину и он его отдал кому-нибудь[5] (что мало вероятно), осталась ли тетрадь у писаря, или она была в архиве «Современника» (если предисловие не переписывалось), — неизвестно, но одно несомненно, что она странствовала какими-то неведомыми путями в течение ста лет.

Т. Зенгер

4

ЗАМЕТКИ ПО ОБЪЯСНЕНИЮ ДРЕВНЕ-РУССКИХ СЛОВ

Стр. 1

О б е л ь н ы й нерожденный, и з б е л ь ц е в
противуположно Ч е р н о м у
На п о т о к, заточение

---

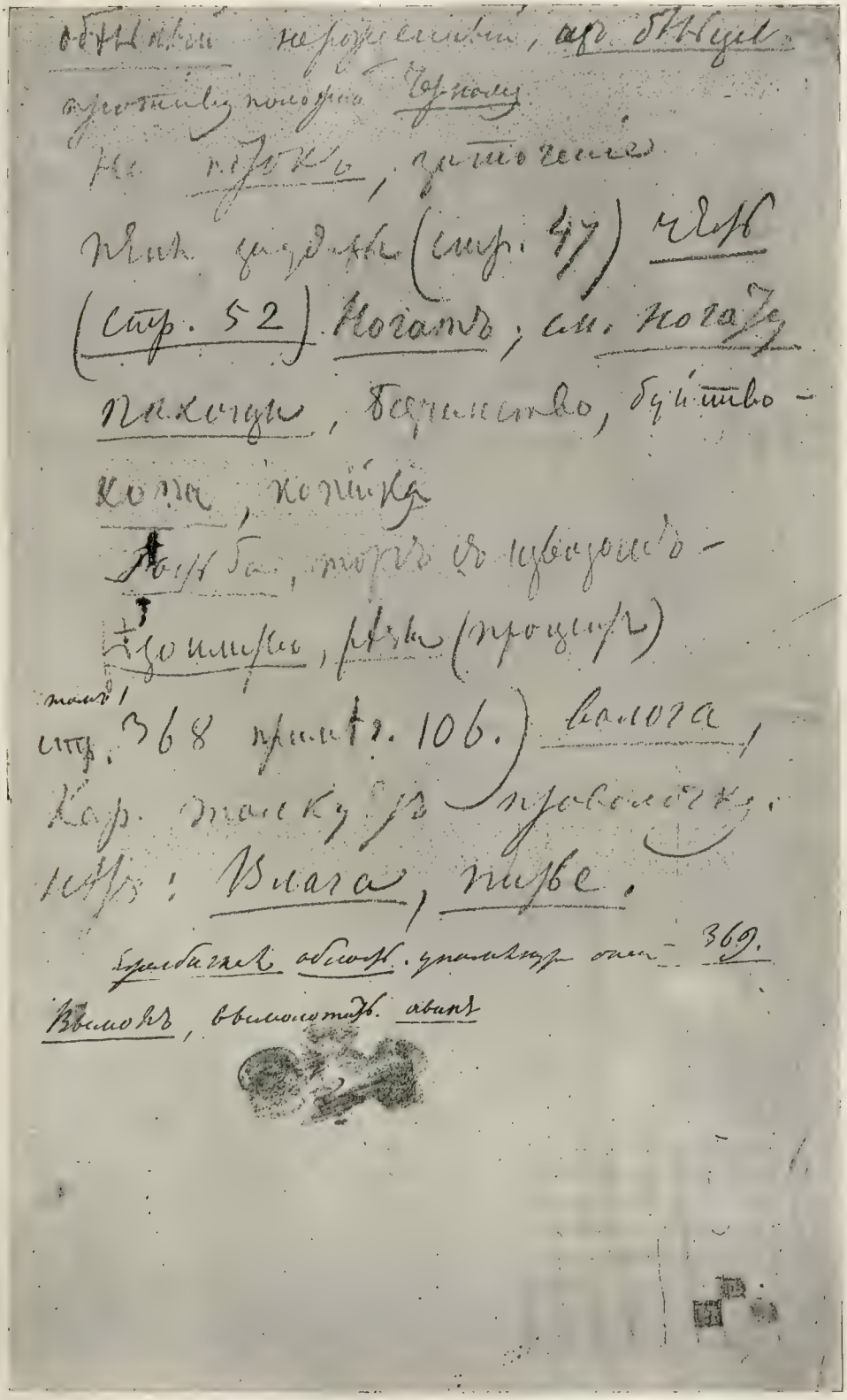
[1] Что первая глава процензурована одновременно с парижским предисловием для отдельного издания, можно судить хотя бы по тому, что по ее страницам проходит подпись цензора Василия Семенова, тогда как «Литературная Газета» 1830 г. с шестого номера цензуровалась Щегловым, а «Современник» 1836 г. — Крыловым.

[2] Замечено М. Л. Гофманом. Названная книга, стр. 64.

[3] С. Лифарь указывает, что поправки и подпись Пушкина сделаны более темными чернилами, чем основной текст автографа.

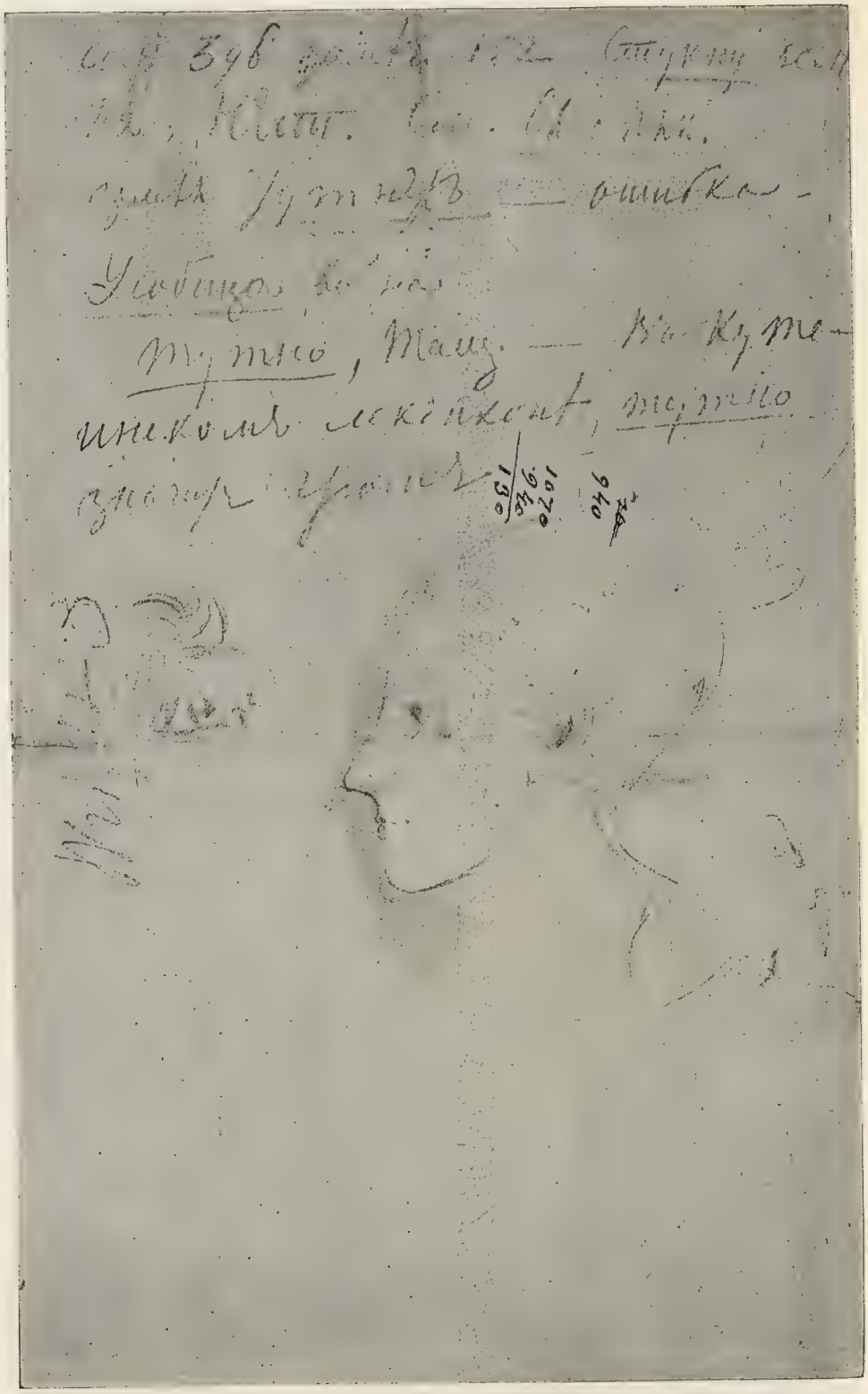
[4] В журнале предисловие сопровождено подписью Пушкина.

[5] Во всяком случае тетради не было в кабинете Пушкина в день его смерти (рукопись не имеет на себе жандармских цифр и не попала ни в одну опись).



АВТОГРАФ ЗАМЕТОК ПУШКИНА ПО ОБ'ЯСНЕНИЮ ДРЕВНЕ-РУССКИХ СЛОВ
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Государственный Литературный Музей, Москва



АВТОГРАФ ЗАМЕТОК ПУШКИНА ПО ОБ'ЯСНЕНИЮ ДРЕВНЕ-РУССКИХ СЛОВ
ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА

Государственный Литературный Музей, Москва

пеня за удары (стр. 47) четь
(стр. 52) Ногат; см. ногату
пакощи, Безчинство, буйство —
копа, копейка
Гостьба, торг с извозом —
резоимство, резы (процент)

Том. 1[1].

стр. 368 примеч. 106) волога
Кар. толкует проволочку.
Нет: Влага, питье.
Ежелбичная область упомянуто о ней — 369.
Вывол, вымолотить авин[2].

Стр. 4

[3] стр. 396 замеч. 152 Стукну зем
ля; Нест. См. Сл. о Плк.
земля тутнет — ошибка —
Усобица война
Тутно, Тащ. — В кутеинском лексиконе, тутно значит гром

70
940

Wright 3 [?] [4] 1070
940
——— ——2
130

Лист (четыре страницы) in f⁰ (36 × 22 см) белой писчей бумаги с водяным знаком: А. Г. 1830. От третьей и четвертой страниц оторван сверху кусок (размером 10,5 × 22 см). Вторая и третья страницы — чистые.

Весь текст, кроме оговоренного, написан карандашом.

Лист вложен в лист чистой бумаги, и оба листа вложены в обложку плотной бумаги синего цвета, на которой напечатано: «По редакции журнала «Русская Старина»; под этим рукой М. И. Семевского написано: «Собственноручныя заметки и выписки А. С. Пушкина карандашом (один лист) и лоскуток». Под этим приклеен ярлычок, на котором рукою М. И. Семевского написано: «№ 18 Семевский». Внизу напечатано: М. И. Семевский.

Автограф приобретен в 1922—1925 гг. Г. А. Стерном в одном из московских магазинов старых книг. От кого и когда автограф поступил к редактору-издателю журнала «Русская Старина» М. И. Семевскому (1837—1892), остается неизвестным. После смерти М. И. Семевского автографом владели его вдова Е. М. Семевская, скончавшаяся 6 апреля 1920 г., и дочь А. М. Семевская, скончавшаяся 27 ноября 1921 г. После смерти последней автограф, надо полагать, и поступил в магазин.

У Г. А. Стерна автограф приобретен Литературным Музеем в 1933 г. (№ 1353).

Никаких сведений об этом автографе в литературе о Пушкине не имеется. Текст записей печатается впервые.

Записи представляют собою выписки отдельных древнерусских слов со ссылками на второй том «Истории государства российского» Карамзина (первого издания) и с замечаниями самого Пушкина. Возможно, что эти выписки сделаны в связи с чтением второго тома «Истории русского народа» Полевого, чем был за-

[1] Том 1 написано чернилами.
[2] Со слова: Ежелбичная написано чернилами.
[3] Написано верхом вниз по отношению к тексту первой страницы.
[4] Написано перпендикулярно по отношению к остальному тексту. Вычисление написано чернилами.

нят Пушкин в октябре-ноябре 1830 г. Записи поэта при чтении Полевого напечатаны мною в книге «Рукою Пушкина»[1]. Публикуемые выписки имеют сходство с ними.

. Записи до слов: «Ежелбичная область» — выписки с объяснениями слов из «Русской Правды».

Обельный нерожденный, из бельцев противуположно Черному — запись имеет в виду следующее место в III главе: «Древнейшими рабами в отечестве нашем были конечно потомки военнопленных; но в сие время — то-есть, в XI веке — уже разные причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говорит (71), что «холопом обельным или полным, бывает 1) человек купленный при свидетелях; 2) кто не может удовольствовать своих заимодавцев; 3) кто женится на рабе без всякого условия; 4) кто без условия же пойдет в слуги или в ключники, и 5) закуп, то-есть, наемник или на время закабаленный человек, который, не выслужив срока, уйдет и не докажет, что он ходил к Князю или судьям, искать управы на господина».

Слова: «черному» нет ни у Карамзина, ни в «Русской Правде» (изд. 1792 г.) и поэтому оно принадлежит Пушкину. Противополагая «обельного» «черному», Пушкин этим объясняет первое слово.

На поток, заточение — имеется в виду такой перевод Карамзина (в III главе) статьи «Русской Правды»: «Ежели убийство сделается без всякой ссоры, то волость не платит за убийцу, но выдает его на поток» — или в руки государю — «с женою, с детьми и с имением». В примечании (72-м) Карамзин писал: «Здесь сказано просто: «на поток», но в другом месте (нов. изд. статья XVII, стр. 38) изъяснено, кому отдавали злодеев: «выдати его князю на поток». Человек, лишенный таким образом вольности, делался рабом, холопом, и князь мог продать его как товар. Издатели Правды Русской думали, что поток есть заточение». Пушкин очевидно принимает последнее толкование и не соглашается с Карамзиным.

пеня за удары (стр. 47) — «Пеня за удары» — заглавие раздела главы, напечатанное (на стр. 47 первого издания второго тома) на полях. Почему это выписано Пушкиным, объяснить не можем.

Четь (стр. 52) Ногат; см. ногату пакощи, Безчинство, буйство — Слова «четь», т. е. четверть, нет у Карамзина ни на 52-й странице, ни на соседних. Нет у Карамзина и слова «пакощи». Во втором томе своей «Истории русского народа» Полевой (на стр. 163), приведя статью «Русской Правды»: «Пакощами порежет конь, или скотину, то продажа 12 гривен, а за пагубу гривна урок платити», так ее объясняет: «Кажется, что речь идет о порче скота, столь известной у нас доныне в простонародии и приписываемой колдовству. Карамзин думал, что это значит: умышленно зарезать, и прибавил нравоучительное размышление: «Злоба бесчестила граждан» и проч. (Ист. Г. Р., т. II, стр. 53)». Пушкин не согласен с Полевым и переводит «пакощи» — «бесчинство, буйство».

О ногате у Карамзина в III главе: «В гривне было 20 ногат или 50 резаней, а 2 резани составляли одну куну. Сими именами означались мелкие кожаные монеты, ходившие в Росии и в Ливонии».

копа, копейка — В 92 примечании (второго тома) Карамзин писал: «В харат[ейном списке] Пушкинском: «еже дал ему господин плуг и борону, от него же копу емлеть». В Софийском: «кову емлеть». Издатели говорят, что «копа есть денежная плата: ибо доныне в Малороссии называется так числительная умственная монета, состоящая из 50 копеек». Но думаю, что истинное слово подлинника есть кова, и что оно происходит от глагола ковать, в образном смысле, вместе с именами ков и ковник. Так могли называться деньги, за которые слуга шел в неволю временную: он ими как бы оковывал себя».

---

[1] См. РП, стр. 167—179.

Против этого объяснения и возражает Пушкин, утверждая, что «копа» то же, что и «копейка».

Гостьба, торг с извозом — Карамзин так перевел статью «Русской Правды»: «Если купец поверил деньги купцу для торговли, и должник начнет запираться, то свидетелей не спрашивать, но ответчик сам присягает», а в примечании писал: «Аже кто купьць купцю дасть в куплю куны или в гостьбу». Издатели Правды толкуют, что купля есть торг мелочной, а гостьба обтовой или воловой. Лучше сказать, что гостями назывались купцы иногородные, или которые в чужих землях торговали».

Пушкин поясняет, что «гостьба» значит «торг с извозом».

Резоимство, резы (процент) — Карамзин в 97 примечании, цитируя из «Русской Правды»: «аже кто дасть куны в резы или мед в наставы, или жито в присоп», у слова «резы» в скобках ставит: «рост», так переводя это слово. Пушкин переводит «резы» словом «процент». Слова «резоимство» у Карамзина нет, и оно взято Пушкиным из текста «Русской Правды».

Том I, стр. 368, примеч. 106) волога Кар. толкует проволочку. нет: Влага, питье. — У Пушкина описка: место, о котором он сделал запись, находится не в первом, а во втором томе, где на стр. 368 (первого издания) имеется примечание 106, в котором есть такое место: «В Уставе Ярослава определено и жалованье, которое давалось городнику и мостнику... солоду 10 лукон на всё время, а деньгами (на мясо, рыбу и за вологу или проволочку) 7 кун еженедельно». Сам Карамзин понял свою ошибку, и во втором издании (стр. 53 примечаний) соответствующее место читается: «(на мясо, рыбу и вологу или питье)».

Ежелбичная область упомянуто о ней — 369 — В 108 примечании на стр. 369 Карамзин в перечислении новгородских областей называет девятнадцатой и «Яжелбичную». Написание у Пушкина: «Ежелбичная» точно бы указывает, что слово это выписано не из Карамзина.

Вымол, вымолотить овин — Замечание относится к приводимой Карамзиным в 108 примечании цитате из городского устава о мостовых: «от Вощник Посаднику до Великаго ряда, князю до Немецкого вымола». К последнему слову Карамзин прибавляет в скобках: «не мельницы ли?» Пушкин переводит слово «вымол» словом «овин».

Стр. 396 замеч. 152 Стукну земля; Нест. См. Сл. о Плк. земля тутнет — ошибка — Тутно, Тащ. — В Кутеинском лексиконе, тутно значит гром — Пушкин имеет в виду слова Карамзина в 152 примечании: «В том же году случилось и землетрясение (стукну земля, говорит Нестор)». Пушкин, считая, что в печатном тексте или даже в его оригинале слово: «стукну» — ошибка, ссылается на «Слово о полку Игореве», приводя оттуда выражение: «земля тутнет» и ссылаясь на следующее место в 152 примечании Карамзина: «Далее в летописи: «Предивно бысть Полотьске, в мечте бываше в нощи тутно станяше по улици, яко человеци рищюще бесы», и проч. Татищев изъясняет, что Тутон есть Сарматское имя мертвеца; но в Кутеинском лексиконе 1653 году (стр. 174) показано, что тутно значит гром. Летописец хотел сказать, что был шум на улицах».

Усобица война — Слово «усобица» тоже очевидно выписано откуда-то Пушкиным.

Wright фамилия известного английского художника. Об этом см. статью А. М. Эфроса о рисунках (стр. 364—370).

Вычисление может быть относится к выпискам, и числа означают годы каких-то событий или произведений.

5

ВЫПИСКИ ИЗ БИБЛИИ

Стр. 1

Вельблюды полны Фимиама
ритины и стакти

Ведом (гл. о Фомаре)
изтягнул (Истя̀гнеши слово
Кольца́ми (Изход Гл. К҃И)
щиты (там-же и
л҃S два щитца злата
и надраги (там-же)
Левит глава Д҃(роги алтаря)

Стр. 1

[Кирджа]ли
повесть)

Лоскуток (12,8 × 11,8 см) белой писчей бумаги верже без водяных знаков.

Написано чернилами.

Автограф находится в той же обложке, что и лист с выписками из Карамзина (№ 1353/2). См. выше.

Записи, сохранившиеся не полностью, так как край листка оторван, представляют собою выписки из славянской Библии. Печатаются впервые.

Вельблюды полны Фимиама ритины и стакти — выписано из книги «Бытие», гл. 37, ст. 25: «И седоша, ясти хлеб и воззре́вше очима видеша, и сѐ, путницы исма́илтяне идяхту от Галаада и велблюды их полны фимиама и ритины и ста̀кти». К слову «ритины» сделано примечание (в сноске): «тук маститый из древа текущий». В русском переводе Библии: «И сели они есть хлеб и подняли глаза свои и увидели, и вот идет из Галаада караван Измаильтян, и верблюды их несут стираксу и бальзам и ладан»[1].

Ведом (гл. о Фомаре) — выписано из книги «Бытие», гл. 38, ст. 25: «Она же ведо̀ма посла̀ к свекру своему, глаголющи...». В переводе: «Но когда повели ее, она послала сказать свекру своему...»

Истягнеши слово кольца̀ми (Изход Гл. К҃И) — выписано из книги «Исход», гл. 28, ст. 28: «Истягнеши сло́во колца̀ми яже на нем...» В переводе. «И прикрепят наперсник кольцами его...»

щиты (там же) — выписано из книги «Исход», гл. 28, ст. 29: «...и о́ба щит возложивши на обе раме нара̀мника на лице́». В переводе: «...и положи оба гнезда на обоих плечах на нарамнике с лица».

л҃S два щитца злата — выписано из книги: «Исход», гл. 36, ст. не нумерован: «и сотвориша два щитца злата...» В переводе: «И сделал два золотых щита...»

надраги (там-же) — выписано из книги «Исход», гл. 36, ст. ненумерован: «И сотвориша ризы виссонныя.... и надра́ги из виссо́на ска́наго...» В переводе: «И сделал шерстяные ризы... и штаны из шерсти....»

Левит глава Д҃ (роги алтаря) — выписано из книги «Левит», гл. 4, ст. 18: «И да возложит жре́ц от крове те́лчи на ро́ги олтаря фимиама сложе́ния...» В переводе: «И от крови тельца возложит на роги жертвенника...»

Слова: «изтягнул» и «щиты» имеются в «Слове о полку Игореве». Первое слово находится в следующем месте: «Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимера до нынешнего Игоря, иже истягну ум крепостью своею...» В переводе С. Шамбинаго и В. Ржиги: «Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который стянул ум крепостью своей...»[2] В своем комментарии «Слова» Пушкин писал: «Истягнул» — вытянул, натянул,

---

[1] При Пушкине русского перевода Библии не существовало.

[2] Ниже цитаты из «Слова» даются в этом переводе, напечатанном в издании «Academia», 1934 г. «Слово о полку Игореве».

изведал, испробовал (Пожарский[1]: «опоясал», первые толкователи[2]: «напрягши ум крепостию своею»). Истягнул, как лук, изострил, как меч — метафоры, заимствованные из одного источника». См. ГХЛ, т. 5, кн. II, стр. 618.

Слово «щиты» употреблено в «Слове» пять раз: 1) «лисицы брешут на чръленыя щиты», т. е. «лисицы лают на красные щиты»; 2) «Русичи великая поля чрьленими щиты прегородиша», т. е. «Русские — широкие поля красными щитами перегородили»; 3) «а храбрии русици преградиша чрълеными щиты», т. е. «а храбрые русские перегородили их красными щитами»; 4) «Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты?», т. е. «К чему ваши золотые шлемы и копья польские и щиты?» и 5) «а сам под чрълеными щиты на кроваве траве притрепан литовскыми мечи», т. е. «а сам под красными щитами на кровавой траве был побит литовскими мечами».

Если понимание слова «изтягнул» можно было искать в тексте Библии, то непонятно, зачем было отмечать, где в Библии встречается слово «щит». Но может быть Пушкин вообще отмечал в Библии слова, встречающиеся в «Слове»? Но и в таком случае необъяснимы все остальные выписки: ни «фимиам», ни «ведом», ни «надраги», ни «роги алтаря» не имеются в «Слове». Таким образом возможно предположение, что вся запись не имела отношения к «Слову» и предназначалась для каких-то других, нам непонятных, целей.

Написанное на другой стороне лоскутка бумаги свидетельствует о том, что он оторван от листа, служившего обложкой для несохранившейся рукописи с повестью «Кирджали», написанной в 1834 г. и напечатанной в двенадцатой (декабрьской) книжке «Библиотеки для Чтения» за этот год. На основании этого запись нужно датировать временем не ранее 1834 г.

М. Цявловский

---

[1] Пушкин имеет в виду книгу: «Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новагорода-Северского, вновь переложенное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний». СПБ, 1819.

[2] Пушкин имеет в виду первое издание (1800 г.) «Слова», сделанное гр. А. И. Мусиным-Пушкиным, которому в его работе над памятником помогали А. Ф. Малиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский.

III

ПИСЬМА

1

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

28 марта 1820 г. Петербург.

Deux grands auteurs les heros du Parnasse
Sont par le monde et choyés et chéris.
En vain leur Muse et detonne et grimace,
Des Visigoths ils sont les favoris.
Certain Quidam distinguant leurs écrits
De ces Messieurs nous designe la place:
L'un est, dit-il, le chantre du Midi,
L'autre du Nord. Touchez là, c'est bien dit:
Tant l'un est sec! tant l'autre est de glace!

Поэма моя на исходе — думаю кончить последнюю песнь на этих днях. Она мне надоела — потому и не присылаю тебе отрывков.

Пушкин.

1820
28 Марта.

Перевод стихов:

Два великих автора, герои Парнаса,
И взлелеяны и нежно возлюблены светом.
Их Муза напрасно и фальшивит и кривляется,
Они — любимцы Визиготов.
Некто, разбирая их писания,
Определил нам место этих господ.
«Один, говорит он, певец Юга,
Другой — Севера». Вот это хорошо сказано:
Один так сух, а другой так холоден!

Листок размером 19 × 15,5 см бумаги верже с частью букв «А О» водяного знака. Листок является оторванной нижней частью второго полулиста почтовой бумаги. На верху и у левого края листка сохранились части букв. Таким образом до нас дошла очевидно одна шестая часть письма. Часть письма, от которого был оторван сохранившийся листок, неизвестна. На оборотной стороне листка, оставленной Пушкиным чистой, позднее неизвестной рукой написано: 2 [?] Puszkin (Fr. August)».

Приобретен листок Литературным Музеем (№ 2774) 2 февраля 1934 г. у Анны Ивановны Леман., рожд. Анцыферовой.

Впервые напечатано Б. Л. Модзалевским в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.» П. 1922, стр. 9—10 по копии, хранящейся в ПД в архиве В. П. Гаевского. Вошло в «Письма Пушкина и к Пушкину». М. 1925, стр. 6—7 и в МПП I, стр. 9—10.

Как указано в копии Гаевского, листок с частью письма принадлежал писателю Влад. Раф. Зотову (1821—1896).

Судя по тому, что копия Гаевского дает тот же текст, что и автограф, письмо хранилось уже в 80-х годах (Гаевский умер в 1888 г.) в фрагментарном виде.

Эпиграмма, приведенная Пушкиным, принадлежит кн. Ник. Серг. Голицыну, приятелю П. А. Катенина. Против кого она направлена, остается неизвестным.

Поэма, упоминаемая в письме, — «Руслан и Людмила». Комментарий к письму см. в МПП I, стр. 200—201.

М. Цявловский

2

ЗАПИСКА К. М. ШИМАНОВСКОЙ

Июль—август 1828 г. Петербург.

C'est avec bien de l'empressement que j'accepte votre charmante invitation. J'ai eu des nouvelles indirectes du Prince Wiazemsky; il doit être à l'heure qu'il est chez la Princesse.

Agreez, Madame, l'hommage de ma parfaite consideration

A. Pouchkine.

На обороте:

Madame Schimanovska.

Перевод:

С величайшей готовностью принимаю ваше любезное приглашение. Я имел косвенные известия от князя Вяземского; он должен быть в настоящее время у княгини.

Примите выражение моего совершенного уважения

А. Пушкин.

На обороте:

Госпоже Шимановской.

Печатается по фотокопии, полученной Государственным Литературным Музеем (№ 1397) 16 марта 1934 г. из Музея Мицкевича в Париже.

В музыкальном мире Европы и России 20-х годов XIX в. большою известностью пользовалось имя пианистки Марии Шимановской. Полька по происхождению (рожд. Воловская), она дебютировала в Варшаве, где, между прочим, в качестве светской любительницы играла в 1818 г. для императрицы Марии Федоровны. Четыре года спустя, разойдясь с мужем и потеряв состояние, она решила стать профессиональной артисткой. В мае 1822 г. она явилась в Москву, оттуда отправилась в Петербург и сразу своими концертами приобрела славу и популярность в литературных и светских кругах. Русские журналы посвящали ей хвалебные статьи; горячим ее поклонником явился князь П. А. Вяземский, вероятно знавший ее еще в Варшаве. «Как мог ты не быть знаком с Шимановской и ее сестрой [Казимирой Воловской]? Оне премилые! — писал он А. И. Тургеневу из Москвы, 21 мая 1822 г., при отъезде Шимановской в Петербург. — Познакомься с ними и влюбись. Я даю ей письмо и к Жуковскому... Вчера у меня был для нее и Дмитриева московско-бригадирско-помещичий вечер: пляски и песни цыганские...» (Остафьевский архив, II, 255). И не только музыкальный талант привлекал к ней таких выдающихся людей, как Вяземский, А. И. Тургенев или Ф. В. Ро-

стопчин: ее ум, обаятельность и красота (хотя в 1822 г. она была уже не молода) ценились наравне с музыкальностью. О ее наружности сохранилось, например, воспоминание в записках гр. А. Д. Блудовой, которая писала, что Шимановская была «очень хороша собой, с этой томной поэтической грацией, которую придает примесь еврейской крови, с польской врожденной кокетливостью. Так по крайней мере казалась она по наружности, и ее замечательный музыкальный талант не противоречит такому предположению» (РА, 1874, I, стб. 850).

В концертах ее участвовал Фильд — знаменитый в то время пианист и композитор, проживавший в России. «Фильд, единственный Фильд, стоявший подле фортепиано и перевертывавший листы нот, казался гением одушевительным г-жи Шимановской — картина прекрасная!» — писал Шаликов в «Московских Ведомостях» о ее первом московском концерте 2 мая 1822 г. А известный вестовщик и сплетник А. Я. Булгаков писал брату К. Я. Булгакову в Петербург о том же концерте: «Шимановская давала первый свой концерт по подписке; было человек с 200, но не забудь, что по 25 р. Играла Шимановская одна и с Фильдом. Она просила Фильда: Tournez je vous prie les feuilles quand je jouerai [переворачивайте, пожалуйста, листы, когда я буду играть]; а он ей отвечал: non, je vous ferai manquer, parce qne je regarderai toujours ces diables d'épaules que vous avez, au lieu de regarder la musique [нет, вы пропустите из-за меня, потому что я всё буду смотреть на ваши чертовские плечи, вместо того чтобы смотреть в ноты]» (РА, 1901, I, стр. 409).

В свою очередь К. Я. Булгаков, по приезде Шимановской в Петербург, передав брату в письме анекдотический рассказ о ее капризах и недовольстве во время путешествия, измучивших начальника дилижансов, замечает: «Экая причудница!» — а в следующем письме: «Ну, уж капризница, comme une jolie femme [как хорошенькая женщина], хотя с уменьшением красоты должны бы уменьшаться и капризы. Впрочем она сама не догадается, а кто ей скажет, что в 40 лет она уже не то что была?» (30 мая и 9 июня 1822; РА, 1903, I, стр. 207—209).

Дав несколько концертов в Москве и в Петербурге и получив при этом звание «первой фортепианистки их имп. величеств государынь императриц», Шимановская отправилась в Европу; в течение четырех лет он объездила Германию, Францию, Англию и Италию и там, по словам князя Вяземского, «не только собирала успехи, но и старалась постоянным изучением и знакомством с первейшими современными нам музыкальными артистами и композиторами приобресть сведения, вкус и те вспомогательные пособия искусства, которыми природное дарование достигает в школе упражнения и опыта до высшей степени назначения своего». Путешествие доставило ей (говорит тот же Вяземский) «европейскую известность, лестно засвидетельствованную многими отзывами журналов немецких, французских и английских».

В особенности замечательным эпизодом ее заграничной поездки было знакомство с Гете в Веймаре в 1823 г. Известно, что престарелый поэт чувствовал к ней нечто большее, чем артистическое поклонение ее таланту, и посвятил ей несколько значительных и глубоких по чувству стихотворений [1].

В марте 1827 г. она вновь появилась в Петербурге. Приезд ее был отмечен рядом хвалебных заметок в булгаринской «Северной Пчеле»: редактор, быть может, приветствовал в ней не только артистку, но и свою компатриотку. Заметка о ее предстоящем приезде появилась 12 марта; через пять дней — 17-го — в особой статейке в «Смеси» извещалось о назначенном 22-го числа ее концерте, вспоминался ее прошлый приезд, говорилось о ее таланте и ее европейской известности. В самый день концерта — 22 марта — было напечатано напоминание о нем;

[1] О Гете и Шимановской см. в статье С. Дурылина «Русские писатели у Гете в Веймаре» (глава V — Жуковский у Гете, по поводу пера, посланного Гете в подарок Пушкину) — «Литературное Наследство», кн. 4—6 (посвящ. Гете), 1932, стр. 350—351 и 370—371. Портрет Шимановской — на стр. 353. Здесь же литература вопроса, которую можно пополнить сводкою, данною Р. Ролланом в его книге «Гете и Бетховен» (собрание сочинений Р. Роллана, изд-во «Время», т. XV, 1933, стр. 67—71, перевод А. А. Смирнова).

наконец 24 марта помещен был подробный отзыв. Этот отзыв так характерен, что нельзя не выписать из него несколько отрывков: «Она восхищала всех своею прелестною игрою, — пишет рецензент, — в которой соединены с необыкновенным искусством чувство, жизнь и то высокое понятие гармонии, которое сообщает музыке силу трогать сердце. Это можно назвать поэзиею музыки. Фортепиано одушевилось игрою сей артистки. Знатоки, вообще скупые на похвалы, говорят, что г-жа Шимановская несравненна в legato и cantabile, что она с чрезвычайною выразительностью передает блестящие мысли композитора и весьма искусна в побеждении трудностей, не развлекая сим внимание слушателя. Любители музыки восхищаются приятным слиянием тонов, так сказать певкостью нот, искусными переходами от одного тона к другому с движением душевным, и вообще легкою, свободною игрою, чувством в выражении мелодии. Вот что мы слышали со всех сторон в концерте, и сообщаем публике... Не взирая на самую дурную погоду и на распутицу, собрание публики было значительное. Лучшее общество (la haute société) украсило сей концерт своим присутствием. Можно сказать, что горизонт усеян был звездами. Дам было весьма много...» И далее начинается отчет о туалетах присутствовавших: «Дамы по большей части были в газовых токах; некоторые в бархатных и атласных беретах с перьями марабу. Платья модные из клетчатого гроденапля, зеленого с красным, зеленого с желтым и других цветов. По большей части мы видали блондовые косынки и барежевые шарфы. Все дамы носят широкие браслеты с антиками и длинные перламутовые или золотые серги, наподобие люстров».

Через несколько дней та же «Северная Пчела» сообщала о том, что за свою игру Шимановская получила от Николая I «бриллиантовый богатый фермуар», а еще через две недели (16 апреля) извещала о музыкальном вечере, устраиваемом Шимановскою при участии других артистов-певцов и музыкантов. Вечер назначен был «в зале дома д. т. с. Державиной [Дарьи Алексеевны, вдовы знаменитого поэта] у Измайловского моста. Великодушная хозяйка, из одной любви к изящному, уступила великолепную залу г-же Шимановской. В сей зале имела свои заседания Беседа любителей русского слова и были публичные заседания Общества любителей российской словесности. Все музы—сестры, и звуки гармонии заменят ныне звуки поэзии. Мы можем уверить любителей музыки, что лучшее общество столицы почтит своим присутствием сей музыкальный вечер, который дан будет 18 апреля в понедельник, в 7 часов вечера. Билеты по 10 рублей можно получать в музыкальном магазине Г. Пеца, состоящем в его собственном доме в Большой Морской. На билетах напечатана программа». Невольно вспоминается при чтении этой заметки пушкинский эпиграф, заимствованный из «афишки», к одной из глав «Египетских ночей», как ни далека европейская признанная знаменитость от заезжего бедного импровизатора — здесь, на страницах «Северной Пчелы», они близко сходились... Подробный отчет о «музыкальном вечере» Шимановской (в № 48 «Северной Пчелы») был еще хвалебнее, еще восторженнее отзыва о первом ее концерте, приведенного выше. А этот последний, столь же близкий филармонии, сколько и модной лавке, вызвал иронический отклик в Москве, в ее литературном мире: «Булгарин расписал в Пчеле своей концерт Шимановской довольно надуто, — писал К. Я. Булгакову, 29 марта, А. Я. Булгаков. — Вчера в клобе читал громко Вяземский, а Ив. Ив. Дмитриев и Пушкин Александр смеялись, делая критические замечания» (РА, 1901, III, стр. 27).

Трудно сказать, когда началось знакомство Пушкина с Шимановской [1]; очень возможно, что оно состоялось уже весною 1827 г., по приезде Пушкина в Петербург. Достоверно можно сказать во всяком случае, что они уже были знакомы зимою 1827/28 г., которую оба проводили в Петербурге. Шимановская вновь, как и в 1822 г., вошла в избранный литературный круг Петербурга. Из писем Жуковского и Вяземского к И. И. Козлову мы знаем, что она «довольно часто и

[1] О знакомстве с Шимановской Сергея Львовича Пушкина см. в «Воспоминаниях О. С. Павлищевой», стр. 455 настоящего тома.

всегда с новым удовольствием» бывала у слепого поэта и «потчивала его музыкою» (РА, 1886, I, стр. 181 и 183); Вяземский был с нею в постоянной переписке: в ее гостиной собирались писатели и артисты, собиралась избранная литературно-артистическая часть польской колонии и первым среди нее — Адам Мицкевич, проживавший в Петербурге на положении ссыльного. Уже после смерти Шимановской[1], Мицкевич женился на дочери ее Целине; мужем другой дочери, Софии, стал ближайший друг Мицкевича Малевский (РА, 1872, I, стлб. 1902—1903).

Дом Шимановской и в Петербурге и в Москве, где она бывала наездами во время своих артистических турнэ по России, был своего рода центром сближения польской и русской интеллигенции, при чем ее имя постоянно сплетается с именем Мицкевича. Об этом свидетельствуют между прочим недавно опубликованные письма П. А. Вяземского к жене, где он сообщает однажды (8 февраля 1828 г., из Москвы) об импровизированной Шимановской и Мицкевичем поездке ряженых на масленичный маскарад в другой центр польской колонии — дом Залесской, куда они повезли и Вяземского, и о замечательных импровизациях там Мицкевича — на музыку Шимановской[2] и на другие темы, — или, в другой раз (16 мая 1828 г., из Петербурга), о том, что у него «обедали Шимановская и Мицкевич, мои гости»[3]. Можно еще набрать немало таких свидетельств.

Тесная дружба Шимановской с Мицкевичем должна была уже сама по себе привлекать Пушкина к ее гостиной. Любовь к музыке, несомненная у него, хотя сам он и не был музыкантом, способствовала укреплению отношений. Имя Пушкина, сплетенное с именами Мицкевича и Гете, встречается в одном из ее писем к близкому немецкому поэту человеку — веймарскому канцлеру Мюллеру, где она сообщает о пере Гете, привезенном Жуковским в подарок Пушкину от автора «Фауста»: «M. Mitskiewicz donnerait la moitié de sa vie pour en obtenir une» [г-н Мицкевич отдал бы полжизни, чтобы получить подобное)», прибавляет она[4].

Другим непосредственным памятником знакомства поэта с пианисткою осталась известная по публикации Н. О. Лернера («Исторический Вестник» 1905, июль, стр. 318—320) запись Пушкина в альбоме Шимановской. Этот альбом, знаменитый уже тогда, при ее жизни, и теперь хранящийся в Париже, в Музее Мицкевича при Польской библиотеке, ревностно заполнялся пианисткою в России и за границей, особенно во время ее четырехлетней поездки по Европе. Мы знаем о нем (говоря лишь о русских источниках) от П. А. Вяземского, в чьей переписке с А. И. Тургеневым и с Жуковским он неоднократно упоминается: Вяземский, который был усердным пропагандистом этого альбома, заставляя своих друзей, московских и петербургских литераторов, вписывать в него стихи, а художников — рисовать, следил и дальше за его судьбою и переписывался о нем с Шимановскою во время ее путешествия по Европе. В 1827 г. он напечатал в «Московском Телеграфе» (ч. XVIII, № 23, декабрь, стр. 110—121) большую статью о самой Шимановской и о ее альбоме, с выдержками из него и с несколькими факсимиле. Известнейшие поэты, композиторы, ученые, даже государственные деятели оставили в альбоме свои имена в виде стихотворений, прозаических записей, писем к его владелице: мы видим в нем из европейских имен — Гете, А. Гумбольд-

---

[1] Она умерла в Петербурге 12 июля 1831 г. от холеры, о чем Д. Н. Блудов сообщал за границу своей жене: «Умерла также на днях и также от холеры славная дама-виртуозка Шимановская» (РА 1874, I, стлб. 850; ср. в «Северной Пчеле» от 18 июля 1831 г., № 159).

[2] Мария Шимановская была не только пианисткой, но и довольно известным в свое время композитором; ей принадлежат, между прочим, «18 танцев», посвященных княгине В. Ф. Вяземской (см. в статье П. Эттингера, «Красная Нива», 1929 г., № 24).

[3] «Звенья», сборник III—IV, изд. «Academia», 1934, стр. 217—219; публикация М. С. Боровковой-Майковой.

[4] См. в указанной статье С. Дурылина, стр. 350, письмо Шимановской от 16/28 июня 1828 г. Выдержки из того же письма Шимановской о пере Гете, привезенном Пушкину Жуковским, приведены и в статье А. Л. Вейнберг «Перо Гете у Пушкина» («Звенья», сборник II, 1933, стр. 67—71).

га, Шатобриана, К. Делавиня, Б. Констана, Т. Мура (вписавшего неизданное стихотворение, посвященное ему Байроном), Немцевича, Г. Каннинга, Бетховена, Вебера, Россини, Каталани и пр. и пр.; из русских — Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Крылова, Ден. Давыдова, Гнедича, Воейкова, Ф. Глинку, Вяземского и наконец Пушкина.

Последний вписал на страницу альбома 1 марта 1828 г. стихотворный отрывок — три неполных стиха, вошедшие потом во вторую сцену «Каменного гостя»:

— — — Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает
Но и любовь мелодия...

Александр Пушкин.

С. Петербург
1 марта 1828.

Н. О. Лернер, публикуя эту запись, сообщенную ему А. Ф. Онегиным, справедливо оценил ее значение: она неожиданно меняет хронологию «Каменного гостя», оконченного в Болдине 4 ноября 1830 г., и заставляет думать о более раннем происхождении его замысла [1]. В том, что драма о Дон-Жуане могла быть задумана раньше, что в болдинскую осень поэт привел в порядок и завершил начатое и быть может записанное в отрывках произведение — нет ничего удивительного. Мы знаем, что «Скупой рыцарь», законченный в том же Болдине, был набросан еще в Михайловском в 1825—1826 гг., что так наз. «Гасуб», задуманный и начатый в 1829 г., писался в 1833-м; что несомненный отрывок «Русалки» (тематически связанный с нею, но не вошедший в окончательный текст) был написан 23 ноября 1826 г., т. е. за 6 лет до позднейшей обработки темы... [2]. Но мы знаем также, что Пушкин часто пользовался материалом незавершенных набросков при обработке позднейших произведений, совершая «самозаимствования». Вопрос поэтому не может считаться окончательно решенным, и перед нами остается лишь факт — что Пушкин в марте 1828 г. бывал у Шимановской и вписал ей в альбом несколько строк, к ней прямо не обращенных, но представляющих косвенный мадригал ее искусству [3].

Теперь мы знаем и другой памятник знакомства Пушкина с пианисткой: его письмо, вернее записку, сохранившуюся в архиве Шимановской в том же Музее Мицкевича. Письмо в русском переводе напечатано было П. Д. Эттингером в журнале «Красная Нива» 1929 г. (№ 24, от 9 июня, стр. 12) и перепечатано затем в указанной выше статье С. Дурылина [4].

Письмо Пушкина трудно датировать точно, приблизительная же его дата определяется так: Пушкин и Шимановская могли встречаться только в Петербурге, так как очень недолгое пребывание Шимановской в Москве, в феврале 1828 г., не совпадало с приездом туда Пушкина, проводившего зиму в Петербурге. Из Москвы она вернулась в Петербург около 20 февраля 1828 г. (см. сообщение «Северной Пчелы» от 21 февраля, № 22), а в начале марта сюда приехал из Москвы же и кн. П. А. Вяземский. Затем все трое—Пушкин, Шимановская и Вяземский—проводили весну в Петербурге и встречались очевидно нередко. В начале июня 1828 г. (не ранее 6-го) П. А. Вяземский отправился в саратовскую деревню отчи-

[1] Ср. заметку Б. В. Томашевского в «Записках передвижного театра» 23 февраля 1923, № 51.

[2] Отрывок: «Как счастлив я, когда могу покинуть...» напечатан впервые в Сочинениях Пушкина изд. Академии Наук, т. IV, стр. 221, с большими неточностями.

[3] Те же стихи о любви и музыке Пушкин записал четыре года спустя и уже когда «Каменный гость» был написан (5 октября 1832 г.) в альбом любительницы-певицы П. А. Бартеневой (см. «Звенья», сборник II, 1933, стр. 223, публикация Н. С. Ашукина, и настоящий том, стр. 302).

[4] Подлинный французский текст письма напечатан Л. Б. Модзалевским по фотографии, имеющейся в ИРЛИ (Пушкинском Доме), но без комментария и датировки, в сборнике «Литературное Наследство», вып. 16—18, М. 1934, стр. 1130; здесь же и факсимиле (стр. 611).

ма своей жены, П. А. Кологривова, село Мещерское, где давно уже ожидала его княгиня Вера Федоровна. Он задержался в Москве на некоторое время (был там еще 23 июня—см. «Сборник старинных бумаг П. И. Щукина», IX, стр. 196) и в Мещерское попал лишь в июле. Там он вместе с женою прожил до начала следующего 1829 г., лишь с краткими наездами в Москву, но не в Петербург. 26 июля 1828 г. Вяземский написал Пушкину письмо из с. Мещерского — очевидно первое письмо, написанное им Пушкину после отъезда из Петербурга. Оно было получено Пушкиным лишь в конце августа, как это видно по ответу, написанному 1 сентября, в котором поэт «спешит» «ответить наскоро» на все вопросы Вяземского. К этому-то промежутку времени—к июлю—августу 1828 г. — и должно относиться наше письмо. Иная, более поздняя и также вероятная дата — конец января—февраль 1829 г., когда Пушкин после поездки в Москву и в Тверскую губернию был вновь в Петербурге, а Вяземский, с которым он перед тем виделся в Москве, уехал опять в село Мещерское. Пушкин некоторое время не знал, где он, и писал ему наудачу (письмо около 25 января 1829 г. — см. «Письма» под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 60). Более поздняя датировка невероятна, так как Пушкин, уехав 9 марта из Петербурга в Москву и на Кавказ, вернулся в Петербург лишь в начале ноября. За это время (15 мая) уехал за границу Мицкевич; с его отъездом связь Пушкина с салоном Шимановской ослабела, может быть совсем прервалась, да и самый салон очевидно утратил свое былое значение в русских кругах [1].

О каком приглашении говорится в письме — мы не знаем. Вероятно, речь шла о каком-нибудь музыкальном вечере, одном из тех вечеров, где Мицкевич выступал как поэт-импровизатор, «вдохновенный свыше».

Публикуемое письмо, конечно, весьма незначительно по содержанию — это не более, как светская записка. Но нужно помнить, что у Шимановской Пушкин встречался с Мицкевичем в окружении культурнейшего общества русских и польских поэтов, художников и музыкантов; что гостиная пианистки была значительнейшим звеном в цепи польских отношений Пушкина; что, несомненно, Шимановская своею игрою не раз доставляла наслаждение усталому от шумной петербургской жизни поэту; и что, наконец, письмо утверждает в биографии Пушкина еще одно имя, интересной, незаурядной женщины, до сих пор почти в нее не входившее. И тогда незначительная записка приобретает свое определенное место в биографии.

Н. Измайлов

3

ЗАПИСКА К Н. В. ПУТЯТЕ

Июль—октябрь 1828 г. Петербург.

M'étant approché hier d'une dame, qui parlait a M-r de Lagrenée, celui-ci lui dit assez haut pour que je l'entendisse: renvoyez-le. Me trouvant forcé de demander raison de ce propos, je Vous prie, Monsieur, de vouloir bien vous rendre auprès de M-r de Lagrenée et de lui parler en conséquence.

Pouchkine.

На обороте:

A. Monsieur Monsieur Poutiata. R. S. V. P.

Перевод:

Когда я подошел вчера к одной даме, разговаривавшей с г. Лагренэ, последний сказал ей довольно громко, чтобы я услыхал: отошлите его. Будучи вынуж-

[1] На копии записки Пушкина к Шимановской, находящейся в бывш. Онегинском Музее (теперь в ИРЛИ), письмо рукою А. Ф. Онегина датировано маем 1828 г. Но это не верно, так как в мае и Пушкин, и Шимановская, и Вяземский находились все в Петербурге, и сообщение Пушкина о Вяземском было бы необъяснимо.

денным просить объяснения этим словам, прошу вас, милостивый государь, соблаговолить съездить к г. Лагренэ и переговорить с ним по этому поводу.

Пушкин.

На обороте:

Господину Путяте. Просьба об ответе.

Листок in 4° писчей бумаги, сложенный вдвое. Из образовавшихся четырех страниц на одной написан текст записки, вторая и третья остались чистыми, а на четвертой написан адрес. Запечатано бурым сургучом печатью Пушкина.

Приобретено Литературным Музеем (№ 637/95) 28 июня 1933 г. у Ник. Ив. Тютчева.

Впервые напечатано Н. В. Путятой в РА 1899, № 6, стр. 353. Вошло в АкП и МПП где напечатано по копии.

Лагренэ, о котором идет речь в записке, был в 1828—1830 гг. секретарем французского посольства. Об истории, связанной с запиской, рассказывает Н. В. Путята в своих воспоминаниях о Пушкине: «Пушкин прислал мне эту записку с своим кучером и дрожками. Содержание записки меня смутило... Я тотчас сел на дрожки Пушкина и поехал к нему. Он с жаром и негодованием рассказал мне случай, утверждал, что точно слышал обидные для него слова, объяснил, что записка написана им в такой форме и так церемонно именно для того, чтоб я мог показать ее Лагренэ, и настаивал на том, чтоб я требовал у него удовлетворения. Нечего было делать: я отправился к Лагренэ, с которым был хорошо знаком, и показал ему записку. Лагренэ, с видом удивления, отозвался, что он никогда не произносил приписываемых ему слов, что вероятно Пушкину дурно послышалось, что он не позволил бы себе ничего подобного, особенно в отношении к Пушкину, которого глубоко уважает как знаменитого поэта России, и рассыпался в изъявлениях этого рода. Пользуясь таким настроением, я спросил у него, готов ли он повторить то же самому Пушкину. Он согласился, и мы тотчас отправились с ним к Александру Сергеевичу. Объяснение произошло в моем присутствии, противники подали руку друг другу, и дело тем кончилось. На другой день мы завтракали у Лагренэ с некоторыми из наших общих приятелей»[1]. См. еще комментарий в МПП II, стр. 298—299.

М. Цявловский

4

ПИСЬМО К А. Н. ВЕРСТОВСКОМУ

Конец ноября 1830 г. Болдино.

Сегодня должен я был выехать из Болдина — Известие что Арзамас снова оцеплен остановило меня еще на день. Надо было справиться порядком и хлопотать о свидетельстве. Где ты достал краски для ногтей? Скажи Нащекину чтоб он непременно был жив, во первых потому что он мне должен; 2) потому что я надеюсь быть ему должен. 3) Что если он умрет, не с кем мне будет в Москве молвить слова живаго, т. е. умнаго и дружескаго. И так пускай он купается в хлоровой воде, пьет мяту — и по приказанию Графа Закревскаго, не предается унынию (для сего нехудо ему поссориться с Павловым яко с лицом уныние наводящим.)

Не можешь вообразить как неприятно получить проколотыя письма: Так шершаво, что не возможно ими подтереться — anum разцарапаешь. —

Письмо было написано Пушкиным на листе писчей бумаги — водяной знак: У Ф Нс П 1829 — сложенной вдвое. Текст написан на первой странице. Приписка

[1] РА 1899, № 6, стр. 353.

(со слов: «Не можешь...») была написана по низу перевернутой четвертой страницы. Позднее кусок бумаги с припиской отрезан и подклеен, как продолжение письма, к первой странице. От остальной части второго полулиста сохранилась лишь узкая полоска в 1, 2 см для приклейки письма к листу альбома с автографами, принадлежавшего первоначально А. Н. Верстовскому, а впоследствии поступившего в Театральный Музей им. А. А. Бахрушина.

На бумаге проколы, следы дезинфекции письма в холерную эпидемию 1830 г.

Поступило в Государственный Литературный Музей (№ 3148/1) из Театрального Музея им. А. А. Бахрушина в апреле 1935 г.

Впервые напечатаны по сообщению М. П. Погодина в РА 1874, кн. I, стб. 1376. 1874, кн. I, стб. 1376.

Адресат — известный композитор Алексей Николаевич Верстовский (1799—1862). Комментарий к письму см. в МПП стр. 482—487.

М. Цявловский

5

ПИСЬМО К Д. Н. БЛУДОВУ

20 января 1832 г. Петербург.

Милостивый Государь,
Дмитрий Николаевичь,

Письмо коего Ваше Превосходительство удостоили меня, получить имел я честь. Буду ожидать приказания Вашего дабы приступить к делу мне порученому.

С глубочайшим почтением честь имею быть, Милостивый Государь

Вашего Превосходительства покорнейший слуга.
Александр Пушкин.

20 января,
1832.

Лист почтовой бумаги большого формата (водяной знак: А. Г. 1829). Текст написан на первой странице.

Поступило в Государственный Литературный Музей (№ 3148/2) из Театрального Музея им. А. А. Бахрушина в апреле 1935 г.

Впервые напечатано В. И. Саитовым в АкП II, стр. 362, № 654.

Николай I, разрешив Пушкину заниматься в архивах для собирания материалов по истории Петра I, поставил условием, чтобы «секретные бумаги времен императора Петра I открыты были г. Пушкину не иначе, как по назначению» Д. Н. Блудова, к этому времени пересмотревшего несколько десятков тысяч архивных документов преимущественно XVIII в.

Об этом распоряжении Николая I и извещал Пушкина Блудов в недошедшем до нас письме, ответом на которое и является письмо Пушкина от 20 января 1832 г.

М. Цявловский

6

ПИСЬМО К П. А. ОСИПОВОЙ

29 июня—13 июля 1834 г. Петербург.

Je vous remercie de tout mon coeur, chere bonne et aimable Прасковья Александровна pour la lettre que Vous avez eu la bonté de m'écrire.

Je vois que vous me gardez toujours la même amitié et le même intérêt. Je m'en vais vous répondre franchement sur ce qui regarde Reichman. Je le connois honnête homme, et pour le moment, c'est tout ce qu'il me faut. Je ne puis avoir de confiance ni en Michel, ni en Penkovsky vu que je connois le premier et que je ne connois pas le second. N'ayant pas l'intention de venir m'établir á Boldino, je ne puis songer à relever un bien qui, entre nous soit dit, touche à une ruine complette; Je veux seulement n'être pas volé, et payer les intérêts du Lombard. Les améliorations viendront ensuite. Mais soyez tranquille: Reichman vient de m'écrire que les paysans sont dans un tel état de misère, et les affaires en si mauvais train, qu'il n'a pu prendre sur lui l'administration de Boldino, et que dans ce moment il est à Malinniki.

Vous ne saurez vous imaginer combien l'administration de ce bien me pèse. Il n'y a pas de doute que Boldino mérite d'être sauvé, quand ce ne seroit que pour Olga et Léon, qui pour perspective, ont la mendicité ou tout au moins, la pauvreté. Mais je ne suis pas riche, j'ai une famille à moi, qui depend de moi, et qui sans moi tombera dans la misère. J'ai pris un bien qui ne me rapportera que des soucis, et des désagrements. Mes parents ne savent pas qu'ils sont à deux doigts d'une ruine totale. S'ils pouvaient prendre sur eux de rester quelques années à Michailovsky, les affaires pourroient s'arranger mais cela ne se fera jamais.

Je compte vous voir cet été, et comme de raison m'arreter à Trigorsky—Veuillez presenter mes hommages à toute votre famille et recevez encore une fois mes remerciments, et l'expression de mon respect et de mon inaltérable amitié.

29 juin St P. b. A. P.

13 juillet. Voici une lettre qui devoit deja être chez vous depuis deux semaines, je ne sais comment elle n'est pas encore partie. Mes affaires m'arreteront encore quelque tems à Pétersbourg. Mais j'ai toujours le projet de ma presenter à votre porte.

Перевод:

Благодарю вас от всего сердца, дорогая, добрая и милая Прасковья Александровна за письмо, которое вы были добры написать мне. Я вижу, что вы неизменно те же ко мне в чувствах дружбы и участия. Я вам отвечу откровенно все, что касается Рейхмана. Я его знаю, как человека честного, а в настоящую минуту мне только это и нужно. Я не могу доверять ни Михайле, ни Пеньковскому, потому что знаю первого и не знаю второго. Не имея намерения поселяться в Болдине, я не могу думать о восстановлении имения, дошедшего, между нами говоря, до полного разорения; я лишь желаю не быть обворованным и платить проценты в Ломбард. Улучшения придут потом. Но будьте покойны: Рейхман пишет мне, что крестьяне в таком нищенском состоянии, и дела ведены так плохо, что он не решился взять на себя управление Болдиным и в настоящую минуту находится в Малинниках. Вы не можете вообразить, как тяготит меня управление этим имением. Нет сомнения, Болдино стоит спасти, хотя бы только для Ольги и Льва, которым в будущем предстоит нищенство или, по крайней мере, бедность. Но я не богат, имею собственное семейство, которое зависит от меня, и которое без меня впадет в нищету. Я взял имение, которое мне принесет только заботы и неприятности. Родители мои не знают, что они в двух шагах от окончательного разорения: если бы они могли решиться прожить несколько лет в Михайловском, дела могли бы поправиться; но этому никогда не бывать. Я рассчитываю видеть вас летом и, разумеется, остановиться в Тригорском. Передайте мое почтение всему вашему семейству и примите еще раз мою благодарность и уверение в чувствах уважения и неизменной дружбы.

29 июнь Спб. А. П.

13 июля. Две недели тому назад вы должны были получить это письмо. Не знаю, почему оно не было еще отправлено. Дела удержат меня еще некоторое время в Петербурге, но я все-таки предполагаю явиться к вам.

Лист почтовой бумаги большого формата (водяной знак: А. Г. 1830). Текст написан на четырех страницах. Поступило в Государственный Литературный Музей из Театрального Музея им. А. А. Бахрушина в апреле 1935 г. (№ 31/3). Впервые напечатано М. И. Семевским в РА 1867, № 1, стб. 147—148.

О Рейхмане и хозяйственных делах Пушкина в это время см. в письмах М. И. Калашникова и О. М. Пеньковского к поэту и в примечаниях к ним П. С. Попова в отделе «Из архива Пушкина» в настоящем томе.

Приехать в Тригорское в 1834 г. Пушкину не удалось.

М. Цявловский

7

ЗАПИСКА К Н. В. ГОГОЛЮ.

Вторая половина октября — начало ноября 1834 г. Петербург.

Прочел с большим удовольствием; кажется, всё может быть пропущено — Секуцию жаль выпустить: она, мне кажется, необходима для полного эфекта вечерней мазурки — Авось Бог вынесет. С Богом.! А. П.

На обороте:

Н. В. Гоголю etc.

Листок in 4° писчей бумаги без водяных знаков, сложенный вдвое. Из образовавшихся четырех страниц на одной написан текст записки, вторая и третья остались чистыми, а на четвертой написан адрес (№ 2556).

Слово «etc» заменяет адрес Гоголя, очевидно известный слуге, с которым посылалась записка.

Приобретено Литературным Музеем 22 ноября 1934 г. у внучки Пушкина Марьи Александровны Быковой (р. в 1862 г.), бывшей замужем (с 1881 г.) за Н. В. Быковым (1856—1918), племянником Н. В. Гоголя.

Записка впервые напечатана по автографу П. А. Кулишом в БЗ 1858, № 2, стб. 75, откуда перепечатывалась в собраниях писем Пушкина.

В записке речь идет о «Невском проспекте» Гоголя, впервые напечатанном во второй части его «Арабесок», вышедших в свет в январе 1835 г. Перед тем как сдавать рукопись в цензуру, Гоголь просил Пушкина прочесть «Невский проспект», сомневаясь, пропустит ли цензура сцену порки немцами ремесленниками поручика Пирогова. Прочитав рассказ, Пушкин и отослал рукопись вместе с печатаемой запиской. Было это не ранее 14—15 октября 1834 г., когда Пушкин приехал в Петербург из Болдина, и не позднее начала ноября, так как 10 ноября рукопись рассказа была уже процензурована.

Сцена «секуции», имеющаяся в черновой рукописи, в печатном тексте выброшена вероятно по требованиям цензуры. См. «Сочинения Гоголя», изд. 10-е, т. V. М. 1889 г., стр. 600.

М. Цявловский

8

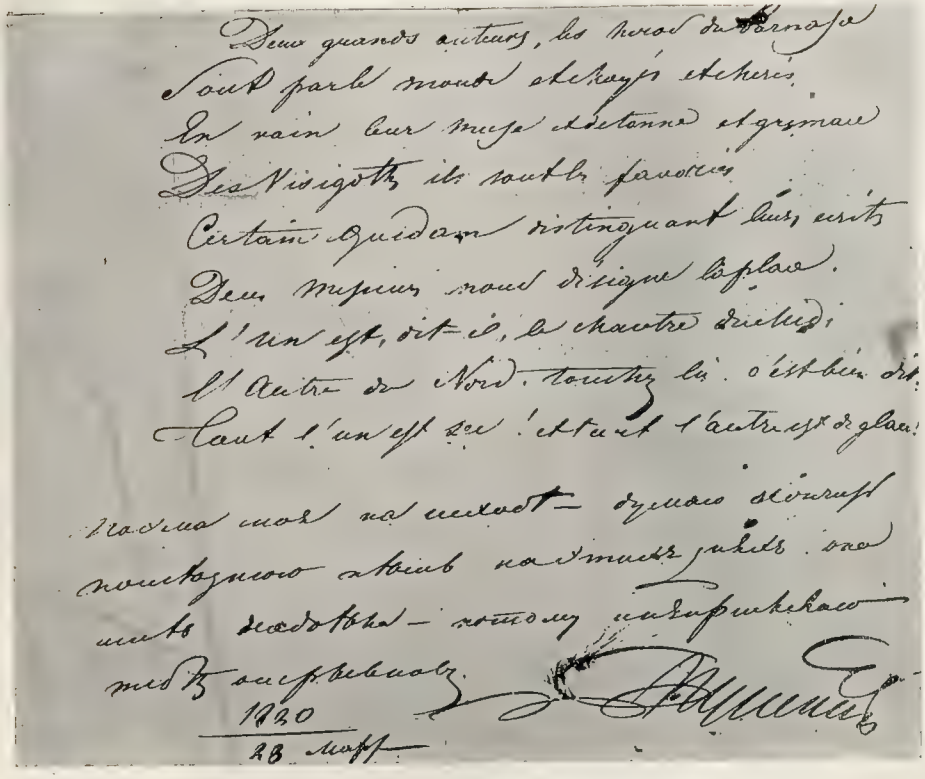
ЗАПИСКА К С. С. ХЛЮСТИНУ

25 мая 1836 г. Петербург

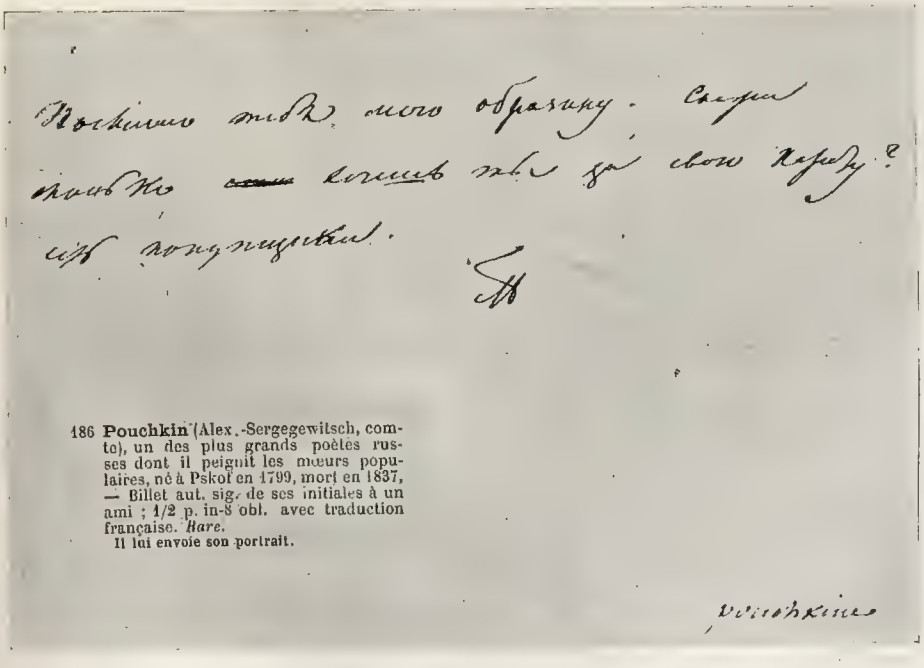
Je vous supplie de m'excuser. Il me sera impossible de venir diner chez vous. Ma femme s'est tout à coup trouvé très mal. Veuillez de grâce m'envoyer l'adresse de Monsieur de Circourt.

T à./V. Pouchkine.

25 mai.

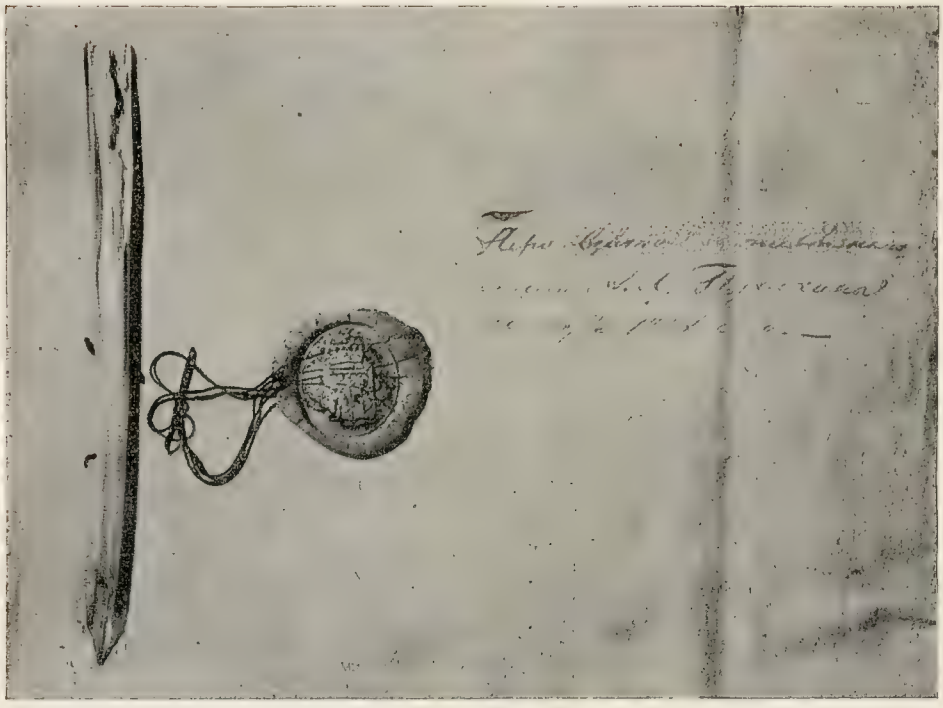


АВТОГРАФ ПИСЬМА ПУШКИНА К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ ОТ 28 МАРТА 1820 г.
Государственный Литературный Музей, Москва

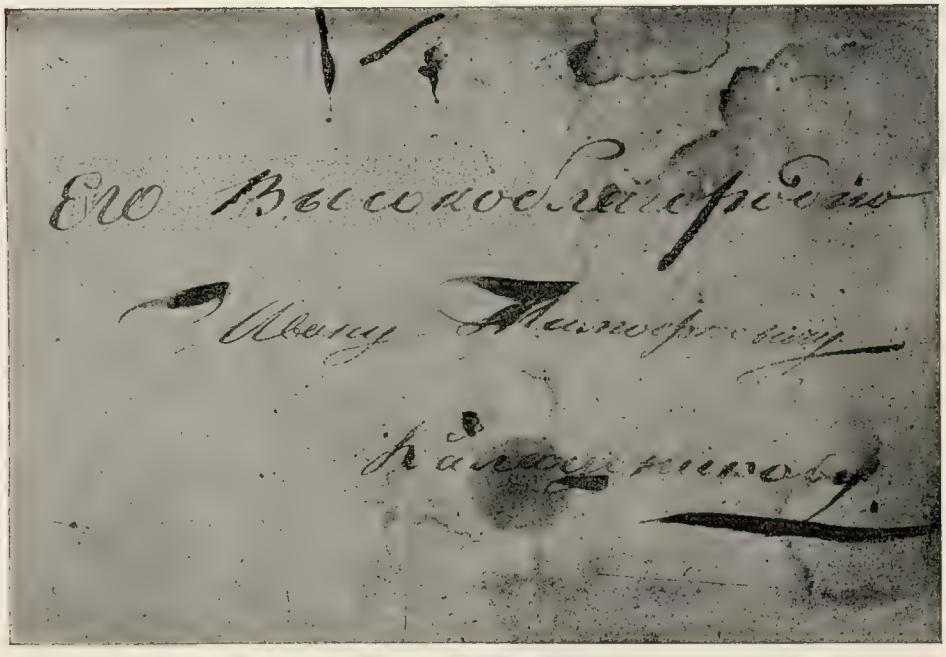


186 **Pouchkin** (Alex.-Sergegewitsch, comte), un des plus grands poètes russes dont il peignit les mœurs populaires, né à Pskof en 1799, mort en 1837, — Billet aut. sig. de ses initiales à un ami ; 1/2 p. in-8 obl. avec traduction française. *Rare.*
Il lui envoie son portrait.

АВТОГРАФ ЗАПИСКИ ПУШКИНА К НЕИЗВЕСТНОМУ
Внизу слева вырезка из каталога антикварного магазина
Государственный Литературный Музей, Москва



«ПЕРО, ВЗЯТОЕ С ПИСЬМЕННОГО СТОЛА А. С. ПУШКИНА 20 МАРТА 1837 ГОДА»
Государственный Литературный Музей, Москва



НАДПИСЬ РУКОЮ Н. И. ТАРАСЕНКО-ОТРЕШКОВА О ПЕРЕДАЧЕ ИМ ПЕРА ПУШКИНА И. Т. КАЛАШНИКОВУ
Государственный Литературный Музей, Москва

На обороте:

Monsieur M-r Klustine etc

Перевод:

Умоляю вас извинить меня. Мне невозможно будет обедать у вас. Жене вдруг стало очень плохо. Благоволите ради бога прислать мне адрес г-на де Сиркур.

Весь ваш Пушкин.

На обороте:

Господину Хлюстину и т. д.

Листок in 4° писчей бумаги, сложенный вдвое. Из образовавшихся четырех страниц на одной написан текст записки, вторая и третья остались чистыми, а на четвертой написан ардес (№ 1397/8).

Печатается по фотокопии, полученной 16 марта 1934 г. Литературным Музеем из Музея Мицкевича в Париже.

Впервые напечатано вероятно по копии, не совсем исправной в АкП, III, стр. 319 (№ 1020).

Адресат записки — Семен Семенович Хлюстин (1811—1844), племянник гр. Ф. И. Толстого — Американца, близкий знакомый Гончаровых. Получив образование за границей, Хлюстин служил сначала военным и был участником турецкой войны 1828—1829 г., а затем в Москве занимал должность надворного судьи.

У Хлюстина с Пушкиным в феврале 1836 г. было столкновение, грозившее дуэлью, из-за резкого отзыва поэта по поводу статьи Сенковского, направленной против Пушкина.

Печатаемая записка свидетельствует, что в мае отношения снова были приятельские.

Слова о жене Пушкина объясняются тем, что она за два дня до написания записки родила младшую дочь Наталью (ум. в 1913 г.).

Л. Модзалевский

9

ЗАПИСКА К НЕИЗВЕСТНОМУ

1835—1837 гг.

Посылаю тебе мою образину. Скажи сколько [стои] хочешь ты за свою карету? есть покупщики.

А. П.

Полулист почтовой бумаги (без вод. зн.), сложенный вдвое. Написано в длину первой страницы.

В нижнем правом углу рукой неизвестного написано: „Pouchkine"

На паспарту под автографом наклеена вырезка из какого-то каталога антикварного магазина:

„186. POUCHKIN (Alex. Sergegewitsch, comte), un des plus grands poètes russes dont il peignit les moeurs populaires, né à Pskof en 1799, mort en 1837,—Billet aut. sig. de ses initiales à un ami; ½ p. in.—8 obl. avec traduction française. Rare.

Il lui envoie son portrait"[1].

Поступило в Государственный Литературный Музей (№ 3148/4), из Театрального Музея им. А. А. Бахрушина в апреле 1935 г.

Впервые напечатано В. И. Саитовым в АкП III, стр. 457, № 1152, где помещено среди писем неизвестных годов.

Почерк записки — 1830-х годов.

По мнению Б. В. Томашевского, изучавшего бумагу рукописей Пушкина, записку по бумаге можно предположительно датировать 1835—1837 гг.

[1] Пушкин (Алекс. Сергеевич, граф), один из крупнейших поэтов России, народные нравы коей он описывал, род. в Пскове в 1799, умер в 1837. — Автографическая записка, помеченная его инициалами, к другу; ½ стр. в ⅛ л., с французским переводом. Редкость. Он посылает ему свой портрет.

Записка явно написана лицу, жившему с Пушкиным в одном городе. Поэтому едва ли она адресована П. В. Нащокину, который с июня 1831 г. по январь 1833 г. в пяти своих письмах просил Пушкина прислать портрет. Правда, летом 1833 г. Нащокин приезжал в Петербург, и записка могла быть написана в это время к нему, но такой датировке точно бы противоречит бумага.

Воспроизводимая вырезка из французского каталога, вероятно, даст возможность определить, в каком именно каталоге была помещена публикация о записке, что, в свою очередь, может дать указания, у кого и когда записка была приобретена французским антикваром. Последнее указание, возможно, вскроет и адресата записки.

М. Цявловский

10

ИСТОРИЯ ТЕКСТА ПИСЕМ ПУШКИНА К ГЕККЕРЕНУ

(17—21 НОЯБРЯ 1836 — 26 ЯНВАРЯ 1837) [1].

Обнаружение подлинников разорванных и не посланных писем Пушкина к барону Геккерену, ранее известных лишь по репродукциям в «Русской Старине» 1880 г., позволяет пересмотреть вопрос о них, исследуя их не только, как биографический документ огромной важности, но и как произведение творчества Пушкина, имеющее свою, и притом весьма сложную, текстологическую историю. С последней точки зрения мы и рассматриваем их в предлагаемой статье, привлекая биографический материал лишь насколько он необходим для комментирования текстов.

Рукописный материал, относящийся к нашей теме, таков.

1. Письмо Пушкина к барону Геккерену от 26 января 1837 г., отправленное по назначению и послужившее непосредственным поводом к последней дуэли. С него была снята копия для военно-судного дела о дуэли Пушкина с Дантесом (ныне в Пушкинском Доме Академии Наук СССР), а подлинник возвращен бар. Геккерену и где находится теперь — неизвестно; разыскать его до сих пор не удалось. Письмо с копии напечатано в издании «Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г.», под ред. П. фон-Кауфмана, СПБ. 1900, стр. 51—52 (и перевод там же, стр. 56—57); см. также «Переписку Пушкина» изд. Академии Наук, т. III, № 1138, стр. 444—445; П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3-е, 1928, стр. 131—133; «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина» (Труды Пушкинского Дома), Л. 1924, стр. 84, в статье М. А. Цявловского, и др.

2. Собственноручная копия, снятая Пушкиным с этого письма, — точнее, второй экземпляр его, имеющий некоторые варианты, о которых еще придется говорить, без даты. Подлинник — из бумаг К. К. Данзаса, через его племянницу Т. Б. Семечкину — поступил в 1918 г. в Пушкинский Дом. Письмо напечатано было впервые (с приложением факсимиле) в книге А. Аммосова «Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина», СПБ. 1863, стр. 47—51. См. «Переписку Пушкина» т. III, № 1105, стр. 412—413, где оно напечатано не на своем месте.

3 и 4. Два неотправленных письма Пушкина к бар. Геккерену — беловые тексты, без дат, с нанесенными на них поправками, дающими им характер черновиков. Разорванные Пушкиным подлинники, частью утраченные, теперь посту-

---

[1] Настоящая работа была приготовлена автором весною 1929 г. и тогда же (15 мая) доложена в научном собрании Пушкинского Дома. Автор пользовался для нее репродукциями разорванных писем к Геккерену, напечатанными в «Русской Старине». Предлагаемая статья является извлечением из работы 1929 г., пересмотренной соответственно с обнаруженными новыми материалами. Ср. «Воспоминания» гр. В. А. Соллогуба, изд. Academia, под ред. С. П. Шестерикова, Л.—М. 1931, стр. 371.

пили в Государственный Литературный Музей; описание их см. ниже. Опубликованы впервые, с фотолитографическими репродукциями, в «Русской Старине» 1880 г., т. XXVIII, июль, стр. 516—520; см. П. Е. Щеголева — «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3-е, 1928, стр. 132—133; статью Б. В. Казанского «Разорванные письма» в «Звезде» 1934, № 3, стр. 141—149.

5. Разорванные и разрозненные клочки черновых к письмам к Геккерену, писанные пером и карандашом, всего 9 писанных кусков, и еще 7 кусков того же характера, но без текста, или с текстом, не относящимся к письмам к Геккерену[2]. Из них 11 (в том числе 5 клочков письма к Геккерену) входят в состав «Майковского собрания» Пушкинского Дома (см. «Пушкин и его современники» вып. IV, стр. 35, № 12), а к Л. Н. Майкову поступили, вероятно, от М. И. Семевского (см. «Русскую Старину» 1880 г., июнь, стр. 516, примеч.)[3]; 5 кусков — в том числе 4 отрывка письма к Геккерену — поступили в Пушкинский Дом от К. Я. Грота, а в свое время были подарены Я. К. Гроту П. А. Плетневым. О тех и других см. в указанной статье Б. В. Казанского, стр. 147—148.

Обратимся, прежде всего, к разорванным неотправленным письмам к Геккерену — 3 и 4 по нашему описанию. Возможно точная транскрипция их текстов такова.

Первое письмо[4]

Лист 1_1 (*первая страница*)

Monsieur le Baron,

Avant tout permettez moi de faire le résumé
de tout ce qui vient de se passer.—La conduite de Mr
Votre fils m'étoit entierement connue et ne pouvoit m'être
indifferante; mais comme elle étoit restreinte dans les
bornes des convenances et que d'ailleurs je savois
combien ma femme méritoit ma confiance et mon
. . . . . t . . r sauf
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
sur le coeur (?) . . . . j . . . perso . . . . . .
mari, à moins qu'il ne fut un sot, deviendroit tout
naturellement le confident de sa femme et le maître
de sa conduite. Je vous avouerai que je n'étois pas

[2] Четыре клочка представляют собою отрывки черновой письма Пушкина к графу А. Х. Бенкендорфу (?) от 21 ноября 1836 г. и черновой заметки о Дельвиге; один клочок — чистый; один с русским текстом (запиской или распиской для типографии или книжной лавки, в связи с изданием «Современника» ?) — «[...де]-сят экз. . . . . Пушкин» — и с цифровыми вычислениями на обороте; один клочок (№ 7 «Майковского собрания») не поддается определению и относится к другому письму, нам неизвестному. Некоторые его выражения напоминают фразы письма к С. Л. Пушкину от конца декабря 1936 г. (АкП, т. III, № 1125, стр. 434) — именно, где говорится об А. В. Веневитинове, но, вероятно, не относятся к нему. Сохранившийся здесь текст таков (даем в прямых скобках наши дополнения): « . . . . . écrit que . . . . . P. b. Le fere[z-vous ?] . . . . . par paren[té ?] . . . . . carrière, ... [em]pereur [Alexandre ? сохранилось лишь начало буквы, повидимому, А] . . . . . du gouvern[ement] . . . . . [p]arlé de vou[s] . . . . . étez touj[ours] . . . . . »

[3] Отметим неточность замечания П. Е. Щеголева об этих клочках («Дуэль и смерть Пушкина», 1928, стр. 133, примечание), где он, как будто, отрицает принадлежность их к письму к Геккерену, относя их целиком к письму Пушкина к Бенкендорфу.

[4] Репродуцировано в «Русской Старине» на белой бумаге. В дальнейшем обозначается литерой А (A_1).

sans inquietude. Un incident, qui dans tout autre
moment m'eut été très désagréable, vint fort heureusement

Лист 1_2 (вторая страница)

me tirer d'affaire: je reçus des lettres anonymes. Je
vis que le moment été venu, et j'en profitoi. Vous
savez le reste: je fis jouer à Mr Votre fils un rôle
si grotesque et si pitoyable, que ma femme, étonnée
de tant de plattitude, ne put s'empêcher de rire
et que l'émotion, que peut-être avoit-elle ressenti
pour cette grande et sublime passion, s'éteignit
dans le dégout le plus calme et le mieux mérité.
Mais vous, Monsieur le Baron, quel a été votre
rôle à vous dans toute cette affaire? Vous le repré-
sentant d'une tête couronnée, vous avez été le ma-
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
vieille, vous alliez guette . . . . . .
les coins pour lui parler de votre fils, et lorsque

retenu chez lui

malade de vérole, il étoit [miné] de remèdes, vous
disiez, infame que vous êtes, qu'il se mouroit d'a-
mour pour elle; vous lui marmottiez: rendez
moi mon fils—Ce n'est pas tout

Лист 2_1 (третья страница)

[Vous voyez que j'en sais long: mais attendez, ce
n'est pas tout; je vous disois bien que l'affaire
se compliquoit. Revenons aux lettres anonymes.
Vous vous doutez bien qu'elles vous interessent.][5]

+ avec
Le 2 de novembre vous eûtes [de] Mr votre fils [une]

[après une][7] à la suite d'une conversation (?)
[nouvelle[6] (?) . . . . . fit[6] beaucoup[6] de plaisir. Il vous dit]
[. . . . . ité, que ma femme crei-]

lettre anonyme
[. . . . . u'elle en perdoit la tête.]
. . . . . frapper un coup decisif.

mposée par vous et
. . . . . plaires [de la lettre ano-]
. . . . . 'on avoit distribué)
. . . . . avoit[8] été[8] fabriquée avec
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

[5] Эти 4 строки зачеркнуты диагональными чертами.
[6] Восстановлено предположительно по сохранившимся верхним концам букв и окончанию слова «<beau> coup».
[7] Чтение предположительное.
[8] Восстановлено по сохранившимся верхним концам букв.

. . . . . .
tois[9] sur de[9] trouver[9] mon[9] . . . . . .
inquietois plus. Effectivement, avant trois jours
savois à quoi m'en tenir
de recherches je [. . . . .][10]
[. . . . .][10]—Si la diplomatie n'est que l'art de savoir ce qui se fait chez les autres et de se jouer de leurs projets, Vous me rendrez la ju-

Лист 2_2 (четвертая страница)

stice d'avouer que vous avez été vaincu sur tous les points.

Maintenant j'arrive au but de ma lettre: Peut-[être désirez vous savoir ce qui m'a empêché jusqu'a présent de vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la votre. Je[11] m'en[11] vais[11] vous le dire.][12]

vous le voyez[13]
Je suis bon, ingenu, ...
mais mon coeur est sensib . . . . . .
Un duel ne me suffit pl . . . . . .
et quelque soit son is . . . . . .
assez vengé ni par la . . . . . .
votre[14] fils[14] ni[14] par[14] la[14] lettre . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
qu'à la trace de cette miserable affaire dont il me sera facile de faire un excellent chapitre dans
mon
[l'] histoire du cocuage.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron
Votre tres humble et tres obeissant serviteur

A. Pouchkine

Второе письмо[15]

Лист 1_1 (первая страница)

Monsieur le Baron

Avant tout permettez moi de fa . . . . . .
de ce qui vient de se pa . . . . . .
La conduite de M. V. . . . . .

---

[9] Восстановлено по сохранившимся нижним краям слов на строке.
[10] Фраза в одну строку, густо зачеркнутая, не поддается прочтению (см. снимок).
[11] Восстановлено очень предположительно по сохранившимся верхним краям слов на строке.
[12] Последние три строки зачеркнуты поперечною чертою.
[13] Чтение предположительное: может быть, „savez".
[14] Восстановлено по сохранившимся верхним краям слов и концам отдельных букв.
[15] Репродуцировано в «Русской Старине» на синей бумаге. В дальнейшем обозначается литерою Б ($Б_1$, $Б_2$).

depuis longtems[16]
connue et ne pouvoit . . . . . .
(comme elle etoit restrein . . . . . .
convenances, et que d'ai . . . . . .
point ma femme méritoit ma confiance et . . . . . .
pect,)[17] je me contentois du rôle d'observa . . . . . .
à intervenir lorsque je le jugerai à p . . . . . .
savois bien qu'une belle figure, une p . . . . . .
malheureuse, une perseverance de deux . . . . . .
. . . . . toujours par produire quelque[18] . . . . . .
. . . . . d'une jeune personne et qu'alors le
. . . . . moins qu'il ne fut un sot, deviendroit
. . . . . rellement le confident de sa femme et le
. . . . . e sa conduite. (Je vous avoueroi que je n'étois

Лист 1_2 (вторая страница)

. . . . . ns inquietude.)[19] Un incident, que dans tout
. . . . . ment m'eut été très désagreable, vint
. . . . . sement me tirer d'affaire. Je reçus des

+en attendant[20]
. . . . . ymes. Je vis que le moment étoit venu
. . . . . fitoi. Vous savez le reste. Je fis jouer à
. . . . . si (grotesque et si)[21] pitoyable,
. . . . . de tant de plattitude, ne
. . . . . et que l'émotion que peut-
. . . . . pour cette grande et sublime
. . . . . , s'eteignit . . . . le dégout le plus calme et
. . . . . x mérité.

Vous me permettrez d'observer
[je suis obligé d'avouer,] que le rôle
. . . . . ous, Monsieur le Baron, quel [a été votre rôle] à

n'est
. . . . . toute cette affaire [?] Vous le representant d'

paternellement[22]
. . . . . ronnée vous avez été le maquereau

batard ou[22] tel[22]
. . . . . de votre soi disant [batard]; toute la conduite de ce[23] jeune homme a été dirigée par vous.
C'est vous qui lui dictiez les pauvretés . . . . . .
debiter et les niaiseries qu'il s'est m . . . . . .
Semblable à une obsène vieille vous al . . . . . .
ma femme dans tous les coins pour lui pa . . . . . .
fils, et lorsque malade de vérole il étoit re . . . . . .

Лист 2_1 (третья страница)

. . . . . .
. . . . . .

---

[16] Вставка карандашом.
[17] Скобки: „(comme elle . . . <res>pect)“ карандашом; кроме того, эти строки, кажется, зачеркнуты карандашной поперечной чертой.
[18] Восстановлено по началу слова и нижним концам букв.
[19] Скобки: „(Je vous . . . . . inquietude)“ карандашом.
[20] Вставка и знак сноски карандашом, сноска отсутствует.
[21] Скобки карандашом.
[22] Вставка карандашом.
[23] Переделано из „sa“.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
fils une conférence, ou . . . . . .
un coup que l'on croyoit . . . . . .
nyme fut composée par . . . . . .
je reçus trois exemplai . . . . . .
l'on avoit distribuée. ([24] . . . . . .
été fabriquée avec si peu de précaution, ...
premier coup d'oeil ([24]je fus sur les trâc . . . . . .
teur.)[24] Je ne m'en inquietois plus, j'eto[25] . . . . . .

ms[26]
trouver mon drôle. Effectivement, a . . . . . .
jours de recherches, je savois positi . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Лист 2_2 (четвертая страница)

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . non, et quelque soit son
. . . . . pas assez vengé, ni par
. . . . . it Mr votre fils, ni par
. . . . . ut l'air d'une bonne
. . . . . (c . . . . . m'embarasse fort peu) ni
. . . . . par la lettre que j'ai l'honneur de vous é-
. . . . . dont je garde la copie pour mon usage
. . . . . ier. Je veux que vous vous donniez la peine
. . . . . vous même les raisons qui seroient suffi-
. . . . . m'engager à ne pas vous cracher à la fi-
. . . . . éantir jusqu'à la trâce de cette miserable
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . [27]

Таким образом, перед нами два письма. Каждое из них переписано набело — очень тщательно в начале, более спешно и небрежно к концу, как это вообще свойственно Пушкинским беловым текстам, особенно эпистолярным. Оба, во всяком случае, предназначены и готовы к отправке. Но они не были отправлены, а подвергнуты исправлению и переделке, превратившей их вновь в черновые. Последовательность переделок позволяет установить и соотношение писем друг с другом. Письмо Б воспроизводит, с изменениями, которые будут указаны ниже,

---

[24] Скобки карандашом.
[25] Последние 4 строки („l'on avoit . . . . . j'eto <is>*) перечеркнуты карандашною чертою.
[26] Вставка («ms», т. е. «mes») карандашом.
[27] Окончание письма, с заключительною формулою и подписью, должно занимать, по соответствию с письмом А, пять строк.

текст письма А, притом в его последней, исправленной редакции, т. е. имеет в виду и принимает его поправки, хотя и не полностью. Так:

Текст А (л. 1_2)	Текст Б (л. 1_2)
а. il étoit miné de remèdes б. il étoit retenu chez lui	il étoit re[tenu chez lui]

Текст А становится п е р в о н а ч а л ь н ы м (основным) слоем текста Б, и на него уже наносятся в письме Б поправки. Так:

Текст А (л. 1_2)	Текст Б (л. 1_2)
Mais vous, Monsieur le Baron, quel a été votre rôle à vous dans toute cette affaire?	а.—повторяется текст А б. Mais vous, Monsieur le Baron, je suis obligé d'avouer que le rôle в. Mais vous, Monsieur le Baron, vous me permettrez d'observer que le rôle à vous dans toute cette affaire n'est (переделка не закончена)

С другой стороны, ни одна поправка текста Б не применена и не вошла в текст А. Из этого нужно заключить, что текст А является первым. На него нанесены исправления и затем он переписан вторично, при чем в процессе переписки многие отдельные выражения и целые куски были еще переделаны. Переработанная копия составила текст Б. На него, в свою очередь, нанесены исправления, и притом двоякого характера: чернильные, сделанные, вероятно, тотчас по написании письма, и карандашные, представляющие беглые вставки отдельных слов и легкими скобками обозначающие намеченные выпуски. Хронологически они могут быть отделены от чернильных поправок — т. е. от переписки основного текста — более или менее продолжительным периодом, и, во всяком случае, представляют п о с л е д н и й с л о й наших текстов. Всех же слоев получается пять. Условимся их обозначать: первоначальный, основной текст—А; тот же текст, с нанесенными на него поправками — $А_1$; вторично переписанный (второй основной) текст — Б; тот же текст, включая чернильные поправки — $Б_1$; наконец, последний слой, включающий и карандашные поправки — $Б_2$. Всё вместе — длительно развивающийся процесс, незаконченный и в последнем своем слое — $Б_2$.

Ни один из моментов этого процесса не сохранился в наших рукописях полностью. Все они фрагментарны. Первой задачей исследователя, после прочтения и транскрипции текстов, является реконструирование — насколько оно возможно — полной редакции одного письма, на одном из хронологических этапов работы. Реконструировать можно, взяв за основу один слой и пользуясь для восполнения недостающих частей всеми доступными материалами: рукописью другого письма, если соответствующие части в ней сохранились; текстами отправленного к Геккерену письма от 26 января 1837 г. и его вторым экземпляром, оставшимся у Пушкина (№№ 1 и 2 нашего списка); обрывками черновых писем (№ 5); наконец, конъектурными вставками, если для них имеются достаточные основания. Такая реконструкция совершенно условна, потому что в ней недостающие части одного слоя восполнены частями других слоев и даже других документов, быть может, совпадающими с неизвестными нам частями нашего (основного) слоя, а быть может, и отличающимися от него. Реконструкция не дает никакого «сводного» текста, несуществующего и невозможного. Она только стремится показать, с некоторым, возможным приближением, каков м о г б ы т ь текст письма на некоторой стадии работы над ним Пушкина.

Наиболее полно сохранившимся, следовательно и наиболее поддающимся реконструкции, является текст А — первоначальный слой пушкинских писем. Его мы и берем за основу. Дополнения, взятые из другого текста — Б — обозначены курсивом, дополнений из текстов $А_1$, $Б_1$ и $Б_2$ в основной текст (кроме одного случая) не вводится вовсе; все прочие дополнения — конъектурного характера,

хотя бы и заимствованные из других текстов писем к Геккерену, печатаются курсивом в прямых скобках. Разночтения основного текста — текста А — сравнительно с текстами $А_1$, Б, $Б_1$ и $Б_2$ приводятся в выносках под текстом, под соответствующими литерами, при чем, для ясности, номера подстрочных выносок в основном тексте ставятся дважды: перед началом и у конца слов и отрывков, к которым относятся. Таким же образом приводятся отличия окончательного текста письма от 26 января 1837 г. и его второго экземпляра; обозначаем первый литерою Г (Геккерен) и второй—литерою Д (Данзас). В некоторых местах, где редакционные отличия становятся очень велики, тексты Б, Г и Д приводятся целыми связными фразами и кусками, дающими понятие об этих редакциях, как о целом; в этих случаях дополнения к текстам печатаются помощью тех же приемов, как и в основном тексте — курсивом (при заимствованиях из текста А) или курсивом в прямых скобках (при всех прочих видах дополнений). Мелкие разночтения в пунктуации и орфографии, не имеющие смыслового или интонационного значения, не отмечаются вовсе. При всем том, текст письма не поддается реконструкции полностью, и некоторые части его остаются с пробелами, незаполнимыми без привлечения новых материалов, на появление которых, однако, трудно теперь рассчитывать.

Реконструированный текст А.

Monsieur le Baron,

[28] Avant tout permettez moi [28] de faire le résumé [29]de tout ce qui [29] vient de se passer [30]. — La conduite de Mr Votre fils [31] m'étoit entierement connue [31] et ne pouvoit m'être indifférante; mais [32] comme elle étoit restreinte dans les bornes des convenances et que d'ailleurs je savois [33] combien [33] ma femme méritoit ma confiance et mon [*res*]*pect* [32] *je me contentois du rôle d'observat*[*eu*]r [34]sauf [34] *à intervenir lorsque je le jugerai à p*[*ropos.* [35]*Je*] *savois bien qu'une belle figure, une p*[*assion*] *malheureuse, une perseverance de deux* [*ans* [36] . . . . . *finiroint (?)*] *toujours par produire quelque* [*impression*] sur le coeur *d'une jeune* personne *et qu'alors le* mari, à moins qu'il ne fut un sot, deviendroit tout naturellement le confident de sa femme et le maître de sa conduite. [37]Je vous avouerai que je n'étois pas sans inquiétude [37]. [35] Un incident, qui [38] dans tout autre moment m'eu été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire: je reçus des [39] lettres anonymes [40]. Je vis que le moment été [41] venu, et j'en profitoi

---

[28] Г, Д: Permettez moi

[29] Б: de ce qui

Г, Д — то же.

[30] Б: абзац.

[31] $Б_2$: *m'étoit entierement* connue depuis longtems

Г, Д: m'étoit connue depuis longtems

[32] $Б_2$: фраза: „comme elle . . . . . respect" заключена в скобки и зачеркнута (?), т. е. выпущена.

Г, Д.: фраза „mais comme elle . . . . . respect" отсутствует; текст: Je mecontentois и т. д.

[33] Б: *[à quel]* point

[34] Г: quitte.

[35] Г, Д: семь строк, от „*Je savois bien*" до „*sans inquiétude*" отсутствуют.

[36] Б: далее должны быть, судя по длине оборванных строк, одно или два неизвестные нам слова, от которых зависит и форма глагола.

[37] $Б_2$: фраза заключена в скобки, т. е. выпущена.

[38] Б: que (описка?)

[39] Г, Д: les

[40] $Б_2$: вставлено: + (знак сноски) en attendant (намеченное и неосуществленное исправление или вставка?)

Г, Д: текст тождествен тексту А и Б.

[41] Описка. Б:

Г: été

Д: le moment d'agir étoit

Vous savez le reste: je fis jouer à Mr Votre fils un rôle si [42]grotesque et si[42] pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de plattitude[43], ne put s'empêcher de rire et que l'émotion, que peut-être avoit-elle ressenti pour cette [44]grande et[44] sublime passion, s'éteignit [45]dans le dégout le plus calme et le mieux mérité[45].

[46]Mais vous, Monsieur le Baron, quel a été votre rôle à vous dans toute cette affaire[46]? Vous le representant d'une tête couronnée, vous avez été[47] le ma*quereau*[48] . . . . . *de*[49] *votre soi-disant batard;*[49] [50]*toute la conduite de ce jeune homme a été*[50] *dirigé par vous.*[51] *C'est vous qui lui dictiez*[51] *les pauvretés [qu'il venoit] debiter et les niaiseries qu'il s'est m[êlé d'écrire.] Semblable à une obsène* vieille, vous alliez guette*[r] ma femme dans tous* les coins pour lui parler [52]de votre fils[52], et lorsque malade de vérole, il étoit [53]miné de remèdes,[53] vous disiez, [54]infâme que vous êtes[54], qu'il se mouroit d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez moi mon fils— [55]

[56]Vous voyez que j'en sais long: mais attendez, ce n'est pas tout: je vous disois bien que l'affaire se compliquoit. Revenons aux lettres anonymes. Vous vous doutez bien qu'elles vous interessent[56].

Le 2 de novembre [57]vous eûtes de[57] Mr votre fils [58]une nouvelle[59]

---

[42] $Б_2$: слова: grotesque et si заключены в скобки, т. е. выпущены.
Г, Д: отсутствуют. Текст: un rôle si pitoyable, que и т. д.

[43] Г: de tant de lâcheté et de plattitude

[44] Д: отсутствует.

[45] Г: dans le mépris le plus calme et le dégout le mieux mérité.
Д: dans le mépris le plus calme et le mieux mérité

[46] $Б_1$: а. *Mais* vous, Monsieur le Baron, je suis obligé d'avouer, que le rôle à vous dans toute cette affaire n'est
б. *Mais* vous, Monsieur le Baron, vous me permettrez d'observer que le rôle à vous dans toute cette affaire n'est . . . (исправления незакончены).
Г: Je suis obligé d'avouer, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous n'a pas été tout à fait convenable.
Д: Vous me permettrez de dire, Mr le Baron, que votre rôle à vous dans toute cette affaire n'a pas été des plus convenables.

[47] $Б_2$: далее вставлено: paternellement
Г, Д: то же.

[48] Б: далее, соответственно длине оборванной строки, должно быть одно (?) неизвестное нам слово.

[49] $Б_2$: votre batard ou soi disant tel;
Г: Monsieur votre fils
Д: Votre bâtard ou soi disant tel.

[50] Г: Il paroit que toute sa conduite (assez maladroite, d'ailleurs) a été
Д: Toute sa conduite (assez maladroite, d'ailleurs) a été probablement,

[51] Г: C'est vous qui, probablement, lui dictiez
Д: C'est vous, probablement, qui lui dictiez

[52] Г: de l'amour de votre batard ou soi-disant tel;
Д: de l'amour de votre fils

[53] $А_1$: retenu chez lui [*par les* (?)] remèdes
Б: re*[tenu chez lui par les remèdes* (?)*]*
Г: retenu chez lui,
Д: retenu chez lui par les remèdes,

[54] Г, Д: отсутствует.

[55] $А_1$: далее вставлено: Ce n'est pas tout,
Г, Д: Дальнейший текст, после слов „rendez moi mon fils", дает самостоятельную редакцию (с разночтениями), совпадающую с А и Б лишь отдельными словами; поэтому сличение с ним здесь не проводится (см. ниже).

[56] $А_1$: Весь абзац зачеркнут, Текст Б неизвестен, но, соответственно количеству отсутствующих строк, должен совпадать с текстом $А_1$ (см. дальше, примечание 69).

[57] $А_1$: vous eûtes avec; после слова: novembre вставлен крестик (знак сноски), не имеющий соответствующего текста.

[58] $А_1$: Фраза в три строки (от „une nouvelle" до „perdoit la tête") зачеркнута. Вместо нее: [après une] (?) à la suite d'une conversation . . . . . lettre anonyme". Пропуск не поддается точной расшифровке, вся же фраза в тексте $А_1$ может быть, очень предположительно, восстановлена так: „Le 2 de novembre à la suite d'une conversation [qu'] vous eûtes avec Mr votre fils, [vous inventates (?) la] lettre

[*qui vous*] fit beaucoup de plaisir. Il vous dit [60] . . . . ité [60], que ma femme [61] crei[*gnoit*] . . . . [*q*]u'elle [61] en perdoit la tête [58]. [62] [*Vous résolutes alors de*] [62] frapper un coup décisif [63] . . . . . [63] *je reçus trois exemp*laires [64] de la lettre ano[*nyme* [64] [65] (*de la disaine que*] [65] *l'*on avoit distribué) [66] . . . . [66] avoit été fabriquée avec [67] *si peu de précaution* [*qu'au*] *premier coup d'oeil je fus sur les trâc*[*es de l'au*]*teur* . . . .

. . . .

. . . . [67] *j'é*tois sur de trouver mon *drôle,* [*et*] *je ne m'en* inquietois plus. Effectivement, avant trois jours de recherches, je [68] *savois à quoi m'en tenir* [68] [69] Si la diplomatie n'est que l'art de savoir ce qui se fait chez les autres et de se jouer de leur projets, de Vous me rendrez la justice d'avouer que vous avez été vaincu sur tous les points.

Maintenant j'arrive au but de ma lettre: [70] Peut être desirez vous

---

anonyme». Редакция Б далеко не совпадает с редакциями А и $А_1$. См. ниже примечание 69.

[59] Чтение « nouvelle » предположительное.

[60] Пропуск в полстроки не поддается точному восстановлению. Можно предложить лишь очень проблематическое чтение :„Il vous dit [que je soupçonnois (или je comprenois; je concevois и т. п.) la vér]ité“ (ср. в статье Б. В. Казанского — «Звезда» 1934, № 3, стр. 145).

[61] То же. Предполагаемое чтение: «crei[gnoit un scandale (или: un éclat и т. п.) et q]u'elle en perdoit la tête“ (ср. в статье Б. В. Казанского — там же).

[62] Чтение предположительное, по вероятному смыслу.

[63] Невосстановимый пропуск, соответственно длине оборванной строки, частью восстановленный по тексту Б.

[64] $А_1$: эти слова зачеркнуты; предыдущий текст подвергнут переработке, не поддающейся точной реставрации; вероятно, она продолжает текст, предположительно реконструированный в примеч. 58: „[vous inventates (?)] la lettre anonyme [qui fut co]mposée par vous et [votre (?) fils (?) et dont je reçus trois exem] plaires“ (эта реконструкция, впрочем, совершенно условна).

[65] Предположительная реконструкция, по смыслу.

[66] Пропуск в полстроки в текстах А и Б, читающийся, вероятно: „Cette lettre anonyme“, или в иной, равнозначущей, но более резкой редакции.

[67] Реставрация условная, с помощью совпадающих частей текста Б. Две с небольшим строки отсутствующего текста не поддаются реконструкции, так как текст Б не дает для нее материала.

[68] В основной текст введено чтение $А_1$, так как текст А густо зачеркнут и не поддается прочтению (предположительно: „je découvris . . . . . toute la) . . . . .“

[69] Текст абзаца начиная со слов А: „le 2 de novembre“, в письмах А и Б настолько разнится, что образует две самостоятельные редакции; причем текст Б лишь частично и в иной последовательности воспроизводит содержание текста А. Текст Б предположительно реконструируется так:

Le 2 de novembre (а) *à la suite d'une conversation* . . . . (а) *vous eûtes avec Mr votre* fils une conférence ou[*vous résolutes (?) de*] *frapper* un coup que l'on croyoit décisif. [*Une lettre ano*]nyme fut composée par vous et [(а) *votre fils* . . . . . (а)] je reçus trois exemplaires [(б) *de la disaine que* (б)] (в) l'on avoit distribuée. [(г) *Cette lettre anonyme avoit* (г)] été fabriquée avec si peu de précaution, [*qu'au* premier coup d'oeil (д) je fus sur les trâc[*es de l'au*]teur. (д) Je ne m'en inquiétois plus, j'étois sur de (в) trouver mon (е) drôle. Effectivement, *avant trois* jours de recherches, je savois positi[*vement*] (ж) *à quoi m'en tenir.* (ж)

а) Предположительная реконструкция, не заполняющая целиком отсутствующие полстроки.

б) Предположительная реконструкция.

в) $Б_2$: четыре строки (от «l'on avoit . . . . »до «j'étois sur de») перечеркнуты, т. е. выпущены.

г) Предположительная реконструкция, см. примеч. 66.

$Б_2$: Эта фраза или начало ее взято в скобки, т. е. выпущено.

д) $Б_2$: Эта фраза в скобках, т. е. выпущена. См. примеч. (г) и (в) — последнее покрывает эти скобки.

е) $Б_2$: mes (drôles).

ж) Реконструкция предположительная, согласно тексту $А_1$ (см. примеч. 63).

savoir ce qui m'a empêché jusqu'à présent de vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la votre. Je m'en vais vous le dire[70].

Je suis bon[71], ingenu [72] . . . . . [72] mais mon coeur est sensib*[le]*[73] . . . . . [73]. Un duel ne me suffit pl*[us*[74] *maintenant — oh,*[74]*] non*[75] et quelque soit son is*[sue,*[76] *je ne me sentirai pas*[76]*]* assez vengé ni par la*[*[77] *honte qu'en éprouveroit*[77] *M-r* votre fils,[78] ni par la lettre *que j'ai l'honneur de vous é[crire et] dont je garde la copie pour mon usage [particul]ier. Je veux que vous vous donniez la peine [de trouver] vous même les raisons qui seroint suffi[santes pour] m'engager à ne pas vous cracher à la fi[gure et là ann]éantir jus*qu'à la trâce de cette miserable affaire dont il me sera acile de faire un excellent chapitre dans [79] l'histoire [79] du cocuage.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron
Votre très humble et très obeissant serviteur
A. Pouchkine

Перевод:

Господин Барон,

Прежде всего разрешите мне сделать обзор всего, что только что произошло. — Поведение Вашего сына было мне совершенно известно и не могло быть для меня безразличным; но так как оно не выходило из границ светских приличий, и так как, помимо того, я знал, насколько моя жена заслуживает мою доверенность и мое *[ува]жение, я довольствовался ролью наблюдат[е]*ля, имея возможность *вмешаться, когда сочту это кс[тати. Я] хорошо знал, что красивая наружность, несчастная с[трасть,] постоянство втечении двух [лет . . . . . в конце концов (?)] всегда произвели бы известное [впечатление]* на сердце *молодой* особы, *и что тогда* муж, если только он не дурак, сделался бы совершенно естественно поверенным своей жены и хозяином ее поведения. Признаюсь вам, что я чувствовал себя не совсем спокойно. Происшествие, которое во всякое другое время было бы мне очень неприятно, весьма счастливо пришло мне на выручку: я получил анонимные письма. Я увидел, что наступило удобное время, и я им воспользовался. Вы знаете остальное: я заставил вашего сына играть роль столь смехотворную и столь жалкую, что моя жена, удивленная такою пошлостью, не могла удержаться от смеха и участие, быть может чувствовавшееся ею к такой великой и возвышенной страсти, угасло в отвращении самом спокойном и самом заслуженном.

Но вы, Господин Барон, какова была ваша собственная роль во всем этом деле? Вы, представитель коронованной главы, вы были . . . . . сводником *вашему так называемому побочному сыну; весь образ действий этого*

---

[70] A_1: Отсюда до конца абзаца («Peut-être . . . . . vous le dire») зачеркнуто, т. е. выпущено.

[71] A_1: над этими словами вставка: vous le voyez (чтение предположительное, м. б.: savez), с основным текстом, кажется, не согласованная, или предназначенная для начала фразы.

[72] Отсутствуют полстроки с неизвестным текстом, который не решаемся восстановить (ср. произвольную реставрацию Б. В. Казанского—«Звезда» 1934 г. № 3, стр. 146).

[73] То же.

[74] Реставрация совершенно предположительная, в зависимости от слова в тексте Б — «пол», не вполне ясного значения.

[75] Отсюда начинается сохранившийся текст Б. Предыдущий текст А—A_1 (от слов „Si la diplomatie . . . ") с вычетом 3-х строк (см. примеч. 70) вполне соотвествует отсутствующим в тексте Б 9-ти строчкам.

[76] Восстановлено предположительно, по смыслу.

[77] То же.

[78] Б: далее следует: ni par *[son mariage qui auroit to]*ut l'air d'une bonne *[plaisanterie]* (c*[e qui, d'ailleurs,]* m'embarasse fort peu) ni *[même]* par la lettre — и т. д. Восстановление предположительное (может быть не „plaisanterie", а „farce" с каким-нибудь эпитетом?).

[79] A_1: mon histoire

молодого человека был направляем вами. Это вы диктовали ему пошлости, [которые он] разглагольствовал, и глупости, которые он п[ыт]ался писать]. Подобный развратной старухе, вы подстерегал[*и*] *мою жену* по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, и когда, заболев венерической болезнью, он был пропитан лекарствами, вы говорили, негодяй вы этакий, что он при смерти от любви к ней; вы бормотали ей: отдайте мне моего сына—

Вы видите, что я хорошо осведомлен: но подождите, это еще не всё: я вам недаром говорил, что дело осложнилось. Возвратимся к анонимным письмам. Вы, конечно, понимаете, что они должны вас интересовать.

2-го ноября вы узнали от вашего сына новость, [*которая вам*] доставила большое удовольствие. Он сказал вам, [*что я подозреваю (понимаю, знаю?) ист*]ину, что моя жена опаса[*лась скандала (взрыва?) и*] от этого теряла голову. [*Вы решили тогда*] нанести последний удар . . . . . *я получил три экземпляра* ано[*нимного*] письма *(из того десятка (?) их (?) который*] был распространен). [*Это анонимное (?) письмо (?)*] было изготовлено со *столь малыми предосторожностями, [что с] первого взгляда я был на след[ах его авт]ора* . . . . . .

. . . . . .

я был уверен что найду моего *прохвоста* [*и*] *более о нем не* беспокоился. Действительно, после менее чем трех-дневных поисков, я *знал, что должен об этом мать* [80]. Если дипломатия—только искусство узнавать то, что делается у других, и разрушать их предположения, вы окажете мне справедливость признать, что вы были побеждены на всех пунктах.

Теперь я подхожу к заключению моего письма. Быть может, вы желаете знать, что помешало мне до сих пор обесчестить вас в глазах двух дворов — нашего и вашего. Я сейчас скажу вам это.

Я добр, простодушен . . . . . но сердце мое чувствитель[но] . . . . . Дуэли мне уже недостаточно [*теперь—о,*] *нет* и каков бы ни был ее ис[*ход, я не почту (?) себя*] достаточно отмщенным ни [*позором, (?) который (?) испытает* (?) *от нее*] ваш сын [81], ни письмом, которое имею честь вам пис[*ать и*] копию с которого я сохраняю для моего [*лич*]ного употребления. Я хочу, чтобы вы дали себе труд самому [найти] основания, которые были бы доста[*точны, чтобы* побудить меня не плюнуть вам в ли[*цоуни*]чтожить самый след этого подлого дела из которого мне будет легко составить прекрасную главу в истории рогоносцев.

Имею честь быть, Господин Барон,
Ваш нижайший и покорнейший слуга
А. Пушкин.

Такова, в пределах возможного, приблизительная, условная и всё же неполная, зияющая пробелами реставрация первоначального текста первого письма — слоя А. Эволюция текста, от A_1 через Б — $Б_1$ — $Б_2$ до сходных между собою Г и Д дана в примечаниях. Необходимо теперь привести и конец двух последних текстов, отступающий совершенно от редакции А—Б и представляющий, по существу, совершенно самостоятельную редакцию. Дадим, как основной, текст Г (письмо, отправленное Геккерену 26 января 1837 г.), вынося разночтения Д (второго экземпляра — отпуска того же письма, заготовленного Пушкиным и переданного им К. К. Данзасу) в примечания. Совпадения текстов Г и Д с текстами А и Б отмечаются разрядкой.

---

[80] Текст Б: *2-го ноября, вследствие разговора . . . . . вы имели с вашим* сыном совещание, на котором [*решили*(?)] *нанести* удар, почитавшийся *окончательным. [Письмо ано*]нимное был составлено *вами и* [*вашим сыном . . . . .] я* получил три экземпляра [*из того десятка* (?), *который*] был распространен. [*Это анонимное письмо было*] изготовлено со столь малыми предосторожностями, [*что при*] первом взгляде я был на след[*ах автора*]. Я больше об этом не беспокоился, я был уверен, что разыщу моего прохвоста. Действительно, после менее чем трехдневных поисков, я знал положи[*тельно*], что должен об этом думать.

[81] В тексте Б далее следует: н[*его* [*женитьбой, которая имеет соверш*]енно вид славной [*шутки*] (чт[*о, впрочем*] меня очень мало занимает), ни *даже* письмом *(и т. д.)*

[82] Vous sentez bien, Monsieur le Baron, qu'après tout cela je ne puis souffrir que ma famille aye la moindre relation avec la vôtre.[82] C'étoit à cette condition que j'avois consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire,[83] et ne pas[83] v o u s d e s h o n o r e r a u x y e u x d e n o t r e c o u r e t d e l a v o t r e, comme j'en avois le pouvoir et l'intention. [84]Je ne me soucie pas[84] que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que Monsieur votre fils après l'abjecte conduite qu'il a tenue [85] ose adresser la parole à ma femme, ni encore moins qu'il lui débite [85] des calembourgs de corps de garde,[86]et joue[86] le dévouement et la passion malheureuse tandis qu'il n'est qu'un [87] lâche[87] et qu'un chenapan. Je suis donc obligé [88] de m'adresser à vous pour vous prier de mettre fin à[88] tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas.

J'ai l'h o n n e u r d'ê t r e[89] M o n s i e u r l e B a r o n,
V o t r e t r è s h u m b l e e t t r è s o b é i s s a n t s e r v i t e u r

Alexandre P o u c h k i n.

26 Janvier
1837 [90]

Обратимся к обрывкам черновых писем Пушкина к Геккерену, сохранившимся и дошедшим до нас. Всего, как было сказано, мы располагаем 9-ю кусками разной величины, относящимися к нашей теме. Из них пять, написанных карандашом, с чернильными поправками, составляют приблизительно 5/8 площади листка в 4-ю долю листа большого почтового формата той же голубоватой, золотообрезной бумаги, на которой написаны письма А и Б. Остальные 4 куска оторваны от такой же бумаги; два совершенно разрозненные, а два — складываются и образуют верхнюю часть сложенного пополам полулиста, 1-я и 3-я страницы которого записаны, а 2-я и 4-я — чисты. Полное исследование этих отрывков не входит в нашу задачу. Не давая их полной транскрипции, постараемся дать их в виде более или менее связного текста, со всеми зачеркнутыми местами и с возможной реставрацией недостающих частей. Начнем с разрозненных листков, прежде всего с № 6 Майковского собрания: [91]

Voici la . . . . . .
Je désire . . . . . .
soit plus . . . . . .
qui vien . . . . . .

Связь этого отрывочного текста с письмами к Геккерену неясна и даже сомнительна. Быть может, его можно связать с заключительною частью текстов Г и Д и прочесть приблизительно так: Voici la [condition que je vous impose:] Je désire [que désormais il ne] soit plus [de relations entre nous] qui vien[nent . . . .(?)] Чтение это, однако, очень произвольно, не укладывается в равные строки нормальной величины (в 20—21 знак на строке в полустраницу) и, главное, очень далеко от окончательного текста к которому имеется, притом, другой, совершенно несомненный и прямой черновик. Этот черновик (листок № 5 Майковского собрания, который мы обозначим B_2) читается так:

---

[82] Д : Vous sentez bien qu'après tout cela [il ne pou] je ne pouvois souffrir qu'il y eut des relations entre ma famille et la votre.
[83] Д : et à ne pas
[84] Д: Je ne soucie pas (описка).
[85] Д : ose encore lui adresser la parole, encore moins qu'il lui fasse la cour et débite
[86] Д : tout en jouant
[87] Д : pleutre
[88] Д : de vous prier, Monsieur le B[aron] de faire finir
[89] Д : далее: etc.. Остальной текст и подпись отсутствуют.
[90] Д : дата отсутствует.
[91] Назовем его условно: B_1.

[Vous sentez b]ien, M. le B[aron] [qu'après tou]t celà, je ne [puis so]uffrir que [ma famille aye . . . . . и т. д.]

Это — несомненный и точно совпадающий с окончательным текстом набросок к текстам Г и Д (см. выше), но не соответствующий никакому месту в текстах А и Б, что нужно запомнить.

Два других отрывка — №№ 3 и 4 Майковского собрания — составляют вместе, как было сказано, верхнюю часть (1/8 + 2/8 площади) согнутого пополам полулиста тонкой голубоватой золотообрезной бумаги. Обозначим их B_3. Текст на 1-й и 3-й страницах; обороты, как и у двух рассмотренных выше листков, чистые: Пушкин писал эти черновики на одной стороне листа. В виду важности здесь зачеркнутых мест, приведем их в основном тексте, выделив круглыми скобками.

1-я страница: certes je ne [puis permettre etc. (?)] (—Cependant [. . . . .)] (d) encore m[oins qu'il ose (?) lui faire la] cour et (la) lui débiter [des calembourgs de corps de garde . . . . и т. д.]

Этот отрывок совершенно точно отождествляется: он относится к той же заключительной части текстов Г и Д, что и предыдущий, B_2; непосредственно к нему восходит текст Д (см. примечание 85 на стр. 350).

3-я страница: (je ne . . . . . sent, a) (ont) (vous avez joué à vous trois un rôle) (enfin Mad. Heckern) (cependant, Mr v[otre] f[ils], mécontent) [Je ne me] soucie ni . . . [je ne] puis permettre que . . . .

Не всё в этом отрывке ясно, но и он, судя по последним, незачеркнутым словам, относится к той же заключительной части текстов Г и Д; тексты А и Б не имеют ему соответствий. Обе страницы черновика, 1-я и 3-я, представляют, таким образом, разработку одного, приблизительно, места письма, посланного 26 января 1837 г. [92].

Иной внешний характер носят пять остальных клочков черновика, складывающиеся в часть (5/8 площади) сложенного пополам полулиста той же голубоватой золотообрезной бумаги: они написаны карандашом, с поправками — сначала карандашом, потом чернилами. Обозначим этот текст B_4.

Стр. 1-я (лицевая сторона)[93]

Vous me demanderez ce qui m'a empêché (de)[94] vous deshonorer à la face de notre cour et de la votre, et vous perdre comme [j'en avois le pouvoir et l'intention (?)] . . . . . [95], qui me veng[eroit[96] comme[96] vous][96] ne l'imaginez [pas et m'engageroit (?)[96]] encore à laisser [là[96] cette[96] misé]rable affaire (dont je me ferai etc)[97]— mais je[98] le[98] repete[98] il faut que toute relation[99] entre votre[100] famille et la mienne fut[101] désormais rompue—

---

[92] Последовательность 1-й и 3-й страниц определяется нами по сгибу листа; но лист мог быть согнут так уже после написания, и, в таком случае, страницы 1-я и 3-я меняются местами; существенного значения это, однако, не имеет, так как прямой связи между ними нет, и тексты повторяют друг друга.

[93] Б. В. Казанский (указ. статья в «Звезде» 1934 г., № 3, стр. 148) располагает страницы письма (лицевую и оборотную стороны листа) в обратном порядке, но это вносит явное противоречие в смысловой его ход.

[94] Слово: de зачеркнуто и не восстановлено, перед ним поставлена скобка (?); далее надписано и зачеркнуто: vous perdre.

[95] Отсутствуют около 4-х строк целиком, затем — 4 строки полуоторваны.

[96] Предположительные чтения оборванных строк, восстановленных по вероятному смыслу.

[97] Скобки Пушкина. Чтение: ferai предположительное—слово оборвано и неясно. По смыслу, вероятно: dont je me ferai un excellent chapitre dans l'histoire du cocuage.

[98] Вставлено над строкою.

[99] Далее зачеркнуто: soit

[100] Первоначально: та.

[101] Первоначально (и не зачеркнуто): soit

Стр. 2-я (оборотная сторона листа):

Je ne me soucie pas[102] que[103] ma femme écoute[104] encore[104] vos[105] ehortations paternelles,[106] je ne (me soucie) pas[107] qu'un guerrier sans peur[108] Mr [votre fils] après[109] [l'abjecte conduite qu'il a tenue. . . . . (?) и т. д.][110] . . . . . dans les can . . .[111] . . . . . déméler ce qu[e][112] . . . . . vous, et je [vous conseille (?)[113]] d'y prendre gar[de, car j'ai] votre mesure à[114] vous[114] deux,[114] vous n'avez pas encore la mienne.—

На поле, поперек текста:

(ni) et lui présenter l'abjecte conduite de[115] Mr[115] votre[115] fils[115] comme un sacrifice de[116]

Этот черновой текст — наиболее полный из сохранившихся — содержит элементы обеих групп беловых писем, А — Б и Г — Д, в их заключительных частях; кроме того, часть текста (окончание и вставки на 2-й странице) в имеющиеся беловые не вошла. Восприняв начальный сохранившийся абзац («Vous me demanderez ce qui m'a empêché . . . . . .») из текста А (в тексте $А_1$ и, очевидно, Б — он выпущен, в тексты Г и Д вошел в иной редакции и связи), он далее дает отрывок, представляющий очень переработанный и сокращенный текст А — Б в его заключительной части («[cette misè]rable affaire dont je me ferai etc.»), но затем переходит к теме, совершенно отсутствующей в А — Б, и введенной лишь в Г — Д: о необходимости прекратить сношения между семьями Пушкиных и Геккеренов, об «отеческих увещеваниях» Геккерена-старшего и о поведении его приемного сына по отношению к Н. Н. Пушкиной. Некоторые детали последней темы, а также конец известного нам чернового текста («car j'ai] votre mesure à vous deux...» и т. д.), даны только в черновике, а в текст Г — Д не вошли. Таким образом, текст $В_4$ представляет собою среднее звено, переходную редакцию от текста А — Б к тексту Г — Д, ближе, однако, уже к последнему.

---

[102] Далее зачеркнуто: de vos.

[103] Далее первоначально: a. vous fassiez à ma femme б. vous continuez à ma femme (всё зачеркнуто чернилами).

[104] écoute encore — вставка чернилами.

[105] Первоначально: des (исправлено чернилами).

[106] Над строкою вставлено и зачеркнуто: je sais ce

[107] Первоначально: a. Je ne me soucie pas que Mr [votre fils] б. Je ne veux pas que Mr [votre fils]. Чтение б. (veux) зачеркнуто чернилами, без замены.

[108] Вставленная над строкою фраза: „qu'un guerrier sans peur" читается очень предположительно. По смыслу она представляется ироническим намеком на поведение Дантеса во время первой несостоявшейся дуэли и связывается со вставкою на поле (см. ниже). Чтение Б. В. Казанского: „чтобы бессердечный негодяй" (т. е. очевидно, „qu'un gredin sans coeur"—„Звезда" 1934 г. № 3, стр. 148) не убедительно.

[109] Перед словом après видно зачеркнутое: a. После après зачерчкнуто: le.

[110] Предположительная реконструкция, по аналогии с текстом Г и Д, но противоречащая, однако, вставке на поле (см. ниже). На отсутствующей части листа помещалось около 3-х строк.

[111] Начало слова, не поддающееся дешифровке (чтение Б. В. Казанского — *„в углах"* — т. е. „dans les coin[s]", см. там же, — неприемлемо). Далее отсутствует полстроки.

[112] Оторвано полстроки текста; дать определенное чтение затрудняемся (ср. чтение Б. В. Казанского — там же: «что [восходит в этом деле] к вам», — не вполне убедительное).

[113] Чтение предположительное.

[114] Вставка над строкою.

[115] Чтение предположительное.

[116] Первоначально: un sacrifice à son honneur (? очень предположительное чтение). Вся фраза связывается с абзацом: «Je ne me soucie pas . . . . . » и в особенности со словами, читаемыми нами, как «un guerrier sans peur» — продолжение иронической характеристики ложного героизма Дантеса.

Остается ответить на последний — и важнейший — вопрос: какова хронология писем Пушкина к Геккерену, какова история их написания, т. е. какое место занимает каждый из рассмотренных документов в истории последних месяцев жизни Пушкина, в истории его дуэли и смерти? Постараемся ответить по возможности кратко.

Письмо, отправленное Пушкиным барону Геккерену и послужившее непосредственным поводом к последней дуэли (текст Г), датировано им самим и совершенно точно: 26 января 1837 года[117]. О втором его экземпляре, переданном Пушкиным Данзасу (текст Д), сказано будет далее. Не датированы никак разорванные беловики двух неотправленных писем — тексты А и Б. Но здесь мы имеем мемуарное свидетельство, данные которого, проверенные рядом других показаний и документов, неоспоримы и совершенно точны: это — воспоминания гр. В. А. Соллогуба. Рассказывая о ноябрьском вызове Пушкиным Дантеса, в котором Соллогуб выступал секундантом поэта, он устанавливает две важнейшие даты — вернее, дает точный материал для их установления[118]: одна — 17 ноября, — когда секунданты, Д'Аршиак и Соллогуб, собравшись у Дантеса, выработали условия дуэли, назначив ее на 21 ноября, и вместе с тем обратились к Пушкину, убеждая его отказаться от дуэли в виду наметившейся свадьбы Дантеса с Е. Н. Гончаровою — на что Пушкин и согласился, подтвердив письменно; вторая дата — 21 ноября (как ближайшая к 17-му «суббота»). В этот день, по рассказу Соллогуба, когда он был у Пушкина, последний «запер дверь и сказал: «Я прочитаю вам мое письмо к старику Геккерну. С сыном уже покончено... Вы мне теперь старичка подавайте». Тут он прочитал мне в с е м и з в е с т н о е[119] письмо к голландскому посланнику... Что мог я возразить против такой сокрушительной страсти? Я промолчал невольно, и так как это было в субботу (приемный день кн. Одоевского), то я поехал к кн. Одоевскому. Там я нашел Жуковского и рассказал ему про то, что слышал. Жуковский испугался и обещал остановить отсылку письма. Действительно, это ему удалось: через несколько дней он объявил мне у Карамзиных, что дело он уладил и письмо отослано не будет. Пушкин точно не отсылал письма, но сберег его у себя на всякий случай». И далее, говоря о письме, посланном Пушкиным Геккерену накануне дуэли, 26 января 1837 г., Соллогуб замечает: «Письмо, впрочем, было то же самое, которое он мне читал за два месяца, — многие места я узнал; только п р е ж н е е б ы л о, е с л и н е о ш и б а ю с ь, д л и н н е е, и, как оно ни покажется невероятным, еще оскорбительнее» (стр. 372). П. Е. Щеголев сомневался в тождестве ноябрьского и январского писем, поясняя свое сомнение психологически: «Трудно предположить, что Пушкин так долго хранил неотправленное в ноябре письмо к Геккерену, что Пушкин, пережив 25—26 января сильнейшую вспышку гнева и негодования, не излил свои чувства набросанным тут же злым письмом, а порылся в своем столе, достал оттуда документ и отправил его Геккерену («Дуэль и смерть П.», стр. 111). Однако, не произведя анализа всех документальных материалов, относящихся к письмам, П. Е. Щеголев не мог и решить вопроса, ограничившись лишь догадками. Между тем, Соллогуб был по существу прав — и можно лишь удивляться его памяти, через много лет различавшей две редакции письма и верно указывавшей их отличия. Письмо Пушкина, прочитанное им Соллогубу 21 ноября, существовало и обращено было к Геккерену. Написано оно было, очевидно, после

---

[117] Подлинник письма был возвращен из Военно-судной комиссии Геккерену и до сих пор неизвестен. В точности копии в деле Военного суда (относительно даты, по крайней мере) не приходится сомневаться (см. в книге П. Е. Щеголева — «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3-е, 1928, стр. 131 и след); поэтому непонятно, почему Б. В. Казанский в статье «Гибель Пушкина» — «Звезда» 1928 г., № 1 — датирует везде это письмо «25.I.37».

[118] «Воспоминания» гр. В. А. Соллогуба, изд. Academia, под ред. С. П. Шестерикова, Л. — М. 1931, стр. 360—375; Б. Л. Модзалевский «Пушкин», Л. 1929, стр. 378—381; П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», 1928, стр. 99 и след.

[119] Разрядка наша.

17 ноября, когда с дуэлью, с Дантесом было покончено, и перед Пушкиным оставался второй, важнейший противник — Геккерен, а за Геккереном — весь враждебный петербургский свет и, наконец, сам Николай Павлович. Дантес был наказан позором несостоявшейся дуэли, низостью своего поведения, уничтожившей его в глазах Н. Н. Пушкиной, вынужденной женитьбой на Е. Н. Гончаровой. Геккерен — по мнению Пушкина, автор анонимных писем, вдохновитель поведения Дантеса, сводник и клеветник, — должен был быть публично разоблачен и опозорен, а через него дан отпор и другим, еще более сильным и скрытым противникам. Такова цель письма. И это письмо — то разорванное, сохранившееся в двух экземплярах беловое письмо, текст которого, обозначенный нами буквами А и Б, реконструирован выше. Оно написано было, как сказано, между 17-м и 21-м ноября — после разрешения вопроса о дуэли и до разговора с Соллогубом, когда было ему прочитано. Память не обманула Соллогуба: письмо длиннее, чем посланное Геккерену 26 января, и еще резче и оскорбительнее. Наличие двух экземпляров можно объяснить тем, что Пушкин, набросав письмо в черновом виде — эти черновики до нас не дошли совсем — и составив первый беловой текст — текст А — стал его перечитывать и, перечитывая, вносил мелкие поправки ($А_1$); письмо с поправками не могло уже быть послано, пришлось переписать его снова; в процессе переписки внесены были еще изменения — образовался текст Б. Разница между текстами А — $А_1$ — Б не очень велика: она сводится, прежде всего, к некоторым сокращениям (всего выброшено 7 строк), и к вставкам соответствующих, более кратких выражений; сокращения не меняют ничего по существу — это обычная пушкинская правка композиционного характера, сжимающая и усиливающая изложение; переработан, далее, весь эпизод, предшествующий рассылке анонимных писем — о совещании между Геккереном и Дантесом 2 ноября; переработка имеет целью, с одной стороны, уточнить фактические детали, с другой — избежать упоминаний об Н. Н. Пушкиной, бывших в тексте А. Последняя вставка в Б упоминает о предполагаемой женитьбе Дантеса, как смехотворном орудии его позора и наказания — чего в тексте А не было (вряд ли, однако, можно из этого заключить, что текст А писан до принятия предложения Дантеса — т. е. до 17 ноября).

Труднее сказать, когда внесены чернильные поправки в текст Б — т. е. когда возник слой $Б_1$. Поправки (по крайней мере известные нам) незначительны, и сводятся к переработке одного места — где Пушкин переходит от поведения Дантеса к «роли» старого Геккерена в том, что произошло («Mais vous, Monsieur le Baron,.....» и т. д.). Цель поправок — чисто стилистическая: простой вопрос обращается в утверждение, исполненное иронической вежливости. Можно предположить, что Пушкин читал Соллогубу текст Б, а поправки $Б_1$ внес уже после чтения — и тем вторично обратил законченное письмо в черновое, требующее новой переписки. Может быть, однако, поправки были внесены еще до чтения Соллогубу, и Пушкин читал по тексту $Б_1$, не имеющему вполне белового вида.

Как бы то ни было, письмо не было послано. Соллогуб объясняет это вмешательством Жуковского. Но истинная причина была, вероятно, другая. В самый день чтения письма Соллогубу, 21 ноября, Пушкин исполнил свое намерение — обесчестить своего врага в глазах двух дворов — русского и голландского — и вместе с тем довести до сведения высших властей всю историю анонимных писем и свой взгляд на нее: он написал и послал письмо Бенкендорфу (или К. В. Нессельроде — но вернее, что Бенкендорфу) с изложением всего дела, как подлежащего ведению правительства. Результатом письма было свидание Пушкина с Николаем I, в присутствии Бенкендорфа, происшедшее 23 ноября и ставшее известным лишь недавно, благодаря разысканиям П. Е. Щеголева[120]. Можно предположить вполне уверенно, что Николай убедил Пушкина не давать делу дальнейшей огласки, взяв с него слово молчать — и тем самым сделал невозможной

[120] См. книгу «Из жизни и творчества Пушкина». Л.—М. 1931, стр. 140—149, главу «Последнее свидание [Пушкина с Николаем I] в 1836 году» (первоначально в журнале «Огонек» 1928, № 24).

отправку заготовленного для Геккерена письма. Оно осталось в столе Пушкина — действительно, как говорит Соллогуб, — «на всякий случай», — и пролежало там более двух месяцев. «Случай» наступил в конце января 1837 г. Не восстановляя всего сложного хода истории преддуэльных дней Пушкина, напомним, что за это время произошла (10 января 1837 г.) свадьба Дантеса с Е. Н. Гончаровою, а потом — возобновились еще более настойчиво ухаживания Дантеса за Н. Н. Пушкиной, усилились сплетни вокруг них и было устроено, повидимому, их свидание у И. Г. Полетика; всё это с новою силою возбудило сдержанные на время чувства гнева и оскорбления Пушкина. Выражением новой вспышки и явилось новое письмо к Геккерену, посланное 26 января — текст Г по нашему обозначению.

П. Е. Щеголев выражал сомнение в психологической возможности того, чтобы Пушкин, желая оскорбить Геккерена, «порылся в своем столе, достал оттуда документ и отправил его адресату». Пушкин, конечно, так не делал. Но он поступил в данном случае, как поступал не раз в своей творческой работе поэта: старый, неиспользованный материал он переработал заново, внеся в него изменения сообразно с новыми заданиями, с новым творческим планом. Письмо — текст Б — $Б_1$ — взятое, как материал, подвергнуто здесь же предварительному просмотру и в нем карандашом намечены переделки. Сохранив, в общем, всю первую часть письма (до слов: «vous lui marmottiez: rendez moi mon fils —» включительно), он наметил в ней карандашом несколько вставок и, в виде скобок, ряд сокращений (слой Б.). Почти все эти вставки и сокращения [121] введены в тексты Г — Д, при чем сокращения еще значительно расширены: исключено всё, что говорилось о возможном впечатлении от страсти Дантеса на сердце Натальи Николаевны и о роли мужа в этом случае: очевидно, Пушкин не считал возможным т е п е р ь говорить об этом, даже в виде предположения. Вторая часть письма в редакции Б — $Б_1$ — возвращение к вопросу об анонимных письмах, история их составления (совещание между Геккереном и Дантесом 2 ноября и разоблачение авторства Геккерена-старшего), заявление о тех условиях, на которых удовлетворилось бы чувство мести Пушкина, в том числе и о предстоящем браке Дантеса, — наконец, заключение — вопрос об «основаниях, достаточных для того, чтобы побудить его не плюнуть в лицо» Геккерену, — все это было отброшено и окончание письма составлено заново. Вопрос об авторстве анонимных писем уже не подымался — быть может, потому, что поколебалась уверенность Пушкина в авторстве Геккерена, а быть может — потому, что в этом отношении Пушкин был связан обещанием, данным Николаю. Притом, целью ноябрьского письма было придать делу возможно более общественный, а не только личный характер; недаром одновременно с ним писалось письмо к Бенкендорфу. Довести дело до сведения Николая I, через Геккерена ударить и по царю — вот к чему стремился Пушкин. Теперь, в январе, он, наоборот, более всего заботился о том, чтобы дело не дошло до правительства и не получило огласки, т. е. стремился ограничить его личными отношениями с Геккереном.

Новое окончание письма требовало тщательной черновой подготовки — и до нас дошло несколько отрывков черновых к нему. Характерно, что в с е отрывки, рассмотренные выше, относятся именно к новому окончанию письма — к тексту Г — Д, писанному накануне или почти накануне дуэли (25—26 января, т. к. не позже, чем утром 26 января письмо было готово и послано). Только эти отрывки и сохранились в кабинете Пушкина. Черновики же ноябрьского письма (текстов А — Б), конечно, тогда же порванные — все погибли. Наиболее ранним черновиком, далеким от окончательного текста, является текст $В_1$, обозначенный выше, как п е р е х о д н ы й по характеру между группами текстов А — Б и Г — Д. Возможно, что он писан в один прием с карандашными отметками на тексте Б (слой $Б_2$). Здесь уже введен новый мотив — требование прекратить всякие отношения «между вашею и моею семьями», — что могло иметь смысл и значение

[121] Одна вставка, намеченная крестиком и словом «en attendant» (см. выше, примечание 40) не использована совсем; одно изменение (см. выше, прим. 49) не включено в текст Г, но имеется в тексте Д (ср. ниже).

лишь после женитьбы Дантеса — после 10 января 1837 г. Эта фраза — вместе с тирадою об «отеческих» (т. е. родственных) увещеваниях, делаемых Геккереном-отцом Н. Н. Пушкиной, вошла в окончательный текст; другие подробности черновика, в него не вошедшие, сохранились плохо и не вполне восстановимы, но общий смысл их, иронически характеризующий истинное и показное поведение Дантеса — ясен.

Остальные черновые тексты — B_1, B_2 и B_3 — представляют позднейшие редакции, гораздо более близкие к окончательному тексту (Г — Д), особенно B_2 и B_3, т. к. о B_1 судить трудно, и сомнительна даже самая его связь с письмом к Геккерену. Тексты B_2 и B_3 могут принадлежать одному слою работы, если не одному документу; этому не противоречат содержащиеся в них повторения, столь обычные в черновиках Пушкина. Отрывок B_2 целиком и 1-я страничка B_3 вошли почти без изменений в окончательный текст Г — Д. Но особенно примечательна 3-я страничка B_3, в окончательный текст не вошедшая. В ней читаем зачеркнутые фразы: «vous avez joué à vous trois un rôle.....»«enfin Mad[ame] Heckern...», дающие какой-то новый, нам неизвестный и неясный мотив: «Madame Heckern» — это Екатерина Николаевна Дантес-Геккерен, «vous trois» — она же, Геккерен-старший и Дантес. Всё это могло быть написано лишь после женитьбы Дантеса. Роль его жены в преддуэльной истории до сих пор недостаточно выяснена — но, несомненно, она была в стане врагов Пушкина. Упоминание о ней он, однако, зачеркнул, и в отправленном письме ничего не сказал о жене Дантеса.

С этих черновых текстов было переписано в окончательном виде письмо к Геккерену — по крайней мере, его конец, т. к. первая половина могла быть взята непосредственно из текста $Б_2$, с некоторой его переработкой. Получился тот текст Г, который и был послан Геккерену, и послужил непосредственным поводом дуэли. Второй экземпляр его был переписан и сохранен Пушкиным «для личного употребления»; в день дуэли он передал его своему секунданту, К. К. Данзасу, а тот давал не раз друзьям Пушкина для снятия копий. Но этот документ — теперь Д — не является, как мы уже указывали, точной копией с Г: это именно второй экземпляр, с рядом отличий. Многие из последних восходят прямо к черновикам (см. замечания о 1-й странице текста B_3), другие — к отброшенным в тексте Г редакциям А — Б (см. примечания 34, 43, 49, 52, 53 к реставрированному тексту), третьи дают самостоятельную редакцию (см. №№ 41, 44, 45, 46, 50 тех же примечаний). Объяснения этому надо искать в том, что, повидимому, Пушкин писал вторично свое письмо (текст Д) уже тогда, когда первый экземпляр (Г) был послан по назначению; он писал частью по памяти, частью имея перед глазами текст Б и черновые наброски В. Написав экземпляр для себя, он порвал все ненужные ему материалы — и оба старых, ноябрьских письма, и новые черновые. Часть обрывков пропала. Но часть, не замеченная жандармами Дубельта, сохранилась в кабинете поэта — сохранилась именно потому, что не успели, в промежуток времени от момента, когда он их порвал, до момента, когда, раненый, был внесен в этот самый кабинет, убрать порванные бумаги из корзины у письменного стола. После смерти поэта друзья разобрали их на память. В дни открытия московского памятника они появились на страницах исторического журнала, чтобы снова исчезнуть затем на полвека. Теперь, обнаруженные вновь накануне столетия смерти поэта, они становятся объектом всестороннего изучения.

Письма Пушкина к Геккерену написаны на довольно тонкой голубой бумаге с золотым обрезом большого почтового размера. Точный обмер ее затруднителен, так как письма дошли до нас в клочках, и от первого письма не сохранилось полностью вертикальной линии, а от второго — горизонтальной. Бумага в обоих письмах повидимому одна и та же, поэтому условно обмер ее можем установить в 252 × 416 милл.

Первое письмо было разорвано пополам, оба листа наложены друг на друга, опять разорваны пополам, четыре четвертушки, положенные друг на друга были

вновь разорваны пополам, сложены вместе и еще раз разорваны пополам. Получилось шестнадцать клочков; из них дошло до нас одиннадцать. Они были подобраны по тексту и по обрыву, и подошедшие клочки внутри каждого полулиста были склеены между собою узенькими скрепочками белой полувосковой бумаги. Теперь мы можем условно перенумеровать все имеющиеся в наличии и утраченные клочки; сперва первую страницу, потом третью, в той последовательности, в которой писалось письмо. Выясняется, что 5, 6, 11, 13 и 14-й клочки до нас не дошли.

Второе письмо имело вдвое большее количество клочков, так как Пушкин пять раз разорвал его. Из получившихся тридцати двух клочков (размером в среднем 6,8 × 8,2 милл.) дошла лишь половина; потеряны клочки: 4, 7, 8, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 29, 30, 31, 32.

Клочки дошли в хорошей сохранности. Лишь на первом письме имеется бурое пятно от выцветших разлитых чернил; и зачеркнутая строчка едва держится, столь энергично, почти прорывая бумагу острым пером, Пушкин уничтожал слишком откровенно сказанные слова.

Н. Измайлов

IV

НАДПИСИ НА КНИГАХ

1

Другу Олесеньк[е]

от француза

Написано на обложке первого издания второй главы «Евгения Онегина» 1826 г., вышедшего в свет в октябре этого года[1].

Напечатано Л. Б. Модзалевским в книге «Рукою Пушкина», стр. 712. «Олёсенькой» в лицее называли А. Д. Илличевского, а «Французом» — Пушкина. Под этими прозвищами они значатся в «протоколе» празднования лицейской годовщины 1828 г.[2]. Надпись предположительно можно датировать 1827—1828 гг., потому что в эти годы Пушкин встречался с ним в Петербурге.

Книга с этой надписью приобретена Литературным Музеем в марте 1933 г. (№ 424) в книжном магазине «Международная книга», куда была продана Линдваревым.

Л. Модзалевский

2

Полторацкому от Пушкина

2 Апр. 1829. Москва

Написано на шмуцтитуле книги «Полтава, поэма Александра Пушкина, СПБ. 1829».

Книга принадлежала И. С. Остроухову в Москве, купившему ее в книжном магазине П. П. Шибанова. После смерти И. С. Остроухова, в июне 1929 г. книга поступила в Третьяковскую Галлерею, откуда в 1936 году перешла в Государственный Литературный Музей.

Факсимиле воспроизведено в «Литературном Наследстве» № 16—18, стр. 491.

Сергей Дмитриевич Полторацкий (1803—1884), известный впоследствии библиофил и библиограф, находился с Пушкиным в приятельских отношениях.

Т. Зенгер

[1] См. Н. Синявский и М. Цявловский «Пушкин в печати», М. 1914, стр. 37.
[2] См. «Рукою Пушкина», стр. 734—736.

3

К Елиму Мещерскому

Написано на обложке книги в переплете: «Борис Годунов». СПБ., 1831. Книга вышла в свет 22—23 декабря 1830 г.[1].

Кн. Элим Петрович Мещерский (1808—1844), которому Пушкин подарил свою трагедию, поэт и переводчик, писавший преимущественно на французском языке. Служил он по Министерству иностранных дел при русской миссии в Дрездене в 1828—1830 гг., затем в 1831—1833 гг. в Турине и всё остальное время в Париже. Мещерский сотрудничал как в русских альманахах и журналах, так и в иностранных журналах.

В своих книгах он писал о Пушкине, произведения которого переводил стихами.

С Пушкиным Мещерский общался в 1836 г., когда, надо полагать, поэт и подарил ему книгу.

О кн. Э. П. Мещерском см. в книге «Рукою Пушкина» (стр. 717—719), где впервые напечатана надпись.

Книга с надписью приобретена Литературным Музеем 26 июля 1933 г. у Н. О. Лернера (№ 614).

Л. Модзалевский

4

А. Пушкин

Написано в левом верхнем углу оборотной стороны переднего форзаца географического атласа России 1745 г.

Атлас размером 31,5 × 53 см в кожаном переплете XVIII в.

В атласе 4 нен. стр. + 12 нумер. стр. + 20 карт.

На внутренней стороне передней крышки переплета, в левом верхнем углу экслибрис: «Из библиотеки Смирдина. № 3852».

Под этим экслибрисом другой: «Библиотека М. С. Боднарского».

На оборотной стороне переднего форзаца, справа от надписи Пушкина карандашом рукой неизвестного написано. «Редкость. По времени первый атлас, изданный на русском языке. Издан также на латинском и французском языках. У Сопикова нет. У Губерти т. I, 54. А. К.».

На верху первой ненумерованной страницы скорописью XVIII в. чернилами написано: «№ 31. Я[кова] Г[орбунова] 1814-го года апреля 25-го дня подписал Я. Горбунов день был Суботъта». Под этой записью почерком XIX в. запись: «Сия Ланкандрая [sic] Книга Куплена Мещанином Сергиевскаго посада Павлом Андреевичем Ерофеевым — у Сергиевскаго ж посадскаго мещанина Якова Игнатьевича Горбунова». Вторая ненумерованная страница — чистая.

Третья ненумерованная страница — заглавный лист: Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями сочиненной По Правилам Географическим и новейшим обсерваціям, с приложенною притом генеральною картою великия сея имперіи стараніем и трудами Императорской Академии Наук. В. Санкт-Петербурге 1745 года.

Внизу третьей ненумерованной страницы чернилами запись: «С[ия] К[нига] С[ергиевского] П[осада] купца Якова Игнатьевича Горбунова подписал 11 марта 1825 г.».

Внизу четвертой ненумерованной страницы только запись: «№ 31. 1825 года Марта 11 Д[ень] Б[ыл] Среда 5[той] С[едмицы] В[еликого] посту».

---

[1] См. Н. Синявский и М. Цявловский «Пушкин в печати», стр. 95.

Такие охранные подписи идут по всем листам атласа.

Первые десять нумерованных страниц заняты объяснительным текстом к картам.

На одиннадцатой странице «Толкование знаков, употребленных в Российском атласе».

Двенадцатая страница — чистая.

Затем имеется двадцать карт, прекрасно гравированных и украшенных рисунками в углах.

Атлас приобретен Литературным Музеем 28 ноября 1933 г. у М. С. Боднарского (№ 1529).

Как свидетельствует экслибрис, атлас был взят Пушкиным из общественного пользования «Библиотеки для Чтения» А. Ф. Смирдина.

В «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» СПБ., 1828, на стр. 295 под № 3852 значится этот экземпляр атласа. Кроме него у Пушкина из библиотеки Смирдина было еще девять названий книг[1] и в этом числе «Планы и карты к военной истории походов россиян в XVIII столетии. Часть I. Том IV. Гравированы и печатаны при Главном штабе его императорского величества».

Атлас России 1745 г. нужен был Пушкину вероятно при работе его над «Историей Пугачева», но издание, надо полагать, так понравилось поэту, что он решил оставить его у себя. Было это сделано конечно с согласия Смирдина, который или уступил атлас Пушкину безвозмездно, или засчитал стоимость его (в «Росписи» она показана в 40 р.) в счет гонорара поэта[2].

Для практических целей при частых поездках Пушкина атлас XVIII в. как сильно устаревший не годился, и поэт пользовался другим, весьма вероятно тем, который теперь хранится в библиотеке Государственного Исторического Музея в Москве. В этом атласе России, изданном в 1800 г. и заключающем в себе сорок три карты, карты Петербургской, Псковской и Нижегородской губерний сильно потрепаны и местами порвались, а на карте Псковской губернии «Михайловское» подчеркнуто синим карандашом[3].

Был у Пушкина конечно и «Почтовый дорожник», книжка совершенно необходимая при путешествиях, но она не сохранилась в библиотеке поэта.

Как уже указано неизвестным «А. К.», атлас 1745 г. описан Н. В. Губерти в его «Материалах русской библиографии».

М. Цявловский

---

[1] См. описание библиотеки Пушкина, составленное Б. Л. Модзалевским в IX—X вып. «Пушкин и его современники», №№ 55, 57, 119, 150, 197, 332, 397, 462 и 468.

[2] На всех других книгах, взятых Пушкиным из библиотеки Смирдина надписей поэта о принадлежности ему книг нет. Их очевидно он просто не успел вернуть в библиотеку.

[3] См. заметку И. Розанова «Атлас Пушкина?» в «Известиях ЦИК» 1935 г., № 7 (5560) от 8 января.

V

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1

КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

27 января 1832 г.

Под печатным текстом надпись рукой Пушкина:

По сей форме присягал коллежский секретарь Александр Пушкин.

Лист (две страницы) in f° серой писчей бумаги с вод. зн. «Е. Р. Ф.».

Впервые напечатано Н. Гастфрейндом (без печатного текста) в ГД, стр. 24 и полностью Л. Б. Модзалевским в РП, стр. 843—844.

Документ находился в деле 1831 г. «об определении коллежского секретаря А. Пушкина в ведомство Коллегии иностранных дел».

2

КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

27 января 1832 г.

Под печатным текстом подпись рукой Пушкина:

По сей форме присягал Титулярный Советник Александр Пушкин.

Лист (две страницы) in f° бумаги верже с вод. зн.: «1831».

Государственным Литературным Музеем приобретено у Ю. А. Бахрушина в марте 1934 г. (№ 2775).

Впервые напечатано Н. Гастфрейндом (без печатного текста) в ГД, стр. 26, а затем Л. Б. Модзалевским в РП, стр. 844.

Документ находился в деле 1831 г. «о пожаловании коллежского секретаря Александра Пушкина в титулярные советники».

Текст такой же, как и в предыдущем документе.

Как объяснил Б. Л. Модзалевский (РП, стр. 844), «определен на службу в Коллегию иностранных дел Пушкин был еще 14 ноября 1831 г., но оформление его поступления на службу произошло лишь 27 января 1832 г. Оформление это совпало с оформлением пожалования Пушкину следующего чина (6 декабря 1831 г.), поэтому поэт должен был в один и тот же день дать присягу и как коллежский секретарь и как титулярный советник».

3

РАСПИСКА В ПОЛУЧЕНИИ ЖАЛОВАНЬЯ

27 июля 1832 г.

Под текстом расписки подпись рукой Пушкина:

Титулярный Советник
Александр Пушкин.

Два листа писчей бумаги in f° с вод. зн.: «АО 1831».

Полностью текст расписки напечатан Н. Гастфрейндом в ГД, стр. 31, а затем Л. Б. Модзалевским в РП, стр. 846.

Документ находился в деле 1832 г. «об отпуске в Министерство иностранных дел из Государственного казначейства ежегодно по 5000 р. ассигнациями на известное е. и. в. употребление и о выдаче сих денег титулярному советнику Александру Пушкину».

4

ПРОШЕНИЕ ОБ ОТПУСКЕ

10 сентября 1831 г.

Под прошением об отпуске «из С. Петербурга в разные губернии на двадцать восемь дней» подпись рукой Пушкина:

Титулярный Советник Александр Пушкин

Два листа гербовой бумаги с вод. зн.: «1831».

Полностью текст прошения напечатан Н. Гастфрейндом в ГД, стр. 27, а затем Л. Б. Модзалевским в РП, стр. 847.

Документ находился в деле 1832 г. «об увольнении титулярного советника Александра Пушкина в отпуск».

5

РАСПИСКА В ПОЛУЧЕНИИ ЖАЛОВАНЬЯ

27 декабря 1832 г.

Я нижеподписавшийся получил из казначейства Министерства иностранных дел следующие на известное Его Императорскому Величеству употребление из пяти тысяч рублей ассигн. причитающиеся с первого сентября по первое января сего 1833 года тысячу пятьсот пятьдесят шесть рублей шестьдесят шесть коп. ½ в чем и дал сию росписку декабря 27 дня 1832.

Титулярный Советник
Александр Пушкин.

Лист почтовой бумаги большого формата, без водяного знака.

Впервые напечатано и факсимильно воспроизведено Н. Гастфрейндом в ГД, стр. 33, а затем Л. Б. Модзалевским в РП, стр. 848.

Документ находился в том же деле, что и документ № 3.

Пушкин описался в сумме полученного жалованья — вместо 1666 р. 66½ коп., написал 1556 р. 66½ коп.

6

ПРОШЕНИЕ ОБ ОТПУСКЕ

11 августа 1833 г.

В Департамент Хозяйственных и счетных дел
От состоящего в ведомстве Министерства
Иностранных дел Титулярного Советника Пушкина.

ПРОШЕНИЕ

Его Сиятельство Г. Генерал Адъютант Граф Бенкендорф уведомил меня чрез Г. Действительного Статского Советника Мордвинова что Его Императорскому Величеству угодно было изъявить свое Высочайшее соизволение на увольнение меня в отпуск на четыре месяца в Губернии Казанскую и Оренбургскую. В следствии сего покорнейше прошу Департамент Хозяйственных и счетных дел учинить во исполнение таковой Монаршей воли разпоряжение о снаб-

жении меня надлежащим для сего свидетельством. Письмо-же Г. Действительного Статского Советника Мордвинова при сем имею честь представить.

Титулярный Советник
Александр Пушкин.

11 августа 1833 года.

Два листа гербовой бумаги in f° с вод. зн.: «1831».
Впервые напечатано Н. Гастфрейндом в ГД, стр. 35—36, а затем Л. Б. Модзалевским в РП, стр. 848—849, где дан и комментарий к прошению.
Документ находился в деле 1833 г. «об увольнении титулярного советника Александра Пушкина в отпуск».

7

РАСПИСКА В ЧТЕНИИ УКАЗА О ПОЖАЛОВАНИИ В КАМЕР-ЮНКЕРЫ

27 января 1834 г.

Под текстом расписка-подпись рукою Пушкина:

Читал Александр Пушкин.

Два листа почтовой бумаги большого формата.
Полностью текст извещения о пожаловании напечатан Н. Гастфрейндом в ГД, стр. 38, а затем Л. Б. Модзалевским в РП, стр. 849—850, где дан и комментарий.
Под извещением расписались Н. Ф. Ремер и Пушкин. В отличие от первого, Пушкин в расписке не написал своего чина. Подпись, необычным для поэта почерком, производит впечатление сделанной в раздраженном состоянии. См. снимок.
Документ находился в деле «о пожаловании коллежского ассесора Николая Ремера и титулярного советника Александра Пушкина в камер-юнкеры».

8

ПРОШЕНИЕ О ВЫДАЧЕ ОТПУСКНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА

4 августа 1834 г.

Под прошением подпись рукой Пушкина:

Двора Его Императорского Величества Камер-Юнкер и Титулярный Советник Александр Пушкин.

Два листа гербовой бумаги с вод. зн.: «1833».
Полностью текст прошения напечатан Н. Гастфрейндом в ГД, стр. 41, а затем Л. Б. Модзалевским в РП, стр. 850, где дан и комментарий.
Документ находился в деле 1834 г. «об увольнении титулярного советника Александра Пушкина в отпуск».

9

ПРОШЕНИЕ ОБ ОТПУСКЕ

2 мая 1835 г.

Под прошением подпись рукой Пушкина:

руку приложил Камер-Юнкер Титулярный Советник Александр Пушкин.

Два листа гербовой бумаги in f° с вод. зн.: «1833».
Полностью текст прошения напечатан Н. Гастфрейндом в ГД, стр. 43—44, а затем Л. Б. Модзалевским в РП, стр. 851.
Документ находился в деле 1835 г. «об увольнении в отпуск титулярного советника Пушкина»

10

РАСПИСКА В ПОЛУЧЕНИИ ОТПУСКНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА

27 августа 1835 г.

Под текстом копии свидетельства об отпуске рукой Пушкина написано:

Подлинное свидетельство получил Титулярный Советник Александр Пушкин 27 августа 1835 —

Два листа писчей бумаги in f° с вод. зн.: «А. Б. Ф. 1835».

Впервые расписка Пушкина напечатана Н. Гастфрейндом в ГД, стр. 45, а полностью текст свидетельства с распиской Пушкина Л. Б. Модзалевским в РП, стр. 852, где дан и коментарий.

Документ находился в том же деле, что и предыдущий документ.

Дела, в которых находились все десять документов, хранились в С.-Петербургском Главном архиве Министерства иностранных дел. Впоследствии девять документов (1, 3—10), извлеченных из дел, поступили в Государственный Театральный Музей им. А. А. Бахрушина, откуда в апреле 1935 г. были переданы в Государственный Литературный Музей, где и хранятся под шифром: 3339/8, 22, 20, 12, 19, 25, 18, 16 и 14.

М. Цявловский

VI
РИСУНКИ

1

Группа пушкинских рисунков, собранная Литературным Музеем, количественно невелика. Она насчитывает около полутора десятка набросков. Но эта численная скудость покрывается важностью изображений. Часть из них известна. Они проходили исподволь, по старым и новым изданиям, без обследования и комментариев; воспроизвел их и я в «Рисунках поэта», уже истолковав и датировав. Это — изображения Вяземского, Веневитинова и два автопортрета. Однако, и они получили сейчас в серии Литературного Музея новое значение. Это произошло потому, что волею судеб они здесь воссоединились с листками, которые когда-то составляли с ними одно целое, а затем были разобщены и припрятаны. Надвигающийся пушкинский юбилей всё чаще соблазняет держателей растущих в цене пушкинских автографов развязывать старые папки. Нет сомнения, что за год, остающийся до юбилейных празднеств, на поверхность всплывет еще ряд приятных новинок; уже идут о том шопоты.

Наиболее значительны из рисунков Музея — четверка, только что купленная у потомков П. И. Бартенева. О существовании этих набросков некоторые сведения были давно. Говоря формально, их можно считать даже опубликованными. Несколько лет назад, в «Литературной Газете», (№ 7, 3/VI, 1929), появилась заметка М. А. Цявловского, которому удалось в счастливую минуту умилостивить бартеневскую невестку и сделать с подспудных подлинников четыре миниатюрных снимка. Они были в три раза меньше оригиналов, и без того небольших, и их еще густо отретушировали в редакции, применительно к технике газетного репродуцирования. Это дало им в печати такой искаженный вид, что авторство Пушкина показалось мне очень сомнительным. Лично увидеть подлинники тогда не удалось; они опять ушли в свое подполье. Только нынешнее их появление в Литературном Музее позволило вплотную заняться ими и убедиться и в их пушкинской принадлежности, и в их иконографической ценности.

Стало ясно также и то, что они составляют одно целое с другой четверкой пушкинских рисунков. Я имею в виду группу из собрания И. С. Остроухова, перешедшую после его смерти в Третьяковскую Галлерею; три листка этой группы воспроизводились не раз: — полуфигура П. А. Вяземского, фигура Д. В. Веневитинова и два автопортрета Пушкина, один под другим, на общем клочке бумаги (описания и анализы — см. «Рисунки поэта» 1933, стр. 368—370). Четвертый листок, с женской полуфигурой, очень долго не опубликовывался; он был впервые дан мною в пушкинском томе «Литературного Наследства», в качестве возможного изображения жены Вяземского и приятельницы Пушкина, Веры Федоровны Вяземской, на что указывала карандашная надпись, сделанная неизвестной рукой на обороте рисунка. Мало того, в течение десятилетий все четыре рисунка, находившиеся под общим стеклом и на общем фоне, не

расстеклялись и не обследовались. Решившись нарушить эту не-музейную традицию, я был обрадован одной находкой и опечален одним открытием. На оборотах листков оказалось еще несколько следов пушкинского пера. Прежде всего — большой мужской портрет, с карикатурным профилем, поясненным карандашной надписью рядом, того же почерка, что на оборотах других набросков: «Пальчиков». Во вторых, на оборотах оказались, увы, остатки, вернее кончики, рисунков, основная часть которых была срезана и исчезла. Тем самым, проделанная над Пушкиным манипуляция стала совершенно неоспоримой: рисунки остроуховского собрания находились когда-то все вместе, на одном листе, покрытым пушкинскими набросками с обеих сторон; из этого листа были настрижены полоски с несколькими изображениями, которые казались владельцам наиболее ходовыми. Они были пущены в обращение. Эта операция погубила ряд рисунков, и лишь случайно, на обороте одного из них, уцелела голова Пальчикова, потому что ножницы прошлись только по спине и по груди портрета, тогда как от находившейся рядом с ним, но ниже его, чьей-то, видимо женской, головы, осталась только макушка с эгретом.

Совершенно так же нарезаны и четыре рисунка, купленные сейчас Литературным Музеем. Нет никакого сомнения, что они составляли в прошлом одно целое с остроуховскими. Они сделаны теми же чернилами, на той же самой бумаге, теми же приемами, чередующими штрих с заливами, и были окарнаны ножницами по тем же нормам — узкими, прямоугольными полосками. Кому обязаны мы этим, скажем, простодушным варварством? — Повидимому, П. И. Бартеневу. Это соответствовало литературно-житейской этике той поры, когда он собирал, опубликовывал, раздавал и продавал. Известен случай, когда старик именно так стриг по строчкам пушкинскую рукопись и оделял собирателей, кого — четырьмя, кого — двенадцатью строчками: так было с автографом «Русалки». Эта своеобразная традиция держалась долго, до наших лет. Бартенев пытался даже увеличить свою «школу» учениками: от 1908 года сохранилась такая бартеневская записка к Брюсову (она опубликована Н. С. Ашукиным): «Некогда отдал я вам автограф Пушкина. Не будете ли добры отрезать от этого листка хоть две строчки, мне очень нужно. Это будет то же, как производится отъятие св. мощей для новых антиминсов».

Все десять «отъятых» рисунков теперь соединились опять: остроуховская группа передана Третьяковской Галлереей Литературному Музею в дополнение к бартеневской. Одну иллюзию это соединение все же разрушило: думалось, что возможно приладить прямоугольники рисунков друг к другу так, чтобы представить себе, в каком порядке были они на общем листе бумаги, а равно догадаться, что находилось между ними. Однако, никакая комбинация восьми листков не дает целого: каждая полоска резалась на свой лад, и промежутки между ними утрачены окончательно. Серия сохранила только внутреннюю связь.

К чете Вяземских, Веневитинову, Пальчикову и двум пушкинским автопортретам присоединились теперь две полуфигуры и две фигуры в рост; первые обозначены старой карандашной надписью как портреты Рылеева и Пестеля, вторые — как портреты Юшневского и Давыдова. Под каждым рисунком, вне поля листка, стоят карандашные инициалы: «АП», а под Рылеевым — «А Пуш». Карандаш имитирует на разный лад подписи Пушкина, но имитирует неуверенно; сделаны они той же позднейшей рукой и тем же графитом, что и надписи на оборотах изображений.

Иконографические указания не вызывают сомнений. Рисунки отличаются тем особым, подчеркнутым, почти утрированным сходством, которое подводит все пушкинские наброски к границам карикатуры и очень часто переступает их. Два самых важных портрета бартеневской группы — Пестель и Рылеев — повторяют и развивают черты, которые нам уже хорошо известны по другим, сделанным Пушкиным, изображениям обоих вождей декабризма. Отличие этих новых портретов состоит в том, что они самые большие по размерам, самые детальные по проработанности, и самые поздние по выполнению. Это — grand art декабристской ико-

нографии Пушкина. Недаром оба сделаны полуфигурами и в масштабах, которые у Пушкина не часты.

Облик Рылеева традиционен. Черты его лица в пятый раз повторяют здесь то, что Пушкин закрепил на рылеевских изображениях в рукописи № 2370 (Ленинская Библиотека, лл. № 80/2 и 81/2) среди декабристских зарисовок, сделанных в январе 1826 г. в черновиках «Евг. Онегина», далее — на листке той же поры, № 214/422 Пушкинского Дома, известном под названием «Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декабря 1825 года», и наконец — на листке № 60 Пушкинского Дома (апрель—май 1826 г. — см. мою статью «Декабристы в рисунках Пушкина» в пушкинском томе «Литературного Наследства»). — Нос «ручкой», выпяченная нижняя губа, свисающая со лба прядь волос, беспорядочно лежащая прическа, черный фуляр вокруг шеи, белый кончик выступающего воротничка — все это тождественно и на прежних изображениях, и на нынешнем, новом. Мы еще раз убеждаемся, что настоящий Рылеев, каким его закрепил рисунок Пушкина, был своей жизненной неказистостью далек от той подслащенности, которая есть на рисунке Кипренского, бывшем некогда у Фаддея Булгарина. Рылеев мог бы повторить по адресу художника пушкинское замечание тому же Кипренскому и по такому же поводу: «Себя как в зеркале я вижу, —Но это зеркало мне льстит...» Еще дальше стоит действительный Рылеев от известной, всегда воспроизводящейся и сугубо идеализованной миниатюры. Ее история не обследована, но сделана миниатюра явно позднее, применительно к рисункам Кипренского и в том же повороте. В частности характерна для нее бо́льшая парадность костюма, с такими подробностями, как полосатый жилет и белый воротничок, которых на рисунке Кипренского нет. Заказчик, вероятно — вдова Рылеева (не от нее ли перешел к Булгарину рисунок Кипренского?), видимо хотела получить облик погибшего мужа в торжественном и прибранном виде. Быть может, именно Булгарин и заказал для нее миниатюру, а рисунок оставил у себя. На пушкинском портрете костюм Рылеева ближе к Кипренскому, чем к миниатюре; разница в деталях: у Пушкина темный шейный платок выходит наружу, широкими концами, и острый мысок воротничка прочеркивает щеку.

Кипренский мог сделать свой набросок в период 1824—1825 гг. Он вернулся в Петербург, после семилетнего сидения в Италии, в конце 1823 г. Пушкин же виделся с Рылеевым много раньше в конце 1819 — начале 1820, когда тот приехал в Петербург. Позже они не встречались; Пушкин вновь появился в Петербурге в мае 1827 года, почти через год после казни декабристов, и спустя семь лет после своей встречи с Рылеевым. Следовательно, все пушкинские рисунки изображают Рылеева таким, каким он был в 1819—1820 гг. Это значит, что в них отражен наиболее ранний из известных нам обликов Рылеева, а своей реалистичностью они, в отличие от рисунка Кипренского и от миниатюры, наиболее близки к тому, каким был Рылеев в действительности. По масштабам и по разработанности, набросок из группы Литературного Музея является основным. Пушкин работал над ним истово и неспешно, — все линии выверены, поправки продуманы, абрис головы дался не сразу: затылок прочерчен несколько раз, тоже — с кончиком носа, с тенью за ухом и т. п. Пушкин работал здесь придирчиво: это самый тщательный из его изображений Рылеева. В этом его значение и для рылеевской иконографии, и для пушкинской графики.

Портрет Пестеля носит тот же характер. Но он более схематичен. В пестелевской серии, количественно почти равной рылеевской, ибо, рисуя одного, Пушкин обычно где-нибудь рядом рисовал и другого, — этот набросок тоже наиболее крупный по размерам и детальный по выполнению. Зарисовки на листах 80 2, 81 2 рукописи № 2370, и на других листках, перечисленных выше,—мелче, торопливее и неопределеннее. Облик Пестеля здесь дан монументально. Он противоположен нервному, мятущемуся, подвижному Рылееву на портрете-дружке. Пушкинский рисунок выразил тяжелую сосредоточенность, волевую решимость этой крепко отлитой фигуры в полковничьем мундире, столь похожей на наполеоновскую, с бонапартовским лицом, с тяжелым подбородком, с крепко сомкнутыми челюстями,

со свисающими по-бонапартовски плоскими прядями волос. Искал ли Пушкин сознательно этого сходства, или оно проявилось непроизвольно? Четкость контуров, их медленная и тщательная прочерченность, оттененная сплошной чернильной заливкой, позволяет думать, что Пушкин нарочито вел свой рисунок в определенном направлении. Может быть, здесь сказалась разница в его взаимоотношениях с обоими главарями декабризма: близкое, вполне личное общение, по переписке, по литературе — с Рылеевым, и далекое, запомнившееся по случайной, но не повторившейся встрече — с Пестелем. Один был для Пушкина личностью, другой — фигурой. Свою кишеневскую беседу с Пестелем в мае 1821 года, оставшуюся памятной по разговору «метафизическому, политическому, нравственному и проч.» с одним «из самых оригинальных умов, которых я знаю», — Пушкин должен был, спустя пятилетие, прямо без переходов, связать с законченным, потрясшим современников, обликом вождя движения, самого последовательного из декабрьских республиканцев и террористов. В рисунке Литературного Музея эта смесь личных впечатлений 1821 г. и общественных комментариев 1826 г. отложилась, видимо, соединением жизненных и отвлеченных черт. Это — портрет-характеристика, портрет-толкование, открыто перекликающийся с записями Пушкина в кишеневском дневнике 1821 года, и в петербургском дневнике 1823 года; во всяком случае, этот пушкинский Пестель точнее и значительнее как обеих известных миниатюр, изображающих молодого Пестеля в форме литовского полка и зрелого Пестеля в полковничьем мундире, так и того наброска чиновника Следственной комиссии, недружелюбного диллетанта, который нарисовал Пестеля каким-то петушком во время одного из допросов.

Два других портрета бартеневской четверки — Юшневский и Давыдов — вводят нас в круг лиц, еще не встречавшихся в пушкинской графике. Они увеличивают ее «галлерею современников». Оба они сделаны в рост, всей фигурой: Давыдов — в строгий профиль, Юшневский — в полоборота со спины.

Угол зрения почти лишает изображение Юшневского каких-либо примет, которые позволили бы проверить портретное тождество: нам виден только абрис щеки, кусок лба, начесы волос и часть затылка. Какова была в действительности фигура Юшневского, мы не знаем, — его портрета в рост не сохранилось. Пушкинский набросок надо брать на веру. Что он изображает Юшневского, удостоверяется старой карандашной надписью; она такова же, как на остальных листках; так как эти остальные надписи подтверждаются иконографической проверкой, то верна и эта. Биографические данные не ставят ей препятствий. Наличие портрета Давыдова уточняет и подтверждает встречу Юшневского с поэтом. Пушкин должен был его знавать в 1820—1821 гг. Они могли видеться между ноябрем 1820 и мартом 1821 г. в Киеве или в усадьбе Давыдовых, «Каменке». В это время Юшневский был два года членом Союза Благоденствия, а с 1821 — одним из директоров Южного общества, председателем Тульчинской Думы. Однотипность композиции и приемов в набросках Давыдова и Юшневского, — в рост, профилем, штрихом с заливами, — свидетельствует, что они сделаны в pendant друг к другу; ассоциации Пушкина, когда он рисовал наброски, сблизили хозяина «Каменки» и генерал-интенданта второй армии. Это, в свою очередь, делает наиболее правдоподобным, что знакомство с Юшневским состоялось именно в давыдовской усадьбе, в ноябре—декабре 1820 года, или в конце февраля 1821, на одном из тех сборищ друзей и единомышленников, о которых пишет Якушкин и Ек. Орлова, и где Пушкин впервые увидел ряд будущих жертв декабристской неудачи.

Можно было ожидать в данных условиях, что набросок Давыдова является портретом декабриста, Василия Львовича. В зарисовках Пушкина он встречается. Профили на известном листе, где рукою приятеля Пушкина, А. Н. Вульфа, сделана надпись: «Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декабря 1825 года, работы Алекс. Сер. Пушкина во время пребывания в с. Тригорском в 1826 г.». — содержат и набросок своего рода «украинской головы», «хохла», со спущенными усами и в низкой прическе скобой, — черты, которыми демократически щеголяя

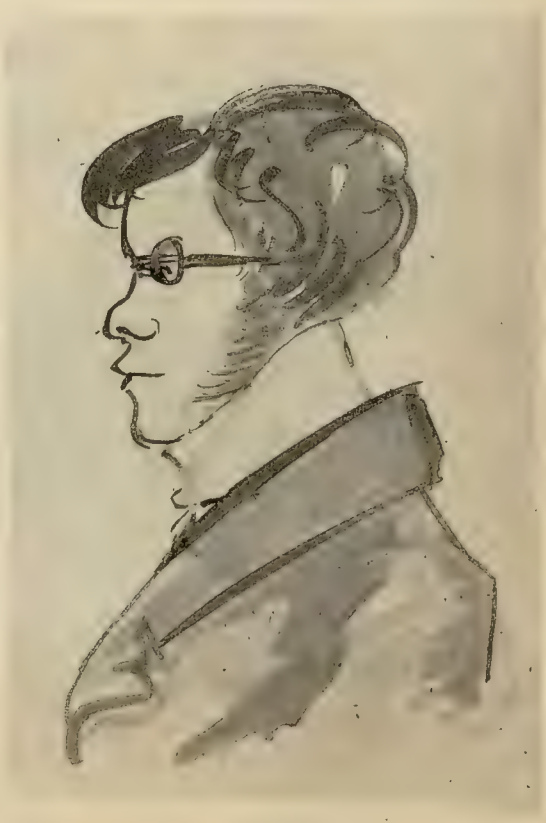
В. П. ПАЛЬЧИКОВ
(рисунок на обороте зарисовки Д. В. Веневитинова

ОСТАТКИ РИСУНКА
(на обороте автопортретов)

АВТОПОРТРЕТЫ

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ



П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Рисунки А. С. Пушкина, 1826 г.
Государственный Литературный Музей, Москва

П. И. ПЕСТЕЛЬ

К. Ф. РЫЛЕЕВ

В. Л. ДАВЫДОВ

А. П. ЮШНЕВСКИЙ

Рисунки А. С. Пушкина, 1826 г.

в 1820-х годах В. Л. Давыдов, и которые запечатлены на сохранившемся его портрете той поры (см. мою статью в «Лит. Насл.», стр. 939—940). Зарисовка в рост, из бартеневской группы, не отвечает этому облику. У нее другие отличительные приметы. Она изображает небольшого, очень тучного человека, с красивой головой, отмеченной орлиным носом, тонкими губами, высоким лбом, высокой прической. Все это — признаки второго хозяина «Каменки», старшего брата Василия Львовича, — генерала Александра Львовича Давыдова, которого числила мужем знаменитая, «равно все общая, как чаша круговая», Аглая. Братья жили дружно, но интересами не сходились: Василий занимался политикой, Александр — хлебосольством. Один пострадал, другого события 14 декабря не задели; он приятельствовал с декабристами, но был далек от декабризма. Он уцелел. Его толщина и страсть к кулинарии засвидетельствованы и посланием Пушкина 1824 года, где он назван «мой толстый Аристипп», и где помянуты его «милый нрав», «милый хрип», «вкус и жирные обеды». В те годы Пушкин был ему и кое-чем обязан: именно его генеральское письмо в декабре 1820 г. к Инзову, в Кишенев, добыло Пушкину разрешение, под предлогом болезни, задержаться в милой ему «Каменке», и не спешить с возвратом в Бессарабию. Сохранился портрет А. Л. Давыдова, сделанный маслом видимо в конце 1810-х гг., — в мундире, с орденами. Характерные черты лица на этом портрете не оставляют сомнений в том, что отождествление пушкинского рисунка правильно.

Наконец, еще одна, последняя зарисовка, находящаяся на обороте листка с фигурой Веневитинова и обозначенная карандашной надписью: «Пальчиков». Она ведет нас к иному времени и к иному кругу людей. Она указывает на происхождение и на первое местопребывание всей этой серии рисунков. Пальчиков, Владимир Петрович, родившийся в 1804 и умерший в 1842 — одно из лиц в окружении В. П. Зубкова. Близость Зубкова к Пушкину приходится на 1826 год, в Москве, после освобождения поэта из Михайловского. В эту пору Пушкин, влюбившийся в зубковскую свояченицу и свою однофамилицу, девятнадцатилетнюю Софью Пушкину, облек нового приятеля ролью посредника и свата. Сватовство не удалось, Пушкин крепко страдал, но еще не совсем потерял надежду, и Зубков перешел на положение наперсника, получавшего горькие письма и утешавшего мученика любви.

У Зубкова Пушкин встречался с Пальчиковым. Тот был сослуживцем Зубкова по московскому военному генерал-губернаторству. Однако, он видел Пальчикова не впервые. Пальчиков должен был встречаться с поэтом и раньше, — юнцом, в лицее, где он был товарищем младшего Данзаса, Бориса Карловича, кончившего вместе с ним лицей в 1820 году (о Зубкове и его круге — см. работу Б. Л. Модзалевского в IV вып. «Пушкин и его современники»). Зарисовка Пушкина похожа; но она чувствительно окарикатурена. Возможность судить о сходстве у нас есть. Существовал акварельный, групповой портрет, сделанный в 1825 г. Д. Соболевским, и бывший в руках дочери Б. К. Данзаса, — Т. Б. Семечкиной. Он изображал группу восьми человек: В. Зубкова, Б. Данзаса, И. Пущина и др. Оригинал исчез; фотография с него сохранилась. Не все портреты расшифрованы, ибо не все модели были до сих пор определены; со слов Семечкиной отождествлены четыре изображения: Зубкова, Данзаса, Горсткина и Пущина. Названы же ею семь портретированных из восьми, — помянутые четверо и еще П. Калошин, А. Бакунин, кн. П. Черкасский. Рисунок Пушкина дает возможность отождествить восьмого участника группы и указать его среди товарищей: это как раз Пальчиков. В перечне группы, оставленном Зубковым, он упомянут. Он изображен стоя, — первым слева, в верхнем ряду, над портретами Зубкова и Данзаса, сидящих у стола. Как и все, он на акварели приглажен и прихорошен Соболевским; но удлиненные черты его лица не смягчены настолько, чтобы нельзя было их узнать, особенно ту специфическую горбину носа, изогнутость губ и вобранность подбородка, на которых карикатурно сыграл рисунок Пушкина.

Пальчиков связывает всю серию девяти зарисовок с Зубковым. Ее происхождение действительно таково. Она принадлежала В. П. Зубкову в виде целого ли-

ста, с разбросанными по обе стороны его пушкинскими очерками фигур и лиц; количеством их было больше, чем сейчас, поскольку несколько изображений исчезли под ножницами нового владельца. Весь цикл был нарисован Пушкиным в 1826 г. на квартире Зубкова.

Дату и обстоятельства можно уточнить еще более. Пушкин вернулся в Москву 7-го или 8 сентября 1826 года. Неделю спустя, как свидетельствуют его письма к П. А. Осиповой, он уже весь растворился в московской суматохе, в знакомствах, балах, чтениях и пр. — в том, что он именует в письме «la decousi de ma vie actuelle», «нескладицей нынешней моей жизни. К этой середине сентября относится и первое знакомство с Зубковым. Зарисовки супругов Вяземских и Веневитинова на зубковском листе не случайны: это — лица, которые Зубкову были близко известны, у которых он бывал, и где мог познакомиться с ним Пушкин, как равно у Соболевского, Погодина, Муханова, составлявших тот же круг. Такова одна граница возникновения рисунков. Другая определяется карикатурой на Веневитинова: последний уехал из Москвы в Петербург в конце октября или начале ноября того же года; сам же Пушкин покинул Москву, направляясь в Михайловское после первой неудачи с Софи Пушкиной, 1 ноября 1826 года: так датируется его горькая записка к Зубкову о «злом роке, преследующем все мои желания», и этим же числом помечено стихотворение, оставленное Зубкову, но предназначенное С. Ф. Пушкиной: «Зачем безвременную скуку...» Таким образом, вся серия зарисовок могла возникнуть где-то на перегоне шести недель, от второй половины сентября до конца октября 1826 г.

Но это должно было произойти скорее в первую половину срока, нежели во вторую. Декабристская группа набросков заставляет передвигать время возникновения к самому началу знакомства Пушкина с Зубковым. В самом деле, декабристы на зубковском листе могли возникнуть под пером Пушкина в результате взаимного осведомления, воспоминаний, бесед, когда декабристская тема в разговорах Пушкина с Зубковым была еще свежа и волнующа. Питать же ее должны были, именно в эту начальную пору, два факта: в самом конце августа, — 22 числа, — была объявлена первая «амнистия», снижение сроков осужденным. Пушкин сам вернулся в Москву по боковой линии той же амнистии. Его встречала Москва, еще полная пересуд и обсуждений «акта», имевшего немаловажное значение для множества семей, связанных родством, свойством, дружбой, знакомством с декабристскими жертвами. Зубков, со своей стороны, был тоже «косвенным декабристом»: он был арестован, вместе с несколькими приятелями, по «показанию декабриста Штейнгеля, что имел частые сношения с Пущиным и другими членами». Кроме Пущина и Зубкова, из числа лиц, изображенных вместе с ними на акварельной группе Д. Соболевского, были арестованы еще Горсткин, Калошин, Данзас, — всего пять лиц из восьми. Пущин поплатился каторгой, Горсткин — высылкой в Вятку, Калошин — высылкой в деревню, Данзас отделался месяцем гауптвахты, сам Зубков — восемью днями Петропавловской крепости, после чего был освобожден, и даже «с аттестатом», ибо «по исследованию Комиссии оказался не принадлежавшим к Обществу и не знавшим о существовании оного» Он, в действительности, был участником массонского, периферийно-декабристского «Братства Семиугольной Звезды», и с декабристами был связан узами отдаленно, и скорее лично.

Вся процедура ареста, доставка в Петербург, пребывание в камере, допросы — произвели на Зубкова потрясающее впечатление. Об этом свидетельствует тон и обстоятельность «Записки», которую он посвятил своим двеннадцатидневным злоключениям, от ареста в Москве, 9 января ночью, до выпуска из крепости, 20-го января. Он стал писать записки под горячую руку, тут же после освобождения, снабдил их рисунками и планами своей камеры и помещения Следственной Комиссии, — и, несомненно, должен был читать рукопись Пушкину, когда отношения их упрочились и перешли в дружеские, тем более, что их обоих, по этой линии, связывала еще близость к Пущину. Видимо, во время этих бесед о недавних

событиях, ответные воспоминания Пушкина, суждения о знакомых и незнакомых привели под пушкинское перо и вождей декабризма — Пестеля и Рылеева, — и вторичные фигуры, вроде Юшневского, и косвенно соприкасавшихся с ними лиц, вроде А. Л. Давыдова, и «личную унию декабризма» в виде самого Пушкина и Вяземских[1], и просто новые пушкинские знакомства, попавшие в поле зрения разговоров с Зубковым, но уже под ироническим уклоном, с долей издевки, в виде Пальчикова и Веневитинова, и, наконец, какие-то еще фигуры, от которых на бумаге остались лишь уцелевшие от срезов частицы.

2

Такова наиболее обширная группа пушкинских рисунков Литературного Музея. Остальные ничем между собой не связаны. Они являются разрозненными набросками. Ценность их разна. Есть просто пробы пера, в виде неконченного рисунка фестонов геральдического характера к какому-то гербу; есть и несколько изображений карандашом и чернилами.

Наиболее замечателен из них — портрет Грибоедова. Это тоже бо́льшой стиль пушкинской графики. Портрет капитален. Мы знаем грибоедовский профиль в черновиках второй главы «Евг. Онегина» (Лен. Биб. Рук. № 2369, л. 342). Он был сделан в Одессе, в ноябре 1823 г. Он очень похож, но возник он походя; он мал и лаконичен. Это один из профилей среди многих других на той же странице. Рисунок Литературного Музея исключителен и по размерам, и по детальности разработки. Это — полуфигура, нарисованная карандашом в профиль, как всегда у Пушкина — влево. У плеча, справа, карандашная дата: «Мая 1831». Внизу надпись: «Грибоедов». Слева, у обшлага, надпись: «Рис. Пушкин». Все три обозначения сделаны тем же графитом, что и портрет; но пушкинский почерк можно признать, да и то условно, только в дате; остальные обозначения явно чужие. Видимо, получив рисунок, или сохранив у себя листок с наброском, после ухода Пушкина, его собеседник тем же карандашом обозначил автора и модель. Ряд подобных надписей на пушкинских рисунках известен; таковы надписи в Ушаковском альбоме, сделанные рукой С. Д. Киселева; таковы обозначения на серии, о которой речь шла выше, и т. д.

Происхождение листка можно проследить в точности. В течение ста лет он оставался в одной семье, переходя по поколениям; но имя владельцев чуждо пушкинскому окружению. Он был в руках П. И. Соколовой, современницы Пушкина, классной дамы Екатерининского института, затем перешел последовательно к ее дочери и к ее внучке — А. И. Зон и В. Е. Полетаевой, и, наконец, к правнучке — А. В. Катанской, у которой и куплен Литературным Музеем. Может быть, указание на Екатерининский институт дает нить связи с Пушкиным, поскольку такой близкий Пушкину человек, как Плетнев, был преподавателем петербургского Екатерининского института, и П. И. Соколова (по семейному преданию, она была также чтицей у императрицы) могла получить сувенир от сослуживца; возможно, что она даже и встретилась у Плетнева с Пушкиным. Соколовой, видимо, были сделаны и обе надписи, — тут же, насвеже, когда набросок был кончен и оставлен.

Что портрет возник на ходу, во время какой-то беседы, когда Пушкин по

---

[1] В том, что женский профиль из Остроуховской группы изображает Веру Федоровну Вяземскую, у меня больше сомнений нет, — не только потому, что старые карандашные обозначения на остальных вырезках подтвердились, но и особенно потому, что подробное сравнение с портретом В. Ф. Вяземской, сделанным в 1817 г. Рейхелем, устанавливает ряд тождественных черт: удлиненную припухлость линий лица, заостренность носа, извилистость губ, несколько косую посадку глаз и т. п. Думаю, что и женский профиль на листке № 60 Пушкинского Дома, с декабристами и Вяземским (см. пушкинский номер «Лит. Насл.», 933 и 943), нужно окончательно закрепить за В. Ф. Вяземской.

привычке чертил карандашом на оказавшейся под рукою бумаге, — об этом свидетельствует оборот листка. На нем есть тоже большой профиль. Но он носит вполне черновой, небрежный характер. Он отличается двойственностью, которая нередка в таких случаях в пушкинской графике: Пушкин стал рисовать женский профиль, молодой, полнолицый, округлый — может быть, той же Соколовой? — наскоро набросал общий контур головы, шеи, плеч, полушалка, прически, но остался недоволен и стал, как это бывало у него часто, выверять линию лба, носа, губ. Выискивая, он с нажимом прочерчивал и обострял контур; однако, при этом граница была перейдена, и он попал на знакомую, непроизвольно возникавшую под его карандашом, остроту собственных черт: нос, ноздри, губы стали походить на пушкинские; тогда он перечеркнул волнистым движением карандаша неудавшийся, свой-не-свой профиль, и бросил; листок был перевернут и на оборотной стороне, исподволь стал чертиться портрет Грибоедова.

Он возникал медленно. Пушкин не удовольствовался общим очерком. Так сделан только костюм и растушевка фона возле него, — слабо, легким прикосновением карандаша. Голова же выискана, а характерные ее части пройдены вторично и оттенены: нос, губы, брови, очки, пряди волос, фуляр вокруг шеи пройдены местами подчеркнуто и нарочито.

Пушкин нарисовал Грибоедова через три года после того, как они виделись в последний раз. «Путешествие в Арзрум» говорит об этом в описании встречи с телом Грибоедова, на дороге к Безобдальскому перевалу: «Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — Из Тегерана. — «Что вы везете?» — Грибоеда. — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова. Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия...» Они виделись в Петербурге, в середине мая, — 16-го и, может быть, еще 21-го числа — у гр. Лаваль, где Пушкин, в присутствии Грибоедова и Мицкевича, читал «Бориса Годунова», новинку и сенсацию дня, которой так интересовался, и о которой так настойчиво расспрашивал в письмах Грибоедов. Спустя две недели, 6 июня, Грибоедов выехал в Тифлис. Дальнейшие строки Пушкина, в том же месте «Путешествия в Арзрум», показывают, как былое, просто любопытствующее и критическое отношение Пушкина к Грибоедову, сменилось новой, горячей интимностью, какую теперь чувствовал к нему Пушкин. Оттенок «наш Грибоедов» знаменателен: таким словом Пушкин обозначал только очень близких и дорогих ему людей. Он примеривал его судьбу к своей: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна».

Точная история писания «Путешествия в Арзрум» пока не ясна: то ли черновая рукопись возникла сразу в 1829 г., то ли были переработки до 1835, когда Пушкин готовил «Путешествие» к печати. В последнем случае возможно, что приведенный отрывок окажется близким к дате, стоящей на портрете. Но как бы ни решился этот вопрос, есть одно несомненное обстоятельство, которое, даже вне работы над арзрумским путешествием, поставило именно в эту пору Грибоедова в центр внимания Пушкина.

В 1831 году, впервые, «Горе от ума» полностью — хотя и в подцензурном, подчищенном виде, — появилось на сцене. Первый спектакль в петербургском Большом театре прошел 26 января 1831 г. Пушкин его не видал; он был в Москве. В Москве спектакли «Горя от ума» прошли, в 1831 году, 27 ноября, 30 ноября и 22 декабря, когда Пушкин был уже в Петербурге. Он переехал сюда с женой в середине мая, 18-го числа. Но, как показывает хроника постановок, «Горе от ума» в мае 1831 года прошло в петербургском Большом театре дважды: один раз 8 мая, до приезда Пушкина, вторично же 28 мая, спустя десять дней после появления молодой четы. Есть все основания предполагать, что Пуш-

кин это первое для себя представление «Горе от ума» видел, и что наличествует прямая связь, пусть частичная, между впечатлениями от спектакля 28 мая 1831 года и датой «Мая 1831», имеющейся на портрете.

Пушкин изобразил Грибоедова на портрете таким, каким он помнил его в последнее время. Среди трех портретов Грибоедова, наиболее известна гравюра Н. И. Уткина. Она помечена 20 октября 1829 года, т. е. спустя девять месяцев после убийства Грибоедова. Однако сделана она по заказу Булгарина, с данного им Уткину портрета, — может быть с той овальной миниатюры, которая находится при булгаринском списке «Горе от ума» и изображает Грибоедова таким же и в той же позе. Это — портрет молодого Грибоедова. Более зрелым изображен он на превосходном рисунке, принадлежавшем В. Всеволожскому и приписывающемся авторству Горюнова. Это изображение несколькими чертами ближе к пушкинскому наброску, однако, далеко не в такой степени, как третий портрет, акварель, считающаяся работой академика Мошкова, и сделанная за два года до смерти Грибоедова, т. е. в 1827 году. Это — предсмертный Грибоедов, тревожный и обреченный, каким его почувствовал Пушкин при последнем свидании. Исхудавшие, обострившиеся черты лица, с тонкими губами, заостренным носом, неприглаженными волосами (в противоположность прибранному булгарино-уткинскому изображению), легким пушком бакенбард вдоль щек, — дают те же отличительные приметы, тот же склад, что и портрет Пушкина. Различны лишь околичности: у Мошкова — домашний халат, трубка, у Пушкина — светский фрак, черный фуляр вокруг шеи, с мысиками выступающего воротничка, какие мы знаем по булгаринской миниатюре и по уткинской гравюре.

Между мошковским и пушкинским изображениями прошло четыре года. В серии грибоедовских портретов, пушкинский набросок является первым, сделанным после смерти, по свежей памяти. Он является и наиболее живым из этих посмертных изображений. Следующая работа, П. А. Каратыгина, «Грибоедов в кресле», — с которой делал позднее свою увеличенную, погрудную реплику Крамской — представляется в значительной мере уже вольной композицией, в которой черты ходовой уткинской гравюры едва ли не без остатка поглотили то, что должна была бы сохранить живая память Каратыгина.

3

Наконец, последний рисунок Литературного Музея, заслуживающий подробного разбора, это — большая женская голова, находящаяся на листе с выписанными Пушкиным древне-русскими словами (см. на стр. 320—323 публикацию М. А. Цявловского). У нее типическое и обычное происхождение, — то, что я условно именую «большой пушкинской паузой». Профиль, в самом деле, возник тогда, когда Пушкин бросил выписывать и подчеркивать старинные слова и, мысленно занявшись другой темой, стал вычерчивать чьи-то черты. Он сделал не только эту основную голову; рядом но наискось, он набросал лицо девочки, а еще раньше, над ней, написал фамилию: «Wright».

Женская голова очень крупна. Это один из двух-трех самых больших профилей, какие есть в пушкинской графике, под стать лишь зарисовке Гоголя в рукописи № 2373 и Чаадаева в рукописи № 2370. Но наш профиль сделан резче и труднее. Пушкину пришлось помедлить над ним. Гоголь возник сразу, в легком движении карандаша. Чуть выисканнее, но всё же быстро дался и Чаадаев. Наш же рисунок носит следы поисков и исправлений. Он проработан неравномерно. Одна часть сделана безостановочно, другая — осторожно и даже кропотливо. Так, небрежно и мгновенно были нанесены прическа, шиньон, затылок и пр. Карандаш сюда больше не возвращался. Но линии лица были пройдены не раз, они выверялись, исправлялись, оттушевывались: лоб, сначала более округлый и выпуклый, потом был отодвинут назад; подбородок был ниже и выступал резче, потом стал меньше и нежнее; очерк носа и губ выведен особенно пристально и подчеркнут

карандашным нажимом, так же, как зрачек, глаза и веко под ним. Наконец, вдоль всей этой части, от лба до подбородка, идет по фону растушевка, еще сильнее оттеняющая линию профиля.

Когда сделан рисунок и кого он изображает? На листе есть водяные знаки «А», «Г» и «1830», — т. е. это один из тех листов гончаровской бумажной фабрики, которые Пушкин взял у Афанасия Николаевича Гончарова — деда Наталии Николаевны, когда был на «Полотняном Заводе», в конце мая 1830 года.

Древне-русские слова, со ссылками на второй том Карамзина, были выписаны, возможно, «в связи с чтением второго тома «Истории русского народа» Полевого, чем был занят Пушкин в октябре — ноябре 1830 года» (см. комментарий на стр. 322), т. е. в Болдине, спустя четыре-пять месяцев после посещения «Полотняного Завода. Думается, что к болдинской осени ведет и рисунок. Он отождествляется и общим складом лица, и особыми приметами. Уже наперед, по всем обстоятельствам этой поры напрашивается предположение, что настойчивее всего Пушкин должен был думать о невесте. В частности, не раз и не два, с апреля 1830, когда это предложение было принято, вставал перед ним и вопрос о портрете Наталии Николаевны. Его требовали со всех сторон, — и друзья, и другини. Упоминанья об этом тянутся сквозь весь 1830-й и даже 1831-й год. В июле 1830 г. Пушкин из Петербурга пишет невесте: «...Я был на днях у моей египтянки: она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать ваш профиль и выразила желание познакомиться с вами...» Комментаторы, кстати, до сих пор не могли расшифровать, кто такое эта «египтянка»; им вослед, в «Рисунках поэта», назвал ее и я «какой-то подозрительной особой». Но колумбово яйцо ставится просто: можно только удивляться упорной недогадливости стольких проницательных умов. Достаточно вспомнить, кого Пушкин называл «Пентефрихой», приставшей к нему с любовью, как библейская египтянка к прекрасному Иосифу, — чтобы установить, что дело идет все о той же злосчастной Е. М. Хитрово, и что для Наталии Николаевны не было тайной ее чувство к Пушкину: он выдал Пентефриху невесте так же, как год назад выдал Екатерине Ушаковой, рисунком в альбоме, такую же тайну злосчастной Аннеты Вульф.

Июльское письмо 1830 года любопытно и тем, что Пушкин сам упоминает, что по настояниям «египтянки» он нарисовал ей портрет Наталии Николаевны. Но это не было его первым опытом: сохранился набросок более ранней поры, от апреля 1830 г., как раз после принятого предложения, на черновике письма к Бенкендорфу о предстоящей женитьбе — изображение сидящей Гончаровой, в домашнем костюме, опубликованное Шляпкиным. Возможно, что в эти жениховские месяцы Пушкин должен был не раз собственными графическими силами удовлетворять любопытство общества. 30 июля 1830 года он еще раз пишет невесте об ее портрете: «Я мало езжу в свет. Вас там ожидают с нетерпеним. Пркрасные дамы спрашивают у меня ваш портрет и не прощают мне того, что его нет. Я утешаю себя, проводя целые часы перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли; я купил бы ее, если бы она не стоила 40.000 рублей». По традиции считается, что дело идет, якобы, о мадонне Перуджино, принадлежавшей будто бы Н. М. Смирнову, супругу пушкинской А. О. Россет. Так или не так, — но портрета не было, и не было его и через год, о чем свидетельствует письмо Нащокина и ответ Пушкина. Нащокин из Москвы пишет 20 июля 1831 года: «Наталье Николаевне мое нижайшее почтение. Не нахожу слов выразить мою благодарность за поклоны и за все ласки ваши, а все таки не могу не напомнить, — портрет, портрет, хороший портрет! Я его право заслуживаю... пусть Наталия Николаевна дозволит в твоем портрете представить себя хоть в зеркале или в перспективе». Пушкин 3 августа из Царского Села отвечает все то же: «...Жена тебе кланяется и целует. Портрет не присылает за неимением живописца». Живописец нашелся лишь в декабре 1831 года: «Душа моя женка моя, ангел мой!» — пишет Пушкин из Москвы 8 декабря 1831 г., — «сделай мне такую милость: ходи 2 часа в сутки по комнате и побереги себя. Вели брату смотреть за собою и воли не давать. Брюллов пишет ли твой портрет?» Это и был первый портрет Наталии Николаевны, — портрет, сделанный Александром Брюлло-

вым, отличным акварелистом, и обычно считающийся изображением Гончаровой-невесты. В действительности, Наталья Николаевна была в эту пору уже в разгаре первой беременности, что, разумеется, не нашло себе отражения, да и не могло найти, в нарядной и светской акварели, предназначенной для общего пользования.

Пушкинский рисунок предваряет Брюллова на целый год. Но у них есть несколько знаменательных совпадений, которые позволяют считать, что и брюлловский портрет, и пушкинские наброски дают более точное представление о характерных чертах Наталии Николаевны, нежели ее знаменитые, более поздние портреты, сделанные Гау, роскошным Гау, представившем ее безукоризненной и абсолютной красавицей. Такой она не была, хотя и была «чистейшей прелести чистейший образец». Она могла порой даже производить невыгодное впечатление: вспомним отзыв Туманского о первой встрече с ней. Во всяком случае безупречности черт в ней не было. В частности, на портрете Брюллова бросаются в глаза некоторая «японщина» глаз, раскосость их посадки. Это жизненная и тонкая отметка. Так было в действительности. Недаром Пушкин называл иногда жену «моя косая Мадонна». Он и сам передал это в своих рисунках с нее. Особенно резко вышло это у него на после-брюлловском наброске, там, где он изобразил Наталию Николаевну в полуфигуру, рядом с заштрихованным автопортретом, на обороте «счета изданию Северных Цветов на 1832 год» (воспроизведение см. в пушкинском номере «Лит. Наследства», стр. 555). Слабее эта черта заметна на апрельском рисунке 1830 года — шляпниковском — где вообще все миниатюрнее и суммарнее; но с полной отчетливостью эта «косина» проступает на большой голове из собрания Литературного Музея, о которой идет речь: весь глаз там резко поставлен под углом, «по-японски». Точно так же оба рисунка — и этот, болдинский, 1830 года, и тот, 1832 года — заставили Пушкина потрудиться над губами и подбородком: и тут, и там, они дались не сразу, особенно в наброске 1832 года, где поправки нанесены резче и откровеннее, нежели в более медленном и бережном рисунке Литературного Музея. В обоих случаях должную равнодействующую линию нашел, конечно, художник-профессионал: у Брюллова линия носа, губ и подбородка легла легко и тонко там, где Пушкин поработал с неудачами и нажимом. Наконец последняя характерная деталь: Пушкин изобразил Наталию Николаевну с ниткой жемчуга на лбу, — таким виделся ему, из болдинского далека, ее портрет; на брюлловском портрете эта черта сохранена и даже подчеркнута: жемчужная нить колечком спускается посредине. Возможно, что Пушкин был не просто заказчиком, предоставившим весь простор художнику, но был и режиссером портрета жены, предуказавшим некоторые желанные особенности.

Имя «Wright», стоящее на листе Литературного Музея, свидетельствует, что в болдинскую пору 1830 года Пушкину приходил на ум другой мастер, которому можно было бы поручить изображение невесты. Томас Райт, англичанин, зять знаменитого Дау, сам рисовальщик и гравер, был уже хорошо известен в России, где он проработал с 1822 по 1826 гг. Затем он уехал за границу. Но как раз в 1830 году он вернулся в Россию снова и задержался здесь на длинный ряд лет. По тем или иным причинам Пушкин свой беглый замысел, дать ему поручение, не осуществил, — возможно потому, что для акварельного портрета Райт не слишком годился; все оставленные им у нас изображения сделаны рисунком в гравюре, но своего рода реванш, как известно, Райту был дан: он был последний, кто сделал прижизненный портрет с Пушкина в декабре 1836 года.

Высказать ли еще одно предположение? Может быть, головку девочки, набросанную над словом «Wright», надо отнести к реминесценциям той миниатюры, которую видел Пушкин в доме Гончаровых: она изображала Наталию Николаевну в раннем детстве, и была, до брюлловского портрета 1831 г., единственным ее портретом. Что Пушкин не только не прошел мимо этой миниатюры, но хорошо помнил ее, свидетельствует один из наиболее тщательных рисунков в его тетрадях: там черты миниатюры переданы со всей старательностью. Первым зерном ее, возможно, была эта детская головка на болдинском листе.

4

Характеристику пушкинских рисунков Литературного Музея на этом можно было бы кончить. В нем есть еще четыре наброска, числящиеся за Пушкиным, но они либо апокрифичны, либо совершенно незначущи, либо уже известны и опубликованы. Апокрифичными я считаю два рисунка: наброски мужской головы на обороте пушкинского автографа, оставленного Зубкову 1 ноября 1826 г. для Софи Пушкиной: «Зачем безвременную скуку...» (см. выше стр. 297): мужские профили сделаны здесь тем же почерком и теми же чернилами, что и дни недели возле них; это — чужой, не пушкинский почерк. Вероятно, не застав Зубкова, Пушкин написал стихи на попавшем под руку листке бумаги, уже использованном с одной стороны. Вторым апокрифом, думается, является листок с несколькими профилями и танцующей парой; он наклеен на новую бумагу, на которой другими, весьма недавними чернилами, написано сакраментальное: «f. par A. Pouchkin». Но весь оборот заполнен остатками некоего ходатайства своекоштного студента, князя Михаила Борисовича Лобанова-Ростовского, и пробами его пера, таким же по руке и по чернилам, как и наброски лицевой стороны. Специфически-пушкинского в рисунках нет ничего; это — ходовые гриффонажи, каких встречается много, и которые родственны пушкинской графике лишь общими всей той поре, а не индивидуальными чертами. Справедливо оставить за своекоштным студентом Лобановым-Ростовским авторство всего листка в целом.

Не стоит специального внимания, по малозначительности своей, бесспорно пушкинский набросок геральдического украшения для какого-то герба. Он начат и брошен в самом начале. Следует только отметить, что сделан он на той же бумаге, с водяными знаками «А» «Г», что и большой портрет Наталии Николаевны, — и, вероятно, в ту же пору. Самым интересным из этой остаточной четверки является молодой пушкинский профиль, уже опубликованный «Лит. Наследством» и обозначенный там, как «лицейский автопортрет» (стр. 827). Рисунок не безусловен. Но всё же я думаю, что он сделан именно Пушкиным и что он действительно изображает Пушкина лицеистом. Во-первых, он очень похож. Во-вторых, достаточно надежно и его происхождение, — из тех же рук, откуда пошла странствовать по свету так называемая «Тетрадь Всеволожского», — от лицеиста XXIII курса А. Ольхина. На обороте рисунка есть и его надпись, помеченная 1858 годом — об авторстве Пушкина. Для тех времен, не знавших нашего пиетета к рукописям Пушкина, это немаловажно. Не очень типичен и почерк слов: «Je suis», сделанных у воротника портрета; но характер раннего французского почерка Пушкина вообще темен, а подчеркнутая каллиграфичность говорит о какой-то нарочитой пробе пера. Быть может, следует сопоставить оба слова с лицейским стихотворением 1814 г. «Mon portrait» — с началом его второй строфы: «Je suis un jeune polisson, — encore dans les classes». Во всяком случае, сама пушкинская характерность рисунка настолько говорит за себя, что отрицать авторство Пушкина нелегко: никто другой так сделать не мог бы. Но вопрос о дате допускает разные решения: между последними годами Лицея и временем возникновения тетради Всеволожского, между 1816 и 1820 гг.; такой автопортрет, по стилю своей графики, может быть помещен в этом промежутке с равной долей вероятия.

Абрам Эфрос

IV. ИЗ АРХИВА ГОНЧАРОВЫХ

Публикация и комментарии Д. Благого и Т. Волковой

Архив Гончаровых до революции 1917 г. хранился в майоратном имении Гончаровых, Полотняном Заводе, и состоял главным образом из документов, касающихся обширного хозяйства (фабрик и имений) десяти поколений рода Гончаровых.

Самый ранний из известных нам документов этого архива относится к 1681 г. (см. предисловие к «Жалованной грамоте Гончаровых»). Находившийся в частном владении архив этот привлекал внимание исследователей и частично подвергался разработке [1]. О нем писал 17 мая 1881 г. В. П. Безобразов Я. К. Гроту [2]. В 1910 г. художник А. В. Средин, обстоятельно познакомившийся с богатым архивом Гончаровых, опубликовал большую статью «Полотняный Завод», в которой упоминаются интересные документы, местонахождение которых нам в настоящее время неизвестно (дневник А. Н. Гончарова и т. п.)[3]. Позднее архивом заинтересовалась Калужская Архивная ученая комиссия, и В. И. Ассонов в двух своих статьях опубликовал результаты своих изысканий [4].

После революции архив Полотняного Завода разделился: наиболее значительная его часть, материалы, относящиеся к фабрикам, была перевезена в Москву и находится в настоящее время в ГАФКЭ. Часть осталась на Полотняном Заводе, часть хранится при Калужском Краеведческом Музее, небольшая часть — в мособлархиве и в Литературном Музее.

За последние годы архив Гончаровых изучался в трех направлениях. В. А. Бухина в двух своих статьях осветила его со стороны социальной: истории рабочего движения и профессионального положения рабочих в XVIII веке [5]. В. С. Нечаева опубликовала ряд документов, относящихся к имущественному положению братьев и сестер Наталии Николаевны Пушкиной [6]. Д. Н. Малинин на основании материалов архива написал популярный очерк истории Полотняного Завода в XVIII веке [7].

В настоящем томе нами публикуются материалы той части архива Гончаровых, которая поступила в Литературный Музей из четырех источников: от М. А. Цявловского в январе 1934 г. поступило в Литературный Музей двадцать девять

---

[1] По рассказам вдовы внука Дмитрия Николаевича Гончарова — при последних владельцах Полотняного Завода архив хранился в специальной архивной комнате, при которой находился архивариус, разбиравший и приводивший в порядок архив Гончаровых.

[2] «Труды Я. К. Грота», III, СПБ, 1901.

[3] Средин А. В., Полотняный Завод. — «Старые Годы» 1910, июль—сентябрь.

[4] Ассонов В. И., «Пушкин и Полотняный Завод», и «Былое богатство рода Гончаровых». — «Известия Калужской Архивной ученой комиссии», вып. XXI, Калуга, 1911.

[5] Бухина, В. А., Малоярославецкая фабрика до закрепощения рабочих. — «История пролетариата СССР», сб. II, 1930.

Ее же, Волнения рабочих на Малоярославецкой фабрике. — «История пролетариата СССР», сб. I—II (13—14), 1933 г.

[6] Нечаева, В. С., Дантес. — «Московский пушкинист», I, М., 1927.

Ее же, Из Гончаровского архива. — «Московский пушкинист», II. М., 1930.

[7] Малинин, Д. Н., Полотняный Завод в XVIII веке. Калуга, 1929.

писем А. Н. Гончарова к внукам (№ 2773); от вдовы внука Д. Н. Гончарова через Г. А. Волкова в мае 1933 г. письмо А. С. Пушкина к А. Н. Гончарову (№ 2772), письма И. Н., С. Н. и Н. Н. Гончаровых к нему же (№№ 2772/2, 2772/3), письма А. Н. и Е. Н. Гончаровых к Д. Н. Гончарову (№ 2772/4) и 15 февраля 1934 г. «Жалованная на дворянство» грамота Гончаровых (№ 1034).

Два письма Д. Н. Гончарова к деду и одно письмо Н. А. Гончарова к неизвестному приобретены Литературным Музеем в ноябре 1934 г. в книжном магазине «Советский писатель» (№№ 2726/3 и 2726/2).

Наконец в марте 1935 г. через Д. Д. Благого приобретена еще связка документов, из числа которых семь публикуются в настоящем томе.

I

ЖАЛОВАННАЯ НА ДВОРЯНСТВО ГРАМОТА РОДА ГОНЧАРОВЫХ

Первые из известных нам Гончаровых, Иван Дементьевич и сын его Абрам Иванович, были посадскими людьми города Калуги. «В архиве Гончаровых сохранился список купчих на усадьбу, двор и огородные места, приобретенные посадскими людьми И. Д. и А. И. Гончаровыми... Первая купчая относится к 1681 г., последняя к 1711 г.»[8].

Внук Ивана Дементьевича Афанасий Абрамович Гончаров (1699—20 января 1784), был тоже посадский человек (купец) Калуги и имел там лавку, на доходы с которой вошел компаньоном в основанную Тимофеем Филатовичем Карамышевым полотняную и бумажную фабрику, которая позднее стала называться Полотняным Заводом. Фабрика была построена по именному разрешению Петра I от 7 марта 1718 г. на церковной земле церкви Спаса на Взгомонях Малоярославецкого (позднее Медынского) уезда, Калужской губернии. В отличие от большинства петровских фабрик Малоярославецкая полотняная и бумажная фабрика строились без всякой казенной денежной субсидии[9].

Петр I интересовался этим начинанием и всячески ему содействовал. Полотна Гончарова и Карамышева шли главным образом за границу, в Англию, через петербургский порт, бумага же продавалась исключительно на внутреннем рынке. В 1733 г. полотняная фабрика Гончарова была на втором месте по величине среди полотняных фабрик России, а бумажная — на первом. Неустанно работая над расширением своего предприятия, Гончаров в 1735 г. становится единоличным владельцем Полотняного Завода. Он входит во все детали производства. В архиве Гончаровых сохранилось письменное его об этом свидетельство: «А во всех тех мастерских искусство сам знаю и по указанию моему делают»[10].

В издававшемся в Калуге журнале «Урания» (№ 1 за 1804)[11] имеется такая характеристика этого единственного крупного представителя рода Гончаровых:

«Афанасий Абрамович Гончаров из небогатых купцов калужских, около двадцати лет своего возраста пошел в услужение к некоторому заводчику, небольшого имения которого он сделался наследником. В течение пятидесяти лет завел бумажную фабрику и железные заводы; парусные полотна привел в такое совершенство и славу, что из Англии требовали полотен его фабрик, за работу которых брал от трех до семи рублей барыша в куске, коих выходило в год от восьми до двенадцати тысяч. Успел нажить села и деревни. Имение его более нежели до трех с половиною миллионов рублей простиралось. Сам он в кругу друзей своих признавался, что в жизни его на него шел три раза золотой дождь — последний

[8] Бухина В. А., Малоярославецкая фабрика до закрепощения рабочих (1718—1737). — «История пролетариата СССР», сб. II. М., 1930, стр. 122.
[9] Там же, стр. 120.
[10] Там же, стр. 128.
[11] Перепечатано в РС 1883, июнь, стр. 693—694.

был во время отложения Северной Америки от Англии, ибо тогда кусок полотна, становившийся ему с расходами в Санктпетербурге менее семи, продавал от пятнадцати до семнадцати рублей и притом так, что деньги получал наперед и отдавал полотно. К сему калужскому гражданину государь Петр Первый в 1718 г. при письме своем прислал плотинного (ткача полотен) мастера, нанятого в Амстердаме с тем, ежели наем дорог, то государь оную плату приемлет на себя. Не менее того и бумажную фабрику привел в такое состояние, что бумага его почиталась первою в России... Он умер на 96 году своей жизни, ростом был высок, сухощав, глаза быстрые, речь произносил громко, в пищи и питии был умерен, во всех частях домашней, сельской, фабричной и торговой экономии был искусен; имел о коммерции обширные сведения, все дела свои отправлял сам и счеты поверял. Приказчику А. за Б (?) старых рогож, стоящих 12 копеек, на письме учинил выговор и на счет выставил, будучи уже девятидесяти лет».

Легко себе представить, как эксплоатировались рабочие у такого хозяина. И действительно, сохранившийся, к счастью, архив Гончаровых заключает в себе немало документов, ярко характеризующих так сказать «оборотную сторону» торжественной, чудесно выполненной незаурядным художником грамоты Екатерины II. Испытывая постоянный недостаток в рабочих руках, крупнейшие русские фабриканты XVIII в., в том числе Тимофей Филатович Карамышев, а после его смерти Гончаров, хлопотали о разрешении закрепостить работающих у них вольнонаемных людей. С этой целью правительством была произведена в 1733 г. перепись рабочих на шести крупнейших фабриках и 7 января 1736 г. дан был указ о том, что все рабочие, работающие в данный момент на фабриках, прикрепляются вместе с женами и детьми к этим фабрикам навсегда, иначе говоря, становятся крепостными. 21 марта 1739 г. из вотчинной коллегии дан был Гончарову указ о прикреплении к его фабрикам в силу указа 7 января 1736 г. всех «обретающихся в фабричных мастерствах» [12].

«Рабочие, прикрепленные к фабрикам, вначале были вовсе освобождены от подушной подати, а с 1747 г. должны были платить только семигривенный сбор. Гончаров же брал с рабочих подушные деньги, сдавал их в рекруты и налагал поборы на освобожденных от рекрутчины» [13].

По переписи 1737 г. на Полотняном Заводе числилось 1040 взрослых рабочих (от 16 лет). Не мирясь с тяжелыми условиями жизни, рабочие бежали с завода. Это была пассивная форма сопротивления. Но уже с 1740 г. началось и активное сопротивление. В этом году на Полотняном Заводе вспыхнула стачка [14]. Следующая забастовка рабочих была в 1748 г. и продолжалась три дня, 7—9 июля [15]. В январе 1751 г. ночью от поджога сгорела полотняная фабрика «без остатку». [16].

В конце этого года бумажная фабрика Гончарова получила большой заказ от казны на изготовление в срочном порядке четырехсот стоп бумаги разных сортов [17]. Вероятно в связи с этим срочным заказом усилилась эксплоатация рабочих, потому что в феврале 1752 г. дело дошло до настоящего восстания. Бросив работу, рабочие заявили, что «они люди вольные и ему, Гончарову, не крепки» и что они «за Гончаровым быть не хотят и подушных денег платить не будут» [18].

Рабочие объявили сбор хлеба и денег, разгромили амбары Гончарова, захватили имевшиеся у него припасы и в довольно значительном количестве оружие и стали учиться военному делу под руководством одного из рабочих. Кроме того они покупали и ковали оружие сами и послали ходоков в Москву и Петербург с изложением своих нужд и желаний. Они твердо были уверены, что не противятся

---

[12] Бухина В., Волнения рабочих на Малоярославецкой фабрике. — «История пролетариата СССР», сб. I—II (13—14), 1933, стр. 168.
[13] Там же, стр. 169.
[14] Попроцкий, М., Калужская губерния, т. II, СПБ, 1864 г., стр. 509.
[15] Малинин Д. Н., Полотняный Завод в XVIII в. Калуга, 1929 г., стр. 19.
[16] Там же, стр. 19.
[17] Бухина, В. А., «Волнения рабочих», стр. 169.
[18] Там же, стр. 170.

государевой власти, что они, как закрепощенные недавно за фабрикой люди, могут по распоряжению свыше быть от нее откреплены. Восставшие оказали вооруженное сопротивление присланной воинской команде и чуть не убили самого А. А. Гончарова. Восстание было ликвидировано только через четыре месяца, 21 июня 1752 г., когда было прислано три полка с пушками, которые, произведя несколько выстрелов из пушек, рассеяли толпу рабочих. Было арестовано 443 человека рабочих, но многие разбежались [19].

Указом Сената от 20 апреля 1754 г. 15 человек зачинщиков этого восстания были биты кнутом, закованы в кандалы и отправлены на вечные работы в крепость Рогервик на берегу Финского залива. Из остальных обвиняемых 278 человек были биты плетьми, кнутом и кошками [20].

После подавления восстания недовольство рабочих не улеглось, а только приняло скрытые формы. В 1754 г. в амбаре Полотняного Завода найден был горшок с порохом. Очевидно подготовлялся взрыв фабрики. Заподозрили одного из рабочих, и дело разбиралось в Малоярославецкой воеводской канцелярии [21].

Во время Пугачевщины в 1773—1775 гг. среди полотнянозаводских рабочих шли о вожде восстания толки и рабочие даже грозились низшей администрации: «если де принесет к нам бог государя Петра Федоровича, то де мы с вами справимся...» Гончаров донес об этом в Малоярославецкую воеводскую канцелярию, а последняя в Тайную экспедицию, куда были отправлены и говорившие это рабочие. В начале ноября 1774 г. они были присланы обратно с предписанием дать каждому из них на фабрике при общем собрании фабричных сто ударов кнутом, а затем сослать в Александровскую крепость [22].

Через год после этой экзекуции Полотняный Завод 16 декабря 1775 г. посетила во время своего путешествия по России Екатерина II [23]. В память этого посещения Афанасий Абрамович Гончаров решил поставить памятник императрице. Но отлитой в 1786 г. в Берлине большой бронзовой статуе не суждено было украшать собою Полотняный Завод. Она имела длинную сложную историю: принадлежала Пушкину как приданое его жены, безуспешно продавалась им в казну и наконец в 1846 г. была поставлена в Екатеринославе [24].

В 1778 г. Афанасий Абрамович, получив разрешение обратить Полотняный Завод в майорат, сделал завещание, по которому свое огромное состояние, достигавшее к этому времени семидесяти пяти вотчин [25], разделил между тремя сыновьями: Николаем (ум. 7 июля 1775 г.), Афанасием (1759—1779) и Иваном (ум. в 1802 г.)[26]. Полотняный завод как майорат получил Николай, а после его смерти сын его Афанасий Николаевич [27].

Екатерина II в 1763 г. в виде исключения, вопреки указу 1762 г., запрещавшему фабрикантам покупать деревни, разрешившая Афанасию Абрамовичу эти покупки [28], покровительствовала и его внуку Афанасию Николаевичу.

---

[19] Бухина, В. А., «Волнения рабочих», стр. 170—174.
[20] Там же, стр. 183—185.
Малинин, Д. Н., Полотняный Завод, стр. 23.
[21] Средин, А. В., Полотняный Завод. — «Старые Годы» 1910, VII—IX, стр. 85.
[22] Малинин, Д. Н., Полотняный Завод, стр. 23—24 и 58.
[23] РС 1883, июнь, стр. 694.
[24] См. МПП II, стр. 439—440. О статуе Екатерины II нами написана специальная статья на основании неопубликованных архивных материалов.
[25] Средин, А. В., Полотняный Завод. — «Старые Годы» 1910, VI—IX, стр. 85.
[26] Смерть Ивана Афанасьевича произошла при необычных обстоятельствах. Он скончался от удара в приемной Г. Р. Державина, производившего в Калуге следствие о вымогательствах и других незаконных действиях губернатора Д. А. Лопухина. Последний взял «взаймы» у Гончарова тридцать тысяч, а затем угрозами сослать его в Сибирь за то, что у него в доме якобы происходит азартная игра в карты, добился уничтожения векселя на занятые деньги. Вся эта история подробно рассказана Державиным в его «Записках». См. Собрание сочинений Г. Р. Державина. Изд. Академии Наук, т. V, СПБ, 1871, стр. 766.
[27] Малинин, Д. Н., Полотняный Завод, стр. 26.
[28] Средин, А. В., Полотняный Завод, стр. 85.

В 1787 г. Екатерина распорядилась взять с Полотняного Завода для бумажной царскосельской «мельницы», изготовлявшей бумагу для ассигнаций, двадцать четыре лучших мастера[29]. Возможно, что в виде компенсации за это и было пожаловано Гончарову публикуемой грамотой потомственное дворянство. В 1791 г. решено было купить в казну у Гончарова этих мастеров. Но так как по утвержденному самой же Екатериной завещанию А. А. Гончарова с Полотняного Завода нельзя было ничего ни продавать, ни закладывать, Афанасий Николаевич Гончаров принужден был предложить казне этих людей с их семействами в подарок. Подарок этот был принят, а Гончаров был награжден орденом Владимира 4-й степени[30]. Полотняная фабрика Гончаровых закрылась в середине XIX века[31]. Бумажная существует до сих пор.

Божиею поспешествующею милостию мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица Всероссийская,

Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, царица Казанская, царица Астраханская, царица Сибирская, царица Херсониса-Таврического, государыня Псковская и великая княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и инных; государыня и великая княгиня Новагорода Низовския Земли, Черниговская, Рязанская, Полоцкая, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская, Витепская, Мстиславская, и всея северныя страны повелительница и государыня Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкаских и Горских князей и инных наследная государыня и обладательница.

Объявляем всем обще и каждому особливо, чрез сию Нашу жалованную Грамоту, что хотя Мы по самодержавной от всемогущего бога Нам данной Императорской власти и по природной Нашей милости и щедроте, всех Наших верных подданых честь, пользу и приращение всемилостивейше всегда защищать и поспешествовать им желаем, однакож наипаче к тому склонны, чтоб тех Наших верных подданных и их роды честию, достоинством, також и особливою Нашею милостию по их состоянию награждать, повышать и надлежащими преимуществами жаловать и во оных подтверждать, которые по всеподданейшей своей к службе Нашей ревности нам и Государству Нашему особливые пред прочими услуги и верность показывают.

Известно Нам, что Нашего верноподданного Надворного Советника Афанасья Гончарова[1] дед Афанасий[2] за размножение и заведение парусных и бумажных фабрик в 1744 Году пожалован был чином Коллежского Асессора, а отец его, Николай Гончаров[3] службу продолжал в армейских полках и оставлен в 1777 Году Секунд-Маиором; сам же он, Афанасий Гончаров, вступя в службу Нашу в 1770 году и произойдя унтер-офицерские чины, жалован был в 1772 Прапорщиком, 1775-го Года подпорутчиком, 1778 Порутчиком, 1783 Капитаном, 1786 Года за болезнию отставлен Секунд-Маиором, и тогож года Марта 13 определен на Потерпильскую пристань[4] Смотрительским помощником с чином Надворного Советника, а 1788-го года Сентября 29-го дня по его прошению от должности уволен, и во все время к службе Нашей оказывал верность и прилежание; но как он на Дворянское достоинство, изображенное в Грамоте Нашей 1785-го Года 21-го Апреля в Статье 78-й Диплома не имеет, то Мы в воздаяние ревностных его, Надворного Советника Афанасья Гончарова, заслуг, також и по На-

[29] Прошение Александру I А. Н. Гончарова от 1801 г. о разрешении поставить памятник Екатерине II. Хранится в Литературном Музее.

[30] Там же.

[31] Бухина, В. А., Малоярославецкая фабрика до закрепощения рабочих, стр. 115.

шей Императорской склонности и щедроте, которую Мы для награждения добродетелей ко всем Нашим подданным имеем, и по дарованной Нам от всемогущего бога самодержавной власти всемилостивейше соизволили помянутого Нашего подданного Гончарова в вечные времяна в честь и достинство Нашей Империи дворянства, равно обретающемуся в Нашей всероссийской наследной Империи Царствах, Княжествах и Землях, протчему Дворянству возвести, постановить, пожаловать и подтвердить, яко же Мы сим и силою сего его, Гончарова, в вечные времяна в честь и достоинство Нашей Империи Дворянства возводим, постановляем и жалуем, и в число протчего всероссийской Империи Дворянства таким образом включаем, чтоб ему и потомству его по нисходящей линии в вечные времяна всеми теми вольностьми, честию и преимуществом пользоваться, которыми и другие Нашей всероссийской Империи Дворяне, по Нашим правам, учреждениям и обыкновениям, пользуются.

Для вящего же свидетельства и в признак сей Нашей Императорской милости и возведения в Дворянское достоинство, жалуем ему, Гончарову, нижеследующий Дворянский Герб:

Щит разделен на две части, в верхней в Голубом поле — Серебреная Звезда, означающая восхождение его в Дворянское достоинство, а в нижней в Красном поле — Шпага, означающая как его, так и отца его продолжение в армейских полках службы. Щит увенчан Дворянским шлемом с Строусовыми перьями. Намет на щите Голубой, подложенный Серебром.

Сего ради жалуем и позволяем помянутому Нашему Надворному Советнику Афанасью Гончарову вышеписанной Дворянской Герб во всех честных и пристойных случаях: в письмах, в печатях, на домах и домовых вещах и везде, где честь его и другие случающиеся обстоятельства того потребуют, употреблять по своему изволению и рассуждению, так как и другие Нашей Империи Дворяне оную вольность и преимущество имеют. И того ради всех чужестранных Потентатов, Принцов и владетелей высоких областей, також Графов, Баронов, Дворян и протчих чинов, как всех обще, так и каждого особливо чрез сие дружебно просим и от всякого по достоинству чина и состояния благоволительно и милостиво желаем помянутому Гончарову сие от Нас ему всемилостивейше пожалованное и подтвержденное преимущество в их Государствах и Областях благосклонно позволить; а Нашим подданным, какого б чина, достоинства и состояния оные ни были, сим всемилостивейше и на крепко повелеваем его, Гончарова, в вечные времяна за Нашего Российской Империи Дворянина признавать и почитать и ему в том, також и во употреблении вышеозначенного Дворянского Герба и во всех прочих Нашему всероссийской Империи Дворянству от Нас всемилостивейше позволенных правах, преимуществах и пользах предосуждения, обид и препятствия отнюдь и ни под каким видом не чинить.

Для вящего уверения Мы сию Нашу жалованную Грамоту Нашею собственною Рукою подписали и Государственною Нашею Печатью укрепить повелели. Дана в Столице Нашей Санкпетербурге Лета от Рождества Христова Тысяща Седмь Сот восемдесят Девятого. Месяца Октября во вторый День, Государствования Нашего Двадесять Осьмого.

Екатерина.

вицеканцлер граф Иван Остерман. [5]

В сенате в книгу записан под № 323-м.
В Коллегии Иностранных дел
Запечатана в «10» день Октября — 1789-го Года.

Подлинник написан золотом и черной тушью на трех листах белого пергамента, переложенных зеленым шелком. Грамота размером 33 × 44 см. заключена в золотую парчевую папку и прошита золотым шнуром с кистями. Все страницы, кроме последней, обрамлены акварельным орнаментом. Наверху на первой странице акварелью нарисован русский герб (двуглавый орел) и миниатюрный портрет Екатерины II; по орнаменту расположены тридцать четыре герба русских губерний. На третьей странице нарисован акварелью герб Гончаровых. Наверху 2, 3, 4 и 5-й страниц акварелью нарисован вензель Екатерины II. 6-я страница — чистая. При грамоте — царская печать на красной мастике, заключенная в круглую металлическую коробку 14 см. в диаметре на золотом шнуре с двумя кистями.

[1] Афанасий Николаевич Гончаров (1760—1832), внук основателя Полотняного Завода Афанасия Абрамовича Гончарова, дед Наталии Николаевны Пушкиной.

Об его служебной карьере см. в тексте грамоты. В управление гончаровскими владениями он вступил после смерти отца в 1785 г. По воспоминаниям А. П. Бутенева, относящимся к девяностым годам XVIII века «Гончаровы были очень богаты... барская обстановка была поставлена на очень широкую ногу, хотя семейство это собственно не принадлежало к высшей знати[32]. В начале управления Афанасия Николаевича дела повидимому велись еще по-дедовски, хозяйственно и разумно. Тот же Бутенев пишет: «Но что мне особенно приятно прибавить... это то, какой вид порядка имели все большие имения Гончарова и каким замечательным они пользовались благоденствием; крестьяне его слыли самыми зажиточными и счастливыми в губернии»[33]. Однако при размахе жизни Афанасия Николаевича, при его неумении или нежелании себя ограничивать и как-то сообразоваться с обстоятельствами—богатству должен был рано или поздно притти конец. «За сорок семь лет управления громадным имением, ему доставшимся, он сумел оставить после себя около полутора миллионов долгу», писал А. В. Средин на основании документов архива Гончаровых[34]. Бутенев описывает широкое гостеприимство и в Москве, и на Полотняном Заводе Гончаровых, у которых «гости были почти ежедневно, и к обеду и вечером... Гости, приезжавшие к Гончаровым, иногда привозили с собою своих родственников, также детей или молодых людей обоего пола. В доме был большой и хороший оркестр, а иногда привозили и учителя танцев из Москвы на летнее время. Вечером уроки музыки превращались в импровизированные маленькие балы, а утром по праздникам устраивались прогулки в большом обществе... В числе посетителей, приезжавших иногда издалека, даже из Москвы, слишком за 150 верст, были иной раз довольно важные особы»[35]. С наступлением осени предпринимались грандиозные охоты, съезжались гости и соседи, и охотничьи забавы Гончарова продолжались иногда несколько недель. Но не только гости, балы и охоты съедали гончаровские богатства. Афанасий Николаевич, женатый на Надежде Платоновне Мусиной-Пушкиной (1765—1835), разошелся с нею в 1808 г. и в сентябре того же года, передав управление имениями сыну, уехал за границу. Он приезжал ненадолго в 1810 г., снова уехал в Вену, и вернувшись в 1812 г. взял в свои руки управление имениями. Последние двадцать лет своей жизни Афанасий Николаевич провел преимущественно на Полотняном Заводе, часто разъезжая по делам по другим своим поместьям и бывая в Петербурге и в Москве. На склоне лет он не оставил своих привычек к широкой богатой жизни, хотя состояние его сильно пошатнулось и он постоянно испытывал недостаток в наличных деньгах. «Дедушка свинья, писал Пушкин Нащокину 22 октября 1831 г., он выдает свою третью наложницу замуж с 10,000 приданого, а не может заплатить мне моих 12,000 и ничего своей внучке не дает». Расточительность старика вызывала постоянное раздражение окружающих его родных. «Таша пишет, что он там веселится, как молодой человек», писала Александра Николаевна Гончарова старшему брату 21 июля 1832 г., когда дедушка поехал по делам в Петербург, и Наталия Николаевна, вероятно, часто его видала там. «Чем тратить так деньги в его возрасте лучше бы он подумал, как нас вывезти отсюда...» Тратя сам неограниченно много, старик Гончаров стал под старость скуповат, а может быть, чувствуя, что разоряется, старался экономить на мелочах. Так, он сердился на внучек, что они пригласили к себе погостить подруг Калечицких. «Не в обиду будь сказано дедушке, я нахожу в высшей степени смехотворным, что он сердится на нас за то, что мы их пригласили на такое короткое время», пишет та же Александра Николаевна Дмитрию Николаевичу 28 июля 1832 г., «тем более, что он сам разыгрывает молодого человека и тратит деньги на всякого рода развлечения. Таша пишет в своем письме, что его совершенно напрасно ждут здесь, так как ему чрезвычайно нравится в Петербурге. Это не трудно, и я пре-

[32] РА 1881, III, стр. 7.
[33] Там же, стр. 8.
[34] Средин, А. В., Полотняный Завод. — «Старые Годы» 1910, VII—IX, стр. 88.
[35] РА 1881, III, стр. 11 и 19—20.

красно сумела бы сделать то же, если бы он дал мне хотя половину того, что сам уже истратил. Куда не пристало старику дурачиться!»

Отношения Пушкина к дедушке были официально-почтительными и далекими. «Родным моей будущей жены очень мало дела, как до нее, так и до меня», писал Пушкин Е. М. Хитрово в двадцатых числах мая 1830 г. «Я от всего сердца плачу им тем же. Такие отношения очень приятны, и я их никогда не изменю [36]. Под первым впечатлением помолвки Пушкина с любимой внучкой Афанасий Николаевич обещал дать ей приличное приданое, но так и не выполнил своего обещания. 7 июня 1832 г., будучи в Петербурге, он крестил первую дочь Пушкина, Марию [37]. Через год после свадьбы Пушкина он умер, оставя родным бесконечное количество своих долгов. В конце сентября 1835 г. Пушкин писал жене из Михайловского, жалуясь на расстройство денежных дел своих и ее родных: «Отец (С. Л. Пушкин) мотает имение без удовольствия, как без рассчета, твои (Гончаровы) теряют свое от глупости и беспечности покойника Афанасия Николаевича [38]».

[2] Об Афанасии Абрамовиче — см. выше.

[3] Николай Афанасьевич Гончаров, старший из сыновей Афанасия Абрамовича Гончарова, в 1777 г. вышел в отставку с военной службы с чином секунд-майора.

[4] Потерпилицы — самая крупная из пристаней на реке Мсте, в пяти верстах от гор. Боровичи, Новгородской губернии.

[5] Граф Иван Андреевич Остерман (1725—1811), вице-канцлер с апреля 1775 г. по 9 ноября 1796 г. С 1783 г. — главноначальствующий над коллегией иностранных дел.

Т. Волкова

[36] МПП II, стр. 434.
[37] Н. Невзоров. К биографии Пушкина. СПБ, 1899, стр. 18.
[38] Ак.П III, стр. 233.

II

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ ГОНЧАРОВЫХ

Семейный архив Гончаровых, заключавший в себе письма и документы не менее пяти поколений этого рода и хранившийся на Полотняном Заводе, начал раздробляться, надо думать, еще до революции. Из огромного количества писем многочисленных представителей рода Гончаровых в Литературном Музее имеется всего лишь сорок девять. Из этого числа наибольшее количество писем принадлежит Афанасию Николаевичу Гончарову. Это — двадцать девять его писем к внукам за 1816—1827 гг. Кроме этого имеются по три письма Натальи Николаевны к деду за 1830—1831 гг. и Александры Николаевны к Д. Н. Гончарову за 1832 г., четыре письма Дмитрия Николаевича к деду за 1829—1831 гг., два письма Сергея Николаевича за 1832 г. к нему же, по одному письму Ивана Николаевича к деду от 1827 г. Екатерины Николаевны к Дмитрию Николаевичу от 1832 г., В. А. Бибиковой к Е. А. Новосильцевой, Н. И. Гончаровой к свекру — А. Н. Гончарову и четыре письма Н. А. Гончарова: к неизвестному от 1812 г., к А. Н. Гончарову, к Е. А. Новосильцевой и к А. Н. Гончарову, Е. А. Новосильцевой и Н. И. Гончаровой вместе.

Все письма печатаются по новой орфографии и с современной пунктуацией, но с сохранением некоторых особенностей написания, характерных для того времени.

Письма эти интересны для характеристики семейных отношений Гончаровых, той атмосферы, в которой росла жена Пушкина, в частности — отношений деда, фактического главы семьи, к внукам, из которых Таша, будущая Наталья Николаевна Пушкина, была его любимицей и несколько первых лет своей жизни провела на Полотняном Заводе у дедушки.

Отношения между дедом и внуками были довольно далекими, хотя Афанасий Николаевич несомненно любил детей и по-своему о них заботился. Дед многократно упоминает в своих письмах о влиянии на детей их матери, которая становилась между ним и его внуками и с которой у него были нескрываемо плохие отношения. «Сестры спесивы, — пишет он 12 сентября 1818 г. Дмитрию Николаевичу Гончарову, — забыли или велят им забывать, что есть и дед на свете». По-видимому Наталья Ивановна не очень охотно отпускала детей к деду «...кажется к деду родному нестыдно матушке вашей и без себя внучат отпустить... Буде же родители ваши на то не согласны, предоставляю сие на суждение бога и добрых людей», раздраженно пишет он ему же 15 марта 1824 г. «Шпильки» по адресу Натальи Ивановны встречаются во многих письмах Афанасия Николаевича. «Напрасно матушка ваша не едет в деревню. Долги можно и оттуда заплатить, а деньги доставятся и в Ильицыно равно» (6 мая 1824 г.).

О плохих отношениях между свекром и невесткой записал со слов лично знавшей Гончаровых кн. Е. А. Долгоруковой П. И. Бартенев. «Дед... в ссоре с Натальей Ивановной, мало давал ей денег»[1].

[1] «Рассказы о Пушкине», М., 1925, стр. 61.

По тем немногим сведениям, которыми мы располагаем (см. прим. к письму А. Н. Гончарова к Д. Н. Гончарову от 24 октября 1821 г.), Наталья Ивановна получала вовсе не мало денег, но не умела их рассчетливо тратить, транжирила, расходовалась на свои наряды, а дочерей водила на балы в старых перчатках и рваных башмаках и в доме их обиход был довольно скудный [2].

Взбалмошная и властная, она держала детей в строгости и послушании, оберегая от всякого постороннего влияния. Понятно, что деду это не могло не быть обидно; письмо его к Дмитрию Николаевичу от 27 декабря 1824 г. почти целиком посвящено семейным счетам с невесткой.

Письма деда в большей части адресованы старшему из внуков Дмитрию Николаевичу, но в его лице он обращается ко всем шести внукам.

В письмах Афанасия Николаевича встречаются намеки на другую семейную драму Гончаровых, мрачной тенью нависшую над детством Натальи Николаевны,— на сумасшествие ее отца. Николай Афанасьевич Гончаров, сын Афанасия Николаевича Гончарова, отец Натальи Николаевны Пушкиной, родился 20 октября 1788 г., умер 8 сентября 1861 г. А. П. Бутенев, воспитывавшийся у Гончаровых вместе с Николаем Афанасьевичем, писал про него в своих воспоминаниях, что он был в детстве «любезен и ласков», в юности имел «красивую наружность, живой и любезный нрав», «был добрый и любезный товарищ» [3].

«Будущего Пушкинского тестя, умоповрежденного Николая Афанасьевича Гончарова, княгиня Вяземская видела в церкви у Большого Вознесения в Москве и говела вместе с ним в одно время. Он прекрасно говорил по-французски и любил употреблять отменные выражения: «Je vous félicite avec la réception de la sainte cène» [5] (Поздравляю вас с принятием святых таин).

Бутенев отмечает в Николае Афанасьевиче незаурядное музыкальное дарование: «Раз в неделю бывали у нас квартеты, которые исполнялись лучшими музыкантами в Москве для поощрения рано развившегося замечательного дарования к музыке в молодом Н. А. Гончарове» [5]. Бартенев снабдил это место воспоминаний Бутенева следующим примечанием: «[Н. А. Гончаров] был отличным музыкантом и до конца своей долголетней жизни любил играть на виолончели». О Николае Афанасьевиче как «превосходном скрипаче» пишет в своих воспоминаниях и лично знавший его М. Макаров [6]. Кроме занятий музыкой, писал он и стихи.

Получив домашнее образование, Николай Афанасьевич с 1804 г. служил в Коллегии иностранных дел в Петербурге, в 1807 г. женился. В 1808 г. он перевелся в Москву, в штат военного губернатора, но через год перешел на службу в московское отделение Сената, а затем через несколько лет и совсем вышел в отставку. Вероятно при отъезде Афанасия Николаевича за границу в 1808 г. он принял от отца заведывание всеми делами и имениями. Надо думать, что дела в его руках пошли хорошо. А. В. Средин пишет в своей статье, что в 1811 г. Николай Афанасьевич был награжден орденом Владимира 4-й степени «за приведение к должному устройству и усовершенствованию состоящие в Калужской губернии фабрики полотняной и писчей бумаги» [7]. В 1812 г. состоял при гражданском губернаторе Калуги, что давало ему возможность уклониться от военной службы.

С 1814 г. в нем стала проявляться наследственная (по матери) душевная болезнь, которая с годами развивалась и усиливалась. Внучка Николая Афанасьевича, писательница А. П. Арапова, в своих воспоминаниях пишет о буйных припадках, случавшихся с дедом, когда он бросался на близких с ножем и по всему дому неслись его дикие крики. Несмотря на это, Наталья Ивановна Гончарова,

---

[2] Там же, стр. 63.

[3] РА 1881, III, стр. 6 и 27.

[4] Бартенев, П., Из рассказов П. А. и В. Ф. Вяземских. РА 1888, VI, стр. 306

[5] РА 1881, III, стр. 22—23.

[6] Макаров, М., А. С. Пушкин в детстве.— Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, стр. 37.

[7] «Старые Годы» 1910, VII—IX, стр. 113.

как сказано в этих же воспоминаниях, не могла добиться установления над мужем опеки: всякий раз при появлении врачей больной держал себя настолько разумно, что врачи отказывались дать о нем свидетельство как о душевнобольном [8].

Нам трудно определить теперь характер и течение этой болезни, особенно при противоречивости показаний его близких, не лишенных вероятно даже некоторого преувеличения. Факты, сообщаемые А. П. Араповой, мало достоверны, ничем не доказаны. У нас нет никаких оснований думать, что дело происходило именно так, как она описывает. Повидимому обычно он был тих, спокоен, даже мог заниматься делами и припадки болезни находили на него временами. «Напиши мне, каков папаша, и что он делает», писал А. Н. Гончаров старшему внуку 30 апреля 1820 г. «Папинька твой тебе неправду сказал, что в библиотеке есть русская история Карамзина. Когда он оставил завод и библиотеку, тогда оная и на свете не существовала», возражает он Дмитрию Николаевичу в письме от 18 мая 1823 г. Очевидно Николай Афанасьевич был тогда настолько в сознании, что сын обращался к нему за справками о книгах полотнянозаводской библиотеки, которой Николай Афанасьевич некогда составил каталог (см. письмо А. Н. Гончарова к Д. Н. Гончарову от 1 ноября 1821 г.).

18 февраля 1831 г. Николай Афанасьевич расписался под «брачным обыском» Пушкина и следовательно присутствовал при бракосочетании своей дочери в церкви [9]. «Отец поговаривает о духовной; на днях он будет освидетельствован гражданским губернатором», писал Пушкин жене в начале октября 1832 г. [10]. Завещание Николая Афанасьевича до нас не дошло. Возможно, что он и не успел написать его, так как в сентябре 1832 г. умер Афанасий Николаевич, а семья поспешила выхлопотать опеку над Николаем Афанасьевичем, оставшимся наследником хотя и разоренных, но все же значительных гончаровских богатств. В этом же письме Пушкин писал жене: «Брат Дмитрий Николаевич здесь. Он в Калуге никакого не нашел акта, утверждающего болезненное состояние отца, и приехал хлопотать о том сюда. С Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочет входить в управление имениями и во всем полагается на Дмитрия Николаевича». Из этих слов видно, что в семье шел спор, кому взять на себя управление имениями, и было решено возложить это бремя на старшего из молодых Гончаровых, поручив ему же опеку над отцом. По предписанию Московского губернского правления от 1 ноября 1832 г. Московская дворянская опека учредила в ведении своем опекунство «над повредившемся в уме надворным советником Н. А. Гончаровым и над имением его... при чем опекунство было поручено старшему сыну, Дмитрию Николаевичу Гончарову» [11].

В письмах Пушкина к жене изредка встречаются упоминания об ее отце. «Отец меня не принял, — писал Пушкин жене 26 августа 1833 г. из Москвы. — Говорят, он довольно тих». Однако годом позднее он писал ей из Петербурга: «Отца не пускай к детям: он может их испугать и мало ли еще что» [12].

«С отцом пожалуйста не входи в близкие сношения и детей ему не показывай, на его, в его положении, невозможно полагаться. Того и гляди откусит у Машки носик» [13].

В 1840- и 1850-х годах Николай Афанасьевич был на попечении невестки, жены старшего сына. «По летам он гащивал в родном гнезде, а зимой жил в своем доме в Москве. Держался он тихо и ни в ком внимания к себе не возбуждал,

---

[8] Арапова, А. П., Н. Н. Пушкина. — «Новое Время» 1907, прилож. к № 11409.

[9] Невзоров, Н., К биографии Пушкина. СПБ., 1899, стр. 396.

[10] Ак. П. II, стр. 396.

[11] МПП, II, стр. 425.

[12] Письмо от 20—22 апреля 1834 г.

[13] Письмо от 28 апреля 1834 г.

прогуливался частенько один, хотя и под недремлющим оком Елизаветы Егоровны. Иногда приходилось ей подолгу занимать его за чаем, не взирая на его чудачества и сохраняя все время невозмутимое спокойствие... он питал к ней любовь и безграничное уважение»[14].

По воспоминаниям Бутенева Николай Афанасьевич дожил до старости в глубоком уединении[15].

Наталья Ивановна Гончарова, рожд. Загряжская, с 1807 г. — жена Николая Афанасьевича Гончарова, мать Натальи Николаевны Пушкиной, родилась 22 октября 1785 г., умерла 2 августа 1848 г. Она была дочь богатого помещика Ивана Александровича Загряжского, который, уехав за границу, сошелся в Париже с какой-то француженкой, от которой там же родилась у него Наталья Ивановна. Впоследствии он вернулся в Россию к жене и детям, привезя вторую жену с дочерью тоже с собой. При разделе имений в 1823 г. между наследниками И. А. Загряжского Наталье Ивановне досталась значительная часть Яропольца[16], родового имения Загряжских.

В молодости Наталья Ивановна была очень красива. Во время пребывания ее при дворе в нее влюбился фаворит императрицы Елизаветы Алексеевны — Охотников. Во вторую половину жизни она была несносной, грубой, шумливой женщиной, «склочницей», как сказали бы мы теперь. Уже взрослых дочерей своих, когда рассердится, била по щекам. Такую характеристику записал П. И. Бартенев[17] со слов лично знавшей Наталью Ивановну кн. Долгоруковой.

Разбросанные в письмах Пушкина многочисленные в период сватовства и первых лет семейной жизни упоминания о Наталье Ивановне Гончаровой в полной мере подтверждают характеристику, данную ей Долгоруковой. Теща Пушкина рисуется в очень непривлекательном виде: неуравновешенной, несдержанной, взбалмошной, капризной и сварливой. Она со всеми ссорится, тиранит детей, особенно дочерей, а в минуты душевного размягчения жалуется на свою судьбу. Отношение Натальи Ивановны к Пушкину во время его сватовства и в первые годы женитьбы было неровным. В ряде писем к жене поэт жалуется ей на ее мать и порою в его словах звучит против нее сильное раздражение. Теща устраивает ему сцены, вмешивается в его жизнь, бранит его, сплетничает, жалуется по Москве на его корыстолюбие.

Современем Наталья Ивановна смягчилась по отношению к зятю. По воспоминаниям кн. Е. А. Долгоруковой «Наталья Ивановна... полюбила Пушкина, случалась его. Может быть она сознательнее и крепче любила его, чем сама жена»[18].

Не малую роль в улучшении отношений сыграло то, что Пушкины с 1831 г. стали жить в Петербурге, а Наталья Ивановна жила то в Москве, то в имениях. В августе 1833 г. поэт посетил ее в Яропольце, где она встретила его «как нельзя лучше»[19].

Однако по отношению к детям характер ее не сделался лучше. В 1823 г. у нее произошла крупная размолвка со старшим сыном. В начале октября 1832 г. Пушкин сообщал жене: «Брат Дмитрий Николаевич здесь... С Натальей Ивановной они сошлись и помирились»[20].

«Что делать с матерью? — пишет Пушкин жене,—Ужасно боюсь для тебя семейственных сцен. Помяни господи царя Давида и всю кротость его!»[21]

---

[14] Средин, А. В., Полотняный Завод. — «Старые Годы» 1910, июль—сентябрь, стр. 109.

[15] РА 1881, III, стр. 36.

[16] Цявловский, М. А., Пушкин и Н. И. Гончарова. — Яропольц, — М., 1930, стр. 5—7.

[17] «Рассказы о Пушкине», М., 1925, стр. 62.

[18] Там же, стр. 64.

[19] Письмо Пушкина к жене от 26 августа 1833 г.

[20] Ак. П. II, стр. 396.

[21] Письмо к жене от 28 апреля 1834 г.

«Напиши, мне, женка, как поживала ты в Яропольце, как ладила с матушкой и с прочими. Надеюсь, что вы расстались дружески, не успев поссориться и приревновать друг к другу»[22]. По поводу каких-то деловых соображений Натальи Николаевны он пишет ей из Москвы «...кажется лучше иметь дело с Дмитрием Николаевичем, чем с Натальей Ивановной»[23].

Наталья Ивановна держала своих вполне взрослых дочерей в ежовых рукавицах. «Воображаю... Наталью Ивановну ходуном ходящую около дочерей, крепко накрепко заключенных»[24], писал поэт своему другу П. В. Нащокину. Ему же он писал через несколько лет, что свояченицы его «....ужасно страдают» от капризов его тещи[25]. Наталья Ивановна стремилась полновластно распоряжаться судьбою своих дочерей. Она едва не расстроила свадьбу Пушкина с Натальей Николаевной, вмешавшись в отношения поэта с невестой, а позднее с женой, пока не получила гневную отповедь Пушкина[26]. В 1831 г. она расстроила свадьбу своей дочери Александры Николаевны с Поливановым, при чем досталось всем родным, кто этой свадьбе сочувствовал. Пушкина она осыпала упреками и оскорблениями, досталось и дедушке; в своем собственном доме ему пришлось претерпеть от невестки разрыв отношений: Наталья Ивановна шесть дней не выходила из своих комнат, не выпускала и дочерей[27].

Под старость Наталья Ивановна опустилась, стала пить, сожительствовала с лакеями или кучером[28]. Предаваясь своим слабостям, она повидимому мало заботилась о судьбе своих дочерей. Недаром в письмах Александры Николаевны Гончаровой к брату Дмитрию от 21 и 28 июля 1832 г. сквозит такое раздражение против матери, распоряжающейся судьбою дочерей, совершенно не считаясь с их вкусами и желаниями.

У Натальи Ивановны и Николая Афанасьевича Гончаровых было шесть человек детей[29]: Дмитрий, Екатерина, Иван, Александра, Наталья и Сергей.

Екатерина Николаевна Гончарова родилась в 1809 г., умерла 15 октября (н. с.) 1843 г. Первые двадцать пять лет своей жизни прожила с родителями в Москве и в имениях. С осени 1834 г. переехала в Петербург и жила с Пушкиными. 6 декабря 1834 г. была пожалована фрейлиной. 10 января 1837 г. вышла замуж за барона Жоржа Дантеса-Геккерена (5 февраля (н. с.) 1812 — 2 ноября (н. с.) 1895). Вскоре после дуэли Пушкина с ее мужем уехала навсегда из России в Эльзас, в Сульц, где и умерла от родильной горячки. От брака с Дантесом у нее было четверо детей: Матильда-Евгения, Берта-Жозефина, Леони-Шарлотта и Луи-Жозеф.

Александра Николаевна Гончарова родилась 27 июня 1811 г., умерла после 1887 г. До 1834 г. жила с родителями в Москве и в имениях. «Еще до брака Пушкина на Nathalie знала наизусть все стихотворения своего будущего beau-frère и была влюблена в него заочно»[30]. Осенью 1834 г. вместе с сестрою переехала в Петербург и жила с Пушкиными, помогая Наталье Николаевне по хозяйству и в воспитании детей. Много лет спустя, будучи за границей, одна из дочерей Натальи Николаевны — А. П. Арапова — обратилась к своей тетке с вопросом о том, как происходила дуэль Пушкина. Александра Николаевна была очень стара и с ее слов племяннице ответил ее муж Г. Фризенгоф[31]. Если бы Александра Николаевна писала о дуэли не через пятьдесят лет и главное если

[22] Письмо к жене от 11 июня 1834 г.
[23] Письмо к жене от 18 мая 1836 г.
[24] Письмо от первой половины июня 1831 г. Ак. П. III, стр. 84.
[25] Письмо от начала марта 1831 г. Ак. П. III, стр. 84.
[26] Письмо Пушкина Н. И. Гончаровой от 26 июня 1831 г.
[27] Письмо П. В. Нащокина от 9 июня 1831 г. Ак. П. II, стр. 248—249.
[28] Бартенев П. И., Рассказы о Пушкине. М. 1925, стр. 62—64.
[29] Дочь София умерла в младенчестве в 1815 г.
[30] Трубецкой А. В., «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу». — «Русская Старина» 1901, т. CV, стр. 256—262.
[31] Письмо Г. Фризенгофа А. П. Араповой от 14/26 марта 1887 г. опубликовано Л. П. Гроссман в статье «Женитьба Дантеса», «Красная Нива», 1929, № 24.

бы она захотела быть откровенной, она могла бы дать самые точные и исчерпывающие сведения о дуэли: из всех близких Пушкина, включая и жену, она знала и понимала больше всех.

Друг Пушкина П. В. Нащокин, бывший в это время в Москве, оставил интересные воспоминания, касающиеся последних дней жизни Пушкина. В один из этих дней, в одиннадцатом часу вечера, к Нащокину на квартиру заехал Сергей Николаевич Гончаров. «Нащокин, не дав сесть гостю, закидал его вопросами... Гончаров отвечал, что судя по последнему письму, где описывают заботы докторов, особенно Арндта, присланного самим государем,— можно надеяться на благополучный исход»[32].

Кто из окружающих Пушкина в эти тяжкие дни мог писать письмо за письмом, извещая младшего из братьев Гончаровых о ходе болезни Пушкина? Конечно это была Александра Николаевна, которая вероятно, кроме желания известить брата о близком им обоим человеке, в письмах давала выход своей скорби, которую ей приходилось скрывать от сестры и от всех друзей, собравшихся на квартире Пушкина.

После смерти Пушкина Александра Николаевна с сестрой и племянниками два года прожила у старшего брата на Полотняном Заводе. В январе 1839 г. она была пожалована фрейлиной, жила с Натальей Николаевной и ее семьей до выхода замуж в 1852 г. за чиновника австрийского посольства, венгерского помещика Густава фон Фризенгоф, от брака с которым имела единственную дочь. После свадьбы жила за границей.

Отзывы современников и характеристики свояченицы Пушкина см. в книге П. Е. Щеголева[33]. Публикуемые ниже три письма Александры Николаевны к старшему брату подтверждают отзывы современников, а близость ее к Пушкину в последние годы его жизни[34] придают этим письмам особенный интерес. Александра Николаевна рисуется умной, желчной, беспокойной, едкой женщиной с острым и злым язычком. Обращают на себя внимание два момента: она просит у Пушкина том его стихотворений и говорит, восхищаясь библиотекой С. Хлюстина, что ей хотелось бы утащить у него несколько книг. Рядом с бесцветными письмами Екатерины Николаевны, письма Александры Николаевны рисуют их автора если не очень приятным, то во всяком случае глубоким и незаурядным человеком. Будучи не особенно красивой внешне, она привлекала поэта к себе повидимому силой своего чувства к нему и глубиной своего внутреннего содержания по сравнению с Натальей Николаевной.

Младшая из дочерей Натальи Ивановны Гончаровой, Наталья Николаевна, родилась 27 августа 1812 г., умерла в 1863 г. До брака с Пушкиным (18 февраля 1831 г.) жила с родителями в Москве и в имениях. От брака с Пушкиным у нее было четверо детей: Мария, Александр, Григорий и Наталья, с которыми она после смерти Пушкина прожила два года на Полотняном Заводе у брата Дмитрия. 18 июня 1844 г. она вторично вышла замуж за Петра Петровича Ланского (1799—1877), от которого у нее было три дочери: Александра, София и Елизавета. Наталья Николаевна была очень дружна со своими сестрами. Вероятно зная это, в своих письмах Пушкин-жених постоянно посылает им поклоны. Весною 1834 г. Наталья Николаевна поехала из Петербурга на Полотняный Завод навестить сестер. «Сестры твои тебя ждут, воображаю вашу радость»[35]. «Приедешь в Москву, обрадуешься сестрам»[36]... «хлопоты приезда и радость свидания помешают тебе в первые дни думать о письмах[37]», пишет Пушкин в письмах к жене.

---

[32] Нащокин П. В., Смерть А. С. Пушкина, «Русская Старина», 1881, VIII, стр. 619.
[33] Щеголев П. Е., Дуэль и смерть Пушкина. 3-е изд. стр. 428—434.
[34] См. ниже публикацию тетради Бартенева.
[35] Письмо к жене от 19 апреля 1834 г.
[36] Письмо к жене 20—22 апреля 1834 г.
[37] Ей же 28 апреля 1834 г.

Выше было сказано о том, как тяжело жилось сестрам Гончаровым при матери. По письмам Александры Николаевны к брату видно, что ей страстно хотелось вырваться из деревенского заточения, из-под опеки маменьки. Сказывалось тут конечно и законное желание устроить свою личную жизнь, повеселее дожить уходящую молодость. Наталья Николаевна была под сильным влиянием старших сестер, пожалуй слушалась их больше, чем мужа. Соскучившись в деревне, сестры рады были ее приезду и всяким немудрым провинциальным развлечениям. Пушкин просит жену «не таскаться по гуляниям с утра до ночи»[38], не ездить в захолустный калужский театр. «Что же тебе там делать? Это тебя сестры мутят и верно уж моя любимая»[39].

«Любимая» употреблено здесь в ироническом смысле. Вернее, что Пушкин недолюбливал одну из сестер Натальи Николаевны, которую — догадаться не трудно: смутьянка, баламутка конечно была Александра Николаевна. Во время пребывания Натальи Николаевны на Полотняном Заводе у нее возникает план взять сестер в Петербург. Пушкин предупреждал жену не делать этого[40], но она его не послушалась. Однако вероятно он и сам в виду тяжелой семейной обстановки Гончаровых в то время согласился с проектом Натальи Николаевны. П. И. Бартеневым[41] записано про последние годы жизни Натальи Ивановны: «В последнее время она поселилась у себя в Яропольце и стала очень несносна, просто-напросто пила.... «Зачем ты берешь этих барышень?», спросил у Пушкина Соболевский. — Она целый день пьет и со всеми лакеями (живет). — Пожив со свояченицами, Пушкин стал повидимому относиться к ним по-родственному, полюбил их. «Теткам Ази и Коко мой сердечный поклон»[42]. «Бель-серам» поклон. Как надобно сказать: бель-серы или бель-сери?[43]. «Что Коко и Азя? замужем или еще нет? Скажи, чтоб без моего благословения не шли»[44]. «Кланяюсь твоим наездницам»[45], пишет он в письмах к жене в последние годы жизни.

Вопрос о замужестве сестер повидимому очень волновал Наталью Николаевну. Пушкин входил в ее интересы и тоже принимал участие в обсуждении тех или иных матримониальных возможностей[46].

Дмитрий Николаевич Гончаров (р. 1 мая 1808 г. ум. в 1859 г.)—старший из братьев Гончаровых, наследник гончаровского майората. Окончив Московский университет, поступил 28 июля 1825 г. актуариусом (делопроизводителем) в Московский архив Коллегии иностранных дел. Через три года произведен в переводчики, в 1829 г. пожалован званием камер-юнкера. 27 апреля 1829 г. был прикомандирован к кн. Н. А. Долгорукову, который после убийства Грибоедова был отправлен с особыми полномочиями в Тегеран. В Персии Гончаров оставался больше года, при чем во время пребывания там ему было поручено разобрать вещи покойного Грибоедова[47]. В июне 1830 г. вернулся в Россию, затем числился в Министерстве иностранных дел. В 1835 г. вышел в отставку с чином надворного советника[48]. Вскоре он женился на кн. Елизавете Егоровне Назаровой, от брака с которой имел троих детей: Дмитрия, Евгения и Екатерину. В 1832 г. после смерти деда Афанасия Николаевича Дмитрий Николаевич был назначен опекуном своего душевнобольного отца и вступил в управление гончаровскими имениями. В 1834 г. у Д. Н. Гончарова на Полотняном Заводе гостил Пушкин; после смерти Пушкина там же два года жила его вдова с детьми.

---

[38] Письмо к жене от 20—22 апреля 1834 г.
[39] Ей же 11 июня 1834 г.
[40] Письма к жене от 11 июня и 14 июля 1834 г.
[41] «Рассказы о Пушкине». М., 1925, стр. 64.
[42] Письмо к жене от 14 сентября 1835 г.
[43] Ей-же 21 сентября 1835 г.
[44] Ей же 25 сентября 1835 г.
[45] Ей-же 14—16 мая 1836 г.
[46] Письмо Пушкина жене от 30 апреля 1834 г.; ей же от второй половины июня 1834 г. Также письмо А. Н. Гончарова Пушкину от 9 апреля 1831 г. Ак.П II, стр. 234.
[47] Аттестат Д. Н. Гончарова. Хранится в Центрархиве.
[48] МПП, II, стр. 453.

В письмах к жене Пушкин несколько раз посылает приветы старшему шурину, но повидимому у Пушкиных установилось несколько ироническое отношение к нему и они непрочь были посмеяться над ним за глаза, рассказывая друг другу про него смешные вещи. В письме к жене Пушкин с большим юмором описывает, как Дмитрий Николаевич влюбился в гр. Чернышеву по портрету, «полез на стены» от любви, сватался, но получил отказ. «Я полагаю, что он не застрелится, как ты думаешь?»—спрашивает Пушкин[49]. В июне 1834 г. Наталья Николаевна письменно сообщает Пушкину какой-то «анекдот» про старшего брата. «Не влюблен ли он?»—спрашивает ее по этому поводу Пушкин[50].

П. И. Бартеневым в 1859 г. со слов лично знавшей Гончаровых кн. Е. А. Долгорукой записано, что Д. Н. Гончаров был: «глухой и заика»[51]. Вероятно с физическим недостатком соединялась в нем внутренняя посредственность, которая и делала его таким смешным в глазах Пушкина в роли влюбленного.

Из писем Дмитрия Николаевича к Екатерине Николаевне, написанных вскоре после смерти Пушкина[52], никак нельзя заключить, чтобы он был потрясен драмой, случившейся в его семействе, чтобы он понимал размеры несчастья... «из них видно, что он вполне дружественно относился к своему зятю, убийце другого зятя»[53].

Иван Николаевич Гончаров (р. 22 мая 1810 г. — ум. 19 ноября 1881 г.), средний из братьев Натальи Николаевны Пушкиной. В конце 1827 г. поступил юнкером в л.-гв. Конно-Пионерный эскадрон, 6 января 1829 г. произведен корнетом в л-гв. Уланский полк, с которым участвовал в Польской кампании 1831 г. В 1831 г. переведен был в л.-гв. Гусарский полк, а в 1840 г. вышел в отставку. Впоследствии он опять поступил на военную службу и во время Крымской кампании 1854 г. был произведен в полковники. В 1860 г. состоял для особых поручений при рижском военном ген.-губернаторе. Затем произведен в ген.-майоры. После смерти матери И. Н. Гончарову досталось имение Яропольц. В течение нескольких лет он был волоколамским уездным предводителем дворянства[54].

И. Н. Гончаров был женат два раза. Первым браком (с 1836 г.) на кн. Марии Ивановне Мещерской (ум. в 1859), от которой имел трех детей: Марию, Софию и Александра. Вторым браком (с 1861 г.) на Екатерине Николаевне Васильчиковой (р. 1828 г.), от которой имел четырех детей: Николая, Екатерину, Наталью и Надежду.

А. Н. Муравьев, познакомившийся с И. Н. Гончаровым в середине 30-х годов, вспоминал о нем как о лейб-гусарском офицере, «весьма блистательном в то время... светское его образование, как и вообще всех людей нашего круга, было чуждо всему церковному»[55].

Вероятно Иван Николаевич не возвышался над уровнем «блистательных лейб-гусарских офицеров» своего времени. Он был красив, богат, увлекался романическими приключениями. Александра Николаевна Гончарова в письме от 28 июля 1832 г. спрашивает своего старшего брата про брата Ивана: «За кем он ухаживает?» и просит сообщить, не затеял ли он новых романов. Она возмущается теми, вероятно не очень платоническими романами, которые он завел во время своего пребывания на Полотняном Заводе. Позднее Пушкин, сообщая жене[56] о какой-то истории Ивана Николаевича с племянницей башмачника, вероятно петербургского мещанина-ремесленника, может быть немца, семья которой требовала,

---

[49] Письмо к жене от 26 августа 1833 г.
[50] Ей-же от второй половины июня 1834 г. Ак.П, III, стр. 37.
[51] Бартенев, П. И., Рассказы о Пушкине, М., 1935, стр. 61.
[52] Два письма опубликованы П. Е. Щеголевым. См. «Дуэль и смерть Пушкина». 3-е изд., стр. 339—341.
[53] МПП II, стр. 453.
[54] МПП II, стр. 396—397.
[55] Муравьев, А. Н., Мои воспоминания, «Русское Обозрение» 1896, II, стр. 513.
[56] Письмо к жене от 12 сентября 1833 г.

чтобы Гончаров женился на этой девице, высказывает соображение, что «Должно будет поплатиться деньгами».

По письмам Пушкина видно, что начиная с 1830 г. Иван Николаевич бывал у него в Петербурге, но Пушкин всегда ограничивается упоминанием о его посещениях, не прибавляя ничего, по чему бы мы могли судить о его отношении к шурину. Вероятно это было чисто внешнее знакомство без всякой душевной и родственной близости.

Сергей Николаевич Гончаров (р. 11 февраля 1815 г.—ум. 28 ноября 1865 г.)—младший из детей Натальи Ивановны Гончаровой. Начал службу, поступив в апреле 1832 г. унтер-офицером в Киевский гренадерский полк в Петербурге. В 1835 г. произведен корнетом в Ингерманландский гусарский полк. В 1836 г. вышел в отставку с чином поручика. В 1844 г. поступил чиновником особых поручений в Московскую контору Ассигнационного банка. С января 1850 г. был заседателем Московского совестного суда, под конец жизни состоял старшиною Московского городского суда[57].

26 февраля 1864 г. С. Н. Гончаров, бывший в то время гласным Московской распорядительной думы, дрался на дуэли с П. М. Леонтьевым, одним из редакторов «Московских Ведомостей», напечатавшим заметку, порочащую деятельность Московской думы. История эта в свое время наделала много шума[58].

Сергей Николаевич — единственный из трех братьев Гончаровых, о котором Пушкин в письмах к жене отзывается с большой теплотою. «Я рад, что Сергей Николаевич будет с тобой; он очень мил и тебе не надоест», писал Пушкин жене из своего путешествия по пугачевским местам[59]. Лето 1834 г. Сергей Николаевич прожил у Пушкина в Петербурге. «У меня отгадай, кто остановился теперь? Сергей Николаевич, который приехал было в Царское Село к брату, но с ним побранился и принужден был бежать со всем багажем. Я очень ему рад»[60].

Несколько позднее он пишет жене, что Сергей Николаевич явился к нему в офицерском мундире «и молодец»[61].

Очевидно Сергей Николаевич тоже с большой симпатией относился к поэту. «Гончаров говорил, что у Александра Сергеевича был самый счастливый характер для семейной жизни: ни взысканий, ни капризов», записала со слов Сергея Николаевича некто Толычева[62]. К сожалению кроме этой краткой записи и очень краткого рассказа, записанного со слов Сергея Николаевича П. И. Бартеневым, Сергей Николаевич, как и старшие его братья, не оставил никаких записей и воспоминаний о Пушкине.

Гончаров был женат дважды: первым браком на бар. Александре Ивановне фон Шенк (ум. в 1848 г.), от которой имел пятерых детей: Михаила, Марию, Наталью, Сергея и Петра. Вторым браком с 1848 г. на Анне Алексеевне Смирновой (р. в 1826 г.). От второго брака у него было четыре дочери: Вера, София, Анна и Екатерина.

№ 1. Н. А. ГОНЧАРОВ—НЕИЗВЕСТНОМУ

30-го августа 812. Калуга

Бесценной и единственной друг,

Несчастливой переворот политических дел Европы и загоревшаяся неожиданная война в отечестве возвели наконец бедствия домашних неустройств наших до той степени, которой кажется уже никакие удары судьбы превзойти не в силах. Вам известны они будут в полной

[57] МПП II, стр. 470.
[58] «Русские Ведомости». М., 1913, стр. 4—6
[59] Письмо к жене от 12 сентября 1833 г.
[60] Ей-же от 3 июня 1834 г.
[61] Ей же 30 июня 1834 г.
[62] РА 1881, II, стр. 98.

мере, когда думая найти в прародительском доме семейство Ваше, с ужасом застанете лишь стены собственности прежней, сделавшейся жертвой вероломных хищников и варваров, столь нагло нарушивших священной Союз с Россией! Сии надвинувшиеся громовые тучи на любезной край наш и предчувствия вящщих нещастий решили меня, между страхом и надеждою за своих колеблющегося, спасти жену в то время на сносе беременную и невинных изнемогающих болезнию младенцов от когтей Тигров, соорудивших погибель вселенной.

И так для всякой осторожности назначил я дорогим сердцу моему мирным убежищем деревню шурина моего Загрязского[1], село Кареян[2], где они теперь все находятся с 19-го числа августа. Служба моя при Гражданском губернаторе в Калуге, требуя меня налицо, заставила против воли, бросить все заведения наши, ибо естьлиб не был при нем, то по понуждению дворянства итти на ратное поле конечно бы и я не миновал участи протчих. Должностным невозможно было в таких смутных положениях получать отпуски, ибо строго запрещалось оставлять город, но выезжать лишь тогда, когда приказано будет губернатору и всей его канцелярии в случае неизбежной опасности и лишь тогда выбираться вместе с присутственными местами. Меня ж, к щастию, по особенному препоручению, освободили выездом прежде и теперь соединился я уже с моим семейством там же в Кареяне, где ожидаем гибель или спасение. Бога ради дайте себя видеть и удостовериться нам, что имеем еще близкого сердцу нашему и истинного друга в числе живых. Все те, которые решились принять меры осторожности, отправились в Тамбовскую губернию или в самый город Тамбов; в числе последних выслал туда же сам губернатор Каверин, своих детей, так как в край отдаленной от центра России, где и до сих пор все жители спокойны.

Марш-рут: из Калуги на Тулу, на г. Богородицк, на г. Козлов, на г. Амбур и в Тамбов, откудава всякой рассказать может дорогу в Село Знаменское, Кареян тож.

Искренной друг по гроб Н. Гон . . . .в.

Письмо написано на листе (четыре страницы) светлоголубой почтовой бумаги среднего формата с водяным знаком «A. G.». Исписаны четыре страницы.

[1] И. А. Загряжский, крестный отец Натальи Николаевны Гончаровой.

[2] Село Кореян Загряжский расположено в 30 верстах к югу от Тамбова при впадении реки Кореян в Цну. Здесь, в родовом имении Загряжских, 27 августа 1812 г. родилась и была крещена Наталья Николаевна Гончарова.

№№ 2—30. А. Н. ГОНЧАРОВ — ВНУКАМ

25-е октября 1816. Боровск[1].

Благодарю тебя, любезной друг Митинька, за письмо. А на Ишку я очень сердит: он так заспесивел, что и имя сваво не приписывает. И ты его за меня не цалуй, а сестер всех перецалуй. Наташу и мамашу поздравь от меня с их днями рождения, то-есть 21 и 22-е сего месяца[2]. Напиши мне, имеете ль вы русского учителя и учит ли вас писать. М-г Chaillet[3] мой поклон скажи и пиши ко мне чаще, так будешь доброй малой и я тебе жеребеночка подарю. Твой Друг А. Ганчаров.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве. На Никитской в Доме бывшем Г-жи Навасильцовой[4] В приходе Вознесенья.

[1] Боровск — уездный город Калужской губернии на реке Протве.
[2] Наталья Николаевна родилась 27 августа 1812 г., Наталья Ивановна 22 октября 1785 г. Возможно, что Афанасий Николаевич перепутал даты.
[3] Сведений о Chaillet, гувернере Гончаровых, не имеется.
[4] Екатерина Андреевна Гончарова (1774—1816), по второму мужу Новосильцева, мать Афанасия Николаевича Гончарова. Дом, в котором жили Гончаровы на Большой Никитской (ныне ул. Герцена), значится теперь под № 50. Обширные владения при доме были расположены между обеими Никитскими (Большой и Малой) и Скарятинским переулком.

12 сентября 1818. Фабрики[1].

Благодарю, любезной Митинька, за присылку собачки. Но я да эдаких не охотник и в комнате держать не люблю, почему и посылаю к тебе ее назад; тебя она лутче может забавлять, а у меня даром пропадет.

Любима к тебе посылаю; харашо, что бабушка[2] тебе его подарила, праси у ней на него купчию, а без того сматри, чтоб он у тебя не пропал. Братьев и сестер всех за меня перецалуй. Сестры спесивы — забыли, или велят им забывать, что есть и дед на свете. Ишку поблагодари за писмо. Хотя в год адно, да харашо. Будь над вами милость божья и мое благословение. Цалую тебя. Дед твой А. Ганчаров.

[1] Полотняный Завод—майоратное имение Гончаровых, Медынского уезда, Калужской губернии, в 16 верстах к северу от Калуги, на берегу реки Суходрева.
[2] Вероятно это Надежда Платоновна Гончарова (1765—1835), жена Афанасия Николаевича Гончарова, рожд. Мусина-Пушкина. С 1808 г. жила врозь с мужем. В 1809 г. заболела острым психическим расстройством. В 1817 г. получила от мужа отдельное состояние в 200 тыс. руб. Жила в Москве в своем особняке на Тверском бульваре.

[1818 г.]

Митенька, посылаю вам пять пар кинареек: каждому из вас по паре, что ты, как старшей, всем и одели. На вас всех я сердит — забыли меня, не пишите; особливо сестры зделались так спесивы, ни которой из них я руки не видал боле полу года. Я приеду в Москву и к вам не поеду. Сам буду спесив. Пращай, перецалуй всех за меня. Сережа мой всех вас лутче — ласковей и умнее. Это тебе и всем вам говорит ваш Друг А. Ганчаров.

На обороте:
Дмитрию Николаевичу Г-ну Ганчарову в Москве.

В подлиннике дата отсутствует. Датируется предположительно: дед посылает внукам только пять пар канареек. Следовательно младший из них, Сергей, был еще так мал, что ему канареек не предназначалось. С другой стороны, по письму видно, что сестры Гончаровы уже умеют писать, следовательно младшей из них, Наталье, должно было быть не менее шести[?] лет.

5-е марта 1819 Года. Шиманово[1].

Посылаю вам, любезной Митинька, десять пар чулок, вязаных здесь. Ты, как глава над всеми, раздели братьям и сестрам. Затем всех их за меня перецалуй, а я, благословляя всех вас и желая вам добраго здоровья, пребуду Дед ваш Афанасей Ганчаров.

На обороте:
Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве.

[1] Сельцо Шиманово, принадлежавшее А. Н. Гончарову, находилось в Можайском уезде Московской губернии.

1-го генваря 1820 Года.

Любезные Друзья и Дети!

Благодарю вас всех за милые писма ваши и за поздравление. Вас всех, моих милых, тож поздравляю с Новым Годом, желая вам как на сей, так и на многие ему преследующие, всех благ от бога и добраго здоровья. Милые писма ваши принесли мне большое удовольствие:

первое потому что вспомнили, что есть у вас Дед на сем свете, а второе, видя, что и успехи ваши в науках достойны похвалы—пишите все очень харашо по летам вашим. Дай бог, чтобы и в протчих науках столь же много успеху было. Ниначьку[2] за меня также поблагодарите, что и она меня вспомнила и поцалуйте так, как я вас всех цалуя, благословляю. Ваш вернейший Друг Афанасей Ганчаров.

P. S. Маминьку вашу поздравьте от меня с Новым Годом и пожелайте ей от меня щастья и здоровья.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве.

[1] Число в подлиннике не проставлено. Воспроизводится предположительно.
[2] Ниной в семье Гончаровых иногда звали Александру Николаевну, произво- это сокращение по всей вероятности от французского Alexandrine.

30-го апреля 1820 Года.

Любезной Друг Митинька! При сем посылаю Дрожки, о получении коих меня уведомь. Также напиши мне, каков папаша и что он делает. Братьев и сестер за меня перецалуй. Благословляя вас всех, пребуду твой Друг А. Ганчаров.

M. Chaillet мой поклон. Es wäre sehr gut wenn du kommst in Sommer mit der Herr Chaillet mir zu besuchen[1].

[1] Было бы очень хорошо, если бы ты летом приехал с г-ном Шайе меня навестить.

9-е августа 1820 Года.

Милой Друг Митинька! Благодарю тебя за присылку ашейников, кои очень прекрасны, а тем боле, что твое рукоделье. Братьям и сестрам скажи от меня спасибо за писма и всех их перецалуй. Милой Ташиньке по прозбе ее семян разных цветов посылаю. Рад тому, что она охотница до цветов, так же как и я. Хоть тем веселюсь, что будет кому со временем и за моими цветниками присмотреть. Но таперь сеить и сажать цветы время уже поушло; однако в удовольствие ее посылаю.

Варвара Игнатьевна[1] благодарит тебя за память об ней и присылку ашейника Лиде[2]. Также она благодарит М-г Chaillet за присылку ей граматики, коему как от нее так и от меня скажи почитание, а от меня скажи ему, что маю прозбу о присылке дюжины французскаго уксусу (который он хвалил) он верно забыл и даже не уведомил меня, сколько на то денег потребно; я б оные к нему доставил.

Пращай, цалуя вас всех и благословляя, пребуду ваш Друг — А. Ганчаров.

P. S. Вот Таше семян 18 сартов, только как теперь поздно их сеить, то и может по части попробовать нонче, а другую советую на будущее время поберечь.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве.

[1] Кто такая Варвара Игнатьевна — установить не удалось.
[2] Кто такая Лида — неизвестно.

24-е октября 1821 Года. Фабрики.

Любезной Друг Митинька! Писма от вас всех я получил. Уважая вашу прозбу, требуемые вами для учителя музыки дрожки и пару лошадей непременно пришлю для того, чтоб вам зделать удовольствие. Тож и книги при той аказии, требуемые тобой пришлю. Но фальшиво вас всех заставляют думать, что у меня сарай набит дрожками; их у меня только двое и есть, из коих одни вам назначаю и то потребно их поправить. Сваих заводов лошади ежели и есть, то не езжалые, а заводские, ибо мой завод так молод, что не боле как три года заведен.

Лошади-ж у меня все и разъезжие покупные, из коих добраю пару и пришлю. Братьев и сестер всех за меня перецалуй. Я благословляю всех вас, пребуду ваш Друг А. Ганчаров.

P. S. Дрожки нужно покрасить и кои что поправить—следственно недели две сие займет, а потому прежде и выслать их неможно.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве. Прошу приказать доставить не удержа.

1-е ноября 1821 Года.

Любезной Друг Митинька!

На писмо твое скажу тебе, что я требуемые тобой книги «Сочинение Державина и Хераскова» сколько ни старался искать в библиотеке, но не нашел, да и в каталоге за рукой отца твоего их вовсе нет, а потому, буде они тебе нужны, то приценис в лавках, что то будет стоить и уведомь меня, я тотчас на покупку оных пришлю тебе Деньги. К лошадям с Дрожками для музыканта брату и сестрам твоим в угоду хамуты с прибором какие есть я доставлю, как дрожки будут татовы. Но кучера у меня нет, я и сам нанимаю; следовательно сего и зделать не могу. А за деньги, кои он хочет моему платить, в Москве пропасть хороших кучеров найдет. Матушке своей скажи, что Усачев[1] меня уверил, что вся треть[2] ей доставлена. Братьев и сестер пацалуй, а я, пожелав вам всех благ от бога, благословляя вас, есть твой верной Друг А. Ганчаров.

M-r Chaillet — мое почтение скажи.

P. S. К пяти вашим милым рожицам не достает у меня Сережиной рожицы, то не худо бы тем же форматом мне ее доставить в карандаше и одного мастерства, а что будет стоить — я заплачу.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве. Получа прошу не задержав приказать доставить.

[1] Егор Усачев — вероятно приказчик А. Н. Гончарова, состоявший у него на жалованьи.

[2] Треть — третья часть годового содержания, которое Афанасий Николаевич выдавал Наталье Ивановне с детьми. Не располагая данными о размерах этого содержания в 1821 г., считаем нелишним упомянуть, что по «Приходо-расходной книге А. Н. Гончарова за 1826 г.», хранящейся в архиве Гончаровых в ГАФКЭ, видно, что в 1826 г. ей было выдано 30 тыс. руб. в год, детям на их особые расходы — 1200 руб. и на покупку провизии в дом Натальи Ивановны 2160 руб. Вероятно и в 1821 г. она получила примерно такое же количество денег.

27-е ноября 1821 Года.

Любезной Друг Митинька!

Писмо твое получил и мерачьку к тем пяти портретам, кои я имею, при сем посылаю. Я желаю иметь в карандаше не для того, что дешевле, а потому, что уже пятерых имею и колекция вся в рамках, то и нужно, чтоб и шестой был им одинакой и той же величины, для чего и Денги за него 75 а [?] при сем тебе вълагаю. А рамки мне не нада, я зделаю дома одинакою с моими.

Для музыкального учителя пару лошадей с хомутами и всем прибором, как только заложит, равно и дрожки — при сем же посылаю. Тож провизию вам бумаги десять стоп разных сортов, как расхожей, так хорошей, и часточку для рисованья, чему и записку у сего прилагаю.

Братьев и сестер всех за меня перецалуй. Ташке скажи, что я с ейо портрета сам рисовал етот образчик, которой у сего влагаю. Буди милость божия над вами и мое благословенье.

Еще раз всех вас цалую. Верной твой Друг А. Ганчаров.

29 Майя 1822-го Года.

Любезной Друг Митинька!

По желанию твоему лошадь твою с сим нарочным посылаю, но боюсь таво, что для тебя она слишком гаряча и молода, да еще мало езжена, и только начинали школу — словом сказать, что по твоим годам она для тебя, кажется, не годится, и сама еще ничего твердо не знает. То без воли папиньки и маменьки своих на нее не садись. Я не надеюсь, чтоб ты такой ездок уже был, чтоб мог на ней ездить. А впротчем для Добраго ездока она очень смирна, Добронравна, только очень слабоузда. Ежели б она подольше побыла в манеже, то б гораздо было лутче и надежнее. Но как бы то ни было, хачу тебя утешить, чтоб она при тебе была. Желаю вам всем добраго здоровья. Братьев и сестер за меня перецалуй, и всех вас благословляя, пребуду твой Друг А. Ганчаров.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Ильицыне [1].

[1] Ильицыно — имение Гончаровых в 10 верстах к югу от г. Зарайска, Рязанской губернии. Упоминается в завещании А. А. Гончарова, написанном в 1778 г., которое хранится в архиве Гончаровых в ГАФКЭ. Позднее принадлежало матери Афанасия Николаевича Гончарова. Повидимому здесь были обширные пахотные земли, так как в «Приходо-расходных книгах А. Н. Гончарова» (архив Гончаровых, ГАФКЭ) постоянной статьей дохода значутся хлеба, продававшиеся из Ильицына. В 1832 г. в Ильицыне числилось 520 душ. (МПП II, стр. 425). Перед освобождением крестьян числилось за женой И. Н. Гончарова М. И. Гончаровой, владевшей здесь 3,300 дес. земли. («Россия» под ред. Семенова, т. II, СПБ, 1902, стр. 293).

18 мая 1823-го Года.

Любезной Друг Митинька!

Папинька твой тебе неправду сказал, что в библиотеке есть русская история Карамзина. Когда он оставил завод и библиотеку, тогда оная и на свете не существовала. А я ее имею и купил ее по подписке; цена оной не так высока, чтоб не смочь ее иметь. Но дабы тебе зделать угодное, я ее тебе пришлю. Послал бы и при сей оказии, но ее нет Дома — я ссудил одно[го] приятеля читать, то пошлю ее получить и тотчас тебе оную Доставлю. О бисерах же для сестер я в первой раз слышу, чтоб в Калуге оные могли быть. Калуга буде и имеет оные, то также выписывает их из Москвы. Кабы ты в бытность маю в Москве мне сказал, так бы я им купил, сколько хотят. А для того, чтоб они сами сие выполнили и купили б какова хотят, прилагаю у сего им сто рублей бумашку. Отдай им всем трем от меня на бисер.

P. S. За присылку по почте вашей работы — головки — Катю и тебя благодарю; прекрасно рисуете оба, буде сие без поправки учителя. Братьев и сестер за меня перецалуй и вручая вас в милость божию, пребуду твой Друг А. Ганчаров.

12 октября 1823 Года.

Любезные Друзья Митинька и Ваня!

Писма ваши получил и выполняю желание ваше. За лошадьми посылаю Самодурова[1], которой их всех трех и приведет сюда. Верховыя ваши до весны и до востребования вашего будут ездить в манеже. А мать твоей лошади, любезной Митинька, по желанию твоему употреблена будет к заводу.

Пращайте, будьте здаровы и перецалуйте всех своих Geschwiester [2]. Всех вас благословляя, есмь ваш Друг А. Ганчаров.

P. S. M-r Chaillet mes respects [3].

[1] Сведений о берейторе Самодурове не имеется.
[2] Geschwister — братья и сестры.
[3] Г-ну Шайе мое почтение.

24 октября 1823-го Года. Фабрики.

Любезные Друзья Митинька и Ваничка.

Лошадок ваших привели здраво и благополучно, но только скажу вам, ездой они крепко побалованы и хвостами вертят; етого отъездить не можно — выездка à la Samadourow. Но что можно будет зделать, приказал берейтору все силы употребить, и, надеюсь, к весне, буде будут здоровы, поправятся. А Ване видно лошадку нада будет переменить, ежели варанок не переменит своего характера. Старуху белую, что Митинька требует, то выполнено будет. За тем, пожелав вам здаровья, и благословляя вас всех, пребуду ваш Друг А. Ганчаров.

Сережу и сестер перецалуйте.

На обороте:

Его благородию Милостивому Государю Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве. На Никитской, в приходе Вознесенья в доме Ганчарова.

15 марта 1824-го Года. Фабрики.

Любезные Друзья Митинька и Ваня!

Лошадей ваших посылаю всех трех. Желаю, чтоб Ваня доволен был своим променом. Ласточька — лошадь пренадежная и настоящая Дамская. О получении их меня уведомьте, здоровых ли доведут. Людей по приводе не держите — отправьте скарей обратно. К неудовольствию моему я Должен тебе, Митя, сказать и отменить мое данное вам позволение ехать ноничное лето в Ильицыно. По приезде моем сюда нашел здесь писма оттуда и рапорт, что по малости там ноне родившагося хлеба там кроме семенного (за поставкой в московский Дом и ко мне сюда) ничего боле не осталось, то и на содержание ваше я должен буду там покупать. И так о том доложи и матушке своей, что по сим притчинам я ехать туда не позволяю. А буде вы в начале июня хотите, то можете приехать недели на две или на три ко мне сюда на завод, и с сестрами одни; кажется к Деду родному нестыдно матушке вашей и без себя внучат отпустить. А впротчем Да будет воля ее. Ежели на сие согласны все, то тогда меня уведомьте, я за вами и лошадей пришлю. Буде ж родители ваши на то не согласны, то предоставляю сие на суждение бога и Добрых людей. Брата и сестер перецалуйте. И благословляя вас, пребуду верный ваш Друг и Дед Афанасей Ганчаров.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве.

6 Маия 1824 Года.

Любезной Друг Митинька!

Исполняя твое желание, посылаю тебе бураю кобылку. Ета лошадь не твоей дуре чета. Я ее тебе и готовил. Пиафирует прекрасно, траверс-ранверс делает порядочно, но еще не так твердо — очень молода; ей теперь только четыре Года. То нужно ее поберечь; мне за нее здесь давали 1200 руб. асигнациями, но я не отдал. Желаю, чтоб тебе она пондравилась и ты б ей мог харашо пользоваться. Сваю дуру рыжею ко мне сюда не присылай — мне она ни на что не нужна,—а продай ее

в свою пользу, тебе денги годятся. Напрасно матушка ваша не едет в деревню. Долги можно и оттуда заплатить, а денги доставятся и в Ильицыно равно. Что ж делать,—Доходов нет, из чего вам давать, того сам не получаю, но надеюсь сим месяцом кончить всио. Скажи, буде найдет где занять, я на себя возьму и ее удовлетворю.—

Братьев и сестер всех перецалуй. Благословляя вас всех, желаю быть здаровым Твой Друг А. Ганчаров.

P. S. Людей не держи. Приняв лошадь, отправь их обратно.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве.

27-е декабря 1824 Года.

Любезной Друг Митинька!

По писму тваму требование твое охотно выполняю, и в число тобой просимых 1500 при сем тысячу рублей посылаю. Осталые пришлю после Нового Года, но только с тем условием: оных денег не употребляй ни на что, кроме, как сам пишешь, для професоров и наук. Таперь я намерен тебе пропеть маленькую песенку. Знаю я, что вы все зависите от родителей и что творите то, что вам велят. Но уже ты, из ребячьих лет выходя, мог бы разобрать и то, что не может большаго упущения в науках быть и что на каких-либо дни три-четыре можно и самому у деда побывать. Мы в старину и не по полтараста верст езжали только за тем, чтоб с праздником поздравить. Хотя я сего от вас и не требую часто, а изредка бы можно. Но вас никогда к тому не допускают. Братьев и сестер перецалуй. Твой Друг и Дед. А. Ганчаров.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве.

Марта 15 ч. 1825 Года. Калуга.

Митинька! Я хлопочу о введении тебя в книгу Дворянского Достоинства для получения свидетельства на записку в службу. А как по новому положению многое на то потребно, то решился я один раз навсегда поработать и чтоб для братьев твоих вперед никакова затруднения в получении свидетельства быть не могло. Почему и потребно, чтоб вы с первой почтой ко мне прислали (о чем поручаю тебе сказать твоему отцу): 1-е послужной его список и указ об его отставке, с означением его лет, 2-е когда Ваня и Сержа родились, то-есть год, месяц и число, 3-е где, в котором приходе и кем именно крещены,—оное не от консистории потребно, а партикулярно, и живы ли те попы, кои их крестили, 4-е Отцов и матерей крестных их также обозначить. Елико возможно скарей оное ко мне доставьте, то к празднику надеюсь все оное окончить.

Братьев и сестер за меня перецалуй. Твой друг А. Ганчаров.

На обороте:

В Москве Дмитрию Николаевичу Ганчарову. На большой Никитской улице в приходе Вознесенья в доме Ганчарова.

18 ч. марта 1825 Года.

Любезной Друг Митинька!

Посылаю вам пару лошадей, коих обещал. Но хотя бурой мой полевик и харашо ходит на пристяжи, однако вынужден его употребить в корень, потому что игренея и молода и плохо в оглоблях ходит, а на пристяжи идет порядочно. Прикажи моему емщику их запречь, как они здесь езжены. Советаю, чтоб так и ходили. Бумаги маленькую часть посылаю покуда, а весной, когда клейка начнется, пришлю всю препорцию годовую. Братьев и сестер всех перецалуй. С наступающим праздником вас поздравляю.—Дед твой А. Ганчаров.

P. S. Жду присылки от вас требуемых в предъидущем моем писме бумаг, — тогда и начну хлопотать о вводе всех в Грамоту, а потом для тебя и свидетельство будет выдано, что поторопитесь выполнить.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве.

25 апреля 1825-го г.

Митинька! твое свидетельство скоро надеюсь доставить, а за тем о братьях Иване и Сергее из Депутатского Собрания завтра пошлются справки в Москву о присылке прямо в собрание из митрик о рождении их свидетельства, то нужно, чтоб кто у вас похлопотал, дабы сходно присланной записке оные и поскорей были в Калужское Депутатское Собрание отправлены. Цалую вас всех. А. Ганчаров.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве.

19 июня 1825 Года. Фабрики.

Любезной Митинька!

Писмо твое с копией атестата получил и по прозбе вашей к Бутеневу[1] при сем открытое писмо тебе прилагаю; можешь, прочитав оное, при своей прозбе ему послать. Желаю, чтоб был успех. По писму матери твоей скажи ей, что сентябрь в Ильицыне пробыть позволяю, хотя то мне большую расстройку делает: мне самому там побывать необходимо нужно. Ноничной год я никаких доходов с Деревень не имею, и там хлеба весьма мало, а потому мне ето делает большой щот и ваше там пребывание мне сочиняет порядочной начет.

Братьев и сестер цалую. А. Ганчаров.

[1] Апполинарий Петрович Бутенев (1787—1866) — известный русский дипломат, сын бедного дворянина Калужской губернии. Провел несколько лет в доме Гончаровых, учась и воспитываясь вместе с Николаем Афанасьевичем. В 1804 г. Бутенев поступил на службу в переводческую канцелярию Коллегии иностранных дел, принимал участие в кампании 1812 г. в качестве дипломатического чиновника при Багратионе. В 1821—1828 гг. был начальником переводной экспедиции Министерства иностранных дел в Петербурге. Позднее занимал ряд ответственных дипломатических постов. В 1855 г. был назначен членом Государственного совета. См. его воспоминания: РА 1881, III.

2-е февраля 1826-го Года. Фабрики.

Любезные Друзья Митя и Ваня!

Имевшияся у меня Документы отца вашего у сего вам посылаю, кои и отдайте ему руками, а притом влагаю тут и Два свидетельства: тебе, Ваня, и Сережи из Депутатского собрания. И так таперь все вы взнесены в Дворянскую родословную книгу и в какой род службы пожелаете вступить, то уже все имеете полные на то доказательства и свидетельства.

Всех вас цалую и благословляю. Дед ваш

А. Ганчаров.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве.

3-е ч. апреля 1826 Года.

Любезной Митинька!

Писмо твое получил, хвалю, что Деда помнишь и без всякого дела к нему пишешь, чем и выполняешь свой долг. Я сие приемлю знаком твоей любви и добраго сердца. Я доехал До Двора здаров и благополучно; до Башмаковки[1] ехал на санях, а оттуда на емской телеге, и доехал скоро. В Ильицыно по прозбе вашей ехать вам позволяю, но только уведомь меня, в июне или июле вы туда отправитесь, ибо, думаю,

коронацию[2] останетесь в Москве, я и сам к оному времю, аще здоров буду, надеюсь быть в Москве. Сестер и братьев всех цалую, желаю праздника дождатся благополучно. Благословляя вас всех, пребуду твой Друг и Дед А. Ганчаров.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве.

[1] Башмаковка — казенное село, расположенное на Старой Калужской большой дороге в 24 верстах от Малого Ярославца.

[2] Коронация Николая I происходила в Москве 22 августа 1826 г.

10-е ч. Маия 1826 Года. Село Ильицыно.

Я приехал сюда вчерашней День утром и нашел уже ваших людей приехавших, также и лошадей. Следовательно мое писмо, посланное к вам, Наталья Ивановна, из Калуги с екстра-почтою отправку обоза вашего не застало. Нашел здесь погоревшим всио так, как вам описывал, и не надеялса, чтоб можно вам было с семейством здесь лето провести. Но поосмотрясь увидел, что кой как лошади могут лето перебыть в том сарае, куда помещены, также и людем помещение есть. Хотя мне сие крепко тягосно, но нехочу Детям зделать не удовольствие и лишить их приятного Деревенского провождения время, а потому и позволяю вам сюда ехать, дав только мне время сию текущею неделю пробыть здесь, а 15 ч. сего месяца — день субота — вы уже можете выехать из Москвы. Я сими Днями надеюсь распорядитса началом поправления разорения пожаром причиненное[1]. Извещая о чем сего нарочного посылаю, с коим, не задержа, дайте мне знать о дне вашего выезда. Детей всех цалуя, благословляю и желаю им здесь веселитса. Ваш слуга А. Ганчаров.

P. S. Отправлен — Понедельник 10-ть часов утра сей нарочной.

На обороте:

Ея высокоблагородию Милостивой Государыне Наталье Ивановне Ганчаровой в Москве. В случае невозвращенья ее в Москву — распечатать Дмитрию Николаичу и не удержа посланного мне отвечать.

[1] В «Приходо-расходной книге А. Н. Гончарова за 1824 г.» (архив Гончаровых, ГАФКЭ) под 10 мая 1826 г. записан следующий расход: «...на строение погорелого и на покупку теса — 1080 рублей».

21-е сентября [1826 г.]

Имянинника поздравляю и посылаю ему на арехи А. Ганчаров.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову.

Письмо датируется на основании записи в «Приходо-расходной книге А. Н. Гончарова за 1826 г.» (архив Гончаровых, ГАФКЭ): «21 сентября Митеньке подарено к имянинам ассигнациями 200 р.» и на основании водяных знаков на бумаге подлинника: 26.

17 декабря 1826 Года. Калуга.

Любезной Друг Митинька!

Два писма твои получил. Не могу похвастать, чтоб и вы часто к Деду писали. Мы бывало в старину, как на десяток писем от своих стариков в ответ одну строчку получишь, так с радости так вспрыгаешса, что и ноги к верху[1]. А ныне вас приучают по-новому и не много прочному. Я здаров, вот почти Две недели живу здесь по случаю выборов, bon gré, mal gré всякой[2] День на больших обедах и балах. С праздником и новым годом вас всех поздравляю[3]. Сестер и братьев всех перецалуй. Вольно тебе было раздать от M-r Morico всех щенков, а я тебе говорил, чтоб для меня оставить Двух: мущинку и барышню, и потому, Голубчик, без отговорок обеих изволь мне при-

слать, я с етим условием знакомил М-г Моро с Madame Евелиной, а ты вздумал, что я одним наследником его останусь доволен. Затем прощай, будьте здаровы и веселы. Благословляю вас всех. Верной ваш Друг и Дед Афанасей Ганчаров.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве.

[1] В архиве Гончаровых (ГАФКЭ) хранится письмо Афанасия Николаевича Гончарова к его отцу Николаю Афанасьевичу и деду Афанасию Абрамовичу от 22 декабря 1782 г. Приводим его полностью:

«Милостивый Государь Батюшка и Дедушка Афанасий Абрамович,

Целую драгия ваши ручки, припадаю к дражайшим вашим ножкам и прошу не лишить меня вашего родительского благословения, в коем состоит мое благополучие. О себе же вам доношу, что мы теперь слава богу здоровы. При сем имею честь вас поздравить с наступающим Новым Годом, который желаю вам, Милостивый Государь Батюшка и Дедушка, препроводить во всяком благополучии. Впротчем с преданностью имею честь пребыть ваш Милостивого Государя Батюшки и Дедушки всепокорный сын и внук

Афанасий Ганчаров».

[2] Волей-неволей.

[3] В предыдущем (1825) году, дед подарил внукам к празднику Рождества по 100 р. ассигнациями, всего 600 р. («Приходо-расходная книга А. Н. Гончарова на 1825 г.», архив Гончаровых, ГАФКЭ).

16 ч. марта 1827 Года.

Любезный Друг Митенька!

Писмо твое получил, в коем извещаешь, что Граф Булгари[1] берет тебя к себе или куда в Миссию, и что ты переходишь из Московского Архива в Петербург. Не хочу отнять твоего щастия, благословляя тебя на то, елико силы мои позволят, не откажусь в определении тебе содержания[2], для чего потребно (когда уже всио сие решится) видетса тебе со мной и переговорить о том обстоятельно; почему и можешь тогда ко мне приехать. Я в бытность маю в Москве тебя видел Два раза, а ты меня не видал. Братьев и сестер всех перецалуй. Твой Друг и Дед А. Ганчаров.

На обороте:

Его благородию Милостивому Государю Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве. На большой Никитской в приходе Вознесенья в Доме Ганчарова.

[1] Граф Марк Николаевич Булгари, статский советник и камергер, находившийся в 1827 г. в ведении Коллегии иностранных дел.

[2] Дед положил Дмитрию Николаевичу годового содержания 3000 р. асс. в год. («Приходо-расходная книга А. Н. Гончарова на 1828 г.». Архив Гончаровых, ГАФКЭ).

6-е апреля 1827 Года.

Христос воскресе

Митинька, со всем причтом, здравствуйте. И всех вас цалую, желаю праздник весело провожать. Благословляю вас всех. Верной ваш Друг и Дед А. Ганчаров.

P. S. От Евелинки желаю иметь щенка—Дамочку. Но только боюсь вы выдадите ее за какова урода и не убережете, а лутче бы ко мне прислать, так бы она за прежнего мужа, почтенного Morico вышла и детки бы были Достойныя. В протчем как хочешь, так и делай.

На обороте:

Дмитрию Николаевичу Ганчарову.

1827 Года апреля 28 ч. Ильицыно.

Любезной Друг Митинька!

Я нонче отправляюс отсюда обратно на Завод, где и надеюсь быть в первых числах наступающего Майя и думаю пробуду там весь Май

безотлучно, о чем тебя сим и извещаю. Братьев и сестер всех перецалуй. Благословляя вас всех, Друг твой и Дед А. Ганчаров.

На обороте:

Его благородию Милостивому Государю Дмитрию Николаевичу Ганчарову в Москве. На большой Никитской в приходе Старого Вознесенья в Доме Ганчарова.

Все двадцать девять писем А. Н. Гончарова к внукам сшиты суровыми нитками в одну тетрадь без переплета. Письма написаны на почтовой бумаге среднего формата белого цвета (три письма — на бумаге голубого цвета), имеющей водяные знаки: «А. Гончаров» и год, в зависимости от года написания письма. На обороте почти каждого письма имеется адрес, написанный рукою А. Н. Гончарова. Часть писем была запечатана облатками, часть — черным и красным сургучом с печаткой Афанасия Николаевича. Начиная с писем от 1823 г., на некоторых имеются штемпеля городской почты Калуги и Зарайска.

№ 31 И. Н. ГОНЧАРОВ — А. Н. ГОНЧАРОВУ

Сего 8-го ноября 1827 Года. Москва.

Любезный Дедушка.

Ваши беспрерывные милости, коими я имею щастие пользоваться, равно как и желание, которое вы изволили изъявить в бытность вашу здесь о вступлении моем в службу, заставляют меня уведомить вас о принятых Маминькой мер, чтобы записать меня в полк[1]. Я уже имел честь вам докладывать о предложении полковника конно-пионерного гвардейского эскадрона Засса[2] записать меня в свой эскадрон. Брат[3] осведомлялся от него покороче и писал к Маминьке обо всем подробно, как вы сами изволите увидеть по его письму. Но, любезный Дедушка, так как полковник берется меня взять под свое начальство под тем условием, чтобы я имел приличное содержание, равно и хорошую лошадь[4], то осмеливаюсь прибегнуть к вам и просить вас, чтобы вы сделали милость, не отказали мне в нужном.

Будучи столь щастлив, любезный Дедушка, видеть вас благосклонным ко мне, ласкаюсь надеждой, что вы не отрините прозьбу покорного своего внука.

Иван Гончаров.

Маминька препоручила мне вам сказать, что она сама на будущей почте вас будет просить, на щет чего я к вам имею честь писать; она бы не упустила и нынешней, если бы она была здорова.

Письмо И. Н. Гончарова написано на листе (четыре страницы) почтовой белой бумаги малого формата, с водяным знаком: «А. Г. 1826». Исписано две страницы.

[1] Точная дата поступления И. Н. Гончарова в лейб-гвардии Конно-пионерный эскадрон — неизвестна.

[2] Корнелий Корнелиевич Засс (1793—1857) с 1820 г. — командир лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона.

[3] Дмитрий Николаевич Гончаров.

[4] На покупку лошади дед ассигновал Ивану Николаевичу 2000 руб. В «Приходо-расходной книге А. Н. Гончарова на 1828 г.» под 22 мая записано: «Ване последние за лошадь к прежде данным 1500 — 500 р.» (архив Гончаровых. ГАФКЭ).

№ 32. Д. Н. ГОНЧАРОВ—А. Н. ГОНЧАРОВУ

16 сентября 1829-го года. Табриз.

Напрасно, любезный дедушка, изволите полагать, что я хотел посекретничать перед Вами, не написав вам ни слова о моих лошадях и экипажей. В суматохе приготовлений моих к отъезду я о них совершенно забыл уведомить Вас. Пару лошадей, сани и дрожки—все

сие продал за 700 руб., хотя сие было для меня весьма невыгодно. Но в четыре дни (ибо со дня назначения до моего отъезда из Петербурга более мне не дано было на мои приготовления) хорошего покупщика не скоро найдешь; предоставить же их кому-нибудь было бы еще невыгоднее. Ласточка разыграна была пред тем в лотарею за 500 руб., а орловского жеребца, не успев найти на него покупщика, предоставил одному из моих товарищей, графу Тормасову[1], чтобы он продал его. Поселе не знаю, продан ли он или нет. Из людей взял я с собою кучера моего, Стигнея, а Васю я оттого оставил дома, что он еще очень молод и по силе своей в столь дальней пути не очень надежен; но по возвращении моем, коли вы позволите, возьму его опять, а Стигней будет снова исполнять кучерскую должность. Приехавши сюда, принужден я был нанять Армянина, знающего русской язык; я в нем имею необходимую нужду по незнанию моему и моего человека языков здешних стран, и во-вторых чтобы дорогой ставить палатку (вот еще издержка: покупка палатки) и смотреть за вьюками, ибо Стигнею одному всем не управиться. Я сему человеку плачу 6 червонных в месяц. В Петербурге я Васе и Стигнею двоим давал не более 27 руб ас., а здесь одному Стигнею 3 червон[ных], хотя поневоле: дорого здесь жить.

Довольно длинно мое письмо, любезнейший Дедушка, но я почел обязанностию своею довести до Вашего сведения все вышеизложенное, почему и прошу Вас извинить меня, если скучаю вас оным.

Весьма больно мне, любезнейший Дедушка, получить известие, что дела Ваши все еще в затруднительном положении; я чувствую сколь сие должно быть тяжело для Вас. О себе я не так забочусь, что будет со временем со мною—предоставляю воле божией; желал бы я только, чтобы после столь долговременных забот, Вы могли бы успокоиться, наслаждаясь плодами своих трудов. Я не теряю надежду, бог услышит молитву всего нашего семейства, преданного Вам сердцем и душой, и поздно или рано, облегчит Ваши трудные и тяжелые обстоятельства. Но позвольте мне, Любезнейший Дедушка, припасть к стопам Вашим и умолять Вас по силе возможности Вашей не оставить маминьку и сестер, коих Вы единственная подпора, на коей они возлагают всю свою надежду. Избавьте их от затруднительного положения, в коем они перед моим отъездом и даже до 12-го июня, с коего не имею от них никакого известия, что меня весьма беспокоит. Ради бога, Любезнейший Дедушка, не отвергните сию мою молитву, произнесенную мною яко сыном и братом! Ежели бы я мог чем-нибудь содействовать ко всеобщему благу нашего дома, скажите хотя одно слово, на все я готов, что вы мне прикажете.

Недавно возвратились мы из лагеря под Уджани, что в 50 верстах из Тавриза и где находился е[го] в[ысочество] Аббас-Мирза[2] с своими войсками. Мы пробыли там весь август месяц. 31-го числа оного месяца были мы приняты е[го] в[ысочеством] на публичной Аидиенции по случаю утверждения мира между Россией и Персиею, запечатленная казнию виновников убийства нашей Миссии. Что особенно удивительно в сей казни, что Шах, несмотря на просьбы и на возникшийся бунт народа, изгнал из Тегерани главного виновника, муштеида (великого жреца) Мирзу Массию, который своею святостию уважаем был здешними мусульманами[3]; при том 1500 человек были казнены: иным отрубили голову, другим резали нос, уши и руку. Сей случай был празднован е[го] в[ысочеством] Аббас-Мирзою, который пожаловал е[го] с[иятельству] кн. Долгорукову[4] жемчуги а нам, чиновникам, каждому по перстню с алмазом. Таким образом Рос-

сия получила требуемые удовлетворения за убийство Грибоедова, и тем наше Посольство исполнило своего поручения. Князю Долгорукову здесь уже более делать нечего, и его сиятельство ждет позволения возвратиться. Так как я прикомандирован к его особе, то и я также возвращаюсь, равно как и двое из моих товарищей, также при его особе находящиеся: л. г. Уланского полка Асцруни[5] и маиор Бегларов[6] (переводчик для Персидского языка). Мальцов[7], находившийся при Грибоедове[8] и спасшийся от всеобщего убийства нашей миссии, возвращается в Петербург. Таким образом вся наша Миссия совсем здесь расстроилась: мы полагаем, что пришлют сюда других чиновников для занятия наших мест. Мы же надеемся получить все чиновники награждения за утверждение мира. Заплативши уже два раза дань здешнему климату, бывши нездоров, я с нетерпением жду минуту, где я вступлю на Российские границы и буду иметь щастия увидеть Вас.

Не взыщите, любезнейший Дедушка, что пишу так нечисто, но писать имел я к вам много, а времени по милости службы весьма мало. Прощайте, любезнейший Дедушка, целую ваши ручки и с совершенною к вам преданностию и почтением честь имею быть навеки покорнейший внук Дмитрий Гончаров.

Письмо написано на листе (четыре страницы) белой почтовой бумаги большого формата с водяным знаком «А Г 1826». По случаю эпидемии чумы в русской кавказской армии проколото во многих местах чем-то острым. Исписаны четыре страницы.

[1] Граф Александр Александрович Тормасов (1806—1839), камер-юнкер.

[2] Аббас-Мирза, сын персидского шаха Фет-Али, наследник персидского престола.

[3] Муштеид, верховное духовное лицо Тегерана, Мирза-Мессих был главным подстрекателем народных масс против русского посольства. Приведем письмо персидского министра внутренних дел к каймакалу (должностному лицу в Персии) по поводу событий, описываемых в письме Д. Н. Гончарова:

«Хотя главные виновники общего сего несчастия не открыты, но так как злодеи устраивали свои скопища вблизи жилища почтенного муштеида Мирзы Мессиха и обнаружили здесь дух буйства, то посему приговор об его изгнании прежде всего последовал. Как скоро узнала о том чернь и увидела, что за изгнанием упомянутого мирзы последует ее гибель, смерть и заточение, то скопилась в несравненно большем количестве, нежели во время происшествия с посланником случившегося. В продолжение суток в городе был такой шум, что у подобных нам чиновников недостало бы благоразумия к укрощению оного. Сие пламя возмущения погашено морем могущества державной власти. Некоторые отличнейшие мужи... имена которых продлили бы мое письмо, находясь в столице, ходатайствовали за Мирзу Мессиха, но из уважения к Российской державе ходатайство их не было принято. Сего 7 числа месяца Сафара в субботу утром приказано насильно удалить его и казнию преследовать злодеев. Невозможно описать всех ужасов, бывших в столице, во время изгнания почтенного мирзы и наказания преступников» (Ениколопов, И. К., «А. С. Грибоедов в Грузии и Персии» Изд. Заккнига, 1929, стр. 189—190).

См. там же донесение кн. Н. А. Долгорукова из Уджан от августа 1829 г.

[4] Кн. Николай Андреевич Долгоруков (1792—1847), генерал от кавалерии. С 1806 г. по 1812 г. служил в Государственной коллегии иностранных дел. С 1812 г. на военной службе. В 1829 г. после убийства русского посла в Персии Грибоедова некоторое время замещал его. «За отличную усердную службу, труды и особенные успехи, оказанные при исполнении высочайшего поручения при Тегеранском дворе, пожалован орденом св. Анны 1-й степени». (Русский биогр. словарь», т. III, стр. 554). В 1830 г. назначен генерал-адьютантом Николая I.

[5] Еремей Егорович Арцруни, поручик лейб-гвардии Уланского полка. В 1828 г., будучи корнетом этого же полка, состоял при гр. Паскевиче. За участие в Персидской войне 1826—1828 гг. был награжден медалью. Позднее служил в русской миссии в Тавризе.

[6] Шамир Фридонович Шамир-хан-Бегляров позднее служил полковником в Отдельном Кавказском корпусе.

[7] Первый секретарь русского посольства в Тегеране И. С. Мальцов.

[8] Александр Сергеевич Грибоедов (1794—1829) был убит в Тегеране 29 января 1829 г.

№№ 33—34. Н. Н. ГОНЧАРОВА — А. Н. ГОНЧАРОВУ

Сего 2 маия, 1830 года.

Любезный Дедушка.

Позвольте принесть вам мою усерднейшую благодарность за вновь оказанное вами мне благодеяние. Никогда не сомневалась, любезный Дедушка, в вашем добром ко мне расположении и сей новый знак вашей ко мне милости возбуждает во мне живейшую признательность. Для дополнения щастия моего остается мне только, любезный Дедушка, просить Вас о Вашем родительском благословении. Смею льстить себя надеждой, что вы и впредь сохраните мне доброе ваше расположение и не лишите меня милостей, коими до сих пор пользовалась.

При сем целую ручки Ваши и честь имею пребыть с искренним почтением покорная внучка ваша

Наталья Гончарова.

Письмо написано на листе (четыре страницы) почтовой белой бумаги малого формата. Исписаны две страницы.

6 апреля 1830 г. Пушкин сделал Наталье Николаевне Гончаровой предложение, которое на этот раз было принято. Вероятно вскоре после этого Наталья Ивановна, а также и Наталья Николаевна известили об этом событии главу семьи — Афанасия Николаевича. В ответ на это последний в письме благословил внучку и обещал выделить ей часть из своего имения. В ответ на это неизвестное нам письмо Афанасия Николаевича Гончарова Наталья Николаевна и написала публикуемое письмо. На другой день Пушкин со своей стороны писал деду жены: «С чувством сердечного благоговения обращаюсь в Вам, как главе семейства, которому отныне принадлежу. Благословив Наталью Николаевну, благословили Вы и меня. Вам обязан я более нежели жизнью. Щастие Вашей внуки будет священная единственная моя цель и все, чем могу воздать Вам за Ваше благодеяние»[1]. Под «благодеянием» в письме Натальи Николаевны и Пушкина разумеется конечно обещание деда выделить часть его имения. Последнее было часть села Катунки, Нижегородской губернии, приобретенное Афанасием Абрамовичем Гончаровым с торгов у кн. Одоевской в 1770 г. В 1830 г. в нем было 847 десятин земли и оно было разделено на три части «...в первую входило 280 душ, во вторую 284, в третью 281. Эта то последняя часть с деревней Верхней Полянкой и предназначалась дедом Наталье Николаевне»[2].

Из примечаний к письму Пушкина от 25 апреля 1831 г. к А. Н. Гончарову видно, каков получился реальный результат этого «благодеяния».

[1] МПП II, стр. 88.

[2] Ассонов, В. И., Пушкин и Полотняный Завод. — «Известия Калужской ученой архивной комиссии», Калуга, 1911, вып. XXI, стр. 37.

Сего 5 майя 1830 года.

Любезный Дедушка!

Узнав чрез Золотарева сомнения ваши, спешу опровергнуть оныя и уверить вас, что все то, что сделала Маминька, было согласно с моими чувствами и желаниями. Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые вам о нем внушают, и умоляю вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета. В надежде, любезный Дедушка, что все ваши сомнения исчезнут при получении сего письма и что вы согласитесь составить мое щастие, целую ручки ваши и остаюсь на всегда покорная внучка ваша

Наталья Гончарова.

Письмо написано на листе (четыре страницы) белой почтовой бумаги малого формата. Исписаны две страницы. Третья и четвертая страницы прорваны очевидно сургучной печатью.

Полюбив Пушкина и дав 6 апреля 1830 г. согласие выйти за него замуж, Наталье Николаевне пришлось бороться с тем противодействием, которое это

решение встретило в ее семье. Н. П. Озерова, видевшая Пушкина и Наталью Николаевну 3 мая 1830 г., писала в письме: «Утверждают, что Гончарова-мать сильно противилась браку своей дочери, но что молодая девушка ее склонила» [1].

Как видно из публикуемого письма, кто-то восстанавливал против Пушкина и деда. Однако Афанасий Николаевич согласился на брак и 6 мая 1830 г. состоялась помолвка Пушкина с Натальей Николаевной.

[1] ПСВ, XXXVII, стр. 152—153.

№ 35. Д. Н. ГОНЧАРОВ — А. Н. ГОНЧАРОВУ *

24-го апреля 1831. С. Петербург.

Любезнейший Дедушка!

Вчерашний день, то-есть 23-го Апреля, Милостивое письмо Ваше от 10-го сего же месяца имел я честь получить, а при оном 1000 рублей ассигнациями, за которые приношу Вам сердечную мою благодарность.

На упреки Ваши я полагаю, что последнее мое письмо послужит мне в оправдание в том, что я делал с моей стороны все возможное, чтобы приступить к Вашему делу по мере сил моих и малой опытности моей в ходатайстве по таковому роду дел. Неоднократно приставал я к тетушке [1], которая и говорила о том с Виктором Павловичем [2], но и он по сему предмету никакого влияния не имеет. Сам Николай Андреевич [3], свидетель всех затруднений, которые беспрерывно представляются нашему брату, чтобы иметь прямой доступ к сим господам. Уже кажется нельзя вернее найти дорогу, как той, по которой он начал действовать, а именно чрез бывшего своего сослуживца г. Княжевича [4], брата Директора Канцелярии [5] у Министра финансов; но обещают много, а откладывают завтра, да завтра. Впрочем надеемся на данное нам обещание об заготовлении просьбы, писанной двояким образом в самом том смысле, в коем следует оную представить для вернейшего успеха, и тогда за Вашею подписью уже и препроводить оную, куда следует.

Я же сам вникаю в важность сего дела и в виду имею только личное Ваше спокойствие, Любезнейший Дедушка, но что мне делать, куда не повернется, везде неудача? С моей же стороны слишком было бы неблагодарно, если бы я не воспользовался сим случаем, чтобы с успехом исполнить Ваши поручения, после всего, что Вы жертвовали на наше воспитание и содержание; но не всегда старания наши бывают удачны.

Что же касается до сердечных обстоятельств нашего дома, я с тех пор, как выехал из Москвы, ничего не знаю, ибо я получал раза три письма от Маминьки, но особенного она мне ничего не пишет и что там у них делается ничего не знаю. Я даже не извещен и о предстоящем отъезде наших молодых [6] из Москвы, о чем впрочем я уведомлен только с воскресения чрез отца Александра Сергеевича [7], с коим я иногда видаюсь. Впрочем что происходилось при мне в доме, о том я не полагал нужным утруждать Вас, ибо кроме свадебных обстоятельств интересного ничего у нас не случалось; все то же единообразие в жизни, коему я уже давно привык и которое Вам также известно.

О Ване никаких известий не имею, и вообще многие жалуются о прекращении или неаккуратности корреспонденций с Армиею; наднях намереваюсь писать к брату.

Голынских [8] видаю довольно часто; об них писал я к Вам третьяго дни. В добавок скажу только, что идет у них очень неладно;

один хочет то, другой другое, между опекунами также согласие небольшое; одним словом анархия у них в доме.

Насчет службы моей скажу Вам, Любезнейший Дедушка, что я состою теперь при Азиятском Департаменте и считаю себя счастливым служить под начальством Г. Родофиникина [9], человека отличных достоинств и имеющего большого весу.

Надеясь в скором времени выехать в отпуск, я с нетерпением ожидаю минуту свидания с Вами, особенно имея много о чем Вам говорить, ибо бумаге всего доверять нельзя. Прощайте, дражайший Дедушка, целую Ваши ручки и остаюсь навеки с истинным почтением и неограниченною преданностию Вашим покорнейшим внуком.

Д. Гончаров.

Письмо написано на листе (четыре страницы) белой почтовой бумаги большого формата с водяным знаком «А Г 1830». Исписано четыре страницы.

[1] Екатерина Ивановна Загряжская (1779—1842), сестра Н. И. Гончаровой, фрейлина имп. Елизаветы Алексеевны.

[2] Князь Виктор Павлович Кочубей (1768—1834), государственный деятель, с 1827 г. председатель Государственного совета и Комитета министров. Был женат на М. В. Васильчиковой, племяннице и воспитаннице Натальи Кирилловны Загряжской, тетки Натальи Ивановны Гончаровой.

[3] Н. А. Долгоруков. См. прим. к письму Д. Н. Гончарова от 16 сентября 1829 г.

[4] Вероятно Дмитрий Максимович Княжевич (1788—1842), государственный деятель. В 1831 г. — директор департамента государственного казначейства. Может быть его брат, Владислав Максимович Княжевич (1798—1873).

[5] Александр Максимович Княжевич (1792—1872), государственный деятель. С 1831 г. по 1844 г. был директором канцелярии министра финансов. С 1852 г. по 1862 г. — министр финансов.

[6] А. С. и Н. Н. Пушкиных.

[7] Сергей Львович Пушкин.

[8] Голынские — дети Любовь Ивановны Голынской (1794—1822), рожд. Гончаровой, двоюродной сестры Афанасия Николаевича: Иван (ум. 1899 г.), Елизавета (1817—1877) и Прасковья (1822—1892). Вероятно отца их, тайного советника Михаила Голынского, к этому времени не было в живых, поэтому Дмитрий Николаевич и упоминает об опекунах и анархии в их доме.

[9] Константин Константинович Родофиникин (1760—1838), дипломат, с 1819 г. по 1837 г. — директор Азиатского департамента коллегии иностранных дел.

№ 36. А. С. ПУШКИН — А. Н. ГОНЧАРОВУ

Милостивый Государь
Дедушка [1] Афанасий Николаевич,

Приношу Вам искреннюю мою благодарность за прием моего поверенного и за письмо, драгоценный знак Вашего ко мне благорасположения. Будьте уверены в беспрекословном согласии моем на все, что будет удобнее для Вас. Мне не льзя было принять доверенности одной, ибо чрез то долги и недоимки могли увеличиться, и имение могло быть наконец совершенно потеряно. Если Вам угодно вместо 300 обещанных душ дать покаместь Наталье Николаевне доверенность на получение доходов с оных и заемное письмо, с условием, что при жизни Вашей оставалось оное заемное письмо недействительным. (Дай бог чтоб оно и долее оставалось таковым!) В таком случае Вексель должен быть дан от крепостных дел, на столько сот тысяч рублей сколько вы желаете дать душ крестьянских, для того, чтобы при конкурсе кредиторов действительно достались бы 300 душ, а не в десятеро менее. Таковые векселя с таковым же условием[2] Вы безо всякаго опасения могли бы дать и прочим Вашим внукам, а доверенность на управление в случае только их замужества.

Надеюсь, что Вы не будете гневаться на меня за мою откровенность. Во всяком случае ожидаю разрешения Вашего и имею щастие с чувством глубочайшаго почтения и преданности остаться

Милостивый Государь Дедушка
Вашим покорнейшим
слугой[3] и внуком
Александр Пушкин

25 апреля [1831 г.]

Лист (четыре страницы) почтовой бумаги большого формата с водяным знаком: «А Г 1830». Исписаны три страницы. Год написания письма определяется содержанием. Впервые напечатано А. В. Срединым (с пропуском слов и с ошибками) в журнале «Старые Годы» 1910, июль—сентябрь, стр. 104, откуда перепечатано в Ак. П. III, стр. 469.

18 февраля 1831 г. состоялась наконец так долго откладывавшаяся свадьба Пушкина с Натальей Николаевной, свадьба, все расходы по которой, вопреки обычаям, жених взял всецело на себя. Родня невесты не торопилась с приданым. 24 февраля 1831 г., извещая деда о состоявшейся свадьбе, Пушкин писал: «Дмитрий Николаевич сказывал мне, что вы все еще тревожитесь насчет приданого; моя усиленная просьба состоит в том, чтобы вы не расстроивали для нас уже расстроенного имения, мы же в состоянии ждать». Поэт мало надеялся на обещания Афанасия Николаевича: «На мою тещу и деда жены моей надеяться плохо, частию от того, что их дела расстроены, частию от того, что на слова надеяться не должно», писал он Плетневу 26 марта 1831 г. «По крайней мере с своей стороны я поступил честно и более нежели бескорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь, ибо женка моя прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что я должен был сделать». Повидимому вопрос о приданом, который одно время был препятствием к браку с Натальей Николаевной, теперь потерял для Пушкина свою остроту и он в недошедшем до нас письме (от первых чисел апреля) к Афанасию Николаевичу, посвященному вопросу о браке Александры Николаевны с А. Ю. Поливановым, лишь между прочим, надо думать, коснулся и щекотливой темы о приданом.

Публикуемое письмо Пушкина является ответом на письмо Афанасия Николаевича от 9 апреля 1831 г., в котором последний писал: «Сейчас получил письмо ваше, спешу вам на то моим ответом. Как я сказал, что нижегородское имение отдаю трем моим внукам, Катерине, Александре и Наталье, так и ныне подтверждаю то же. Паче ваш доверенный может иметь способ совершить сию крепость, с большим моим удовольствием соглашаюсь на то, прося вас покорнейше дать случай мне (чем скорей, тем лучше) видеться с ним и устроить сие дело к окончанию. Проезд его мне и возвращение есть мое дело, следовательно, сие и озабочивать его не должно... Сверх же того, аще обстоятельства мои поправятся и дела примут лучший оборот, не откажусь сделать всем им трем прибавку и пособие... Отъезд ваш в Петербург может опять надолго нерешенным оставить обстоятельства, мною вышеописанные. Прошу вас покорнейше известить меня, когда думаете оттуда возвратиться и могу ли я иметь удовольствие в мае или июне личное иметь с вами свидание, чего буду ожидать от вас из Москвы прежде выезда вашего»[4].

В архиве Гончаровых хранились два черновика дарственной записи на имя Натальи Николаевны, записка о том же от А. Н. Гончарова в Опекунский совет, доверенность в виде письма на имя Григория Козьмина, вероятно приказчика Афанасия Николаевича, — все документы о выделении Наталье Николаевне части из села Катунки, Нижегородской губ.[5]. Это приданое по расчету того времени представляло не малую сумму в 112 400 руб. асс. (считая по 400 руб. за душу), но на нем тяготел громадный долг Опекунскому совету в 185 691 руб. Между тем непременным условием было, чтобы все долги, числящиеся на имении, перешли также и на часть Натальи Николаевны. Таким образом, если вычесть из этой суммы приданого третью часть долга казне, лежащего на всем имении, т. е. 61 897 руб., то окажется, что дед давал внучке 50 503 руб. асс. 21 сентября 1835 г. Пушкин писал жене, что у них «верного расхода 30 000» в год. Следовательно Наталья Николаевна получала немногим более полуторагодового прожиточного минимума их семьи.

И такое небольшое приданое в виду стесненных материальных обстоятельств Пушкина было для него не безразлично. Но повидимому при выделении Наталье Николаевне приданого из своего родового поместья дед столкнулся с препятствиями формального порядка: жив был отец Натальи Николаевны, прямой наследник после Афанасия Николаевича, и дети при его жизни не имели права получать какую-то долю гончаровских имений. В апреле 1831 г., к мо-

менту, к которому относится публикуемое письмо Пушкина, дедушка знал уже о затруднениях при совершении крепости на имение, но может быть надеялся, что поверенный Пушкина, вероятно какой-нибудь ходатай по делам, сумеет как-нибудь устроить дело. Афанасий Николаевич даже торопил с выяснением этого вопроса. Как видно из письма Пушкина от 25 апреля 1831 г., поверенный был у дедушки и вероятно вернулся, снабженный письмом деда с предложением Пушкину взять на себя управление нижегородским имением и пользоваться доходами с оного. Таким путем дед надеялся, не выделяя внучке части имения, чего он не мог сделать по закону, все же как-то обеспечить ее. Но Пушкину нужна была не доверенность на управление заложенным имением, а деньги или хотя бы заемное письмо, дававшее возможность в будущем получить известную сумму, о чем поэт откровенно и написал Афанасию Николаевичу. Последний, как видно, согласился на предложение Пушкина.

В архиве Гончаровых был документ, местонахождение которого ныне неизвестно, опубликованный Ассоновым в его статье «Пушкин и Полотняный Завод»[6]. Это — черновик заемного письма, которое должна была дать Наталья Николаевна своему деду. Текст, опубликованный Ассоновым, читается так:

«1831 года Майя дня.

Мы нижеподписавшиеся, надворный советник и кавалер Афанасий Николаевич сын Гончаров и из дворян 10 класса Наталья Николаевна Пушкина, заключили сие условие:

1-е. Я, А. Гончаров, занял у нее, Н. Пушкиной, денег государственными ассигнациями... рубл.[7], в чем и дал ей от крепостных дел заемное письмо, писанное и совершенное сего мая дня в Медынском уездном суде...

2-е. Я, Пушкина, получила означенную доверенность во управление мое его, Гончарова, имение, обязываюсь вышеизъясненное письмо при жизни его, Гончарова, никуда ко взысканию не предъявлять и никому не передавать, разве в таком случае, ежели какое государственное место вызывать будет его, Гончарова, кредиторов...

3-е. Если означенный Гончаров, который дед мой родной, кончит жизнь его (чего боже сохрани) прежде заплаты мне по отписанному заемному письму денег, то я должна сие условие сохранить свято и ненарушимо с его сыном, а моим отцом к. а. Н. А. Гончаровым, который есть единственный после его наследник».

По словам Ассонова, на черновике имелись следующие интересные рассуждения Афанасия Николаевича: после слов черновика заемного письма: «единственный после него наследник» Афанасий Николаевич приписал: «Вот тут претковение, ибо он наследник, без него ничего не вступает во владение, ни уничтожается опека, п. ч. дети его при жизни его не могут вступать во владение, чего я прежде не догадался. Стало один конец — дать ей заемное письмо». А. В. Средин в статье своей «Полотняный Завод» приводит текст реверса, данного Натальей Николаевной Пушкиной деду: «Я нижеподписавшаяся из дворян 10 класса Наталья Николаевна дочь Пушкина дала сей реверс надворному советнику Афанасию Николаевичу Гончарову в том, что по заемному письму данному мне им сроком на один год обязуюсь я, Наталья Пушкина, не токмо по истечении сего срока, но даже до конца жизни его, г. Гончарова, сие заемное письмо никому не передавать в помянутой суммы денег, а также и на оную процентов нисколько не взыскивать, равно обязуюсь при жизни его, г. Гончарова, сие заемное письмо никому не передавать, в противном случае волен он, г. Гончаров, просить о поступлении со мною по законам и денег нисколько не платить. По кончине же г. Гончарова расположусь так, как сама заблагорассужу»[8].

Дело на этом и остановилось. Во второй половине июня 1831 г. поэт писал П. В. Нащокину: «О делах жены моей не имею никаких известий. И дедушка, и теща отмалчиваются и рады, что бог послал их Ташиньке муженька такого смирного[9]. Пушкин уже убедился, что приданого от Гончаровых ждать нечего, и примирился с этой мыслью. 26 июня 1831 г. он писал своей теще из Царского Села: «При моем отъезде из Москвы вы не сочли нужным говорить со мной о делах... Я не говорю о том, что предполагалось сделать в отношении Натали; это меня не касается, и я никогда об этом не думал, несмотря на мою жадность. Я разумею 11 000 рублей, которые я дал взаймы». Незлобивость Пушкина, его бескорыстие в материальных вопросах очень ярко сказались в этой истории с деньгами, которые Пушкин дал теще на свадьбу. «Дедушка ни гу-гу», сообщает он П. В. Нащокину 3 сентября 1831 г. Ему же 22 октября 1831 г.: «Дедушка свинья: он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 и ничего своей внучке не дает».

К сожалению мы располагаем немногими данными и не можем точно сказать, как и чем кончился вопрос с деньгами, которые Гончаровы должны были Пушкину. «К деду твоему явиться я не намерен», сообщает Пушкин жене в середине декабря 1831 г.[10] 8 сентября 1832 г. дедушка умер. Управление делами

Гончаровых перешло к Дмитрию Николаевичу. Вероятно в виде уплаты долга Гончаровы предложили Пушкину бронзовую статую Екатерины II, которую дед через Пушкина уже неоднократно пытался продать. «Мою статую еще я не продал, но продам во что бы то ни стало», писал Пушкин П. В. Нащокину 2 декабря 1832 г., впервые прилагая к статуе местоимение «моя». За сколько продал Пушкин статую и когда — нам неизвестно. Вероятно это было все, что поэт получил от родных своей жены. Впрочем за период 1832—1836 гг. Наталья Николаевна получила от брата, управлявшего имениями Гончаровых, как сонаследница неразделенных имений — 6 288 руб. 9 коп.[11] и в 1837 г. еще 1 597 руб. 27½ коп.[12].

[1] Вписано позднее.
[2] Слова: с таковым же условием — вписаны позднее.
[3] Написано: слугом.
[4] Ак.П II, стр. 234.
[5] Местонахождение этих документов в настоящее время неизвестно. См. В. Ассонов «Пушкин и Полотняный Завод». — «Изв. Кал. Арх. Ком.», вып. XXI, стр. 37—39 и А. Средин, «Полотняный Завод». — «Старые Годы» 1910, VII—IX, стр. 101—102.
[6] Ассонов В., Пушкин и Полотняный Завод, стр. 41—42.
[7] Пропуск в подлиннике.
[8] Средин А. В., Полотняный Завод, стр. 114.
[9] Ак.П. II, стр. 255.
[10] Ак.П. II, стр. 255.
[11] Нечаева В., Из Гончаровского архива. — «Московский Пушкинист». М., 1930, стр. 114.
[12] Там же, стр. 115.

№ 37. Н. Н. ПУШКИНА— А. Н. ГОНЧАРОВУ

Tres cher Grand-Papa!

Je vous demande bien pardon de vous écrire en Francois, mais comme j'ai quelques détails á vous donner, je saurois beaucoup mieux, m'exprimer en cette langue qu'en Russe. Je viens à l'instant même de chez la C^tes^ Kotchoubey,[1] qui m'a comblé de bonté, m'a beaucoup demandé des nouvelles de toute ma famille et a fini par m'offrir ses services en cas que j'en ai besoin. Elle a été chargée de la part de l'Imperatrice de me dire que Sa Majesté desiroit me voir et qu'elle me fixeroit le jour. Ayant témoigné à la Comtesse mon embarras de venir toute seule à la cour, elle a eu la complaisance de me dire qu'elle feroit son possible de me présenter elle-même. Je ne puis maintenant me promener tranquillement au jardin, car j'ai appris d'une des demoiselle d'honneur[2] que leurs Majestés vouloient savoir l'heure à laquelle je me promenois, afin de me rencontrer[3]; aussi ai-je choisi les lieux les plus isolés.

Tsarskoie село est cerné maintenant de tout coté, car le Cholera est à Pétersbourg,[4] il y a fait d'affreux ravages. Ce n'est pas la populace seule qui en a été atteinte, quelques personnes du plus haut rang en ont été victimes[5] de ce nombre sont: le Cte Stanislas Pototsky,[6] le Cte Langeron,[7] la vielle Cte Zavodovsky[8] et la P^ces^ Kourakine,[9] Перовский[10] et le Medecin Moudroff[11], enfin quantité d'autres mais dont je ne me rappelle pas les noms. Il y a eu de même en ville plusieurs emeutes au sujet des quarantaines et de prétendus empoisonnements, on a été obligé de tirer sur la populace dont il y a eu près de 13,000 hommes restés sur place à ce qu'on prétend mais, comme on a toujours la rage d'augmenter, il faut espérer qu'il n'y en a pas eu la moitié autant[12]. On a de même dit qu'il y a eu six échafauds de dressé pour pendre, au dire du peuple, les médecins qu'il qualifie d'empoisonneurs, mais les personnes sensés assurent que c'est pour les perturbateurs du repos public.[13] Maintenant Dieu merci tout est tranquille et le Cholera à visiblement diminué.

Les parents de mon mari qui sont a Pawlowsky, viennent d'éprouver

un bien grand désagrément:[14] ma belle-soeur[15] qui est restée en ville, inquiete de ne pas recevoir de leurs nouvelles, se met en chemin, et en faisant 50 verstes de détours, elle trouve le moyen d'arriver chez eux, sans subir les quarantaines; mais à peine est-elle établie, que la police qui l'apprend, vient la chercher pour la faire retourner. Après l'avoir expédiée elle cerne la maison de mon beau-père pour 14 jours; en voilà déjà dix et Vendredi est le jour de leur délivrance. Nous avons été les voir et leur parler par la fenêtre.

J'ai eu dernièrement des nouvelles de Vanitchka par Melle Rossety[16], demoiselle d'honneur, et dont le frère[17] est de même à l'armée. Elle m'a donc dit, qu'il y a eu beaucoup d'officiers du régiment de lancier blessé, mais que lui n'étoit pas du nombre[18]. Il faut espérer que cette malheureuse guerre sera bientôt terminée. Il a couru bruit l'un de ces jours que Varsovie étoit prise[19], mais cette nouvelle ne s'est point encore accréditée; ce qui est sûre c'est qu'il y a une victoire de remportée. Vous avez déjà dû apprendre par la Gazette la mort du Grand-Duc Constantin[20], on dit qu'il étoit devenu fou peu de temps avant sa fin.

Donnez moi, je vous supplie, chère Grand-Papa, des nouvelles sur votre santé; mes soeurs me disent qu'elle s'amusent beaucoup chez vous. Tout en vous priant de me conserver vos bontés ainsi qu'à mon mari qui vous présente ses respects, je vous baise tendrement les mains, et j'ai l'honneur d'être votre toute devouée petite fille

Natalie Pouchkine.

Ce 13 Juillet 1831.

Перевод:

Любезный Дедушка!

Извините, что пишу Вам по-французски; мне нужно сообщить Вам некоторые подробности, а изъясняться на этом языке мне легче, нежели по-русски. Я только что от княгини Кочубей[1], которая была очень добра ко мне, расспрашивала много про мою семью и кончила тем, что предложила свои услуги, если они мне понадобятся. Ей поручено императрицей передать мне, что ее величество желает меня видеть и назначит для этого день. Я выразила княгине свое смущение, как мне явиться ко двору одной; она была так добра, что хотела сделать все возможное, чтобы самой меня представить. Я не могу спокойно прогуливаться по саду, так как узнала от одной из фрейлин[2], что их величества желали узнать час, в который я гуляю, чтобы меня встретить[3]. Поэтому я и выбираю самые уединенные места.

Царское Село оцеплено со всех сторон, потому что холера в Петербурге[4] и производит там ужасные опустошения. Заражается ею не только простой народ; несколько лиц, занимающих самое высокое положение, стали ее жертвой[5], в том числе кн. Станислав Потоцкий[6], гр. Ланжерон[7], старая графиня Завадовская[8] и кн. Куракин[9], Перовский[10] и доктор Мудров[11], а также множество других, имена которых я не помню. В городе было несколько бунтов из-за карантинов и предполагаемых отравлений. Пришлось стрелять в народ. Говорят, что было убито около 13 000 человек, но так как обыкновенно очень сильно преувеличивают, то надо думать, что это и наполовину неверно[12]. Говорят также, что было воздвигнуто шесть виселиц, по слухам среди народа — для докторов, которых он называет отравителями, люди же здравомыслящие говорят, что это для нарушителей общественного спокойствия[13]. Сейчас слава Богу все спокойно и холера видимо идет на убыль.

Родители моего мужа, живущие в Павловске, пережили большую неприятность[14]. Моя золовка[15] оставалась в городе. Не имея от них никаких известий и беспокоясь, она пустилась в путь и, сделав 50 верст крюку, приехала к ним, не подвергаясь карантинам. Но как только она прибыла, об этом узнает полиция и является, чтобы вернуть ее обратно. Отправив ее, полиция оцепила дом моего свекра на 14 дней. Прошло уже десять дней и в пятницу их освободят совсем. Мы ходили их навещать и говорили с ними через окно.

Я имела недавно сведения о Ваничке через г-жу Росетти[16], фрейлину, брат[17] которой тоже в армии. Она мне сказала, что многие офицеры уланского полка ранены, но что его нет в том числе[18]. Надо надеяться, что эта несчастная война скоро окончится. На днях прошел слух, что Варшава взята[19], но это еще не подтвердилось. Несомненно, что одержана какая-то победа. Вы должно быть уже знаете из газет о смерти в. к. Константина[20]. Говорят, что незадолго до смерти он сошел с ума.

А. С. ПУШКИН
Рисунок карандашом Ж. Вивьена, 1826 г.
Государственный Литературный Музей, Москва

Любезный дедушка, известите меня пожалуйста о Вашем здоровье. Сестры пишут, что они очень у Вас веселятся.

Прошу Вас сохранить доброе расположение ко мне и к моему мужу, который свидетельствует Вам свое почтение. Нежно целую Ваши ручки.

Имею честь быть Вашей преданной внучкой.

Н. Пушкина.

Письмо написано на листе (четыре страницы) почтовой белой бумаги большого формата, с водяным знаком: «АГ 1829 г.» Исписаны четыре страницы.

[1] Княгиня Мария Васильевна Кочубей (1779—1844), рожд. Васильчикова, жена кн. В. П. Кочубей, о котором см. прим. 2 к письму Д. Н. Гончарова от 24 апреля 1831 г. Пушкин бывал в доме у Кочубеев, где жила воспитавшая М. В. Кочубей тетка ее и Н. И. Гончаровой — Наталья Кирилловна Загряжская.

[2] Вероятно А. О. Россет. См. прим. 16 к этому же письму.

[3] О. С. Павлищева писала своему мужу Н. И. Павлищеву по-французски 15 августа 1831 г.: «Моя невестка — очаровательна. Она вызывает удивление в Царском и императрица хочет, чтобы она была при дворе. Она от этого в отчаянии, потому что неглупа. Я не то хотела сказать, хотя она вовсе не глупа, она немножко робка, но это пройдет и она, красивая, молодая и любезная женщина, поладит и со двором, и с императрицей» (ПСВ, XV, стр. 83) 4 сентября того же года О. С. Павлищева извещала мужа: «Она была представлена императрице, которая от нее в восхищении» (ПСВ, XV, стр. 89).

[4] Холера началась в Петербурге 14 июня 1831 г., кончилась во второй половине сентября. Пушкин писал Нащокину во второй половине июня: «Здесь холера, т. е. в Петербурге, а Царское Село оцеплено — так, как при королевских дворах, бывало, за шалости принца секли его пажа» (Ак.П II, стр. 255).

[5] Пушкин писал Н. Н. Гончаровой 11 октября 1830 г.: «Молодая женщина из Константинополя говорила мне когда-то, что только la canaille умирает от холеры. Все это прекрасно и превосходно, но все же нужно, чтобы порядочные люди принимали меры предосторожности, т. к. именно это спасает их, а вовсе не их элегантность и не их хороший тон».

[6] Граф Станислав Станиславович Потоцкий (1788 ? — 3 июля 1831), церемониймейстер двора. Николай I писал гр. Паскевичу 4 июля 1831 г. из Петербурга: «Потерял я также бедного графа Потоцкого, которого любил и уважал, как друга, но сей не от холеры, а от камня в печени».

[7] Граф Александр Федорович Ланжерон (1763 — 4 июля 1831), французский эмигрант, в русской службе — генерал-от-инфантерии. Был генерал губернатором Новороссийского края. Пушкин познакомился с Ланжероном в 1823 г. в Одессе, когда Ланжерон был уже в отставке. Ланжерон давал Пушкину читать письма к нему Александра I и написанную им, Ланжероном, трагедию, которую Пушкин так и не удосужился прочесть и принужден был хитрить и изворачиваться, когда Ланжерон спросил его мнение (Кн. П. А. Вяземский. «Сочинения», т. VIII, стр. 58). Ланжерон упоминается в письме Пушкина к Вяземскому от 14 октября 1823 г. и в «Дневнике» Пушкина, запись под 21 мая 1834 г.

[8] Гр. Елизавета Павловна Завадовская, жена генерал-майора (1763 — 24 июня 1831).

[9] Кн. Наталья Ивановна Куракина (1768—2 июля 1831), рожд. Головина, жена кн. Алексея Борисовича Куракина (1759—1829), канцлера российских орденов, действительного тайного советника, бывшего при Павле I генерал-прокурором, при Александре I министром внутренних дел.

[10] Слух о смерти Перовского оказался ложным.

[11] Матвей Яковлевич Мудров (1772 — 8 июля 1831), профессор медицины Московского университета. К. Я. Булгаков писал из Петербурга своему брату А. Я. Булгакову в Москву 9 июля 1831 г.: «Доктор Мудров вчера умер холерою. Третьего дня он еще был в Комитете, приехав домой занемог и богу душу отдал» (РА 1903, III, стр. 566).

[12] 21, 22 и 23 июня 1832 г. в Петербурге на Сенной площади происходили так называемые холерные бунты: под влиянием слухов о том, что доктора отравляют людей и забирают в больницы здоровых, собравшаяся многочисленная толпа разбила больницу и умертвила несколько человек из медицинского персонала. Однако все очевидцы этих событий подчеркивают полное отсутствие войск и растерянность и беспомощность начальства. Малочисленные гарнизонные патрули, бывшие на Сенной, не только не могли, но и не пытались активно бороться с толпой. Слух о 13 000 убитых был совершенно неверен.

[13] Точно так же неверны были слухи о виселицах, воздвигнутых в Петербурге. Задержанные по делу о холерных беспорядках препровождались полицией в Петропавловскую крепость. Дознание над ними производил обер-полицмейстер, в особо важных случаях — высочайше утвержденная следственная комиссия. Приговоры выносились Санктпетербургской уголовной палатой, разбиравшей эти дела уже в 1832 г., и Сенатом. Виновных приговаривали к 15—25

ударам плетей, некоторых после этого освобождали, других препровождали к месту жительства, в провинцию.

[14] Павловск — городок Петербургской губернии в нескольких верстах от Царского Села. 3 июля 1831 г. Пушкин писал кн. П. А. Вяземскому: «Отец мой горюет у меня в соседстве в Павловском; вообще довольно скучно».

[15] Ольга Сергеевна Павлищева (1797—1868), сестра Пушкина, с 1828 г. замужем за Н. И. Павлищевым. Об инциденте с Ольгой Сергеевной Пушкин упоминает в письме к П. А. Осиповой от 19 июля 1831 г. Приводим отрывок из этого письма в переводе на русский язык: «Я сам отвез ваши письма в Павловск, умирая от желания узнать их содержание, но матери моей не было дома. Вы знаете, что с ними случилось: приключение Ольги, карантин и т. д. Все уже кончилось, слава богу. Мои родители освобождены из-под ареста, холеры можно не бояться».

[16] Александра Осиповна Россетти (1809—1882), с марта 1826 г. — фрейлина императрицы Марии Федоровны, а затем Александры Федоровны. В январе 1832 г. вышла замуж за Н. М. Смирнова.

[17] Аркадий Осипович Россетт (1811—1881) принимал участие в подавлении польского восстания 1831 г. За участие в сражении под Остроленкою 14 мая 1831 г. был награжден золотой саблей «за храбрость».

[18] Вскоре после битвы при Остроленке И. Н. Гончаров, бывший тогда корнетом лейб-уланского полка, послан был генералом, под начальством которого служил, доставить пакет корпусному генералу. Это было под Августовым, близ Гродно. Полагаясь на слова местных жителей, что дорога свободна от неприятеля, Гончаров не принял никаких мер предосторожности и поехал, имея при себе всего два взвода солдат. Они попали в засаду. Единственным спасением было немедленное бегство, так как поляки были пешие, а уланы на конях. Поляки осыпали русских градом пуль и убили под одним из улан лошадь. Несмотря на опасность, Гончаров остановил своего коня, посадил казака на свое седло и только тогда ускакал вместе с ним (См. об этом «Спасение за спасение. (Рассказ офицера)». — «Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений». СПБ., 1836, № 5—8, стр. 421—428).

[19] Слух о взятии Варшавы оказался преждевременным. Варшава была взята 28 августа 1831 г.

[20] Великий князь Константин Павлович, бежавший из Варшавы, умер от холеры в Витебске 15 июня 1831 г.

№№ 38—39. С. Н. ГОНЧАРОВ — А. Н. ГОНЧАРОВУ

Сего 21-го марта 1832-го года С. Петербург.

Любезный Дединька!

Спешу уведомить вас о вступлении моем в службу, которое должно воспоследовать на сих днях [1]. Вы верно помните, любезный Дединька, что в день отъезда вашего мне надлежало явиться к Бибикову [2], что я и сделал, но он был занят и приказал мне приехать к нему на дом. На другой день я опять у него был, но не застал дома, и дней пять к нему проездил понапрасну. Наконец пять дней тому назад я застал его и он повез представить генералу Клейнмихелю [3]. По приезде домой написали просьбу и он послал оную в Главный штаб е. в. Теперь я ожидаю на оную решения, которое должно непременно воспоследовать на сих днях. Я заказал уже мундир и надеюсь сделаться солдатом через неделю. Впрочем я заболтался о своей службе и забыл узнать о том, что для меня гораздо дороже оной, то-есть о вашем здоровьи и о приезде вашем до Завода. Надеюсь, что вы теперь совершенно здоровы и что мы через несколько времени будем иметь щастие вас видеть опять в Петербурге. Я думаю, что Ваня тоже скоро сюда отправится, да пожалуйста, любезный Дединька, побраните сестер, что они мне не пишут.

Осмелюсь обеспокоить вас, любезный Дединька, на щет того, что вы мне изволили обещать, ибо мне прийдется заплатить на днях рублей 300 за обмундировку и после того я останусь в весьма затруднительном положении. Надеюсь на ваше ко мне благорасположение, целую ручки ваши и остаюсь, любезный Дединька, ваш покорный внук

С. Гончаров

Письмо написано на листе (четыре страницы) почтовой белой бумаги малого формата, с водяным знаком «А Г 1829 г.». Исписаны четыре страницы.

[1] 16 апреля 1832 г. Сергей Николаевич Гончаров был зачислен унтер-офицером в Киевский гренадерский полк.

[2] Илья Гаврилович Бибиков (1794—1867), генерал-от-артиллерии, в 1832 г. состоял при генерал-фельдцейхмейстере в. к. Михаиле Павловиче.

[3] Петр Андреевич Клейнмихель (1793—1869), граф, генерал-адъютант, сподвижник Аракчеева. В 1832 г. был дежурным генералом Главного штаба его величества.

6 апреля 1832 г. С. Петербург.

Любезный Дединька!

Спешу поздравить вас с наступающим праздником и пожелать вам от искреннего сердца всякого благополучия и особенно хорошего здоровия. Ваня приехал сюда 1-го числа сего месяца и сказал мне, что я имел нещастие навлечь на себя гнев ваш, любезный Дединька, за неаккуратность мою вас уведомить о вступлении моем в службу. Но надеюсь, любезный Дединька, что вы в том меня извините, узнав следующие причины, которые впрочем, я вам уже изложил в первом письме моем. По отъезде вашем из Петербурга я пошел к Бибикову в Штаб. Он был занят и велел мне приехать к нему на дом на другой день, что я и сделал, но не застал его. Четыре дни сряду я к нему ездил и все без толку, наконец он меня принял, повез представлять генералу Клейнмихелю, который со мной очень хорошо обошелся. На другой же день спешил я, любезный Дединька, уведомить вас о том, и я не могу понять, каким образом вы еще не получили письмо мое. Позвольте также, любезный Дединька, просить у вас прощения за проступки, чрез которые я имел нещастие навлечь на себя гнев ваш. Именем бога прошу вас, любезный Дединька не лишайте меня вашего благорасположения, ибо ничто на свете мне так ужасно, как гнев родителей моих.

Вот уже четыре дня, что я нахожусь в действительной службе и хожу всякий день два раза на ученье.

Прощайте, любезный Дединька, целую ручки ваши и в надежде, что вы благосклонно примете прозьбу мою, остаюсь, любезный Дединька, покорный внук ваш

Сергей Гончаров.

Письмо написано на листе (четыре страницы) почтовой белой бумаги малого формата. Исписано три страницы.

№ 40. А. Н. и Е. Н. ГОНЧАРОВЫ — Д. Н. ГОНЧАРОВУ

Ce 19 Mai 1832. Теплуха.

Il y a bien longtemps, cher et bon ami Mitinka, que nous avons été privées du bonheur d'avoir de vos nouvelles, aussi votre lettre que nous avons reçue ici nous a fait bien du plaisir.

Vous devez déjà savoir que nous sommes chez les Kalitchitsky[1] depuis plus de 3 semaines et que nous y restons jusqu'au 15 de Juin.

Nous y avons été comme de raison bien reçues et nous passons notre temps très agréablement, et je pense avec peine au moment de notre départ.

Vous dites, cher ami, que Tacha prend de l'embonpoint, ce n'est pas difficile vu son état: nous devons bien nous attendre bientôt à avoir un petit neveu ou nièce [2]. Dites lui toujours qu'elle fait bien la paresseuse, comment ne pas nous écrire pendant si longtemps. Encore elle passe, vraiment on ne peut pas lui en vouloir vu sa position, mais ce Serge

qui nous laisse de même sans nous donner signe de vie! ah le vilain garçon! tirez lui bien les oreilles.

Grand-papa doit déjà être à Petersbourg et vous savez déjà sûrement comment vont ses affaires. Compte t'il prolonger son séjour à Petersbourg et combien de temps y restera-t-il? J'ai une demande à vous faire, cher frère, c'est de prier de ma part Grand-papa de vouloir bien faire la dépense d'une fausse tresse pour moi. Je vous envoye l'échantillon de mes cheveux, mais tâchez je vous en prie que la couleur en soit la même et qu'elle soit d'une bonne longueur et épaisseur. Encore s'il pouvait avoir la bonté de m'acheter de même un noeud d'Apollon ou bien ce qu'on porte maintenant, car si nous allons passer l'hiver à Moscou (ce qui n'est qu'un si) celà me sera d'une grande utilité, et là impossible de trouver des cheveux de la couleur des miens. Pardon, cher Mitinka, si je vous incommode pour si peu de choses, mais connoissant votre amitié pour moi, je ne doute pas du plaisir avec lequel vous me rendrez ce petit service.

Adieu, cher ami, il fait une telle chaleur que je n'en puis plus. Je vous embrasse donc et vous prie de penser à celle qui se dit à jamais votre sincère amie et soeur.

A. G.

Catinka Ka. vous fait dire bien des choses. Embrassez de ma part Tacha et nos frères.

Je veux de même vous dire quelques mots, cher frère, et j'espère surtout que Vous ne m'en voudrez pas de vous écrire si peu, mais je vous jure que je suis accablée de chaleur et que je n'ai pas la moindre force. Vous devez savoir que nous nous trouvons ici depuis près d'un mois, nous passons notre temps fort agréablement et paisiblement et ce n'est qu'avec un chagrin bien vif que je crains de voir arriver le 17 du mois prochain, moment fixé pour notre retour dans votre future principauté.[3] Chargez vous, cher frère, d'une prière auprès de Grand-Papa: je vous envoie l'échantillon de mes cheveux pour me faire l'achat de boucles qui sont infiniment meilleures que celles de Moscou et de même d'un noeud d'Apollon ou tout autre coiffure du jour. Catinka me prie de vous demander ce que coute une pièce de Tarmalama[4] et dans le cas que le prix leur convienne elle vous chargera d'écrire à Arzeronni[5] pour lui en faire venir. Dites à Jean de ne pas oublier notre commission pour les manteaux. Je l'embrasse bien tendrement de même que Serge, vous et Tacha.

Votre amie C. G.

Перевод:

Мы давно уже лишены были счастья знать что-нибудь о тебе любезный, добрый друг Митенька, так что твое письмо, полученное нами здесь, доставило нам большое удовольствие. Ты должно быть знаешь, что мы у Калечицких[1] уже более трех недель и проживем здесь до 15 июня. Встретили нас, конечно, хорошо, мы очень приятно проводим время и я с грустью думаю об отъезде. Ты говоришь, любезный друг, что Таша полнеет. В ее положении так и должно быть. Мы должны ждать в скором времени маленького племянника или племянницу[2]. Все-таки скажи ей, что она лентяйка, как не написать нам столько времени! Ей в виду ее положения еще простительно, на нее нельзя сердиться, но каков Серж, который также не подает никаких признаков жизни! Ах, скверный мальчишка, выдери его хорошенько за уши. Дедушка уже должен быть в Петербурге и ты наверное знаешь, как его дела. Хочет ли он остаться в Петербурге и на сколько времени? У меня к тебе просьба, любезный братец, попроси от меня дедушку, не будет ли он так добр дать тебе денег, чтобы купить мне накладную косу. Посылаю тебе образчик моих волос, постарайся пожалуйста, чтобы цвет был точно такой и коса была длинная и густая. Не будет ли он добр купить мне еще узел Аполлона или то, что теперь носят? Если мы поедем на зиму в Москву (к сожалению только если), мне это очень пригодится. В Москве невозможно найти волосы цвета моих. Прости, любезный Митенька, что беспокою тебя такими пустяками, но, зная твое дружеское ко мне расположе-

ние, я не сомневаюсь, ты с удовольствием окажешь мне эту маленькую услугу.

Прощай, любезный друг. Стоит такая страшная жара, что я изнемогаю. Итак целую тебя и прошу не забывать ту, кто навеки твой верный друг и сестра. А. Г.

Катенька шлет тебе большой привет. Поцелуй от меня Ташу и братьев.

Мне тоже хочется сказать тебе несколько слов, любезный братец. Надеюсь ты не рассердишься, что я пишу так мало, но клянусь тебе, я совершенно подавлена и обессилена жарой. Ты должно быть уже знаешь, что мы здесь около месяца, проводим время очень приятно и я с грустью жду 17-е число следующего месяца, день нашего отъезда в твои будущие владения[3]. Передай пожалуйста мою просьбу дедушке, любезный братец: я посылаю тебе образчик моих волос, чтобы купить мне букли, они гораздо лучше, чем в Москве, и также узел Аполлона или другую прическу, которую носят. Катенька просит меня спросить у тебя, что стоит кусок тармаламы[4] и если цена ей подходит, просит поручить тебе написать Арцруни[5], чтобы ей выслали. Скажи Ваничке, чтобы он не забыл наше поручение о пальто. Нежно целую его, а также Сержа, тебя и Ташу.

Твой друг К. Г.

Письмо написано на листе (четыре страницы) почтовой белой бумаги малого формата, с водяным знаком: «1821» и небольшой виньеткой. Исписаны четыре страницы.

[1] Сведений о Калечицких нет.

[2] Первым ребенком Пушкиных была дочь Мария, родившаяся 19 мая 1832 г. С 1860 г. замужем за Леонидом Николаевичем Гартунг (1843—1877). Умерла 22 февраля (с. с.) 1919 г.

Пушкин очень волновался во время первых родов жены. П. И. Бартенев записал со слов кн. Е. А. Долгоруковой, что Пушкин: «Плакал при первых родах и говорил, что убежит от вторых» («Рассказы о Пушкине», стр. 62).

[3] Полотняный Завод.

[4] Тармалама или термалама — пестрая шелковая материя; выделывается в Персии.

[5] Еремей Егорович Арцруни. См. о нем прим. 5 к письму Д. Н. Гончарова от 16 сентября 1829 г.

№№ 41—42. А. Н. ГОНЧАРОВА — Д. Н. ГОНЧАРОВУ

Zavod. Ce 21 Juillet 1832.

Vous serez tout étonné, cher et bon ami Mitinka, d'apprende le départ de Maman. Elle nous a quittée le 19 matin pour aller à Ярополиц[1] où à ce qu'elle dit sa presence est très nécessaire, а нам кажется, что просто для того qu'elle ne peut plus se passer d'y aller, tant elle aime sa possession.

Elle nous a cependant promis de revenir dans deux semaines qui je suppose dureront aussi longtemps que les trois mois qu'elle a passée l'été dernier. Nous avons les Kaletchitsky chez nous; elles sont arrivées la veille du départ de Maman. J'espère que Grand-papa se sera calmé par rapport à elles vu que les dépenses, qu'elles pourront lui occasionner ne sont pas en état de le ruiner. En verité que pense-t-il faire de nous, le cher Grand-père? Tacha nous dit qu'il s'amuse là comme un jeune homme. Il auroit dû mieux songer à nous faire partir d'ici et nous donner les moyens de vivre en ville que de dépenser ainsi de l'argent et à son âge. То то и есть que chacun pense à soi, et comme nous ne pouvons rien faire, quand même nous nous casserions la tête à force de penser à nous même, nous en restons là, les bouches béantes à attendre je ne sais quoi.

Pardon, j'ai oublié de vous remercier, cher frère, pour la peine que vous avez prise de remplir notre commission envers Grand-Papa, mais encore faut-il que vous vous soyez trompé: je ne vous demandois pas de boucles car j'en ai, je ne voulois avoir qu'un noeud d'Apollon et une tresse; voyez donc comme celà m'arrange.

Catinka Ka. vous fait dire bien des choses et quand au tarmalama, elle dit qu'elle en informera son père et qu'alors elle vous donnera la reponse.

Tirez bien les oreilles à messieurs mes frères: comment nous oublier

ainsi. Et les belles promesses de monsieur Serge; rappellez les lui je vous en prie. Quand à Tacha, c'est la seule à laquelle je fais grâce vu son état, а то бы и за нее принялась. Que vous dirai-je? Ah oui c'est que malgré toutes vos exhortations et votre défense expresse de me servir de votre cheval, je me le suis approprié et le monte tous les jours. Il paroit qu'il ne veut point nous donner d'heritier, car l'ecuyer a été nli même à me le proposer. Il l'a monté tous les jours pendant que uous étions chez les Kali. et maintenant ce cheval est doux comme un agneau, ne ce cabrant jamais malgré ce que m'en a radoté mon cher frère Jean, et allant très paisiblement. C'est que l'écuyer dit que probablement vous le montiez avec des éperons et le tiriez trop fort. C'est pourquoi il faisoit des farces, mais quand c'est un cavalier aussi habile que moi qui le monte, tout coursier fougueux rentreroit dans le devoir.

Ah çà après avoir peroré et radoté je finirai, cher frère, par vous demander quelles sont les dispositions à notre égard. J'espère que vous nous direz quelque chose la dessus. Aura-t-on l'attention de nous faire repasser un second hiver à la campange? Pour moi il me trotte par la tête, que pour changer et nous amuser un peu on nous fera faire un petit voyage à Яропольц et qu'une fois là on nous y oubliera aussi bien qu'ailleurs.

Adieu donc je vous embrasse et suis à jamais votre sincère amie et soeur.

A. G.

Non, serieusement, cher frère, prenez pitié de nous et ne nous abandonnez pas ainsi.

Перевод:

Ты очень удивишься, любезный и добрый друг Митенька, узнав об отъезде маменьки. Она покинула нас 19-го утром и поехала в Яропольц[1], где, как она говорит, присутствие ее необходимо, а нам кажется, что просто для того, что ей больше не терпится туда ехать, так она любит это свое владение. Она нам тем не менее обещала вернуться через две недели, которые, я думаю, долго продлятся, вроде тех трех месяцев, которые она прожила там прошлым летом.

У нас живут Калечицкие. Они приехали накануне отъезда маменьки. Надеюсь, что дедушка больше из-за них не волнуется, так как расходы, которые они ему могут причинить, его не разорят. А на самом деле, что наш дорогой дедушка думает с нами делать? Таша пишет, что он там веселится, как молодой человек. Чем тратить так деньги в его возрасте, лучше бы он подумал, как нас вывезти отсюда и как дать нам возможность жить в городе. То-то и есть, что каждый думает о себе, а мы, сколько бы не думали о себе, ничего не можем сделать; как бы мы не ломали голову, так и останемся в том же положении, раскрывши рот в чаянии неизвестно чего.

Прости, любезный братец, я забыла поблагодарить тебя за исполнение нашего поручения к дедушке, но надо же было, чтобы ты все перепутал! Я просила у тебя не буклей, потому что они у меня есть, мне хотелось узел Аполлона и косу. Видишь, как мне это не на руку.

Катенька К. просит передать тебе множество приветов; что же касается термаламы, она говорит, что сообщит своему отцу и тогда даст ответ.

Выдери за уши господ братцев за то, что они нас забыли, и напомни г-ну Сержу его прекрасные обещания. Что касается Таши, она единственная, кому я прощаю в виду ее положения, а то бы и за нее принялась. Что сказать тебе еще? Ах, да! Несмотря на все твои увещания и особое запрещение пользоваться твоей лошадью, я ее все-таки присвоила и езжу на ней ежедневно. Кажется нам не приходится ждать от нее потомства, так как конюх сам предложил ее мне. Пока мы были у Калечицких, он ездил на ней каждый день и теперь лошадь кротка, как ягненок. Вопреки тому, что наговорил мой дорогой братец Ваничка, она никогда не становится на дыбы и ход у нее очень спокойный. Конюх говорит, что она выделывала свои штучки потому, что ты вероятно ездил со шпорами и очень сильно затягивал поводья. Но самый горячий конь покорится, если всадник так искусен, как я.

Однако, наговорившись и наболтавшись, любезный братец, я опять спрошу тебя, что собираются с нами делать? Надеюсь, что ты сообщишь нам что-либо

на этот счет. Неужели об нас так позаботятся, что заставят нас провести вторую зиму в деревне? У меня не выходит из головы, что нас прокатят в Яропо́лец для разнообразия и для того, чтобы развлечь немножко, и забудут там, так же как и во всяком другом месте. Нет, серьезно, любезный братец, сжалься над нами и не оставляй нас!

Итак, до свиданья. Целую тебя и остаюсь навсегда твоим искренним другом и сестрой.

А. Г.

Письмо написано на полулисте почтовой белой бумаги большого формата с водяным знаком: «А. Гончаров» и орнаментом вокруг всего листа. Исписаны четыре страницы.

[1] Яропо́лец — родовое имение Загряжских Волоколамского уезда, Московской губ. Наталья Ивановна получила часть Яропольца с 1743 душами крестьян после смерти своего отца И. А. Загряжского в 1823 г.

Zavod

Nous voilà de nouveau abandonnées à la Providence, Maman vient de partir pour Яропо́лец où elle prétend rester quelques semaines qui certainement seront suivies de plusieurs autres, car une fois Maman là, elle n'en sort pas de si tôt. Je prévois déjà la fureur du cher Grand-père quand il apprendra son départ et je ne m'étonnerai nullement qu'il nous ordonne de décamper d'ici pour aller la rejoindre.

Les Kalitchitskys sont venus ici la veille du départ de Maman et restent ici jusqu'au Ier. Certes sauf le respect que je dois à Grand-Papa j'avouerai néanmoins que je le trouve imminemment ridicule de nous en vouloir pour les avoir engagés de venir pour si peu de temps, d'autant-plus que lui se donne les airs de faire le jeune homme et de dépenser son argent pour toutes sorte de plaisirs. Comme Tacha dit dans son lettre que c'est à tort qu'on l'attend ici, vu qu'il se plait extrêmement à Petersbourg. Cela n'est pas difficile et je saurai bien en faire autant, s'il me donnoit seulement la moitié de ce q'il y a déjà employé. Куда не пристало старику дурачиться! et puis pour l'hyver il nous flanquera comme des folles à Zavod ou à Яропо́лец. Ce dont je ne me soucie guère, j'aurai sérieusement voulu savoir ce q'on est dans l'intention de faire de nos charmentes personnes. Si les affaires ne peuvent pas s'améliorer et que nous devions encore passer un hyver, ne seroit il pas possible, cher Mitinka, de nous tirer du gouffre où nous sommes embourbées, vu les projets que nous vous avons si souvent manifestés. J'espère même que dans ce cas on pouroit faire entendre raison à maman si vous tous le voulier bien. Répondez nous vite là dessus, vos lettres arriveront à temps si toute fois on ne nous fait pas dire de quitter Zavod sur le champ. Dites à Tacha de même de nous faire le plaisir de vite nous écrire une lettre remplie de détails intéressants, comme elle soit que cela se fait dans l'absence de Maman. Dites lui que nous ne lui écrivons pas cette fois vu que nous n'avons rien absolument de nouveau. Все по старому так же тошно и скучно! Priez la de prier son mari d'avoir la bonté de m'envoyer le troisième volume de ses poesies éparses;[1] je lui en serai extrêmement reconnaissante. Dites de ma part au petit pourceau de la Garde Impériale Mr le Hussard qu'il est affreux, indigne de nous oublier ainsi. Ваничка здесь как барин, trouvant indigne que Serge ne nous écrivit pas et lui-même depuis trois mois qu'il est loin, ne nous a honnoré que d'une lettre, le barbare, le Vandale, le Goth! [2 слова неразобр].

Malgré cela dites lui que j'attends qu'il réalise sa promesse, celle de m'envoyer son portrait. Que çela ne lui donne pas pourtant de l'amour-propre et qu'il ne s'imagine pas qu'il est joli garçon. A propos écrivez moi s'il ne s'est pas mis en tête de nouvelles amourettes? à qui fait il la cour? Vous même, Seigneur, n'avez vous pas quelque chose qui vous trotte et qui est l'objet en question. A propos j'ai appris que pendant

Votre séjour ici vous n'aviez pas été un Scipion pour la Vertu et qu'une sertaine petite demoiselle vous a été assez intimement connue. C'est joli, фуй какой скверной мальчишка! et Jean demandant que nous lui recommendions cette même personne; fi donc, les vilains frères que nous avons.

Simon Хлюстин[2] a été ici pendant une semaine et demie sans nous honorer pourtant d'une visite. Il doit revenir de Moscou la semaine prochaine. Hier nous avons été à leur terre[3] où nous avons revue leur maître d'hôtel Захар[4] que j'ai reconnu d'abord et qui est revenu de l'étranger l'année dernière. Il nous a fait voir toute la maison où Simon a une charmante bibliothèque. Je me mourrai d'envie de lui voler quelques uns de ses beaux ouvrages. Nous avons de même vue le portrait de Nastasie[5] et de sa mère[6], peintes ensemble à l'huile lorsqu'elle se trouvaient au Colisée à Rome. C'est vraiment un tableau superbe. On nous avait dernièrement donné une nouvelle qui Dieu merci est tout à fait fosse: on assuroit que Nastinka était morte en couche, mais il n'en est rien. Maman néanmoins est partie avec la ferme persuasion de la réalité de cette nouvelle, qui nous a été apportée par un cordonnier ivre des Chlustines. Nous allons la détromper la dessus, elle sera charmée.

Перевод:

Вот мы и опять брошены на волю божию: маменька только что уехала в Яропо́лец, где она пробудет, как уверяла, несколько недель, а потом конечно еще и еще несколько, потому что раз она попала туда, она не скоро оттуда выберется. Я уже предвижу гнев дорогого дедушки, когда он узнает об ее отъезде, и нисколько не удивлюсь, если он прикажет нам выехать отсюда и ехать к ней.

Сюда накануне отъезда маменьки приехали Калечицкие и пробудут здесь до первого. Не в обиду будь сказано дедушке, я нахожу в высшей степени смехотворным, что он сердится на нас за то, что мы их пригласили на такое короткое время. Тем более, что сам он разыгрывает молодого человека и тратит деньги на всякого рода развлечения. Таша пишет в своем письме, что его совершенно напрасно ждут здесь, так как ему чрезвычайно нравится в Петербурге. Это не трудно, и я прекрасно сумела бы делать то же, если бы он дал мне хоть половину того, что сам уже истратил. Куда не пристало старику дурачиться! А потом он на зиму бросит нас, как сумасшедших, на Заводе или в Яропольце. А это совсем не по мне. Если дела не станут лучше и нам придется прожить здесь еще зиму, мне серьезно хотелось бы знать, что намереваются сделать с нашими очаровательными особами.

Нельзя ли, дорогой Митенька, вытащить нас из пропасти, в которой мы сидим, и осуществить наши проекты, о коих мы тебе так часто говорили? В этом случае, я надеюсь, можно бы даже уговорить маменьку, если бы все вы были на это согласны. Ответь нам об этом поскорее. Ваши письма придут во время, если только мы не получим приказания немедленно покинуть Завод. Скажи также Таше, чтобы она доставила нам удовольствие и написала письмо, полное интересных подробностей, так как она знает, что маменьки нет. Скажи ей, что мы ей не пишем, потому что у нас нет ничего нового. Все по-старому, так же тошно и скучно. Попроси ее попросить мужа, не будет ли он так добр прислать мне третий том его собрания стихотворений[1]. Я буду ему за это чрезвычайно признательна. Передай от меня поросенку императорской гвардии, господину гусару, что он ужасный негодяй, что нас так забывает. Ваничка здесь, как барин, находит отвратительным, что Серж нам не пишет, а сам за три месяца отсутствия удостоил нас только одним письмом, жестокосердный, вандал, варвар! [2 слова неразобр.]. Несмотря на это, скажи ему, что я жду от него исполнения его обещания прислать мне его портрет. Но пусть это не придаст ему самомнения и он не воображает себя красавцем. Кстати, напиши мне, не затеял ли он новых романов? За кем он ухаживает? И у вас самих, милостивый государь, не вертится ли что-нибудь в мыслях и кто является вашим предметом? Кстати, я узнала, что во время вашего здесь пребывания вы не были образцом добродетели и некая молодая особа была вам довольно близко знакома. Как это мило! Фуй, какой скверной мальчишка! И Ваничка еще просил, чтобы мы ему рекомендовали эту самую особу. Фуй, какие у нас гадкие братья!

Семен Хлюстин[2] пробыл здесь две с половиной недели, не удостоив нас визитом. Он должен вернуться из Москвы на будущей неделе. Вчера мы были

у них в именьи[3], где видели их дворецкого Захара[4], которого я узнала первая и который в прошлом году вернулся из-за границы. Он показал нам весь дом, где у Семена прелестная библиотека. Я умирала от желания украсть у него некоторые из его прекрасных книг. Мы видели также портрет Настасьи[5] вместе с матерью[6], писаный маслом, когда она находилась в Колизее в Риме. Портрет действительно великолепен. Нам недавно сообщили новость, которая слава богу оказалась совершенно неверной, что Настасья умерла родами. Но это совсем не так. Маменька тем не менее уехала в полной уверенности, что эта весть, которую нам сообщил пьяный сапожник Хлюстиных, верна. Мы известим ее, что это неверно, и она будет в восторге.

Письмо написано на листе (четыре страницы) почтовой белой бумаги малого формата с водяным знаком: «А Г 1829». Исписаны четыре страницы. Дата написана очень неразборчиво.

[1] Пушкин при жизни своей дважды издавал собрание своих стихотворений. Первый раз в 1825 г. Второй раз — в четырех частях — в 1829—1835 гг. Части первая и вторая вышли в 1829 г., третья часть, о которой идет речь в письме Александры Николаевны, в 1832 г., четвертая — в 1835 г.

[2] Семен Семенович Хлюстин (1810—1844), светский знакомый Пушкина. Получил блестящее образование за границей. Вернувшись в Петербург, поступил в л.-гв. Уланский полк и участвовал в Турецкой войне 1828—1829 гг. Выйдя в отставку с чином поручика, в 1834 г. одновременно с Львом Сергеевичем Пушкиным поступил чиновником особых поручений по Министерству внутренних дел.

Во время своего пребывания на Полотняном Заводе летом 1834 г. Наталья Николаевна Пушкина виделась с С. Хлюстиным и собиралась выдать за него замуж Екатерину Николаевну. В феврале 1836 г. между Пушкиным и Хлюстиным произошла ссора, едва не кончившаяся дуэлью. Дело уладилось мирно.

[3] Троицкое — имение Хлюстиных в Медынском уезде, Калужской губ.

[4] Захар Данилович Барышников, дворецкий Веры Ивановны Хлюстиной, которого она, уезжая в 1824 году за границу, взяла с собой. («Щукинский сборник», вып. II. М., 1903, стр. 169).

[5] Графиня Анастасия Семеновна Сиркур, сестра С. С. Хлюстина, жена французского публициста гр. Сиркур (1801—1879), за которого вышла замуж в 1830 г. в Швейцарии.

[6] Вера Ивановна Хлюстина, рожд. Толстая, бывшая замужем за калужским помещиком Семеном Антоновичем Хлюстиным. Уехала за границу в 1824 г. с тремя детьми, чтобы лечить слабую здоровьем дочь Анастасию.

Т. Волкова

III

НЕСКОЛЬКО ПИСЕМ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ГОНЧАРОВЫХ

Публикуемые ниже семь писем членов семьи Гончаровых 10—30-х годов прошлого века извлечены нами из связки документов, составляющих небольшую часть некогда огромного Полотняно-заводского архива Гончаровых, впоследствии распавшегося, распродаваемого в розницу и постепенно воссоединяемого под кровлей Государственного Литературного Музея.

В числе публикуемых писем имеем: четыре письма родителей Н. Н. Пушкиной — отца, Николая Афанасьевича (1 — к его отцу, бабушке и жене, 1 — к бабушке с припиской жены и 1 — к отцу), и матери, Натальи Ивановны, к свекру Афанасию Николаевичу; два письма ее старшего брата Дмитрия Николаевича к тому же Афанасию Николаевичу; наконец письмо Варвары Афанасьевны Бибиковой, дочери основателя Полотняного Завода, к невестке, матери Афанасия Николаевича, Екатерине Андреевне Новосильцевой.

Наибольший интерес и значение из всего этого материала представляют письма Д. Н. Гончарова, поскольку в них содержатся непосредственные упоминания о встречах с Пушкиным. В первом письме от 24 сентября 1831 г. Д. Н. рассказывает о своем посещении сестры в Царском Селе 21 сентября: «... Четвертого дни воспользовался снятием карантина в Царском Селе, чтобы повидаться с Ташей. Я видел также Александра Сергеевича; между ими царствует большая дружба и согласие; Таша обожает своего мужа, который также ее любит; дай бог, чтоб их блаженство и впредь не нарушилось. Они думают переехать в Петербург в октябре; а между тем ищут квартеры».

Впечатление Д. Н. соответствовало действительности. Пребывание Пушкина с молодой женой (свадьба Пушкиных состоялась 18 февраля 1831 г.) в Царском Селе летом 1831 г. было в самом деле едва ли не самым счастливым периодом краткой, но исполненной всяческих невзгод и огорчений жизни поэта. В Царском, по его собственным словам, он оказался, в «уединении вдохновительном», «в кругу милых воспоминаний», вдали от московских «дрязг», «сплетен», «дороговизны», «затруднений», «хлопот», которые омрачали первые месяцы его женатой жизни («Хлопоты и затруднения этого месяца, который у нас не мог быть назван медовым, до сих пор мешали мне написать вам» — письмо Пушкина к Е. М. Хитрово от 26 марта 1831 г.), вдали от тещи, грубо вмешивавшейся в отношения между молодыми супругами («Я был вынужден оставить Москву во избежание разных дрязг, которые в конце концов могли бы нарушить более чем одно мое спокойствие; меня изображали моей жене, как человека ненавистного, жадного, презренного ростовщика... Сознайтесь, что это значит проповедывать развод... Я люблю собственное спокойствие и сумею его обеспечить» — письмо Н. И. Гончаровой из Царского Села от 26 июня 1831 г., см. еще письмо к П. В. Нащокину от 1 июня 1831 г.).

«Мы здесь живем тихо и весело будто в глуши деревенской», писал о своей

царскосельской жизни сам Пушкин (письмо Нащокину от 11 июня 1831 г.). «Мой брат и его жена проведут лето в Царском Селе», сообщала в это же время сестра поэта О. С. Павлищева мужу. — «Они в восхищении друг от друга» (письмо от 4 июня 1831 г. — «Пушкин и его современники», XV, 67). О том же пишет Жуковский: «Пушкин мой сосед, и мы видаемся с ним часто. Женка его очень милое творение. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше» (письмо из Царского Села к П. А. Вяземскому и А. И. Тургеневу в конце июля — начале августа 1831 г.—«Письма Жуковского к А. И. Тургеневу». М., 1895, стр. 256). Все эти отзывы вполне подтверждают впечатление, вынесенное от семейного быта Пушкиных Д. Н. Гончаровым. Помимо того можно думать, что к моменту приезда брата Наталья Николаевна уже начала подозревать, что она готовится стать матерью (см. письмо Пушкина Нащокину от 22 октября того же года с сообщением о более чем двухмесячной беременности жены).

Однако от внимания Д. Н. Гончарова ускользнуло то, что уже тогда бросалось в глаза более проницательным наблюдателям (см. напр. известный отзыв о молодых Пушкиных гр. Д. Ф. Фикельмон в письме к кн. П. А. Вяземскому от 25 мая 1831 г. — «Сочинения кн. П. П. Вяземского», стр. 532). Уже в Царском Селе стала сказываться резкая разница в натурах мужа и жены, столь несхожих друг с другом не только по возрасту и наружности, но и по характеру их влечений и интересов. Уже в это время поэт мечтает о трудовой творческой жизни не в Царскосельском подобии «деревенской глуши», а в настоящей деревне (см. его письма из Царского Села к П. А. Осиповой от 29 июня, 29 июля и 11 сентября с настойчивой просьбой подыскать для него за сходную цену небольшое именьице где-нибудь подле Михайловского) — мечты, которые он будет питать в течение всех последних лет своей жизни и которые неизменно вызывают в Наталье Николаевне столь бурно-отрицательную реакцию. Тогда же обнаруживается полное равнодушие Натальи Николаевны к тому, что для Пушкина было главным в жизни — к его литературному творчеству. Сохранился рассказ о весьма характерных сетованиях ее, относящихся к тому же царкосельскому периоду, на мужа, который оживляется в обществе умной, чуткой и восприимчивой к искусству известной приятельницы Жуковского и Вяземского, фрейлины А. О. Россет, и неудержимо «зевает», оставшись наедине с нею («Голос Минувшего» 1917, № 11, стр. 155). Наконец, не удалось Пушкину, как он рассчитывал, укрыться в Царском Селе и от материальных забот, которые отравили все последовавшие за женитьбой годы его жизни. («Дома, вероятно, ныне там недороги... Петербург под боком, жизнь дешевая, экипажа не нужно», писал он Плетневу, сообщая о намерении провести лето в Царском Селе,—письмо от 26 марта 1831 г.).На самом деле в Царском, отрезанном от Петербурга карантинами, жизнь оказалась не дешевле, чем в Москве: «Холера прижала нас, и в Царском Селе оказалась дороговизна. Я здесь без экипажа и без пирожного, а деньги все-таки уходят», жалуется он Нащокину (письмо от 26 июня 1831 г.) и через некоторое время, подводя итог царскосельским месяцам, пишет ему же, прося похлопотать об отсрочке уплаты по векселю: «Мне совестно быть неаккуратным, но я совершенно расстроился: женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро» (письмо от 7 октября).

В мирной царскосельской идиллии, о которой сообщает Д. Н. Гончаров деду, уже таились, как видим, зерна будущей трагедии.

Упоминает Д. Н. Гончаров о Пушкине и во втором своем письме от 20-х чисел октября 1831 г. Еще раз сообщая делу об отклонении министром финансов его просьбы о правительственной субсидии фабрике, он пишет: «Я показывал ваше письмо Александру Сергеевичу; он сам негодует на клеветы г. Дурнова, и если бы генерал Бенкендорф был здесь, то он бы довел до его сведения неосновательность таковых доносов».

«Негодование» поэта вряд ли было чрезмерным. Условное наклонение, которое употребляет Д. Н. в этой фразе, определяет подлинное отношение в это вре-

мя Пушкина к делам «дедушки» Гончарова. Одной — если не главной — из причин согласия матери и деда на брак их «Ташиньки» с Пушкиным был расчет использовать влияние поэта в высших сферах (степень его Гончаровы явно преувеличивали) с целью добиться правительственной помощи для поправления дел гончаровской фабрики и имения, вконец расстроенных неудержимым мотовством Афанасия Николаевича. Вначале поэт принял некоторое участие в делах деда жены, но добиться ему ничего не удалось, и к моменту письма Д. Н. он явно устал от непрерывно обращаемых к нему настойчивых требований со стороны «дедушки» и тещи, тем более, что сами они решительно уклонялись не только от обязательств, взятых ими в отношении приданого Натальи Николаевны, но и от уплаты денег, данных Пушкиным заимообразно на расходы по свадьбе. Почти одновременно с письмом Д. Н. к деду поэт писал Нащокину: «Дедушка—свинья, он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 — и ничего своей внучке не дает» (от 22 октября 1831 г.), а полтора-два месяца спустя после этого скрыл от «дедушки» и тещи свой приезд в Москву, дабы избежать встречи с ними («В вашем Никитском доме я еще не был. Не хочу, чтоб холопья ваши знали о моем приезде; да не хочу от них узнать и о приезде Натальи Ивановны, иначе должен буду к ней явиться и иметь с нею необходимую сцену, она все жалуется по Москве на мое корыстолюбие; да полно, я слушаться ее не намерен», «К деду твоему явиться я не намерен» — письма к жене от 10 декабря и середины декабря 1831 г.).

Письма отца Натальи Николаевны, Николая Афанасьевича и непосредственно примыкающее к последнему из них письмо Натальи Ивановны интересны тем, что бросают свет на тяжелую драму семьи, давая картину постепенного развития неизлечимой душевной болезни Николая Афанасьевича. Николай Афанасьевич получил хорошее образование, знал языки, обладал большим музыкальным дарованием, писал русские и французские стихи. Кроме того, повидимому, отличался он — в своего прадеда, основателя Полотняного Завода — замечательной практической сметкой. Когда Афанасий Николаевич, основательно подорвав дела фабрики, уехал за границу, возложив все управление делами на сына, последний «в короткое время не только сумел поправить, но и привести в цветущее состояние заводы» (А. Средин. «Полотняный Завод» — «Старые Годы», июль — сент. 1910 г. отд. отт., стр. 15). Первые два письма относятся именно к этому деятельному периоду жизни Николая Афанасьевича, который и после возвращения отца из-за границы продолжал некоторое время управлять заводами совместно с ним. Особенно любопытно в этом отношении второе письмо к отцу, матери и жене с его эпиграфом из Руссо, реминисценциями из Вольтера, французскими фразами, шуточными русскими виршами. Однако уже и в этом письме, написанном в основном в подчеркнуто-веселом, шутливом тоне, замечаются следы тех меланхолических настроений, которые были первыми симптомами подкрадывавшегося душевного заболевания. Посылая жене в подарок часы, он пишет: «Без часов жить скучно; не знаешь никак, сколько минут проводит человек в глупостях или, лучше сказать, в главной глупости жить на свете!» — и торопится добавить: «Виноват! — может быть выражениями столь сильными, но справедливыми, я тебя огорчил — Да как быть?» Посвящение шуточных стихов «от больного страждущего к дорогим и близким сердцу их любящему» как будто свидетельствует, что в Москву Николай Афанасьевич поехал не только по фабричным делам, но и лечиться. Выразительно в связи с этим и упоминание в письме персонажа вольтеровского «Кандида», пресловутого доктора Панглосса, как известно, больного сифилисом. Именно в этом, думается, а не в падении с лошади, как объясняли домашние, или «в годами длившемся подавленном состоянии», как склонен думать позднейший исследователь архива Гончаровых (см. упомянутую статью А. Средина в «Старых Годах», стр. 4), и коренится причина позднейшего заболевания Николая Афанасьевича, кстати сказать, наследственного: мать Николая Афанасьевича, Надежда Платоновна, урожденная Мусина-Пушкина, также была больна психически.

Нараставшая в Николае Афанасьевиче меланхолия перешла через некоторое время в состояние полной подавленности, своего рода манию самоуничижения. Одним из выражений последней явилось, в частности, стремление раздать и раздарить окружающим все свое достояние, о чем рассказывает Наталья Ивановна в письме к свекру. Третье письмо Николая Афанасьевича к отцу с просьбой разрешить отдать присланный ему последним фамильный перстень сыну, как более, чем он, «достойному потомку фамилии Гончаровых», с подписью «уничтоженная тварь Николай Г...ров», относится именно к этому периоду, как к нему же относится и письмо Натальи Ивановны, в котором она подробно рассказывает свекру о состоянии здоровья мужа. Наталья Ивановна сообщает между прочим, что мужу лучше («голова его гораздо стала свежее»), и выражает надежду на полное выздоровление. Надежде этой не суждено было сбыться: через семь лет после этого письма Николай Афанасьевич впал в острое буйное помешательство, и с тех пор рассудок уже никогда не возвращался к нему.

Кроме семейных писем в данной связке гончаровских бумаг имеется четыре деловых документа: 1) условие от 1 января 1814 г. между Н. А. Гончаровым и титулярным советником Ефремом Даниловым, сыном Молотковым на ведение последним в присутственных местах всех дел по имениям Гончаровых, «какие ныне только есть и впредь случиться могут»; 2) условие от того же 1 января 1814 г. с каретного мастерства мастером Данилой Антоновым, сыном Бухольц на изготовление им «всякого рода экипажей и повозок» (со стороны Гончаровых условие подписано обоими Гончаровыми — отцом и сыном); 3) условие от 15 февраля 1814 г. между Н. А. Гончаровым и кандидатом коммерции Андроном Евстифеевым сыном Губаревым, обязавшимся «у него, господина Гончарова, в состоящей Калугской губернии Медынского уезда при селе Спасском, что на Згомонах, фабрике завести на его, господина Гончарова, станах и его рабочими людьми вырабатывать разного сорта из бумажной пряжи плисы» и, наконец, 4) условие от 23 февраля 1815 г. с московским второй гильдии купцом Никитой Александровым сыном Трубниковым об отдаче ему на пять лет дворового мальчика Гончаровых Григорья Кузьмина Золотова «для научения законоискусству и порядку судопроизводственных дел» (условие дано от имени одного Афанасия Николаевича).

Документы имеют значение постольку, поскольку дают представление о весьма крупном хозяйственном размахе дел Гончаровых в период управления ими Николая Афанасьевича. Например, каретному мастеру Бухольцу за изготовление экипажей из материалов Гончаровых и их мастеровыми людьми они назначают, кроме помещения, работников, продуктов «с господского погреба» и «из саду», пары или тройки лошадей для проезда в Калугу, весьма немалую сумму в 1 350 руб. в год.

Последними в нашей группе материалов являются две пачки семейной переписки сына Д. Н. Гончарова, Дмитрия Дмитриевича и его жены, Ольги Карловны (27 писем мужа и 13 жены). Письма эти далеко выходят за пределы пушкинского времени — относятся к концу 70-х годов — и поэтому публикации в данном сборнике не подлежат. Однако они имеют весьма большой историко-бытовой интерес, раскрывая еще одну зловещую страницу мрачной хроники старого купеческо-дворянского рода, одна из представительниц которого сыграла такую роковую роль в судьбе величайшего нашего поэта.

Основная тема, вокруг которой вращается переписка — страшный рок гончаровского рода — наследственный сифилис. Больной полупараличный муж пишет из Пятигорска, где он проходит курс лечения, больной же жене. Однако и болезнь не сломила крепкий, хозяйственно-предпринимательский дух одного из последних Гончаровых. Детальнейшее, с самыми интимными подробностями, описание хода болезни и всех перипетий лечения, опасения за здоровье и судьбу детей, в некоторых из которых отец с ужасом замечает признаки «начала помешательства», перемежаются в его письмах с властными деловитыми распоряжениями, подчас окриками рачительного и жесткого хозяина-фабриканта по ад-

ресу жены, взявшей в свои руки управление гончаровской писчебумажной фабрикой. В конце переписки Д. Д. с радостью отмечает улучшение в своем состоянии. Однако это была одна видимость. Вскоре по возвращении домой он был окончательно разбит параличом и — без языка, без движения — прожил еще около двадцати лет. Дела фабрики все эти годы вела с большим успехом его жена, убитая 25 октября 1900 г. — выстрелом из пистолета в упор — служителем Родионом Жуковым, ходившим за больным Д. Д. (см. «Дело Родиона Жукова. Из хроники Калужского окружного суда», журнал «Судебные драмы», 1901 г., т. X, июль, август и сентябрь, стр. 39—75).

Через девять дней после убийства жены, 9 ноября 1900 г., умер и Д. Д.

№ 1. В. А. БИБИКОВА [1] — Е. А. НОВОСИЛЬЦЕВОЙ [2]

Из Милешина: июня 30-го дня 1814-го года.

Любезная Сестра и друг,
Катерина Андреевна!

Душевно обрадовалась что слышу об вашем Милом для меня здаровие, и благодарю тебя что ты неоставляиш маих я бы и сама к вам летела да сил маих нет, сестрица [3] камне писала, что Афанасей [4] был болен, так Претъставь какавы нам с ней удары кабы Ему что зделалася какаво нам эта снасить при его горестях и слабасти стала что бог столька милосерд к вам молитвеньницам что потъкрепляит а я грешница толька что к сестрицы съездела истех пор немагу аправитца то спина то живот, асеменавна моя совсем изуродовалася; я и у сестрицы ее была занемагла с сваим здаровьем не знаю что иделать, ая матушка неаднакратна квам писала чрез ильицына и черес тулу и у сестрицы бывши к прикащику посылала а от тебя Милая я толька адно письмо получила вить как я рада как услышу об вас ищо тебя милая прашу что бы ты уведомила где наши радные Плахой Дети илюбимовы мне была хателась что нибуть им дать так неможнали им самной повидатца так развезалибы маю душу — знаю что ты сними знакома ая думаю что им праезд камне невеликава будит стоить кажитца у плахой две дочери вот матушка мая таперь забота, насвае здаровье не надеюсь да незнаю где тетушка Катерина Матвевна икак они живут куды как мне эта грусна, прасти мой любезнай друг

иостаюсь вернай тебе друг и сестра варвара бибикава.

На обороте:

В Зарайск. Милостивой государыне Сестрице Катерине Андревни Ее высоко благородию Навасильцавой в с. Ильицыне.

На двух листках; водяных знаков нет. Запечатано именной печатью черного сургуча. Почтовая помета: 9. Венев.

[1] Бибикова, Варвара Афанасьевна (ум. в 1816 г.) — младшая дочь Афанасия Абрамовича Гончарова, калужского купца, основателя полотняной и бумажной фабрики в Малоярославецком (позднее Медынском) уезде, Калужской губернии. Была замужем за премьер-майором Псковского пехотного полка, Ильей Богдановичем Бибиковым. Оставила крупное наследство своему племяннику, Афанасию Николаевичу Гончарову, деду жены Пушкина.

[2] Новосильцева, Екатерина Андреевна, урожденная Синявина (1774—1810), замужем первым браком за Николаем Афанасьевичем Гончаровым I, сыном Афанасия Абрамовича и отцом Афанасия Николаевича. После смерти первого мужа (в 1785 г.) вышла вторично замуж за секунд-майора Ивана Васильевича Новосильцева. Проживала в своем имении, селе Ильицыне Зарайского уезда Рязанской губернии, временами у сына на Полотняном Заводе.

[3] Сестрица — Александра Афанасьевна (1738—1828), по мужу Нестерова; вдова с 1803 г.

[4] Афанасей — племянник В. А. Бибиковой и А. А. Нестеровой, Афанасий Николаевич Гончаров.

№ 2. Н. А. ГОНЧАРОВ — Е. А. НОВОСИЛЬЦЕВОЙ

Милостивая Государыня бабушка

По приказанию вашему был я севодни еще раз у Мадам Брейткопф, которая мне опять сказала, после моей неотступной прозьбы об Михайловой что от нее не зависит а совершенно от Олсуфьева, которова совсем не надобно ни об чем просить а отдать по форме письмо к вдовствующей Государыни[1] и оное будет непременно ей доставлено. Я все старания свои употреблял но тщетно. Что ж касается до меня то я равно как и Наташа здоровы и желаем очень застать вас любезная бабушка еще в Москве.

Цалуя ручки ваши пребыть честь имею

Покорный ваш слуга и внук
Николай Гончаров.

У бабушке Елисавете Андреевне[2] также цалую ручки. Всё что в силах моих будет употреблю достать вам письмы, которые желаете иметь но прошу вас уведомить меня как зовут Тверскова и Резанскова Губернаторов.

Приписка Н. И. Гончаровой:

Цалую ваши ручки милая Бабушка и молю бога чтоб вы были здоровы, сестрицы вам свидетельствуют свое почтение, честь имею пребыть вам

все покорная внука
Наталья Гончарова.

Милостивой Государыне Бабушке Елизаветте Андреевне свидетельствуя свое искренное почтение.

На сложенном вдвое полулистке. Водяной знак — на верхнем оторванном полулистке.

Письмо, судя по содержанию, писано из Петербурга в Москву и датируется скорее всего 1807 г. — год женитьбы отца Натальи Николаевны, Н. А. Гончарова, имевшей место в Петербурге 27 января 1807 г.

[1] Мария Федоровна, жена Павла I и мать Александра I. С 1796 г. стала во главе женского воспитания — была назначена мужем «начальствовать над воспитательным обществом благородных девиц». Николай Афанасьевич, очевидно, хлопотал по просьбе бабушки о принятии некоей Михайловой в Петербургский Екатерининский институт: мадам Брейткопф была начальницей последнего.

[2] Сестра Е. А. Новосильцевой.

№ 3. Н. А. ГОНЧАРОВ — А. Н. и Н. И. ГОНЧАРОВЫМ и Е. А. НОВОСИЛЬЦЕВОЙ

Стихи печатанные в Москве Без пропуска однакож Директора Цензурного Комитета Титулярного Советника Молоткова[1], следовательно,

Контребанда им не пропущенная понеже Р е в е н ь, лекарство самое противное! — И бывает навсегда неприятно, не толи плутам
но и честному Человеку
когда желудок растроен!

Посвящается от больного страждущего к дорогим и близким Сердцу, их любящему!

Эпиграфа

Le Masque tombe, l'homme reste et le héros s'evanouit Rousseau[2].

Послание сих стихов на обороте.

Какой переворот
Скривил Е ф р е м у рот!
Пускай грядет к Калуге

К возлюбленной Супруге;
В град Питер Гончаров
С ним редкой С.....![3]
Ефрем мне не слюбился
Он слишком возгордился,
И сердцем покривился!
Мой тесть стал всем прав
Его прелестен нрав!
В Калуге пусть хлопочет
Ефрем за нас, как хочет! —
Хоть ссорить нас хотел
Да жаль что не успел!
В Письме к Вам был он ложен,
Конверт его приложен,
Я стал с ним осторожен!
Ефрем душа златая
Да рожа та, кривая!
Керцелли объяснит
Какой он принял вид! —
Отец, жена, прощайте,
Меня не забывайте!
Ошибся Молотков
Не прост и Гончаров!
Хоть в Питер и пущусь
Да там не заживусь!

Иван Иванович Керцелли[4] всё вам перескажет дорогие сердцу моему; много со мною разных было бед, но всё преодолел с презрением и особенной хладнокровностию; надеюсь как доктор Панглосс; авось пойдет к лутчшему! — И так скажу вам прозой, а не стихами, что я не ожидал столько одолжения от С.... как он мне действительно оказывает. — Молотков может быть употреблен полезней, по делам нашим Калужским но с некоторым за ним надзором. — Апелляционная жалоба с Лобовым отправлена, 14-го. — Сочинитель Святый Отче Ефреме моли бога о нас, как не Святый, только жестоко напуган особенным расположением ко мне С..... и обширными знаниями его в законах; до такой степени Ефреме ужаснухся что не допустил меня даже на щет жалобы апелляционной ни посоветоваться с ним, ни показать ее ему! — Впротчем расстались мы с Ефрошкой, кое как ладно, сиречь с моей стороны; и он по требованию моему и по условию обязан исполнять все встречающиеся наши дела по Калуге с точностию и бес — корыстно — по чему и можно его кажется употреблять во всяком случае; сведений и знания по Калуге кажется в нем достанет; но слишком самолюбив чорт его побери; он щитает себя знающим и умнейшим человеком в мире. — Я же заключая условие предупреждал его имянем всемогущего, чтоб действовал он не иначе как по наставлениям С..... но он не толи его, но даже и прозьбу мою на сей щет презрил! — На право кругом! — к Наташе: Прощай мой друг и божественная Таша; знаю что часов у тебя нет; без часов жить скучно; не знаешь никак сколько минут проводит человек в глупостях или, лутче сказать в главной глупости, жить на свете! — Виноват! — Может быть выражениями столь сильными, но справедливыми, я тебя огорчил. — Да как быть? — Так мне коцится, как Миска говорит.[5] — Словом сказать, чтоб меньше болтать, Керцелли отдаст тебе часы Загрязского; они мне лишние, а тебе часы

нужны. — У Бабушке цалую ручки. — детей благословляю. — домашним всем поклон в пояс! —

Прошу тебя Ташинька de ne pas dire un mot sur le départ de Санд... dans les lettres que tu écrirai à tes soeurs; cela n'est pas necessaire.— Je compte sur ta discrétion et sur tes sentiments que tu me porte pour m'imaginer que tu puisse jamais avoir l'idée de me contredire ou de me chagriner en rien![6]

Пожаласта душа моя, не давай никому играть Репетицией часов, а особливо забавляться детям; я на сило ее сверил. — Bien des choses à Mr. Chaillet et Henry; à M—lle Schleine, u Марье Христофоровне.— Также Софье Карловне—Ниночку расцалуй.— Je te prie chère Tachinca de me rappeler au souvenir de la bonne et excellente Авдотья Петровна et de M-me Babet[7].

Я не могу сказать Вам любезной Батюшка сколь много доволен я до сих пор усердием и аккуратностию Керцелли, выполнением исправным препоручаемых ему Комиссий. — Так как не имеет он человека для услуги сделайте милость приказать определить к нему Лакея Шатова.

Письмы ваши любезной Батюшка от 13-го Февр. Наташино; от 15-го — ваше, я получил 19-го в Четверьг. — 22-ое в Воскресенье киснувши не малое время в Москве еду я в Петербург с Сандуновым. — Акордера для фортепиано кроме подателя сего письма Г-на Керцелли, надобности ты мой друг Наташа не имеешь. — Он настраивает полутче Костровского а в добавок и сам Музыкант. — Об Дурнове любезной Батюшка доложу Вам, что срок векселя его Суммою в 5000 руб., 15-го Февр. по 12 проц. (по чему действительно и следует заплатить ему 600 руб.) — с Акордером Г-ном Керцелли отправляется Акордер Павел Кащевской[8] настроивать не то, что вы думаете Благочестивая Слушательница и друг мой Ташок, а настроивать Ниночку чтоб не упрямилась так как настроиваю я обыкновенно своих домашних Митюху, Катюху и протч. и протч.: сиречь детей моих.[9]

Любезнейшая и милая Бабушка
Екатерина Андреевна.

Алексей Григорьевич Михайлов племянник Г-на Свигильдава, вручил мне квитанцию приложенную на щет объявления Суммы доходов Ваших милая Бабушка, на взнос чего и выдал я ему 34 руб., на кои и квитанцию при сем прилагаю. — За тем прося родительского благословения Вашего пребыть честь имею, нещетно цалуя ручки Ваши

Слугой и послушным внуком
Гончаров.

К[нязь] Петр Иванович Вадбольский сидит у меня и просил меня сказать вам любезный Батюшка, милая Бабушка и добрая моя жена, что он как меня так и вас любит родственно. —

Реестр покупкам Сахара, Сыра, Миндаля, препорученных Ивану Ивановичу, при сем обратно прилагаю. — Цены слишком высоки, а потому не знаю изволите ли приказать взять таковою? — по чему до приказания вашего ни я, ни Ив. Ив. взять не решились.

На 3 листках, с водян. знаком: А. Гончаров 1812 г.

Письмо написано Н. А. Гончаровым из Москвы в Полотняный Завод 20 или 21 февраля 1814 г. Основанием для датировки служит указание Н. А., что письма родных получены им 19 февраля и что 22 он уезжает из Москвы в Петербург. Раньше 1814 г. это не могло быть, поскольку Молотков, как видно из составленного с ним условия, поступил на службу к Гончаровым только с января 1814 г., позднее также не могло быть, ибо к февралю 1815 г. Афанасий Николаевич, по-видимому, уже отстранил сына от дел. Помимо того, один из документов, имеющихся в нашей связке — условие с А. Е. Губаревым, подписанное Н. А. Гончаро-

вым — зарегистрирован у московского вексельного маклера 15 февраля 1814 г., что подтверждает, что Н. А. был как раз в это время в Москве, куда он выехал, повидимому, в конце января, предварительно заехав в Калугу (условие с Молотковым оформлено у присяжного городового маклера в Калуге 29 января).

[1] Молотков, Ефрем Данилович (он же Ефрем, Ефреме, Ефрошка) — поступил к Гончаровым на должность своего рода юрисконсульта, взяв на себя по только что указанному условию «хождение в присутственных местах по всем делам, какие ныне только есть и впредь случиться могут» по калужскому имению А. Н. Гончарова «Полотняный Завод». Кроме того он же был поставлен для «поверки и наставления» над всеми другими «особенными поверенными», которые состояли при имениях А. Н. Гончарова в других губерниях (Нижегородской и Рязанской) и при имении Н. И. Гончаровой «Яропо́лец». За все это ему было положено ежегодное вознаграждение в 2500 р. с выдачей за первую половину года вперед. Впоследствии А. Н. повидимому решил, что дешевле иметь своих крепостных юристов (см. вышеупомянутое условие с купцом Трубниковым, обязавшимся «научить законоискусству и порядку судопроизводственных дел» одного из гончаровских «дворовых мальчиков»).

Молотков отправился вместе с Н. А. в Москву, но, как видно из настоящего письма, между ними возникли трения и Н. А. не взял его с собой в Петербург, не только отослав назад в Калугу — «к возлюбленной супруге», но и сузив предполагавшийся условием круг его обязанностей только до «исполнения всех, встречающихся наших дел по Калуге». Причиной этих трений послужило очевидно желание Молоткова стать между отцом и сыном и повести интригу против последнего (написал А. Н — у какое-то «ложное» письмо с целью «поссорить» его с сыном). Н. А. утверждает в своем письме, что он «не успел» в этом. Однако последующее отстранение А. Н-чем сына от дел, может быть, следует поставить в какую-то связь с происками Молоткова.

[2] Маска падает, человек остается, а герой исчезает. Руссо.

[3] С..., как явствует из дальнейшего, Николай («мой теска») Сандунов, знакомый семей Гончаровых и Загряжских.

[4] Служащий Гончаровых, выполнявший всевозможные «препоручаемые ему комиссии» от покупки продуктов до настройки фортепиано.

[5] Вероятно, Митька, т. е. старший сын Н. А. и Н. И. Гончаровых, Дмитрий Николаевич, которому тогда было пять лет.

[6] не упоминать ни словом об отъезде Санд... в письмах, которые ты будешь писать своим сестрам; это не к чему. Я слишком рассчитываю на твою скромность и на чувства, которые ты ко мне питаешь, чтобы вообразить, что у тебя может быть когда-либо в мысли в чем-либо мне противоречить или меня огорчить.

[7] Лучшие приветы мёсьё Шайе и Генриху; мадемуазель Шлейн... Прошу тебя, милая Ташинька, напомнить обо мне доброй и милейшей Авдотье Петровне и мадам Бабе.

Mr. Chaillet, Henry, m-lle Sehleine, Марья Христофоровна, Софья Карловна — повидимому многочисленные иностранные учителя, гувернеры и гувернантки, жившие в семье Гончаровых. M-me Babet — любовница Афанасия Николаевича, привезенная им из Франции. В семье за глаза величали ее «парижской прачкой», однако оказывали ей по требованию А. Н-ча все знаки внимания, как хозяйке дома.

[8] Повидимому, учитель.

[9] Дети Н. А. и Н. И. Гончаровых, сын Дмитрий Николаевич и старшая дочь Екатерина Николаевна (род. в 1809 г.). Кроме того у Гончаровых были в это время сын Иван (род. в 1810 г.) и дочери Александра (род. в 1811 г.) и Наталья, будущая жена поэта (род. в 1812 г.). Н. А. в письме называет их «и протчими».

№ 4. Н. А. ГОНЧАРОВ — А. Н. ГОНЧАРОВУ

Милостивой Государь Батюшка
Афанасий Николаевич,

Приношу вам мою благодарность за присланной мне через Наталью Ивановну [1] перстень с портретом, прадедушки Афанасия Авраамовича [2] — Я принял его с должною признательностию. — Чувствуя по недостоинству моему что не заслуживаю я от вас такого внимания и памяти вашей обо мне, позвольте мне, подарить его Митиньке [3] которой надеюсь, с возрастом своим будет достойнее иметь такой памят-

ник и лутче меня заслужит звание достойного потомка фамилии Гончаровых. — Ожидая вашего на то позволения, или позволения отдать его под сохранение Наталье Ивановне, пребыть честь имею

Покорной ваш сын,
Уничтоженная тварь
Николай Г...ров.

Поздравляя вас, Милостивой Государь батюшка с рождением Митиньки цалую ваши ручки.

Никитская.[4]

1-го Мая, 817 г.

На обороте:

Его высокоблагородию Милостивому Государю Афанасию Николаевичу Гончарову. На Полотняном Заводе.

На двух листках с водяным знаком: А. Гончаров 1815. Запечатано именной печатью.

Письмо из Москвы в Полотняный Завод.

[1] Жена Н. А., очевидно, только что приехавшая от А. Н. из Завода.

[2] Основатель Полотняного Завода.

[3] Старший сын, которому 1 мая 1817 г. исполнилось девять лет.

[4] После начала психического расстройства Н. А. жил почти все время в московском доме Гончаровых на Никитской ул. (угол Скарятинского переулка).

№ 5. Н. И. ГОНЧАРОВА — А. Н. ГОНЧАРОВУ

28 de Novembre

Из письма мужнина, увидить изволите сколько порадывало его письмо ваше любезной Батюшка; шубу медвежию сопаги валиные равно и утришные всё получили, так же и варенья сыропь и постилу. Двое валинных сапог по получения в тотже час подарил одни Павлу Сергеичу а другие однаму моладому человеку, который живет у господина Грейца также и утришные просил Павла Сергеича чтоб он их принял, потому что они для него слишком норядны; и остался сам при одних паношиных, прошу вас любезнай Батюшка прислать, хотя пары три или две самых простиньких безо всякого шитья, ко мне потаму что ежели вы ему прикажите отдать то он апять раздаст всё и останется не причем, удержать его этаго никак нельзя чтоб не рассердить, почему и принуждены в безделицах выполнять волю его; шапку, шубу и перчатки однакож оставил у себя, из письма его конечно увидить можете что голава его гораздо стала свежее, мысли же свои противу ближних к нещастию еще не переменяет, овось ли бы ежели бог столько будет милостив и возвратит ему совершенное понятие то канечно и предубеждение противу родных своих так как и противу меня переменит; вчерашный день была я у него с Детьми, он принял Детей очень ласкова, подозвал Ташу[1] и спросил у нее пишит ли она к Марье Христафоровне[2]. Таша отвечала ему очень смела пишу-с на что муж мой улыбнулся, патом дал им слаткова, а мне подал письмо ваше. Катя[3] показала ему те которые она получила от Мити[4]; на что он ей сказал да приятно очень от ближних получать известия, да не так как мне потаму что я их незаслуживаю, и продолжал обыкновенные свои речи, по письму его к вам видно однакож, что ваше его утешила и прашу вас любезнай Батюшка по чаще к нему писать, всякой раз что я получаю с почты письмы, он присылает у меня прасить, я вынуждена их ему казать чтобы его не сердить; грустно очень для меня любезнай Батюшка, что вы изволили взять со всем в другом смысле, намерение мое, в рассуждение письма мужнина, каторое вам послала лишь для того чтоб вы магли видить сколько голава его освежилась, а савсем не с тем намерением чтобы

когда нибуть магла его оставить однаго, ответ каторый я ему написала, при сем вам посылаю изволите ясно увидить из оного намерение мысли мои, хатя конечно обхождение мужа моему со мною не ответствует ни в чём его прежнии ко мне любви но могу ли я когда нибудь переменить свое намерении и оставить его однаго, верна никогда не в состояние сего зделать; Теперь любезный Батюшка позвольте вас попрасить прислать нам хотя одни сани так как я с Детьми праезживаюсь когда время позваляет, а так как здесь всего двое саней, и то адни находются теперь в Москве, по отъезду Сестренному [в Москву] Павел Сергеич ей их дал. Обезали бы очень когда проездать будите в Москве, взять их у Кнежне Черкаской, где они находются, и привести абратно сюда. Прастите ежели осмеливаюсь вас сим утруждать, желалась бы избавить Павла Сергеича от хлапот паслать нарочного. Дети цалуют ручьки ваши вмести со мною, за сим любезнай Батюшка пожелав вам Совершеннаго здаровья

Пребыть честь имею с истенной маей приверженностию.

пакорная дочь ваша

N. Г.

На сложенном пополам полулисте с водяным знаком: А. Гончаров 1815.

Письмо, повидимому, написано из Полотняного Завода в Петербург; по времени, вероятно, отстоит не очень далеко от предыдущего, относясь либо к тому же 1817 г. либо к ближайшим годам. «Предубеждение» Н. А-ча против жены в дальнейшем заходило так далеко, что во время буйных припадков он неоднократно бросался на нее с ножом.

[1] Младшая дочь Гончаровых (родившаяся в 1818 г. Софья умерла в том же году), Наталья, будущая жена Пушкина. Была любимицей деда.

[2] Повидимому, гувернантка Таши (см. письмо 3).

[3] Старшая дочь Гончаровых.

[4] Старший их сын.

№ 6. Д. Н. ГОНЧАРОВ — А. Н. ГОНЧАРОВУ

Любезнейший Дедушка,

Вы верно пеняете на меня что так долго медлил исполнить свою обязанность писать к Вам. — Прибывши сюда благополучно 4-го числа сего месяца, я остановился в Лондоне [1] где и пробыл только три дня, а потом переехал в Галерную улицу в дом Киреева, где живет также граф Тормасов; тут нанял я квартеру за 35 руб. в месяц. — На другой же день как я переехал в сей дом я занемог крапивной лихорадкой, столь жестокой что я не имел покоя и ничем не мог заняться. Теперь слава богу совершенно от оной избавился, и четвертого дни воспользовался снятием карантина в Царском Селе, чтобы повидаться с Ташей. Я видел также Александра Сергеевича; между ими царствует большая дружба и согласие; Таша обожает своего мужа, который также ее любит; дай бог чтоб их блаженство и впредь не нарушались. — Они думают переехать: в Петербург в Октябре; а между тем ищут квартеры.

В городе почти никого нет из знаменитых особ; Граф Кочубей и Наталья Кириловна [2] переезжают только завтра; они в Царском Селе; императорский двор еще там находиться и будет сюда не прежде как в Октябре. Княгиня Ловичь [3] супруга цесаревича в Царском Селе, но очень опасна больна — даже говорили при смерти. — Что же касается до путешествии гр. Нессельрода [4], оно ограничилось пребыванием его всё лето при государе императоре; он всё однакожь заведывает Министерством и часто приезжает в город. —

На щет моей службы, имею честь доложить Вам, что г. Родофиникин [5] меня принял очень благосклонно, и хотя до сих пор я реши-

тельно еще ничего не делал, но не менее того имею надежду чрез его ходатайство выпросить себе место в какую-нибудь Миссию; чего мне весьма хочется, ибо здесь делать совершенно нечего.

О Вашем деле еще ничего не мог выведать, столько по причине моей болезни, задержавшей меня некоторое время дома, равно и по трудности сообщения с теми лицами, к коим надлежит обратиться и которые находятся еще по дачам. Но будьте уверены любезнейший Дедушка, что я употреблю по сему предмету все мои силы, и о последствии не замедлю Вас уведомить [6].

Осмеливаюсь, Любезнейший Дедушка, обременить Вас просьбою приказать хотя Сереже [7], чтобы уведомить меня угодно ли графу Орлову купить моего персидского жеребца; признаюсь, что бывши вынужден расплатить бо́льшую часть долгов, я начинаю крайне нуждаться в деньгах, тем более что я принужден был истратить на свое домашнее обзаведение а равно и по случаю болезни; почему если удастся продать сего жеребца за 1500 руб., таковая сумма обеспечить меня по крайней мере на три месяца, ибо 500 рубл. из оных я намерен выплатить часть остального долгу портному, который жестоко мучит меня; также я должен заплатить 505 руб. за Персидский Орден [8]. — Впрочем, имею в виду еще 74 червонца, находящиеся в Тифлисе; но не знаю добьюсь ли я их, хотя об оных я уже писал.

Дней с пять тому назад, я отправил в Москву маленькую посылку на ваше имя, содержащую пару сапог торжских, которые осмеливаюсь поднести Вам; весьма щастлив буду если сия безделица будет принята Вами благосклонно. Прочие же заключающиеся в оной же посылке 4 пар башмаков осмеливаюсь покорнейше просить передать Маминьке и Сестрицам [9].

Прощайте, Любезнейший Дедушка, целую Ваши ручьки, остаюсь на всегда с истинным почтением и неограниченною преданностию.

Вашим покорнейшим внуком

Дмитрий Гончаров.

С. Петербург
сего 24-го Сентября
1831 г.

На обороте:

P. S.

Недели две тому назад я встретил Петр Ивановича Носова, который и затащил меня к себе; я провел у него вечер; между прочим заговорились мы о невыгодных теперешних обстоятельствах для сбыту парусинных полотен; по сему случаю он сказал мне свое мнение, что можно бы было попробовать выделывать фламское полотно, ибо разница в обделке оного весьма мала против обделки парусиных, между тем как сей товар весьма в большом употреблении для солдатских потребностей, и даже более и легче можно сбыть с рук чем миткаль. При том же работники привыкшие делать парусинные полотно гораздо легче и скорее примутся за фламское полотно нежели за миткаль, которая будет им стоить более труда чтоб приучиться к выделке оной. — О таком нашем разговоре обязанностию считаю вас уведомить. —

На четырех листках с водяным знаком: А. Г. 1829.

[1] «Лондон» — гостинница в Петербурге. В поисках квартиры для Пушкиных, вероятно, принимал участие и Д. Н. Во всяком случае квартира была снята Пушкиным по соседству с последним, на той же Галерной улице, в доме Брискорна (см. письмо Пушкина к П. В. Нащокину от 24 октября 1831 г.). Д. Н. в это время сделался своим человеком у Пушкиных. В письме к беременной жене из Москвы от 8 декабря 1831 г. Пушкин писал: «Вели брату смотреть за собой и воли не давать».

[2] Загряжская, Наталья Кирилловна (1747—1837), урожд. графиня Разумовская, внучатая тетка Д. Н. и Н. Н. Гончаровых, фрейлина Елизаветы Петровны и Екатерины II, пользовавшаяся огромным авторитетом в придворных и светских кругах. Жила в доме своего родственника, князя В. П. Кочубея (1768—1834), занимавшего один из важнейших постов в империи — председателя государственного совета и комитета министров.

[3] Княгиня Лович — урожд. графиня Грудзинская — морганатическая жена старшего брата Николая I, Константина Павловича. Умерла в Царском Селе 17 ноября 1831 г.

[4] Гр. Нессельроде, К. Р. (1780—1862), занимал в течение более тридцати лет (1822—1856) пост министра иностранных дел.

[5] К. К. Родофиникин (1760—1838) — директор Азиатского департамента министерства иностранных дел.

[6] «Дело», о котором пишет Д. Н. деду, — попытка получить правительственную субсидию для поправления дел гончаровской фабрики, вконец расшатанной неудержимым мотовством Афанасия Николаевича (см. об этом подробнее в письме 7).

[7] Младший брат Д. Н. и Наталии Николаевны, Сергей Николаевич (1815—1865).

[8] Орден, полученный Д. Н. за пребывание в Персии.

[9] Сестрицы — Е. Н. и А. Н. Гончаровы.

№ 7. Д. Н. ГОНЧАРОВ — А. Н. ГОНЧАРОВУ

Любезнейший Дедушка,

Спешу уведомить Вас, что письмо Ваше от 9-го числа сего месяца имел я честь получить третьего дня. Что же касается до того, которое Вы изволили писать ко мне 10 дней после моего отъезда с препровождением письма графа Орлова, я не получал: вероятно оно затерялось.

Прискорбно мне, Любезнейший Дедушка, что Вы изволите делать мне упреки, сомневаясь в моей привязанности к моему семейству, будто бы я не стараюсь и равнодушно действую по делу Вами мне поручаемому и меня самого интересующему; последнее мое письмо к Вам от 14-го Октября в коем я упоминаю о решительном отзыве Министра Финансов[1], на щет подачи Вам помощи на фабрики явно свидетельствует Вам, каково расположение его на щет сего предмета; почему и решился я предложить Вам воспользоваться присутствием Государя Императора в Москве, чтобы тотчас дать сему делу надлежащий ход; ибо я здесь другого способа не нахожу к достижению сей цели.

Поверьте, Любезнейший Дедушка, что я слишком дорожу благоденствием Вашим и всего семейства, чтобы не принять живейшее участие в растроенном Вашем положении, и я бы за щастие почел если б я мог принести малейшую пользу для общего блага всего нашего дома; но из последнего моего письма Вы сами изволили видеть какие слабые можно иметь надежды и что таковое дело не легко можно скоро привести к желаемому коньцу. — Вот всё что могу представить Вам в мое оправдание[2].

Я показывал ваше письмо Александру Сергеевичу; он сам негодует на клеветы г. Дурнова[3], и если бы Генерал Бенкендорф был здесь, то он бы довел до его сведения неосновательность таковых доносов.

Что же касается до отпуска моего в Ноябре или Декабре, я постараюсь выхлопотать оный и буде получу то немедленно отправлюсь к Вам.

Персидского жеребца я полагаю можно отправить в Москву к Шульцу, который пусть подержит его у себя один месяц или два; если в течении сего времени не успеет продасть, то в таковом случае позвольте возвратить его на Завод до поры до времени.

При сем священною обязанностию считаю принесть Вам искренную мою благодарность за обещанные Вами мне 1 000 рублей.

Прощайте, Любезнейший Дедушка, ради бога не гневайтесь на меня, и верьте что я всем готов жертвовать чтобы только доказать Вам готовность мою содействовать ревностно для блага нашего Семейства, с благом коего сопряжено мое собственное счастие.

Целую Ваши ручки, остаюсь навсегда с истинным почтением и совершенною преданностию

Вашим покорнейшим внуком
Дмитрий Гончаров

Вернее адресовать письма: в Галерную улицу в дом Киреева. В Департаменте или теряют или забывают отдать.

Письмо написано из Петербурга в Полотняный Завод в 20-х числах октября 1831 г. Основанием для датировки служат: ссылка на последнее письмо к деду от 14 октября; получение «третьего дня» письма от деда от 9 октября, указание на «присутствие государя императора в Москве» («Что-то Москва? Как вы приняли государя», спрашивает Пушкин в письме к Нащокину от 24 октября 1831 г.); наконец, сообщение Д. Н. о намерении «выхлопотать» отпуск и приехать в Полотняный Завод в ноябре или декабре.

[1] Министр финансов — гр. Е. Ф. Канкрин, занимавший этот пост с 1823 г. по 1844 г.

[2] Расстройство дел Афанасия Николаевича к этому времени достигло апогея. После его смерти, вскоре последовавшей, было учреждено 1 ноября 1852 г. опекунство над имениями Гончаровых. Опекуном, за болезнью «повредившегося в уме» отца, был назначен Дмитрий Николаевич.

[3] Возможно тот самый, о котором упоминает Н. А. в письме № 3.

Д. Благой

V. О ПУШКИНЕ

Публикация и комментарии М. Цявловского

I
ВОСПОМИНАНИЯ О. С. ПАВЛИЩЕВОЙ

Впервые полностью (спустя восемьдесят три года после их написания!) публикуемые воспоминания о детстве Пушкина сестры его являются одними из первых воспоминаний о поэте. Написанием их мы обязаны Павлу Васильевичу Анненкову.

Когда осенью 1851 г. П. В. Анненков приступил к составлению биографии Пушкина, которая должна была быть напечатана при полном собрании его сочинений, брат Павла Васильевича, Иван Васильевич, официально бывший тогда издателем этого собрания, обратился к проживавшей в это время в Петербурге О. С. Павлищевой с просьбой поделиться своими воспоминаниями о детстве поэта. Очевидно не надеясь на свои литературные силы, Ольга Сергеевна в свою очередь обратилась к помощи своего мужа, который и написал с ее слов «Воспоминания о детстве Пушкина». Рукопись этих воспоминаний, вся написанная аккуратным почерком Н. И. Павлищева и представляющая собою тетрадь (размером в лист) в тринадцать листов, и публикуется нами. Воспоминания эти имели свою историю. После того как они поступили к Анненкову, копию с них получил от самой Ольги Сергеевны приятель Пушкина С. А. Соболевский, вскоре после этого, в начале 1852 г., познакомившийся с П. И. Бартеневым, собиравшим материалы для биографии Пушкина. Узнав о существовании воспоминаний Павлищевой, Бартенев просил Соболевского познакомить его с сестрой поэта. Об этом так писал Соболевский (6 декабря 1854 г.) Н. И. Павлищеву: «Приезжаю раз к Ольге Сергеевне и прошу ее о позволении привезти к ней некоего юношу Бартенева, ревностного собирателя сведений об Александре Сергеевиче. Позволение мне дано: «впрочем, — промолвила Ольга Сергеевна, — всё, что я знаю и помню о детстве брата, внесено в эту тетрадь; возьмите ее и сообщите ему». Тут не было прибавлено ни слова о том, чтобы вышеписанная тетрадь была составлена для особой цели или в пользу какого-нибудь лица; ergo, Бартенев имел полное право пользоваться ее содержанием; я же имел не только право, но и обязанность сообщить тетрадь Бартеневу»[1]. Что дело было именно так, подтверждают и слова самой Павлищевой, которая, хотя и утверждала в письме (1854 г.) к Бартеневу, что муж ее «единственно для господина Анненкова составил из слов ее краткое начертание о детстве покойного брата», тем не менее должна была признаться, что при личном свидании с Бартеневым «советовала ему обратиться к самому господину Анненкову или к Сергею Александровичу Соболевскому, у которого тогда находилась копия» с воспоминаний[2].

Получив эти воспоминания, Бартенев использовал их в своей статье «Род и детство Пушкина», напечатанной в № 11 «Отечественных Записок» за 1855 г. В примечании к статье этой (на стр. 10) воспоминания Павлищевой указаны в числе источников, которыми пользовался автор. Ссылка на воспоминания сделана только один раз (на стр. 17), но сличение их с текстом статьи позволяет установить, что именно взял Бартенев из этого источника.

[1] Модзалевский, Б. Л., Пушкин, стр. 313.
[2] Там же, стр. 311—312.

Бартеневым взяты почти исключительно в его пересказе:

из	абзаца	2,	строки	1—3	воспом.	Павлищ.	на	стр.	19,	строки	32—33
„	„	3	„	18—19	„	„	„	„	17	„	25—26
„	„	7	„	1—5	„	„	„	„	„	„	17—21
„	„	„	„	7—9	„	„	„	„	„	„	21—24[3]
„	„	8	„	1	„	„	„	„	„	„	30—31
„	„	„	„	7—8	„	„	„	„	18	„	2
„	„	9	„	1—6	„	„	„	„	„	„	12—16
„	„	„	„	6—8	„	„	„	„	„	„	21—22
„	„	10	„	3	„	„	„	„	„	„	27[4]
„	„	„	„	24—25	„	„	„	„	„	„	26[5]
„	„	14	„	9	„	„	„	„	„	„	26[6]
„	„	15	„	2—3	„	„	„	„	„	„	27—28
„	„	16	„	1	„	„	„	„	„	„	1—2
„	„	„	„	4—8	„	„	„	„	„	„	9—12
„	„	17	„	2—3	„	„	„	„	19	„	34—36
„	„	19	„	2—5	„	„	„	„	18	„	4—8
„	„	22	„	4	„	„	„	„	20	„	4
„	„	„	„	5—10	„	„	„	„	19	„	39— стр. 20, строка 3
„	„	„	„	11—13	„	„	„	„	20	„	5—7
„	„	23	„	5—6	„	„	„	„	18	„	8—9
„	„	25	„	8—9	„	„	„	„	16	„	23—24
„	„	27	„	1—7	„	„	„	„	13	„	30—35
„	„	30	„	3—4	„	„	„	„	17	„	24
„	„	31	„	15—18	„	„	„	„	15	„	22—24
„	„	„	„	28—30	„	„	„	„	17	„	16—17
„	„	33	„	2—3	„	„	„	„	16	„	9—11
„	„	„	„	3—5	„	„	„	„	16	„	11—12
											14—15

Публикация этой статьи прошла незамеченной Анненковым, во всяком случае он никак не реагировал на нее. Но когда появились в «Московских Ведомостях» 1854, в №№ 71 (от 15 июня), 117 (от 30 сентября), 118 (от 2 октября) и 119 (от 5 октября) две главы: «Детство» и «Лицей» работы Бартенева «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии», — поднялась буря.

Как и в статье «Род и детство Пушкина», Бартенев и в этой работе указал, что он пользовался воспоминаниями Павлищевой, поместив на 2-й странице (отдельного оттиска)[7] примечание: «Большую часть сведений о детстве Пушкина мы заимствуем из записки, составленной со слов сестры его, действительной статской советницы Ольги Сергеевны Павлищевой, и приносим ей за то усерднейшую благодарность».

Примечание это послужило для П. В. Анненкова основанием обвинить Бартенева в присвоении чужой собственности. Брат Павла Васильевича Иван Васильевич, сообщая Н. И. Павлищеву, что Бартенев в № 71 «Московских Ведомостей» воспользовался воспоминаниями Ольги Сергеевны, «как будто это была его собственность или поручена ему для опубликования», писал (16 октября 1854 г.): «Теперь, когда уже началось печатание нового издания сочинений Пушкина, вы легко поймете, как неприятно будет брату моему носить упрек в присвоении чужой собственности или употреблении материалов, не принадлежавших изданию. Вот почему обращаюсь к вам с убедительнейшей просьбой уведомить меня, дано ли было вами позволение г. Бартеневу к опубликованию записки вашей. В случае, если никакого позволения от вас не было, то я прошу вас послать в редакцию «Московских Ведомостей» или журнала «Москвитянин» небольшую записку

---

[3] К этому месту Бартеневым сделано примечание: «Из Воспоминаний сестры Ольги Сергеевны, ныне действительной статской советницы Павлищевой.

[4] Упоминание гр. Местра.

[5] Упоминание Дмитриева.

[6] Упоминание Батюшкова.

[7] Дальше указываются страницы отдельных оттисков указанных глав статьи Бартенева.

с объяснением истины и с подтверждением, что записка исключительно принадлежит изданию Пушкина, которое теперь печатается»[8].

Не подозревавший о том, какие неприятности ему готовятся, Бартенев 30 октября, посылая сестре поэта оттиски своей статьи, благодарил ее «за сведения, найденные им в записке ее об детстве его» и просил «об исправлении и указании сделанных им ошибок», так как «биография Александра Сергеевича есть дело общее: это одно дает мне смелость обращаться к вам с подобною просьбою»[9]. Ответа на это письмо Бартенев долго не получал, а между тем П. В. Анненков в письме от 13 ноября с своей стороны извещал Павлищева, что, если он «признает нужным сделать какую-либо протестацию против самоуправства автора, то нескольких строк в «Московских Ведомостях» будет достаточно»[10]. Получив это письмо, Павлищев 23 ноября писал жене, жившей в Петербурге: «Из статьи Бартенева видно, что ты давала ему эту записку. Но отдавая ее ему, не помнишь ли, что ты ему сказала: разрешила ли ею пользоваться, как ему угодно, или давала ему только для прочтения? Согласно твоему ответу я напишу статью в «Московские Ведомости». Если он употребил во зло рукопись, данную ему только для прочтения, то взмою ему голову; если же он имел от тебя разрешение поступить с запискою, как ему угодно, то ограничусь только объявлением, что она составлена мною для Анненкова, по желанию и просьбе его, как издателя сочинений Пушкина»[11].

Дальнейшие перипетии этой истории изложены Бартеневым в следующей неопубликованной записи в его дневнике под 5 декабря 1854 г.:

«Утром, возвратясь домой, нашел у себя записку Соболевского, который звал меня к себе. Анненков неутомимо оберегает якобы свою литературную собственность. О. С. Павлищева прислала Соболевскому письмо своего мужа из Варшавы[12], в котором он спрашивает ее, действительно ли она позволяла мне пользоваться запискою, составленною им с ее слов о детстве Пушкина, и если нет, то грозит напечатать объявление и уличить меня в покраже. Ольга Сергеевна советуется с Соболевским[13] и поручает ему передать свое письмо ко мне, в ответ на мою присылку двух моих брошюр (при чем я благодарил ее за Записку). В письме своем она изъявляет свое удивление, за что я благодарю ее, говоря, что она никогда не давала мне права пользоваться Запискою, и что Анненков приведен в справедливое негодование против нее и ее мужа за то, что я напечатал будто принадлежащее ему[14]. Видно, что Анненков совершенно смутил стареющуюся сестру Пушкина. Во-1-х, она именно дала Соболевскому Записку для передачи мне (в начале 1852 года); во-2-х, я напечатал из нее не больше 35 строк. Соболевский взялся оправдать меня.

Анненков поступил со мною по праву сильного и неблагодарно. В конце 1851 года, когда Погодин прислал его ко мне[15], он выпрашивал у меня мои бумаги, ласкался ко мне. Тогда он знал о Пушкине почти столько же, сколь я теперь знаю например о Батюшкове. Он брал сначала в Москве, а потом в Петербурге несколько раз бумаги мои к себе на дом, пользовался ими (и за то давал мне [списать] читать только запрещенную статью о Радищеве[16] да каталог

---

[8] Указ. книга Модзалевского, стр. 306.
[9] Там же, стр. 307—308.
[10] Там же, стр. 308.
[11] Там же, стр. 310.
[12] Имеется в виду письмо Н. И. Павлищева от 23 ноября, напечатанное Б. Л. Модзалевским в указанной книге, стр. 309—310.
[13] Письмо Павлищевой к Соболевскому в печати неизвестно.
[14] Письмо это напечатано Б. Л. Модзалевским в указанной книге, стр. 311—312.
[15] В архиве Бартенева сохранилась записка Погодина от 3 октября (1851 г.): «Павел Алексеевич (sic!) Анненков желает с вами познакомиться. Я очень был бы рад, если б вы уладили соединенными силами общее дело, столько важное для всей литературы».
[16] Об этом см. стр. 544 настоящего тома.

библиотеки Пушкина[17]. Исчерпав всё, что я знаю, он сделался со мною скрытен. Теперь по выходе первых двух брошюр моих[18] (я начал писать единственно потому, что отчаялся в выходе его труда), он стал писать сюда письма[19], как неприятны ему мои статьи, как боится он за успех своего издания, для которого будто бы заложил имение[20], грозил мне через Грановского, говоря, что дети Пушкина запретят мне обнародывать неизданные стихи Пушкина (у меня приведено 3 отрывка[21] — право, которое дозволяли себе Сушков[22], Погодин[23], Тихонравов[24], Краевский[25] и пр.); наконец, в здешнем Цензурном комитете получена от министра бумага, воспрещающая пропускать без высшего разрешения все статьи о Пушкине впредь до издания Анненковского. Быть так!»[26].

Затем в дневнике Бартенева под 13 декабря есть такая запись: «Гувернер Васи, племянника и наследника Кузьмы Терентьевича[27], Рейман передал мне письмо от 4 дек. 1854 г. к Грановскому Анненкова: Грановский поручил Рейману дать мне это письмо для прочтения. Вот выписка из него, ко мне относящаяся:

«Можно наплевать в глаза тому, кто распустил в Москве благородное подозрение о том, будто я сочинил запрещение о печатании Пушкина. Это постановление сделано здесь, и конечно без моего содействия, еще в 1852, для гарантии семейных прав пушкинских наследников, так что даже для статей о Дельвиге Гаевского[28] цензор Бекетов требовал, в отношении прозы и стихов Пушкина, согласия моего, как получившего эти права по передаче. Это первое. А второе и главное: я запретил печатание чего-либо про Пушкина. Кроме нравственных трудностей, но спрашиваю: был ли пример подобного ходатайства где-либо со стороны частного человека и литератора, и возможно ли предполагать, чтоб какое-либо министерство было столь... столь, что приняло его. Неимоверно.

А дело вот в чем. В «Москвитянине» появилась сцена удалого чернеца из «Бориса Годунова»[29]. Я вступил с прошением, чтоб и мне дозволили включить ее. Мне отказали, или лучше я сам отказался[30], но я имел удовольствие слышать, что я подал донос на журнал. У меня вычеркнули мысли Пушкина о Державине,

---

[17] Это каталог, составленный опекой над малолетними детьми Пушкина. См. о нем статью Л. Б. Модзалевского, в № 16—18 «Литературного Наследства».

[18] Бартенев разумеет оттиски своих статей в «Московских Ведомостях».

[19] Разумеются письма Анненкова к Т. Н. Грановскому и М. Н. Каткову.

[20] Уплатив опеке над малолетними детьми Пушкина всего пять тысяч, Анненков получил за свое издание полного собрания сочинений Пушкина по расчету Б. Л. Модзалевского сорок тысяч чистого дохода. См. указ. книгу, стр. 309.

[21] Бартеневым во второй статье: «Лицей» в № 117 «Московских Ведомостей» впервые напечатаны: первые восемь и последние шестнадцать стихов из стих. «Воспоминания в Царском Селе» (стр. 3 и 7); в № 118 — четыре стиха из стих. «Наперсница волшебной старины» (стр. 27) и сорок девять стихов из стих. «К сестре» (стр. 30—31).

[22] В альманахе Н. В. Сушкова «Раут» 1854, кн. III было напечатано стих. «Кн. А. М. Горчакову» («Питомец мод...»).

[23] В «Москвитянине» Погодина в 1841 г. были напечатаны стих.: «В альбом Щербинину» (№ 4) и «Циклоп» (№ 10); в 1842 г. «В альбом Зубову (№ 6). В «Историческом альбоме» Погодина 1853 г. — стих. «Есть роза дивная».

[24] Н. С. Тихонравовым в «Москвитянине» 1854, № 5, март, кн. 1, стр. 9—11 напечатаны письма Пушкина к А. А. Фукс.

[25] В «Отечественных Записках» А. А. Краевского впервые напечатаны: 1839 г., № 1 «Долго сих листов заветных», 1840 г., № 1 «Когда-то, помню с умиленьем» и № 10 «В альбом А. О. Россети», 1841, № 1, «Три ключа» и 1846 г., № 4 «Моя родословная».

[26] Дневник Бартенева, хранящийся в Государственном Литературном Музее (32/1276).

[27] Солдатенкова.

[28] В «Современнике» 1853 г., №№ 2 и 5 и 1854 г., №№ 1 и 9.

[29] Сцена «Ограда монастырская» из «Бориса Годунова» напечатана в «Москвитянине» 1854, № 5, кн. I.

[30] Из напечатанных в книге «Дела III отделения собственной е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине», СПБ., 1906, стр. 237—239 официальных бумаг по этому делу видно, что напечатанное Тихонравовым в «Москвитянине» Анненкову разрешено было включить в издаваемое им собрание сочинений Пушкина. Непонятно, почему Анненков не воспользовался этим разрешением.

я вступил с прошением, приведя безалаберные помарки цензора[31]. Мысли мне дозволили, но Фрейганг говорил, что я на него подал донос. У меня вычеркнули Лицейскую внутренюю жизнь Пушкина, я ссылался на статьи Гаевского и Бартенева[32], что и вызвало предписание. Это, может статься, неловко; но я полагаю, что я был обязан так поступать, да если бы пришлось второй раз начинать, то точно так же бы поступил. А вот распустить слух, что я выхлопотал запрещение, и правдоподобность ему дать в минуту появления издания, всё это, правда, ловко, но гадко, мерзко и огорчительно. Только это не надолго. Однакож буду писать еще к Каткову![33] Здесь и Самарин привез эту канцелярскую сплетню, и ему скажу. А там она сама себя оголит и мерзости свои покажет»[34].

Свое обещание «оправдать» Бартенева Соболевский исполнил. На более чем странное письмо Павлищевой он ответил ее мужу 6 декабря: «На днях, любезный Павлищев, получил я письмо от Ольги Сергеевны, к которому приобщено было ваше от 23 ноября. Претензии Анненкова вздорны: вот как было дело». Рассказав далее о свидании Бартенева с Павлищевой, что приведено нами выше, Соболевский продолжал: «Из сего следует, что вы, любезнейший Павлищев, не имеете ни малейшего повода претендовать на Бартенева de jure. А что и de facto претендования на него быть не может, в том уверитесь вы из самой его статьи, при сем прилагаемой. Статья содержит 66 + 16 страниц (82 страницы), каждая страница содержит до 35 строк; положим только 80 страниц по 30 (только) строк на каждую; и так написано на этот раз Бартеневым 2400 строк.

Сколько заимствовано Бартеневым из тетради Ольги Сергеевны и не было прежде у Бантыша-Каменского и других биографов?

1) то, что мать Пушкина называли креолкою,

2) то, что Дельвигу нравились письма бабки Пушкина (другие подробности о сей последней слышаны Бартеневым от родной его тетки Надежды Петровны Бурцевой, которая коротко знала Марию Алексеевну Ганнибал и Надежду Осиповну Пушкину),

3) Анекдот: Ну нечего скалить зубы,

4) то, что сказано о первых поэтических стихах Пушкина,

5) то, что Пушкина крестил Воронцов.

Вот и всё. Остальное о детстве Пушкина взято из Бантыша-Каменского, пи-

---

[31] Цензор Фрейганг предлагал исключить отзыв Пушкина о Державине в письме к Дельвигу от начала июня 1825 г. (№ 149 МПП). Объяснения Анненкова в защиту этого отзыва имеются в его «объяснительной записке», поданной Главному правлению цензуры в 1854 г. См. «П. В. Анненков и его друзья», СПБ, 1892. стр. 403—405.

[32] Об этом ничего нет в напечатанных Анненковым извлечениях из его «объяснительной записки».

[33] Письмо П. В. Анненкова к М. Н. Каткову в печати неизвестно. Но из ответного письма последнего видно, что Анненков выражал Каткову, как редактору — издателю «Московских Ведомостей», где печатались статьи Бартенева, свое неудовольствие по поводу последних, пользуясь, как правильно заметил Бартенев, своим «правом сильного». Катков 3 ноября писал Анненкову: «Первое письмо ваше очень встревожило и огорчило меня. Я никак не предвидел, какое неудовольствие должна была причинить вам статья Бартенева. Ничего не знал я об отношениях его к вам. Зная о вашем предприятии, подумал даже, что статьи Бартенева, как материалы для биографии Пушкина, могли быть некоторыми частностями не бесполезны для вас. Теперь, после вашего письма, я вижу дело в ином свете. Зачем только вы не написали мне ничего после появления первой статьи Бартенева в «Московских Ведомостях»? Будьте уверены, что я буду теперь осторожнее и «Московские Ведомости» не подадут вам ни малейшего повода к неудовольствию в этом отношении. Бартенева по получении вашего письма я еще не видал, но успел однако дать ему кое-что почувствовать чрез посредство одного общего знакомого: он в оправдание свое замечает, что ему дано право на обнародование фактов биографии Пушкина и некоторых не напечатанных его отрывков каким-то Соболевским, опекуном детей поэта; вероятно, вы знаете сего индивидуума. Повторяю, что больше не будет вам повода к неудовольствию». («П. В. Анненков и его друзья». Изд. А. С. Суворина. СПБ., 1892, кн. I, стр. 491—492).

[34] Дневник Бартенева, хранящийся в Государственном Литературном Музее

савшего со слов Сергея Львовича. Ergo, из 2400 строк статьи Бартенева, только 50 (ad maximum, и то гораздо меньше) почерпнуты из того, что есть в статье, писанной со слов Ольги Сергеевны»[35].

И сам Бартенев, утверждавший (в своем дневнике), что он напечатал из воспоминаний Павлищевой «не больше 35 строк», и Соболевский, писавший, что Бартеневым заимствовано из них «maximum 50 строк», преуменьшали эти заимствования. Конечно, если считать только то, что́ привел Бартенев в своей статье из воспоминаний Павлищевой в качестве цитат, в кавычках, то действительно окажется, что Бартенев взял лишь тридцать три строки (стр. 12—13 отд. от. статьи Бартенева в № 71 «Московских Ведомостей»). Но Бартенев далеко не ограничился этими цитатами. Не говоря уже о вышеуказанных заимствованиях в статье его «Род и детство Пушкина» из воспоминаний Павлищевой, в статье, напечатанной в № 71, Бартеневым взяты:

из	абзаца	3,	строки	14—16	воспом.	Павлищ.	на	стр.	5, строки	19—20
„	„	„	„	17—19	„	„	„	„	4 „	18—22
„	„	6	„	1—2	„	„	„	„	7 „	33—стр. 8, строка 1
„	„	7	„	2—4	„	„	„	„	6 „	1—5
„	„	„	„	5—6	„	„	„	„	4 „	4—5
„	„	„	„	7—9	„	„	„	„	6 „	8—13
„	„	8	„	1—3	„	„	„	„	6 „	14—17
„	„	„	„	3—6	„	„	„	„	7 „	2—6
„	„	„	„	7—8	„	„	„	„	7 „	14—16
„	„	9	„	1—6	„	„	„	„	12 „	2—13
„	„	„	„	6—8	„	„	„	„	10 „	23—26
„	„	10	„	1—3	„	„	„	„	11 „	7—11
„	„	12	„	3—4	„	„	„	„	„ „	18—22
„	„	„	„	6—7	„	„	„	„	„ „	
„	„	„	„	10—11	„	„	„	„	„ „	23—25
„	„	13	„	1—2	„	„	„	„	„ „	32—стр. 11, строка 1
„	„	14	„	7—8	„	„	„	„	10 „	5
„	„	„	„	9[36]	„	„	„	„	11 „	19—20
„	„	15	„	2—3	„	„	„	„	12 „	22—23
„	„	16	„	1	„	„	„	„	12 „	16—17
„	„	„	„	2—3	„	„	„	„	4 „	10—12
„	„	„	„	3—4	„	„	„	„	7 „	18, 25—28
„	„	„	„	5—8	„	„	„	„	6 „	9—10
„	„	„	„	10—11	„	„	„	„	7 „	7—9
„	„	„	„	12	„	„	„	„	„ „	29—33
„	„	„	„	13—16	„	„	„	„	15 „	29—стр. 13, строка 5
„	„	17	„	1—5[37]	„	„	„	„	12 „	6—13
„	„	19	„	1—5[37]	„	„	„	„	13 „	14—30
„	„	21	„	1—10[37]	„	„	„	„	„ „	1—2
„	„	25	„	2—3	„	„	„	„	3 „	17
„	„	„	„	5—6	„	„	„	„	„ „	15—16, 21
„	„	„	„	8—9	„	„	„	„	„ „	6—7
„	„	30	„	4	„	„	„	„	4 „	25—33
„	„	„	„	5—13	„	„	„	„	„ „	20—21
„	„	31	„	28—29	„	„	„	„	3 „	29—стр. 4, строка 2
„	„	33	„	2—3	„	„	„	„	„ „	

В статье, напечатанной в № 117, взято:
из абзаца 22 строки 2—4 воспоминаний Павлищевой на стр. 2, строки 1—4.

Таким образом можно считать, что в статьях, печатавшихся в «Московских Ведомостях», Бартеневым из воспоминаний Павлищевой взято до ста сорока восьми строк. Переводя эти строки на строки воспоминаний, получим сто двад-

---

[35] Указ. книга Модзалевского, стр. 313.
[36] Упоминание Батюшкова.
[37] Цитата.

цать три строки из четырехсот тридцати восьми строк, составляющих воспоминания.

Но сколько бы ни взял Бартенев из воспоминаний Павлищевой, Анненков, преследуя его, был глубоко неправ. А между тем конечно благодаря стараниям Анненкова дальнейшее печатание статей Бартенева в «Московских Ведомостях» было приостановлено более чем на год, и третья глава «Материалов для биографии Пушкина» Бартенева появилась лишь в №№ 142 (от 26 ноября), 144 (от 1 декабря) и 145 (от 3 декабря) за 1855 г., т. е. после выхода в свет Анненковского издания собрания сочинений Пушкина.

Анненков на стр. 1—14 своих «Материалов для биографии Пушкина» широко использовал воспоминания Павлищевой, но не цитируя их дословно и в огромном большинстве случаев не ссылаясь на них. Поэтому установить, что именно было взято Анненковым из воспоминаний, не представлялось возможным, и лишь теперь, при наличии подлинного текста «Записки» Павлищевой, устанавливается, что Анненков не использовал лишь:

Примечание к абзацу 3 (о Н. Т. Козлове); абзацы 4 и 5; из абзаца 10-го строки 15—23 (о В. Л. Пушкине); абзац 12 (кроме указания на гостеприимство Анны Львовны); из абзаца 14-го строки 5—8 (об А. Ю. Пушкине и М. Н. Сушкове); из абзаца 16-го строки 13—16 (о Трубецких, Бутурлиных, Сушковых и балах Иогеля); из абзаца 23-го строки 1—6 (о письмах Пушкина к сестре и о том, что не сохранились его детские рукописи) и примечание к ним; из абзаца 25-го строки 18—20 (каламбур С. Л. Пушкина); примечания к абзацу 29-му; абзац 30; из абзаца 31-го строки: 1—3 (о родстве М. А. Ганнибал с С. Л. Пушкиным), 9—11 (об О. А. Ганнибале), 15—27 (о памятнике И. А. Ганнибалу в Царском Селе), 25—27 (об И. А. Ганнибале и М. А. Пушкине как опекунах Н. О. Ганнибал); примечания к этому абзацу; абзац 32 и абзац 34.

К этому нужно добавить, что год продажи Кобрина у Ольги Сергеевны указан 1805, а у Анненкова (стр. 3) почему-то 1799 г.; сообщение о том, что С. Л. Пушкин написал в альбом Шимановской «послание к ней прозою и стихами вперемежку, в котором автор знакомит ее с современною русскою литературою», передано у Анненкова (стр. 9) так: «есть слухи, что в это время он написал даже целую книжку, в которой рассуждал по-французски — стихами и прозой — о современной ему русской литературе». Наконец фамилия Бологовского (в абз. 25) передана у Анненкова (стр. 8): «Б***».

Использовав воспоминания О. С. Павлищевой, Анненков рукопись их оставил у себя. Она не вошла в число тех материалов, которые получил после смерти Анненкова от его вдовы Л. Н. Майков, писавший, что запись воспоминаний Ольги Сергеевны «никогда не появлялась в печати и даже не уцелела в бумагах Анненкова»[38]. Последнее утверждение, как оказывается, было ошибочным. Воспоминания Павлищевой уцелели и после смерти вдовы Анненкова принадлежали ее сыну Павлу Павловичу, от которого и поступили в Литературный Музей.

Воспоминания эти — самое значительное, что мы имеем о детстве Пушкина. По сравнению с тем, что сообщили об этом периоде жизни поэта его отец и брат, «Записка» Ольги Сергеевны заключает в себе гораздо большее количество сведений. Но из всего того, что она могла бы сообщить, имеющееся в ее воспоминаниях и недостаточно обстоятельно со стороны фактической, и неглубоко по своему внутреннему содержанию. И то, что Ольга Сергеевна не удосужилась сама записать свои воспоминания о брате и сделал это муж с ее слов, и то, что просьбу Бартенева сообщить что-нибудь дополнительно она оставила без ответа, и то, что она не сохранила ни писем к ней Пушкина, ни даже посвященного ей стихотворения[39], — всё это говорит о большом равнодушии к памяти поэта. Пе-

[38] Майков, Пушкин. СПБ., 1899, стр. 3.

[39] Сын Ольги Сергеевны в своей книге «Воспоминания об А. С. Пушкине» утверждал: «Послание это [стих. 1814 г. «К сестре» — *М. Ц.*] написал он [Пушкин. — *М. Ц.*] в пяти экземплярах на простой серой бумаге. Один из них мать моя подарила мне на память» (стр. 14). Всё это конечно ложь, хотя бы потому, что ни слова

чать равнодушия лежит и на ее воспоминаниях. Традиционно благонамеренные и почтительные к покойным родителям воспоминания эти скрывают, смазывают основное и главное в детстве поэта: то, что он не был любимым ребенком в семье. «И в родительском-то доме он был чужой и лишний», писал Плетнев Бартеневу, а об этом и намека нет в записке Павлищевой.

Выполняя «задание» Анненкова, Ольга Сергеевна строго ограничилась рассказом о детстве поэта, не сочтя нужным ни сказать хотя бы несколько слов о своих дальнейших отношениях с братом [40], ни дать характеристики его как человека в ее понимании.

Надолго пережив брата — Ольга Сергеевна скончалась 2 мая 1868 г., — Павлищева конечно рассказывала о нем своему сыну Льву Николаевичу (1834—1915). К сожалению, эти рассказы остаются неизвестными, так как то, что написал этот последний в книге под названием «Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине». М., 1890, является частью компиляцией печатных источников с собственными домыслами и прямыми выдумками составителя, частью собранием извлечений из семейной переписки, в которые Л. Н. Павлищев не постеснялся вставлять целые абзацы собственного сочинения. Всё это конечно свидетельствует о том, что ничего более или менее значительного о Пушкине от своей матери Павлищев не знал [41].

больше об этих автографах в книге Павлищева нет. Не говоря уже о четырех автографах, непонятно, для чего и для кого будто бы написанных Пушкиным, и «пятого» автографа у Л. Н. Павлищева не было. По крайней мере, продавая в Пушкинский Дом бывшие у него семейные письма, Павлищев и не заикался об этом автографе.

В собрании П. Я. Дашкова был список руки Ольги Сергеевны стихотворения Пушкина «К сестре», ныне хранящийся в ПД. Список этот, на котором имеется помета, сделанная рукой мужа Ольги Сергеевны: «Послание А. С. Пушкина к сестре О. С. П.», производит впечатление записи, сделанной по памяти. В списке почти нет знаков препинания; много описок и ошибок, одно слово не дописано, стихи 47, 108 и 109 пропущены и вписаны кажется рукой Льва Сергеевича Пушкина; этой же рукой сделаны исправления в ст. 89 и помета в конце: «1814 апрель». Стихов 117—120 нет в копии и явно недостает скольких-то стихов между 12 и 13 стихами. Вот в каком безобразном виде записала Ольга Сергеевна посвященное ей Пушкиным стихотворение!

[40] В парижском журнале «Иллюстрированная Россия» 1934, № 45 от 3 ноября напечатано «неизданное письмо» Ольги Сергеевны к баронессе Дельвиг. Письмо это будто бы найдено «нарвским жителем Н. Шубертом в груде старых бумаг». «Удалось снять копию» с этого письма «проживающему в Нарве молодому писателю и журналисту В. Никифорову-Волгину». А. Вышгородский, опубликовавший письмо, к этим сведениям еще добавляет, что «Н. Шуберт умер, и судьба подлинника этого письма неизвестна. По всей вероятности, он продал его какому-нибудь коллекционеру, на что не раз намекал покойный». В письме этом из Петербурга Ольга Сергеевна сообщает: «Недавно я была у В. А. Жуковского, и он обещал мне свои хлопоты перед государем. Сашенька, несмотря на свое ветрогонство, в Кишиневе много работает и уже закончил «Кавказского пленника». Посылаю при этом отрывок из этой поэмы, так как знаю, как вы высоко цените музу моего брата». Закончил Пушкин «Кавказского пленника» в мае 1821 г. Письмо Ольги Сергеевны, стало быть, не могло быть написано ранее этого времени, а между тем Жуковского в 1821 г. в Петербурге не было. С октября 1820 г. до 6 февраля 1822 г. он жил в Дерпте и за границей. Достаточно этой справки, чтобы убедиться, что письмо подложное.

[41] Хотя рукопись воспоминаний беловая, в ней есть зачеркнутые места, воспроизводимые в прямых скобках.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ А. С. ПУШКИНА (СО СЛОВ СЕСТРЫ ЕГО О. С. ПАВЛИЩЕВОЙ), НАПИСАННЫЕ В С. П.БУРГЕ 26 ОКТЯБРЯ 1851

1 Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве в 1799 году, Мая 26-го, в четверг, в день Вознесения.

2 От самого рождения до вступления в Царскосельский Лицей он был неразлучен с сестрою Ольгою Сергеевною, которая только годом была его старше. [Оттого и няню ее, Арину Родионовну, привык он называть своею, хотя у него была]. Детство их протекло вместе, и няня сестры, Арина Родионовна, воспетая поэтом, сделалась нянею для брата, хотя за ним ходила другая, по имени Улиана[1]. Начнем с няни, о которой недавно говорил в Москвитянине * посетитель сельца Захарова, где Александр Сергеевич провел свое детство[2].

3 Арина Родионовна была родом из с. Кобрина, лежащего верстах в 60 от Петербурга [3]. Кобрино принадлежало деду Александра Сергеевича по матери, Осипу Абрамовичу Ганнибалу, и находилось верстах в 5-ти от Суйды, деревни брата его Ивана Абрамовича. Когда Марья Алексеевна (см. Родословную [4]), бабушка Александра Сергеевича, супруга Осипа Абрамовича, вступив во владение Кобрином, продала его в 1805 году Г. Цыгареву [5] и купила под Москвою верстах в 40, у Г-жи Тиньковой, сельцо Захарово [6], то при этом случае отпустила на волю Арину Родионовну с двумя сыновьями и двумя дочерьми, в числе которых была и Марья, упоминаемая в Москвитянине[7]. Эта Марья тогда же привезена была в Захарово и вскоре, по желанию ее матери, отдана замуж за одного из зажиточных крестьян Захаровских. Между тем родился Лев Сергеевич [8], и Арине Родионовне поручено было ходить за ним: так она сделалась общею нянею. Она и слышать не хотела, когда Марья Алексеевна, продавая в 1811 году Захарово, предлагала выкупить всё семейство Марьи. «На что вольная, матушка; я сама была крестьянкой», повторяла она. — Была она настоящею представительницею русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками. Александр Сергеевич, любивший ее с детства, оценил ее вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском. Умерла она у нас в доме, в 1828 году, лет 70-ти с лишком от роду, после кратковременной болезни ** [9].

4 Михайловское, ознаменованное ссылкою [Александра С — ча] деда и внука, лежит в 20 верстах от Новоржева и верстах в 40 от своего уездного города Опочки, Псковской губернии [11], не дальше версты от села Тригорского, принадлежащего Прасковье Александровне Осипо-

---

* См. книжку «Москвитянина». [Эта и следующие сноски со звездочкой принадлежат О. С. Павлищевой. — *М. Ц.*].

** На другой ее дочери был женат Никита Тимофеевич, лампочник в доме Сергея Львовича, потом курьер при опекунстве, старик лет 80-ти, еще живой.

вой, по первому браку Вульф. Не прежде, как в 1817 году, по выходе Александра Сергеевича из Лицея, родители его, жившие в Петербурге, впервые отправились туда вместе с ним на лето [12], поездка, которая осталась памятною в его стихах:

«Есть в России город Луга
«Петербургского округа» и т. д. [13].

До помещения же его в Лицей, они постоянно жили в Москве, проводя летнее время в Захарове.

До шестилетнего [14] возраста Александр Сергеевич не обнаруживал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, происходившею от тучности тела, и всегдашнею молчаливостью приводил иногда мать в отчаяние. Она почти насильно водила его гулять и заставляла бегать, отчего он охотнее оставался с бабушкою Марьею Алексеевною, залезал в ее корзину и смотрел, как она занималась рукодельем. Однажды, гуляя с матерью, он отстал и уселся посереди улицы; заметив, что одна дама смотрит на него в окошко и смеется, он привстал, говоря: «Ну нечего скалить зубы».

Достигнув 7-ми летнего возраста, он стал резов и шаловлив. Воспитание его и сестры Ольги Сергеевны вверено было иностранцам, гувернерам и гувернанткам. Первым воспитателем был французский эмигрант граф Монфор, человек образованный, музыкант и живописец; потом Русло, который писал хорошо французские стихи, далее Шедель и другие: им, как водилось тогда, дана была полная воля над детьми [15]. Разумеется, что дети и говорили, и учились только по-французски.

Учился Александр Сергеевич лениво; но рано обнаружил охоту к чтению и уже 9-ти лет любил читать Плутарха [16], или Илиаду и Одиссею в переводе Битобе [17]. Недовольствуясь тем, что ему давали, он часто забирался в кабинет отца и читал другие книги; библиотека же отцовская состояла из классиков французских и философов XVIII века. Страсть эту развивали в нем и сестре сами родители, читая им вслух занимательные книги. Отец в особенности мастерски читывал им Мольера.

Между тем, в доме родителей собиралось общество образованное, к которому принадлежало и множество французских эмигрантов. Между этими эмигрантами замечательнее был граф Местр *, занимавшийся тогда портретною живописью и уже готовивший в свет свой «Voyage autour de ma chambre» [19]; он, бывая почти ежедневно, читывал разные свои стихотворения. [Дядя Василий Львович, также почти ежедневный гость, читал свои послания и басни; другой дядя, по матери, Александр Юрьевич Пушкин [20], писал также удачные стихи: бывал часто и Михаил Николаевич Сушков, также поэт [21]. Всё это действовало на живое воображение 9-ти летнего мальчика и пробудило в нем бессознательный дух подражания и авторства]. Нельзя также не упомянуть о миловидной, умной и талантливой девице Першронде-Муши, происхождения аристократического; как превосходная пианистка, она содержала себя уроками музыки и сделалась потом женою знаменитого Фильда [22]. В числе прочих посетителей первое место занимал родной дядя Василий Львович Пушкин. Он тогда уже пользовался известностью, как литератор, и часто читывал свои послания и басни [23]. Несмотря на разгульный, цинический дух «Опасного Соседа», написанного им на 20-м году отроду [24], он искал счастья в супружеской жизни и рано женился; но разочарованный вскоре раз-

* Портрет Надежды Осиповны, его работы, до сих пор хранится у Льва Сергеевича [18].

велся с женою [25]. Перенеся неудачу безропотно, он умел сохранить навсегда свою любезность, необыкновенную доброту души и набожность истинно христианскую. Собираясь путешествовать за границу, он подал повод Ивану Ивановичу Дмитриеву, принадлежавшему также к приятельскому кругу Сергея Львовича, пошутить насчет [будущих] впечатлений нового путешественника. Появилась брошюрка, под названием: «Журнал путешествия Василия Львовича Пушкина», с портретом автора, изображающим его за уроком декламации у Тальмы, в Париже. В этой брошюрке, напечатанной в нескольких экземплярах, для друзей, Иван Иванович описал будущую поездку Василия Львовича. Вот ее начало, с отрывками:

11 Друзья, сестрицы, я в Париже,
Я начал жить, а не дышать;
Садитесь все вокруг поближе
Мой маленький журнал читать.
. . . . . .
Я был в Музее, в Пантеоне,
У Бонапарте на поклоне,
Стоял близехонько к нему,
Не веря счастью моему.
. . . . . .
Вчера меня князь Долгоруков
Представил милой Рекамье;
Я видел корпус мамелюков
И . . . . . Фьеве и т. д. [26].

12 Шутка эта, разнесшись по Москве, расстроила было немножко приятельские отношения автора к Василию Львовичу и родным его; но не надолго. Иван Иванович остался другом дома и, сделавшись вскоре поклонником Анны Львовны, искал ее руки. Одаренная наружностью привлекательною, с умом живым и характером самостоятельным, эта тетушка Александра Сергеевича не думала выходить замуж и жила особо, в собственном своем доме, открытом для родных и немногих избранных друзей [27]. «Нет, Иван Иванович, — сказала она ему наотрез, — видеть вас у себя и принимать [всегда] как милого гостя всегда готова, а женою вашею быть не согласна». К этому случаю относится его к ней послание, начинающееся так:

13 Прелеста веселись, мой рок уже решился,
Внимай и торжествуй, я с ревностью простился и т. д. [28].

14 Другая тетушка Лизавета Львовна была замужем за Матвеем Михайловичем Сонцовым, сохранившим до последних дней неизменную дружбу к Сергею Львовичу. Он своею любезностью, [тонкими остротами, изливавшимися в французских каламбурах, он] мастерскими рассказами и тонкими шутками умел оживлять семейный круг [29]. Бывал почти ежедневно другой дядя Александра Сергеевича, по матери, Александр Юрьевич Пушкин (см. Родословную), писавший очень удачные стихи; бывал Михаил Николаевич Сушков, также поэт. К числу нередких гостей принадлежал и Батюшков [30].

15 В таком кругу развивались детские впечатления Александра Сергеевича, и немудрено, что 9-ти летнему мальчику захотелось попробовать себя в искусстве подражания и сделаться автором.

16 Первые его попытки были, разумеется, на французском языке, хотя учили его и русской грамоте. Чтению и письму выучила его и се-

стру бабушка Марья Алексеевна; потом учителем русским был некто Шиллер [31], а наконец, до самого вступления Александра Сергеевича в Лицей, священник Мариинского Института Александр Иванович Беликов, довольно известный тогда своими проповедями и изданием «Духа Масилиона»: он, уча закону Божию, учил русскому языку и арифметике [32]. Прочие предметы преподавались им по-французски домашними гувернерами и приватными учителями. Когда у сестры была гувернанткою Англичанка (M-me Бели) [33], то он учился и по-английски, но без успеха [34]. Немецкого же учителя у них никогда не бывало; была одна гувернантка немка, но и та всегда говорила по-русски [35]. Между тем родители возили их на уроки танцования к Трубецким (князю Ивану Дмитриевичу) [36], Бутурлиным (Петру Дмитриевичу) [37], Сушковым (Николаю Михайловичу) [38], а по четвергам на детские балы к танцмейстеру Иогелю, переучившему столько поколений в Москве [39].

17 И так, любимым его упражнением сначала было импровизировать маленькие комедии и самому разыгровать их перед сестрою, которая в этом случае составляла всю публику и произносила свой суд. Однажды как-то она освистала его пьеску «Escamoteur». Он не обиделся и сам на себя написал эпиграмму:

18 Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière [40].

19 В то же время пробовал сочинять басни, а потом, уже лет 10-ти от роду, начитавшись порядочно, особенно Генриады Вольтера, написал целую герои-комическую поэму, песнях в 6-ти, под названием Toliade, которой героем был Карла царя — тунеядца Дагоберта, а содержанием война между карлами и карлицами. Она начиналась так:

20 Je chante ce combat, que Toly remporta
Où maint guerrier perit, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche [41].

21 Гувернантка подстерегла тетрадку и, отдавая ее гувернеру Шеделю, жаловалась, что M-r Alexandre занимается таким вздором, отчего и не знает никогда своего урока. Шедель, прочитав первые стихи, расхохотался. Тогда маленький автор расплакался и в пылу оскорбленного самолюбия, бросил свою поэму в печку. И в самом деле, полагаясь на свою счастливую память, он никогда не твердил уроков, а повторял их вслед за сестрою, когда ее спрашивали. Нередко учитель спрашивал его первого и таким образом ставил его втупик. Арифметика казалась для него недоступною, и он часто над первыми четырьми правилами, особенно над делением, заливался горькими слезами.

22 Так прошло его детство, когда родители вознамерились отдать его в учебное заведение. В то время Иезуитский коллегиум в Петербурге пользовался общею известностью, и первым намерением родителей было поместить его туда, для чего они и ездили нарочно в Петербург [42]. Но особенное обстоятельство — основание Царскосельского Лицея (1811) — изменило план их. Директором Лицея назначен был Василий Федорович Малиновский [43], брат Алексея Федоровича, Секретаря Коллегии Иностранных Дел Московского архива * [44], оба связанные с

---

* Впоследствии начальник этого Архива. И третий брат Павел Федорович [45] был в тесной дружбе с Сергеем Львовичем.

Сергеем Львовичем тесною дружбою. По этому-то случаю и особенно при содействии Александра Ивановича Тургенева, 12-ти летнего Александра Сергеевича приняли в Лицей [46]. Отвез его в Петербург дядя Василий Львович, у которого он жил и приготовлялся, с Июня [47] по Октябрь, до вступления в училище [48].

23 Так разлучился он с сестрою. По приезде в Петербург он писал к ней письма, из коих одно и еще два первые из Лицея, писанные все по-французски, долго хранились у нее и переданы потом о д н о й «п р и я т е л ь н и ц е», собиравшей рукописные листки нашего поэта * [49]. Более ничего рукописного из периода детства Александра Сергеевича не сохранилось, тем менее каких-либо русских стихов, потому что он ничего тогда не писал по-русски. Надписи же и стихи, уцелевшие на деревьях в Захарове, о которых упоминается в Москвитянине по указаниям Марьи [50], должно приписать или отцу его Сергею Львовичу, или дядям, или наконец другим посетителям.

24 Скажем еще несколько слов о родственных лицах, окружавших детство Александра Сергеевича.

25 Отец его Сергей Львович, о родителях которого сам поэт наш говорит в своих сочинениях [51], был нрава пылкого и до крайности раздражительного, так что при малейшем неудовольствии, возбужденном жалобою гувернера или гувернантки, он выходил из себя, отчего дети больше боялись его, чем любили. Мать напротив, при всей живости характера, умела владеть собою, и только не могла скрывать предпочтение, которое оказывала сперва к дочери, а потом к меньшему сыну Льву Сергеевичу; всегда веселая и беззаботная, с прекрасною наружностью креолки, как ее называли, она любила свет [52]. Сергей Львович был также создан для общества, которое умел он оживлять неистощимою любезностью и тонкими остротами, изливавшимися потоком французских каламбуров. Многие из этих каламбуров передавались в обществе, как образчики необыкновенного остроумия. Так одна Польская дама, довольно дородная собою, в Варшаве за большим обедом обращаясь к нему с насмешливым видом спросила: «Est-ce vrai, M-r Pouchkinn, que vous autres Russes, vous êtes des antropophages: vous mangez de l'ours?»—Non, madame, отвечал он, nous mangeons de la Vache comme vous [53]. В другой раз, на вопрос одной неосторожной дамы: «D'où vient, M-r, qu'il y a tant d'enfants trouvés?»—C'est qu'il y a beaucoup de femmes perdues [54], сказал он, не запинаясь.

26 В салонных играх, так называемых, jeux d'esprit,—он, можно сказать, господствовал, и был всегда готов к бою. «Quelle ressemblance y-a-t-il entre le Soleil et vous, M-r Pouchkinn?» [55] задано было ему однажды к разрешению. C'est qu'on ne saurait fixer l'un et l'autre sans faire la grimace, [56] было его ответом. Ни один театр аматерский не мог обойтись без него и брата его Василия Львовича: оба они играли в совершенстве.

27 Между тем он оставил в дамских альбомах множество прекрасных стихов, под которыми могли бы подписаться и лучшие представители блистательной эпохи французской литературы. В одном из таких альбомов, принадлежавшем знаменитой в свое время пианистке Шимановской, теще впоследствии польского поэта Мицкевича, сохранилось послание к ней, прозою и стихами вперемежку, в котором автор знакомит ее с современною русскою литературою [57]. Оно написано в Варшаве, в 1814 году, когда Сергей Львович начальствовал там Коми-

---

* Переданы именно Наталье Николаевне, о которой и можно будет упомянуть, если она сохранила эти письма. В таком случае слова «приятельница» должно заменить «Натальею Николаевною».

сариатскою Комисиею Резервной Армии [58]. Назначенный на его место А. Н. Болговской [59] сказывал, что принимая от него должность, он застал его в Присутственной комнате за французскою книжкою *.

28 И действительно, Сергей Львович не был создан для службы, особенно для военной. Записанный при рождении в Измайловский полк, он служил в нем некоторое время и при Государе Павле Петровиче перешел в Гвардейский Егерский [60]. Тогда, как известно, офицеры носили трости. Сергей Львович, любя сиживать в приятельском кружку у камина, сам мешал в нем, не замечая, что мешает своею офицерскою тростью. Когда он с такою тростью явился [однажды] на ученье, начальник [заметил это] сделал замечание, сказав: «Г. [Пушкин] поручик, вы лучше бы пришли с кочергою». Это очень огорчило Сергея Львовича, и он, возвратясь домой, жаловался [жене своей] Надежде Осиповне, как трудно служить. [Надежда Осиповна смеялась.] Еще труднее для него было отказаться от какой-либо привычки. Он не любил носить перчаток и обыкновенно или забывал их дома, или терял. Явившись однажды ко Двору, на бал, он чрезвычайно смутился и даже струсил, когда государь Павел Петрович [подошел] изволил подойти к нему [с вопросом] и спросить по-французски: «Отчего вы не танцуете?» — «Я потерял перчатки, Ваше величество». Государь поспешно снял с руки своей перчатки и, подавая их, ободрительным тоном сказал: «Вот вам мои», [ступайте за мною] взял его под руку [подвел] и, подведя к одной даме, [и заставил танцовать] прибавил: «А вот вам и дама».

29 Не менее того, Сергей Львович вскоре простился с военною службою и перешел в Коммисариат [61], в котором и считался, нося военный мундир, присвоенный этому ведомству **. Владея порядочным именьем в Нижегородской губернии [63], он по свойственному иным помещикам обычаю, никогда в нем не бывал [64] и довольствовался доходами, подчас скудными, какие высылал управитель его, крепостной человек *** [65].

30 Замечательна по своему влиянию на детство и первое воспитание Александра Сергеевича и сестры была их бабушка Марья Алексеевна. Происходя по матери из рода Ржевских, она дорожила этим родством [67] (см. Родословную) и часто любила вспоминать былые времена. Так передала она анекдот о дедушке своем Ржевском, любимце Петра Великого. Монарх часто бывал у Ржевского запросто и однажды заехал к нему поужинать. Подали на стол любимый царя блинчатый пирог: но он как-то не захотел его откушать, и пирог убрали со стола. На другой день Ржевский велел подать этот пирог себе, и каков был ужас его, когда вместо изюма в пироге оказались тараканы, — насекомые, к которым Петр Великий чувствовал неизъяснимое отвращение. Недруги Ржевского хотели сыграть с ним эту шутку, подкупив повара, в надежде, что любимец царский дорого за нее поплатится [68].

31 По отцу будучи внучкою Федора Петровича Пушкина, замешанного в заговоре Соковнина [69], она приходилась внучатною сестрою зятю своему, Сергею Львовичу [70]. Вышедши замуж за Осипа Абрамовича Ганнибала (см. Родословную), она имела от него единственную дочь Надежду, мать Александра Сергеевича, и года через два после замужества была им брошена. Этот меньший сын негра, известного Абрама Петровича Ганнибала, крестника и любимца Петра Великого, о про-

---

[* Было: французским романом.]

** О службе Сергея Львовича можно извлечь сведения из Указа об отставке, который вероятно сохранился [62].

*** Михаил Калачников, выдавший дочь свою за дворянина, с порядочным приданым [66].

исхождении которого и Александр Сергеевич упоминает в своих сочинениях, не отличался ни усердием к службе, как флотский офицер, ни правилами строгой нравственности. Велев жене просто убираться из дому, он оставил дочь у себя и сам тайно женился на Устинье Ермолаевне Т—ой [71]. Защитником Марьи Алексеевны выступил родной брат его Иван Абрамович, генерал-поручик, друг Орловых, герой Наваринской битвы, воспетый Александром в прекрасном его стихотворении «Мещанин» [72], тот самый, которому воздвигнуты памятники, один императрицею Екатериною в Царском Селе, с надписью: «Победам Ганнибала» [73], а другой в городе Херсоне, которого он был основателем * [74]. Он приютил Марью Алексеевну у себя, в дер. Суйде и дал жалобе ее законный ход. Дело кончилось совершенно в ее пользу. По суду, утвержденному императрицею, незаконный брак Осипа Абрамовича был расторгнут, малолетняя дочь Надежда Осиповна выдана матери, с назначением ей в приданое села Кобрина, а сам он сослан на житье в свое Михайловское **. Там он и жил безвыездно, до самой смерти, последовавшей в 1806 году [77]; в Захарове же никогда не бывал, вопреки Марье, упоминаемой в Москвитянине [78]. Опекунами малолетней Надежды Осиповны назначены были тот же покровитель Иван Абрамович, и дядя, по матери, Михаил Алексеевич Пушкин [79]. Первый из них был также крестным отцом Ольги Сергеевны; Александра же Сергеевича крестил граф Артемий Иванович Воронцов, женатый на двоюродной сестре Марьи Алексеевны, Прасковье Федоровне Квашниной-Самариной [80].

32 Иван Абрамович последнее время жизни провел в Петербурге, жил в собственном своем доме, на Литейной, где и умер. Прах его покоится в Невском монастыре *** [81].

33 Марья Алексеевна была ума светлого и по своему времени образованного; говорила и писала прекрасным русским языком, которым так восхищался друг Александра Сергеевича, барон Дельвиг [83]. По странной игре судьбы, она кончила дни в Михайловском и погребена в Святогорском монастыре, возле своего мужа, с которым при жизни была разлучена [84].

34 Святогорский монастырь, лежащий верстах в 8-ми от Михайловского [85], приняв впоследствии прах родителей Александра Сергеевича и его самого, сделался как бы родовым кладбищем [86]. В окрестностях его разбросаны остатки обширных поместьев Абрама Петровича Ганнибала, которого потомки, мелкопоместные дворяне, скрываются теперь в неизвестности [87].

Н. П.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это вероятно «вдова Ульяна Яковлева 35 лет», дворовая Пушкиных, значащаяся в исповедных ведомостях 1803 г., когда Пушкины жили в доме кн. Н. Б. Юсупова. См. Л. А. Виноградов «Детские годы Пушкина» в книге «Пушкин в Москве». М., 1930, стр. 31.

[2] Имеется в виду статья Н. В. Берга «Сельцо Захарово» в «Москвитянине» 1851, ч. III, № 9 и 10, май, кн. 1 и 2, отд. Современ. извест., стр. 29—32. Статья перепечатана в составленной М. А. Цявловским «Книге воспоминаний о Пушкине». Изд. «Мир». 1931.

[3] Село Кобрино теперь Северозападной области Красногвардейского района близ станции Прибытково Ленинградско-Варшавской ж. д.

---

* Несколько сведений о Ганнибалах помещено и у Бантыша-Каменского, в его [«Словаре достопамятных—*М. Ц.*] людей Русской земли» [75]. Еще о Ганнибале говорено было в одном журнале (Современнике?) при описании Иркутской губернии [76].

** Он выселил оттуда душ шестьдесят в пустошь, подаренную им Устинье Ермолаевне; оттого в Михайловском теперь земли много.

*** Долее всех братьев, до 90 с лишком лет, дожил старший Петр Абрамович [82].

[4] К «Воспоминаниям» была приложена «Родословная А. С. Пушкина, составленная со слов сестры его О. С. Павлищевой, в С.-Петербурге, 26 октября (7 ноября) 1851 года Н. И. Павлищевым», воспроизведенная Анненковым в качестве приложения к его «Материалам для биографии А. С. Пушкина» (стр. 435). Подлинник этой «Родословной» неизвестен.

[5] Александр Юрьевич Пушкин, двоюродный дядя поэта, в статье «Для биографии Пушкина» («Москвитянин» 1852, № 24, декабрь, кн. 2, отдел IV, стр. 21—25; перепечатана в указанной «Книге воспоминаний о Пушкине») писал, что М. А. Ганнибал продала Кобрино в 1799 г. «помнится» генеральше Зилберезиной.

[6] По словам А. Ю. Пушкина Захарово было куплено М. А. Ганнибал у генеральши Тиньковой. Может быть это была Анфиса Никаноровна Тинькова, рожд. Анненкова, д. ст. советница, умершая в Москве 8 декабря 1826 г., 72 л. 4 м. (См. «Московский некрополь», т. III, 1908, стр. 202). Захарово находится в 4 км от ст. Голицыно (44 км от Москвы) Московско-Белорусско-Балтийской ж. дор.

[7] Разумеется указанная в 2-м примечании статья Н. В. Берга, где имеется рассказ Марьи Федоровны о приезде Пушкина в Захарово в 1830 г.

[8] Лев Сергеевич Пушкин родился 17 апреля 1805 г. (умер 19 июля 1852 г.).

[9] В исповедных ведомостях 1803 г. «вдове Ирине Родионовне», крепостной М. А. Ганнибал, показано «45 лет», значит, родилась она в 1758 г. См. указанную в 1-м примечании статью Л. А. Виноградова, стр. 32.

[10] В исповедных ведомостях 1803 г. крепостному Пушкиных Никите Тимофееву показано «26 лет» (см. статью Л. А. Виноградова, стр. 31). По ревизской сказке 1816 г. ему значится «37 лет». Таким образом родился он в 1777—1779 гг. Год его смерти неизвестен. Сведения о Никите Тимофеевиче Козлове собраны Щеголевым в его книге «Пушкин и мужики», стр. 160—164.

[11] Михайловское (Калининской области, Пушкинского района) находится в 5 км от станции Тригорская Ленинградско-Варшавской ж. д. Декретом Совета народных комиссаров от 17 марта 1922 г. Михайловское вместе с Тригорским и могилой Пушкина в б. Святогорском монастыре (теперь Пушкинские горы) обращены в заповедник.

[12] Ольга Сергеевна ошиблась. По свидетельству А. Ю. Пушкина Пушкины ездили в Михайловское в конце 1799 г. См. указанную в 4-м примечании статью А. Ю. Пушкина, стр. 17 в «Книге воспоминаний о Пушкине». Указание Александра Юрьевича подтверждается и другими данными. См. статью Л. А. Виноградова, стр. 28—29.

[13] П. И. Бартенев в «Московских Ведомостях» 1855 г., № 142 («Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии», гл. 3) напечатал шесть стихов этого стихотворения, говоря о поездке Пушкиных летом 1817 г. из Петербурга в Михайловское. «Они ехали, — писал Бартенев, — по большой дороге на город Лугу, о чем упоминал Александр Сергеевич к кому-то в письме, в котором вероятно описывал это путешествие и от которого сохранились в памяти одного из друзей его следующие стихи». Упоминание стихов О. С. Павлищевой, о чем до сих пор не было известно, ставит вне всякого сомнения вопрос о принадлежности стихов Пушкину.

[14] На основании первых слов следующего абзаца правильнее было бы сказать: «До семилетнего возраста», как и напечатал Анненков в своих «Материалах» (стр. 11).

[15] Монфор в качестве учителя назван Пушкиным в его плане автобиографии (см. ГХЛ, V, кн. II, стр. 811). Ни о гр. Монфоре, ни о Шеделе не имеется никаких сведений. Русло также упомянут Пушкиным в плане автобиографии. Отец поэта в своих сообщениях об его детстве Д. Н. Бантыш-Каменскому говорил, что «Пушкин учился французскому и латинскому языкам у г. Русело, который находился при нем гувернером» (см. «Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Бантыш-Каменским», ч. II, СПБ., 1847, стр. 59 второй пагинации).

[16] Имеются в виду, надо думать, знаменитые «Сравнительные жизнеописания» Плутарха во французском переводе Жака Амио в двадцати двух томах (изд. 1783—1787 гг.) или в двадцати пяти томах (изд. 1801—1806 гг.).

[17] Перевод на французский язык в прозе Битобе «Илиады» и «Одиссеи» издан в 1780—1785 гг. в шести томах и в 1787—1788 гг. в двенадцати томах.

[18] Миниатюра Н. О. Пушкиной на слоновой кости работы Ксавье де Мэстра в 1900-х годах принадлежала сыну О. С. Павлищевой Л. Н. Павлищеву. Она воспроизведена в I томе собрания сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова.

[19] Ксавье де Мэстр (1764—1852), приехав в Россию в 1800 г., нуждался в средствах, почему и занялся живописью. «Путешествие вокруг комнаты» было издано в 1794 г. (в Турине), а в России он закончил вторую часть этого сочинения «Ночное путешествие вокруг комнаты».

[20] Александр Юрьевич Пушкин (1777—1854) — автор указанной в 5-м примечании статьи.

[21] Михаил Николаевич Сушков (1782—1833), — двоюродный брат писателя Н. В. Сушкова. Стихи М. Н. Сушкова в печати, надо полагать, не появлялись.

[22] Джон Фильд (1782—1837) — пианист и композитор, с 1804 г. живший в России и пользовавшийся большой известностью.

[23] Со слов Сергея Львовича Бантыш-Каменский в биографии Пушкина писал о том, как «внимал он чтению басен и других стихотворений Дмитриева и родного дяди своего, Василия Львовича Пушкина, затвердил некоторые наизусть и радовал тем почтенного родственника, который советовал ему заниматься чтением наших поэтов, приятным для ума и сердца, не помышляя тогда, что племяннику его определено впоследствии затмить собою всех своих предшественников, в том числе и доброго дядю» (см. указанный словарь Бантыш-Каменского, стр. 60 второй пагинации).

[24] «Опасный сосед» был написан В. Л. Пушкиным в 1811 г., когда ему исполнилось сорок один год, а не «на 20-м году от роду».

[25] Когда женился В. Л. Пушкин на Капитолине Михайловне Вышеславцевой (1778—1861) — неизвестно. Развелись они 22 июня 1806 г. Капитолина Михайловна второй раз вышла замуж за секунд-майора Ивана Акимовича Мальцева (1774—1853), а Василий Львович жил в гражданском браке с Анной Николаевной Вороженкиной, от которой имел дочь Маргариту Васильевну Васильеву (1810—1889), бывшую замужем за Петром Романовичем Безобразовым (1797—1856), и сына Льва Васильевича Васильева (р. в 1812 г.). См. Б. Л. Модзалевский и М. Н. Муравьев «Пушкины». Родословная роспись. Л., 1932, стр. 53—54.

[26] Книга, о которой здесь говорится, была издана в пятидесяти экземплярах в 1808 г. под заглавием: «Путешествие N. N. в Париж и Лондон. Писанное за три дня до путешествия». В трех частях, Москва, в типографии Платона Бекетова. 1808 г. В «Путешествии» сто два стиха, разделенных на три части. Ольга Сергеевна (с незначительными отличиями от печатного текста) привела первые одиннадцать стихов полностью, при чем точки многоточий обозначают очевидно запамятования ее. Стихи 12—15 читаются:

«Сиеса, Вестриса, Мерсье,
Мадам Жанлис, Виже, Пикара,
Фонтана, Герля, Легуве,
Актрису Жорж и Фиеве».

Пушкину очень нравилось это шутливое стихотворение, и он написал заметку о «Путешествии», которую собирался напечатать в своем «Современнике». О «Путешествии» см. в «Сочинениях» М. Н. Лонгинова, т. I. М. 1915, стр. 90—93.

[27] Анна Львовна Пушкина (1769—1824) жила в Москве. На ее смерть Пушкин с Дельвигом написали шуточную элегию: «Ох, тетенька, ох, Анна Львовна».

[28] Ольга Сергеевна тут что-то путает: стихотворение (1791 г.) Дмитриева «К***. О выгодах быть любовницею стихотворца» («Прелеста, веселись») относится к циклу стихотворений, посвященных А. Г. Севериной.

[29] У своей тетки Елизаветы Львовны Сонцовой (1776—1848), бывшей замужем за рязанским помещиком Матвеем Михайловичем Сонцовым (1779—1847), служившим в Москве, бывал Пушкин. См. РоП, стр. 54.

[30] К. Н. Батюшков мог бывать у С. Л. Пушкина во время своего пребывания в Москве с конца декабря 1809 г. до лета 1810 г. и с начала февраля до июля 1811 г.

[31] Об этом Шиллере не имеется никаких сведений.

[32] Александр Иванович Беликов принадлежал к числу образованных представителей духовенства, вращавшихся в светском обществе. Он окончил славяно-греко-латинскую академию, владел латинским, французским и немецким языками и в 1808 г. издал в своем переводе «Дух Массильйона, епископа Клермонского, или мысли, избранные из его творений о различных предметах нравственности и благочестия». В 1822 г. книга эта была переиздана. В годы преподавания у Пушкиных Беликов был дьяконом и законоучителем в Александровском институте. Впоследствии преподавал в Мариинском институте и в Практической академии коммерческих наук. Кроме перевода Масильона Беликовым составлен «Катехизис», изданный в 1818 г. Из его проповедей одна была издана в 1822 г. Бартенев в БПМ 1854, № 71 от 15 июня называет Беликова «недавно умершим». Об А. И. Беликове см. указанную статью Л. А. Виноградова, стр. 44 и «Русские книги» С. А. Венгерова, т. III, СПБ, 1899.

Сергей Львович сообщал Бантыш-Каменскому, что «два священника преподавали Пушкину отечественный язык и были вместе его законоучителями» (см. указанный словарь Бантыш-Каменского, стр. 59—60 второй пагинации). По указанию Бартенева вторым законоучителем был «священник Алексей Иванович Богданов

(доселе живущий), брат того Петра Ивановича Богданова, который учил кн. П. А. Вяземского и о котором так часто упоминается в «Дневнике Студента» (см. БПМ 1854, № 117 от 30 сентября, стр. 19 отд. отт.).

[33] Англичанка Бели была вероятно родственницей Ивана Бели (John Baily) лектора английского языка и литературы в Московском университете в 1784—1809 гг. См. «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета», ч. I. М., 1855, стр. 90—91.

[34] Английским языком овладел Пушкин не раньше 1828 г. См. М. Цявловский «Пушкин и английский язык»— «Пушкин и его современники», вып. XVII—XVIII.

[35] Об обучении немецкому языку Сергей Львович сообщал Бантыш-Каменскому, что немецкому языку, которого Пушкин «не любил, о чем после неоднократно раскаивался, учился у г-жи Лорж» (см. указанный словарь Бантыш-Каменского, стр. 59 второй пагинации). Никаких сведений об этой Лорж мы не имеем.

[36] Семья этих кн. Трубецких, живших зимой в своем доме на Покровке (теперь д. № 22), состояла из «действительного камергера» кн. Ивана Дмитриевича (ум. в 1827 г.), жены его Екатерины Александровны, рожд. Мансуровой (ум. в 1831 г.), сыновей Юрия Ивановича (1792—1848) и Николая Ивановича (1807—1874) и дочерей Аграфены Ивановны (1779—1861), Софьи Ивановны (1800—1852) и Александры Ивановны (ум. в 1873 г.) В этой семье учителем был М. П. Погодин. Кн. И. Д. Трубецкой приходился троюродным братом отцу поэта. Сестра бабки Сергея Львовича, Евдокии Ивановны Пушкиной, рожд. Головиной, Ольга Ивановна Головина была замужем за дедом кн. И. Д. Трубецкого кн. Юрием Юрьевичем Трубецким.

Известно, что Пушкин 16 сентября 1826 г. обедал у этих Трубецких на их даче на Девичьем Поле. См. статью Н. П. Чулкова «Пушкин-москвич» в сборнике «А. С. Пушкин в Москве». М., 1930, стр. 52—53.

[37] Ольга Сергеевна перепутала имя и отчество. Нужно было сказать: Дмитрия Петровича. Семья гр. Бутурлиных, живших в своем доме в Немецкой слободе, близ Лефортовского дворца (теперь Почтовая улица, д. № 2), в это время состояла из гр. Дмитрия Петровича Бутурлина (1763—1829), бывшего (номинально) директором Эрмитажа и славившегося своей библиотекой (в 30 000 томов), сгоревшей в 1812 г., жены его Анны Артемьевны, рожд. гр. Воронцовой (1777—1834), сыновей: Петра Дмитриевича (1794—1853) и Михаила Дмитриевича (1807—18..) и дочерей: Марьи Дмитриевны (р. в 1795 г.), впоследствии вышедшей замуж за гр. Дини, Елизаветы Дмитриевны (р. в 1804 г.), впоследствии вышедшей замуж за ломбардского маркиза Соммарива и Софьи Дмитриевны (р. в 1806 г.). Гр. Анна Артемьевна Бутурлина приходилась четвероюродной сестрой матери Пушкина. О танцовальных вечерах у Бутурлиных писал в своих воспоминаниях «Александр Сергеевич Пушкин в детстве. (Из записок о моем знакомстве)» М. Н. Макаров. См. М. А. Цявловский «Книга воспоминаний о Пушкине». М., 1931, стр. 30—31. Об этих же вечерах вспоминал и гр. М. Д. Бутурлин в своих «Записках» (РА 1897, № 2, стр. 234).

[38] У сенатора Николая Михайловича Сушкова (1747—1814), овдовевшего в 1803 г., были сыновья: Михаил Николаевич (1782—1833), Николай Николаевич (1792—1861) и дочь Софья Николаевна (1800—1848). Весьма вероятно, что последняя — героиня лицейского стихотворения Пушкина «Послание к Юдину».

[39] Балы танцмейстера Иогеля, занимавшегося преподаванием танцев, когда ему было восемьдесят лет, славились в течение ряда десятилетий. О них Бартенев БПМ 1854, № 71 писал как о «недавно прекратившихся». Есть свидетельство, что Пушкин впервые увидел Н. Н. Гончарову на балу Иогеля. См. РоП, стр. 64.

[40] Перевод:

«Скажи, за что «Похититель»
Освистан партером?»
— Увы, за то, что бедняга сочинитель
Похитил его у Мольера.

[41] Перевод:

Пою бой, в котором Толи одержал верх,
Где немало бойцов погибло, где Поль отличился,
Николая Матюрена и красавицу Нитуш,
Коей рука была наградою победителю в ужасной схватке.

[42] Иезуитский коллегиум (или институт) в 1803 г. был преобразован из училища при католической церкви св. Екатерины и существовал до 1815 г., когда был закрыт распоряжением правительства. В этом институте учился кн. П. А. Вяземский, оставивший в «автобиографическом введении» к собранию своих сочинений воспоминания об этом заведении. Очевидно, имея в виду намерение родителей отдать его в иезуитский коллегиум, Пушкин в программе своей автобиографии пометил: «Езуиты».

[43] Василий Федорович Малиновский (1765—1814), сын священника, по оконча-

нии Московского университета служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, а затем по дипломатической части и жил в Лондоне в 1789—1791 гг. и в Яссах в 1800—1802 гг., где занимал должность генерального консула. Проживая в Петербурге с 1802 г., Малиновский занимался литературным трудом. Автор «Записки об освобождении рабов» и рассуждения «О мире и войне» Василий Федорович был человек либеральных взглядов, принадлежа к партии Сперанского, благодаря которому и был назначен директором Царскосельского лицея.

[44] Алексей Федорович Малиновский (1762—1840) с 1814 г. до конца своей жизни был начальником Московского архива Министерства иностранных дел.

[45] Павел Федорович Малиновский (1766—1832) в молодости служил военным, а затем, перейдя в штатскую, дослужился до директора Государственного ассигнационного банка. Выйдя в отставку в 1809 г., Малиновский в 1809—1824 гг. был воспитателем малолетнего гр. Д. Н. Шереметева. О близком знакомстве П. Ф. Малиновского с Пушкиным см. в РоП, стр. 61.

[46] Об этом же так писал С. Л. Пушкин в своих «Замечаниях на так называемую биографию А. С. Пушкина, помещенную в «Портретной и биографической галлерее»: «Александр Пушкин помещен в Царскосельский лицей по совету и содействию не Александра Николаевича Тургенева, а Александра Ивановича Тургенева, коего имя довольно известно и на поприще гражданском и в кругу нашего литературного мира». См. М. Цявловский «Книга воспоминаний о Пушкине», стр. 375.

[47] Об этой поездке вспоминал Пушкин в письме от 15 августа 1825 г. к Вяземскому.

Время приезда Пушкина в Петербург в точности неизвестно, но что это было не в июне, как сообщает Ольга Сергеевна, явствует из письма Батюшкова к Гнедичу от середины июля, где Батюшков пишет, что «Пушкин [В. Л.—*М. Ц.*] едет в Петербург». См. «Сочинения К. Н. Батюшкова», т. III, СПБ, 1886, стр. 133. За то, что В. Л. Пушкин с племянником выехали в Петербург не ранее 15 июля 1811 г., говорит и метрическое свидетельство А. С. Пушкина, выданное церковью Богоявленья в Елохове от этого числа. См. И. А. Шляпкин «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина». СПБ, 1903, стр. 324. В Петербурге Василий Львович жил где-то на Мойке. См. И. И. Пущин «Записки о Пушкине». М., 1925, стр. 83.

[48] Приемные экзамены происходили 8 и 12 августа в Петербурге на квартире министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского. См. указанное издание записок Пущина, стр. 82—83 и Шляпкин «Из неизданных бумаг Пушкина», стр. 324. Съехались принятые воспитанники в лицей в первой половине октября. См. «Записки Пущина», стр. 85—86.

[49] Об этих письмах И. В. Анненков писал брату Павлу Васильевичу 19 мая 1851 г.: «Генеральша [т. е. Н. Н. Ланская—*М. Ц.*] по возвращении из-за границы дает мне переписку Пушкина с сестрою, когда ему было 13 лет». См. Б. Л. Модзалевский «Пушкин», стр. 394. Здесь письмо не верно датировано 1852 г. Судьба этих писем неизвестна.

[50] Ольга Сергеевна имеет в виду следующее место в статье Н. В. Берга «Сельцо Захарово» («Москвитянин» 1851, ч. III, № 9 и 10): «Прежде вокруг липы стояло несколько берез, которые, как говорят, были все исписаны стихами Пушкина. От этих берез остались только гнилые пни; впрочем, немного дальше уцелела одна, на которой еще заметны следы какого-то письма. Я мог разобрать совершенно ясно только несколько букв: окр.... къ и ваютъ...». См. Цявловский «Книга воспоминаний о Пушкине», стр. 6.

[51] О своем деде по отцу, Льве Александровиче Пушкине (1723—1790), и его двух женах — Марье Матвеевне Воейковой и Ольге Васильевне Чичериной (1737—1802) — Пушкин писал в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов», впервые напечатанной в «Сыне Отечества» 1840, апрель, кн. 3, № 7, стр. 465—469.

[52] С матерью Надеждой Осиповной Пушкиной, рожд. Ганнибал (1775—1836), у поэта только в последние месяцы ее жизни установились хорошие отношения.

[53] «Правда ли, г. Пушкин, что вы, русские, антропофаги, едите медведей?» — «Нет, сударыня, — отвечал он, — мы едим корову, вроде вас».

[54] «Отчего это, сударь, находят столько детей (подкинутых)?» — «Оттого, что много «пропащих» женщин».

[55] «В чем сходство между солнцем и вами, г. Пушкин?»

[56] «В том, что нельзя без гримасы разглядывать нас обоих».

[57] В хранящихся в Музее Мицкевича в Париже трех литературных альбомах Марии Шимановской (1790—1831) нет этого послания С. Л. Пушкина. См. «Katalog rekopisów Muzeum Adama Mickiewicza w Paryzu opracowat Adam Lewak». Kraków 1931, стр. 170—175 (№№ 969—971).

Вероятно убедившись в том, что это сообщение Ольги Сергеевны неверно. Анненков и писал: «есть слухи, что в это время он написал даже целую книжку, в которой рассуждал по-французски — стихами и прозой — о современной ему русской литературе» (см. А I. стр. 9).

[58] В Варшаве Сергей Львович жил, можно думать, без семьи. По крайней мере 12 апреля 1814 г. Пушкина в лицее впервые посетила его мать с детьми Ольгой и Львом, отец же посетил Пушкина лишь 11 октября этого года. См. неопубликованные хранящиеся в ПД «Ведомости о состоянии лицея».

[59] Об Алексее Николаевиче Бологовском единственные сведения имеются в воспоминаниях И. П. Липранди. См. стр. 554 настоящего тома.

[60] Имеются сведения, что в 1777 г. Сергей Львович (р. 23 мая 1770 г.) числился сержантом л.-гв. Измайловского полка, а в 1791 г. был в этом полку прапорщиком. В 1797 г. он был капитан-поручик л.-гв. Егерского батальона. См. Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев «Пушкины». Родословная роспись. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1932, стр. 54.

[61] Комиссариатский департамент, образованный в 1812 г., входил в состав военного министерства и ведал комиссариатским довольствием войск, состоявшим в деньгах, материалах и вещах для обмундирования и снаряжения войск. На местах были комиссариатские комиссии, заведовавшие комиссариатским довольствием расположенных в их районах войск, учреждений и заведений. Совокупность всех комиссариатских учреждений обычно называлась «комиссариатом», упраздненным в 1864 г. с возложением предметов ведомства его на Главное интендантское управление.

[62] По справке в военном Лефортовском архиве (в Москве), где должен бы был храниться этот указ, там его не оказалось.

[63] В своих «Замечаниях на так называемую биографию А. С. Пушкина», С. Л. Пушкин писал: «Я... благодаря предкам моим никогда не был бедным помещиком. Отец мой имел более 3000 душ, из которых я получил 1000 в Нижегородской губернии: это имение и теперь за мною». См. Цявловский «Книга воспоминаний о Пушкине», стр. 374. По 8-й ревизии 1833 г. за С. Л. Пушкиным числилось в с. Большое Болдино 564 мужчин и 552 женщины, а в с. Кистеневе 523 мужчин и 538 женщин. Последнее имение Сергей Львович получил не от отца, а после смерти брата Петра Львовича в 1825 г.

[64] Не совсем так. Сергей Львович приезжал в Болдино в сентябре 1825 г. и в 1836 г. См. стр. 88 настоящего тома.

[65] О состоянии имущественных дел С. Л. Пушкина см. в настоящем томе, в отделе «Из архива Пушкина».

[66] Михаил Иванович Калашников (1774—1858) — крепостной брата деда поэта Петра Абрамовича Ганнибала, перешедший затем к С. Л. Пушкину, у которого был приказчиком до 1825 г. в Михайловском, а с этого года в Болдине. У дочери М. И. Калашникова Ольги (родилась в 1806 г.) от поэта был ребенок, родившийся в 1826 г. В 1831 г. (18 октября) Ольга Михайловна была повенчена с титулярным советником Павлом Степ. Ключаревым, владевшим в Горбатовском уезде тридцатью крестьянами. См. стр. 102—103 настоящего тома, письмо М. И. Калашникова к Пушкину от 19 октября 1831 г. Об управлении Калашникова в Болдине см. отдел «Из архива Пушкина» настоящего тома.

[67] Бабка (по матери) поэта Марья Алексеевна Ганнибал, рожд. Пушкина (1745—1818), по матери происходила из старинного рода («рюриковичей») Ржевских. Мать ее Сарра Юрьевна Ржевская была дочерью коломенского помещика Юрия Алексеевича Ржевского. Была она замужем за участником «во всех турских кампаниях и акциях» Алексеем Федоровичем Пушкиным (1717—1777).

[68] Что Юрий Алексеевич Ржевский пользовался доверием Петра I, видно из того, что в 1718 г. он в чине капитана гвардии был послан в Нижний-Новгород для борьбы с раскольниками. См. Соловьев «История России», т. XVI, 2-е изд. М., 1874, стр. 301—304 и «История России в эпоху преобразования», т. VI. М., 1868, стр. 211—212.

Весьма вероятно, что какие-нибудь бытовые подробности из рассказов Марьи Алексеевны о Ржевских и Петре I впоследствии Пушкин использовал в «Арапе Петра Великого». В память своих предков Ржевских Пушкин и назвал героиню своего романа Ржевской.

[69] Дед Марьи Алексеевны Ганнибал Федор Петрович Пушкин (ум. в 1727 г.) не был замешан в заговоре Соковнина. В этом заговоре против Петра I участвовал дальний родственник Ф. П. Пушкина Федор Матвеевич Пушкин (казнен в 1697 г.), женатый (вторым браком) на дочери участника заговора Алексея Прокофьевича Соковнина (казнен в 1697 г.).

[70] Марья Алексеевна Ганнибал, рожд. Пушкина, приходилась (по отцу) Сергею Львовичу Пушкину троюродною сестрою.

[71] Вторая жена Осипа Абрамовича Ганнибал (1744—1806) с 9 января 1779 г. Устинья Ермолаевна Толстая, вдова капитана Ивана Толстого, рожд. Шишкина.

[72] Ольга Сергеевна имеет в виду строфу в «Моей родословной»:

«И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин

Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин».

[73] Такого памятника не было поставлено в Царском Селе, а была поставлена ростральная колонна в честь побед в Средиземном море в феврале 1770 г. В надписи на колонне при перечислении побед сказано, что «крепость Наваринская сдалась бригадиру Ганнибалу».

[74] Ольга Сергеевна вероятно имела в виду памятник «генерал-поручику Ганнибалу» в ограде собора в Херсоне. См. «Россия». Полное географическое описание нашего отечества» под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIV, СПБ, 1910, стр. 652.

[75] В «Словаре достопамятных людей русской земли», составленном Бантыш-Каменским. СПБ, 1836, ч. II, имеются биографии Абрама Петровича и Ивана Абрамовича Ганнибалов.

[76] Имеется в виду статья Петра Пежемского «Панорама Иркутской губернии», ч. II, гл. I: «Краткая летопись Иркутской губернии 1585—1800 гг.». Здесь имеются такие сведения об Абраме Петровиче Ганнибале: под 1728 г.: «Для построения Селенгинской крепости прибыл поручик Абрам Петров» и под 1730 г.: «Поручик Абрам Петров арестован и увезен из Селенгинска». Автор статьи поясняет, что это «отец известного арапа Ганнибала» (см. «Современник» 1850, т. XXII, отд. II, стр. 5). Но это конечно не «отец», а сам «известный арап Ганнибал». Кстати сказать, эти сведения никем из писавших о прадеде поэта не учтены.

[77] Рассказ Ольги Сергеевны об О. А. Ганнибале является повторением того, что сообщает о деде и бабке Пушкин в своей «Родословной Пушкиных и Ганнибалов». Бракоразводное дело Ганнибалов на основании документов изложено В. О. Михневичем в статье «Дед Пушкина» в «Историческом Вестнике» 1886, № 1. См. еще статью Б. Л. Модзалевского «Род Пушкина» (в собр. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. I; перепечатана в книге: Б. Л. Модзалевский «Пушкин». Л., 1929), где имеются данные из тяжебного дела О. А. Ганнибала с У. Е. Толстой, хранящиеся в Сенатском архиве.

[78] См. статью Н. В. Берга «Сельцо Захарово» в «Москвитянине» 1851, ч. III, № 9 и 10, май, кн. 1 и 2, перепечатанную в «Книге воспоминаний о Пушкине» М. Цявловского, стр. 7.

[79] Михаил Алексеевич Пушкин (1745—1793), брат Марьи Алексеевны Ганнибал, рожд. Пушкиной, служил сначала военным, потом перешел в штатскую службу и последние годы своей жизни был председателем петербургской Палаты уголовного суда.

[80] Сестра матери Марьи Алексеевны Ганнибал, Прасковья Юрьевна Ржевская была замужем за Федором Алексеевичем Квашниным-Самариным. Дочь их Прасковья Федоровна Квашнина-Самарина (1749—1797) была замужем за гр. Артемием Ивановичем Воронцовым (1748—1799), отцом Анны Артемьевны Бутурлиной. См. прим. 37.

[81] И. А. Ганнибал, скончавшийся в 1801 г., похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

[82] Петр Абрамович Ганнибал род. в 1742 г. Год его смерти неизвестен. Пушкин 11 августа 1825 г. писал П. А. Осиповой: «Я рассчитываю еще проведать моего старого негра-дедушку, который, как я предполагаю, на этих днях умрет». Петр Абрамович был не старший из сыновей Абрама Петровича, а второй. Старший был Иван Абрамович. Петр Абрамович служил в артиллерии, дослужился до чина генерал-майора и, выйдя в отставку, жил в имении Петровском (в трех верстах от Михайловского), где у него был Пушкин летом 1817 г.

[83] Бартенев в БПМ 1854, № 71 писал, что Дельвиг восхищался письмами Марьи Алексеевны «к внуку в лицей». Письма эти не сохранились.

[84] Марья Алексеевна Ганнибал умерла 27 июня 1818 г. в Михайловском. Бартенев в своей статье «Род и детство Пушкина» («Отечественные Записки» 1853, № 11, отд. II, стр. 16) писал, что она скончалась «на руках своего внука, тогда только-что вышедшего из лицея». Это неверно: Пушкин летом 1818 г. не был в Михайловском.

[85] Святогорский мужской монастырь, основанный в 1569 г., находился в 5,5 км от Михайловского.

[86] В статье Гилярия Сондоевского «К биографии Ганнибал, предков А. С. Пушкина» в «Псковских губернских ведомостях», часть неофициальная, 1896 г., № 27 от 13 июля так описаны могилы деда и бабки Пушкина, находящиеся рядом с могилой поэта:

«На могилах Ганнибалов лежат плиты из дикого камня; памятники сильно обветшали, потрескались и надписи на них можно было разобрать только благодаря стараниям настоятеля монастыря, иеромонаха Иоанна, приславшего чертежи памятников. Первая плита имеет 2 арш. длины и 1 арш. ширины. На ней надпись: «Здесь погребено тело Марии Алексеевны Ганнибал, урожденной Пушкиной. Родившаяся 1745 г. Генваря 20 дня, скончавшаяся 1818 г. Июня 27 дня».

Вторая плита имеет 1 аршин 15 верш. длины и 1 арш. ширины. На ней надпись: «Здесь погребено тело Иосифа Абрамовича Ганнибала, родившегося 1744 года Декабря 20 дня, скончавшегося 1806 г. Октября 12 дня».

Бывший в Святогорском монастыре летом 1902 г. Б. Л. Модзалевский дату смерти И. А. Ганнибала указывает 20 января 1744 г. См. его статью «Поездка в Тригорское в 1902 году» в «Пушкин и его современники», вып. I, 1903, стр. 8. «Могил отца поэта Сергея Львовича (ум. в Петербурге 29 июля 1848 г.) и матери Надежды Осиповны (ум. в Петербурге 29 марта 1836 г.) не сохранилось, или они погребены в одном склепе с сыном», писал Б. Л. Модзалевский (см. там же). Последнее предположение неосновательно, так как нет указаний, что Пушкин похоронен в склепе.

[57] В указанной статье Г. Сондоевского имеются такие сведения о земельных владениях А. П. Ганнибала и его потомков в Псковской губернии: «Абрам Ганнибал владел большими поместьями в Псковской губернии. За ним по переписи 1758 г. числилось 854 души крестьян («Псковские губ. ведомости» 1896 г., № 7), а некоторые из потомков его с XVIII века принадлежали к числу помещиков Новоржевского уезда. Так во время генерального межевания (1781—1796) за Ганнибалами состояли следующие имения: 1) Пустошь Рыжикова 54 десятины 1584 саж. земли общего владения девицы Александры Исааковны Ганнибал и Владимира Яковлевича Княжнина; 2) сельцо Гридево (новопостроенное Федорково и Захарино) с деревнями Кузнецово, Ломошино, Фатеево, Наруево, Сосняги, Марково и Кондратьев с пустошьми 1063 десят. 1929 саж. земли общего владения Александры Исааковны Ганнибал и Любови Семеновны Нееловой, и 3) сельцо Данилово (по крестьянскому названию Усадище), с деревнями Климово и Лукино, 580 дес. 463 саж. земли общего владения Александры Ганнибал и Настасьи Михайловой. (Книга дач генерального межевания Новоржевского уезда № 256, 1233 и 1237.)

Из других данных известно, что в 1796 г. капитану морской артиллерии Исааку Абрамовичу Ганнибал принадлежало в Аполинском стану сельцо Троицкое с деревнями: Шилово, Лобзино, Глыбокое, Башно, Ересимово, Ситовцы и Поганкино с 170 мужеск. пола душ крестьян.

В 1811 году генерал-майору Петру Абрамовичу Ганнибал принадлежало сельцо Сафантьево с деревнями: Тараскино, Молофеево, Абаконово, Фякино, Кошино, Гербачи и Замошье с 130 муж. пола душ крестьян.

В 1861 году жене корнета Александре Егоровне Ганнибал принадлежала отрезная земля при деревне Фомкине 123 десят. 2274 саж., перешедшая потом дочери ее Елизавете Александровне, по мужу Самойловой (Дела Новоржевской дворянской опеки 1796 г., № 27, 1811 г., № 28 и 1868 г., № 845), а в 1875 г. поручику Георгию Александровичу Ганнибал, наконец в феврале 1895 г. продана, и с этого времени никто из рода Ганнибал не имеет земельной собственности в Новоржевском уезде».

М. Цявловский.

II

ЗАМЕЧАНИЕ ДЛЯ ГОСПОД ГУВЕРНЕРОВ, МОИХ СОТРУДНИКОВ ПО ЧАСТИ НРАВСТВЕННОЙ И УЧЕБНОЙ

С самаго открытия Лицея до сего времени старался я всевозможно входить во все подробности, относящиеся до надзора над вверенными вам и мне воспитанниками, с тем намерением, что бы послужить вам хотя слабым примером точнаго выполнения обязанностей с званием вашим сопряженных. Я уверен, что вам и прежде известен был порядок хорошаго воспитания, ибо вы получили оное сами; но теперь зделались вам известны и те правила, какими должны придерживаться воспитанники в поведении своем в Лицее. И потому я не нахожу более надобности быть безотлучно при воспитанниках и примечать за всеми подробностями, начиная чувствовать нужду в уединении, столь необходимом для моей должности; ибо, будучи принужден заниматься и вашими обязанностями и безпрестанно напоминать дядькам и служителям их должности, я теряю слишком много времяни, большую часть котораго надлежало бы мне употреблять на другие важнейшие предметы нравственнаго образования воспитанников, работая в моей комнате. Желал бы что бы понравилась вам мысль моя о моральном присудствии при воспитанниках, посредством котораго, по моему мнению, скорее можно достигнуть нравственнаго их образования, нежели обыкновенным надзором. Сей последний относится только до очевидных действий питомцев; моральное же, или нравственное надзирание требует проницательности духа, чтобы проникать и предупреждать все замыслы детские посредством наблюдения их лица (и особенно глаз), слов и телодвижений. Моральный надзор требует быстраго взгляда обнимающаго всех и каждаго; он имеет главным предметом во-первых глаза, и вообще мины лица; а во-вторых слова питомцев и телодвижения. На это потребно Гувернеру, или руководителю, острое зрение, тонкой слух и безпрестанное внимание, перебегающее от одного воспитанника к другому не занимаясь, без крайней необходимости, долго одним воспитанником или одним каким-нибудь предметом. Для большей подробности присовокуплю здесь следующия пояснения. 1-е. Обыкновенный надзор за детьми значит: ходить с ними вместе, разговаривать кой о чем для их и своего занятия, смотреть, что бы кто-нибудь из них не ушибся, не замарался, не делал непристойных телодвижений, не говорил неприличных слов и не внушал ложных мнений; что бы они держали в чистоте и порядке свои вещи, особливо класныя, говорили бы когда следует по-французски, или по-немецки, занимались бы учением уроков, были бы учтивы и приятны в обхождении со всеми и почтительны к старшим и началь-

никам, и т. под. Но быть Морально с воспитанниками значит: вникать в состояние их души, даже и тогда, когда они в молчании, примечать тайные их разговоры, пошепты, предупреждать всякой соблазн, обличать притворство и хитрость, читать в каждаго глазах и чертах лица (которое недаром названо зеркалом души) их желания, их страсти, удовольствие или неудовольствие, примечать их телодвижения, внезапные порывы, к доброму или порочному, и приучить себя верно и быстро заключать по сим признакам о внутреннем их расположении, или о их нравственности, о их наклонностях. Для сего должно безпрестанно ходить между воспитанниками, не занимаясь в особенности ни одним из них, разве по важным какимнибудь причинам. Таковая неусыпность возбудит в них всегдашнюю осторожность и разборчивость в словах и действиях, пока наконец перейдет это в привычку и сделается их свойством. Вам же известно как мало у нас воспитанников, которые не принесли бы с собою в Лицей развращенных понятий и чувств. Следовательно от долговременной чистоты в словах и от предупреждения всяких соблазнов и дурных примеров, посредством строгаго и деятельнаго моральнаго надзора, со временем, при содействии Божием, может и в самых развращенных возродиться девственная чистота души, подобно лилее, и непорочная стыдливость, подобно цветущей розе. Тем, которые более показывают омрачения непорочности, должно внушать омерзение от похабства, остерегая и отвращая их от прелестей и удовольствий чувственности ужасными их последствиями. Но тут нужна осторожность чтобы такия объяснения были соответственны летам и степени их познания; и потому не приступать к ним без общаго совета и ведома Г-на Директора. Механические ошибки воспитанников, которые сами по себе ощутительны и очевидны, не столь опасны, как очной и минической разговор и мгновенныя урывки, в которых дети поврежденных свойств весьма утонченны и искусны; и потому все силы ваши и всё внимание должны вы устремлять на лица, слова, телодвижения и особенно на глаза всех воспитанников и каждаго порознь, принимая все меры что бы предупреждать всякие соблазны, особенно на прогулках, которыя всегда учреждать более по местам уединенным и свободным от соблазнительных предметов. Прошу приобретать сие искуство, стараясь всевозможно, что-бы надзирание за воспитанниками было всеобщее, простирающееся на всех, а не останавливать внимания на одном продолжительное время, в которое могут зделаться в других невозвратныя упущения. Разделяйте надзор и труды между собою, замечайте особенно таких воспитанников, которые требуют строжайшаго надзора и не теряйте их из виду; таковые уже вам известны, и их немного; о больших и благонравных менее пекитесь. Кто с детьми обращался и примечал их наклонности, тот должен признаться, что они одарены естественною хитростию и тонкостию чтобы себя оправдывать и украдываться из-под надзора своих руководителей всяческими средствами, любя неограниченно полную свою волю, всякое ограничение и обуздание которой стоит им слез и досады. И потому должно обработывать их волю чрез послушание, укрощать и направлять ее так, чтобы они почти не примечали и не чувствовали строгости и тягости рабскаго принуждения могущаго оскорбить благородное чувство любви и доверенности, и привести их в уныние. Предаваться радости, невинным забавам и даже резвости, приличной их званию и свойственной возрасту их, не препятствовать, а только умерять, благородствовать их, и самыя ошибки обращать им в наставление. Внешняя благовидность или воспитанность также им необходима; и потому наставлять вос-

питанников, чтобы они к старшим обращались лицем; сидели и ходили бы прямо, закрывали бы рот рукою, когда зевают, не смеялись бы безобразно; кушали бы не торопясь, без жадности; не держали бы рук в исподнем платье; не делали бы себе короткаго знакомства с неизвестными им людьми, не вступали бы с ними без надобности в разговор и не устремляли бы ни на кого взора. Идучи по улице, особливо когда есть прохожие люди, и находясь вместе с посторонними людьми, разговаривали бы о общих вещах и не смеялись бы тогда пошептом, чтобы посторонний человек не усумнился и не принял чего-нибудь на свой щет: когда же и случится смеяться, то дать знать в разговоре о причине смеха. От нарушения сего правила множество встречается неприятностей в обществе. Когда с ними говорят посторонние или начальники, отвечали бы ясно и с благородною свободою, без застенчивости, а между собой разговаривали бы в пол голоса, без крику. Впрочем правила воспитания довольно вам известны. Цель моя была только та, чтобы передать вам мысль о Моральном присудствии в смотрении за воспитанниками и чем оно различествует от обыкновеннаго надзора. Все сии мысли вам конечно нечужды; но я сообщаю их вам для приведения их в действо общим вашим попечением.

Надзиратель по Учебной и Нравственной
части Императорскаго Лицея

Мартын Пилецкий.

1 Июля 1812 года
в Лицее.

Три листа (по четыре страницы) in f° синей бумаги с водяными знаками. «ЯМГ 1810» и в овале под короной, окаймленной веткой, медведь, несущий топорик. Листы вложены один в другой и сшиты. Все двенадцать страниц перенумерованы карандашом.

Текст написан писарской рукой, но подписан (со слова: «Надзиратель») М. С. Пилецким-Урбановичем. Рукопись входила в состав архива первого директора Царскосельского лицея В. Ф. Малиновского (1765—1814) и приобретена Литературным Музеем у К. В. Сивкова 19 декабря 1933 г. (№ 1221).

Об авторе впервые публикуемого «замечания» имеются такие биографические сведения:

«Пилецкий малолетним (1789) зачислен был в Екатеринославское казачье войско, где оставался 9 лет до времени расформирования оного. Потом до 1806 года провел за границей, где слушал в Геттингентском университете лекции. По возвращении в Петербург служил переводчиком при ученом собрании Императорской Академии Наук; через три года опять уехал на юг России, пробовал служить в приказе, но через год снова прибыл в столицу и получил место в Лицее (1811). Здесь оставался он только по 1813 год»[1].

В лицее Пилецкий занимал должность «надзирателя по учебной и нравственной части», но чаще назывался «инспектором» и в качестве такового, по выражению директора, был его «правой рукой». «Пилецкий» — писал 11 ноября 1811 г. Малиновский, выхлопатывая ему чин, — здесь ежечасно в надзоре за детьми, и даже гувернеры требуют его просвещеннейшего руководства»[2].

М. А. Корф в своей известной «Записке» дает такую характеристику этого «пастыря душ с крестом», как называет Пилецкого одна из «национальных песен» лицеистов: «С достаточным образованием, с большим даром слова и убеж-

[1] Селезнев, И. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея. СПБ, 1861, стр. 158—159.

[2] Грот, Я. Пушкин, лицейские товарищи и наставники. СПБ., 1899, стр. 257.

дения, он был святошею, мистиком и иллюминатом, который от всех чувств обыкновенной человеческой природы, даже от врожденной любви к родителям, старался обратить нас исключительно — к богу, и если бы мы долее остались в его руках, непременно сделал бы из нас иезуитов, или то, что немцы называют Kopfhänger[3].

Не знаю, по какому случаю его уволили, но он с своею длинною и высохшей фигурою, с горящим всеми огнями фанатизма глазом, с кошачьими походкою и приемами, наконец с жестоко-хладнокровною и ироническою, прикрытою видом отцовской нежности строгостью, долго жил в нашей памяти как бы какое-нибудь привидение из другого мира»[4].

Печатаемый документ, осуществлявший то «просвещеннейшее руководство», которое, по мнению Малиновского, требовали от Пилецкого гувернеры, как видим, находится в полном согласии с его характеристикой, данной Корфом. Но странным образом Корф запамятовал (в 1854 г.), по какому случаю уволили из лицея Пилецкого. На самом деле это было крупное событие в жизни лицея, прекрасно характеризующее тот свободолюбивый «лицейский дух», которым были проникнуты если не все воспитанники, то значительная часть их во главе с Пушкиным.

Последний, вероятно в 1830 г., отмечая в плане своей автобиографии главнейшие факты лицейских годов, записал: «Мы прогоняем Пилецкого».

Этому событию, происшедшему весной или летом 1813 г., во всяком случае до 25 июля, когда в должность инспектора вступил Чачков[5], предшествовала довольно продолжительная кампания лицеистов против Пилецкого, начавшаяся еще в ноябре 1812 г. События этого месяца, хотя и не совсем грамотно, но не без живости описаны братом инспектора, гувернером Ильей Степановичем Пилецким в «Журнале о поведении воспитанников Императорского лицея за ноябрь месяц 1812 года».

Докладывая директору о поведении Пушкина за этот месяц, гувернер между прочим писал[6]: «21-го. За обедом вдруг начал громко говорить, что Вольховский г. инспектора боится, и видно оттого, что боится потерять доброе свое имя, а мы, говорит, шалуны, его увещеваниям смеемся. После начал исчислять с присовокупившимся к сему г. Корсаковым сделанные г. инспектором родителям некоторых товарищей обиды, а после обеда и других к составлению клеветы на г. инспектора подстрекнул. Вообще г. Пушкин вел себя все следующие дни весьма смело и ветренно. 23-го когда я у г. Дельвига в классе г. профессора Гауеншильда отнимал бранное на г. инспектора сочинение, в то время г. Пущкин [sic!] с непристойною вспылчивостию говорит мне громко: «как вы смеете брать наши бумаги, стало быть и письма наши из ящика будете брать». Присутствие г. профессора вероятно удержало его от хужшего [sic!] еще поступка, ибо приметен был гнев его».

От Пушкина не отставал Кюхельбекер, поведение которого в бурные дни 21 и 23 ноября так описывается в «Журнале»: «В случившемся 21 числа деле принял весьма жаркое участие, даже с ожесточением, укорял и бранил явно подлецами Юдина, Корфа, Ломоносова и Есакова, что они не утверждали на инспектора того, что некоторые другие, поджигал их и настаивал, но сии с твердостью сказали ему, что они не могут того утверждать, чего не слыхали сами. Известен сделался мне и тот его поступок 23-го числа, когда он, сидя подле г. Яковлева, бранил г. инспектора с презрением, в чем и просил у него прощения. Теперь г. Кихельбекер [sic!] отстал от беспокойных воспитанников, которые оказывают много постоянства в начатом против г. инспектора недобро-

[3] Ханжи.

[4] Грот, Я., Пушкин, его лицейские товарищи и наставники СПБ., 1899, стр. 242.

[5] См. «Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1856—1857 год». СПБ, 1856, стр. 64 второй пагинации.

[6] Из орфографических ошибок Пилецкого оставляем лишь некоторые.

желательстве. Вообще г. Кихельбекер оказывает много легкомыслия и подвержен крайностям».

Малиновский также «при случившемся происшествии принял довольно значительное участие, даже с негодованием, утверждая, что г. Мясоедов слышал, как г. инспектор и на его родителя счет дурно говорил; сам же того не слыхал. Многократно укорял Есакова и часто называл льстецом, что не последовал своим товарищам, имея даже и причину».

Основную группу протестантов, кроме Пушкина, Кюхельбекера и Малиновского, составляли Корсаков, Дельвиг, Мясоедов и Гурьев, поведение которых в ноябрьских событиях не описано в «Журнале». К ним примкнули Вольховский, Корнилов и Маслов. О первом гувернер писал: «Вел себя весьма хорошо, но при случившемся происшествии твердость его характера поколебалась. Сие мною замечено 23-го числа в вечеру, когда некоторые воспитанники объясняли свои претензии, он потихоньку подкреплял других, чтоб не отставали, ибо сам не мог ничего свидетельствовать на г. инспектора. На запрос же г. директора оказал мнимое равнодушие». Корнилов «23-числа когда некоторые воспитанники выговаривали г. инспектору свои какие-то обиды, то и он, последуя примеру старших воспитанников, кои, как видно, к тому его подстрекали, сказал, что через инспектора и Алексей Николаевич[7] вышел».

«Маслав [sic!] в течение целого месяца вел себя весьма скромно и благопристойно, с свойственною ему осторожностью, но 21-го числа узнал я от одного воспитанника, что он весьма деятельно участвовал в сделанном противу г. инспектора заговоре. Что тем более подтверждается 23-м числом, когда выговаривали воспитанники г. инспектору свои обиды, то, не имев что сказать, ходил кругом он и потихоньку говорил: «ну-те, ребята, не рабейте [sic], дружнее». Сие я сам слышал. На запрос же г. директора, что он о сем деле думает, паки принял свою скромность, утверждая вместе с некоторыми, что видно г. инспектор виноват, когда другие товарищи жалуются»[8]. История эта видимо была замята директором. «Бунтовавшие» не были наказаны, но и Пилецкий остался, впрочем, ненадолго.

Через несколько месяцев произошла новая вспышка возмущения против инспектора, о которой рассказывали Анненкову «тогдашние преследователи Пилецкого», которых ему «удалось слышать». Воспоминания этих товарищей Пушкина так передавал Анненков: «Они указывают именно на возмущенное аристократическое[9] чувство лицеистов, как на первую, хотя и не единственную, причину их самовольной расправы с инспектором. Пилецкий вздумал давать ласковые, но несколько фамильярные прозвания родственникам, сестрицам и кузинам, посещавшим в лицее воспитанников. Это обстоятельство показалось щекотливому чувству последних окончательно превышающим меру всякого терпения, и без того уже сильно потрясенного взыскательным, принижающим, ироническим обращением с ними воспитателя. Они собрались в конференц-зале, вызвали к себе инспектора и предложили ему дилемму: или удалиться из лицея, или видеть, как они потребуют собственного своего увольнения. Угроза конечно была не очень серьезного свойства, но Пилецкий отвечал хладнокровно: «Оставайтесь в лицее, господа!» и в тот же день выехал из Царского Села навсегда (покойный Ф. Ф. Матюшкин)»[10].

Так бесславно оборвалась карьера этого жалкого воспитателя.

Корф вспоминал, что Пилецкий «долго жил в нашей памяти как бы какое-нибудь привидение из другого мира». Действительно, в журнале «Лицейский

[7] А. Н. Иконников, гувернер в лицее в 1811—1812 гг. Его характеристику см. в лицейском дневнике Пушкина.

[8] См. Шляпкин, Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПБ, 1903, стр. 328—331.

[9] Разрядка Анненкова.

[10] См. Анненков, А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПБ, 1874, стр. 37—38. Кроме названного Матюшкина об истории Пилецкого Анненкову могли рассказывать Комовский и Яковлев.

мудрец», выходившем спустя почти три года после того, как изгнан был инспектор, на него была нарисована карикатура, изображающая воспитателя с крестом в руках, и помещена сказка в стихах «Деяния Мартына в аду»[11], рассказывающая о том, как этот Мартын, проникший с иконой в ад к Плутону, стал его крестить, за что с позором и был изгнан. Вспомнил Пилецкого и Пушкин в эпиграмме 1816 г. «Портрет», где, характеризуя гувернера Чирикова, сказал, что «с Мартыном поп он записной».

Незавидна была дальнейшая судьба Пилецкого. «Любопытно, — вспоминал Корф в своей «Записке», — что он после служил следственным приставом в петербургской полиции, и наконец в 1837 г. за участие в мистических изуверствах известной Татариновой был выслан из столицы и заключен в монастырь. Он жив еще и теперь (1854), в глубокой старости, живет опять в Петербурге, почти без куска хлеба и недавно являлся ко мне с просьбою о пособии из комитета призрения заслуженных гражданских чиновников»[12].

М. Цявловский

---

[11] Грот, К. Я., Пушкинский лицей. СПБ, 1911 г., стр. 278, 281—282.
[12] Грот, Я. К., Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПБ, 1899, стр. 242

III

ИЗ АРХИВА ЭНГЕЛЬГАРДТА

В части архива Энгельгардтов, поступившей в Литературный Музей 7 июня 1934 г. от Д. Д. Шамрая (№ 2040), основное ядро составляют бумаги Егора Антоновича Энгельгардта (1775—1862), бывшего директором Царскосельского лицея с 27 января 1816 г. по 31 октября 1823 г. Среди этих бумаг для истории лицейских годов Пушкина представляют интерес черновик письма Энгельгардта министру народного просвещения о покушении на самоубийство В. К. Кюхельбекера, письмо Брейткопф к кн. А. Н. Голицыну и девять писем последнего к Энгельгардту за 1816—1817 гг.

Из этих писем (их всего тридцать восемь за 1816—1822 гг.) видно, что Голицын, с 10 августа 1816 г. исправлявший должность министра народного просвещения, принимал ближайшее участие в управлении лицеем, входя даже в такие мелочи, как отпуск лицеистов к родителям.

Не ограничиваясь администрированием, Голицын занимался и воспитанием лицеистов, посылая им в качестве президента «Библейского общества» религиозно-мистические книги и даже договор «Священного союза». Из писем Голицына между прочим видно, что он довольно часто бывал в лицее. Таким образом характеристика министра в позднейшей эпиграмме Пушкина:

«Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша» —

могла быть основана частью и на личных впечатлениях поэта.

I. ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА К КН. А. Н. ГОЛИЦЫНУ

1817 г. Мая 2

Сегодня во 2-м часу по полудни вос[питанник] Кюхельбекер [1] в припадке задумчивости, каковые с ним бывали и прежде неоднократно [2], после весьма малозначущей ссоры с некоторыми товарищами, выбежав из дома прежде нежели побежавшие за ним люди успели его нагнать, и добежав до канала, кинулся в оный. Он немедленно был оттуда вытащен и приведен в чувство, и теперь находится в больнице как кажется в полном разсудке.

Я счел долгом немедленно о сем донести ва[шему] С—тву дабы произшествие не дошло до вас в каком-либо другом виде.

Лист in f° (2 стр.) синей бумаги верже с вод. знаком «1814». Исписана часть первой страницы.

Событие, о котором говорится в письме, припомнилось Кюхельбекеру через

двадцать пять лет: 29 мая 1842 года, сидя в ссылке в Сибири, он записал в своем дневнике: «Майские мои несчастья начались рано. В мае 1817 г., например, моя ссора с Малиновским и горячка, следствие этой ссоры, да побег из больницы в пруд Александровского сада, где я чуть-чуть не утопился» [3].

В рапорте доктора Пешеля [4] значится, что с 2 по 7 мая 1817 г. Кюхельбекер был в больнице, заболев «головокружением»: это конечно и есть день покушения на самоубийство и горячка. В памяти Кюхельбекера несколько сдвинулись события, — судя по письму Энгельгардта, Кюхельбекер не из больницы бросился топиться, а из дому.

Гаевский, со слов товарищей Кюхельбекера, описал это происшествие в таком виде: «Насмешки над Кюхельбекером не ограничивались стихами и карикатурами, но нередко переходили в недостойные шутки: так например Дельвиг, за обедом, вылил ему на голову тарелку супу. Кюхельбекер был этим выведен из терпения, выбежал из-за стола в сад и бросился в пруд, чтобы утопиться. Начальство лицея, донося официально об этом случае, объясняло его, в свое оправдание, припадком умственного расстройства, и в архиве лицея еще хранится дело «об умопомешательстве Кюхельбекера (№ 462, 1817 г.)» [5].

Судя по записи Кюхельбекера, не Дельвиг обидел его, а Малиновский.

Даже происшествие с Кюхельбекером не остановило насмешек товарищей. На этот случай была написана эпиграмма:

На потопление К.

Клит бросился в реку. Поплачьте о поэте:
Не пережил он чад, давно утопших в Лете [6].

И много лет спустя Корф, с обычной своей желчью вспоминал, что Кюхельбекер «почти полупомешанный, всегда готов был на самые «курьезные» проделки и раз даже ни с того, ни с другого попробовал утопиться, впрочем, именно в таком пруду, где нельзя было утонуть и мыши» [7].

[1] Сперва было: Долгом поставляю донести вашему С—ву, что воспитанник Кюхельбекер.

[2] Со слов каковые с ним вставлено.

[3] См. «Дневник Кюхельбекера», изд. «Прибой» Л. 1929, стр. 284—285.

[4] Хранится в ПД.

[5] «Современник» 1863, № 7, отд. I, стр. 149. Упоминаемого Гаевским дела «об умопомешательстве Кюхельбекера» уже не существует. Далее Гаевский говорит о карикатуре и о «письме морского корреспондента», помещенных в рукописном лицейском журнале «Лицейский мудрец», и будто бы написанных на случай с Кюхельбекером. Это — явное недоразумение. «Лицейский мудрец» выходил в 1815—1816 гг., и поэтому не мог иметь связи с эпизодом 1817 г.

[6] Измайлов Н. Н. «Новый сборник лицейских стихотворений» в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.» П. 1922, стр. 63.

[7] Грот Я., Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПБ. 1899, стр. 244.

II. ПИСЬМА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА К Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

1

1816 г. Сентября 19

Покуда, Милостивый Государь мой Егор Антонович, доставлю я вам библиотеку для лицея, о которой уже взошел в переписку [1], посылаю несколько книг в подарок от себя [2].

О Доме, пожалованном пенсиону [3], до сих пор еще нет предписания от К. Петра Михайловича [4], к которому я тогда же писал. Что делать, надобно подождать. Пребываю с истинным почтением ваш покорнейший слуга Князь Александр Голицын.

19 Сентября 1816.

Адрес:

Милостивому Государю моему Егору Антоновичу Енгельгарду. При сем посылается пять пакетов с книгами.

[1] По просьбе Энгельгардта Голицын докладывал государю об увеличении библиотеки лицея. На основании этого доклада Александр 2 декабря 1816 г. приказал «отдать лицею библиотеку, находящуюся в Александровском дворце в Царском Селе с тем, чтобы оная сохранена была, ибо дается она ему не в собственность, а только для пользования. На таком же основании взять и книги, находящиеся в Яшмовых комнатах Большого Царскосельского дворца, кои признаны будут полезными и, сверх того, отпускать в лицей все полезные книги из числа присылаемых в Департамент Министерства просвещения» (см. Селезнев «Исторический очерк лицея». СПБ., 1861, стр. 74).

[2] По словам Селезнева, «Голицын в 1816 г. — доставил от себя в дар лицею 102 тома различных сочинений, из которых большая часть касалась Библейского нашего общества» (см. там же, стр. 75).

[3] Благородный лицейский пансион был открыт 27 января 1814 г. (См. там же, стр. 105).

[4] Кн. Петр Михайлович Волконский в это время начальник Главного штаба. О пожалованном доме пансиону см. у Селезнева, стр. 7 второй пагинации.

2

1816 г. Сентября 22.

Еще посылаю к вам, Милостивый Государь мой Егор Антонович, книг из моей библиотеки и которые по рассмотрению вашему изберете для начала библиотеки лицея, а прочие променять можете. Между протчим посылаю к вам печатный Священный Союз государев на обоих языках, может его в лицее нет, а не худо ему оное знать, чтоб научились, на каких правилах большие державы хотят действовать [1]. Ваш покорнейший слуга Князь Александр Голицын.

22 Сентября 1816.

P. S. Сожалею, что давно не был у вас в гостях, но истинно так много дела, что не нахожу время отлучиться из города, в протчем я уверен, что у вас всё столько хорошо, сколько в а м можно.

Потерпите до приезда государя [2]. Надеюсь когда ваши предположения приведутся в действо, то еще будет лутче.

Кланяйтесь от меня тем из учащихся в лицее, кем вы довольны.

Да поспешите мне представить о священнике для лицея на мой запрос.

На четвертой странице:

Милостивому Государю моему Егору Антоновичу Енгельгарду. При сем посылаются пакеты под лит.: А.Б.С.

[1] Речь идет о тексте союзного договора, подписанного 26 (14) сентября 1815 г. австрийским императором, прусским королем и русским императором и положившего начало реакционной политике этих государей.

[2] Александр I, выехавший 10 августа 1816 г. в путешествие по России, вернулся в Петербург 13 октября того же года.

3

1816 г. Октября 8.

Сожалею, Милостивый Государь мой Егор Антонович, что вы не здоровы, надеюсь вас видеть 13-го числа по утру и поговорить с

вами о происшествии пенсиона! я очень апробую удаление из онаго виновных, уверен будучи, что вы поступили по совершенной справедливости. В сем случае, я думаю, нужно было скорее выслать вон сих негодяев, но в таких случаях, где бы позволяло время списаться со мною, лучше бы предварительно спросить мое мнение [1].

Теперь вы получили уже некоторые разрешения по вашим представлениям. Надеюсь скоро и протчие ваши предположения для устройства вверенной вам части с приездом государя обделаются.

Желаю вам здоровья как и детям, коим прошу кланяться на том же основании как и прежде. Ваш покорнейший слуга К. Александр Голицын.

8-го Октября 1816.

[1] О каком «происшествии» в лицейском пансионе идет речь, неизвестно. Возможно, что это была какая-нибудь школьническая история, в результате которой участники ее были исключены из пансиона. Не были ли среди исключенных П. В. Нащокин и брат Пушкина? Они оба учились в лицейском пансионе, но курса не кончили (см. БПМ 1854, № 117, стр. 10, отд. отт. и РоП, стр. 26).

4

1816 г. Октября 9.

Я видел из истории Лицея, что полагают напечатать расписание учебных часов, то прикажите приостановить оное; ибо священник [1] в будущий четверг будет вас просить, нельзя ли так разделить часы, чтобы в среду после обеда ему назначить и в четверг по утру. Он мне сказывал, что тяжело целый день преподавать, и что последний час он насилу мог говорить. В пятницу по утру надеюсь вас увидеть, то вы мне скажите ваше мнение. Ваш покорнейший слуга К. Александр Голицын.

9-го Октября понедельник.

[1] Речь идет вероятно о законоучителе Герасиме Петровиче Павском.

5

1816 г. Декабря 10.

Просил меня Галахов, чтоб детей его к нему отпустить на праздники с 22-го числа сего месяца, ибо 23 у них какие-то имянины [1]; также Корф по болезни своей просит, чтоб сын его был к нему отпущен [2]; есть ли нет каких препятствий, то вы можете их отпустить, когда родные за ними пришлют.

В рассуждении 9-го класса при выпуске Государя я несколько раз просил; но он мне сказал, что и для лицея оное слишком было сделано, то теперь не находит нужным вводить, а согласился, вместо 12-го, до 10-го класса отличившихся [3].

Поздравляю вас с получением чина [4], пребуду навсегда с истинным почтением Вашего Превосходительства покорнейший слуга Князь Александр Голицын.

10-го Декабря 1816.

[1] У Павла Александровича Галахова (1776—1838) двое сыновей: Александр Павлович (1802—1863), впоследствии петербургский обер-полицеймейстер, и Сергей Павлович (1806—18. .) учились в это время в лицейском пансионе.

[2] У барона Генриха (Андрея) Корфа (ум. в 1823 г.), сенатора (с 1819 г.), учился в лицее сын Модест, товарищ Пушкина, впоследствии директор Публичной Библиотеки.

[3] По «Постановлению о лицее», утвержденному 12 августа 1810 г., кончавшие лицей получали сообразно с оказанными успехами чин от XIV до IX класса. Энгельгардт ходатайствовал, чтобы и кончавшие полный курс (девятилетний) лицейского пансиона уравнены были в этих правах с лицейскими, но Александр I согласился лишь на то, чтобы кончавшие пансион получали чин от XIV до X класса.

[4] Действительного статского советника.

6

1816 г. Декабря 19.

Ко мне многие относятся родственники с прозьбами. Милостивый Государь мой Егор Антонович, об отпуске детей из пансиона Царскосельскаго, то я всем им сказал, чтоб они к вам обратились с прозьбами, а вас я разрешаю по вашему благоусмотрению, кого можно отпустить, тех отпускайте на наступающие праздники.

Здесь прилагаю прозьбу Корфа, о которой я уж вам писал[1]. Пребывая навсегда ваш покорнейший слуга К. Александр Голицын.

19 Декабря.

[1] См. предыдущее письмо. Просьбы этой в бумагах Энгельгардта не сохранилось.

7

1816 г. Декабря 23.

Я может быть недовольно объяснился, и для того нарочнаго к вам посылаю, чтоб вы могли разрешать требования родителей. В наше последнее свидание, мне казалось, вы не против того были, чтоб отпускать больших из лицея, а только говорили, чтоб меньшего возраста не пускать; и для того я вам сказал, чтобы малой сей возраст решительно отказывать родственникам, а о протчих как в лицее, так и в пенсионе, я вам дал полную волю на нынешний праздник. Мы рассуждали, что большие уже на выпуске, то и можно сделать некоторым снисхождение, которых вы найдете заслуживающих.

В протчем я еще вам повторяю, что совершенно от вас будет зависеть, кого отпустить или нет на сей праздник; у меня так много занятий, что я не могу успеть всем отвечать родственникам, кои на днях будут ко мне приступать. Они и без того будут видеть своих детей в Царское Село, то не трудно им вас попросить; кому вы откажете, то поедут одни, а другие с своими детьми. Надобно, чтоб те, кои отпущены будут, доставлены были назад теми же, кои их возьмут.

Желаю вам быть здорову и быть уверену, что я навсегда пребуду ваш покорный слуга К. Александр Голицын.

23 Декабря.

На четвертой странице:

Его превосходительству Егору Антоновичу Енгельгарду в Царском Селе.

В своих «Записках» о Пушкине И. И. Пущин писал: «Через несколько дней после открытия, за вечерним чаем, как теперь помню, входит директор и объявляет нам, что получил предписание министра, которым возбраняется выезжать из лицея, а что родным дозволено посещать нас по праздникам. Это объявление категорическое, которое, вероятно, было уже предварительно постановлено, но только не оглашалось, сильно отуманило нас всех своей неожиданностью. Мы призадумались, молча посмотрели друг на друга, потом начались между нами толки и даже рассуждения о незаконности такой меры стеснения, не бывшей у нас в виду при поступлении в лицей» (См. И. И. Пущин «Записки о Пушкине и письма», М.—Л., 1927, стр. 56).

Об этом же писал Корф в своей «Записке»: «Во все шесть лет нас не пускали из Царского Села не только в Москву, но и в близкий Петербург, и изъятие было сделано для двух или трех, только по случаю и во время тяжкой

болезни их родителей, да еще, уже для всех, за несколько дней до выпуска, чтобы снять каждому мерки для будущего своего платья» (см. Я. Грот «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», СПБ., 1899, стр. 246).

Публикуемое письмо Голицына показывает, что Корф, вспомнив о том, что его отпускали из лицея в Петербург по случаю болезни отца, забыл, что на Рождество 1816 г. были отпущены многие лицеисты. Из неопубликованной «Ведомости о состоянии лицея» (хранится в ПД) видно, что 24 декабря 1816 г. «были уволены к родственникам на все праздники» Вольховский, Пущин, бар. Корф, Есаков, Пушкин, Мартынов, Кюхельбекер, бар. Гревениц, Стевен, Корнилов, Корсаков, Комовский, Саврасов, Бакунин, Малиновский, Юдин и Данзас. Из оставленных в лицее большинство, надо думать, не имело родственников в Петербурге. В числе таких был Горчаков, писавший дяде с теткой Пещуровым 25 декабря: «Мы получили позволение ехать в город на все праздники, и теперь град святого Петра полон синими мундирами с красными воротниками, которые стараются повеселиться в одну неделю за все шесть лет» (Неопубликованное письмо; хранится в Госуд. архиве феодально-крепостнической эпохи).

На одни сутки были отпущены Мясоедов «по причине болезни матери» и Ржевский «по причине болезни тетки».

Ранее срока возвратились Вольховский, Есаков, бар. Гревениц, Стевен, Корсаков, Комовский, Бакунин, Малиновский, Саврасов и Пущин. 1 января возвратились Корф, Пушкин, Мартынов, Кюхельбекер, Корнилов, Юдин и Данзас.

О значении для Пушкина этой поездки в Петербург, где он виделся с Жуковским, с которым говорил об издании сборника своих стихотворений, см. в издании Академии Наук СССР Собрания сочинений Пушкина, т. I, прим. к стихотворению «К Жуковскому».

8

1817 г. Марта 14.

Препровождая к вам, Милостивый Государь мой Егор Антонович, письмо баронесы Корф, прошу вас не замедлительно меня уведомить во-первых, которого класса сын ее, для того, что из лицея мы меньшего возраста не отпускали. Впрочем, по тяжкой болезни отца можно бы сделать исключение на сей раз. Но я желаю знать ваше мнение и до того времени погожу дать ответ. Ежели же вы не будете иметь каких причин препятствующих, то по получении ответа вашего я велю баронесе поехать за ее сыном, и вы уже не ожидайте вновь от меня разрешения, ибо я наперед вам даю согласие на ваше мнение.

Мое почтение супруге вашей. Пребываю навсегда с истинным почтением ваш покорнейший слуга К. Александр Голицын.

14 Марта 1817.

9

1817 г. Марта 21.

Корфа я отпустил, но в рассуждении прозьбы г-жи Брейткопф: я ей именно отвечал, что я уже оставил совершенно на ваше рассмотрение, кого отпускать, и чтоб она к вам отнеслась [1]. Следовательно вы и можете следовать тому правилу, о котором мы с вами условились изустно, то-есть сказать родителям, что я вам поручил отпускать с разбором; и сей разбор кто ближе может сделать, как вы; я совершенно с вами согласен, что надобно принимать основательные притчины для сих отпусков, и те, кои в последний раз не были отпущены, конечно могут ныне воспользоваться; но в таком случае когда по поведению своему надежны. Без того может случиться, ежели бы отпу-

стить из тех, о ком мы с вами иногда говорили, и здесь в городе попадется в какую-нибудь историю; довольно того, чтоб нанес вред репутации заведения.

И так я совершенно вам развязываю руки, зная, что вы во зло не употребите сие дозволение. А мне некогда со всеми родственниками переписываться, и я их к вам буду адресовать.

Поздравляю вас с праздником так и воспитанников ваших, кои хорошо себя ведут. Ваш покорный слуга К. Александр Голицын.

21 марта.

На четвертой странице:

Милостивому государю моему Егору Антоновичу Энгельгардт в Царское Село.

Это письмо показывает, что еще 21 марта ни директору лицея, ни лицеистам не было известно, что они будут отпущены в Петербург на праздники Пасхи. Разрешение на отъезд взял на себя Энгельгардт после получения публикуемого письма. В коллективном письме[2] восьми лицеистов, в том числе и Пушкина, к бывшему инспектору лицея С. С. Фролову, написанном 4 апреля 1817 г. т.-е. в третий учебный день после пасхальных каникул, Малиновский писал: «до сих пор были все в Петербурге на празднике». В словах «до сих пор» мы видим, что лицеисты вернулись только-что, т.-е. к первому учебному дню (2 апреля), и провели в Петербурге целую неделю 25—31 марта.

В далеко не полной «Ведомости о состоянии лицея»[3] сказано лишь, что «на праздники уволены к родственникам бар. Корф, Кюхельбекер и гр. Броглио»; по-видимому они были отпущены персонально до общего отпуска, по хлопотам А. И. Брейткопф, что видно из настоящего и следующего писем.

Все письма Голицына написаны на листах почтовой бумаги большого формата с водяным знаком «А. О.».

[1] Письмо Голицына к А. И. Брейткопф печатается ниже.
[2] См. МПП, стр. 6 и 185—186.
[3] Хранится в ПД.

III. ПИСЬМО КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА К А. И. БРЕЙТКОПФ

1817 г. Марта 20.

Madame

Je ne sais si Kuchelbeker et le comte de Broglio sont dans la pension du Lycée de Czarskoe Sélo, ou dans le Lycée même; car voila l'ordre établi: tous ceux qui sont dans la pension j'ai permis à M-r d' Engelhardt, de les laisser aller chez leurs parents pour la semaine sainte et celle de Paque. Pour ceux du Lycée la dernière classe n'a jamais la permission c'est à dire les plus jeunes d'aller chez les parents; mais la haute a eu une fois la permission et quelques exceptions dans les cas urgens, sur quoi Monsieur d'Engelhardt a reçu mes instructions et l'on doit s'adresser á lui.

Ainsi Madame, si vous voudrez bien dire aux parents de ces jeunes gens d'écrire à Czarskoe Sélo et si la demande sera conforme aux principes pris dans la maison, Monsieur d'Engelhard le Directeur du Lycée s'empressera à faire plaisir aux parents.

Agréez Madame l'assurance de la considération distinguée avec laquelle j'ai l'honneur d'être Madame votre très-humble et très obéissant serviteur.

Le 20 Mars 1817. P. Alexandre Galitzin

На четвертой странице:

A Madame Madame Breitkopf.

Перевод:

Милостивая государыня,

Я не знаю, состоят ли Кюхельбекер и граф Броглио в пансионе Царскосельского лицея или в самом лицее; потому что вот каков порядок: всех тех, которые состоят в пансионе, я разрешил г-ну Энгельгардту отпустить к родителям на страстную и святую недели. Что же касается лицея, то последний класс, то есть младшие, не имеет никогда разрешения ехать к родителям; но высший имел один раз разрешение и несколько исключений в важных случаях, на что господин Энгельгардт имеет мои распоряжения и надо обращаться к нему.

Итак, сударыня, если вы пожелаете сказать родителям молодых людей, чтобы они написали в Царское Село и если просьба будет соответствовать принципам, принятым в доме, господин Энгельгардт, директор лицея, поспешит доставить удовольствие родителям.

Примите, сударыня, уверение в совершеннейшем уважении с которым честь имею пребывать, милостивая государыня, ваш всенижайший и покорнейший слуга К. Александр Голицын.

20 Марта 1817.

На четвертой странице:

Милостивой Государыне Госпоже Брейткопф.

Лист (четыре страницы) почтовой бумаги большого формата с вод. знаком «А. О.» и «1815».

Анна Ивановна Брейткопф (1747—1823) была начальницей Екатерининского института и училища ордена св. Екатерины. В качестве родственницы Кюхельбекера и приятельницы его матери, она, пользуясь своим положением, просила у Голицына об отпуске Кюхельбекера.

М. Цявловский

IV

ПИСЬМО Н. В. БЕРГА О „ДОМЕ ИНЗОВА“

Вот тебе, любезный друг, развалины дома, в котором Пушкин написал своих Ц ы г а н. Этот дом принадлежит и тогда принадлежал бояру Доничу. Здесь жил Инзов, бывший Наместник Бессарабии, и у него-то останавливался Пушкин в бытность свою в Кишиневе. Говорят, его окошки были — три к деревьям, и потому я срисовал с этой стороны. Но фасад, там. Мне разсказывали, что около дома был славный сад, но теперь ничего нет, ни служб, ни даже забора. Дом стоит один-одинешенек, на горе, вблизи старого города. С этой горы — самый лучший вид в Кишиневе. Место так уединенно, что там паслись овцы, когда я был. Я заглядывал внутрь: осталось несколько балок, на которых держался пол, а полу нет нигде ни доски. Стены, где жил Пушкин, голубые. И — на этих стенах останавливался его взгляд, и здесь он думал о своей З е м ф и р е!.. Знаешь ли, А л е к о значит по молдавански — Александр... Я спрашивал отчего брошен такой славный дом, и на лучшем месте? — Мне говорили, будто по смерти Инзова (котораго прах был перевезен в местечко Болград любившими его Болгарами) жить в доме было нельзя: являлись привидения, тень какой-то женщины... но это поэзия Перевести в прозу — являлись духи нечистые... наруку, словом мо-

шенники, которые обдирали по ночам всё, что можно было ободрать, и они-то растаскали пол. Когда уже обдирать было нечего — привидения перестали показываться. Разве заходили для переночевки. Со мной случилось следующее. Когда я проходил после осмотра дома, мимо арки, над землей, вдруг мне показался в глубине под сводами огонь и две тени... Был уже поздний вечер — в этих тенях с огнем было столько же страшнаго, сколько и любопытнаго. Долго не думая, я сбежал вниз по ступеням и пошел прямо к теням. И чтож? — Какие-то солдаты варили кашу... А не спустись я туда, не одолей меня воинская храбрость и любопытство — я бы мог рассказывать ни весть какие страхи. — Прощай, милый друг, поклонись своим, да напиши о себе хоть строчку, адресуя: в Кишинев, в Главный штаб Южной армии...[1]. Напиши, милый друг. Письмо можешь отрезать, а потому показывать кому хочешь. Нарочно так и пишу. Да пришли адрес — Нат. Серг. Ржевской. 1854. Декабря 27. Кишинев. — Твой душевно Н. Б.

Рисунок пером и под ним напечатанное письмо — на листе почтовой бумаги большого формата. Лист (две страницы) вложен между целлюлоидными пластинками, сшитыми ниткой.

Приобретено Литературным Музеем 19 ноября 1932 г. в Книжной лавке писателей (№ 73).

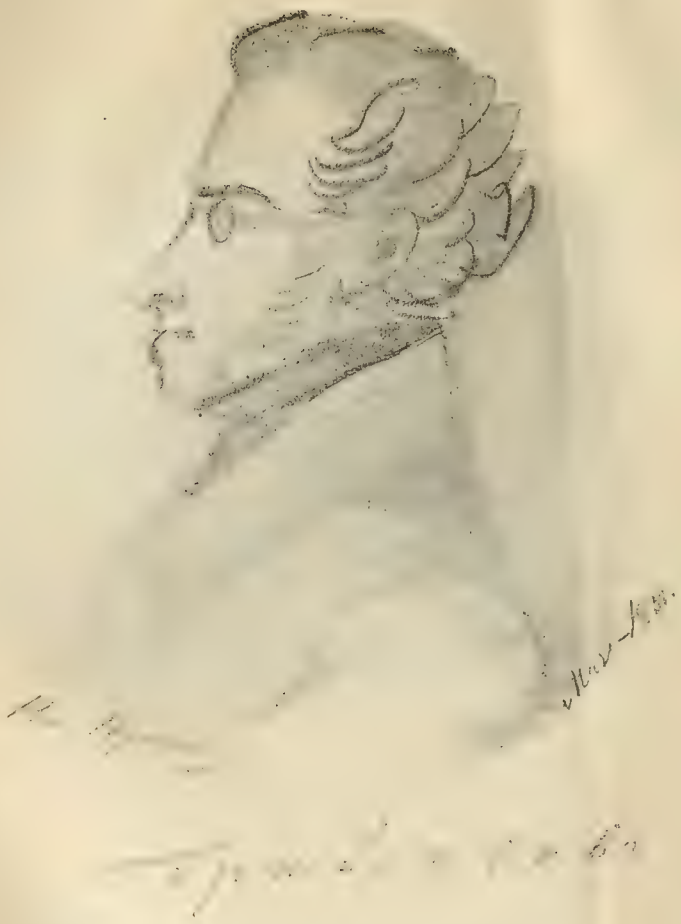
Публикуется впервые.

Автор письма — Николай Васильевич Берг (1823—1884), писатель, переводчик Мицкевича, сербских песен и многих произведений преимущественно славянских литератур. В 1853 г. Берг, оставив службу в банке, поехал путешествовать. В начале Восточной войны 1853—1856 гг. он был в штабе Южной армии, находившемся в Кишиневе, а затем переехал в Севастополь.

Письмо адресовано к Н. П. Николаеву, который вероятно, передал его редактору-издателю «Москвитянина» М. П. Погодину, хорошо знавшему Берга. К последнему Погодин очевидно и обратился с просьбой быть корреспондентом с театра войны.

В № 4 (февраль) «Москвитянина» за 1855 г. была напечатана статья Н. В. Берга (подписана: «Н. В. Б.»), датированная февралем 1855 г.: «Кишинев в настоящую минуту». В статье этой имеются такие строки о «доме Инзова»: «...Налево от Рышкановки, по сю сторону оврага, где кончаются домики жидов, идет отдельный большой бугор, и на нем видны развалины двухъэтажного каменного дома, где жил когда-то наместник Бессарабии Инзов, оставивший по себе во всем краю добрую память. Он нанимал дом у бояра Донича, которому он и доныне принадлежит. Но Донич живет за границей, и дом брошен. Его однако зовут до сих пор не иначе как Инзовым домом. Он замечателен тем, что в нем жил при Инзове Пушкин и, как говорят, тут написал Цыган. Из окон, которые принадлежали ему, самый лучший вид в городе. Место очень высоко. Прямо, под горой, в лощине, течет река Бык, образуя небольшое озеро. Левее — каменоломни молдаван и их мелкие домики. Эта часть называется Шиган а. Еще левее — новый Кишенев, со своими садами и тополями. Вдали горы, с белеющими кое-где домиками какого-то села. Говорят, прежде около Инзова дома был огромный сад и службы. Теперь не осталось ничего. Дом стоит отдельно, один-одинешенек, и подле него две сироты — акации. Место так пустынно, что там нередко пасутся овцы, как в поле. Я заглядывал внутрь: уцелели только балки, служившие подпорою полу, но пола уже нет. Всё растащили добрые люди, занимавшиеся этим ночью. Это послужило поводом к рассказам о привидениях. Теперь уже нечего утащить — и, кажется,

[1] Опускаем несколько строк, посвященных описанию лечения болезни автора письма.



А. С. ГРИБОЕДОВ
Рисунок А. С. Пушкина, 1831 г.
Государственный Литературный Музей, Москва

ЭСКИЗ ЖЕНСКОЙ ГОЛОВЫ НА ОБОРОТЕ ПОРТРЕТА ГРИБОЕДОВА
Рисунок А. С. Пушкина, 1831 г.
Государственный Литературный Музей, Москва

привидения исчезли. Мне сказывали, что года три тому назад существовал еще пол, и можно было подходить к стенам, на которых останавливался когда-то взгляд поэта. Они будто бы исписаны стихами — конечно, стихами посетителей. Я могу сказать только, что они голубые. Штукатурка еще сохранилась...» (стр. 8—9).

В третий раз сведения о «доме Инзова» Берг сообщал в письме от 10 января 1855 г. Отрывок из этого письма в числе других был напечатан в «Отрывках писем из Кишинева» в № 12 «Москвитянина» за 1855 г.

Здесь читаем: «...Прилагаю очерк дома, где жил в Кишиневе Пушкин, и где, как здесь говорят, написал Цыган. Его окошки были — три к дверям. Так сказал мне один местный житель...» (стр. 35). Берг очевидно посылал Погодину вновь сделанный им рисунок «дома Инзова», предполагая, что он будет воспроизведен в «Москвитянине». Погодин этого не сделал, но рисунок сохранил. Воспроизведен он был лишь в 1864 г. литографией на отдельном листе. Под рисунком рукой Берга написано: «Дом бывшего наместника Бессарабии Инзова, в котором жил Пушкин в бытность свою в Кишиневе. Его окна были — три к дверям. Здесь, говорят, он написал Цыган. — Снято 1854, в декабре»[1].

До Берга о «доме Инзова» упомянул Н. И. Надеждин в статье «Прогулка по Бессарабии», напечатанной в «Одесском Альманахе на 1840 год» (Одесса. 1839). «Кстати о Пушкине, писал Надеждин. — Еще цел домик, в котором он жил во время пребывания своего в столице Бессарабии» (стр. 395). В альманахе имеется литографированный рисунок «дома Инзова».

После Берга о судьбе «дома Инзова» писали Н. Гербановский в статье «Несколько слов о пребывании Пушкина в г. Кишиневе» в «Новороссийских Ведомостях» 1869 г., № 50 от 30 ноября Л. С. Мацеевич в статье «Из Кишинева о Пушкине» в «Правде» 1880 г. в номерах от 23, 24 и 27 мая и А. Яцимирский в статье «Пушкин в Бессарабии» во II томе Собрания сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова (стр. 160—161).

По фотографии 1859 г. вид развалин дома воспроизведен литографией В. Тимма в его «Русском Художественном Листке» 1861, № 2.

М. Цявловский

[1] Снимок с этой литографии имеется во II томе собрания сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова (стр. 163).

V

ПИСЬМО А. А. ШИШКОВА К С. Т. АКСАКОВУ

В части архива Аксаковых, поступившей в Литературный Музей 7 октября 1933 г. от Н. Н. Павлова, имеется такое письмо:

Почтеннейший друг мой Сергей Тимофеевич! Долго, долго не писал я к тебе, но не обвиняй меня в неблагодарности, не говори: Шишков забыл дружбу мою к нему! — Он в душе прав, но виновны обстоятельства, а обстоятельства мой непримиримый враг. Впрочем и последнее письмо твое меня слишком тронуло. Друг мой! Когда я был оставлен целым миром, ты один вызвался подать мне руку помощи, и подал ее; ты для меня сделал то, чего я никогда не буду в силах заплатить тебе, а теперь отказываешься принять от меня плату за твою собственность? Нет, мой друг! Слишком чувствую твои одолжения, слишком знаю и мои обязанности в отношении к тебе. — Оставим это покуда; в самоскорейшем времени буду в Москве и договорю тебе то, что легче чувствовать, нежели выразить.

Посылаю тебе Марию Стюарт. Уведомь, ради бога, что наше издание? Я об нем не знаю и не слышу. — Оканчиваю теперь князей Хаванских, Раупака. Не нужны ли из них отрывки?

Поговорим еще об другом деле. Здесь я ежедневно видаюсь с Федором Глинкой и хорош с ним. Он говорит мне, что Пушкин и Вяземской в проезд свой через Тверь виделись с ним, и вот об чем просили:

Один из ученейших Археологов посвятил целую жизнь свою изысканиям древностей, таящихся в наречиях, поверьях, местностях Словенских народов, и собрал богатейшие сокровища. Чудным образом все рукописи и материалы его достались после его смерти Полевому, и вот источник (нелепых впрочем) толков его о Санскритском языке, материалы его Истории! — Пушкин и Вяземской умоляли Глинку упросить вдову этого человека, одной строкой уполномочить их на отнятие у Полевого золотого рудника, но Глинка, по некоторым обстоятельствам, тогда отказался. Теперь же познакомил меня с нею, и опись бумагам, доверенность в моих руках. Как только буду иметь малейшее средство приехать в Москву, то явлюсь туда грозой для тати — Полевого, и я докажу всем, что он вор и вырву у него из рук последнее его сокровище. — Повидайся нарочно с Пушкиным, и стороной заговори об этом, ты увидишь, что он тебе скажет. Да, мой друг. Это оружие повернее всех полемических распрей.

Пиши мне ради бога не медля, прямо в Тверь, адресуй к Гальяни в № 7.

Целую ручки незабвенной Ольге Семеновне. Обнимаю всех детей твоих и тебя.

Твой по гроб: Алекс. Шишков.

Если только Валленштейн печатается, то ради бога пришли мне черновых листиков печатных.

Лист (четыре страницы) почтовой бумаги большого формата с водяным знаком: Е Б. 1830. Исписаны первые три страницы (№ 222).

Автор письма — Александр Ардальонович Шишков (р. в 1799 г.), племянник писателя и министра народного просвещения в 1812—1814 гг. А. С. Шишкова. Поэт, в своих оригинальных стихотворениях подражавший Пушкину, с которым познакомился в бытность последнего в лицее, Шишков более известен как переводчик драматических произведений немецких писателей.

Зачисленный с 1806 г. на службу в Коллегию иностранных дел Шишков с 1815 г. служил военным в Петербурге, а в 1818 г. — за какой-то проступок был переведен на Кавказ. Арестованный в Тульчине по делу декабристов, Шишков был посажен в Петропавловскую крепость, но на другой же день выпущен. В 1827 г. был судим за противоправительственные стихи «Когда мятежные народы», последствием чего был перевод его в другой полк. В феврале 1829 г. «за нетрезвое поведение и произведенную ссору с отставным офицером» Шишков снова был предан суду, под которым и находился до отставки 7 января 1830 г. за какие-то «неприличные званию офицерскому поступки». Выйдя в отставку, Шишков поселился в Твери, где был зарезан 27 сентября 1832 г. на улице А. П. Черновым, с которым должен был драться на дуэли.

С С. Т. Аксаковым Шишков был близко знаком с детства, когда Аксаков чуть ли не каждый день бывал у Шишковых. И впоследствии они поддерживали дружеские отношения, о чем свидетельствуют и хранящиеся в Литературном Музее письма Шишкова к Аксакову. Публикуемое письмо датируется нами второй половиной августа — началом сентября 1830 г. на основании слов письма, что Пушкин и Вяземский в приезд свой через Тверь виделись с Федором Глинкой. Пушкин с Вяземским выехали из Петербурга 10 августа в Москву, куда приехали утром 14-го [1]. В записной книжке Вяземского под 18 августа 1830 г. читаем: «В Твери виделись с Глинкою» [2].

Посылаю тебе Марию Стюарт... Не нужны ли из них отрывки? — В это время Шишков был занят изданием своих переводов, которые вышли в четырех томах под заглавием: «Избранный немецкий театр. Перевод Александра Шишкова 2-го. М., 1831. В первый том вошли трагедии Шиллера «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна», во второй — трагедия Шиллера «Мария Стюарт» и Раупаха «Князья Хованские». О последних произведениях и пишет Шишков Аксакову, ведавшему, как оказывается, изданием переводов Шишкова.

Видаюсь с Федором Глинкой — известным поэтом Фед. Ник. Глинкой (1786—1880), жившим в Твери с марта 1830 по декабрь 1832 г.

Вторая часть письма посвящена истории с рукописями Адама Чарноцкого (1784—1825), жившего в России и писавшего под псевдонимом Зориан Яковлевич Доленга-Ходаковский.

Сын разорившегося шляхтича Минской губернии Ходаковский не получил серьезного образования, окончив лишь Слуцкое уездное училище. Служивший солдатом в русской армии, затем участник похода Наполеона в Россию в рядах его армии Ходаковский и позднее до самой своей смерти вел жизнь бездомного скитальца. С ранней юности интересовавшийся народными песнями, преданиями и обычаями, он в своих странствиях по Галиции, а затем по России со страстью фанатика собирал материалы по исторической географии, записывая устные показания и рассказы, занимаясь раскопкой курганов и могил, изучая в Москве архивные материалы Межевой канцелярии.

Предметом особенного внимания Ходаковского были древние «городища», о

[1] «Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского», т. IX, СПБ, 1884, стр. 137.

[2] Там же. Ф. Н. Глинка в письме от 27 августа 1830 г. к П. Е. Фан-дер-Флиту писал о посещении его Пушкиным и Вяземским. См. ПСв XVI, стр. 105—106.

происхождении которых им была построена особая теория. Занимался Ходаковский и славянской мифологией.

История знакомства Н. А. Полевого с Ходаковским рассказана Кс. А. Полевым в четвертой главе первой части его «Записок о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого»[3]. В этом рассказе, как и вообще в своих «Записках», Ксенофонт Полевой далеко не беспристрастно излагает бывшее. В его изложении Ходаковский представлен чудаком, маниаком своих quasi-научных идей, не имеющих будто бы никакого научного значения. Во второй главе второй части «Записок» Полевой подробно рассказывает о том, как после смерти Ходаковского 17 ноября 1825 г. в Тверской губернии вдова его явилась к Н. А. Полевому и просила его разобрать оставшиеся у нее рукописи мужа, «продать их или извлечь из них каким другим способом всё, чего они стоят». Полевой согласился. «Он надеялся, что в рукописях этого чудака найдется хоть что-нибудь, достойное внимания, из чего можно будет выручить сколько-нибудь денег для бедной его вдовы. Через несколько времени она прислала довольно большой сундук, набитый рукописями и книгами, и уведомила, что собрала в этом сундуке все бумаги и книги покойного, прибавляя, что сама, по милости господ, у которых жил муж ее, остается покуда в Тверской губернии, с надеждою, что г. Полевой доставит ей средства к существованию. Г. Полевой раскрыл сундук и увидел, что в нем, кроме нескольких толстейших фолиантов, где Ходаковский вписывал г о р о д к и, о которых узнавал всякими способами, было еще несколько томов разных истасканных, разрозненных книг, исписанных его заметками, несколько экземпляров печатных исследований его о городках и наконец довольно большое число тетрадей и отдельных листков, исписанных по-польски. Озадаченный такой плохою находкой, он подумал, что может быть в польских рукописях Ходаковского есть что-нибудь дельное, о чем брат мой не мог судить, почти не зная по-польски. Он пересказал это Мицкевичу, Малевскому и молодому, пылкому Дашкевичу, бывшему любимому ученику Лелевеля, и просил их притти к нему как-нибудь с утра для рассмотрения польских рукописей Ходаковского. В назначенный день они пришли, начали читать его рукописи, и громкий хохот часто прерывал это занятие: большая часть рукописей оказалась списком народных песней польских и разных славянских; как видно, особенной целью Зориана было собирать песни неблагопристойные, хотя иногда очень смешные, отчего так и хохотали его земляки. Кроме этого были у него какие-то описания и изображения дворянских гербов, разные пустые заметки — и больше ничего. Обманутый в своем ожидании Дашкевич, мечтавший найти что-нибудь историческое в рукописях Ходаковского, назвал его д у р а к о м, а Мицкевич и Малевский посмеялись — тем и кончился разбор рукописей хвастливого мечтателя».

Если дело и происходило так, как рассказывает К. Полевой, то это только доказывает, что рассматривавшие бумаги Ходаковского не смогли оценить их значения.

Вторично явившейся к Полевому Ходаковской он заявил, что «в рукописях покойного не нашлось ничего, достойного напечатания, а продать их кому-нибудь довольно трудно. Вдова ушла, разумеется, недовольная таким разочарованием. Не знаю даже, была ли она грамотная, но уж верно то, что ничего не понимала в рукописях своего мужа и верила на слово ему, что он оставил ей в этих рукописях драгоценность. С такими понятиями вероятно она разжаловалась кому-нибудь из своих знакомых, что Полевой обижает ее, и когда это дошло до д р у з е й Николая Алексеевича, желавших всячески вредить ему, они придумали выставить его чуть не уголовным преступником. Удар казался неотклонимым и привел в изумление самого Николая Алексеевича.

В одно прекрасное утро он получил приглашение явиться к военному генерал-губернатору, князю Д. В. Голицыну. Князь знал его лично и с улыбкою сказал,

[3] По новому изданию «Записок» в книге: «Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов». Редакция, вступительная статья и комментарий Вл. Орлова. Л., 1934, стр. 137—140.

что до него дошла престранная жалоба на Н. А. Полевого. Вдова Ходаковская представила губернскому предводителю дворянства просьбу, где умоляла его как законного защитника всех дворянских лиц принять меры к ограждению ее собственности, которую присваивает себе издатель журнала Полевой. Тут великолепно описывались труды и заслуги, оказанные русской истории Зорианом Ходаковским, который будто бы посвятил свою жизнь изысканиям древностей русских, собрал драгоценные материалы для русской истории и, когда смерть не допустила его окончить свои труды, тогда Полевой выпросил у нее, вдовы Ходаковской, все рукописи и книги покойного ее мужа, обещая издать их в свет, а теперь утверждает, что не нашел в них ничего достопамятного и предлагает взять их обратно конечно потому, что он уж выбрал и присвоил себе всё лучшее и драгоценное из вверенных ему бумаг Ходаковского. Затем шли воззвания к правосудию, возгласы против вероломства Полевого и излагалось горестное положение ограбленной им вдовы».

В ответ на это обвинение Полевой написал пространное объяснение [4], последствием которого, по словам Ксенофонта Полевого, было поручение со стороны кн. Д. В. Голицына губернскому предводителю дворянства объявить Ходаковской «чтоб вперед она не слушала людей пристрастных и была осторожнее в своих жалобах. Узнав решение князя Голицына, Н. А. Полевой просил губернского предводителя дворянства принять от него сундук с бумагами и книгами Хадаковской, чтобы самому не иметь с нею более никаких сношений. Предводитель (кажется тогда был им гр. А. И. Гудович) благосклонно исполнил его просьбу, и дело тем кончилось в судебном смысле» [5].

По поводу жалобы, поданной Ходаковской кн. Голицыну, Ксенофонт Полевой писал, что «Николай Алексеевич знал и мог бы назвать людей, которые уговорили невежественную женщину подать низкий извет...» [6].

Кого здесь разумел Полевой, до сих пор оставалось неизвестным [7].

Публикуемое письмо позволяет утверждать, что братья Полевые знали или догадывались о некотором участии в этом деле Пушкина и Вяземского, но кто написал бумагу, поданную Голицыну, неясно и из письма Шишкова. Составителем прошения мог быть и Ф. И. Глинка, и А. А. Шишков, и наконец М. П. Погодин. Но кто бы ни написал жалобу на Полевого, сообщение Шишкова обогащает наши сведения о той борьбе, которую с разных позиций вели против Полевого в это время его враги. Отсутствие серьезных основательных знаний и как последствия этого — отдельные промахи Полевого, позволявшего себе высказывать от своего лица суждения, слышанные им от других, давали повод противникам, и в том числе Пушкину, подозревать Полевого и в таких заимствованиях, которых в действительности не было. Так по крайней мере обстояло дело с бумагами Ходаковского.

Обвинения Н. А. Полевого в чуть ли не похищении рукописей Ходаковского и в заимствованиях из них чего-то в «Истории русского народа» конечно были неосновательны. Столь же неосновательно и предположение Шишкова, что бумаги Ходаковского были «источником (нелепых впрочем) толков Полевого о санскритском языке». Шишков, надо полагать, имеет в виду следующее место в рецензии Полевого на третье издание (1827 г.) Грамматики славянской» Пенинского:

---

[4] В печати оно неизвестно.

[5] Там же, стр. 239—240.

[6] Там же, стр. 239.

[7] В примечаниях к «Запискам» К. Полевого В. Н. Орлов по поводу приведенных нами мест пишет:

«Что касается эпизода с бумагами Ходаковского, то мы не располагаем никакими материалами, которые могли бы дополнить или уточнить рассказ Кс. Полевого (ответ Н. Полевого на жалобу вдовы Ходаковского неизвестен). Не знаем также, кого имел в виду Кс. Полевой, заявляя, что брат его «мог бы назвать людей», подговоривших вдову Ходаковского подать извет на Полевого; судя по тому, что это был «человек, знающий историческую литературу», можно предположить, что подозрения Полевого пали на М. П. Погодина» (Там же, стр. 428—429).

«Каким же образом может составиться славянская настоящая грамматика? Только критическим соображением существующих ныне наречий его, и памятников народных, каждого из сих наречий. Далее, поверкою собранных в сих наречиях и памятниках материалов с языком санскритским, который был родоначальником славянского»[8].

Последнее, совершенно правильное утверждение, дало повод к насмешкам над Полевым, обвинявшимся в том, что он говорит о предметах ему неизвестных. «Санскритского языка в Русском царстве, кажется, никто еще не знает, — писал Погодин в статье по поводу рецензии Полевого, — как же можно нам с голоса говорить о сходстве сих языков»[9].

Это подхватил Воейков, поместивший в № XXX «Славянина» 1830 г. памфлетного характера заметку, где писал: «Всем от мала до велика, от Чукотского носа до Хвалынска известно и ведомо, что г. Полевой знает санскритский язык основательно; он пишет на нем, как на своем природном» (стр. 147)[10]. Эти высмеивания и имел в виду в своем письме Шишков.

Рукописи Ходаковского, о которых так, надо думать, нарочито пренебрежительно отзывался Ксенофонт Полевой, в действительности представляли большую научную ценность. Среди них было «четыре фолианта»[11] географического словаря, до сих пор неопубликованного, и карта Европейской России с означением городищ[12]. Всё это было приобретено в 1835 г. М. П. Погодиным[13], напечатавшим в «Русском историческом сборнике» 1837 г. статью Ходаковского «Пути сообщения в древней России». Об этой статье писал Погодину виленский профессор Лобойко:

«За статью Ходаковского ученый свет вам очень благодарен. Вы первый оценили достоинство этого редкого изыскателя, тогда как многие считали его сумасбродом. Из этого отрывка все теперь видят, какой исторический гений скрывался в этом бедном шляхтиче. Ф. Н. Глинка был его покровителем в Петербурге и это в мое время. Почитая вас корифеем современной нашей исторической словесности, я прошу вас именем потомства ввести в Москве в обычай учиться польскому языку, по крайней мере для филологического употребления. Ходаковский может всем служит примером, что может сделать поляк для нашей истории, если ему доступна русская словесность»[14].

Бумагами Ходаковского, бывшими у Погодина, интересовались И. П. Сахаров, М. А. Максимович[15] и О. М. Бодянский[16].

Таким образом, если предположения Пушкина и Вяземского о том, что работы Ходаковского явились «золотым родником» для «Истории русского народа» Полевого, были неосновательны, то высокая оценка этих работ была справедлива.

Теория Ходаковского о городищах создала эпоху в нашей историографии, а в собирании польского фольклорного материала он был пионером.

Пушкин лично не знал этого оригинального человека, но очевидно много о нем слышал и вспомнил в «Родословной моего героя»:

«Я сам, хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят,
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ;

---

[8] «Московский Телеграф» 1828, ч. XIX, № 4, стр. 533.
[9] «Московский Вестник» 1828, № XII, стр. 403.
[10] На этот памфлет намекают слова в «Доме сумасшедших» Воейкова о том, что Полевой «бит санскритским батожьем».
[11] Барсуков, Жизнь и труды Погодина, кн. X, СПБ., 1896, стр. 443.
[12] Там же, кн. VIII. СПБ., 1894, стр. 389. Карта издана Погодиным в атласе, приложенном к его «Древней русской истории» (т. III, 1871 г.).
[13] Там же, кн. IV. СПБ, 1890, стр. 432.
[14] Там же, кн. V. СПБ, 1892, стр. 64.
[15] Там же, кн. V, стр. 188, 463.
[16] Там же, кн. VIII, стр. 399.

Но каюсь: новый Ходаковский,
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
Об отдаленной старине».

К слову «Ходаковский» Пушкин сделал примечание: «Известный любитель древности, умерший несколько лет тому назад».

адресуй к Гальяни в № 7 — гостиница в Твери, содержавшаяся итальянцем Гальяни, в которой останавливался и Пушкин. См. МПП II, стр. 196.

Ольге Семеновне — жене С. Т. Аксакова.

Валленштейн — трагедия Шиллера «Смерть Валленштейна», вошедшая в первый том «Избранного немецкого театра». См. выше.

М. Цявловский

VI. ИЗ ПУШКИНИАНЫ П. И. БАРТЕНЕВА

Публикация и комментарии М. Цявловского

I

ТЕТРАДЬ 1850-х ГОДОВ

Когда в декабре 1851 г. двадцатидвухлетний Петр Иванович Бартенев, окончивший в этом году Московский университет, будучи приглашен учителем к детям Л. Д. Шевич, дочери Д. Н. Блудова, уезжал в Петербург, он увозил с собой два рекомендательных письма Шевырева и Погодина к Плетневу в Петербург. Первый так писал (18 декабря) о юном биографе: «Бартенев влюблен в поэзию Пушкина и в память об нем. Он собирает все материалы для его биографии. Я уверен, что вы не откажете ему в этом. Вы сами храните столько живых преданий о нашем незабвенном поэте». В свою очередь Погодин писал (17 декабря): «Бартенев несколько лет уже собирает материалы для биографии Пушкина с любовью и всеми качествами, коих требует это дело. Скажите ему, чтоб он показал вам свой скарб, и вы удостоверитесь в истине моих слов. Это настоящий биограф — и смею сказать, что наша обязанность общая доставлять ему материалы. Лучших рук предположить нельзя»[1].

Лучшей иллюстрацией к этим рекомендациям может служить неопубликованное письмо от 23 ноября 1851 г. к П. В. Нащокину самого Бартенева, красноречиво говорящее о той лихорадке собирательства пушкинских материалов, какой он был охвачен в это время:

«Милостивый Государь
Павел Войнович!

К сожалению не застал вас вчера дома, и чтобы не откладывать понапрасну дела, передам письменно, что хотел передать лично. Вельегорский просит доставить *исторические сведения* о Евг. Онегине. Сколько могу догадываться, он хочет узнать, не слыхали ли вы чего от Пушкина о Евг. Онегине, не помните ли каких обстоятельств, сопровождавших сочинение или печатанье этого великолепного произведения? Дай бог, чтобы вы что-нибудь такое вспомнили! Мне известно в этом роде очень мало, два, три обстоятельства, не более [впрочем довольно интересные]. Но нужно еще знать, чего именно хочет Вельегорский. Если ему надо и *библиографических* сведений, сведений о выходе отдельных глав Онегина, о том, сколько раз они издавались, если ему нужно пропущенных стихов из Евг. Онегина, то об этом обо всем можно будет ему послать довольно обстоятельные и точные сведения. Итак напишите ему это, почта теперь летает, и он получит скоро, что ему надо.

Теперь моя покорнейшая и усерднейшая просьба. Лев Сергеевич чуть было ведь не умер и с ним погибло бы многое для нашего дела, много сведений о брате, а главное затруднился бы доступ к письмам и бумагам покойника, которые у него должны находиться. Слава богу, пока Лев Сергеич жив! Не медлите же, почтеннейший Павел Войнович, написать к нему и попросить выслать на известный срок письма Александра Сергеевича или что ему самому заблагорассудится. Уверьте его, что всё, что он пришлет, с благоговением будет сбере-

[1] «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. III, СПБ, 1896, стр. 756—757.

жено, списано и к нему возвращено. — Если бы то же самое написать и к Ольге Сергеевне [2].

Я без должности, человек свободный. Должно наступить время, когда я и рад буду заниматься, да не будет когда.

Если бы вы написали эти два письма на этих же днях, то много, много бы обязали меня; но что я? не одного меня: С. Д. Полторацкий готов просит вас о том же и с такою же поспешностью.

С истинным уважением имею честь быть готовым к услугам П. Бартенев. 23 ноября 1851 года: Пятница» [3].

Из того пушкинианского «скарба» Бартенева, о котором писал Погодин Плетневу, одна тетрадь с записями Бартенева 1851—1860 гг. рассказов о Пушкине двадцати одного лица была опубликована мною в 1935 г. в книге: «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступительная статья и примечания М. Цявловского». Издание М. и С. Сабашниковых «Записи прошлого». М., 1925.

Публикую теперь записи во второй тетради Бартенева, так же как и первая, приобретенной в 1918 г. Л. Э. Бухгейм у сына Петра Ивановича, Сергея Петровича Бартенева (умер в 1930 г.).

Тетрадь эта приобретена Литературным Музеем в феврале 1935 г. у Л. Э. Бухгейм.

Тетрадь представляет собою пачку переплетенных листов. Большинство листов в 4 д. писчего листа, но есть листы почтового формата, в 16 д. листа и других размеров. Листов всего двести сорок пять, составляющих четыреста девяносто страниц (2 ненумерованных + 488 нумерованных), из которых сто десять — чистых [4]. Таким образом страниц с текстом — триста восемьдесят. За ничтожными исключениями страницы заполнены записями, сделанными рукой П. И. Бартенева. Вплетены в тетрадь и вырезки из журналов (см. стр. 157—162, 167—180 и 401—416).

Тетрадь выбилась из переплета, на корешке которого рукой Бартенева написано: «Письма Пушкина». В действительности, содержание тетради далеко не исчерпывается копиями писем. Тексты копий писем занимают первые двести двенадцать страниц. Остальные страницы заняты копиями стихотворений и прозы Пушкина.

«Гвоздем» тетради является вплетенный в нее лист почтовой бумаги с автографом Пушкина. См. стр. 309—310 настоящей книги.

Почти все копии не имеют при себе указаний на время их снятия, но немногочисленные имеющиеся даты копий и изучение текстов их определенно свидетельствуют о том, что тетрадь относится к первым годам собирания Бартеневым пушкинских текстов. Самая ранняя из имеющихся дат — 6 мая 1848 г. (стр. 267 под копией стихотворения «Деревня») — говорит о том, что будучи девятнадцатилетним студентом, Бартенев уже списывал ходившие в рукописях стихи Пушкина. Следующая дата — 31 августа 1849 г. — имеется под записью сказки о Фоме и Ереме (стр. 339). Копия с «Послания к кн. А. М. Горчакову» («Питомец мод, боль-

---

[2] Вырвано несколько слов.

[3] На четвертой странице: «Его Высокоблагородию, Павлу Воиновичу Нащокину. В переулке, что идет от Зубова бульвара, прямо против Пречистенки, в доме Никитина (дом на дворе)». Тут же помета Нащокина: «От молод. Бартенева». На письме, которое очевидно получил Бартенев от вдовы Павла Воиновича, старческим почерком Петра Ивановича сделано две пометы: «NB. В этом 1851 г. я кончил учение в Университете» и «NB. Писано сорок лет назад перед моим отъездом в Петербург, на урок к внукам гр. Блудова». Архив Бартенева хранящийся в ЛМ

[4] Чистые страницы — 2 нен., 59, 64, 67, 68, 72, 75, 76, 80, 88, 91, 92, 97, 98, 100—102, 106, 108—110, 112, 115, 116, 119, 120, 122—224, 126—128, 132—134, 138, 141, 142, 146, 150, 152, 156, 183, 185, 193, 194, 198, 202, 206, 208, 213—218, 221, 222, 226, 232, 234, 238, 240, 248, 258, 268, 276, 280, 290, 298, 302, 303, 306, 310, 316, 324, 330, 334, 337, 340, 346, 348, 350—352, 364, 370, 372, 379, 381—384, 394, 396, 400, 420, 423, 424, 432, 434, 437, 438, 452, 455, 456, 458, 460 и 462.

шого света друг») сделана не позднее 1849 г., так как в примечании к ней Горчаков назван посланником в Штутгарте, каковым он был в 1841—1849 гг. По свидетельству Бартенева, копии с письма Пушкина к В. П. Горчакову от второй половины 1821—1822 г. и с поправок Пушкина в тексте посвящения «Кавказского пленника» сделаны в 1851 г. См. РА 1866, стб. 1177.

Вероятно, во время своего пребывания в Петербурге в 1852 г. Бартенев от Плетнева, имевшего в свое время доступ к рукописям Пушкина, получил ряд текстов стихотворений. По крайней мере вот что (весною (?) этого года) писал Бартеневу товарищ его по университету П. А. Бессонов: «Грановский говорит, что у Плетнева, единственно, есть многие списки со стихотворений Пушкина, но что он нелегко отдает их, и так как он человек очень тонкий, то нужно выманивать у него очень тонко; так например, у него вся сказка о «сердечном огниве» [5].

Возможно, что от Плетнева Бартенев получил тексты стихотворений «Воспоминания в Царском Селе» («Воспоминаньями смущенный»), «Мирская власть», «Не дорого ценю я громкие права» и «Когда за городом задумчив я брожу». Последние три копии этих стихотворений написаны на одной бумаге одними чернилами. В Петербурге же в 1852 г. от Анненкова Бартенев получил статью Пушкина «Александр Радищев», о чем сам Петр Иванович писал в дневнике (см. стр. 445 настоящего тома). Копия с письма Пушкина к Чаадаеву от 6 июля 1831 г. снята не позднее мая 1854 г., так как примечание к ней использовано Бартеневым в БПМ 1854 г., № 71 от 15 июня.

Копии с писем Пушкина к брату, привезенных из Болдина, кстати сказать, по настояниям того же Бартенева [6], сняты им в октябре 1853 г.

Копии со стихотворений «Наперсница волшебной старины» и «К сестре» сделаны не позднее сентября 1854 г., так как в БПМ 1854, № 118 от 2 октября Бартеневым напечатаны отрывки из этих стихотворений. К 1849—1854 гг., т. е. ко времени до выхода в свет в январе 1855 г. первого тома собрания сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова, и нужно отнести имеющиеся в тетради копии текстов, так как ни одна из них не сделана с этого издания. Это важное обстоятельство дает нам возможность установить рукописную традицию пушкинских текстов «до Анненкова», т. е. до того времени, когда рукописи Пушкина подверглись систематическому научному изучению. Уже одно это заставляет отнестись к записям Бартенева с особенным вниманием. К сожалению, за редкими исключениями, Бартенев не указывал, с какого подлинника сделана им та или другая копия. Лишь путем сравнения последних с текстами автографов Пушкина и других копий и печатными текстами можно установить, что ряд записей идет если не непосредственно от автографов Пушкина, то очень близких к ним копий. Это обстоятельство имеет особенно важное значение в тех сравнительно нередких случаях, когда ни автографов Пушкина, ни прижизненных печатных текстов для данного стихотворения или письма не существует.

Из копий Бартенева на первое место по их текстологическому значению нужно поставить неопубликованные копии с неизвестных автографов Пушкина, представляющих собою генеалогическую запись родственных отношений отца и матери поэта и другие записи на этом же листке (стр. 387) и запись о стихотворении «Цапли» (стр. 333). Новостью является и копия с записи народной сказки о Фоме и Ереме, не то сделанной со слов Пушкина неким А. А. Кощеевым, не то являющейся в свою очередь копией автографической записи Пушкина (стр. 338—339). Значение первоисточника имеют копии Бартенева с автографов, теперь неизвестных. Такова прежде всего копия с поправок Пушкина в печатном тек-

[5] Архив Бартенева, хранящийся в ЛМ. Письма к Бартеневу 1851—1855 гг. Сказка о «сердечном огниве» — «Царь Никита».

[6] В одном из примечаний в статье «Пушкин в Южной России» Бартенев писал: «Лев Сергеевич скончался в Одессе в 1852 году (в РА опечатка: «1854»). Тогда же я обратился с просьбой к опекуну детей его, С. А. Соболевскому, поискать в его бумагах писем Пушкина. Из нижегородской деревни прислана была пачка писем, всего 34. С. А. Соболевский позволил нам снять с них копии, которыми мы теперь и пользуемся». См. РА 1866, стб. 1194.

сте «Кавказского пленника», заставляющая исправить наконец один стих, в течение более ста лет неверно печатающийся (стр. 148). Таковы копии стихотворного наброска «Догаресса молодая» (стр. 143), эпиграммы «В Академии наук» (стр. 371) и писем: 1) к В. П. Горчакову от второй половины 1821—1822 г. (стр. 147—148), 2) к П. А. Плетневу от середины июля 1825 г. (стр. 139—140), к Н. А. Полевому от 2 августа 1825 г. (стр. 181—182), 4) к С. Д. Полторацкому от 25 марта 1829 г. (стр. 186), 5) к Жобару от 24 марта 1836 г. (стр. 209—210) и 6) к кн. Н. Б. Голицыну от 10 ноября 1836 г. (стр. 435—436). К этим текстам примыкает девятнадцать копий с неизвестных оригиналов стихотворений, неопубликованных Пушкиным, автографы которых в настоящее время неизвестны:

1814 г. К сестре (стр. 219—220), 1816 г. «Заутра с свечкой трошевою» (стр. 223), 1817 г.: «Орлов с Истоминой» (стр. 279) и «К портрету Чаадаева» (стр. 289), 1818 г. К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы») (стр. 269—270), 1819 г. Послание к кн. А. М. Горчакову («Питомец мод») (стр. 273—274), 1818—1819 гг. На Карамзина («Послушайте, я сказку вам начну») (стр. 287) и на него же («В его «Истории» изящность, простота») (стр. 287), 1818—1820 гг. На кн. А. Н. Голицына («Вот Хвостовой покровитель») (стр. 283) и На Фотия («Полу-фанатик, полу-плут» (стр. 283), 1821 г. Кинжал (стр. 293) и Десятая заповедь (стр. 309), 1826—1827 гг. В Сибирь («Во глубине сибирских руд») (стр. 390), 1828 г. Стансы («Нет, я не льстец») (стр. 367—368), 1830 г. «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем» (стр. 389), 1833 г. «Когда б не смутное влеченье» (стр. 388), 1836 г. Мирская власть (стр. 393) и приписываемые Пушкину стихотворения: 1814 г. Исповедь стихотворца (стр. 281—282) и 1827 г. Кж. С. А. Урусовой («Не веровал я Троице доныне») (стр. 304).

Особняком от копий стоит запись стихов из черновой строфы «Евгения Онегина» «О двойка, ни дары свободы», сделанная со слов Соболевского (стр. 345).

Для истории распространения в списках произведений Пушкина до их появления в печати имеют значение копии Бартенева с произведений, неопубликованных (полностью или частично) Пушкиным, но автографы которых сохранились. Эта группа состоит из двадцати четырех копий — девятнадцати со стихотворений и пяти с прозаических произведений. Из девятнадцати стихотворных копий одна снята с автографа «Когда сожмешь ты снова руку» 1818 г. (стр. 275), а остальные с неизвестных оригиналов стихотворений: 1817 г. Вольность (стр. 291—292) и Кн. Е. И. Голицыной. Посылая ей оду «Вольность» (стр. 305), 1819 г. А. Ф. Орлову (стр. 265—266), Деревня (стр. 267) и «Ольга, крестница Киприды» (стр. 277) 1821 г. «Наперсница волшебной старины» (стр. 391—392) и Наполеон (стр. 295—296), 1822 г. Ф. Глинке («Когда средь оргий жизни шумной») (стр. 297) и Послание цензору («Угрюмый сторож муз») (стр. 317—323), 1823 г. «Недвижный страж дремал» (стр. 353—356) и «Свободы сеятель пустынный» (стр. 347), 1824 г. Второе послание к цензору (стр. 325—328) и «Мне жаль великия жены» («Насильно Зубову мила») (стр. 331), 1828 г. Воспоминание (стр. 383), 1829 г. Воспоминания в Царском Селе («Воспоминаниями смущенный») (стр. 357—358), 1836 г. Из Пиндемонте (стр. 395) и «Когда за городом задумчив я брожу» (стр. 397—398) и коллективное стихотворение 1825 г. Элегия на смерть Анны Львовны (стр. 363).

Из пяти копий с прозаических произведений четыре сняты с автографов: статьи «Об альманахе „Северная лира"» (стр. 417—419), заметки к «Истории Пугачевского бунта», представленные Николаю I (стр. 439—451), наброска предисловия к «Капитанской дочке» («Анекдот, служащий основанием») (стр. 459) и статьи «Александр Радищев» (стр. 463—481). Наконец отрывок из чернового текста «Путешествия в Арзрум» («Есть, наконец, средство) списан с какой то копии (стр. 421—422).

К этой группе копий примыкают копии распространявшихся в списках произведений, напечатанных или с цензурными искажениями или в других редакциях. Таковы копии «Ответа на вызов написать стихи...» (стр. 285—286), второй главы «Евгения Онегина» (стр. 341—343) и двух отрывков из третьей (стр. 343—345)

Все остальные копии Бартенева, не представляя в настоящее время тексто-

логического значения, свидетельствуют о той большой работе, которую проделал в свое время биограф поэта. Это относится прежде всего к письмам Пушкина. Копий с автографов последних у Бартенева оказалось шестьдесят: тридцать четыре письма Пушкина к брату 1820—1836 гг. (стр. 1—136), к нему же две записки (стр. 143—144), письмо от 6 июля 1831 г. (стр. 163—166) и записка от 2 января 1831 г. (стр. 197) к Чаадаеву, письма к П. А. Катенину от 4 ноября 1825 г. (стр. 211—212), к кн. П. А. Вяземскому от 7 января 1829 г. (стр. 184), к Соболевскому от 9 ноября 1826 г. (стр. 189—190), к родителям поэта от 3 мая 1830 г. (стр. 191—192) и семнадцать писем к М. П. Погодину 1826—1834 гг., представляющих собой печатный текст, выверенный и дополненный Бартеневым по подлинникам (стр. 159—162 и 167—179). Не ограничиваясь снятием копий с рукописей, Бартенев усердно собирал и печатные тексты стихотворений, статей и писем Пушкина, не вошедших в посмертное издание собрания его сочинений, вообще бывшее для Бартенева, так сказать, точкой отправления. Копий с печатных текстов стихотворений Бартеневым было снято двадцать семь. Из них первую группу составляют копии одиннадцати стихотворений Пушкина, напечатанных под псевдонимами в «Российском музеуме» 1815 г. (стр. 225—256). О том, что эти стихотворения принадлежат Пушкину, Бартенев узнал из статьи Гаевского «Дельвиг», напечатанной в «Современнике» 1853 г., № 2, отд. III, стр. 78. Затем Бартеневым были списаны из «Северного Наблюдателя» 1817 г. три стихотворения (стр. 257—264) и еще двенадцать стихотворений (стр. 271—272, 301, 307—308, 311, 313—315, 329, 359—360, 361—362, 365—366, 369, 375—378 и 380) и сцена «Ограда монастырская» из «Бориса Годунова» (стр. 373—374) из разных изданий.

Из прозы Пушкина Бартеневым списаны с печатных текстов: заметка о «Ромео и Джульетте» (стр. 376), заметка об Илиаде («Наконец вышел...») (стр. 425—426), статья «В одном из московских журналов» (стр. 427—428), заметка «В одном из № «Литературной Газеты» (стр. 429—431), письмо о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (стр. 433) и примечание к записке «О древней и новой России» (стр. 457). К этим копиям нужно присоединить вырезку статьи Полевого о Пушкине из «Русского Вестника» 1842 г., № 1 с приложением статей Пушкина «О г-же Сталь и о г. А. Муханове» и «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» (стр. 401—416).

Наконец Бартеневым сняты копии с одиннадцати напечатанных писем: трех писем к А. А. Бестужеву (стр. 151 и 155), к издателю «Сына Отечества» (стр. 153—154), к Дельвигу (стр. 187—188), к Загоскину (стр. 195), к Хмельницкому (стр. 199—200) и четырех писем к А. А. Фукс (стр. 201, 203—205 и 207).

Имеются в тетради Бартенева и ложно приписывавшиеся Пушкину стихотворения: На Карцева (стр. 223), приписка к стихам «Грядет с заката» (стр. 224), На Голицына («Он добрый малый») (стр. 283), На Арапова и кн. Одоевского («Скропал Пимешка водевиль») (стр. 284), На Карамзина («Решившись хамом стать») (стр. 287), На Жуковского («Напялив на себя») (стр. 288), «О ты, которая издетства» (стр. 312), «Жил да был петух индейский» (стр. 333), «За днями дни бегут толпой» (стр. 335) и «Наш приятель Пушкин Лев» (стр. 299).

Списал Бартенев и два подражания Пушкину: стихотворение Клюшникова «Дар случайный, дар напрасный» (стр. 385) и стихи митрополита Филарета «Не напрасно, не случайно» (стр. 386).

Кроме перечисленных копий тетрадь Бартенева содержит записи воспоминаний и отдельных замечаний, заключающих в себе ряд любопытных новых сведений о Пушкине, об его произведениях и лицах ему близких.

Записи сделаны со слов кн. М. Н. Волконской (стр. 9—12), Д. Н. Блудова (стр. 77 и 485), В. П. Горчакова (стр. 148—149), С. А. Соболевского (стр. 279, 283, 297, 299—300 и 321), П. Я. Чаадаева (стр. 165—166), С. Д. Полторацкого (стр. 184), А. И. Васильчиковой (стр. 192), Ф. Ф. Вигеля (стр. 377—378) и неназванных лиц (стр. 223—224, 277 и 359). К этим записям нужно присоединить интересные примечания самого Бартенева к статье Пушкина «Александр Радищев».

Не ограничиваясь сообщением Бартеневу сведений о Пушкине, С. А. Соболев-

ский сам сделал при копиях Бартенева и одной своей ряд интересных замечаний (стр. 8, 41, 46, 51, 53, 55, 79, 181 и 390). Наконец М. Н. Лонгинов, просматривая копии Бартенева, некоторые из них сопроводил своими заметками (стр. 19, 24, 284 и 287).

Такова эта тетрадь, ценный документ раннего пушкиноведения, не утративший значения и в наше время.

Стр. 1 нен. Рукой Соболевского.

21 ноября 1827 А. П. в Петербург.

При письме, писанном ко Льву Пушкину матерью и отцом от 21 ноября 1827, есть приписка Алек. Сергеевича в середине.

Соболевский разумеет коллективное письмо, впервые напечатанное в АкП, № 341.

Стр. 1—136. Копии с подлинников писем Пушкина к брату.

Стр. 1—8. I. № 1. Письмо от 24 сентября 1820 г. (№ 16 МПП).

Карандашом на полях сделаны краткие записи «примечаний» М. Н. Волконской, которые см. ниже. В конце письма помета:

(Лев Сергеевич был тогда еще в Педагогическом Институте).

Перед словом: Педагогическом Соболевским приписано:

благородном пансионе при

Стр. 9—12.

Примечания к письму из Кишенева от 24 сент. 1820 (№ 1). Записаны со слов кн. М. Н. Волконский, урожденной Раевской (21 ноября 1856 Москва).

Раевский ехал на Кавказ с сыном Николаем, знакомцем Пушкина по Петербургу, двумя дочерьми, Марьею (14 лет) и девочкою Софьею. Гувернанткой их Англичанкой Мятен, компаньонкою (крестная дочь Раевского, родом татарка, Анна Ив., сохранившая в выговоре и лице восточный отпечаток) и доктором военным Рудаковским, довольно тяжелым человеком. Всё это помещалось в двух каретах и коляске. Пушкина сначала поместили с младшим Раевским в коляске, а потом Генерал взял его к себе в карету, потому что его сильно трясла лихорадка. — Из Пятигорска, где уже находился старший сын Александр (он и после оставался на Кавказе), все они уезжали на горы Бешту пить железные, тогда еще вовсе не известные воды, и жили там в калмыцких кибитках, потому что никакого строения не было. — Раевского всюду встречали с большим почетом; в городах выходили к нему навстречу обыватели с хлебом и солью. При этом он, шутя, говаривал Пушкину: Прочтите ка им свою Оду. Что они в ней поймут Вообще он подразумевал, что Пушкин принадлежит к масонам, дразнил его и уверял, что из их намерений ничего не выдет. Он взял слово с обоих сыновей, что они не вступят ни в какое тайное общество.

Броневский был холостяк. Раевский ему покровительствовал.

Из Керчи в Юрзуф они плыли на военном бриге, который нарочно отдан был в распоряжение Раевским. Ночью Пушкин ходил по палубе и бормотал стихи.

Гурзуф, — лучшая тогда дача на южном берегу — принадлежала Герцогу Ришелье, который предложил Раевскому поместиться в ней. Дом двухэтажный, с двумя балконами, один на море, другой в горы. Тут же вблизи татарская деревня. Там ждала путешественников остальная семья Раевского, жена Софья Алексеевна (Константинова) и еще две дочери, старшая всем Екатерина (теперь Орлова) и Елена лет 16-ти. Пушкин особенно любезничал с первой, спорил с ней о литературе и пр. Елена была девушка очень стыдливая, серьезная и

скромная. Она отлично знала по-английски и переводила из Байрона и В. Скота на французский язык; но в тихомолку рвала свои переводы и бросала. Брат рассказал о том Пушкину, который под окном подбирал клочки бумаг и обнаружил тайну. Он восхищался этими переводами, уверял что они необыкновенно близки. В Гурзуфе Пушкин достал какую-то старинную библиотеку и перечитывал Вольтера. — Все разговоры иначе не велись, как по-французски.

Оттуда Пушкин с Раевским и сыном уехали раньше остальной семьи, и заезжали под Киевом к бабушке Давыдовой.

Эти интересные воспоминания М. Н. Волконской Бартенев использовал в статье «Пушкин в Южной России» (РА 1866, стб. 1103—1104, 1113—1115, 1121), разместив отдельные части публикуемой записи в разных местах и ни кавычками, ни ссылками не указав, что̀ именно взято им из рассказа Волконской. Лишь в одном месте Бартенев сделал общего характера примечание: «Некоторые подробности путешествия благосклонно переданы мне одною из дочерей генерала Раевского, кн. М. Н. В — ой».

Теперь мы имеем возможность точно узнать, что̀ рассказывала Волконская Бартеневу. Запись вскрывает и одно существенное изменение ее слов, которое вынужден был из-за цензурных соображений сделать биограф. В следующем месте записи: «Раевского всюду встречали с большим почетом; в городах выходили к нему навстречу обыватели с хлебом и солью. При этом он, шутя, говаривал Пушкину: «Прочтите-ка им свою Оду. Что они в ней поймут?» Бартенев слова Раевского напечатал так: «Прочтите-ка им свои стихи! Что они в них поймут?» (Ра 1866, стб. 1104). Таким образом, оказывается, генерал Раевский говорил не вообще о каких-то стихах Пушкина, а об его оде «Вольность, из-за которой и был выслан на юг поэт, и о которой у него были разговоры с генералом.

Стр. 13—16.I. № 2. Письмо от сентября — октября 1822 г. (№ 44 МПП).

Стр. 17—20.I. № 3. Письмо от 27 июля 1821 г. (№ 25 МПП).

На 19 стр. к фамилии балерины Овошниковой сделано пояснение карандашом рукой Лонгинова:

Ее звали Авдотья Ивановна.

Стр. 21—24.I. № 4. Письмо от 24 января 1822 г. (№ 33 МПП).

На стр. 24 к стихотворению: «Иной имел мою Аглаю» сделано пояснение карандашом рукой Лонгинова:

Это писано на недавно (1856) умершую кн. Елену Александ. Голицыну (жену Вас. Серг.), рожд. Нарышкину, бывшую прежде того за сыном знаменитого Суворова.

Пояснение это неверное. Стихи несомненно относятся к Аглае Антоновне Давыдовой, рожд. гр. Граммон.

Стр. 25—28.I. № 5. Письмо от 21 июля 1822 г. (№ 39 МПП).

Стр. 29—32.I № 5 (sic!) Письмо от 4 сентября 1822 г. (№ 41 МПП).

Стр. 33—36.I. № 6. Письмо от октября 1822 г. (№ 45 МПП).

Дата прочтена:

6 окт. 1822.

Стр. 37—40.I. № 7. Письмо от начала января 1823 г. (№ 49 МПП).

Стр. 41—44.I. № 8. Письмо от 30 января 1823 г. (№ 52 МПП).

На стр. 41 к слову «Noël» Соболевским приписано:

«Noel: ходившая тогда песня:

Внимай, народ российский
Что знает целый мир etc. etc. etc.».

К словам «кюхельбекерно мне на чужой стороне» Соболевским приписано: была песня, кончавшаяся: И кюхельбекерно и тошно.

Об этом см. МПП I, стр. 245 и 265.

Стр. 45—48.I. № 9. Письмо от 25 августа 1823 г. (№ 59 МПП).

На стр. 46 к слову: «Туманский» Соболевским приписано:

Василий, а не Федор.

Стр. 49—52.I. № 10. Письмо от 1 апреля 1824 г. (№ 78. МПП).

На стр. 51 к слову: «Синявин» Соболевским приписано:

Иван Григорьевич Сенявин, бывший потом товарищем министра внутренних дел.

Карандашом приписано Бартеневым:

впоследствии убившийся.

Стр. 53—56.I. № 11. Письмо от начала января 1824 г. (№ 72 МПП).

На стр. 53 к словам: «А мне bene там где растет трин трава, братцы» Соболевским приписано:

Намек на песню: «Ах где те острова, где растет трин трава, братцы» etc.

К отзыву о «Федре» Расина Соболевским на стр. 55 приписано:

Впоследствии Пушкин переменил совершенно мнение об Расине и ставил Федру очень, очень высоко.

Стр. 57—60.I. № 12. Письмо от 13 июня 1824 г. (№ 86 МПП).

Стр. 61—63.II. № 2. Письмо от первой половины ноября 1824 г. (№ 105 МПП).

Стр. 65—66.II № 3. Письмо от начала ноября 1824 г. (№ 103 МПП).

Стр. 69—71.II. № 4. Письмо от середины ноября 1824 г. (№ 106 МПП).

Стр. 73—74.II. № 5. Письмо от второй половины декабря 1824 г. (№ 114 МПП).

Стр. 77—79.II. № 6. Письмо от 4 декабря 1824 г. (№ 110 МПП).

К словам «Библия для христианина то же, что история для народа. Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие Ист. Кар.» сделано на стр. 77 примечание:

По словам гр. Блудова, Карамзину говорили, что такое сопоставление библии с историею почтут неуважительным; но он не обратил внимание на такое замечание, когда же И. И. Дмитриев заметил, что библисты почтут это лестью себе, то он тотчас решился уничтожить это выражение.

К словам, адресованным Ольге Сергеевне, о завещании Анны Львовны Пушкиной Соболевским сделано на стр. 79 примечание:

Анна Львовна Пушкина разделила свое состояние между двумя племянницами Солнцевыми и племянницею Ольгой Сергеевной П., ныне Павлищевой.

Стр. 81—84.II. № 7. Письмо от начала апреля 1825 г. (№ 137 МПП).

Стр. 85—87.II. № 8. Письмо от конца февраля — начала марта 1825 г. (№ 125 МПП).

Стр. 89—90.II. № 9. Письмо от второй половины декабря 1824 г. (№ 115 МПП).

Стр. 93—94.II. № 10. Письмо от 14 марта 1825 г. (№ 127 МПП).

Стр. 95—96.II. № 11. Письмо от 15 марта 1825 г. (№ 130 МПП).

Стр. 99.II № 12. Письмо от 14 марта 1825 г. (№ 128 МПП).

Стр. 103—105.II. № 13. Письмо от 27 марта 1825 г. (№ 135 МПП).

Стр. 107.II. № 13. bis. Письмо от середины марта 1825 г. (№ 131 МПП).

Стр. 111.II. № 14. Письмо от 17 апреля 1825 г. (№ 139 МПП).

Стр. 113—114.II. № 15. Письмо от 22—23 апреля 1825 г. (№ 141 МПП).

Стр. 117—118.II. № 16. Письмо от 28 июля 1825 г. (№ 159 МПП).

Стр. 121.III. № 1. Письмо от 8 мая 1827 г. (№ 241 МПП).

Стр. 125.III. № 2. Письмо от 6 апреля 1831 г. (№ 531 АкП).
Стр. 129—130.III. № 3. Письмо от конца апреля 1835 г. (№ 900 АкП).
Стр. 131.III. № 4. Письмо от 2 мая 1835 г. (№ 905 АкП).
Стр. 135—136.III. № 5. Письмо от 3 июня 1836 г. (№ 1028 АкП).
Стр. 137. Замечание Соболевского о порядке размещения писем.
Стр. 139—140. Копия с подлинника письма Пушкина к Плетневу от середины июля 1825 г. (№ 154 МПП). После текста:

На полуизорванной второй странице видно, что адрес был: Петру Александр. Плетневу. Печать почтамта: Августа 5, 1825. Опочка.

Подлинник письма, впервые напечатанного в «Полярной Звезде на 1861 г.», теперь неизвестно где находится. Отличия копии Бартенева от текста, напечатанного Б. Л. Модзалевским:

Милый мой поэт, вот еще тебе поправка
я обещал известить о том милаго
presenzia.

Стр. 143—145. Рукой Соболевского:

У С. А. Соболевского подлинники размещены несколько иначе.

Рукой Бартенева:

Эти письма пришли из Болдина от супруги Льва Сергеевича

рукой Соболевского:

(Елизаветы Алéксандровны, урожденной Загряжской).
При них было еще:
1) Клочек бумаги, весь измаранный черновыми стихами Пушкина, из которых можно разобрать:

есса
«Догар[ала] молодая
В голубом эфире
Светит месяц молодой
Старый Дож плывет в гондоле
С догарессой молодой».

да и эти зачеркнуты кроме пятого; еще около 10 стихов совсем нельзя прочесть.

Сбоку Соболевским написано:

приложение № IV (у Соб.).

В томе переплетенных писем Пушкина к брату, поступившем в 1870 году в Румянцевский Музей, приложения IV — клочка бумаги с приведенными стихами уже не было, и где он теперь, неизвестно. Стихи были опубликованы в «Современнике» 1856, № VII, июль Лонгиновым, который писал: «отрывок найден был братом поэта, Л. С. Пушкиным, от которого я узнал его. Кажется это начало стихотворения под заглавием: «Марино Фальеро».

Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой,
Старый Дож плывет в гондоле
С Догарессой молодой».

Во второй раз стихи были напечатаны по подлиннику в БЗ 1858, № 1, стб. 1. примечание. Отличия этого текста от текста копии Бартенева:

1. Догорала молодая
3. Блещет месяц золотой.

После стихов и пояснения к ним в копии Бартенева идет тот же текст, что и в БЗ 1858, № 1, стб. 1—2 примечание:

4) Стихи, писанные кажется (и так думает Соболевский) рукою Льва Пушкина и вероятно ему принадлежащие: «Из Шиллера (Пушшевая песня) Силы четыре и пр.».

Дальше так же, как в БЗ 1858, № 1, стб. 1—2 примечание кончая словами: «или другой какой город».

Рукой Соболевского:

Письмо А. Пушкина Г-же Гончаровой у Соб. (в копии) помещено № III Приложений.

Соболевский разумеет письмо Пушкина к Н. И. Гончаровой от начала апреля 1830 г. (№ 125 АкП), находящееся в копии в переплетенном томе писем Пушкина к брату (ЛБ № 1254, приложение III).

Г. Бартеньев, переписав все эти письма, поручил мне выкинуть из них то, что касается некоторых отношений совершенно личных и семейных. Посему и исключено мною несколько строк в письмах

1-ой эпохи — в № 3 и 8

2-ой эпохи — в №№ 2, 3, 4, 10, 14, 15

Соболевский

17 Октября 1853 г.
Москва

Письма Пушкина к брату впервые были напечатаны с цензурными купюрами в БЗ 1858, № 1, стб. 1—16, № 2, стб. 40—48 и № 4, стб. 97—114. По подлинникам напечатаны в АкП и Б. Л. Модзалевским в МПП. Здесь же (стр. XII—XIV) рассказана цензурная история публикации писем в БЗ.

Стр. 147—149. Копия письма Пушкина к В. П. Горчакову от второй половины 1821—1822 г. (№ 30 МПП). Письмо впервые напечатано Анненковым в А I, стр. 97—98. Автограф теперь неизвестен. Отличия копии Бартенева от текста, напечатанного Анненковым (берем этот текст по МПП):

строка 2
в след
» 4
Герое
» 5
доказывает это
» 6
Герои
» 10
Черкешенкой
» 14
hors d'oeuvre
» 15
ниже
Под текстом: П.
» 17
в Гурогулбине.

К последнему слову Бартеневым сделано примечание:

местечко в Бесс. области, в 40 верстах от Кишинева.

Затем идет такая запись:

Его же рукою [т. е. Пушкина. – *М. Ц.*] на клочке бумаги: 5 стр. Читайте: изгнанной лиры

Когда я погибал безвинный, безотрадный
И шопот клеветы внимал со всех сторон,
Когда кинжал измены хладный
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили
Я близ тебя и проч.

7 стр. Как жертву милую, как верный цвет надежд.
Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем,
Я жертва клеветы и мстительных невежд
Но сердце укрепив свободой и терпеньем
Я ждал и проч.

Эти [заме] поправки Пушкин дал Горчакову при экземпляре Кавк. Пленника, который был прислан ему из Петербурга от Греча, с приложением 500 рублей за право напечатания этой поэмы. Пушкину был прислан один только экземпляр. Тут же было прислано письмо от Гнедича, в котором он говорит, что за стих:

Твои глаза светлее дня, чернее ночи

он бы отдал свое единственное око (как известно, Гнедич был на один глаз крив). Пушкину досадно было взять за Пленника такие малые деньги, но на безденежьи он был и тому рад.

По поводу этой записи Бартенев писал в своей статье «Пушкин в южной России» (первоначально в «Русской Речи» 1861 г.; перепечатано в РА 1866, стб. 1177): «В 1851 г. В. П. Горчаков передал нам письмо к нему Пушкина с замечаниями на Кавк. Пленника. Г. Анненков списал его у нас и поместил в своих материалах, стр. 97—98; но приложенные к письму поправки печатного текста, сделанные Пушкиным в посвящении поэмы, переданы у Анненкова не вполне. Пушкин очевидно хотел восстановить текст, искаженный вследствие особенных соображений. В третьем стихе посвящения вм. пустынной лиры первоначально было изгнанной лиры; в 4-м от конца стиха вместо нынешнего: Но сердце укрепив терпеньем стояло: Но сердце укрепив свободой и терпеньем. Надпись письма: «Горчакову в Гурогулбине» (местечко в 40 верстах от Кишинева, куда Горчаков ездил по службе)». Несмотря на указанную Бартеневым публикацию Анненковым поправок Пушкина и подтверждение ее авторитетности еще в 1861 г. Бартеневым, стих в посвящении: «Я жертва клеветы и мстительных невежд» во всех изданиях собрания сочинений Пушкина напечатан в редакции, вызванной цензурными требованиями и отмененной поэтом сто двенадцать лет назад.

Письмо Гнедича по поводу «Кавказского пленника», о котором говорил Бартеневу конечно В. П. Горчаков, не сохранилось.

Стр. 151. Копия с письма Пушкина к А. А. Бестужеву от 21 июня 1822 г. (№ 36 МПП) в «Отечественных Записках» 1855, № 6.

Стр. 153—154. Копия с письма Пушкина к «издателю «Сына Отечества» в «Сыне Отечества» 1824, № 18.

Стр. 155. Копия с отрывка (с начала кончая словами: «три последние стиха моей элегии») из письма Пушкина к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г. (№ 89 МПП) в «Отечественных Записках» 1855, № 6.

Эхо навеяно чтением Томаса Мура.

Эта запись очевидно случайно попала на эту страницу.

Стр. 157. Факсимильное воспроизведение письма Пушкина к Н. А. Полевому от 1 января 1831 г. (№ 503 АкП) из «Русского Вестника» 1842, № 2.

Стр. 159—162 и 167—180. Вырезки страниц (455—470) из кн. 10 «Москвитя-

нина» 1842 г. с текстом писем Пушкина к Погодину. На полях страниц и на отдельных приклеенных листочках Бартеневым написан пропущенный в публикации текст. Кроме этого Бартеневым написаны и совсем пропущенные письма. Подлинники этих писем ныне хранятся в ЛБ.

Стр. 163—166. Копия письма Пушкина к П. Я. Чаадаеву от 6 июля 1831 г. (№ 563 АкП). Списано с подлинника, предоставленного самим Чаадаевым. Письмо впервые опубликовано в «Correspondant» 1860 кн. И. С. Гагариным в « Tendances catholiques dans la société russe».

После текста письма идет такая запись:

(По словам Чадаева, Граф Сен-При, пер и знаменитый писатель Франции, прочитав это письмо, сказал, что оно по своему слогу сделало бы честь лучшему писателю — знатоку французского языка. — Рукопись, о которой в письме идет речь, заключала в себе и тот отрывок, за напечатание которого пострадал Телескоп, его издатель Надеждин и цензор Болдырев) — Чадаев говорит, что у него было много писем Пушкина, но что он сжег их с другими своими бумагами, в то время, когда, вследствие одного душевного переворота, решился совершенно переменить свой образ жизни и разорвать все связи с прошедшим, уничтожить все воспоминания прошедшего. — Замечу при сем, что показаниям Чадаева мне не советуют вполне доверяться, и улыбаются вообще при его имени).

Рукой Соболевского карандашом:

Вздор. — Чадаев был один из лучших друзей Пушкина и вопреки всех своих нелепых странностей уже верно человек, коему довериться можно. Кто улыбается при его имени — улыбается именно припоминая эти странности, а уж верно (если он не скотина) — не может улыбаться самому Чадаеву м и н у с странности!

По свидетельству Бартенева он общался с Чаадаевым «в последние три года его жизни», т. е. в 1853—1856 гг. (Чаадаев умер 14 апреля 1856 г.). Вероятно в одно из первых своих посещений Чаадаева Бартенев и списал письмо. Рассказы Чаадаева о Пушкине Бартенев использовал в своей статье «Пушкин в южной России» (РА 1866, стб. 1100), где, приводя слова из первого письма Пушкина к Чаадаеву с юга, Бартенев заметил: «Самого письма не сохранилось, и покойный П. Я. Чаадаев передавал нам слова эти по памяти. После известной истории со статьею в Т е л е с к о п е, Чаадаев сжег свою переписку. Уцелело только одно письмо Пушкина на французском языке с разбором сочинения Чаадаева». Бартенев разумеет именно списанное им письмо. Об отзыве гр. Алексея Сен-При (1805—1851) о письмах Пушкина Бартенев говорит в своих «Материалах» для биографии Пушкина: «Французский язык от беспрерывного упражнения и в классах, и в гостиной, и в разговорах между собою усвоен был отлично, и впоследствии Пушкин владел им, как своим родным. Знаменитый граф Алексей Сен-При говорил, что слог французских писем Пушкина сделал бы честь любому французскому писателю». См. БМП, 1854, № 71 (стр. 7 отд. отт.). Впоследствии (в 1884 г.) Бартенев, вспоминая Чаадаева в качестве славянофила, дал очень пристрастную характеристику философа, в духе тех суждений о нем, которые так резко осудил в своей приписке Соболевский. См. РА 1884, № 4, стр. 459.

Стр. 181—182. Копия письма Пушкина к Н. А. Полевому от 2 августа 1825 г. (№ 165 МПП). Подлинник, теперь неизвестно где находящийся, был у С. Д. Полторацкого, у которого Бартенев и сделал свою копию. Впервые письмо напечатано в «Северной Пчеле» 1846 г., № 19.

Отличия копии Бартенева от текста МПП:
строка 5

не простительно

» 8
лучшему из всех наших Журналов
» 13
Вам

При первой публикации, а затем и во всех последующих перепечатках опущен адрес, по помете Бартенева:

(На обороте письма написано рукою Пушкина:

Его Высокоблагородию
Милостивому Государю
Г-ну Полевому
в Москве
газетной
в V экспедиции Моск. почтам.
Г.-ну изд. Моск. Телеграфа

Печать почтовой конторы: «Опочка.1825. Авг. 3». Запечатано было обыкновенною печатью Пушкина, с какими-то восточными знаками).

К последним словам рукой Соболевского (карандашом) приписано:

Эта печать ныне у Даля, коему Пушкины (наслед.) подарили ее. — Она составл. перстень. П. носил оный всегда на пальце и воспел его в Талисмане.

Об этом перстне сам Даль писал в своих воспоминаниях о Пушкине: «Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — талисманом». См. Майков «Пушкин». СПБ. 1899, стр. 419. Перстня этого теперь не существует.

Стр. 184. Копия с письма Пушкина к кн. П. А. Вяземскому от 7 января 1829 г. (№ 287 МПП). Впервые напечатано М. Цявловским по этой копии в «Голосе Минувшего» 1920—1921, стр. 119. По подлиннику, хранящемуся в ЛБ, напечатано Г. П. Георгиевским в кн. «Государственный Румянцевский музей. Путеводитель. I. Библиотека». М., 1923, стр. 237. После текста письма запись:

Копия с собственноручной записки Пушкина, писанной на клочечке бумаги и сообщенной мне С. Д. Полторацким: по словам сего последнего она написана к Вяземскому. На обороте оригинала написано, не знаю кем: «Записка Александра Пушкина к Вяземскому. 7-го Января 1829. Москва».

Помета сделана рукою С. Д. Полторацкого. См. МПП II, стр. 60.

Стр. 186. Записка к С. Д. Полт.

Ты совершенно забыл меня, мой милый
А П

Писана карандашом, равно как и адрес:
Сергею Дмитриевичу
Полторацкому

Запечатана черным сергучом и печатью имеющей вид редкого решета. Отметка рукою С. Д. П — го: 25-го Марта 1829. Москва.

Копия руки М. Н. Лонгинова (?).

Напечатано М. Цявловским в «Голосе Минувшего» 1920—1921, стр. 120. Подлинник приобретен в 1930 г. ПБЛ. Разночтений нет.

Стр. 187—188. Копия письма Пушкина к б. А. А. Дельвигу от 31 июля 1827 г. (№ 250 МПП) в «Современнике» 1854, № 9, отд. III, стр. 10.

Стр. 189—190. Копия письма Пушкина к Соболевскому от 9 ноября 1826 г. (№ 219 МПП). Копия Бартенева снята с подлинника, бывшего у Соболевского

(ныне в ГАФКЭ). Впервые письмо напечатано (не полностью) Лонгиновым в «Современнике» 1857, № 5.

Стр. 191—192. Копия с письма, находящегося у А. И. Васильчиковой в Альбоме.

Mes chers Parents.

После текста письма запись:

(Сообщено матерью Пушкина А. И. Васильчиковой. Пушкин предлагал потом последней несколько своих автографов, лишь бы она ему отдала это письмо, но она не согласилась).

Копия с подлинника письма Пушкина к родителям от 3 мая 1830 г. (№ 331 МПП). Напечатано М. Цявловским в «Голосе Минувшего» 1920—1921, стр. 120—121. Подлинник в том самом альбоме А. И. Васильчиковой, который видел Бартенев, теперь находится у Н. В. Голицына в Москве.

Стр. 195. Копия письма Пушкина к М. Н. Загоскину от 11 января 1830 г. (№ 309 МПП) в биографии Загоскина, написанной С. Т. Аксаковым и напечатанной в «Москвитянине» 1853, № 1. Подлинник письма ныне в ПБЛ.

Стр. 196.

Пушкин (как сказано в письме кн. Шаховского к Пушкину) на обеде у Ф. П. Толстого, восхищался отрывками Ю. М—ого [Юрия Милославского.—*М. Ц.*] которые он читал в журнале.

Отрывок из письма кн. А. А. Шаховского к Загоскину напечатан Аксаковым в его биографии Загоскина в «Москвитянине» 1853, № 1, стр. 38.

Стр. 197.

У Чедаева на экземпляре Бориса рукою автора: «Voici, mon ami».

Списан весь текст и под ним дата: (2 Janvier) а затем помета Бартенева:

(1831, ибо тогда был издан Борис).

После Бартенева запись Пушкина списал с подлинника М. Н. Лонгинов, так об этом рассказывающий в «Некрологе П. Я. Чаадаева» в «Современнике» 1856, июль, отд. V, стр. 7—8: «За несколько дней до смерти Чаадаева я был у него и списал следующие французские строки Пушкина, написанные им на первом листе экземпляра «Бориса Годунова», который был послан к нему поэтом. Замечательно, что под ними подписано: «2 Janvier»; следственно, драма была послана к нему в Москву на другой день после отпечатания, которое кончилось 1 января 1831 года». Экземпляр «Бориса Годунова» с записью Пушкина, принадлежавший С. Д. Полторацкому, хранится теперь в ЛБ. Текст записи см. в АкП II, № 506.

Стр. 199—200. Копия письма Пушкина к Н. И. Хмельницкому от 6 марта 1831 г. (№ 528 АкП) в «Отечественных Записках» 1855, № 6. В копии Бартенева письмо датировано 3 марта.

Стр. 201, 203—205 и 207. Копии писем Пушкина к А. А. Фукс от 8 сентября 1833 г. (№ 743 АкП), 19 октября 1834 г. (№ 870 АкП), 15 августа 1835 г. (№ 924 АкП) и 20 февраля 1836 г. (№ 977 АкП). Впервые письма были напечатаны в «Казанских губернских ведомостях» 1844, №№ 2 и 6, а затем перепечатаны в «Москвитянине» 1854, № 5, откуда и переписал их Бартенев.

Стр. 209—210.

Письмо Пушкина к Жобару.

Копия с письма Пушкина к Жобару от 24 марта 1836 г. (№ 986 АкП):

J'ai reçu avec un veritable plaisir, Mr, votre charmante traduction de l'ode à Lucullus et la lettre si flatteuse qui l'accompagne. Vos vers sont tout aussi jolis que malins ce qui est beaucoup dire. S'il est vrai, comme vous le dites dans votre lettre qu'on ai voulu legalement constaté, que vous avez perdu l'esprit, il faut en cenvenir que depuis vous l'avez diablement retrouvé...

Le bienveillance que vous paraissez me porter, et d'ont je suis fier, m'autorise à vous parler en toute confiance. Dans votre lettre à Mr le Ministre vous semblez disposé a imprimer votre traduction en Belgique en y joignant quelques notes, necessaires dites Vous à l'intelligence du texte: je Vous supplie, Mr, de n'en rien faire. Je suis faché d'avoir imprimé une piece que j'ai écrite dans un moment de mauvaise humeur. La publication a encourru le déplaisir de quelqu'un d'ont l'opinion m'est chere et que je ne puis braver sans ingratitude et sans folie. Soyez assez bon pour sacrifier le plaisir de la publicité à l'idée d'obliger un confrère. Ne faites pas revivre á l'aide de Votre beau talent une production, qui sans cela tombera dans l'oubli qu'elle merite. J'ose esperer que Vs ne refuserez pas la grace que je Vous demande et vous prie de vouloir bien recovoir l'assurance etc.

A. Pouchkin.

Перевод. С истинным удовольствием получил я, милостивый государь, ваш прелестный перевод оды к Лукуллу и лестное письмо, которое вы к нему приложили. Ваши стихи настолько же милы, насколько злы, а это много значит. Если справедливо, как вы рассказываете в своем письме, что вас хотели на законном основании объявить лишенным рассудка, то надо признать, что после того вы воротили его в чертовской степени.....

Расположение, которое повидимому вы ко мне питаете и которым я горжусь, дает мне право с полною откровенностью говорить с вами. В письме к господину министру вы, кажется, изъявляете намерение напечатать свой перевод в Бельгии с присоединением некоторых примечаний, необходимых, по вашему мнению, для понимания стихотворения; умоляю вас, милостивый государь, отнюдь этого не делать. Мне самому досадно, что я напечатал произведение, написанное в минуту раздражения. Опубликование его вызвало неудовольствие одного лица, мнением которого я дорожу и которым пренебрегать я не могу, не оказавшись неблагодарным и безумцем. Будьте добры: удовольствием гласности пожертвуйте мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте своим прекрасным талантом произведение, которое само по себе впадет в заслуженное забвение. Позволяю себе надеяться, что вы не откажете мне в любезности, о которой я прошу. Примите уверение etc.

А. Пушкин.

Сличение текста копии Бартенева с текстом письма, напечатанным по неизвестному теперь подлиннику В. В. Никольским в РС 1880, июль, стр. 563, приводит к убеждению, что копия снята Бартеневым с неизвестного теперь подлинника черновика. За это говорит и ряд разночтений в тексте, которых нельзя объяснить ошибками Бартенева, и отсутствие даты и заключительных фраз, вместо которых стоит обычное пушкинское «etc». Другой, более ранний черновик письма к Жобару напечатан Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг Пушкина». СПБ, 1903, стр. 118—119.

Стр. 211—212. Копия письма Пушкина к П. А. Катенину от 4 декабря 1825 г. (№ 191 МПП). Письмо списано с подлинника, бывшего у П. А. Катенина до его смерти (23 мая 1853 г.). Отрывки из письма впервые напечатаны Анненковым в А I, стр. 60—61. Полностью письмо напечатано во «Всемирном Труде» 1868, № 5. Подлинник теперь в ПД. Перед текстом копии позднейшая помета Бартенева карандашом:

Письмо Пушкина к П. А. Катенину («Всемирн. Труд». 1868, Май, стр. 31—32, напеч. с подлинника хр. у П. А. Катенина).

Стр. 219—220. К Сестре.

Ты хочешь, друг бесценный

Копия первых восьмидесяти стихов. Автографа стихотворения не сохранилось. Впервые из этого стихотворения сорок девять (1—4, 23—39 и 53—80) стихов были напечатаны Бартеневым вероятно по этой копии. Кроме нее имеется (в ПД) еще одна копия стихотворения руки О. С. Павлищевой. По копии П. Е. Щеголева с копии О. С. Павлищевой стихотворение напечатано в КН и ГХЛ. Отличия копии Бартенева от текста, напечатанного в ГХЛ I, стр. 105—107:

6. Оставлю монастырь
10. И в пустыне глухой

Между 12 и 13 ст. нет строки многоточий.

14. На брег Невы примчуся
22. В подарок — пук стихов!
35. В поля, где от дубравы [1].
36. Вдоль веет ветерок
37. И шепчет лес кудрявый
48. Иль звучно фортепьяно
50. Моцарта оживляет?
51. Иль тоны повторяет
53. Но вот уж я с тобой
55. Твой друг расцвел душой
62. При бледном свеч сияньи
66. Молчанье, враг веселья

Стр. 223—224. На Карцова

Математик — разум
Злой насмешник + дурак

На Пешеля

С молитвой теплою, [с зажженною свечею]
[Паду пред обр]
С зажженною свечею
Паду пред образом святым
Спасен я промыслом благим
Сазонов был моим слугою
А Пешель доктором моим.

Ай люли, ай люли
Единицы да нули

Карамзин жил напротив решетки Лицейского сада; приглашал Пушкина, Деларю [*? М Ц.*] Дельвига, Георгиевского.

Лицейские годовщины праздновались у Жадовского (4-го курса), который был при Канкрине Председатель Спб. Казен. Палаты.

Грядет с заката царь природы —
стих Мясоедова
Устав составлялся по методе Песталлоци.

Записи эти сделаны очевидно со слов кого-то из бывших лицеистов.

Я. Н. Карцов — профессор математики и физики в лицее.

В рукописном «Собрании лицейских стихотворений» в отделе: «Лицейская антология, собранная ийший» имеется стихотворение (№ 18):

Не мудрено, мой друг черняк;
«Поверь, тебя измерить разом

[1] Исправлено на: дубровы

Ты математик — минус разум
Ты злой насмешник плюс дурак».

Стихотворение неподписано, но, по свидетельству М. А. Корфа в его записке о Пушкине, оно принадлежит Илличевскому. См. Я. Грот «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники». 2-е изд., СПБ, 1899, стр. 230.

Как принадлежащая Пушкину эпиграмма была напечатана без каких-либо объяснений Геннади в «Приложениях к сочинениям А. С. Пушкина, изданным Я. А. Исаковым». СПБ., 1860, стр. 103 первой пагинации. Здесь первые два стиха читаются:

«Могу всегда измерить разом
Тебя, любезный мой черняк»:

Эпиграмма вошла в Г² (I, стр. 550), где в примечаниях (стр. XLIX) указано, что она «сообщена кн. Н. А. Долгоруковым». Здесь она озаглавлена: «На профессора», и первые два стиха читаются:

«Могу тебя измерить разом,
Мой друг Черняк»:

Ефремов в Е¹ (I, стр. 112) и в Е² (I, стр. 109) перепечатал этот текст. Ввел эпиграмму Ефремов и в Е⁴ (I, стр. 123), но в примечаниях (VIII, стр. 33—34) заявил, что она попала в текст «по грубому недосмотру, совершенно случайно, тогда как она предназначалась только для «примечаний».

Автографа эпиграммы на лицейского доктора Пешеля не сохранилось. Копия (без подписи) имеется в рукописном «Собрании лицейских стихотворений» в отделе: «Лицейская антология» (№ 38). Этот текст напечатан в ГХЛ I, стр. 509. Запись, явно сделанная со слов лица, припоминавшего стихотворение, дает текст несовершенный, во всех стихах, кроме четвертого, отличающийся от текста в «Собрании лицейских стихотворений». Текст, отличный от обоих этих текстов, напечатал Анненков в А VII, стр. 99 первой пагинации. Корф в своей записке о Пушкине привел текст эпиграммы, совпадающий с текстом в «Собрании лицейских стихотворений», заметив, что она «кажется, Пушкина». См. ЯГЛ², стр. 239. В авторстве Пушкина нет оснований сомневаться.

О Сазонове, дядьке в лицее, Корф писал, что он «в два года своей бытности в лицее совершил в Царском Селе и окрестностях шесть или семь убийств и был схвачен и заподозрен в прежних только при последнем, но и то не начальством лицея, а полициею». См. ЯГЛ². стр. 239.

Об этой истории Пушкин вспомнил в феврале 1830 г. в одном обществе, в присутствии англичанина Томаса Рэйкса, который и записал рассказ Пушкина. См. ПСв, в. XXXI—XXXII, стр. 109—110.

Гаевским в ГПЛ № 8, стр. 396 напечатана одна из называвшихся в лицее «национальными» песен, сочиненная по поводу предстоявшего выпускного экзамена. Куплеты этой песни оканчивались припевом:

«Мы ж нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли».

Другой текст этой песни напечатан К. Я. Гротом в КГЛ, стр. 227—229. По принятой в лицее в последние годы пребывания в нем Пушкина системе оценки успехов воспитанников нулем обозначалось отсутствие ответа, а единица означала не низший балл, а самый высший. Поэтому бартеневская запись куплета неверна.

Карамзин жил в одном из «кавалерских» домиков близ лицея. Дом этот существует и теперь. Фамилия после слова «Пушкин» написана неясно. Это не может быть Мих. Дан. Деларю, лицеист V курса (выпуска 1829 г.), который в 1816—1817 гг. еще не был в лицее. Петр Егор. Георгиевский в 1815—1828 гг. адъюнкт-профессор русской и латинской словесности в лицее. У лицеиста III кур-

са (а не IV) Анастасия Евстрафьевича Жадовского (ум. в 1871 г.) празднования лицейских годовщин лицеистами первых пяти курсов происходили в 1837—1840 гг. См. статью К. Я. Грота «Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него» в ПСв, в. XIII, стр. 63—70 и «дополнительную заметку» там же, стр. 184.

А. Е. Жадовский — петербургский вице-губернатор в 1837 г., позднее служил в Министерстве финансов.

Е. Ф. Канкрин — министр финансов в 1823—1844 гг.

Лицейский анекдот об ученике, написавшем на тему «Восход солнца» стих «Грядет с заката царь природы», впервые напечатан в «Журнале для девиц» «Лучи» 1853, т. VII, № 1, стр. 69—71, откуда перепечатан в «Москвитянине» 1853, № 4, февраль, кн. 2, отд. «Смесь», стр. 107. Фамилия ученика, написавшего стих, не была названа, но шуточные стихи, продолжавшие неудачное начало:

«И изумленные народы
Не знают что начать,
Ложиться спать или вставать»

приписаны Пушкину. Гаевский в своей статье «Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения», напечатав фамилию Мясоедова в виде: «М — в», сообщил со слов старых лицеистов, что автором шуточных стихов (их Гаевский называет «эпиграммой») был Илличевский. См. «Современник» 1863, № 7, отд. I, стр. 145.

Сведений о том, что устав составлялся по методу известного швейцарского педагога Песталлоци (1746—1827), в литературе о лицее нет.

Стр. 225—256. Копии из Российского музеума» 1815 г. стихотворений Пушкина:

«Арист нам обещал трагедию такую», «Супругою твоей я так пленился», «К Н. Г. Ломоносову», «Казак», «Старик», «Батюшкову» («В пещерах Геликона»), «Вода и вино», «Бывало прежних лет герой», «Послание к Галичу» («Где ты, ленивец мой?»), «Измены», «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит»).

Стр. 257—264. Копии из «Северного Наблюдателя» 1817 г. стихотворений Пушкина:

«Эпиграмма на смерть стихотворца», «К ней» («Ельвина, милый друг! приди, подай мне руку»), «Послание к Лиде».

Стр. 265—266.

Орлову Алексею Федоровичу, служившему в Петербурге.
О ты который сочетал

Первоначально вместо слов: «Алексею Федоровичу, служившему в Петербурге» было написано (карандашом):

Михаилу Федоровичу, кот. команд. войсками, расположенными (?) в Бессарабии.

Копия сделана Бартеневым со списка, очень близкого к списку, бывшему у Е. И. Якушкина, который опубликовал текст своего списка в БЗ 1858, № 11, стб. 338.

Отличия копии Бартенева от списка Якушкина:

8. Преподаешь Царей науку [2].
11. Стих, вероятно, по рассеянности пропущен
16. На Генерала Киселева [3]
30. Над озером в покойной хате
41. Орлов, я стану под знамены [4].

---

[2] В БЗ из-за цензурных требований: Преподаешь .... науку

[3] В БЗ: На генерала К. . . . . ва

[4] У А II, стр. 239 к тексту которого подводил свой текст Якушин: ...в! Я стану под знамены

У стиха 16-го карандашом приписка:

(Теперешнего Министра).

П. Д. Киселев был министром государственных имуществ в 1838—1856 гг.

Стр. 267.

Конец стихотв. «Уединение»:

Но мысль ужасная здесь душу помрачает

После текста помета:

(От Б ва [5], 1848 года Мая 6-го).

Написаны последние двадцать семь стихов стихотворения «Деревня». На месте стт. 47—50 первоначально был пропуск и эти стихи вписаны позднее (другими чернилами).

Отличия копии Бартенева от текста автографа, напечатанного ГХЛ I, стр. 271—273:

35. Но мысль ужасная здесь душу помрачает:
37. Друг человечества печально замечает
38. Везде невежества губительный позор.
40. На пагубу людей рожденное судьбою
44. Склонясь на чуждый плуг, покорное бичам,
47. Здесь тягостный ярем до гроба все влекут
50. Для прихоти бесчувственной злодея.
53. Из хижины родной идут собою множить
56. Зачем душе моей один бесплодный жар
59. И рабство падшее по манию царя

Стр. 269—270.

Чадаеву.

Любви, надежды, тихой славы

Копия всего стихотворения и после текста дата:

1818

Под датой приписка карандашом:

См. другое послание в 3 томе сочинений.

Отличия копии Бартенева от копии, имеющейся в бумагах Шильдера (ПБЛ) и напечатанной в ГХЛ I, стр. 515—516:

2. Недолго нежил нас обман

Между 8 и 9 стт. имеются стихи:

Питай, мой друг, священный жар:
И искра делает пожар!
9. Мы ждем с томленьем упованья
12. Минуты сладкого свиданья!
21. Напишут наши имена!

Помета карандашом имеет в виду стих. «К чему холодные сомненья», напечатанное в III томе Псм.

Стр. 271—272. Копия со стих. «К *** отсоветовавшему мне вступить в военную службу», напечатанного в «Северной Звезде 1829 г.»

Стр. 273—274.

Горчакову,

Питомец мод, большого света друг

Копия с какого-то списка. Первые сорок стихов близки к тесту копии А. М.

[5] Фамилия так густо зачеркнута, что кроме трех букв нельзя ничего прочесть

Горчакова в его альбоме с поправками руки Пушкина. Этот последний текст напечатан в ГХЛ I, стр. 282—283. Даем отличия копии Бартенева от этого текста:

8. Терял и жизнь, и чувства, и покой
14. Где спорю в слух, где чувствую сильнее
16. Чем вялое, бездушное собранье
28. Красавицам изношенным и сонным
32. Крутят усы иль шпорами бренчат
38. Не вижу я украшенных глупцов
40. И мистика придворного кривлянья

После этого (40-го) стиха идут стихи:

И ты, Харит любовник своевольный,
Приятный лжец, язвительный болтун,
По прежнему философ и шалун,
И ты на миг оставь своих вельмож
И малый круг друзей моих умножь!
Но я не тот, мои златые годы,
Безумства жар, веселость, острота,
Любовь моих стихов, любовь моей свободы,
Проходит всё, как легкая мечта.
Так иногда за чашей ликованья
Найдешь меня объятого тоской,
Задумчива, с поникшею главой,
И ты поймешь души моей страданья.

Затем приписка карандашом:

А. М. Горчаков лицейский товарищ поэта, теперь посланник в Штутгарде.

Кн. А. М. Горчаков был посланником в Штутгардте в 1842—1849 гг. Стр. 275.

Другу от друга.
Когда сожмешь ты снова руку

Под стихотворением:

1818
Марта 2. А. П.

Копия неизвестной руки совпадает с текстом автографа. 10 ст. в копии дан в таком виде:

каков ты
Останься век [таков же] ныне!

В автографе:

Останься век [таков как] ныне,
каков ты

Судя по этому, а также и по тому, что дата и подпись такие же, как и в автографе, можно с уверенностью утверждать,что копия снята с автографа, принадлежавшего Н. И. Кривцову (1791—1843), а после смерти последнего его дочери С. Н. Батюшковой, в 1887 г. поступившего от нее в ПБЛ. Слова «Другу от друга» были надписаны Пушкиным на книге, подаренной Н. И. Кривцову; автограф стихотворения Пушкина «Когда сожмешь ты снова руку» был Кривцовым или дочерью его вклеен в эту же книгу, под надписью. Таким образом, на первый взгляд слова «Друг от друга» производят ложное впечатление заглавия сти-

хотворения. Впервые стихотворение было напечатано с цензурными купюрами в Псм.

Стр. 277.

Ольга, крестница Киприды.

Между стихами: «И насмешливый отказ» и «Ради резвого разврата» пробел и три звездочки. После текста дата:

«22 ноября 1826 г.»

при чем год первоначально был написан: 1816'

Под датой запись:

(Ольга Масонша[6] Петербургская непотребница, известная еще в 1830-х годах).

Позднее карандашом после слова: «Масонша» поставлен знак выноски, а на полях написано:

дочь того Масона который написал сочинение о России.

Имеется еще позднейшая запись карандашом на полях:

Она была петербургская вышла в Киеве за какого-то доктора и сделалась почтенной особой, была на содержании у Митькова.

Копия Бартенева дает текст одинаковый с окончательным текстом автографа, хранящегося в ПД, кроме зачеркнутого в автографе 6-го стиха (см. ГХЛ I, стр. 283), которого в копии Бартенева нет. Дата в автографе: «22 Nov.» Впервые стихотворение было напечатано Анненковым в А VII, стр. 26—27 первой пагинации, датировавшим стихотворение 1820 годом.

Что «Ольга» стихотворения — Ольга Массон впервые указал Анненков в своей работе «Пушкин в Александровскую эпоху» в «Вестнике Европы» 1873, № 11, стр. 47. До сих пор не было известно, что Ольга Массон дочь автора известных мемуаров о России.

Автор «Секретных мемуаров о России и особенно о последних годах царствования Екатерины II и начала царствования Павла I», вышедших в 1800—1802 гг. в Париже в трех томах, швейцарец Массон-младший жил в России в 1786—1796 гг., когда с братом был выслан. Из его мемуаров видно, что в декабре 1796 г. у него была шестинедельная дочь Лёленька (Lolinka). В 1797 г. к Массону за границу выехала и его жена Марья Ивановна рожд. бар. Розен[7].

Таким образом выходит, что впоследствии Массон вернулась в Россию. Записи о ней Бартенева подтверждаются сообщением Ф. П. Фонтона, писавшего в 1829 г. П. И. Кривцову о том, что Оленька Массон «после бесчисленных мятежных заблуждений, вышедши замуж за почтенного чиновника в Могилеве, на бале у фельдмаршала Сакена открыла в первой паре полонезу». См. Ф. П. Фонтон. «Воспоминания», т. II, Лейпциг, 1862, стр. 200.

Об Ольге Массон и посвященных ей стихотворениях Пушкина см. статью в книге Н. О. Лернера «Рассказы о Пушкине». Изд. «Прибой», 1929 г.

Стр. 279.

Орлов с Истоминой в постели

Списано всё стихотворение. Фамилия «Орлов» в первом стихе вписана позднее, Последние два стиха читаются:

И говорит: «дай мне увидеть,
Мой милый, чем меня ты ...» *

После текста стихотворения написано:

---

[6] Первоначально было: Масот

[7] См. Рябинин, Д. Д., Высылка из России братьев Массонов — РС 1876, № 3. Мемуары Массона в переводе П. Е. Степановой печатались в отрывках в «Голосе Минувшего» 1916—1917 гг.

(По свидетельству одного друга Пушкина, сие стихотворение принадлежит ему)

* вар. Соболевского

«Позволь увидеть
Чем ты меня, м. м. е.»

Написано только что по выходе из лицея.

Хотя Н. О. Лернер в «Трудах и днях Пушкина», СПБ., 1910, стр. 202 и писал, что это стихотворение «встречается во многих рукописных сборниках», мне кроме копии Бартенева известны еще лишь две: в сборнике Лонгинова-Полторацкого и Н. С. Тихонравова (хранится в ЛБ; № 318). Стихотворение впервые напечатано Огаревым в О стр. 95. По копии Бартенева напечатано М. Цявловским в КН I, стр. 379 и ГХЛ I, стр. 511. «Один друг Пушкин», по свидетельству которого стихотворение принадлежит Пушкину, конечно С. А. Соболевский. У Лонгинова и Огарева стихотворение озаглавлено: «А. Ф. Орлову».

У Лонгинова текст стихотворения сопровожден тремя примечаниями. Первое относится к слову «Орлов» (в первом стихе) и состоит в ссылке на примечание к стих. «Орлову» («О ты, который сочетал»). В последнем примечании Лонгинова читаем: «Вообще полагают, что это послание писано к Мих. Фед. Орлову. Но это ошибка. Оно писано в Петербурге в 1818 году, когда Алексей Федорович командовал Конной гвардией, а Михаила Федоровича Пушкин узнал только в 1821-м году, во время своего изгнания, именно в Киевской губернии в деревне тестя его, известного генерала Раевского». Второе примечание относится к слову «Истоминой»: «Авдотья Ильинична Истомина, знаменитая танцовщица, вышедшая потом за актера Экунина, умерла в 1848 году от холеры. Ей посвящены чудные стихи в 20 строфе I-й главы Онегина (см. изд. Анненкова, т. IV, стр. 13). В 1818-м году она была любовницей Орлова, которому Пушкин по-приятельски сам читал эту шутку, в то время написанную». Третье примечание относится к последнему стиху: «Говорят, что действительно некоторая часть тела Орлова не соответствует его гигантскому сложению».

Отличия от текста Бартенева текстов Лонгинова (Л), Огарева (О) и Тихонравова (Т).

2. В природной наготе лежал О Т
   В глубокой наготе лежал Л[8]
3. Не отличался в жарком деле Л
   И отличался в жарком деле Т
5. Не мысля милого обидеть Л О Т
6. Берет Лаиса микроскоп Л
   Дуняша, взявши микроскоп Т
7. И говорит: «позволь увидеть Л
   И говорит: «позволь мне видет О
   «Позволь, сначала, мне увидеть Т
8. Чем ты меня, мой сильный ...? Л
   Меня, мой милый, чем ты...? Т.

Стр. 281—282.

Исповедь беднаго стихотворца.

Кроме этой копии Бартенева, мне известно еще четыре копии этого стихотворения. Как пушкинское, стихотворение было впервые напечатано Герценом в «Полярной Звезде на 1859 г.», но ни в одно из изданий собрания сочинений Пушкина до 1930 г. не включалось. О принадлежности стихотворения Пушкину см. в

[8] В копии Полторацкого сборника Лонгинова: «В убогой», но карандашом рукой Полторацкого приписано: «у Лонгинова глубокой».

моей статье «Забытое стихотворение Пушкина „Исповедь стихотворца" в «Новом Мире» 1930, № 4.

Отличия копии Бартенева от текста, напечатанного в ГХЛ I, стр. 500—504:

13. Лишь я был мой и царь и демон обладатель,
17. Любил я золото и знатным поклонялся,
35. Убийца не был ли? — Ах, этому греху,
42. Наморщился, кряхтел... и умер. — Не похвально
48. Водой не замутишь, предобренький поэт
55. Да как же без того бедняжкам нам писать:
67. Вперед не затевай, мой свет, таких проказ.

Стр. 283.

На Голицына

Вон, Хвостовой покровитель!

Стихотворение впервые напечатано Гербелем в Гр[1] стр. 99. Автограф неизвестен. Отличия копии Бартенева от текста Гр[1]:

1. Вон, Хвостовой покровитель!
2. Вон, холопская душа!
4. Благодетель Бантыша!

Ему же

Он добрый малый, брат сестрицам *,
Он не был зол ни для кого;
Скажите правду князь Голицын,
Уж не повесят ли его?

* По словам С. А. Соболевского это стихотворение принадлежит Грибоедову.

Стихотворение впервые напечатано Гербелем в Гр[4] стр. 99. Автограф неизвестен. Сомневался в принадлежности ее Пушкину Ефремов в Е[1] V, стр. 531 и в Е[4] VIII, стр. 123—124 и Лернер в «Трудах и днях Пушкина», стр. 487—488. В сборнике Лонгинова-Полторацкого текст стихотворения сопровожден примечанием: «Так часто обвинял он людей. Это отрывок из более длинной пьесы, но не Пушкина, а Грибоедова». Последнее слово подчеркнуто два раза. Текст копии Бартенева одинаков с текстом Гр[1].

Стр. 283—284.

Ему же

Полу-фанатик, полу-плут

Стихотворение впервые напечатано Гербелем в Гр[1], стр. 98. Автограф неизвестен. В О, 94 названо «Фотию». Ефремов в Е[4] I, стр. 324 и VIII, стр. 124 так же отнес к Фотию. Отличия копии Бартенева от текста Гр[1]:

3. Проклятья, меч, и крест, и кнут;
4. Пошли нам, Боже, недостойным

Стр. 284.

(На Пимена Николаевича Арапова и кн. Одоевского).

Вместо слов: «Пимена Николаевича Арапова» первоначально было: «Пименова».

Скропил Пимешка водевиль
Гобоевский сложил музыку

Пьеса шлепнулась без крику:
Man kann nicht immer Was man will.

А. Пушкин.

(«Невский Альманах» 1830 г.)

Рукой М. Н. Лонгинова карандашом:

Это не Пушкина, а водевилиста Писарева.

Стихотворение под заглавием: «Эпиграмма» и с подписью: «А. П.» напечатано в «Невском альманахе на 1830 г.», стр. 247.

Стр. 285—286.

Елизавете.

На лире скромной, благородной

Имеется беловой автограф стихотворения, хранящийся в ПД. Впервые стихотворение было напечатано под заглавием: «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны» в «Соревнователе просвещения и благотворения» 1819, кн. 10, но в Псм не вошло Из журнала было перепечатано Лонгиновым в «Современнике» 1856, № 8, а затем Анненковым в А VII, стр. 25. Копия Бартенева не совпадает ни с текстом автографа, ни с журнальным. Отличия копии Бартенева от текста «Соревнователя»:

5. Природу лишь умея славить
12. Елизавету тайно пел.
18. Внушала сердцу гимн простой
20. Был эхом Русского народа!..

Стр. 287.

На Карамзина

Послушайте, я расскажу вам старину

Автографа не сохранилось. Впервые напечатано Анненковым в А VII, стр. 99. Приписывалась эпиграмма Грибоедову (см. РС 1872, т. V, стр. 766 и т. VI, стр. 296 и «Русский Вестник» 1873, № 9, стр. 239), против чего возражал Вяземский в статье «Дела иль пустяки давно минувших лет» (письмо к М. Н. Лонгинову»): «В заграничных изданиях печатается она [эпиграмма.— *М. Ц.*] под именем Пушкина — и, кажется, правильно. В ней выдается почерк Пушкина, а не Грибоедова, которого стихи, за исключением многих удачных и блестящих стихов в «Горе от ума», вообще грубоваты и тяжеловаты. При всем своем уважении и нежной преданности к Карамзину, Пушкин мог легко написать эту шалость; она, вероятно, заставила бы усмехнуться самого Карамзина. В лета бурной молодости Пушкин не раз бывал увлекаем то в одну, то в другую сторону разнородными потоками обстоятельств, соблазнов и влияний, литературных и других». См. РА, стб. 0545.

Отличия копии Бартенева от текста в сборнике, принадлежавшем П. Я. Дашкову (в ПД) (по ГХЛ I, стр. 517):

1. Послушайте, я расскажу вам старину
2. Про Игоря и про его жену,
3. — Эх, бабушка, затеяла пустое,
6. Окончи лучше нам «Илью-богатыря».

На него же

На плаху истину влача

Автографа не сохранилось. Впервые напечатано Гербелем в Гр[1], стр. 103. Ефремов в Е[1] V, стр. 531 сомневается в принадлежности Пушкину. Лернер в В II, стр. 535 считает не пушкинской. Отличия копии Бартенева от текста Гр[1]:

2. Он доказал без всякого пристрастья
4. И нежность самовластья

На него же

Решившись хамом быть пред самовластья урной

Автографа не сохранилось. Впервые напечатано Ефремовым в E^4 VIII, стр. 123. В E^1 V, стр. 531 Ефремов этот текст назвал «чьим-то хамским вариантом» и отказался его напечатать. Можно определенно утверждать, что эта эпиграмма не Пушкина. Отличия копии Бартенева от текста, опубликованного Ефремовым:

1. Решившись хамом быть

На поле страницы рукой Лонгинова:

Не Пушкина или очень раннее.

Стр. 288.

Напялив на себя придворную ливрею,
На пудру променяв лавровый свой венец,
С указкою ты втерся во дворец,
И руку жмешь камер-лакею
Бедный певец!

Эта эпиграмма как пушкинская впервые напечатана Гербелем в $Гр^1$, стр. 105, а затем в сборнике Огарева «Русская потаенная литература», Лондон, 1861, стр. 84. Считал пушкинской эпиграмму и Гаевский. См. «Современник» 1863, № 8, стр. 363. В действительности эпиграмма сочинена А. А. Бестужевым-Марлинским, о чем писал в своих воспоминаниях его брат М. А. Бестужев. См. РС 1870, I т., 3-е изд., стр. 261. Имея в виду конечно эту эпиграмму, Бартенев в БПМ 1855, № 144 (стр. 30 отд. отт.) писал: «Последнему [т. е. Пушкину — *М. Ц.*] приписывали какую-то эпиграмму на него [т. е. Жуковского — *М. Ц.*]; но чего ему не приписывали?».

Стр. 289.

К портрету Чадаева.

Он вышней волею небес
Живет в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он офицер гусарской.

Автографа не сохранилось. Первые два стиха этого стихотворения впервые были напечатаны Н. В. Сушковым в его статье «Обоз к потомству» в «Рауте» 1854 г., стр. 288 в таком виде:

«Он высшей волею небес
Живет на службе царской и пр.»

Затем Герцен в »Былом и Думах» в «Полярной Звезде на 1855 г.» повидимому по памяти привел последние стихи в таком виде:

Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
Но здесь под гнетом власти царской
Он только офицер гусарской.

Впервые полностью стихотворение было напечатано Гербелем в $Гр^1$, стр. 90, затем Жихаревым в «Вестнике Европы» 1871, № 7, стр. 197.

Стр. 291—292.

Ода.

Беги, сокройся от очей

Списано всё стихотворение. Впервые ода была напечатана Герценом в «Полярной Звезде на 1856 г.» В России печаталась лишь в отрывках, начиная с E^1. Имеется автограф стихотворения (в ПД).

В копии Бартенева кроме основного текста имеются варианты к стихам:

23. Летает рабства грозный гений
60. С свирепой радостью увижу!
87. Взнеслись бесславные удары...

Отличия основного текста копии Бартенева от текста автографа (по ГХЛ I, стр. 256—259):

7. Хочу воспеть я вольность миру
8. На троне поразить порок.
13. Любимцы ветреной судьбы
23. Воссели рабства грозный гений
26. Народов нелегко страданье
34. Карает праведным размахом
36. Ни к злату алчностью, ни страхом
51. Челом развенчанным приник
54. Едва главу снесла секира
55. И самовластная порфира
58. Тебя, твой род я ненавижу,
60. С свирепой радостью я вижу!
69. Глядит задумчиво певец
73. Он слышит Клии страшный глас
74. Над сими мрачными стенами,
76. Он видит ясно пред очами
80. На ликах дерзость, в сердце страх.
82. Опущен тихо мост подъемный
84. Рукой предательской, наемной
91. Ни мрак темниц, ни алтари
95. И станут верной стражей трона

Рукой Соболевского стих 23 исправлен на:

Повсюду рабства грозный гений

и у стихов 25 и 26 поставлен крест и на поле страницы написано:

нет смысла.

Рукой Лонгинова (карандашом) вместо 54 ст. написано:

Падет преступная секира

Стр. 293.

Кинжал

Впервые «Кинжал» был напечатан Герценом в «Полярной Звезде на 1856 г.». В России стихотворение впервые напечатано Гербелем в РА 1876, кн. III, стр. 211—212. Автографом владеет Н. И. Тютчев (Москва). Отличия копии Бартенева от текста автографа (по ГХЛ I, стр. 305—306):

6. Свершитель ты желаний и надежд
20. Кинжал, ты Кесаря сразил, и мертв объемлет он
28. Но вышний суд ему послал
30. А ты, о праведник, о мученик прямой
33. Остался блеск в казненном прахе!
34. В твоей Германии ты вечной тенью стал

Между 4 и 5 и между 16 и 17 стихами рукой Соболевского поставлены кресты и внизу страницы сделано примечание:

Тут пропуски: вообще этот список неверен.

Соболевский ошибался: пропусков в копии Бартенева нет.

Стр. 294.

Занд убил Коцебу 23 марта 1819 года.

Внизу карандашом чей-то адрес:

Ростов д. Майорова, на угл. Свечнаго и Гребецкаго, Квартира.

Тексты на листах со стр. 291—294 были написаны, надо думать, одновременно, и листы были сложены в четвертку.

Стр. 295—296.

Пропуски из Наполеона.

Списаны стихи: 24—49 и 56—65. «Наполеон» впервые был напечатан в собрании стихотворений Пушкина издания 1826 г. с пропуском 25—48, 57—64 и 75 стихов.

Стихи эти постепенно восстанавливались в 1855—1880 гг. Полностью стихотворение было напечатано лишь в E^t. Имеется три автографа стихотворения (один в ПД и два в ЛБ). Отличия копии Бартенева от текста автографа в письме к А. И. Тургеневу (по МПП I, стр. 64), где имеются стт. 25—48 и 113—120:

32. Свободы светлый день настал —
36. Ты человечество призрел.
39. Тебя пленило самовластье
40. Вдруг онемев лишилась крил.

Отличия копии Бартенева от текста в A VII, стр. 58 первой пагинации:

57. И се — в величии постыдном
60. Уже не побледнеет Росс. —

65 ст. в копии Бартенева:

Губитель! Кто тебя подвигнул?

Под текстом запись:

Наполеон умер 5 Мая 1821 года.

Стр. 297.

Федору Николаевичу Глинке

Когда средь оргий жизни шумной

Списаны первые восемь стихов послания. Впервые эти восемь стихов были напечатаны Бартеневым же в его статье «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии». Глава 3. — «Московские Ведомости» 1855, № 145 — по тексту в письме Пушкина к брату от начала января 1823 г. (№ 49 МПП). Здесь текст, другой. Отличия его от текста в письме:

4. Презренный, грубый эгоизм;
6. Пиры и блеск и шум Афин;
7. Но голос твой был мне наградой [9].

Сбоку запись:

По свидетельству С. А. Соболевского Пушкин очень любил эти стихи.

Об этом же писал Лонгинов в «Современнике» 1856, № 7, отд. V, стр. 10: «Это превосходное послание было одною из любимейших пьес самого поэта, который, по свидетельству одного из самых близких его друзей С. А. С[оболевского], часто приводил в разговорах стихи из него.

[9] Первоначально было: Но голос твой мне был наградой

Стр. 299—300.

Льву Сергеевичу Пушкину.

Наш приятель Пушкин Лев
Не лишен рассудка;
Но с шампанским жирный плов
И с груздями утка
Нам докажут лучше слов,
Что он более здоров
Силою желудка.

Наш Лев Сергеичь очень рад,
Что своему он брату брат.

По свидетельству современников брат Пушкина очень был доволен своею участью, т. е. тем, что он брат такого знаменитаго человека. Обыкновенно везде его приветливо встречали, желая узнать что-нибудь о поэте или услышать какое-нибудь новое его произведение. Лев Сергеевич промышлял тем; владея отличною памятью, он ходил из дома в дом, читая наизусть какие ниб[удь] новые стихи брата. За это он вознаграждал себя хорошими ужинами, к которым его приглашали. Соболев[ский] сказывает, что он с ним вместе издавал последнюю главу Руслана и Людмилы, уже когда автор ее покинул Петербург, т. е. после февраля 1820 г. Она была в рукописи Пушкина очень небрежно написана, и им стоило большого труда ее печатать. Он умер в Одессе, в июле (19) 1852 года, в звании Члена Одесской Таможни, в чине Надвор. Сов., 49 лет от роду. Был моложе знаменитого брата своего 4-мя годами.

Стихи «Наш приятель Пушкин Лев» впервые были напечатаны без подписи Пушкина в «Русском Вестнике» 1842, № 1, стр. 22. Как принадлежащие Пушкину стихи были напечатаны в БЗ 1858, № 12, стб. 370 и в «Полярной Звезде на 1858 г.», стр. 272. Ввел их и Гербель в Гр [1], стр. 120. Вяземский на полях этого издания приписал: «Не должно быть Пушкина. Про брата не сказал бы он: «Наш приятель». См. «Старина и Новизна», кн. VIII, стр. 38. Ефремов в РС 1879, т. XXVI, стр. 731 уверял, что стихи эти «по имеющимся указаниям, несомненно принадлежат Пушкину». Вошли стихи и в сборник Лонгинова-Полторацкого, но Соболевский здесь приписал к ним: «Дельвига, Баратынского, Плетнева, самого Льва и Компании. Соболевский».

Текст копии Бартенева совпадает с текстом БЗ и «Русского Вестника», где первый стих читается: «Наш приятель Пустяков».

Стишки «Наш Лев Сергеич очень рад» приводит Бартенев в примечании к воспоминаниям кн. П. А. Вяземского о Л. С. Пушкине. См. РА 1874, I стб. 1343.

О том, как печаталось первое издание «Руслана и Людмилы», Бартенев писал в статье «Пушкин в южной Росии»: «Самая рукопись оставлена была у брата, Льва Сергеевича, который вместе с товарищем своим С. А. Соболевским доканчивал печатание. Последний рассказывает, что много было труда разбирать шестую песнь, не перебеленную сочинителем». См. РА 1866, стб. 1108.

Стр. 301. Копия стихотворения «Будущая эпитафия («Здесь Пушкин погребен...»), в «Северной Звезде» 1829 г.

Стр. 304.

Не веровал я Троице доныне.

Сбоку приписано:

Княжне Софье Александровне, урожденной Урусовой (княг. Радзивил).

Внизу страницы:

От С. Д. Полторацкого

Всё это, кроме слова «урожденной», вписанного карандашом рукой Бартенева, написано неизвестной мне рукой. Впервые стихотворение напечатано Гербелем в Гр[1], стр. 125. Копия Бартенева совпадает с этим текстом. Автограф неизвестен. Включено в сборник Лонгинова-Полторацкого с примечанием: «Это четверостишие сочинено экспромтом в Москве, кажется в 1827 году, известной красавице княжне Урусовой, вышедшей потом замуж за князя Леона Яковлевича Радзивила, ныне генерал-адъютанта (1856)». Вяземский у стихотворения в Гр[1] приписал: «Не полагаю, чтобы эти стихи принадлежали Пушкину. Мадригал довольно пошлый и приторный. Во всяком случае не написан он княжне Урусовой. Пушкин был влюблен в сестру ее графиню Пушкину». См. «Старина и Новизна», кн. VIII, стр. 38. Наконец Ефремов в Е[2] II, стр. 401 об этом и о стих. «Княгине Хованской» («Ты богоматерь, нет сомненья») писал: «К разряду этих же мадригальных заметок, брошенных Пушкиным в первое время пребывания его в Москве, относятся сохранившиеся в памяти разных лиц, но не уцелевшие в рукописи стихи».

У нас нет данных ни согласиться с Вяземским, ни опровергнуть его мнение.

Стр. 305.

К К. Г..... посылая ей оду: Вольность:

Простой воспитанник природы

Впервые напечатано в сборнике «Молодик» 1844 г. II, стр. 7 под заглавием: «В альбом к. Г.» Сохранилось два автографа, дающих одинаковы текст. Один автограф принадлежал А. И. Тургеневу, а после его смерти (в 1845 г.) его брату Н. И. Тургеневу. Другой автограф был у кн. П. А. Вяземского. Копия Бартенева совпадает с текстом автографов.

Стр. 307—308. Копия стих. «Жуковскому» («Когда младым воображеньем») напечатанного в «Сыне Отечества» 1821, № 52.

Стр. 309.

Десятая заповедь.

Добра чужого не желать

Впервые напечатано Е. И. Якушкиным в БЗ 1858, № 11, стб. 342. Автографа не сохранилось. Отличия копии Бартенева от текста, напечатанного в ГХЛ I, стр. 520:

6. И не хочу его села;
7. Не нужно мне его вола
9. На дом его, на скот, на раб
13. И ежели его подруга

После 16-го стиха идут стихи:

Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?
Как можно не любить прелестных
Как райских благ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Молчу и в тайне я страдаю.

Копию Бартенева читал Соболевский, исправивший 8 и 9 стихи. В 8 стихе он зачеркнул в двоеточии верхнюю точку, а 9 ст. исправил на:

Ни дом его, ни скот, ни раб,

В стихе: «Как можно не любить прелестных»? Соболевский заменил (приписал сбоку, не зачеркнув заменяемого слова) «прелестных» на «любезных». Из письма Соболевского к Лонгинову от конца июня — начала июля 1858 г. видно, что он считал «Десятую заповедь» стихотворением Пушкина, а исправление «пре-

лестных» на «любезных» указывает, что и шесть стихов (начиная с «Кто сердцем мог повелевать»?) Соболевский считал принадлежащими к «Десятой заповеди».

Стр. 311. Копия стихотворения «К NN» («Любви, надежды, тихой славы») в «Северной Звезде» 1829 г.

Стр. 312. Копия стихотворения «Элегия» («О ты, которая издетства») в «Северной Звезде» 1829 г., подписанного Ап, как и стихотворения Пушкина, помещенные в этом альманахе. Эта «Элегия» — отрывок из стихотворения кн. П. А. Вяземского «Негодование». См. Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, т. III, СПБ, 1880, стр. 166—167.

Стр. 313—315. Копия письма Пушкина к В. Л. Пушкину («Тебе, о Нестор Арзамаса») в «Сыне Отечества» 1821 г., № XI.

Стр. 317—323.

К Цензору.

Приписано карандашом: 1.

Писано, должно полагать на Юге.

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой

Впервые стихотворение напечатано (с пропусками) Анненковым в A VII, стр. 30—33 первой пагинации. Сохранился автограф (в ЛБ). Приписка единицы у заглавия означает, что это Первое послание к цензору. Отличия копии Бартенева от текста автографа (по ГХЛ I, стр. 329—332):

3. Не бойся, не хочу, прельщенный славой ложной,
16. Тот Английский роман с Французского преложит,
17. Тот оду сочинит потея и кряхтя,
21. Наш Цензор мученик. Порой захочет он
34. Но мненья не теснит и разум терпит он
36. Не преступает он начертанных уставов
39. Полезной истине путей не заграждает
41. Он друг писателей, перед знатью не труслив,
52. И если говорить задумаешь о деле,
59. О варвар! кто из нас, владетель Руской лиры
63. Ни слог певца, порыв столь чистый, благородный
66. Подозревая всех, во всем ты видишь яд.
72. Осмеивать закон, правительство и нравы,
74. Тот не знавал тебя — мы знаем почему —
77. Барков шутливых од к тебе не посылал,
90. Кутейник и Христос два равные лица.
99. Ты в этом виноват? перед тобой зерцало —

108. Этого стиха нет.
112. Этого стиха нет.
114 и 115 переставлены.

114. Я должен то того, то этого бранить.
119. А ныне и Миллот попался в наши сети.
124. Тебе домой скорей убраться осторожно

Очевидно по другому списку Бартенев выправил текст своей копии, переделав стихи на такие:

8. Их чистая душа перед тобою права.
36. Не преступает сам начертанных уставов;
39. Как в автографе.
53. То славу Рускую и Русский ум любя.

58. Воображения минувшего цветы.
65. На всё кидаешь ты недоверчивый взгляд,
80. Что нужды? нас и так иные прочитали
91. Державин, бич вельмож при звуках гордой лиры
99. Как в автографе.
108. Вписан. Текст, как в автографе.
112. Вписан. Текст, как в автографе.
122. От них всё скверное на свет произошло.
124. Как в автографе.
126. Хоть умнаго возьми себе секретаря

К 82 стиху — «Едва ли Шаликов не вредный человек» — примечание:

По словам Соболевского этот стих Пушкин любил повторять.

Стр. 325—328.

Цензору.

приписано карандашом:

2. Примирительное послание. Писано в Михайловском.

На скользком поприще Тимковскаго наследник.

Впервые стихотворение напечатано (с пропусками) Анненковым в A VII, стр. 33—35 первой пагинации. Кроме чернового сохранился перебеленный с поправками автограф (в ЛБ). Отличия копии Бартенева от текста (по ГХЛ I, стр. 366—368):

3. Недавно тяжкою цензурой угнетен,
6. Я вспыхнул, говорив тебе немного крупно,
7. Потешил языка бранчивую свербежь.
8. Этого стиха нет.
11. (А благо мне читать большой теперь досуг)
20. Не оскорбляя тем Спасителя Христа.
32. Шишков уже наук ученье восприял.
33. Сей старец дорог нам — он блещет средь народа
34. Священной памятью двенадцатого года;
35. Один среди вельмож он Руских Муз любил,
37 и 38 стихи переставлены.
38. От хлада наших лет сберег он лавр единый
40. Омара да Али принял за образец,
42. Усердно заглушать старался просвещенье.
46. Муж чистый в правилах, душою превосходный
48. Креститель Галича, Магницкаго дьячок.
49. И вот за все грехи, в чьи тягостные руки
50. Вы были ввержены, печальные Науки!
53. И ныне уж горит светильник просвещенья.
55. Отставки Цензору, признаться, ожидал;
56. Но сам не знаю как ты видно устоял.
57. Итак я поспешил приятеля поздравить,
59. Будь строг, но будь умен; не просят от тебя

Стр. 329. Копия стихотворения «К Морфею» в «Полярной Звезде» на 1824 г.

Стр. 331. Quasi Пушкина

Насильно Зубову мила

Неизвестного происхождения извлечение из стихотворения «Мне жаль великия жены», черновой текст которого находится в тетради Пушкина, (№ 2370/ЛБ). Впервые извлечение было напечатано Герценом в «Колоколе» 1858, № 23—24, стр. 200, откуда перепечатано Гербелем в Гр.[1], стр. 52. Отличия копии Бартенева от этого текста:

2. Старушка милая жила
4 и 5 стихи переставлены.
4. Писала прозу, флоты жгла
9. С Екатериною прошла.

Стр. 333.

Жил да был петух Индейский,
Цапле руку предложил,
При дворе взял чин лакейский
И в супружество вступил.
Он детей просил как дара
И услышал царь богов
Народилась цаплей пара,
Не родилось петухов.
Цапли выросли, отстали
От младенческих годов,
Длинны, очень длинны стали
И глядят на куликов.
Вот пришла отцу забота
Цаплей замуж выдавать,
Он за каждой два болота
При замужстве хочет дать.
Цапли вяли, цапли сохли,
Наконец, скажу вздохнув,
На болоте передохли,
Носик в перья завернув.

А. Пушкин.

«Это не я, это Левушка [и. —*М. Ц.*] Баратынский, а я только поправлял». — Около 1830.

Пушкин при стихах своих «У Гальяни иль Кольони» в письме к Соболевскому от 9 ноября 1826 г. приписал: «На голос: Жил да был петух индейской». Автором стихов этих, сатирически изображающих семью тетки поэта Елиз. Льв. Сонцевой, последняя считала Пушкина, о чем ему писал Вяземский 26 июля 1828 г.: «У этого Бекетова есть сестра Золотарева, баба молодец, с рожи похожа на Сонцова, все главы Онегина знает наизусть и представила мне в лицах, как Сонцова жаловалась ей на тебя за стихи «Жил да был петух индейской» и заставляла Анну на распев их читать. Ты прыгал бы и катался от смеха». См. АкП II, стр. 70.

В 1831 г. стихотворение это было напечатано в № 6 от 21 января «Литературных прибавлений к «Русскому Инвалиду», издававшихся А. Ф. Воейковым. Стихотворение здесь было названо «Быль» и подписано: «Сталинский».

Через двацать лет после этого, 3 апреля 1850 г., Я. К. Грот писал П. А. Плетневу: «Слыхал ли ты когда-нибудь прилагаемые здесь на особой бумажке стихи, написанные Пушкиным на его родственниц С — вых в Москве. Девицы эти и до сих пор живут там. Жена моя знает их и продиктовала мне эти стихи». См. «Переписку Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. III, СПБ, 1896, стр. 505—506. При письме Грот посылал стихи, представляющие собой испорченный текст, напечатанный в «Литературных прибавлениях к „Русскому Инвалиду"».

Плетнев отвечал 8 апреля: «Стихи на С — вых я давно знаю. Последний целиком взят из Дмитриева «Стонет сизый голубочек». (Там же стр. 507). На основании такого ответа можно думать, что Плетнев считал автором стихов Пушкина. Анненков, напротив, утверждал, что стихотворение написано Баратынским. «Многое, — писал он в А VII — приписывается у нас и в рукописных сборниках и даже печатно Пушкину, что ему не принадлежит. ...Экспромты о «нациях», отрывок из которых явился под именем Пушкина в одном московском журнале, столь же мало принадлежат ему, как и стихи известной сатирической пьесы: «Цапли», на-

ходимые во всех сборниках с пометкой: А. П., а между тем написанные Баратынским». См. А VII, стр. 10 первой пагинации.

Не зная, или не считаясь с этим указанием Анненкова, Герцен в «Полярной Звезде на 1858 г.» (книга IV стр. 271), вышедшей в Лондоне в конце февраля этого года, напечатал «Цапли» как стихотворение Пушкина. Через два месяца это же стихотворение под заглавием: «Цапли» (Неизданное сатирическое стихотворение, приписанное Е. А. Баратынскому)» появилось в № 8 (ценз. разр. 27 апреля 1858 г.) «Библиографических Записок» (стр. 237) [10].

Как пушкинское стихотворение это вошло в сборник Г. Головина: «Новые стихотворения Пушкина и Шевченки», «Русская Библиотека», т. VIII, Лейпциг, 1859, стр. 3—4 и в сборник Огарева «Русская потаенная литература», 1861, стр. 201 [11].

Гербель по поводу публикаций Герцена и Головина снова повторил указание Анненкова, что «Цапли» написаны Баратынским. См. Гр [1], стр. IX—X [12].

С своей стороны кн. П. А. Вяземский в одном из примечаний к своим «Выдержкам из старых бумаг Остафьевского архива» в РА 1866, стб. 862 писал: «Солнцев был женат на одной из сестер В. Л. Пушкина. Не лишне здесь заметить, что стихи, на него написанные: «Жил да был петух индейской» напрасно приписывают А. С. Пушкину. Оно принадлежит Баратынскому». Против этого возразил сын Баратынского Л. Е. Баратынский, просивший редактора-издателя «Русского Архива» сообщить, что «по его соображениям стихи эти отнюдь не могут принадлежать отцу его». См. РА 1866, стб. 1506.

В. В. Каллаш правильно считал это заявление «мало убедительным», так как «во-первых, мы не знаем «соображений» Л. Е. Баратынского, во вторых, близкий друг поэта, бывший au courant всех современных литературных событий и отношений, кн. Вяземский, конечно, лучше мог знать историю этого стихотворения, чем Л. Е. Баратынский, который, во время его возникновения был мальчиком». См. «Историко-литературные мелочи» В. В. Каллаша в «Литературном Вестнике» 1902, кн. 7, стр. 197. Сам Каллаш считал, что вопрос об авторе стихотворения «окончательно решается авторитетным указанием кн. Вяземского». Вопреки этому мнению, вопрос совсем не был «окончательно решен» заметкой Каллаша. Ему возразил Ф. А. Витберг, указавший прежде всего, что впервые стихотворение «Цапли» было напечатано не в «Полярной Звезде» Герцена, как полагал Каллаш, а в «Литературных прибавлениях к «Русскому Инвалиду» за 1831 г. Затем Витберг доказывал, что под псевдонимом «Сталинский», как было подписано стихотворение в «Литературных прибавлениях», скрывался А. Ф. Воейков. Это мнение Витберг основывал на сведениях о стихотворении «Цапли», имеющихся в «Отчете публичной библиотеки за 1892 г.» (стр. 158). На вопрос цензора П. И. Гаевского, которому было представлено стихотворение, кто этот Сталинский, Воейков письменно отвечал, что он «полагает», что это Александр Николаевич Сталинский, воспитывавшийся с ним в Московском университетском пансионе. То обстоятельство, что Воейков лишь осторожно «полагал», а не утверждал, кто автор стихотворения, тогда как в качестве редактора он должен был бы знать это наверное, и то, что А. Н. Сталинского повидимому не было в Московском университетском пансионе, заставило Витберга правильно усомниться в правдивости показания Воейкова. Основываясь на том лишь, что текст стихотворения, представленный Гаевскому Воейковым, написан и подписан его рукой, Витберг пришел к неубедительному выводу, что «Цапли» сочинил сам Воейков.

Свидетельство Вяземского Витберг считал «неверным, написанным на память, вследствие чего он и ошибся. Ему, — писал Витберг, — очевидно помнилось,

---

[10] Тексты «Полярной Звезды» и БЗ перепечатаны В. Я. Брюсовым без каких-либо пояснений в РА 1900, № 5, стр. 105.

[11] Сводный текст стихотворения (по БЗ, «Полярной Звезде», сборнику Огарева и записи Я. Грота) дал Е. Бобров в «Мелочах из истории русской литературы». — «Русский филологический вестник» 1905, № 2, стр. 179—198.

[12] Перепечатано в Гр² стр. IX—X и в РА 1876, III, стр. 206.

что фамилия автора оканчивалась на с к и й, а из всех тогдашних писателей только фамилия Баратынского к этому подходила». См. заметку Ф. А. Витберга „Кто автор стихотворения «Цапли»?" в «Литературном Вестнике» 1903, кн. 7—8, стр. 245—247.

Это предложение конечно неверно. Стихотворение Вяземский знал и помнил не по публикации в «Литературных прибавлениях», а хотя бы в связи с тем, о чем он писал Пушкину в 1828 г. Тем не менее аргументация Витберга показалась Н. О. Лернеру достаточно убедительной и в своем примечании к стихам «У Гальяни иль Кольони» он писал, что «„Цапли" вероятно, принадлежат А. Ф. Воейкову». См. В IV, стр. XI.

В действительности стихотворение написано Баратынским и Соболевским.

М. Н. Лонгинов, составляя между 24 декабря 1855 г. и 10 февраля 1856 г. свое рукописное «Собрание сочинений А. С. Пушкина, не вошедших в издания его сочинений», включил в него «Цапли» (№ XLI). Просматривая (не позднее августа 1857 г.) этот сборник, С. А. Соболевский у стихотворения приписал: «Эти стихи написаны Е. А. Баратынским и мною в 1825 году, до приезда Пушкина из деревни. С. Соболевский». См. копию С. Д. Полторацкого сборника Лонгинова, хранящуюся в ЛБ (№ 2603) [13].

Стих «При дворе взял чин лакейский», говорящий о пожаловании в камергеры М. М. Сонцова, состоявшемся 20 марта 1825 г., указывает на то, что стихотворение могло быть написано лишь после этого дня. С другой стороны, по словам Соболевского, оно было написано «до приезда Пушкина из деревни», т. е. до 8 сентября 1826 г. Наконец Баратынский приехал в Москву, где в эти годы жил Соболевский, в первой половине октября 1825 г. Таким образом стихотворение было написано не ранее первой половины октября 1825 г. и не позднее первых чисел сентября 1826 г. Пушкин в приписке ошибочно назвал вместо Соболевского соавтором с Баратынским своего брата Льва Сергеевича. Последний в 1825—1826 гг. жил в Петербурге.

В чем выразились исправления Пушкина в стихотворении, неизвестно.

Стр. 335—336. LXXXVIII

За днями дни бегут толпой

После текста:

А. Пушкин.

Списано с листка, вырванного из какого-то старого журнала.

«За днями дни бегут толпой» — стихотворение В. И. Туманского, впервые напечатанное в «Северных Цветах на 1825 г.» с подписью «Т.» Как стихотворение Пушкина оно было напечатано в альманахе «Весенние цветы» 1835 г. (См. Синявский и Цявловский «Пушкин в печати», стр. 147), а затем Е. Н. Эдельсоном в «Современнике» 1856, т. LVI, № 3, стр. 5—6. Бартенев списал текст стихотворения с листка, вырванного не из журнала, а из альманаха «Весенние цветы» 1835 г., на что указывает номер над стихотворением.

Стр. 388—389.

Фома и Ерема Пушкина.

Жил был Фома и Ерема.
Фома жил на горке,
А Ерема под горкой.
Фома ел соломку,
Ерема колосок.
Ну, к чорту Ерема,
Зачем нам так жить,
Не лучше ль, Еремушка,

[13] По копии с копии С. Д. Полторацкого стихотворение в записи Лонгинова, его примечания и приписку Соболевского опубликовал М. Л. Гофман в «Полном собрании сочинений Е. А. Баратынского», т. I, изд. Разряда изящной словесности Имп. Академии Наук, СПБ, 1914, стр. 325.

Нам пашеньку пахать.
Фома купил кобылу,
Ерема жеребца.
У Еремы то не едет,
У Фомы то не везет,
Ну, к чорту Ерема,
Давай за охотой ходить.
Ерема купил сучку,
Фома кобелька.
У Еремы то не лает,
У Фомы то не урчит.
Ну к чорту, Ерема,
Станем по миру ходить.
Ерема купил сумку,
А Фома то котомку.
А Фоме то не дают,
А Ереме отказывают.
Ну к чорту, Ерема,
Давай торги заводить.
Ерема купил луку,
Фома чесноку.
Ерема сел на печку,
Фома то под печку.
У Еремы то не купят,
У Фомы то не берут.
Ну к чорту, Ерема,
Давай рыбу ловить.
Ерема купил лодку
Фома челночек.
У Еремы то без боку,
У Фомы безо дна.
Ерема стал тонуть,
Фому за ноги тянуть.
Фома говорит:
Когда счастье к нам придет.
А Ерема[14] говорит:
Когда чорт ему велит.

От М. Г. Своехотова
31 Авг.
1849 г.

(Он слышал от Ст. Совет. Алекс. Алексеевича К о щ е е в а, учившагося в С.-Петербургском унив., который был друг с Пушкин.)

О М. Г. Своехотове не имеем никаких сведений.

Об А. А. Кощееве мы нашли лишь такие скудные сведения: «Кощеев, Алексей Алексеевич, кол. сов. ум. 18 февраля 1855 г., на 55 г.».

Сказка о Фоме и Ереме не сочинение Пушкина, как значится в записи, а народная сказка, печатавшаяся в виде текста к лубочным картинкам с середины XVIII в. Кощеев очевидно записал ее со слов Пушкина, знавшего сказку наизусть. К записи Кощеева очень близка запись сказки, сделанная в 1848 г. в Екатеринбургском уезде и напечатанная А. М. Смирновым-Куталевским в «Сборнике великорусских сказок архива Русского Географического общества», вып. II. П., 1917, № 264. Имеется сказка о Фоме и Ереме и в «Русских народных

[14] В записи описка: Фома

сказках» Афанасьева (четвертое издание 1914 г. в пяти томах под ред. А. Е. Грузинского, т. 5, № 229. стр. 118—119, где дана и библиография)[15].

Стр. 341.

Евгений Онегин.

С. Д. Полторацкий благосклонно сообщил мне тетрадку, в которой чрезвычайно тщательно написаны: вся вторая глава Онегина и отрывки третьей, именно разговор Тани с нянею и письмо Тани. (Тетрадка исполнена ошибок орфографических, но писана так тщательно, что я полагаю, что она литографирована). Вот варианты и дополнения к печатному тексту (издание 1838 г.).

1

I строфа, 4 стих: Благословить *он* небо мог.

2

IV строфа: Вместо *Мужик* судьбу благословил —
И раб судьбу благословил.

3.

V: Вместо: Заслышат их домашни дроги —
Домашние завидят дроги.

4.

V. Вм: С душою прямо Геттингенской —
Душой *филистер* геттингенский.—В той же строфе, в тетрадке пропущен стих:

5 и 6.

Он из Германии туманной. — Далее, в 12 стихе вместо *странный*, в тетрадке: *страстный*.

7.

Вот пропущенные в печатном издании 5 стихов VIII-й строфы...

...избранные судьбами
Людей священные друзья,

Стр. 342.

Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит.

8.

XI строфа, стих 14: *Еще был менее* умен.

9.

XIII, 6. Вместо: *Стихи и проза* лед и пламень — заря и полночь, лед и пламень.

10.

XIV, 14: *В иных-же* чувство уважал.

11.

XVI, 3: Племен минувших *заговоры* (в печати: *договоры)*

12.

6 и 7: И гроба таинства немые,
И жизнь и Рок, в свою чреду.
в печати: И гроба тайны гробовые,
Судьба и жизнь, в свою чреду.

---

[15] Этими сведениями я обязан Ю. М. Соколову, которому и приношу свою благодарность.

13.

XXVIII, в тетрадке пропущен 11-й стих:

При отуманенной луне.

14.

XXXI, ст. 13: Привычка *небом* нам дана, — в печати: *свыше*

15.

XXXIII, 3: Звала Полиной Парасковью — в печати: звала Полиною Прасковью.

16.

12: Акулькой прежнюю *Алину* в печ.: *Селину.*

17.

В тетрадке находятся следующие 7 стихов XXXV-й строфы, означенные, как и выше, в VIII-й строфе точками в теперешнем издании:

Два раза в год они говели,

Стр. 343.

Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод.
В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучек зори
Они роняли слезки три.

В третьей главе:

XVIII, 13 и 14: Мне с пеньем косу заплели
Да с плачем в церковь повели.
И вот ведут в семью чужую....

В печати:

Мне с плачем косу расплели,
И с пеньем в церковь повели.
И вот ввели в семью чужую...

ibid. стих. 13:

И няня с тихою мольбой

В печати:

И няня девушку с мольбой.

XX, 2

Старушке *горестной* она

В печати:

Старушке *с горестью* она.

(Отрывок в тетрадке начинается I стихом XVII строфы «Не спится, няня...» и оканчивается 12 стихом XX-й строфы: старушку в длинной телогрейке, при чем пропущен стих: С платком на голове седой).

Стр. 344.

В письме Татьяны:

Напечатано: . . . . . моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела...

В тетрадке: . . . . . моего стыда
Вы не узнали б никогда —
Я сердце б сохранить умела,
Когда б надежду лишь имела.

Напеч.:

А мы... ничем мы не блестим

В тетрадке: А мы ничем здесь не блестим,

Вместо: Не знала б горькаго мученья — в тетрадке: *тайнаго* мученья. После этого стиха в тетрадке следуют:

Моя смиренная семья,
Уединенные гулянья,
Да книги — верные друзья —
Вот всё бы, что любила я!

В следующем за ним стихе вместо *волненья* в тетрадке: *мечтанья*

Души неопытной мечтанья.

Вместо: Не отдала бы сердца я — в тетрадке: Не отдала бы я себя.

В печати:

Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты: мой Ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомненья разреши.

В тетрадке:

Приникнул тихо к изголовью,

Стр. 345.

Слова надежды мне шепнул.
И оживил тоску любовью?
Кто — Ангел ты иль что другое?
Мои сомненья разреши.

Стих: «Рассудок мой изнемогает» пропущен в тетрадке.

(Письмо в тетрадке заключается стихом: «Увы! заслуженным укором!» — в печати еще 4 стиха).

С. А. Соболевский помнит еще эти стихи из Онегина:

О двойка! ни дары свободы
Ни Феб, ни Ольга, ни пиры
Онегина в минувши годы
Не отвлекли бы от игры
. . . . . .
. . . . . .
От вечера и до разсвета
Готов бывал он в эти лета
Допрашивать судьбы завет,
Налево ляжет ли валет.

Вторая глава «Евгения Онегина», оконченная в декабре 1823 г., была переписана Пушкиным в конце марта — апреле 1825 г. и была послана в Петербург с Дельвигом с тем, чтобы тот передал ее Л. С. Пушкину для отсылки в Москву кн. П. А. Вяземскому. Хотя Пушкин в приписке к тексту главы романа и писал брату: «Доставь это Вяземскому, повторив просьбы, чтоб он никому не показывал да и сам не пакости», Левушка не удержался и «распустил» текст главы. Через девять месяцев, 21 января 1826 г., Плетнев писал Пушкину: «Умоляю тебя напечатать одну или две вдруг главы Онегина. Отбоя нет: все жадничают его. Хуже будет, как простынет жар. Уж я и то боюсь: стращают меня, что в городе есть списки второй главы» (АкП I, стр. 320). Вскоре (в начале февраля) об этом же писал Пушкину и Дельвиг: «Твоя 2-я песнь «Онегина» везде читается и пе-

реписывается. Я не только что никому ее не давал, да и сам не имею. Твой экземпляр отдал Вяземскому...» (АкП I, стр. 324).

Таков был источник списков второй главы «Евгения Онегина». Но он был не единственный. Кроме списка Вяземского (в настоящее время хранится в ГАФКЭ), перебеленный Пушкиным текст второй главы романа был еще у Жуковского (хранится в ПБЛ). С этих автографов Пушкина и пошли, надо думать, многочисленные списки. Из них до сих пор был известен список, бывший у П. П. Каверина. Варианты этого списка опубликованы Ю. Н. Щербачевым в его работе «Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин». М., 1913, стр. 155—158.

С текстом автографа, бывшего у Вяземского, совпадают варианты: 2, 4, 7—9, 12, 14, 15 и 17 списка, бывшего у Полторацкого. Остальные варинты: 1, 3, 5, 6, 10, 11, 13 и 16 — ошибки и домыслы переписчиков.

Разговор Татьяны с няней был послан Пушкиным издателям «Полярной Звезды» К. Ф. Рылееву и А. А. Бестужеву для напечатания в этом альманахе. Вместо «Полярной Звезды на 1826 г.» должен был выйти альманах «Звездочка». К 14 декабря 1825 г. восемьдесят страниц и в частности отрывок из «Евгения Онегина» были набраны, но события этого дня остановили набор, и альманах не вышел в свет. Разговор Татьяны с няней, а также и письмо Татьяны были отданы Пушкиным Дельвигу, который и напечатал отрывки в «Северных Цветах на 1827 г.»

Рукопись разговора Татьяны с няней, посланная Пушкиным Рылееву и Бестужеву, впоследствии принадлежала Н. Н. Раевскому (теперь в ПД). Текст ее напечатан Б. Л. Модзалевским в ПСв., в. II, стр. 17—19.

Варианты списка, бывшего у Полторацкого, совпадают с текстом этого автографа[16]. Что же касается вариантов списка, бывшего у Полторацкого, письма Татьяны, то они не совпадают с текстами известных теперь рукописей Пушкина.

Стихи «О двойка! ни дары свободы», сообщенные Соболевским, были впервые напечатаны Лонгиновым в «Современнике» 1856, № VII, июль, отд. I, с таким объяснением: «Вот несколько стихов из пропущенной и уничтоженной поэтом строфы 2-й главы «Онегина». По смыслу их можно догадываться, что они должны были поместиться после 17-й строфы этой главы, где дело идет об игре». Приведя стихи в тексте, совпадающем с текстом Бартенева, Лонгинов продолжал: «Эти стихи были написаны Пушкиным при одном из его друзей С. А. С. [т. е. С. А. Соболевском. — *М. Ц.*], который их запомнил и сообщил мне».

Стихи эти не могли быть написаны Пушкиным при Соболевском, так как четыре черновых строфы второй главы, вместо которых в окончательном тексте стала одна (XVII-ая) строфа, были написаны Пушкиным в Одессе в 1823 г. в тетради, ныне хранящейся в ЛБ (№ 2369, л. 30_2—31_1).

Имеются эти строфы и в перебеленном тексте второй главы, посланном Жуковскому (рукопись хранится в ПБЛ). В тексте же главы, написанном в конце марта—апреле 1825 г. кн. Вяземскому, этих строф уже нет.

В рукописи второй главы, имевшейся у Жуковского, одна из строф читается[17]:

О двойка ни . . .
[к картам] . . . дары
[Страсть к банку!] ни [любовь] свободы
ни дамы
[Ни Феб, ни Ольга], ни пиры
Онегина
[Не отвлекли б] в минувши годы
Не отвлекли[18] бы
[Меня от карточной] игры;

[16] Только в 13 стихе XVIII строфы «заплели» — ошибка переписчика, вместо «расплели» автографа.

[17] Транскрипция сделана Т. Г. Зенгер.

[18] В рукописи описка: отли

Задумчивый, всю ночь до света,
он прежни
Бывал готов [я] в [эти] лета
Допрашивать судьбы завет:
На лево ляжет-ли Валет?
Уж раздавался звон обеден
орванных
Среди раз[бросанных] колод
Дремал усталый банкомет,
он
А [я] нахмурен, бодр и бледен
Надежды полн закрыв глаза
Пускал на
[Гнул угол] 3-го туза[19]

Текст, записанный Соболевским, близок к тексту этой строфы[20].

Интересно то, что Соболевский слышал эту строфу от Пушкина, то-есть не ранее 1826—1827 гг., тогда как она была исключена из II главы еще в 1824—1825 гг. Это говорит о том, что Пушкин очень дорожил ею и может быть, не желая обнаруживать ее автобиографичности, читал ее уже примененной к герою своего романа.

Стр. 347.

(На лоскутке).

Впрочем это уже мой последний либеральный бред, и на днях я написал басню в подражание умереннаго Демокрита:
приписка карандашом:
верно демократа

Изыде сеятель сеяти слово свое

Свободы сеятель пустынный

После текста:

в Одессе.

Копия части письма Пушкина к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. (№ 68 МПП), впервые напечатанного в РА 1866, стб. 654—656. Копия сделана не с подлинника — в прозаической части пропуски и ошибки.

Текст стихотворения одинаков с текстом подлинника письма (по № 68 МПП), принадлежавшего И. Ф. Золотареву (1810—1881).

---

[19] Транскрипция этой строфы, очень несовершенная, сделана М. Л. Гофманом в его работе «Пропущенные строфы «Евгения Онегина» ПСв, 33—35, стр. 70—71): так вместо «Ольга» он читает вслед за Морозовым «слава», знак восстановления под словами: «Страсть к банку» понимает как подчеркивание этих слов и печатает их курсивом и т. д.

Б. В. Томашевский в приложении к «Евгению Онегину» (КН IV, стр. 195) дает редакторскую сводку этой строфы, при чем принужден не принимать поправок первого лица на Онегина, так как Пушкин не исправил соответственно смежных строф. Спорен окончательный вид первого стиха у Томашевского. Знак восстановления вероятно относится к тому моменту, когда вычеркивался вариант: «[Страсть] к картам». В последнем чтении строфа повидимому должна была начинаться стихом:

«О двойка! ни дары свободы»,

что подтверждается и записью Соболевского.

[20] Близок текст Соболевского и к копии Одоевского в бумагах Плетнева (см. Я. Грот «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники». СПБ., 1899, стр. 154—155), так как она сделана очевидно с вышеприведенного автографа строфы (это отмечено еще Гофманом в названной работе, стр. 72); но Соболевский не списывал с этой копии, — есть существенные расхождения с нею.

Стр. 349.

Сказали раз царю, что наконец

Под текстом запись:

Риего был удавлен в Мадриде, в исходе 1823 года.

Перебеленный текст стихотворения имеется в тетради Пушкина (№ 2370 ЛБ). Впервые стихотворение напечатано Гербелем в Гр[1], стр. 21. Отличия копии Бартенева от текста автографа (по ГХЛ I, стр. 369):

6. Всех удивил поспешный приговор
7. Риего был, конечно, очень грешен,
10. Ругаться этак нам над жертвой палача?
12. Не захотел своей улыбкой ободрить.
14. И в самой подлости осанку благородства.

Стр. 353—356.

1.

Недвижный страж дремал на царственном пороге

Автограф этого стихотворения, бывший в кабинете Пушкина в день его смерти, впоследствии вошел в число тех рукописей, которые остались у П. В. Анненкова, а затем перешли к Л. Н. Майкову. Ныне хранится в ПД. Впервые отрывок стихотворения (с 26 стиха: «И некий дух...») с пропуском ряда стихов из-за цензурных требований был напечатан Лонгиновым в «Современнике» 1857, № 11, а затем Анненковым в А VII, стр. 108—109, назвавшим стихотворение «давно известной пьесой из рукописных сборников». Текст публикаций Лонгинова и Анненкова совпадает с копией Бартенева (не принимая во внимание цензурных искажений). Впервые полностью стихотворение напечатано Герценом в «Полярной Звезде на 1859 г.», стр. 21—22. По автографу стихотворение напечатано Морозовым в Ак III, стр. 197—199.

Отличия копии Бартенева от текста автографа (по ГХЛ I, стр. 341—343):

10. От Царскосельских лип до башен Гибралтара
22. Стих пропущен
30. На царственный порог вперял, смутясь, он очи
35. Сей всадник перед кем склонялися цари
36. Мятежной вольницы наследник и убийца
41. Ни пламень гаснущий нахмуренных очей
56. Перед юношей-царем в Тильзите предстоял.

В ст. 18 исправлено:

«давно ль судьбой» на: «давно ли участью».

Стр. 357—358.

Воспоминания в Царском Селе.

Воспоминаньями смущенный

кончая:

Вот Наваринский Ганнибал.

Черновой автограф стихотворения находится в тетради № 2382 ЛБ. Как уже указано (см. стр. 493) копия снята Бартеневым вероятно с копии Плетнева, сделанной им с автографа поэта. Впервые первые восемь и последние шестнадцать стихов стихотворения были напечатаны Бартеневым в БПМ 1854, № 117 от 30 сентября. Текст их совпадает с текстом копии Бартенева. Полностью стихотворение впервые напечатано в А I, стр. 231—232 Анненковым, писавшим: «Только значительный навык, приобретенный нами в разборе его рукописей, помог нам списать в точности и сохранить это драгоценное, во многих отношениях, стихотво-

рение». Копия Бартенева отличается от текста, опубликованного Анненковым, в ст. 18. У Бартенева: «Когда средь вас возник лицей», а у Анненкова: «Когда средь них возник лицей». Чтение Бартенева правильно.

Стр. 359—360.

«Литературная Газета», изд. б. Дельвигом, т. II, 1830, № 43 от 30 июля, в отделе: «Смесь»): Собрание насекомых

стихотворение А. С. Пушкина.

Списано всё стихотворение и напечатанное вслед за ним объяснение редакции «Литературной Газеты». Затем идет замечание Бартенева:

В издании 1838 г. стихотворение перепечатано верно, что касается до текста, с ошибками в знаках препинания, впрочем незначительными.

Следующие стихи читаются:

Вот ** божия коровка,	Глинка
Вот **** злой паук,	Каченовский
Вот и ** российский жук	Свиньин
Вот ** черная мурашка	Олин
Вот ** мелкая букашка	Раичь

Фамилии приписаны другими чернилами и точно бы не рукой Бартенева.

Погодин в письме к Шевыреву от 23 марта 1830 г. передает своими словами эту эпиграмму так: «Пушкин поет твои куплеты и отпаливается эпиграммами. Вот содержание одной: „у меня есть собрание насекомых, вот Гл. божия коровка, вот Кач. злой паук, и Св. российский жук... Вот Р [т. е. Раич. — *М. Ц.*], гадкая козявка".

В записи Бартенева о вечере у Погодина 7 октября 1851 г., на котором присутствовали кроме Бартенева и Погодина П. В. Анненков, П. В. Нащокин, Л. А. Мей и Б. Н. Алмазов, фамилии идут в таком порядке: Олин, Каченовский, Свиньин, Глинка и Раич. См. РоП стр. 31. На вопрос (в 1849 г.) Я. Грота, кого нужно разуметь под звездочками, Плетнев писал: «Глинка (Фед.) — божия коровка, Каченовский — злой паук, Свиньин — российский жук, Рюмин (Бестужев) — издавал какой-то журнал, Борька (Федоров, Борис) — мелкая букашка. См. «Переписка Я. Грота с Плетневым», т. III, стр. 401. Иначе звездочки раскрыты в БЗ 1858 № 11, стб. 345: Глинка, Каченовский, Свиньин, Т—в, Раич. Наконец, в Г[1] I, стр. 429: Г(линк)а, Каченовский, Свиньин, Олин, Раич. Последнее чтение принято всеми последующими редакторами.

Таким образом является несомненным, что под «злым пауком» и «российским жуком» нужно разуметь Каченовского и Свиньина. Несомненно также, что «божия коровка» — Ф. Н. Глинка, и что Бартенев в своей записи о вечере 7 октября 1851 г. ошибочно переставил одну на место другой фамилии Глинки и Олина. На пятом месте у всех, кроме Плетнева, стоит Раич, которого очевидно и разумел Пушкин под «мелкой букашкой». В «черной мурашке» нужно видеть вероятно Олина.

Стр. 361—362. Копия стих. «Я вас узнал, о мой оракул» из «Литературной Газеты» 1830, № 3.

Стр 363.

На смерть Анны Львовны Пушкиной

«Ах, тетушка! ах Анна Львовна

Стихотворение это имеется в письме Пушкина к Вяземскому от конца апреля 1825 г., впервые напечатанном в РА 1874, I, стб. 152—153. Впервые «элегия» была напечатана Гаевским в его четвертой статье «Дельвиг» в «Современнике» 1854, сентябрь, отд. III, стр. 18.

Копия Бартенева отличается и от текста автографа и от текста, опубликованного Гаевским.

Отличия текста Бартенева от текста автографа (ГХЛ I, стр. 494):

1. Ах, тетушка! ах Анна Львовна
3. Ты к папиньке была любовна,
4. Ты к маменьке была добра!
5. Тебя Матвей Петрович кровный
6. Встречал всегда среди двора,
7. Тебя Елизавета Львовна
8. Любила больше серебра.
10. Делила ты и хлеб и соль
11. Стих пропущен
12. Со Львом Сергеичем давно ль
13. Но вот уже Василий Львович
14. Стихами гроб твой окропил,
15. Зачем стишки его попович,
16. Подлец Красовский пропустил!

Стр. 365—366.

Арион.

Копия стихотворения из «Литературной Газеты» 1830, № 43.

Стихи эти, написанные рукою Пушкина, находятся в его бумагах, оставшихся по смерти. Они были напечатаны без подписи имени в Литерат[урной] Газете Дельвига, 1830, т. II, № 43, стр. 52.

Арион — игрок на цитре, из Метимна, что̀ на Лесбосе, спасенный дельфином: любимец Периандра Коринфского. Gell. 16, 19. Ovid F. 2, 80.

Черновой автограф стихотворения находится в т. № 2367, л. 36, ЛБ. Из «Литературной Газеты» Арион был перепечатан Лонгиновым в «Современнике» 1857, март, стр. 91—92, а затем Анненковым в А VII, стр. 41—42.

Ссылки Бартенева на источники рассказа об Арионе значат: «Gell. 16, 19» — Авл. Геллий «Аттические ночи», кн. 16-я отрывок 19. «Ovid. F.2,80» — Овидий «Фасты», кн. 2, стих 80.

Стр. 367—368.

Друзьям

Нет, я не льстец, когда царю

Полного текста этого стихотворения в автографе неизвестно. По копии впервые напечатано Анненковым в А VII, стр. 37—38. Отличия копии Бартенева от текста, опубликованного Анненковым:

16. Простер — и снова с вами я!
19. И я в сердечном умиленьи
20. Его ль хвалой не воспою?
26. Губи природы голос нежный;
28. Разврат и некий дух мятежный!

Стр. 369. Копия стихотворения «Дон» в «Литературных прибавлениях к «Русскому Инвалиду» 1831, № 83.

Стр. 371.

У С. Д. П.

С собственноручной рукописи Пушкина (от Хлюстина)

В Академии Наук
Заседает князь Дундук

Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому, что жопа есть.

Запись сделана той же рукой, что на л. 186₂ (М. Н. Лонгинова) Инициалы «С. Д. П.» означают конечно., Серг. Дм. Полторацкого (1803—1884). Сем. Сем Хлюстин (1811—1844) — знакомый Пушкина, с которым у него было столкновение в феврале 1836 г. Автограф, о котором говорит эта запись, неизвестен. Странно, что Полторацкий в своей копии составленного Лонгиновым рукописного сборника произведений Пушкина при тексте этой эпиграммы не отметил, что у него имеется автограф Пушкина. Но зато в этом сборнике имеется такая приписка Соболевского: «Пушкин мне говорил впоследствии, что он уважает и любит Дундука и что очень жалеет об этой эпиграмме. Соболевский».

Впервые эпиграмма напечатана Гербелем в Гр[1], стр. 101, а затем Огаревым в О стр. 86. Кроме копий Бартенева и Лонгинова мне известна копия в рукописном сборнике стихотворений Пушкина, принадлежавшем П. Я. Дашкову и ныне хранящемся в ПД. Наконец текст эпиграммы в записи Н. В. Кукольника опубликован Л. Ильинским в ПСв, в. XXXVIII—XXXIX, стр. 211. В РА 1892, № 8, стр. 489—490 Бартенев напечатал рассказ об эпиграмме, слышанный им от А. А. Краевского.

Стр. 373—374. Копия со сцены из «Бориса Годунова» «Ограда монастырская». («Что за скука, что за горе наше бедное житье») в «Литературных прибавлениях к «Русскому Инвалиду» 1834, № 3.

Стр. 375—378.

На выздоровление Лукулла.

Ты угасал, богач младой.

После текста стихотворения:

По общему отзыву, богач — ныне живущий еще Дм. Ник. Шереметев, наследник — бывший министр *Уваров*. Пушкин за это имел неприятности. Оттого это стихотворение и не было перепечатано в полное собрание.

Шереметев был болен, живя в какой-то своей деревне. В Петербург к его многочисленной дворне стали приходить известия о его болезни. Люди собирались в церквах, служили молебны об его здоровьи. Наконец прискакал фельдъегерь с известием, что жизнь его на волоске и что он вероятно уже умер. Тогда Уваров явился запечатывать дом. Соболевский сказывает также, что Пушкин в особенности любил в этом стихотворении стих: «Как ворон к мертвечине падкой».

Когда Бенкендорф призвал Пушкина и спросил его [с угрозою], на кого он написал эти стихи, тот с смелою любезностью отвечал: «На вас!» Бенкендорф рассмеялся, и Пушкин убедил его, что Уваров имеет одинаковое с ним, Бенкендорфом, основание почитать себя обиженным.

Слова: «с угрозою» зачеркнуты карандашом, а на полях карандашом написано.

Соб. Бенкендорф был учтивый человек:

т. е. Соболевский возражал против утверждения, что Бенкендорф спросил с угрозою, потому что, мол, Бенкендорф был учтивый человек.

Прим. к стиху: «Не стану няньчить ребятишек»:

По неудовольствию с Министром А. Н. Голицыным принужденный оставить место Попечителя СПб. учебнаго округа, Уваров посту-

пил в Министерство финансов (оставаясь Президентом Академии Наук). Он заискивал расположение Канкрина, ласкал детей его и до того часто ходил к ним в детскую и осведомлялся о здоровье, что его считали как будто за лекаря и дети показывали ему язык (Вигель).

Прим. к стиху: «Жену обсчитывать не буду»:

Бо́льшая часть имения Уварова принадлежала жене его, дочери Министра народного просвещения, Анне Алексеевне Разумовской, на которой он женился по расчету, ибо перед тем вследствие неудавшегося откупа или какой-то денежной сделки всё состояние Уварова поколебалось и погибало.

Прим. к стихам: «И воровать уже забуду Казенные дрова»:

Пользовался, говорят, дровами из Академии Наук.

Стихотворение написано летом или раннею осенью 1835 г. Вигель сказывает, что на *казенные дрова* указал Пушкину он.

Когда Шереметев умирал, Уваров, в Государственном совете жаловался на лихорадку. «Ah! — заметил ему вслух граф Литта — c'est la fièvre d'impatience!» * Это было известно в высшем обществе.

* Ах, это лихорадка нетерпения!»

Наследником Уваров приходился потому, что Шереметев был сын Николая Петровича, а мать жены Уварова была Варвара Петровна.

Стихотворение «На выздоровление Лукулла», впервые напечатано в сентябрьской (II-й) книжке «Московского Наблюдателя» за 1835 г., вышедшей в свет в последних числах декабря этого года. Ни в посмертное издание собрания сочинений Пушкина, ни в издание Анненкова, ни в первое издание под ред. Геннади (1859 г.) стихотворение из-за требований цензуры не вошло. Запись о разговоре Пушкина с Бенкендорфом сделана вероятнее всего со слов Вигеля, от которого Бартенев получил сведения для своих примечаний. Таким образом эта запись подтверждает в основном рассказ П. В. Нащокина (конечно в приукрашенном изложении Н. И. Куликова) со слов Пушкина о том, как он разговаривал с Бенкендорфом по поводу стихотворения. См. РС 1881, август, стр. 616—618.

Первое примечание, как указано самим Бартеневым, написано со слов Ф. Ф. Вигеля, в своих воспоминаниях умолчавшего о том, что́ записано Бартеневым.

Второе примечание несомненно также написано со слов Вигеля, рассказывающего об этом же в своих воспоминаниях. См. «Записки Ф. Ф. Вигеля». Часть четвертая. М., 1892, стр. 170.

Запись о словах гр. Литта, тоже вероятно сделанная со слов Вигеля, подтверждается письмом кн. П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 25 октября 1835 г., где есть такие строки: «Здесь было пронесся лживый слух о смерти богача Шереметева, который в Воронеже. В Комитете министров кто-то сказал qu'il avait la fièvre scarlatine. «Et vous avez la fièvre de l'attente» (что у него скарлатинная лихорадка. «А у вас лихорадка нетерпения») сказал громогласным голосом своим Литта, оборотившись к Уварову, который один из наследников Шереметева. Уж прямо как из пушки выпалило». См. «Остафьевский архив князей Вяземских», кн. III. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, СПБ., 1899, стр. 277.

В примечании Бартенева к копии стихотворения Уваров назван «бывшим министром». Пост министра народного просвещения Уваров оставил 9 октября 1849 г., почему копия не могла быть снята Бартеневым ранее этого времени. С другой стороны, она не могла быть снята позднее 4 сентября 1855 г., так как в этот день Уваров умер. Если бы Бартенев писал после этого дня он конечно назвал бы Уварова «покойным».

Стр. 376. Копия заметки о Ромео и Джюльете в «Северных Цветах на 1830 г.».

Стр. 380. Копия эпиграммы «Там где древний Кочерговский» в «Московском Телеграфе» 1829, № 8.

Стр. 383.

19 Мая 1828 г.

Я вижу в праздности, в неистовых пирах

Вторая часть стихотворения «Воспоминание», впервые напечатанного в «Северных Цветах на 1829 год». Из этого стихотворения Пушкин напечатал лишь первую часть. Вторая часть впервые напечатана была Анненковым в А I, стр. 197 по черновому автографу в тетради Пушкина (№ 2371 ЛБ). Копия Бартенева совпадает с текстом, напечатанным Анненковым, но дата: «19 мая 1828 г.», стоящая у Анненкова под текстом стихотворения, у Бартенева стоит как заглавие. Текст автографа см. ГХЛ II, стр. 356.

Стр. 385.

Дар случайный, дар напрасный
Жизнь, зачем ты мне дана?
Ум молчит, а сердцу ясно

Под текстом стихотворения запись:

(Напечатано в Хрестоматии Галахова).

Списанное Бартеневым из «Полной русской хрестоматии», составленной А. Галаховым (ч. II. Поэзия. М. 1843, стр. 205) стихотворение, подписанное: «θ», принадлежит И. П. Клюшникову.

Стр. 386.

Не напрасно, не случайно

Под текстом стихотворения запись:

(Напечатано в Звездочке 1848 г. № 10, старшего возраста).

«Не напрасно, не случайно» — стихотворение митрополита Филарета (Дроздова).

Стр. 387.

Карандашом:

Паралель между Моей родословной и местом въ запи [т. е. записках. — *М. Ц.*] поэта. Москва, ее значение. Отзывы об ней П-на.

Чернилами:

Александръ Петровичь Пушкинъ. — Сарра Алексей [Петровичь] Тамб. воев.

Левъ Ал-чь — Сынъ Ибрагима Осип Абрам + моя баб. Марья Алексеевна — С. Львовичь

Надежда Осиповна

Ал-дръ Сергеевичь (несообразность: дедъ мой умеръ въ 1707 году въ св. Пск. деревне

176
177
153
173
183
198
25

223

Верхом вниз по отношению к остальному тексту:

О стих. Дмитр.
о причащ. Г—ря
О Колл. советн.
О Голубкове

Эта страница — транскрипция теперь неизвестно где находящегося автографа Пушкина. Текст написан на листке в 8 д. л. (17,3 × 10,2), вероятно копирующем размер листка автографа Пушкина. Написанное на верху страницы карандашом является замечаниями Бартенева по поводу первой записи Пушкина. Бартенев указывает на то, что в «Моей родословной» и в начатых автобиографических записках Пушкина, называемых редакторами «Родословная Пушкиных и Ганнибалов», поэт говорит о своих предках. Слова о Москве нужно объяснить тем, что предки Пушкина (со стороны отца), начиная с прапрадеда Петра Петровича Пушкина (ум. в 1661 г.), были москвичами. Об этом писал Бартенев в своей статье «Род и детство Пушкина» («Отечественные Записки» 1853, № 11, отд. II, стр. 10). В генеалогической записи Пушкина, показывающей родство отца и матери поэта, допущена ошибка. Прадед поэта по матери Алексей Пушкин (1717 — 1777), женатый на Сарре Юрьевне Ржевской, был не братом прадеда поэта по отцу Александра Петровича Пушкина (ум. в 1725 г.), а племянником, и звали его Алексеем Федоровичем. Вследствие этой ошибки по записи выходит, что отец поэта приходился своей жене троюродным братом, тогда как в действительности он приходился ей троюродным дядей. Согласно с этой записью Пушкин и писал в своей «Родословной Пушкиных и Ганнибалов»: «дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатным братом моей матери)».

Непонятно замечание Пушкина: «несообразность: дед мой умер в 1707 году в своей Псковской деревне». Дед Пушкина по матери Осип Абрамович Ганнибал (р. в 1744 г.) умер не в 1707, а в 1806 г. Очевидно Пушкин описался, неверно считая годом смерти деда не 1806, а 1807 г. См. «Родословную Пушкиных и Ганнибалов», где Пушкин писал: «Дед мой умер в 1807 году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни».

Записи чисел и подсчет не поддаются расшифровке. Последняя запись представляет собою, может быть, список статей и заметок, намечавшихся в затевавшуюся в 1831—1832 гг. Пушкиным политическую газету. В этой газете предполагалось помещать придворные известия, чем может быть и объясняется запись: «о причащении Государя», как вероятно надо дешифрировать запись. Слова «О стих. Дмитр.» может быть разумеют статью Пушкина о стихотворении И. И. Дмитриева «Путешествие (В. Л. Пушкина) в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия». М., 1808, написанную позднее для «Современника», но там не напечатанную. Что означают слова: «О Колл[ежских] совет[никах]» и «О Голубкове» — объяснить не можем. Но возможно, что вся запись относится к анекдотам, которые должны были войти в сборник «Table talk».

Стр. 388.

Когда б не смутное волненье

Очевидно копия этого стихотворения сделана с автографа Пушкина на обороте того листка, первая страница которого занята записями Пушкина, скопированными Бартеневым на предыдущей (387) странице.

Впервые стихотворение напечатано в «Современнике» 1857, январь, отд. I, стр. 1, а затем Анненковым в A VII, стр. 46—47 первой пагинации по автографу, теперь неизвестно где находящемуся. Другой автограф (черновой) имеется в тетради Пушкина (№ 2375 ЛБ). Отличия копии Бартенева от текста, напечатанного Анненковым:

1. Когда б не смутное волненье
5. Забыл бы этой жизни...[21]
7. Всё только б слушал этот лепет,

Под текстом подпись: Пушкин. Пометы, о которой говорит Анненков: «1833, дорога, Сентябрь», у Бартенева нет.

Стр. 389. Рукою Соболевского:

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем
Восторгом чувственным, безумством, иступленьем,
Стенаньем, криками Вакханки молодой
Когда, виясь в моих объятиях змией
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содраганий!

О как милее ты, смиренница моя!
О как мучительней тобою счастлив я,
Когда, склонясь на долгия моленья
Ты предаешся мне, нежна безъ упоенья,
Стыдливо холодна восторгу[22] моему
Едва ответствуешь, не внемлишь ничему
И оживляешся[23] потом все боле, боле
И делишь наконец мой пламень по неволе! —
1830.

Над текстом рукой Бартенева позднейшая помета:

Писано рукою Соболевского.

Другими чернилами, рукою, надо думать, Соболевского поставлены знаки препинания во второй строфе: в конце четвертого стиха точка с запятой (вместо бывшей запятой); в пятом стихе соединительная черточка (дефис) между словами: «стыдливо» и «холодна» и запятая после слова «холодна»: в шестом стихе точка с запятой (вместо бывшей запятой) после слова «ответствуешь» и точка с запятой в конце стиха; в седьмом стихе подправлены в слове «потомъ» буквы «п», «т» и «ъ», и поставлена запятая в конце стиха; в восьмом стихе подправлены «п» в слове «пламень», «н» в слове «неволе» и восклицательный в конце стиха. К дате года справа рукой Бартенева приписано:

«19 Генваря».

Автограф стихотворения неизвестен. Впервые оно было напечатано, по позднейшему свидетельству Ефремова (в E^4 VIII, стр. 341), чрез его посредство по списку, сообщенному ему М. Е. Борисоглебским и сделанному тоже с копии, в БЗ 1858, № 7, стб. 203. Список Борисоглебского в настоящее время тоже неизвестен. Кроме публикуемого списка Соболевского нам известен список в сборнике Лонгинова — Полторацкого. Здесь пьеса названа: «Антологическое стихотворение», а после текста имеется примечание Лонгинова: «Эта бесподобная пьеса найдена в бумагах Пушкина П. В. Анненковым. Написана 19-го января 1830 г.»

Отличия текстов БЗ и сборника Лонгинова—Полторацкого (Л) от списка Соболевского в тетради Бартенева (кроме орфографии и пунктуации):

4.	Порывом пылких ласк и язвою лобзаний	БЗ
	Позывом пылким ласк и язвою лобзаний	Л
8.	О как мучительно тобою счастлив я	БЗ Л
9.	Когда склоняяся на долгия моленья	Л
13.	И разгораешься потом всё боле, боле	БЗ

[21] Очевидно Бартенев не разобрал слово «трепет».
[22] В копии описка: востору
[23] В копии: оживаешся

Но разгораешься потом всё боле, боле Л
14. И делишь наконец восторг мой по неволе Л

В БЗ под текстом имеется дата: 1830.

На основании этой даты Геннади в $Г^1$ и $Г^2$ поместил стихотворение среди стихотворений 1830 г. Ефремов в $Е^1$ (III, стр. 253) дал текст БЗ, кроме 8 стиха, который у Ефремова читается: «О как мучительней тобою счастлив я» и даты, которая у Ефремова «19 января 1832 г.» В примечании ($Е^1$ III, стр. 442) Ефремов писал, что стихотворение «во всех трех печатаниях [т. е. в БЗ, $Г^1$ и $Г^2$. — М. Ц.] неправильно отнесено к 1830 г., вероятно по ошибке переписчика в помете стихотворения». Это заявление показалось убедительным, и всеми последующими редакторами до Брюсова включительно стихотворение датировалось 1832 г. Так же датировал его и Б. В. Томашевский в первом издании (1924 г.) Ленгиза сочинений Пушкина в одном томе. Но начиная со второго издания стихотворение датируется Б. В. Томашевским уже 1830 г. Этим же годом (со знаком вопроса) датировано оно и мною в КН и ГХЛ.

Стр. 390. Рукою Соболевского:

Во глубине Сибирских руд
Храните гордое терпенье
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра
Надежда, в мрачном подземельи
Возбудит радость и веселье,
Придет желанная пора.
Оковы тяжкия спадут.
Темницы рухнут и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам подадут.

1826.

Рукою Бартенева сбоку:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Наверху страницы позднейшая приписка рукой Соболевского:

При посылке Цыган и 2-ой песни Онегина ссыльным.

Одновременно с этой припиской Соболевским в прежнем своем списке стихотворения зачеркнута запятая после слова: «Надежда», переправлено «И» в «А» в последнем стихе, в этом же стихе выскоблено слово: «мечь», вместо него поставлен знак сноски (крест), а под стихотворением приписано:

(х) в списке здесь поставлено: *мечь,* но я *твердо* помню, что когда Пушкин мне эти стихи читал (а они сочинены им у меня в доме), то это было иначе. П[ушкин] тогда слишком был благодарен Государю за оказанные ему милости, чтобы мысль такая могла ему придти в голову.

Автограф стихотворения неизвестен. Впервые оно было напечатано Герценом в «Полярной Звезде на 1856 г.» В России послание впервые напечатал Бартенев в РА 1874, II, стб. 703. Отличия текста «Полярной Звезды» от текста Соболевского:

7. Разбудит бодрость и веселье

9—12. Текст пропущенных Соболевским стихов в «Полярной Звезде» такой же, как и приписанный Бартеневым.

13. Оковы тяжкие падут
16. И братья меч вам отдадут.

Указание Соболевского, что послание декабристам было послано Пушкиным вместе с книжками «Цыган» и второй главы «Евгения Онегина», не совсем верно. Послание, как известно, было передано Пушкиным А. Г. Муравьевой в первых числах января 1827 г., а «Цыганы» вышли в свет лишь в мае этого года. (См. Синявский и Цявловский «Пушкин в печати». М., 1914, стр. 43). Поэтому к посланию Пушкин мог приложить лишь вторую главу «Евгения Онегина», вышедшую в свет в октябре 1826 г. (См. там же, стр. 37). Приписка Соболевского по поводу выскобленного им слова «мечь» в последнем стихе производит странное впечатление. Ведь это слово сам же он написал. «Меч» имеется во всех известных нам списках, в том числе в двух неопубликованных списках, бывших в бумагах И. И. Пущина, при чем один из них руки самого Пущина.

Стр. 391—392.

Наперсница волшебной старины.

Автограф стихотворения был среди рукописей, оставшихся у Анненкова после его работы над собранием сочинений Пушкина, а теперь хранится в ПД. Впервые из стихотворения 13—16 стихи напечатал сам Бартенев в БПМ 1854 г., № 118 от 2 октября с пометой: «Из одного неизданного стихотворения». Полностью стихотворение напечатано Анненковым в А I, стр. 41. Отличий копии Бартенева от текста автографа (по ГХЛ I, стр. 315—316) нет. Тем не менее нет оснований утверждать, что копия Бартенева сделана непосредственно с автографа.

Стр. 393.

Мирская власть.
Когда великое свершилось торжество

Под текстом дата:

1 Июня 1836.

Автограф стихотворения неизвестен. Впервые Анненков в А I, стр. 422 напечатал первые шесть стихов. Полностью стихотворение напечатано Герценом в «Полярной Звезде на 1856 г.», стр. 21. В А VII, стр. 49 стихотворение напечатано без 12, 13 и 19—22 стихов. Без пропусков в России стихотворение было напечатано в Г [1], стр. 490—491. Отличия копии Бартенева от копии в т. № 2395 ЛБ (по ГХЛ II, стр. 206—207:

1. Когда великое свершалось торжество
9. Мы зрим: поставлены на место жен святых
10. В ружье и в кивере два грозных часовых.
15. Иль покровительством спасать могучим

Стр. 395.

«Не дорого ценю я громкия права

Под текстом дата:

5 Июня 1836.

Перебеленный автограф с поправками был в бумагах Пушкина в кабинете в день его смерти. Анненков после своих работ над собранием сочинений Пушкина оставил автограф у себя, а затем он перешел к Л. Н. Майкову и ныне хранится в ПД. Анненков впервые напечатал в А I, стр. 423 последние пять стихов, а в А VII, стр. 50 всё (с цензурными пропусками) стихотворение. Отличия копии Бартенева от текста автографа (по ГЛХ II, стр. 207):

4. Мне в сладкой участи оспаривать налоги
6. И мало горя мне, свободна ли печать
7. Морочить слухов, иль чуткая цензура
12. Зависеть от Царя, зависеть от народа
20. Безмолвно утопать в восторгах умиленья

Стр. 397—398.

Когда за городом, задумчив, я брожу

Под текстом дата:

14 Авг. 1836 г. Каменн. Остров.

Перебеленный автограф с поправками имел ту же судьбу, что и автограф предыдущего стихотворения. Анненков впервые напечатал в А I, стр. 422 стихи: 1, 2 и 18—29, а в А VII всё стихотворение.

Отличия копии Бартенева от текста автографа (по ГХЛ II, стр. 208—209):

5. В болоте кое-как стесненные кругом
13. Могилы склизкие, зевающие тут
14. Которые жильцов к себе на утро ждут
23. К ним ночью темною не лезет бедный вор
26. На место праздных урн, растрепанных харит
27. Этого стиха нет.
28. Стоит широкий дуб над вечными гробами

Стр. 399.

Две статьи А. С. Пушкина, первоначально помещенные в «Московском Телеграфе» 1825 года (часть V, № 17 и часть III, № 12), потом перепечатанные в «Русском Вестнике» 1842 года (№ 1 — из него же здесь и выдраны) и не находящиеся в собрании Сочинений 1838 года.

Стр. 401—416. Вырезка из «Русского Вестника» 1842, № 1, стр. 38—51 статьи-рецензии Н. А. Полевого о Посмертном издании собрания сочинений Пушкина и приложенных к ней статей Пушкина: «О г-же Сталь и о г. А. Муханове» и «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова».

Стр. 417—419.

Альманахи сделались представителями нашей словесности.

На стр. 417 сбоку:

Статья эта готовилась в Московский Вестник.

На стр. 419 после текста:

(На листе, рукою Пушкина)

Автографом владеет С. А. Соболевский, позволивший мне сделать сию копию.

Эта статья об альманахе «Северная лира» впервые напечатана П. Е. Щеголевым в ПСв в. XXIII—XXIV по копии в сборнике Лонгинова—Полторацкого и вошла в КН V и ГХЛ V. Автограф, с которого снял копию Бартенев, хранится в архиве С. А. Соболевского в ГАФКЭ.

Стр. 421—422.

Из Путешествия в Арзрум.
Владикавказ, 22 мая 1829 г.

Есть наконец средство более нравственное кончая словами: как добро Мольера, там и берется, где попадается.

Отрывок из «Путешествия в Арзрум» или, точнее, из путевых записок 1829 г., находится в т. № 2383 ЛБ. Впервые этот отрывок был напечатан Е. И. Якушкиным в БЗ 1859, № 5, стб. 140—141 по неуказанной им рукописи. Текст Бартенева совпадает с текстом Якушкина (кроме отличий в двух словах: у Якушкина: «с нею несовместимо», а у Бартенева: «с нею несовместно», у Якушкина «немые книги», а у Бартенева: «немые буквы». Вероятно оба текста (Якушкина и Бартенева) восходят к одному оригиналу, каковым, надо полагать, был не автограф Пушкина, а кем-то сделанная с ошибками копия. Впервые по автографу отрывок напечатал Ю. Н. Тынянов в КН IV, стр. 59, (перепечатано в ГХЛ IV, стр. 806).

Стр. 425—426.

В «Литерат. Газете», изд. бар. Дельвигом, (СПБ 1830, № 2), в отделе: «Библиография» выписано заглавие Гнедичева перевода Илиады и под ним следующие строки, приписываемые Пушкину: «Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод Илиады!

Списанная Бартеневым заметка входит в собрания сочинений Пушкина, начиная с А.

Стр. 427—428.

(Из «Литерат. Газеты», изд. бар. Дельвигом, 1830, т. I, № 12 от февраля 25, в отделе Смесь): «В одном из московских журналов.

Списанная Бартеневым заметка входит в собрания сочинений Пушкина, начиная с А.

Стр 429—431.

В 20 № «Литературной Газеты», издаваемой бароном Дельвигом, 1830 г. т. I, от 6 апреля, помещена следующая статья, принадлежащая А. С. Пушкину, как о том можно заключить из 45 № той же газеты (отдел: «Смесь»): «В одном из № «Лит. Газеты» упоминали о Записках парижского палача.

Списанная Бартеневым статья входит в собрания сочинений Пушкина, начиная с VII т. А.

Стр. 433.

«Лит. приб. к Русск. Инв.» 1831 Субб. Октября 3, № 79, стр. 623. Новая книга Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасечником Рудым Паньком. Первая книжка СПБ, 1831.

Вот что говорит А. С. Пушкин в письме своем к Издателю Литер. Прибавлений о сей книге: «Сей час прочел Вечера близ Диканьки, кончая словами: и всё это слогом камердинера профессора Тредьяковского» . . . . . [24] Л. Якубович.

Письмо, списанное Бартеневым, вошло в А I, стр. 164, а в собрания сочинений Пушкина входит, начиная с E^1.

Стр. 435—436.

Копия с письма Пушкина к князю Н. Б. Голицыну

„Petersbourg 10 Novembre 1836.

Merci mille fois, cher Prince, pour Votre incomparable tradiction

Копия сделана вероятно, с автографа, принадлежавшего кн. Н. Н. Голицыну и теперь неизвестно где находящегося. Анненков в А I, стр. 318 напечатал три отрывка из письма. Полностью оно напечатано, вероятно, по копии, в БЗ 1858, № 16, стб. 479. Отличия копии Бартенева от текста АкП (№ 1098):

dont une d'un parfait personnage
Que ne traduisites Vous pas
sur le nez à toutes les vociférations

Бакчисарийский Фонтан

le genre de litterature au quel Vous vous a donnez

Все эти разночтения дают лучший текст, чем напечатанный в АкП.

Стр. 439—451.

Стр. [25] Пугачев был уже пятый самозванец, принявщий на себя имя Императора Петра III. Текст кончается словами:
общение всех частей государства сделалось быстрее.

---

[24] Многоточие Бартенева.
[25] Оставлен незаполненный пробел.

Примечание

Все сии неизданные отрывки списаны с черновой рукописи Пушкина, хранившейся в III Отделении Собств. Канц., откуда списал их Секретарь Гр. Бенкендорфа Пав. Ив. Миллер.

Весь текст замечаний и примечания писан рукой не Бартенева. Об этих «замечаниях» Пушкин писал 26 января 1835 г. Бенкендорфу: «Честь имею препроводить к Вашему Сиятельству некоторые замечания, которые не могли войти в «Историю Пугачевского бунта», но которые могут быть любопытны. Я просил о дозволении представить оные Государю Императору и имел счастье получить на то Высочайшее соизволение». Из девятнадцати отдельных замечаний и «общих замечаний» замечания: 1—3, 5, 8, 10, 15, 16 и «общие замечания (см. ГХЛ V, стр. 427—428) впервые были напечатаны Герценом в «Полярной Звезде на 1861 г.», стр. 128—131. Гербель, в Гр[1] стр. 178—184, перепечатав эти замечания, прибавил к ним 13-ое. Затем с той же рукописи, с какой сделал копию П. И. Миллер, «замечания» списал И. П. Шульгин, напечатавший их в «Заре» 1870, № 12. Имеется еще черновой автограф этих замечаний. Этот текст см. в ГХЛ V, стр. 421—428.

Отличия копии Бартенева от этого текста незначительны[26], кроме 11 строки 17-го примечания (стр. 426 ГХЛ V). В копии Бартенева: обрезали волоса и бороду, надели мужицкий армяк. В ГХЛ трех последних слов нет, что́ является опечаткой.

Стр. 453—454.

Что есть Ж. Евр.

Автограф Пушкина. См. стр. 309—310.

Стр. 457. Копия примечания Пушкина к записке «О древней и новой России Карамзина в V томе «Современника».

Стр. 459.

(С автографа Пушкина).

«Анекдот служащий основанием повести.

Транскрипция чернового текста предисловия к «Капитанской дочке »в рукописи статьи «Александр Радищев», ныне хранящейся в ЛБ (№ 2385 В, л. 1_1). Этот текст впервые напечатан В. Е. Якушкиным в РС 1884, декабрь, стр. 530. См. еще прим. к стр. 404.

Стр. 461.

«Александр Радищев.

Слова Карамзина в 1819 году.

Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu.

Пушкин покорнейше просит Александра Лукича представить сию статью куда следует для разрешения» (всё это в подлиннике рукою Пушкина).

Не дозволена к напечатанию предписанием Главного Управления Цензуры от 26-го Августа 1836 год № 271.

Цензор А. Крылов.»

Стр. 463—477.

В конце первого десятилетия

Копия статьи Пушкина. Текст кончается словами:

и нет истины, где нет любви.

Стр. 478.

Прибавления

1. От Императрицы Главнокомандовавшему в С. Птбге Генерал-аншефу Брюсу.

Самое письмо не списано, но оставлено место для текста, а внизу страницы «В статью о Радищеве» — собственною рукою Пушкина.

[26] В копии Бартенева нет стоящего в прямых скобках (т. е. в рукописи зачеркнутого) в тексте ГХЛ.

Стр. 479.

2. «(Из Записок Храповицкого)» — собств. рукою Пушкина:
26-го Июня. Говорили (Государыня) кончая словами:
понеже я презираю.
«(Записки Храповицкаго)» — рукою П—на.

Стр. 480.

3. Осьмнадцатое столетие.

Самое стихотворение не списано, но оставлено место для текста, а внизу страницы:

«(в статью о А. Радищеве)» — рукою Пушкина.

Стр 481.

4. (Отрывок из книги Радищева)
Клин.

Зачеркнуто в подлиннике начало отрывка; в конце его Пушкин от себя прибавляет (в подл. собственноручно:) «Вот каким слогом написана вся книга!»

Самый отрывок не списан, но оставлено место для текста.

Стр. 482.

Списано с рукописи, находящейся в бумагах Пушкина; рукопись была в III Отделении; помечена по листам красн. цифрами, и на заглавном листе ее стоит: «12. Статья о Радищеве. III Тетрадь» и ниже (собственноручно): «32 листа. Дубельт». — Рукопись в большой лист (in folio) перегнута пополам, т. е. половина каждого листа белая; писана переписчиком с собственноручными заметками кое-где Пушкина, нами обозначенными, а заметками, карандашом в некоторых местах в начале статьи вероятно Цензора; эти заметки тоже обозначены в сей копии. — На одном листе, вероятно без всякого основания, пришитом к этой рукописи, находится черновое предисловие к какой-то повести (копию см. под № [27]).

Рукопись, описанная Бартеневым, снявшим с нее копию, — это одна из тетрадей, бывших в день смерти Пушкина в его кабинете. Тетрадь эту, как и все рукописи поэта после его смерти, перенумеровали по листам жандармы, что и ввело в заблуждение Бартенева, не знавшего еще тогда о разборе бумаг Пушкина после его смерти Жуковским и Дубельтом с писарями. Поэтому Бартенев увидев подпись Дубельта, и решил, что рукопись была в III Отделении. Впрочем, по существу Бартенев не ошибался. Хотя разбор и чтение бумаг Пушкина происходили на квартире Жуковского, характер рассмотрения рукописей был совершенно жандармский. По свидетельству самого Бартенева (см. 445 стр. настоящего тома) подлинник статьи «Александр Радищев» дал Петру Ивановичу Анненков, с осени 1851 г. занимавшийся рукописями поэта, приготовляя свое издание собрания его сочинений. Тетрадь, описанная Бартеневым, вошла в число тех, которые в 1880 г. сын Пушкина Александр Александрович принес в дар Румянцевскому Музею, где она теперь и хранится под № 2385 В. См. РС 1884, декабрь, стр. 528 и 530.

Стр. 483—488.

Собственные примечания [Бартенева. — *М. Ц.*]

К словам: «Они возвратились в Россию» прим.:

1) Д. Н. Блудов сказывал, что в числе этих молодых людей был какой-то *Невзоров* (если не ошибаюсь), котораго схватили, только что он вступил в Русские пределы.

К словам: «В обществе он был уважаем как сочинитель», прим.:

[27] Оставлен незаполненный пробел.

А. С. ПУШКИН
Портрет маслом К. П. Мазера, 1832 г.
Государственный Литературный Музей, Москва

2) Он же говорил, что Радищев был Вице Губернатором, а эта должность имела в то время большое значение.

К словам: «Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленным тостами на фран-масонских ужинах» прим.:

3) Двигателем, душою Мартинистов, или так называемаго *Типографскаго общества*, был, как известно, Новиков. Карамзин, оставивший оное, сам признавался Блудову, что Новиков был человек необыкновенной энергии, восторженный и увлекающийся. Карамзин помнил, как в заседаниях общества Новиков всходил на кафедру и одушевлял членов собрания, несмотря на разность сословий и образования. Около 1790 г. в Москве был страшный голод. В филантропическом слове своем об этом бедствии, в одном из заседаний, Новиков был так красноречив и убедителен, что один слушатель, богатый человек Походяшин * тут же, в заседании, подошел к нему и что-то сказал на ухо. После открылось, что он отдавал в пользу бедных всё свое имущество. На его деньги Новиков открыл даровую раздачу хлеба неимущим и тем обратил на себя взоры Правительства. Не знали, откуда он брал деньги для этого. Но Карамзин, лично присутствовавший в том заседании, легко догадывался об источнике. Известна участь Новикова. Пять лет просидел он в Шлюссельбургской крепости, в той самой комнате, где жил Экс-Император, Иоанн Антонович. Он сам разсказывал, что за несколько лет до катастрофы ему случилось быть в Шлюссельбурге и ему показывали место заточения Иоанна Антоновича. Темное предчувствие неприятно встревожило его, когда он взошел в комнату, где после сам должен был находиться. — Императрица скоро увидала, что слишком строго поступила с бедными Мартинистами. Но не в ее правилах было официально показывать раскаяние в своих поступках и поправлять их во всеувидение. Карамзин в издаваемом им тогда журнале [«Московский журнал» 1792[28] — *М. Ц.*] поместил стихотворение «К Милости» (изд. Смир. I, 13), где намекает на невинность осужденных **. Впоследствии, когда Новиков жил уже на покое,

* Муж Энгельгардт, сестры Директора Царскосельского Лицея; не был далек умом, но видно добраго сердца. Про него говорили, будто он разорился на лечение жены, тогда как настоящая тому причина вероятно была в этом большом пожертвовании (миллион или два). Он до конца сохранил благоговение к Новикову и кончил жизнь в бедности. Он, говорят, занимался книжной торговлей. Умирая, имел над подушкой пришпиленный портрет Новикова. [Сноска Бартенева. — *М. Ц.*].

[28] Бартеневым оставлено пустое место для названия журнала.

** Блажен блажен народ живущий
В пространной области Твоей!
Блажен певец, Тебе поющий
В жару, в огне души своей!
Доколе Милостию будешь,
Доколе права не забудешь,
С которым человек рожден;
Доколе гражданин довольный
Без страха может засыпать,
И дети — подданные вольны
По мыслям жизнь располагать,
Природой наслаждаться,
Везде наукой украшаться,
И славить прелести Твои;
. . . . . .
Доколе всем даешь свободу,
И света не темнишь в умах;
. . . . . .
Спокойствия твоей Державы
Ничто не может возмутить, и т. д. [сноска Бартенева. — *М. Ц.*]

в своей Подмосковной, Карамзин навестил его. Он был близок к смерти. В разговорах он спросил К—на, был ли он в их обществе. «Да, был» — отвечал тот. «До какой Вы дошли степени?» — «До такой-то». — «Ну, тут еще ничего не было важнаго. — В высших степенях сообщались вещи истинно-драгоценныя». Он предложил Карамзину посвятить его в эти высшия таинства. Но Карамзин дружески пожал ему руку и отказался. — Всё это сам Карамзин разсказывал Блудову.

К словам: «Сенат осудил его на смерть (см. Полное Собрание Законов)» для примечания оставлен незаполненный пробел.

К словам: «Бедный Радищев, увлеченный предметом, некогда близким к его умозрительным занятиям, вспомнил старину и в проекте, представленном начальству» прим.:

5) Проект этот доставлен был Пушкину или только об нем сообщил Пушкину Блудов, который сам читал его.

К словам: «Граф З.» прим.:

6) Граф Завадовский.

К словам: «Жаль, что в «Бове», как в «Алеше Поповиче», другой его поэме, не включенной, не знаем почему, в собрание его сочинений» прим.:

7) По словам Блудова, поэма об Алеше Поповиче принадлежит не Александру Радищеву, а сыну его и поэтому конечно не включена в собрание сочинений перваго.

К словам: «Отымите у него честность, в остатке будет Полевой» прим.:

8) Эти строки зачеркнуты в рукописи, как должно полагать, самим Пушкиным, и слово Полевой зачеркнуто два раза; однако его легко разобрать на свет. Конечно Пушкин устыдился говорить в таких выражениях о своем брате-литераторе перед Главным Управлением Цензуры.

Гаврила Петрович Каменев, автор Громвала, в письме своем из Москвы в Казань к другу своему Москотильникову от Июня 11 1802 года между прочим говорит: (См. сборник Соллогуба «Вчера и Сегодня» 1845 г., кн. I, статью Н. Второва): «Скоро отправлюсь я в резиденцию Царя добраго — Поеду по тем станциям, где идеальнс блуждал Р..... и мечтал пером своим, в желчи обмакнутым, давать уроки властям. Сказывают, что сочинитель «Водопада» надписал еще на манускрипте его путешествия:

Езда твоя в Москву со истиною сходна,
Некстати лишь смела, дерзка и сумасбродна.
Я слышу, на коней ямщик кричить: «вирь! вирь!» [28]
Знать, Русской Мирабо, поехал ты — в Сибирь.

Ходили слухи, будто Державин и донес Правительству на Радищева. В сочинених Державина есть много мест, где он задевает Мартинистов. Между прочим в «Фелице»: «К духам в собрание не въезжаешь».

К тому же обществу принадлежали, говорят, Мелессино, Херасков, кн. Андр. Ив. Вяземский, впоследствии тесть Карамзина. Новикова очень уважал и Федор Петрович Ключарев, у которого на дому он жил недели две (около 1807 г.) в Почтамте, и который поместил его в своей подмосковной. Еще: чета Трубецких, Николай Никитич и Варвара Александровна, урожд. Черкасская. Ее, уверяют, сек Шишков-

[28] Вирь. видно, для рифмы Сибирь [сноска Бартенева. — *М. Ц.*].

ский. Помогал Новикову известный Подшивалов, женатый на Г-же Фабиан, гувернантке. (Еще Поздеев, Гаврилов, Перелогов, будущие профессора университета).

Павел Петров[ич] носил орден св. Анны, на обороте котораго был вырезан масонский знак. В ноябре 1796 г., призвав к себе Новикова из Шлюссельбурга, он показывал ему этот знак. «Дело не в знаках», сказал ему Новиков. Вероятно это не понравилось государю, и Новиков не получил вознаграждения за свои убытки; а их понес он во время сожжения книг на сумму до 800 т. р. — В Стокгольме есть портр[етная] галлерея кавалеров какого-то, учрежденного Карлом XII ордена, который давался только масонам. В числе кавалеров там есть и Павел Петрович (отъ С. А. Маслова).

Сообщивший эти сведения Бартеневу Степан Алексеевич Маслов (1793—1879) — известный деятель по сельскому хозяйству, непременный секретарь Московского общества сельского хозяйства в 1820—1859 гг. Бартенев в № 6 РА 1879 г. напечатал некролог С. А. Маслова, заключающий в себе ряд воспоминаний о нем.

М. Цявловский

II

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И. П. ЛИПРАНДИ О ПУШКИНЕ

Впервые публикуемые три отрывка из воспоминаний И. П. Липранди входили в те «Заметки», которые он написал на статью Бартенева «Пушкин в Южной России», первоначально напечатанную в газете «Русская Речь» 1861 г., №№ 85, 88, 90, 93, 94, 98, 101, 103 и 104 и в виде оттиска из газеты изданную отдельно в следующем году.

Решив в 1865 г. перепечатать свою статью в РА, Бартенев обратился к И. П. Липранди, жившему в Петербурге, с просьбой написать к этой статье исправления и дополнения. Последний охотно согласился исполнить эту просьбу, о чем и писал Бартеневу 10 мая 1865 г.: «Относительно желания вашего иметь некоторые подробности о пребывании А. С. Пушкина в Кишеневе и Одессе (1820—1825 гг.) я с большим удовольствием исполню по получении облегчения от раны, что позволит мне заглянуть в дневник и дополнить памятью. Я писал А. Ф. Вельтману — где можно почерпнуть много сведений, в числе которых была часть и переданная мною, это Николаю Степановичу Алексееву, которому несколько[1] писем у меня сохранившихся от Пушкина я ему отдал вовсе — и послание к покойному В. Ф. Раевскому — к нему отдал для снятия копии, но во вермя отсутствия моего в 1851 году за границу Алексеев поехал в Москву, где скоро и умер, и я не знаю, куда девалось его богатое собрание о Пушкине и стихотворения Раевского как лица, имевшего большое влияние на историческую научность Александра Сергеевича. 1820 до начала 1822 года оба помянутые лица были неразлучны — с этого времени Раевский был заключен в Бендерскую крепость, из которой он и писал к Пушкину через меня, нашедшего [способ?— *М. Ц.*] передавать до 1825 года из места заключения Раевского письма и послания в стихах Пушкину[2]. Я полагаю, что об участи бумаг Алексеева может дать некоторые пояснения Владимир Петрович Горчаков. Во всяком случае я должен предупредить, что сведения, которые я могу вам доставить об А. С. Пушкине, будут относительно — касаться только его личности, его характера — словом его — как человека, а здесь он высоко стоял в моем понятии; литературное значение его известно, — и я плохой ценитель в этом. В записке вы встретите много о его отце, с которым в последние три года его жизни здесь в Петербурге я был почти ежедневно; о его брате Льве и о его сестре, ибо приезжая из Кишинева два раза в Петербург я служил их корреспонденции. Вы будьте только снисходительны к нелитератору.

«Русской Речи» 1861 года, о которой вы упоминаете, до сих пор здесь я не нашел, а потому и не знаю, что было говорено о моем знакомстве с Пушкиным...»[3].

---

[1] В своих «Заметках» (в РА 1866, № 10, стб. 1450) Липранди писал, что Н. С. Алексеев взял у него пять писем к нему Пушкина.

[2] Об этом рассказывает Липранди в своих «Заметках». См. РА 1886, № 10, стб. 1449—1450.

[3] Архив Бартенева, хранящийся в ГЛМ, письма к Бартеневу 1865 г., л. 178.

Получив от Бартенева оттиск его статьи, Липранди приступил к писанию своих воспоминаний о Пушкине. «Сведения о Пушкине надеюсь скоро доставить», сообщал он Бартеневу 4 сентября [4], а 12 сентября писал, что «брошюрка эта (т. е. оттиск статьи Бартенева) служит ему основанием для пополнения трактуемого в оной предмета» [5].

К декабрю воспоминания вчерне были написаны, о чем извещал Липранди Бартенева в письме от 30 ноября: «Относительно сведений о Пушкине, они готовы; теперь я их соединяю и тотчас пущу в переписку; но вперед испрашиваю вашего снисхождения: я вдался может быть черезчур в большие подробности и именно оттого, что, как вы пишете, это для вас, а потому мне и не хотелось оставить без разъяснения многого, что вошло в ваш любопытный сборник, который я перебрал для вашего облегчения страницу за страницей и что едва ль не превосходит объемом вашу брошюру. Конечно многое и даже очень многое должно будет вами быть выброшено, но зато не будет пищи для критиков, а этого-то мне и хотелось. Не будучи литератором, вы не взыщите за неправильность слога, я пишу собственно для объяснения некоторых случаев и края, вам не так может быть известного — как мне, занимавшемуся описанием оного на месте десять лет и до сих пор продолжающему оное» [6].

Но болезнь остановила работу, о чем узнаем из письма от 28 января 1866 г., в котором читаем: «Милостивый государь Петр Иванович! Не знаю, как и извинить себя перед вами за столь долгое неисполнение вашего желания относительно Пушкина. Последний припадок от раны продержал меня около двух месяцев в жесточайших страданиях и теперь еще не в силах оставить постели.

Вчерне, как уже имел честь вам сообщить, я всё окончил и отдал переписывать; но когда окончилась треть — наступивший припадок не позволил мне передать продолжения. Теперь оно идет быстро, а между тем, что было переписано, при сем прилагаю, и вслед за этим надеюсь скоро доставить и остальное, а вместе с тем просить извинения за неочистку слога. Цель моя была разъяснить некоторые места, а потому вы встретите, конечно, много и очень даже много лишнего в излагаемых подробностях, которые могут доказать одно только то, что я говорю о предмете мне близко знакомом, за верность чего и ручаюсь. Несколько страниц моих могут быть заменены двумя-тремя словами, которые будут уже недоступны критике. Последующее за сим будет ближе относиться к Пушкину, и если вы встретите необходимость что-либо разъяснить, вы всегда найдете меня на то готовым» [7].

Следующая часть воспоминаний была послана 19 февраля. В сопроводительном письме Липранди снова извинялся в их недостатках. «Прилагаю при сем продолжение желаемых вами замечаний о Пушкине, — писал Липранди, — и по окончании переписки остальной части поспешу доставить и ее. Эта последняя,— смесь отрывочных изложений, из коих некоторые вовсе не упоминаются в брошюре, и еще раз прошу вас быть снисходительным к плодовитости, нечистоте слога и в особенности, может быть, и к вовсе неуместным рассуждениям об Овидии, тем более, что я не знаток отыскивать смысл в поэзии, а говорю только о смысле, который делает впечатление на таких профанов в поэзии, как я, а конечно нас несравненно более других.

Вполне разделяю ваше мнение о прочтении всего мною набросанного А. Ф Вельтману и В. П. Горчакову, они могут дополнить всё, что ускользнуло от меня, и исправить, если есть что не так сказанное: оба они были близки с Пушкиным. Если вы признаете нужным упомянуть о некоторых эпизодах, от меня вам доставленных, то сделайте, как признаете; то, что я набросал, это мое мнение, от которого никак не отступлю, тем более, что имею перед глазами многое, внесенное своевременно в дневник.

---

[4] Там же, л. 341.
[5] Там же, л. 322.
[6] Там же, л. 402—403.
[7] Архив Бартенева, хранящийся в ГЛМ, письма к Бартеневу 1866 г., л. 2.

Так как в высылаемых ныне замечаниях идет речь о тетерии, Кирджали и Сербии, я решился приложить два оттиска статей, сокращенно извлеченных из моего многотомного сборника о Турции, близко известного А. Ф. Вельтману — в 1837 году с покойным Андросовым, рассматривавшим оный и в издававшемся им журнале (не помню названия)[8] упомянутого. Одна из этих статей: «Несколько замечаний на В. Э. Л.» второго издания, под главной редакцией «Célèbre» — Богдановича, здесь говорится несколько о тетерии, об Ипсиланти, Иоргани и других упомянутых в статье — «Кирджали» Пушкина[9]. Вторая статья возражает на статью СПБ. Ведомостей: «Сербский вопрос»[10], если бы что оказалось нужным для дополнения по этим предметам и вообще об упоминаемом мною, вы всегда найдете меня готовым удовлетворить вашему желанию и с большей специальностью, нежели о 1812 годе, который ограничивался меньшим кругом моей деятельности»[11].

Наконец последняя часть воспоминаний была послана при письме от 2 апреля такого содержания[12]: «Прилагаю при сем третью и последнюю тетрадь о Пушкине, и прошу вас извинить меня за медленность, происходившую от частых страданий ранами, а главное, быть снисходительным к небрежности слога, который, сознаюсь, я и не предпринимал исправлять чтобы не затянуть отправлением. Всё, что встретите в трех тетрадях, может послужить для одной только оценки характера и наклонностей А. С—ча; но для сего пришлось говорить о некоторых и вовсе ничтожных случаях и говорить иногда очень пространно. Не знаю, мог ли я удовлетворить хотя несколько ваше желание. Может ли это послужить каким-либо материалом для компиляции в предпринимаемом вами труде — не знаю. Во всяком случае, всё то, что вы найдете нужным включить, вы можете указать источник, буде не имеете о том сведений, более положительных. То, что я сказал, верно, и если б кто возразил, то найду возможность доказать сказанное мною. Затем, если бы вы встретили какую-либо неясность, то всегда найдете меня готовым к удовлетворению. Сожалею одного только того, что не имел под рукой тех печатных материалов, которые приводятся в вашей брошюре, может быть они вызвали бы кой-какие примечания. Во всяком случае, будьте снисходительны к плодовитой болтовне — это уже удел стариков...

P. S. Не помню, названы ли два унтер-офицера Охотского полка, поставленные на часы в манеже во время освящения оного? Если пропущены, то имена их: Аристов и Леонтьев»[13].

С этой посылкой произошла история, о которой Липранди писал 1 мая: «Милостивый государь Петр Иванович! Третья и последняя часть о Пушкине была вам отправлена 22-го марта[14]. Знакомый мой, случившийся в это время у меня и ехавший на почту, взял отвезти и мою клеенку. Он опоздал в этот день и предполагал на другой отправить оную вместе с тем, что должен был послать и сам; но в ночь он был арестован, всё у него опечатали, а вместе с тем и мою посылку, только вчера вечером успел я высвободить и сегодня отдал на почту. Не вините меня в медленности.

---

[8] «Московский Наблюдатель».

[9] »Липранди разумеет свою статью «Несколько замечаний на Военный Энциклопедический Лексикон» в «Маяке» 1841 г., части XIX и XX.

[10] Речь идет о статье Липранди «Сербский вопрос», напечатанной в «Северной Пчеле» 1859 г., №№ 54 и 56.

[11] Архив Бартенева, хранящийся в ГЛМ, письма к Бартеневу 1866 г., л. 43.

[12] Там же, лл. 156—157.

[13] Об этом см. дальше письмо от 1 мая и РА 1866 г., № 10, стб. 1432—1436.

[14] Здесь и ниже Липранди пишет, что предыдущее письмо его было отправлено 22 марта, тогда как на самом письме, написанном, как почти все письма Липранди, не его рукой, а им лишь подписанном, имеется дата: «2 апреля», причем слово: «апреля» написано той же рукой, что и всё письмо, а двойка поставлена рукой Липранди. Очевидно письмо было написано начерно самим Липранди 22 марта, а переписанное было послано 2 апреля. Эта же дата стоит и в РА 1866, № 10, стб. 1491 в конце текста воспоминаний Липранди.

В письме от 22-го марта вы найдете имена двух унтер-офицеров; если они не помещены — это Аристов и Матвеев, а не Леонтьев, если имя это вкралось; оно принадлежит каптенармусу...»[15].

Написанное Липранди о Пушкине под заглавием: «Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди» и с подзаголовком: «Заметки на предыдущую статью» было напечатано вслед за статьей Бартенева в РА 1866 г., № 8—9, стб. 1213—1284 и в № 10, стб. 1393—1491.

Основанные на дневниковых записях 1820-х годов «Заметки» Липранди принадлежат к числу наиболее точных и достоверных воспоминаний о поэте. Написанные в форме отдельных дополнений и возражений, что является существенным их недостатком, не позволяющим печатать заметки отдельно, рассказы Липранди о Пушкине и его окружении строго фактичны и содержательны. Липранди не был близким приятелем Пушкина, знакомство их не было продолжительным, но в Кишиневе в 1820—1823 гг. они тесно общались, и умный и начитанный Липранди хорошо знал и понимал поэта[16]. Вот почему «заметки» Липранди — один из главнейших биографических источников наших сведений о кишиневском периоде жизни Пушкина.

Публикуемые три отрывка из воспоминаний Липранди приобретены 19 января 1934 г. в составе части архива П. И. Бартенева у И. Ю. Гаттенберг-Бартеневой (№ 1557). Первый отрывок, как это видно из печатаемого ниже письма Липранди, был изъят Бартеневым по соглашению с автором, одобренному и В. П. Горчаковым. Текст этого отрывка сохранился в корректурной гранке, на которой не имеется никаких помет и следов правки. Очевидно это второй экземпляр гранки, оставленный Бартеневым для себя. Второй отрывок сохранился на оторванном куске корректурной гранки. Текст зачеркнут черными чернилами, и рукой Бартенева на поле написано: «NB Выкинуть». Наконец третий отрывок исключен из корректурного оттиска сверстанных листов. Текст исключенного отрывка зачеркнут по столбцам (1480—1487) красным карандашом. Судя по тому, что текст первых двух зачеркнутых столбцов поправлен Бартеневым, можно думать, что исключил он этот отрывок сам, и не по требованию цензуры.

Но исключив три отрывка в качестве редактора, Бартенев в качестве биографа сберег исключенные им корректурные оттиски, которые и сохранились в его архиве.

Первый отрывок исключен из следующего текста, напечатанного на стб. 1257 № 8—9 РА:

«Затем в статье о Пушкине ничего не сказано о бригадном генерале Дмитрие Николаевиче Бологовском, у которого Александр Сергеевич часто обедал, вначале по зову, но потом был приглашен раз навсегда. Стол его и непринужденность, умный разговор хозяина, его известность очень нравились Пушкину; но один раз он чуть-чуть не потерял расположение к себе генерала из одного самого неловкого поступка».

При последнем слове в тексте корректуры стоит цифра (1) сноски[17], текст которой читается:

«(1) Случилось, что мы обедали у Дмитрия Николаевича. Тут был его бригады подполковник Дережинский, о производстве которого в

---

[15] Архив Бартенева, хранящийся в ГЛМ, письма к Бартеневу 1866 г., л. 191.

[16] Липранди в 1814 г., во время пребывания русских войск во Франции был начальником военной полиции, в 1822—1823 гг., состоя в Одессе при Воронцове, он несомненно занимался шпионством, но, вероятно, военным. Впоследствии, в качестве чиновника особых поручений при министре внутренних дел Липранди отличился раскрытием «заговора» петрашевцев. Служил ли Липранди в контрразведке во время своего пребывания в Кишиневе, остается неизвестным, но во всяком случае нет оснований утверждать, что здесь он занимался и политическим сыском.

[17] В корректуре третья строка снизу стб. 1257 текста РА читается «кого поступка [1], но отношения к»

тот день получен приказ. После обычного сытного, с обилием разных вин из Одессы, обеда, хозяин приказал подать еще шампанского, присовокупив, что позабыл выпить за здоровье нового подполковника. Здоровье было выпито, бокалы были дополнены. Вдруг, никак неожиданно, Пушкин, сидевший за столом возле Н. С. Алексеева, приподнявшись несколько, произнес: «Дмитрий Николаевич! Ваше здоровье». — «Это за что?» — спросил генерал. — «Сегодня 11-е марта»,— отвечал полуосовевший Пушкин. Вдруг никому не пришло в голову, но генерал вспыхнул; за столом было человек десять; но скоро нашелся: «А вы почему знаете? — сказал он Пушкину и, тотчас обратясь к Лексу, тоже смольянину, присовокупил: — Сегодня Леночки рожденье» (его племянницы). Лекс поддержал: «Точно так-с, имею честь и я поздравить, совсем позабыл». Лекс это говорил от чистого сердца, хотя знал о существовании племянницы генерала, может и видел ее в Смоленске, но никак уже не знал дня ее рождения и только после узнал неловкое здоровье, произнесенное Пушкиным. Да и едва ли и не большая половина не поверила сказанному генералом. Пушкин опомнился; он сослался на Лекса, что тот его предупредил, и, к счастию, что вставали из-за стола, и объяснение тем и кончилось. Генерал видимо сделался не в своей тарелке, и когда он сел за шахматы, мы вышли. Алексеев начал упрекать Пушкина; этот начал бранить свой язык и просил нас как-нибудь уладить. Мы оба отказались наотрез, ибо это было бы еще более растравить воспоминание, а советовали ему поранее утром самому итти и извиниться; он это и сделал. Дмитрий Николаевич после этого попрежнему принимал его, но был гораздо сдержаннее и мне раза два назвал его повесой. Пушкин не мог простить себе это здоровье».

По поводу этого отрывка Липранди писал 10 июля 1866 г. Бартеневу:

«Очень рад, что мнение В. П. Горчакова согласно с нашим, как мы думали, что «здоровье 11-е число» было бы неловко, конечно не для покойного Пушкина, но для вас и меня. Я желал бы знать, много ли нашел он в моих очерках несогласного с его взглядом, а равно и Александр Фомич, поместивший глубокоученую статью во втором томе «Чтений» — о месте ссылки Овидия[18]; во всяком случае это было не в Бессарабии, как я полагал и убежден, что и Александр Сергеевич никогда иначе не думал, что я и искал доказать. В одном из нумеров Спб. газет, в коих помещаются статьи о «Троегорском», сказано, что Пушкин был суеверен[19], я совершенно убежден в противном и имею повод к тому. Конечно суеверие и предрассудки не были недоступными самым возвышенным умам и, не прибегая к указаниям многих, замечу Вольтера, Фридриха II, Александра I и легион подобных всех состояний, но что относится до Пушкина, то, сколько я мог заметить, он, когда я его знал, не был под влиянием этой слабости рассудка, — тем более, что расположение духа к предрассудкам и суевериям обыкновенно обнаруживается при обстоятельствах неблагоприятных, а этих последних не недоставало у Пушкина в то время когда я его знал; после не знаю, что могло быть, но не думаю однако же, чтобы он когда-либо мог подчиниться им: он мог болтать, но не чувствовать влияния, так я его понимаю»[20].

Вполне понятно, почему В. П. Горчаков, Бартенев и Липранди решили исклю-

[18] «Чтения в имп. обществе истории и древностей российских» 1866, кн. II М., 1866. Исследование Вельтмана «Дон. I. Место ссылки Овидия Назона», стр. 1—61.

[19] Имеется в виду рассказ А. Н. Вульфа о посещении в 1817—1818 гг. Пушкиным гадальщицы, напечатанный М. И. Семевским в его статье «Прогулка в Тригорское» в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866 г., № 157 от 11 июня; перепечатано в книге: «А. Н. Вульф. Дневники». Изд. «Федерация», М., 1929, стр. 68—69.

[20] Архив Бартенева, хранящийся в ГЛМ, письма к Бартеневу 1866 г., л. 241.

чить рассказ последнего о случае с Бологовским. Напоминать в печати лишний раз об убийстве Павла, им, людям монархических убеждений, конечно, как выражается Липранди, «было неловко». Благодаря этому из воспоминаний о Пушкине и был изъят любопытнейший рассказ о поэте, так ярко характеризующий его «неуимчивость» и наклонность к озорным выходкам, в которых ему приходилось потом раскаиваться.

Сводка биографических сведений о Д. Н. Бологовском дана Б. Л. Модзалевским в примечаниях к дневнику Пушкина и к его письмам [21].

Об участии Бологовского в убийстве Павла Пушкин мог слышать от самого генерала, который, по свидетельству А. О. Смирновой, «хвастался» этим участием (См. РА 1882, кн. I, стр. 218), но, конечно, не публично. Бологовского как участника в цереубийстве называют декабристы М. А. Фонвизин и И. Д. Якушкин, а начальник канцелярии тайной полиции в 1812—1816 гг. Я. И. де Санглен впоследствии вспоминал, что однажды Александр I сказал про Бологовского одному из своих друзей: «Знаете ли вы, что это за человек? Он схватил за волосы мертвую голову моего отца, бросил ее с силой о-земь и крикнул: «Вот тиран!»

Второй исключенный отрывок представляет собой конец заметки к стб. 1158—1159, напечатанной на стб. 1411—1412 № 10 РА. Заметка эта исправляет и дополняет следующее место статьи Бартенева: «Кстати о балах и танцах. В Кишиневе до сих пор Пушкину приписывают разные стишки, и в том числе следующие, которые мы приводим, потому что, хотя они вероятно и не его, но отчасти изображают тамошнее общество:

Музыка Варфоломея,
Становись скорей в кружок,
Инструменты строй живее,
И играй на славу д ж о к.
Наблюдая нежны связи,
С дамой всяк ступай любой,
В первой паре Катакази
С скромной Стамовой женой.

Катакази — губернатор; Стамо, урожденная Симфераки, — супруга одного дипломатического чиновника». В заметке Липранди к этому месту читаем:

«Стб. 1158. Приведенные здесь стихи действительно не Пушкина. Остроумно-игривый автор их еще жив и в Москве. Они составлялись в веселой беседе на словах, а не на бумаге. Многие из кишиневского общества упоминались в этом припеве «джоку».

В куплете, здесь приведенном, вкралась ошибка и именно в последнем стихе:

Наблюдая нежны связи,
С дамой всяк ступай любой:
В первой паре Катакази
С скромной Стамовой женой.

Действительно «Катакази — губернатор», а «Стамо» дипломатический чиновник, грек (отставной коллежский советник); жена его Екатерина Захарьевна, урожденная Рали, а не «Симфираки», — это личное имя, и не «Симфир», а Земфир. Правда, что по обычаю в том крае называют многих по личному имени, как например: Яковаки, Янко, Иваница, Костаки, Алеко, Иордаки (правильней Иоргаки от Иорго, Георгий), Тодораки, Тодорашка (брат Крупянского) и т. д., но по этим именам нельзя сказать — «урожденная». О жене Стамо и о сестре ее Мариоле в своем месте замечено, но здесь главное в том, что в куплете было сказано о Севастице Скине, сестре последнего Молдавского господаря Ми-

[21] См. «Дневник Пушкина 1833—1835. Под редакцией и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского». Изд. Госиздата. М.—П., 1923, стр. 191—195 и МПП II, стр. 319—320.

хаила Суца. Жене Стамо выражение — «скромной» не могло быть дано, а напротив к Скине оно совершенно подходило, а сверх того носилась и молва, что Катакази ухаживал за ней».

После этого в корректуре идет:

«[Дейст]вительно, четырехстишие вполне изображало эту замечательную женщину. Принадлежа к одной из лучших фамилий Молдавии (Каптов именующих себя Кантакузинами), она, шестнадцати лет, выдана замуж за богатого бояра Катаржи, который скоро, по вступлении русских в 1806 году в княжество, был уличен как пристанодержатель в разных имениях своих знаменитого тогда разбойника Бужору с его шайкой, задолго до вступления русских грабившего бояр. Русские скоро поймали его, и открыто было, что у Катаржи в имениях складывалось награбленное. Им обоим отрублены были головы. Жена его Екатерина Григорьевна выехала в карете, чтобы видеть казнь своего мужа. Богатая, прекрасная и очень образованная, она не долго оставалась вдовой. Интендант наших войск Алексей Николаевич Бологовской (брат генерала Дмитрия Николаевича) женился на ней. Она не позволяла ему взгляда на другую женщину, но сама пользовалась полной свободой. Когда Бологовской сделан был интендантом в Варшаву, генерал А[льбрехт] влюбился в нее и конец-концем был тот ,что Бологовской уступил ее ему, и генерал женился. Но он не сносил ее ревности вместе с ее образом жизни: хорошенький офицер не миновал ее, хорошенькая женщина не избегала генерала. Альбрехтша приняла яд, но была спасена. Великий князь Константин Павлович выслал ее из Варшавы, и она приехала к родным, с которыми в 1821 году во время гетерии из Ясс приехала в Кишинев. Здесь она продолжала на столько, на сколько может тридцатидвухлетняя женщина, правда хорошо сохранившаяся, искать тех, которые ей нравились, а потому сказанное о ней в джоке очень нравилось Пушкину, который часто припевал:»

На этом обрывается текст корректуры. Пушкин, очевидно «припевал» приведенный выше куплет. Напечатанный отрывок интересен между прочим тем, что дает сведения об Алексее Николаевиче Бологовском, упоминаемом в воспоминаниях О. С. Павлищевой, о котором, кроме сообщенного Липранди, не имеется в печати никаких сведений.

Об Александре Ивановиче Альбрехте (1788—1822) см. в «Русском биографическом словаре», т. II, СПБ, 1900.

Третий отрывок был исключен из текста, напечатанного на стб. 1479 № 10 РА. В корректуре вместо пробела со звездочкой, имеющегося в РА, находится такой такст:

«Пушкин обедывал у Дмитрия Николаевича Бологовского, который охотно соединял у себя попеременно все оттенки Кишиневского общества. Здесь разговор был самый игривый, ум и опытность самого хозяина придавали еще более интереса. В числе лиц, иногда приглашавшихся к генералу, были два брата Дино и Янко, т. е. Дмитрий и Иван Яковлевичи Руссо, которых Пушкин встречал у Крупянского, у Земфираки, или Стамо, и редко у меня, в особенности Дмитрия, более жившего в поместьи. Эти два оригинальные лица попали в мой дневник, а потому я сокращенно выберу из него только то, что может касаться Пушкина.

Оба брата, довольно с хорошим состоянием, были совершенно противоположных свойств по образованию и наружности, не менее того в высшей степени оригиналы, каждый в своем роде. Старший Дмитрий Яковлевич (женатый) постоянно жил в деревне и зимой

только являлся в Кишинев; носил вначале молдавское платье и, переодевшись в европейское, не оставлял некоторых принадлежностей первого. Знал один свой природный язык, худо по-гречески, а еще хуже по-русски, а в обращении был медведем. В 1818 году государь посетил Бессарабию; в одном из цыпутов (уездов) Дм. Руссо был исправником. С ночлега, где государь останавливался на ночь, кухня была отправлена вперед, в место назначенное для обеда. Так как пункт этот находился в ципуте Дм. Руссо, то наместник А. Н. Бахметев, сопровождавший государя, приказал исправнику ехать туда, чтобы облегчить доставку необходимого. Руссо прискакал и нашел, что всё уже в деле, но с ужасом заметив, что дрова употреблены обыкновенные, пришел в отчаянье и, рассвирепев на находившегося тут заседателя, перебил каларашей и тотчас послал людей за несколько сажен, к речке, где приготовлен был дубовый лес, уже обделанный в разные формы для строющейся мельницы; немедленно перекололи колеса, клинья и т. п. Сам исправник, подавая пример каларашам, вытаскивал из печей горящие дрова и замещал их принесенными, повторяя, что — «как можно было допустить употреблять для императора дрова, которые употребляет каждый царап (мужик)!» и вменял подвиг свой в большую себе честь. Он получил потом чин коллежского ассесора ([91])! Помню очень хорошо, что Пушкин, вполне сознавая неловкость Руссо, вместе с тем соглашался, что вновь завоеванные народы должны благоговеть каждый по своему разуму перед царем, и пр.

Младший брат Дмитрия, Янко Руссо (Иван Яковлевич), провел пятнадцать лет за границей, преимущественно в Париже, очень хорошо говорил по-французски и одинаково как и брат его был прост в своем роде. Бессарабцы смотрели на него как на чудо по степени образованности и гордились им. В то время Париж не был еще так знаком Молдаванам, как это ныне. До Букарестского мира «Киблой» [22] их была Россия; потом, благодаря нашей диплопации мешавшей генеральными консулами и консулами в княжество Перотов и других греков (более связанных родством и другими отношениями с господарями фанариотами, ненавидимыми молдаванами и валахами) Вена сделалась их предметом; а с 1830 года — Париж. Но я увлекся. Иван Яковлевич Руссо был лет тридцати, довольно тучен, с широким лицом, изображавшим тупость и самодовольствие; одевался не щегольски, но очень опрятно, всегда с тростью, под предлогом раны в ноге, будто бы полученной им на поединке в Франции. Говор его был тих с расстановкой; он вытвердил несколько имен французских авторов и ими бросал пыль в глаза соотечественников своих, не понимающих по-французски. Любезничал с женщинами и искал всегда серьезных разговоров; не был застольным товарищем; в карты не играл и кроме воды ничего не пил. Пушкин чувствовал к нему анти-

([91]) Чин этот был гибелен для Д. Руссо: посессор, взявший селение в аренду, рассчитывал на устройство мельницы, а чтобы вновь устроить, нужно было ожидать еще год, по причине отдаления материалов и невозможности всегда находить рабочих, знающих это дело. Посессор не внес помещику деньги; этот начал преследовать его судебным порядком; посессор с своей стороны обжаловал главного виновника Д. Руссо; наложили запрещение на его имение, и дело, начавшееся в 1818 году, продолжалось еще в 1828-м, когда я оставил Кишинев. В 1845 году Д. Руссо был вызван в Сенат для выслушания решения; он отчаявался в успехе своих оправданий, основывающихся на усердии верноподданного; не знаю, чем они кончили, ибо я должен был выехать по делам, и когда чрез четыре месяца возвратился, то Д. Руссо уехал уже из Петербурга в Бессарабию. (Прим. Липранди).

[22] Кибла — место, к торому мусульмане обращаются лицом во время молитвы; в переносном смысле — предмет стремления, идеал.

патию, которую скрывать не мог, и, полагаю, что к этой ненависти много содействовало и то, что Руссо не был обычного направления тогдашней Кишиневской молодежи, увивавшейся за Пушкиным. Александр Сергеевич встречался с ним у Крупянского, у Стамо, или у Земфираки, редко у меня и иногда у Бологовского, который, как замечено выше, забавлялся, созывая к себе, поочередно, обедать по нескольку оригиналов. Александр Сергеевич не мог переносить равнодушно присутствия Янки Руссо; самодовольствие этого последнего вызывало первого из себя. Однажды у Бологовского приглашена была другая серия, в составе которой находился местный поэт Стамати (о нем скажу после). Без намерения или с намерением шутить Бологовской за столом начал расточать похвалы Янке Руссо, что очень нравилось Стамати и его двум, трем тут бывшим соотечественникам, но чего не выносил Пушкин, хотя и был убежден, что Дмитрий Николаевич шутит и как будто вызывает его сказать свое мнение; но Пушкин вертелся от нетерпения на стуле; видно было, что накипь у него усиливалась. Раз Бологовской, обратясь к Стамати, сказал ему, что он с большим удовольствием прочитал рукопись Янки Руссо о впечатлении, сделанном на него в первое время приезда в Париж, и о сравнении с Венским обществом, и что тут Бологовской нашел очень много глубокой философии и пр. Бологовской видимо смеялся над этой рукописью, навязываемою нам всем; но Стамати принял это за чистую монету и с некоторою гордостью самодовольно отвечал: „C'est notre Jean-Jacques Rousseau".

Здесь Пушкин не в силах был более удерживать себя; вскочил со стула и отвечал уже по-русски: «Это правда, что он Иван, что он Яковлевич, что он Руссо, но не Жан — Жак, а просто — рыжий дурак!» (roux-sot); он действительно несколько рыжеват. Эта выходка заставила всех смеяться, что разделял, и кажется искренне, и сам Стамати, который почитал себя классиком и возродителем Молдавской поэзии.

Стамати, как замечено выше, был в числе других иногда приглашаем к обеду Д. Н. Бологовским. Он и младший брат его служили в верховном совете. В приезд свой в Бессарабию П. П. Свиньин, не знаю (ибо было за два года до меня) по рекомендации, или по случаю назначения ему квартиры у Стамати, сблизился с старшим братом (отец и мать были уже умершими) и выхлопотал у А. Н. Бахметева разрешение сопутствовать ему (Свиньину) в путешествии по Бессарабии, плодом которого, между прочим, было определение ссылки Овидия в Аккерман. Говорили, что будто бы Свиньин уверил Стамати, что он литератор и поощрил его на этот путь. В маленьком садике, сзади дома Стамати, поставлена в память Павла Петровича колонка, на которой красовался гипсовый бюст Анакреона, и надпись: «в память П. П. Свиньину». Стамати пустился писать с такой смелостью, что начал переводить на молдавский язык трагедии Вольтера и Расина. Пушкин встречал его в разных домах, и, несмотря на все усилия Стамати сблизиться с нашим поэтом, этот был равнодушен к вызовам первого — прослушать перевод Федры, чтобы оценить гармонию молдавского языка. Пушкин постоянно отклонялся, довольствуясь уже тем, что слышал некоторые отрывки, повторенные в каком-то обществе и заставившие Пушкина помирать со смеху ([92]). Д. Н. Бологовской, при высшем своем образовании, вме-

([92]) Однажды, когда мы проходили с Пушкиным мимо дома Стамати, этот сидел на крыльце; поклонившись, мы обменялись несколькими словами, не останавливаясь; но спутник мой пожелал, чтобы я завел его посмотреть Анакреона, поставленного в честь Свиньину. Я остановился и отнесся с какою-то речью к

сте с тем был не чужд иногда потешиться кой-какими сценами вроде того, как это было с Дино Руссом; так и здесь ему хотелось свести Пушкина с Стамати. После обеда он пригласил бессарабского поэта прочитать свою пиесу, прибавив, что, не зная молдаванского языка, он желает слышать гармонию стихов, и что Пушкин по принадлежности будет судьей. Чтение при общем молчании началось; но так как длинно было бы читать всю трагедию, Пушкин предложил избрать какое-либо место, по которому можно будет судить о языке и всей пиесе и очень сериозно назвал это место Стамати. Пушкин сел против Дмитрия Николаевича, и глаза их устремились друг на друга с более или менее сдержанною улыбкой. Но когда дошло до места, которого Пушкин переварить никак не мог, то он разразился смехом, за ним другие, а там и Бологовской, хотя сдержаннее других, и как бы относя смех свой не к произнесенным словам читавшего, а более к Пушкину, спрашивая его: «Что он тут находит смешного?» Смеялся и сам Стамати: «Помилуйте, ваше превосходительство, может быть это очень хорошо, очень грамотно, очень верно передано, но какая же гармония в чифаче Ипполит? и в ответ: бояру! Саракуаль Мурит?» Все вместе с молдавским поэтом смеялись, но Бологовской поддерживал, что особенно неприятного для слуха он ничего не находит. Это одушевило Стамати, начавшего произносить из перевода еще кой-какие места. Но Пушкин и слышать не хотел о гармонии языка и, обратясь к Стамати, сказал ему, что он очень хорошо делает, занимаясь литературой и в особенности не придерживаясь, как это делают теперь за-прутские, вводя латинские и французские слова и вытесняя из языка славянские и пр.; но чтобы о гармонии для европейского уха не было бы и речи; это всё равно, если бы уверяли, что цыганские хоры — лучше хороших европейских оркестров. Пушкин видимо разжигался; казалось, что он уже не мог видеть, что Бологовской, как хозяин и как охотник до подобных потех не мог прямо разделять его мнение. Пушкин не понимал, что уклончивым отзывом Дмитрий Николаевич вызывал на арену самого Стамати, и начал приводить разные молдаванские слова, которые для нашего слуха действительно одни как-то дики, другие — смешны, и наконец присовокупил: «Да вот как, ваше превосходительство, если бы вам пришлось отвечать кому-либо на письмо из России, в котором вас спрашивают о вашем адресе, как поживаете, дорого или дешево жить, какие деньги ходят здесь и пр., то вам пришлось бы отвечать, что живете вы в Читате-ди-жос, возле Бессерики Бонавестины; в кассе исправника Еманди; что кила пшеницы стоит здесь один махмудье» и т. п., т. е. в Нижнем городе, возле церкви Благовещения, в доме исправника Еманди; кила (весовая мера) продается за махмудье (золотая монета в общем обращении — тогда 25 левов) и т. п. «Хорошо примут эту гармонию у нас в России!..» Затем следовали еще несколько примеров, при общем смехе, в котором принимал не малое участие и сам Стамати, свертывая свою рукопись. Когда бессарабский

Стамати; он поспешил пригласить нас. Мы сели на крыльце же, прохлаждаясь тотчас поданной дульчецей. Чтобы скорей окончить посещение, я просил Стамати показать Пушкину свой садик с обелиском, что тотчас и было исполнено. Хозяин был в восхищении от посещения его Пушкиным и пригласил нас на другой день обедать, но спутник мой под вымышленным предлогом отложил это до другого раза. На вопрос мой, когда мы от него вышли, почему он отказался, тем более, что Стамати хорошо угощает, Пушкин отвечал: «Что же толку в том: после обеда он непременно бы перевернул всю внутренность мою своею «Федрой»; он во что бы то ни стало хочет мне прочитать ее от доски до доски, а я не выдержал бы, чтобы не расхохотаться, что было бы невежливо у него в доме». (Прим. Липранди.)

поэт ушел, Бологовской взял под руку Пушкина и, ведя его в кабинет, сказал ему по-французски, чтобы он написал всё то, что он сказал, потому что именно он получил письмо такого содержания из Петербурга от сослуживца своего Обрезкова и хочет удовлетворить его. Пушкин написал. Посмеявшись еще, разошлись. Этот эпизод, не знаю почему, попал ко мне в дневник, и здесь я рассказал его потому более, что из числа аристократических домов Кишинева Пушкин нигде не был развязнее, как в обществе Бологовского».

Этот отрывок интересен прежде всего тем, что существенно дополняет наши сведения о том круге соединявших в себе патриархальную простоту с чертами европеизации молдаванских «бояр», с которыми приходилось общаться Пушкину, относившемуся к ним, как видим, более чем иронически.

М. Цявловский

III

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Записная книжка для адресов (с алфавитом) в бумажном переплете зеленого цвета размером 15,8 × 12,2 см. В книжке сто шесть нумерованных листов, на которых имеются записи, наклеенные листки с записями, вырезки из корректурных оттисков и газет, визитные карточки и фотографии (№ 32). Книжка приобретена Литературным Музеем в составе части архива Бартенева в июле 1932 г. у С. Н. Бартеневой.

Записи относятся к 1870—1880-м годам.

Приводим из книжки относящееся к Пушкину.

(л. 54).

Пушкин восхищался [двустишием] стихами из Воейковского Дома сумашедших:

И чтоб разом кончить речь
Благороден как Булгарин
Бескорыстен так, как Греч.

Он повторял часто эти стихи, уверяя, что лучше их нет.

Первая редакция знаменитой сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» относится к 1814 г. Потом, в течение всей своей жизни (умер 16 июня 1839 г.) Воейков переделывал старые и прибавлял новые строфы. В письме к А. И. Тургеневу от 23 января 1836 г. кн. П. А. Вяземский сообщал как новость шесть строф из сатиры, посвященных Гречу, Булгарину, Н. Полевому и Сенковскому. Строфы о Полевом здесь читаются:

«Вот в порожней бочке винной
Целовальник Полевой,
Беспортошный и бесчинной...
Сталось что с его башкой?
Спесь с корыстью в ней столкнулись,
И от натиска сего
Ум и сердце повернулись
Вверх ногами у него.
Подл, как раб, надут, как барин
И, чтоб словом кончить речь:
Благороден, как Булгарин,
Бескорыстен так, как Греч» [1].

В этом тексте пропущены первые четыре стиха второй строфы, которая в других списках читается:

«Самохвал, завистник жалкой,
Надувало ремеслом,

[1] «Остафьевский архив князей Вяземских», т. III, СПБ., 1899, стр. 291.

Битый Рюриковой палкой
И санскритским ботажьем.
Подл, как раб, надут как барин,
Он, чтоб вкратце кончить речь:
Благороден, как Булгарин,
Бескорыстен так, как Греч»[2].

Любопытно, что последние четыре стиха второй строфы ходили в списках под заглавием «Надпись к портрету» как стихотворение Пушкина[3].

(л. 54₂)

писал Пушкин Е. М. Хитровой про свою невесту. (От гр. Е. Ф. Тизенгаузен). J'epouse une madonne louche et rousse[4].

В опубликованных письмах Пушкина к Е. М. Хитрово такой фразы нет. Гр. Екатерина Федоровна Тизенгаузен (р. около 1803 г., ум. в 1888) — старшая дочь приятельницы Пушкина Елизаветы Михайловны Хитрово (1783—1839) и потому нет оснований сомневаться в достоверности этого сообщения.

(л. 57)

Пушкина в Царс. Селе граф Васильев застал в его доме в одном халате, без всякого белья. Он стал говорить молодому лейб-гусару про вышедшего тогда Конька Горбунка: «Этот Ершов владеет русским стихом точно своим крепостным мужиком». Это было часов в 6 утра. Пушкин зазвал к себе графа Васильева, увидав, как проезжал он мимо его окон, отправляясь на ученье.

Этот рассказ Бартенев в «Разных заметках о Пушкине (Из записных книжек «Русского Архива»), напечатанных в РА 1899, № 6, передал в таком виде: «Молодой лейб-гусар граф. А. В. Васильев, в Царском Селе, очень ранним утром ехал на ученье мимо дома Китаевой, где жил Пушкин. Знавший его, как и многих других офицеров, Пушкин увидал его в окно и позвал к себе. Перед тем появился в печати «Конек-горбунок». «Этот Ершов, — сказал Пушкин графу Васильеву (который тоже писал стихи), — владеет русским стихом точно своим крепостным мужиком» (стр. 355).

Рассказ записан со слов гр. Алексея Владимировича Васильева (р. 4 мая 1809 г., ум. 22 октября 1895 г.)[5], служившего в лейб-гусарах в 1832—1837 гг.[6] Пушкин жил в Царском Селе летом 1831 г., т. е. тогда, когда Васильев еще не служил в гусарском полку, а потому рассказанное им не могло происходить в этом году. Не могло это происходить в 1831 г. и потому, что в этом году не могла итти речь о сказке Ершова. Рассказанное Васильевым происходило летом (не раньше июня) 1835 года и не в Царском Селе, а на даче Миллера на Черной речке. Первая часть сказки П. П. Ершова (1815—1869) «Конек-горбунок» вышла в свет 5 мая 1834 г. в пятой книжке «Библиотеки для Чтения», а вся сказка вышла отдельным изданием в сентябре 1834 г.[7]. Таким образом разговор о сказке Ершова мог происходить и летом 1834 г., но летом этого года Пушкин жил в Петербурге (на Пантелеймоновской улице). Васильев, естественно, мог по истечении не одного десятка лет, вместо дачи на Черной речке назвать Царское

---

[2] Список, бывший у П. А. Ефремова. См. РС 1874, март, стр. 595.

[3] В таком виде четверостишие имеется в рукописном сборнике «Всякая всячина» (часть вторая) Нордштейна, хранящемся в Государственном Историческом Музее в Москве.

[4] Я женюсь на косой и рыжей мадонне

[5] «Московский Некрополь» в. к. Николая Михайловича, т. I, СПБ., 1907, стр. 183.

[6] Манзей «История» лейб-гвардии гусарского е. в. полка». 1859, ч. III, стр. 133. Здесь ошибочно он назван Александром.

[7] См. «Библиотека для Чтения» 1834, т. VI, отд. VI, стр. 1.

Село, но замена Пантелеймоновской улицы в Петербурге Царским Селом мало правдоподобна.

(л.60$_1$.)

заниматься вторая сестра Александра Николаевна, ныне Фризенгоф. Пушкин подружился с нею [и одно время отношения их были так близки, что внушали беспокойство друзьям. (Это же мне говорил и Соболевский, который полушутя напоминал Пушкину, чтобы он держал себя осторожнее с свояченицей). Раз Пушкин взял у нее какой-то перстень с бирюзою, которая по суеверным толкам предостерегает от внезапной смерти, носил этот перстень и назад ей отдал. Потом взял у нее цепочку, и уже лежа на смертном одре поручил княгине Вяземской возвратить ей эту цепочку, но непременно без свидетелей. Александра Николаевна ни разу не приходила к умиравшему Пушкину одна, но всегда с сестрою. По кончине Пушкина, кн. Вяземская исполнила это поручение его, и прибавила, что он приказал отдать цепочку именно без свидетелей. Та вспыхнула и сказала: «Не понимаю, отчего это!»].

Вырезка из корректурной гранки статьи Бартенева: «Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских. (Записано в разное время, с позволения обоих)», напечатанной в РА 1888, № 7, стр. 309. Вырезка представляет собою исключенный Бартеневым в корректуре конец абзаца, который напечатан в РА в таком виде:

«Влюбленная в Гекерна, высокая, рослая старшая сестра Екатерина Николаевна Гончарова нарочно устраивала свидания Натальи Николаевны с Гекерном, чтобы только повидать предмет своей тайной страсти. Наряды и выезды поглощали всё время. Хозяйством и детьми должна была заниматься вторая сестра, Александра Николаевна, ныне Фризенгоф. Пушкин подружился с нею...».

Об этом месте в статье Бартенева писал П. Е. Щеголев в своем исследовании «Дуэль и смерть Пушкина»: «Точки, поставленные после этой записи и очевидно означающие в этом месте не то пропуск, не то желание умолчать о чем-то, заинтересовали меня, и я обратился за разъяснениями к П. И. Бартеневу, спрашивая его, случайны ли точки или они со значением. П. И. Бартенев ответил мне следующим сообщением (в письме от 2 апреля 1911 г.): «Княгиня Вяземская сказывала мне, что раз, когда она на минуту осталась одна с умиравшим Пушкиным, он отдал ей какую-то цепочку и попросил передать ее от него Александре Николаевне. Княгиня исполнила это и была очень изумлена тем, что Александра Николаевна, принимая этот загробный подарок, вся вспыхнула, что и возбудило в княгине подозрение». В другом своем письме (от 14 октября 1911 года) П. И. Бартенев сообщил мне категорически: «что он (Пушкин) был в связи с Александрой Николаевной, об этом положительно говорила мне княгиня Вера Федоровна» [8].

Сообщенное Щеголеву в письме от 2 апреля 1911 г. Бартенев так передал в РА 1908, № 10, стр. 296: «Умирающий Пушкин отдал княгине Вяземской нательный крест с цепочкой для передачи Александре Николаевне».

О близости Пушкина к А. Н. Гончаровой говорила Бартеневу еще в 1859 г. кн. Е. А. Долгорукова, рожд. Малиновская. См. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах». М., 1925, стр. 60 О том, что Пушкин Александру Николаевну «удостоивал своею отменною дружбою», Бартенев писал в РА 1879 г., № 6, стр. 255.

Анна Николаевна Вульф писала своей матери 12 февраля 1836 г.: «Ольга (сестра поэта) утверждает, что он (т. е. Пушкин) очень ухаживал за своей свояченицей Александриной». См. «Пушкин и его современники», вып. XXI—XXII,

[8] См. «Пушкин и его современники», вып. XXV—XXVII, стр. 327—328; перепечатано в книге П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы». 2-е изд., исправленное. П., 1917, стр. 410 и в третьем издании.

стр. 331. Намекал на это и Аркадий Осипович Россет в своем рассказе Бартеневу: «Тогда уже, летом 1836 г., шли толки, что у Пушкина в семье что-то неладно: две сестры, сплетни, и уже замечали волокитство Дантеса». См. РА 1882, № 2, стр. 246.

Товарищ Дантеса по полку, кн. А. В. Трубецкой, стариком (в 1887 г.) рассказывал В. А. Бильбасову: «Дело в том, что Гончаровых было три сестры: Наталья, вышедшая за Пушкина, чрезвычайно красивая, но чрезвычайно глупая, Екатерина, на которой женился Дантес, и Александра, очень некрасивая, но весьма умная девушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie Alexandrine знала наизусть все стихотворения своего будущего beau-frère и была влюблена в него заочно. Вскоре после брака Пушкин сошелся с Alexandrine и жил с нею. Факт этот не подлежит сомнению. Alexandrine сознавалась в этом г-же Полетике» (см. Щеголев «Дуэль и смерть Пушкина», 2-е изд., стр. 404).

Теперь ко всем этим свидетельствам нужно присоединить сообщение Соболевского Бартеневу.

М. Цявловский

ПОРТРЕТЫ ПУШКИНА И МЕМОРИАЛЬНЫЕ ВЕЩИ ИЗ СОБРАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Портреты и мемориальные предметы, воспроизведенные в настоящей книге, представляют собою часть Пушкинской коллекции Государственного Литературного Музея.

Коллекция эта, состоящая из оригинальных портретов, иллюстраций и памятных предметов, относящихся не только к самому Пушкину, но и к его эпохе, не имея еще в настоящее время исчерпывающего характера, тем не менее обладает уже предметами исключительного значения и ценности.

Подробный толковый перечень всех предметов будет дан в одном из ближайших выпусков Пушкинского бюллетеня Музея, здесь же мы даем лишь краткое описание воспроизведенных в настоящем томе вещей.

При выборе именно их для публикации в первую очередь Государственный Литературный Музей руководствовался тем, чтобы дать прежде всего воспроизведение предметов, имеющих помимо художественной ценности еще и документальную.

1. ПОРТРЕТ ПУШКИНА РАБОТЫ Ж. ВИВЬЕНА

Портрет работы Жана Вивьена обычно считается третьим по времени портретом Пушкина. Долгое время его относили, неизвестно почему, к 1820 г., чему явно противоречит как вполне возмужалое лицо поэта, так и некоторые другие признаки, о которых мы скажем ниже.

Портрет этот представляет собою рисунок карандашом, подписанный инициалами J. V., что первоначально склонны были считать за инициалы известного миниатюриста Жюля Верне.

Имеются два почти идентичных экземпляра этого портрета. Первый, принадлежащий ныне Пушкинскому Дому Академии Наук СССР, и второй, составляющий собственность Государственного Литературного Музея.

Относительно первого мы знаем, что он, по словам Либровича, был сделан по заказу самого Пушкина и подарен им его соседям по именью Осиповым-Вульф, от которых он перешел в собственность младшего сына поэта Г. А. Пушкина. Однако последний, видимо, снова подарил его родственной Осиповым семье баронов Вревских, так как именно от баронессы С. В. Вревской покойный Б. Л. Модзалевский и получил его для Музея Пушкинского Дома Академии Наук СССР.

Второй, ныне воспроизводимый, экземпляр портрета, очень мало разнящийся от первого, хранился до последних лет у наследников поэта Е. А. Боратынского, у которых был куплен Н. И. Тютчевым, а последним продан в Государственный Литературный Музей.

По семейному преданию этот второй портрет был заказан Пушкиным специально для подарка Е. А. Боратынскому, при чем даритель якобы даже собственноручно окантовал свой портрет в черное паспарту с двумя тисненными ободками из золоченой бумаги.

На этом портрете Пушкин изображен погрудно, ¾ вправо. У него курчавые довольно короткие волосы и большие бакенбарды. Одет он во фрак с белым жилетом и высоким черным галстуком.

Версия о принадлежности этих двух портретов карандашу Жюля Верне продержалась вплоть до 1921 г., когда покойный В. Я. Адарюков, в № 7—8

«Казанского Музейного Вестника» подверг критике это предположение и доказал, что портрет этот принадлежит руке художника гораздо более скромного, чем Жюль Верне, работавшего с 1812 по 1842 г. в Париже.

По утверждению В. Я. Адарюкова, к которому почти одновременно с ним пришел и Б. Л. Модзалевский, автором портрета является работавший в 1810—1820 гг. в Москве художник Жан Вивьен, или как называли его в России — Иван Осипович Вивьен.

Сведения об этом художнике крайне незначительны. Известны его работы портреты кучера Александра I Ильи Байкова, неизвестного из семьи Голицыных, мальчика из семьи Леонтьевых, и наконец, что особенно важно, Е. А. Боратынского и литографированный портрет Василия Львовича Пушкина.

Именно один из двух последних очевидно и свел Пушкина с Вивьеном.

Портрет этот сделан карандашом на бумаге, размер его 11,5 × 11 см. Подпись «J. V».

На обороте портрета, принадлежащего Государственному Литературному Музею, имеется надпись рукою Александра Николаевича Боратынского, внука поэта: «Портрет подаренный Пушкиным Евгению Абрамовичу Боратынскому. А. Боратынский». А несколько ниже тем же почерком: «Этот портрет заклеен в рамку (по преданию), собственноручно Александром Сергеевичем Пушкиным».

2. ПОРТРЕТ ПУШКИНА РАБОТЫ П. Ф. СОКОЛОВА

Второй прижизненный портрет Пушкина принадлежит кисти известного акварелиста Петра Федоровича Соколова.

Время написания его относится одними исследователями к 1830 г., а другими к 1836 г. Точных данных ни на то, ни на другое нет, так как нам, к сожалению, совершенно неизвестны ни поводы, ни обстоятельства, при которых портрет этот написан.

Сигизмунд Либрович склонен отнести портрет работы Соколова к 1830 г. главным образом на основании того, что на нем Пушкин очень схож с другими портретами, писанными около 1830 г.

«Сходство», указанное Либровичем, действительно весьма значительно. Это обстоятельство дало некоторым исследователям, например Б. Борскому, основание считать портрет Соколова не более как вольной копией с Кипренского, не приводя, однако, в доказательство своего положения ничего кроме внешнего, и то лишь частичного, сходства. Между тем, наряду с чертами сходства между двумя названными портретами, существуют и не меньшие черты различия и, если основываться только на этих внешних признаках, то почему бы не отнести к числу копий с Кипренского гораздо более близкую к нему работу Гиппиуса, чего, однако, Б. Борский не делает, считая последнюю самостоятельной.

Лично нам думается, что работа П. Ф. Соколова несомненно оригинальная. Он вполне мог видеть Пушкина и был достаточно крупным художником, чтобы Пушкин согласился позировать специально для него, так что ему не к чему было прибегать к копированию чужой работы, что вообще большие художники делать не любят, исключая тех случаев, когда копируют для штудирования. Заметим также и то, что, как тонко подметил Игорь Эммануилович Грабарь, в сходстве между собою портретов Пушкина, писанных различными художниками, повинны, быть может, не столько они, сколько сам Пушкин, подставлявший, повидимому, им себя почти всегда под одним и тем же углом зрения, в одной примерно позе и с одинаковым направлением глаз, обстоятельство, которое И. Э. Грабарь склонен объяснить какой-то неизвестной нам особенностью внешности Пушкина.

Но, если даже и ставить под знак вопроса оригинальность портрета Соколова, то все же он чрезвычайно ценен для нас, как превосходная работа одного из лучших художников, современных Пушкину, а потому могущих делать свои портреты по личным впечатлениям.

На портрете Соколова Пушкин изображен по пояс, ¾ вправо, сидящим в кресле с высокой резной спинкой и голубой обивкой. Одет он в застегнутый доверху коричневый сюртук, у него не длинные курчавые, темнорусые волосы, небольшие баки и светлосиние глаза. Размер листа бумаги 21½ × 17 см, изображения — 15½ × 15 см.

Описывая портрет Соколова, С. Либрович говорит: «По чьему поручению и для кого писал Соколов этот портрет — неизвестно. Известно лишь то, что Соколов, написав этот портрет с Пушкина, отдал его поэту. Пушкин же подарил портрет своему другу А. О. Россети, а тот, многие годы спустя, отдал его в дар Помпею Николаевичу Батюшкову, просвещенному любителю литературы и искусства. От Батюшкова портрет этот перешел в собственность кн. В. П. Мещерского».

Судя по приведенной выписке, Либровичу была известна лишь одна

акварель Соколова, при чем трудно сказать, которая именно. Скорее всего дело шло о подписанной Соколовым акварели, которая ныне хранится в Государственном Литературном Музее в Москве, куда перешла из Государственного Театрального Музея имени А. А. Бахрушина. В этот последний Музей, по словам самого А. А. Бахрушина, портрет был приобретен вместе с делами Опеки над детьми и имуществом Пушкина. В 1899 г. акварель эта была на Пушкинской выставке в Москве, при чем принадлежала тогда П. Н. Батюшкову.

Второй экземпляр акварели Соколова, не носящий подписи художника и несколько отличающийся от первого по краскам, до революции хранился у внучки Карамзина, графини Е. П. Клейнмихель, рожденной княжны Мещерской, которая давала его для снятия копии для Пушкинского Дома покойному Борису Львовичу Модзалевскому. В годы революции портрет этот попал на толкучку, где и был куплен художником Тиховым, затем, после его смерти, был продан вдовой за сто рублей книгопродавцу антикварю Ф. Г. Шилову, а этим последним покойному П. Е. Щеголеву, перепродавшему его Пушкинскому Дому (через Музей Революции).

По словам Е. П. Клейнмихель, портрет Пушкина принадлежал ранее ее матери кн. Е. Н. Мещерской, рожденной Карамзиной, затем ее брату В. П. Мещерскому и, наконец, ей.

Таким образом С. Либрович, указывая как на владельцев портрета на В. П. Мещерского и П. Н. Батюшкова, очевидно, смешивает воедино обе известные акварели работы Соколова.

3. ПОРТРЕТ ПУШКИНА РАБОТЫ К. МАЗЕРА

Третьим портретом Пушкина в коллекции Государственного Литературного музея является портрет работы шведского художника Карла Петера Мазера (C. P. Mazer).

На нем Пушкин изображен в рост, ¾ вправо, сидящим с ногами на диване красного дерева, обитом зеленой кожей. Одет он в красный клетчатый архалук, из-под которого выпущен воротник и рукава мягкой белой рубахи. Локтем правой руки он опирается на ручку дивана, в левой руке у него что-то вроде карандаша. На диване перед ним раскрытая книга, книги же в беспорядке лежат сбоку и позади дивана; на фоне портрета драпировка.

Еще Либрович, относивший портрет Мазера к последним годам жизни Пушкина, отметил, что главным отличием этого портрета от остальных является то, что «на нем совершенно ясно видно, что Пушкин, независимо от бак, с которыми он представлен на других портретах, носил еще соединяющую баки, ниже подбородка, выше адамова яблока, узкую полосу волос, в том роде, как носил бороду Мицкевич».

Далее, говоря об особенностях Мазеровского портрета, тот же исследователь говорит о том, что у Мазера менее чем у Тропинина выражен прогнотизм челюстей, а волосы менее вьются чем на других цветных портретах. Вот и все, что он отмечает.

Между тем, если вглядываться в портрет Мазера, то не трудно заметить, что отличие его от всех остальных портретов весьма заметное, далеко выходящее за пределы отдельных черт, отмечаемых Либровичем[1]. Особенно отличаются глаза, которые смотрят как-то совсем не по-пушкински. Остальные же черты лица хотя и пушкинообразны, однако это пушкинообразие их как-то несколько схематично, словно кто-то подгримировался под Пушкина.

Как и относительно почти всех остальных портретов Пушкина, нам совершенно ничего неизвестно о тех условиях, при которых писался данный портрет. Либрович относил его к последним годам жизни Пушкина, по возмужалости черт лица поэта; мы, в статье «Заметки на полях книги Либровича», — к 1835 г., по аналогии с так называемым портретом Натальи Николаевны Пушкиной, принадлежащим Пушкинскому Дому Академии Наук СССР.

Когда в 1935 г. портрет Мазера был передан из Государственного Театрального Музея имени А. А. Бахрушина в Государственный Литературный Музей, последний поручил художнику А. Д. Корину реставрировать его. При этом обнаружилась подпись художника «C. P. Mazer» и дата «1832» или, быть может, «1839». При последнем чтении хвостик идущий вправо от низа последней цифры склонны были принимать за случайную соединительную черту между цифрой 9 и точкой, поставленной в конце даты.

Последнее чтение даты ставило серьезнейшую угрозу значимости самого портрета, так как при ней он из числа прижизненных, документальных портретов переходил в ряд посмертных, воображаемых, синтетических.

---

[1] См. Пушкинский номер «Литературного наследства».

Первый (еще в период последней реставрации в 1935 г.) прочел последнюю цифру именно как девятку художник М. М. Успенский. В текущем 1936 г. так же прочел дату написания портрета и И. Э. Грабарь.

Словарь Тиме-Беккера, где подробно приведены главные даты биографии Мазера, был тем основным источником, который окончательно подтвердил правильность этого чтения и помог разгадать эту нехитрую загадку, которая, однако, более пятидесяти лет оставалась неразгаданной. (Кроме упомянутого словаря И. Э. Грабарь пользовался еще одной специальной статьей на шведском языке, оставшейся для нас недоступной.)

По Тиме-Беккеру, Карл Петер Мазер (Mazer) родился в Швеции в 1807 г. Учился сначала в Стокгольме в Академии, а потом, с 1825 г. в Париже. В 1833—1835 гг. Мазер жил в Италии. С 1835 по 1837 г. у себя на родине, откуда в 1837 г. переехал в Финляндию. Точное время приезда его в Россию неизвестно, но, как видим, никак не раньше 1837 г.

В России Мазер появился первоначально в качестве учителя рисования в семье Савеловых, живя с ними в их имении в Дмитровском уезде, Московской губернии, а позднее в 1841 г. переехал на ту же должность в Ярославль в семью Семена Николаевича Корсакова. В конце 40-х годов Мазер жил в Москве. В начале 50-х предпринял путешествие по Сибири, где зарисовал ряд портретов декабристов (коллекция эта ныне находится в Швеции).

Характеризуя творчество Мазера, барон Н. Н. Врангель говорит: «Мазер был точный, протокольный и бездушный рисовальщик, писал черно и безжизненно»[2]. Примерно также характеризует его и А. П. Мюллер: «Мазер прошел французскую школу, но не усвоил ни изящества, ни изумительного мастерства рисунка энгровской поры; творчество его ничто иное, как работа старательного ремесленника»[3].

Из портретов работы Мазера, имеющихся в музеях СССР, а также появлявшихся на выставках, нам известны портреты 1839 г. — П. В. Нащокина и неизвестного; 1840 г. — Н. В. Гоголя; 1842 г. — отца, матери и дочери фон-Бринк; 1843 г. — жандармского полковника Мордвинова; 1851 г. — декабристов Волконского, Пущина и Якушкина.

Возвращаясь к портрету Пушкина, мы, на основании вышеизложенного, должны заключить прежде всего, что он никак не мог быть написан в 1832 г., когда Мазер жил в Париже. Более того, он вообще не мог быть написан с Пушкина, так как Мазер начало 1837 г. провел в Финляндии, где написал точно датированный портрет поэта Рунеберга. Таким образом, остается дата 1839 г., т.-е. та же, что и портрета Павла Воиновича Нащокина.

Тут то, думается нам, и заключена разгадка.

Вернемся на восемь лет назад.

Женившись в Москве, Пушкин с молодой женой уезжает сначала в Петербург, а потом в Царское Село.

Сидя там, он ведет переписку с друзьями, а в том числе и с Павлом Воиновичем Нащокиным.

Одним из предметов переписки служат портреты Пушкина и Натальи Николаевны; первого из них Нащокин настойчиво добивается, другого просит робко, намеками.

9 июня 1831 г. он пишет Пушкину, что ему грезится такая картина: «я точно с тобой в кабинете стою, и молчу и жду сам не знаю чего. Ты перебираешь листы, Наталья Николаевна сидит за канвой. Вот, братец, не портрет, а картина: найди-ка мне такого мастера, чтобы он так нарисовал живо, как мне теперь представляется». И в том же письме еще раз пишет: «портрет непременно, сделай милость, напомни Наталье Николаевне, что она мне обещала тебе об оном напоминать почаще».

В ответном своем письме от 26 июня Пушкин пишет, что так как по случаю холеры всякое сообщение с Петербургом прервано, то Нащокин не получит скоро его образа и тут же, как бы успокаивая своего друга, добавляет: «Брюллов в Петербурге и женат, следовательно в Италию так скоро не подымется». Как, видим, у Пушкина, очевидно, была мысль заказать портрет именно А. П. Брюллову.

А в письме от 3 августа того же года пишет: «Жена тебе кланяется и целует. Портрета не присылает за неимением живописца». Здесь не вполне ясно, идет ли речь о портрете Пушкина, обещанного Натальей Николаевной Нащокину, или ее самой, скорее все же о первом.

Из дальнейшей переписки Пушкина с Нащокиным так и не видно, чтобы последний когда-нибудь получил портрет своего знаменитого друга.

В 1837 г. после смерти Пушкина Наталья Николаевна писала Нащокину:

---

[2] Н. Н. Врангель «Иностранцы XIX в. в России». — «Старые годы», 1912, июль — сентябрь, стр. 38.

[3] А. П. Мюллер «Иностранные живописцы и скульпторы в России». М. 1825, стр. 94.

«Простите, что я так запоздала передать Вам вещи, которые принадлежали одному из самых преданных Вам друзей. Я думаю, что Вам приятно будет иметь архалук, который был на нем в день его несчастной дуэли; присоединяю к нему также часы, которые он носил обыкновенно».

Теперь сопоставим тот воображаемый портрет, который грезился Нащокину в 1831 г., с портретом Мазера. Сходство их очевидно. Одежда Пушкина на этом портрете — как раз красный с клетками архалук, почти несомненно тот самый, который Наталья Николаевна послала Нащокину.

Выводы напрашиваются сами собою.

Нащокин, так и не получив от Пушкина никакого портрета, обратился в 1839 г. к рисовавшему его собственный портрет Мазеру, с просьбой написать портрет своего умершего друга, и притом именно в том самом домашнем его обличии, которое всего милее было для Нащокина.

Материалами для портрета послужили, очевидно, прежде всего рассказы Нащокина, обрисовавшего Мазеру во всех доступных ему деталях обличие и привычки Пушкина. Затем его одежда, т. е. как раз архалук и наконец те изображения, которые могли быть у Нащокина. Среди них прежде всего тот бюст Пушкина, который в 1837 г. лепил в Москве Витали под надзором Нащокина (см. письмо М. П. Погодина к кн. П. А. Вяземскому от 29 апреля 1837 г.), изображение которого мы видим на картине Н. И. Подклюшникова, изображающей внутренность гостиной в доме Нащокина в Москве, в 40-х годах XIX века [4].

Кроме того у Мазера, очевидно, была посмертная маска Пушкина, работы Гальберга, гравированные и литографированные портреты Пушкина. Наконец, не исключена возможность, что Мазер видел портреты Пушкина и работы Тропинина и Кипренского.

Элементы всех перечисленных изображений, несомненно, можно найти в портретах Мазера.

От Витали Мазер взял волосы, завитые значительно менее круто, чем на портретах Тропинина, Кипренского и Вивьена. От маски — форму носа слегка горбатого и заостренного книзу, чего не было заметно у живого Пушкина. От Тропинина перстень «талисман». От Кипренского — холеные маленькие руки с отточенными длинными ногтями.

Но обычно художнику для создания образа недостаточно бывает рассказов очевидцев и чужих воспроизведений, ему нужна чья-либо живая натура, которая помогла бы ему воспроизвести то, что видят уже его мысленные очи. И вот тут-то Мазер и попросил, очевидно, Павла Воиновича посидеть для него в той самой позе и в том одеянии, в которых он желал видеть воспроизведенным Пушкина.

Когда же Нащокин сел, то Мазер, живописец робкий и слабый, лишенный всякого полета воображения, а привыкший лишь рабски протоколировать то, что видел перед собой, невольно поддался натуре и в довольно значительной мере придал лицу Пушкина некоторые черты и, в частности, взгляд Нащокина.

Что это действительно так, легко убедиться каждому, кто даст себе труд сличить портрет П. В. Нащокина, рисованный Мазером в 1839 г., с написанным им в том же году портретом Пушкина. Форма лба, глаза, овал лица, склад губ, отчасти волосы на голове, баках и на соединяющей последние бородке, несомненно напоминают нащокинские. Мазер был честный швед, и потому точно датировал свой портрет 1839 г., т. е. вовсе и не утверждал, что он писан с самого Пушкина.

В этой двойственности источников Мазеровского портрета и кроется тайна различия его от прижизненных портретов Пушкина, написанных непосредственно с последнего.

Таким образом, как это ни грустно, и без того небогатая прижизненная Пушкинская иконография теряет еще одну единицу, которая числилась в ней около шестидесяти лет, а слова Н. Н. Врангеля о том, что сам Мазер «главный интерес представляет нам, как оставивший черты лица и весь облик Пушкина», теряют всю свою силу.

Заметим, что, с выбытием из числа прижизненных Мазеровского портрета Пушкина, теряет все свое значение и тот женский портрет его работы, который, якобы, изображает Наталью Николаевну. В нем, прежде всего, отпадает предположенный мною (по характеру мод) 1835 г. Затем мною уже указывалось на то, что изображенная на нем дама более напоминает Веру Александровну Нащокину, чем Наталью Николаевну. Теперь, с перенесением этого портрета минимум на четыре года вперед, очень трудно предположить, чтобы Нащокин стал заказывать парный, как это считалось раньше, к портрету Пушкина, портрет его вдовы, как ни как, а послужившей косвенной причиной роковой дуэли.

---

[4] См. статью М. Беляева и П. Рейнбота: «Бюсты Пушкина работы Витали и Гальберга» — «Пушкин и его современники», XXXVII.

4. ГРИФ-СФИНКС, ПОДАРЕННЫЙ ПУШКИНЫМ А. А. ДЕЛЬВИГУ

Весьма интересной реликвией является золоченый бронзовый сфинкс, вернее сказать грифон, который Пушкин в 1829 г. послал в подарок своему ближайшему лицейскому другу и собрату по перу барону Дельвигу, сопроводив этот подарок стихами-загадкой:

«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы,
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип разреши».

Стихотворение это было помещено в альманахе «Царское село» на 1829 г.

Разгадка была: Дельвиг, а всей затеей Пушкин пародировал известный античный миф о мудром царе Эдипе, который спас Афины от власти жестокого сфинкса, разгадав те загадки, которые этот сфинкс задал ему.

Подлинность хранящегося в Государственном Литературном Музее грифона-сфинкса не подлежит никакому сомнению, так как он приобретен от А. А. Барановой, рожд. Боратынской, а к последней дошел по родственным связям от вдовы А. А. Дельвига, Софьи Михайловны, рожденной Салтыковой, по второму браку Боратынской.

Небольшие подарки, подобные этому грифону-сфинксу, были в большой моде в эпоху Пушкина, и мы знаем, что они характерны и для него самого, свидетельством чему является ряд вещей, хранящихся в Пушкинском Доме и некоторых других музеях.

Не вполне понятно как мог Пушкин спутать грифона и сфинкса. Это может быть мало-мальски удовлетворительно объяснено лишь тем, что у Пушкина не было под рукою сфинкса, а потому, по вольности поэзии, он и позволил себе окрестить этим именем грифона.

По характеру своей работы и материала грифон-сфинкс должен быть отнесен к изделию неизвестного русского мастера по бронзе первой трети XIX века.

5. ПЕРО ПУШКИНА

Гусиное очиненное перо, длиною 11,8 см. со следами бурых (более ранних) и зеленоватых (позднейших) чернил на очине. Бородка с пера вся сощипана, и сохранился лишь стержень. Со стороны бородки конец пера весь расщеплен, как бы разгрызан или раздавлен.

Перо пришито к листу плотной оберточной бумаги 1840-х годов, сложенному вдвое (наружу более гладкой своей поверхностью), размером 43,2 см. × 58,2 см. Лист сложен не совсем ровно.

Пришито перо черными нитками вдоль полулиста; нитки пропущены через оба полулиста и в двух местах сквозь стержень пера, связаны узлом над поверхностью бумаги, а концы ниток прикреплены к бумаге красной сургучной печатью с оттиском дворянского герба (щит под короной;на нем вверху треугольник; исходящая из вершины треугольника черта делит нижнюю половину щита на два поля; на левом (от зрителя) — звезда над веткой лозы; на правом — якорь). Около оттиска печати рукой Н. И. Тарасенко-Отрешкова чернилами написано: «Перо, взятое с письменнаго стола А. С. Пушкина 20 марта 1837 года». Той же рукой и теми же чернилами на обороте второго полулиста надпись: «Его Высокоблагородию Ивану Тимофеевичу Калашникову». Надпись эта сделана повидимому уже после того, как бумага с пришитым к ней пером была сложена пакетом (два параллельных сгиба вдоль, два поперек, один конец как в муфту входит в другой).

На задней стороне пакета штемпель Центрального Музея Каторги и Ссылки с вписанным номером: «1267». (Описание составлено С. Н. Синебрюховым.)

Взявший со стола Пушкина его перо — Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков, по словам П. В. Анненкова, «составивший себе репутацию серьезного ученого и литератора по салонам, гостиным и кабинетам влиятельных лиц, не имея никакого имени и авторитета ни в ученом, ни в литературном мире. Он прослыл агрономом, политико-экономом, финансовой способностью, не соприкасаясь с людьми науки и не выходя на арену публичности». По правдоподобному предположению того же Анненкова, когда Пушкин задумал издавать политическую газету, в 1832 г. «вероятно, в одном из петербургских салонов ему и указали на Н. И. Отрешкова, как на образцового и дельного сотрудника по журналу»[5].

16 сентября 1832 г. Пушкин дал доверенность Отрешкову на принятие им звания редактора. Газета Пушкина не состоялась, но после смерти поэта Отрешков, состоявший негласным сотрудником III Отделения и покровительствуемый

[5] Анненков П. В. «Воспоминания и критические очерки», т. III, 1881, стр. 258.

членом опеки над малолетними детьми Пушкина гр. Г. А. Строгановым, сделался членом опеки и играл в ней весьма значительную роль. По отъезде 16 февраля 1837 г. из Петербурга вдовы поэта, Отрешков полновластно распоряжался в его кабинете, где производилась организованная Отрешковым опись библиотеки Пушкина [6].

В это время Отрешков и взял со стола поэта два его пера.

Одно из них, как видно из сделанной Отрешковым надписи, он подарил Ивану Тимофеевичу Калашникову (1797—1863). Родом сибиряк, Калашников в 1823 г. переехал в Петербург, где служил чиновником в разных учреждениях до 1859 г., когда вышел в отставку, скончавшись через четыре года в Петербурге [7]. В 1830-х годах Калашников пользовался большой известностью как автор романов «Дочь купца Жолобова» (1832 г.) и «Камчадалка» (1833 г.) и повести «Изгнанники» (1834 г.).

Остается неизвестным, был ли Калашников лично знаком с Пушкиным, но, вероятно, в ответ на посланные Калашниковым поэту романы, последний написал ему письмо. Письмо это, по свидетельству дочерей Калашникова, затерялось после его смерти [8], но в бумагах поэта сохранился черновик этого письма, в котором Пушкин между прочим писал, что «ни одного из русских романов не прочитывал он с бо́льшим удовольствием» [9].

Принадлежа к поклонникам Пушкина, Калашников, пораженный смертью поэта, одно из своих писем (от 12 февраля 1837 г.) к П. А. Словцову посвятил описанию этого события.

Судьба пера, полученного Калашниковым от Отрешкова, остается неизвестной до 1899 г., когда оно было экспонировано на Пушкинской выставке в Академии Наук, в каталоге которой значится как «собственность Ник. Ив. Кирьякова в Феодосии» с пометой: «Продается». Было ли перо куплено кем-нибудь на выставке, тоже неизвестно. Известно лишь, что после Кирьякова пером владел сибирский артист Николай Порфирьевич Немезидин, много лет игравший в Иркутске. По завещанию Немезидина, после его смерти перо поступило в 1932 г. к члену Общества политкаторжан Павлу Владимировичу Васильеву, который в этом же году пожертвовал реликвию в Центральный Музей Каторги и Ссылки, откуда в марте 1935 г. она поступила в Государственный Литературный Музей (№ 2900).

Другое перо Пушкина, смонтированное так же, как и описанное, с надписью: «Ето перо взято с письменнаго стола Ал. Серг. Пушкина 25 февраля 1837 г. Наркиз Атрешков», хранится в настоящее время в Пушкинском Доме Академии Наук Союза ССР [10]. И это перо — такое же короткое и обгрызанное, как и принадлежавшее Калашникову. Пущин в своих известных записках о Пушкине вспоминал комнату поэта в Михайловском: «Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда с самого лицея писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах)».

Сохранившиеся два пера Пушкина подтверждают это свидетельство друга поэта.

М. Беляев

---

[6] См. статью Б. Л. Модзалевского «Библиотека Пушкина» в «Литературном Наследстве» № 16—18, стр. 986.

[7] См. предисловие Б. Л. Модзалевского к «Запискам иркутского жителя» в РС 1905, июль, стр. 188.

[8] См. статью Б. Л. Модзалевского «Смерть Пушкина» (Пять писем 1837 года) в ПСв VI, стр. 101.

[9] АкП III, стр. 19.

[10] Снимок см. в книге Н. В. Богословского «Пушкин-критик» Изд. «Academia» 1934, стр. 240—241.

СПИСОК ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ

А — Сочинения Пушкина. Издание П. В. Анненкова. СПБ. Первые шесть томов — 1855 г., седьмой, дополнительный — 1857 г.

Ак — Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии Наук. Том III. СПБ., 1912.

АкП — Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии Наук. Переписка. Под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова, СПБ. Том I — 1906. Том II — 1908. Том III — 1911.

АР — Архив Раевских. Редакция Б. Л. Модзалевского, т. I и II, СПБ. 1908—1909.

БЗ — «Библиографические записки, периодическое издание».

БПМ — П. И. Бартенев. «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии». — «Московские ведомости». Литературный отдел. 1854 г.

В — Е. Вейденбаум. «Пушкин на Кавказе в 1829 г.» — «Русский Архив» 1905 г., № 4.

Г[1] — Сочинения А. С. Пушкина. (Редакция Г. Н. Геннади). Издание Я. А. Исакова. СПБ. 1859. Шесть томов.

Г[2] — Полное собрание сочинений А. С. Пушкина. Издание второе, под редакцией Г. Н. Геннади. Издание книгопродавца Я. А. Исакова. СПБ. 1870—1871. Шесть томов.

ГАФКЭ — Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (Москва).

ГД — Гастфрейнд, Н. А. «Пушкин. Документы Государственного и С. Петербургского Главного Архива Министерства Иностранных дел, относящиеся к службе его 1831—1837 гг.» СПБ. 1900.

ГЛМ — Государственный Литературный Музей (Москва).

ГПЛ — Гаевский «Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения» — «Современник» 1863, № 7 и № 8.

Гр[1] — Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин. 1861.

Гр[2] — Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин. 1870.

ГХЛ — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах под общей редакцией Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. Государственное издательство художественной литературы Москва — Ленинград. 1931—1933.

ДНГАК — «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник статей, сообщений, описей и документов».

Е[1] — Сочинения А. С. Пушкина. Издание третье, исправленное и дополненное, под редакцией П. А. Ефремова. СПБ. Издание книготорговца Я. А. Исакова. 1880. Шесть томов.

Е[2] — Сочинения А. С. Пушкина. Издание восьмое, исправленное и дополненное, под редакцией П. А. Ефремова. М. Издание Ф. И. Анского. 1882. Семь томов.

Е[3] — Сочинения А. С. Пушкина. Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. 1903—1905. Восемь томов.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук Союза ССР.

КГЛ — К. Я. Грот «Пушкинский лицей» (1811—1817). Бумаги 1-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПБ. 1911.

КН — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах под общей редакцией Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Со-

ловьева, П. Е. Щеголева. Приложение к журналу «Красная Нива» на 1930 год. Государственное Издательство. Москва—Ленинград. 1930—1931.

КП — Примечания и объяснения к «Путешествию в Арзрум» и хронологическая канва к путешествию А. С. Пушкина на Кавказ в 1829 г., сост. Е. Г. Вейденбаум. — «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис, 1899.

ЛБ — Всесоюзная Библиотека им. Ленина.

ЛМ — Государственный Литературный Музей (Москва).

МПП — Пушкин. Письма. Том I. 1815—1825. Госиздат. 1926. Том II. 1826—1830. Госиздат 1928.

НП — Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Л. 1922.

О — «Русская потаенная литература XIX ст.». Сборник 1861 г., составленный Н. П. Огаревым.

ОАН — Отчет Академии Наук.

ПБЛ — Публичная библиотека РСФСР им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ПД — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук Союза ССР.

ПР — Модзалевский, Б. Л. и Муравьев, М. Н. — «Пушкины». Родословная роспись. Л. 1932.

ПСв — «Пушкин и его современники».

Псм. — Сочинения Александра Пушкина. Том девятый. Иждивением Ильи Глазунова, Матвея Заикина и К°. СПБ. 1841.

РА — «Русский архив».

РоП — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступительная статья и примечания М. Цявловского, Л. 1925 г.

РП — Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде. Составил Л. Б. Модзалевский. Изд. «Academia». Лгр. 1929.

РС — Русская старина.

У — Ушаков «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.»; 2 тома. СПБ. 1836.

Щ — Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. По неизданным источникам составил ген. штаба генерал-лейтенант князь Щербатов, т. III, 1891.

ЩМ — Щеголев, П. Е. «Пушкин и мужики», М. 1928.

ЯГЛ² — Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы Я. Грота. Изд. второе, дополненное, с приложением неизданного письма Пушкина, под редакцией проф. К. Я. Грота. СПБ. 1899.

Як — Якушкин, В. Е. «Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском Музее в Москве».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

А. С. Пушкин. Акварель П. Ф. Соколова. Государственный Литературный музей, Москва I

«Тетрадь Всеволожского», лист 12. Лицевая страница, содержащая стихотворения «Куплет», «Роза» и «Певец» с собственноручными исправлениями Пушкина и ранее неизвестное четверостишие Пушкина «От многоречия отрекшись добровольно» (в левой стороне, поперек страницы). Государственный Литературный Музей, Москва. 16

«Тетрадь Всеволожского», лист 17 оборот. Страница, содержащая окончание стихотворения «К Энгельгардту» с собственноручными исправлениями Пушкина, повторенными Л. Пушкиным, и начало стихотворения «Платонизм» с надписью поэта: «Не нужно — ибо я хочу быть моральным человеком». Государственный Литературный Музей, Москва. 17

Письмо крестьян к Пушкину от 24 июня 1831 года. Первая, вторая, третья и четвертая страницы. Государственный Литературный Музей, Москва. 112

Гриф-сфинкс, подаренный Пушкиным А. А. Дельвигу в 1829 г. Государственный Литературный Музей, Москва. 192

Часть плана Болдина специального межевания (I). Межевой Архив Москва 192

План полсела Болдина владения С. Л. Пушкина размежевания 1818 года (II). Государственный Литературный Музей, Москва 193

Автограф стихотворения Пушкина «Молдавская песня». Первая и вторая страницы. Автограф вклеен в альбом С. Д. Пономаревой. Государственный Литературный Музей, Москва. . . . . 304—305

Автограф заметок Пушкина по объяснению древне-русских слов. Первая и четвертая страницы. Государственный Литературный Музей, Москва. 320—321

Автограф письма Пушкина к П. А. Вяземскому от 28 марта 1820 г. Государственный Литературный Музей, Москва. 336

Автограф записки Пушкина к неизвестному. Внизу слева вырезка из каталога антикварного магазина. Государственный Литературный Музей, Москва 336

Перо, взятое с письменного стола А. С. Пушкина 20 марта 1837 года. Государственный Литературный Музей, Москва. 337

Надпись рукою Н. И. Тарасенко-Отрешкова о передаче им пера Пушкина И. Т. Калашникову. Государственный Литературный Музей, Москва . . . 337

Рисунки А. С. Пушкина, 1826 г.: 1) Автопортреты, 2) Д. В. Веневитинов, 3) В. Ф. Вяземская, 4) П. А. Вяземский, 5) П. И. Пестель, 6) К. Ф. Рылеев, 7) В. Л. Давыдов, 8) А. П. Юшневский, 9) В. П. Пальчиков (рисунок на обороте зарисовки Д. В. Веневитинова), 10) остатки рисунка (на обороте автопортретов). Государственный Литературный Музей, Москва. . . . 368—369

А. С. Пушкин. Рисунок карандашом Ж. Вивьена, 1826 г. Государственный Литературный Музей, Москва 416

А. С. Грибоедов. Рисунок А. С. Пушкина, 1831 г. Государственный Литературный Музей, Москва 480

А. С. Пушкин. Портрет маслом К. П. Мазера, 1839 г. Государственный Литературный Музей, Москва 544

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаконово, деревня Псковской губ.— 464.
Абакумов, Владимир Сергеевич—299.
Аббас-Мирза — 408, 409.
Абрамово, деревня Сергачского уезда (Абрамовская станция, Абрамово село) — 126, 127, 140, 141.
Абрамовская станция. См. Абрамово, деревня; или село.
Абхазов, кн. И. Н. — 216.
Августово, местечко близ Гродно — 418.
Авиньон — город во Франции — 305.
Агапов, Кузьма Максимович — 126, 127.
Агафонов — надсмотрщик — 285.
Адарюков, В. Я. — 564.
Адашево, село — 140.
Адашево-Ниловка, деревня — 141.
Азанка, речка — 90, 92, 255, 257—259, 263, 269, 270.
Азов, город — 245.
Академия Наук Союза ССР — 78, 79, 569.
Аксаков, Иван Сергеевич — 310.
Аксаков, Сергей Тимофеевич — 482, 483, 487, 504.
Аксакова, Ольга Семеновна—482, 487.
Алатырь, река — 120.
Александр II, имп. (Александр Николаевич, вел. кн.) — 436.
Александр I, имп. — 71, 195, 196, 384, 417, 431, 437, 473, 474, 552, 553, 564.
Александра Федоровна, имп. — 212, 302, 415, 417, 418.
Александров, Иван — служитель—273.
Алексеев, Николай Степанович — 548, 552.
Алексеев, Степан — священник — 252, 253, 268.
Алексей Михайлович, царь — 245.
Алешушин — купец — 99.
Алмазов, Борис Николаевич — 532.
Альбрехт, Александр Иванович — 554.
Амбур, город — 397.
Аметкино, пустошь. См. Скорикового, пустошь.
Амосов, А. «Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина», СПБ, 1873—338.
Амстердам, город — 382.
Ананово, село Воскресенского уезда Московской губернии — 230, 244, 245.
Ананьино (Подлесное), пустошь — 231—233, 246.
Ангасяк — 218.
Андреев, Петр — 252, 253, 268.
Андроссов, Василий Петрович — (Андросов) — 550.
Аникеев, Павел Петрович — 180, 269.
Анна Иоановна, имп-ца — 223, 224.
Анненков, Иван Васильевич — 443, 444, 461.
Анненков, Павел Васильевич — 34, 35, 39, 57, 58, 60, 65, 66, 83, 96, 443—447, 449, 450, 458, 461, 469, 493, 500, 501, 505, 507, 511, 514, 520—523, 531—533, 535—538, 540—542, 544, 568.
Анненков, П. В. «Воспоминания и критические очерки», т. III, 1881 — 568.
Анненков, П. В. «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху, 1799 — 1826». СПБ, 1874 — 96, 469.
Анненков, П. В. «Пушкин. Материалы для его биографии». СПБ, 1873 — 88, 449, 458.
«П. В. Анненков и его друзья», СПБ, 1892 — 447.
Анненков, Павел Павлович — 449.
Антонов, Давыд — 252, 253, 268.
Апраксин, Иван Андреевич — 255, 257, 270.
Апраксино, деревня — 150, 155, 270.
Апросьево погост, Новоржевского уезда — 251.
Аракс, река — 206, 216.
Аракчеев, гр. Алексей Андреевич — 419.
Арапов, Пимен Николаевич — 30.
Арапов, П. — «Летопись» — 30.
Арапова, Александра Петровна, р. Ланская — 389, 390, 392, 393.
Арапова, А. П. «Наталья Николаевна Пушкина-Ланская» «Новое Время», 1907. Приложение — 390.
Арданудже, местечко в 30 верстах от г. Лавана — 211, 217.
Ардос, деревня — 208, 214, 216.
Арендт, Н. Ф. См. Арндт, Н. Ф.
Арзамас, город Нижегородской губ.—

103, 115, 116, 119, 140, 141, 144, 148, 153, 256, 333.
«Арзамас», литературное общество — См. Общество «Арзамас», литературное.
Арзерум, город — 206—217, 311—313, 315, 316, 320.
Арина Родионовна, няня А. С. Пушкина — 97, 451.
Аристов, Осип — 228.
Аристов — унтер-офицер, Охотского полка — 550, 551.
Арндт (Арендт), Николай Федорович — врач — 393.
Арно (Antoine—Vincent Arnault) — 14
Архангельск, город — 245.
Архангельское, село. См. Гуляево (Архангельское) село.
Архангельское, село. См. Енгалычево (Архангельское) село.
Архангельское, село. См. Кунеево, (Архангельское), село.
Архангельское, село. См. Сосуновка (Архангельское), село.
Архив Межевой, в Москве — 87, 89, 103, 244, 270.
«Архив Раевских». Редакция Б. Л. Модзалевского, т. I и II, СПБ, 1908—1909 (АР) — 213, 216.
Архив феодально-крепостнической эпохи Государственный (Москва) (ГАФКЭ) — 379, 400, 401, 405—407, 504, 529, 541.
Арцруни, Еремей Егорович — 409, 420, 421.
Ассонов, В. И. — 379, 410, 414.
Ассонов, В. И. «Былое богатство рода Гончаровых» — 379, 410, 414.
Ассонов, В. И. «Пушкин и Полотняный завод» — 379, 410, 414.
«Атлас Российский императорской Академии наук 1745 года» — 359, 360.
Афанасьев-Лобанов, кн. — 247.
Афанасьев, Алексей Николаевич «Русские народные сказки» — 4-е изд. 1914, в 5 томах, под ред. А. Е. Грузинского — 525, 526.
Ахалцых, селенье — 209, 214, 314.
Ахалкалаки, селенье — 214.
Ашешов, Николай — 148.
Ашукин, Николай Сергеевич — 302, 331, 366.
Ашукин, Н. С. «Литературная мозаика», М., 1931 — 299.

Бабкино, деревня — 247.
Багратион, кн. Петр Иванович — 404.
Базарное Болдино, село. См. Болдино, село (Большое Болдино, Базарное Болдино, Яз).
Байбурт, город — 214.
Байков, Илья — 564.
Байрон, Джодрж, Ноэль, Гордон — лорд — 73, 497.
Бакунин, Александр Павлович — 369, 476.
Балагул, озеро — 281, 282.
Балванникова пустошь — 246.
Бантыш-Каменский, Николай Николаевич — 325, 447, 457—460.
Бантыш-Каменский, Н. Н. «Словарь достопамятных людей русской земли», СПБ, 1847 — 457—460, 463.
Баранова, А. А., р. Баратынская—568.
Бараново пустошь — 235, 237.
Баратаев, кн. Егор Матвеевич — 274.
Баратынский, Александр Николаевич — 564.
Баратынский, Евгений Абрамович — 32, 73, 74, 518, 522—524, 563, 564.
Баратынский, Е. А. «Стихотворения», изд. 1827 г. — 73.
Баратынский, Е. А. и Соболевский, С. А. «Цапля» — стихотворение — 493, 522—524.
Баратынский, Лев Евгеньевич — 523.
Бардуков, Ермолай Матвеевич — 226.
Барков, Иван Семенович (или Степанович) — 30.
Барсуков, Николай Петрович. «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. X, СПБ, 1896 — 486.
Бартенев, Петр Иванович — 104, 297, 299, 310, 365, 366, 388, 389, 391, 394—396, 421, 443, 445—450, 463, 491—495, 497—506, 508—521, 524, 529, 531—544, 547—553, 559—562.
Бартенев, П. И. «Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских», статья — 389, 561.
Бартенев, П. И. — «Программа журнала набросанная Пушкиным около 1832 г.» — заметка — 310.
Бартенев, П. И. «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии». Статья (БПМ) — 444, 446, 449, 458—460, 463, 474, 493, 502, 515, 517, 531, 540.
Бартенев, П. И. «Пушкин в Южной России», статья — 31, 493, 497, 501, 502, 548.
Бартенев, П. И. «Разные заметки о Пушкине» — 560.
Бартенев, П. И. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступительная статья и примечания М. Цявловского», М. 1925 (РоП) — 388, 391, 392, 394, 395, 421, 459—461, 474, 492, 532, 561.
Бартенев, П. И. «Род и детство Пушкина», статья — 443, 444, 448, 463, 537.
Бартенев, Сергей Петрович — 299, 492.
Бартенева, Прасковья Арсеньевна — 302, 331.
Бартенева, Софья Николаевна — 559.
Барышников, Захар Данилович — 424, 425.
Басов, Петр Трофимович — 198, 199, 208, 214.
Баташов — 190.
Батюшков, Константин Николаевич — 63, 444, 445, 448, 453, 459, 461.
Батюшков — «Опыты в стихах и прозе», 1817 — 73.
Батюшков, Помпей Николаевич — 564, 565.
Батюшкова, Софья Николаевна (р. Кривцова) — 510.
Бахметов, Алексей Николаевич — 555, 556.

Бахрушин, Алексей Александрович — 309, 565.
Бахрушин, Юрий Алексеевич — 361.
Башмаковка, село — 404, 405.
Башно, деревня Псковской губернии — 464.
Баязет, город в турецкой Армении — 208, 216.
Бебутов, кн. — 312, 316.
Бегичев, Дмитрий Никитич — 30.
Бегляров, Шамир Фридонович, хан — 409.
Безобразов, Владимир Павлович — 379.
Безобразов, Петр Романович — 166, 168, 459.
Безобразова, Маргарита Васильевна, (р. Васильева) — 88, 99, 168, 459.
Бекетов, Владимир Николаевич — 446.
Бекетов — 522.
Беклемишев, Николай Петрович — 125.
Беклемишев, Петр Сергеевич — 269, 270.
Беклешов, Николай Сергеевич — 308.
Беклешова, Мария Васильевна (р. Сушкова) — 308.
Бекович-Черкаский, кн. Федор Александрович — 198, 207, 208, 210, 211, 214, 216.
Белград, город — 35, 77, 78.
Бели, Иван (John Bally) — 460.
Бели (M-me, англичанка) — 454, 460.
Белкин, судья — 286.
Беликов, Александр Иванович — 454, 459.
Беликов, А. И. «Дух Массильйона, епископа Клермонского, или мысли, избранные из его творений о различных предметах нравственности и благочестия» — 1808 г. — 459.
Белогули, деревня. См. Бирюли, деревня.
Беляев, М. Д. «Заметки на полях книги Либровича» — 565.
Беляев, М. Д. «Квартира где умер Пушкин» — Л. 1930 — 122.
Беляев, М. Д. Комментарии к публикуемым материалам.
Беляев, М. и Рейнбот, П. «Бюсты Пушкина работы Витали и Гольберга» — 567.
Бендеры, город в Бессарабской губ. — 92.
Бенкендорф, гр. Александр Христофорович — 310, 311, 339, 354, 355, 362, 374, 427, 438, 534, 535, 543.
Берг, Николай Васильевич — 479—481.
Берг, Н. В. «Сельцо Захарово» — статья — 457, 458, 461, 463.
«Березки», имение Сонцевых — 97.
Берендеево ,село. См. Пятница (Берендеево) село.
Берлин, город — 383.
Бессонов, Петр Алексеевич — 493.
Бестужев, Александр Александрович (Марлинский) — 30—32, 196, 495, 501, 515, 529.
Бестужев, Михаил Алексданрович — 515.
Бестужев-Рюмин, Михаил Алексеевич — 532.
Бетховен, Людвиг — 331.
Бешенцова Грива, пустошь — 223.
Бибиков, Илья Богданович — 430.
Бибиков, Илья Гаврилович — 418, 419.
Бибикова, Варвара Афанасьевна, (р. Гончарова) — 388, 426, 430.
«Библиографические записки, периодическое издание». (БЗ) — 336, 499, 500, 508, 518, 519, 523, 538, 539, 541, 542.
Библиотека им. Ленина, Всесоюзная (ЛБ) — 313, 315, 318, 329, 367, 371, 500, 503, 504, 512, 517, 521, 524, 529, 531, 536, 537, 540, 541, 543.
Библиотека Публичная РСФСР им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБЛ) — 297, 503, 504, 509, 510, 529.
«Библиотека для чтения» — журнал — 305, 325.
Бильбасов, Василий Алексеевич — 562.
Бируков, Александр Степанович — 34, 55, 56, 68.
Бирюли, деревня (Костьково, Белогули) — 291, 292.
Благой, Дмитрий Дмитриевич — 380.
Благой, Д. Д. Комментарий к публикуемым материалам — 426—439.
«Благонамеренный» — журнал — 61, 296.
Блудов, гр. Дмитрий Николаевич, — 330, 334, 491, 495, 498, 543, 545, 546.
Блудова, Антонина Дмитриевна — 328.
Бобарыкин, Никита — 256.
Бобоедов, Г. В. — 117.
Бобров (секретарь) — 284, 285.
Бобров, Е. «Мелочи из истории русской литературы», 1905 — 523.
Бобыряев. Ст. землемер — 86.
Богданов, Алексей Иванович — 459.
Богданов, Андрей — 248.
Богданов, Петр Иванович — 460.
Богданович, Модест Иванович — 550.
Богородицк, город — 397.
Богословский, Н. В. «Пушкин-критик», 1934 — 569.
Бондарский, Михаил Степанович — 359.
Бодянский, Осип Максимович — 486.
Болгард, местечко — 479.
Болдино, село Лукояновск. уезда, Нижегор. губ. (Большое Болдино, Базарное Болдино, Яз.) — 83, 86—93, 95 — 98, 101 — 105, 107 — 109, 111 — 121, 123, 124, 126, 127, 132, 137, 139—156, 159—165, 167—171, 173—175, 181—186, 188—194, 218, 220, 243—246, 248, 252—257, 259, 263, 268—273, 279, 331, 335, 336, 373, 456, 462, 493, 499.
Болдинские крестьяне («Подворная опись») — 112, 127—137, 168, 169.
Болдырев, Алексей Васильевич — 502.
Бологовской, Алексей Николаевич — 449, 456, 462, 554.
Бологовской, Дмитрий Николаевич — 551—554, 556—558.
Большаков, А. М. — 101.
Большое Болдино, село. См. Болдино, село (Большое Болдино, Базарное Болдино, Яз).
Большое Казариново, село — 90, 92, 269.

Бонди, Сергей Михайлович—297, 299.
Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич — 78, 79, 85.
Борисоглебский, М. Е. — 538.
Боровичи, город Новгородск. губ. — 387.
Боровкова-Майкова, Мария Семеновна — 330.
Боровск, город Калужской губернии — 397, 398.
Бороздин, Александр — 288, 290.
Борский, Б. — 564.
Бочманова — 283.
«Братство Семиугольной звезды» — общество. См. Общество «Братство Семиугольной звезды».
Брейткопф, Анна Ивановна — 431, 471, 476—478.
Броглио, гр. Сильвестр Францевич—477.
Броневский, Семен Михайлович—496.
Брюлов, Александр Павлович — 374, 375, 566.
Брюс, гр. Яков Александрович—543.
Брюсов, Валерий Яковлевич — 118, 290, 299, 366, 539.
Брюсов, В. Я. «Письма Пушкина и к Пушкину» М., 1903 — 299.
Брюхово, деревня — 279—281, 284.
Бужору — разбойник — 554.
Булгаков, Александр Яковлевич — 328, 329, 417.
Булгаков, Константин Яковлевич — 328, 329, 417.
Булгари, гр. Марк Николаевич — 406.
Булгарин, Фаддей Венедиктович — 63, 313, 320, 328, 329, 367, 372, 447, 559, 560.
Буравцев, Иван — 243.
Буровка, речка — 232, 246.
Бурцев, Иван Григорьевич — 197, 198, 202—206, 208, 214.
Бутенев, Апполинарий Петрович — 386, 389, 391, 404.
Бутурлин, гр. Дмитрий Петрович — 449, 454, 460.
Бутурлин, гр. Михаил Дмитриевич—460.
Бутурлин, гр. М. Д. «Записки»—460.
Бутурлин, гр. Петр Дмитриевич — 460.
Бутурлина, гр. Анна Артемьевна (р. гр. Воронцова) — 460, 463.
Бутурлина, гр. Софья Дмитриевна—460.
Бухарест, город — 92, 273.
Бухгейм, Лев Эдуардович — 492.
Бухина, В. А. «Волнения рабочих на Малоярославецкой фабрике», статья—379, 382, 383.
Бухина, В. А. «Малоярославецкая фабрика до закрепощения рабочих», статья — 379, 381, 384.
Бухольц, Данило Антонович — 429.
Бык, река — 480.
Быков, Николай Владимирович—336.
Быкова, Марья Александровна (р. Пушкина) — 336.
Вадбольский, кн. Петр Иванович — 433.
Варна, город — 78.
Варшава, город — 88, 189, 190, 213, 215, 327, 416, 418, 445, 455, 462, 554.
Васильев, Алексей — староста — 252, 253, 268.
Васильев, Алексей Владимирович — 560.
Васильев, Григорий — 252, 253, 268.
Васильев, Лев Васильевич — 88, 459.
Васильев, Павел Владимирович—569.
Васильев, Петр — священник — 252, 253, 268.
Васильев — коллежский регистратор — 182.
Васильева, Маргарита Васильевна. См. Безобразова, М. В.
Васильчиков, Николай Николаевич—83, 84.
Васильчикова, Александра Ивановна (р. Архарова) — 495, 504.
Васильчикова, Екатерина Николаевна. См. Гончарова, Е. Н.
Васильчикова, Марья Васильевна. См. Кочубей, кн. М. В.
Вебер, Карл Мария Фридрих Эрнст, фон — композитор — 331.
«Ведомости о состоянии лицея»—462, 476, 477.
Вейденбаум, Е. Г. «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис, 1899. (КП) — 213—215.
Вейденбаум, Е. Г. «Пушкин на Кавказе в 1829 г.» — статья (В) — 213, 215.
Веймар, город — 328.
Вейнберг, А. Л. «Перо Гете у Пушкина» — статья — 330.
Вельгорский, гр. Михаил Юрьевич—491.
Вельтман, Александр Фомич — 548—550, 552.
Вельтман, А. Ф. «Дон. I. Место ссылки Овидия Назона», исследование—552.
Вена, город — 386, 555.
Венгеров, С. А. «Русские книги», СПБ, 1899 — 459.
Веневитинов, Алексей Владимирович — 339.
Веневитинов, Дмитрий Владимирович — 365, 366, 369—371.
Вересаев, Викентий Викентьевич—97.
Вересаев, В. В. «Крепостной роман Пушкина», статья — 97.
Вересаев, В. В. «Пушкин в жизни»—196.
Вересаев, В. В. «Спутники Пушкина», вып. I, М. 1934 — 97, 98, 189.
Верзилин, Петр Семенович — 206, 216.
Верстовский, Алексей Николаевич — 333, 334.
Верне, Жюль — 563, 564.
Верхняя Полянка, деревня — 410.
Веселовский, А. Н. «Легенда о Дон-Жуане» — 63.
Веселовский, Б. — «Арзамасские поместные акты». М., 1915 — 87.
Веселовский, С. Б. проф. «Сошное письмо» — 244, 270, 271.

«Вестник Европы», журнал — 313, 315, 317, 318.
Вивьен, Жан (Иван Осипович) — 563, 564, 567.
Вигель , Филипп Филиппович — 495, 535.
Вигель, Ф. Ф. «Записки», М. 1892 — 535.
Видина, город — 78.
Вилье, де Пьер Pierre Villiers)—63
Вильянов, Иван Степанович — 147, 148, 155.
Вильянова, Февронья Ивановна—148.
Вингебер, владелец типографии—319.
Виноградов, А. К. «Мериме в письмах к Соболевскому», М., 1928 — 311.
Виноградов, Дмитрий Федорович — 113, 115.
Виноградов, Л. А. «Детские годы Пушкина», в книге «Пушкин в Москве», М. 1930 г. — 457—459.
Витали — 567.
Витберг, Федор Александрович — 523, 524.
Витебск, город — 418.
Владикавказ, город — 541.
Владимиров, Гаврила — 229, 230.
Владислав, королевич — 245, 247.
Влайкович, Джок — 78.
Власов, Иван — 227.
Воейков, Александр Федорович — 331, 486, 522—524, 559.
Воейков, А. Ф. «Дом сумасшедших», сатира — 486, 559.
Воейкова (2-м брак.), Мария Матвеевна (1-м браком Пушкина) — 233, 238, 241, 246, 248, 461.
Волков, Гавриил Андреевич — 380.
Волкова, Т. Н. Комментарий к публикуемым материалам 381—425.
Волконская, кн. Мария Николаевна (р. Раевская) — 495—497.
Волконский, кн. Владимир — 235.
Волконский, кн. Петр Михайлович — 473.
Волконский, кн. Сергей Григорьевич — 566.
Воловская, Казимира — 327.
Воловская, Мария. См. Шимановская, М.
Волоцкий, Василий — 259.
Вольтер — Франсуа-Мари — 17, 64, 74, 497, 552.
Вольтер «A. M. de Cideville» стихотворение — 64.
Вольтер «Генриада» — 454.
Вольховской, Владимир Дмитриевич— 468, 469, 476.
Ворожейкина, Анна Николаевна — 88, 95, 98, 99, 168, 459.
Воронеж, город — 538.
Воронино, деревня — 279, 281.
Вороново, деревня — 284.
Воронцов, гр. Артемий Иванович — 447, 457, 463.
Воронцов, кн. Михаил Семенович — 551.
Воронцова, гр. Прасковья Федоровна (р. Квашнина-Самарина) — 457, 463.
Воронцов-Вельяминов, Кирилл — 231, 232.
Воронцово — деревня — 273.
Ворсма, река — 221, 222, 273.
Воскресенск, город — 247.
Врангель, бар. Н. Н. — 566, 567.
Врангель, бар. Н. Н. «Иностранцы XIX в. в России» — 566.
Вревская, бар. С. В. — 563.
Всеволожский, В. — 373.
Всеволожский, Никита Всеволодович («Амфитрион любезный, счастливец добрый, умный враль», «Аристип Всеволодович», «Алжирец Всеволожский») — 30, 31, 32, 33, 39.
Вульф, Алексей Николаевич — 162.
Вульф, Анна Николаевна — 368, 374, 552, 561.
Вульф, А. Н. «Дневник», М. — 1929— 552.
Вульф, Прасковья Александровна. См. Осипова, П. А.
Выползово, деревня, Нижегор. губ.— 222, 223, 224.
Вышегородский, А. — 450.
Вышеславцева, Капитолина Михайловна. См. Мальцева, К. М. 2 м. бр., 1-м бр. Пушкина.
Вяземская, кн. Вера Федеровна — 330, 332, 365, 366, 370, 371, 389, 561.
Вяземский, кн. Андрей Иванович — 546.
Вяземский, кн. Петр Андреевич, — 32, 34, 67, 73, 95, 97, 98, 168, 326—332, 365—371, 418, 427, 460, 461, 482, 483, 485, 486, 495, 503, 514, 518, 519, 522—524, 528, 529, 532, 535, 559, 561, 567.
Вяземский кн. П. А. «Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского», СПБ, 1884 — 417, 483.
Вяземский, кн. П. А. «Негодование», стихотворение. Отрывок из этого стихотворения: «Элегия» («О ты которая издетства...») — 520.
Вятка, город — 370.

Гаврилов, Иван — 158.
Гаврилов, Михаил — 137, 139, 159.
Гаврилов, Яков — 252, 253, 268.
Гаврилов, Матвей Гаврилович — 547.
Гагарин, кн. Иван Сергеевич, — 502.
Гагки — паша — 201—209, 212, 215.
Гаджи Салех, паша — 200, 203—212.
Гаевский, Виктор Павлович — 62. 327, 446, 447, 472, 507, 508, 515, 532, 533.
Гаевский, В. П. «Дельвиг», статья — 34, 495, 532.
Гаевский, В. П. «Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения», статья (ГПЛ) — 507, 508.
Гаевский, Павел Иванович — 523.
Гакстгаузен, бар. Август — 94.
Гакстгаузен, бар. Август. «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России», М. 1870 — 95.
Галахов, Александр Павлович — 474, 536.
Галахов, А. «Полная русская хрестоматия» — 536.

Галахов, Павел Александрович — 474.
Галахов, Сергей Павлович — 474.
Галицкое, поместье П. П. Пушкина— 233, 246.
Галкин (болдинский крестьянин) — 179, 180.
Гальяни — 482, 487.
Гамбс, Арист — 122.
Ганнибал, Абрам Петрович («Арап Петра Великого») — 285, 456, 457, 463, 464.
Ганнибал, Александра Егоровна—464.
Ганнибал, Александра Исааковна — 464.
Ганнибал, Анна Андреевна (р. Чихарева) — 119.
Ганнибал, Георгий Александрович — 464.
Ганнибал, Иван Абрамович — 283, 284, 286, 449, 451, 457, 463.
Ганнибал, Исаак Абрамович — 119, 281, 283—285, 464.
Ганнибал, Мария Алексеевна (р. Пушкина) — 249, 250, 279, 283—285, 287—290, 447, 449, 451, 452, 454, 456—458, 462, 463, 536, 537.
Ганнибал, Надежда Осиповна. См. Пушкина, Надежда Осиповна.
Ганнибал, Осип Абрамович — 193, 249, 250, 279—286, 449, 451, 456, 462, 464, 536, 537.
Ганнибал, Петр Абрамович — 96, 192, 193, 280—283, 457, 462—464.
Ганнибал, Семен Исаакович — 117, 119, 123.
Гартунг, Леонид Николаевич — 421.
Гартунг, Мария Александровна (р. Пушкина) — 387, 390, 393, 421.
Гасан-Кале, крепость — 208, 209, 212, 215—217.
Гастфрейнд, Н. А. — 361—364.
Гайстфрейд, Н. А. «Пушкин. Документы Государственного и С. Петербургского Главного Архивов министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831—1837 гг.», СПБ. 1900 (ГД) — 361—364.
Гальберг — 567.
Гаттенберг-Бартенева Ирина Юрьевна — 297, 551.
Гау, Владимир Иванович — 374.
Гауеншильд, Федор Матвеевич — 468.
Геккерен, бар. де Луи (Геккерен старший, Геккерен отец) — 338—357.
Геккерен-Дантес, Екатерина Николаевна (р. Гончарова). См. Дантес-Геккерен, Е. Н.
Геннади, Григорий Николаевич — 79, 507, 539.
Георгиевский, Григорий Петрович — 503.
Георгиевский, Г. П. «Государственный Румянцевский музей. Путеводитель. I. Библиотека». М., 1923, — 503.
Георгиевский, Петр Егорович — 506, 507.
Герасимов, Андрей (рядовой) — 252, 253, 268.
Гербановский, Н. «Несколько слов о пребывании Пушкина в г. Кишиневе», статья — 481.
Гербачи, деревня Псковской губ. — 464.
Гербель, Николай Васильевич—513—516, 518, 519, 521, 523, 531, 534, 543.
Гербель, Н. В. «Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах». СПБ. 1873, — 77.
Герцен, Александр Иванович — 515, 516, 521, 523, 531, 539, 540, 543.
Гете, Иоганн Вольфганг — 328, 330.
Глебовское село, Ярославского уезда, Череможской вол. — 232.
Глинка, Федор Николаевич — 296, 331, 482, 483, 485, 486, 532.
Глинки, село Московской губ. — 277.
Глухов, Моисей — 235.
Глыбокое, деревня Псковской губ. — 464.
Гнедич, Николай Иванович — 31—33 63, 331, 461, 501.
Гнедич, Н. И. «Иллиада», перевод — 542.
Гнедич «Песни» — 33.
Гоголь, Николай Васильевич — 319, 336, 373, 566.
Гоголь, Н. В. «Арабески» — 336.
Гоголь, Н. В. «Вечера на хуторе близ Диканьки» — 542.
Гоголь, Н. В. «Коляска» — 319.
Гоголь, Н. В. «Невский проспект» — 336.
Годуновы — 245.
Голицын, кн. Александр Николаевич— 471—478, 534.
Голицын, кн. Владимир Сергеевич — 211, 217.
Голицын, светлейший кн. Дмитрий Владимирович — 484, 485.
Голицын, кн. Николай Борисович — 494, 542.
Голицын, кн. Николай Владимирович — 504.
Голицын, кн. Николай Николаевич — 542
Голицын, кн. Николай Сергеевич — 327.
Голицына, кн. Елена Александровна (р. Нарышкина) — 497.
Голицына, кн. Евдокия Ивановна («К. Г.») — 13, 37, 61.
Головин, Г. «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко», сборник — 523.
Головина, Евдокия Ивановна. См. Пушкина, Е. И.
Головина, Наталья Ивановна. См. Куракина, кн. Н. И.
Головина, Ольга Ивановна. См. Трубецкая, кн. О. И.
Голохвастов, Павел Дмитриевич—150.
Гольцов, Елисей Дорофеевич — 93, 94, 100, 101.
Голубцов, Сергей Александрович — 218.
Голынская, Елизавета Михайловна — 412.
Голынская, Любовь Ивановна (р. Гончарова) — 412.

Голынская, Прасковья Михайловна— 412.
Голынский, Иван Михайлович — 412.
Голынский, Михаил — 412.
Голынские — 411, 412.
Гомер — 452, 458.
Гончаров, Абрам Иванович — 381.
Гончаров, Александр Иванович — 395.
Гончаров, Афанасий Абрамович — 246, 278, 381—384, 386, 387, 406, 410, 430, 434.
Гончаров, Афанасий Афанасьевич — 383, 401.
Гончаров, Афанасий Николаевич — 275—278, 373, 379, 380, 383—390, 392, 394, 397—416, 418—421, 423, 426—431, 433—439.
Гончаров, Дмитрий Дмитриевич — 394, 429, 430.
Гончаров, Дмитрий Николаевич — 278, 379, 380, 386, 388—395, 397—409, 411—413, 417, 419—423, 426—429, 432—439.
Гончаров, Иван Афанасьевич — 383.
Гончаров, Иван Лементьевич — 381.
Гончаров, Иван Николаевич — 84, 278, 380, 388, 392, 395—398, 401—404, 407, 411, 416, 418—424, 434.
Гончаров, Михаил Сергеевич — 396.
Гончаров, Николай Афанасьевич — 278, 380, 383, 384, 386, 392, 396, 399—401, 403, 404, 406, 413, 414, 426, 428—436, 439
Гончаров, Николай Иванович — 395.
Гончаров, Петр Сергеевич — 396.
Гончаров, Сергей Николаевич — 278, 380, 388, 392, 393, 396, 398, 400, 402—404, 418—423, 437, 438.
Гончаров, Сергей Сергеевич — 396.
Гончарова, Александра Афанасьевна. См. Нестерова, А. А.
Гончарова, Александра Ивановна (р. бар. фон Шенк) — 396.
Гончарова, Александра Николаевна. См. Фризенгоф, фон. А. Н.
Гончарова, Анна Александровна (р. Смирнова) — 396.
Гончарова, Анна Сергеевна — 396.
Гончарова, Варвара Афанасьевна. См. Бибикова, В. А.
Гончарова, Вера Сергеевна — 396.
Гончарова, Евгения Дмитриевна—394.
Гончарова, Екатерина Андреевна. См. Новосильцова, Е. А. (2-й бр.), (р. Синявина).
Гончарова, Екатерина Дмитриевна — 394.
Гончарова, Екатерина Ивановна—395.
Гончарова, Екатерина Николаевна. См. Дантес-Геккерен, Е. Н.
Гончарова, Екатерина Николаевна (р. Васильчикова) — 395.
Гончарова, Екатерина Сергеевна—396.
Гончарова, Елизавета Егоровна (р. кн. Назарова) — 390, 391, 394.
Гончарова, Любовь Ивановна. См. Голынская, Любовь Ивановна.
Гончарова, Мария Ивановна (дочь Ив. Ник. Гончарова) — 395.
Гончарова, Мария Ивановна (р. кн. Мещерская) — 395, 401.
Гончарова, Мария Сергеевна — 396.
Гончарова, Надежда Ивановна — 395.
Гончарова, Надежда Платоновна (р. Мусина-Пушкина) — 386, 398, 428.
Гончарова, Наталья Ивановна (р. Загряжская) — (22.X.1785 — 2.VIII 1848) — 388—392, 394—405, 407, 408, 410—414, 417, 421—424, 426, 428, 429, 431—437, 500.
Гончарова, Наталья Ивановна (дочь Ив. Ник. Гончарова) — 81, 395.
Гончарова, Наталья Николаевна. См. Пушкина (Ланская) Н. Н.
Гончарова, Наталья Сергеевна — 396.
Гончарова, Ольга Карловна — 429, 430.
Гончарова, Софья Ивановна — 395.
Гончарова, Софья Николаевна — 392.
Гончарова, Софья Сергеевна — 396.
Горбово — деревня — 228, 244.
Горбунов, Яков Игнатович — 359.
Горки, сельцо — 255, 226, 247.
Горобова — 99.
Горсткин, Иван Николаевич — 369, 370.
Горчаков, кн. Александр Михайлович — 60, 66, 476, 493, 510.
Горчаков, Владимир Петрович — 493—495, 500, 501, 548, 549, 551, 552.
Горченовский порутчик — 86.
Горюнов — 373.
Гофман, Модест Людвигович — 66, 312, 320.
Гофман, М. Л. «Пропущенные строфы «Евгения Онегина» — 530.
Гофман, М. «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине», 2-е изд. 1922 г.—66.
Грабарь, Игорь Эммануилович — 564, 566.
Граммон, гр. Аглая Антоновна. См. Давыдова, А. А.
Грановский, Тимофей Николаевич — 446, 493.
Гревениц, бар. Петр Федорович — 476.
Грессе (Gresset) Жан Батист Луи — 74.
Греч, Николай Иванович — 501, 559, 560.
Грешнево (Захары) деревня — 279—281.
Грибоедов, Александр Сергеевич — 30, 63, 371—373, 394, 409, 513, 514.
Грибоедов, А. С. «Горе от ума», комедия — 372.
Григоров, Степан Иванович — 246.
Григорова, Степанида Григорьевна — 246.
Григорьев, Александр — 99, 100.
Григорьев, Алексей — 252, 253, 268.
Григорьев, Кондратий — 179, 180.
Григорьев (дворянский заседатель)— 99.
Гридево, сельцо Псковской губернии — 464.
Гришецкий — порутчик — 276, 277.
Гродно, город — 418.
Гроссман, Л. П. «Женитьба Дантеса», статья — 392.
Грот, Константин Яковлевич — 339, 507.
Грот, К. Я. «Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него», статья — 508.

Грот, К. Я. «Пушкинский лицей». СПБ, 1911 (КГЛ) — 470, 507.
Грот, Яков Карлович — 60, 379, 522, 532.
Грот, Я. К. «Пушкин его лицейские товарищи и наставники», СПБ, 1899 (ЯГЛ²) — 467, 468, 470, 472, 476, 507, 530.
Грот, Я. К. «Труды Я. К. Грота», III, СПБ, 1901 — 379.
Грузинская, Иоанна. См. Лович, кн.
Грязев, Иван — 235.
Губарев, Андрон Евстифеев — 429, 433.
Губаренков — титулярный советник — 276, 277.
Губерти, Николай Васильевич — 359, 360.
Губерти, Н. В. «Материалы русской библиографии» — 360.
Гудович, гр. Андрей Иванович — 485.
Гуляево (Архангельское) село — 113, 115.
Гумбольт, Александр — 330.
Гурзуф — 38, 496, 497.
Гурогулбин, местечко в Бессарабской обл. (в 40 в. от Кишинева) — 500, 501.
Гурьев, Василий Петрович — 274.
Гурьев, К. — 469.

Давыдов, генер. Александр Львович — 366, 368, 369, 371.
Давыдов, Василий Львович — 368, 369.
Давыдов, Денис Васильевич — 331.
Давыдов, Ивашка — 258.
Давыдова, Аглая Антоновна (р. гр. Граммон) — 369, 497.
Давыдова — (бабушка) — 497.
Давыдово, деревня — 246.
Далианов, Александр Леонович — 212.
Даль, Владимир Иванович — 196, 503.
Данзас, Борис Карлович — 369, 370.
Данзас, Карл Карлович — 338, 345, 349, 353, 356, 476.
Данилково, деревня — 228, 244.
Данилово (Усадище), сельцо Псковской губернии — 228, 244.
Дантес, Берта-Жозефина — 392.
Дантес-Геккерен, Екатерина Николаевна (р. Гончарова) — 278, 353—356, 380, 388, 392, 393, 395, 401, 413, 416, 419, 420, 433—435, 437, 438, 561, 562.
Дантес-Геккерен, Жорж — 338,—343, 345, 348, 350—356, 392, 561, 562.
Дантес, Луи-Жозеф — 392.
Дантес — Леони-Шарлотта — 392.
Дантес, Матильда-Евгения — 392.
Д'Аршиак, Лоран-Арнольф, де Сен-Симон — 353.
Дау, Джордж — 375.
Дашкевич, Киприан Игнатиевич — 484.
Дашков, Павел Яковлевич — 450, 514, 534.
«Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. — Сборник статей, сообщений, описей и документов» (ДНГАК) — 99, 114, 137, 148.
Делавинь, Казимир — 331.
Деларю, Михаил Данилович — 506, 507.
Дели-Муса-Пурун, урочище — 198, 214
Дельвиг, бар. Антон Антонович — 23, 32, 34, 69, 77, 273, 339, 446, 447, 457, 459, 463, 468, 469, 472, 495, 503, 506, 518, 528, 568.
Дельвиг, бар. Софья Михайловна (р. Салтыкова, по 2-му бр. Баратынская) — 450, 568.
Демехово, пустошь — 235, 237.
«День», газета И. С. Аксакова — 310.
Дережинский — подполковник — 551, 552.
Державин, Гавриил Романович — 26, 70, 383, 446, 447, 521, 546.
Державин, Г. Р. «Записки» — 383.
Державина, Дарья Алексеевна — 329.
Дерпт, город — 450.
Джилиберто — 63.
Дибич-Забалканский, гр. Иван Иванович — 213, 311, 316.
Дивильковский — прапорщик — 200, 214.
Дини, гр. Елизавета Дмитриевна (р. гр. Бутурлина) — 460.
Дмитриев, Иван Иванович — 274, 327, 329, 331, 444, 453, 459, 498.
Дмитриев, И. И. К***. О выгодах быть любовницей стихотворца («Прелеста, веселись...»). Стихотворение — 459.
Дмитриев, И. И. «Путешествие В. Л. Пушкина в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия». Стихотворение — 537.
Дмитриев, И. И. «Стонет сизый голубочек». Стихотворение — 522.
Дмитриев, Яков (старшина) — 252, 253. 268.
Дмитров, город — 229, 238, 244.
«Дневник», газета затевавшаяся Пушкиным в 1831—32 гг. — 310.
Днепр, река — 285.
Довгалевский, Валерьян Савельевич — 79.
Долговка, деревня — 285, 286.
Долговка, станция — 286.
Долгоруков, Иван — 237.
Долгоруков, кн. Николай Андреевич — 394, 408, 409, 411, 412, 507.
Долгорукова, кн. Екатерина Алексеевна (р. Малиновская) — 388, 391, 395, 421, 561.
Доленга-Ходаковский, Зориан Яковлевич (Чарноцкий, Адам) — 483—487.
Доможиров, Василий Владимирович — 221.
Доможирова, Татьяна Артемьевна — 221.
Донич, болгарский боярин — 479, 480.
Доримон Луи — 16, 63.
Дорофеев, Елисей — 105, 106.
Доскин, Андрей Васильевич — 224, 225.
Доскин, Василий Никитич — 221, 225.
Дрезден, город — 359.
Дрейер — 162.
Друцкой, кн. Денис Иванович — 248.
Дубельт, ген. Леонтий Васильевич — 83, 299, 544.
Дубровский, Алексей Иванович (Трофимов, Иван Степанович) — 218, 219.
Дурново, Иван Николаевич — 427, 438.
Дурылин, Сергей Николаевич — 331.

Дурылин, С. «Русские писатели у Гете в Веймаре» — 328, 330, 331.
«Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г.» под ред. П. Фон-Кауфмана, СПБ, 1901 — 338.
Дьяков Андрей — 243.
Дядюкин, Семен — 268.

Евдокимов, Иван — 186, 187.
Евдокимов, Петр — 106.
«Европеец», журнал Киреевского — 301, 302.
Евсиков — хорунжий — 203, 215.
Евфрат — река — 214.
Екатерина II, имп. («Великая жена», «Великая», «Екатерина») — 25, 26, 219, 243, 382—386, 438, 457.
Екатеринославль, город — 215, 383.
Елизавета Алексеевна, имп. — 391, 412.
Елизавета Петровна, имп. — 227, 285, 438.
Елизаветполь, город — 215.
Елисеев, Иван — 284, 285.
Енгалычево (Архангельское), село — 271.
Ениколопов, И. К. «А. С. Грибоедов в Грузии и Персии». 1929 — 409.
Ересимово, деревня Псковской губернии — 464.
Еримеев, Михей Иванович. См. Сивохин, М. И.
Ермолов, Алексей Петрович, ген. — 214, 215.
Ернштедт, Виктор Карлович — 63.
Ерофеев, Евдоким — 228.
Ерофеев, Павел Андреевич — 359.
Ершов, Петр Павлович — 60, 560.
Ершов, П. П. «Конек-горбунок». Сказка — 560.
Есаков, Семен Семенович — 468, 469, 476.
Есипова, Ульяна Юрьевна. См. Приклонская, У. Ю.
Ефремов, Петр Александрович — 41, 56, 60, 66 79, 147, 507, 513—515, 518, 519, 538, 539, 560.
Ефремова, Н. Г. — 97.
Еча, речка — 255, 270.

Жадовский, Анастасий Евстафьевич — 506, 508.
Жандр, Андрей Андреевич — 30.
Жестелево, деревня — 221, 222.
Жималейк, речка — 255, 270.
Жобар, Альфонс — 494, 504, 505.
Жихарев, Михаил Иванович — —515.
Жуков, Радион — 430.
Жуковский, Василий Андреевич («Ж») — 14, 31, 34, 41, 62, 63, 67, 72—76, 83, 213, 274, 299, 302, 318, 327, 329—331, 353, 354, 427, 450, 476, 515, 529, 544.

Забелин, Н. — 148.
Забелин, Н. — «Пушкин в Болдине» — 88.
Забортники, деревня — 254.
Заводовская, гр. Елизавета Павловна — 415—417.
Загоскин, Михаил Николаевич — 42, 55, 495, 504.
Загоскин, М. Н. «Юрий Милославский». Роман — 504.
Загряжская Екатерина Ивановна — 411, 412.
Загряжская, Наталья Кирилловна (р. гр. Разумовская) — 412, 417, 436, 438.
Загряжский, Андрей — 229, 230.
Загряжский, Иван Александрович — 391, 397, 423.
Загряжская, Агафья Федоровна — 246.
Заикин, Алексей Никитович — 164, 165.
Закревский, гр. Арсений Андреевич — 333.
Залесская, Иоанна — 330.
Замошье, деревня Псковской губернии — 464.
Занзах — местечко — 206.
Зара, город в Иллирии — 215.
Зарайск, город в Рязанской губернии — 401, 407, 430.
Засекин, кн. Александр Николаевич — 248.
Засекин, кн. Федор Борисович — 226.
Засс, Корнелий Корнелиевич — 407.
Затеплинский, Иван Фролович — 280, 282.
Затеплинский, Степан Степанович — 280, 282.
Затеплинский — казначей — 287, 288.
Захарово, сельцо (Московской губернии) — 451, 452, 455, 457, 458.
Захары, деревня. См. Грешнево (Захары), деревня.
Званцев, Сергей Петрович — 116, 120, 138, 139.
Звездин, А. И. — 127.
Звездин, А. И. «О Болдинском имении А. С. Пушкина». Статья — 88, 92, 103.
Звенигород, город — 245, 247.
Зевин, селенье — 203, 205, 216.
«Зеленая лампа», общество («Лампа»). См. Общество «Зеленая Лампа».
Земфираки — 554, 556.
Зенгер, Татьяна Григорьевна — 309, 529.
Зенгер, Т. Г. Комментарий к публикуемым материалам — 296—298, 300, 302, 305—308, 312—320, 357, 358.
Зенгер ,Т. Г. См. Цявловский, М. А., Модзалевский Л. Б. Зенгер, Т. Г. «Рукою Пушкина», М.—Л., 1935.
Зильберзина — генеральша — 458.
Знаменское, село. См. Кореян-Загряжский (Знаменское) село Тамбовск. губ.
Знаменское, село. См. Пустошское, (Знаменское), село.
Золотарев — 410.
Золотарева (р. Бекетова) — 522.
Золотов, Григорий Кузьмич — 429.
Зон, Александра Ивановна — 371.
Зон, Вера Евгеньевна (р. Полетаева) — 371.
Зорин, Андрей Васильевич — 228.
Зорин, Антипа Петрович — 228, 229.
Зорин, Истома Васильевич — 227, 228.
Зорин, Мартин Андреевич — 228, 229.
Зорин, Федор Андреевич — 228, 229.

Зорина, Татьяна — 228, 229.
Зорины — 244.
Зотов, Владимир Рафаилович — 327.
Зубарев, Данила Любимович — 257, 263, 269.
Зубков, Василий Петрович — 297, 369—371, 375.
Зубков, В. П. «Записки» — 370.
Зыбин, И. Н. — 244.
Зыбин, Сергей Васильевич — 92, 98, 148, 151, 186—189.
Зяблицкий погост — 121, 123.
Зякин, Александр Павлович — 88.

Иван Алексеевич, царевич — 245, 254, 256, 258, 259.
Иванов, Артемий — 221.
Иванов, Валентин — 154.
Иванов, Василий — 221.
Иванов, Данила — 252, 253, 268.
Иванов, Денис — 138, 139, 168, 169.
Иванов, Егор — 101, 102.
Иванов, Максим — 252, 253, 268.
Иванов, Матвей — 179.
Иванов, Михаил — 138, 139, 252, 253, 268.
Иванов, Михаил Е — 92, 93, 187.
Иванов, Петр — 180.
Иванов, Федор — 268.
Иванов — сельский заседатель — 145.
Ивановское — именье Пушкинных, Бронницкого уезда, Московско4 губ. — 83.
Иванцов — секретарь — 145, 146, 148
Игнатович, И. И. — 170.
Игнатович, И. И. «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», М. 1910—95.
Игнатьевская, деревня — 233.
Измаилов, Тимофей — 254, 256.
Измайлов, Александр Ефимович — 296.
Измайлов, кн. Иван Михайлович—271.
Измайлов, Н. В. Комментарий к публикуемым материалам — 327—332, 338—356.
Измайлов, Н. В. «Новый сборник лицейских стихотворени» — 472.
Иконников, Алексей Николаевич — 469.
Илличевский, Алексей Демьянович — 358, 507, 508.
Илличевский, А. Д. «Грядет с заката царь природы...» Эпиграмма — 508.
Ильин, Иван — 111, 112.
Ильинский, Леонид Константинович — 534.
Ильицыно — именье Гончаровых Рязанской губернии — 388, 401—406, 430.
Инзов, Иван Никитич — 369, 479—481.
Иннокентий (Нечаев), архиепископ Псковский — 251.
Институт Иезуитский. См. Коллегиум (или Институт) Иезуитский.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук Союза ССР (ПД) (ИРЛИ) — 60, 83, 84, 88, 89, 95, 103, 107, 115, 119, 120, 124, 125, 132, 141, 144, 145, 148, 150, 151, 189, 191, 246, 247, 299, 327, 331, 332, 338, 339, 367, 450, 461, 476, 477, 505, 506, 511, 514, 515, 517, 529, 531, 534, 540, 563, 565, 568, 569.
Иоанн Антонович, император — 545.
Иогель танцмейстер — 449, 454, 460.
Иоргани — 550.
Ипсиланти кн. Александр Константинович — 550.
Иркутск, город — 569.
Исаев, Иван — 259.
Исаев, Федор — 252, 253, 268.
Исаков, Яков Алексеевич — 79.
Истарх. См. Архив, Исторический, в г. Горьком.
Истомина, Авдотья Ильинишна — 512.
Исторический Государственный музей. См. Музей Исторический, Государственный.
Истра, город — 247.
Истра, река — 234, 235, 237, 247.

Каверин, Петр Павлович — 529.
Каверин, Павел Никитич — 397.
Кадерметов, Ермолай Хадмет — 217, 218.
Казанский, Б .В. «Гибель Пушкина» статья — 353.
Казанский, Б. В. «Разорванные письма», статья — 339, 347, 348, 351, 352.
Казань, город — 215, 546.
Казариново, деревня. См. Нефедьево (Казариново), деревня.
Казариново, село. См. Большое Казариново.
Казин, Назар Васильевич — 126, 127.
Казинская N. N. — 92.
Каинлы, селенье — 207, 216.
Калашников, Василий Михайлович — 95, 96, 99, 100, 102, 104, 105, 146, 152, 153, 167.
Калашников, Гавриил Михайлович («Красавец Габриель») — 105, 106, 112, 113, 146, 192, 193.
Калашников, Иван Михайлович — 146.
Калашников, Иван Тимофеевич — 568, 569.
Калашников, И. Т. «Дочь купца Жолобова». Роман — 569.
Калашников, И. Т. «Изгнанники». Повесть — 569.
Калашников, И. Т. «Камчадалка». Роман — 569.
Калашников, Михаил Иванович (Михаил, «посланный», Иванов Михаил) — 33, 34, 83, 88, 93, 95—99, 101—113, 115—124, 137, 139—143, 146, 148, 149—154, 156—165, 167—170, 173—175, 180, 181, 192, 193, 283, 284, 325, 336, 456, 462.
Калашников, Петр Михайлович — 146
Калашников, Федор Михайлович—192, 193.
Калашникова, Аксинья — 192, 193.
Калашникова, Василиса Лазаревна — 105, 106, 112, 122, 144, 146, 152, 153.
Калашникова, Елена Федоровна — 193.
Калашникова, Маланья — 100.
Калашникова, Наталья Федоровна — 193.
Калашникова, Ольга Михайловна. См. Ключарева, О. М.
Калечицкая, Екатерина — 420, 421.

Калечицкие — 386, 419, 421, 422, 423.
Каллаш, Владимир Владимирович — 523.
Каллаш, В. В. «Историко-литературные мелочи» — 523.
Калошин, П. И. См. Колошин, П. И.
Калуга, город — 140, 142, 143, 173, 381, 383, 389, 390, 396—398, 401, 403, 405, 407, 431, 432, 434.
Кальве, Эспри — 305.
Калья Пашинский — 202—204.
Кама, река — 218.
Каменев, Гавриил Петрович — 546.
Каменка, именье Давыдовых (Киевской губ., Чигиринского уезда) — 368, 369.
Каменная, речка — 281.
Каменская, Анна Павловна — 248.
Каменский, Михаил Федотович — 248.
Канкрин, гр. Егор Францевич — 193, 438, 439, 506, 508, 535.
Каннинг, Джордж (Canning) — 331.
Каныкаев, Бахтиар — 217—219.
Капиджи — Паша — 209, 210.
Карагамза, деревня — 197, 198, 214.
Карамзин, Николай Михайлович — 67, 331, 373, 498, 506, 507, 514, 543, 545, 546.
Карамзин, Н. М. «История государства российского» — 321—323, 401, 498.
Карамышев, Тимофей Филатович — 381, 382.
Каратыгин, Петр Андреевич — 373.
Караулов, Василий Семенович — 244.
Карнаухова, М. Г. См. Шилов, А. А. и Карнаухова, М. Г.
Карпов, Михаил рядовой — 252—253, 268.
Карпов — подполковник — 197, 198, 200, 204, 205, 214.
Карс, город — 201, 208, 209, 214.
Карсский пашалык — 213, 214.
Каруга речка — 281.
Карцев, Яков Иванович, проф. — 506.
Касагов, Иван Иванович — 225.
Касохново, деревня — 284, 285.
Катакази, Константин Антонович — 553, 554.
Каталони, Ангелина (Catalani) — 331.
Катанская, Александра Васильевна — 371.
Катаржи — 554.
Катенин, Павел Александрович — 30, 327, 495, 505.
Катков, Михаил Никифорович — 446, 447.
Катунки, село Нижегородской губ. — 410, 413.
Качаево, село — 116.
Каченовский, Михаил Трофимович — 532.
Кашин, В. «Землевладение крепостных крестьян» — 125.
Кашкин, (Терехин) Павел Николаевич — 116, 119.
Кашевский, Павел — 433.
Квашнин — Самарин, Федор Алексеевич — 463.
Квашнина-Самарина, Прасковья Юрьевна, (р. Ржевская) — 463.
Кемля, село Лукояновского уезда — 119, 120.
Кеприн—Кев, деревня — 208, 217.
Корцелли, Иван Иванович — 432, 433.
Керчь, город — 496.
Киев, город — 368, 497, 511.
Кипранов, В. «Арифметическая таблица». 1705 г. — 41.
Кипренский, Орест Адамович — 367, 564, 567.
Киреев, Иван Васильевич — 192.
Киреев, Петр Александрович — 144, 149, 150.
Киреевский, Иван Васильевич — 301, 302.
«Киреевская слободка», именье Киреевских, в Орловской губ. — 301.
Кирей болдинский крестьянин — 126, 127.
Кирьяков, Николай Иванович — 569.
Киселев, гр. Павел Дмитриевич, — 508, 509.
Киселев, Сергей Дмитриевич — 371.
Кистеневка (Кистенево, сельцо), («Костиного») — 83, 89, 92, 95, 97, 99, 102, 105, 108, 111, 114, 116, 117, 122, 125, 132, 139, 143, 144, 146, 147, 150—152, 154, 155, 159, 160, 163—166, 168, 170, 173—175, 179—182, 184—186, 188—190, 192, 194, 270, 273, 462.
Кистеневка, деревня. См. Темяшево (Кистеневка), деревня.
Кистенево, сельцо. См. Кистеневка, (Кистенево, сельцо «Костиного».
Кистеневские крестьяне — («Подворная опись») — 127—137, 170—172, 176—179.
Кишинев, город — 31, 35, 295, 296, 369, 450, 479, 480, 481, 496, 500, 501, 548, 551, 553—555, 558.
Clarke „Travels in varions countries of Europe“ — 118.
Клейнмихель, кн. Е. П., р. кж. Мещерская — 565.
Клейнмихель, гр. Петр Андреевич — 418, 419.
Клеман, Н. «Текст лицейских стихов Пушкина» — 31, 41.
Климов, Тимофей Дмитриевич — 232.
Климово, деревня, Псковской губернии — 464.
Климонов, Феоктист — 230.
Клин, город — 247.
Ключарев, Павел Степанович — 98, 102, 104—106, 108—110, 123, 124, 456, 462.
Ключарев, Федор Петрович — 546.
Ключарева, Ольга Михайловна (р. Калашникова), («чреватая грамота») — 95—99, 102, 105, 106, 108, 109, 122, 124, 146, 152, 153, 192, 193, 456, 462.
Клюшников, Иван Петрович — 536.
Клюшников, И. П. «Дар случайный, дар напрасный». Стихотворение — 495, 536.
Княжевич, Александр Максимович — 411, 412.
Княжевич, Владислав Максимович — 412.
Княжевич, Дмитрий Максимович — 411, 412.

Княжнин, Владимир Яковлевич — 464.
Кобрино деревня (Северо-западной обл., Красногвардейск. района) — 449, 451, 457, 458.
Козлов, Василий Иванович — 102, 103.
Козлов, Гавриил Тимофеевич — 253, 254, 263, 268, 269.
Козлов, город — 397.
Козлов, Иван Иванович — 302, 329, 330.
Козлов, Никита Тимофеевич—449, 451, 458.
Козлов, Яков Семенович — 114, 116, 118, 167, 168.
Козлов (бурмистр) — 104, 170.
Козловский, казначей — 164.
Козмина, Аксинья — 248.
Козьмин, Григорий — 413.
Козьмин-Короваев, Степан Иванович— 258.
Кокин, Яков — 243.
Кокорев, Егор Иванович — 114, 116, 126, 127, 179, 180.
Кокошкин, Иван Алексеевич — 30.
Коллегиум (или Институт) иезуитский — 460.
Кологривов, Лаврентий — 234.
Кологривов, Петр Александрович — 332.
Колокольцев, Семен — 221.
Колошин Павел Иванович (Калошин)— 297, 369, 370.
Колошин, Сергей Павлович — 297.
Комовский, Сергей Дмитриевич — 476.
Кондратьево, деревня Псковской губернии (им. Ганнибал) — 464.
Кондырев, Петр Тимофеевич — 233, 246.
Констан, Бенжамен — 331.
Константинов, Н. А. — 302 .
Константинополь, город — 417.
Константин Павлович, вел. кн. — 416, 418, 436, 438, 554.
Копоткин, Иван — 248.
Кореян, река — 397.
Кореян — Загряжский, (Знаменское), село Тамбовской губ. — 397.
Корикова пустошь — 235.
Корин, А. Д. — 565.
Корнилов, Александр Алексеевич — 469, 476.
Коротнев, Сергей Александрович — 244.
Корсаков, Николай Александрович — 468, 469, 476.
Корсаков, Петр Александрович — 55.
Корсаков, Семен Николаевич — 566.
Корсунь, город — 271.
Корф, бар. Генрих (Андрей) — 474, 475.
Корф, бар, Модест Андреевич — 467, 468, 470, 472, 474—477, 507.
Корф, бар. М. А. «Записки» — 467,
Корф, бар. Ольга Сергеевна (р. Смирнова) — 476.
Костьково, деревня. См. Бирюли, деревня.
Костяев, Афанасий — 255, 259.
Кочергинка, деревня — 271.
Кочубей, кн. Виктор Палович — 411, 412, 417, 436, 438.
Кочубей, кн. Мария Васильевна, (р. Васильчикова) — 412, 415, 417.
Кошино, деревня Псковской губернии — 464.
Кощеев, Алексей Алексеевич — 493, 525.
Краевский, Андрей Александрович — 446, 534.
Крамской, Иван Николаевич — 373.
Красное, село — 215, 249, 251.
Красный Архив, журнал — 164—166, 184, 187.
Красноуфимск, город — 218.
Краснояр, (Красный Яр), деревня Сергачского уезда — 259, 271.
Крестьяне села Болдина, («Подворная опись»). См. Болдинские крестьяне.
Крестьяне села Кистеневки, («Подворная опись»). См. Кистеневские крестьяне.
Кривошеин, Григорий — 227, 231, 234, 242.
Кривцов, Николай Иванович — 510.
Кривцов, Павел Иванович — 511.
Кривцы пустошь — 282.
Кромин, Емельян — 223.
Кроткова, Прасковья Петровна (р. Новосильцова) — 150.
Крупенский Матвей Егорович (Крупянский) — 554, 556.
Крыгин, Василий — 101.
Крылов, Александр Лукич — 320, 331, 543.
Кудеярово, деревня — 150.
Кудьма, река — 225.
Кузнецов, Григорий Никифорович — 170, 171.
Кузнецов, Дмитрий Григорьевич — 171.
Кузнецово, деревня Псковской губернии — 464.
Кузьков, Спиридон Ананьевич — 118.
Кузьков, Яков Ананьевич — 118.
Кукольник, Нестор Васильевич — 534.
Куликов, Николай Иванович — 535.
Кулиш, Пантелеймон Александрович — 336.
Купеево, (Архангельское), село — 257, 270, 271.
Кура, река — 216.
Куракин, кн. Алексей Борисович, 245, 417.
Куракина, кн. Наталья Ивановна (р. Головина) — 415, 417.
Курочкин, Архип — 195, 196.
Куртасово, сельцо — 247.
Кутузов, Дмитрий — 229.
Кутузов, Иосиф Леонтьевич — 225.
Кучаново (Кучино, Кучанет) озеро — 280, 282, 285.
Кучецкий, Иван — 258.
Кюхельбекер, Вильгельм Карлович — 60, 468, 469, 471, 476—478.
Кюхельбекер, В. К. «Демон» — 60.

Лаваль, гр. Александра Григорьевна, (р. Козицкая) — 372.
Лагренэ Теодор — 332, 333.

Ладыженская, Елизавета Александровна (р. Сушкова) — 308.
Ладыженский, Гавриил Михайлович — 308.
Ладыженский, Евграф Семенович — 308.
Ламартин, Альфонс Мари Луи (Lamartine) — 74.
Лангер, Валерьян Платонович — 319.
Ланжерон, гр. Александр Федорович — 415, 417.
Ланская, Елизавета Петровна — 393.
Ланская, Наталья Николаевна. См. Пушкина, Н. Н.
Ланская, Софья Александровна. См. Пушкина С. А.
Ланская, Софья Петровна — 393.
Ланской, Петр Петрович — 83, 118, 383.
Лаптиха (Лохтово), деревня — 279—281.
Латыгори, деревня Рязанского уезда — 231—233, 246.
Лачинов — 214.
Лачинова, Варвара Яковлевна—285.
Лежнево, деревня — 279—281, 284, 285.
Лекс, Михаил Иванович — 552.
Лелевель, Иоахим — 484.
Леман, Анна Ивановна (р. Анцыферова) — 327.
Ленинград, город. См. Петербург, город.
«Ленинград» — журнал — 84.
Ленинская библиотека. См. Библиотека им. Ленина, Всесоюзная.
Леонов, Степан Алексеевич — 206, 216.
Леонова, Ирина Семеновна — 246.
Леонтьев, Андрей — 252, 253, 268.
Леонтьев, Иван Иванович — 246.
Леонтьев, Павел Михайлович — 396.
Леонтьев, Федор — 229.
Леонтьев — (унтер-офицер)—550, 551.
Лермонтов, Михаил Юрьевич — 302.
Лернер, Николай Осипович — 31, 60, 66, 189, 302, 330, 331, 359, 514, 524.
Лернер, Н. О. «Загадочное стихотворение Пушкина» — 297.
Лернер, Н. О. «Рассказы о Пушкине». Сборник статей, 1929 — 302, 511.
Лернер, Н. О. — «Сестра Пушкина», статья — 189.
Лернер, Н. О. «Труды и дни Пушкина», СПБ, 1910 — 147, 512, 513.
Либерицкий, Алексей — 225.
Либрович, Сигизмунд — 563, 564, 565.
Линдварев — 358.
Липранди, Иван Петрович — 98, 462, 548—554.
Липранди, И. П. «Заметки». 548, 551.
Липранди, И. П. «Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди» — 551.
Липранди, И. П. «Несколько замечаний на Военный Энциклопедический лексикон». Статья — 550.
Липранди, И. П. «Сербский вопрос». Статья — 550.
«Лира граций», альманах — 65.
Литвинов, Тимофей — 257.
Литературная Газета, изд. бар. Дельвигом, в 1830 г. — 320, 532, 533, 542.
«Литературное Наследство» — 31, 75, 84, 118, 168, 190, 195, 196, 301, 309, 358.
Литературный Государственный Музей. См. Музей, Литературный, Государственный.
Литта, гр. Юлий Помпеевич — 535.
Лифарь, Сергей — 312, 320.
Лихарева (2-м браком) Анна, (1-м браком Хлюпина) — 231, 232.
Лихорев, Абакум Семенович — 232.
Лихорев, Андрей Семенович — 232.
Лихорев, Ефрем Семенович — 232.
Лихорев, Максим Семенович — 232.
Лихорев, Семен — 231, 246.
Лихорев, Трофим Семенович — 232.
Лицей Царскосельский («Лицейский уголок») — 13, 78, 451, 454, 455, 465, 467, 468, 474, 475.
«Лицейский мудрец», журнал — 469, 470, 472.
Лобанов, кн. Афанасий — 234.
Лобанов-Ростовский, кн. Александр Яковлевич (Лобанов, Александр)—30, 31.
Лобанов-Ростовский, кн. Михаил Борисович — 375, 376.
Лобзино, деревня Псковской губернии — 464.
Лобково, сельцо — 246.
Лобов — 432.
Лобойко, Иван Николаевич, проф. — 486.
Лович (Ловицкая), кн. (р. гр. Грудзинская) — 436, 438.
Логвинов, Кузьма Феоктистович—246.
Логвинов, Семен Тимофеевич — 246.
Логовщин, Дмитрий Иванович — 257.
Лодыженский, Иван Петрович — 227.
Лозинский, Г. «Романтический альбом П. А. Бартеневой», заметка — 302.
Ломоносов, Сергей Григорьевич — 468.
Ломошино, деревня Псковской губернии — 464.
Лонгинов, Михаил Николаевич — 66, 496, 497, 499, 503, 504, 512—519, 524, 529, 531, 533, 534, 538, 541.
Лонгинов, М. Н. «Некролог П. Я. Чаадаеву» — 504.
Лонгинов, М. Н. рукописное «Собрание сочинений А. С. Пушкина, не вошедших в издания его сочинений» — 1855—56 г. — 524.
Лондон, город — 461.
Лопасня, станция — 83, 84, 85.
Лопухин, Дмитрий Ардольонович — 383.
Лорер, Николай Иванович — 195, 196.
Лорер, Н. И. «Записки декабриста Н. И. Лорера». 1931 — 196.
Лорж, г-жа — 460.
Лохтово, деревня. См. Лаптиха, (Лохтово) деревня.
Луга, город — 452, 458.
Лукин, Василий — 256.
Лукино, деревня Псковской губернии — 464.
Лукоянов, город — 93, 98, 102, 140, 141, 144, 150, 151, 166, 167.
Лунцово, деревня — 279—281.

Львовка, деревня — 192.
Лыков, Афанасий — 226.
Лыков, Иван — 226.
Лыков, Ларион Перфильевич — 226.
Лысково, село Нижегородской губернии, Макарьевского уезда — 110, 111, 181, 185.
Любовцев, Алексей Никитович — 271.
Любовцев, Борис Никитович — 271.
Любовцев, Игнатий Никитович — 271.
Любовцев, Семен Васильевич — 259, 263.
Любовцев, Спиридон Архипович — 259, 263.
Любовцев, Филипп Семенович — 269, 271.
Любовцева, Агафья Емельяновна — 271.
Лянова, Анна Ивановна — 226.
Лясковский, Валерий Николаевич — 301.

Мадаево, село — 93.
Мазер, Карл Петер (Mazer, C. P.) — 565, 566, 567.
Майков, Леонид Николаевич — 41, 58, 59, 66, 339, 449, 531, 540.
Майков, Л. Н. «Пушкин», СПБ, 1899—77, 196, 503.
Макаров, Михаил Николаевич—389.
Макаров, М. «А. С. Пушкин в детстве. — Книга воспоминаний о Пушкине», М., 1931 — 389.
Макаров, М. «Александр Сергеевич Пушкин в детстве. (Из записок о моем знакомстве)» — 460.
Максимович, Иован Георгиевич — 35, 78, 79.
Максимович, Михаил Александрович — 486.
Максимовская пустошь — 256.
Малевская, Софья (р. Шимановская) 330.
Малевский, Франц Семенович — 330, 484.
Маленец, озеро — 280, 282, 285.
Малинин, Д. Н. — 379.
Малинин, Д. Н. «Полотняный завод в XVIII веке». Калуга, 1929 — 379, 382, 383.
Малинники — именье П. А. Осиповой — 162, 163, 335.
Малиновский, Алексей Федорович — 325, 454, 461.
Малиновский, Василий Федорович — 454, 460, 461, 467.
Малиновский, В. Ф. «Записки об освобождении рабов» — 461.
Малиновский, В. Ф. «О мире и войне» — рассуждение — 461.
Малиновский, Павел Федорович — 454, 461.
Малиновский, Иван Васильевич—468, 469, 472, 476, 477.
Малое Болдино (Новоуспенская), деревня в 5 верст. от Больш. Болдина — 86, 89, 91—93.
Мальцев, Иван Акимович — 459.
Мальцев, Иван Сергеевич — 409.
Мальцев, Яков — 259, 263.
Мальцева, Капитолина Михайловна (р. Вышеславцева; 1-м бр. Пушкина) — 88, 453, 459.
Мамиш-Ага — 209, 210, 217.
Мамонтова пустошь — 222, 223.
Мансуров, Павел Борисович — 30, 31.
Мария Александровна, вел. кн.—436.
Мария Федоровна, имп. — 327, 418, 431.
Марково, деревня Псковской губ.— 464.
Марлинский, А. А. См. Бестужев, Александр Александрович.
Маро (Marot), Клеман — 12.
Мартынов, Александр Федорович — 239.
Мартынов, Аркадий Иванович — 476.
Масейкова пустошь — 223.
Маслов, Степан Алексеевич — 547.
Маслов, Дмитрий Николаевич — 469.
Массон — автор мемуаров о России — 511.
Массон, Мария Ивановна (р. бар. Розен) — 511.
Массон, Ольга — 511.
Матюшкин, Федор Федорович — 469.
Махнино, деревня — 279, 281, 284.
Мацеевич, Л. С. «Из Кишинева о Пушкине», статья — 481.
Меджингерт, замок — 206, 207, 216.
Мей, Лев Александрович — 532.
Меландр, Иван Карлович — 163.
Меландр, Екатерина Исааковна, (р. Ганнибал), («Менандр») — 163.
Мелессино, Петр Иванович — 546.
Мельников, Андрей Павлович — 148.
Мериме, Проспер — 307, 308.
Мещерская, кн. Е. Н., р. Карамзина— 565.
Мещерский, кн. В. П. — 564, 565.
Мещерский, кн. Елим Петрович—359.
Мещерское, село — 332.
Миллер, Павел Иванович — 543.
Миллидюзе (Милли-Дюз), урочище— 207, 216.
Мильвуа, Шарль (Millevoye) — 73, 74.
Мирза Массия — 408, 409.
Митьков — 511.
Михаил Павлович, вел. кн. — 419.
Михайлов, Алексей Григорьевич — 433.
Михайлов, Алексей (канцелярист) — 230, 237.
Михайлов, город — 226.
Михайлов, Петр — 253, 268.
Михайловское, село Калининской области, Пушкинского района — 30, 32, 34, 56, 85, 96, 97, 100, 103, 107, 108, 120, 121, 192, 195, 196, 251, 279, 281, 282, 284, 285, 291, 292, 319, 331, 335, 360, 369, 370, 387, 427, 451, 457, 458, 462, 463, 521, 569.
Михалково пустошь (село) — 223, 268.
Михневич, Владимир Осипович—251.
Михневич, В. О. «Дед Пушкина», статья — 463.
Михнево, сельцо Тверской губернии — 101.

Мицкевич, Адам — 78, 330, 332, 372, 455, 480, 484, 565.
Мицкевич, Целина (р. Шимановская) — 330.
«Мнемозина», альманах — 59, 60.
Могилев, город — 511.
Модзалевский, Борис Львович — 83, 118, 189, 309, 327, 360, 369, 464, 499, 500, 529, 553, 563, 564, 565.
Модзалевский, Б. Л. «Дневник Пушкина» — 147.
Модзалевский, Б. Л. «Поездка в Тригорское в 1902 году», статья—464.
Модзалевский, Б. Л. Предисловие к «Запискам иркутского жителя» — 569.
Модзалевский, Б. Л. «Пушкин», Л., 1929 — 84, 98, 353, 443, 445, 446, 448, 461.
Модзалевский, Б. Л. «Работы П. В. Анненкова о Пушкине», статья — 98.
Модзалевский, Б. Л. «Род Пушкиных», статья — 244, 463.
Модзалевский, Б. Л. «Смерть Пушкина», статья — 569.
Модзалевский, Б. Л. и Муравьев, М. Н. — «Пушкины». Родословная роспись. Л., 1932 (ПР) — 243, 245, 246, 271, 459, 462.
Модзалевский, Б. Л., Оксман, Ю. Г. и Цявловский, М. А. «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», Л., 1924 — 338.
Модзалевский, Лев Борисович — 77, 84, 195, 308, 331, 361—364.
Модзалевский, Л. Б. «Библиотека Пушкина», статья — 568.
Модзолевский, Л. Б. Комментарий к публикуемым материалам — 302, 337, 358, 359.
Модзалевский, Л. Б. «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде». Л., 1929 (РП) — 318, 322, 361—364.
Модзалевский, Л. Б. См. Цявловский, М. А., Модзалевский, Л. Б., Зенгер, Т. Г. «Рукою Пушкина», М.—Л., 1935.
Мокринская пустошь — 223.
Мокшандейка, речка — 255, 257—259, 263, 270.
Молотков, Ефрем Данилович (Ефрем, Ефрошка) — 429, 431—434.
Молофеев, Осип — 104, 105.
Молофеево, деревня Псковской губ. — 464.
Молчанов, Григорий — 256.
Молчанов, Дмитрий — 237.
Молчанов, Тимофей — 232.
Мольер, Жан Баптист Покелен — 63, 452, 541.
Монастырев, Иван Леонтьевич — 255, 256.
Монфор, гр. — 452, 458.
Мордвинов, Александр Николаевич — 362, 363.
Мордвинов, жандармский полковник — 566.
Морозов, Петр Осипович — 41, 64, 66, 147, 531.
Морозово (Федькино), деревня — 279, 280, 281.
Москва («Мать градов России») — 27, 28, 32, 84, 85, 87, 97, 103, 104, 106, 112, 120, 123, 139, 140, 142, 143, 165, 166, 168, 173, 175, 191, 192, 195, 196, 221, 224, 227, 230, 237, 243, 245, 247, 248, 261, 297, 327, 328, 330, 332, 333, 337, 358, 360, 369, 370, 372, 374, 379, 382, 386, 389—393, 397—407, 411, 413, 414, 417, 420, 423, 426—428, 431, 433—439, 445, 446, 451, 453, 475, 482, 486, 496, 500, 503, 504, 519, 528, 536, 537, 545, 546, 553, 560, 566, 567.
«Москвитянин», журнал Погодина, 1841 г. — 44, 446, 451, 455, 457, 458, 480, 481.
«Московские Ведомости» — 328, 396, 444—449.
«Московский Вестник» — 309, 541.
«Московский Наблюдатель», журнал — 550.
«Московский Пушкинист» — 84, 297.
«Московский Телеграф», журнал, 1825, 1827 гг. — 35, 308, 330, 541.
Москотильников, Савва Андреевич — 546.
Мошков, Владимир Иванович — 373.
Мстра, река (в Новогородск. губ.) — 387.
Мудров, Матвей Яковлевич — 415, 417.
Музей Исторический, Государственный — 301, 360, 560.
Музей Каторги и Ссылки, Центральный — 568, 569.
Музей Краеведения, Калужский — 379.
Музей, Литературный Государственный. (ЛМ, ГЛМ) — 78, 79, 85, 97, 118, 175, 296—299, 301, 302, 305, 308, 309, 312, 321, 327, 333, 334, 336, 337, 339, 358, 361, 364—368, 371, 373, 375, 379, 380, 384, 388, 426, 446, 447, 449, 467, 471, 480, 482, 483, 492, 493, 548, 552, 559, 563—565, 568, 569.
Музей Мицкевича (в Париже) — 327, 330, 331, 337, 461.
Музей Нижегородский, им. Горького — 299.
Музей Онегинский — 332.
Музей Румянцевский — 84, 499, 543.
Музей Театральный, им. А. А. Бахрушина — 296, 309, 334, 336, 337, 364, 565.
Мур, Томас — 331, 501.
Муравьев, Андрей Николаевич — 311, 314, 316, 317, 395.
Муравьев, А. Н. «Мои воспоминания» — 395.
Муравьев, М. Н. См. Модзалевский, Б. Л. и Муравьев, М. Н. — «Пушкины». Родословеная роспись. Л., 1932.
Муравьев, Николай Николаевич — 201, 203, 204, 206, 215, 312, 316.
Муравьева, Александра Григорьевна — 540.
Мусин-Пушкин, гр. Алексей Иванович — 325.
Мусина-Пушкина, Надежда Платоновна. См. Гончарова, Н. П.
Муханов, Павел Александрович — 32, 370.
Мушковский стан — 227—230.

Мюллер, А. П. — 566.
Мюллер, А. П. «Иностранные живописцы и скульпторы в России», М., 1825 — 566.
Мюллер, Фридрих, фон — 330.
Мясоедов, Илья Маркович — 226.
Мясоедов, Павел Николаевич — 469, 476.
Мятен — 496.
Мятлев, Иван Петрович — 302.
Мэстр де, гр. Ксавье — 444, 452, 458
Мэстр де, гр. Ксавье «Ночное путешествие вокруг комнаты» — 458.
Мэстр де, гр. Ксавье «Путешествие вокруг комнаты» — 458.

Наврузов, Салих — 219.
Надеждин, Николай Иванович — 317, 320, 502.
Надеждин, Н. И. «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии». Статья — 313.
Надеждин, Н. И. «Прогулка по Бессарабии» — 481.
Налевин, Денис Иванович — 117, 119, 152, 153, 168.
Нарцево, деревня Псковской губернии — 464.
Нарышкин, Александр Львович—227.
Нарышкина, Елена Александровна (р. Апраксина) — 226, 227.
Нарышкина, Елена Александровна. См. Голицына, кн. Елена Александровна.
Нащокин, Павел Войнович — 97, 99, 100, 104—106, 109, 110, 112, 122, 139, 147, 155, 319, 333, 374, 386, 392, 393, 414, 417, 426—428, 437, 439, 474, 491, 492, 532, 535, 566, 567.
Нащокина, Вера Александровна—567.
Нева, река — 21.
Невзоров, Максим Иванович — 544
Невзоров, Н. — «К биографии Пушкина», СПБ, 1899 — 387, 390.
«Невский Альманах», 1830 — 514.
«Невский Зритель» — 57.
Неелова, Любовь Семеновна — 464.
Нейштадт, Владимир Ильич — 299.
Некрасов, Николай Алексеевич — 78.
Немезидин, Николай Порфирьевич — 569.
Немцевич, Юлиан — 331.
Нессельроде, гр. Карл Васильевич— 354, 436, 438.
Нестеров — землемер — 92, 93.
Нестеров — титулярный советник — 89.
Нестерова, Александра Афанасьевна (р. Гончарова) — 430.
Нефедьево (Казариново), деревня — 255, 256, 270.
Нечаев, Иннокентий. См. Иннокентий (Нечаев), архиепископ Псковский.
Нечаева Вера Степановна — 84, 99, 101, 103, 118, 161, 164, 379.
Нечаева, В. С. «Из Гончаровского архива», статья — 379.
Нечаева, В. С. «Дантес». Статья. — 379.
Нечкина, Милица Васильевна — 196.
Нижний Новгород, город — 89, 103, 108—110, 117, 120, 153, 160—162, 223, 225, 462.
Никитин, Ермила — 255, 259.
Никитин, Петр — 108.
Никифоров-Волгин, В. — 450.
Николай I, имп. — 125, 197, 200, 205—207, 209, 212, 213, 217, 329, 334, 354, 355, 362, 393, 405, 409, 417, 436, 438, 439, 543.
Николаев, Алексей Егорович — 248.
Николаев, Егод Федорович — 246.
Николаев, Н. П. — 480.
Никольский, Владимир Васильевич — 505.
Ниловка, деревня. См. Адашево-Ниловка, деревня.
Новиков, Николай Иванович — 545—547.
«Новинки», именье Ключаревых, Горбатовского уезда — 104.
Новоржев, город — 117.
«Новоселье», альманах за 1833 г. — 301, 302.
Новосильцев, Иван Васильевич — 430.
Новосильцев, Николай Петрович — 149—151, 154.
Новосильцев, Петр Александрович — 150.
Новосильцова, Екатерина Андреевна (р. Синявина, по первому браку Гончарова) — 388, 397, 398, 401, 426, 430, 431, 433.
Новосильцова, Екатерина Владимировна. См. Толычева, Т.
Новосильцова, Наталья Алексеевна— 150.
Новоуспенская (Полянка), деревня — 252—254, 263, 264, 268, 269, 272, 274.
Новоуспенская деревня — см. Малое Болдино (Новоуспенская), деревня.
Нордштейн, «Всякая всячина», рукописный сборник — 560.
Норов, Авраам Сергеевич — 299.
Носов, Петр Иванович — 437.

Оболенский, Николай Алексеевич — 247.
Обрадович Миодраг — 78, 79.
Обрезков — 558.
Общество «Арзамас», литературное— 274.
Общество «Беседа любителей русского слова» — 329.
Общество «Братство Семиугольной Звезды» — 370.
Общество «Зеленая лампа» («Лампа») — 30, 31.
«Общество Любителей Российской Словесности» — 329.
Общество Типографское — мартинистов — 545.
Овошникова, Авдотья Ивановна — 30, 31, 497.
Овсянникова, Н. «Болдино», статья— 88.
Огарев, Николай Платонович — 512, 515, 534.
Одоевская, кн. — 410.

Одоевский, кн. Владимир Федорович — 353, 530.
Одоев, город Тульской губ. — 245.
Одесса, город — 32, 60, 371, 417, 493, 518, 529, 530, 548, 551, 552.
Ожегов, Савинка — 257.
Озерова, Надежда Петровна — 411.
Оксман, Юлиан Григорьевич — 61, 84, 310.
Оксман, Ю. Г. — «Будни Пушкина» — 84.
Оксман, Ю. Г. См. Модзалевский Б. Л., Оксман Ю. Г. и Цявловский М. А. «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», Л., 1924.
Олин Вальерьян Николаевич — 532.
Олсуфьев, Захар Дмитриевич — 431.
Ольхин, Александр Александрович — 77, 78, 376.
Ольховца, деревня (Михайловского уезда) — 226.
Онегин, Александр Федорович — 83, 331, 332.
Опочка, город Псковской губернии — 281, 285, 290, 292, 451, 499, 503.
Оренбург, город — 106, 112, 143.
Орлов, гр. Алексей Григорьевич — 26.
Орлов, кн. Алексей Федорович — 494, 508, 512.
Орлов, гр. Владимир Григорьевич — 271, 437, 438.
Орлов, Михаил Федорович — 508, 512.
Орлова, Екатерина Николаевна (р. Раевская) — 368, 496.
Оса, город Пермской губернии — 218.
Осипова (2-й бр.) Прасковья Александровна (Вульф, 1-й бр., р. Вындомская) — 34, 97, 162, 163, 195, 196, 334, 370, 418, 427, 451, 463.
Осиповы-Вульф — 563.
Осман-Хазы-Надир-Оглы-Паша — 200, 214, 312.
Остафьево, именье Вяземских — 97.
«Остафьевский архив князей Вяземских», СПБ, 1899 — 40, 61, 68, 327, 535, 559.
Остен-Сакен, гр. Дмитрий Ерофеевич — 214, 215.
Остен-Сакен, бар. («молодой») — 199, 202, 203, 206, 214.
Остерман, гр. Иван Андреевич — 385, 387.
Остриково пустошь — 246.
Остров, город — 117, 158, 174.
Остроленка, местечко в Польше — 418.
Остроухов, Илья Семенович — 358, 365.
«Отечественные записки», журнал — 446, 501, 504.
Отчет Академии Наук. 1925 год. (ОАН) — 290, 299.
Охотников, Алексей Яковлевич — 391.

Павалищина, Марина Ивановна — 233, 241, 246.
Павел I, имп. — 417, 431, 456, 547, 553.
Павлищев, Лев Николаевич — 106, 189, 449, 450, 458.
Павлищев, Л. Н. «Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине». М., 1890 — 106, 189, 449, 450.
Павлищев, Николай Иванович — 96, 165, 166, 187—190, 279, 281, 291, 292, 417, 418, 427, 443—445, 447, 450, 458.
Павлищева, Ольга Сергеевна (р. Пушкина) — 88, 106, 124, 187—190, 274, 281, 284, 329, 335, 416—418, 427, 443—445, 447—452, 455—458, 460—462, 463, 492, 498, 506, 548, 554, 561.
Павлищева, О. С. «Воспоминания» — 329.
Павлов, Василий — 252, 253, 268.
Павлов, Н. Н. — 482.
Павлов, Осип — 100, 101.
Павлов, Николай Филиппович — 333.
Павловск ,город — 34, 415, 418.
Павловское-Рожново, сельцо Московской губ. — 230, 244, 245.
Павский, Герман Петрович — 474.
Палевщина, деревня — 247.
Паловандов, кн. — 211, 217.
Пальчиков, Владимир Петрович — 366, 369, 371.
«Памятная книжка Императорского Александровского Лицея на 1856—1857 год», СПБ, 1856 — 468.
«Памятник Отечественных Муз» альманах — 58, 65, 66.
Панаев, Владимир Иванович («П-в») — 65, 66.
Панкратьев, Никита Петрович — 201, 203, 204, 206, 211, 212.
Паново, деревня — 251.
Пантусов, Федор Константинович — 223.
Пантусовы — 252, 253, 268.
Париж, город — 28, 31, 32, 88, 89, 302, 311, 312, 314, 318, 320, 327, 330, 337, 359, 391, 453, 461, 555, 556.
Парни, Эварист (Parny) — 73, 74.
Парфенов, Петр — 102, 103.
Паскевич-Эриванский, гр. Иван Федорович — 197—204, 206, 213, 215—217, 311—313, 315, 316, 409, 417.
Пежемский, Петр «Панорама Иркутской губернии» — 463.
Пеньковская, Марфа Максимовна — 118.
Пеньковский, Иосиф Матвеевич — 97, 102, 110, 114—121, 123—127, 130, 132, 137—141, 143—163, 166—169, 175, 180—185, 187—190, 192, 335, 336.
Пенинский, И. С. «Грамматика славянская» — 485.
Переднев, Степан — 179, 180.
Переволочное, село Полтавской губернии — 225.
Перелогов, Тимофей Иванович — 547.
«Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», СПБ, 1896 — 491, 522, 532.
Пермеево, деревня — 254, 269.
Перовский, Алексей Алексеевич — 415, 417.
Перуджино (Perugino), собств. Пьетро Вануччи — 374.
Першрон-де-Муши (Фильд), пианистка — 452.
Пестолоцци, Иоганн Генрих — 508.

Пестель, Павел Иванович — 366—368, 370.
Петербург, город (Санкт Петербург, «Столица праздная») — 21, 30—34, 56, 64, 84, 96, 97, 106, 107, 112, 113, 116, 122, 152, 155, 162, 163, 165, 166, 168, 175, 181, 182, 188, 190, 191, 195, 196, 249, 261, 308, 311, 319, 326—332, 334—336, 358, 359, 367, 370, 372, 374, 382, 385—387, 389—394, 396, 404, 406, 408, 409, 413, 415, 417, 419, 420, 423, 425, 427, 431—434, 436, 437, 439, 443, 445, 450—452, 454, 455, 457, 458, 461, 464, 467, 470, 475—477, 483, 486, 491, 493, 496, 501, 508, 518, 524, 528, 534, 548, 560, 561, 566, 568, 569.
Петр I, имп. (Петр Алексеевич, царевич) — 84, 220, 239, 240, 245, 254, 256, 258, 259, 334, 381, 382, 456, 462.
Петр III, имп. — 243, 542.
Петров, Василий Петрович — 26.
Петров, Василий — статорста — 252, 253, 268.
Петров, Петр — 111, 141, 142, 146, 154, 170—173, 180.
Петергоф, город — 212.
Петрищево пустошь — 246.
Петровское, имение П. А. Ганнибал — 463.
Петропавловская крепость — 370, 417, 483.
Пец, Иван — 329.
Пешель, Франц Осипович — 472, 506, 507.
Пещуровы, Алексей Никитич и Елизавета Христофоровна — 476.
Пигарев, Кирилл Васильевич — 298.
Пикшень, деревня Лукояновского уезда — 180, 254, 269.
Пилецкий, Илья Степанович — 468.
Пилецкий-Урбанович, Мартын Степанович — 465—470.
Писарев, Александр Иванович — 514.
«Письма Жуковского к А. И. Тургеневу», М., 1895 — 427.
«Планы и карты к военной истории походов россиян в XVIII столетии. Часть I. Том IV. Гравированы и печатаны при Главном Штабе его императорского величества» — 360.
Плетнев, Петр Александрович — 34, 38, 55, 62, 64, 66, 67, 71, 73, 89, 319, 339, 371, 413, 427, 450, 491—494, 499, 518, 522, 528, 530, 532.
Плесцово, пустошь — 228, 244.
Плещеев, Александр Алексеевич («Черный Вран») — 245, 274.
Плотава, почтовая станция — 103.
Плутарх, «Сравнительное жизнеописание», в перев. Жака Амио — 452, 458.
Повалишин, Василий Дмитриевич — 233, 241, 246.
Повалишин, Гаврила Васильевич — 100.
Повалишины — 246.
Поганкино, деревня Псковской губернии — 464.
Погодин, А. Л. — 35.
Погодин, Михаил Петрович — 334, 370, 445, 446, 460, 480, 481, 485, 486, 491, 492, 495, 502, 532, 567.
Погодин, М. П. — «Древняя русская история», 1871 — 486.
Погодин, М. П. «Исторический альбом», 1853 — 446.
Погодин, М. П. «Об участии Годунова в убиении царевича Дмитрия». Статья — 309.
Подабреево, деревня — 226.
Подачин, Степан — 179, 180.
Подачин, Иван Афанасьевич — 115.
«Подворная опись» Болдинских крестьян. См. Болдинские крестьяне.
«Подворная опись» Кистеневских крестьян. См. Кистеневские крестьяне.
Подключников, Н. И. — 567.
Подлесное (Сохино) поместье — 232, 233.
Подлесное, пустошь. См. Ананьино (Подлесное), пустошь.
Подшивалов, Василий Сергеевич — 547.
Подшивалова (р. Фабиан) — 547.
Пожарский, кн. Дмитрий Михайлович — 87.
Поздеев, Осип Алексеевич — 547.
Полевой, Ксенофонт Алексеевич — 484, 486.
Полевой, К. А. «Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого» — 484.
Полевой, Николай Алексеевич — 34, 482, 484—486, 494, 495, 501—503, 541, 546, 559.
Полевой, Н. А. «История русского народа» — 321, 322, 373.
Полетика, Идалия Григорьевна — 355, 562.
Поливанов, Александр Юрьевич — 392, 413.
Поливанов, Иван Львович — 97, 110, 111, 140.
«Политика» — югославская газета — 35.
«Полный новейший песенник». Гурьянова 1835 г. — 65.
Полозов, Зот Иванович — 233, 246.
Полотняный завод («Полотняные и бумажные фабрики», село Спасское — именье Гончаровых, Калужской губ., Медынского уезда) — 143, 275—277, 373, 379, 381—384, 386, 388, 393—395, 398, 404, 406, 418, 421, 423, 425, 426, 429, 430, 433—436, 438, 439.
Полторацкий, Сергей Дмитриевич — 358, 492, 494, 495, 502—504, 512, 513, 518, 519, 524, 526, 529, 534, 538, 541.
Поляков, подполковник — 204, 216.
Полянка, деревня. См. Верхняя Полянка, деревня.
Полянка, деревня. См. Новоуспенская (Полянка), деревня.
Полянский, Иван Любимович — 225.
«Полярная Звезда» на 1824 г. — 59.
Пономарева, Софья Дмитриевна — 236.
Попов, Павел Сергеевич — 84, 85, 103, 106, 195, 336.
Попов, П. С. Комментарий к публикуемым материалам — 83—292.
Попов, П. С. — «Новый архив А. С.

Пушкина», статья — 93.
Попов (бухгалтер) — 289, 290.
Попов (журналист) — 287, 288.
Попов (казначей) — 289, 290.
Попова, Ольга Ивановна — 301.
Попова (майорша) — 99.
Попроцкий, М. «Калужская губерния», СПБ, 1864 г. — 382.
Поршугово, деревня — 284, 285.
«Последние Новости» — 35.
Потемкин, кн. Григорий Александрович — 219, 312, 316.
Потерпильская пристань, на реке Мсте, в 5 верст. от города Боровичи, Новгородской губернии — 384, 387.
Потоцкий, гр., Станислав Станиславович — 415, 417.
Походяшин, Григорий Максимович — 545.
Почаинов, Иван — 223.
Починки, город — 140, 141, 143.
Приклонская, Екатерина Богдановна — 223.
Приклонская, Лукерия Васильевна. См. Чичерина, Л. В.
Приклонская, Ульяна Юрьевна (р. Есипова) — 222.
Приклонская, Федосья Матвеевна — 223.
Приклонский, Александр Федорович — 222—224.
Приклонский, Алексей Григорьевич — 222.
Приклонский, Богдан Михайлович — 248.
Приклонский, Василий Иванович — 220—223.
Приклонский, Василий Федорович — 223, 224.
Приклонский, Иван Федорович — 222, 223.
Приклонский, Николай Богданович — 226.
Приклонский, Федор Федорович — 222, 223.
Прокофьев, Яков — 252, 253, 268.
Протасов, Агафон Панкратьевич — 126, 127.
Протасов, Федор — 256.
Протопопов — секретарь — 182.
Прянищников — купец — 275.
Псков, город — 288.
Пугачев, Емельян Иванович (Петр III, имп.) — 84, 217—219, 542.
«Пугачевщиина». М., 1926—1931. Три сборника — 218, 219.
Пустошское (Знаменское), село — 254, 269.
Путивль, город — 245.
Путята, Николай Васильевич — 298, 332, 333.
Путята, Ольга Николаевна, см. Тютчева, О. Н.
Пушечников, Дмитрий — 255, 259.
Пушкин, Александр Александрович — (сын поэта) (1833—1914) — 83, 84, 309, 393, 543.
Пушкин, Александр Александрович (внук поэта) (1863—1916) — 83.
Пушкин, Александр Петрович — 87, 228, 231, 237, 241—245, 252, 259, 263, 264, 536, 537.
Пушкин, Александр Сергеевич. Упоминается почти на всех страницах.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА:

Адели («Играй, Адель») («Адель») 72.
«Александр Радищев». Статья — 493—495, 543, 544.
Амур и Гименей. Сказка («Сегодня добрые мужья») — 22, 23, 38, 40, 49, 54, 69.
«Анекдот, служащий основанием...». Набросок предисловия к «Капитанской дочке» — 494, 543.
«Арап Петра Великого» — 462.
Арион («Нас былно много на челне») — 533.
«Арист нам обещал трагедию такую...» См. Эпиграмма.

«Барышня Крестьянка» — 196.
Батюшкову («В пещерах Геликона») — 508.
Бахчисарайский фонтан — 106, 107, 542.
Безверие («О вы, которые с язвительным упреком») — 11, 12, 40, 45, 59.
Борис Годунов — 106, 359, 372, 446, 495, 504, 534.
Бородинская годовщина («Великий день Бородина») — 213.
Братья разбойники — 106, 107.
«Бывало прежних лет герой». См. Эпиграмма.

«В Академии наук» — 494, 533, 534.
«В альбом Зубову». См. В альбом («Пройдет любовь умрут желанья»).
В альбом («Пройдет любовь, умрут желанья») — 446.
В альбом Н. И. Пущину («Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок») — 13, 39, 45, 46, 60.
В альбом А. О. Россети. См. В альбом А. О. Смирновой.
В альбом А. О. Смирновой («В тревоге пестрой и бесплодной») — 446.
В альбом М. А. Щербинину. См. К Щербинину («Житье тому, любезный друг»).
«В одном из московских журналов...» Статья — 455, 542.
«В одном из № «Литературной газеты»... Заметка — 495, 542.
«В последний раз твой образ милый» («Разлука», «Кюхельбекеру») — 6, 38, 43, 57.
В Сибирь («Во глубине Сибирских руд») — 494, 539, 540.
Веселый пир («Я люблю вечерний пир». «Вечер») — 12, 13, 38, 45, 59.
Вещий Олег. См. Песнь о Вещем Олеге.
«Вновь я посетил» — 282.
Вода и вино («Люблю я в полдень воспаленный») — 508.

Вольность. Ода («Беги, скройся от очей»). — 494, 497, 515, 516.
Воспоминания («Когда для смертного умолкнет шумный день») — 494, 536.
Воспоминания в Царском селе («Воспоминаниями смущенный...») — 446, 493, 494, 531.
Воспоминания в Царском селе («Навис покров угрюмой нощи») — 25, 28, 35, 39, 53, 54, 70, 71.
Всеволожскому («Прости, счастливый сын пиров»). (В***му). («К Всеволожскому») — 38.
Второе послание к цензору («На скользком поприще Тимковского наследник») — 494.
Выздоровление («Тебя ль я видел милый друг») — 4, 5, 33, 37, 42, 56.
Гасуб — 331.
Ф. Глинке («Когда средь оргий жизни шумной») — 494, 517.
Кн. [Е. И.] Голицыной. Посылая ей оду «Вольность» («Простой воспитанник природы») — 13, 14, 37, 46, 61, 79, 519.

Гроб Анакреона («Все в таинственном мольчаньи») — 3, 4, 37, 39, 41, 55, 59, 72, 74.
Гроб юноши («...Сокрылся он») — 54.
Гусар («Скребницей чистил он коня») — 302—308.

Движение («Движенья нет, сказал мудрец брадатый») — 64.
Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью). («К Дельвигу») — 23, 24, 38, 50, 54, 69.
Демон («В те дни, когда мне были новы») — 72, 74.
Деревня («Приветствую тебя пустынный уголок»). («Уединение») — 37, 38, 74, 282, 492, 494, 509.
Десятая заповедь («Добра чужого не желать») — 494, 519, 520.
Дневник Пушкина 1833—1835 г. Под редакцией и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского. М. П., 1923 — 553.
Добрый человек («Ты прав, несносен Фирс ученый») — 14, 37, 46, 61.
Догаресса молодая. См. «Ночь светла; в небесном поле».
«Долго сих листов заветных» — 446.
Домик в Коломне — 300, 301.
Домовому («Поместья мирного незримый покровитель») — 37, 38, 72, 75.
Дон («Блеща средь полей широких») — 533.
Друзьям («К чему, веселые друзья») — 7, 33, 37, 40, 43, 54, 57, 58, 72.
«Дубровский». Повесть — 104.

Евгений Онегин. («Онегин») — 34, 106, 107, 115, 282, 313, 317, 358, 367, 371, 491, 494, 526—530, 539, 540.
Египетские ночи — 317, 329.
«Если жизнь тебя обманет» — 35, 308.
«Есть роза дивная: она» — 446.

Желание («Медлительно влекутся дни мои») — 10, 40, 44, 58, 59.
Жив, жив курилка («Как! жив еще курилка журналист»). («Курилка») — 34, 35.
Жуковскому. На издание книжек его «Для немногих» («Когда к мечтательному миру». «К Жуковскому») — 38, 49, 66, 67, 78, 519.

Заздравный кубок («Кубок янтарный») — 18, 40, 48, 64—67.
Заметки к «Истории Пугачевского бунта» — 494, 542, 543.
«Зачем безвременную скуку». См. К***.

Из Пиндемонте («Не дорого ценю я громкие права») — 494.
Измены («Все миновалось») — 508.
Именины («Умножайте шум и радость») («Куплет») — 15, 37, 47, 62.
«Иной имел мою Аглаю» — 497.
«История села Горюхина» — 105, 163.
История стихотворца («Внимает он привычным ухом») — 15, 37, 47, 62.
«История Пугачева» — 360.
История Пугачевского бунта, СПБ, 1834 — 218, 219.

К** («Ты богоматерь, нет сомненья») — 519.
К*** («Зачем безвременную скуку») — 296—298.
К*** («Не спрашивай за чем унылой думой») — 17, 18, 38, 48, 54, 64.
К. А. Б*** («Что можем наскоро стихами молвить ей?») — 14, 37, 46, 61.
К Батюшкову («Философ резвый и пиит») — 508.
К К. Г. Посылая ей оду: Свобода. См. кн. [Е. И.] Голицыной. Посылая ей оду «Вольность» («Простой воспитанник природы»).
К Дельвигу. См. Дельвигу.
К Жуковскому («Благослови поэт!.. В тиши парнасской сени») — 476.
К Каверину («Забудь любезный мой Каверин»). («Послание к Каверину») — 37, 38.
К Лицинию С латинского («Лициний/ зришь ли ты?») — 28, 38, 53, 54, 71, 72.
К Н. Г. Ломоносову («И ты, любезный друг, оставил») — 508.
К молодой вдове («Лида, друг мой неизменный») — 38, 40.
К Морфею («Морфей, до утра дай отраду»). («К сну», «Морфей») — 10, 11, 33, 37, 40, 45, 59, 521.
К морю («Прощай, свободная стихия») («Море») — 72, 74.
К ней («В печальной праздности я Лиру забывал») — 5, 6, 35, 38, 43, 54 57, 79.
К ней («Эльвина милый друг! приди подай мне руку») — 508.
К NN. («Любви, надежды, тихой славы...»). См. К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы»).

К NN. («Я ускользнул от Эскулапа»). См. В. В. Энгельгардту («Я ускользнул от Эскулапа»).
К Н. Я. П. См. Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества, государыни императрицы Елизаветы Алексеевны.
К протрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость»). («Надпись к прортрету Жуковского».— 14, 37, 46, 61.
К портрету П. Я. Чаадаева («Он вышней волею небес») — 494, 515.
К сестре («Ты хочешь, друг бесценный») — 446, 450, 493, 494, 505, 506.
К сну. См. К Морфею.
К Чаадаеву. («Любви, надежды, тихой славы») — 494, 509, 520.
К Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой») — 38, 40.
К Щербину («Житье тому, любезный друг»). («В альбом М. А. Щербинину», «Послание к Щербинину««) — 37, 38, 72, 74, 146.
«К Энгельгардту». См. В. В. Энгельгардту («Я ускользнул от Эскулапа»)
Кавказский пленник — 105, 450, 493, 494, 501.
Казак («Раз, полуношной порою») — 508.
Каменный гость — 302, 331.
Капитанская дочка — 196.
Кинжал («Лемносский бог тебя сковал») — 494, 516.
Кирджали («В степях зеленых Буджака») — 325, 550.
«Когда б не смутное влеченье»—494, 537, 538.
«Когда за городом задумчив я брожу» — 493, 494, 541.
«Когда сожмешь ты снова руку» — 494, 510.
«Когда-то (помню с умиленьем») — 446.
Кривцову («Не пугай нас милый друг»). (К Анаксагору). («К Кривцову») — 38.
Куплет. См. Именины.
Курилка. См. Жив, жив курилка.
Кюхельбекеру. См. «В последний раз твой образ милый».

Лиле («Лила, Лила, я страдаю») — 10, 37, 44, 58, 64.

Мадригал М-ой («О вы, которые любовью не горели») — 14, 46, 61, 62, 79.
Марино Фальери — 499.
Маршрут от Тифлиса до Арзерума— 213.
Месяц («Зачем из облака выходишь») — 7, 35, 38, 40, 43, 54, 57.
Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслажденье») — 8, 33, 37, 44, 58, 79.
Мещанин. См. Моя родословная.
Мирская власть («Когда великое свершалось торжество») — 493, 494, 540.
«Мне жаль великие жены». («Насильно Зубову мила»...) — 484, 521, 522.
Море. См. К морю.
Морфей. См. К Морфею.
Моя родословная («Смеясь жестко над собратом»). («Мещанин») — 243, 446, 457, 462, 536, 537.
Моя эпитафия («Здесь Пушкин погребен») — 518.
Мысли на дороге — 119.

На выздоровление Лукулла (Подражение латинскому) («Ты угасал богач младой») — 534, 535.
На кн. А. Н. Голицына. («Вот Хвостовой покровитель») — 471, 494, 513.
На Н. М. Карамзина («В его «Истории», изящность, простота») — 494.
На Н. М. Карамзина («Послушайте, я сказку вам начну») — 494, 514, 515.
На Фотия («Полу-фонатик, полуплут») — 494, 513.
Надпись в беседке («С благоговейною душой») — 13, 40, 46, 60, 79.
Наездники («Глубокой ночи на полях»). («Наездник») — 8, 9,, 35, 38, 40, 44, 54, 58, 64.
«Наконец вышел...» Заметка об Илиаде — 495, 542.
Наперсник («Твоих признаний, жалоб нежных») — 298.
«Наперсница волшебной старины» — 446, 493, 494, 540.
Наполеон («Чудесный жребий совершился») — 494, 517.
«Не дорого ценою я громкие права» — 493, 540.
«Недвижный страж дремал на царственном пороге» — 494, 531.
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» — 494, 538, 539.
«Ночь светла; в небесном поле» — 494.

«О г-же Сталь и о г. А. Муханове». Статья — 495, 541.
«О двойка, ни дары свободы...» — стихи из черновой строфы Евг. Онегина — 494, 528—530.
«О древней и новой России» — примечание к записке — 495, 543.
«О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова». Статья — 495, 541.
«Об альманахе «Северная лира». Статья — 494, 541.
«Ольга крестница Киприды» — 494, 511.
«Орлов с Истоминой в постеле»—494, 511, 512.
Орлову Алексею Федоровичу, служившему в Петербурге. («О ты который сочетал»). См. Орлову («О ты, который сочетал»).
Орлову («О ты, который сочетал»)— 494, 508.
Осень («Октябрь уже наступил, уж роща отряхает») — 297, 317.
Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны («К Н. Я. П.» «На лире скром-

ной, благородной») — 34, 35, 38, 39, 494, 514.
«От многоречия отрекшись добровольно» — 62, 63.
«Ох, тетенька! ох, Анна Львовна». См. Элегия на смерть Анны Львовны.

Певец («Слыхали ль вы за рощей глас ночной») — 15, 16, 37, 40, 47, 54, 63, 72.
Песнь о Вещем Олеге («Как ныне сбирается вещий Олег»). («Вещий Олег») — 72, 74, 75.
Письмо о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» — 495, 542.
Платонизм. См. Платоническая любовь.
Платоническая любовь («Я знаю, Лидинька, мой друг»). («Платонизм») — 21, 22, 49, 68, 79.
Повести Белкина — 115.
Подражание («Я видел смерть»). См. Элегия.
Подражания древним — 72.
Подражания Корану («Из Корана») — 72, 73, 75.
Полтава — 106, 107, 358.
«Портрет» эпиграмма — 470.
Послание к Галичу («Где ты ленивец мой?») — 508.
Послание к кн. А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осьмнадцатой весною») — 66, 67.
Послание к кн. А. М. Горчакову («Питомец мод, большого света друг») — 446, 492, 494, 509.
Послание к Щербину. См. К Щербину.
Послание к Юдину («Ты хочешь, милый друг, узнать») — 460.
Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры») («Послание к Лиде») — 508.
Послание цензору («Угрюмый сторож Муз, гонитель давний мой») — 494, 520.
Поэт («Пока не требует поэта») — 317.
Прелестнице («К чему нескромным сим убором»). («К Прелестнице») — 38.
«Приложения к сочинениям А. С. Пушкина изданные Я. А. Исаковым», СПБ, 1860 — 507.
Пробуждение («Мечты, мечты») — 4, 33, 37, 40, 42, 55, 56.
Прозерпине. («Плещут волны Флегетона») — 72, 74.
«Пугачев» — 168.
Путешествие в Арзрум — 213—215, 311—320, 372, 494, 541.
В. Л. Пушкину («Что восхитительней, живей» и «Скажи, парнасский мой отец») — 38.

Разлука. См. «В последний раз твой образ милый».
Родословная моего героя («Начнем ab ovo: мой Езерский») — 486, 487.
«Родословная Пушкиных и Ганнибалов» — 461, 463, 537.
Роза («Где наша Роза») — 15, 37, 40, 47, 62.
Романс («Под вечер, осенью ненастной») — 18, 19, 20, 35, 38, 48, 54, 65, 66, 67.
«Ромео и Джульетта». Заметка — 495, 535.
Русалка («Над озером, в глухих дубровах»). («Баллада») — 37, 38, 74.
Русалка — 98, 298, 299, 331, 366.
Руслан и Людмила — 31, 106, 313, 327, 518.
Русскому Геснеру («Куда ты холоден и сух») — 61.

Сафо («Счастливый юноша ты всем меня пленил»). («Юноша») — 35.
«Свободы сеятель пустынный» — 494, 530.
Сказка о Фоме и Ереме — 492, 493, 524, 525.
Сказки. Noel. (Ура! в Россию скачет) — 497.
Скупой рыцарь — 331.
Собрание насекомых («Мое собрание насекомых») — 532.
Стансы («Нет, я не льстец, когда царю») — 494, 533.
Стансы («Ты мне велишь пылать душою») — 17, 40, 48, 64.
Стансы Толстому («Философ ранний ты бежишь») («К. Т...») («К Толстому») — 37, 38, 74.
Старик. Из Марота («Уж я не тот философ страстный») — 12, 38, 45, 59, 508.
«Супругою твоей я так пленился...». См. Эпиграмма. Подражание французскому.

Талисман («Там, где море вечно плещет») — 503.
«Там где древний Кочерговский». См. Эпиграмма.
«Твоих признаний, жалоб нежных». См. Наперстник.
Твой и мой («Бог весть за что философы, пииты») — 13, 40, 46, 60.
«Тетрадь Всеволожского». («Рукопись стихотворений», «Рукопись», «Собрание стихотворений», «Коран», «черная тетрадь», «тетрадь», «сборник Всеволожского», «рукопись Всеволожского») — 3—79, 376.
Тетрадь № 2364 — «Стихотворения Александра Пушкина 1817»—40, 41, 55—65, 69.
Товарищам («Промчались годы заточенья»). («К товарищам перед выпуском») — 38, 40.
Торжество Вакха («Откуда чудный шум, неистовые клики?») — 24, 25, 35, 37, 50, 51, 69, 70, 72, 79.
Три ключа («В степи мирской, печальной и безбрежной») — 446.

«У Гальяни иль Кольони» — 522—524.
«У Кларисы денег мало» — 64.
«Увы, зачем она блистает». (Элегия) — 38, 297.
Уединение («Блажен кто в отдаленной сени») — 14, 37, 46, 61, 72, 509.

Уныние («О милый друг, расстался я с тобою») — 6, 7, 35, 38, 43, 54, 57, 79.
Кнг. С. А. Урусовой («Не веровал я Троице доныне) — 494, 518.
Усы. Философическая ода («Глаза скосив на ус кудрявый») — 16, 35, 38, 40, 47, 48, 63, 64.

Фавн и пастушка. Картина («С пятнадцатой весною») — 66.
Княгине Хованской («Ты богоматерь, нет сомненья...»). См. К** («Ты богоматерь, нет сомненья).
Царь Никита жил когда-то — 493.
Циклоп — 446.
«Цыганы» — 497—481, 539, 540.

Черная шаль. Молдавская песня («Гляжу как безумный на черную шаль») — 72, 74, 295, 296.

Экспромт («Что можем на скоро стихами молвить ей») («Экспромт К. А. Б.») См. К. А. Б.***.
Элегия на смерт Анны Львовны («Ох, тетенька, ох Анна Львовна» (Коллективное стихотворение) — 459, 494, 532, 533.

Элегия («Я видел смерть; она в молчаньи села»). («Подражание») — 9, 10, 33, 35, 37, 40, 44, 58.
В. В. Энгельгардту («Я ускользнул от Эскулапа»). («К Энгельгардту», «К NN») — 21, 38, 49, 68.
Эпиграмма («Арист нам обещал трагедию такую») — 508.
Эпиграмма («Бывало, прежних лет герой») — 508.
Эпиграмма («Там, где древний Кочерговский») — 536.
Эпиграмма на смерть стихотворца («Покойник Клит в раю не будет») — 508.
Эпиграмма. Подражение французскому («Супругою твоей я так пленился») — 508.
Эпиграмма (На Пимена Николаевича Арапова и кн. Одоевского) — 513, 514.
Эпитафия («Здесь Пушкин погребен»). См. Моя эпитафия.
Юноша. См. Сафо.
«Я вас узнал, о мой оракул» — 532.
«Я пережил свои желанья» [Элегия; Элегия (Из поэмы «Кавказ»)] — 54.
Ex ungue leonem («Недавно я стихами как-то свистнул») — 35.
Escamoteur — 454.
Noel. См. Сказка.
Table talk — 537.
Toliade поэма — 454.

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛОЖНО ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ:

«Грядет с закат царь природы...» — 495, 508.
«Жил да был петух индейский...». См. «Цапля».
«За днями дни бегут толпой...» — 495.
Исповедь стихотворца — 494, 512.
«На Арапова и кн. Одоевского». («Скропал Пимешка водевиль...») — 495.
«На Голицына» («Он добрый малый...») — 495.
«На Жуковского» (Напялив на себя...») — 495.
«На Карамзина» («Решившись хамом стать...») — 495.
«На Карцева» — 495.
«Надпись к портрету...» — 560.
«Наш приятель Пушкин Лев...» — 495.
«О ты, которая издетства...» — 495.
«Цапля» («Жил да был петух индейский...») — 493, 495, 522—524.

СОЧИНЕНИЯ ПУШКИНА:

«Капнистовская тетрадь» — 33, 37, 38, 39, 54, 56, 59, 62, 73, 75, 79.
Никитенковская тетрадь — 57—59, 63. 64, 69.
Стихотворения Александра Пушкина. СПБ. 1826 — 34, 35, 57—71, 73—75, 106, 107, 308, 425.
Стихотворения Александра Пушкина. СПБ. 1829. — 59, 62—64, 67, 70, 74, 75, 106, 107, 297, 298, 308, 425.
Стихотворения Александра Пушкина. Ч. III, СПБ. 1832 — 106, 107, 423, 425.
Стихотворения Александра Пушкина. Ч. IV. СПБ. 1835 — 305, 306, 425.
Сочинения Александра Пушкина. Том девятый. Иждивением Ильи Глазунова; Матвея Заикина и К°. СПБ МДССС XLI (ПСМ) — 57, 64, 79, 509, 511, 541.
Сочинения Пушкина. Издание П. В. Анненкова. СПБ. Первые шесть томов— 1855 г., седьмой, дополнительный — 1857 г. (А) — 34, 57, 60, 65, 79, 461, 507, 508, 511, 512, 514, 517, 520—523, 531, 533, 536, 537, 540—542.
Сочинения А. С. Пушкина. (Редакция Г. И. Геннади). Издание Я. А. Исакова. СПБ. 1859. Шесть томов ($Г^1$) — 79, 532. 539, 540.
Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин 1861 ($Гр^1$) — 513—515, 518, 519, 521, 523, 531, 534, 543.
Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений, Берлин. 1870 ($Гр^2$) — 523.
Полное собрание сочинениий А. С. Пушкина. Издание второе, под редакцией Г. Н. Геннади. Издание книгопродавца Я. А. Исакова. СПБ. 1870—1871. Шесть томов ($Г^2$) — 79, 507, 539.
Сочинения А. С. Пушкина. Издание третье, исправленное и дополненное, под редакцией И. А. Ефремова. СПБ. Издание книгопродавца Я. А. Исакова. 1880. Шесть томо ($Е^1$) — 79, 310, 507, 513—515, 517, 539, 542.
Сочинения А. С. Пушкина. Издание осьмое, исправленное и дополненное, под редакцией П. А. Ефремова. М. Издание Ф. И. Анненского, 1882. Семь томов ($Е^2$) — 60, 79, 310, 507, 519.
Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии наук. Том I, 1890.

Том II — 1905. Том III — 1912. Том IV — 1916. (Ак) — 59, 60, 297, 331, 449, 531.

Сочинения А. С. Пушкина. Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина 1903—1905. Восемь томов (E^4) — 56, 507, 513, 515, 538.

Пушкин. Под редакцией С. А. Венгерова. Издание Брокгауз-Ефрона. Шесть томов. 1907—1915 — 31, 41, 60, 66, 189, 244, 458, 463, 481.

А. Пушкин. Сочинения, в одном томе. Издание Ленгиза. 1924 — 539.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах под общей редакцией Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. Приложение к журналу Красная Нива на 1930 год. Государственное издательство. М. — Л. 1930—1931 (КН) — 105, 163, 213, 243, 251, 302, 310, 315, 318, 319, 506, 512, 539, 541.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинениий в шести томах под общей редакцией Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. Гос. изд. художественной литературы. М. — Л. 1931—1933 (ГХЛ). — 119, 309, 310, 325, 458, 506, 507, 509—511, 513, 514, 516, 519—521, 531, 533, 536, 539—541, 543.

Пушкин. Полное собрание сочинений. Том I. Издательство Академиии Наук СССР. 1936 — 476.

Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Л. 1922. (НП) — 305.

Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии наук. Переписка. Под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова. СПБ. Том I — 1906. Том II — 1908 и Том III — 1911 (АкП) — 96, 97, 99, 100, 103, 106, 112, 117, 118, 122, 141, 147, 155, 163, 165, 166, 168, 170, 183, 189, 193, 281, 291, 292, 301, 310, 311, 333, 334, 337—339, 387, 390—392, 394, 395, 413, 415, 417, 496, 499—502, 504, 522, 528, 542, 569.

Пушкин. Письма. Том I — 1815—1825. Госиздат 1926. Том II — 1826—1830. Госиздат. 1928. (МПП) — 296, 297, 327, 333, 334, 383, 387, 390, 394—396, 401, 410, 477, 487, 496—505, 517, 533.

«Письма Пушкиина» под ред. Б. Л. Модзалевского. См. Пушкин. Письма.

«Письма Пушкина и к Пушкину». М. 1925 — 327.

«Пушкин и его современники», журнал (ПСв) — 83, 84, 189, 298, 309, 339, 411, 417, 483, 507, 529, 534, 541, 561, 567, 569.

Пушкин, Александр Юрьевич — 449, 452, 453, 458.

Пушкин, А. Ю. «Для биографии Пушкина» — 458.

Пушкин, Алексей Федорович — 462, 536, 537.

Пушкин, Анатолий Львович — 107, 191, 192.

Пушкин, Василий Львович — 95, 98—101, 111, 112, 115, 116, 147, 148, 151, 166, 168, 180, 186—189, 252, 253, 263, 264, 272—274, 449, 452, 453, 455, 459, 461, 520, 523, 564.

Пушкин, В. Л. «Опасный Сосед» — 452, 459.

Пушкин, Гаврила Григорьевич («Слепой», постригся с именем Герасима) — 230, 244, 245.

Пушкин, Григорий Александрович (1835—1905) — 393, 563.

Пушкин, Григорий Александрович (р. 1868) — 84, 85.

Пушкин, Григорий Гаврилович («Косой») — 230, 245.

Пушкин, Григорий Григорьевич — 85.

Пушкин, Иван Иванович — 87, 229, 230, 236, 237, 244, 245, 259.

Пушкин, Иван Федорович (ум. до 1632 г.) — 87, 271.

Пушкин, Иван Федорович («Шиш») (ум. после 1715 г.) — 87, 228, 229, 235—237, 244, 245, 254—259, 263, 269.

Пушкин, Лев Александрович — 83, 103, 218, 220, 222, 227, 230, 231, 233, 234, 237, 238, 241—248, 259, 260, 263, 269, 273, 274, 461, 462, 536.

Пушкин, Лев Сергеевич (Лев, брат)— 30—34, 37, 41, 44, 48—56, 62—64, 66, 68, 70, 73, 75—77, 96, 98, 104, 118, 147, 165, 183, 187—190, 195, 281, 296, 311, 313, 315, 317, 320, 335, 425, 450—452, 455, 458, 462, 474, 491—493, 495, 496, 499, 500, 504, 517, 518, 522, 524, 528, 548.

Пушкин, Матвей Степанович — 230, 244, 245.

Пушкин, Михаил Алексеевич — 249, 251, 449, 457, 463.

Пушкин, Николай Львович — 103, 247, 272, 273.

Пушкин, Петр Львович — 90, 92, 103, 125, 272, 273, 462.

Пушкин, Петр Петрович — 230, 232, 233, 238, 241, 242, 244—246, 537.

Пушкин, Сергей Львович — 85—93, 95—99, 102—107, 109, 110, 112, 113, 115—120, 122—126, 137, 139—141, 143, 144—156, 158—162, 164—166, 174, 175, 179, 181—188, 190—193, 243, 252, 253, 263, 264, 272—274, 281, 284, 290, 329, 335, 339, 387, 411, 412, 415, 416, 418, 448, 449, 451, 453—456, 459—462, 464, 536.

Пушкин, С. Л. «Замечания на так называемую биографию А. С. Пушкина, помещенную в «Портретной и биографической галлер е» — 461, 462.

Пушкин, Сергей Гаврилович — 230, 244, 245.

Пушкин, Федор Иванович — 230, 246.

Пушкин, Федор Матвеевич — 462.

Пушкин, Федор Петрович — 456, 462.

Пушкин, Федор Семенович — 234, 235, 244, 245.

Пушкин, Федор Тимофеевич — 229, 244, 245.

Пушкин, Федор Федорович («Сухорук») — 229, 230, 234, 244—246, 254—256, 263, 269.

Пушкина, Анна Васильевна (р. Измайлова) — 273.

Пушкина, Анна Львовна — 272—274, 449, 453, 459, 498.
Пушкина, Евдокия Ивановна (р. Головина) — 243, 245, 460.
Пушкина, Елизавета Александровна (р. Загряжская) — 499.
Пушкина, Елизавета Львовна. См. Сонцова, Е. А.
Пушкина, Капитолина Михайловна. См. Мальцева, К. М. (2-й бр.) (р. Вышеславцева).
Пушкина, Марья Александровна. См. Быкова, М. А.
Пушкина, Мария Александровна. См. Гартунг, М. А.
Пушкина, Мария Александровна (рожд. Павлова) — 84.
Пушкина, Мария Алексеевна. См. Ганнибал, М. А.
Пушкина (1-м бр.), Мария Матвеевна. См. Воейкова, М. М.
Пушкина, Надежда Осиповна (р. Ганнибал) — 88, 95, 96, 99, 119, 124, 125, 149, 150, 163, 190, 191, 251, 279, 281—290, 319, 335, 415, 418, 447, 449, 452, 455—458, 460, 461, 462, 464, 495, 496, 504, 536.
Пушкина, Наталья Александровна — 337, 393.
Пушкина, Наталия Николаевна (р. Гончарова, 2-м бр. Ланская), («Таша», «жена») — 83, 84, 97, 98, 100, 103, 106, 112, 117, 141, 155, 163, 165, 168, 170, 243, 246, 278, 300, 301, 319, 336, 337, 339, 340, 342, 345—348, 350, 352, 354—356, 372—376, 379, 380, 386—400, 410—417, 419—423, 425—428, 430, 434—438, 455, 460, 461, 560—563, 565, 566, 567.
Пушкина, Ольга Васильевна (р. Чичерина) — 112, 222, 223, 226, 243, 247, 248, 252, 253, 263, 264, 271—274, 461.
Пушкина, Ольга Сергеевна. См. Павлищева, О. С.
Пушкина, Сарра Юрьевна (р. Ржевская) — 536, 537.
Пушкина, Софья Александровна (р. Ланская) — 83.
Пушкина, Софья Федоровна — 297, 369, 370, 375.
Пушкинский Дом Академии Наук СССР. См. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук Союза ССР (ПД), (ИРЛИ).
Пущин, Иван Иванович — 13, 60, 97, 195, 196, 369, 370, 476, 540, 566, 569.
Пущин, И. И. «Записки о Пушкине» — 60, 97, 461, 475, 569.
Пьяна, река — 141.
Пядашев, Михаил Осипович — 115.
Пядашев, Тимофей Михайлович — 114—116, 118, 126, 179, 180, 186.
Пядашева, Пелагея — 115.
Пятигорск, город — 429, 496.
Пятница (Берендеево), село — 247.
Радзивил, кн. Леон Яковлевич, — 519.
Радзивил, кн. Софья Александровна (р. Урусова) — 518, 519.
Радищев, Александр Николаевич—445, 543—546.
Раевская, Екатерина Николаевна. См. Орлова, Е. Н.
Раевская, Елена Николаевна — 297, 496, 497.
Раевская, Мария Николаевна. См. Волконская, кн. М. Н.
Раевская, Софья Алексеевна (р. Константинова) — 496.
Раевский, Александр Николаевич—496.
Раевский, Владимир Федосеевич — 213, 548.
Раевский, Кирилл Семенович — 103.
Раевский, Николай Николаевич (1771—1829) — 202, 204, 215—217, 312, 316, 496, 512.
Раевский, Николай Николаевич (1801—1843) — 496, 529.
Развадовский, Алексей — 268.
Разумовская, гр. Анна Алексеевна, см. Уварова, А. А.
Разумовская, гр. Варвара Петровна—252, 253, 268.
Разумовская, гр. Наталья Кирилловна, см. Загряжская, Н. К.
Разумовский, гр. Алексей Кириллович — 461.
Раич, Семен Егорович — 532.
Райт, Томас (Wright) — 321, 323, 373, 375.
Раково, деревня — 234—237, 246, 247.
Рали, Екатерина Захаровна — см. Стамо, Е. З.
Расин «Федра» — 498.
Раупах «Князья Хованские» — 483.
«Раут» — альманах 1854 г., Н. В. Сушкова — 446.
Рейман — 446.
Рейнбот, П. См. Беляев, М. и Рейнбот, П. — «Бюсты Пушкина работы Витали и Гальберга».
Рейхель, Карл Яковлевич — 371.
Рейхман, Карл — 96, 118, 162, 163, 167, 170, 175, 335, 336.
Ремер, Николай Федорович — 363.
Реутт, Иосиф Антонович — 211, 217.
Ржевская, Наталия Сергеевна — 480.
Ржевская, Прасковья Юрьевна — см. Квашнина-Самарина, П. Ю.
Ржевская, Сарра Юрьевна — см. Пушкина, С. Ю.
Ржевский, Степан Матвеевич — 246.
Ржевский, Юрий Алексеевич — 462.
Ржевский, Николай Григорьевич — 476.
Ржига, В. — 324.
Ризнич, Амалия — 35.
Рим, город — 29.
Ришелье, Арман Жан Дюплесси, (Richelieu) герцог — 496.
Рогервик, крепость на берегу Финского залива — 383.
Роговский, Сидор — 241.
Родофиникин, Константин Константинович — 412, 436—438.
Розанов, И. Н. «Атлас Пушкина» — 360.
Розен, бар Мария Ивановна, — см. Массон, М. И.
Роллан, Р. «Гетте и Бетховен» — 328.

Романов, царь Михаил Федорович — 245.
«Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина», СПБ, 1828 — 360.
Россет, Александра Осиповна. См. Смирнова, А. О.
Россет, Аркадий Осипович — 416, 418, 562, 564.
Россини, Джоакино — 331.
«Российский Музеум» — 1815 г. — 495.
Ростопчин, гр. Федор Васильевич — 327, 328.
Ротиславский, Александр Маркович — 248.
Ротша, прусский выходец, предок Пушкина — 248.
Рудыковский (Рудаковский) Евстифий Петрович — 496.
Румянцев — повытчик — 145.
Румянцев [гр. Задунайский, Петр Александрович] — 26.
Руневерг — 566.
Русло — 452, 458.
«Русская потаенная литература XIX ст.». Сборник 1861 г., составленный Н. П. Огаревым. (О) — 523, 534.
«Русская Правда», изд. 1792 г. — 322, 323.
«Русская старина» (РС) — 57, 88, 213, 315, 318, 321, 338, 339, 341, 381, 383, 505, 511, 514, 515, 518, 535, 543, 544, 560, 569.
«Русский архив». (РА) — 88, 98, 118, 150, 182, 196, 213, 297, 299, 328, 330, 333, 334, 336, 386, 389, 391, 396, 404, 417, 460, 493, 497, 501, 502, 516, 518, 523, 532, 534, 547, 548, 550, 551, 553, 554, 561, 562.
«Русский Вестник» — 1842 года — 541.
«Русские Пропилеи» — 57, 58.
Руссо, Иван Яковлевич — 554—556.
Руссо, Дмитрий Яковлевич — 554, 555, 557.
Рыжиково — пустошь — 464.
Рылеев, Кондратий Федорович — 32, 196, 366—368, 370, 529.
Рылеев, К. Ф. — Сочинения и переписка — 1872 — 32.
Рыльск, город — 215.
Рысцово, деревня — 285.
Рябинин, Д. Д. «Высылка из России братьев Массонов» — 511.
Рязань, город — 232—234, 238.
Рэйкс, Томас — 507.
Саблино, село — 246.
Саблуков, Дмитрий — 255, 256.
Саввин, Николай Арсентьевич — 148.
Саввин, Н. «Болдино и А. С. Пушкин» — 88, 192.
Савин — 99.
Саврасов, Герасим Иванович — 223.
Саврасов, Петр Федорович — 476.
Саган-Лу, селенье — 312, 313, 316
Садовский, А. — «О нижегородских имениях Пушкина в конце XVIII века» — 88.
Садовский, Борис Александрович — 299.
Сазонов, Константин (дядька в Лицее) — 507.
Саитов, Владимир Иванович — 77, 147, 334, 337.
Сантов, В. «Соболевский друг Пушкина» — 40.
Сакен (фон-дер-Остен), Фабиан Вильгельмович — 511.
Саля, река — 155, 255, 257, 270.
Саламыков, А. Н. — 137.
Салова, деревня — 223.
Салтагозины, кн. (Салтаказины)—271.
Салтаказин, кн. Иван Аккаев (Салтагозин) — 258, 263.
Салтаказин, кн. Максим Васильевич (Салтагозин) — 271.
Салтаказин, кн. Матвей Ишеев (Салтагозин) — 258 263, 269.
Салтаказин, кн. Тит Васильевич (Салтагозин) — 271.
Салтаказина, кн. Федосья Павловна (Салтагозина) — 271.
Салтыков — тайный советник — 99.
Самарин, Юрий Федорович — 447.
Самодуров — берейтор — 401, 402.
Самойлова, Елизавета Александровна (р. Ганнибал) — 464.
Санглем, де Яков Иванович — 553.
Сандунов, Николай — 432—434.
Санкт-Петербург, город. См. Петербург ,город.
Сарапск, город — 118.
Сарга, речка — 141.
Сатино, сельцо — 248.
Сафантьево, сельцо (Псковской губ. им. Ганнибал) — 464.
Сахаров, Иван Петрович — 486.
«Сборник Пушкинского дома на 1923 год» П. 1922 — 327.
«Сборник старинных бумаг П. И. Щукина» — 332.
Свиньин, Павел Петрович — 532, 556.
Свистов. См. Хвостов гр. Д. И.
Своехотов, М. Г. — 252.
Святогорский монастырь — 97, 281, 282, 457, 458, 463.
Севастополь, город — 480.
Северина, Авдотья Григорьевна—459.
«Северная Пчела» — журнал—313, 315, 317, 328—331, 502.
«Северные Цветы», альманах (1829, 1830, 1832) — 66, 77, 298, 375, 535, 536.
«Северный Наблюдатель», журнал — 55, 63, 495.
«Северный певец», сборник нот — 65.
«Сегодня» — 35.
Сеитов, Аит — 218.
Селевин — 145, 148.
Селезнев, И. «Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея», СПБ, 1861—78, 467, 473.
Селезнев, Петр Васильевич — 226.
Семевская, Анастасия Михайловна — 321.
Семевская, Елизавета Михайловна — 321.
Семевский, В. И. «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», 1903 — 114, 118, 123, 125.

Семевский, Михаил Иванович — 321, 336, 339.
Семевский, М. И. «Прогулка в Тригорское». Статья — 552.
Семевский «Плуг и соха» — 118.
Семека, Иван — 285.
Семенов, Антон — 252, 253, 268.
Семенов, Василий Николаевич — 318, 320.
Семенов, Естифей — 224.
Семенов, Ефим — 144.
Семенов, Иван — 230, 234, 237.
Семенов, Игнат — 124.
Семенов, Кирилл — 229.
Семенов, Михаил — 232.
Семенов, Никон — 102, 103, 121, 147.
Семенов, Петр — 103.
Семеновское (Синее), село, Воскресенск. уезда Московской губ. — 228, 229, 244, 245.
Семечкина, Татьяна Борисовна — 338, 369.
Сенковский, Осип Иванович — 337, 559.
Сен-При, гр. Алексей Карлович — 502.
Сенявин, Иван Григорьевич — 498.
Сергач, город — 109, 141, 161, 165.
Сергеев — генерал-майор — 198, 199, 203, 208, 214.
Серебряников, Петр Петрович — 113, 115.
Середино, деревня. См. Цецы (Середино), деревня.
Сивков, Константин Владимирович — 467.
Сивохин, Иван Федосеевич — 126, 127.
Сивохин (Еримеев), Михей Иванович — 92, 127.
Силейка, речка — 269.
Симбирск, город — 141.
Симонич, гр. Иван Осипович — 202, 208, 215.
Синее, село. См. Семеновское (Синее), село Московской губернии, Воскресенск. уезда.
Синявина, Екатерина Андреевна. См. Новосильцова (2-й бр.) Е. А., (1-й бр. Гончарова).
Синявина, Елизавета Андреевна—431.
Синявский, Н. и Цявловский, М. — «Пушкин в печати»; М., 1914 — 65, 358, 359, 524, 540.
Сиркур, гр. де, Анастасия Семеновна, (р.Хлюстина) — 424, 425.
Сиркуф, граф, де — 336, 425.
Ситовцы, деревня Псковской губернии (им. Ганнибал) — 464.
Сковородов, Михаил Иванович. См. Сливородов, Михаил Иванович.
Сковородов, Никита Михайлович — 175.
Скориково (Аметкино) пустошь — 235, 237.
Скотт, Вальтер — 497.
Сленин, Иван Васильвич — 30.
Сливородов, (Сковородов), Михаил Иванович — 174, 175, 179.
«Словарь российской Академии»—62.
«Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новгорода Северского, вновь переложенное Яковым Пожарским с присовокуплением примечаний», СПБ, 1819 — 321, 323—325.
Словцов, Петр Андреевич — 569.
Сметанин, заседатель — 111.
Смирдин, Александр Филиппович — 359, 360.
Смирнов, Николай Михайлович—374.
Смирнов-Куталевский, А. М. — «Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества», вып. II, П., 1917 — 525.
Смирнова, Александра Осиповна (р. Россет) — 374, 415—418, 427, 553.
Смоленск, город — 552.
Снавидов, Тарас Кириллович — 280, 282.
Собакин, Никифор Лаврович — 258.
Снежневский — 99, 114, 137, 147.
Соболевский, Дмитрий Михайлович— 369, 370.
Соболевский, Сергей Александрович — 31, 89, 104, 161, 164, 166, 196, 307, 310, 311, 369, 394, 443, 445, 447, 448, 493—500, 502, 503, 512, 513, 516—522, 524, 528—530, 534, 538—541, 561, 562.
Соболевский, С. А. См. Баратынский, Е. А. и Соболевский С. А. — «Цапля»— стихотворение.
«Собрание лицейских стихотворений» — рукописный сборник — 506, 507.
«Современник»—60, 319, 320, 339, 446.
Соковнин, Алексей Прокофьевич — 456, 462.
Соколов, Козьма Ефремович — 95, 99.
Соколов, Петр Федорович — 564, 565.
Соколов, Юрий Матвеевич — 526.
Соколова, Прасковья Ивановна—371.
Сокольников, Василий — 223.
Солдатенков, Кузьма Терентьевич — 446.
Солдатов, Агафон Сергеевич — 114, 116, 180.
Соллогуб, гр. Владимир Александрович — 353—355.
Соллогуб, гр. В. А. «Воспоминания», под ред. С. П. Шестерикова, Л.—М., 1931 — 338, 353.
Соллогуб, гр. В. А. «Вчера и Сегодня». Сборник 1845 г. — 546.
Соловьев, С. М. «История России», М., 1874 г. — 462.
Соловьев, С. М. «История России в эпоху преобразования», М., 1868 г. — 462.
Соложев, Федор Федорович — 248.
Соломка, титулярный советник — 285.
Соммарива, Елизавета Дмитриевна, маркиза (р. гр. Бутурлина) — 460.
Сомов, Кирилл Парфирьевич — 259.
Сомов, Орест Михайлович — 66.
Сомороково, сельцо — 268.
Сондоевский, Гилярий. «К биографии Ганнибал, предков А. С. Пушкина» — 463, 464.
Сонцов, Матвей Михайлович — 89, 191, 273, 274, 453, 459, 523, 524.
Сонцова, Елизавета Львовна (р. Пушкина) — 86—90, 92, 93, 155, 191, 220,

251—253, 263, 264, 268, 269, 271—274, 453, 459, 522.
Сопиков, Василий Степанович — 359.
«Соревнователь просвещения» — 62.
Сорокин, Александр — 229, 230.
Сороть, река — 282, 285.
Сосняш, деревня Псковской губернии (имение Ганнибал) — 464.
Сосуновка (Архангельское), село — 271.
Софийский, Л. «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем». Псков, 1912 — 282, 292.
Софья Алексеевна, царевна — 258.
Сохино поместье. См. Подлесное (Сохино), поместье.
Спасское, село Калужской губернии, Медынского уезда. См. «Полотняный Завод».
Сперанский, гр. Михаил Михайлович — 461.
Средин, Александр Валентинович — 379, 386, 389, 413, 414.
Средин, А. В. «Полотняный Завод». Статья — 379, 383, 386, 391, 413, 414, 428.
Срезнево, деревня — 255, 257, 270.
Сталинский, Александр Николаевич — 523.
Стамати — 556—558.
Стамо, Екатерина Захаровна (р. Рали) — 553, 554.
Стамо (диплом. чиновник) — 553, 554. 556.
«Старые Годы» — 389.
Старые Мочали, деревня Симбирской губернии — 259, 271.
Стевен, Федор Христианович — 476.
Стемиславева, Аграфена Дмитриевна — 226.
Степанов, Степан — 252, 253, 268.
Степанов, повытчик — 286.
Степанов, секретарь — 286.
Степанова, Татьян Борисовна — 246.
Стерн, Георгий Альбертович — 321.
Стокгольм, город — 547.
Столбово, пустошь — 223.
Столыпин, Григорий — 120.
«Сто русских литераторов», сборник 1839 г. — 302.
Строганов, гр. Григорий Александрович — 568.
Стройновская, гр. Екатерина Александровна — 302.
Струков, Семен — 258.
Субботин, бухгалтер — 287.
Суворов, гр. Александр Васильевич — 26.
Суйда, деревня (Ив. Абр. Ганнибал) — 451, 457.
Сульц, город (в Эльзасе) — 392.
Сумароково, сельцо — 252, 253, 268.
Суханов, Иван — 234.
Суходрев, река — 398.
Сухорук, Федор Федорович. — См. Пушкин, Федор Федорович («Сухорук»).
Сухоруков, Василий Дмитриевич — 213.
Сухотин, Лев Михайлович — 35.
Сушков, Михаил Николаевич — 449, 452, 453, 459, 460.
Сушков, Николай Васильевич — 446, 459, 515.
Сушков, Николай Михайлович — 449, 454, 460.
Сушков, Николай Николаевич — 460.
Сушкова, Софья Николаевна — 460.
«Сын Отечества» — 58, 67, 296, 501, 519.
Сягин, Алексей Семенович — 118.
Сягин, Игнат Семенович — 117, 119, 138, 152, 168, 169.
Тавриз, город — 407—409.
Тала, река — 271.
Тальма (Та[ma) Франсуа Жозеф — 453.
Тамбов, город — 397.
Тарасенко-Отрешков, Наркиз Иванович — 568, 569.
Тараскино, деревня Псковской губернии (им. Ганнибал) — 464.
Татаринов, Осип — 235, 236.
Татаринова — 470.
Тверь, город — 163, 482, 483, 487.
Творогов, Иван Александрович — 219
Тегеран, город — 372, 394, 408, 409.
«Телескоп» — 502.
Теляшево (Кистеневка), деревня — 255 270.
Терехин, Павел Николаевич. — См Кашкин (Терехин), П. Н.
Терешеньков, М. В. — 139.
Тизенгаузен, гр., Екатерина Федоровна — 560.
Тимм, Василий Федорович — 481.
Тимонино, сельцо Нижегородской губ., Горбатского уезда — 272, 273.
Тимофеев, К. А. — 103.
Тимофеева, Наталья — 283.
Тинькова, Анфиса Никаноровна (р. Анненкова) — 451, 458.
«Типографское общество» — мартинистов. См. Общество Типографское — мартинистов.
Тифлис, город — 311, 313, 315, 372.
Тихов, художник — 565.
Тихонравов, Николай Саввич — 446, 512.
Токата, селение — 212.
Толмачев, поручик — 200, 214.
Толстая, Устинья Ермолаевна (р. Шишкова, 2-м незаконным браком за Осипом Абрамовичем Пушкиным) — 251, 283, 457, 462, 463.
Толстой, Иван — 251, 462.
Толстой, Николай — 279—281.
Толстой, гр. Федор Иванович («Американец») — 337.
Толстой, гр Федор Петрович — 504.
Толстой, Яков Николаевич — 30—32.
Толычева, Т. (Новосильцова, Екатерина Владимировна) — 150, 396.
Томашевский, Борис Викторович — 79, 302, 331, 337, 530, 539.
Томашевский, Б. В. — Комментарий к публикуемым материалам — 30—76.
Торгашов, Василий Романович — 248.
Торгашов, Ефим Якимович — 248.

Тормасов, гр. Александр Александрович — 408, 409, 436.
Трапезунд, город — 212.
Трегубов, А .Н. — 246.
Трегубов, Михаил Ермолаевич—232.
Трегубов, Никифор Тимофеевич — 233, 246.
Трегубов, Тимофей Ермолаевич — 232, 246.
Трегубова, Авдотья — 232.
Трегубова, Марфа А. — 246.
Трегубова, Марфа Михайловна. См. Чаплыгина, М. М.
Трескин, Иван Львович — 221.
Трескин, заседатель — 89, 104, 187.
Третьякова — 99.
Третьяково, сельцо — 233.
Третьяковская Галлерея — 358, 365, 366.
Тригорское — 162, 196, 282, 335, 336, 368, 451.
Троицкое, сельцо Псковской губернии (имение Ганнибал) — 464.
Троицкое — именье Хлюстиных в Медынском уезде, Калужской губернии — 424, 425.
Тропинин, Василий Андреевич — 565, 567.
Трофимов, Иван Степанович. См. Дубровский, Алексей Иванович.
Трубников, Никита Александрович— 429, 434.
Трубниковы — 101.
Трубецкая, кж. Аграфена Ивановна— 460.
Трубецкая, кж. Александра Ивановна — 460.
Трубецкая, кн. Варвара Александровна (р. Черкасская) — 546.
Трубецкая, кн. Екатерина Александровна (р. Мансурова) — 460.
Трубецкая, кн. Ольга Ивановна (р. Головина) — 460.
Трубецкая, кж. Софья Ивановна—460.
Трубецкой, кн. Александр Васильевич — 562.
Трубецкой, А. В. «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу». Статья— 392.
Трубецкой, кн. Иван Дмитриевич — 460.
Трубецкой, Дмитрий — 87.
Трубецкой, кн. Николай Иванович — 460.
Трубецкой, кн. Николай Никитич — 546.
Трубецкой, кн. Юрий Иванович — 460.
Трубецкой, кн. Юрий Юрьевич—460.
Трубецкие, кн. 449, 454, 460.
«Труды Московского общества любителей российской словестности»—59.
Тряпкин, Василий — 285.
Тугаринов, Никита — 256.
Тукманов, Матвей — 274.
Тула, город — 245, 397, 430.
Туманский, Василий Иванович — 35, 64, 374, 498, 524.
Туманский, В. И. «За днями дни бегут толпой»... Стихотворение — 524.
Туманский, Федор Антонович—77, 78.
Тургенев, Александр Иванович — 327, 330, 427, 455, 461, 517, 519, 530, 535, 559.
Тургенев, Иван Сергеевич — 78.
Тургенев, Николай Иванович — 78, 519.
Турин, город — 359.
Тынянов, Юрий Николаевич — 541.
Тынянов, Ю. Н. — «Путешествие в Арзрум», заметка — 315, 318, 319.
Тюменев, Иван Анисимович — 221.
Тютчев, Андрей Тимофеевич — 226.
Тютчев, Иван Федорович — 298.
Тютчев, Николай Иванович — 298, 333, 516, 563.
Тютчева, Ольга Николаевна (р. Путята) — 298.
Уваров, Сергей Семенович — 534, 535.
Уварова, Анна Алексеевна (р. Разумовская) — 535.
Уджан, селенье — 408, 409.
Умбай-Бек, штабс-капитан — 207, 216.
Уральск, город — 117, 119, 125, 138, 154, 161.
«Урания», журнал 1804 г. — 381.
Усадище, сельцо Псковской губернии. См. Данилово (Усадище), сельцо Псковской губернии.
Усачев, Василий Иванович — 278.
Усачев, Григорий Иванович — 275.
Усачев, Егор — 400.
Усачев, Иван Тихонович — 274—278.
Усков (подполковник) — 200, 214.
Успенский, М. М., художник — 566.
Устюг Великий, город Вологодской губернии — 245.
Уткин, Николай Иванович — 372.
Ушаков «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.». 2 тома, СПБ, 1836 (У) — 213—217.
Ушакова, Екатерина Николаевна—374.
Ушакова, пустошь — 223, 226.
Ушаково, деревня Нижегородского уезда — 222, 223, 225.
Фаизова Розье, Ханум — 218.
Фан-дер-Флит, П. Е. — 483.
Федосеево, поместье — 259.
Федькино, деревня. См. Морозово (Федькино), деревня.
Федоров, Александр — 284, 285.
Федоров, Борис Михайлович — 58, 65, 66, 98, 532.
Федоров, Осип — рядовой — 252, 253, 268.
Федоров, Фома — 180.
Фелькерзам, штабс-ротмистр — 212.
Феодосия, город — 569.
Фикельман, гр. Дарья Федоровна — 427.
Филарет, митрополит (Дроздов) «Не напрасно, не случайно...». Стихотворение — 495, 536.
Филатково, пустошь — 227, 228, 244.
Филиппов, Я. — 269.
Фильд, Джон — 328, 452, 459.
Фомин, Андрей — 259.
Фомин, Микитка — 258.

Фомин (подполковник)—197—199, 201, 202, 204, 214.
Фомкино, деревня Псковской губернии (им. Ганнибал) — 464.
Фонвизин, Михаил Александрович — 553.
Фонтанье, В. (Fotanier, V.) — 312, 320. Fontanier V. „Voyage en Orient, entrepris par ordre du gouvernement frauçais, de 1830 à 1833. Deuxieme voyage en Anatolie", Paris, 1831—314.
Фонтан, Ф. П. — 511.
Фонтан, Ф .П. «Воспоминания», т. II, 1862 — 511.
Фатеево, деревня Псковской губернии (имение Ганнибал) — 464.
Фрейганг, Андрей Иванович — 447.
Фридерикс, бар. Борис Александрович — 200, 214.
Фридрих II, имп. — 552.
Фризенгоф, фон, Александра Николаевна (р. Гончарова) — 278, 386, 388, 392—395, 399, 413. 416, 419—422, 433, 434, 437, 438, 561, 562.
Фризенгоф, фон Густав — 392, 393.
Фролов, Степан Степанович — 477.
Фролов, Семен (бурмистр Кистеневки) — 180, 181.
Фукс, Александра Андреевна— 446, 495, 504.
Фякино, деревня Псковской губернии (имение Ганнибал) — 464.
Хайдуков, Яков — 90, 92.
Харт, селенье — 214.
Хватково, деревня — 223.
Хвостов, гр. Дмитрий Иванович — 16.
Херасков, Михаил Матвеевич — 546.
Херсон, город — 284, 285, 457, 463.
Хитрово, Елизавета Михайловна — 374, 387, 426, 560.
Хлопова, Александра — 99.
Хлюпин, Ефим Степанович — 231, 232.
Хлюпин, Иван Ефимович — 231, 232.
Хлюпин, Иван Петрович — 231.
Хлюпин, Петр Ефимович — 231, 232, 246.
Хлюпин, Степан Григорьевич — 231, 246.
Хлюпина, Аграфена Ефимовна — 231, 232.
Хлюпина, Анна — 231, 232, 246.
Хлюпина, Анна (1-м браком). См. Лихарева, А. (2 бр.).
Хлюпина, Прасковья Ефимовна — 231, 232.
Хлюпина, Прасковья Степановна — 231.
Хлюстин, Семен Антонович — 425.
Хлюстин, Семен Семенович — 336, 337, 393, 424, 425, 534.
Хлюстина, Анастасия Семеновна. См. Сиркур, де, А. С.
Хлюстина, Вера Ивановна (р. Толстая) — 424, 425.
Хмельницкий, Николай Иванович — 30, 495, 504.
Ходаковская — 484, 485.
Ходаковский, Зориан Яковлевич. См. Доленга-Ходаковский, З. Я. (Чарноцкий, Адам).
Ходасевич, В. Ф. «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. I, Л., 1924 — 98.
Хомяков, Александр Федорович—248.
Хомяков, Алексей Степанович—311, 314, 316, 317.
Хомяков, Федор Степанович — 248.
Хоросан, деревня в 75 верст. от Арзерума — 207, 208, 216.
Хотяков, Дмитрий Иванович — 226.
Хохлов, Алексей — 195.
Храповицкий, Александр Васильевич — 544.
Царское село — 25, 215, 374, 396, 414, 415, 417, 418, 426, 427, 436, 438, 449, 457, 463, 469, 475, 477, 507, 560, 561, 566.
Царскосельский Лицей. См. Лицей, Царскосельский.
Цецы (Середино), деревня — 291, 292.
Цна, река — 397.
Цыблово, деревня — 279—281.
Цыгарев — 451.
Цявловский, Мстислав Александрович — 35, 75, 85, 118, 122, 195, 297, 365, 379, 503, 504, 512.
Цявловский, М. «Автографы Пушкина и его архив» — 62.
Цявловский, М. А. — «Будни Пушкина» — 122.
Цявловский, М. А. «Два автографа Пушкина», М., 1914 — 150.
Цявловский, М. А. «Книга воспоминаний о Пушкине», 1931 — 457, 458, 460—463.
Цявловский, М. А. Комментарий к публикуемым материалам — 76—79, 298, 299, 308—311, 321—327, 332—338, 359—364, 443—487, 491—562, 568, 569.
Цявловский, М. А. «Письма Пушкин и к Пушкину», М., 1925 — 97, 110, 140.
Цявловский, М. А. «Пушкин и английский язык» — 460.
Цявловский, М. А. «Пушкин и Н. И. Гончарова» — «Ярополец», — М., 1930—391.
Цявловский, М. А. — «Пушкин — Хохлов», статья — 195.
Цявловский, М. А. «Рассказы о Пушкине», М., 1925 — 105.
Цявловский, М. А., Модзалевский, Л. Б., Зенгер, Т. Г. «Рукою Пушкина», М.—Л., 1935 — 106, 302, 318, 322, 358, 361, 362, 363, 364.
Цявловский, М. А. См. Бартенев, П. И. — «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступительная статья и примечания М. Цявловского», М. 1925.
Цявловский, М. А. См. Модзалевский, Б. Л., Оксман, Ю. Г. и Цявловский, М. А. «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», Л. 1924.
Цявловский, М. См. Синявский Н. и Цявловский М. «Пушкин в печати», М., 1914.
Чаадаев, Петр Яковлевич — 373, 493, 495, 502, 504.
Чавчавадзе, кн. Александр Горсианович (Tsitsevaze) — 312, 316.

Чаплыгин, Семен Григорьевич — 233, 246.
Чаплыгина, Авдотья Семеновна—233, 246.
Чаплыгина, Марфа Михайловна (р. Трегубова) — 232, 233.
Чарноцкий, Адам. — См. Доленога — Ходаковский, Зориан Яковлевич.
Чачков, Василий Васильевич — 468.
Чебышев, Александр Сергеевич — 92, 270.
Чевкунов, Иван — 90.
Чека, речка — 92, 103, 255.
Чемарев, Данило — 222.
Чептогозино, деревня — 258—260, 263.
Червяков, Григорий — 248.
Черкасов, Иван Фомич — 110, 111, 121, 123, 124, 126, 137, 158, 179.
Черкасская, кж. — 436.
Черкасский, кн. Петр Дмитриевич — 369.
Чернецов, Григорий Григорьевич — 195.
Чернов, Александр Пахомович — 483.
Чернов, Николай Прохорович — 116, 119.
Чернов, Прохор Романович — 119.
Чернышев, Василий Ильич — 88.
Чернышева, гр. Надежда Григорьевна — 395.
Черняк, Яков Захарович — 195.
Чернятино, пустошь — 246.
Чикино, деревня — 247.
Чичерин, Александр Денисович—248.
Чичерин, Василий Иванович — 220, 223—225, 247, 248.
Чичерин, Денис Иванович — 248.
Чичерина, Варвара Васильевна — 273.
Чичерина, Лукерья Васильевна (р. Приклонская) — 222—224, 247, 248.
Чичерина, Ольга Васильевна. См. Пушкина, О. В.
Чугуев, город — 245.
Чулков, Н. П. «Пушкин — москвич», статья — 460.

Шайе (Chaillet) гувернер Гончаровых — 397—399, 401, 433, 434.
Шаликов, кн. Петр Иванович — 99, 328, 521.
Шамбинаго, Сергей Константинович — 324.
Шамрай, Д. Д. — 471.
Шапошников — сотник — 203, 215.
Шарагин, Прокофий Сергеевич—126, 127.
Шатобриан, виконт, Франсуа Рене — 331.
Шаховской, кн. Александр Александрович — 30, 504.
Шаховской, кн. Михаил Емельянович — 281, 282.
Шевич, Лидия Дмитриевна — 491.
Шевченко, Тарас Григорьевич — 78.
Шевырев, Степан Петрович — 491, 532.
Шедель — гувернер А. С. Пушкина — 452, 454, 458.
Шеметов, купец — 99.
Шенье, Андрэ Мари — 73.
Шепелев, Дмитрий Петрович — 92.
Шереметев, Алексей Васильевич — 58, 61.
Шереметев, гр. Дмитрий Николаевич — 461, 535.
Шешковский, Степан Иванович (Шишковский) — 546, 547.
Шибанов, Павел Петрович — 358.
Шиллер, Фридрих — 500.
Шиллер, Ф. «Мария Стюарт» — Трагедия — 483.
Шиллер, Ф. «Пикколомини». Трагедия — 483.
Шиллер, Ф. «Смерть Валленштейна». Трагедия — 483, 487.
Шиллер, учитель русского языка А. С. Пушкина — 454, 459.
Шилов, А. А. и Карнаухова, М. Г. «Деятели революционного движения в России». Био-библиографический словарь. Т. II. Семидесятые годы. Выпуск III, М., 1931 — 78.
Шилов, Ф. Г. — 565.
Шилово, деревня Псковской губернии (именье Ганнибал) — 464.
Шильдер, Николай Карлович — 509.
Шиманово, сельцо, Московской губернии, Можайского уезда — 398.
Шимановская, Мария (р. Воловская) — 302, 327—330, 332, 449, 455, 461.
Шимановская, Софья. См. Малевская, С.
Шимановская, Целина. См. Мицкевич, Целина.
Шишков, Александр Ардальонович — 482, 483, 485, 486.
Шишков, А. А. «Избранный немецкий театр. Перевод Александра Шишкова 2-го», М., 1831 — 483, 487.
Шишков, Александр Семенович—483, 521.
Шишковский, Степан Иванович. См. Шешаковский, С. И.
Шлейне (Schlleine) гувернантка Гончаровых) — 433, 434.
Шлиссельбург (крепость) — 545, 547.
Шляпкин, Илья Александрович — 374.
Шляпкин, И. А. «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», СПБ, 1903 — 461, 469, 505.
Штейнгель, бар. Владимир Иванович — 370.
Штрайх, Соломон Яковлевич — 97.
Штутгарт, город — 493, 510.
Шуберт, Н. — 450.
Шульгин, Иван Петрович — 543.
Шульц — 438.
Шухов — 99.

Щеглов, Николай Прокофьевич—320.
Щеголев, Павел Елисеевич — 41, 84, 89, 96—98, 103, 104, 160, 107, 110, 143, 164, 187, 189, 282, 353—355, 506, 541, 561, 565.
Щеголев, П. Е. «Дуэль и смерть Пушкина» — 84, 338, 339, 353, 393, 395, 561, 562.

Щеголев, П. Е. «Из жизни и творчества Пушкина», Л.—М., 1931 — 354.
Щеголев, П. Е. «Пушкин и мужики». М. 1928 (ЩМ) — 84, 88, 89, 92, 93, 95—99, 101, 104, 106, 107, 109—111, 115—119, 124, 125, 127, 139, 143, 144, 151, 161, 164—166, 168, 183, 187, 189, 191, 193, 282, 285, 458.
Щепкина, Е. Н. — 92.
Щербаков, Василий Федорович — 56.
Щербаков, [Михаил Михайлович, кн.] — 114, 212.
Щербатов, кн. [М. М.] (Щ) «Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. По неизданным источникам ссотавил ген. штаба генерал-лейтенант кн. Щербатов», т. III, П., 1831 — 212—214, 216, 217.
Щербачев, Ю. Н. «Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин», М. — 1913 — 529.
«Эвтерпа», альманах — 65.
Эдельсон, Евгений Николаевич—524.
Экунин — 512.
Эмин-паша — 216.
Энгельгардт, Василий Васильевич («NN») — 21.
Энгельгардт, Егор Антонович — 471—475, 477.
Эттингер, Павел Давыдович — 330, 331.
Эфрос, Абрам Маркович — 323.
Эфрос, А. М. «Декабристы в рисунках Пушкина». Статья — 367, 369.
Эфрос, Абрам. «Рисунки поэта», 1933 — 365.
Эфрос, А. М. Комментарий к публикуемым материалам — 365—376.
Ювенал (Yuvenalis) Децим Юний—29.
Юдин, Павел Михайлович — 468, 476.
Юрьев, Петр — 233.
Юсупов, кн. Николай Борисович — 457.
Юшков, Гаврила — 229.
Юшневский, Александр Петрович — 366, 368, 370.
Яз, село. См. Болдино, село. (Большое Болдино, Базарное Болдино, Яз).
Язовское, село (Болдино тож.) (в 15 верст. от Пушкинского Болдино) — 126, 127.
Яковлев, Василий — 103.
Яковлев, М. А. «Опыт русской анфологии», 1828 г. — 61.
Яковлев, Михаил Лукьянович — 468.
Яковлев, Павел Лукьянович — 60.
Яковлев, Прокофий — 252, 253, 268.
Яковлев, Силантий — 252, 253, 268.
Яковлев, Степан — 274.
Якубович, Лукьян Андреевич — 545.
Якушкин, В. Е. «Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском Музее в Москве». (Як)— 213, 216, 217, 315, 318.
Якушкин, Евгений Иванович — 41, 57, 60, 65, 508, 519, 541, 543.
Якушкин, Иван Дмитриевич—368, 553, 566.
Ярмушев, Ефим Захарович — 114—116, 118, 126, 127, 179, 180, 186.
Ярмушева, Устинья — 115.
Ярополец, родовое именье Загряжских; Волоколамского уезда, Московской губернии — 391, 392, 394, 395, 421—423, 434.
Яссы, город — 461, 554.
Яцимирский, А. «Пушкин в Бессарабии». Статья — 481.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ОТ РЕДАКТОРА I
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ „ЛЕТОПИСЕЙ“ III

I. ТЕТРАДЬ ВСЕВОЛОЖСКОГО

Публикация Б. Томашевского.
Комментарии Б. Томашевского и М. Цявловского

I. ТЕКСТ ТЕТРАДИ ВСЕВОЛОЖСКОГО 1820 г. 3

II. ИСТОРИЯ ТЕТРАДИ ВСЕВОЛОЖСКОГО

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕТРАДИ 30
II. ОПИСАНИЕ ТЕТРАДИ 35

1. Внешний вид тетради 35
2. Работа Пушкина в 1825 г. 41
3. Комментарий к текстам 54
4. Участие Жуковского 72

III. СУДЬБА ТЕТРАДИ ВСЕВОЛОЖСКОГО С 1825 г. 76

II. ИЗ АРХИВА ПУШКИНА

Публикация и комментарии П. Попова

I. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ АРХИВ А. С. ПУШКИНА (по Нижегородским владениям)

1. Справка о владениях В. Л. Пушкина, С. Л. Пушкина и Е. Л. Сонцовой 86
2. Полюбовная сказка об отмежевании части Болдина В. Л. Пушкину 89
3. М. Е. Иванов — В. Л. Пушкину 92
4. Е. Гольцов — С. Л. Пушкину 93
5. М. И. Калашников — А. С. Пушкину с припиской О. М. Калашниковой 95
6. Болдинские крестьяне — А. С. Пушкину 100
7. М. И. Калашников — А. С. Пушкину 102
8. М. И. Калашников — А. С. Пушкину 104
9. М. И. Калашников — А. С. Пушкину 105
10. М. И. Калашников — А. С. Пушкину 107
11. М. И. Калашников — А. С. Пушкину 107
12. О. М. Ключарева — А. С. Пушкину 108
13. М. И. Калашников — А. С. Пушкину 109
14. Условие М. И. Калашникова с И. Ф. Черкасовым 110
15. М. И. Калашников — А. С. Пушкину 111
16. И. Ильин — М. И. Калашникову 111
17. Болдинские крестьяне — А. С. Пушкину 112
18. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину 116
19. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину 119
20. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину 120
21. М. И. Калашников — А. С. Пушкину 121
22. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину 123
23. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину 124
24. И. М. Пеньковский—С. Л. Пушкину 126

Стр.

25. Подворная опись . . . 127
26. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину . . . 137
27. М. И. Калашников — А. С. Пушкину . . . 139
28. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину . . . 140
29. Ведомость отправки оброков за 1833—1834 гг. . . . 141
30. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину . . . 143
31. И. М Пеньковский — С. Л. Пушкину . . . 144
32. М. И. Калашников — А. С. Пушкину . . . 146
33. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину . . . 146
34. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину . . . 148
35. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину . . . 150
36. Ведомость . . . 150
37. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину . . . 151
38. И. М. Пеньковский — С. Л. Пушкину . . . 152
39. М. И. Калашников — А. С. Пушкину . . . 153
40. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 154
41. Ведомость . . . 156
42. Ведомость оброчной суммы . . . 159
43. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 160
44. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 161
45. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 162
46. М. И. Калашников — А. С. Пушкину . . . 163
47. Расписка Опекунского совета . . . 164
48. Расчет долгов . . . 165
49. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 166
50. Болдинские крестьяне — А. С. Пушкину . . . 168
51. Кистеневские крестьяне — А. С. Пушкину . . . 170
52. П. Петров — А. С. Пушкину . . . 172
53. Счет П. Петрова . . . 173
54. Ведомость о денежных суммах села Болдина . . . 174
55. Ведомость . . . 175
56. Изобличенные воры . . . 179
57. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 180
58. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 181
59. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 183
60. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 184
61. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 185
62. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 187
63. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 189
64. И. М. Пеньковский — А. С. Пушкину . . . 190
65. М. И. Калашников — А. С. Пушкину . . . 192
66. Расчет дохода . . . 193

II. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

67. Билет [на проезд в Петербург А. Хохлова и А. Курочкина] . . . 195

III. ДОКУМЕНТЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПУШКИНЫМ ДЛЯ СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

68. [Копия донесения гр. Паскевича-Эриванского о взятии Арзрума] . . . 197
69. Указ Пугачева . . . 217
70. Указ Пугачева . . . 219

IV. СЕМЕЙНЫЕ БУМАГИ

71. Купчая В. И. Приклонского . . . 221
72. Поступная В. И. Приклонского . . . 222
73. Прошение старосты В. И. Чичерина . . . 223
74. Купчая В. И. Чичерина . . . 223
75. Выводная А. Т. Тютчеву на Аграфену Стемиславу . . . 224
76. Отпускная Анне Ляновой . . . 226
77. Дело Л. А. Пушкина о выдаче ему выписей на его недвижимые имения . . . 226
78. Сговорная на О. В. Чичерину . . . 227
79. Отпускная Анисьи Козминой . . . 247
80. Доношение и резолюция по делу О. А. Ганнибала о его женитьбе на У. Е. Толстой . . . 248
81. Копия с отказной книги на движимое и недвижимое имение Е. Л. Пушкиной . . . 249
82. Поступная Пушкиных . . . 251
83. Сговорная на Е. Л. Пушкину-Соппову . . . 272
84. Записка из дела о долгах на Калужском бывшем 1-й гильдии купце Иване Тиханове Усачеве и о привлечении к ответственности за оныя надворного советника Афанасия Николаева Гончарова . . . 273
. . . 275

Стр.

V. ДОКУМЕНТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ МИХАЙЛОВСКОГО

85. Описание владений О. А. Ганнибала по Опочецкому уезду . . . 279
86. Удостоверение Псковской палаты гражданского суда . . . 282
87. Свидетельство Псковской палаты гражданского суда . . . 284
88. [Определение Лужского уездного суда по делу о взыскании с Н. О. Пушкиной] . . . 285
89. Квитанция 1826г. 14 мая . . . 287
90. Квитанция 1826 г. 16 декабря . . . 287
91. Квитанция 1827 г. 21 апреля . . . 287
92. Квитанция 1828 г. 20 января . . . 288
93. Квитанция 1828 г. 11 февраля . . . 288
94. Квитанция 1828 г. 13 декабря . . . 288
95. Квитанция 1829 г. 10 апреля . . . 289
96. Квитанция 1829 г. 24 апреля . . . 289
97. Квитанция 1830 г. 12 февраля . . . 289
98. Квитанция 1830 г. 4 марта . . . 289
99. [Отношение Опочецкого предводителя дворянства псковскому губернатору о Н. О. Пушкиной] . . . 290
100. Ведомость по с. Михайловскому . . . 291

III. АВТОГРАФЫ ПУШКИНА

Публикация и комментарии Т. Зенгер, Н. Измайлова, Л. Модзалевского, М. Цявловского и А. Эфроса

I. СТИХИ

1. Молдавская песня . . . 295
2. [Зачем безвременную скуку] . . . 296
3. [Твоих признаний, жалоб нежных] . . . 298
4. [Целый день сидит супротив меня] . . . 298
5. Отрывок из повести „Домик в Коломне“ . . . 300
6. [Из наслаждений жизни] . . . 302
7. Гусар . . . 302
8. [Если жизнь тебя обманет] . . . 308

II. ПРОЗА

1. Замечания на статью М. П. Погодина „Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия“ . . . 309
2. Программа журнала . . . 309
3. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года . . . 311
4. Заметки по объяснению древне-русских слов . . . 320
5. Выписки из библии . . . 323

III. ПИСЬМА

1. Отрывок из письма к кн. П. А. Вяземскому . . . 326
2. Записка к М. Шимановской . . . 327
3. Записка к Н. В. Путяте . . . 332
4. Письмо к А. Н. Верстовскому . . . 333
5. Письмо к Д. Н. Блудову . . . 334
6. Письмо к П. А. Осиповой . . . 334
7. Записка к Н. В. Гоголю . . . 336
8. Записка к С. С. Хлюстину . . . 336
9. Записка к неизвестному . . . 337
10. История текста писем Пушкина к Геккерену . . . 338

IV. НАДПИСИ НА КНИГАХ

1. Вторая глава „Евгения Онегина“ . . . 358
2. „Полтава“ . . . 358
3. „Борис Годунов“ . . . 359
4. Атлас России 1745 г. . . . 359

V. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Клятвенное обещание . . . 361
2. Клятвенное обещание . . . 361
3. Расписка в получении жалованья . . . 361
4. Прошение об отпуске . . . 362

Стр.

5. Расписка в получении жалованья 362
6. Прошение об отпуске 362
7. Расписка в чтении указа о пожаловании в камер юнкеры 363
8. Прошение о выдаче отпускного свидетельства 363
9. Прошение об отпуске 363
10. Расписка в получении отпускного свидетельства 364

VI. РИСУНКИ

1. [Два автопортрета, Пестель, Рылеев, Веневитинов, Вяземский, Юшневский, Давыдов, Пальчиков] 365
2. [Грибоедов, набросок женской головы] 371
3. [Н. Н. Пушкина] 373
4. [Геральдическое украшение, юношеский автопортрет] 376

IV. ИЗ АРХИВА ГОНЧАРОВЫХ

Публикация и комментарии Д. Благого и Т. Волковой

I. ЖАЛОВАННАЯ НА ДВОРЯНСТВО ГРАМОТА РОДА ГОНЧАРОВЫХ 381

II. ИЗ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ ГОНЧАРОВЫХ

1. Н. А. Гончаров — неизвестному 396
2—30. А. Н. Гончаров — внукам 397
31. И. Н. Гончаров — А. Н. Гончарову 407
32. Д. Н. Гончаров — А. Н. Гончарову 407
33—34. Н. Н. Гончарова — А. Н. Гончарову 410
35. Д. Н. Гончаров — А. Н. Гончарову 411
36. А. С. Пушкин — А. Н. Гончарову 412
37. Н. Н. Пушкина — А. Н. Гончарову 415
38—39. С. Н. Гончаров — А. Н. Гончарову 418
40. А. Н. и Е. Н. Гончаровы — Д. Н. Гончарову 419
41—42. А. Н. Гончарова — Д. Н. Гончарову 421

III. НЕСКОЛЬКО ПИСЕМ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ГОНЧАРОВЫХ

1. В. А. Бибикова — Е. А. Новосильцевой 430
2. Н. А. Гончаров — Е. А. Новосильцевой 431
3. Н. А. Гончаров — А. Н. и Н. И. Гончаровым и Е. А. Новосильцевой 431
4. Н. А. Гончаров — А. Н. Гончарову 434
5. Н. И. Гончарова — А. Н. Гончарову 435
6. Д. Н. Гончаров — А. Н. Гончарову 436
7. Д. Н. Гончаров — А. Н. Гончарову 438

V. О ПУШКИНЕ

Публикация и комментарии М. Цявловского

I. ВОСПОМИНАНИЯ О. С. ПАВЛИЩЕВОИ 443

II. ЗАМЕЧАНИЕ ДЛЯ ГОСПОД ГУВЕРНЕРОВ, МОИХ СОТРУДНИКОВ ПО ЧАСТИ НРАВСТВЕННОЙ И УЧЕБНОЙ 465

III. ИЗ АРХИВА ЭНГЕЛЬГАРДТА

I. ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНУ 471
II. ПИСЬМА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА К Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТУ 472
III. ПИСЬМО КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА К А. И. БРЕЙТКОПФ 477

IV. ПИСЬМО Н. В. БЕРГА О „ДОМЕ ИНЗОВА“ 479

V. ПИСЬМО А. А. ШИШКОВА К С. Т. АКСАКОВУ 482

VI. ИЗ ПУШКИНИАНЫ П. И. БАРТЕНЕВА

Публикация и комментарии М. Цявловского

I. ТЕТРАДЬ 1850-х ГОДОВ 491

II. ИЗ ВОСПОМИНАНИИ И. П. ЛИПРАНДИ О ПУШКИНЕ 548

III. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 559

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОРТРЕТЫ ПУШКИНА И МЕМОРИАЛЬНЫЕ ВЕЩИ ИЗ СОБРАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Сообщение М. Беляева

1. Портрет Пушкина работы Ж. Вивьена 565
2. Портрет Пушкина работы П. Ф. Соколова 566
3. Портрет Пушкина работы К. Мазера 566
4. Гриф-сфинкс, подаренный Пушкиным А. А. Дельвигу 567
5. Перо Пушкина 568

СПИСОК, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ 570

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 572

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 573

В КНИГЕ 32 ИЛЛЮСТРАЦИИ ($1^3/_4$ п. л.)

№ 3504

Ответственный редактор *Влад. Бонч-Бруевич* Технич. редактор *Г. Н. Шевченко*

Корректор С. А. Меринг
Обложка А. А. Толоконникова
Сдано в набор 6/VII 1935 г.
Подписано к печати 25/IV 1936 г.
Уполном. Главлита Б 19224

Тир. 10 000 экз.
Формат бумаги $72\times110^1/_{16}$
В книге $38^5/_8$ печ. листов
Печ. знаков в печ. л. 71.700
Н. 152

Адрес редакции: Москва, Моховая, 6, тел. 4-28-51
Фототипии и четырехцветки отпечатаны в типографии Гознака
Книга и одноцветные автотипии отпечатаны в типо-литографии им. Воровского, ул. Дзержинского, 18.

План Пушкинского тома „Летописей“,
организация материала,
художественная редакция и оформление
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА

ЦЕНА 25 Р.
ПЕР. 3 Р.

Новосибирск НБ НГПУ
LIBRARY 1200424136